ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ

и

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

═

КНИГА 21-я.

═

МОСКВА.
1855.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

(Всѣ цѣны означены на серебро.)

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 Частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ Части, кромѣ 1-й, по 40 к., за каждую; за перес. по 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. *Часть первая,*—16 статей историческаго содерж. М. 1815 г.; Ц. 30 к., пер. за 2 ф.—*Часть вторая,* Памятники древняго Русскаго Права (Русская Правда); Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Ц. 75 к., пер. за 2 ф. — *Часть третья.* Слово о Плъку Игоревѣ, Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1844 г. Цѣна 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Густава Эверса для Россійской Исторіи; пер. съ Нѣм. М. П. *Погодина.* М. 1826 г. Ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА. Сочиненіе Петра *Кёппена;* переводъ *Средняго-Камашева.* М. 1828 г. Цѣна 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ. Соч. *Барона Розенкампфа.* М. 1829 г. Цѣна 1 руб., пересылка за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА, *находящіяся въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ.* Описаны и объяснены Ѳ. *Аделунгомъ,* съ Нѣмецкаго перевелъ П. *Артемовъ; съ рисунк.* М. 1834 г. Цѣна 1 р. 75 к., пересылка за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, *изд.* Князя М. А. *Оболенскаго.* М. 1836 г. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. П. *Погодинымъ.* М. 1837 г. Ц. 1 р., перес. 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. *Редакторъ Профессоръ М. П. Погодинъ.* М. 1837—1846 г. 7 Томовъ. Цѣна за каждый Томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, *въ трехъ томахъ,* заключающихъ въ себѣ болѣе 240 печатныхъ листовъ. М. 1838 — 1843 г., соч. Н. С. *Арцыбашева.* Цѣна за всѣ три тома 10 р., за перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, *въ двухъ томахъ,* изданныхъ подъ редакціею: Князя М. А. *Оболенскаго,* И. Н. *Даниловича,* М. П. *Погодина* и Д. Н. *Дубенскаго.* М. 1843 г. Цѣна 2 р., за пер. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червоной или ГАЛИЦКОЙ РУСИ (отъ водворенія Христіанства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго до конца XV столѣтія), соч. Дениса *Зубрицкаго;* пер. съ Польскаго *О. Бодянскаго.* М. 1845 г. Цѣна 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, глаголемая БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукописямъ и 2 печат. книгамъ *Г. И. Спасскимъ.* М. 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ; историч. изслѣдованіе *И. Д. Бѣляева.* М. 1846 г. Цѣна 50 коп., вѣсов. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. *Строевымъ;* со снимкомъ съ 1-го листа *Правды Русской* (Устава Ярослава), изъ Сборника на пергаменѣ, писанн. въ исходѣ XIV вѣка. М. 1845 г. Цѣна 1 р. 43 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ и ЛЕКЦІИ М. Погодина о Русской Исторіи. М. 1846 г., *томы:* 1, 2 и 3-й. Цѣна 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. *А. Ригельмана,* съ 19 рисунк. М. 1846 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. *А. Ригельмана,* съ 30 рисунк. М. 1847 г. Ц. 3 р., пер. за 4 ф.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, *В. Татищева,* книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. Ц. 2 р., пересылка за 4 фунта.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 18-го дня 1855 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О НѢКОТОРЫХЪ ГОДАХЪ

НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтопись св. Нестора до $\frac{6360}{852}$ года заключаетъ въ себѣ только введеніе въ отечественную исторію, которымъ онъ, такъ сказать, при-привязываетъ ее къ Исторіи византійской и слѣд. всемірной—*«откуду есть пошла Русская земля?»* Это введеніе начинается краткою космографіей по примѣру же Византійцевъ, и чрезъ нѣсколько словъ читаемъ имя родичей своихъ: *«въ Афетовѣ же части сѣдять Русь.»* Сколько славныхъ умовъ русскихъ и чужеземныхъ истощило всю ученость надъ повѣркою фактовъ, утвержденныхъ Несторомъ на этихъ десяти страницахъ! [1] Мы отсылаемъ любителей отечественнаго бытописанія къ статьямъ г. Бѣляева: *Русь предъ прибытіемъ Рюрика* [2], *Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною* [3], *Русь въ первые сто лѣтъ* [4] и др., гдѣ, кажется, ничего не опущено изъ вида: лѣтописи, саги, византійскіе источники, языкъ, монеты, новѣйшія изслѣдованія. Цѣль настоящей статьи одни годы св. Нестора, и при томъ не многіе: въ какой степени они достовѣрны?

---

[1] По изданію пр. Тимковскаго, М. 1824 (Лѣт. Нестор. по Др. Сп. Мниха Лаврентія).

[2] Временникъ Им. Об. Ист. и Древ. Р. 1850 г. Кн. 8.

[3] Тоже Кн. 14, 1852.

[4] Тоже Кн. 15, 1852.

Положивъ годъ $\frac{6360}{852}$, какъ число эпохи, съ которой начинается имя Руси, Несторъ проводитъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра до этого года, и съ него уже идетъ изъ года въ годъ до смерти Святополка Михаила, aпрѣля 16-го, $\frac{6621}{1113}$:

	какъ напечатано въ Полномъ Собраніи Русскихъ лѣтописей —	какъ читать должно —
отъ Адама до потопа	2242 [1]	2242
отъ потопа до Авраама	1082	1082
отъ Авраама до исхода Моисеева . . .	430	505
отъ исхода Моисеева до Давида	601	630
отъ Давида до плѣненія вавилонскаго.	448	448
отъ плѣненія вавилонск. до Александра.	318	268
отъ Александра до Рождества Христова.	333	333
	5454	5508.

Счетъ этихъ годовъ въ лаврентьевскомъ подлинникѣ испорченъ переписчикомъ; издатели при печатаніи текста дополнили пропуски на основаніи другихъ списковъ, служившихъ имъ варіантами. Тимковскій насчиталъ 18 годовъ лишнихъ, положивъ отъ сотворенія міра 5526 л., издатели полнаго списка 5454, т. е. ошиблись 54-мя годами, сосчитавъ ихъ менѣе противъ принятаго счисленія св. Несторомъ 5508: ибо, только къ этому числу прибавивъ 852, получимъ годъ отъ сотворенія міра, съ котораго онъ повелъ свое лѣтосчисленіе: 6360-й.

---

[1] Это по Библіи Александрійской; по нашей Славянской:

До рожденія Сиѳа Адамъ жилъ........................	230 л.
До рожденія Еноса жилъ Сиѳъ........................	205
До рожденія Каинана жилъ Еносъ.....................	190
До рожденія Малелеила жилъ Каинанъ.............	170
До рожденія Яреда жилъ Малелеилъ................	165
До Рожденія Еноха жилъ Яредъ.......................	162
До рожденія Маѳусала жилъ Енохъ..................	165
До рожденія Ламеха жилъ Маѳусалъ................	187
До рожденія Ноя жилъ Ламехъ........................	188
До потопа жилъ Ной..	600
Отъ С. М. до потопа..	2262 года.

Отъ потопа до рожденія Авраама греческій текстъ Библіи полагаетъ 1270 лѣтъ:

Симъ, бывши ста лѣтъ, имѣлъ Арфаксада			100	лѣтъ.
Кайнана имѣлъ Арфаксадъ, бывъ			135	—
Салу имѣлъ Кайнанъ,	—		130	—
Евера имѣлъ Сала, . .	—		130	—
Фалека — Еверъ, . .	—		134	—
Рагава — Фалекъ. . . .	—		130	—
Саруха — Рагавъ. . .	—		132	—
Нахора — Сарухъ . . .	—		130	—
Ѳарру — Нахоръ. . . .	—		179	—
Авраама — Ѳарра . . .	—		70	—
		Всего . . .	1270	лѣтъ [1].

Здѣсь Славянская библія отстаетъ отъ Греческой [2] 198 годами, потому что у Сима родился Арфаксадъ во второе лѣто по потопѣ; 98 лѣтъ прежней допотопной жизни Сима не слѣдуетъ числить. Равно какъ Славянская библія отъ жизни Нахора откидываетъ, по уважительной причинѣ, сто лѣтъ, считая 79 лѣтъ, вм. 179. Слѣдовательно отъ потопа до рожденія Авраама 1072 [3]; почему лѣтописецъ прибавилъ 10 лѣтъ лишнихъ, слѣдуя ли хронографамъ, рѣшить трудно.

Отъ (рожденія) Авраама до исхожденія Моисеева сколько лѣтъ, въ лаврентьевскомъ подлинникѣ не было означено; Тимковскій полагаетъ 502 года, у издателей всего списка 430 лѣтъ: которое изъ этихъ двухъ чиселъ достовѣрнѣе? Въ обоихъ показаніяхъ есть доля правды. Отъ призванія Авраама до исхода точно 430 лѣтъ (Исх. гл. 12, къ Галат. гл. 3). Іаковъ вступилъ въ землю Фараона, 215 лѣтъ спустя послѣ призванія Авраама, и столькоже лѣтъ Евреи пробыли

---

[1] Столько полагаетъ греческій списокъ Синодальный, см. Чт. въ Имп. Общ. и Др. Рос. статью кн. М. А. Оболенскаго объ Амартолѣ № 4, 1846.

[2] Vetus Testam. Graecum juxta exemplar Vaticanum, Lipsiae 1824. (Быт. гл. 11, 24).

[3] Зейффартъ, пр. Лейпцигскій, возстановлявшій лѣтосчисленіе по Еврейскому алфавиту, полагаетъ это число отъ Потопа до Авраама, а отъ С. М. до Р. Х. 5708 л. Онъ слѣдовалъ, кажется, въ лѣтосчисленіи Никифору, Патріарху Константинопольскому (умершему въ 828 году), который считалъ отъ С. М. до Р. Х. 5700 л. (см. Ж. М. Н. П. 1843, № 1.).

въ Египтѣ (см. L' Art de vérif. les dates). Къ этимъ числамъ надобно придать 75 лѣтъ жизни Авраама до призванія: 430+75=505.

Отъ исхода до Давида въ подлинникѣ и въ изданіяхъ 601 годъ, у Кирика 630 лѣтъ, такъ и должно быть. Вѣроятно Лаврентій прочелъ ХА, вм. ХЛ, именно: 40 лѣтъ странствовали Евреи по Аравійской пустынѣ, 27 лѣтъ управлялъ Іисусъ Навинъ народомъ Божіимъ (по L' Art vérif. les dates), 30 лѣтъ Іуда съ старцами (по Кедрину), 8 лѣтъ иго Хусарсаѳема, 485 лѣтъ до Саула—періодъ судей съ пятью порабощеніями, и 40 лѣтъ царствованія Саула [1].

«*Отъ Давида* (у Кирика: отъ начала царства Соломона) *до плѣненія Ерусалима* (вавилонскаго) *лѣтъ 448*». Отъ Давида до 3-го года царствованія Еліакима (за 606 л.) періодъ заключаетъ въ себѣ 449 лѣтъ, 1055—606 по свѣтской исторіи. Св. Несторъ разумѣлъ здѣсь первое порабощеніе и плѣненіе, когда Навуходоносоръ, посланный отцемъ своимъ Набополассаромъ, поработилъ сперва Іоакима (Еліакима, Кн. 4 Цар. гл. 24 ст. 1) взялъ потомъ Іерусалимъ, ограбилъ храмъ, оковалъ сына Еліакимова Іехонію и отвелъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ 10

---

[1] .... Гоѳоніилъ правилъ.................... 40 лѣтъ.

Рабство Еглона	18	—
Аодъ	80	—
Плѣнъ ханаанскій	20	—
Деворра иВаракъ	40	—
Плѣнъ Мадіанскій	7	—
Гедеонъ	40	—
Авимелехъ	3	—
Ѳола	23	—
Іаиръ	22	—
Иго Филистимлянъ	18	—
Іеѳѳай	6	—
Ессевонъ	7	—
Еглонъ	10	—
Авдонъ	8	—
Рабство Филистимлянъ	40	—
Самсонъ	20	—
Илій	40	—
Междуцарствіе	20	—
Самуилъ (до Саула)	23	—

всего........... 485 лѣтъ. (См. Лѣтопис. св. Димитрія Ростовскаго).

тысячъ Евреевъ (4 Царствъ гл. 24, 14). Отъ начала царствованія Давида до смерти Соломона 78 лѣтъ (по L'Art de vérif. les dates), отъ Ровоама до Еліакима по Библіи 371 годъ:

Ровоамъ	царствовалъ	17	лѣтъ
Авія	—	3	—
Асса	—	41	—
Іосафатъ	—	25	л.
Іорамъ	—	8	—
Охозія	—	1	—
Гоѳолія	—	6	—
Іоасъ	—	40	—
Амессія	—	29	—
Озія (Азарія)	—	52	—
Іоаѳамъ	—	16	—
Ахазъ	—	16	—
Езекія	—	29	—
Манассія	—	55	—
Амонъ	—	2	—
Іосія	—	31	—
	всего	371	года (Кн. 3 и 4 Царствъ).

«Отъ плѣненья до Ѡлександра лѣтъ 318». У Кирика этотъ періодъ до смерти Александра продолжается 260 лѣтъ; это достовѣрнѣе. Прибавивъ къ этимъ числамъ 8[1] лѣтъ (разность между истинною эрою, которой

[1] По свидѣтельству архидіакона Павла Алеппскаго, бывшаго въ Россіи съ Патріархомъ Макаріемъ въ 1667 г. (см. The Travels of Macarius Patriarch of Antioch, London, 1836), вопросъ, откуда взялись 8 лѣтъ, прикладываемые къ годамъ Р. Х. 5500 г., занималъ нашихъ предковъ. Павелъ не могъ отвѣчать калужскому воеводѣ, предложившему эту задачу ему для рѣшенія.» Въ послѣдствіи, прибавляетъ архидіаконъ, мы удостовѣрились по древнимъ греческимъ книгамъ, что воплощеніе Христово было въ 5508 году». Константинопольская эра, которую принимаетъ Грекороссійская церковь, собственно есть эра Александрійская исправленная; это объясняютъ такъ: Александрійцы (Юлій Африканскій) ошибочно годъ міра 5503 отнесли къ 774 году Олимпіадъ; тогда какъ Католики первымъ годомъ Рождества Христова почитаютъ 777 годъ Олимпіадъ, слѣд. тутъ Александрійцы отставали 3 годами. Для нихъ 284 по Р. Х. (эра мучениковъ) былъ 287, тогда какъ Католики считали его 284-мъ. Въ этомъ году Александрійцы сдѣлали другую реформу въ своемъ календарѣ: они годъ міра, отвѣ-

слѣдовалъ Кирикъ — 5500 лѣтъ и принятою 5508), получимъ 268 л. несогласіе въ 50 годахъ. По Исторіи плѣнъ Евреевъ былъ за 606 до Р. Х., исключа изъ этого числа 333 года *для* періода отъ Александра, въ остаткѣ будемъ имѣть 273 года, пять лѣтъ лишнихъ, изъ которыхъ 3 года слѣдовало бы отнести къ царствованію Александра въ слѣдующій періодъ, и два года возвратить въ прежній періодъ Еліакимова царствованія. Впрочемъ, кажется, лѣтописецъ Несторъ или скорѣе его переписчики слѣдовали въ показаніи чиселъ періода русскимъ хронографамъ, которые считаютъ отъ Кира до смерти Дарія Кодомана 246 лѣтъ (съ мѣсяцами); прибавя къ этому счету 70 лѣтъ плѣна и 2 года царствованія Еліакима (ибо въ 3-е лѣто его правленія было порабощеніе Іерусалима, съ коего считали Евреи настоящій плѣнъ свой), невключенные Лаврентіемъ въ предъидущій періодъ, будемъ имѣть дѣйствительно 318 лѣтъ. Но тогда 6360 годъ отъ С. М. не будетъ 852 годомъ отъ Р. Х., и потому должны принять число періода 268 съ большею достовѣрностію.

По Кедрину	Киръ царствовалъ	32 года.
	Камбизъ.	18
	Смердисъ (7 мѣс.)	
	Дарій Истаспъ	30
	Ксерксъ.	28
	А. Долгорукій	41
	Дарій Наѳосъ	19
	Ксерксъ II, (2 мѣс.)	
	Согдіанъ (8 мѣс.)	
	А. Мнемонъ.	40
	А. Охъ	26
	Арсесъ	4
	Дарій Кодоманъ	6 лѣтъ.
	ок.	246. (см. Лѣт. св. Димит.)

«*Отъ Александра до Р. Х. 333 года*»

Александръ царствовалъ послѣ Исскаго дѣла. . . . . 10 лѣтъ.

чающій эрѣ мучениковъ 5787, стали считать 5777, и слѣд. еще отстали 6 годами. Константинопольцы, чтобъ возвратить время къ принятой эрѣ, прибавили къ 5500 г., 8 лѣтъ, и 5509 годъ сталъ у нихъ отвѣчать 1-му году Р. Х. Александрійцы выкинули изъ бытія міра около 10 лѣтъ, Константинопольцы ихъ возвратили.

Птоломей Лагъ	40 лѣтъ.
П. Фидаделфъ	38
П. Евергетъ.	25
— Филопаторъ.	17
— Эпифанъ.	23
— Филометоръ.	36
— Фисконъ.	28
— Латуръ	36
— Авлетъ	30
— Діонисій и Клеопатра . . .	22
— Августъ Императоръ. . . .	28
всего . . .	333.

Счетъ по русскимъ хронографамъ даетъ менѣе удовлетворительныя числа, напр. 311 лѣтъ для этого періода.

«*Отъ Рожества Христова до Костяньтина царя лѣтъ Ѕ13*» (Константиновы индикты); «*отъ Костянтина же до Михаила сею лѣтъ 542*». Въ послѣднемъ періодѣ включены 3 года лишнихъ; читать надобно 539 лѣтъ; оба періода дадутъ 852 года отъ Р. Х. или 6360-й годъ отъ сотворенія міра, съ котораго Несторъ начинаетъ свою лѣтопись.

Теперь поставлю годы такъ, какъ они слѣдовали отъ сотворенія міра.

	У Нестора:	*У Кирика*[1].	*По греческой хроникѣ*[2].
Отъ Адама до потопа	2242	2242	2042
Отъ потопа до Авраама	3324 (т. е. 2242+1082)	3324	3312
Отъ Авраама до исхода	3829 (т. е. 3324+ 505)	3829	3821
Отъ исхода до Давида	4459 (т. е. 3829+ 630)	4459	4470
Отъ Давида до плѣненія Вав. .	4907 (т. е. 4459+ 448)	4907	5029
Отъ Плѣненія до Александра. .	5175 (т. е. 4907+ 268)	5168	5188
Отъ Александра до Р. Х. . . .	5508 (т. е. 5175+ 333)	5500	5500
Отъ Р. Х. до Константина . . .	5821 (т. е. 5508+ 313)[3]	5500+321	—
Отъ Константина до Михаила III.	6360 (т. е. 3821+ 539)	5500+860	—

---

[1] О Кириковомъ вычисленіи XII в. см. Чт. въ Им. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 6.

[2] Помѣщена въ Чт. Им. Общ. Ист. и Др. Росс. 1846 г. въ 4 №.

[3] У Кирика отъ Р. Х. до Конст. 312.

«А Ѡтъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ѡлгова, рускаго Князя, лѣтъ 29», т. е. съ 6360 по 6389, когда Олегъ сдѣлался В. Кн. Кіевскимъ. Ниже у Нестора смерть Рюрика отнесена къ $\frac{6387}{879}$; слѣд. лѣтописецъ два года $\frac{6387}{879}$ и $\frac{6388\text{-й}}{880}$ отчислилъ къ предъидущему княженію, и третій годъ правленія Олегова считалъ первымъ. *«Ѡтъ перваго лѣта Ѡлгова, рускаго Князя, понеже сѣдѣ въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева 31»* это вѣрно. Игорь началъ Княжить съ $\frac{6420}{912}$.

«Ѡтъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣтъ 13.» Описка; слѣдовала бы поставить 33 года, какъ это значится ниже въ той же лаврентьевской лѣтописи по годомъ $\frac{6453}{945}$. Но историкъ долженъ задуматься при этой опискѣ. Лѣтопись Несторова на историческомъ ходѣ своемъ подвергалась не одной редакціи; вѣроятно, Василій и Сильвестръ не списали ее только, но повѣрили въ ней годы съ византійскими, и сдѣлали мѣстами вставки: 13 лѣтъ всего княженія игорева не есть ли подлинное показаніе Нестора, ускользнувшее отъ вниманія исправителей? Отъ чего въ княженіи Игоря семнадцати-лѣтній пропускъ съ 924 по 941-й годы? Самое рожденіе Святослава въ концѣ княженія Игоря, когда онъ былъ женатъ слишкомъ 40 лѣтъ, подозрительно. Съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, ежели примемъ свидѣтельство лѣтописца Переяславля Суздальскаго (Врем. И. М. Общ. Ист. и Др. Р. стр. 35 кн. 9, 1851), что св. Владиміръ жилъ 73 г., или показаніе другихъ лѣтописцевъ, что онъ умеръ 63 лѣтъ, то ему надобно родиться по первому свидѣтельству въ 942 году, когда только родился отецъ его Святославъ, или въ 952 по другому указанію, когда онъ былъ дѣтескъ (отрокомъ)? Это и другія лѣтописныя подробности заставляютъ желать, чтобы послѣдніе года Игоревы гораздо ближе были поставлены къ первымъ годамъ его княженія. Ростовскій лѣтописецъ относитъ рожденіе Святослава къ 920-мъ году (см. Карамз. т. I, пр. 365), Ипатьевскій, Хлѣбниковскій и Воскресенскій къ 942 году, Карамзинъ къ 933 [1], Г. Бѣляевъ къ 939. Есть указанія у Лѣтописцевъ, что Игорь готовился къ походу на грековъ еще въ 921 году (см. Карамз.

---

[1] Томъ I. пр. 365 Карамзинъ замѣчаетъ: въ годъ Игоревой смерти Святославу могло быть лѣтъ 12 (945—12=933). У лѣтописца Переяславля Суздальск. Ольга находила приличнымъ прежде замужства совершить тризну

т. I, пр. 341). Принявши, что Игорь умеръ въ 925 году, живъ съ св. Ольгою 22 года, мы привели бы въ согласіе всѣ историческія данныя. Ольга, родясь по крайней мѣрѣ въ 889 году, должна остаться тридцати-пяти-лѣтнею вдовою; тогда князь Малъ могъ къ ней свататься и видѣть сны, что мнимая его невѣста *«дааше ему пръты многоцѣньны, червены, вси жемчюгомъ исаждены и одѣяла чръны* (чръмны?) *съ зелеными узоры»*, а Ольга требовать у Мала пословъ *«тѣшать ея сердце рожделенное.»* Тогда бы Святославъ сталъ княжить съ матерью съ 926 по 972, сорокъ шесть лѣтъ, (живъ всего 52 года), Ольга могла бы креститься въ Царѣградѣ въ 946 [1] году (или въ 957, и 963), въ 956 году (6464), по выраженію лѣтописи, Святославъ вырости и возмужать, (родясь въ 921 году), могъ жениться и имѣть дѣтей. Но, принявши этотъ счетъ, должно отвергнуть довѣріе, ежели не къ св. Нестору, который правъ, такъ къ его исправителямъ. Вся поправка въ лѣтописи: поставить на мѣстѣ $\frac{6454\text{-го}}{946}$ года годъ $\frac{6434}{928}$, а на мѣстѣ $\frac{6455}{947}$ годъ $\frac{6435}{927}$, и отнести слова: *«Князю Святославу възрастшю и възмужавшю»* и пр. не къ 6472 году, какъ принято, а къ 6464. Но какъ управиться съ годами Игоревыхъ походовъ въ Сицилію (935) и на грековъ? Здѣсь у лѣтописцевъ на сторонѣ вся византійская хроника, принятая нашими историками за несомнѣнную! Неполнота исторіи у грековъ, замѣченная Байеромъ, съ 813 до 956, не доказываетъ еще ошибочности ея хронологіи.

Договоровъ съ греками у св. Нестора три: первый Олеговъ, заключенный въ 911 г., второй Игоревъ безъ означенія года, третій Святославовъ 971 г. Замѣчательно, что они, какъ нарочно, размѣщены почти въ 30 годахъ на разстояніи одинъ отъ другаго. Всѣ три договора начинаются одною общею формулой: Олеговъ — *«равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхже царѣхъ Лва и Александра*, Игоревъ — *«равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, Христолюбивыхъ владыкъ»*, Святославовъ: *«равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмь Князи Рустѣмь и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ (Θеофилѣ) Синкелѣ и*

на могилѣ Игоря, *«чтобы сыну моему добро было видѣти.»* Это было въ томъ же году, когда убили Игоря. Слѣдовательно Святославъ тогда былъ въ такомъ возрастѣ, когда понимаютъ приличія.

[1] Вѣрнѣе въ 957, ибо Константинъ упоминаетъ о внукахъ своихъ; см. статью г. Бѣляева: Русь въ первые сто лѣтъ, стр. 153.

к Ивану Цѣмискию, царю Гречьскому въ Дерестрѣ, мѣсяца Июля. Индикта 14-го, 6479[1] *г.*» Олеговъ и Святославовъ трактаты стоятъ на своемъ мѣстѣ и въ своихъ годахъ, Игоревъ, какъ видѣли, безъ числа и значится у Нестора подъ лѣтописнымъ годомъ $\frac{6453}{945}$, а по гражданскому мартовскому и январскому счету подъ 944-мъ[2]. Подлинная хартія ратификована прежде въ Константинополѣ, гдѣ русскіе послы водили къ присягѣ[3] императоровъ: возможно ли это, чтобы государственный актъ, такъ торжественно съ обѣихъ сторонъ утвержденный клятвою, не имѣлъ года и числа? Скажутъ, годъ утратился, все могло быть; но нельзя же и не подозрѣвать, что дата грамоты была выкинута редакторами не безъ умысла, и актъ, хотя и подлинный, вставленъ послѣ, чѣмъ объясняется противорѣчіе года съ событіями.

Романъ Лекапинъ, тесть Константина Багрянороднаго, царствовалъ въ Греціи съ 919-го (6427 по Нестору), и не давалъ никакой власти зятю; слѣд. договоръ Игоревъ можетъ быть относимъ ко всѣмъ годамъ его правленія по 944 годъ включительно. Лѣтописецъ, сводившій византійскіе годы съ нашими, нашелъ лучшимъ допустить семнадцатилѣтнюю пустоту въ княженіи Игоря и поставилъ договоръ въ слѣдъ за его походами. Левъ Грамматикъ, Кедринъ, Зонара, Симеонъ Логоѳетъ, Георгій Мнихъ, Эльмакинъ, арабскій писатель 14 вѣка, и Ліутпрандъ, епископъ кремонскій свидѣтельствуютъ, что руссы подходили къ Царюграду въ 941 году, разбиты и бѣжали назадъ въ свое отечество. Трудно отвести отъ нашей исторіи тучу свидѣтельствъ о годѣ похода! Сдѣлаемъ только замѣчаніе на одинъ

---

[1] Несправедливо новѣйшіе изслѣдователи наводятъ читателей на мысль, что эти совѣщанія предполагаютъ особые договоры, будто бы погибшіе для исторіи, которые св. Несторъ не ввелъ въ свое лѣтописаніе. Эти совѣщанія были предварительные переговоры пословъ, съ той и другой стороны, бывшіе прежде составленія письменнаго трактата, что видно изъ повторенія однихъ и тѣхъ словъ въ заглавіи договоровъ. Такъ думалъ и Карамзинъ. (См. его И. Г. Р.)

[2] Г. Кругъ доказалъ (см. Карамз. Т. I, изд. 1-е, въ прибавл. стр. 510), что Романъ, при коемъ заключенъ договоръ, сверженъ съ престола въ декабрѣ по церковному счисленію въ 945, а по нашему въ 944.

[3] Греческія послы говорили Игорю: «*твои сли водили суть царѣ наши ротѣ*;» слѣд. присланъ изъ Греціи не проектъ договора.

изъ этихъ авторитетовъ. Изъ нихъ важнѣйшій Ліутпрандъ, умершій, по Шлецеру, около 968 года. Онъ самъ былъ въ Константинополѣ въ 946 году, почти въ то самое время, когда былъ заключенъ договоръ, и русскіе послы возвращались въ Россію; но при всемъ томъ этотъ свидѣтель наводитъ какое-то сомнѣніе, утверждая, что слышалъ отъ своего вотчима самовидца, какимъ образомъ въ Царѣградѣ казнили многихъ Игоревыхъ воиновъ, послѣ того, какъ «gentis Russorum rex Inger, collectis mille et amplius navibus Constantinopolim venit.» Разсказываютъ ли такъ о современномъ событіи? Вотчимъ можетъ быть старше пасынка цѣлымъ поколѣніемъ: для чего Ліутпранду ссылаться на показаніе другаго и хвалить его правдивость въ сказаніи о событіи, въ которомъ могъ онъ удостовѣриться отъ всякаго константинопольца? Выходитъ, что современный писатель Игорю говоритъ о походѣ его, какъ бы о происшествіи, задолго до него случившемся, приводя *длинные* разсказы вотчима: «ad Romanum imperatorem missus vitricus meus, vir gravitate ornatus, qualiter hic imperator Russis vicerit, eum audivi *saepius* dicere.» Послѣ этого нельзя говорить, что у Нестора слова: *«отъ перваго лѣта Игорева до 1-го лѣта Святославля 13 лѣтъ»* есть грубая ошибка писца; желательно, чтобъ это было такъ; но византійскіе хроники здѣсь рѣшительно торжествуютъ, ежели мы ихъ вѣрно поняли.

«А Ѿтъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28:» съ $\frac{6453}{946}$ по $\frac{6481}{973}$, вѣрно, какъ принято всѣми нашими историками.

«А Ярополкъ Княжи лѣтъ 8; а Володимеръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмже Ѿтъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85.» Если Владиміръ Княжилъ 37 лѣтъ, какъ вычислялъ св. Несторъ, значитъ онъ взошелъ на престолъ въ $\frac{6486}{678}$, а не въ $\frac{9488}{980}$, какъ приняли; Ярополкъ княжилъ 6 лѣтъ, пошелъ на Олега въ $\frac{6484}{976}$, а не въ $\frac{6485}{977}$; Владиміръ женился на Рогнѣдѣ прежде 978, и, до 980, имѣлъ отъ нея Изяслава, Мстислава (старшаго) и Ярослава. Ярославъ, будучи 10-ти лѣтъ, получилъ въ удѣлъ Новгородъ, гдѣ до 1016 года, когда овладѣлъ Кіевомъ, княжилъ 28 лѣтъ, какъ говоритъ тотъ же св. Несторъ. Изъ этой выкладки лѣтописца открывается, что онъ происшествія въ статьяхъ своихъ, означенныхъ подъ многими годами, не всегда относилъ къ одному послѣднему году. Такъ два года, въ которые воевалъ Владиміръ съ братомъ, приданы къ 35 годамъ Владимірова княженія; правленіе Святополка почти уничтожено, и годы его княженія прибавлены къ годамъ княженія

Ярослава съ $\frac{6524}{1016}$, (когда занялъ въ первый разъ Кіевъ) по 1054: Святополкъ княжилъ едва ли годъ.

«*Отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60*,» т. е. съ 1054 по 1114 годъ, но исключительно, ибо въ строгомъ смыслѣ съ февраля 19-го, когда умеръ Ярославъ 1054, по 16-е апрѣля, 1113 (годъ смерти Святополка II), собственно 69 лѣтъ и мѣсяцъ.

Обращусь теперь къ годамъ рожденія первыхъ Князей русскихъ. Полагаютъ, когда въ 912 году умеръ Олегъ, Игорю было около 35 лѣтъ; въ 903 году, имѣя около двадцати шести лѣтъ отроду, онъ женился на Ольгѣ и только въ послѣдніе годы своей жизни, бывъ шестидесяти-пяти-лѣтнимъ старикомъ около 942 года видѣлъ рожденіе Святослава. Въ 946 году Святославъ, будучи четырехъ лѣтъ, могъ уже сидѣть на конѣ и починать битвы. Въ 970 году дѣти его могли править областями: вѣроятно ли все это, спрашиваетъ Карамзинъ (Т. I, пр. 365)? . . . Несообразность годовъ съ событіями еще болѣе даютъ чувствовать ихъ обстоятельства. Въ 968, когда Святославу исполнилось 26 лѣтъ, могъ ли онъ имѣть сына въ такомъ возрастѣ, чтобы помышлять о его женитьбѣ? . . . Несторъ и въ этомъ правѣе насъ; онъ говоритъ о малолѣтствѣ Игоря по смерти отца: «*бѣ дѣтескъ вельми*,» а о возрастѣ Святослава просто: «*бѣ дѣтескъ*» — справедливо ли мы заключили изъ этихъ словъ лѣтописца, что Игорь и Святославъ оставались оба послѣ отцовъ своихъ сиротами въ одинаковыхъ лѣтахъ? Чтобъ согласить годы, по вѣроятію, со сказаніемъ Нестора, Карамзинъ, какъ мы замѣтили выше, положилъ рожденіе Святослава въ 933 году, и что Ольга, слѣдовательно, имѣла его, будучи сама не менѣе 44 лѣтъ. Годы такъ придутся:

Игорь родился около	. . .	877	г.
Ольга родилась	— . . .	889	—
Святославъ —	— . . .	933	—
Ярополкъ —	— . . .	951	—
Владиміръ —	— . . .	952	—
Святополкъ —	— . . .	977	—
Изяславъ (отъ Рогнѣды)	.	977	—
Мстиславъ —	— . . .	978	—
Ярославъ —	— . . .	979	—

Примемъ теперь свидѣтельство лѣтописца Переяславля Суздальскаго, что Владиміръ святый жилъ 73 г. (стр. 35) то этотъ счетъ разстроится; Владиміръ тогда долженъ родиться въ 942 году, какъ выше замѣчено, когда отцу его было около 9 лѣтъ.

Возьмемъ, какъ принято всѣми, что Святославъ родился въ 942 году по Ипатьевскому, Хлѣбниковскому и Воскресенскому спискамъ, а Владиміръ I умеръ 63 лѣтъ: тогда должны —

Игорь родиться около		877,
Святославъ	— —	942,
Ярополкъ	— —	951,
Олегъ	— —	952,
Владиміръ тоже		952,
Изяславъ отъ Рогнѣды		977,
Ярославъ I		979.

Получимъ, что Святославъ имѣлъ дѣтей на 9-мъ году или 10-мъ, а онъ возмужалъ только по Нестору въ $\frac{6472}{964}$, т. е. когда ему исполнилось 22 года.

Допустимъ еще счетъ, предположивъ тоже, что Святославъ родился въ 942, но Владиміръ умеръ 53-хъ лѣтъ (вопреки лѣтописцамъ). Въ 960 году Святославъ, будучи 18 лѣтъ, долженъ имѣть Ярополка, которому въ 970 году, во время раздѣленія Россіи на удѣлы, исполнилось 10 лѣтъ, и Святославъ за два года до этого выбралъ ему невѣсту, которая и воспитывалась при дворѣ (такъ протолкуемъ слова Нестора: *«и вда ю за Ярополка*) до совершеннолѣтія жениха, Въ 978 г., когда Ярополку было 18 лѣтъ, онъ на ней женился. Владиміръ долженъ быть моложе его, по крайней мѣрѣ годомъ. разнясь съ Олегомъ днями; въ 970 г. Владиміру было 9 лѣтъ, когда онъ уѣхалъ съ Добрынею въ Новгородъ, въ 977 г. онъ былъ по 17 году, и родился ему Изяславъ, на 18 Мстиславъ, на 19 Ярославъ. Годы такъ распредѣлятся:

Святославъ род. . . .	942
Ярополкъ р. ок. . .	960
Олегъ	961
Владиміръ	961
Изяславъ	977
Ярославъ	979.

Съ такою раскладкою уничтожаются 10 лѣтъ жизни Владиміра. Позволительно ли дѣлать это историку? Остается утвердить мнѣніе Карамзина, что Святославъ род. ок. 933, Владиміръ род. 952 года. Въ показаніи годовъ рожденія прочихъ Князей, потомковъ старыхъ Князей, историкъ не затруднится: Владиміръ, сынъ Ярослава р. 1020 г., Изяславъ I 1025 г., Святославъ 1027, Всеволодъ I р. 1030, Вячеславъ р.

1033, Игорь, отецъ клеветника Давида, р. 1036, Святополкъ II р. 1050, Влад. Мономахъ р. 1052, Мстиславъ, сынъ его, р. 1076 и пр.

Коснусь за тѣмъ хронологіи нашей. Пасхальное вычисленіе годовъ раскладывалось у насъ или по одному вруцѣлѣтію, отъ весны до весны, или по двумъ отъ осени до осени. Несторъ слѣдовалъ первому, и указалъ намъ самый моментъ, съ котораго начиналось его мартовское лѣтосчисленіе. Въ лѣтописи, подъ годомъ $\frac{6384}{876}$ онъ говоритъ: *«скончася великій кругъ,»* т. е. 12-й индиктіонъ; это было 28-го февраля въ четвергъ простаго по мартовскому счисленію 876-го года, слѣд. съ 1-го марта въ пятницу, 877-го года пошелъ индиктіонъ 13-й. Принявши $\frac{6360}{852}$ первымъ годомъ, съ котораго началъ вести свое счисленіе годовъ съ марта, св. Несторъ долженъ былъ 6 мѣсяцевъ, ему предшествовавшіе, отчислить къ 851-мъ году, къ его воскресной буквѣ (вруцѣлѣтію), и слѣдовательно сдѣлать этотъ послѣдній годъ високоснымъ, вопреки нашему нынѣшнему пасхальному лѣтописанію по двумъ вруцѣлѣтіямъ. Такъ, напр. въ 911-й мартовскій годъ 1-го вруцѣлѣтія, въ который заключенъ Олеговъ договоръ съ греками, 1-е марта было въ пятницу, сентября 8 въ воскресенье; ежели бы 911-й годъ былъ простымъ, то въ слѣдующій 912-й годъ 1-е марта не начиналось бы съ воскресенья, 1-е сентября со вторника и 11-е мая, когда умеръ Левъ VI—философъ, императоръ греческій, съ понедѣльника (см. Карамз. Т. I, пр. 317). Слѣдуетъ изъ этого, что въ Несторовомъ мартовскомъ счисленіи годовъ нынѣшній високосный годъ былъ простымъ, и годъ, ему предшествовавшій, состоялъ изъ 366 дней. То же было бы у насъ, ежели бы свои мѣсяцы январь и февраль относили мы къ предъидущему году, цифрою менѣе послѣдующаго.

Гражданскій счетъ годовъ съ марта и церковный по индиктамъ съ сентября велись рядомъ, т. е. въ одно время народомъ и церковью, и это было причиною сбивчивости, что счисленіе годовъ у иныхъ лѣтописцевъ мартовское, т. е. 6 мѣсяцевъ, предшествующіе марту, цифрою меньше послѣдующаго года, а у другихъ равно. Отъ этого произошло, что въ церковномъ счетѣ отъ индикта до индикта, т. е. отъ сентября до сентября, годы високосные приходились тѣже, какъ и у насъ нынѣ. Такъ, напр. Раковорская битва была 18 февраля въ субботу сыропустную $\frac{6776}{1268}$ по сентябрскому вруцѣлѣтію 6-му, но пасха праздновалась по 7-му вруцѣлѣтію 8-го апрѣля—Р, когда только начинался гражданскій 1268-й годъ: счетъ тутъ ве-

день церковный: 6 мѣсяцевъ, предшествовавшіе этому году, не отнесены къ 1267-му году къ своей вруцѣлѣтней буквѣ. Батый сдѣлалъ первый приступъ ко Владиміру (на Клязьмѣ) февраля 7-е въ воскресенье мясопустное $\frac{6745}{1237}$. По счету церковному это должно быть въ 1238-мъ году вруцѣлѣтія 4-го; пасха апрѣля 4-го, М.; ошибки нѣтъ: но здѣсь, напротивъ, предъидущіе марту 6 мѣсяцевъ причислены къ предъидущему году по своему вруцѣлѣтію 3-му, цифрою меньше, т. е. къ 1237 году по счету гражданскому. Такъ св. Несторъ относилъ къ одному мартовскому году кончину Владиміра и убіеніе Бориса и Глѣба іюля 15 въ пятницу, 24 іюля въ воскресенье и 5-е сентября въ понедѣльникъ къ $\frac{6523}{1015}$.

Счисленіе мартовское перешло къ намъ отъ Болгаръ; въ ихъ лѣтописяхъ читаемъ $\frac{6414}{906}$ года индиктъ 10: *«въ се оубо лѣто успе рабъ Божій сего Князя Семеона отецъ Борисъ мѣсяца мая въ 2-й день субботній вечеръ.»* Здѣсь суббота 2-го мая не принадлежитъ къ году 906, потому что его индиктъ число 9; но такъ какъ при 906-мъ годѣ выставленъ индиктъ десятый, т. е. слѣдующаго года, значитъ недѣленый день суббота мая 2-го принадлежитъ къ этому наступавшему году, и Борисъ умеръ 2-го мая въ субботу $\frac{6415}{907}$ года. Повидимому, Болгарскіе хронологи вели годы мартовскіе, и не путали ихъ съ сентябрскими, но означали эти послѣдніе индиктами при годахъ мартовскихъ.

Ни въ которомъ счисленіи годовъ съ марта, или съ сентября, или съ января мѣсяцъ мартъ не можетъ разниться ни во вруцѣлѣтіи, ни въ счетѣ съ цифрою текущаго года: въ мартовскомъ онъ будетъ первымъ, въ январскомъ третьимъ, а въ сентябрскомъ седьмымъ одного и того же года: условія пасхальныя останутся тѣже. Такъ, напр. мартъ 1853 года, положимъ, будетъ первымъ мѣсяцемъ года, тогда вруцѣлѣтіе его 3-е, кругъ луны 8, пасха 19-го апр, ѕ.; этотъ же мѣсяцъ въ нашемъ январскомъ порядкѣ года 1853 есть 3-й мѣсяцъ, и въ церковномъ 1853 г. съ сентября 7-мъ; вруцѣлѣтіе, кругъ луны и пасха все тѣже.

Скажутъ, поправка забытыхъ[1] двадцати четырехъ строкъ Несторовой лѣтописи (по изданію Тимковскаго, стран. 11) не важна для

---

[1] М. П. Погодинъ упомянулъ о нихъ въ своемъ «Несторѣ» (стр. 164). Онъ называетъ это указаніе годовъ «хронологическою таблицею, взятою изъ неизвѣстной еще греческой лѣтописи Болгарскимъ переводчикомъ, можетъ

историка; этому счету св. Нестора не слѣдовалъ ни одинъ изъ нашихъ бытописателей: но этѣ строки стоятъ въ главѣ нашей хронографіи, и на нихъ, какъ на основаніи, утвержденъ русскій счетъ годовъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова. Тутъ есть и особый взглядъ самаго св. лѣтописца на княженія нашихъ первыхъ государей, взглядъ, приличный благочестію и духу его времени. Такъ, напримѣръ, Несторъ выкидываетъ почти совсѣмъ изъ своей лѣтописи княженіе Святополка Окаяннаго и непосредственно послѣ смерти святаго Владиміра въ 1015-мъ году начинаетъ считать съ слѣдующаго 1016-го лѣта годы княженія Ярослава I-го: «*а Ярославъ княжи лѣтъ* 40.» Иностранцы, читающіе наши изданія, сочтутъ невѣжествомъ съ нашей стороны, когда мы, не подвергнувъ критикѣ ошибки писцовъ, и не обсудивъ мнимыя противорѣчія въ лѣтописяхъ, начнемъ ихъ выпускать въ свѣтъ съ именемъ св. Нестора, лѣтописца русскаго, котораго чтеніе давно оправдано безсмертными Шлецеромъ, положившимъ основаніе нашему историческому Обществу, и Карамзинымъ.

Д. Чл. Д. Дубенскій.

быть, продолженіе Никифорова Хронографа.» Здѣсь предлагается изслѣдованіе о ней съ такою цѣлію, съ какою св. Несторъ приводитъ годы отъ Адама до Михаила III въ своемъ лѣтописаньи, т. е. «*Ѡтселе почнемъ и числа положимъ.*» Откуда взялъ числа свои Несторъ, это другой вопросъ: Церковь наша слѣдовала эрѣ константинопольской, принятой греческою церквію. Кн. М. А. Оболенскій въ статьѣ въ своей о Греч. кодексѣ Георгія Амартола (Чтенія въ И. М. Общ. И. и Др. Р. 1846 № 4) говоритъ (стр. 85) объ этомъ же мѣстѣ Лаврентьевской Лѣтописи, называя его основою Несторова лѣтосчисленія: слѣд. вопросъ о хронологической таблицѣ Несторовой есть вопросъ чисто византійскій.

СИНОДИКЪ ЦАРЯ БОРИСА.

РУКОПИСЬ XIV ВѢКА.

═

Исторія древней Болгарской письменности, закончившая кругъ своей дѣятельности вмѣстѣ съ паденіемъ Болгарскаго царства при Борисѣ и Романѣ Петровичахъ, внукахъ царя Симеона, естественнымъ образомъ могла также начать свое возрожденіе вмѣстѣ съ политическимъ возрожденіемъ Болгаріи въ концѣ XII вѣка. Литературный застой этотъ продолжавшійся около двухъ столѣтій, т. е. съ конца X до конца XII в. органичивался впрочемъ однимъ застоемъ въ литературѣ народной. Духовная же литература Болгаръ, имѣя свое убѣжище въ монастыряхъ, продолжала, хотя и не съ прежнею дѣятельностью, свое существованіе; но языкъ народный, языкъ общественной жизни выражавшійся въ грамотахъ, проповѣдяхъ и другихъ государственныхъ актахъ, вмѣстѣ съ подпаденіемъ Болгаръ подъ власть В. Р. Имперіи долженъ былъ уступить мѣсто языку Греческому. Вмѣстѣ съ второю династіей Болгарскихъ Царей стали появляться и письменные памятники на языкѣ отечественномъ. Случай еще не открылъ намъ ни одного листка, который бы относился по времени Асѣня I и Іоанна I. Болгарская грамота, напечатанная во II т. извѣстій II отдѣленія Имп. Академіи наукъ, приписанная Шафарикомъ Асѣню I достаточно объяснена, — (и доказано, что она относится по времеми Асѣня II. Но у насъ подъ рукой есть па-

мятникъ, который цѣлымъ царствованіемъ древнѣе этой грамоты, и если послѣдняя объясняетъ намъ нѣкоторыя формы Болгарскаго языка XIII в. и разливаетъ нѣкоторый свѣтъ на географическое и топографическое положеніе Болгаріи этого времени, то предлагаемыя выписки сей вновь найденной рукописи, важны не только для политической, но и для церковной исторіи Болгаръ XIII и XIV вѣка.

Рукопись эта найдена нѣсколько лѣтъ назадъ въ Терновѣ и сообщена мнѣ Н. Хр. Палоузовымъ. Она писана на лощеной бумагѣ, въ 6-ю долю листа, уставомъ. Почеркъ руки XIV ст. Рукопись содержитъ въ себѣ Соборникъ или Синодикъ читаемый въ недѣлю Православія: онъ былъ переведенъ съ Греческаго языка по повелѣнію царя Бориса II или Борила царствовавшаго съ 1207 по 1217 г. изъ содержанія рукописи мы увидимъ, что причина перевода этого Соборника на Болгарскій языкъ и введенія его въ церковь Болгарскую былъ обличительный соборъ на ересь богомиловъ, собранный въ 1210 г. въ Терновѣ. Первый отдѣлъ рукописи, кончающійся славословіемъ ц. Борису можно почитать современнымъ самому собору, но переписаннымъ позднѣе, въ XIV в. Слѣдующія за тѣмъ статьи, какъ-то: исторія обновленія Болгарскаго патріаршества, поминовеніе царицъ Болгарскихъ, перечень Патріарховъ Прѣславскихъ и Патріарховъ Терновскихъ, перечень Митрополій и Митрополитовъ Болгарской земли въ XIII—XIV в.,—все это, относясь къ позднѣйшимъ царствованіямъ послѣ Бориса, было прибавлено переписчикомъ Соборника, чтобы свѣтлыми дѣяніями царей Болгарскихъ на утвержденіе Православія и возвеличеніе царства увѣковѣчить славу Болгарского рода въ позднѣйшихъ потомкахъ.

Недостатокъ первыхъ страницъ рукописи лишаетъ насъ возможности узнать полное ея заглавіе. Отъ 1 до 25 листа съ перерывами въ разныхъ мѣстахъ, идетъ рядъ тѣхъ отдѣльныхъ вѣрованій и ученій проклинаемыхъ Православною церьковью, которыя старались посѣять въ Болгарской землѣ послѣдователи разныхъ сектъ. Здѣсь рядомъ съ богохульнымъ ученіемъ Манихейцевъ, встрѣчаемъ нѣкоторыя вѣрованія Массаліанъ и Богомиловъ. Рядомъ съ именами безумныхъ сѣятелей лжеученія, встрѣчаемъ и имена поборниковъ Православія, царей и царицъ Византійскихъ и благочестивыхъ пастырей церкви, силившихся очистить истинное Христово ученіе отъ ложныхъ толкованій.

Борьба свѣтлой мысли съ темнымъ ученіемъ еретиковъ началась въ Болгаріи, какъ увидимъ изъ представляемой выписки Соборника ц. Бориса, не ранѣе какъ въ началѣ XIII в. Но этотъ вопросъ, очистить Болгарскую церковь отъ Богомиловъ, которые въ эпоху Бориса начали брать значительный перевѣсъ и сильно распространяться, является уже вопросомъ государственнымъ, разрѣшеннымъ общимъ соборомъ, созваннымъ по повелѣнію Царя. Впрочемъ потребность очистить Православное ученіе отъ лжеученія еретиковъ гораздо древнѣе этого собора. Іоаннъ Ерзархъ и Пресвитеръ Козьма ясно высказывали эту потребность еще тогда, когда Болгарія только что входила въ рядъ Христіанскихъ державъ юго-востока Европы [1]. Но прежде нежели представимъ выписку изъ сохранившагося памятника болгарской старины, мы намѣрены предпослать ей нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, которыя объяснили бы намъ, какимъ путемъ и при какихъ обстоятельствахъ вошли въ новообращенную болгарскую церковь еретическія ученія, порожденныя на востокѣ.

Обращеніе Болгаръ въ Христіанскую Вѣру, начатое крещеніемъ Князя Бориса и его семейства, не было обращеніемъ всенароднымъ, и изъ историческихъ свидѣтельствъ мы видимъ, какихъ трудовъ стоило Борису, если не въ народѣ, то по крайней мѣрѣ, въ своей семьѣ утвердить спасительное ученіе Вѣры Христовой. Язычники, упорно отстаивавшіе ложное ученіе своихъ предковъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ І. Екзарха, были довольно значительны. Къ этому обстоятельству присоединялась и борьба между Римскимъ престоломъ и Константинопольскимъ Патріархомъ, борьба, начатая папою Николаемъ I съ Патріархомъ Фотіемъ за низложеннаго Игнатія, и окончившаяся раздѣломъ церквей. Извѣстно, какую роль играла Болгарія во время этихъ религіозныхъ споровъ. На соборѣ 867 г. рѣшено было, что новонасажденная церковь Болгаріи будетъ подчинена цареградскому патріаршему престолу. Нѣтъ сомнѣнія, что среди этихъ споровъ Грековъ и Римлянъ за Болгарію, около 868 г. явились въ эту страну первые послѣдователи Павликіанъ, вышедшіе изъ Арменіи для распространенія своего ученія среди на-

---

[1] Первый въ четвертомъ словѣ Шестоднева: *да ся срамляютъ убо вси погибени и скверны Манихеи и вси погани Словени* (язычники) *и вси языцы зловерніи.* Другой въ словахъ своихъ: *на еретики...* Ркпс. Москов. Духовн. Академіи.

рода, неокрѣпнувшаго еще въ истинныхъ правилахъ Христіанской Вѣры [2]. Но не одни Павликіане стремились въ Болгарію для распространенія своего дуалистическаго ученія. Сектаторы являлись одни за другими, и страна эта представлялась имъ свободнымъ поприщемъ, нетронутой почвой, гдѣ легко прививались ложныя понятія о Вѣрѣ, перенесенныя сюда съ востока разными послѣдователями отступниковъ Православія. Изъ инструкцій, посланныхъ въ Болгарію еще при Борисѣ папою Николаемъ I, и изъ объяснительныхъ отвѣтовъ сего послѣдняго на извѣстные 106 вопросовъ Кн. Бориса [3], мы видимъ, что когда вѣсть объ обращеніи Болгарскаго Князя и его двора распространилась на востокѣ и западѣ, ревностные последователи противныхъ истинному Христіанству ученій со всѣхъ сторонъ хлынули на Болгарію. Въ числѣ ихъ находилось множество Армянъ и Грековъ: одни были послѣдователями Павликіанъ, другіе — распространителями ученій Массаліанъ и Манихейцевъ. Во время тѣсныхъ сношеній съ Римскимъ престоломъ, Борисъ не преминулъ сообщить папѣ Николаю I объ этомъ обстоятельствѣ. «Вы пишите,—отвѣчалъ папа,—«что Христіане разныхъ странъ, Греки, «Армяне и др. явились къ вамъ проповѣдуя Христіанство каждый «по своимъ понятіямъ. . . .» [4] этого довольно, что бы показать, когда стали появляться въ Болгаріи разныя секты, слившіяся въ послѣдствіи въ одну извѣстную подъ именемъ Богомиловъ.

Другое обстоятельство, еще болѣе развившее еретическія ученія разныхъ сектаторовъ не только въ Болгаріи, но и между другими Славянскими племенами, — заключалось въ постоянномъ стремленіи папъ запретить богослуженіе на языкѣ народномъ. Св. Кириллъ и Меѳодій, проповѣдуя Болгарамъ и Моравамъ божественное ученіе

---

[2] Petrus Siculus. *Hist. Manicheorum*. ed. Gieseler. Götting. 1846. in. 4° Свидѣтельство Петра Сицилійскаго, который узналъ объ этомъ обстоятельствѣ отъ самихъ Павликіанъ во время пребыванія своего въ Тефрикѣ, (868 — 869)— изложено въ его письмѣ къ Архіепископу Болгарскому, которому сообщаетъ онъ, что Павликіане, намѣрены послать въ Болгарію проповѣдниковъ своего ученія, чтобы отвратать нѣкоторыхъ отъ Православія и заразить своею ересью.

[3] Labbei. t. VIII. p. 516,

[4] Отвѣты и объясненія на 106 вопросовъ. Labb. t. VIII.

на языкѣ, имъ понятномъ, легче и свободнѣе могли распространить его между ними. Славянское богослуженіе распространялось съ неимовѣрной быстротой среди народовъ, которымъ высокія истины проповѣдуемой религіи были излагаемы роднымъ словомъ. Храмы множились въ землѣ Моравской, въ Болгаріи и Панноніи. Но въ этой послѣдней области, заключавшей въ себѣ, между прочимъ, Славонію, южную Венгрію, Штирію и Карніолію, находилось нѣсколько Славянскихъ общинъ, которыя были обращены въ Христіанство прежде проповѣди Св. Кирилла и Меѳодія. Общины эти принадлежали къ управленію епископовъ Зальцбургскаго и Пассаускаго, и богослуженіе ихъ отправлялось на языкѣ Латинскомъ [5]. Въ эпоху появленія славянскихъ первоучителей, Славяне этихъ странъ, увлеченные роднымъ словомъ, отложились отъ чуждаго имъ духовенства, чтобы пристать къ новымъ проповѣдникамъ. Извѣстна борьба, которую должны были выдержать наши первоучители съ Латино-Германскимъ духовенствомъ. Только послѣ смерти Меѳодія ученики Славянскихъ апостоловъ принуждены были оставить Моравію и найти себѣ убѣжище въ Болгаріи, гдѣ Славянское богослуженіе было уже установлено. Запрещеніе, которое папа Іоаннъ X наложилъ на Епископовъ, употреблявшихъ Славянскій языкъ во время богослуженія, было возобновлено Ок. 925 г. на соборѣ Сплетскомъ (Спалатро въ Долмаціи). [6] Это самое запрещеніе было объявлено и Чехамъ Іоанномъ XIII, который, полагая основаніе Пражскому Епископству, изгналъ *болгарское* или *славянское* богослуженіе, замѣняя его Латинскимъ [7].

Гоненіе, поднятое католическимъ духовенствомъ на Славянскую литургію, естественнымъ образомъ нашло сильную оппозицію въ послѣдователяхъ Православія. Славянское богослуженіе, вытесненное изъ Моравіи, Панноніи, Далмаціи и Чехіи, держалось однакожь, хоть и тайно, во многихъ мѣстахъ, и этимъ самимъ способствовало къ развитію ученія, совершенно противнаго тому, какое силою навязывали имъ католическіе монахи. Монастыри больше все-

---

[5] Добровскій. Cyrill und Method. Praga, 1823 p. 87 segg.

[6] Farlati. Illyria Sacra. t. III. p. 91 segg.

[7] Johannis XIII epist. ad Boleslaum, у Добнера: Hageki annales Bohemiae illustrati. Praga. 1761. t. IV p. 164 подъ годомъ 967.

го ограждали себя, отъ всякихъ сношеній съ Римомъ. Между этими монастырями были и такіе, которые прекративъ всякое общеніе съ Греческою церковью и удаляясь съ другой стороны отъ сношенія съ Римскою, оставленные на собственный произволъ уединенной жизни, не могли оградить себя отъ еретическихъ ученій, появившихся въ Болгаріи. Распространяемыя на языкѣ народномъ, вытѣсненномъ Римскимъ духовенствомъ изъ Паннонія и Моравія, еретическія ученія эти легко находили себѣ адептовъ среди народа, не вполнѣ еще утвержденнаго въ истинныхъ правиламъ Христіанской Вѣры. Притомъ же Болгаре, принявшіе Христіанство, не вдругъ могли отстать отъ заблужденій язычества, и, долго еще послѣ ихъ обращенія, проповѣдники всѣми силами старались искоренить эти обычаи.[8] Извѣстно, что цареградскій соборъ 869 г. запретилъ Славянамъ во Ѳракіи и Македоніи исполненіе языческихъ обрядовъ, отъ которыхъ они, по старой привычкѣ не могли еще отстать[9]. Среди этихъ обстоятельствъ, среди этого броженія умовъ, поднятаго вмѣшательствомъ Рима въ религіозныя дѣла Болгаріи, появилась ересь, которая вмѣстѣ съ началомъ X в. распространялась почти паралельно и съ одинаковою быстротой съ какого распространялось и Христіанство. Ересь эта, извѣстная подъ именемъ богомиловъ, соединила въ себѣ и дуализмъ внесенный въ Болгарію Павликіанами и строгій аскетизмъ Манихейцевъ, существовавшій уже въ нѣкоторыхъ Болгаро-Греческихъ монастыряхъ[10].

Выше мы замѣтили, что еще І. Екзархъ и Пресвитеръ Козьма чувствовали необходимость очистить Православную церьковь Болгаріи отъ еретическихъ ученій. Но стремленіе этихъ пастырей, сколько извѣстно, ограничивалось одною обличительною проповѣдью, и толь-

---

[8] Кромѣ свидѣтельства Г. Екзарха и словъ Пресв. Козьмы (см. выше прим. 1) въ Соборникѣ Ц. Бориса читаемъ на 14 л. слѣд. Иже їоуніа мца кд днь на рожьство Іѡанна цртаа творащи кльшвенїа. и плодовькльченїа. и слнка къ та нощь скврънаа творѧть таинства ѝ єллинстѣи слоужбѣ подобна: анаѳема.

[9] Уставомъ LXII. Трульскаго Собора. См. Mansi, Conciliarum collectio nova. t. XI. pag. 987. Срв. также Шафарика Slov. Staroz. t. II. 86, въ отд. Славянъ Болгарскихъ.

[10] Schmidt. Hist. et doctrine de la secte de Cathares ou Albigeois. Paris, 1849, t. I pag. 8.

ко столѣтіемъ позже, когда Богомилы проникли въ самый Константинополь, гражданскія власти не замедлили и съ своей стороны приложить старанія къ прекращенію этой ереси. Алексѣй Комнинъ, открывшій ея существованіе въ Цареградѣ всячески старался обратить послѣдователей этой секты къ Православію. Василій врачь, глава секты, упорно защищавшій ученіе Богомила, былъ торжественно сожженъ въ 1110. г. Остальные же Богомилы, или снова обратились къ Православію, или разсѣялись по разнымъ направленіямъ юго-востока [11]. Нѣтъ сомнѣнія, что церьковь Константинопольская не ограничилась однимъ этимъ гоненіемъ, потому что вскорѣ послѣ того архіепископъ Охридскій Іоаннъ присутствовалъ на двухъ соборахъ въ цареградѣ собранныхъ также противъ богомиловъ; [12] на первомъ въ 1140 г. въ Патріаршество Льва Стипіота, гдѣ были осуждены сочиненія Константина Хрисомаха, заразившагося ученіемъ Богомиловъ, и въ другой разъ въ 1143 г. гдѣ были осуждены двое Епископовъ какъ послѣдователи этой ереси [13].

Размноженіе этой ереси въ Болгаріи обратило наконецъ внимаманіе Царя Бориса II, царствовавшаго съ 1207 по 1217 г. Любопытныя подробности, вписанныя въ *Соборникъ*, составленный по этому случаю въ Терновѣ, начинаются съ 24 листа; но, къ сожалѣнія, первыя страницы, подобно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ рукописи, затеряны.

?(дꙋш)кынымь желаніемъ раждегса, посла събрати ихь по въсеи ѡбласти своеи ꙗкоже нѣкиа плѣвелы въ снѡпы. и повелѣ сънитися съборꙋ. съшедшим же са оубо архїереомъ въсѣмь. свщенникѡмъ же и инокѡм. еще же и въсѣмь болѣромь и множьство много проѵего народа. ꙗко оубо сихъ въсѣхь сьшедшихса оувѣдѣвь црь, абіе съ свѣтлож багрѣницеж изшедъ, сѣде въ иже тогда едином ѿ великыхь

[11] См. Anna Cmn. iu Alex. Также, Euthymius Zygadenus, Narratio de Bogomilis, изд· Гизехера, Götting. 1842.

[12] Іоаннъ этотъ, IV-й по имени по Каталогу Охридскихъ Архіепископовъ— Лекіенъ, Oriens Christ t. II. назывался мірски Адріаномъ и былъ сыномъ Исаака Комнина. Въ Охриду онъ явился ок. 1141 г.

[13] Срв. L'art de vérifièr les dates Paris, 1818, t. III. ad ann. 1140, 1143.

цр̑ковь. и съборꙋ сѫдоу и сѫдоу прѣсѣдѧщоу, повелѣ привести неꙋьстїа сѧтелѧ. и не абїе тѣмь напрасно ꙁапрѣти, нѫ съ великоѫ хытрѡстїѫ тѣхь оулови. рекь тѣмь въсѣкь страхъ ѿ себе ѿринѫти и съ дръꙁновенїемъ глати хоулное тѣ оучение. Ѻни же оуловити цр҃ѣ и иже съ нимь сказашѧ подробноу въсѧ ꙁлославнѧѫ ихь ересь. Цр҃ь же и иже съ нимь мѫдрыми въпросы тѣмь на многѣ ѿвѣтоваѫщимь ѿ бжвныихъ писанїи дондеже обличишѧ ꙁлославное тѣхь мѫдрованїе. они же ꙗко же рыбы беꙁгласны стоѫще, недоумѣнїемь ѿ въсѫдоу съдръжими бѣхѫ. блгочьстивыи же цр҃ь сихь посрамлены до конца видѣвъ и дїавола падшаса и низложена ха же велиуаема, радости испльниса. и повелѣ тѣ блюсти и тѣхь иже ѿ нихь прѣльщеныхь. ꙗко оубо ѡни сїа видѣшѧ, пакы притекошѧ къ съборнѣи цр҃кви. а иже непокоришѧса православномꙋ съборꙋ прѣдани бышѧ раꙁличнымь каꙁнемь и ꙁатоученїоу. И по семь повелѣ блгочьстивыи цр҃ь Борись прѣписати съборникъ ѿ грьчьскаго на блъгарскыи свои ѧꙁыкь. и повелѣнїемь его и стыи съборъ съ въписань бы въ православныхь съборы ꙗко да проучтаетса въ прѣвѫѫ недѣлѫ стыхь пѡ, ꙗко же стїи ѡци иꙁначала съборнѣ и аплъстѣи цр҃квы прѣдашѧ. прѣжде бо цр҃тва его никто же инь сътвори православныи сьи съборъ. Сїа же бѣ въсѣ сътворишѧса. и повелѣна бышѧ ѿ блгочьстиваго цр҃ѣ Борила влѣ ҂з х иі. їндиктїон дї. лоуны аі. лѣ. слнчнаго крѫга лѣ еі. мца февруарїа аі въ днь пато сыропостнои недѣли [14]. И сїа въсѣ добрѣ оурядивь православныи нашь цр҃ь. и скончавь съборъ и вьниде въ цр҃ковь и благодаривъ ба ѿпоусти когождо въ своа, вечнаа моу памат: г.

Тръклатаго Богомила. и михаила оученика его. и Ѳеѡдора. и добрѣ. и стефана. и василїа. и петра. и прочаа еговы оученикы и единомѫдрьникы. иже Хво въплъщенїе привидѣнїе быти бладивши, а

---

[14] Въ 6718 ст. м. (1210), индикта Луны, 11, Лѣта Солн. Круга 15, Февраля 11.—На 26 о. съ верху прибавлено киноварью: при се цри прѣписань бы сьи синоди ѿ грьчьска на блъгарскыи,

не ѿ стыа и прчистыа блцa нашa бцa плъть прiать, сихь въсѣхь анаѳема.

Въсѣмь архiереѡмь. и еппѡ. и сщенникѡмь и инѡкѡмь. и въсѣмь болѣрѡмъ блъгарскымъ съшедшiимса съ црем борилѡмь на тръкклатѫ сiѫ ерс и инзложившiимь тѫ. п вѣчна. г.

Въ слѣдъ за обличительнымъ соборомъ на богомиловъ слѣдуетъ въ нашей рукописи съ л. 27 по 30 въ высшей степени важное для исторiи болгарской церкви сказанiе обновленiе Терновскаго Патрiаршества при Iоаннѣ II Асѣнѣ, царствовавшемъ съ 1217—1241 г. Желанiе этого государя обновить въ Болгарiи патрiаршество не нашло никакого сопротивленiя ни со стороны Императора Iоанна Дуки Ватаци, ни со стороны четырехъ Вселенскихъ Патрiарховъ. Это объясняется политическимъ положенiемъ Болгарiи при I. Асѣнѣ и общими интересами Болгаръ и Грековъ, находившихся въ союзѣ противъ поработителей Цареграда, Латиновъ.

Iѡаннь асѣнь црь великыи и благоуьстивыи снъ стараго асѣнѣ црѣ [15]. иже многѫ любовь имѣѫ къ боу. прославивь и просвѣти блъгарское цртво паче въсѣх црен блъгарскыихь бывшiих прѣжде его. иже монастырa създа и оукрасивь велми златомь и бисромь, и каменеи многоцѣннымь. и въса стыѫ и бжтвныѫ цркви, многыми дарами одарвь. и свободѫ чистѫ на нихь обьавивь. и въсѣмь сщенничьскыи чинь. архiереѫ. iереѫ. и дiакѡны, многыми чьстми почьть. пачеже възыскавь съ многымь желанiемъ, обновивь патрiаршьство блъгарскаго цртва. тѣмже оубо обновленiе сице бы.

Прѣосщенныи въселенскыи патрiархь германъ [16]. блговоленiемь

---

[15] Востановитель Болгарскаго царства (съ 1186—1196).

[16] Германъ съ 1221—1239 въ Никеѣ, куда по случаю занятiя Цареграда Латинами перенесенъ былъ Патрiаршiй престолъ. Окт. 1226 Германъ открылъ въ Никеѣ множество Богомиловъ, и проповѣди его показываютъ, съ какимъ рвенiемъ этотъ святитель преслѣдовалъ ихъ. См. у Грецера: *Opera omnia theologica*. Ratisb. 1738. in-fol. t. XII. *Oratio de exalt. crucis*, De Jmagin. restit, и слово — *κατὰ Βογόμιλων*.

бжїемь и многымь поспѣшенїемь хрїстолюбиваго їωанна, асѣнѣ великаго црѣ сна стараго асѣнѣ. съ прωчїими патрїархы братїѧ своѧ. Аѳанасїе въсеосщенныи патрїархь їерлмоу. хвѣхъ стртен. и въскрсенїа его. црквe стѫѫ сїонь мтре въсѣмь цркъвамь и въсеѧ палестины. Сумеωнь въсеосщенныи патрїархь. антїохїѧ бжїа града и въсеѧ сурїѧ. Нїколае въсеосщенныи патрїархь алеѯандрїѧ и въсего Егупта [17].

Сим оубо въсеосщенныимь патрїархωмь. писанїа иремишимь посланаа къ нимь ѿ благоуьстиваго црѣ гръуьскаго калоїωанна, доуки, сице писано [18]. Самодръжавное црство наше мола и бѫда ѿуьство ваше. да бисте не празно сътворили нашего прошенїа къ вамь. нѫ рѫкописанїе ваше положивше и послали моемоу црствоу. на осщенїе по ωбщюмоу намь и вашемоу съвѣщанїоу. еже нарещи и даровати равнаго вамь степене патрїарьшьскаго трънова града цркви. възнесенїа хва мтре црквамь блъгарскаго царства. Ѯане и хртолюбивыи црь блъгарскыи їωаннь асѣнь. брать црства ми и сватъ [19]. ѿ нашего же црства и вашего ѿуьства стго, то желаеть велми даровати са црствоу егωвоу.

Тѣмь оубо прѣосщенныимь патрїархомь та писанїа проуьтши, ꙗко добрѣ съвѣть томоу быти иѯволишѧ. и къждо их свое рѫкописанїе вѣдашѧ посланнымь ѿ црѣ къ нимь. такожде же и германѹ писашѧ сице рекѫще. Германоу въселенскомоу патрїархоу братоу нашемоу ра-

[17] Имена двухъ Вселенскихъ Патріарховъ—Аѳанасія Іерусалимскаго и Симеона Антіохійскаго мы не могли найти въ справочныхъ словаряхъ. Касательно Патріарха Николая Александрійскаго, какъ современника Герману Никейскому (Константинопольскому), то онъ показанъ подъ 1210—1223. Срв. L'art de verifier les dates, les faits historiques ect. Paris. T. III и IV. Впрочемъ ни годъ его возвращенія на Патр. престолъ, ни годъ смерти не показаны.

[18] Іоаннъ Дука Ватаци царств. въ Никеѣ съ 1222—1255. Сближеніе Іоанна Асѣня съ Никейскимъ дворомъ случилось въ 1226 г.

[19] Дочь І. Асѣня, Елена, рожденная отъ Маріи Княжны Венгерской вышла за сына Ватаци, Ѳеодора Ласкаря, который наслѣдовалъ Никейскій престолъ въ 1255 г.

довлатися. пріѧхѡ тобоѫ намь посланаа, ꙗко добрѣ съвѣть тѡ пріемше. даемь ржкописаніе свѣдѣтельства нашего твоеи любви. твори же ꙗко годѣ бы намь. и вашемоу ѡ҃ѣчьствоу, ꙗко власть ны вѧщьшаго сѧдаміа.

Сіа же въсприемь цр҃ь грьчьскыи съ патріархомь. събравь въсего цртва своего мітрополиты же и архіепкпы. и епкпы и въсе чьстных мнихы архімандриты же и игоумены. такожде же и хр҃толюбивыи іѡаннъ асѣнь цр҃ь блъгаромь. въсего цртва своего. митрополиты же и архіепкпы. епіскопы же и въсе чьстных мнихы стыѫ горы. събравса съ въсточнымь цр҃емь калоіѡанномъ, на понтьстѣмь мори. мѫжа блгоговѣина и ста дѣлы и житіемь постничьскы въсіавша. іѡакима прѣже освщенаго архіепкпа, нарекошѧ его патріарха, не тъкмо словомь. нѫ и ржкописаніемь германа патріарха. и въсѣхь епкпъ въсточныихь ржкописаніе свое положивше. въ сигили печатлѣвше, въдашѧ блгочьстивомоу цр҃ю, и патріархоу новосщенномоу тогда іѡакимоу въ вѣчное поминаніе не ѡемлемо.

Сего ради оубо въсемь православни въписахѡ сіа. на оувѣдѣніе послоушающихь и въ памать блъгарскомоу родоу.

Семоу іѡанноу асѣню великомоу и блгочьстивомоу цр҃ю въсѣмь блъгаромь, вѣчнаа моу памѧ:

Калиманоу блговѣрномоу цр҃ю. и михаилоу братоу его. Ѳамари и еленѣ дѣтемь блгочьстивымь великаго цр҃ѣ асѣнѣ, вѣчнаа нимь памать:[20]

Алеѯандроу севастократороу братоу великаго цр҃ѣ асѣнѣ. и стрѣзю севастократороу. и славоу деспотю, вѣчнаа нимь . . . .[21]

---

[20] Калоианъ родился отъ первой жены I. Асѣня, дочери Венгр. Короля Андрея II и ум. въ 1245; Михаилъ же род. отъ второй жены Асѣня, дочери Ѳедора Ангела. Для большей ясности родословія дома Асѣней *см. *Ростиславъ Михайловичъ*, *Рус. удѣл. Князь на Дунаѣ въ XIII в.* въ Ж. Мин. Нар. Пр. Ч. LXXI. Отд. II. и приложенную къ этой статьѣ Генеалог. таблицу.

[21] Александръ севастократоръ сынъ Асѣня I, былъ неизвѣстно гдѣ, правите-

Кωнстантїноу бл҃гоуьстивомꙋ и православномоу цр҃ю нашемоу. . .[22]

Слѣдовавшія за тѣмъ страницы рукописи, на которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, были записаны имена царей и высшихъ сановниковъ болгарскихъ — вырваны. Сохраненіе ихъ послужило бы большимъ пособіемъ для объясненія генеалогіи болгарскихъ династовъ, запутанной византійскими лѣтописцами. Въ половину сохранившійся 30-й л. рукописи содержитъ въ себѣ слѣдующія имена нѣкоторыхъ сановниковъ времени царя Іоанна Александря:

Мωнахоу сїлвестрꙋ. иже бы҃ епикерни великаго цр҃ѣ іωанна але-ѯаи҃ра. вѣчнаа памѧ҃:

Монахоу Θеωосїоу. иже бы҃ протосева҃ великаго цр҃ѣ іωанна але-ѯаи҃ра. вѣна:

Протокелїотиноу продакоу, вѣчнаа:

Протокелїωтиноу прїиѯдѣ. и воеводѣ балдю, иже оубіени бышѧ ѯа вѣры гн҃а своего, вѣчнаа памѧ҃:

Цамблакоу великомоу примикюрю, вѣ҃:

Великомоу воеводѣ константиноу, иже Θеодоуль наречень бы҃ въ въ минишьскомь ωбраѯѣ, вѣчнаа памѧ҃:

л. 32 и 33.

Цр҃цѧ блъгарскыѧ.

Еленѣ новѣи и бл҃гоуьстивѣи царици мт҃ери великаго цр҃ѣ іωаннѧ асѣнѣ. въѯемшои на сѧ аг҃гелскыи ωбраѯь нареченѣи еугеии, вѣчнаа память:

Аннѣ цр҃ци нарѣченѣи аннсїа, и дроуѯѣи аннѣ бл҃гоуьстивѣи цр҃ци хр҃толюбиваго цр҃ѣ асѣнѣ. и иринѣ бл҃гоуьстивѣи мт҃ри хр҃толюбиваго цр҃ѣ михаила. нареченнѣи въ минишьскомъ обраѯѣ ѯении, вѣчнаа памѧ҃:

лемъ области. Сынъ его Каломанъ, убившій двоюроднаго своего брата Михаила Іоанновича, былъ изгнанъ изъ Болгаріи Ростиславомъ Михайловичемъ Княземъ Мачвы. (См. Ibid. стр. 47.)

[22] Константинъ этотъ, по прозванію Тихъ — *Τοιχος* — по Греческому правописанію, былъ родомъ изъ Сербіи. Онъ вытѣснилъ Михаила (Мичу) Ростиславича изъ Тернова, и провозгласилъ себя Царемъ.

Маріи хрⷭтолюбивѣи црци стараго тертерїа. и дроуѕѣи кїрамарии бл҃говѣрнѣи црци, вѣчнаа п:

Еуфросинии бл҃гоуьстивѣи црци црѣ святслава, вѣчнаа памѧ:

Кераци бл҃гоуьстивѣи деспотици матери великаго црѣ іѡанна алеѯандра. въспрїемшои на сѧ аггелскыи ѡбразъ нареченой Феофана, вѣчнаа памать.

Феодѡрѣ бл҃гоуьстивѣи црци великаго црѣ іѡанна алеѯандра въспрїемшои мнишьскыи аггелскыи образь нареченнѣи Феофана, вѣчнаа памѧ:

Феодѡрѣ бл҃гоуьстивѣи црци великаго црѣ іѡанна алеѯандра сѫщои ѿ рода еврейска. въспрїемши же на сѧ стое крыщенїе, и благоуьстивѫѧ вѣрѫ цѣлѫ съхранивши. и црквы мнѡгы обьновлъши. и монастира различныѧ въздвигшои. мтери сѫщи великаго црѣ іѡанна шишмана, вѣчнаа па:

Кераѳамари дъщери великаго црѣ іѡанна алеѯандра, великои гжи обрѫчници же сѫщи великаго амирѫ амоурата. оданѣ же бывши за нь рода ради бѫлгарскаго. она же тамо шедши и вѣрѫ православнѫѧ съхранивши. и родь свои свобождьши. и добрѣ и бл҃гоуьстивѣ поживши. и съмирѡмь скончавшиса, вѣчнаа памать:

Гжи десиславѣ. и гжи василиси дъщерьмь великаго црѣ іѡанна алеѯандра, вѣчнаа памѧ:

Кїрамарїи благоуьстивѣи црци великаго црѣ іѡанна шишмана, вѣчнаа памать:

Гжи десиславѣ матери бл҃гоуьстивыѧ црцѧ марїѧ великаго црѣ іѡанна шишмана. нареченнѣи въ аггелскомь ѡбразѣ декора, вѣчнаа памѧ:

Кераци дъщери великаго црѣ іѡанна шишмана, вѣчнаа па:

л. 35 — 38.

Патріарси прѣславстї.

Леѡнтїоу. димитріоу. сергїоу. григѡрїоу патріархѡмь прѣславскынмь. вѣчнаа пам·

Прѣосщенни патріарси трьновоу.

Їѡакимоу прьвомоу патріархоу бгоспсаго цриграда трїнова, вѣчнаа памать:

Василїоу. іѡакимоу. ігнатїѹ прѣосщнымь патріархѡ, вѣчнаа памать:

Макарїоу трьблаженномоу патріархоу. и сщенномѫченикѹ, вѣчнаа памать:

Їѡакимоу, дороѳеоу. рѡманоу· ѳеѡдѡсїоу. осщенымь патріархѡмь, вѣчнаа па:

Їѡаникїѹ прѣосщенномоу патріархоу, вѣчна пам:

Сїмеѡноу прѣосщнномоу патріархоу, вѣчнаа пам:

Ѳеодѡсїоу прѣосщнномоу патріархоу, вѣчнаа пам:

Їѡаникїѹ прѣосщнномоу патріархоу, вѣчнаа пам:

Еѵѳимїоу прѣосщенномоу патріархоу, вѣчнаа пам:

Митрополїте прѣславстїи:

Стефань. димитріе. львь. григоріе. герасимь. ааронь· мелетїе. макаріе, сава. дороѳеи. висаріѡнь. макаріе.

Мїтрополїте чрьвенѣнстїи: [23]

Неофить. калиникь. захарїа.

Мїтрополїте ловечьстїи:

Логгїнь. мелетїе. кѵпрїань. сѵмеѡнь· и дроугыи сѵмеѡн.

---

[23] Рущукъ, и нынѣ они называются — *ὁ ἅγιος τῆς Τζερβενου.*

Мїтрополїте срѣдечьстїи:[24]

Дїонисїе. дамїань. леѡнтїе. дометїань. пареенїе.

Мїтрополїте овечьстїи:[25]

Ѳеостирикть. лазарь.

Мїтрополїте дрьстерстїи:

Кѵриль. аверкїе. ѳеѡдоуль іѡсифь. дїонисїе. калїникь.

(киноварью): а аже хощемь помѣнѫти нинѣ мїтрополїты, сїи бѣша при блгоучьстивѣмь црѣи асѣни подь областїѫ трьновскыѧ патрїархїѫ. иже и тогда поучиша.

Антѡнїе. данїиль. мїтрополите сѫрьстїи, вѣчнаа имь памѧ:

Анастасїе. епифанїе. днмитрїе. епкпи вельбѫждьстїи, вѣчнаа и:

Іѡаникїе. сергїе. архїепкпи. ѡхридстїи, вѣчнаа имь памѧ:

Іакѡвь. порфирїе. іѡаникїе. епкпи браничевьстїи, вѣчнаа:

Сава. ѳеодѡсїе. днмитрїе. сѵмеѡнь. епкпи вѣльградстїи, вѣчнаа имь памать:

Кѵриль. дїонисїе. епкпи нишевьстїи, вѣчнаа имь памать:

Сѵмеѡнь, митрополїть филипісїискы, вѣчнаа моу пам:

Васнлїе. марко. никѡдимь. прокл. дорѡфеи: пареенїе мїтрополїти месемврьстїи. вѣчнаа имь памать:

Вьсѣмь мїтрополїтѡ и епкпѡ. архимандритѡмже и игоуменѡмь блъгарскымимь. иже вь блговѣри скончавшимса, вѣчнаа: —

Вьсѣмь болѣрѡмь малымже и великымь. поборникѡмь и поспѣшникѡмь на блговѣрїе и прїꙗтелемь стѣи и бжтвнѣи црькви црства блъгарскаго, вѣчнаа: —

Семироу. іѡнчю. добромироу. иванышоу. и вьси елици сь ними мѫжьствовавше на безбожныѫ тоурки. и кръвь своѫ пролїашѫ по православнѣи вѣрѣ хрїстїанстѣи, вѣчнаа: —

[24] Нынѣ Софія.

[25] Нынѣ Праводи, у Визант. *Προβατον*.

'Ѡріѫ. трошаноу. ратеноу. караѵю братоу моу. потрѣцѫ. ганкоу. станоу. михаилоу. богданоу. шишманоу. батоулоу. радославоу. конславоу. кѡнстантїноу. годеславоу. ѵръноглавоу . . . .

Симъ прерывается въ нашей рукописи перечень митрополитовъ и сановниковъ Болгарскаго царства. Непроницаемая тайна покрываетъ дѣла ихъ. Случай сохранилъ одни только имена, быть можетъ, нѣкогда громкія, но незаписанныя даже единственнымъ источникомъ болгарской исторіи — лѣтописями Византіи. Эти остатки болгарской старины дошедшіе до насъ въ бѣдныхъ отрывкахъ, тѣмъ не менѣе должны быть для насъ драгоцѣнны, что надежда на болѣе ясныя открытія можетъ со временемъ осуществиться. Памятникъ этотъ не столько важенъ для политической исторіи Болгаріи, сколько для исторіи ея церкви. Для политической исторіи этой страны, мы имѣемъ богатое собраніе византійскихъ и германскихъ лѣтописей; для исторіи же ея церкви скудные, вполовину высказанные намеки тѣхъ же лѣтописей и преданіе. По этому, пользуемся случаемъ, историческимъ путемъ раскрыть нѣсколько исторію первобытной церкви въ Великой Преславѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать причины, накинувшія непроницаемую завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ все, что относилось до внутренней жизни древне-болгарскаго государства.

Византійскій обсолютизмъ, стремившійся остановить гражданственное развитіе Болгаріи при Царѣ Симеонѣ, всѣми силами налегъ на духовное ея развитіе, усвоивъ себѣ право, посылать въ новообращенную страну Епископовъ и церковный причтъ изъ Царьграда. Такъ было при Борисѣ, первомъ христіанскомъ Государѣ Болгаріи. Не долго, однакожъ, пользовалась этимъ преимуществомъ Константинопольская церковь, и сохранившіяся имена четырехъ Прѣславскихъ Патріарховъ въ памятникѣ болгарской старины, впервые объясняютъ намъ намѣренное или ненамѣренное молчаніе Византійцевъ. Какимъ же образомъ церковь болгарская могла достигнуть избранія у себя патріарховъ прѣславскихъ и въ какое время святительствовали они въ Прѣславѣ? Нѣтъ сомнѣнія что, при Симеонѣ, Болгарія, въ слѣдствіе политическихъ причинъ, сдѣлалась независимою и въ духовномъ отношеніи отъ цареградскаго патріаршескаго престола. Весьма немногіе изъ писателей наводятъ насъ на эту мысль и не придавая большой достовѣрности извѣстіямъ, записаннымъ Лекіеномъ, [1] Львомъ Алляціемъ, [2] и др. обращаемся къ свидѣтельству

[1] Oriens Christ. t. II, p. 283.

[2] Les Allat. Exercit. XV. p. 257.

Царя болгарскаго Іоанна I Асѣня (Кало-Іоанна, Іоанникія, царст. 1196 – 1207), сохранившемуся въ письмѣ его къ Папѣ Иннокентію III. Здѣсь не только упоминается, что болгарскіе династы давно уже думали объ избраніи у себя главы духовенства, но указываются лица, пытавшіеся отдѣлиться отъ духовной зависимости цареградскаго патріаршескаго престола.

«Мы нашли въ книгахъ нашихъ—писалъ Іоаннъ I къ Папѣ Инно«кентію III,—» что «первый Симеонъ, другой Петръ Самуилъ и др. «обращались къ престолу Св. Петра и получали отъ него царское и «патріаршеское достоинство [3]. Изъ этого скуднаго свидѣтельства видно, что изъ Царей болгарскихъ первый Симеонъ замышлялъ уже о независимости болгарской церкви, стараясь дать ей главу въ лицѣ Патріарха. Кто жъ былъ этотъ Патріархъ всеборгарскій и гдѣ находился его святительскій престолъ. Напрасно будемъ искать отвѣтъ на это у византійскихъ писателей, и тѣмъ не менѣе у западныхъ лѣтописцевъ. Политика византійскаго двора, налагала печать молчанія на все то, что относилось къ внутренней, самостоятельной жизни южно-славянскихъ племенъ. Причины подобнаго нерадѣнія, заключались въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя были между Болгарами и Греками. Постоянная ихъ вражда, долголѣтніе и кровопролитныя войны, особенно съ Симеономъ, были направлены исключительно на то, что Симеонъ принялъ титулъ *Царя болгарскаго* и тѣмъ уравновѣсилъ Болгарію, недавно еще ничтожное, малозначущеė княжество, съ византійскимъ колоссомъ. Греки немогли простить Симеону усвоеніе этой власти царскаго достоинства, равносильной достоинству византійскаго Василевса. Они не могли допустить, чтобы на пространствѣ Балканскаго полуострова, отъ Дуная до предѣловъ древней Греціи, отъ Адріатическаго моря до стѣнъ Цáрьграда, чтобы на этомъ пространствѣ, населенномъ еще съ V вѣка исключительно Славянскими племенами, принадлежавшемъ по преданію В. Р. Имперіи, и на которое византійскіе Греки смотрѣли, какъ на неотъемлемую собственность греческой короны,—былъ бы другой *Царь*, кромѣ византійскаго. Не признавая *Царя* въ Болгаріи, могло ли греческое, или вѣрнѣе, византійское духовенство признать въ ней *Патріарха*?

---

[3] . . . . . secundum consuetudinem praedecessorum meorum Imperatorum Bulgarorum et Blancorum (вм. Blachorum) Simeonis, Petri et Samuelis progenitorum meorum', et coeterorum omnium Imperatorum Bulgarorum. — Gesta Innocentii III. Изданіе Тулузское, t. II. pag. 55. MDCXXXV.

Но это упорное молчаніе Византійцевъ относительно исторіи болгарской церкви можетъ вознаградиться только памятниками отечественными, которые одни въ состояніи пролить свѣтъ на эту темную эпоху болгарской Іерархіи. Выше, изъ свидѣтельства царственнаго писателя, мы видѣли, что Симеону первому приписано желаніе учредить патріаршеское достоинство въ Болгаріи. И гдѣ, какъ не въ Великой Прѣславѣ, столицѣ сильнаго тогда болгарскаго царства, могъ быть этотъ патріаршій престолъ? Слѣдовательно, упомянутые въ болгарскомъ Синодикѣ четыре прѣславскіе Патріаха: *Леонтій*, *Димитрій*, *Сергій*, *Григорій*, святительствовали въ Прѣславѣ; но въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ? Обращаюсь къ политической исторіи Болгаръ, одного Бориса находимъ мы въ горахъ Гемскихъ, въ Великой Прѣславѣ, которая при Симеонѣ гордо возвышала свои бойницы (прясла, по болгарскому правописанію *прѣсло*— Прѣславъ), надъ извивистыми берегами рѣки Бичины. Явившись столицею Болгаріи при Борисѣ (844—888), Прѣславъ увеличивается и украшается при Симеонѣ (888—927). [1] Этой столицѣ удивляются Руссы, пришедшіе съ Святославомъ за Дунай при Петрѣ I Симеоновичѣ (927—967). Взятая наконецъ Іоанномъ Цимискіемъ при сыновьяхъ Петра—Борисѣ и Романѣ (съ 967—971), столица Болгаріи, подобно ея послѣднимъ Царямъ первой династіи, исчезаетъ изъ страницъ исторіи. Остались одни развалины, какъ безмолвные памятники ея древняго величія. Даже во время возрожденія Болгарскаго Царства въ Концѣ XII ст. при Асѣняхъ, древняя столица не была возстановлена, а вмѣсто ея, какъ извѣстно, резиденціей явился Терновъ, составляющій и въ настоящее время одинъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ Европейской Турціи.

Сведемъ теперь свидѣтельство Іоанна I со вставкою Синодика Царя Бориса, въ которой поминаются четыре прѣславскіе Патріарха. Примѣнимъ за тѣмъ это свидѣтельство къ сказанному выше о времени, когда именно Великая Прѣслава могла имѣть Патріарховъ, упоминаемыхъ въ Синодикѣ. Учрежденіе патріаршества въ Болгаріи можетъ быть приписано Симеону не ранѣе совершеннаго его разрыва съ Греціей. Разрывъ этотъ случился вскорѣ послѣ утвержденія Симеона на велико-прѣславскомъ престолѣ, т. е. около 907 года. [2]

---

[1] См. Начало шестаго Слова въ *Шестодневѣ* I. Экзарха, гдѣ въ краткомъ очеркѣ изображена красота монументальныхъ зданій болгарской столицы.

[2] Годъ этотъ есть годъ смерти Бориса, Хотя Симеонъ управлялъ Болгаріей

Слѣдовательно къ этому времени можно съ достовѣрностію отнести избраніе перваго Патріарха всеболгарскаго *Леонтія*. Что же касается до остальныхъ трёхъ Патріарховъ: *Димитрія*, *Сергія* и *Григорія*, то святительство ихъ въ болгарской землѣ можно отнести или къ послѣднимъ годамъ царствованія Симеона, или же ко времени царствованіи Петра Симеоновича (ум. 967 г.). И такъ, съ 907 года, когда Симеонъ остался полнымъ властелиномъ Болгаріи, когда смерть Бориса, бывшаго постоянно приверженнымъ къ Византіи, прекратила всѣ дружественныя сношенія къ сей послѣдней, до 967 года, смерти Петра, или около того времени, въ теченіе 60-ти лѣтъ, Болгарія имѣла своихъ Патріарховъ, упомянутыхъ въ *Синодикѣ*, которыхъ святительскій престолъ находимъ въ Великой Прѣславѣ. Намъ неизѣстны ихъ дѣянія, касавшіеся внутренняго устройства болгарской Церкви, за всѣмъ тѣмъ, будемъ благодарны случаю, сохранившему для потомства ихъ имена, тѣмъ болѣе, что имена эти переданы намъ неизвѣстнымъ составителемъ *Синодика* на языкѣ отечественномъ.

Упомянутые въ *Синодикѣ* четыре патріарха прѣславскіе, заставили насъ войти въ нѣкоторыя объясненія, касающіяся загадочности ихъ существованія. Не входя въ настоящемъ извѣстіи въ разъясненіе послѣдующей судьбы болгарской Церкви, мы не можемъ однакожъ умолчать о Даміанѣ Архіепископѣ Доростольскомъ (Силистрійскомъ), бывшемъ также Патріархомъ Болгаріи, и по времени, слѣдовавшемъ не посредственно за четвертымъ прѣславскимъ Патріархомъ Григоріемъ. Вмѣшательство В. Кн. Святослава въ дѣла Болгаръ съ Греками повлекло за собою гибельныя слѣдствія для болгарскаго царства. Событія эти принадлежатъ болѣе къ политической исторіи Болгаръ, а сюда относятся на столько, на сколько онѣ объясняютъ ея іерархическое положеніе. При Петрѣ Симеоновичѣ начало возвышаться Архіепископство Доростольское на Дунаѣ. Первые годы царствованія Петра не предвѣщали мирныхъ отношеній Болгаръ къ Византійцамъ, и чтобъ устранить совершенный разрывъ, Петръ, по совѣту бояръ, рѣшился родственнымъ союзомъ съ Романомъ Лакапинымъ запечатлѣть миръ съ имперіей.

При этихъ обстоятельствахъ, доростольскій Архіепископъ Даміанъ былъ признанъ Патріархомъ Болгаріи. Въ Указателѣ болгар-

съ 888 г.; но въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ отношеніе его къ Византіи не были ни чѣмъ возмущены, и цареградское духовенство не подозрѣвало удара, который вскорѣ Симеонъ нанесъ его вліянію на дѣла Болгаріи.

скихъ Епископовъ сказано: независимый Даміанъ, управлявшій Болгаріей, имѣлъ мѣстопребываніе въ Доростолѣ. *Онъ, по повелѣнію Императора Романа Лакапина былъ признанъ Патріархомъ отъ Императорскаго Совѣта.* [1] Обратимъ особенное вниманіе на это событіе. При поверхностномъ взглядѣ, оно представляетъ намъ, въ связи съ вышеизложеннымъ, какое-то противорѣчіе и несообразность. Какимъ образомъ Архіепископъ доростольскій посвящается въ Патріархи болгарскіе, тогда, какъ видѣли выше, въ царствованіе Петра патріаршій престолъ существовалъ уже въ В. Прѣславѣ? Эта самая, по видимому, несообразность можетъ указать намъ на время, не позже котораго жилъ четвертый патріархъ В. Преславскій, Григорій, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить назначеніе Даміана въ Патріархи болгарскіе.

Бракосочетаніе Петра и Маріи случилось не долго послѣ вступленія перваго на престолъ Болгаріи, т. е. около 929 г. Вскорѣ послѣ того Даміанъ *признается* Патріархомъ цареградскимъ императорскимъ совѣтомъ. Очевидно, что если онъ былъ *признанъ*, то не былъ *посвященъ*, и что *посвященіе* его случилось до *признанія* цареградскимъ дворомъ. Ничего проще и естественнѣе не могло быть. Съ смертію Григорія Архіепископъ доростольскій Даміанъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ соборомъ болгарскихъ Епископовъ, и что по случаю мира и родственнаго союза съ Греціей Патріархъ этотъ былъ *признанъ* и со стороны императорскаго совѣта. Самое выраженіе — *по повелѣнію Императора Романа Лакапина,* еще болѣе утверждаетъ насъ въ этой мысли, ибо Романъ какъ современникъ и главное дѣйствующее лицо послѣднихъ войнъ Симеона съ Византіей, нехотѣлъ возобновить кровопролитныя брани обѣихъ державъ видимо обезсиливавшія имперію.

Д. Членъ С. Н. Палаузовъ.

* *

---

[1] Δαμιανός ἐν Δοροστόλῳ, τῇ νῦν Δρήστα, ἐφ' οὗ καὶ ἡ Βουλγαρία τετίμητε, αὐθοκέφαλος. οὗτος πατριάρχης ἀνηγορεύθη παρά τῆς Βασιλικῆς συγκλήτου. ὕστερον δὲ καθῃρέθη παρὰ τοῦ Ιωάννου τοῦ Τζιμισκῆ. Assem. Calend. Eccl. Univ. t. III. pag. 143.

ДВА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОПРОСА

ИЗЪ XVI ВѢКА.

По согласному свидѣтельству нашихъ лѣтописей, первый годъ XVI-го вѣка ознаменованъ былъ блистательною побѣдою, одержанною Московскими воеводами надъ Литовскими на рѣкѣ Ведрошѣ, 14-го Іюля 1500 года, въ годовщину Шелонской битвы, одержанной также 14-го Іюля. Согласное, какъ выше сказано, свидѣтельство лѣтописей не позволяло изслѣдователямъ до сихъ поръ поднимать вопроса о правильности показанія этого года (1500) для Ведрошской битвы. Правда, что у Стрыйковскаго Ведрошская битва помѣщена подъ 1499 годомъ, но на хронологическія показанія Стрыйковскаго никто не былъ обязанъ обращать большаго вниманія при согласномъ свидѣтельствѣ другихъ источниковъ.

Въ 1836 году въ Сборникѣ Муханова и въ 1846 году въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, помѣщены были посольскія рѣчи пана Станислава Петровича Кишки, намѣстника Смоленскаго, отправленнаго В. Княземъ Литовскимъ Александромъ къ тестю своему В. Князю Московскому Іоанну Васильевичу; эти посольскія рѣчи взяты изъ

VI части Литовской метрики. Въ дѣлахъ Польскаго двора, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ книгѣ подъ № 1 записано, что Кишка пріѣхалъ въ Москву 23-го Апрѣля 1500 года, слѣдовательно слишкомъ за два мѣсяца до Ведрошской битвы; и въ лѣтописяхъ пріѣздъ Кишки показанъ также въ Апрѣлѣ 1500 года. Но что же говоритъ Кишка Великому Князю въ Апрѣлѣ 1500 года, слишкомъ за два мѣсяца до Ведрошской битвы: «Мы по тобѣ братѣ нашомъ надѣялися вѣчное дружбы; ты пакъ къ намъ открылъ великую непріязнь, войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ, городы, волости наши знаменитыи люди твои позасѣдали а иныя выжгли и выграбили; и уже еси въ нашу землю войну пустивши, къ намъ со своею грамотою разметною прислалъ, а складывая съ собе докончаніе и крестное цѣлованіе и покладаючи тыи вины на насъ: тогоже мы и въ помышленіи нашемъ не мѣли и не маемъ. И мы послали были тамъ на границы Гетмана нашого Князя Костантина Ивановича Острожскаго и пановъ нашихъ, границъ и людей нашихъ отъ твоихъ людей постеречь, и твои люди нашихъ людей поразили и Гетмана нашого и пановъ нашихъ головами къ тобѣ привели.»

Кишка говоритъ о Ведрошской битвѣ слишкомъ два мѣсяца прежде этого событія, какъ оно показано въ Московскихъ источникахъ! Посольскія рѣчи, взятыя изъ метрики Литовской — актъ первой важности по своему оффиціальному характеру, его должно предпочесть всѣмъ другимъ источникамъ; слѣдовательно мы должны объявить показаніе Московскихъ лѣтописей ошибочнымъ и принять показаніе Стрыйковскаго, отнести Ведрошскую битву къ 1499 году. Но тутъ еще новое и самое главное препятствіе: посольскія рѣчи Кишки внесены также и въ Московское собраніе дѣлъ Польскаго двора (книга № 1), и тутъ жалобы посла на пораженіе Князя Константина Острожскаго и взятіе его въ плѣнъ не находится: рѣчи оканчиваются словами о желаніи Александра примириться съ Менглигиреемъ ханомъ Крымскимъ.

Другой вопросъ касается событій первой Литовской войны въ Княженіе Василія Іоанновича. Въ Никоновской и Софійской второй

лѣтописи начало войны обозначено такъ подъ 1507 годомъ Январскимъ и 1508 Сентябрскимъ: «того же лѣта Сентября въ 14 послалъ Князь Великій Василій Ивановичь всея Руси воеводъ своихъ, Князя Василья Даниловича Холмьскаго да Якова Захарьича, ко Мстиславлю Литовскіе земли воевать. «Потомъ читаемъ: «тоя жъ зимы, Марта въ 8-е, преставися епископъ Суздальскій Нифонтъ на Москвѣ. Тояже зимы отъѣха отъ Короля Жидимонта Князь Михайло Глинскій» и проч. Тоже самое хронологическое показаніе находимъ и въ Русскомъ Временникѣ, гдѣ подробнѣе всѣхъ другихъ лѣтописей разсказывается о сношеніяхъ съ Глинскими: и здѣсь начало этихъ сношеній относится къ зимѣ 1508 года, послѣ 8-го Марта. Но въ *Лѣтописцѣ, который служитъ продолженіемъ Нестору* подъ 1507 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе:» Тогоже году, мѣсяца Апрѣля въ 29 день послалъ Князь Великій Якова Захарьевича воевати Литовскую землю, и воеваша пошли къ Москвѣ.» Арцыбашевъ, хотя и приводитъ послѣднее извѣстіе, но оставляетъ его безъ вниманія, и думаетъ, что въ трехъ первыхъ извѣстіяхъ, т. е. въ извѣстіяхъ Никоновской и Софійской лѣтописи и Русскаго Временника едва ли не должно вмѣсто Сентября читать Мая 14, ибо въ Львовской лѣтописи движенія Якова Захарьича съ войскомъ въ Литву именно отнесено къ 14 Мая 1508 года.

Но изъ всѣхъ этихъ извѣстій вѣрнѣйшимъ оказывается то, за вѣрность котораго менѣе всего можно было ручаться, именно извѣстіе Лѣтописца, служащаго продолженіемъ Нестору, ибо дѣйствительно военныя дѣйствія и переговоры съ Глинскимъ должны были начаться не позднѣе Апрѣля 1507 года. Дѣло рѣшаетъ письмо Великаго Князя Московскаго Василія Іоанновича къ сестрѣ своей, Польской Королевѣ Еленѣ, написанное въ Іюнѣ 1507 года, и напечатанное въ Актахъ, относящихся къ Исторіи Западной Россіи, т. II, № 22. Въ этомъ письмѣ В. Князь говоритъ: «Братъ нашъ Жикгимонтъ Король подымалъ бесерменство на христіанство, да и посылалъ воеводъ своихъ многихъ со многими людьми на нашихъ слугъ на Князей; а мы, положа упованье на Бога, да посылали своихъ воеводъ съ людьми, и милосердьемъ Божьимъ, наши воеводы отъ

его людей отстоялись и, далъ Богъ, пришли къ намъ здоровы. Да писала еси къ намъ, что къ намъ присылалъ бити челомъ Князь Михайло Глинскій: ино къ намъ присылалъ бити челомъ не одинъ Князь Михайло Глинскій» и проч.

Такимъ образомъ въ трехъ главныхъ источникахъ мы не находимъ вѣрнаго указанія начала войны, и находимъ его въ лѣтописцѣ, которымъ, по его составу, Арцыбашевъ имѣлъ право пренебречь. Изъ этого видно, какія хронологическія трудности встрѣчаетъ изслѣдователь и въ исторіи Московскаго Государства.

Д. Ч. С. М. Соловьевъ.

* *
*

ОТВѢТЫ

НА

ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

На первый вопросъ отвѣтъ заключается въ томъ во 1-хъ, что Ведрошская битва отнесена къ 1500 году нетолько въ Московскихъ лѣтописяхъ, но и въ разрядныхъ книгахъ; гдѣ подъ 1500 годомъ сказано: «того жъ лѣта послалъ князь Великій въ Литовскую землю Князя Семена Ивановича Стародубскаго, да Князя Василья Ивановича Шемячина, да съ ними воеводъ своихъ Князя Данила Васильевича Щеня, да Якова Захарьича и иныхъ воеводъ; и они ходили къ Рославлю и къ Елнѣ, и бой былъ на Ведрошѣ Іюля въ 14 день. Во 2-хъ въ Литовской метрикѣ извѣстіе о посольствѣ Станислава Кишки написано сбивчиво съ явными противорѣчіями, которыя показываютъ, что въ этомъ извѣстіи смѣшаны два разныя посольства разныхъ лѣтъ. Вотъ доказательства таковаго смѣшенія и сбивчивости. Въ Метрикѣ записаны и рѣчи посла Литовскаго Станислава Кишки, и отвѣтъ Московскихъ бояръ отъ имени Московскаго Великаго Князя. Въ рѣчахъ Литовскаго посла записано: во 1-хъ о титулѣ Московскаго Государя; во 2-хъ о томъ, чтобы Московскій Государь недозволялъ своимъ подданнымъ вступаться въ Литовскія земли, и непринималъ Литовскихъ подданныхъ; въ 3-хъ о выдачѣ Князя Бѣльскаго; въ 4-хъ о согласіи Литовскаго Князя примириться съ Крымскимъ Ханомъ-Менгли Гиреемъ при посредничествѣ Московскаго Государя; въ 5-хъ о томъ, чтобы были возвращены занятые Москвичами города Мценскъ, Серпейскъ и Мосальскъ, и о заключеніи мира; въ 6-хъ жалоба по чему Московскій Государь взявшись помирить Литву съ Мегли-Гиреемъ, не только не примирилъ, но и къ большей войнѣ возбудилъ Крымцовъ; въ 7-хъ оправданіе В. К. Литовскаго въ томъ, что онъ непосылалъ къ Рускимъ Князьямъ Смо-

ленскаго Епископа, Бискупа Виленскаго и Черцовъ Бернардиновъ, и что неполучалъ никакихъ извѣщеній отъ Московскаго Государя о построеніи церкви Греческаго закона на сѣняхъ во дворцѣ Великой Княгини Елены; и въ 8-хъ жалоба на разбитіе и взятіе въ плѣнъ Князя Константина Острожскаго. Въ отвѣтахъ же Московскихъ бояръ въ той же метрикѣ записано: 1-е Московскій Князь говоритъ, что онъ требовалъ удовлетворенія не въ одномъ титулѣ, но и въ томъ, что бы на сѣняхъ В. Кн. Елены была выстроена церковь Греческаго закона; 2-е жалуется что Литовскій Князь подсылаетъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ и къ Русскимъ Князьямъ Смоленскаго Епископа отступника Греческаго закона, Виленскаго Бискупа и черцовъ Бернардиновъ; въ 3-хъ отказывается выдать Князя Семена Бельскаго. (Сіи же три отвѣта записаны и въ Московской Посольской книгѣ). Здѣсь оказывается по Литовской метрикѣ несообразность во 1-хъ при сличеніи четвертаго и шестаго пунктовъ посольской рѣчи. Въ 4-мъ пунктѣ Литовскій Князь только еще изъявляетъ согласіе на примиреніе съ Крымскимъ Ханомъ при посредствѣ Московскаго Государя; въ 6-мъ же пунктѣ уже жалуется на то, что Московскій Государь немиритъ его съ Ханомъ. Сихъ двухъ пунктовъ очевидно немогло быть въ одной посольской рѣчи; между ними должно было пройти по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцовъ; слѣдовательно 6-й пунктъ былъ говоренъ не Станиславомъ Кишкою, а другимъ посломъ бывшимъ послѣ него. Во 2-хъ подобная же несообразность оказывается при сличеніи 7-го пункта посольской рѣчи съ 1 и 2-мъ пунктами отвѣтной рѣчи Московскихъ бояръ; ибо въ 7-мъ пунктѣ Литовскій Князь оправдывается въ подсылкѣ Смоленскаго Епископа, Бискупа Виленскаго и черцовъ Бернардиновъ и въ томъ, что онъ неполучалъ извѣщенія о построеніи церкви Греческаго закона на сѣняхъ Великія Княгини Елены; а въ отвѣтныхъ пунктахъ Московскихъ бояръ написаны имянно тѣ обвиненія, въ которыхъ оправдывается Литовскій Князь въ своемъ 7 пунктѣ; слѣдовательно или должно допустить, что Литовскій Князь чрезъ своего посла оправдывался въ томъ, въ чемъ его еще необвиняли, или для устраненія такой несообразности нужно согласиться, что седмой пунктъ посольской рѣчи, и слѣдовательно и осмой о Ведрошской битвѣ, говорилъ не Станиславъ Кишка *, а другой посолъ бывшій въ Моск-

---

* Станиславъ Кишка тѣмъ болѣе немогъ жаловаться въ своей посольской рѣчи на Ведрошскую битву, что по возвращеніи съ посольства самъ уча-

вѣ послѣ него, съ Литовскимъ отвѣтомъ на Московское обвиненіе переданное Станиславу Кишкѣ. Въ 3-хъ пятый пунктъ посольскихъ рѣчей начинается такъ: «Александръ Божою милостью Великій Князь сказалъ: Перво, сего году люди твои, пришодъ, городъ нашъ Мценескъ засѣли, и пушки и пищали выграбили и проч.» Здѣсь выраженіе: «перво сего году люди твои.» Ясно обозначаетъ первый пунктъ; слѣдовательно отсюда начинается новое посольство, бывше послѣ Станислава Кишки, можетъ быть посольство Станислава Нарбута, пріѣзжавшаго въ Москву (по Московскимъ памятникамъ) въ Февралѣ мѣсяцѣ 1501 годъ, въ посольской рѣчи котораго (по Московскимъ оффиціальнымъ паматникамъ) дѣйствительно есть жалоба на Ведрошскую битву, и требованіе отпустить плѣненныхъ въ этой битвѣ Литовскихъ вельможъ. Въ 4-хъ Москов. оффиціальная книга Польскихъ посольствъ, хранящаяся въ Москов. Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, говоря о посольствѣ Станислава Кишки въ 1500 году, оканчиваетъ его посольскую рѣчь, четвертымъ пунктомъ, въ которомъ Литовскій Князь соглашается принять посредничество Московскаго Государя въ примиреніи съ Крымскимъ Ханомъ; при томъ отвѣтъ Московскихъ бояръ на посольскую рѣчь оканчивается на лицо только третьимъ пунктомъ, четвертый же пунктъ, бывшій на послѣднемъ листѣ подлинной книги, оторванъ; и въ Литовской метрикѣ Московскій отвѣтъ записанъ только на три пункта. А Московская оффиціальная посольская книга въ 1612 году была захвачена Поляками и возвращена въ Москву только въ 1635 году. По сему при такихъ обстоятельствахъ недостатокъ отвѣта на четвертый пунктъ и въ полной Литовской метрикѣ и въ Московской посольской книгѣ, въ которой листъ съ четвертымъ пунктомъ оторванъ, ясно показываетъ, что эта часть Литовской метрики списана съ Московской Посольской книги, и списана небрежно съ пропусками, съ перемѣною листовъ, съ явными противорѣчіями, покрайней мѣрѣ въ томъ дѣлѣ, которое теперь разобрано. Слѣдовательно настоящее свидѣтельство Литовской метрики, о годѣ Ведрошской битвы, нис-

---

ствовалъ въ этой битвѣ и былъ взятъ въ плѣнъ. Въ неизданной еще переспискѣ между Россіею и Польшею, составленной по Московскимъ оффиціальнымъ памятникамъ, сказано: «на Ведрошской битвѣ взяты въ плѣнъ. Гетманъ Князь Константинъ Острожскій, Станиславъ Кишка воевода Смоленскій, Григорій Остикъ Маршалокъ Литовскій, Литаворъ Хребтовичь воевода Новогродскій, Николай Глѣбовичь, Николай Зеновичь и другіе.

колько неможетъ поколебать свидѣтельства Московскихъ памятниковъ.

Относительно втораго вопроса достаточно сказать, что письмо Великаго Князя Василья Ивановича къ сестрѣ своей Польской Королевѣ Еленѣ, писанное въ Іюнѣ 1507 года, нисколько неуничтожаетъ достовѣрности извѣстія лѣтописей о томъ, что В. К. Василій Ивановичъ послалъ 14-го Сентября 7016 года воеводъ своихъ Князя Василья Даниловича Холмскаго, и Якова Захарьича къ Мстиславлю воевать Литовскіе земли; ибо въ письмѣ своемъ отъ Іюня мѣсяца 1507 года онъ непишетъ о посылкѣ именно сихъ воеводъ въ Литовскую землю, а говоритъ только: «а мы положа упованье на Бога, да посылали своихъ воеводъ съ людьми многими, и милосердіемъ Божіимъ, наши воеводы отъ его людей отстоялись.» Слѣдовательно и въ 1507 году (Сентябрск.) могли быть посланы воеводы Московскіе въ Литовскую землю, а также другіе Московскіе воеводы могли быть посланы въ 1508 году (Сентябр.). И дѣйствительно по разряднымъ книгамъ, мы находимъ походы въ Литовскую землю и въ 7015 году изъ Дорогобужа подъ начальствомъ Князей Ивана Михайловича Телятевскаго, и Ивана Андреевича Микулинскаго съ товарищи и другіе походы; и въ 7016 году походъ съ Великихъ Лукъ подъ начальствомъ Князя Василья Даниловича Холмскаго и Якова Захарьича съ товарищи. А относительно Михайлы Глинскаго Великій Князь пишетъ къ сестрѣ, что Глинскій и другіе только ссылались съ нимъ до Іюня 1507 года; лѣтописи же говорятъ о пріѣздѣ Глинскаго, который дѣйствительно послѣдовалъ въ 1508 году. Въ лѣтописцѣ же, служащемъ продолженіемъ Нестору, очевидно событія и годы перепутаны; ибо этотъ лѣтописецъ упоминаетъ о пріѣздѣ Михайлы Глинскаго и въ 1507 и въ 1508 годахъ.

Д. Ч. И. Д. Бѣляевъ.

МАТЕРІАЛЫ.

БОЛГАРСКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ

СБОРНИКОВЪ Ю. И. ВЕНЕЛИНА, Н. Д. КАТРАНОВА И ДРУГИХЪ БОЛГАРЪ,

ИЗДАЛЪ

Петръ Безсоновъ.

Попѣй ми, Славке-ле, попѣй ми,
Отъ ієдно гърло два гласа,
Изъ ієдни уста двѣ думи,
Отъ ієзикъ сладки!

ВВЕДЕНІЕ.

Для русскаго бытописателя вообще, и для русскаго языковѣда въ особенности, вопросъ о новоболгарскомъ языкѣ долженъ быть вопросомъ большой важности. Въ настоящее время мы уже успѣли, хотя приблизительно, сознать то глубокое вліяніе, которое имѣлъ Церковно-славянскій языкъ не только на всю древнѣйшую нашу письменность, но даже на весь ходъ ея, до самаго послѣдняго ея явленія, даже до мельчайшихъ случаевъ жизни, гдѣ только является слово, и куда мы подъ часъ, и безъ сознанія, вносимъ оттѣнки Церковно-славянской рѣчи, привычной для нашего слуха, родной нашему письму. И вотъ передъ нами языкъ — прямой потомокъ древне-болгарскаго (разумѣя Болгарскихъ Славянъ) или, что тоже, Церковно-славянскаго; онъ разъясняетъ многіе вопросы языка древняго, хранитъ въ себѣ рубежи и грани, къ которымъ пришла древняя рѣчь на пути своего послѣдующаго тысячелѣтняго развитія, и даже въ самомъ искаженіи безпрестанно напоминаетъ черты праотца. Не-

счастная судьба растеряла для потомка священнѣйшее наслѣдіе его предковъ: мы на Руси бережемъ въ своихъ книгохранилищахъ первобытнѣйшіе, лучшіе и обильнѣйшіе памятники языка древне-болгарскаго, и тѣмъ самымъ уже тѣсно связуемся съ его отчужденнымъ наслѣдникомъ. Но этого мало: языкъ Церковно-славянскихъ памятниковъ былъ на Руси языкомъ писменнымъ, какъ бы поверхъ народной рѣчи, вліяя на нее, часто на письмѣ стремясь даже слиться, но уже за то тотчасъ теряя свою самобытность или древность словообразованія, то противуполагаясь разговорной простой рѣчи, то сливаясь съ нею въ нѣчто новое, то заслоняясь и отстраняясь ею. Для Болгаріи онъ былъ роднымъ, ближайшимъ, и начался отъ источника чистаго, народнаго говора: но, вѣроятно уже въ древнюю пору болгарскія подрѣчія отличались нѣсколько въ своей вседневности отъ того строя, который съ изобрѣтеніемъ азбуки явился въ первыхъ переводахъ Священнаго Писанія. Въ слѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ мы видимъ въ Церковно-славянскомъ языкѣ для Болгаріи значеніе языка писменнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ, сколько можно судить по остаткамъ грамотъ и позднѣйшимъ переводамъ священныхъ книгъ болгарскаго извода, въ языкѣ, сравнительно съ древностью, оказывается болѣе порчи. Однако все-таки, и въ эту позднюю пору, простой народный говоръ могъ соблюдать въ себѣ много остатковъ отдаленнѣйшей, даже до-кирилловской рѣчи; и, если бы мы имѣли отъ среднихъ вѣковъ Болгаріи народные памятники въ родѣ тѣхъ, какіе находимъ, на примѣръ, въ чешской словесности или въ нашемъ Сло-

вѣ о полку Игоревѣ, мы вѣрно открыли бы здѣсь много такихъ особенностей, которыя древностію могли бы поспорить съ кирилловскими. Къ сожалѣнію, — и эта невыгода чувствительнѣй даже внутренней порчи, — во всѣхъ, наиболѣе извѣстныхъ, памятникахъ этихъ вѣковъ Болгаріи, находимъ не народное творчество въ его простотѣ, не пѣсни, не сказанія и не пословицы; языкъ ихъ, средневѣковый по отношенію къ древнему кирилловскому, неизгладимо носитъ на себѣ слѣды книжнаго употребленія, этой силы, сопутственной законамъ живаго языка, близкой къ нему, но все-таки отдѣльной и особенной, объединяющей складъ, налагающей внѣшнія условія и живущей въ нѣдрѣ ходячей рѣчи какъ status in statu. Подобное значеніе имѣлъ онъ до послѣднихъ вѣковъ, не только у Болгаръ, но даже у иноплеменныхъ Румуновъ. Такъ было, пока вовсе не прервалась писменность, наиболѣе въ прошломъ столѣтіи, пока Болгаре чуть было не забыли совсѣмъ своего прошедшаго, и, съ горемъ пополамъ внимая подправленному языку церковныхъ книгъ, привозимыхъ къ нимъ отъинуда, вовсе разучились было сами писать по родному, навыкли, гдѣ могли, иноземному. Въ эту пору, когда все, казалось, погибло, вниманіе науки остановилъ на себѣ живой, простой народный языкъ, врывавшійся когда-то въ писменность, но за ея уничтоженіемъ оставленный окончательно самому себѣ, знающій только вседневное употребленіе разговора, пословицу да пѣсню, и въ этихъ явленіяхъ сохраняющій на лицо всѣ тѣ данныя, къ которымъ привело его вѣковое устное употребленіе. Сколько ни потерпѣлъ онъ потерь, сравнительно съ древ-

ностью предполагаемой или извѣстной по писменнымъ памятникамъ и показанію другихъ славянскихъ нарѣчій, и здѣсь все-таки успѣлъ онъ сберечь много такого, что непремѣнно пополнитъ и вѣроятно уяснитъ языкъ Славянскій, въ его старинѣ и современности. И такъ, обращаясь къ Болгарамъ, мы видимъ языкъ, съ которымъ непремѣнно встрѣтишься, куда ни кинешь взоръ на поприщѣ русскаго языковѣдѣнія. Древнѣйшіе Церковно-славянскіе памятники, у насъ сохранившіеся, принадлежатъ ему, треть средневѣковыхъ ему же. Отъ него, какъ своего исходища, зачинается обильный потокъ священнаго намъ языка, столько вѣковъ гремѣвшій Божіимъ Словомъ; отъ него же, въ средніе вѣка, притекало сюда столько разнородныхъ притоковъ, отзывавшихся мѣстнымъ говоромъ предъ-балканской Болгаріи и Ѳракіи, Македоніи и южнаго приморья. Отъ него же, когда прилетѣвшій изъ за Дуная голубь принесъ Владиміру бѣло книже, черно слово, есть пошла писменная рѣчь русская и вътечеть семью десятъ жерелъ въ море Славянское. Наконецъ передъ нами языкъ, послѣднія сотни лѣтъ стоявшій внѣ писменности и при всемъ томъ ближайше сродный съ ея началомъ и средневѣковымъ развитіемъ. Это послѣднее обстоятельство, замѣтили мы выше, открываетъ новыя стороны для любознательности Русскаго. Если въ настоящемъ состояніи языковѣдѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ состоитъ въ посильномъ отдѣленіи Церковно-славянскихъ особенностей отъ рѣчи чисто-русской и народной, живущей соками русской вѣтви, то, разумѣется, въ этомъ дѣлѣ очень важно изученіе языка — прямаго потомка древне-болгарскаго, и,

въ тоже время, потомка не по писменному употребленію. Крайне любопытно и поучительно прослѣдить и сличить судьбы той и другой вѣтви, руской и болгарской, столь различныя, при ближайшемъ родствѣ корня и даже одной, въ старину, почвѣ. Тамъ, въ руской, имѣемъ мы основу самобытнаго нарѣчія и, съ другой стороны, писменность, зачавшуюся подъ вліяніемъ хотя родственнаго, но все же инаго нарѣчія, пока то и другое мало по малу слилось въ одну цѣлую грамотность и начало отдѣлять отъ себя родной и ближайшій говоръ, какъ *просто*-народный. Здѣсь, въ языкѣ болгарскомъ, совсѣмъ на оборотъ, писменность началась на родномъ, своемъ нарѣчіи, но отдѣлилась мало по малу, перешла къ другимъ, заглохла наконецъ на родной почвѣ, а народный говоръ, ставши такимъ образомъ внѣ ея, пошелъ своею дорогой и пришелъ къ новому и особенному исходу; созрѣвшій плодъ отвалился и отданъ другимъ, а соки продолжали завязывать новый. Кто не остановится здѣсь и не задастъ себѣ много и много вопросовъ? Только при такомъ, будущемъ, изученіи, мы вполнѣ уяснимъ себѣ задачу о различіи употребленія писменнаго отъ устнаго и вседневнаго; здѣсь-то увидимъ мы, что народная рѣчь Руси отведена гораздо далѣе отъ народной рѣчи Болгаръ и представляетъ гораздо болѣе различія, чѣмъ существовавшій и существующій писменный языкъ того и другаго народа. И въ то же время мы поймемъ, почему языкъ Рускихъ пишущихъ, или сроднившихся съ употребленіемъ отборнымъ и грамотнымъ, обнаруживаетъ такое сильное и неотразимое вліяніе на Болгаръ, какъ скоро

только они начинають знакомиться съ этимъ языкомъ; вліяніе до того сильное, что они на первый разъ, а не рѣдко и на всегда, теряются и почти переходятъ въ Русскихъ, вмѣстѣ съ грамотностью и существующею, какая есть, образованностью: прямое объясненіе найдемъ мы въ томъ, что русская письменность и связанная съ нею образованность несетъ къ нимъ слѣды и вліяніе, хотя переработаннаго, но все-таки древняго по началу языка Церковно-славянскаго, и прямой потомокъ этого языка (или, что тоже народа), прошедшій такъ много мытарствъ, безъ оглядки бросается на встрѣчу родной себѣ старины, чутко прислушивается къ отголоску праотческой рѣчи и заслушивается почти до самозабвенія.

Но, молвятъ намъ, все это любопытно для изслѣдователя языка: а что же до того русскому бытописателю? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, въ настоящемъ положеніи русской науки и образованности, возможенъ еще, и мы отвѣтимъ на него своимъ вопросомъ: бытописатель одного изъ народовъ славянскихъ, народовъ, услышавшихъ ученіе Христово на родномъ себѣ языкѣ и отозвавшихся на призывъ всѣми величайшими событіями своей жизни, народовъ, вмѣстѣ со словомъ племени и Словомъ Вѣры ставшихъ на долгую борьбу съ окружающими иноязычниками и иностранцами; бытописатель того племени, которое стоитъ одиноко въ современности съ творчествомъ языка, не гаснущаго въ отвлеченности и условности европейскаго выраженія, но живущаго въ былинахъ, сказаніяхъ, думахъ, въ художественныхъ созданіяхъ первобытнаго и свѣ-

жаго пѣснопѣнія; бытописатель, не имѣющій завиднаго счастья черпать свои доказанія изъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, и тому подобныхъ, руководствъ, но безпрестанно обязанный обращаться къ роднымъ памятникамъ и самый смыслъ свой воспитывать здѣсь на прилежномъ изученіи славянскаго духа древности; наконецъ, бытописатель одного изъ главнѣйшихъ представителей этого самобытнѣйшаго и своеобразнѣйшаго племени: этотъ бытописатель не будетъ принимать къ сердцу помянутыхъ нами вопросовъ и явленій языка? Да развѣ это возможно? Языковѣдъ на пути къ вожделѣнной цѣли бытописанія можетъ еще блуждать по частностямъ своего дѣла, и, запропастившись въ какомъ либо закоулкѣ, не добраться до высшей ступени, завершающей его изученіе: но кто сталъ уже на этой ступени, кто назвалъ себя бытописателемъ, развѣ онъ не прошелъ еще трудной дороги языкоизслѣдованія и древностей? По крайности, если уже судьба его поставила такъ высоко и очутился онъ на вершинѣ: не имѣетъ ли онъ желанія учиться съ начала или съ другой стороны, чтобы отдавать себѣ большій отчетъ въ привычныхъ выводахъ и чтобъ не совѣстно было сказать: иніи трудишася, а мы, безъ усилій, въ трудъ ихъ внидохомъ? Иначе опасно: быстъ храмина на пѣсцѣ.

Такъ говорили мы доселѣ о пользѣ изученія предлежащаго языка и народности болгарской, въ немъ выражаемой, говорили, примѣняясь къ современному, привычному, русскому взгляду, который вездѣ ищетъ себѣ поль-

зы и руководится пословицей — своя рубашка къ тѣлу ближе. Но, можетъ быть, и помимо такого взгляда, въ виду современныхъ событій, проснется въ комъ ни будь желаніе познакомиться съ бытомъ, художественнымъ творчествомъ, и ближайшимъ выраженіемъ того и другаго, языкомъ Болгаръ. Можетъ быть, найдутся охотники; а можетъ, и не найдутся, да еще скажутъ: за чѣмъ затрогиваете вы эти вопросы, печатая или перепечатывая какихъ ни будь нѣсколько пѣсней?

И точно, мы имѣемъ дѣло съ наукой и передъ ея судилищемъ должны отдавать отчетъ въ своемъ дѣлѣ. Наука славянскихъ нарѣчій, обнимая древности и область языка, получитъ съ нашимъ изданіемъ нѣкоторое приращеніе въ томъ и другомъ отношеніи. Бытъ, отражающійся въ пѣсняхъ, своими основными чертами войдетъ въ полноту того образа, который рисуется уже предъ глазами людей, глубоко приникшихъ въ древности Славянскаго народа. Языкъ займетъ такое же, подобающее себѣ, мѣсто въ кругу словесности. Нѣтъ ничего опаснѣе для науки, какъ существованіе, рядомъ съ извѣстнымъ, какой либо туманной и далекой области, на которую указываютъ или ссылаются при труднѣйшихъ вопросахъ, говоря: «тамъ! тамъ!» А между тѣмъ, ни сами не знаютъ хорошенько этой области, да и другихъ пугаютъ таинственностью, однимъ словомъ, взявши ключъ разумѣнія, ни сами не входятъ, ни другихъ не впускаютъ; а дѣло, можетъ быть, очень просто. Такова была доселѣ, по пре-

имуществу, область языка новоболгарскаго, изъ всѣхъ нарѣчій славянскихъ наименѣе извѣданная. Даже Шафарикъ, эта краса славянской науки, не имѣлъ средствъ и случая здѣсь вразумить насъ, да и самъ, порою, колебался при показаніяхъ (сравните его народопись и «Serbische Lesekörner»). Другіе, менѣе совѣстливые, только что притронувшись къ языку, вязали его по рукамъ и ногамъ своими учеными вервями, выдавали себя за знатоковъ дѣла, и, окутавши языкъ въ таинственный плащъ съ какими-то уродливыми начертаніями и буквами, увѣряли прочихъ, что подъ плащемъ кроется что-то неестественное. «Болгарскій языкъ,» говорилъ Миклошичь въ предисловіи къ своему труду, увѣнчанному въ Вѣнѣ, «вышедшій изъ древне-словенскаго, испыталъ, по вліянію многихъ языковъ, въ особенности, какъ кажется, шкипетарскаго (!), столь значительныя перемѣны, что въ настоящее время представляетъ, въ большей части сторонъ, совершенно неславянскую грамматику, рядомъ съ словаремъ, въ достаточной мѣрѣ чистымъ (Vergleich. Lautl., 1852, Einleit., VIII).» Надѣемся, что изъ нашего труда читатели выведутъ другое заключеніе: они увидятъ, что, дѣйствительно, словарь болгарскій потерпѣлъ менѣе, нежели сколько нужно было бы ожидать по наплыву чужестранныхъ вліяній, но что отъ этой части не слѣдуетъ еще дѣлать противуположнаго заключенія обо всемъ остальномъ составѣ языка; правда, опять, порча коснулась словообразованія и преимущественно обрушилась на сгибы (флексіи) склоненія: но, при всемъ томъ, читатели увидятъ далѣе, что самая эта порча, проникшая въ составъ языка, послѣдовательностію своего

хода останавливаетъ вниманіе изучающаго не столько на постороннихъ вліяніяхъ, сколько на внутренней силѣ нарѣчія, то борющагося и падающаго, то снова возникающаго къ жизни, и своимъ опытомъ напоминаетъ опасности, зараждающіяся въ самомъ нѣдрѣ современныхъ нарѣчій, въ томъ числѣ и многихъ славянскихъ (въ добрый часъ будь сказано); что глаголы въ своемъ спряженіи и видахъ не только не уступаютъ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, но порою даже пополняютъ ихъ, а глаголъ, если гдѣ, то особенно въ Славянскомъ языкѣ не шутка; далѣе, что обиліе мѣстныхъ подрѣчій свидѣтельствуетъ о такомъ же разнообразіи духа, творящаго языкъ; наконецъ, что звуки, сами по себѣ, во многомъ хранятъ значительную древность; въ особенности же поучительна судьба звуковъ согласныхъ мягкихъ, напр. *д*, *т* и *к*, звуковъ глухихъ и звука ять. Не постыдятся, стало быть, другія славянскія нарѣчія, давая въ своемъ кругу мѣсто этому забытому брату. Еще болѣе любопытно для науки отношеніе языка новоболгарскаго къ древнѣйшему Церковно-славянскому. При руководствѣ многихъ убѣдительныхъ положеній, согласившись признать послѣдній древне-болгарскимъ, ученые не хотѣли или не успѣвали доселѣ рѣшить себѣ вопросъ о мѣстномъ и частномъ нарѣчіи, впервые оказавшемся при древнѣйшихъ переводахъ священныхъ книгъ. Теперь этотъ вопросъ не только поднимается, но даже, при знакомствѣ съ болгарскими подрѣчіями, подвигается къ рѣшенію: предъ нами на лицо особенности нарѣчія восточнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ, обособляется западное. И если переводъ книгъ священныхъ

сдѣланъ впервые для Славянъ моравскихъ, а не для болгарскаго государства, ограниченнаго тогда Балканами и дунайскимъ побережьемъ, то есть странами, въ которыхъ мы видимъ по нынѣ (за исключеніемъ верховья рѣки, отошедшаго подъ власть другихъ племенъ) особенности восточнаго нарѣчія, то рождается невольно вопросъ: говоръ восточной Болгаріи не былъ ли тогда уже отличенъ отъ Церковно-славянскаго, какъ нарѣчіе, въ общемъ нѣдрѣ болгарскаго языка? И точно, первый заключаетъ въ себѣ, при всѣхъ предположеніяхъ порчи, многое такое, что не согласимо съ кирилловскимъ строемъ: таково упорство мягкаго *д* и *т*, рѣже поддающагося претворенію; таковы губные, не допускающіе вставки; удержаніе шипящихъ тамъ, гдѣ кирилловская рѣчь перешла уже далѣе къ свистящимъ, напр. въ повелительномъ; съ самой ранней эпохи, судя по памятникамъ, отсутствіе носовыхъ, обличаемое произвольной смѣной знаковъ ѫ и ъ, ѧ и ь, и т. п.; сохраненіе глухихъ звуковъ тамъ, гдѣ ихъ потерялъ Церковно-славянскій, на прим. въ сочлененіяхъ словъ, со всѣми признаками преимущественной древности; ять, произносимый какъ *я*; коренныя отличія въ наименованіяхъ нѣкоторыхъ предметовъ и словообразованіи, напр. *вървѫ*, *говорѫ*, *думамъ*, *челѣкъ*, и т. п. Еще далѣе отходитъ отъ кирилловскаго языка нарѣчіе сѣверной и восточной Македоніи. Остаются, стало быть, южное поморье и окрестности, близкія къ родинѣ Солунскихъ братьевъ: оттуда мы будемъ ждать объясненія, и считаемъ значительнымъ выигрышемъ уже то, что подходимъ почти къ самому краю и рубежу дѣла, за которымъ уже не на что будетъ ссылаться, какъ

на terram ignotam. Въ будущемъ, если Богъ дастъ, надѣемся еще далѣе двинуться на пролагаемомъ пути. Но, во всякомъ случаѣ, мы должны быть довѣрчивѣй къ даннымъ явленіямъ и строже въ ихъ разборѣ, а эти данныя, въ настоящемъ дѣлѣ, — живой языкъ болгарскаго народа, чутко и опасливо отдѣляемый отъ всего посторонняго, и, ближайшимъ образомъ, отъ современной болгарской писменности.

И такъ у Болгаръ есть уже нынѣ опять своя писменность и грамотность, конечно отличная отъ древнѣйшей и средневѣковой, не продолжающаяся, — ибо была прервана, — а возраждающаяся? Она есть, и началась очень недавно, даже въ послѣднія тридцать лѣтъ, и не безъ вліянія русскаго. Человѣкъ знающій и еще болѣе горячій и дѣятельный въ своемъ знаніи, не ученый по цѣху, но всегда способный учиться и учить, не столько осторожный, сколько увлекающійся прекрасными цѣлями, менѣе стойкій въ извѣстныхъ предѣлахъ и болѣе склонный съ живостію забѣгать въ лицо любопытнымъ вопросамъ, наконецъ человѣкъ, искупавшій неизбѣжные промахи науки бѣглостію испытующаго взгляда и неподдѣльной, чистой и искренней жизнедѣятельностію, Карпато-русъ или Русинъ, Ю. И. Венелинъ имѣлъ неоспоримое, хотя не исключительное, вліяніе на зараждавшуюся новую болгарскую писменность, не столько, можетъ быть, своими сочиненіями, сколько силой личнаго увлеченія, переходившей къ знакомымъ ему и даже — по слуху — къ незнакомыхъ Болгарамъ. И точно, все, что есть лучшаго въ этомъ дѣлѣ, связывалось прямо или посредственно съ именемъ и дѣятельностію Венелина: не говоря о содѣйствіи В. Е. Апри-

лова и другихъ, стоитъ только упомянуть А. Ст. Кипиловскаго, этого въ высокой степени почтеннаго лица, труды коего должны мы указать читателямъ какъ образецъ языка писменнаго, на сколько лишь можетъ онъ быть чистъ и обработанъ въ настоящее время. Да, поживи Венелинъ, вѣрно многое было бы иначе. Между тѣмъ, новая болгарская писменность, въ дальнѣйшемъ ходѣ, успѣла насчитать уже нѣсколько трудившихся дѣятелей и, съ одной стороны, нѣсколько переводовъ, изданій, листовъ Цареградскаго Вѣстника, съ другой нѣсколько отпечатанныхъ памятниковъ живаго народнаго слова, въ пѣсняхъ и пословицахъ. И такъ мы видимъ уже при самомъ началѣ раздѣленіе на словесность писменную и устную, только преданную письму, а съ тѣмъ вмѣстѣ, съ перваго уже взгляда, открываемъ большое различіе между той и другою. Первая лишена основъ давняго и непрерывнаго употребленія; не хотѣла безпрекословно держаться и ходячихъ явленій простаго языка; ставши въ срединѣ, она сообщаетъ намъ данныя то чисто-народныя, то подправленныя уже особыми своеобразными условіями, а условія эти отрываетъ то отъ языковъ, съ которыхъ совершаются переводы, то отъ ближайшаго русскаго и сербскаго, то отъ Церковно-славянскаго, и притомъ не первобытнаго, а на другой почвѣ подправленнаго. Какъ ни мала эта дѣятельность въ своемъ объемѣ, она имѣетъ вліяніе на зараждающихся грамотниковъ, на разрядъ писменствующихъ и образующихся; съ другой стороны изданные памятники простаго и живаго народнаго слова, уже съ перваго взгляда, какъ они ни малочисленны, обличаютъ несходство съ рѣчью пишущихъ и, разу-

мѣется, уклоненіе послѣдней отъ настоящихъ законовъ употребительнаго во вседневности языка, уклоненіе тѣмъ болѣе неплодотворное, что оно не связывается крѣпко съ прошедшимъ, тѣмъ болѣе гибельное, что ничего не сулитъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе жалкое, что оно является при самомъ началѣ возрожденія, тѣмъ болѣе наконецъ несообразное, что оно происходитъ въ то время, когда уже начинаютъ порядочно зрѣть понятія объ языкѣ; но, разумѣется, по своей новости и неопытности, это движеніе еще извинительно и не отчаяваетъ въ исправленіи. Весь ходъ дѣла напоминаетъ подобное же явленіе въ сербской писменности, гдѣ нѣкоторые безукоризненный, образцовый народный языкъ В. С. Караджича зовутъ *говедарскимъ* и *свинярскимъ*, или *поквареньымъ*, тогда какъ этотъ ученый, единственно своимъ трудомъ и опытностью, выдвинулъ на поприще европейскаго знанія не только великолѣпные образцы народной словесности, но даже самъ показалъ въ своихъ произведеніяхъ образецъ свѣжаго языка, который не прячется отъ новыхъ понятій, да и не лѣзетъ въ карманъ за живымъ словомъ. Какъ бы то ни было, встрѣчая въ новой писменности Болгаръ, вопреки памятникамъ народнаго слова, чуждые обороты, иностранный складъ, небывалыя и насильно скованныя формы, на примѣръ причастій и неупотребительныхъ мѣстоименій, всякой, если онъ хочетъ дѣльно изучить языкъ новоболгарскій и знакомъ съ современной наукой, всякой, принимая къ свѣдѣнію произведенія писменствующихъ, даже, пожалуй, радуясь имъ, какъ нѣкоторому движенію, непремѣнно обратится къ источнику — или живаго слова въ разговорахъ,

или въ извѣстныхъ доселѣ памятникахъ народнаго творчества, пѣсняхъ и пословицахъ. Въ настоящемъ случаѣ и мы пойдемъ тѣмъ же путемъ, благодаря впередъ за всякое дѣльное замѣчаніе и точную поправку, но вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе отказываясь отвѣчать на возраженія, занятыя изъ теперешняго писменнаго языка Болгаріи, и ограничивая всѣ свои выводы, всѣ наблюденія, языкомъ чисто-народнымъ, какой успѣли мы узнать изъ живаго разговора, да изучить въ имѣющихся народныхъ памятникахъ современной рѣчи; но, такъ какъ ни данныя устной рѣчи, намъ извѣстныя, ни собранные образцы народнаго слова, не достаточно обильны, и даже скудны, то всѣ наши выводы укладываются въ этомъ маломъ объемѣ, отвѣчають за то, что есть подъ руками, и, буде явится что либо новое въ томъ же родѣ, не исключать новыхъ, весьма возможныхъ открытій, не запруть имъ входа, да и сами не запрутся въ ошибкахъ, если будетъ случай поправить выводъ, основанный на сотнѣ данныхъ, цѣлою ихъ тысячью.

Въ такомъ положеніи дѣла пріятно намъ было встрѣтить сборникъ болгарскихъ пѣсень и пословицъ Н. Д. Катранова. Это былъ студентъ И. М. Университета, Историко-Филологическаго Факультета, природный Болгаринъ, весьма даровитый и горячо преданный задачамъ своего роднаго слова, а потому много обѣщавшій въ будущемъ. Болѣзнь заставила его отправиться на лѣченіе за границу; уѣзжая, онъ далъ намъ списать свой сборникъ, а скоро самъ за границей скончался. Желая сохранить для Болгаръ его память, а вмѣстѣ очень дорожа оставленными имъ народными памятниками, которые безъ сомнѣнія, думали

мы, погибнуть въ Венеціи, приступили мы къ печатанію, имѣя въ виду прибавить кое-какія свои замѣчанія и объясненія. Между тѣмъ случай открылъ намъ, что половина сборника Катранова принадлежитъ не ему и записана въ родной сторонѣ или въ южныхъ нашихъ поселеніяхъ другими Болгарами: А. Ѳ. Вельтманъ благосклонно уступилъ намъ ее для напечатанія. Этого одного было уже достаточно: но, по счастію, наслѣдникъ бумагъ покойнаго Венелина, И. И. Молнаръ, вполнѣ расположенный ко всему тому, что поддерживаетъ священную для него память покойнаго или продолжаетъ его дѣло, сообщилъ намъ весьма снисходительно еще полсотни прекрасныхъ болгарскихъ пѣсень, записанныхъ самимъ Венелинымъ или ему присланныхъ. Тогда, для полноты дѣла, рѣшились уже мы, при такомъ благопріятномъ случаѣ и пособіи Историческаго Общества, перепечатать все, что доселѣ было извѣстно или успѣли отыскать мы изъ болгарскихъ пѣсень, а именно: 1) «Додатак к с.петерб. сравнит. речницима, написао В. Стевановить, у Бечу, 1822»; въ концѣ прибавлено 27 болгарскихъ народныхъ пѣсень, преимущественно женскихъ; 2) «Бѫлгарски народни пѣсни и пословици; сѫбра Иванъ А. Богоевъ; книжка пѫрва; Пешта, 1842:» 12 прекрасныхъ былинъ; 3) въ «Москвитянинѣ» за 1845 годъ, ч. VI, № 12, помѣщено нѣсколько болгарскихъ пѣсень, Г. З...мъ; 4) «изъ Цареградскаго Вѣстника», за 1853 годъ, успѣли выписать одну пѣсню. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть подъ руками «Нови български народни пѣсни (12, стр. 64),» изданныя въ Бѣлградѣ Княжества сербскаго, 1851 года, Болгариномъ Хаджи Найденомъ Іова-

новичемъ, проживающимъ, говорятъ, тамъ съ нѣкотораго времени для печатанія болгарскихъ книгъ.

Такимъ образомъ, дѣло приближается къ исполненію завѣтной мысли Шлецера, высказанной имъ въ «Nord. Gesch.», стр. 334, о необходимости Граматики и Словаря языка новоболгарскаго: «и то, и другое, говоритъ онъ, должно быть для Исторіи весьма важно; можетъ быть уцѣлѣли еще въ языкѣ нынѣшнихъ Болгаръ слова, которыя навели бы насъ на догадку, что за народъ были древніе не-славянскіе Болгаре.» Сверхъ этой частной задачи, въ настоящее время рѣшенной почти окончательно, мы можемъ, какъ сказано выше, предусматривать цѣли болѣе обширныя, плоды болѣе обильные. Радуемся тому, что, при пособіи нами напечатаннаго и другихъ извѣстныхъ изданій, можно будетъ теперь дѣйствительно составить небольшой словарь языка новоболгарскаго, взявъ во вниманіе и тотъ словарекъ, который припечатанъ при граматикѣ Цанковыхъ, и то руководство, весьма цѣлесообразное, которое предложилъ С. В. Филаретовъ въ «Карманной книжкѣ для русскихъ воиновъ:» прибавимъ такой опытъ въ концѣ нашего труда, въ видѣ Указателя къ объясненнымъ словамъ и реченіямъ. Но вопросъ о составленіи граматики очень еще далекъ отъ рѣшенія, и опыты Венелина, Неофита и Цанковыхъ въ этомъ случаѣ представляютъ только начало. Трудъ Венелина, къ крайнему сожалѣнію, по недостатку средствъ, доселѣ не напечатанный, замѣчателенъ преимущественно обиліемъ матеріяла, которымъ нужно воспользоваться съ искусствомъ и знаніемъ дѣла; граматика Неофита (1835 г.) обличаетъ мало научныхъ свѣдѣ-

ній и держится болѣе македонскаго нарѣчія; съ Цанковыми мы познакомимся ниже. Вообще, нужно знать не одинъ писменный языкъ, не одинъ даже разговорный: нужно выразумѣть и всѣ отличія пѣсень и пословицъ, произведеній народнаго творчества. Даже азбука этого дѣла еще не опредѣлена: нѣтъ установленнаго правописанія. А потому мы считаемъ необходимымъ помѣстить здѣсь три слѣдующихъ статьи:

I. Особенности болгарскаго народнаго эпическаго творчества, въ сравненіи съ сербскимъ и въ отношеніи къ исторіи и мѣстности.

II. Главные вопросы языка новоболгарскаго, условливающіе собою правописаніе.

III. Самыя пѣсни, раздѣленныя нами на два отдѣла: юнацкія и женскія, съ необходимыми, частными замѣчаніями объ ихъ языкѣ. Здѣсь-то убѣдятся читатели, какъ необходимо было перепечатать изданія Караджича и Богоева, лишенныя всякихъ объясненій и допустившія значительные недосмотры. Сербъ легко могъ поддаться заблужденію, особенно въ двадцатыхъ еще годахъ: но Богоевъ природный Болгаринъ; спасибо ему за собранныя прекрасныя пѣсни, но не спасибо за искаженіе, происшедшее при записываніи и печатаніи; собранное имъ навсегда потеряло при этомъ неподдѣльность и живость, дѣлаясь добычею одной почти критики. Да извинятъ насъ Болгаре, если въ подобныхъ случаяхъ будетъ намъ magis amica veritas; пусть сочувствіе наше мѣряютъ самимъ дѣломъ, а не похвалами. *Издатель.*

1855 г., Апрѣля 28.

ЭПОСЪ

СЕРБСКІЙ и БОЛГАРСКІЙ,

ВО

ВЗАИМНОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ печатанію новоболгарскихъ пѣсень, считаемъ нужнымъ предварительно ознакомить нѣсколько съ ихъ характеромъ и отличительными особенностями, чтобы облегчить пониманіе для нѣкоторыхъ читателей. Не будемъ касаться ни красотъ поэзіи, ни оригинальности языка: первыя нынѣ уже доступны всѣмъ, замѣчанія о второй предложимъ при текстѣ. Теперь же, опуская изъ виду пѣсни лирическія или женскія, обратимся къ содержанію эпическихъ и факты народнаго поэтическаго творчества сопоставимъ съ фактами историческими, оставляя тѣ и другіе вполнѣ неприкосновенными, но въ тоже время уясняя и дополняя ихъ другъ другомъ. Въ этомъ случаѣ поэзія болгарская представляетъ тѣснѣйшую связь съ сербскою и для своей ясности нерѣдко нуждается въ сравненіи, особенно потому, что мы имѣемъ скудныя еще данныя, тогда какъ блестящіе образцы поэзіи сербской собраны уже въ обиліи.

ОСНОВАНІЕ ДЛЯ РАЗДѢЛЕНІЯ ПЕРІОДОВЪ ВЪ ЭПОСѢ СЕРБСКОМЪ И БОЛГАРСКОМЪ.

Начнемъ съ того замѣчанія, что языкъ сербскихъ и новоболгарскихъ пѣсень, отличаясь всѣми особенностями самобытнаго, народнаго эпическаго склада, не даетъ однако никакой возможности опредѣлить эпоху происхожденія и созданія той или другой пѣсни; онъ иногда отличенъ отъ ходячаго разговора, онъ принадлежитъ

эпическому творчеству, но въ то же время все-таки это языкъ живой, современный, ибо не умерло въ народномъ духѣ древнее творчество; а потому это не только памятникъ прежняго, но столько же образецъ настоящаго, и не можемъ даже гадать, чѣмъ отличался этотъ эпическій языкъ за нѣсколько столѣтій, да и вѣроятно, едва ли отличался тогда чѣмъ либо существеннымъ отъ нынѣшняго, ибо эпическій языкъ можетъ сохраниться почти въ неприкосновенной цѣлости въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. А потому, чтобы отъискать эпоху происхожденія сербской и болгарской пѣсни, мы должны обратиться къ ея содержанію, и слѣдовательно необходимо войти въ связь съ древней и минувшей исторіей.

СУДЬБА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ БОЛГАРСКИХЪ И БОЛГАРСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Тѣ Славяне, которые сдѣлались впослѣдствіи извѣстны подъ общимъ именемъ Болгаръ, являются прежде всѣхъ другихъ на южномъ историческомъ поприщѣ, въ странахъ, прилежащихъ Дунаю. Извѣстно, что при вопросѣ объ нихъ нужно различать съ одной стороны основу населенія, собственныхъ Славянъ, составлявшихъ несравненное большинство, и съ другой стороны находниковъ Болгаръ, покорившихъ подъ свою власть Славянъ, давшихъ имъ свое имя, сплотившихъ ихъ въ первые въ извѣстную, хотя довольно слабую, форму государства. Но, такъ какъ оба элемента скоро слились и пришлый совершенно потонулъ въ самородномъ и главномъ; далѣе, такъ какъ самыя государственныя формы подчинились скоро вліянію иноплеменниковъ и возобновлялись впослѣдствіи въ разнообразныхъ видахъ: то для насъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ большой нужды устремлять вниманіе на помянутое различіе, и слѣдуетъ помнить только одно, что вся эта масса сплачивалась узами одноплеменности, которую, въ отличіе отъ Сербовъ, Хорватовъ, и другихъ окрестныхъ и мѣшавшихся племенъ, будемъ мы помнить подъ именемъ болгарской, а съ тѣмъ вмѣстѣ и языкъ, ходившій и размѣщавшійся всюду съ нею, будемъ разумѣть подъ общимъ именованіемъ болгарскаго. Эти-то болгарскіе Славяне, какъ замѣчено выше, во времена еще Гунновъ разложились по сѣверному берегу Дуная, отъ Прута до устья Дравы, т. е. въ нынѣшней Молдавіи, Валахіи, Седмиградіи, южной Угріи, далѣе въ древней Мизіи, т. е. нынѣшней восточной Сербіи и отъ устья Дуная къ Моравѣ. Въ южной Угріи

(Банатѣ) они скоро подпали власти Аваровъ; но восточные братья ихъ продолжали двигаться изъ Молдавіи и Валахіи, и въ теченіи VI вѣка засѣли въ обѣихъ Мизіяхъ, проникли во Ѳракію и Македонію, а за тѣмъ, хотя не столь крупными массами, далѣе и далѣе на югъ. Въ VII вѣкѣ сплоченные одною властью верховной, они пользуются въ концѣ VIII-го разрушеніемъ могущества Аваровъ и въ IX вѣкѣ владѣютъ уже всѣмъ Потисьемъ до Пешта и даже Татръ, захватываютъ Среиъ, въ углу между Дунаемъ и Савой, удерживаютъ землю между Сербской Моравой и Тимокомъ. Предѣлы государственные никогда почти не совпадали у нихъ съ племенными и язычными: первые, подъ разными вліяніями, то расширялись, то сокращались; послѣдніе удержались почти доселѣ въ перечисленныхъ нами странахъ, исключая только Угрію, гдѣ подавило превосходство Угровъ, да страны, подпавшія сербскому владычеству и вліянію, хотя впрочемъ и здѣсь осталась основа болгарская, какъ увидимъ мы далѣе, и вотъ почему мы не причисляемъ сюда также странъ, въ которыхъ Болгаре издревле мѣшались съ Волохами. Но предѣлы государственные не были прочны и тверды, и по недостатку внутренняго развитія и устройства, и, еще болѣе, по причинамъ внѣшнимъ, топографическимъ, ибо одни только Балканы да Дунай представляли надежную естественную границу, и дѣйствительно къ ней-то болѣе всего и тѣснилось Болгарское царство. Не трудно и не долго обозначить пути, по которымъ оно выходило изъ этой границы и снова къ ней возвращалось. Когда Кубратъ въ первой половинѣ VII вѣка свергнулъ иго Аваровъ, а его потомки овладѣли Славянами, предѣлы владѣній ихъ доходили на западъ до Сербской Моравы и Бѣлграда, то есть до границы аварскаго владѣнія, на югъ до Балканъ, то есть Верхняя и Нижняя Мизія, очерченная къ сѣверу Дунаемъ, къ востоку моремъ. Въ слѣдъ за тѣмъ черта перешла на югъ за Балканы и горы Верхней Мизіи, во Ѳракію, Македонію, даже Ѳессалію, но никогда не была прочна здѣсь. За Дунаемъ, на сѣверномъ берегу его, пространство между рѣкой и Седмиградскими горами, оставалось во власти, какъ прежнее становище хановъ, гдѣ въ первые очистили они земли отъ владычества Аваровъ. По разрушеніи могущества послѣднихъ Карломъ Великимъ (798), южная и восточная Угрія слилась также подъ власть родичей—Болгаръ, проникавшихъ даже за Драву. При Борисѣ принадлежали имъ помянутыя окрестности, даже оба берега Сербской Моравы, и вельможа борисовъ сидѣлъ въ Бѣлградѣ; на юго-западѣ, къ Албаніи, черта доходила до Охрида. Царь не

только сдерживалъ, думалъ даже расширить рубежи завоеваніями въ Сербіи; но, очистивъ задунайскую Валахію отъ ѣздившихъ тамъ Мадьяровъ, не могъ воспрепятствовать имъ завладѣть Панноніей, гдѣ отторгли они отъ царства Болгарскаго границы Тисы и Дуная (907). Вскорѣ потомъ явились Русскіе съ Святославомъ и несчастный исходъ войнъ положилъ конецъ первому Болгарскому государству, столицами коего были Прѣславъ и Шуменъ; крѣпости заняты были греческимъ войскомъ. По смерти Цимисхія, Болгаре возстали съ воеводой Шишманомъ и его четырьмя сыновьями; возстаніе распространилось изъ Трънова. Не было однако возможности овладѣть всѣми подунайскими и черноморскими крѣпостями; кромѣ того, Славянъ всегда тянуло на югъ, и вотъ они вырываются туда съ Самуиломъ; даже столица переходитъ въ Прѣспу и за тѣмъ въ Охридъ. Но издревле главными врагами Славянъ были ихъ собственные родичи: потомокъ славянской династіи изъ Македоніи, послѣ долгой и упорной войны, Василій Болгаробойца, въ первой четверти XI вѣка, разрушилъ на время и на всегда извратилъ основы царства. Отдѣльныя возстанія противъ Грековъ не вели ни къ чему, пока, въ послѣдней четверти XII вѣка, братья Волохи, Асѣнь и Петръ, воскресили государство, но уже въ предѣлахъ между Дунаемъ и Балканами, съ столицею Трънововъ. Такимъ образомъ движеніе задунайскихъ Болгаръ шло главнымъ образомъ съ сѣвера на югъ, до Охрида и даже Солуня, ставя межи государства, но потомъ снова вернулось за Балканы, въ единственныя естественныя границы, между хребтомъ и Дунаемъ. За Дунаемъ, не говоря уже объ Угріи, потеряна власть надъ Валахіей, ибо Волохи же явились спасителями, и современные лѣтописцы, напр. Никита Хоніатъ, самихъ Болгаръ стали уже называть Влахами. Государство, если можно еще такъ назвать его, основанное изъ Славянъ Болгарами, испытавшее въ короткое время сильное и измѣняющее основы вліяніе Русскихъ, Грековъ, Волоховъ, ожидало еще новаго вліянія: оно не замедлило явиться съ запада. Въ XII вѣкѣ, пользуясь несчастнымъ положеніемъ Болгаріи, Угры отнимаютъ у нея западные предѣлы, по Тимоку до Нища, и, хотя возвращаютъ скоро Грекамъ, а по возстановленіи царства Асѣнемъ, вступаютъ даже въ лицѣ Владислава въ родственный союзъ съ царемъ, но вліяніе ихъ на западѣ уже не прекращается. Около половины XIII вѣка является Мачванскій банатъ, обнимая всю сѣверную часть нынѣшней Сербіи, по обоимъ берегамъ Дуная, съ столицею Бѣлградомъ, гдѣ засѣлъ русскій князь Ростиславъ, какъ подручникъ Угровъ. Но этотъ подручникъ самъ

былъ достаточно силенъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла Болгарскаго царства, и, по убіеніи зятя своего Михаила, распоряжаться престоломъ, до такой степени, что одна лѣтопись называетъ его rex Bulgarorum. Въ теченіе десяти лѣтъ (1285—1295) несчастный край долженъ зависѣть даже отъ Татаръ. Между тѣмъ банатъ переходитъ къ сербскимъ государямъ и они не теряютъ случая завладѣть Македоніей, уступленною Грекамъ еще Михаиломъ Асѣнемъ. Съ тѣхъ поръ ничто уже не могло положить препятствія совершенному вліянію Сербовъ; болгарскіе государи, униженные до послѣдней степени, были ихъ подручниками, пока наконецъ Душанъ (1340) короновался властителемъ Сербіи, Греціи и Болгаріи. Вся исторія была такимъ образомъ исторіей склоненія къ упадку, и Болгарское государство, безъ сильнаго сопротивленія, не замѣтно перешло къ новымъ завоевателямъ Туркамъ, въ концѣ XIV вѣка, при слабомъ Шишманѣ.

ВОСХОДЯТЪ ЛИ ВОСПОМИНАНІЯ БОЛГАРСКАГО ЭПОСА КЪ ПРЕДАНІЯМЪ ДРЕВНЯГО ГОСУДАРСТВА?

Весь этотъ рядъ правителей, то иноплеменниковъ, то подручниковъ у иноземцевъ, не могъ возбудить народнаго сочувствія и сохраниться въ памяти поэтическаго творчества; вотъ почему, не только не встрѣчаемъ, да и не ожидаемъ встрѣтить пѣсень съ содержаніемъ этой грустной эпохи, исключая конца ея, когда столкновеніе съ Турками пробудило, какъ кажется, энергію творчества и освѣтило послѣднія, заключительныя, событія падающаго государства. Венелинъ, въ одномъ письмѣ къ В. Е. Априлову, высказываетъ мнѣніе, что Трьновцы, Рѣховцы, Дрѣновцы, Габровцы, должны знать пѣсни о Шишманѣ и его любовницахъ: «я полагаю и даже изъ опыта знаю, что Болгаре имѣютъ множество своихъ историческихъ пѣсень, напр. о царѣ Александрѣ (не о великомъ, а о болгарскомъ), о Шишманѣ, Страшимірѣ, Кало-Іоаннѣ, и пр.» Но, ни предположеніе это доселѣ не оправдалось, ни въ самомъ сборникѣ Венелина не находимъ ничего подобнаго. Скорѣе можно бы ожидать пѣсень о царяхъ болѣе древнихъ, Асѣнѣ, или Самуилѣ, Симеонѣ, Борисѣ: но и это доселѣ остается только чаяніемъ. Однако, не зная и даже не предполагая существованія пѣсень о царяхъ заключительнаго періода (кромѣ самыхъ послѣднихъ, уже сталкивавшихся съ Турками), мы легко допускаемъ, что нѣкоторые мотивы той эпохи, мотивы неясные и неопредѣленные, сохранились и перешли, какъ мы дѣйствительно и уви-

динъ, въ пѣсни о хайдукахъ. Съ другой стороны мы должны встрѣтить, и на самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ эти мотивы въ поэзіи родственной—у Сербовъ.

СЛАВЯНЕ БОЛГАРСКІЕ ВНѢ ГОСУДАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ИХЪ ПРЕДАНІЙ СЪ ОКРЕСТНЫМИ НАРОДАМИ И ПЛЕМЕНАМИ, ОСОБЕННО СЪ ДРУГИМИ СЛАВЯНАМИ И РУСЬЮ.

Чтобы отыскать и понять помянутые слѣды древнихъ связей, нужно забыть о Болгарскомъ государствѣ и правителяхъ, недостаточно оставившихъ по себѣ благодарной памяти, и перейти къ тѣмъ особенностямъ и сношеніямъ народа, которыя условливались племенемъ, языкомъ, мѣстностью. Для этого посмотримъ на окраины Болгарскаго государства, куда въ послѣднее время уже не простиралось его вліяніе, но гдѣ все таки жило болгарское племя, въ дѣятельномъ столкновеніи съ сосѣдями выказывая свои особенности. Если по всему почти теченію Дуная шли поселенія Болгаръ, вторично явившихся здѣсь раньше всѣхъ другихъ Славянъ; если по тому же теченію шла потомъ отъ нихъ грамотность вмѣстѣ съ переводами книгъ: то этимъ же путемъ могли идти и многія болгарскія преданія. Конечно, всѣ вѣтви Славянъ могли, на примѣръ, помнить о Траянѣ, по прежнимъ своимъ жилищамъ: но поддерживать и оживлять эти преданія могли только Болгаре, занявшіе мѣстность, на каждомъ шагу напоминающую Траяна сотнями слѣдовъ и названій. Отсюда, кажется, слѣдуетъ объяснить появленіе у Поляковъ, на примѣръ, сказанія объ извѣстномъ царевичѣ Траянѣ, растаявшемъ на солнцѣ, котораго напрасно называютъ сербскимъ, ибо Сербы сами наслѣдовали, конечно, это преданіе у Болгаръ, занявши послѣ уже придунайскую область. Тою же дорогой могли идти преданія о Боянѣ, имени изъ всѣхъ нарѣчій наиболѣе принадлежащемъ Болгарамъ, у которыхъ является оно съ древнѣйшей эпохи для мужчинъ и женщинъ (въ формѣ «Бояна»), для городовъ (ср. упоминаемый въ XI в. столичный городъ Боянъ, вѣроятно на рѣкѣ Боянѣ, близь Средца, т. е. Sardica — потомъ Софія), наконецъ для рѣкъ. Не говоримъ уже о преданіяхъ Руси, Галицкой—жившей въ Валахіи, Великой—искони, по мѣсту выхода Болгаръ, сродной имъ, жившей въ Переславлѣ, сносившейся съ Греками чрезъ Болгаръ и связанной потомъ цѣлою исторіей. Не обидимъ мы, кажется, Руси, если замѣтимъ, что знаменитая «Голубиная книга», неоспоримо

раскрытая и прочтенная взоромъ и умомъ Русскаго, названіемъ своимъ и появленіемъ принадлежитъ Болгарамъ, ибо у нихъ только однихъ,—говоримъ смѣло,—предъ всѣми славянскими нарѣчіями, развитъ такъ образъ голубя, носящаго и роняющаго завѣтную книгу, въ противуположность «дскамъ правдодатнымъ» или «книгамъ старославнымъ», «цароставнымъ»; что касается послѣднихъ, то онѣ также издревле и фактически живутъ въ болгарскихъ «цароставникахъ,» да и въ Россію, кажется, перешли отъ Славянъ южныхъ въ формѣ «Книгъ Степенныхъ.» Коснувшись слегка этого важнаго вопроса, переходимъ къ Валахіи.

СВЯЗИ СЪ ВОЛОХАМИ.

Извѣстно, что Волохи Македоніи, Өессаліи и Албаніи, отдѣляемые (хотя не всегда, особенно у Болгаръ) прозвищами Каравлаховъ (черныхъ) и Цинцаровъ, весьма отличны отъ своихъ соплеменниковъ въ древней Дакіи. Не столько турецкое иго, сгладившее сословія, сколько внутренне племенное отличіе дѣлитъ ихъ отъ задунайцевъ; ибо послѣдніе, въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., состоя изъ смѣси Даковъ съ Римлянами (Румуны), подчинились кромѣ того наплыву Готовъ, Гунновъ и особенно Славянъ болгарскихъ. Сверхъ того, въ VIII в. и въ началѣ IX-го, болгарскіе властители переселили за Дунай множество Славянъ изъ Өракіи и Македоніи. Но власть Болгаръ ослабѣла за Дунаемъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ начали рыскать Мадьяры, Печенѣги и Половцы. Тѣмъ не менѣе связи не прекратились, и мы видѣли уже, что со стороны Валахіи послѣдовало возстановленіе Болгарскаго царства въ концѣ XII в., а во второй половинѣ XIII в. на престолѣ Болгаріи является снова Волохъ Кардокуба. Славяне за Дунаемъ мало по малу волошились, и однако въ XI—XII вѣкѣ отличались еще отъ Волоховъ. Владѣнія Галицкихъ князей должны были уступить мѣсто опустошенію Татаръ, и когда Монголы, испуганные Уграми, удалились отъ Дуная, Волохи, сошедшіе съ горъ, нашли еще остатки Руси. Мелкія княжества, возникшія въ это время, не могли устоять противъ вліянія грозныхъ сосѣдей—Угровъ. Только въ началѣ XIV вѣка Радулу Черному (Кара-Радулъ) удалось достигнуть нѣкоторой независимости страны отъ Серета до Алуты, т. е. такъ называемой Большой Валахіи; на западъ отъ Алуты, нынѣшняя Малая Валахія, подъ названіемъ Краевскаго баната, оставалась нѣкоторое время въ зависимости отъ Угріи и управляема

была кавалерами ордена Іоанна Іерусалимскаго съ титломъ бановъ. Съ другой стороны, около 1359 года, Драгошъ основалъ государство Молдавіи и его потомство довольно долго сохраняло престолъ. За то потомство Радула не наслѣдовало предку: на престолѣ явился Бассараба, давшій имя особой странѣ и признавшій себя въ зависимости, вмѣстѣ съ Драгошемъ, отъ Угровъ. Правленіе было избирательное, и это давало мѣсто вліянію не только Угріи, но и Польши, а потомъ Турціи. Съ конца XIV вѣка Турки дѣятельно вмѣшались въ дѣла Валахіи, и, съ того времени, съ ихъ согласія утверждались правители. Между тѣмъ сношенія Болгаръ съ Волохами и съ помѣсью при нихъ Славянъ продолжались безпрерывно и отразились въ пѣсняхъ; замѣчательно, что пѣсни не соблюдаютъ различія названій и постоянно всѣхъ Волоховъ называютъ черными. Названіе это, по обычаю славянскихъ нарѣчій, въ сущности представляетъ синонимъ зависимаго, несвободнаго; но поэтическое творчество, на этомъ основаніи, перешло уже къ черному цвѣту и представило Волоховъ Арапами. Этимъ, и не иначе, объясняемъ мы появленіе въ пѣсняхъ какого-то царства Арапскаго, за Бѣлградомъ внизъ по теченію Дуная, ибо дѣйствительно, доселѣ, часть Кладовскаго округа, такъ называемый Ключъ, часть Порѣцкаго околья и Нѣготинской Крайны заняты народонаселеніемъ Волошскимъ. Въ особенности же Волохи являются въ пѣсняхъ со временъ Радула и при первыхъ столкновеніяхъ съ Турками; какъ далеко простирались связи Волоховъ, видно изъ того уже, что во второй половинѣ XV в. одна дочь Андрея, брата Ивана Черноевича (Црноевить) Черногорскаго была за княземъ Валахіи Радуломъ, а другая за Стефаномъ Бранковичемъ. Мы увидимъ впослѣдствіи отношенія къ Волохамъ Марка Кралевича. Съ первой половины XVI вѣка, именно послѣ битвы при Могачѣ, отношенія Валахіи къ Турціи поставлены были въ такомъ видѣ, что властители, изъ болгарскаго рода Владиславлевичей до 1716 года, выбираемы были боярами, согласно трактату съ Турціей. Миръ въ Пожаревцѣ, 1716 года, отчислилъ банатъ Краевскій къ владѣніямъ Имперскимъ, а Порта, послѣ похода Петра Великаго и выѣзда Кантемира, нашла болѣе удобнымъ замѣнить властителей Греками Фанаріотами. Церковь отошла въ вѣдомство Цареградскаго патріарха: вмѣсто Церковно-славянскихъ книгъ явились волошскіе переводы; изъ гражданскаго дѣлопроизводства вытѣсненъ прежній болгарскій языкъ; память старины осталась только въ митрополичьемъ архивѣ Букареста, да въ грамотахъ на поземель-

ныя на владѣнія бояръ. Скоро Бѣлградскій миръ возвратилъ и Краевскій банатъ Валахіи, а Адріанопольскій передалъ на нее сильное вліяніе Россіи. Если страну Волоховъ Славяне задунайскіе привыкли называть, въ слѣдъ за Турками и съ помощію турецкаго слова, землей Каравлашской, то Молдавію называютъ они землей Карабогданской, ибо, когда въ 1512 году она признала себя подручницей Турокъ, владѣтель ея назывался Богданъ. Сношенія Болгаръ и Сербовъ съ Молдавіей, по отдаленности, не были тѣсны, и языкъ дѣлопроизводства находился тамъ подъ сильнымъ вліяніемъ южнорусскаго.

СВЯЗИ СЪ ЖИТЕЛЯМИ СЕДМИГРАДІИ И УГРАМИ.

Родичи Волоховъ, постоянно имѣвшіе и имѣющіе съ ними сношенія, являются въ Седмиградіи по поламъ съ Уграми. Турки, а за ними и Славяне, называютъ ихъ Ердель, Ердели; баны ихъ нерѣдко появляются въ пѣсняхъ, но, какъ и Волохи, наиболѣе около эпохи турецкихъ завоеваній, ибо тогда только яснѣе опредѣлились и разграничились племенныя отношенія, да и дѣятели различныхъ народовъ нашли обширное поприще подвигамъ. Эпоха была такъ значительна, такъ сильно подѣйствовала на творчество, что, если не заслонила совсѣмъ древнѣйшія преданія, то по крайности окрасила ихъ своимъ цвѣтомъ. Въ особенности героемъ этого времени со стороны Угровъ, является Гуніадъ; всѣ обстоятельства сербскихъ пѣсенъ заставляютъ узнавать его въ имени Янка изъ Сибиня (Сибининъ Янко), т. е. Германштадта. Кромѣ родства съ царствовавшими фамиліями Болгаріи, кромѣ постояннаго вліянія на нее, Угры должны были оставить значительную память въ пѣсняхъ, въ силу своего заступничества противъ Турокъ: извѣстна несчастная битва Сигизмунда при Никополѣ (1396) и пораженіе Угровъ подъ Варною 1444 года. Но, помимо этихъ позднѣйшихъ событій, при которыхъ имя Мадьяровъ встрѣчаемъ мы очень часто въ пѣсняхъ, не нужно забывать, что они заняли преимущественно тѣ страны, какія принадлежали прежде Болгарамъ, и, хотя грозные завоеватели не очень жаловали прежнихъ поселенцевъ, часть болгарскихъ Славянъ осталась тамъ и самъ въ угорскихъ селахъ; въ самый языкъ угорскій перешли по мѣстамъ носовые звуки древлеболгарскаго нарѣчія; названіе Пешта сохранило форму болгарскую; пѣсни болгарскія доселѣ любятъ восходить по теченію главной рѣки своей къ Будиму, откуда выливается Дунай изъ золотаго яблока; и, хотя, за истребленіемъ Уграми

большей части древняго болгарскаго народонаселенія, живая связь была порвана, имя Будимскаго или Димскаго краля живетъ и играетъ значительную роль въ пѣсняхъ, отзываясь иногда преданіями времени, еще предшествовавшаго Туркамъ. Уже со временъ Белы III, Угры проникли до Ниша, въ то восточное окружіе нынѣшняго сербскаго Княжества, которое принадлежало тогда Болгарамъ, и по которому такъ легко было Уграмъ двигаться въ Верхнюю Мизію и Македонію. Но въ особенности мѣстомъ водоворота разныхъ племенъ и языковъ былъ тотъ уголъ, который образуютъ собою берега Дравы, Дуная и Савы, съ вершиною при Бѣлградѣ. Эти-то, и ближайшія, окрестности дали богатое содержаніе поэзіи южныхъ Славянъ. Здѣсь мы должны обратиться уже къ Сербамъ.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННАЯ СВЯЗЬ СЪ СЕРБАМИ, УСЛОВЛЕННАЯ ИСТОРІЕЙ И МѢСТНОСТЯМИ, СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ ВЪ ВЕРХНЕЙ МИЗІИ И МАКЕДОНІИ, СЪ ДРУГОЙ ПРИ ДУНАѢ.

Тогда какъ болгарскіе Славяне, раньше другихъ занимая счастливою рукой южныя области, съ одной стороны шли въ верхъ по теченію Дуная, съ другой, отъ Балканъ и горъ Верхней Мизіи, спускались въ Македонію, доходя до приморья и Солуня, Сербы шли скромно и тихо, но каждый твердый шагъ ихъ уже не возвращался назадъ. При началѣ историческаго времени, находимъ мы ихъ въ подкраѣ Дрины, Босны и Врбаса, а на югѣ Неретвы и Морачи, или Бояны, и притомъ въ утѣсненіи, то со стороны Болгаръ, то Грековъ. За русломъ Моравы и Ибра сидѣли уже могущественные Болгары, по племени и по языку тождественные съ родичами при Дунаѣ и Балканахъ. Отъ Моравы до Тимока и отъ Бѣлграда до Ниша вся страна называлась Болгаріей или болгарскимъ лѣсомъ; Браничевцы, Кучане и Тимочане, три сильныя вѣтви ихъ, стерегли ту страну «нижней или болгарской Моравы,» которая называлась такъ въ отличіе отъ «верхней,» въ нынѣшней Моравіи и Угріи, въ двухъ также развѣтвленіяхъ; эта «нижняя Морава», нынѣ «сербская», получаетъ на югѣ еще вѣтвь, вышедшую изъ Шара-планины, «болгарскую или Бинчь-Мораву,» нынѣшнюю границу болгарскихъ поселеній; при стокѣ Ибра, впадающаго въ Мораву, и Ситницы, лежала уже не подалеку болгарская грань, тамъ, гдѣ Митровица, соименная знаменитой Митровицѣ въ Сремѣ, построенной въ послѣдствіи вышедшими оттуда Сербами, на Савѣ. Только во второй половинѣ XII вѣка, когда страна эта сдѣлалась ябло-

комъ раздора между Уграми и Греками, оттѣснившими болгарскую власть, особенно при Тимокѣ и Нишѣ, удалось Степану Неманѣ, первому основателю прочнаго сербскаго царства, на время проложить туда дорогу, и только через сто лѣтъ послѣ него Драгутинъ является тамъ владѣтелемъ.

Движеніе Сербовъ къ югу и связь тамъ населенія сербскаго съ болгарскимъ.

Но за то Сербы поняли всю важность занимаемыхъ ими мѣстъ на югѣ: Раса близь Новаго Пазара, гдѣ была столица при Неманѣ, собравшемъ подъ власть верховнаго жупана остальныхъ Сербовъ, Старый Влахъ и Метохія (область между Карановцемъ, Сѣницей, Петью, Призреномъ), вся страна, получившая впослѣдствіи названіе «Старой Сербіи», равно какъ горы на западъ отъ Приштины и на сѣверъ отъ Кратова, съ перваго начала обратили на себя вниманіе Сербовъ, какъ пункты самые важные, ибо они давали пути къ тѣмъ странамъ, которыя занимали тогда Болгаре. Пункты эти, находясь въ центральномъ положеніи, поднимаются надъ равнинами Метохіи и Косова и даютъ начало рѣкамъ Дринѣ, Лиму, Ибру, Моравамъ, притоку Вардара (Лѣпенацъ или Лѣпеница) и албанской Дринѣ или Дримцу. Будущее могущество Сербіи зависѣло отъ этого счастливаго положенія: еще болѣе имѣла для нея значеніе Верхняя Мизія. Страна эта, называемая такъ доселѣ на нѣкоторыхъ картахъ, составляетъ четвероугольникъ гористой почвы, помѣщенный въ центрѣ Турціи, между шестью другими ея областями. Она покрыта горами и заключаетъ въ себѣ верхніе бассейны многихъ потоковъ, вытекающихъ отсюда чрезъ ущелья въ разныхъ направленіяхъ: таковы притоки Ибра и нынѣшней Болгарской (Бинчь) Моравы, таковы Искеръ и Сладія, Марица, Стримонъ, идущіе чрезъ горные проходы Мизіи, Лѣпеница, текущая къ Вардару, и притоки Дримца. Окруженная замѣтнымъ ободомъ горъ разныхъ направленій и высотъ, она кажется бассейномъ или углубленіемъ, поднятымъ къ верху, чтобы выдѣлить его изъ окрестныхъ странъ и вмѣстѣ дать надъ ними господство. На сѣверъ отъ нея идутъ южныя цѣпи нынѣшней Сербіи и горы Босніи, съ выемками для мѣстностей Митровицы, Болгарской Моравы и Ниша; на западѣ отъ Албаніи отдѣляетъ ее низкій гребень горъ, идущій между бассейнами Метохіи, Ситницы, Лѣпеницы; на востокѣ болѣе возвышенный хребетъ, соединяющій Балканъ съ горами Сер-

біи и понижающійся къ Нишу; на югѣ, между Балканомъ и Родопомъ съ одной стороны, и Шаръ-планиной съ другой, тянется связь горъ, выпускающихъ по Македоніи обильныя воды къ приморью. Внутри Верхней Мизіи множество огромныхъ равнинъ,—дно утекшихъ озеръ: бассейнъ Ситницы и Косова, Лѣпеницы, Ниша, Пирота, Софіи, Ихтимана; при подошвѣ Родопа Баня и Самоковъ; на Стримонѣ Радоміръ, Костендилъ; въ центрѣ Лѣсковацъ, Враня, русло Топлицы. Однимъ словомъ, здѣсь есть все, характеризующее центральную высоту и страну: платформы, озера, исходища рѣкъ. И если Верхняя Мизія не содержитъ самыхъ значительныхъ высотъ Турціи, то за то онѣ непосредственно съ нею связаны: Скордъ, Копаоникъ, Шаръ-планина, Родопъ и Балканъ. Эта-то страна сѣверозападною частію своею принадлежала къ Рассіи, во все послѣдующее время цвѣтущаго государства Сербовъ. Однажды овладѣвъ ею, они могли располагать долинами по рѣкамъ Нишавѣ, Искеру, Марицѣ Стримону, Вардару, слѣдовательно имѣли въ своихъ рукахъ Македонію, и отсюда-то такъ счастливо били Грековъ, когда предѣлы болгарскаго царства возвратились къ Балкану и народонаселеніе осталось въ зависимости Грековъ. Только Угры, пробивая себѣ дорогу къ Нишу, предъявляли притязанія на этотъ важный пунктъ: но и ихъ умѣли удерживать Сербы, уступая скорѣе и легче владѣнія при Дунаѣ и въ Босніи, и отслонившись тогда только, когда несчастная битва при Косовѣ открыла путь всѣмъ, кто хотѣлъ только помѣряться съ Турками. Постоянное стремленіе Сербовъ удержаться въ этой странѣ составляетъ характеръ всей ихъ исторіи лучшаго времени. Уже Степанъ Неманя, основавъ столицу въ Расѣ, строитъ тамъ монастырь; другой монастырь строитъ на Ибрѣ, третій на Топлицѣ, близь Коршумл я; является Лавра Студеница; нашли случай проникнуть къ Нишу и Призрену, основать столицу въ Приштинѣ, чтобы имѣть возможность спуститься въ Косово, оттуда въ Македонію, къ Скопле или Скопе; къ этому времени относится вѣроятно построеніе укрѣпленія Качаника, при сѣверномъ входѣ въ ущелье Лѣпенацъ. При потомкахъ Степана является укрѣпленіе Ново-брдо на Ю. З. отъ Приштины, на С. З. Кратово, мѣсто погребенія родичей Немани; входъ въ долину Ибра и къ столицѣ государства защищенъ былъ замкомъ Звечанскимъ, возлѣ Митровицы, и Магличемъ; ущелье Сутѣса, которое вело изъ Босніи въ Герцеговину, защищено замкомъ Пиритора; Савва, братъ Степана Неманича, строитъ Жичу при стокѣ Ибра и Моравы; Владиславъ (1230—1237) ста-

витъ монастырь Милешево близь Приеполя; Милутинъ изъ В. Мизіи проникаетъ въ Македонію; съ 1293 года Петь дѣлается столицею Митрополіи; Степанъ Урошъ III строитъ Дечане, откуда получаетъ и свое прозвище; Душанъ побѣдоносно дѣйствуетъ изъ Звечана, Скопля и Призрена; Лазарь, изъ Срема и Браничева, съ Дунаю, изъ любимой своей Раваницы, все-таки считаетъ необходимымъ перейти въ Призренъ (и Крушевацъ). Здѣсь начинается эпоха Косовскаго поля, и, вмѣстѣ съ паденіемъ прежней силы, Сербы начинають отступать по направленію къ Дунаю и Უграмъ, у которыхъ они искали защиты. Тѣмъ не менѣе, и послѣ того, Степанъ держится еще Сребарника, оставляя его послѣ другихъ мѣстъ, когда потеряна уже вся надежда; тогда какъ Юрій Бранковичь переходитъ въ Бѣлградъ и Смедерево, хитрая жена его Ирина остается еще въ Звечанѣ. Ново-брдо и Призренъ заняты были Турками не ранѣе 1455 года; сожженіе Милешевскаго Монастыря, 1459 года, предвѣщало рѣшительную и конечную гибель государству. Возстаніе Сербовъ въ 1689 г. имѣло въ виду эту страну. Патріоты до сихъ поръ ничего такъ не желаютъ, какъ присоединенія къ сербскому Княжеству древней Рассіи, Метохіи, Верхней Мизіи. Надежды могли бы еще оправдаться, если бъ не запустѣніе этой страны. По приглашенію императора, Патріархъ Арсеній Черноевичь III въ 1690 году выселилъ отсюда 37,000 семействъ за Дунай; его примѣру послѣдовалъ Арсеній IV, спустя 50 лѣтъ, и мѣсто Сербовъ заселено было Арнаутами. Кое-гдѣ дожили доселѣ ихъ остатки, вмѣстѣ съ Болгарами; вообще должно предполагать, что страна эта, занятая въ первой древности Болгарами, въ послѣдствіи имѣла населеніе смѣшанное. По крайней мѣрѣ въ Македоніи Болгаре своими обычаями и нарѣчіемъ представляютъ уже переходъ отъ своихъ за-балканскихъ братій къ Сербамъ. И не мудрено, ибо съ XII уже вѣка они завлечены были въ интересы сербскаго государства, послѣ того, какъ Асѣни принуждены были замкнуть болгарское государство Балканомъ. И, такъ какъ пребываніе въ странѣ этой дало обильное содержаніе поэзіи сербской, то въ ней, почти на столько же, мы могли бы искать выраженія болгарскаго духа. Однако, поелику до Косовской битвы содержаніе сербской поэзіи преимущественно занято интересами кралей и государства, а государственныя начала выработаны были исключительно Сербами, то въ пѣсняхъ ихъ болгарское народонаселеніе и отношеніе къ нему упоминаются только на далекомъ планѣ; въ пѣсняхъ болгарскихъ мы также рѣдко встрѣчаемъ черты

означенной эпохи сербскаго государства. Поэзія того и другаго племени сходится ближе только въ слѣдующую за тѣмъ эпоху, — первое время турецкихъ завоеваній. — Возвращаемся къ сербскому эпосу. Въ немъ замѣчаемъ мы двѣ главныя стороны: одна, какъ сказано, обращена къ кралямъ и государству, въ мѣстностяхъ Старой Сербіи и Македоніи; другая, нѣсколько позднѣйшая, обращена къ берегамъ Дуная. Бросивъ бѣглый топографическій и историческій взглядъ на первую сторону, обратимся теперь ко второй, сдѣлавши прежде очень нужное замѣчаніе, что обѣ онѣ находятся между собою въ тѣснѣйшей связи.

ПОЗДНѢЙШЕЕ ДВИЖЕНІЕ СЕРБОВЪ КЪ ДУНАЮ; СВЯЗИ РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ ВЪ ОБЛАСТЯХЪ СЛАВОНІИ, СРЕМА, МАЧВАНСКАГО БАНАТА; ВЛАДѢНІЯ УГОРЪ, СЕРБОВЪ, ТУРОКЪ, НАКОНЕЦЪ НЫНѢШНЯГО КНЯЖЕСТВА.

Въ VII вѣкѣ на Сербской (впослѣдствіи) Моравѣ и у Бѣлграда сходились рубежи Аваровъ и Болгаръ. Франки, выступившіе противъ Аваровъ, въ тоже время простерли притѣсненія и на посавскихъ Хорватовъ. Съ теченіемъ времени, послѣдніе достигли независимости, но, пользуясь ихъ раздорами съ Франками, Болгаре захватили страну, составлявшую уголъ между Савою, Дравою и Дунаемъ, извѣстную потомъ подъ именемъ Славоніи, съ главнымъ городомъ Бѣлградомъ, гдѣ въ IX вѣкѣ сидѣлъ борисовъ намѣстникъ. Банатъ и Бачка принадлежали имъ. Сербы, воевавшіе тогда съ ними на берегахъ Моравы, не смѣли еще и думать о владѣніяхъ по Савѣ и Дунаю. Вслѣдъ за тѣмъ страну заняли Греки, побѣдивши, въ началѣ XI вѣка, Болгаръ и Сербовъ. Не хотѣли отстать и Угры: въ теченіе XI—XII в. вся область между Бѣлградомъ и Нишемъ была яблокомъ раздора между ними и Византійцами. Сербы пользовались такими обстоятельствами, но не ранѣе Немани и потомковъ его, а восточная часть Славоніи, уголъ, о которомъ мы говорили, оставалась за Греками, пока ее отняли Мадьяры и при Белѣ III (1173—96), равно какъ Андреѣ II (1205—35), назвали Славонскимъ Воеводствомъ. Съ тѣхъ поръ прилежащія окрестности остались подъ ними или въ зависимости отъ нихъ. Между тѣмъ образовался особый Мачванскій банатъ, въ прежнемъ, обширномъ, смыслѣ обнимавшій оба берега Савы, отъ Дрины до Дуная, то есть самую сѣверную часть нынѣшняго Княжества сербскаго, а въ частномъ, позднѣйшемъ,

подъ именемъ Мачвы, составлявшій треугольникъ между Шабцемъ (Шабацъ) и Дриной. Въ первомъ смыслѣ онъ заключалъ Бѣлградъ, и въ такомъ видѣ отданъ былъ Белою IV зятю Ростиславу. Мы говорили уже, какъ Ростиславъ вліялъ отсюда на дѣла Болгаріи, — доказательство, что память прежней связи владѣній тогда еще не исчезла. Сынъ его, Бела Ростиславичь, воевалъ съ Сербами при помощи Угровъ. Но, по убіеніи его, 1272 года, Стефанъ угорскій отдалъ Мачву Драгутину, кралю сербскому. Сербы, упрочивъ довольно свои успѣхи на югѣ, могли теперь обратить взоры къ Дунаю. Драгутинъ, уступивъ на нѣкоторое время южныя владѣнія брату своему Милутину, спѣшилъ воспользоваться подаркомъ и перешелъ сперва въ Сремъ, потомъ въ Бѣлградъ. Къ этой эпохѣ восходитъ первое, болѣе обильное, содержаніе сербскаго эпоса, и съ тѣхъ поръ пѣсни постоянно уже начинаютъ связывать преданія придунайскія съ южными, старосербскими и македонскими. Овладѣвъ Браничевомъ и Семендріею, древнѣйшимъ мѣстомъ жительства болгарскихъ Славянъ, Драгутинъ въ то же время съ братомъ своимъ проникаетъ въ Македонію и доходитъ даже до Аѳона. Милутинъ брачными союзами своими соединенъ былъ и съ Волохами, и съ Уграми, и съ Болгарами. По смерти брата, 1317 года, онъ двинулся тотчасъ къ Дунаю и захватилъ его владѣнія: но Угры снова отняли у Сербовъ банатъ Мачванскій съ Бѣлградомъ. Сынъ его, Степанъ Дечанскій, устремилъ все свое вниманіе на дѣла Болгаріи, гдѣ правилъ зять его (мужъ сестры), Михаилъ Страшиміровичь, и распоряжался тамъ совершенно на всей своей волѣ. Преемникъ и сынъ его, Степанъ Душанъ, отдавъ Урошу съ титломъ краля Старую Сербію, оставилъ себѣ Македонію и новыя пріобрѣтенія отъ Грековъ, считаясь въ то же время верховнымъ властителемъ Болгаріи. Онъ не оставилъ однако безъ вниманія Мачву, и, отнявъ ее отъ Угровъ, въ 1343 году застроилъ крѣпость въ Бѣлградѣ. При несчастномъ Урошѣ, въ Сремѣ сидѣлъ вельможа его Лазарь, и, когда ему по смерти краля открылось болѣе блистательное поприще, поспѣшилъ изъ Раваницы въ Призренъ, раздѣляя свое мѣстопребываніе между имъ и Крушевцомъ. Южныя владѣнія начали дѣлиться на огромныя части, подъ властію Душановыхъ полководцевъ и бояръ. Начались побѣды Турокъ, и Сербы невольно начали отступать, устремляя взоры на Угровъ, какъ своихъ избавителей: Степанъ Лазаревичь переходитъ отъ Крушевца къ Манасіи на Ресавѣ и потомъ къ Бѣлграду. Вліянію Угровъ открылось обширное поприще, вмѣстѣ съ путями на поле битвы противъ Турокъ. Однако въ то же

время, то есть въ началѣ XV вѣка, овладѣвъ еще въ концѣ прошлаго Болгаріей, Турки переносятъ войну къ предѣламъ Угріи и Валахіи. Въ теченіе всей этой эпохи, какъ увидимъ ниже, подвизается Марко Кралевичь, герой не только сербскій, но почти столько же болгарскій. Южные предѣлы почти окончательно уже потеряны для государства, оставаясь во власти частныхъ владѣтелей и мѣстныхъ героевъ. Юрій Бранковичь играетъ двусмысленную роль и колеблется между Турками и Уграми. Придунайскія владѣнія, на которыя обращено теперь главное вниманіе, переходятъ изъ рукъ въ руки между двумя спорящими сторонами: деспотъ зѣваетъ, и видя, что напрасно ловитъ ихъ, переводитъ свои богатства то къ Уграмъ, то въ Дубровникъ. Въ 1433 году онъ строитъ Смедерево и принимаетъ въ Бѣлградъ угорскій гарнизонъ; напрасно: въ 1456 году городъ является столицею Турокъ, и, хотя Гунядъ въ томъ же году снова отнимаетъ его, но въ 1521 году онъ опять сдается Туркамъ на капитуляцію. Потомки деспота вымираютъ одинъ за другимъ съ пустымъ титломъ. Напрасно и Угры титулуются съ 1492 года королями Славоніи: послѣ битвы при Могачѣ, 1526 года, западная часть ея переходитъ къ Австрійцамъ, образуя ускоковъ, злѣйшихъ враговъ Турокъ,— владѣтелей восточной половины. Въ слѣдующее за тѣмъ время Бѣлградъ достается: 1658 г. Максимиліану; 1690 г. Туркамъ; 1717 г. принцу Евгенію; 1789 г. Лаудону; 1791 г. снова Туркамъ; въ 1806 году берутъ его приступомъ возставшіе Сербы; въ 1814 году входятъ опять гарнизономъ Турки. Спрашивается: въ придунайскомъ владѣніи Сербіи за кѣмъ же остается перевѣсъ народонаселенія и языка? За Сербами, и главная причина этого лежитъ въ переселеніяхъ: при первомъ переходѣ сюда власти, они спѣшили или принуждены были селиться цѣлыми толпами; еще больше перешло ихъ съ Юріемъ; въ 1481 году, съ Степаномъ Бранковичемъ, переселилось въ Сремъ до 50,000 семействъ; по вызову Леопольда II, съ Арсеніемъ III Черноевичемъ поселилось между Землиномъ и Пештомъ до 37,000 семействъ, 1690 г.; въ 1737 году, какъ сказано, по приглашенію Карла IV, съ Арсеніемъ IV опять населился Сремъ выходцами. Но, помимо этихъ переселеній, основа народонаселенія лежала въ иныхъ вѣтвяхъ Славянства, Хорватахъ, и особенно Болгарахъ, а поприще дѣйствія, раздѣленное между многими различными племенами, должно было передать и въ пѣсни отголоски различныхъ преданій: въ этомъ убѣдимся мы при разсмотрѣніи содержанія сербскаго эпоса. Кромѣ того, Сербы вмѣстѣ съ своими южными владѣніями потеряли страну

самыхъ дорогихъ воспоминаній; на захваченныхъ предѣлахъ государства не остается даже памяти о быломъ въ массѣ народонаселенія, ибо она замѣнена большею частію Арнаутами или Болгарами, для которыхъ интересы сербскихъ кралей уже не важны. Поэзія, вращаясь въ однихъ только воспоминаніяхъ, около земель Старой Сербіи и Македоніи, не обновляется живыми преданіями тѣхъ мѣстъ; за оскудѣніемъ ихъ, изсякаетъ древній источникъ, и вотъ съ какой стороны наиболѣе грозитъ сербскому эпосу будущее. Какъ бы то ни было, все-таки, повторяемъ, мѣстность главнаго содержанія сербскихъ пѣсней, разумѣя древнѣйшія, дѣлится на страны— прежнихъ южныхъ предѣловъ и владѣній придунайскихъ. Преданія безпрестанно связываютъ ту и другую сторону, и нерѣдко даже смѣшиваютъ. Весь промежутокъ земли, между показанными окраинами, входитъ въ содержаніе поэзіи только какъ путь съ юга къ Дунаю и обратно, а потому является на сцену уже довольно поздно, вслѣдъ за шагами Сербовъ, отступавшихъ съ юга. Теперь обратимся къ самой поэзіи, предваряя читателей, что мы беремъ въ настоящемъ дѣлѣ источникомъ почти единственно только пѣсни, изданныя Караджичемъ.

ОТДАЛЕННОЕ И СМУТНОЕ НАЧАЛО СЕРБСКАГО И БОЛГАРСКАГО ЭПОСА.

Первый періодъ сербскаго эпоса; придунайскія преданія. Преданія о Драгутинѣ и Милутинѣ, связанныя съ болгарскими.

Также точно какъ у Болгаръ, въ сербской поэзіи является иногда царь Константинъ (собраніе пѣсень В. Ст. Караджича, т. II, № 18, 19). Древнѣйшее, слѣдующее за тѣмъ, воспоминаніе принадлежитъ Неманѣ и Саввѣ Неманичу (т. II, № 15, 23, 24). Связь съ Болгарами обнаруживается здѣсь въ томъ священномъ и глубокомъ уваженіи, которое питали всегда оба племени къ Хилиндарскому монастырю, на Аѳонѣ, основанному, по сербскому преданію, Неманей (ср. у насъ пѣсню объ Индже). Потомъ ближайшее по времени, и уже довольно обильное, хотя не совсѣмъ ясное, преданіе относится къ Драгутину и Милутину (1272—1317—1322). Въ одной сербской пѣсни (т. II, № 10) являются два брата, Миланъ и Драгутинъ. Они связаны горячей любовью; Миланъ хочетъ жениться, Драгутинъ отговариваетъ, предсказывая, что жена поссоритъ ихъ. Миланъ не послушался и женился, а жена первымъ условіемъ любви поставила ему гибель

брата; дѣло сдѣлано, но Миланъ раскаялся и въ слѣдъ за тѣмъ убилъ жену свою. Теперь, чтобы отнести это именно къ Драгутину и Милутину, просимъ вспомнить, что Драгутинъ, удаляясь въ Мачву, уступилъ престолъ брату, потомъ взялъ его назадъ и кончилъ жизнь въ Сремѣ, по другимъ въ Бѣлградѣ, почти пустынникомъ, раздавая имущество бѣднымъ и разсылая въ далекіе монастыри милостыню. Сербское преданіе ищетъ мѣста его жителства въ мѣстечкѣ Дебрцъ, въ шабацкомъ (посавскомъ) округѣ. Милутинъ такимъ образомъ снова вступилъ на престолъ еще при жизни брата отшельника. Помимо побѣдъ, личнымъ пятномъ его остается именно отношеніе къ женамъ. Въ первомъ супружествѣ была за нимъ дочь Іоанна Ангела (по однимъ), Волошка или Влахиня (по другимъ). Удаливъ ее подъ предлогомъ неплодія, вступилъ онъ въ бракъ съ Еленой, дочерью Стефана угорскаго. Отославъ и ее, женился на дочери болгарскаго царя Тертера; въ слѣдъ за тѣмъ сорокапятилѣтній государь взялъ шестилѣтнюю дочь Императора Андроника. Не мудрено, что такого рода поведеніе, соблазнявшее весь народъ и окрестныхъ государей, могло быть причиною ссоръ братьевъ. Мотивъ этотъ весьма развитъ и мы встрѣчаемъ его въ нѣсколькихъ пѣсняхъ. Такова пѣсня о двухъ братьяхъ, Муё и Алия, которая, по мнѣнію самого Караджича, старше турецкаго завоеванія: братъ также убилъ брата, подстрекаемый видѣніемъ какой-то женщины (т. II, № 11). Тѣ же самыя черты отзываются въ исторіи братьевъ Якшичей, героевъ болѣе поздней эпохи, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе въ послѣдствіи. Они дѣлятся между собою. Въ пѣсни «раздѣлъ Якшичей (диёба Якшитя, т. II, № 99),» жена Степана подъучаетъ его выдѣлить брата изъ имущества: обиженный Димитрій, скромно уступивъ ему свою долю, уходитъ на «Звиезду планину» и пасетъ тамъ овецъ, а на случившейся охотѣ спасаетъ брата: растроганный Степанъ наказываетъ жену и выгоняетъ ее изъ дому. Въ пѣсни «Якшичи испытываютъ женъ (Якшити кушаю любе,—№ 100, т. II),» жена одного также оказывается виною растройства въ хозяйствѣ и получаетъ наказаніе. Опять третье преданіе, «раздѣлъ Якшичей (диёба Якшитя, т. II, № 98)»: братья дѣлятъ очевину, т. е. отцовское имѣніе; Димитрій взялъ себѣ «землю Каравлашскую и Богданскую, и весь банатъ до воды Дуная,» Богданъ (по другимъ Степанъ) «Сремъ, Посавле и Сербію до Ужицы;» самый Бѣлградъ они раздѣлили, но заспорили о конѣ и соколѣ, почему Димитрій поручилъ женѣ отравить брата, но она спасаетъ его. Здѣсь вездѣ видимъ мы страны придунайскія и Валахію, а слѣдо-

вательно связь съ Болгаріей; бытъ тихій и скромный скорѣе сближается съ образами болгарскими, чѣмъ сербскими. Этого мало: въ томъ же самомъ положеніи (т. II, № 75, Радул-бег и бугарски краль Шишман) являются прямо братья Радулъ-бегъ и Мирчета (или Мирче, Мирчё), споря за землю «Каравлашскую и Карабогданскую;» большую роль играетъ жена Радула и болгарскій краль Шишманъ; даже является тотъ же мотивъ, какъ у насъ въ № VI, мотивъ зова на крестины, съ цѣлію погубить кума. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ главныя черты,—горячая любовь двухъ братьевъ; раздѣлъ ихъ или ссора; участіе въ ссорѣ жены одного изъ нихъ; сильно выраженное раскаяніе одного изъ братьевъ, о притѣсненіи или гибели другаго. Группа это заключается сербской пѣснію о двухъ братьяхъ «Предрагѣ и Ненадѣ (т. II, № 16)»; нечего уже говорить о сходствѣ: она почти слово въ слово соотвѣтствуетъ нашей подъ № XXXI, а потому мы и помѣстимъ ее рядомъ, для сравненія.

БОЛѢЕ ЯСНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СТЕПАНѢ ДЕЧАНСКОМЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ МИХАИЛОМЪ БОЛГАРСКИМЪ.

За этимъ первымъ началомъ сербскаго эпоса, слѣдующее воспоминаніе принадлежитъ Степану Дечанскому, сыну Милутина (т. II, № 31, «бан Милутин и дука Херцеговац»). Банъ Пожеги, Милутинъ, отзывается на войну сербскимъ царемъ Степаномъ, который называется здѣсь «сильнымъ», эпитетъ, придаваемый обыкновенно Душану. Но война идетъ съ Михаиломъ болгарскимъ (Страшиміровичемъ), а воевалъ съ нимъ не Душанъ, напротивъ Дечанъ (1322—1336): если дѣйствительно здѣсь смѣшаны имена, и «сильнымъ» названъ Степанъ Дечанскій, то смѣшеніе легко могло возникнуть, ибо побѣдою отецъ именно обязанъ былъ болѣе всего храбрости сына Душана. Какъ бы то ни было, война и побѣда исторически дѣйствительны. Степанъ привелъ въ порядокъ дѣла болгарскія и оставилъ тамъ на престолѣ сестру свою, которую удалилъ было Михаилъ, женившись на другой: битва по пѣсни произошла у Лаба, «у край Лаба, у край воде ладне», на самомъ же дѣлѣ произошла она близь Струмицы. Пѣсня говоритъ, что Степанъ —

Сједе у землю Бугарску,
И умири землю Бугарию.
Но за дуго царе зачамао,
Кажу, брате, за три годинице.

(промедлилъ тамъ до трехъ лѣтъ). Между тѣмъ, съ помощію жены отсутствующаго бана, Пожегой овладѣваетъ Дука Херцеговацъ; пѣсня кончается убіеніемъ похитителя и наказаніемъ жены. Интересны въ ней два описанія: владѣній Милутина и его дороги изъ Пожеги къ Призрену, изъ Болгаріи назадъ. Владѣнія исчисляются слѣдующія: Пожега, села—Баница подъ Елицей, Атеница, Лозница, Паковрать, по рѣкамъ Бѣлицѣ и Моравицѣ; подъ Баницей църква Ежевица. Такимъ образомъ владѣнія эти были очень обширны: Елица и нынѣ существуетъ, гора близь Овчара; Лозница существуетъ; Бѣлица вѣроятно=Бѣла-рѣка, притокъ Ядра, впадающаго въ Дрину (а можетъ быть смѣшана Бѣлица герцеговинская, что близь Черной Горы); Моравица течетъ къ Пожегѣ отъ нынѣшнихъ южныхъ границъ Сербіи, близъ Босніи. Такимъ образомъ это были владѣнія вдоль Дрины съ одной стороны, и потомъ съ другой по Моравѣ, а въ центрѣ была Пожега. Дороги описаны такъ: 1) изъ Пожеги въ Призренъ: на Мораву, съ нея въ горы Стараго Влаха, отсюда въ равнину Сѣницы, потомъ въ Косово (перескокъ), далѣе подъемъ къ Шаръ-планинѣ и наконецъ въ Призренъ. 2) Изъ Болгаріи въ Пожегу: «оде право кроз землю Бугарску,» т. е. вѣроятно сѣверной частью Высокаго Балкана къ Нишу; остальная дорога ясна: въ Крушевацъ, отсюда въ верхъ по Моравѣ, противъ теченія, до горы Елицы; потомъ, сдѣлавши небольшой крюкъ къ виноградникамъ, поворотилъ банъ въ равнину Драгачева и вошелъ уже въ Пожегу. — Что касается до лица врага его, то Дука называется въ пѣсни Херцеговцемъ. Смотря на дорогу, по которой идетъ онъ въ Пожегу, видимъ, что онъ идетъ со стороны нынѣшней сѣв. западной Герцеговины, ибо подвигается онъ поперегъ Босніи, переходитъ Дрину, горы Стараго Влаха, подходитъ къ Ужицѣ и отсюда уже спускается въ равнину Пожеги. Но у него упоминается «Троица црква»: развалины одной находятся при истокахъ Рашки, не далеко отъ Баниска; другая между Овчаромъ и Кобларомъ; третья въ Герцеговинѣ близь Ташлицы. Первая изъ нихъ можетъ относиться равно и къ Босніи, и къ Герцовинѣ, но будетъ уже на Ю. В. отъ Пожеги, и стало быть означенная дорога не будетъ возможна. Такъ какъ Боснія въ то время иногда соединялась съ Герцеговиной, и вообще мало еще отдѣлялась отъ нея, то Дуку (=dux) можно считать также однимъ изъ владѣтелей боснійскихъ, вѣроятно Угриномъ, вытѣснившимъ родича-Босняка; такъ при Дечанѣ выгнанъ былъ Уграми банъ Младенъ и на его мѣсто посаженъ Котроманъ. — Наконецъ въ пѣсни говорится, что

Степанъ за услуги Милутина отдалъ ему Босну и что послѣдній засѣлъ въ Маглай; воображеніе могло распоряжаться такимъ образомъ на томъ основаніи, что Степанъ боснійскій склонялся отъ Угровъ въ подручники къ Душану, и вотъ еще доказательство, что пѣсня подъ «сильнымъ Степаномъ» точно разумѣетъ здѣсь Душана. Послѣ того неяснаго содержанія, которое нашли мы въ преданіяхъ изъ временъ Драгутина, пѣсня, сейчасъ нами разобранная, въ первые приводитъ съ собою ясное обозначеніе именъ и мѣстностей.

ДУШАНЪ. СООТВѢТСТВУЮЩІЯ ЧЕРТЫ И ПРЕДАНІЯ У БОЛГАРЪ.

Слѣдуютъ пѣсни о Душанѣ. Эго эпоха высшаго могущества сербскаго государства; къ сожалѣнію, судя по важности эпохи, мы имѣемъ слишкомъ мало пѣсней, и то не о подвигахъ государя, а болѣе о его личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ (т. II, № 27, 28, 29, 30, 32, 33). Въ этомъ смыслѣ замѣчательна пѣсня о женидьбѣ Душана (т. II, № 29). Мотивъ ея, совершенно сходный съ нашей пѣснею подъ № V, состоитъ въ томъ, что жена выбирается на чужой сторонѣ, и будущій тесть запрещаетъ въ числѣ сватовъ приводить жениху своихъ храбрыхъ родственниковъ; женихъ послушался, но одинъ изъ родственниковъ является незваный и помогаетъ ему преодолѣть препятствія, положенныя тестемъ. Мотивъ этотъ мы встрѣчаемъ, кромѣ того: во первыхъ въ пѣсни о женидьбѣ Поповича Стояна (т. II, № 87), и интересно, что здѣсь тесть запрещаетъ приводить въ сватахъ Сербовъ, и рекомендуетъ скорѣе Грековъ и Болгаръ, какъ болѣе скромныхъ:

Не мой водит' Срба у сватове,
Єр су Србе тешке пиянице,
А у кавзи кавгаджие люте: а)
Опите се, заметнуте кавгу,
Па є тешко кавзи джевап дати б)
У Латинском Млетку плетеноме;
Веть поведи Грке и Бугаре.

Совершенно то же событіе, и тѣми же словами переданное, является при женидьбѣ Юрья Бранковича (т. II, № 79). Тоже при женидьбѣ

а) Задоры въ ссорѣ.
б) Разсчетъ, разборъ.

Змай-деспота Вука (т. II, № 92), гдѣ въ числѣ позванныхъ, оказавшихся потомъ спасителями, являются Дмитрій Якшичь съ «пеякии (небольшимъ, слабымъ, дитею) Степаномъ»; вообще въ пѣсняхъ о Якшичахъ, герояхъ, связанныхъ по преданіямъ съ Болгарами, избавителемъ часто является «диете», дитя, но только не въ нашемъ смыслѣ, а немного постарше, молодой малой, отрокъ, даже юноша: такъ точно и въ нашей болгарской пѣсни выручаетъ Вълка родственникъ его «Марко малко дѣте.» Наконецъ тотъ же мотивъ въ позднѣйшихъ сербскихъ пѣсняхъ объ Ивѣ Сѣнянинѣ и Сибиняниѣ Янкѣ (т. III, № 29, 30).— Возвращаемся къ Душану. Онъ запросилъ дѣвойку «на далеко у Ледяну, граду Латинскоме, у Латинског' краля Мияила.» У насъ Вълко беретъ также дочь «царскѫ и кралскѫ» въ странѣ, гдѣ законъ иной («намъ ни е закона...»). Тому и другому зарекаетъ краль брать въ сваты, — Степану двухъ племянниковъ отъ сестры, Воиновичей:

У питю су тешке плянице,
А у кавзи люте кавгаджие,
Опите се, заметнуте кавгу,
Пак е тешко джевап дати кавзи.

У насъ:

Калесай си, Вълко,
Сичкѫ-тѫ роднинѫ,
Ала не калесвай
Сестрини си дѣца,
Марка, малко дѣте,
И Вълчанъ Войводѫ:
Че сѫ кавгаджии,
Кавгѫ ште направятъ,
Свадбѫ да развалятъ.

Однако, не смотря на то, Марко одѣлся и отправился незваный. — Душанъ отправляется за невѣстой изъ Призрена вдоль Косова; когда онъ былъ подъ Вучитрномъ, племянники Воиновичи увидали его, и, хоть не были званы, рѣшаются послать за нимъ Милоша, замѣтьте — меньшаго; интересно, что край, въ которомъ живутъ они, Болгарамъ близокъ и можно сказать свой: потому не удивительно, если въ сербской пѣсни встрѣчаемъ мы слѣдующія подробности: во первыхъ братья одѣваютъ Милоша въ одежу Болгаръ, которая, стало быть, была у нихъ подъ рукою:

А сврх свега бугар-кабаницу,
И на главу бугарску шубару:
Начини се црни Бугарине,
Ни брата га познати не могу.

На случай, если бы сваты спросили, кто онъ, и зачѣмъ присталъ, учатъ сказать:

Ти се кажи земле Каравлашке:
Служио сам бега Радул-бега,
Не штe мене службу да исплати,
Пак я подёх у свиет биели,
Да негоди боле службе тражим.

Этими словами, очевидно, Валахія и ея властитель Радулъ-бегъ поставляются въ ближайшей связи съ Болгаріей и Сербіей. Милошъ во все время выдержалъ роль Болгарина, и любопытно, какъ въ лицѣ его Сербы подшучивали надъ болгарскою грубостью и неловкостью,— ясное выраженіе взаимныхъ отношеній племенъ. Когда Милошъ попросилъ вина у корчмаря, тотъ отвѣчаетъ ему:

Ид' одатле, црни Бугарине!
Да с' доние бугарску копаню,
Ако бих ти и усуо вина:
За те нису чаше позлатене.

Когда Латинецъ вышелъ на поединокъ и увидалъ Милоша, онъ съ презрѣніемъ обратился къ нему:

Ид' одатле, црни Бугарине,
Немам о што сабле поганити,
Кад на тебе ни халина нема.

Даже самъ Степанъ, не смот на услуги мнимаго Болгарина, когда этотъ спросилъ, нельзя ли ему еще пуститься на подвигъ, съ усмѣшкой отвѣчалъ:

Єст слободно, мое драго д'ете,
Него скини бугар-кабаницу;
Бог убио онога терзию,
Кои ти е толику срезао!

Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что Сербы вообще смотрятъ на Болгаръ довольно презрительно; по крайней мѣрѣ это въ пѣсняхъ вы-

ражается довольно часто: сравните сербскую пѣсню «Марâ не хочеть за болгарскаго бана (т. I, № 726).» Какъ бы то ни было, Милошъ въ одеждѣ Болгарина совершилъ за своего дядю нѣсколько геройскихъ подвиговъ, назначенныхъ Латинскимъ кралемъ; сравненіе ихъ съ тѣми, какіе находимъ въ пѣсни болгарской, показываетъ ближайшее сродство той и другой поэзіи: въ сербской 1) задача перескочить черезъ трехъ осѣдланныхъ коней, съ мечами на сѣдлахъ, обращенными къ верху остріемъ; 2) попасть сквозь перстень въ яблоко; 3) узнать изъ трехъ одноликихъ дѣвушекъ невѣсту; въ болгарской 1) перескочить ворота; 2) три воза хворосту; 3) узнать невѣсту. Послѣдняя задача выражается почти одинакими словами:

Извели су три л'епе девойке,
Три девойке, све три еднолике,
И на нима рухо еднолико:
Иди, познай, кое е Роксанда...
Милошъ
Скиде с леђа бугар-кабаницу,
Пак е простре по зеленой трав
Просу по нёй бурме и прстене,
Ситан бисер и драго камене;
Тад извади мача зеленога,
Па говори трима девойкама:
«Коя е ту Роксанда девойка,
Нек савие скуте и рукаве,
Нека купи бурме и прстене,
Ситан бисер и драго камене;
Ако ли се коя друга маши,
Вѣра моя тако ми помогла!
Осѣтьтю ёй руке до лаката.»
Кад то чуше три л'епе девойке,
Обе крайне средню погледаше,
А Роксанда у зелену траву;
Сави скуте и свил'не рукаве,
Пак покупи бурме и прстене...
А девойке двие побегоше,
Али Милош утеть им не даде,
Вете обе увати за руке,
Све три води пред цара Степана,

Цару даде Роксанду девойку,
И даде му єдну уз Роксанду,
А трећю є себе уставио.

У насъ:

Приготвилъ є царя
Три моми хубави,
И три приличѣхѫ
Єдна на другѫ-тѫ,
И три-тѣ имахѫ
Єднѫ ми прѣмѣнѫ,

и проч. См. у насъ № V.

О другихъ обстоятельствахъ славнаго царствованія Душана мы находимъ въ пѣсняхъ очень немного. Перенося въ ту эпоху колоритъ позднѣйшаго времени, пѣсня окружаетъ его девятью визирями, изъ которыхъ главный Тодоръ. Въ соотвѣтствіе этимъ главнымъ вельможамъ и вождямъ, мы знаемъ нѣсколько именъ, на примѣръ: Заркусъ или Заркъ, во главѣ Македоніи и особенно по теченію Вардара; Богданъ, извѣстный чаще въ пѣсняхъ подъ именемъ Юга-Богдана, въ Македоніи восточной, въ Сересѣ; Вукашинъ въ Мизіи и западной Болгаріи; Лазарь при Дунаѣ; Николай въ Трикалѣ и Касторіи; Прилупъ въ Этоліи; Плакидъ въ Охридѣ и Прилипѣ. Должно думать, что было много и другихъ воеводъ, и въ разное время они занимали разные посты. Пѣсни помѣщаютъ Богдана въ Прокупле, Вукашина въ Скадрѣ. Наконецъ онѣ описываютъ намъ пиръ, на которомъ Душанъ сговариваетъ за Лазаря дочь Юга-Богдана, и потомъ завѣщаніе, въ которомъ на смертномъ одрѣ поручаетъ сына Уроша и царство Вукашину.

УРОШЪ. РАЗДѢЛЪ СЕРБСКАГО ГОСУДАРСТВА НА ЧАСТИ ПО СИЛЬНЫМЪ ВОЕВОДАМЪ. ВУКАШИНЪ, ЛАЗАРЬ. ОТСУТСТВІЕ СВЯЗИ СЪ БОЛГАРАМИ.

Настаетъ время воеводъ, раздѣлившихъ между собою распадающіяся части государства; между ними выдаются предъ всѣми—Вукашинъ, убійца Уроша, и Лазарь, занявшій праздный престолъ. Перваго встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ: о смерти Душана (т. II, № 33); о женидьбѣ на сестрѣ Момчила и рожденіи Марка Кралевича (т. II, № 25); о построеніи Скадра (т. II, № 26) и о спорѣ за престолъ (т. II, № 34). Всѣ эти обстоятельства слишкомъ частны, чтобы имѣть связь съ болгарской поэзіей. Мы упомянемъ ихъ, говоря о Маркѣ Кралевичѣ. Та-

ковы же точно обстоятельства, касающіяся личности Лазаря (т. II, № 32, 35, 36, 43, 53). Между ними интересна для насъ только одна пѣсня (т. II, № 43), въ которой къ женѣ Лазаря, Милицѣ, летаетъ змѣй отъ Ястребца (Ястребацъ, гора близь Крушевца, въ которомъ жилъ Лазарь, при стокѣ Нишавы и Болгарской Моравы). Повѣрье о змѣяхъ, летающихъ къ женщинамъ, слишкомъ извѣстно, чтобы объ немъ распространяться; но замѣчательно, что въ болгарскихъ пѣсняхъ оно рѣдко встрѣчается, и то въ женскихъ; не встрѣчается оно и въ сербскихъ пѣсняхъ южнаго происхожденія или содержанія южныхъ мѣстностей: главная родина его— страны придунайскія. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько змѣевъ. Первый изъ нихъ и, кажется, древнѣйшій — сынъ Будимскаго, т. е. угорскаго, краля Милутина, отправляющійся за невѣстою къ кралю въ Призренъ (т. II, № 12), преданіе, совпадающее, можетъ быть, съ эпохой Драгутина и Милутина, при первомъ сближеніи Сербовъ съ придунайскими краями; неясность миѳа указываетъ на древность и отличается отъ позднѣйшихъ сербскихъ пѣсней. Второй, наиболѣе извѣстный, хотя являющійся въ разныхъ видахъ, Змай-Деспотъ-Вукъ, сынъ слѣпца Гргура и внукъ Юрья Бранковича, живущій въ Купиновѣ, въ Сремѣ. Откуда же появился еще змѣй на Ястребцѣ, близь Крушевца? Разгадка заключается въ томъ, что Лазарь все первое время прожилъ при Дунаѣ и въ Крушевацъ перешелъ уже въ послѣдствіи. Но всего лучше это видно изъ разсказа самого змѣя Милицѣ, изъ котораго открывается: что ястребскій змѣй боялся больше всего купиновскаго; что причиною этого была давнишняя еще острастка; что они воспитывались вмѣстѣ, играли въ разныя игры и Змай-Деспотъ-Вукъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Ясно, что народная фантазія смѣшала эпохи, ибо современникъ Лазаря воспитывается вмѣстѣ съ внукомъ Юрья, а Лазарь, въ награду за то, что Змай-Деспотъ-Вукъ, по приглашенью его, побѣдилъ ястребскаго, даритъ ему въ вѣчное владѣніе Сремскую Бановину. Такъ, повторяемъ сказанное не разъ, придунайскія преданія сплетались съ южными.

КОСОВСКАЯ БИТВА И ЕЯ ПОДВИЖНИКИ, КАКЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВАГО СЕРБСКАГО ПЕРІОДА, БЕЗЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ БОЛГАРАМЪ.

Съ именемъ Лазаря соединено величайшее событіе сербской исторіи — косовская битва. Пѣсни, касающіяся ея, составляютъ особый кругъ (циклъ), называемый сербскими пѣвцами *Лазарица*; онъ начи-

вается изображеніемъ роковаго, послѣдняго пира Лазаря, на которомъ поняли другъ друга два знаменитые врага — Обиличь и Бранковичь, и заключается тѣми пѣснями, въ которыхъ изображаются слѣдствія битвы и страшныя вѣсти о гибели отцовъ, супруговъ и дѣтей, поразившія сербскія семейства (т. II, № 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 57, 58). То, что мы имѣемъ въ собраніи пѣсень Караджича, составляетъ безъ сомнѣнія небольшую еще часть всего эпоса знаменитой эпохи. Но, сколь ни высокъ этотъ эпосъ, представляющій цвѣтъ сербской и, можно сказать, всякой поэзіи народной, для насъ не имѣетъ онъ особеннаго значенія, ибо принадлежитъ исключительно сербскому духу и творчеству, не дѣлясь ни исторіей, ни поэзіей съ Болгарами. Мы должны только познакомиться съ главными дѣйствующими лицами битвы, чтобы потомъ не смѣшивать съ ними героевъ послѣдующихъ эпохъ. Главный источникъ здѣсь — описаніе 1) пирующихъ у Лазаря, 2) павшихъ въ битвѣ. По первому перечню:

Въ челѣ стола сидитъ Лазарь.

За нимъ съ лѣвой стороны:

Ивко отъ Коница.
Живко отъ Омоля.
(слуга Божидиръ).
Вукъ Бранковичь.
Иванъ Косанчичь.
Миланъ Топлица.
(Милица, жена).
Милошъ Обиличь.
Петръ, Никола и младшій
Момиръ, братья Милицы, сыновья Юга-Богдана.

Съ правой стороны:

Югъ-Богданъ.
Страхиня бановичь или Страхиновичь банъ,
зять Юга-Богдана, какъ и Лазарь.
Степанъ Мусичь.
Іово Кучаинацъ.
Петръ Браничевацъ (т. II, № 36).

По перечню дѣйствовавшихъ въ битвѣ (т. II, № 45, 46): кромѣ означенныхъ выше и девяти Юговичей,

Три Мрнявчевича, Вукашинъ, Углѣша, Гойко.
Герцогъ Степанъ.

Далѣе въ одномъ отрывкѣ упоминается (т. II, № 50, отр. V):

Срдя Злопогледя.

За тѣмъ, на Косовомъ полѣ дѣвушка находитъ раненаго (т. II, № 5); это былъ —

Павелъ Орловичь.

Юришичь Янко въ цареградской темницѣ, въ числѣ бившихся на Косовѣ, указываетъ имена главныхъ; это —

Марко Кралевичь.
Огнянъ, отрокъ, племянникъ Марка.
Самъ—Янко Юришичь (т. II, № 52).

Наконецъ (т. II. № 49) упоминается воротившійся съ битвы

Владета воевода.

Предупредивши, что мы беремъ здѣсь не историческихъ, а эпическихъ героевъ, разберемъ ихъ. Выдѣляемъ, во первыхъ, Срдю Злопогледю и Владету, имена коихъ, по всему вѣроятію, вымышлены; Ивко и Живко похожи на тоже, и въ другихъ мѣстахъ не поминаются; не поминаются уже послѣ и Іово Кучаинацъ, Петръ Браничевацъ, Огнянъ; пали въ битвѣ: Лазарь, Страхиня, Степанъ Мусичь, по преданію бывшій изъ Майдана, Пожаревацкой нахіи, и Югъ съ девятью сыновьями, между которыми, кромѣ приведенныхъ трехъ, упоминаются—Бошко, Воинъ, Дамянъ; по пѣснямъ на Косовѣ же пали Мрнявчевичи и герцогъ Степанъ; Вукъ Бранковичь ушелъ съ поля битвы, но въ пѣсняхъ потомъ не поминается; Милошъ Обиличь, Иванъ Косанчичь, Миланъ Топлица, въ косовскомъ эпосѣ представляются падшими, и являются однако товарищами подвиговъ Марка Кралевича, что требуетъ особаго объясненія, къ которому придемъ мы ниже; Павелъ Орловичь, раненый на Косовскомъ полѣ, является потомъ въ свитѣ Юрья Бранковича; преданіе объ Янкѣ Юришичѣ очень древне и важно, ибо онъ, подъ именемъ Свилоевича, является въ пѣсни, сохранившей на себѣ 1663 годъ и помѣщенной Миклошичемъ въ его Slawische Bibliothek (Popevka od Svilojevića). Не

смотря однако на ея авторитетъ, нельзя допустить, что Марко Кралевичь былъ въ косовской битвѣ, ибо всѣ преданія противъ того.

Общій характеръ перваго, государственнаго, періода сербскаго эпоса. Связь съ Болгаріей по одному самому общему содержанію преданій.

Изображеніемъ событій, связанныхъ съ косовской битвой, заключается первый періодъ сербскаго эпоса, начинающійся смутными преданіями о Неманѣ, Саввѣ и Драгутинѣ съ Милутиномъ. Характеромъ его являются интересы сербскаго государства и обстоятельства связанныхъ съ тѣмъ лицъ, особенно сербскихъ кралей. Согласно такому отличительному характеру, связь съ болгарской поэзіей можетъ быть только въ чертахъ самыхъ общихъ, въ нѣсколькихъ пріемахъ южнаго эпоса, въ немногихъ преданіяхъ, и еще болѣе рѣдкихъ именахъ, приводимыхъ вслѣдствіе частыхъ взаимныхъ сношеній. Сербы, сосредоточенные на интересахъ своего могущественнаго государства, не смотря на безпрерывныя сношенія съ Болгарами, не могли удѣлять послѣднимъ своего творчества для изображенія событій; Болгаре въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ не только не касаются сербскихъ кралей, но забыли и своихъ, по выше-приведеннымъ причинамъ. Далѣе, характеръ этого періода по мѣстности отличается тѣмъ, что направленіе преимущественно сосредоточено на Старой Сербіи и южныхъ предѣлахъ, только отчасти переходя къ Дунаю. Наконецъ, естественно, здѣсь не являются еще на первомъ планѣ Турки, и характеръ Туречины, особенно въ названіяхъ, ясно отдѣляется, какъ позднѣйшая примѣсь.

Второй періодъ сербскаго эпоса, его отличительный характеръ, объемъ; связь съ Болгарами не только въ общихъ преданіяхъ, но во многихъ уже лицахъ и именахъ героевъ.

Второй періодъ сербскаго эпоса отличается отъ другихъ во первыхъ временемъ, ибо въ немъ дѣйствуютъ лица, или пережившія косовскую битву, или являющіяся въ сторонѣ отъ нея и послѣ нея. Нужно замѣтить однако, что если бъ мы имѣли дѣло съ исторіей, а не съ эпосомъ, намъ было бы не достаточно этого отличительнаго признака, даже мы едва ли могли бы на него сослаться, ибо съ од-

ной стороны герои этого періода являются иногда гораздо раньше косовской битвы и только народной фантазіей пріурочиваются времени позднѣйшему; съ другой стороны оканчивается этотъ періодъ и переходитъ въ третій слишкомъ незамѣтно, такъ что во времени едва ли можно съ точностію опредѣлить границу. Но за то внутренній духъ этого періода совершенно уже отличенъ отъ эпохъ предъидущихъ и послѣдующихъ, и онъ-то легко указываетъ отличительные признаки. Государство распалось; его интересы не играютъ никакой роли, ни кого къ себѣ не привязываютъ, ни кѣмъ не руководятъ, и даже не упоминаются, ибо не существуютъ. Всюду дѣйствуютъ Турки, хотя и не на первомъ планѣ. Сербы представляются иногда съ ними въ мирѣ, но какъ равный съ равнымъ. Если Сербы съ Турками ссорятся и воюютъ, то со стороны первыхъ являются уже не войска, какъ въ эпоху государства, а частныя лица. Всѣ интересы эпоса сосредоточены на дѣйствіяхъ и подвигахъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ со враждою къ Туркамъ, съ сильною энергіей, сознающихъ глубоко свою народность, но руководимыхъ преимущественно личными видами, съ цѣлію охраненія собственной своей, частной, безопасности. Эти лица однакоже глубоко и существенно отличаются отъ послѣдующихъ хайдуковъ: это единицы крупныя, владѣтели значительныхъ имуществъ, запирающіеся иногда за ограды собственныхъ замковъ или оставленныхъ крѣпостей и монастырей прежняго государства. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно любопытна пѣсня перваго періода о созданіи Лазаремъ Раваницы-церкви. Созвавши воеводъ своихъ, князь высказываетъ предъ ними желаніе, по обычаю своихъ предшественниковъ построить церковь за-душу, или, какъ говоритъ Сербъ, «градити задужбину,» обѣщаясь вывести основу изъ олова, стянуть связи свинцовыя, покрыть церкву краснымъ золотомъ, наполнить дорогими каменьями, потолокъ украсить мелкимъ бисеромъ. Всѣ согласны, но не то говоритъ Милошъ: «настанетъ послѣднее время, настанетъ тяжкая бѣда, развалится твоя задужбина съ своимъ золотомъ и дорогими каменьями; раскуютъ Турки, расплавятъ свинцовыя связи, да подѣлаютъ изъ нихъ дубинки, и будутъ ими покалачивать бѣдняковъ, а бѣдняки будутъ клясть твою душу... А ты строй церкву Раваницу, строй сколько можешь красивѣй, но изъ холоднаго камня съ известью, а покрывай ты ее плитками и камнемъ: отъ камня ни кому ни камня (ни чего не возмутъ, ни чего не достанется); простоитъ тебѣ тысячу лѣтъ твоя задужбина Раваница.» И точно, предсказанія сбылись: твердыни мона-

стырей спасали защитниковъ отечества. Наконецъ, согласно съ историческимъ движеніемъ, ринувшимся вдругъ отъ Старой Сербіи по всему пространству до Дуная, поприщемъ дѣйствія эпическихъ героевъ этого періода является все пространство отъ Македоніи и Верхней Мизіи до Срема и Бѣлграда; различныя мѣстности и края выставляютъ своихъ героевъ. Здѣсь нельзя уже искать прежнихъ столицъ, Приштины, Призрена, Крушевца: всѣ мѣстности получаютъ свое право.

ГЛАВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВТОРАГО ПЕРІОДА СЕРБСКАГО ЭПОСА: МАРКО КРАЛЕВИЧЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДѢЙСТВУЮЩІЙ НА ЮГѢ, И ЮРІЙ БРАНКОВИЧЪ, БОЛѢЕ ПОЗДНІЙ, ПРИ ДУНАѢ.

Еще труднѣе указать, въ ряду лицъ, на какое либо главное: однако, по преимущественному обилію преданій, можно сгруппировать героевъ около двухъ главныхъ лицъ, Марка Кралевича и Юрья Бранковича, изъ которыхъ послѣдній выступаетъ, замѣтно, нѣсколько позднѣе; притомъ Марко дѣйствуетъ преимущественно въ краяхъ южныхъ, по крайности живетъ тамъ, а Юрій живетъ и болѣе дѣйствуетъ при Дунаѣ. Болгарскія пѣсни своими преданіями, и особенно духомъ, сближаются теперь съ сербскими гораздо болѣе перваго періода.

МАРКО КРАЛЕВИЧЪ. ОБЪЕМЪ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПО МѢСТУ И ВРЕМЕНИ.

Марко Кралевичъ, подъ своимъ и не своимъ именемъ, принадлежитъ столько же поэзіи сербской, какъ болгарской, особенно македонской по мѣсту жилища своего и подвиговъ; а потому мы должны подробнѣе на немъ остановиться, черпая разсказы изъ пѣсень и обращая вниманіе не на красоты, а на эпическіе факты. Живя воеводою въ Скадрѣ на Боянѣ, Вукашинъ сносился отсюда съ Пиритороиъ, замкомъ или градомъ, построеннымъ для защиты ущелья Сутѣса, при проходѣ изъ Босніи въ Герцеговину, возлѣ высокой горы Дурмитора. Тамъ жилъ другой воевода, Момчило, съ девятью братьями. Вукашинъ, некрасивый наружностью, но умный и хитрый по природѣ, успѣлъ соблазнить жену Момчила Видосаву и склонить на погибель мужа. Не удалось ей однако воспользоваться плодомъ злодѣянія: опасаясь подобной же измѣны и противъ себя, Вукашинъ женился на сестрѣ Момчила, согласно завѣщанію умиравшаго. Отъ Евросимы родились два сына, Марко и Андрей (у Болгаръ Александръ);

второй походилъ на отца,первый на дядю Момчила (т. II, № 25). Съ самой ранней молодости, Марко спорилъ и ссорился съ отцомъ за его неправые поступки. Когда умирающій Душанъ завѣщавалъ Вукашину правленіе царства и воспитаніе сына Уроша, Вукашинъ прямо отказывался: «милый кумъ, сербскій царь Степанъ! не для меня твое царство, не могу я, кумъ, царствовать: у меня есть сынъ самовольный, Кралевичь Марко; куда идетъ, никого онъ не спрашивается; гдѣ ни сядетъ, всюду пьетъ вино, а все изъ того хлопочетъ, чтобы какъ заварить ссору (т. II, № 33).» Душанъ все-таки приказывалъ и умеръ, повторяя слова свои. Между тѣмъ Марко, въ ссорѣ съ отцемъ, перебрался въ Прилипъ и основалъ тамъ постоянное жилище, вмѣстѣ съ матерью; отсюда выѣзжалъ онъ въ окрестныя страны на свои богатырскіе подвиги. Прилипъ, упоминаемый уже въ началѣ XII вѣка, по другой, болгарской, формѣ Прилѣпъ или Прѣлѣпъ (прекрасивый), лежитъ въ западной Македоніи, въ бассейнѣ Монастира, на рѣкѣ Црна или Вардаръ-Саригулъ. Бассейнъ Монастира, равно какъ Прѣспы и Охрида, отдѣляясь отъ Албаніи Мирдитами, образуется горами, которыя можно разсматривать какъ продолженіе съ одной стороны — горъ, идущихъ изъ Босніи при посредствѣ Шара-планины, съ другой стороны—горъ, отвѣтвляющихся отъ Родопа и Пирина. Во всякомъ случаѣ, связанные бассейны между горами открываютъ путь и къ Солуню, и къ остальной Македоніи, и въ Старую Сербію, Боснію. У Турокъ пашалыкъ Монастира, вмѣщающій Прилипъ, Охридъ, и т. д., принадлежалъ долгое время къ македонскимъ. До нынѣ, на западѣ отъ Прилипа, на горѣ въ 300 футовъ вышины, сохранились развалины Маркова замка, очень крѣпкаго и обширнаго, судя по остаткамъ семи или восьми строеній и нѣсколькихъ башней. По преданію сербскому, Марко въ особенности разошелся съ отцомъ за поступки съ Урошемъ, и наконецъ за убійство. Пѣсня разсказываетъ это слѣдующимъ образомъ: Душанъ передалъ Вукашину правленіе царствомъ только на семь лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы на осьмой годъ введенъ былъ Урошъ. Прошло шестнадцать лѣтъ, а Вукашинъ все правилъ; народъ терпѣлъ притѣсненія; кто ходилъ прежде въ шелку, передѣлся въ сукно. Сирота Урошъ проситъ у матери хлѣба, она отвѣчаетъ отказомъ, ибо все въ рукахъ Вукашина и, вмѣсто семи лѣтъ, онъ правитъ уже шестнадцать. Урошъ тогда подросъ уже и заспорилъ съ притѣснителемъ. На Косовѣ полѣ, при церквѣ Самодрежѣ или Грачаницѣ, собрались съ своими толпами искатели престола, Урошъ, Вукашинъ, да два его

брата. Споръ доходитъ до ножей, молчитъ только юный и несмѣлый Урошъ. Правитель пишетъ письмо въ Призренъ къ протопопу Недѣлькѣ: онъ исповѣдалъ и причастилъ Душана, у него староставныя книги, пусть придетъ онъ и рѣшитъ, на комъ царство. Посланные влекутъ протопопа отъ службы, которую совершалъ онъ; но ему трудно рѣшить дѣло: «правда, говоритъ онъ, я исповѣдалъ и причастилъ покойнаго царя, но я спрашивалъ его о грѣхахъ, не о царствѣ; а идите вы въ Прилипъ, къ Кралевичу Марку, ученику моему: онъ выучился у меня грамотѣ, онъ былъ у царя писаремъ, у него староставныя книги и онъ знаетъ, на комъ царство, а сказать правду не побоится никого, кромѣ Бога.» Марко далекъ отъ дѣлъ, но онъ знаетъ ихъ положеніе, ибо спрашиваетъ посланныхъ: «здоровы ли сербскіе витязи, цари и крали?» Отпуская сына, старуха мать заклинаетъ его не говорить криво ни по отцу, ни по дядьямъ, а говорить только по правдѣ Бога истиннаго, и изгубить лучше голову, нежели душу. Беретъ Марко староставныя книги и отправляется: напрасно радуются отецъ и дядья, онъ проѣзжаетъ мимо нихъ прямо къ палаткѣ Уроша. На другой день, прослушавши церковную службу, вышли всѣ передъ церкву и сѣли за столы. Марко раскрылъ книги, читаетъ ихъ, а самъ говоритъ: «отецъ мой, краль Вукашинъ! Мало тебѣ твоего королевства, мало, чтобъ ему пусто?! отнимаете вы чужое царство. А ты, дядя, деспотъ Углѣша! Мало тебѣ твоего деспотства, мало, чтобъ ему пусто?! отымаете чужое царство. Ты же, дядя, воевода Гойко! Мало тебѣ твоего воеводства, мало, чтобъ ему пусто?! Отымаете чужое царство. Видите ли вы, чтобъ васъ Богъ не видѣлъ! Книга говоритъ: на Урошѣ царство, отъ отца оно осталося сыну; отроку царство по его колѣну; ему назначилъ царь царство, при смерти, когда скончался.» Отецъ бросился на сына съ ножемъ, бѣжитъ Марко, три раза обѣжали вокругъ церкву, вотъ уже почти настигнута жертва, какъ изъ церкви послышался голосъ: «бѣги въ церковь, Королевичь Марко! Видишь, готова тебѣ нынче погибель, погибнешь отъ своего родителя, а за правду Бога истиннаго!» Вбѣжалъ Марко, врата захлопнулись; отецъ ударилъ ножемъ по свинцовой двери, изъ двери покапала кровь: «погубилъ я своего сына!» закричалъ онъ; «нѣтъ, отвѣчалъ голосъ изъ церкви, ты не Марка поразилъ, поразилъ Божьяго Ангела.» Предъ церковными вратами послышались проклятія разъяреннаго отца: «сынъ Марко, убей тебя Богъ! Не имѣть бы тебѣ гроба и порода! Не выпасть бы душѣ твоей, пока не наслужишься ты у царя турецкаго!» Клянетъ

Вукашинъ, а Урошъ благословляетъ: «кумъ Марко, помоги тебѣ Богъ! Чтобъ лице твое свѣтло было на судѣ! Чтобы сабля твоя сѣкла на поединкѣ! Чтобы не было молодца выше тебя, чтобы всюду поминалось имя твое, покуда есть солнце и мѣсяцъ!» Пѣсня прибавляетъ: «што су рекли, тако му се стекло.» И дѣйствительно, мы увидимъ исполненіе предсказаній (т. II, № 33, 34). Оскорбленный Марко, при видѣ всего того, что совершалось послѣ Душана, вопреки Божьей правдѣ, держится вдали всѣхъ дѣлъ и приготовленій къ косовской битвѣ; онъ не является ни разу у Лазаря, хотя тамъ пируютъ и готовятся къ бою его товарищи; вопреки разсказу Юришича и согласно съ прочими сербскими преданіями, онъ не участвуетъ въ побоищѣ косовскомъ. Но за то, тотчасъ послѣ битвы, онъ является на Косовомъ полѣ, при Ситницѣ и на Марицѣ, является какъ другъ уже султана, совершая для него трудные подвиги. Марица, по другой пѣсни Ситница, течетъ мутная и кровавая: она проноситъ съ Косова поля воинскіе доспѣхи, коней, раненыхъ, наконецъ какого-то страшнаго юнака, всего въ крови; дѣвушка, вышедшая по воду, бросила ему кусокъ полотна и вытащила на берегъ, а братъ ея (по другой пѣсни мужъ) добилъ раненаго, снялъ саблю и продаетъ между Турокъ: Марко узналъ отцово оружіе, наказалъ жестокаго; сидитъ возлѣ султана, кровавыя слезы выжимаются изъ очей его, поперегъ мѣряетъ султана взоромъ; султанъ отодвигаться подальше, а Марко все ближе да ближе, пока придвинулъ его къ самой стѣнѣ; султанъ сунулся въ карманы и подалъ сотню дукатовъ: «иди, Марко, напейся вина; что это тебя такъ разсердили?» «Не спрашивай, царь, отецъ названый: узналъ я саблю отца моего; да если бы, Богъ далъ, узналъ ее въ твоихъ рукахъ, и на тебя бы также точно я разлютился!» (т. II, № 57, 58).

ПОДВИГИ МАРКА ДО КОСОВСКОЙ БИТВЫ.

Съ этихъ поръ, какъ думаютъ большею частію, начинаются всѣ похожденія Марка: но не дѣйствовалъ ли онъ и прежде? Здѣсь мы должны изслѣдовать обстоятельства подробнѣе. Обыкновенное сербское преданіе назначаетъ Марку триста лѣтъ жизни, что и выражается въ извѣстной превосходной пѣсни «смерть Марка Кралевича (т. II, № 74),» гдѣ, прощаясь со свѣтомъ, онъ говоритъ: «лживый свѣтъ, мой прекрасный цвѣтъ! Прекрасенъ ты былъ, да не на долго, не на долго,—триста лѣтъ! Пришло время мнѣ разстаться со свѣ-

томъ.» Если въ началѣ пѣсни онъ говоритъ своему знаменитому коню Шарцу, что сблизился и свыкся съ нимъ въ теченіе ста-шестидесяти лѣтъ, то это не противорѣчитъ преданію, ибо прежде Шарца, по разсказамъ Сербовъ, Марко много перемѣнилъ коней, пока не нашелъ по нраву. Здѣсь умираетъ онъ своей смертью, «од Бога од старог крвника,» отмщающаго за пролитую кровь; умираетъ на планинѣ Урвинѣ, на вершинѣ, при колодцѣ, написавъ прежде письмо о своей смерти и бросивъ его на дерево, потомъ перекрестившись, надвинувъ на глаза соболій калпакъ и легши на доламу; Шарцу отрубилъ онъ голову, чтобъ не достался Туркамъ, и закопалъ его; саблю пареломилъ на четверо, чтобы Турки ею не хвалились и чтобы Христіане, слыша объ этомъ наслѣдствѣ, не проклинали Марка, какъ отступника; куски сломаннаго копья забросилъ на ель; буздованъ свой забросилъ въ море со словами: «когда выдетъ топузъ мой изъ моря, тогда только явится подобный мнѣ мужъ!» Въ письмѣ расписалъ одинъ поясъ денегъ тому, кто его похоронитъ; другой на церкви; третій калѣкамъ и слѣпымъ, чтобы ходили они по свѣту, пѣли и вспоминали Марка.—Что касается до этого мѣста смерти, то Урвинъ-планины, сколько намъ извѣстно, не существуетъ. Можно бы предполагать, что это Курбетска, Курбечка или Курвичка планина, соединенная съ горами—Клисура или Клисурска-планина, Снѣгъ-поле или Снѣгъ-поль-планина, Ширена или Широка-планина, Сукава или Сува-планина. Всѣ эти горы лежатъ между Софіей, Пиротомъ, Лѣсковцемъ, Костендиломъ и Дубницей, въ треугольникѣ, вершина коего при Лѣсковцѣ, а основаніе между Болгарской Моравой отъ Комановы и верхними притоками рѣки Сукавы отъ Дубницы. Самая высокая изъ нихъ группа горъ—Курбетска или Курвичка, на юго-востокъ отъ болгаро-моравской долины и Врани, на сѣверъ отъ Эгри-паланки, на сѣверо-западъ отъ Костендила; если это, какъ можно думать, Orbellus древнихъ, то названіе будетъ только осмыслено. Между Нишемъ и Лѣсковцемъ, въ сторонѣ той же Верхней Мизіи, лежатъ остатки древняго замка Курви-или Курвинъ-градъ (что заставило нѣкоторыхъ видѣть здѣсь преданіе о Матвѣѣ Корвинѣ). Помимо сродства съ древними, названіе могло возникнуть по мѣстнымъ какимъ либо преданіямъ, по сказаніямъ о подвигахъ женщинъ-героевъ, у Сербовъ и Болгаръ; всего же больше говоритъ въ пользу этого обьясненія близость планины Агликовины, на которой увидимъ мы болгарскаго Стояна, соотвѣтствующаго Марку; пѣвцы могли измѣнить названіе Курвина въ Урвина. Однако, если строго

слѣдовать пѣсни, несообразность оказывается изъ того, что отсюда слишкомъ далеко до моря и Марко не могъ докинуть буздована, въ сербскихъ же пѣсняхъ этого времени мы видимъ почти всюду отчетливое сообразованіе съ мѣстностью. При томъ Марка нашелъ мертвымъ игуменъ святогорецъ изъ Хилиндара, случаемъ, по дорогѣ, а это также очень далеко, хотя и возможно. Ближе къ Прилипу и морю будутъ горы, идущія на югъ между южной Албаніей и Солунскимъ заливомъ. Здѣсь останавливаетъ насъ гора Буреносъ, изъ которой легко могла быть передѣлана Урвинъ-планина. Гора въ нѣсколькихъ мѣстахъ возвышается до 300, а близъ Кайлари до 1500 футовъ; покрыта лѣсомъ (о чемъ упоминается въ пѣсни); съ южной стороны имѣетъ нѣсколько отводовъ и склоновъ, идущихъ къ Кояни и потомъ къ морю; если отъ этихъ нижнихъ сухихъ долинъ подняться къ Шатистѣ, ближе къ вершинамъ Буреносъ, приходишь къ большому углубленію, показывающему слѣды стекшаго озера: здѣсь-то могъ, по пѣсни, Марко смотрѣться въ воду и видѣть лице свое съ признаками смерти. Сюда близко и легко пройти изъ Солуня и съ Аѳона; самъ Марко, въ пѣсни «Мина од Костура (т. II; № 62),» заходитъ на святую гору, чтобъ тамъ исповѣдаться и причаститься; любопытно, что въ этой самой пѣсни онъ переодѣвается калугеромъ и разсказываетъ, что по дорогѣ схоронилъ Марка (дѣйствіе происходитъ въ Прилипѣ, Мина од Костура—изъ Касторіи); на такой-то дорогѣ съ Аѳона могъ Марко попасть на гору Буреносъ. И Греки легко могли передѣлать названіе изъ Урвинъ — Вуринъ, Вуриносъ, Буреносъ, и Славяне осмыслить названіе греческое. Какъ бы то ни было, не настаиваемъ на своемъ объясненіи: достовѣрно извѣстно только то, что «Урва» по болгарски значитъ скатъ горы, стремнина, утесъ, обрывъ (у-рв-а-ти), а по сербски тотъ же смыслъ имѣетъ «Урвина,» стало быть это имя нарицательное и могло быть придумано также точно, какъ въ «Предрагѣ и Ненадѣ» гора «Гаревица.» По другимъ преданіямъ, смерть Марка произошла иначе. Разсказываютъ, что въ одной битвѣ люди и кони утопали въ крови; Марко въ отчаяніи возвалъ къ Богу, Богъ умилостивился, и перенесъ его съ конемъ въ пещеру, на какую-то скалу, гдѣ онъ спитъ; Шарацъ ѣстъ по немногу мохъ, сабля воткнута; когда конь прієстъ весь мохъ, а сабля вылѣзетъ, тогда Марко встанетъ и выдетъ. Сербы доселѣ ожидаютъ спасенія отъ этой сабли и нерѣдко пропускаютъ между собою слухи, что она уже начинаетъ вылѣзать и что близко избавленіе отъ Турокъ. Другіе говорятъ, что въ пещеру онъ убѣжалъ самъ, когда въ первый разъ увидалъ ружье,

попробовалъ и прострѣлилъ себѣ ладонь: «теперь послѣдняя дрянь, говорилъ онъ, можетъ убить лучшаго юнака.» Во всякомъ случаѣ, преданіе о трехъ-стахъ лѣтъ жизни Марка имѣетъ полное право и свою истину въ сферѣ эпическихъ воззрѣній: дѣйствительно, тотъ періодъ сербской жизни, выразителемъ коего былъ Марко, тянулся весьма долго, и именно до трехъ сотъ лѣтъ; и количество подвиговъ, приписываемыхъ Марку, требуетъ конечно не малаго времени. Но, помимо всего этого, есть нѣсколько преданій и пѣсней, выражающихъ сущность дѣла совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и удивительно, какъ доселѣ этого не замѣтили. Правда, что Марку по преданіямъ и приведенной выше пѣснѣ назначаются прямо триста лѣтъ; правда, что онъ воспѣвается иногда какъ современникъ героевъ XVI и XVII вѣка: но въ тоже время, безсознательно и ближе къ исторической истинѣ, ему назначаются предѣлы обыкновенной человѣческой жизни, и предѣлы эти даже обозначаются довольно отчетливо. Во первыхъ, при Маркѣ постоянно является старуха мать: если онъ самъ и Шарацъ были долговѣчны, то этого не говорится нигдѣ и нѣтъ такой вѣры о матери. Далѣе, при всѣхъ разнообразныхъ сношеніяхъ Марка съ Турками, упоминаются только два султана—Сулейманъ и Баязетъ или Баязидъ. Наконецъ въ высшей степени любопытно одно преданіе, по которому выходитъ, что Марка убилъ гдѣ-то Каравлашскій воевода Мирчета, золотою стрѣлою въ уста, во время битвы Турокъ съ Каравлахами; варіантъ этого сказанія передаетъ намъ, что Марко, вмѣстѣ съ конемъ своимъ, попалъ, во время битвы при Дунаѣ, въ болото и тамъ завязъ. И дѣйствительно, въ Нѣготинской Крайнѣ, возлѣ источника Царичины или Царицына, доселѣ находится болото и тутъ же црквиште или развалины старой церкви, которая, по тамошнему мѣстному преданію, построена надъ гробомъ Марка. Въ связи съ именемъ воеводы Мирчеты или Мирча находится названіе извѣстной близь лежащей горы Мирочь или Мироча, Мирчева-планина. А что Марко точно бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, доказываетъ пѣсня «Марко кралевичь и вила (т. II, № 38),» гдѣ ѣдетъ онъ съ Милошемъ «преко красна Мироча планине.» Соображая историческія обстоятельства, находимъ, что дѣйствительно Баязидъ въ 1395 году воевалъ съ Волохами, что предводилъ ими Мирче воевода, что сшибки были при Дунаѣ, и что Туркамъ въ битвѣ помогали Сербы, а именно Степанъ Высокій, сынъ Лазаря, тогдашній деспотъ Сербіи, съ братомъ Вукомъ и родичами Бранковичами. Такимъ образомъ, соображаясь съ тѣми же народными пре-

даніями, мы можемъ *исторически* опредѣлить время и мѣсто смерти Марка. Время его существованія и подвиговъ очерчивается, стало быть, XIV вѣкомъ. Далѣе, время рожденія Марка обозначается по пѣснямъ эпохою воеводства Вукашина въ Скадрѣ; при Душанѣ, въ послѣдніе годы его (умеръ онъ 1356 года), Марко представляется по пѣснямъ ученикомъ попа Недѣльки и писаремъ при царѣ, слѣдовательно очень молодымъ, и, по словамъ самого отца, непокорнымъ и задорнымъ сыномъ; черезъ шестнадцать лѣтъ, по пѣсни же, является онъ разбирателемъ спора, и, вѣроятно, въ эту-то эпоху перехода отъ юности къ зрѣлости, совершаетъ онъ потомъ, до 1389 года, года косовской битвы, многіе свои подвиги, ибо послѣ Косова, когда ему было лѣтъ 50—60, съ Турками водился онъ не долго, лѣтъ шесть-семь. Такъ разсчитываемъ мы съ помощію историческихъ данныхъ, но, замѣтьте, не выходя изъ круга эпическихъ воззрѣній, заимствуя изъ нихъ главныя основы и разсматривая Марка не какъ героя историческаго, а эпическаго. Если онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ теченіе тридцати (слишкомъ) лѣтъ, отъ Душана до Косова, то конечно, будучи образцомъ сербскаго юнака всѣхъ эпохъ, успѣлъ совершить не мало. Поприще было открыто, и мы ни мало не противорѣчимъ себѣ, находя Марка въ первомъ періодѣ эпоса и въ тоже время ставя во главѣ втораго: эпоха отъ Душана до Косова не много разнилась отъ той, которая слѣдовала за тѣмъ непосредственно, и только не было еще Турокъ въ земляхъ сербскихъ; государство распалось уже; Лазарь сидѣлъ не по роду, а какъ счастливый воевода и бояринъ; области перешли ко владыкамъ, считавшимъ себя равными; вспомните, что изъ словъ Марка оказывается въ Сербіи нѣсколько царей и кралей; споръ и вражда самовольныхъ воеводъ погубили дѣла на Косовѣ; однимъ словомъ, характеръ всей второй половины XIV вѣка былъ одинаковъ, и послѣ битвы косовской, какъ увидимъ далѣе, не много еще измѣнился. Признавши это, мы для сербскаго эпоса выигрываемъ очень важное обстоятельство: если Обиличь, Топлица, Косанчичь и другіе являются товарищами подвиговъ Марка, то нѣтъ нужды предполагать, какъ дѣлають нѣкоторые, сами Сербы: или, что они пережили косовскій бой, или воскрешены эпосомъ, или перемѣшаны имена разныхъ лицъ, на примѣръ Милошъ отъ Поцеря—герой позднѣйшій, чѣмъ Милошъ Обиличь, и т. п. Напротивъ, они дѣйствуютъ съ Маркомъ еще *до Косова*. Перечислимъ подвиги Марка въ эту эпоху, товарищей его, враговъ. Вопервыхъ, сватовство Марка. Въ народѣ ходила слава про красоту Роксанды, сестры

Леки, капитана въ Призренѣ, а Лека Марку «красный пріятель». Отправляются свататься трое, Марко, Милошъ и Реля: ни одного не выбрала дѣвушка, да еще наругалась, но за то жестоко наказана Маркомъ (т. II, № 40). Между прочимъ высказываетъ она, какой общій слухъ носился объ Маркѣ: «Марко турецкій прислужникъ, съ Турками бьетъ и сѣчетъ; не будетъ ему ни гроба, ни укопа, не отпоютъ его въ гробѣ,» — именно то, что предсказалъ отецъ, и стало быть, съ одной стороны, нѣтъ нужды относить пѣсню къ эпохѣ позднѣйшей, турецкой; съ другой, какъ увидимъ ниже, упрекъ Марку въ службѣ Туркамъ могъ развиться гораздо позднѣе, и въ пѣсню вставленъ конечно уже послѣ. Всѣ трое товарищей называются здѣсь «сербскими воеводами;» Лека также самостоятельный правитель Призрена.—Слѣдующее за тѣмъ сватовство Марка было также неудачно: бѣдная дѣвушка, сирота, предпочла ему и воеводѣ Янку Павла Уступчича (т. II, № 41).—Третье сватовство достигло цѣли: Марко беретъ дочь болгарскаго краля Шишмана: это конечно послѣдній краль болгарскій. Къ сожалѣнію, вопреки совѣтамъ будущаго тестя, Марко взялъ вѣнчанымъ кумомъ венеціанскаго дожа, а онъ на дорогѣ сталъ приставать къ кумѣ и по ея прозьбѣ рѣшился даже обрить бороду; невѣста собрала въ платокъ обритую бороду, да бѣгомъ въ шатеръ къ Марку: на другой день женихъ предсталъ, нося corpus delicti; дожъ думалъ сосласться на шутку: «плохая шутка, отвѣчаетъ Марко; не шутка—обритая борода; гдѣ у тебя вечёрашняя борода?» Дожъ поплатился головой, да и деверь, Степанъ Земличь, не углядѣвшій за снохой (т. II, № 56).—Болгарскія преданія утверждаютъ также, что Марко женатъ былъ на Болгаркѣ: такова пѣсня о Стоянѣ (№ XIX), соотвѣтствуещемъ Марку; по другимъ (Изв. И. А. Н., 1854, болгар. пѣсни подъ № 3 и 6), жена его, Гроздaнка, напоминающая именемъ Роксанду, взята на пути къ Будиму, родному мѣсту Болгаръ. Сватовство разсказывается такъ: вмѣстѣ съ любезными друзьями, Богданомъ и Митромъ, ѣдетъ Марко къ Будиму. На пути садъ, въ саду дѣвица незасватанная, Грозданка, сладко заснула подъ розовымъ кустомъ. Минуя, Богданъ бросилъ въ нее горстью червонцевъ; Митро бросилъ золотымъ яблокомъ (свадебный даръ), Марко перстнемъ. Дѣвушка проснулась, и, по обычному мотиву женскихъ болгарскихъ пѣсень (сравните въ нашемъ сборникѣ), послала каждому во слѣдъ свое завѣтное желаніе: первому—чтобы золото лилось у него по дворамъ; второму—чтобы на лицѣ его цвѣли яблоки (чтобы игралъ румянецъ); третьему — чтобы въ домъ свой нашелъ онъ по-

другу-дѣвушку. Друзья поссорились изъ за дѣвушки и передали дѣло на судъ будимскому кади. Отсудилъ имъ будимскій кади: деньги даются по доброй волѣ, яблоки по любви, перстень въ залогъ соединенія; Марко взялъ Грозданку, «въ домѣ чтобъ дружила, въ покояхъ служила.» Эта пѣсня, хотя различная по концу, совершенно напоминаетъ сербскія, о сватовствѣ Марка, одинъ разъ съ Янкомъ и Уступчичемъ, другой за Роксанду съ Милошемъ и Релей. — Далѣе мы встрѣчаемъ Марка на дорогѣ чрезъ планину Мироча, вмѣстѣ съ Милошемъ. Пѣсня превосходно характеризуетъ эпоху Марка. Кралевичь задремалъ на конѣ и бесѣдуетъ побратиму: «братъ мой, воевода Милошъ! Одолѣлъ меня тяжкой сонъ: попой-ка, братъ, да разговори меня!» «Попѣлъ бы я тебѣ, братъ,» отвѣчаетъ Милошъ, «да ночью прошлой пилъ я много вина, на горѣ, съ вилой Равіёлой, и заказала мнѣ вила: если де услышитъ меня, буду я пѣть, застрѣлитъ меня въ горло и въ живое сердце.» «Пой и не бойся вилы, пока живъ я, Кралевичь Марко, да есть у меня чародѣйской конь Шарацъ, да шестоперъ мой золотой.» «Тогда, говоритъ пѣсня, Милошъ началъ пѣть; а *красную пѣсню онъ началъ, отъ всѣхъ нашихъ лучшихъ и старшихъ, кто какъ державъ кралевину по честной по Македоніи, какая у кого задужбина. А Марку пѣсня смилилась*, наслонился онъ на облучье сѣдла, Марко спитъ, Милошъ попѣваетъ.» Такъ дороги были Сербу воспоминанія о старинныхъ краляхъ, такъ дорожилъ онъ Македоніей, называя ее постоянно то *честитой*, то *прекрасной*! И миновалось уже это время, и объ немъ только вспоминали! Ясно, какъ въ этомъ чувствѣ должны были Сербы сходиться съ Болгарами, которые и доселѣ въ такомъ количествѣ занимаютъ Македонію. Вила сдержала слово, но Марко принудилъ ее шестоперомъ своимъ поправить дѣла. Любопытно, что они съ Мироча ѣдутъ черезъ Тимокъ въ Крайну Видинскую, въ тѣ страны, гдѣ потомъ подвизался Марко и получилъ смерть (т. II, № 38).— Потомъ Марко является въ Варадинѣ (извѣстный городъ Петервараднвъ или Петровардинъ), гдѣ избавляетъ Милоша, Топлицу и Косанчича отъ Вуча генерала, подвластнаго вѣнскому кесарю и засадившаго ихъ въ темницу. По дорогѣ, изъ Прилипа, заѣзжаетъ напиться вина въ Бѣлградѣ (т. II, № 42).—Далѣе, ѣдучи съ Милошемъ и Релей, по дорогѣ заломили они виноградники Лютицы Богдана; тотъ настигнулъ «съ двѣнадцатью воеводами» и едва уладили дѣло (т. II, № 39). — Наконецъ встрѣчаемъ Марка

съ побратимомъ бегомъ-Костадиномъ, самостоятельнымъ воеводой въ Кожановѣ, въ Македоніи, не далеко отъ Скопле (т. II, № 60).

ПОДВИГИ МАРКА ПОСЛѢ КОСОВСКОЙ БИТВЫ, СЪ ТУРКАМИ. СВЯЗЬ СЪ БОЛГАРСКИМЪ СТОЯНОМЪ.

Теперь подвиги Марка въ связи съ Турками, на которые опредѣляемъ мы 6-7 лѣтъ. Во первыхъ, упомянутыя выше пѣсни о находѣ отцовской сабли, въ слѣдъ за косовской битвой (т. II, № 57, 58).— Споръ и бой въ Царьградѣ съ Алилъ-агой, послѣ чего они побратались и вмѣстѣ всегда «стерегли для царя (султана) Крайну, разбивали крайны, брали города (т. II, № 61):»—что должно разумѣть здѣсь, упомянемъ ниже.—Поспоривъ на охотѣ, убиваетъ везиря Мурата; султанъ, не смотря на то, ласкаетъ его, говоря: «всякой Турокъ можетъ быть везиремъ, а такого юнака, какъ Марко, нѣту (т. II, № 70)». — Пьетъ въ рамазанъ вино, не смотря на запрещеніе Сулеймана, и бьетъ осуждающихъ Турокъ: все прощается ему (т. II, № 72). — Турки, за пиръ у Марка «на славѣ (когда онъ, по сербскому обычаю, славилъ «крсно име», святаго Юрья),» дорого поплачиваются деньгами (т. II, № 72). Во всѣхъ этихъ случаяхъ Марко дѣйствуетъ какъ независимый владѣтель Прилипа и какъ «сербскій воевода;» служитъ султану, но частехонько бьетъ Турокъ, честь и имя сербское ставя выше всего; султанъ цѣнитъ его услуги, высоко чтитъ его, а Турки нерѣдко охаютъ отъ такого помощника. Откуда же могло развиться мнѣніе, что Марко весь былъ преданъ Туркамъ, откуда у Сербовъ дурные о немъ слухи и упреки? Правда, онъ близокъ къ Сулейману и Баязиду, былъ унихъ названымъ сыномъ, а они ему были назваными отцами: но, чтобъ объяснить это, надо вспомнить поступки всѣхъ тогдашнихъ владыкъ и воеводъ сербскихъ. Вдова Лазаря, Милица, послала сына Степана къ Баязиду, предлагая ему покорность и руку младшей дочери; признанный отъ султана деспотомъ, во всю жизнь хранилъ ему вѣрность Степанъ; съ братомъ Вукомъ и родичами Бранковичами сражался онъ въ рядахъ Турокъ при покореніи Болгаріи, при нашествіи на Боснію, въ войнѣ съ Волохами противъ Мирка, гдѣ палъ Марко, въ битвѣ съ Сигизмундомъ при Никополѣ (1396), съ Тамерланомъ при Ангорѣ (гдѣ по преданіямъ также участвовалъ Марко и спасъ Сулеймана); возвелъ потомъ на престолъ Сулеймана и Мурада II; еще прежде того Степанъ и Бранковичи участвовали въ спорахъ дѣтей Баязида, переходя на сторону то того, то другаго; Юрій, наслѣдникъ Степана, держался той же политики, хотя болѣе коварно и склоняясь чаще къ

Უграмъ; онъ же въ числѣ первыхъ спѣшилъ поздравить Могамеда II со взятіемъ Царьграда; и въ тоже время, однако, они иногда дрались съ Турками и не обвиняютъ ихъ пѣсни въ услужливости врагамъ. Марко поступалъ точно также, какъ они, совершенно согласно съ духомъ эпохи, и всѣ упреки противъ него, очевидно, возникли гораздо позднѣе и вставлены въ пѣсни тогда, когда эпоха забылась, когда въ Степанѣ и Юрьѣ видѣли государей сербскихъ, дѣйствовавшихъ для спасенія Сербіи, а въ Маркѣ видѣли частнаго воеводу и не могли простить ему подвиговъ за одно съ Турками, равно какъ отсутствія на Косовомъ полѣ. При этомъ любопытно замѣтить, что въ болгарскихъ преданіяхъ и пѣсняхъ не встрѣчаемъ мы никакого упрека Марку, напротивъ совершенное сочувствіе, и даже въ одной сербской пѣсни, когда Марко выходитъ на поединокъ въ Царьградѣ, за него нѣтъ никакого заступника, «кромѣ нѣсколькихъ Грековъ и Болгаръ (т. II, № 61, ст. 90, 91).»

Дѣйствуя за одно съ Турками, Марко подвизается противъ злыхъ враговъ ихъ—Араповъ. Кто же эти Арапы? Въ ту эпоху, за исключеніемъ Угровъ, которые сюда не подходятъ, врагами Турокъ были Татары и Волохи. Но первымъ нельзя было бы приписать въ пѣсняхъ такого обширнаго круга дѣйствій, а Араповъ встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу: думаемъ, что это Черные Волохи, Кара-влахи. Соберемъ сперва Араповъ мелкихъ. Глава послѣдующихъ хайдуковъ, Новакъ бьется съ притѣснителемъ Арапиномъ (т. III, № 3, 4). Въ болгарской пѣсни у насъ, Велко или Вълко бьется съ Арапче, и, убивая его, находитъ три сердца: какъ нарочно, тоже самое находитъ Марко, убивая Мусу, о которомъ скажемъ ниже. Стоянъ, соотвѣтствующій въ болгарскихъ пѣсняхъ Марку, также имѣетъ при себѣ Арабче, который дѣлаетъ ему зло, ср. у насъ № XXII. Въ сербской пѣсни (т. II, № 62) Марко призывается къ войнѣ Баязидомъ «на арапскую люту Покрайну»: именно султанъ этотъ воевалъ съ Волохами; и любопытно, что Марка зовутъ въ тоже время сосѣди Волоховъ: Будимскій краль и Янко изъ Сибиня. Кралевичь, въ службѣ султана, отнимаетъ у Араповъ «по мору градове,» до самаго «Караокана,» т. е. вѣроятно до Чернаго моря или Черноводъ, при чемъ нужно вспомнить, что мѣстности Волоховъ, повсюду, и въ Валахіи, и въ Македоніи, любятъ слово «черный.» Дѣйствія при морѣ могли легко родить представленіе, что Марко шелъ на битву «преко мора.» Далѣе (т. II, № 63) увозитъ дѣвушку отъ Араповъ, числомъ двѣнадцати, также «съ арапской Покраины лютой,» и отдаетъ ее

за мужъ въ Рудникъ.—Потомъ, спасенный изъ темницы дочерью короля арабскаго, убиваетъ ее, въ чемъ послѣ глубоко кается (т. II, № 64).—Въ другой пѣсни Марко сидитъ у короля въ темницѣ, при чемъ она прямо называется уже «Азачкою (подобную пѣсню, о Маркѣ въ темницѣ, упоминаетъ составитель сборника, помѣщеннаго при Изв. Акад.).» Думаемъ, что это Hatzeg или Hacag, въ Седмиградіи (*x* Сербы не могутъ произносить, *g* въ концѣ=*k*.). Также точно старается спасти его дочь краля, но, не успѣвши въ томъ, даетъ по крайности средства написать въ Солунь къ побратиму воеводѣ Дойчилу, который и отправляется на подвигъ (т. II, № 65). О Дойчилѣ, современникѣ Марка, мы имѣемъ двѣ пѣсни, сербскую и болгарскую, совершенно одинаковыя, которыя приведемъ ниже для сравненія вмѣстѣ (см. серб., т. II, № 78 и болгар. у насъ № I). Въ этой пѣсни врагомъ Дойчила или Дойчина является опять Арапинъ, подступающій къ Солуню. Здѣсь нужно вспомнить, что на югѣ Македоніи и Албаніи господствуютъ именно поселенія Караблаховъ, и они-то могли дѣйствовать противъ Турокъ, согласно съ придунайскими родичами, близь моря. Отсюда понятно, что Марко въ другой пѣсни (т. II, № 66) дѣйствуетъ противъ Арапа, который отъ приморья грозитъ Стамболу, построилъ себѣ кулу на взморьѣ, заперъ дороги, отвозитъ дѣвушекъ въ Италію и продаетъ тамъ. Вспомнимъ, что князь волошскій, Радулъ, былъ женатъ на дочери Андрея, брата Ивана Черноевича черногорскаго; что Черногорцы имѣли всегда сношенія съ Латинами; что по пѣсни (т. II, № 90) помагаетъ Юрью Черноевичу въ венеціанской темницѣ сынъ Дойчина.—Далѣе Марко освобождаетъ Косово отъ «Арапа прекоморца (т. II, № 69).»—Потомъ, въ числѣ позднѣйшихъ пѣсень, пѣсень слѣдующаго періода (т. III, № 43), торговецъ Воинъ находитъ себѣ измѣнника и врага въ «черномъ Арапѣ,» а въ болгарской пѣсни (см. у насъ № XXXII) этотъ же Воинъ въ связи съ Солунемъ и оттуда беретъ дѣвушку. Наконецъ, чтобы окончательно убѣдиться въ нашемъ объясненіи, приведемъ здѣсь пѣсню о Якшичахъ (т. II, № 97). Въ отсутствіе ихъ, ограбили у нихъ Бѣлградъ и увели сестру «црни юнаци;» въ погоню отправляются Якшичи «прямо вдоль по Дунаю,» а извѣстно, что здѣсь по обѣимъ сторонамъ начинаются поселенія Волоховъ, и пѣсня прибавляетъ, что они ѣдутъ «у землю арапску;» братъ Дмитрій ѣдетъ потомъ «сквозь землю арапску,» до воды Ступницы; начальникъ здѣсь Арапъ-ага; сестра Якшича, по убіеніи мужа, Арапъ-аги, проситъ по крайности оставить ей сына — «Арапинче црно.»

Замѣтимъ, что Радулъ-бегъ и братъ его Мирчета или Мирче представляются по пѣснямъ какъ владѣтели земель придунайскихъ и даже Срема, что они спорятъ между собою въ дѣлежѣ, также точно, какъ братья пѣсней, связанныхъ сербскими и болгарскими преданіями вмѣстѣ; далѣе, что сами Якщичи представляются владѣтелями и спорятъ о землѣ Каравлашской и Карабогданской. Потомъ исторически извѣстно, что Турки, въ сопровожденіи Сербовъ, дрались съ Волохами въ 1395 году, при селѣ Ровинахъ, а Волохами предводилъ Мирче: мы видѣли, что народное сербское преданіе о смерти Марка повторяетъ тѣже самыя слова. Въ особенности важна наша болгарская пѣсня подъ № XVI, въ которой Марко дерется «въ землѣ Влашской, въ Крайнѣ (сравни арапскую Покраину);» и, хотя онъ дерется здѣсь противъ Турокъ, но пѣсня согласна въ томъ, что онъ именно здѣсь жестоко раненъ и близится къ кончинѣ. Теперь мы можемъ сравнить и ту пѣсню, въ которой Марко умираетъ на Урвинъ-планинѣ, не далеко моря: мѣста этого можно искать и при Дунаѣ, при Мирочѣ планинѣ или при Черномъ морѣ, ибо мы видѣли, что въ подвигахъ противъ Араповъ—Каравлаховъ Марко является дѣйствующимъ близь моря, и объяснили, откуда могло родиться такое представленіе. Если же умираетъ онъ и на горѣ Буреносъ, близь Солунскаго залива, все же, стало быть, въ землѣ Каравлаховъ, и главныя черты преданій сходятся между собою. Оба главныхъ преданія, о смерти на Урвинѣ (какъ мы думаемъ, на Буреносъ, въ странѣ Каравлаховъ) и болѣе вѣроятное—о смерти при Дунаѣ, не противорѣчатъ другъ другу, и по тому лишь могло возникнуть первое, что дѣйствительна истина втораго, то есть, что Марко умираетъ въ войнѣ противъ Каравлаховъ. — Обратимся, въ заключеніе, къ болгарскимъ пѣснямъ (помѣщенныхъ при Изв. Акад. 1854 года), превосходно разъясняющимъ дѣло. Три матери за ужиномъ хвалятся одна передъ другою сыновьями; не могла сдѣлать того же мать Маркова: «лучше бы, говоритъ она, откормила я змѣй и ящерицъ, а то сынъ мой заперъ Влашскую землю, поставивши тамъ семдесятъ городовъ приморскихъ; птица перелѣтѣть не можетъ, а куда ужъ миновать человѣку! А самъ пьетъ-сидитъ вино въ Стамбулѣ, пилъ три дни и три ночи, выпилъ триста мѣръ вина, пятьдесятъ ведеръ горячей водки, пьетъ да закусываетъ солью и перцомъ.» Между тѣмъ Марко отправился, на свою Покраину, на тихій-бѣлый Дунай. Не пьетъ конь его студеной воды, не ѣстъ бѣлой пшеницы, роетъ копытомъ землю и глядитъ въ сторону Валахіи, а на вопросы Марка отвѣчаетъ:

«ты сѣдишь и не знаешь, а по ту сторону въ Волохахъ поднялся Али-ага съ войскомъ: сѣчетъ онъ старыхъ, плѣнитъ молодыхъ, дѣтей малыхъ конемъ топчетъ.» Разгнѣвался Марко, перебродилъ Дунай, встрѣтилъ Али-агу и проситъ его униженно отпустить три конвоя закованныхъ плѣнныхъ. Въ отвѣтъ получаетъ обѣщаніе—самого Марка заковать въ желѣзо. Не стерпѣлъ юнакъ: триста человѣкъ посѣкъ саблей, триста конемъ потопталъ, триста въ Дунай вогналъ. Самому агѣ рѣжетъ до колѣнъ ноги, до локтей руки, самъ спрашиваетъ: «больно ли тебѣ руки, Али-ага?» — Больно мнѣ, Марко побратимъ.— «Такъ и мнѣ больно, Али-ага.» Потомъ вывернулъ ему черныя очи: «больно ли тебѣ, Али-ага, черныя очи?»—Больно, побратимъ Марко.— «Такъ и мнѣ больно, Али-ага, больно за Влашскую землю, Влашскую и Карабогданскую: ты сѣчешь старыхъ, молодыхъ плѣнишь, малыхъ дѣтей конемъ топчешь, мольбы не слушаешь (№ 7).» Такъ объяснилъ себѣ народъ отношенія Марка къ Туркамъ и Валахіи, не въ силахъ будучи согласить понятіе объ его молодечествѣ со службою у Турокъ противъ Волоховъ. Узнаемъ мы и Али-агу: это тотъ самый Алилъ-ага (т. II, № 61), съ которымъ, по сербской пѣсни, братается Марко въ Стамбулѣ и совершаетъ подвиги въ Крайнѣ, то есть Валахіи. Узнаемъ мы и то, съ какими, стало быть, Арапами, на какой Крайнѣ, и близь какого моря, дѣйствуетъ Марко по сербскимъ пѣснямъ. Повторяемъ: фантазія сдѣлала Араповъ изъ *черныхъ* Волоховъ, черными же Волохи были по смыслу исконной зависимости, по множеству имъ свойственныхъ прозвищъ и географическихъ названій и наконецъ потому, можетъ быть, что въ эту именно эпоху появились между Волоховъ и Молдаванъ Цыгане, въ началѣ весьма воинственные (какъ и теперь въ Испаніи), сообщившіе отчасти, можетъ быть, самимъ Волохамъ и Молдаванамъ энергію въ упорствѣ противъ Турокъ. Посмотримъ еще разъ на это поприще Марковыхъ подвиговъ, Болгарію, прилежащую къ Дунаю и морю, въ связи съ Валахіей, откуда выходятъ Арапы. «Прискучило Марку ходить безъ любезной; на коня сѣлъ Марко, обошелъ всю землю, не нашелъ любезной; коня онъ оставилъ, отдался онъ горю, и не ѣстся Марку, и вино не пьется. Услыхали вилы, вилы-самовилы, горны самодивы, дивы-посестримы: прислали вѣсть Марку, не тужилъ бы Марко, себя не печалилъ, «милую нашли мы, сверстницу и ровню, какъ горнаго ландыша два равные стебля; на коня пусть сядетъ, пусть пойдетъ къ Дунаю; въ городѣ Никопѣ вдова молодая, сватается къ вдовушкѣ черный Арапинъ.» На коня сѣлъ Марко, къ вечеру въ Никопѣ, зори здѣсь до-

ждался, высмотрѣлъ вдовицу: въ росочкѣ купается, бѣло лицо моетъ. Не дождался Марко солнечнаго свѣту, и отправилъ Марко Семка побратима, чтобъ отнесъ залоги и его засваталъ. Самъ хлебнуть винца пошелъ, въ корчму городскую, гдѣ черный Арапинъ. Какъ увидѣлъ Марко, дрожь его пробрала: губа у Арапа очи закрываетъ, а другая, нижняя, браду застилаетъ; пьетъ вино Арапинъ, чашка у Арапа три ведра вбирала.... На коня сѣлъ Марко, пустился оттуда. На пути онъ встрѣтилъ Семка побратима: «скажи ты мнѣ, Семко, братъ и побратимъ мой, никопская вдовушка что тебѣ сказала?» —Вдова величается сватовствомъ юнаковъ: хороводъ сбираетъ, высмотрѣть всѣхъ хочетъ: кто изъ нихъ покажется выше всѣхъ юнаковъ, къ тому и пойдетъ она.—Середи Никопа хороводъ сбирался, середь хоровода никопская вдовка, а черный Арапинъ хороводомъ водитъ, хороводомъ водитъ, копье къ верху мечетъ. Приблизился Марко, Марко королевичь. Какъ завидѣлъ Марка тотъ черный Арапинъ, хороводъ оставилъ, копьемъ въ него бросилъ. Вдовушка никопская говоритъ Арапу: «какъ сватаютъ свадьбу, кровь не проливаютъ; оба вы другъ съ другомъ знатные юнаки; залогъ положите, вотъ вамъ три дни время; отъ тебя хочу я,—Дунай проведи мнѣ и пусти мнѣ рѣку край Никопа града; Марко пускай камней кучу накладетъ мнѣ, чтобы эта куча облаковъ достала.» Такъ сказала вдовка, а сама въ колясkѣ домой воротилась. Собираетъ Марко кучею каменья, побратимъ же Семко ему помогаетъ. А черный Арапинъ послалъ триста плѣнныхъ, Дунай проводили бъ по краю Никопа; а самъ, въ корчмѣ сидя, вино попиваетъ, Марку угрожаетъ.... Марко, король Марко каменья сбираетъ; мало оставалось достать имъ до облакъ,— прибрались каменья; Марко королевичь за Дунай пустился, во Влашскую землю, принести послѣдній камень, наложить верхушку. Вотъ плыветъ назадъ онъ черезъ рѣку съ камнемъ;—вѣсть къ нему доноситъ: скорѣй, скорѣй, Марко, вдова изъ Никопа съ Арапиномъ чернымъ, въ теремахъ во писаныхъ, вино пьютъ кипучее. Марко бросилъ камень, схватилъ свою саблю, очутился Марко въ теремахъ у вдовки; глядитъ—во свѣтлицѣ сидитъ Арапъ черный, въ рукѣ его чаша со виномъ кипучимъ, сидитъ на колѣняхъ никопская вдовка; Марко разъярился, посѣкъ ихъ обоихъ, спихнулъ груду камней, сѣлъ на воронаго и «вернулся Марко въ домъ свой, въ городъ Прилѣпъ (№ 4).» Не худо при этомъ замѣтить, что въ каждую войну нашу съ Турками ходитъ въ народѣ преданіе о какомъ-то *бѣломъ Арапѣ*, дѣйствующемъ со стороны турецкой. — Между тѣмъ, мѣсто этихъ по-

двиговъ Марка, Македонія и собственная Болгарія, доселѣ носятъ на себѣ безчисленные слѣды, напоминающіе юнака. Такъ, около Калофера есть скала съ отпечатлѣвшимися ступнями Дели-Марка;[а] близъ Свиштова огромный камень со слѣдомъ руки Марка;[б] возлѣ Трѣсны «Дели-Марково поле», на которомъ прежде было нѣсколько кулъ (башней, остававшихся грудами камня), употребленныхъ потомъ Сапуновымъ на постройку училища.[в]

Теперь, кромѣ пѣсней о смерти, есть пѣсни, представляющія Марка больнымъ, въ разговорѣ съ соколомъ или орломъ (т. II, № 54, 55); въ такомъ же положеніи является въ болгарской пѣсни подъ № XXIV Стоянъ. Не разъ уже упоминали мы о соотвѣтствіи этихъ героевъ. Дѣйствительно, кромѣ помянутой сей часъ пѣсни, у Сербовъ есть «ораңе Марка,» у Болгаръ, № XXII, оранье Стояна. Также точно, какъ Марко проклятъ отцемъ, Стоянъ проклятъ матерью (№ XVII); также точно Стоянъ, даже сынъ его, самостоятельный воевода, въ болгарскомъ городѣ Софіи (ibidem); живетъ во время нашествія Турокъ; женатъ на Болгаркѣ, № XIX; любимый герой народный. Можно допустить даже, что, тогда какъ Марко подъ собственнымъ именемъ живетъ въ преданіяхъ македонскихъ, въ Болгаріи собственной, отъ Софіи на с. востокъ, онъ является подъ именемъ Стояна. Но, конечно уже, Стоянъ окрашенъ чисто-болгарскимъ колоритомъ, и объ этомъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

КАКЪ ДАЛЕКО РАСПРОСТРАНЕНЫ ДѢЙСТВІЯ МАРКА, ЗА ПРЕДѢЛАМИ, НАЗНАЧАЕМЫМИ ПО ФАКТАМЪ СЪ ПОМОЩІЮ ИСТОРІИ.

Вотъ почти все то, что извѣстно намъ изъ сербскихъ и болгарскихъ пѣсень и преданій о Маркѣ, въ двухъ періодахъ, до Косова, и послѣ Косова до смерти, все то, что согласуется и съ исторической истиной. Но кругъ воззрѣній эпическихъ гораздо обширнѣе и по нимъ, какъ сказано, Марко подвизался триста лѣтъ. Слѣдуетъ намъ указать третій отдѣлъ, тѣ пѣсни и преданія, въ которыхъ трудно разгадать время и лица, или въ которыхъ Марко дѣйствуетъ среди лицъ и эпохъ явно позднѣйшихъ.

Итакъ во первыхъ, двѣ пѣсни сербскихъ (т. II, № 67, 68), о борьбѣ Марка съ Мусой Кеседжіей (кеседжія=разбойникъ конный) и

а) По свидѣтельству покойнаго Болгарина Шопова.

б) Извѣстіе сообщено намъ Болгариномъ Н. Г. Поповичемъ.

в) Разсказъ Х. К. Даскалова, тамошняго уроженца и даже владѣльца части поля.

братомъ его Демомъ брдяниномъ (то есть горцемъ). Муса этотъ является и у насъ, въ болгарской пѣсни, близь Босніи: ср. № XXVI. Муса въ приморьѣ бьетъ Турокъ; здѣсь его ищетъ Марко, но находитъ «уз клисуру тврда Качаника,» то есть въ ущельѣ Качаника, находящемся на востокъ отъ Шара-планины, связующей группы горъ боснійскихъ съ горами Македоніи и Верхней Мизіи. Два можетъ быть вѣроятныхъ объясненія: Муса называется въ пѣсни Албанцемъ, а въ Албаніи нѣсколько народныхъ героевъ носятъ имя Мусаши или Мусаше: Ментулусъ Мусаши, графъ Клиссы, жившій въ началѣ XIII вѣка; въ началѣ XIV вѣка Мусаши Моніа владѣетъ Артой; много и другихъ героевъ противъ Турокъ съ тѣмъ же именемъ, въ XIV и XV вѣкахъ; наконецъ современникъ Скандербега, Мусаше, князь Тоскаріи, дѣйствовавшій противъ янинскихъ Турокъ въ 1424 году, съ цѣлію выгнать ихъ изъ Эпира. Другое объясненіе: извѣстный Муса, братъ Сулеймана и Магомета, спорившій и дравшійся съ ними въ теченіе десяти лѣтъ, 1403 — 1414, съ помощію Сербовъ, переходившихъ то на ту, то на другую сторону; можетъ быть и это, ибо по преданію, упомянутому выше, Марко былъ въ битвѣ при Ангорѣ съ Тамерланомъ, 1402 года, и спасъ Сулеймана. Мы склонялись на сторону послѣдняго объясненія, когда болгарская пѣсня, напечатанная подъ № 5 въ Изв. Акад., счастливо подтвердила нашу догадку: здѣсь разсказывается, что Муса, названный также кеседжія, появился въ Анадольской землѣ (Анатоліи), занялъ семдесять областей, не пропускалъ къ султану казну и даже хотѣлъ у послѣдняго отнять царство. Султанъ собираетъ диванъ и посылаетъ войско. Муса разбиваетъ войско и грозитъ султану. Тогда послѣдній, подъ обѣщаньемъ большихъ наградъ, между прочимъ города Будима въ подарокъ, вызываетъ охотниковъ помѣряться съ Мусой. Доселѣ сербская и болгарская пѣсни сходятся близко; но далѣе говорится въ сербской, какъ принуждены были вызвать Марка изъ стамбульской темницы, гдѣ сидѣлъ онъ у султана (сюда можетъ также относиться болгарская пѣсня, о которой упоминаетъ составитель академическаго сборника), какъ онъ откармливался и отпивался передъ боемъ; болгарская превосходитъ красотою описанія. «Сивый соколъ поднимается надъ Стамбуломъ, онъ слушаетъ вѣсти и несетъ ихъ къ Прилѣпу. Мать моетъ сына и завиваетъ въ пеленки. Сивый соколъ несетъ вѣсти: «вдовица ты, кралица! корми Марка, чтобы скоро росъ онъ: выростетъ, пойдетъ царю на помощь.» Мать качаетъ Марка, поетъ ему пѣсню: «рости Мар-

ко, рости сынокъ, рости да вырости, тебѣ идетъ молодечество отцовское, царь звалъ тебя идти на помощь ему.» Скоро ростетъ Марко, молодечества добываетъ, выросъ Марко на семь лѣтъ. А Муса славы добываетъ, подходитъ къ Стамбулу, поражаетъ юнака за юнакомъ. Царь среди дивана льетъ крупныя слезы: какъ не найдется юнакъ надъ юнаками, кто бы побѣдилъ Мусу, кто бы погубилъ Мусу! Диванъ говоритъ царю: «царь честной! побѣдитъ намъ Мусу кто либо изъ гяурскаго рода, темныя темницы наши юнаками полны: пустимъ ихъ оттуда, чтобъ боролись съ Мусой. Султанъ ихъ послушалъ, отворилъ темницы... Вышедшій изъ темницы Кара-Богданъ указываетъ на Прилѣпъ и тамошняго потомка королевскаго рода; бѣжитъ гонецъ звать юнака... Маркова Мать спрятала сына въ темныя пещеры, чтобы не нашли его, загородила пещеры большими стѣнами, чтобы Марко ни съ кѣмъ не велъ дружбы. Вели дружбу съ Маркомъ вилы-самовилы; днемъ онѣ летали по землѣ царевой, ночью онѣ Марка пріучали, какъ булаву швырять, какъ копье носить, какъ стрѣлами мѣтать. Одного не знаетъ Марко, — какъ на конѣ ѣздить. Поднялся Марко на девять лѣтъ, быть все на запорѣ — тяжко ему стало; пробилъ онъ стѣну своей булавою. Повели тутъ Марка дивы-самодивы, привели его къ дворамъ отцовскимъ, въ конюшнѣ ржетъ конь вороной, бросился Марко прямо въ конюшню, конь топочетъ ему на встрѣчу, поцѣловалъ его Марко между очей черныхъ, осѣдлалъ его сѣдломъ синимъ... Поѣхалъ къ Стамбулу. Надъ Стамбуломъ вьется сивый соколъ, и Марко поручаетъ ему вѣсть отнести: «пожелай отъ меня добраго здоровья, сивый соколъ, пусть старая матушка обо мнѣ не плачетъ, я иду биться съ Мусой.» Подробности битвы и конецъ ея разсказаны чрезвычайно близко къ сербской пѣсни: также точно спасла Марка вида или вила, также точно нашелъ онъ у Мусы три сердца; царь въ награду подарилъ Марка Прилѣпомъ. —

По сербскимъ пѣснямъ, Марко является также современникомъ Юрья Бранковича и окружавшихъ его лицъ. Если брать здѣсь всю жизнь Юрья, то конечно жизнь Марка перешла уже за половину XV вѣка, ибо Бранковичъ умеръ 1457 года. Но разберемъ обстоятельства точнѣе. Во первыхъ Марко является деверемъ въ числѣ сватовъ при женидьбѣ Юрья (т. II, № 79). Юрій вступилъ на престолъ, по завѣщанію Степана Высокаго, въ 1427 году и ему было тогда уже шестьдесятъ лѣтъ. Если Марко умеръ въ 1395 году, Бранковичъ могъ жениться и раньше, и точно, въ сватахъ его, вмѣстѣ

съ Маркомъ, поминаются Милошъ, Топлица и Косанчичь, павшіе на Косовѣ 1389 года: если Юрій женился даже 1388 года, ему былъ 21 годъ, и слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и слишкомъ анахроническаго даже въ сферѣ исторической, не только эпической. Только имена Новака и сына его Груицы переходятъ явно къ эпохѣ довольно поздней. — Далѣе Марко борется съ Филипомъ Маджариномъ и ѣдетъ къ нему на бой изъ Прилипа въ Будимъ или Карловацъ (т. II, № 59): пѣсня эта почти слово въ слово сходна съ нашей болгарской, подъ № XV; но Марко сдѣланъ уже здѣсь Болгариномъ и ѣдетъ изъ Софіи,—опять доказательство отождествленія его съ болгарскимъ Стояномъ, который живетъ тамъ же. Филипъ современникъ Юрья Бранковича, и слѣдовательно здѣсь нѣтъ опять исторической несообразности: но дѣло въ томъ, что у Сербовъ поминается здѣсь побратимъ Марка Змай-деспотъ-Вукъ, внукъ Бранковича, который, если бы событіе относилось даже ко времени за годъ до Марковой смерти, не могъ еще тогда существовать. Потому соглашаемся, что здѣсь Марко является уже въ эпоху болѣе позднюю, въ XV вѣкѣ; однако и здѣсь скорѣе можно предположить, что эпическимъ воззрѣніемъ Змай перенесенъ изъ эпохи позднѣйшей въ болѣе раннюю: вспомните, что онъ является даже при Лазарѣ, потому вѣроятно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь дѣло идетъ о придунайскихъ краяхъ; и нельзя опустить безъ вниманія, что въ болгарской пѣсни Змая нѣтъ. А пѣсня, напечатанная въ Извѣстіяхъ Акад. подъ № 2, передаетъ дѣло самымъ яснымъ образомъ, устраняя всякую сбивчивость. Здѣсь Филипъ носитъ прозвище *Соколина*, а жена его, потому, *Соколица*. Вмѣсто Змая передаютъ вѣсть Марку о похвальбѣ Филипа дивы - самодивы, Марковы посестримы. Отправляясь къ Филипу, герой сперва «идетъ въ бродъ черезъ Дунай, на ту сторону Влашской земли, потомъ черезъ горы къ Филипову городу»: какое точнѣйшее обозначеніе мѣстности!—Далѣе Марко идетъ у Сербовъ деверемъ въ сватахъ при женидьбѣ Стояна Поповича (т. II, № 87). Кто былъ этотъ Стоянъ, не извѣстно, и Караджичь кромѣ этой пѣсни ничего не знаетъ о немъ. Конечно, если это герой Котора, то событіе относится къ XVII вѣку. Но онъ можетъ быть Стояномъ болгарскимъ, и дѣйствительно, тесть совѣтуетъ ему привести въ сватахъ не Сербовъ, а «Грековъ и Болгаръ.» Но вѣроятнѣе онъ одно лице съ Стояномъ, Степоевымъ сыномъ, который упоминается современникомъ Юрья Бранковича, и былъ, статься можетъ, сыномъ воеводы Станиши изъ Ниша. Къ этому ведутъ и имена дру-

гихъ сватовъ, Будимскаго краля, Янка Сибинянина, Вука Мандушича; даже Реля и Милошъ, упоминаемые также здѣсь, могутъ относиться, какъ мы видѣли, къ той же эпохѣ. Наконецъ, если опустимъ изъ виду смутное преданіе о битвѣ Марка при Ангорѣ, остается только одинъ фактъ, переводящій его въ XV вѣкъ: битва при Азакѣ, 1442, когда Турки дѣйствительно были разбиты и многіе взяты въ плѣнъ, а Марко является именно въ *Азачкой* темницѣ. Но и это событіе могло быть эпосомъ перенесено къ Марку на томъ основаніи, что онъ дѣйствительно бился съ Арапами=Волохами. Остаемся при убѣжденіи, что Марко не пережилъ XIV вѣка и убитъ 1395 въ битвѣ противъ Волоховъ.

И такъ, выводимъ заключенія о Маркѣ Кралевичѣ, героѣ сербскомъ и болгарскомъ. По нѣсколькимъ *словамъ* преданій и пѣсень, по *вѣрованію* и по *эпическому воззрѣнію* Сербовъ, онъ обнимаетъ и выражаетъ собою очень большой періодъ, и именно три вѣка. Но по *фактамъ*, предлагаемымъ въ самихъ пѣсняхъ, время его опредѣляется довольно точно и не противорѣчитъ даже исторической истинѣ: эпоха жизни его,—три четверти XIV вѣка; эпоха подвиговъ,—вторая половина этого вѣка; смерть—въ концѣ вѣка.

ЮРІЙ БРАНКОВИЧЬ СЪ ИРИНОЙ; ОБЪЕМЪ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПО МѢСТУ И ВРЕМЕНИ.

Переходимъ во второмъ періодѣ эпоса къ героямъ другаго отдѣла, въ средоточіи коихъ является Юрій Бранковичь. Если Марко, по своему образу (типичности) и обилію совершенныхъ имъ подвиговъ, могъ для эпическаго воззрѣнія обнимать длинную эпоху, то Юрій, проживший девяносто лѣтъ, имѣлъ на то право по своему долголѣтію. Его личностью совершенно заслоненъ предшественникъ, Степанъ Высокій, сынъ Лазаря, упоминаемый только мимоходомъ и особенно въ преданіи о Сибинянинѣ Янкѣ, о которомъ ниже поговоримъ подробнѣе. Что касается до характера Юрья, то онъ является въ пѣсняхъ не столько какъ государь, деспотъ сербскій, а болѣе какъ эпическій герой, въ ряду другихъ героевъ тогдашней эпохи, отличаясь отъ нихъ только большимъ объемомъ власти, вліянія и владѣній. И во первыхъ, женидьба его (т. II, № 79). Мотивъ обыкновенный, который мы знаемъ уже, одинаковый въ пѣсняхъ сербскихъ и болгарскихъ: напрасно тесть, латинскій краль Дубровника, Михаилъ запрещаетъ брать въ сваты Сербовъ и указываетъ на Грековъ и Болгаръ, какъ болѣе скромныхъ; Юрій, по совѣту будущей жены

своей, приводитъ Новака, Груицу, Сибинянина Янка, Кралевича Марка, Релю, Милоша, Топлицу, Косанчича, и имъ пришлось преодолѣть затрудненія и задачи, которыя, въ соотвѣтствіе исчисленнымъ нами выше, состояли въ слѣдующемъ: сидѣть безъ оружія; драться съ двумя Латинцами; перескочить черезъ трехъ коней съ сѣдлами, на коихъ копья подняты были остріемъ къ небу; попасть въ яблоко на башнѣ; пройти семьдесятъ семь затворенныхъ воротъ. Плодомъ была рука Ирины, знаменитой въ исторіи и эпосѣ Сербовъ: уже тогда показала она себя, обманывая отца въ пользу жениха, и во все остальное время осталась вѣрна характеру дальновидности, хитрости, жестокости и злости; не даромъ пѣсни называютъ ее иногда прямо «проклятой (т. II, № 83).» Любопытно, что строеніе Смедерева, замокъ котораго, поставленный Юрьемъ, цѣлъ до сихъ поръ, начатое въ 1433 году и давшее прозвище самому Бранковичу, ибо въ пѣсняхъ онъ называется просто «Смедеревацъ Дюро,» какъ частный владыка или воевода, приписывается по пѣснямъ Иринѣ; народъ разсказываетъ о страшныхъ притѣсненіяхъ, вытерпѣнныхъ по этому случаю рабочими и окрестнымъ народонаселеніемъ; вина всего слагается по пѣсни на Ирину (т. III, №. 1). Смедерево представляется постояннымъ жилищемъ Бранковича, откуда выходитъ онъ на подвиги. Но любопытно въ этомъ случаѣ начало одной пѣсни (т. II, № 81): «двинулся господинъ краль отъ прекрасной Македоніи, изъ питомаго мѣста Смедерева, отъ своего двора честитаго,»—такъ дороги еще были народу воспоминанія о Македоніи и такъ любилъ онъ обращаться къ нимъ, даже тогда, когда все уже сосредоточено было главнымъ образомъ при Дунаѣ! Юрій перебродилъ Дунай на Ковину и пустился «по Влашской ровной землѣ,» до «Вршачкой планины,» гдѣ встрѣчаетъ его воевода Сибиня, Банъ Ерделя, Янко, съ тремя стами Маджаръ и шестидесятью Каравлахами; съ Юрьемъ двѣнадцать воеводъ, какъ сказано, а по именамъ одиннадцать: Вукъ Дойчетичь, Бошка Райчевичь, Стоянъ Степоевъ сынъ, Іовица Ресавацъ, Дюро Голеновичь, Павелъ Орловичь, Радо-бегъ Михаилъ, Манойло Грчичь, Дамиянъ Шайновичь, Радо Облачичь, Каица Радоня. Каица очень молодъ, Юрья называетъ родителемъ, тотъ его чадомъ: это напоминаетъ героя нашей болгарской пѣсни, № XLVI, момче Троянче Загорче, тѣмъ болѣе, что при Дунаѣ мы встрѣчаемъ тамъ Траяновъ градъ и за Тимокомъ было свое Загорье. Сравните также ниже болгарскаго «дѣте Докатинче.» Въ сопровожденіи опытнаго Рада-Облачича, Каица пускается въ игры съ Маджарами и Каравлахами, которые здѣсь так-

же называются «дѣтьми.» Любопытно сравнить эти игры съ тѣми, которыя мы находимъ въ пѣсни болгарской: 1) «трк пешачки,» перебѣжка; 2) «коло маджарско;» 3) «скок юначки;» 4) «камен с рамена,» то есть, кто дальше съсвлитъ бросить камнемъ; Каница перебросилъ всѣхъ, но Янко замѣтилъ въ удивленіи: «что было силы, всю передалъ камню!» Понявъ слова его, Каница снова схватилъ камень, чтобы «белегу свою посвѣдочити (белега, какъ думаютъ иные, турецкое, какъ думаемъ мы — славянское слово, отъ *бѣлый*, черта, конъ, значокъ; здѣсь белега — или въ смыслѣ значка, который дѣлають на своемъ камнѣ, чтобъ отличить отъ другихъ, или черты, положенной для бросанья):» это значитъ въ сербскихъ играхъ—бросить въ другой разъ, доказать вторымъ разомъ, иначе первый не считается; Каица перебросилъ еще дальше прежней черты. Изумленный Янко предлагаетъ королю помѣняться: тотъ бы далъ ему своихъ двѣнадцать голыхъ и босыхъ воеводъ (вотъ уже каковы были воеводы у Юрья, близкіе къ хайдукамъ!), а онъ отдаетъ за нихъ своихъ Маджаръ на коняхъ и въ свѣтломъ оружьѣ, да Каравлаховъ, да еще придачу. Отвѣтъ Юрья выражаетъ всю гордость и сознаніе достоинства Сербовъ предъ Уграми и Каравлахами: «братъ Янко, глупая голова! слыхалъ ли ты или забылъ ты: было когда нибудь просо за пшеницу? былъ Маджаръ за Македонію? Сербинъ за Ердель-краину? Не отдамъ я и одного Каицы за всю землю твою и четырехъ бановъ краины!» 5) игра, которую предложилъ Янко съ злобнымъ намѣреніемъ: «бить въ цѣль за облакомъ;» смыслъ ея понимаемъ мы изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: «куда поглядѣлъ Маджаръ окомъ, туда и ударилъ Каица стрѣлою; но злая судьба его настигла: не смотритъ онъ на стрѣлу у Маджара, а смотритъ цѣль (указанную) за облакомъ.» Въ это время Янко поразилъ его, но заплатилъ за то всѣми провожатыми и самъ едва спасся. Лице Янка въ исторіи и эпосѣ Сербовъ не менѣе важно самого Юрья: а потому мы здѣсь оставляемъ его только на время, чтобы послѣ распространиться болѣе. Что касается до самихъ игръ, то, предоставляя себѣ объяснить болгарскія особенности въ комментаріѣ къ тексту, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ болгарскою игрою въ камень къ прекрасной пѣсни, помѣщенной при Изв. Акад. подъ № 8 и 9. — Въ другой пѣсни (№ 86, т. II) Юрій является вмѣстѣ съ Янкомъ на Косовомъ полѣ противъ Турокъ и даетъ Янку гибельный совѣтъ, приведшій за собою пораженіе Мадьяровъ: здѣсь выражены извѣстныя отношенія Юрья къ익Уграмъ и Туркамъ, между которыми

онъ игралъ часто двусмысленную роль, и, самъ возбуждая Гуняда къ битвамъ, самъ же ставилъ ему иногда преграды. — Эпосъ превосходно характеризуетъ тогдашнія ослабленныя отношенія между Сербами (т. II, № 82). Ирина сговорила дѣвушку за брата своего Томаша, но ее увезъ Ѳедоръ изъ Сталатя, воевода Юрья. Жена деспота бросилась къ мужу: «славный Юрій, сербская златая корона! Ты не воеводъ у себя держишь, а янычаръ Турокъ; твои воеводы таковы же, какъ и янычары, отнимаютъ силою дѣвушекъ, испрошенныхъ и перстенёванныхъ! Послушай-ка чуда: Ѳедоръ отвелъ у меня испрошенную и перстенёванную сноху!» «Мой витязь Ѳедоръ? стало быть ему очень понадобилась дѣвушка!» Отвѣтъ хладнокровенъ; однако, говоритъ пѣсня, нельзя было ему идти и противъ нрава жены: созвалъ онъ другихъ воеводъ и вызываетъ охотниковъ привести Ѳедора; отправились, застаютъ у Ѳедора свадьбу; кончилось тѣмъ, что Ѳедоръ поколотилъ посланныхъ своего краля. Но теперь онъ обращается къ матери съ любопытнымъ вопросомъ: «посовѣтуй мнѣ, милая матушка, посовѣтуй, моя сладкая пища! Куда мнѣ теперь, на какую обратиться сторону? Пойду я къ славному Смедереву,—повѣситъ меня Юрій; пойду я *къ царю въ Царьградъ*, назовутъ меня новымъ перебѣжчикомъ!» Невѣста выпрашиваетъ себѣ нѣсколько провожатыхъ витязей, бывшихъ конечно въ сватахъ, и ѣдетъ къ Иринѣ. Та прямо хватаетъ ее, «силою нагоняетъ священниковъ,» силою вѣнчаетъ. Но на другое утро вся спальня въ крови, въ крови лежитъ братъ Ирины; Ирина грозится не пустить снохи живою, а провожатые отвѣчаютъ: «оставь ее, госпожа Ирина! оставь невѣсту, жену Ѳедорову, госпожу нашу, а иначе, не будь мы сербскими витязями, не ходить тебѣ живою по свѣту!» Ирина къ мужу, а тотъ отвѣчаетъ: «Ирина, глупая голова женская! чего искала ты, еще мало нашла: оставь, госпожа Ирина, невѣсту-жену Ѳедорову!»—Въ другой пѣсни Облакъ Радосавъ, воевода Юрья, ѣдетъ полемъ Годоминомъ, пониже Смедерева; бросаются къ нему двѣ молодыхъ женщины, просятъ его со слезами, чтобы похлопоталъ онъ въ Смедеревѣ отпустить изъ темницы двухъ мужей ихъ, воеводъ Юрьевыхъ; засадила ихъ туда Ирина. Облакъ сперва обращается къ Юрью, и «сердито говоритъ ему: господарь, Смедеревецъ Юрій! стыдъ тебѣ и господству твоему: допустилъ ты, Юрій, Ирину, погубить стольких воеводъ, поломать крылья краины (=плечи, опору). Но молю тебя, господарь дорогой! подари мнѣ двухъ воеводъ, Бѣлича и Златокосича, и пусти ихъ со дна темницы!» «Ступай, слуга

ной, отвѣчаетъ Юрій, къ верхнимъ висѣлицамъ: отправились туда тридцать конниковъ, повели двухъ воеводъ, хотятъ ихъ нынче повѣсить; но умоляй госпожу Ирину, не подаритъ ли она ихъ тебѣ.» Облакъ бросился туда, крикнулъ на конниковъ, воеводъ пустили. Но вотъ является «проклятая» Ирина: съ нею идетъ двѣнадцать прислужницъ, несутъ ей рукава и полы; какъ припустится она на конниковъ: «что̀ стоите и не вѣшаете ихъ?» Облакъ обращается съ покорною прозьбой: «убирайся, дьяволъ Облачичь! И тебя я завтра повѣшу, вмѣстѣ со внукомъ Змай-деспотомъ-Вукомъ!» А Облакъ вытащилъ трехъ-хвостную плеть, да какъ пойдетъ валять: воеводы отведены домой. — Слѣдуютъ пѣсни, изображающія обстоятельства семейства Юрьева, его дѣтей и внуковъ (т. II, № 80, 91, 92, 93). Особенно замѣчательна одна изъ нихъ: Ирина гуляетъ подъ Смедеревомъ, по берегу Дуная; за нею слѣдуетъ внукъ ея, Максимъ; обращается она за совѣтомъ: кому отдать дочь? Филипу Маджарину, Московскому кралю или царю Царьграда Отмановичу? Отрокъ предлагаетъ свое мнѣніе: «если хочешь меня послушать, отдай дочь за Филипа; богатая будетъ; не то, отдай Московскому кралю: когда будемъ съ нимъ пріятели, Московы боевые юнаки, на войнѣ намъ помогутъ; а отдать за Турчина, Турчинъ захочетъ землю въ наслѣдство, захочетъ землю, захочетъ и города.» Ударила его Ирина по щекѣ: «какъ легко его ударила,—четыре выбила зуба; упалъ Максимъ на зеленую траву, всего облила черная кровь, плюетъ кровью и говоритъ тихо: «убей тебя Богъ, старая моя бабка! Куда бы ни отдала ты, въ злой часъ! отдала бы ты съ нею землю и города!» Пѣсня прибавляетъ, что предсказаніе исполнилось: отдала Ирина дочь за Отмановича, отдала съ нею землю и города. — Наконецъ нѣсколько пѣсней, изображающихъ подвиги Змая, Порчи, Якшичей, Іова изъ Будима, и другихъ, окружающихъ Юрья. Область ихъ дѣйствія ограничивается преимущественно странами придунайскими; характеръ отличенъ отъ тѣхъ, которые подвизаются, немного ранѣе или въ одно время съ Маркомъ, въ предѣлахъ южныхъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЕРОЕВЪ, ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ СОБОЮ ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ СЕРБСКАГО ЭПОСА.

Теперь, въ заключеніе втораго періода сербскаго эпоса, является пѣсня, нѣсколько позднѣйшая, ибо въ ней представляются уже только воспоминанія о пройденномъ періодѣ (т. III, № 10). Дѣвушка

Маргита идетъ въ Сремѣ по Сланкамену. Сланъ-каменъ село въ Сремѣ; въ немъ соленый источникъ, откуда и названіе; надъ нимъ развалины древняго небольшаго укрѣпленія; по близости церковь, которую, по преданію, построилъ Змай-деспотъ-Букъ, внукъ Юрья: здѣсь, говорятъ, жилъ онъ. Маргита идетъ-попѣваетъ, да клянетъ Райка, сремскаго воеводу: прежде, какъ воеводой былъ Мирко, и не слыхать было о Туркахъ; а теперь, при Райкѣ, всюду Турки, всѣмъ досадили, разгуливая на просторѣ. Поетъ сремская дѣвушка, и думаетъ, никто ее не слышетъ; а между тѣмъ видитъ ее Райко, видитъ и слышитъ, и подзываетъ къ себѣ: «сестрица моя, Маргита дѣвушка! не моги ты клясть воеводу Райка: что кому сдѣлалъ онъ? что ему дѣлать съ самимъ собой или Сремомъ? что ему дѣлать въ Сремѣ съ Турками? Когда былъ воеводою Мирко, тогда по цѣлому ряду городовъ нашихъ много было воеводъ. А ты подожди-ка, Маргита дѣвушка: стань здѣсь на слан-камени, постой тутъ немного, а я тебѣ разскажу по правдѣ, да перечту по порядку всѣ города и всѣхъ воеводъ.» Райко становится съ дѣвушкой на слан-камени, обозрѣвается кругомъ и начинаетъ свой перечень: разительная повѣсть, на развалинахъ былаго, при воспоминаніи прошедшаго! Она столь же важна для сербскаго и болгарскаго эпоса, какъ знаменитый перечень кораблей у Гомера. Потому мы должны передать ее отъ слова до слова:

1) Въ Димтровицѣ: Кузунъ-Янё, старикъ триста-трехъ лѣтъ.

2) На Поцерьѣ, въ подкраѣ воды Савы: Обиличь Милошъ, воевода славнаго Лазаря.

3) Въ столичномъ Бѣлградѣ: два молодыхъ Якшича, Димитрій и Степанъ.

4) Въ Смедеревѣ: старый деспотъ Юрій, съ его двумя достойными сыновьями, Степаномъ и Ґргуромъ.

5) На ровной Ресавѣ: воевода Степанъ.

6) Въ Сталатѣ, на высокой башнѣ: воевода Ѳедоръ.

7) Въ Крушевцѣ: славный князь Лазарь, съ сыномъ Высокимъ Степаномъ.

8) Въ Прокупле: старый Югъ-Богданъ, съ девятью сыновьями.

9) Въ Куршумле: бановичь Страхиня.

10) На Топлицѣ, на водѣ студеной: Миланъ Топлица.

11) На ровной Косайницѣ: Иванъ Косайчичь.

12) Въ Нишѣ: воевода Станиша.

13) На Тимокѣ, золотомъ потокѣ: двое воеводъ, Бѣличь и Златнокосичь.

14) Въ Видинѣ: старикъ Владисавъ.

15) Въ ровной землѣ Каравлашской: Каравлахъ Радулъ.

16) Въ Бухарестѣ: бегъ Радулъ-бегъ съ братомъ Миркомъ воеводой.

17) Въ Сремѣ пространномъ: Мирко воевода.

18) Въ Вучитрнѣ: воевода Воинъ съ треня сыновьями.

19) На Загорьѣ, въ мѣстѣ питомомъ: Лютица Богданъ.

20) Въ Пазарѣ: Реля Крылатовичь.

21) На Сѣницѣ, въ селѣ ровномъ: воевода Степанъ.

22) На славной Боснѣ: Бошко Боснякъ, съ братомъ Дели-Радивоемъ.

23) Въ Травникѣ: Вукъ Бранковичь, воевода славнаго Лазаря.

24) Въ Герцеговинѣ утесистой: герцогъ Степанъ.

25) Въ Пиритгорѣ: воевода Момчило съ девятью братьями, также воеводами.

26) На Цетинѣ, на водѣ дебелой: два великихъ бега, Иванъ-бегъ и Обренъ-бегъ, оба потуречившіеся.

27) На утесистомъ Шекуларѣ: Петръ Шекуларацъ.

28) Въ Скадрѣ, на водѣ Боянѣ: краль Вукашинъ, съ двумя братьями воеводами, Гойкомъ и Углѣшей.

29) Въ Призренѣ, мѣстѣ питомомъ: сербскій царь Степанъ, съ сыномъ малымъ Урошемъ.

30) Въ ровномъ Дукадинѣ: Лека Капетанъ.

31) На Косовѣ ровномъ: Михаилъ воевода.

32) На Старой-Планинѣ: Старина Новакъ, съ Татомиромъ и съ молодымъ Груицей.

33) Въ Софіи: Грчичь Манойло.

34) Въ Кратовѣ: Радоня Кратовацъ.

35) Въ Кумановѣ: бегъ Костадинъ.

36) Въ Солунѣ: воевода Дойчинъ.

37) Въ Прилипѣ: Кралевичь Марко.

Пересчитавши воеводъ, Райко обратился опять: «слышала ли, сестрица, Маргита дѣвушка? Все это были наши воеводы, были, да приминули; иные изъ нихъ почили, а другіе изгибли; теперь изъ нихъ нѣтъ уже ни единаго, остался я одинъ въ Сремѣ Райко, какъ сухое дерево на планинѣ. Что же мнѣ дѣлать съ собою, что дѣлать съ Сремомъ? И что мнѣ дѣлать въ Сремѣ съ Турками?» Райко

выхватилъ изъ за пояса ножъ, ударилъ себя въ живое сердце, мертвый упалъ на черную землицу. Райко упалъ, Маргита припала къ нему и причитаетъ: «братья мои, сербскіе воеводы! Какъ вы были, какъ вы преминули, какъ женъ и дѣтей оставили! А теперь жены и дѣти ваши подъ ногами у Турокъ, монастыри отданы на срамъ Туркамъ!» схватила она ножъ Райковъ, и ударила себя въ живое сердце, и мертвая пала, бѣдная, возлѣ воеводы.

СЪ ПОМОЩІЮ ПѢСЕНЬ И ПЕРЕЧНЯ, ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ ВТОРАГО СЕРБСКАГО ПЕРІОДА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ГЕРОЯМИ БОЛГАРСКИМИ.

Съ помощію указаннаго перечня, мы можемъ возстановить предъ глазами героевъ втораго періода сербскаго и вмѣстѣ болгарскаго эпоса, равно какъ мѣста ихъ пребыванія и подвиговъ, исключая уже изъ этого числа героевъ періода перваго, о которыхъ говорили:

ЛИЦА, ГРУППИРУЮЩІЯСЯ ОКОЛО МАРКА КРАЛЕВИЧА.

I. Марко Кралевичь.

Его товарищи и современники:

1) Милошъ Обиличь (обил—богатый, полный, плодовитый, нашеобильный), названный такъ по словамъ Степана Сильнаго или Душана, случайно его нашедшаго во время охоты по Церу и взявшаго съ собою (объ этомъ см. словарь Караджича, s. v. обил); ближайшій другъ и сотоварищь Марка, но не въ связи съ Турками, еще до битвы на Косовѣ. Такъ онъ участвуетъ съ нимъ въ сватовствѣ за сестру Леки (т. II, № 40). Путь Марка, описанный здѣсь, могъ повести къ мнѣнію, что Милошъ Обиличь и Милошъ отъ Поцеря два лица розныя: Марко изъ Прилипа ѣдетъ въ Призренъ, проѣзжаетъ поле, планины, подъѣзжаетъ къ Косову, не хочетъ (слова пѣсни) къ ровной Митровицѣ, а поворачиваетъ при первомъ перекресткѣ и направляется къ Милошу; отъ Милоша они отправились къ Митровицѣ и отсюда спустились къ Рели въ Пазаръ. Ясно, что еслибъ Милошъ жилъ на Церѣ, близь Мачвы, Савы и Дрины, то Марку именно слѣдовало бы поворотить на Митровицу, а отъ Милоша къ Пазару не зачѣмъ было бы дѣлать огромнаго крюку на Митровицу. При томъ дорога отъ Косова до Цера слишкомъ длинна еще и была бы описана. Такимъ образомъ, можно вывести, Милошъ жилъ недалеко отъ Косова, и

слѣдовательно различенъ отъ Милоша изъ Поцеря. Мнѣніе это находитъ себѣ подтвержденіе еще въ томъ, что при Лазарѣ и въ боѣ косовскомъ является Обиличь и не называется Поцерскимъ, а Милошъ отъ Поцеря не называется Обиличемъ, исключая одной пѣсни о женидьбѣ Стояна Поповича (т. II, № 87), гдѣ оба эти названія вмѣстѣ, но пѣсня, какъ замѣтили мы выше, довольно уже двусмысленна и, кажется, болѣе поздняя. А главная причина недоразумѣнія состоитъ въ томъ: извѣстно, что Милошъ палъ на Косовѣ; какъ же является онъ въ большей части подвиговъ Марка? Потому предполагаютъ нѣкоторые, что первый Обиличь, второй Поцерскій. Причина же смѣшенія могла состоять въ томъ, что оба назывались Милошъ, а болѣе въ томъ, что и третій Милошъ, любимецъ народа, Стойчевичь или, по прозвищу, Обреновичь, былъ родомъ изъ Поцеря, почему въ пѣсняхъ позднѣйшихъ называется «Милош Поцерац, од Поцеря.» Что народъ дѣйствительно мѣшалъ эти имена, видно изъ того, что въ пѣсни о женидьбѣ Максима Черноевича (т. II, № 89) въ числѣ сватовъ является Милошъ Обреновичь, вѣроятно по имени Черногорца Обренбега. Но намъ не видится нужды двоить лицо Милоша. Что онъ могъ дѣйствовать съ Маркомъ еще до Косова и потомъ пасть въ битвѣ, это уже ясно изъ вышесказаннаго; въ подвигахъ же съ Турками онъ уже не упоминается. И народъ знаетъ, и приведенный перечень упоминаетъ одного Милоша. Если же онъ является въ событіяхъ, случившихся послѣ Косова, о чемъ мы однако выразили сомнѣніе, напримѣръ при женидьбѣ Юрья, то упоминается вмѣстѣ съ Топлицей и Косанчичемъ, также павшими на Косовѣ, и виною тому широта эпическаго воззрѣнія, также точно, какъ это бываетъ у Гомера, гдѣ убитое лицо снова появляется. Наконецъ, что касается до пути къ Милошу Марка, то остается просто предположить, что въ то время точно Милошъ жилъ близь Косова, на время, или еще до того, какъ получилъ воеводство на Церѣ. Возвращаемся къ сватовству. Сестра Леки высказываетъ народную молву о Милошѣ, что его родила и воздоила кобыла, что съ того онъ силенъ и высокъ, и что онъ собственно Кобиличь. Любопытно, что онъ удерживаетъ Марка отъ увлеченій, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличается обдуманностью, скромностью и тихостью, какой-то теплотой и мягкостью нрава, въ противуположность Марку, горячему и задорному до крайней степени, отважному и смѣлому до лютости и жестокости, наконецъ грубому, благодаря тому, что при всякомъ случаѣ садится за вино. Когда Марко подъѣзжаетъ ко двору его, Милошъ призываетъ и предо-

стерегаетъ слугъ: «ступайте на встрѣчу Марку, шапки подъ мышки, поклонитесь до земли; но не хватайтесь за полы (обычай цѣловать въ полу), не берите сабли и не подходите близко: можетъ быть сердитъ Марко, можетъ быть пьянъ онъ; пожалуй потопчетъ васъ конемъ и оставитъ увѣчными; подождите, пока онъ войдетъ и со мной поцалуется.» Когда Марко лежалъ уже мертвый (т. II, № 74), игуменъ, увидавшій его на горѣ, машетъ рукою дьякону: «легче, сынокъ, не пробуди его; Марко со сна бываетъ зловоленъ, обоихъ насъ можетъ погубить.» Марко былъ настоящимъ Ахилломъ и къ нему, при всемъ его мужествѣ, идетъ эпитетъ «легконогій.» Такъ онъ самъ разсказываетъ своимъ товарищамъ (т. II, № 39), что разъ, встрѣтивъ Лютицу Богдана, пустился и далъ тягу, такъ что тотъ успѣлъ его дохватить только по шелковому поясу пущеннымъ буздованомъ. Онъ и другой разъ, при той же встрѣчѣ, предложилъ бѣжать: но Милошъ, типъ Гектора, при всей своей осторожности, въ этихъ случаяхъ не сторонился отъ врага и стыдомъ принудилъ Марка остаться. Былъ даже случай (т. II, № 68), что Марко, пустившись утекать отъ врага, не успѣлъ въ томъ, и его Демо брдянинъ возилъ по городамъ, предлагая повѣсить гдѣ нибудь на стѣнѣ; Марка спасло только роковое значеніе, сопряженое для всѣхъ съ его судьбой, характеромъ и именемъ: жители городовъ отплачивались деньгами, говоря, что если бъ у нихъ повѣсили Марка, не родились бы ни вино, ни пшеница. Не рѣдко онъ готовъ бывалъ уклониться отъ бою: разъ ѣдутъ они съ Костадиномъ по Царьграду: «послушай-ка, говоритъ онъ; здѣсь меня какъ разъ бѣда повстрѣчаетъ, вызовутъ на поединокъ; а я притворюсь тяжко больнымъ, злою болью — сердоболью (діаррея).» И точно, онъ легъ на Шарца, на сѣдло сердцемъ (то есть животомъ, ибо какъ у насъ, такъ и у прочихъ Славянъ, сердце значитъ — животъ, или, собственно, мѣсто подъ ложечкой), и такимъ образомъ ѣхалъ черезъ городъ, пока навязчиво не вызванъ былъ покинуть принятую роль (т. II, № 61). Ничего подобнаго не знаемъ мы о Милошѣ. Наружность его пѣсни не описываютъ особенно; говорятъ только, что онъ былъ «высокъ» и «красенъ юнакъ (т. II, № 40, 51).» Не таковъ былъ Марко; отправляясь на подвиги, онъ напивался вина (коня онъ пріучилъ къ тому же) и пѣсня прибавляетъ, что «становился кровавъ до очей (т. II, № 40).» Когда его изъ окна увидала Маджарка, сноха Вучи, «ее схватила трехгодовая лихорадка,» и вотъ какъ она разсказываетъ объ немъ: «сидитъ юнакъ на широкомъ полѣ, воткнулъ копье въ непа-

ханую землю, за копье привязалъ коня; передъ нимъ мѣхъ съ виномъ; не пьетъ онъ вино, чѣмъ пьютъ люди, а пьетъ тазомъ въ двадцать окъ; половину самъ пьетъ, половину коню даетъ; юнакъ не такой, какъ прочіе юнаки: на плечахъ волчья шкура, на головѣ шапка волчья (часто надѣвалъ Марко и соболью); что-то черное держитъ въ зубахъ, словно полугодоваго ягненка (это были усы) (т. II, № 42).» Такой наружностью Марко иногда пользовался удачно; онъ струсилъ Лютицы Богдана и хотѣлъ было бѣжать, но когда уже пришлось встрѣтиться, «Марко подтянулъ узду Шарцу, соболій калпакъ надвинулъ на чело, соболь сдвинулъ въ одно съ бровями, потянулъ окованую саблю и поглядываетъ поперегъ. Сталъ Богданъ съ краю виноградника, да какъ увидалъ черныя очи Марка и каковъ по очамъ Марко, подъ Богданомъ обмерли ноги. Смотритъ Марко на Лютицу Богдана, Богданъ смотритъ на Кралевича Марка, а не смѣютъ одинъ на другаго;» кончилось тѣмъ, что Лютица первый заговорилъ о мирѣ (т. II, № 39). Мы упоминали уже выше, какъ одинъ нахмуренный видъ его заставлялъ султана жаться къ стѣнѣ, лѣзть въ карманъ и давать дукаты на вино. Не говоримъ уже о страшной силѣ его. Милошъ отличался другими свойствами; между прочимъ онъ мастеръ былъ пѣть, пѣвалъ о былыхъ краляхъ и даже вилы за то съ нимъ ссорились, завидуя его «царскому горлу (т. II, № 48).» Будучи другомъ Марка, послѣ него онъ является всего чаще съ Релей, Топлицей и Косанчичемъ; съ двумя послѣдними попался въ темницу Варадина, вѣроятно по близости отъ Цера; выручилъ его Марко (т. II, № 42). Въ другой разъ видимъ мы его въ плѣну у Латинянъ; разсказываютъ, что это было въ Которѣ. Любопытна причина: Лазарь послалъ его собирать подати; Латинцы приняли ласково, угостили, но потомъ повели передъ церковь Димитрія и начали хвалиться, что у Сербовъ нѣтъ такихъ: «умны вы, господа Латинцы, отвѣчалъ Милошъ, умны вы, а говорите глупо; если бъ да вы знали наши монастыри, каковы они и сколько ихъ, задужбины славныхъ царей нашихъ!» Высчитавши ихъ, онъ прибавилъ: «а что̀ ваша церковь Димитрія? я вамъ перекину ее изъ руки тяжелымъ буздованомъ!» Заспорили, Милошъ взялъ буздованъ, засучилъ рукава и началъ молиться Богу истинному: «прости, Боже и свѣтлая церковь! Прости, что одинъ разъ кину черезъ тебя: не на тебя кину, а черезъ.» Конечно онъ перекинулъ, но буздованъ по возвратѣ побилъ бановы дворы, двухъ сыновей бана, четыре морскихъ генерала и двѣнадцать великихъ властелей: за то его и за-

садили въ темницу, пока не пригрозилъ Лазарь Латинамъ (т. II, № 37). Далѣе поминали мы, что онъ былъ въ сватахъ у Юрья Бранковича и Стояна Поповича (т. II, № 79, 87), что̀ относится, можетъ быть, къ эпохѣ позднѣйшей. Но главнымъ образомъ Милошъ является при Лазарѣ, какъ ближайшій довѣренный воевода и какъ младшій зять князя: старшимъ былъ Вукъ Бранковичь. Онъ первый подалъ Лазарю мысль о постройкѣ Раваницы (князь хотѣлъ строить въ Копаоникѣ или Рудникѣ); первый, на основаніи «книгъ цароставныхъ,» которыя вѣроятно также умѣлъ читать, какъ и Марко, присовѣтовалъ строить изъ камню. Поступокъ его при этомъ случаѣ вполнѣ выражаетъ его характеръ: надсмотрщиками при постройкѣ назначены были Югъ-Богданъ и девять сыновей его; вмѣсто того, чтобъ платить рабочимъ, какъ уставилъ Лазарь, Юговичи удерживали мзду, не давали пить-ѣсть, не давали свободы въ праздники; узнавъ о томъ, князь велѣлъ Милошу повѣсить ихъ. Милошъ явился съ отвѣтомъ, что исполнено; заплакала Милица, раскаялся самъ Лазарь: тогда Милошъ объявляетъ, что въ первый разъ не исполнилъ воли государя, сберегъ Юга съ сыновьями, но за то тутъ же выхлопоталъ возмездіе всѣмъ работникамъ (т. II, № 35, 36). Передъ косовскимъ боемъ сидятъ на пиру у Лазаря; князь беретъ золотой кубокъ и говоритъ: «кому эту чашу наздравить мнѣ? Если по старшинству, выпью я за стараго Юга-Богдана; по господству, — за Вука Бранковича; по милости (любви), — за девять шурьевъ; по красотѣ, — за Ивана Косанчича; по вышинѣ, — за Топлицу; по юначеству (молодечеству), — за воеводу Милоша? Такъ не хочу же я пить ни за кого другаго, выпью за здоровье Милоша Обилича: будь здравъ, Милошъ, вѣра и невѣра! Сперва вѣра, а послѣ невѣра! Завтра выдашь ты меня на Косовѣ и побѣжишь къ Мурату, царю турецкому (Бранковичь, всегда враждовавшій съ Милошемъ, задумывая самъ измѣну, успѣлъ оговорить его)! Будь здравъ и выпей здравицу! Вино выпей, а кубокъ въ даръ тебѣ!» Вскочилъ Милошъ на легкія ноги, кланяется до черной земли: «спасибо тебѣ на твоей здравицѣ, на здравицѣ и на дару твоемъ; но не спасибо на такой бесѣдѣ; нѣтъ, клянуся вѣрой моей! Невѣрой я никогда не былъ, не былъ, да и не буду; думаю я завтра на Косовѣ за Христьянскую вѣру погибнуть. А невѣра сидитъ у тебя при колѣнѣ, изъ подъ полы пьетъ вино холодное, проклятый Вукъ Бранковичъ. Завтра красный день Видовъ: увидимъ на Косовѣ полѣ, кто вѣра и кто невѣра. А я клянусь Богомъ великимъ: пойду я завтра на Косово, заколю турецкаго царя Мурата и стану ему ногою подъ горло. А дастъ мнѣ

Богъ и счастье, да ворочусь по здорову въ Крушевацъ: ухвачу я Вука Бранковича, привяжу за боевое копье, какъ привязываетъ жена кудѣль къ праслицѣ, да и понесу его на Косово поле (т. II, № 50, III)!» Люто заклиналъ князь Лазарь идти всѣхъ на бой косовскій: «кто не придетъ, не родилось бы ничего отъ труда рукъ его, ни въ полѣ бѣлица-пшеница, ни на горѣ винная лозочка (т. II, № 50, II)!» Собралися. Полетѣлъ соколъ, птица сивая, отъ святыни, отъ Ерусалима, носитъ онъ птицу ластовицу: то не былъ соколъ, сивая птица, то былъ святитель Илія; не носитъ птицы ластовицы, онъ несетъ книгу (письмо) отъ Богородицы, отнесъ ее къ царю на Косово, спустилъ книгу царю на колѣно, сама книга царю говорила: «царь Лазарь, честнóе колѣно! какое ты избираешь царство, небесное ли, или земное? Если избираешь царство земное, сѣдлай коней, подтяни подпруги; витязи, припоясывайте сабли, нападите на Турокъ: все турецкое войско погибнетъ; если же хочешь царства небеснаго, ты поставь на Косовѣ церковь; не выводи ей основы изъ мрамора, а изъ чистаго шелку и пурпура; потомъ причасти войско и приготовь: все оно сгибнетъ, погибнешь съ нимъ и ты, князь (т. II, № 46).» Лазарь избралъ послѣднее. Причастилось все сербское войско, а послѣ всѣхъ три воеводы, Милошъ, Косанчичь и Топлица. Выходятъ они изъ дверей церковныхъ, стоитъ бѣдная дѣвушка. Милошъ — «красенъ юнакъ на сёмъ свѣтѣ; сабля волочится у него по землѣ; шапка шелковая, перья окованыя; на немъ аздія (длинное верхнее платье), вся кругами; около ворота шелковой платокъ.» Посмотрѣлъ онъ на дѣвушку, снялъ съ себя аздію и подалъ ей: «на, тебѣ, дѣвушка, будетъ чѣмъ помянуть тебѣ меня и имя мое; иду я, душа, на погибель въ полку князя честнáго. Моли Бога, дорогая душа моя, чтобы воротиться мнѣ по здорову изъ полку; и тебѣ будетъ тогда доброе счастье: возьму я тебя за моего Милана (Топлицу), моего Богомъ побратима, а самъ буду тебѣ вѣнчальнымъ кумомъ.» Отдали ей по подарку и другіе два воеводы (т. II, № 51). Но не суждено было имъ вернуться. Разговариваютъ по одаль отъ стана Милошъ и Косанчичь: «побратимъ, Иванъ Косанчичь! Разсмотрѣлъ ли и выглядѣлъ ли ты турецкое войско? Много ли войска у Турокъ? Можемъ ли мы съ ними биться, можемъ ли побѣдить ихъ?» Отвѣчаетъ Косанчичь: «братъ мой, Милошъ Обиличь! Выглядѣлъ я турецкое войско, сильно оно; если бы всѣ мы обратились въ соль, не насолили бы Туркамъ завтрака.... Если бы съ неба пошелъ ливмя ливень, негдѣ было бы упасть на землю, попадалъ бы онъ на добрыхъ коней и юнаковъ.» «А гдѣ шатеръ

сильнаго царя Мурата? Я обѣщался князю заколоть турецкаго царя Мурата и ногою стать ему подъ горло (т. II, № 50, IV).» Милошъ сдержалъ слово, а дѣвушка послѣ битвы пришла на Косово поле, раньымъ рано, въ воскресенье. «Засучила она бѣлые рукава по локоть; два бѣлыхъ хлѣба носитъ на плечахъ, въ рукахъ двѣ золотыхъ чаши, въ одной холодная водица, въ другой красное вино. Ходитъ она по Косову, по побоищу; перевертываетъ въ крови юнаковъ; кого найдетъ живымъ, умываетъ холодной водицей, поитъ краснымъ виномъ, закусить даетъ бѣлаго хлѣба.» Нашла она раненаго Орловича Павла, разсказала ему про обѣты трехъ воеводъ: «сестра дорогая, Косовка дѣвушка, отвѣчаетъ Павелъ: видишь ли, душа, тѣ боевыя копья, которыя повыше и погуще? Тамъ пролилась кровь юнаковъ, доброму коню до стремени, а юнаку до шелковаго пояса; тамъ всѣ трое погибли. А ты иди-ка къ своему двору бѣлому, не кровавь свои рукава и полы (т. II, № 51).» Вѣсти о пораженіи убили не одно семейство. Онѣ убили жену Юга-Богдана, мать девяти Юговичей; возвратился Владета воевода къ Милицѣ, женѣ Лазаря; онъ говоритъ ей объ Милошѣ: «видѣлъ я его, стоялъ онъ на полѣ Косовѣ; наслонился на боевое копье, копье переломилося, навалили на него Турки; я думаю, теперь уже погибъ онъ (т. II, № 49).» Прилетѣли два врана-гаврана и разсказываютъ Милицѣ: «утромъ нынѣшнимъ мы съ ровнаго Косова; видѣли два сильныхъ войска; войска ударились еще съ вечера; погибли оба царя; отъ Турокъ кое-что осталось, а отъ Сербовъ что и осталось, все ранено и искровавлено.» Въ это самое время подъѣзжаетъ израненый слуга Милутинъ; онъ передалъ уже во всей подробности вѣсть о Милошѣ: «Милошъ погибъ при Ситницѣ, при водѣ студеной, тамъ, гдѣ много палю Турокъ; Милошъ убилъ турецкаго царя Мурата и Турокъ двѣнадцать тысячь. Богъ да проститъ грѣхи тому, кто родилъ его! Онъ оставилъ память роду сербскому: будутъ говорить и разсказывать, пока есть люди и есть Косово (т. II, № 45).» Въ Мачвѣ, въ окрестностяхъ горы Цера или въ Поцеринѣ, въ Шабацкой нахіи, есть село Двориште и близь него развалины, называемыя Милошева Конюшница: здѣсь-то, говорятъ, были дворы Милоша. Здѣсь же небольшая рѣка Нечая или Нечай и возлѣ Пусто-поле. Милошева мать на рѣкѣ этой пасла овецъ, какъ вдругъ явился вѣстникъ съ Косова и сказалъ ей: «*нечай* (не дожидайся) больше, мать Милоша! Отгони овцы на то *пусто поле*: погибъ вчера Милошъ!»

Имя героя перешло даже въ нѣкоторыя, такъ называемыя, женскія пѣсни Сербовъ.

2) Иванъ Косанчичь или Косайчичь съ «ровной Косайницы.» Упоминается вмѣстѣ съ Милошемъ, Топлицей и Маркомъ въ сватахъ Юрья Бранковича (т. II, № 79). Вмѣстѣ съ Милошемъ и Топлицей въ темницѣ варадинской у Вучи; выручается Маркомъ (т. II, № 42). Ближайшій товарищь Милоша на Косовомъ полѣ, съ нимъ вмѣстѣ и павшій. Лазаремъ на пиру признается красивѣе всѣхъ воеводъ сербскихъ (т. II, № 50, III).

3) Миланъ Топлица, названный такъ по рѣкѣ Топлицѣ, соединяющейся съ Болгарской Моравой и вытекающей изъ Шара-планины, на востокъ отъ Призрена. Милошъ, въ темницѣ у Вучи, называетъ его «старымъ» и выпрашиваетъ повозку довезти его (т. II, № 42). Упоминается въ сватахъ Юрья и погибаетъ съ Милошемъ на Косовѣ.

4) Реля изъ Пазара, крылатый; вотъ какъ его описываютъ: «если бъ тебѣ да глянуть глазкомъ, какъ одѣлся крылатый юнакъ! Не шутка—крылатый юнакъ! не шутка—крылья и окрылье! Плохъ передъ нимъ Марко, плохъ и Милошъ воевода!» Про него ходилъ въ народѣ слухъ, что онъ сынъ незаконный, что нашли его утромъ на улицѣ, воздоила его Цыганка, и отъ того у него крылья (т. II, № 40). Онъ участвовалъ въ неудачномъ сватовствѣ за сестру Леки. Былъ въ сватахъ Юрья и Стояна Поповича. Боролся съ Милошемъ и Маркомъ противъ Лютицы Богдана (т. II, № 39). Во время Лазаря упоминается воеводою Пазара (т. II, № 36). Но ни близь Лазаря, ни на Косовѣ, ни въ послѣдующее время не встрѣчается; за то перешелъ въ нѣкоторыя свадебныя и вообще женскія пѣсни подъ именемъ *Рели Бошнянина*.

5) Юришичь Янко, въ темницѣ у Сулеймана разсказываетъ о подвигахъ на Косовѣ, гдѣ, въ числѣ главныхъ, упоминаетъ себя, Марка и Огняна (т. II, № 52; пѣсня древняя, см. выше). Онъ-то вѣроятно участвовалъ въ неудачномъ сватовствѣ Марка за бѣдную дѣвушку, вмѣстѣ съ Уступчичемъ: если это только не Сибинянинъ (т. II, № 41).

6) Павелъ Уступчичь, котораго предпочла дѣвушка Марку (т. II, № 41).

7) Огнянъ, отрокъ, племянникъ Марка отъ сестры: см. выше.

8) Лека Капитанъ, воевода Призрена, по перечню помѣщаемый въ Дукадинѣ (Ducatus s. Sabbae, названный такъ по многимъ священнымъ мѣстамъ; иногда, въ болѣе обширномъ смыслѣ, называется такъ Метохія, вмѣщая Призренъ, Петь, Дякову, Дечане, и проч.). Когда Марко, сватавшійся съ Милошемъ и Релею за его сестру (которая за отказъ потомъ страшно наказана), вошелъ къ нему въ домъ на верхъ, пѣсня прибавляетъ: «какую землю и куда ни проходилъ Марко, ничему онъ не дивился, ни отъ чего не стыдился: а тутъ задивился Марко и застыдился, увидавъ домъ у Леки,» — такъ былъ хорошъ и богатъ онъ (т. II, № 40)!

Указаннымъ сейчасъ двумъ лицамъ соотвѣтствуетъ въ болгарской пѣсни (напечатанной въ Изв. Акад. подъ № 8 и 9) особенный герой: это отрокъ или дѣтина (*дѣте*), сходный съ Огияномъ, какъ племянникъ Марка, а болѣе съ Лекою, какъ житель Доката, откуда называется Докатинче. Вотъ какъ, между прочимъ, разсказывается объ немъ. «Пускаетъ коня королевичь Марко, пускаетъ по широкому полю, по полю, чтобы выучить, какъ играть ему; пускаетъ съ утра до вечера, отъ зорницы до звѣзды вечерней. Не съ кѣмъ поговорить Марку; слѣзъ онъ съ коня своего и цѣлуетъ его въ самое чело, подымаетъ очи къ небесамъ, говоритъ звѣздѣ вечерницѣ: «ты, звѣзда вечерница! Когда грѣешь ты, еще ясно свѣтишь, съ небесъ по земному долу, съ востока до запада, до краевъ незнаемыхъ, когда грѣешь, еще все ты видишь: видѣла ли ты такого молодца, какъ я, такого коня вихро-хода, какъ конь мой?» Съ небесъ звѣзда провѣщала: — молчи, Марко, уста бы тебѣ засохли, уста бы засохли, языкъ бы прилипнулъ! Здѣсь внизу, черезъ шесть ночлеговъ, городъ есть, городъ Докатинъ, а въ городѣ отрокъ Докатинче; еще малъ онъ — семи онъ годочковъ, а въ семь разъ онъ тебя молодцоватѣй!—Марко кольнулъ коня стременами, пустился на широкія дороги. Близь Доката зоря его озарила; предъ Докатомъ, на лугахъ зеленыхъ, тамъ играютъ маленьки дитятки: знали дѣти, какъ игру играти, какъ игру играти, бѣлъ камень метати. Спрашиваетъ Марко маленькихъ дитятокъ: «спрошу я васъ, дѣти, правду мнѣ скажите: что́ это такъ рано, дѣти, повставали, еще въ тёмны зо́ри метать бѣлый камень?» —Молодецъ незнамый! Есть здѣсь Докатинче, малъ еще онъ отрокъ, семи онъ годочковъ, а тебя молодцоватѣй: когда мечетъ камень, всѣхъ насъ перемечетъ. Коня погоняй ты къ городу Докату: когда войдешь въ городъ, тогда ты увидишь,—серебромъ мощенъ онъ, на право ты встрѣтишь желѣзны ворота, сукномъ они крыты, трое надъ

воротами кресты золотые (это указываетъ прямо на тождество съ Лекой). Какъ увидѣлъ Марко дитя-Докатинче, догадался Марко, что молодецъ большій: взяла его болесть, трехъ-лѣтъ-лихоманка.» Марко вызвалъ въ битву: «въ триста окъ взялъ камень, съ руки на руку камнемъ тѣмъ бросаетъ, словно зрѣлымъ яблокомъ; взялъ и отрокъ тотъ же самый камень, швыряетъ имъ съ пальца на палецъ, словно златымъ перстнемъ.» Въ другомъ случаѣ описывается Докатинче въ болгарской пѣсни точно такъ, какъ Милошъ. Когда Степанъ Сильный охотился по Церу, увидалъ онъ, что въ одномъ мѣстѣ вѣтви съ дерева то свиваются къ низу, то развиваются къ верху; подошедши, видитъ онъ отрока,— возлѣ овецъ ударилъ топоръ свой въ колоду, самъ легъ на спину и спитъ: какъ дыхнетъ изъ себя, — вѣтви къ верху, заберетъ духъ,—вѣтви къ землѣ. Царь протянулъ руку къ топору,—шутишь! не можетъ вытащить топора изъ колоды (о дальнѣйшихъ, любопытныхъ подробностяхъ разсказа см. Вуковъ словарь s. v. *Обил*). Въ болгарской пѣсни Марко находитъ Докатинче на верху горы Докатъ: «сладкимъ сномъ подъ шатромъ заснулъ онъ; потянетъ въ себя, — шатеръ собирается, выпуститъ духъ, — шатеръ простирается. Смотритъ Марко и чудится чудомъ, какъ бы разбудить ему дитя - Докатинче; слѣзъ съ коня на землю, подождалъ немного, пока самъ проснется. Говоритъ тутъ Марко: «дитя Докатинче, пойдемъ, съ тобой, братецъ, пошвыряемъ камень.» Бросилъ Марко камень до земли Волошской; отрокъ бросилъ камень — камень не сыскался.» Побратался съ нимъ Марко, но потомъ коварно убилъ: на Марка у Сербовъ и Болгаръ переходятъ часто черты греческаго Аполлона и Геракла.

9) Лютица Богданъ, лицо чрезвычайно замѣчательное. Отъ него бѣгалъ Марко, онъ гонялъ Милоша и Релю. Пѣсни помѣщаютъ его на «утесистомъ (кршно)» или «ровномъ приморьѣ (т. II, № 39)». Перечень помѣщаетъ его «на Загорьѣ», весьма неопредѣленно, ибо Загорій въ Сербіи и Болгаріи множество: не говоря о знаменитомъ Загорьѣ въ углу отъ Балканъ къ Черному морю, надъ Сливномъ, въ Болгаріи, Загорьемъ называется со стороны Княжества сербскаго страна за Тимокомъ (въ пѣсняхъ о Маркѣ, мы видѣли, придунайскія страны называются иногда приморьемъ); еще Загорье въ Герцеговинѣ и многія другія. Смерть его описывается такимъ образомъ: служитъ онъ у воеводы Драгіи за коня, не получаетъ, крадетъ, но настигнутъ и убитъ воеводой (т. II, № 76). Выводъ изъ нѣсколькихъ пѣсней о немъ тотъ, что жена его постоянно остается вѣрною, любящею, из-

бавительницею; сестра злодѣйка и изъ за нея всѣ бѣды (т. I, № 722, 723, 724, 725). Съ этой стороны не сомнѣваемся его видѣть въ болгарской пѣсни нашей № II, въ лицѣ «ржковитаго Богдана» (бѣдоваго, отчаяннаго, размашистаго, лютаго). Въ сербскихъ пѣсняхъ (т. I, № 723) врагомъ Богдана, изъ за сестры, является Загорчичь Никола и Загорье разумѣется, какъ кажется, герцеговинское; въ болгарской является врагомъ «Черноморскій воевода Никола (Загорье близъ Чернаго моря?).» Мотивъ, — избавленіе мужчины переодѣтой женщиной, женой или сестрой,—общь болгарскимъ пѣснямъ съ сербскими; у Сербовъ, т. I, № 746 и 747, сестра Елица извлекаетъ брата изъ затруднительнаго положенія, переодѣвшись; при Извѣстіяхъ Академіи 1854 года, подъ № XXII, помѣщена пѣсня Черногорцевъ Перойскихъ, совершенно того же мотива; тамъ же, подъ № XVIII (2), далматская пѣсня сближается, какъ нельзя болѣе, съ указанными сербскими, герой же Богданъ Потуличь; въ т. III сербскихъ пѣсень, № 49, жена, переодѣтая, спасаетъ Вукосава, а событіе разсказано почти слово въ слово съ болгарскою пѣсней о «ржковитомъ Богданѣ.» Потомъ въ болгарской пѣсни у насъ освобождаетъ такимъ же образомъ Тилана его жена: № VII. Далѣе, въ болгарской пѣсни нашей, подъ № XL, является «Турлакъ Никола,» и терпитъ нападенія изъ за сестры Еленки, которая соотвѣтствуетъ Елицѣ, сестрѣ Богдана по сербскимъ пѣснямъ. Тоже самое содержаніе является въ нашей пѣсни болгарской, подъ № XLI, гдѣ героиня опять Загорка. Наконецъ нѣкоторыя болгарскія пѣсни (при Изв. Акад. № 5 и 6) прямо дѣлаютъ Богдана современникомъ Марку: въ одной онъ сватается за Грозданку, въ другой сидитъ въ Стамбульской темницѣ, подобно нашему «ржковитому.» Вотъ замѣчательное мѣсто изъ послѣдней. Когда, угрожаемый Мусой (см. выше), султанъ велѣлъ выпустить узниковъ, представилась картина: «ранены юнаки въ темницахъ прогнили, отекло ихъ мясо, растрескались кости; въ углу самомъ темномъ едва юнакъ дышетъ, чуть лишь жива душа въ немъ. Пытали его царскіе вельможи: «ты Богданъ, Кара-Богданъ! Царь зоветъ юнаковъ, можешь ли пуститься съ Мусою побиться?» Богданъ отвѣчаетъ, молвитъ подъ землею: «изъ ранъ моихъ падаютъ черви, конь мой убѣжалъ въ горы, приманитъ его голосомъ — нѣтъ у меня силы... Вы пытайте въ городѣ Прилѣпѣ, есть ли тамъ кто изъ королевскаго рода? Коли есть тамъ, онъ и выйдетъ на бой съ Мусой.» Выводимъ заключенія о лицѣ этого Богдана. Мотивы, при которыхъ онъ является въ пѣсняхъ, слишкомъ распространены у Сербовъ и Болгаръ,

вслѣдствіе чего, съ одной стороны, должно было привзойти много разнородныхъ подробностей, съ другой — самое лицо двоиться и троиться; все это, однако, не заслоняетъ собою главнѣйшихъ оригинальныхъ очертаній, а собирая ихъ вмѣстѣ, мы невольно некаемъ на знаменитаго героя Молдавіи, получившей отъ него даже свое имя. Во первыхъ, самая темнота преданій поддерживалась отдаленностью мѣстною, что подтверждается на лицѣ Радула, Мирчеты, особенно Янка изъ Сибиня и Секулы. Далѣе, Богданъ равно общь болгарскимъ и сербскимъ пѣснямъ, по участію къ землѣ Валащской и Богданской; потому же поставляется онъ въ современники Марку, который подвизался въ тѣхъ краяхъ: онъ имѣлъ на то и другое право, какъ юнакъ отмѣнный, подобно прочимъ знаменитостямъ, пріуроченнымъ эпохѣ Марка, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что о собственной эпохѣ молдавскаго героя мы имѣемъ не совсѣмъ точныя данныя. Въ томъ или другомъ видѣ, эпосъ всюду передаетъ о немъ событія горестныя, вызывающія значительное участіе: но самые эпитеты и крупныя черты указываютъ въ немъ постоянно единицу первой величины. Онъ врагъ Турокъ, за что и гнилъ у нихъ въ темницѣ; онъ Кара-Богданъ, прозвище, свойственное Молдаванамъ и Волохамъ, перешедшее и на страны ихъ. Его сопровождаютъ «двѣнадцать воеводъ,» подобно главнымъ придунайскимъ героямъ. Самое отношеніе его къ Драгіи можетъ указывать на соплеменнаго предшественника его Драгоша. Его Загорье и приморье можно находить, какъ мы замѣчали, и при Дунаѣ. Наконецъ, нѣкоторыя пѣсни съ его именемъ начинаются совершенно также, какъ пѣсни о Предрагѣ и Ненадѣ, Радоѣ и Янколѣ, окрашенныя особенностями волошскаго и придунайскаго быта. Подождемъ разъясненія, и, надѣемся, подтвержденія въ будущемъ.

10) Болгарскій краль Шишманъ (вступилъ на престолъ съ 1353 года; по другимъ владѣнія его раздѣлены были съ братьями), у котораго Марко взялъ дочь.

11) Съ именемъ Шишмана связываются два брата Волохи, изъ коихъ первый Радулъ. Въ перечнѣ помѣщается «въ ровной землѣ Каравлашской Каравлахъ Радулъ;» и потомъ «въ Бухарестѣ бегъ Радулъ-бегъ:» ясно, что это одно и тоже лицо. Мы видѣли выше, что Милошъ Воиновичь, племянникъ Душана, разсказываетъ, будто служилъ у Радула. Далѣе въ одной пѣсни Радулъ и Шишманъ являются врагами (т. II, № 75). Два родныхъ брата, Радулъ-бегъ и

Мирчета воевода поссорились за старшинство надъ Каравлашскою и Карабогданскою землею. Мирчета засаженъ въ темницу. Но вотъ къ Радулу шлетъ болгарскій краль Шишманъ «од Трнова» и проситъ къ себѣ крестить сына. Волохъ подозрѣваетъ здѣсь ковы и вызываетъ изъ темницы брата на совѣтъ. Мирчета совѣтуетъ не брать съ собою «Угровъ, а взять старыхъ слугъ—Серба Радосава изъ Видина, Пьяницу Дюру и Грчича Манойла (мы увидимъ ихъ еще ниже).» Дѣйствительно, въ Болгарахъ Пьяница помогъ за другихъ выпить лишнее, Манойло разобралъ греческій разговоръ объ измѣнѣ, а Сербъ погубилъ Шишманина, и всѣ воротились «къ Букрешу граду.» Въ этой пѣсни замѣчательны: 1) ссора двухъ братьевъ, древнѣйшее придунайское преданіе, нами уже разобранное и отражающееся въ болгарскихъ пѣсняхъ; Якшичи также точно дѣлятъ землю Каравлашскую и Карабогданскую. У насъ, въ № XXXI и XLIII, одинъ изъ братьевъ называется Радой и прямо даже Радулъ. 2) Замѣчателенъ мотивъ зова на крестины, съ цѣлію погубить: здѣсь Радула зоветъ Шишманъ, а у насъ подъ № VI Лагуша зоветъ «Димскій краль,» конечно тоже, что Будимскій, угорскій (а можетъ быть Бъдимскій = Видинскій, о чемъ см. ниже). И дѣйствительно, въ сербскомъ эпосѣ (т. III, № 45) одна пѣсня почти слово въ слово соотвѣтствуетъ болгарской и дѣйствуетъ здѣсь прямо «Будимскій паша.» Мотивъ этотъ весьма развитъ: такова позднѣйшая сербская пѣсня «попъ Црногорацъ и Вукъ Копривица (изд. 1823 г., № 21);» такова же судьба чешскаго государя Вячеслава и нашего Михайла Васильевича Скопина. Въ черногорскихъ пѣсняхъ является еще Радулъ, герой XV вѣка, женатый на племянницѣ Ивана Черноевича черногорскаго (т. II, № 88).

12) Другой братъ, называемый въ перечнѣ Миркомъ, а въ пѣсни о ссорѣ Мирчетой. Какъ Якшичи, владѣтели придунайскіе, дѣлятъ между собою землю Каравлашскую и Карабогданскую, такъ Мирчета или Мирко, Каравлахъ, представляется воеводой Срема. Онъ-то воевалъ особенно сильно при Дунаѣ, и память о томъ такъ сильна, что Сербъ доселѣ поетъ: «о Дунай, вода тихая! чтó ты такъ течешь мутенъ? или тебя олень рогомъ мутитъ, или Мирчета воевода (т. I, № 669)?» Онъ же бился въ первыхъ битвахъ Каравлаховъ съ Турками, и онъ-то, по преданію, убилъ Марка. Можетъ быть, наконецъ, это тотъ самый Мирчё, котораго жена спасаетъ отъ рабства въ Тръновѣ, у насъ подъ № XXVII.

13) Степанъ Земличь, деверь въ сватахъ при женидьбѣ Марка.

14) Бегъ Костадинъ, по перечню помѣщаемый въ Кумановѣ, побратимъ Марка; по сербской пѣсни, съ нимъ ѣдетъ Марко по Царьграду, когда встрѣчается съ Алилъ-агой (т. II, № 61). Такимъ образомъ онъ въ связи съ Маркомъ и съ Алилъ или Али-агой, котораго видѣли мы въ болгарской пѣсни о никопской вдовушкѣ. Связь эта еще тѣснѣе подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Сербская пѣсня (т. II, № 60) разсказываетъ, что у Костадина былъ Марко въ то время, когда отыскивалъ роднаго брата Андрея. О послѣднемъ знаемъ у Сербовъ только то, 1) что, родившись близнецомъ съ Маркомъ, онъ былъ похожъ на отца Вукашина (слѣдовательно не красивъ), тогда какъ Марко смахивалъ на дядю Момчила; 2) что его отыскивалъ братъ, и 3) схоронивши его, очень жалѣлъ по немъ, хотя впрочемъ Шарца своего схоронилъ лучше. Пѣсня болгарская (Изв. Акад. № 1) обстоятельно разсказываетъ намъ объ освобожденіи Маркова брата, называя его здѣсь Александромъ. Начало пѣсни одинаково съ пѣснями о Предрагѣ и Ненадѣ, Радоѣ и Явколѣ, Богданѣ Потуличѣ, и т. п. Оказывается между прочимъ, что Александръ въ тяжкую годину отведенъ былъ въ плѣнъ въ землю Богданскую (Молдавію), къ Али-бегу, у котораго былъ корчмаремъ, до того времени, какъ освободилъ его Марко. Въ Али-бегѣ позволительно видѣть того же Алилъ-Агу, Арапа или Волоха, Молдаванца. Но пѣсня по мѣстамъ явно попорчена, конечно отъ времени и сбившихся представленій. Такъ, чтобы прибыть за Дунай, Марко конечно долженъ былъ проѣхать чрезъ турецкія владѣнія, Македонію и Болгарію, и тогда-то имѣлъ случай гостить у Бега-Костадина; пѣсня правильно замѣчаетъ, что, взявши Александра, на возвратномъ пути изъ Молдавіи, Марко «прекомъ пречи презъ Турскѫ-тѫ земѭ.» А выше явная ошибка: чтобъ попасть къ Али-бегу, Марко «прекомъ пречи прѣзъ Богданскѫ земѭ,» и тогда прибылъ въ проклятую Турецкую землю, «въ пустѫ турскѫ земѭ.» Утѣшительно, однако, подумать, что въ бóльшей части сербскихъ и болгарскихъ пѣсней, именно въ разбираемый періодъ, почти всегда, какъ убѣдились мы, возможно не только отгадать мѣстность и ея отношеніе къ исторіи, но даже подмѣтить замѣшательства и ошибки. Гомерическая широта воззрѣній не препятствуетъ значительной точности. Сравните же наши русскія былины, гдѣ часто при татарскихъ именахъ совершенно становишься въ тупикъ: а впрочемъ — поле ждетъ изыскателя. . .

15) Арапы, враги Турокъ; противъ ихъ ополченій, ихъ краля, равно какъ отдѣльныхъ Араповъ, дѣйствуютъ Марко и его современники.

16) Дойчинъ или Дойчилъ, воевода Солуня, побратимъ Марка, отправляющійся спасать его изъ Азака (т. II, № 65). Даже нѣкоторыя преданія о томъ и другомъ героѣ сближаются: такъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ болгаръ,[a] въ одной пѣсни ихъ, больнаго Марка при отправленіи въ битву также точно завиваютъ полотномъ, какъ Дойчина: только полотна потребовалось 300 аршинъ. Сербская пѣсня о подвигахъ Дойчина и его смерти (т. II, № 78) совершенно одинакова съ болгарской подъ № I: дѣйствуетъ онъ также противъ Араповъ, и, убивши жену, по болгарской пѣсни, убѣгаетъ въ землю Влашскую и Богданскую.—

17) Султаны Баязедъ и Сулейманъ, названые отцы Марка.

18) Муса кеседжія, у Сербовъ—Албанецъ, врагъ Турокъ и Марка (№ 67, т. II). У насъ, въ № XXVI, является уже хайдукомъ. Въ упомянутой выше пѣсни - Анадолецъ, родичь Султана.

19) Братъ его, Демо Брдянинъ (т. II, № 68): побѣдивъ Марка, Демо возитъ его связаннаго около Охрида, Вучитрна, Звечана.

20) Мина отъ Костура, то есть изъ Касторіи, захватившій дворъ Марка и жену, когда послѣдній воевалъ съ Арапами; въ городѣ его Греки; Марко дѣйствуетъ противъ него съ помощію янычаръ (т. II, № 62). Въ этой же пѣсни, въ то время, какъ Марка зоветъ Баязедъ противъ Араповъ (Волоховъ), зоветъ къ себѣ также краль Будимскій и Сибинянинъ Янко. Кромѣ того, Марко является вмѣстѣ съ Будимскимъ кралемъ и Сибинянином Янкомъ въ сватахъ у Юрья Бранковича и Стояна Поповича. При извѣстіяхъ Академіи, 1854, № 3, помѣщена болгарская пѣсня, подъ названіемъ «Кражба Грозданкина.» Крадетъ жену Марка, Грозданку, Дели-Белю (удалецъ Бель или Белё); мы легко узнаемъ въ немъ сербскаго Мину, ибо Марко называетъ его Костореле (т. е. Касторецъ, изъ Касторіи). Пѣсня отличается отъ сербской нѣкоторыми подробностями. Марко ушелъ на бой; въ его отсутствіе Грозданку подманилъ и увезъ Дели-Бель; но вотъ на дорогѣ встрѣчается ему Марко и проситъ побратима показать красавицу, закрытую и завитую на конѣ. Похититель отказываетъ, ссылаясь на то, что это его первая любовь, и обѣщаясь

а) Н. Г. Поповича.

позвать Марка на вѣнчанье. Между тѣмъ королевичь, воротясь домой, узнаетъ истину и пускается въ погоню: не успѣлъ догнать, ворота у Дели-Беля уже заперты; съ досады Марко убиваетъ коня и идетъ въ монастырь въ монахи. Отсюда уже, собирая на обитель, заходитъ, спустя три года, ко врагу, женѣ—не узнавшей—разсказываетъ о смерти королевича, впущенъ, отмстилъ врагу, невѣрную наказалъ также точно, какъ это бываетъ въ сербскихъ пѣсняхъ и нашихъ былинахъ. Кто захочетъ прочитать болгарскій подлинникъ, мы замѣтимъ ему одно обстоятельство, въ предотвращеніе недоумѣній: Дели-Бель обѣщается пригласить Марка, чтобы онъ обвѣнчалъ его («азъ штѫ пратѭ да тѧ викамъ, за да дойдешь, да ма вѣнчешь»). Это значитъ—онъ позоветъ его въ «кумы вѣнчаные», главное лицо при свадьбѣ. Съ этимъ связанъ другой намекъ, встрѣчающійся въ пѣсни подъ № 1 (тамъ же), который также уяснимъ мы читателю. Марко говоритъ матери, что его зовутъ изъ Будима, отъ султана и изъ Демиръ-Капу, вѣнчать женщинъ («булки да вѣнчявамъ»); мать замѣчаетъ, что его напротивъ зовутъ «на судъ, за то, что онъ вѣнчалъ краля и кралицу» («най тѧ викатъ сѫдбѫ да тѧ сѫдитъ, защто вѣнчя краля и кралицѫ»). «Здѣсь опять разумѣется «кумовство вѣнчаное,» краль же и кралица Будимскіе, ибо во многихъ сербскихъ пѣсняхъ Марко призывается на упомянутое кумовство къ Будимскому кралю (сравните въ нашихъ пѣсняхъ Лагуша, который также былъ вѣнчанымъ кумомъ у Будимскаго короля, вслѣдствіе чего погибъ было,—обстоятельство, на которое намекаетъ и мать Марка, какъ отвѣтственность за свадьбу короля). Даже въ самой пѣсни объ Минѣ изъ Костура, Сербъ прибавляетъ, что Марка звалъ тогда Будимскій краль «на кумство венчано.» Какое событіе лежало въ основѣ этого преданія, не знаемъ. Вѣрно только то, что Марко преимущественно предъ всѣми счастливъ былъ на эту почесть кумовства; онъ вѣнчаный кумъ по преимуществу; даже доселѣ, какъ такой, является въ сербскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, рядомъ съ Новакомъ, Груицей и Радивоемъ, съ которыми познакомятся читатели ниже (см. пѣсни въ изданіи Караджича «Ковчежить»). Но, подобно тому, какъ первобытная поэзія южныхъ Славянъ, тѣсно связанная съ творчествомъ языка, изъ *черныхъ* Волоховъ сдѣлала *Араповъ*, Сербъ воспользовался «вѣнчанымъ кумовствомъ» Марка, и, въ пѣсни о Минѣ изъ Костура, заставилъ его на самомъ дѣлѣ вѣнчать врага съ женою. Отправляясь на битву съ Миной, Марко заходитъ на святую славную гору (Аѳонскую); тамъ исповѣдался и причастился, ибо много предъ тѣмъ пролилъ крови; надѣлъ калугер-

скую одежду, отпустилъ черную бороду до пояса, на голову надѣлъ шапку-камилавку, и въ такомъ видѣ явился ко врагу. Мина радъ былъ его разсказамъ о гибели Марка, и заставилъ вѣнчать себя (а дотолѣ ждалъ все гибели законнаго мужа). «Королевичь взялъ книгу, вѣнчаетъ Мину, а съ кѣмъ, со своей вѣдь любезной!» Потомъ, получивъ въ подарокъ, по душѣ Марка, его заржавѣвшую саблю, попросилъ позволенья «поиграть ею по калугерски,» и, разъигравшись, обработалъ дѣло.

21) Вуча генералъ, въ Варадинѣ, Маджаръ, засадившій въ темницу Милоша и Косанчича.

22) Филипъ Маджаринъ, вызвавшій Марка на поединокъ и имъ убитый; по однимъ въ Будимѣ, по другимъ въ Карловцѣ (т. II, № 59). Пѣсня одинакова съ нашей болгарской, №XV; особенности другой (напечатанной при Изв. Акад.) разсказаны выше. Онъ же искалъ руки дочери Юрья и Ирины, но получилъ отказъ (т. II, № 80), при всемъ томъ, что славился богатствомъ.

Объ упоминаемыхъ при Маркѣ въ скользь, какъ-то Юрьѣ, Стоянѣ, Янкѣ Сибинянинѣ, Змаѣ-Деспотѣ, Радосавѣ, Дюрѣ Пьяницѣ, Манойлѣ, Новакѣ, Груицѣ, Мандушичѣ Вукѣ, скажемъ ниже.—

ЛИЦА, ГРУППИРУЮЩІЯСЯ ОКОЛО ЮРЬЯ БРАНКОВИЧА.

II) Юрій Смедеревецъ, Юрій Бранковичь (и Ирина).—
Его товарищи, воеводы, современники, семейство его, потомки:

1) Самое видное мѣсто между ними занимаетъ Сибинянинъ Янко, Янко отъ Сибиня (Германштадта), Банъ Ердельскій (седмиградскій), отъ Ердель-краины, Маджаръ. Начнемъ съ чертъ самыхъ мелкихъ и внѣшнихъ. Онъ является въ сватахъ Юрья, вмѣстѣ съ Маркомъ, Релей, Милошемъ, Топлицей, Косанчичемъ, Новакомъ, Груицей (т. II, № 79). Въ числѣ сватовъ при женидьбѣ Стояна, рядомъ съ Будимскимъ кралемъ, Маркомъ, Релей, Милошемъ, Вукомъ Мандушичемъ (т. II, № 87). Любитъ какую-то Елу вдову (т. I, № 637). О рожденіи его разсказываютъ Сербы слѣдующее. Степанъ Высокій, сынъ Лазаря, идучи съ войскомъ изъ Россіи въ Сербію, зашелъ въ Будимъ на ночлегъ. Какіе-то угорскіе господа, замѣтивши его высокій и красивый станъ, пожелали имѣть отъ него дѣтей и ночью подослали къ нему красивую дѣвушку. На другой день утромъ, разставаясь, Степанъ далъ ей перстень и завѣщалъ: если родится мальчикъ, пусть дадутъ ему имя Янко, если дѣвочка—Яня, и, когда дитя выростетъ, отдали бы ему перстень. Путникъ воротил-

ся въ Сербію, а дѣвушка заразъ родила мальчика и дѣвочку, нарекши имъ имена согласно завѣщанію. Янко началъ подростать и въ играхъ побѣждалъ сверстниковъ. Дѣти стали завидовать и, подсмѣваясь, высказывали слухъ о незаконномъ рожденіи. Когда наконецъ Янку пришлось горько, онъ присталъ къ матери съ вопросомъ объ отцѣ; мать отдала ему перстень, и прочитавъ надпись, онъ воскликнулъ: «по крайности все-таки я сынъ царскій!» Вотъ почему пошелъ онъ послѣ въ Сербію и дрался съ Турками, какбы отыскивая свое отцовское наслѣдіе. Вотъ почему, вѣроятно, и Бранковичь такъ часто мѣшалъ ему, выбирая, кому выгоднѣй подчинить Сербію,— Туркамъ или Унграмъ, и опасаясь правъ и требованій наслѣдства. Между тѣмъ Яня отдана за мужъ и родила сына Секулу (2), который въ пѣсняхъ обыкновенно помѣщается рядомъ съ дядею. Разсказываютъ, что Турки однажды такъ сильно поразили ихъ, что они не могли уже воротиться прямымъ путемъ въ Угрію, но черезъ Сербію гдѣ-то и Герцеговину, только съ двѣнадцатью провожатыми, пробрались въ Дубровникъ; жители города обоихъ ихъ срисовали и говорили, что красивѣе никого еще къ нимъ не приходило (ср. словарь Караджича s. v. Сиб. Я.). Одна пѣсня, довольно поздняя и запутанная, передаетъ какія-то странныя семейныя отношенія: Турокъ Муё, начальникъ краины, приглашаетъ Янка пировать на Косово, но только съ условіемъ не брать Секулу, обѣщаясь и съ своей стороны не брать Османа. Янко послушался и явился съ тридцатью банами: тотчасъ Турки схватили ихъ и связали. Между тѣмъ Секула видитъ зловѣщій сонъ; жена Янка, не смотря на запрещеніе мужа, открываетъ, куда ушелъ онъ. Разумѣется, Секула тотчасъ отправляется на Косово, губитъ, вяжетъ и беретъ въ плѣнъ враговъ. Но любопытно, что по возвращеніи жена и самого Янка сунула въ темницу, и, когда мужъ спросилъ: «что ты, жена, убей тебя Богъ, что ты сдѣлала, разумъ потеряла?», она отвѣчаетъ: «давно ты его потерялъ, Янко; если ты шелъ на Косово, отчего не звалъ отрока Секулу?» Долго бы просидѣть ему тамъ, да догадался онъ послать письмо сестрѣ Янѣ, матери Секулы: Секула испугался матери и выпустилъ дядю. Янко пустился жаловаться сестрѣ, а та отвѣчаетъ: «коли бъ я, я бы еще хуже съ тобой поступила!» Въ слѣдъ за этимъ схватила сына и повела къ себѣ домой; Янко взмолился: «не уводи его, милая сестрица! Кромѣ его у меня нѣтъ никого (т. III, № 30).» Нѣтъ возможности объяснить всѣхъ этихъ странностей; что-то такое спуталось въ памяти народной; вѣрнымъ осталось только представленіе

отношеній Янка къ Туркамъ, да имя Косова. — Далѣе, мы разсказывали уже встрѣчу Янка съ Юрьемъ на охотѣ, игры той и другой стороны, зависть Янка, предложеніе помѣняться воеводами и убійство Каицы, послѣ чего Янко едва спасся отъ мщенія. Съ нимъ въ то время являются четыре бана краинъ: Немешъ Вршачскій; Геція Тителскій; Иштванъ Сланкаменскій (стало быть не мудрено, что Мирко или Мирчета, Волохъ, былъ воеводой Срема; извѣстно, что въ то время Волохи играли значительную роль при Дунаѣ и соединялись съ Уграми противъ Турокъ); Петръ Варадинскій; три сотни Угровъ и шестьдесятъ Каравлаховъ. — Но особенно замѣчательны его походы на Косово противъ Турокъ. Расположились на Косовѣ; Янко идетъ спать, а племянникъ его, отрокъ Секула, хочетъ отправиться въ турецкій таборъ, обратиться шестокрылымъ змѣемъ и притащить въ когтяхъ султана подъ видомъ сокола; но предостерегаетъ дядю, чтобъ онъ со сна не застрѣлилъ его, вмѣсто сокола-султана. Такъ однако и случилось. Вскочивши съ просонья, Янко думаетъ: «зачѣмъ же стрѣлять мнѣ въ сиваго сокола, когда я и самъ рода соколова?» Убилъ змѣю, соколъ улетѣлъ; умирающій Секула предсказываетъ гибель и пораженіе (т. II, № 85). Мы уже не удивимся превращенію Секулы въ змѣя: это герой придунайскій. Другая пѣсня разсказываетъ это немного иначе: отправился Янко въ бой на Косово; погналъ съ собою и калѣкъ, и слѣпыхъ, и малыхъ дѣтей по семи лѣтъ, захватилъ и племянника бановича Секулу, двѣнадцати лѣтъ; а у него остаются девять сестеръ и десятая старуха мать; мать посылаетъ дочерей просить дядю, чтобъ не бралъ сына на Косово (противуположность тому, что мы нашли выше); не исполнилъ Янко прозьбы, двинулось войско; а девять сестеръ пристали за братомъ и тихо говорятъ ему: «милый братъ, бановичь Секула! обернися, чтобы намъ видѣть очи твои, чтобы започать и вышить ихъ на платкахъ; когда сестры потеряютъ брата, чтобы видѣли мы очи твои (т. е. взоръ, видъ, лицо) на платкахъ.» «Малъ бановичь Секула, малъ, но уменъ; повернулъ онъ къ нимъ сиваго сокола, да и говоритъ тихо сестрамъ: «видите ли очи соколовы? таковы очи и у Секулы!» Слѣдуетъ, какъ прежде, превращеніе Секулы въ змѣя, султана въ сокола. Но на этотъ разъ проснувшійся Янко спрашиваетъ совѣта у деспота Юрья, кого бить ему? Бранковичь отвѣчаетъ: «развѣ не знаешь, Янко изъ Сибиня, что мы гнѣзда соколова, а Турки гнѣзда змѣинаго? бей змѣю, не трогай сокола.» Конецъ тотъ же. Прибавляютъ еще слѣдующее, въ высшей степени

замѣчательное, обстоятельство: Юрій прежде спросилъ Янка: «если тебѣ Богъ дастъ, побѣдишь ты царя на Косовѣ, то какую бы вѣру намъ оставилъ ты?» Янко отвѣчалъ, что далъ бы имъ вѣру хорошую, мадьярскую, чтобы справляли они мессы и вѣровали въ «Римъ-папу.» Тогда Юрій послалъ съ такимъ же вопросомъ къ султану, и получилъ отвѣтъ: «если разобью я Мадьяровъ, сдѣлаю я церковь и мечеть, обѣ рядомъ одну съ другою; захочетъ кто кланяться,—ступай въ мечеть; захочетъ креститься,—пусть идетъ въ церковь.» И за то-то, прибавляетъ народъ, Юрій обманулъ Янка и далъ ему совѣтъ гибельный (т. II, № 86). Какое удивительное пониманіе и мѣткое выраженіе отношеній! Кто же послѣ этого не узнаетъ въ Сибинянинѣ Янкѣ знаменитаго Ивана Гуняда, кто не вспомнитъ его битвы на Косовѣ (1448), хитраго поведенія Юрья, копавшаго нерѣдко яму своему защитнику и избавителю, до того, что однажды деспотъ не допустилъ соединиться войску Скандербега съ Гунядомъ? Что касается до Секулы, то явно, что главный типъ его — близость къ Гуняду, геройство противъ Турокъ (въ этомъ послѣднемъ отношеніи просимъ свѣриться съ сербской пѣсней, помѣщенной въ Изв. Ак., 1854, подъ № XXXI). Не ошибемся, кажется, если выскажемъ смѣлое предположеніе, что это лицо одно и тоже съ *Петромъ Шекуларцемъ*, помѣщаемымъ въ перечнѣ «на утесистомъ Шекуларѣ.» Послѣднія слова еще далѣе и еще вѣрнѣе ведутъ догадку: это *Шеклеры*, жители Седмиградія, герои Гуняда и его приближенные. — Янко, съ прозвищемъ *Угрина*, и Секула, какъ *банъ*, поминаются кромѣ того нерѣдко въ женскихъ пѣсняхъ Сербіи.

3) Ѳедоръ изъ Сталатя, замка, коего развалины на Моравѣ Сербской, повыше Крушевца, сохраняются доселѣ. По мѣсту онъ называется еще Поморавацъ. Выше мы говорили уже, какъ онъ увезъ дѣвушку, назначенную за брата Ирины, какѣ былъ любимъ Юрьемъ и обходился съ нимъ почти независимо (т. II, № 82). Потомъ мы встрѣчаемъ его на дружескомъ пиру у Юрья, вмѣстѣ съ Поѣздой (т. II, № 83). Онъ же, вѣроятно, подъ именемъ воеводы Тодора, находится въ плѣну, хотя довольно легкомъ, въ Соколѣ, у Петра Мрконича, также воеводы, но уже нѣсколько болѣе поздняго (т. II, № 21). Въ перечнѣ помѣщается онъ на высокой башнѣ или въ замкѣ. Дѣйствительно, онъ прославился защищеніемъ замка отъ Турокъ, при чемъ получилъ геройскую смерть. Этотъ историческій фактъ разсказывается въ пѣсняхъ, при чемъ, вмѣсто Ѳедора, смѣшанъ воевода Пріѣзда или Поѣзда, его пріятель, изъ Голубца; мы устранимъ

смѣсь, употребляя имя Ѳедора. Письма идутъ часто за письмами отъ Менеда (Мехмеда), царя турецкаго, въ городъ Сталать, къ воеводѣ Ѳедору; султанъ требуетъ отъ воеводы: 1) сабли его «навалія,» которая сѣчетъ дерево, камень и студеное желѣзо; 2) коня-Журавля, который можетъ перелетать стѣны, и 3) жену его вѣрную. Отвѣчали отказомъ. Три года стоитъ султанъ подъ замкомъ, не можетъ отбить ни дерева, ни камня, ни завладѣть, ни прочь отойти. Въ одно утро жена воеводы пошла на стѣну замка, смотритъ на Мораву, а Морава течетъ мутная; и говоритъ она мужу: «боюсь я, дорогой господинъ мой, Турки пройдутъ къ намъ подземнымъ ходомъ?» «Молчи, отвѣчаетъ Ѳедоръ, какой проходъ подъ Моравой!» Собралъ онъ воеводъ и хочетъ сдѣлать вылазку, а прежде, для пиру, посылаетъ жену въ погребъ, принесть вина и ракіи. Только сошла она въ пивницу, — а пивница полна янычаръ: пьютъ за ея здоровье, за упокой души Ѳедора. Тогда всѣ бросились на вылазку, погибли всѣ шестьдесятъ защитниковъ, побивши Турокъ тысячи. Остался Ѳедоръ: онъ отсѣкъ коню голову, переломилъ саблю, и, схвативши жену за руки, спросилъ ее: «Елица, госпожа моя разумная! хочешь ли ты со мною погибнуть или быть вѣрной женой Турчину?» отвѣчаетъ она: «выбираю я лучше честно погибнуть съ тобою, нежели любить Турокъ на срамоту; не хочу я изгубить свою вѣру, ни попереть честнаго креста.» Тогда оба взяли другъ друга за руки и пошли на стѣну Сталатя. Говоритъ Елица: «Ѳедоръ, дорогой господинъ мой! нас Морава вода воспитала, пусть Морава вода и схоронитъ!» бросились оба въ рѣку. Захватилъ Мехмедъ Сталать, не завладѣлъ никакимъ добромъ, и клянетъ люто: «убей тебя Богъ, градъ Сталать! привелъ я къ тебѣ три тысячи войска, а отвожу только пять сотъ! (т. II, № 84)»

4) Поѣзда или Пріѣзда, воевода изъ града Голубца, на востокъ отъ Пожаревца, въ нахіи Пожаревацкой, недалеко отъ Дуная, при началѣ горъ, идущихъ отсюда вдоль Дуная; строила, по преданію, Ирина, для своихъ голубей. Воевода смѣшанъ въ предыдущей пѣсни съ Ѳедоромъ. Вмѣстѣ съ нимъ является гостемъ Юрья (т. II, № 83).

5) Облакъ Радосавъ, наказавшій такъ смѣло Ирину за двухъ воеводъ (см. выше, т. II, № 83), называемый въ той же пѣсни Облачичь Радо, хотя послѣднее имя шло бы скорѣе къ сыну Облака. Онъ же, подъ именемъ Облачича Рада, является въ числѣ воеводъ Юрья, сопровождающихъ деспота при встрѣчѣ съ Янкомъ Сибиняниномъ (см. выше, т. II, № 81). Онъ же, вѣроятно, подъ именемъ Серба Радосава, вмѣстѣ съ Дюрой и Манойломъ, помагаетъ

Радулу преодолѣть ковы болгарскаго краля Шишмана (см. выше, т. II, № 75). Наконецъ мы видимъ его подъ именемъ «старика Владисава,» перечнемъ помѣщеннаго въ Видинѣ. Позднѣе является Облачичь Радо между хайдуковъ, въ услуженіи Ивана Ришнянина (т. III, № 34). Если это не смѣшеніе, то можетъ быть Облачичь—сынъ, а отецъ, сопровождающій Юрья,—Облакъ.—Онъ изображается смѣлымъ и внушающимъ уваженіе (въ дѣлѣ съ Ириной), ловкимъ въ играхъ (съ Канцей), «лютой змѣей краины (пограничной страны),» опытнымъ въ боѣ (съ Радуломъ), старымъ въ Видинѣ, если точно это онъ. —

6 и 7) Бѣдичь и Павелъ Златокосичь или Златнокосичь, освобождаемые Облакомъ изъ темницы Ирины; въ перечнѣ помѣщаются они на Тимокѣ. Какой-то Плетикоса Павелъ является позднѣе среди хайдуковъ (т. III, № 74).

8) Канца Радоня, сопровождающій Юрья при встрѣчѣ съ Янкомъ (см. выше, т. II, № 81). Изображается онъ младшимъ воеводой; одѣтъ богато; высокъ ростомъ, тонокъ въ поясѣ, лицемъ бѣлый, наусница черная, черный перчинъ ниже пояса; въ играхъ побѣждаетъ Мадьяръ; Юрья называетъ «родителъ красный;» старикъ деспотъ даетъ ему имена: сынъ, дорогое чадо, пернатый щитъ отъ солнца, слава на судѣ и въ собраніи, острая сабля на поединкѣ, крѣпость между воеводами, сухаго злата смедеревскіе ключи, правое крыло сербской краины. Вмѣстѣ съ Облачичемъ, называется онъ «лютою змѣей краины.» По умершемъ Юріи плачетъ какъ женщина. Должно думать, что это тотъ самый Радоня, который перечнемъ помѣщается въ Кратовѣ, мѣстѣ богатомъ и требовавшемъ особой защиты, ибо тамъ были сербскіе рудники (въ Верхней Мизіи). Турки, послѣ Косова, устремили первое свое вниманіе на Кратово. Можетъ быть не тотъ, а только какой-то *мали-Радоица* далъ подвигами мотивы хайдуческимъ пѣснямъ (т. III, № 51) и въ пословицахъ сербскихъ выставляется какъ образецъ храбрости, за одно съ Маркомъ. —

9) Стоянъ Поповичь, лицо совершенно загадочное. Беретъ дочь у короля въ Венеціи, при чемъ тесть совѣтуетъ ему взять въ сваты Грековъ и Болгаръ; но онъ беретъ Сербовъ: Будимскаго краля, Сибинянина Янка, Релю, Милоша, Марка, Вука Мандушича (т. II, № 87). Должно думать, это лицо то же, что —

10) Стоянъ, Степоевъ сынъ, въ числѣ воеводъ, окружающихъ Юрья (т. II, № 81). Можетъ быть онъ сынъ воеводы съ Ресавы

или изъ Ниша, ибо они оба указаны въ перечнѣ Степанами. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить Стояна, любимаго героя болгарскаго, ибо эпоха его, своимъ началомъ, восходитъ именно къ эпохѣ Марка и Юрья, такъ что онъ съ первымъ даже смѣшивается. —

11) Кузунъ Янъ или Янё, въ Митровицѣ, не южной, а въ Сремѣ; Змай-деспотъ-Вукъ, женясь, проситъ у него въ сваты сына Милована (т. II. № 92); здѣсь называется онъ «од старине кнез» (князь издавна, изстари) или «од Срема кнез». Перечень даетъ ему триста-три года.

12) Семейство Якши, Якшичи. Во первыхъ, самъ старикъ Якша, капитанъ Бѣлграда: времена уже, ясно, болѣе позднія. Объ Юрьѣ уже не упоминается; сношенія безпрерывныя съ Турками; Якшичи побратимы и сотоварищи Змая, внука Юрьева. Пѣсень о нихъ довольно. Чаще всѣхъ изъ нихъ являются два брата, Дмитрій и Богданъ, а вмѣсто Богдана иногда Степанъ. Якшичь Ѳедоръ является только въ одной пѣсни: онъ женится на дочери Будимскаго краля, но встрѣчаетъ соперника Ивана Звѣздича, котораго побѣждаетъ съ помощію брата, отрока Степана (т. II, № 94). Остальные два брата, Дмитрій и Богданъ или Степанъ, воеводы Бѣлграда. Начинается ихъ исторія раздѣломъ владѣній послѣ отца, при чемъ, какъ поминали мы выше, Дмитрій взялъ землю Каравлашскую и Карабогданскую, съ Банатомъ, а Богданъ (Степанъ) Сремъ, Посавле, Сербію до Ужицы; Бѣлградъ также раздѣленъ ими, ссора вышла только изъ за коня и сокола. Въ другой пѣсни, говорили мы, при дѣлежѣ отцовскаго имущества одинъ братъ совершенно обидѣлъ другаго. Далѣе, въ ссорахъ этихъ дѣятельное участіе принимаютъ ихъ жены; замѣтно и прямо даже говорится, что весь домъ ихъ упалъ отъ ссоръ женъ. А въ старину «бывали у нихъ часто срецскіе князья и самъ сербскій царь Степанъ (Сильный?).» Упоминали мы также о путешествіи Дмитрія въ «землю Арапскую,» для отысканія сестры и окраденнаго имущества. Въ другой пѣсни берутъ у нихъ Бѣлградъ Турки. Отношенія довольно перепутаны, какъ всѣ почти преданія и самое народонаселеніе при Дунаѣ; тѣмъ не менѣе память объ Якшичахъ сохранилась даже въ женскихъ и свадебныхъ пѣсняхъ (т. II, № 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100). —

13) Орловичь Павелъ; упоминается въ воеводахъ Юрья (т. II, № 81). Вѣроятно это тотъ самый, который пережилъ косовскую битву и дѣвушкѣ разсказалъ судьбу трехъ сербскихъ воеводъ (т. II, № 51). —

14) Дойчетичь Вукъ, также среди воеводъ Юрья; онъ же помагаетъ Юрью Черноевичу въ Венеціи, доставляя отъ него изъ темницы вѣсть брату Ивану Черноевичу (т. II, № 90). Можетъ быть сынъ Солунскаго Дойчина. —

15) Голеновичь Дюро, также въ числѣ воеводъ Юрья. Кромѣ того онъ же, вѣроятно, выручаетъ Радулъ-Бега подъ именемъ Дюра Пьяницы.

16) Бошко Райчевичь, упоминается тамъ же, какъ воевода Деспота; можетъ быть сынъ Райка, сремскаго воеводы? Но послѣдній былъ, кажется, позднѣе.

17) Іовица Ресавецъ, воевода Юрья. Одинъ Іово Деспотовичь былъ внукъ Юрья; другой Іово называется «Будимлія»; въ перечнѣ на Ресавѣ помѣщается воевода Степанъ.

18) Радо-бегъ Михаилъ, также воевода Деспота

19) Шайновичь Дамнянъ, тоже.

20) Семейство Юрья. Любопытно, какую эпосъ назначаетъ здѣсь родословную и какъ въ немъ умираетъ потомство Бранковича:

Юрій; Ирина; братъ ея Томашъ, дочь за Султаномъ.
|
Гргуръ, съ женой Ангелиной.
|
Максимъ, Іованъ, Змай.
Женаты.

Гргуръ называется обыкновенно слѣпцомъ (= Степанъ Бранковичь).

Ангелина, извѣстная подъ именемъ «майки Ангелины», дочь Андрея Арванита, брата Ивана Черноевича, сестра Екатерины, отданной за Радула Волошскаго, но какого? Радуловъ нѣсколько и потому-то вѣроятно въ перечнѣ ихъ двое. Говорятъ, за Радуломъ 1462 (1466)—1477. Является вездѣ въ пѣсняхъ образцомъ материнскихъ добродѣтелей, тихою, скромною, любящею.

Максимъ является лицомъ духовнымъ, въ монастырѣ Крушедолѣ, что на Фрушской горѣ (т. II, № 91). Вспомните, какъ бабушка выбила ему зубы.

Замѣчательно описана смерть Іована (т. II, № 91). Извѣщенная мать входитъ къ нему тогда, когда онъ борется уже съ душей, а надъ нимъ стоитъ Максимъ «владыка» и читаетъ присмертную молитву. На рыданья и причитанья матери, Іово «возвратился изъ мертвыхъ и проговорилъ голосомъ мертвеца: земля Сремъ найдетъ себѣ государя, лучше ли, хуже ли; мои кони и сивые соколы, и бѣлые возлѣ Савы дворы—моему брату Вуку; мое имущество (деньги) старой моей матери, чтобы питалась она и отъ зла боронилась; жена моя,— она роду чужаго, часто она меня оговаривала передъ братомъ Максимомъ владыкой, деспотъ Іованъ ходитъ де по Срему, да любитъ молодокъ и дѣвушекъ. Однако и ей скорби не чините: дайте ей три товара (вьюка) денегъ, пусть ее питается, пока найдетъ ее счастье.» Но всѣхъ замѣчательнѣй изъ братьевъ —

21) Змай-деспотъ-Вукъ, имя, подъ которымъ слыветъ въ пѣсняхъ историческій Вукъ Бранковичь, жившій во время Матвѣя Корвина. Онъ упоминается еще во времена Лазаря (см. выше, т. II, № 43). Какъ побратимъ Марку кралевичу, извѣщаетъ его о замыслахъ Филипа Маджарина (т. II, № 59). Подобно нашему Всеславу (сынъ коего, Волхъ Всеславичь, представляется рожденнымъ отъ змѣя), онъ соединялъ и въ наружности, и въ свойствахъ, и въ имени, особенности обоихъ животныхъ, волка и змѣя, столь баснословныхъ у Славянъ. Бабушка Ирина собиралась его повѣсить (т. II, № 83). Вотъ какъ разсказываетъ она объ его рожденіи: «у моего сына, слѣпца Гргура, у него родилось чадо; не такое чадо, какъ бываютъ дѣти: волчья лапа и крыло орлово, кольцо змѣиное подъ мышкой, изъ устъ бьетъ синій пламень, не дается воздоить матери (ср. слов. Караджъ. s. v. «Зм. огн.»).» Живетъ онъ въ Слан-камени, но особенно въ Купиновѣ, также селѣ Срема. Женится въ Венеціи, на дочери Бана Латинскаго: въ сваты беретъ Милована, сына Кузунъ-Яна, двухъ Якшичей, своихъ побратимовъ, да кума Сибинянина Янка съ Угричами; на дорогѣ обратной убиваетъ Турчина Дерзелезъ-Алію, своего главнаго врага (т. II, № 92), родомъ изъ Босніи. Другой врагъ, котораго также побѣждаетъ онъ и который страшно его боится,—

22) Порча изъ Авалы. Авала, гора недалеко отъ Бѣлграда, на югѣ (древн. Mons aureus). Здѣсь въ средніе вѣка жилъ какой-то рыцарь Порча; слѣды его замка на горѣ остались доселѣ (т. II, № 93). Онъ напоминаетъ имя Portius; Авала-Aula.

23) Грчить, Грчичь, то есть Гречичь (собственно сынъ Грека, Гречёнокъ), Грекъ Манойло. Въ перечнѣ поставляется онъ самостоятельнымъ воеводою въ Софіи. Далѣе встрѣчается въ числѣ воеводъ, окружающихъ Юрья (т. II, № 81). Знаніемъ греческаго языка помагаетъ Радулъ-бегу противъ болгарскаго Шишмана (т. II, № 75). Отличается суровостью и жестокостью характера: пришли къ нему двѣ кумы крестить дѣтей, Гречанка и Влахиня; Гречанка, у которой была дѣвочка, золотомъ подкупила кума подмѣнить себѣ мальчика отъ Волошки; послѣдняя отправилась въ обратный путь; на дорогѣ дитя заплакало: развернула, дѣвочка вмѣсто мальчика, и тотчасъ ее о камень. Воротившись къ куму, начала упрекать; а Манойло, держа своего сына на колѣняхъ, клянется, что не дѣлалъ обмѣна: «это также истинно, какъ не дай Богъ ѣсть мнѣ мясо своего сына.» Пошелъ онъ на ловъ, на дорогѣ черный ягненокъ: убилъ, испекъ его, пообѣдалъ, плечо въ сумку. Дома встрѣчаетъ жена извѣстіемъ, что сынъ ихъ обернулся чернымъ ягненкомъ и убѣжалъ; хвать въ сумку,—тамъ рука дитяти (т. II, № 6). — Далѣе является уже онъ въ эпоху первыхъ хайдуковъ, ведетъ за себя въ Софію дѣвушку, дочь краля изъ Пладина; на дорогѣ, въ тѣснинахъ Качаника, разбиваетъ хайдуковъ, но ослѣпленъ вилой и убитъ (т. III, № 6). Наконецъ является уже самъ какъ хайдукъ и нападаетъ въ ущельѣ на дѣвушку и сватовъ, изъ Дрекаловичей, когда женится сынъ Милутина, князя Герцеговины, изъ окрестностей Черной Горы (т. III, № 76). —

Также точно являются въ челѣ хайдуковъ, при самомъ началѣ ихъ, Новакъ, Груица, Радивой, Татомиръ, Вукъ Мандушичь: а потому объ нихъ ниже. —

Теперь, изъ числа помянутыхъ въ перечнѣ, кромѣ тѣхъ, о коихъ мы сдѣлали догадки, и тѣхъ, о коихъ скажемъ ниже, остаются намъ неизвѣстными (относимъ ихъ ко времени Марка и Юрья):

24) Воевода Степанъ, на ровной Ресавѣ.

25) Станиша, воевода въ Нишѣ.

26) Воевода Степанъ, на Сѣницѣ, въ селѣ ровномъ.

27) Бошко Боснякъ.

28) Михаилъ воевода, на Косовѣ ровномъ.

Слѣдовательно всѣхъ главныхъ героевъ втораго періода сербскаго эпоса болѣе пятидесяти. Имъ принадлежитъ до семидесяти напечатанныхъ у Караджича сербскихъ пѣсень, число, изъ котораго самая значительная часть идетъ на Марка Кралевича. Связь съ поэзіей болгарской очевидна уже не только въ преданіяхъ, но въ самыхъ лицахъ и именахъ.

ПРИ КОНЦѢ ВТОРАГО СЕРБСКАГО ПЕРІОДА ОТДѢЛЕНІЕ И НАЧАЛО ЧЕРНОГОРСКАГО КРУГА; ПОЯВЛЕНІЕ БОСНІИ, ГЕРЦЕГОВИНЫ И ДРУГИХЪ СТРАНЪ СЕРБІИ.

Послѣ этого, прежде, чѣмъ обратимся къ третьему періоду эпоса, замѣтимъ слѣдующее. При концѣ періода втораго, въ сербскомъ эпосѣ отдѣляется и обособляется особый кругъ (циклъ),—пѣсней черногорскихъ, начинающійся Иваномъ Черноевичемъ и продолжающійся до нашего времени. Правда, на Черной Горѣ поютъ очень много и о событіяхъ остальной Сербіи, но тѣмъ не менѣе здѣсь образовался уже свой кругъ и отдѣлъ замкнутый, съ тѣхъ поръ, какъ жители Черной Горы и окрестныхъ мѣстъ подъ ея защитой, отрѣзанные отъ остальной Сербіи, предоставлены были самимъ себѣ, развивая свою частную исторію. Сколько намъ извѣстно, въ пѣсняхъ этихъ, кромѣ общихъ пріемовъ эпоса, почти вовсе нѣтъ уже связи съ поэзіей болгарскою. — Боснія и Герцеговина въ первые два періода также не выступаютъ съ своими особыми кругами, да почти и вовсе удалены отъ главнаго поприща эпическаго дѣйствія. Онѣ являются въ третьемъ періодѣ, но безъ всякихъ особенностей и отличій отъ остальной Сербіи; присоединяется къ нимъ и Хорватія съ своими ускоками и хайдуками. —

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА СЕРБСКАГО ЭПОСА.

Не пускаясь еще въ подробности третьяго періода, укажемъ сначала общія черты. Надъ Сербіей турецкое владычество; оно сравняло всѣ мѣстности и лица: мѣсто дѣйствія одинаково и при Дунаѣ, и въ собственной Сербіи, и въ Хорваціи, и въ Босніи, и въ Герцеговинѣ и на Далматскомъ берегу; вмѣстѣ съ уничтоженіемъ власти, исчезаетъ и сербскій эпосъ въ Верхней Мизіи и Македоніи, то есть поэзія или только возвращается къ тѣмъ мѣстностямъ своими воспоминаніями, или изображеніе послѣдующихъ и новыхъ событій тѣхъ странъ до-

стается на долю тамошнему народонаселенію. Народонаселеніе Верхней Мизіи и западной Македоніи замѣщено, за отбытіемъ Сербовъ, отчасти Албанцами; остальное, составляющее впрочемъ большинство, состоитъ изъ Болгаръ, или лучше племени, смѣшаннаго на половину съ Сербами, отличнаго отъ забалканскихъ братій и по наружности, свойственной горцамъ, и по нарѣчію, и обычаямъ, составляющимъ нѣчто среднее между собственными Болгарами и Сербами. Въ самомъ первомъ началѣ мы застаемъ еще сербскую поэзію третьяго періода въ Мизіи и Македоніи; но потомъ она выступаетъ оттуда и является въ помянутыхъ странахъ: нынѣшняго Княжества, Босніи, Герцеговины, Далмаціи, Хорваціи. Болгарскія же пѣсни третьяго періода имѣемъ мы изъ собственной Болгаріи, и изъ за Балканъ, изъ Ѳракіи, отъ окрестностей Видина, отчасти изъ восточной Македоніи и Верхней Мизіи; всего менѣе извѣстна западная часть Верхней Мизіи и Македоніи, равно какъ поморье, половина, въ которой, по извѣстіямъ, пѣсни занимають средину между сербскими и болгарскими. — Далѣе, что касается до дѣйствующихъ лицъ, то, подъ турецкимъ владычествомъ, въ сербскомъ и еще болѣе болгарскомъ народонаселеніи сглаживаются всѣ сословія; остается одна рая, подданные и рабы Турокъ. Не только противъ Турокъ нѣтъ общаго ополченія и войска: нѣтъ сильныхъ и крупныхъ владѣтелей; древніе роды и помѣстья мельчаютъ; изъ среды раздробленной выходятъ частные враги Турокъ, подъ общимъ именемъ хайдуковъ; это люди, дѣйствующіе не въ средѣ народонаселенія, а внѣ, убѣгающіе въ горы, по опаснымъ дорогамъ, по ущельямъ, шайками и порознь. Разумѣется, все это совершается постепенно, и въ началѣ третьяго періода въ числѣ хайдуковъ видимъ мы представителей всѣхъ древнихъ, сильныхъ и богатыхъ родовъ; потомъ и они мало по малу исчезаютъ, около конца XVII вѣка, оставляя по себѣ память только въ фамиліяхъ, не отличающихся уже силой, а равныхъ всему остальному народонаселенію. Съ этимъ вмѣстѣ, особенно съ покореніемъ Босніи вслѣдъ за Сербіей, являются потурченики и съ ними идетъ борьба даже еще сильнѣе, чѣмъ съ собственными Турками. Въ борьбѣ уже, разумѣется, не прославляются округи и города: прославляются мѣстности горъ, ущелій, переправъ, гдѣ удобнѣй дѣйствовать хайдукамъ; но и то только въ началѣ, пока Турками не приняты всѣ мѣры. Укажемъ теперь на нѣкоторыя лица, или начинающія собою третій періодъ, или въ теченіе его особенно выдающіяся между другими.

ДРЕВНѢЙШІЕ И ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА (КОНЕЦЪ XV И НАЧАЛО XVI ВѢКА).

1) Пра-хайдукъ, родоначальникъ, первообразъ и старѣйшина хайдуковъ, Новакъ, съ обыкновеннымъ эпитетомъ «старина,» по отчеству Дебеличь, похожему скорѣе также на прозвище: онъ дѣйствительно связуетъ старину дебелую съ новизной. По перечню упоминается еще въ числѣ древнихъ героевъ; былъ еще въ сватахъ у Юрья Бранковича. Пѣсня разсказываетъ по своему причину, почему пошелъ онъ въ хайдуки. Князь Богосавъ, понапившись съ нимъ вмѣстѣ, начинаетъ разговоръ: «побратимъ, старина Новакъ! скажи правду: съ чего, братъ, пошелъ ты въ хайдуки? Какая пригнала тебя неволя ломать шею, ходить по горѣ и по лѣсу, по хайдукамъ, по плохому ремеслу, да еще подъ старость, когда ужъ не время?» «Побратимъ, князь Богосавъ! Если спрашиваешь, скажу тебѣ правду: лютая нужда меня заставила. Можетъ знаешь и помнишь, когда Ирина строила Смедерево, нарядила она меня въ поденьщики. Я работалъ три года, волокъ деревья и каменья, все на своихъ телѣгахъ и волахъ; и за полныхъ три года не получилъ я ни пары, ни динара, не выслужилъ онучь на ноги! И то бы, братъ, я простилъ ей: какъ построили Смедерево, начала она ставить и башни, золотить ворота и окна; и наложила она на округъ подать, на избу по три литры золота, то есть, братъ, по триста дукатовъ! я былъ человѣкъ бѣдный, не могъ выдать денегъ; взялъ заступъ, которымъ работалъ, да и пошелъ съ нимъ въ хайдуки. Въ волости проклятой Ирины нигдѣ не могъ я удержаться: побѣжалъ къ студеной升Дринѣ, потомъ махнулъ въ каменистую Босну, да какъ подошелъ близу Романіи, и идутъ мнѣ на встрѣчу турецкіе сваты, ведутъ дѣвушку: всѣ они прошли съ миромъ, остался женихъ Турка, на карей большой лошади. Не хотѣлъ онъ пройти съ миромъ: вытащилъ трехвостную плеть, съ тремя мѣдными наконечниками, да и ну меня по плечамъ. Три раза я его Богомъ молилъ какъ брата: молю тебя, женихъ Турка, счастьемъ молю и молодечествомъ, и счастливою свадьбой! Оставь меня, ступай дорогою съ миромъ: видишь, я человѣкъ бѣдный; а Турка не хочетъ отстать, да еще все больше бьетъ меня. Какъ ужъ мнѣ стало больненько и сильно я разсердился, потянулъ я съ плечь свой заступъ и ударилъ Турку на лошади: какъ легко я ударилъ его, — махомъ свалилъ съ коня; тутъ-то подскочилъ я, стукнулъ

еще въ другой, въ третій, пока отдѣлилъ прочь его душу. Сунулся рукою въ карманы, нашелъ три кошеля денегъ, да и въ пазуху; отпоясалъ саблю, себѣ припоясалъ. А заступъ оставилъ ему надъ головою: чтобы могли его чѣмъ закопать Турки. Потомъ сѣлъ на его коня и отправился прямо къ Романіи; смотрятъ на это турецкіе сваты: не хотѣли гнаться за мною, не хотѣли что ли, или не смѣли. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, привыкъ я къ горѣ и лѣсу Романіи: полюбилъ, братъ, больше, чѣмъ дворы свои. А почему? Стерегу дорогу черезъ гору; дожидаюсь молодежи изъ Сараева, да отнимаю у нихъ серебро, золото, сукно, бархатъ; одѣваю себя и товарищей; всегда готовъ и настичь, и утечь, и постоять на страшномъ мѣстѣ, на сторожѣ: не боюсь никого, кромѣ Бога (т. III, № 1.)!» Не мало описываютъ пѣсни его подвиговъ (т. III, № 2, 3, 4, 5, 6). По одной мы встрѣчаемъ Новака уже въ ущельи Качаника, на горахъ Млавъ-Планины и Старой-Планины, въ борьбѣ съ Грекомъ Манойломъ. Здѣсь нужно объяснить мѣстности, чтобы не сбиться. Романія гора въ Босніи, недалеко отъ Сараева, между Мокро и Челеби-базаромъ или Нова-касаба. Но ущелье Качаника находится уже очень далеко отсюда, и слѣдовательно Новакъ пробился по всѣмъ опаснымъ горамъ на пространствѣ между этими двумя пунктами. А именно, Качаникъ находится на югѣ Верхней Мизіи, на сѣверѣ Македоніи, на востокъ отъ Шара-планины, на сѣверъ отъ Скопля и Карадага. Между отростками Карадага и Шара-планины, между возвышенностью собственнаго Качаника, на коемъ построенъ былъ твердый замокъ, и Скопля (Скопе), идутъ невысокія горы, и онѣ-то разумѣются въ сербскихъ пѣсняхъ подъ именемъ Млавъ-планины. Рѣка Лѣпенацъ прорѣзываетъ цѣпь ихъ въ ущельѣ чрезвычайно глубокомъ и обрывистомъ, такъ что здѣсь, на южной сторонѣ отъ Качаника, можно полагать ворота Македоніи. На выстрѣлъ отъ древняго замка, нужно пролѣзать узкимъ проходомъ въ 300 футовъ длины. Эти-то тѣснины и извѣстны подъ именемъ «Клисуры (или ущелья) тврда Качаника.» Между тѣмъ здѣсь идетъ дорога изъ Скопля въ Приштину, и въ старину, въ первыя времена разбираемаго нами періода, она славилась особенной опасностью, вмѣстѣ съ дорогой черезъ Шаръ-планину, на Калкандель; послѣ опасность миновалась и для позднѣйшихъ хайдуковъ открылись, увидимъ мы ниже, другія удобныя мѣста, гдѣ нынѣ чаще проходятъ. Такимъ образомъ, объяснивши мѣстность, мы удержимъ читателей отъ соблазна искать Млавъ-планину на рѣкѣ Млавѣ, въ Пожаревацкомъ округѣ. Но остается еще другой важный

вопросъ. Въ пѣсни, приведенной выше, при Качаникѣ и Млавъ-планинѣ, упоминается еще Старая-планина и по перечню Новакъ помѣщается именно на послѣдней; названіе же Старой-планины легко можетъ сбить всякаго, и употребляется то въ обширномъ, то тѣсномъ смыслѣ, и притомъ различно у Болгаръ и различно у Сербовъ. Болгары, въ обыкновенной рѣчи и большею частію въ пѣсняхъ, называютъ всѣ балканы или весь Балканъ—Стара-планина (тур. слово балканъ = слав. планина, гора, покрытая лѣсомъ, или цѣлая связь возвышенностей). Прибалканскіе же жители дѣлятъ Балканъ на части; такъ подъ Сливномъ называютъ его Чаталъ-дагъ (разсѣвшійся); иногда по сосѣднимъ городамъ—Троянъ-Балканъ, по фигурѣ горъ, и т. д. Есть еще у нихъ Балканъ просто и собственно, и Кодя-Балканъ, по славянски Висока-Голѣма-или Стара-планина. Послѣднее названіе усвоено собственно, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, западной части, отъ Чипки до Софіи, при истокахъ Вида и Осмы. Нѣкоторые, уже неправильно и своевольно, простираютъ названіе Старой-планины и на ту цѣпь горъ, которая, идя съ С. С. З. на Ю. Ю. В., отдѣляетъ Болгарію отъ Верхней Мизіи и составляетъ продолженіе горъ задунайскихъ, а посредствомъ нѣкоторыхъ горъ, на примѣръ Витошь или Ветошь, связуетъ Балканъ съ Родопомъ. Что касается до Сербовъ, то, потерявъ свою власть и интересы въ Верхней Мизіи и Македоніи, они въ простотѣ сердца называютъ Старой-планиной всѣ горы за Нишемъ и Болгарской Моравой. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ конечно говорится о Старой-планинѣ и въ пѣсняхъ о Новакѣ. Но дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, онъ, или по крайности Груица, проникалъ и въ собственную Старую-планину, ибо былъ даже подъ Адріанополемъ, пространство, вовсе не удивительное для бездомныхъ хайдуковъ. Мимо однако всего сказаннаго, чтобы исчерпать по возможности вопросъ, нужно прибавить, что есть еще у Болгаръ Стара-планина въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, какъ отдѣльная гора. Это голый и бѣлый гребень, повисшій надъ равниной, на югъ отъ Ниша и нѣсколько склоняясь къ востоку, параллельно горѣ Бадичка, отдѣляясь отъ нея долиной: долина эта заселена Болгарами. Въ отводахъ этой Старой-планины находится тѣсное ущелье, по которому идетъ дорога изъ Шаркое въ Нишъ, поднимаясь на высоту тысячи слишкомъ футовъ, между обрывистыми и заросшими вершинами; а отъ Шаркое идетъ дорога къ Софіи. Въ окрестностяхъ есть и еще довольно ущелій, по которымъ дороги, — то, что называютъ Французы cul de sac; сторожить здѣсь,

если не ближайшую мѣстность, то окрестныя дороги, между Видиномъ, Нишемъ, Софіей, и т. д.,—для хайдуковъ не можетъ быть ничего дороже: и вотъ почему въ болгарскихъ пѣсняхъ, особенно о хайдукахъ изъ Софіи, напр. Стоянѣ, нужно разумѣть часто эту Старую-планину въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.— Возвращаемся къ Новаку. Хоть и заходилъ онъ далеко, какъ всѣ хайдуки, но его дворомъ, домомъ, была собственно Романія, на которой подвизался онъ, по собственнымъ словамъ, сорокъ лѣтъ. Тамъ и доселѣ поднимается утесъ, «Новакова стена (Новаковъ утесъ, родственно съ нашимъ *стѣна*).» Здѣсь, въ глубокой старости, по преданію, Новакъ помѣщался въ верху; а внизу, подъ утесомъ, при дорогѣ разстилалъ плащь свой и подлѣ втыкалъ въ землю свою саблю. Прохожіе, по собственной волѣ, бросали на плащь (кабаницу) сколько ни будь денегъ на пропитаніе старика, какъ пенсію за его долгую службу. Окончимъ любопытнымъ описаніемъ наружности Новака: «на немъ кожухъ изъ медвѣдя, на головѣ волчья шапка, въ шапку заткнуто крыло орла; очи—двѣ чаши вина, рѣсницы—совиныя перья (т. III, № 6).»

2) Сынъ Новака, отрокъ Груё или Груица пошелъ весь въ батюшку и съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ промыслахъ по горамъ. Въ особенности славился онъ красотой и умѣлъ пользоваться даромъ природы. Одинъ разъ, не стало денегъ у Новака и Радивоя, продали они Груицу въ Сараевѣ вдовѣ бега: малый воспользовался вдовствомъ, обобралъ, да еще слугъ подвелъ хайдукамъ (т. III, № 2). Другой разъ, съ помощію его, успѣли погубить Арапина, который въ окрестности отнималъ у сватовъ дѣвушекъ: Груица передѣлся женщиной, хайдуки сватами, и убили Арапа (т. III, № 4). И еще разъ Груица въ образѣ дѣвушки выручилъ Граховскаго князя (сосѣда Черногорцевъ) отъ любострастнаго паши (т. III, № 5). Вотъ онъ и самъ захотѣлъ жениться. Подаетъ вино Новаку, да все проливаетъ: «милый сынъ мой, что̀ это ты все переполняешь чашу и обливаешь мнѣ шелкъ и бархатъ (эпическая красота въ одеждѣ хайдука)? Скажи, что̀ у тебя за нужда? Какую я тебѣ скорбь причинилъ?» «Батюшка мой, Старина Новакъ! большая нужда у меня: ты переженилъ дружину, и младшихъ и старшихъ, а меня не хочешь женить, ни на дѣвушкѣ, ни на вдовушкѣ; то-то мнѣ всего нынче и прискорбнѣе.» «Ужъ такое тебѣ несчастье въ женидьбѣ. Вотъ три года, ищу для тебя дѣвушку, для себя добраго пріятеля; гдѣ находилъ дѣвушку, не находилъ себѣ пріятеля, гдѣ пріятель,— нѣтъ тебѣ дѣвушки. Но слушай-ка, гдѣ нашелъ и то, и другое:

въ Пладинѣ, свѣтломъ градѣ, у короля Пладинскаго; да какая польза, что хорошая дѣвушка? Запросила ее змѣя, лютая змѣя, Грекъ Манойло, изъ Софіи, города свѣтлаго. А ты сними господскую одежу, да надѣнь болгарскую, на плечо возми заступъ, ступай къ Софіи и высмотри сватовъ Грека, какихъ онъ собираетъ: если беретъ Грековъ и Болгаръ, портныхъ, своихъ пайщиковъ, что носятъ шелкъ и бархатъ, съ обѣихъ сторонъ карманы, въ карманахъ все желтые дукаты, — тутъ будетъ пожива хайдукамъ (замѣтьте отношеніе къ Болгарамъ); а какъ беретъ лютыхъ Мартолозовъ, что носятъ плащи на плечахъ, а при поясѣ мечи окованые, — тутъ будетъ мука хайдукамъ.» Сказано, сдѣлано; ведетъ Манойло Грековъ и Болгаръ, да попѣваетъ: «Млавъ-планина и планина-Старая! кровавая краина! Страшно ты въ кровь погрязла! Многихъ матерей обездолила! Многихъ сестеръ завила въ черное, а вдовъ къ роду воротила! А отъ кого? ни отъ кого, а все отъ Новака и Радивоя! хочешь и мою мать теперь обездолить, сестру завить въ черное, обрученную мою отдать за Груицу, сына Новакова?» Выступили хайдуки, но плохо имъ досталось; только Новаку помогла вила. «Бѣжитъ Новакъ черезъ гору и лѣсъ зеленый, покрикиваетъ изъ бѣлаго горла, а какъ онъ покрикиваетъ,—съ дерева листья попадали, а съ земли трава летитъ; зоветъ онъ вилу посестриму: «убей тебя Богъ, посестрима вила! не дала ли ты мнѣ клятву Богомъ, какъ буду я въ тяжкой нуждѣ, найдешься мнѣ на помочь?» А вотъ бѣлошейка вила на встрѣчу Новаку и говоритъ ему: «что это ты, гонишь ли кого, или самъ отъ чего бѣжишь?» Разсказалъ Новакъ испугъ отъ Манойла. «Вила обернулася дѣвушкой, вьется Греку около горла, суетъ руки ему въ пазуху, пока затѣмила очи и тогда подзываетъ ужь Новака (т. III, №6).» Но женидьба все таки была несчастлива и Груица едва не погибъ жертвой измѣны: здѣсь мы застаемъ его уже одного, съ женою и сыномъ, и притомъ въ горахъ «надъ Адріанополемъ (т. III, № 7).»

3) Дели-Радивой (удалой, отчаянный), братъ и товарищъ Новака, по перечню упоминаемый въ Боснѣ, вмѣстѣ съ Бошкой. Новакъ, Груица и Радивой, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими и Маркомъ, являются, какъ любимые герои, даже въ женскихъ и свадебныхъ сербскихъ пѣсняхъ.

4) Татомиръ, ровесникъ и товарищъ Груицы. —

ГЕРОИ КОНЦА XVI, ВСЕГО XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

Таковы хайдуки XV вѣка. Въ XVI вѣкѣ Турки проникли въ Хорвацію и Далмацію. Какъ у Славянъ всегда при встрѣчѣ съ врагами,

особенно Азіятцами, такъ и тутъ на границахъ владѣній образовались Крайны; здѣсь дѣйствовали герои-патріоты, подъ именемъ краишниковъ, ускоковъ, хайдуковъ, и т. п. Прикрывались они помощью сосѣднихъ державъ, нерѣдко вредя и имъ; въ Далмаціи много обязаны были имъ Венеціанцы. Разумѣется, они имѣли связи со всѣми Сербами, и какъ сами туда проникали, такъ и въ Сербіи, Босніи ротами были имъ всегда друзья. Въ нихъ жили старинные, лучшіе и славнѣйшіе роды, въ нихъ часто и заглыхали. Не изображаемъ подвиговъ ихъ, давнихъ содержаніе множеству пѣсень; изъ пѣсень напечатано до сотни, особенно въ III томѣ у Караджича; многія поются еще кромѣ того доселѣ; много ходитъ преданій и разсказовъ. Назовемъ только наиболѣе замѣчательныя лица, преимущественно у Сербовъ.

5) Стоянъ. Выше видѣли мы Стояна Степоева среди воеводъ Юрья; предположили, что это одно лицо съ Стояномъ Поповичемъ, при женидьбѣ котораго въ сватахъ является Марко, Сибинянинъ Янко, Милошъ, Реля, Вукъ Мандушичь. Этого мало: эпосъ присоединяетъ сюда и третьяго Стояна, поставляя всюду его товарищемъ Вука Мандушича. Но этотъ послѣдній Стоянъ уже исторически извѣстенъ: онъ былъ Янковичь, родомъ изъ Котора, и дѣйствовалъ преимущественно въ Далмаціи и Герцеговинѣ. Въ 1669 году Венеціанцы, многимъ обязанные его подвигамъ противъ Турокъ, признали его молодечество и поставили сердаремъ надъ Морлаками (Morlacco). Извѣстно, что названіе Влаха, кромѣ употребленія въ нарицательномъ разнообразномъ смыслѣ, на примѣръ въ смыслѣ пастуха, имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ у Славянъ самыя различныя значенія. Имъ называются нынѣшніе Волохи, потомъ Итальянцы, а въ старину и Кельты; Сербы магометане и католики называютъ Валахами Славянъ греческаго вѣроисповѣданія; Далматинцы, живущіе по городамъ и островамъ, называютъ такъ селянъ на приморскомъ берегу; отсюда Моровлахи, по итальянски Morlacco. Кромѣ того, Стоянъ получалъ отъ Венеціанцевъ жалованье и разные подарки; два сына его сдѣланы капетанами. Четырнадцать мѣсяцевъ былъ онъ въ плѣну въ Царьградѣ у Турокъ, и снова вернулся въ Которъ, но погибъ въ битвѣ. Имя его доселѣ живетъ въ пѣсняхъ и разсказахъ Котора. Живы даже (по крайности были до 1846 г.) въ Далмаціи два потомка его, Юрій и Кирьякъ, богатые владѣтели; у нихъ множество письменныхъ свидѣтельствъ о предкѣ. На которскомъ приморьѣ, около часу ходьбы къ Ю. В. отъ Задра, есть мѣсто «Бабинъ дубъ.» По преданію, сюда простира-

лись владѣнія Турокъ, пока Стоянъ не выгналъ ихъ изъ Котора.—По пѣснямъ является Стоянъ сперва еще отрокомъ, съ отцемъ, въ битвѣ противъ Муя изъ Кладуши, города западной Хорваціи; враги большею частію потурчившіеся Сербы и Хорваты; со стороны Янка и Стояна Иво Сѣнянинъ, Вукъ Мандушичь, Цвіянъ Шаричь, и другіе (т. III, № 20). Потомъ онъ въ плѣну у Мустай-бега хорватскаго (личскаго, изъ Удбини), но освобождается и увозитъ его сестру (т. III, № 21). Въ другой пѣсни достаетъ себѣ жену хитростію, опять изъ Удбини, дочь Синанъ-аги, зятя Муя изъ Кладуши (т. III, № 22). Въ третьей, во главѣ хайдуковъ, вмѣстѣ съ Смиляничемъ и Мрконей, добивается изъ Удбини сестры Муя и Гоена-Алила (т. III, № 23). Потомъ онъ въ сватахъ у Өедора изъ Задра, бравшаго за себя Косу Смиляничу, сестру Ильи изъ Котора; дѣйствіе происходитъ на приморскомъ берегу, на дорогѣ между Которомъ и Задромъ; врагами—хорватскіе и герцеговинскіе Турки и потурченики, и, любопытно, между ними Порча изъ Авалы, который и во второмъ періодѣ эпоса представляется въ связи съ Турками. Здѣсь мы находимъ описаніе Стояна, сдѣланное врагами его: «усы у него изъ черна, до плечь, а съ плечь пали на пистолеты до взводовъ; на груди сквозь усы сіяютъ бляхи, словно мѣсяцъ пятнадцати-дённый сквозь вѣтви ели; на головѣ перья и султаны, девять перьевъ, двѣнадцать султановъ, а тринадцатый—крыло птицы страуса, крыло то повертывается и указываетъ, откуда вѣтеръ дуетъ; посмотрѣть на него, — не таковъ, какъ другіе юнаки. Старый онъ боецъ, лютая змѣя подъ камнемъ; насолилъ и надоѣлъ ужь онъ и царю (султану), и кесарю (нѣмецкому), и въ Латинской землѣ кралю Латинскому. Плохо дѣло: дождаться, — всѣмъ сплошь и на повалъ погибнуть, не дождаться, — зазоръ и срамота, будутъ намъ ругаться краишники (т. III, № 24).» Далѣе изображается взятіе Котора Турками; Стоянъ съ Ильей отведены въ Стамбулъ и потурчены; жили они тамъ девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ, а потомъ украли ключи, награбили денегъ и вернулись домой. Возвращается Стоянъ въ Которъ, къ своему винограднику: «старая мать рѣжетъ свою косу, рѣжетъ косу да виноградъ вяжетъ, а слезами лозы поливаетъ, своего Стояна поминаетъ: «Стоянъ ты мой, золотое яблоко! мать ужь позабыла тебя, не забуду лишь я снохи Елицы: сноха Елица, злато не ношеное!» А Стоянъ ей Божью помочь называетъ: «Богъ помочь, сиротина старая! Развѣ нѣтъ у тебя кого помоложе, чтобы покопать виноградникъ, а то спотыкаешься ты старая, бѣдная?» Она еще лучше Стояну отвѣ-

чаетъ: «быть тебѣ живу и здорову, удалецъ незнакомый; нѣтъ у меня, кормилецъ, никого помоложе, кромѣ только Стояна, единаго сына, да и того плѣнили Турки, его и Илью моего, Стоянова брата; послѣ Ильи осталась жена молодая, молода жена—пятнадцать лишь дёнъ жила; а отъ моего Стояна еще моложе жена, всего съ нимъ недѣлю жила. Сноха моя—адамское колѣно (=отличная женщина); ждала она его девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ; а теперь опять ее отдаютъ, молодую: я съ горя не могла и глядѣть, побѣжала въ садъ-виноградъ.» Какъ уразумѣлъ Стоянъ рѣчи, скоро пошелъ онъ къ двору бѣлому, засталъ тамъ сватовъ нарядныхъ, славно его сваты приняли: какъ со коня, такъ и за трапезу. Понапился Стоянъ вина и началъ тихо говорить: «братья мои, вы сваты нарядные! можно ли попѣть немного?» Отвѣчаютъ ему сваты нарядные:—можно, удалецъ незнакомый! можно, для чего жъ нѣтъ?—Кличетъ Стоянъ тонкимъ голосомъ: «вила гнѣздо птица-ластавица, вила его девять лѣтъ, а утрось развивать начала; прилетѣлъ къ ней сивъ-зеленъ соколъ, отъ столицы царя честнàго, не даетъ ей гнѣзда развивати.» Сваты тому не догадаются, догадалась жена Стоянова, выпустила руку деверя, скоро пошла въ горницу-свѣтлицу, подзываетъ сестру Стоянову: «золовушка, сестрица родная! прибылъ твой братъ, а мой государь». Какъ услышала сестра Стоянова, спрыгнула она изъ свѣтлицы внизъ, три раза столъ очами окинула, пока углядѣла лицо братнее. Раскинули руки, цѣлуются въ щеки, щека щеку слезами умываетъ, отъ радости, отъ живаго трепета. А нарядные сваты говорятъ:—государь Стоянъ Янковичь! А что̀ же получимъ мы за деньги наши? Много мы денегъ истратили, пока твою жену выпросили.—Говоритъ имъ Янковичь Стоянъ: «постойте, братья, сваты нарядные! Постойте, дайте немножко на сестрицу наглядѣться; а потомъ ужъ легко разсчитаемся, легко разсчитаемся, вѣдь мы люди.» Какъ наглядѣлся Стоянъ на сестрицу, славно отдарилъ Стоянъ сватовъ: кому платокъ, кому рубашку тонкую, а жениху—сестрицу родную. Ушли нарядные сваты. Какъ пришло подъ вечеръ, идетъ мать во дворъ причитаючи, какъ кукушка она причитаетъ, своего сына Стояна вспоминаетъ: «Стоянъ ты мой, золотое яблоко! Стояна мать ужь позабыла: не забуду я снохи Елицы! сноха Елица, злато не ношеное! Кто теперь приметъ мать старую? кто выдетъ встрѣтить меня старую? кто спроситъ мать старую: не уморилась ли ты, матушка?» Какъ услыхала жена Стоянова, вышла она предъ дворы бѣлые, примаетъ матушку на господскія руки, и говоритъ своей матушкѣ: «ты не причитай, моя старая

матушка! тебя старую солнце обогрѣло: вотъ тебѣ Стоянъ, сынъ твой!» Какъ увидала его старуха мать, какъ увидала своего сына Стояна, упала мертвая на землицу черную. Хорошо Стоянъ мать схоронилъ, какъ по царски должно, какъ требуется (т. III, № 25).»— Въ пѣсни болгарской, № LIII, поется: «идетъ молодая дѣвушка, вдоль по цареградской площади; продавала свое бѣлое лицо, очи черныя закладывала. А спроситъ ее Арманинъ молодой: «дѣвушка, дѣвушка, ты зачѣмъ продаешь свое бѣлое лицо, зачѣмъ очи черныя закладываешь?» говоритъ ему она, отговариваетъ: «затворили брата моего Стояна, во темницу тяжкую.» Въ другой сербской пѣсни, потурченики Куртичи изъ Удбини, хорватскаго города, да Боснякъ Бойчичь-Алилъ, хвалятся подвигами, особенно похищеніемъ дѣвушекъ. Хвалятъ Куртичи Янка изъ Янока; разгорячился Бойчичь, и, собравъ Босняковъ, ограбилъ Янокъ; любопытны его товарищи, собранные по Боснѣ,—это больше все Сербы потурченики: изъ Травника два Пашича; изъ Градашца два Градашчевича; изъ Тузлы капетанъ Тузла, съ сыномъ Махмутъ-бегомъ; изъ Дервенты два Атлагича; изъ Новаго два Церича; отъ Крупы два Арнаутовича; изъ Острожца два Беширевича; изъ Вакупа два Кулиновича; изъ Оращца Тала; изъ Мостара Джанга бульбаша. Разхвастался Тала и задумалъ похитить сестру Стояна, съ которой, какъ мы видѣли, Стоянъ былъ связанъ особенно горячей любовью. Надѣлъ на себя сербскую одежу, ту, которую носилъ Шаричь Цвіянъ, нареченный женихъ сестры Стояновой, и отправился въ сербскій Которъ. «Какъ пришелъ онъ къ двору Стоянову, а Стоянъ справляетъ «крсно име,» весною, въ день святителя Юрья. Въ дому много гостей, передъ домомъ играетъ дивный хороводъ, хороводъ водитъ сестра Стоянова. А какова она, дай ей Господи! Лучше она бѣлой вилы! Очи у ней,—два драгихъ камня; двѣ щеки—двѣ румяныхъ розы; брови,—изъ моря піявицы; рѣсницы,—крылья ласточки; бѣлые зубы,—двѣ нитки бисера; а тонка она, — какъ лоза, высока какъ сосна; играетъ когда, — словно павлинъ гуляетъ; говоритъ когда, — словно голубь воркуетъ; засмѣется,—словно солнце грѣетъ.» Тала схватилъ ее, да и на лошадь, скачетъ и попѣваетъ: «сивъ соколъ, куда залетѣлъ ты? Вылетишь ли по здорову, вынесешь ли птицу перепелку?» Хороводъ всполошился, кричатъ дѣвушки Стояну объ умычкѣ. Стоянъ созвалъ тотчасъ друзей, Шарича Цвіяна, Вида Жеравицу, Илью Смилянича, Вука Мандушича, и отнялъ добычу (т. III, № 35).— Тоже самое событіе разсказывается и иначе: Бойчичь Алія похвалился предъ Глушацъ-Османъ-Агой, что соберетъ товарищей съ Бос-

ми, землямъ запорошитъ дороги, водамъ замутитъ броды, повернетъ войско вдоль Хорватъ, дойдетъ до ровнаго Котора, ограбитъ Которъ до Венеціи, прихватитъ и нѣсколько Венеціанцевъ, у бана венеціанскаго захватитъ сестру. Имена его товарищей съ Босны: съ самой Босны Селимъ-Алай-бегъ; съ Бани-луки два брата Пашича; отъ Бишча два Паязитовича; изъ подъ Бишча два Иванковича; изъ надъ Бишча два Караходжача; изъ за Бишча два Пердузовича; отъ Каменца диздаръ (стражъ крѣпостныхъ воротъ); отъ Плочи старый диздаръ и его байрактаръ Плоча; изъ Удбини Хрнетинъ Муё; изъ Кладуши Зука (пошли уже Хорваты); изъ Ливна бей; отъ Стѣны Дерво; изъ Орашца Тала. Какъ обѣщано, такъ и сдѣлано. Но, кромѣ того, Тала увезъ сестру Стоянову: ее отнялъ Стоянъ съ Цвіяномъ и двоюроднымъ братомъ Николаемъ Янковичемъ. Много погибло краишниковъ (т. III, № 36). Стоянъ же является въ сватахъ при Миличѣ байрактарѣ, вмѣстѣ съ Вукомъ Мандушичемъ и Баемъ Пивляниномъ (т. III, № 78).—Наконецъ Банъ Задра, захвативъ въ селѣ Челебійчѣ Митю Анделійча, проситъ выкупомъ отъ его брата, между прочими рѣдкостями, саблю Янковича, по той причинѣ, что на ней де три золотыхъ ручки, а въ нихъ три дорогихъ камня, а по слухамъ стоютъ они три царевыхъ города. Вукъ Анделійчь отправился въ ровный Которъ, къ бѣлому замку Стояна, и купилъ у него саблю за тридцать кошельковъ денегъ (т. III, № 58). И не только отъ живыхъ, отъ мертвыхъ знаменитыхъ хайдуковъ того времени, переходили оружіе и украшенія, какъ добыча или наслѣдство. Такъ въ той же пѣсни, Банъ Задра даритъ Митѣ доламу съ бляхами Смилянича; такъ у Вучка Любичича, изъ Грачца, хранились: ружье Юриши, сабля харамбаши Плавши, обѣ бляхи Тадіи Сѣнянина, калпакъ и перья Петра Мрконича; и Иво Сѣнянинъ намѣревался отбить эти доспѣхи (т. III, № 61).

Сказавши о Стоянѣ, мы сказали о хайдукахъ того времени; въ главныхъ чертахъ всѣ они схожи; не только подвиги ихъ воспѣваются доселѣ, но сохраняются имена ихъ и въ разныхъ мѣстныхъ названіяхъ, наконецъ есть потомки прямые. Возстановить ихъ родъ, мѣсто подвиговъ, даже частныя обстоятельства и наружность, можно не только по пѣснямъ, но даже бумагамъ, хранящимся у фамилій, что и сдѣлалъ Өедоръ Петрановичь относительно Ильи Смилянича. Но въ настоящемъ случаѣ, притомъ съ одними пѣснями, насъ завлекло бы это слишкомъ далеко. А потому мы ограничимся только главными именами:

6) Вукъ Мандушичь, упоминаемый еще во второмъ періодѣ, товарищь Стояна и других хайдуковъ той эпохи.

7) Илья Смилянячь, двоюродный братъ Стояна, также изъ Котора. По Петрановичу жилъ во второй половинѣ XVII вѣка; въ Хорватахъ и Далмаціи о смерти его разсказываютъ, что онъ велъ разъ плѣнницу изъ Удбини, остановился отдохнуть на горѣ Вучакѣ, почти на границѣ Далматской, но здѣсь нагнали его Турки и убили.

8) Шаричь Цвіянъ, зять Стояна.

9) Николай Янковичь, двоюродный братъ Стояна.

10) Видо Жеравица, современникъ Стояна.

11) Иво Сѣнянинъ, также современникъ Стояна.

12) Его братъ Комненъ Байрактарь, непремѣнный знаменоносецъ въ пѣсняхъ, точно также, какъ у Болгаръ Колё. Въ другой пѣсни Юре.

13) Маріянъ, племянникъ Ива; онъ встрѣчается у Болгаръ (см. ниже).

14) Миличь Байрактарь, современникъ Стояна.

15) Юрій Сѣнковичь, отецъ Ива Сѣнянина.

16) Вучка Любичичь, современникъ Ива.

17) Өедоръ изъ Задра, о женидьбѣ котораго сохранилась одна изъ лучшихъ пѣсень сербскихъ, особенно замѣчательная тѣмъ, что здѣсь описана наружность героевъ (т. III, № 24). Современникъ Стояна. Его сваты:

18) Девять Томковичей и главный изъ нихъ Илья.

19) Семь Даничичей и главный изъ нихъ Юрій.

20) Пять Мрконичей и главный изъ нихъ Петръ, называемый также Влашичемъ и описываемый какъ страшный герой. Онъ является также современникомъ Мандушича, Галіи, Влаш-калиновича. Выше мы видѣли, что у него въ плѣну былъ Өедоръ изъ Сталатя, герой втораго періода. Замѣчено, какъ хлопотали изъ за его доспѣховъ; въ другой пѣсни владѣтелемъ бляхъ его представляется Муё, современникъ отца Стоянова и самого Стояна (т. III, № 20). Въ третьей пѣсни, вѣроятно отецъ его,

21) Мрконя Сердарь, товарищь Стояна и Ильи (т. III, № 23).

22) Три Кулишича, также сваты Өедора, и между ними главный Нико.

23) Тадія изъ Сѣня, также сватъ (этимъ кончаются сваты Өедора); племянникъ Ива Сѣнянина.

24) Іованъ изъ Котора, пріятель Тадіи.

25) Баё Пивлянинъ, знаменитый хайдукъ, по одной пѣсни изображаемый современникомъ Стояна и Мандушича (т. III, № 78). Жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Въ Черной Горѣ разсказываютъ, что онъ погибъ на Цетинѣ отъ Турокъ въ 1712 году. Пива въ Герцеговинѣ; здѣсь онъ и хайдуковалъ лѣтомъ, а зиму проводилъ въ приморьѣ у Пераста, гдѣ и нынѣ показываютъ развалины его дома и дома его друга, Лима харамбаши; тамъ, говорятъ, были темницы, чтобы содержать плѣнныхъ Турокъ. Въ Перастѣ изъ 200 домовъ только 26 греческаго вѣроисповѣданія, остальные католики, а потому они издавна не любили принимать у себя Сербовъ другаго вѣроисповѣданія: однако, по страху отъ Турокъ, были рады приходу такого юнака, какъ Баё. Говорятъ, что онъ звался здѣсь «Никола сердарь»; былъ убитъ, по слухамъ, изъ ружья худаго, перевязаннаго, откуда пословица: «не боится Баё ружья дамаскированнаго, а перевязаннаго».

26) Димитрій изъ Удбара, современникъ Мандушича.

27) Карапанджа Марко, тоже. Карапанджичи до послѣдняго времени князья въ крайнѣ Нѣготинской.

28) Шандичь Іованъ, современникъ Мандушича.

29) Влашкалиновичь, тоже.

30) Дюрковичь, сердарь изъ Ливна, у котораго беретъ сестру Илья Смилянинчь.

31) Юрища, ружье коего добываетъ Иво Сѣнянинъ у Любичича.

32) Плавша: добываетъ Иво саблю его; харамбаша.

33) Лимо, пріятель Бая; Караджичь считаетъ его за одно лицо съ Лимуномъ и съ Гавраномъ или Головраномъ, харамбашей; современникъ Петра Мрконича.

34) Ташо Николичь, современникъ Бая.

35) Мато Нѣгошевичь, побратимъ Бая; вѣроятно изъ знаменитаго въ Черногоріи рода Нѣгошей.

36) Росничь Степанъ, современникъ Лима.

37) Вишничь Іованъ, современникъ Гаврана.

38) Воинъ торговецъ, тоже; является у Болгаръ.

39) Иванъ Ришнянинъ, у котораго служитъ Радо Облачичь.

40) Иво Голотрбъ, судя по лицамъ потурчениковъ, современникъ Стояна.

41) Кострешъ харамбаша, судя по именамъ потурчениковъ и Турокъ, также современникъ выше означенныхъ хайдуковъ.

42) Вукосавъ, тоже.

43) Вукъ Ериничь, тоже.

44) Драгичь воевода, тоже.

45) Міятъ или Михатъ, харамбаша, тоже: кромѣ того современникъ Гаврана и Вида Даничича.

46) Сава изъ Посавля.

47) Раде изъ Сокола.

48) Янко отъ Коница.

49) Павелъ изъ Срема; онъ же, кажется, Старовлаше.

ТРИ ОТДѢЛА ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ПЕРІОДѢ СЕРБСКАГО ЭПОСА.

Таковы наиболѣе знаменитые и извѣстные хайдуки. Что до враговъ ихъ, Турковъ и потурчениковъ, то объ нихъ, въ нѣсколькихъ именахъ, мы помянули только вскользь; нужно замѣтить, что при изчисленныхъ Сербахъ имена ихъ также почти одни и тѣже; они представляютъ также, какъ и Сербы, свои связи и свою послѣдовательность. Не трудно замѣтить главныя черты: всѣ означенные хайдуки между собою или современники, или ближайшіе преемники; именно время ихъ обозначается концемъ вѣка XVI, теченіемъ всего вѣка XVII и началомъ XVIII. Поприщемъ же ихъ дѣйствія преимущественно служатъ Хорвація, Далмація, Герцеговина, Боснія и окрестности Черной Горы. Четы и четованье Черногорцевъ также переходятъ въ область хайдуковъ. Причина, почему въ особенности по этимъ странамъ прославились хайдуки, состоитъ въ томъ, что тутъ были крайны владѣній турецкихъ, и здѣсь-то подвизались краишники. Не нужно однако думать, что хайдуковъ не было въ собственной Сербіи: они не были лишь здѣсь одинаково знамениты, ибо кругъ ихъ дѣйствій былъ болѣе ограниченъ сидѣвшими Турками; между истоками Ресавы и Млавы сохранилось даже названіе «Хайдутчи-планины». Тоже самое нужно сказать о прежнихъ предѣлахъ сербскаго государства на юго-востокѣ, въ Верхней Мизіи и Македоніи. Знаменитые хайдуки, какъ видѣли мы, появились здѣсь только въ началѣ, въ XV вѣкѣ; потомъ вспомните выселенія Сербовъ и поселенія Албанцевъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь болѣе мелкіе хайдуки имѣли мѣсто; подробностей не знаемъ потому лишь, что славянское народонаселеніе этихъ мѣстъ, среднее между собственными Болгарами и Сербами, до сихъ поръ не

достаточно извѣстно по своему нарѣчію и пѣснямъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ являются хайдуки наиболѣе по Балканамъ, въ восточной части Верхней Мизіи и Македоніи. Сравнивая третій періодъ сербскаго эпоса со вторымъ, видимъ, что есть значительный промежутокъ между тѣмъ и другимъ, а именно XVI вѣкъ, время особенно энергическаго дѣйствованія Турокъ и ослабленія славянскаго народонаселенія. Впрочемъ, этотъ промежутокъ замѣтенъ только съ исторической точки зрѣнія, съ эпической же онъ восполняется тѣмъ, что послѣдніе дѣятели втораго періода приводятся въ связь, какъ мы видѣли, съ дѣятелями третьяго, а послѣдніе съ первыми: вспомните Порчу, Манойла, Мандушича, Стояна, и другихъ. Да и въ самомъ третьемъ періодѣ мы замѣчаемъ уже извѣстные, хотя болѣе тонкіе, отдѣлы: а именно, нѣкоторые изъ перечисленныхъ хайдуковъ еще собственники, владѣтели, довольно сильные и самостоятельные, пограничные герои, другіе уже бѣглецы, блуждающіе съ шайками. Въ особенности послѣдніе занимаютъ собою XVIII вѣкъ, и вотъ почему, при множествѣ разсказовъ о подвигахъ хайдуковъ вообще, очень мало пѣсней этого времени съ именами знаменитыми. Только Черногорцы, среди своего отдѣльнаго круга (цикла) хранятъ имена чето-башей, предводителей мелкихъ отрядовъ и ускоковъ, съ мелкими подробностями подвиговъ. А потому въ сербскомъ эпосѣ третьяго періода мы видимъ уже три отдѣла: 1) начало хайдучества, уходящее въ конецъ періода втораго, и, съ нѣкоторымъ замѣтнымъ промежуткомъ, подвиги знаменитыхъ хайдуковъ конца XVI и всего XVII вѣка; 2) подвиги мелкихъ, хотя, конечно, болѣе обильныхъ числомъ хайдуковъ, особенно въ XVIII вѣкѣ; 3) отдѣлъ послѣдній начинается съ хайдуковъ конца XVIII вѣка и начала XIX-го, когда они уже сливаются со всѣмъ вооруженнымъ народонаселеніемъ въ общемъ дѣлѣ освобожденія Сербіи отъ Турокъ. Какъ въ первомъ отдѣлѣ пространство нынѣшняго сербскаго Княжества не играетъ важной роли, такъ за то въ третьемъ оно на первомъ и главномъ планѣ, съ историческими и ближайшими лицами,—Черный-Георгій, Милошъ, Стоянъ Чупичь, Велько, и другіе. Подвиги ихъ составляютъ особый отдѣлъ, богатый пѣснями; но, какъ онъ не имѣетъ уже никакого отношенія къ Болгаріи, не только по содержанію, даже по пріемамъ эпоса, мало схожимъ, то мы на немъ не остановимся, отсылая любопытныхъ читателей къ собранію пѣсень Караджича, въ прежнемъ изданіи 1823 года. Съ тѣхъ поръ, если не остановится дальнѣйшее развитіе сербскаго эпоса, если не

ослабѣетъ силами и не размельчаетъ, переходя въ другіе роды народной поэзіи, если не замкнется воспоминаніями одного прошлаго, то по крайней мѣрѣ неизвѣстно, какое приметъ направленіе.

ЭПОСЪ БОЛГАРСКІЙ. ЕГО ОТНОШЕНІЯ КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ПЕРІОДАМЪ СЕРБСКАГО. ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ И ОТЛИЧІЯ.

Теперь переходимъ къ болгарскимъ героямъ. Выше было замѣчено, что, по своимъ причинамъ, Болгаре, сколько доселѣ извѣстно, не имѣютъ эпоса о своемъ древнемъ государствѣ, и, стало быть, не имѣютъ періода, который соотвѣтствовалъ бы первому сербскому, хотя и сохраняютъ нѣкоторыя, болѣе мелкія, воспоминанія. О лицѣ послѣднихъ государей предполагаются у нихъ пѣсни, но доселѣ также нѣтъ еще ихъ на лицо, и притомъ онѣ должны получить характеръ втораго сербскаго періода, то есть рисовать отдѣльныхъ героевъ, лица болѣе частныя, безъ представленія цѣлаго государства. О герояхъ отдѣльныхъ, воеводахъ городовъ и мѣстностей, боровшихся съ самого начала съ Турками, есть уже пѣсни, соотвѣтствующія второму сербскому періоду. Сохранились имена ихъ, прорываются черты, одинаковыя или сходныя съ современными сербскими героями. Но главнымъ образомъ, и почти всѣхъ ихъ, болгарскій эпосъ перевелъ въ хайдуковъ. Хайдучество,—вотъ главная и общая черта болгарскаго эпоса. А потому въ немъ мы не видимъ періодовъ: всѣ почти герои уже хайдуки, всѣ дѣйствуютъ противъ Турокъ. Можно только изъ нихъ отдѣлить нѣсколько, замѣтно древнѣйшихъ, соотвѣтствующихъ и именами, и чертами, героямъ сербскаго періода втораго. Но за этими нѣсколькими лицами выступаетъ бо̀льшая часть такихъ, которыя явно относятся къ вѣку XVII, XVIII и даже позднѣе, дѣйствуютъ въ чисто-болгарскихъ мѣстностяхъ, окрашены своими красками. Здѣсь уже почти вовсе нѣтъ именъ, которыя соотвѣтствовали бы именамъ сербскаго третьяго періода, ибо связь мѣстностей, при Дунаѣ, въ Верхней Мизіи, Македоніи,—порвана въ общихъ интересахъ; каждый хайдукъ, и сербскій, и болгарскій, ограниченъ своимъ уголкомъ и имя его живо памятно только здѣсь. А потому болгарскій эпосъ, не имѣя періодовъ, есть преимущественно эпосъ хайдуковъ, и соотвѣтствуетъ весь сербскому третьему періоду. Отсюда связи сербской и болгарской поэзіи странны и своеобразны: у Сербовъ, въ первомъ и второмъ періодѣ, встрѣчали мы безпрестанно имена и мѣстности,

не только связанныя съ Болгарами, но даже чисто-болгарскія и долженствовавшія составить содержаніе богатаго болгарскаго эпоса. Но на дѣлѣ иначе: можетъ быть у Болгаръ такой эпосъ затерянъ, что однако странно было бы; можетъ быть изслѣдованіе уголковъ Македоніи и откроетъ слѣды и отрывки его; но пока этого еще ничего нѣтъ, и мы имѣемъ болгарскій эпосъ хайдуковъ, въ которомъ не только нѣтъ почти памяти о герояхъ сербскаго перваго и втораго періода, но и нѣтъ почти тѣхъ именъ и мѣстностей родныхъ, на примѣръ именъ государей и воеводъ, мѣстностей Срема, Посавля, бѣлградскаго Подуная, Верхней Мизіи, Македоніи, которыя, судя по эпосу сербскому, должны бы дать богатый матеріялъ пѣснямъ болгарскимъ изъ эпохъ XIII, XIV, XV вѣка, не говоря уже о вѣкахъ болѣе отдаленныхъ, когда Болгаре занимали страны, сдѣлавшіяся потомъ самыми видными въ исторіи и эпосѣ Сербовъ. Видно, что жившіе здѣсь Славяне болгарскіе послужили, такъ сказать, подножіемъ, основаніемъ для сербскихъ, и, хоть перешли туда соки и кровь, но тѣло, отсюда родившееся, пріобрѣло черты сербской оригинальности. Здѣсь-то мы познаемъ всю силу сербской народности, сравнительно съ болгарской,—она превозмогла и въ исторіи, и въ эпосѣ, и въ нарѣчіи, даже доселѣ, ибо рѣчь Сербовъ неотразимо вліяетъ на Болгаръ за Тимокомъ и Бинчь-Моравой, подымая ихъ нарѣчіе, окрѣпляя въ свои формы, образуя нѣчто среднее и отличное отъ рѣчи забалканской и ѳракійской Болгаріи. Потому, не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго, ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ тѣ древнѣйшіе эпическіе мотивы, которые *должны бы* развиться въ болгарскомъ эпосѣ; въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о коихъ у Болгаръ сохранилось большею частію только смутное и уже искаженное воспоминаніе. А потому сербскимъ эпосомъ мы постоянно должны пополнять болгарскій; ознакомившись хорошо съ лицами и событіями у Сербовъ, должны потомъ отыскивать разбросанныя черты у Болгаръ, древнихъ героевъ узнавать въ хайдукахъ, обширность древнихъ владѣній встрѣчать какъ одно воспоминаніе въ кругѣ уже узкихъ воззрѣній. Что касается до болгарскаго эпоса, если онъ по мѣстамъ и пополнитъ собою сербскій, нужно быть здѣсь очень осторожнымъ, ибо, повѣря Болгару, можно представить себѣ хайдукомъ героя періода болѣе древняго. Таково отношеніе перваго и втораго періода сербскаго эпоса къ болгарскому. Каково же отношеніе сербскаго третьяго періода? Конечно уже между лицами и мѣстностями хайдуковъ

не можетъ быть связи Сербіи и Болгаріи: только два — три общихъ имени, и то сомнительныхъ. Но за то хайдукъ по своему характеру вездѣ хайдукъ, одинаковъ и въ Сербіи, и Болгаріи: здѣсь связь конечно весьма тѣсная, но не виновловная, ибо хайдучество той и другой стороны развилось совершенно отдѣльно, независимо и самостоятельно; если же оно пришло къ общему сходству, то потому, что причина одинаковая, — отношеніе славянскаго народонаселенія къ владычеству Турокъ. Все сказанное нами объ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ, очевидно, относится только къ *содержанію* эпоса, и тотъ ошибется, кто выводы наши распространитъ далѣе. Совсѣмъ другое нужно сказать, если возмемъ въ разсчетъ эпическое воззрѣніе, пріемы эпической поэзіи, складъ ея, форму, стихъ, языкъ. Въ этомъ отношеніи сербскій и болгарскій эпосъ находятся между собою въ связи ближайшей, другъ друга пополняютъ, другъ друга разнообразятъ, одинъ другому не уступаютъ. Не уступаетъ болгарскій эпосъ сербскому и относительно красоты, какъ гармоническаго выраженія всѣхъ особенностей эпоса. Такъ въ сербскомъ эпосѣ позднѣйшихъ хайдуковъ мы часто видимъ ослабленіе силы и красоты изображеній, сравнительно съ пѣснями о древнѣйшихъ періодахъ (и вотъ доказательство, что главное основаніе дѣленія сербскаго эпоса на періоды должно лежать въ содержаніи, ибо изъ двухъ пѣсней, которыя пропоетъ вамъ нынѣ Сербъ, превосходство эпической красоты остается большею частію за той, которая древнѣе по содержанію); между тѣмъ въ болгарской хайдуцкой пѣсни встрѣчаемъ цѣликомъ такія мѣста, какія могутъ сравниться только съ лучшими мѣстами изъ двухъ древнѣйшихъ сербскихъ періодовъ. Но только относительно понятія эпической красоты нужно условиться. Не говоря уже о томъ, что главный матеріялъ ея лежитъ въ образованіи эпическаго языка и склада, въ чемъ конечно нѣтъ особенной видимой причины уступать другъ другу ни Сербу, ни Болгару,—тотъ очень ошибется, кто въ болгарскомъ эпосѣ будетъ искать плодовитости, обилія, нѣжности, граціи, мягкости, свойствъ чисто-сербскихъ: въ замѣнъ всего этого онъ найдетъ у Болгаръ простоту, восходящую до суровости, глубину, силу и бо̀льшую краткость. Нужно признаться, что въ этой суровости болгарскаго эпоса слышится намъ иногда отголосокъ періода древнѣйшаго, чѣмъ многія мѣста эпоса сербскаго, и мы не прочь иногда вспомнить здѣсь отношеніе Иліады и Одиссеи. Очень естественно: болгарскій эпосъ не прошелъ такого богатаго развитія во времени, не получилъ тонкаго изящества, но за то по временамъ выигрываетъ сохраненіемъ

запаса первобытности. Для примѣра сравните только сербскія и болгарскія описанія домашняго быта, одежи, пищи и питья.

Теперь сами собою вытекаютъ требованія того, что еще осталось сказать намъ: 1) привести и разобрать имена главныхъ героевъ и мѣстностей болгарскаго эпоса, сравнивая ихъ, буде возможно, съ соотвѣтствующими сербскими и въ хайдукахъ отыскивая древнѣйшихъ героевъ; 2) для характеристики всего болгарскаго эпоса и третьяго періода эпоса сербскаго, разобрать по пѣснямъ значеніе и всѣ особенности хайдучества; 3) сравнить тотъ и другой эпосъ уже не по содержанію, а по основнымъ воззрѣніемъ, формамъ, по складу, по образованію языка и рѣчи, и т. п. Этотъ послѣдній отдѣлъ вопроса мы оставляемъ уже для комментарія, внизу самого текста. И такъ:

ЛИЦА И МѢСТНОСТИ БОЛГАРСКАГО ЭПОСА.

1) Лицо самое чистое отъ всякой примѣси и ясное, Дойчинъ. По сербскимъ пѣснямъ мы знаемъ, что это воевода Солуня, современникъ и побратимъ Марка. Въ обѣихъ пѣсняхъ, и сербской, и болгарской, онъ дѣйствуетъ противъ Араповъ. Но въ болгарской не названъ онъ воеводой, не названа жена его, не названа мѣстность; убивши жену, онъ «забѣгнѫ по Влашкѫ земѭ, Богданскѫ»: выраженіе это даетъ уже понять, что онъ сдѣлался потомъ хайдукомъ, какъ бываетъ при подобныхъ случаяхъ съ другими; Сербъ выдерживаетъ и тутъ, кончая пѣсню смертію. Кромѣ того въ болгарской есть свои оригинальныя особенности, показывающія между прочимъ значительную древность, о чемъ мы упомянемъ еще при текстѣ.

2) Р*ѫ*ковити Богданъ. Мы высказали уже свое мнѣніе о тождествѣ его съ Лютицей Богданомъ и связи съ другими, сербскими и болгарскими мотивами. Но и здѣсь, если не являются хайдуки, то представляется уже эпоха владычества султана. Если же дѣйствительно съ нимъ тождественъ Богданъ другихъ болгарскихъ пѣсенъ, помѣщенныхъ нами рядомъ, равно какъ если возмемъ въ разсчетъ соединенныхъ съ нимъ по эпическимъ мотивамъ юнаковъ, то это уже чистые хайдуки.

3) Вълко. По женидьбѣ своей онъ сходится съ сербскимъ Душаномъ, и ясно уже, что не хайдукъ, ибо беретъ дочь у царя и краля, притомъ другой вѣры. Вообще подобный мотивъ пѣсни встрѣчается намъ только въ первомъ и второмъ періодѣ сербскаго эпоса, ибо послѣдующіе хайдуки, хотя часто сильные и богатые, не берутъ

уже дочерей у королей. Но имя его нигдѣ болѣе не встрѣчается и ни съ чѣмъ не связано.

4) Лагушъ, коварно вызываемый Будимскимъ королемъ на крестины: уже это обстоятельство не показываетъ въ немъ хайдука. Кромѣ того самый мотивъ, какъ мы видѣли, связуется съ самыми древними славянскими преданіями. Мало этого: по сербской пѣсни въ подобномъ положенія поставленъ Волохъ Радулъ, братъ Мирчеты, относительно болгарскаго Шишмана, что̀ заставляетъ видѣть подъ именемъ Лагуша прикрытое мѣстное преданіе о родномъ героѣ. Сюда прямо примыкаетъ, до подробностей сходная съ болгарскою, сербская пѣсня о Манойлѣ, лицѣ, въ которомъ, не смотря на то, что въ Будимѣ посаженъ паша съ янычарами, мы думаемъ видѣть извѣстнаго Грека Манойла, воеводу Софіи, любимаго города болгарскихъ пѣсень. И это сходство тѣмъ болѣе вѣроятно, что Грекъ Манойло стоитъ на рубежѣ завоеваній Турокъ, втораго и третьяго періода сербскаго эпоса. Наконецъ, даже золотое яблоко, пропавшее изъ Будима, вошло въ сербскую пѣсню чисто изъ болгарскаго преданія, по которому, какъ увидимъ, Дунай вытекаетъ изъ будимскаго золотаго яблока. Впрочемъ, при болгарскихъ преданіяхъ о Будимѣ, не слѣдуетъ забывать, что это же имя носилъ нѣкогда нынѣшній Видинъ или Вединъ: обстоятельство это тѣмъ болѣе важно, что самъ Шишманъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ называется кралемъ Будимскимъ, Бъдинскимъ.

5) Тиланъ, въ цареградской темницѣ, у султана; освобождаетъ жена. Лицо неизвѣстное по другимъ связямъ, но, такъ какъ нѣтъ слова о хайдучествѣ, и по одинаковости содержанія, мы не можемъ не поставить его рядомъ съ Богданомъ и героями втораго сербскаго періода, тѣмъ болѣе, что намъ иногда описывается точно такъ ихъ положеніе. За то сюда весьма близко уже подходитъ сербская пѣсня о хайдукѣ Вукосавѣ.

6) Далѣе, у Сербовъ и Болгаръ есть конечно пѣсни, поставленныя внѣ общихъ интересовъ страны и сосредоточенныя на частныхъ обстоятельствахъ лица. Въ нихъ трудно бываетъ опредѣлить эпоху героя и его отношеніе къ ней. По сравненію со всѣмъ эпосомъ, нельзя отдавать такимъ пѣснямъ большой древности, ибо въ первобытномъ эпосѣ всегда, за исключеніемъ только миѳологіи, герой поставленъ бываетъ въ историческомъ отношеніи къ своей странѣ. Но, при оттѣнкахъ языка чисто-эпическаго, и за отсутствіемъ указаній на эпоху позднѣйшую, подобнымъ пѣснямъ нельзя отказать мѣста въ эпохѣ средней. Потому мы пріурочиваемъ относительную древность

лицамъ болгарскимъ: Господину, Иванчи-жениху, Гречанкѣ Вишѣ и Латинцу, Тодору и Тодоркѣ, умирающему Гюру, Царю со слугою.

7) Марко Кралевичь. Пѣсня о борьбѣ его съ Филипомъ Маджариномъ (или Соколиной) представляетъ самостоятельный варіантъ сербской; но онъ изображается уже первымъ юнакомъ «въ сичкѫ българскѫ земѭ» и живетъ въ Софіи, по другой пѣсни въ Прилѣпѣ. Въ третьей бьется онъ съ Турками въ «Крайнѣ, въ землѣ Влашской.» Товарищи его и современники у Болгаръ, кромѣ того: Богданъ, Митро, Али-ага или Али-бегъ, Никопская вдова, побратимъ Семко, племянникъ Докатинъ, братъ Александръ, жена Грозданка, враги наиболѣе Арапы. Стоянъ же, соотвѣтствующій ему, является уже прямо хайдукомъ.

8) Стоянъ. Подобно, какъ Марка отецъ, проклинаетъ его мать и это представляется причиной, почему онъ пошелъ въ хайдуки. Но онъ примирился съ ней; сынъ его, вѣроятно по наслѣдству, — ибо Стоянъ постоянно представляется въ Софіи, — получаетъ въ городѣ этомъ воеводство, и при немъ-то Турки овладѣваютъ Болгаріей. Согласно съ тѣмъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ Болгаръ, о Стоянѣ особенно много пѣсень въ Софіи и ея окрестностяхъ. Въ другой пѣсни онъ выбираетъ невѣсту изъ трехъ, Влахинки, Гречанки, Болгарки, и, по совѣту матери, склоняется къ послѣдней. Далѣе борется съ Турками во Врацѣ, извѣстномъ болгарскомъ городѣ, изъ за дѣвушекъ, и прямо называется уже кеседжія. Потомъ является во главѣ хайдуковъ на вершинѣ Бакаджика, между болгарскими городами Сливномъ и Карнабатомъ, и въ сливнянскихъ ущельяхъ захватываетъ самого султана. Кромѣ матери и жены, упоминается у него сестра и братъ Иванъ, также хайдукъ. Въ двухъ пѣсняхъ болгарскихъ убиваетъ, съ помощію сестры, какую-то страшную медвѣдицу, вѣроятно врага, и относитъ голову султану. Подобно Марку, онъ бьется съ Турками, но также услуживаетъ и султану, и также отъ испуганнаго султана получаетъ деньги. Даже выдаетъ другаго хайдука, Ненчя, Туркамъ, не смотря на побратимство, за что однако, въ отмщеніе, его повѣсили въ Трьновѣ. Также точно, какъ Марко, по убѣжденію матери рѣшается оставить разбои и именно хайдучество, пашетъ землю, но кончаетъ по прежнему убійствами, при чемъ вредитъ ему Арабче. Также точно, какъ Марко, представляется больнымъ на горѣ, въ бесѣдѣ съ соколомъ. Но, подобно какъ при Мар-

кѣ трудно отгадать Урвинъ-планину, такъ здѣсь трудно распознать планину Агликовину. Мы не знаемъ ея, а потому можемъ представить только догадки. Во первыхъ, по дорогѣ изъ Константинополя въ Сересъ, должно восходить въ Малгару, большое, возвышенное укрѣпленіе (греч. Мигали-ора, большая гора), а за тѣмъ на самый верхній пунктъ возвышенности, передъ городомъ Кешаномъ, Алишкёи: можетъ быть это и есть Агликовина, и тогда этотъ пунктъ, не вдалекѣ отъ водъ Эгейскихъ, будетъ совершенно соотвѣтствовать параллельному пункту Буриносъ = Урвинъ-планина. Есть и другая мѣстность: гребни Высокаго или Великаго Балкана, то есть западной части Балканъ, идущіе по направленію къ Софіи и Этрополю, выпускаютъ многіе потоки, между прочимъ Авликое-су (су-вода, потокъ). Потокъ этотъ, вытекая нѣсколько на востокъ отъ Ихтимана, входитъ въ Высокій Балканъ, потомъ Балканъ Етропольскій, и наконецъ уже достигаетъ Сладіи и Вида; имъ прорѣзанъ бассейнъ Ихтимана, ограниченный съ одной стороны Балканомъ, съ другой отдѣленный отъ долины Самокова возвышенностью Капулу-Дербендъ («проходъ воротъ,» названный такъ по найденнымъ здѣсь въ 1835 году воротамъ Трояна). Такое объясненіе выгодно особенно съ той стороны, что помѣщаетъ Агликовину близъ Софіи, гдѣ жилъ Стоянъ. Но есть еще третье объясненіе, ближайшее: Команова, въ сѣверной Македоніи, на востокъ отъ Скопля, называется по турецки Геглигова, у древнихъ *Cumarciana.* Между тѣмъ, на югѣ отъ Врани, цѣпь, отдѣляющая Верхнюю Мизію отъ Македоніи и идущая съ западу на востокъ, по дорогѣ изъ Врани въ Команову прорѣзана выемкой, при которой горы носятъ имя Комановца-планина: переведите это имя по турецки, вы получите Агликовину или Геглиговину. Въ такомъ случаѣ сербскую Урвинъ-планину можно будетъ искать, по близости мѣста, въ Курвинъ-планинѣ. Тѣмъ не менѣе Марко, соотвѣтствующій Стояну, въ болгарской пѣсни помѣщается больнымъ при смерти въ Крайнѣ Волошской, что указываетъ на Мирочь-планину. И такъ мѣсто смерти Марка и Стояна можно искать главнымъ образомъ въ трехъ пунктахъ: на югѣ, при переходахъ отъ Верхней Мизіи къ Македоніи, и наконецъ при Дунаѣ; соображеніе историческихъ обстоятельствъ склоняется къ послѣднему. Тѣмъ не менѣе, если въ основѣ преданій о мѣстности была непремѣнно черта историческая, нужно признаться, что она сильно сглажена и обобщена выраженіемъ: какъ *Урвинъ-планина* отводится къ нарицательному *урва*, такъ *Агликовина* къ слову *аглика*, означающему у Болгаръ ландышь.

9) Муса Кеседжія, по сербскимъ пѣснямъ извѣстный современникъ Марка, является въ одной болгарской пѣсни хайдукомъ, въ плѣну у Босняковъ, и, судя по этому, легко могъ бы быть Арнаутомъ; но другая пѣсня (въ Изв. Акад.) прямо сближаетъ его съ братомъ султана въ Малой Азіи.

10) Мирчё воевода, попавшійся Туркамъ, но избавленный женой Бояной; судя по его имени, хотя впрочемъ обыкновенному у Болгаръ, мы можемъ думать на извѣстнаго волошскаго героя, дѣйствовавшаго при Дунаѣ. Аналогія поддерживается тѣмъ, что Тодорка, соотвѣтствующая Боянѣ, является при Дунаѣ.

11) У Болгаръ встрѣчается нѣсколько пѣсень, въ которыхъ воеводами женщины. Въ Родопѣ, въ отросткахъ Пиринъ-планины, между Баней и Ихтиманомъ, находятся три или четыре гребня, идущіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ; при подошвѣ собственнаго Родопа они прорѣзаны проходомъ Кизъ-Дербендъ, то есть «Дѣвичье ущелье;» начинается оно отъ деревни Кизъ-дербендъ-кёи, «деревня ущелья дѣвицы.» Здѣсь дорога изъ Татаръ-базарджика въ Баню и изъ Румеліи (собственной) въ Верхнюю Македонію и Албанію. Преданіе помѣщаетъ здѣсь женщину-героиню, властительницу тѣснинъ. Таковы у Болгаръ: Бояна, жена Мирча, предводительница хайдуковъ, схватившая одинъ разъ султаншу.

12) Еленка, дѣвушка, предводительница хайдуковъ, захватывающая казну султана Мурата и боснійскій караванъ; родомъ Болгарка; считалась за юнака. Въ шести-часовомъ разстояніи отъ Трънова, есть селеніе *Елена*, въ которомъ ходятъ болгарскія преданія объ героинѣ этого имени, дѣйствовавшей при отросткахъ Балканъ.[a]

13) Тодорка, также дѣвушка, предводительница хайдуковъ, считавшаяся за юнака, но потомъ узнанная, при Дунаѣ. У Сербовъ этотъ мотивъ рѣдокъ: однако есть двѣ пѣсни, чрезвычайно близкія, которыя мы сравнимъ на своемъ мѣстѣ.

14) Далѣе есть пѣсни, окрашенныя особенностями хайдуческаго быта, но примыкающія къ древнѣйшимъ преданіямъ. Таково преданіе, упомянутое нами у Сербовъ, о двухъ братьяхъ, по нашему мнѣнію придунайское: у Болгаръ почти слово въ слово отвѣчаетъ пѣсня о

а) Сообщено Х. К. Даскаловымъ.

Радоѣ и Янколѣ: они дѣйствуютъ въ Доброджѣ, или Добручѣ, то есть Добрицѣ, извѣстномъ придунайскомъ и черноморскомъ углѣ.

15) Слѣдуютъ чисто-хайдуки. Изъ окрестностей Видина мы имѣемъ болгарскую пѣсню о Воинѣ торговцѣ и его обрученной; нарѣчіе среднее между сербскимъ и болгарскимъ. Это единственная пѣсня въ нашемъ сборникѣ, соотвѣтствующая самымъ именемъ Воина нѣсколькимъ подобнымъ сербскимъ, также о Воинѣ Торговцѣ. Хайдуки здѣсь явно соотвѣтствуютъ современникамъ сербскаго Стояна, даже самъ воевода Маріямъ вѣроятно одно лицо съ извѣстнымъ намъ Маріяномъ сербскимъ; какъ оказывается, имя было весьма славно: оно перешло даже въ сербскія женскія пѣсни; у насъ Маріямъ названъ прямо «знатнымъ начальникомъ хайдуковъ.»

16) Стефану воеводѣ пришла вѣсть изъ Софіи, что чрезъ нее идетъ Видинскій паша въ Царьградъ; онъ далъ знать воеводѣ Драгану, и вмѣстѣ напали двое, особенно въ отмщеніе за Минуша воеводу; отправляются къ Софіи изъ старой Планины (см. выше). Упоминается «градъ Плевень,» то есть Плевно; потомъ «Валёвъ кладенецъ,» намъ неизвѣстный; городъ «Градецъ», — нынѣ большое селеніе, 4 часа пути отъ Жеравны.

17) Воевода Милошъ, также хайдукъ, тождественный, можетъ быть, съ Минушемъ или Минашемъ.

18) Воевода хайдуковъ Странлъ, вѣроятно тождественный съ Страшиломъ, на «Иринъ-Пиринъ-планинѣ.» Пиринъ — извѣстная отрасль Деспото-дага или Родопа. Но слова Иринъ не понимаемъ, если это не Рила-планина.

19) Три брата, изъ которыхъ два — Эвстаѳій и Антонъ, поселяне, ограбленные Турками; младшій, Антонъ, убиваетъ Турокъ. Сидятъ въ городѣ Самоковѣ, при подошвѣ Родопа, собственно между Родопомъ и Балканомъ, но отъ послѣдняго гораздо далѣе, а между тѣмъ въ пѣсни представляется ближе Старая-планина.

20) Воевода хайдуковъ Наню и Герче каравулинъ, переодѣтые, обманываютъ турецкихъ начальниковъ и жителей Разграда.

21) Чавдаръ, воевода хайдуковъ, обманомъ зазванъ Турками изъ Рила-планины.

22) Хайдукъ Иванчё съ своимъ дядей.

23) Двѣ пѣсни почти одинаковыхъ. Въ одной Турлакъ Никола, идущій въ Трѣново съ сестрой Еленкой; нападаетъ Вълчанъ

воевода. По дорогѣ изъ Рущука въ Сливенъ, ближайшая отъ перваго мѣстность есть Турлакъ; изъ Рущука въ Шуменъ опять Турлакъ.

24) Гюрдала идетъ съ сестрой: нападаетъ хайдукъ Радой и воевода Казанлыка; Добра называется Загоркой, вѣроятно изъ окрестности Сливна, знаменитаго Загорья.

25) Ненчё хайдукъ, современникъ Стояна, дѣйствующій въ Троянской-планинѣ, то есть отрасли Балкана, идущей къ городу Трояну.

26) Два брата хайдуки: Рăдулъ и

27) Стоянъ.

28) Врагъ ихъ Барбуръ.

29) Плаваніе по Дунаю состоитъ нынѣ, въ верху въ рукахъ Нѣмцовъ, далѣе отчасти въ рукахъ Волоховъ, Грековъ, Болгаръ. Съ Волохами и бѣдняками болгарскими связываются пѣсни о лодочникахъ, классъ, котораго не встрѣчаемъ мы въ Сербіи, за исключеніемъ довольно древней пѣсни «Іова Будимлія» (т. II, № 101), изображающей подунайское плаваніе, торговцевъ, лодочниковъ. У насъ является, кромѣ безыменныхъ пѣсень, одинъ такой герой, родомъ изъ города Трояна. Можетъ быть въ связи съ нимъ —

30) «Троянче младо Загорче,» предводитель хайдуковъ.

31) Является даже Янка лодочница.

32) Индже воевода, въ двухъ пѣсняхъ у насъ, одинъ изъ знаменитыхъ предводителей Кирджаліевъ, слѣдовательно герой поздняго времени. Мѣстности Малхамы и Алтънъ-бонаря мы не знаемъ.

Мы имѣемъ кромѣ того нѣсколько безыменныхъ или мелкихъ пѣсень болгарскихъ, о хайдукахъ, кирджаліяхъ, лодочникахъ, и тому подобное. Влашская и Богданская земля входятъ сюда какъ мѣстности свои и родныя. Наконецъ, также какъ у Сербовъ, пѣсни съ одной стороны о Константинѣ, съ другой о новѣйшихъ событіяхъ, войнѣ съ Русскими Турокъ, передѣлки пѣсень греческихъ, и т. д. Все это, за исключеніемъ превосходной и древней пѣсни о Константинѣ, большею частію представляетъ ослабленіе эпоса, въ образахъ, пріемахъ, складѣ, языкѣ. Однако не можемъ промолчать о двухъ пѣсняхъ, герои которыхъ доселѣ живы еще въ воспоминаніи Болгаръ. Одна выводитъ Хаджи-Канчё (*Хаджи* — извѣстное прозвище для бывавшихъ въ Палестинѣ). Домъ его былъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Трѣвнѣ, почему Турками прозывался *ески-оджакъ* (старый очагъ). Издревле члены этого семейства были чёрбад-

жи (старосты) въ своемъ селеніи. Отецъ Канчё, Хаджи-Христо помагалъ Грекамъ въ дѣлѣ 1821 года, за что былъ позванъ попомъ въ Константинополь, и однако отпущенъ. Что касается до самого Канчё, Болгаре сложили пѣсню объ его похожденіяхъ въ Габровѣ, во время женидьбы (жена его, взятая оттуда, не позволяла однако дѣтямъ повторять народный разсказъ). Въ 28 году, со стороны Болгаръ, принималъ онъ участіе въ дѣйствіяхъ Русскихъ; Турки развѣдали потомъ, и разнесся слухъ, что его вытребуютъ въ Царьградъ и повѣсятъ: Канчё заболѣлъ и умеръ въ 30 году. Братъ его, извѣстный Георгій Станчё (Эвстаѳій), участвовалъ въ Трьновѣ однимъ изъ главныхъ при дѣйствіяхъ 1836 года, за что былъ Турками повѣшенъ; другіе братья, тогда же, бѣжали въ Валахію (впрочемъ Петра, упоминаемаго въ пѣсни, не было); жена переѣхала въ Трьновъ, старинное жилище опустѣло.[а]) Пѣсня передаетъ намъ глубокое раздумье его; любопытно, что она не забыла даже калпака, которымъ отличался Канчё: это была огромная шапка, въ родѣ волошскихъ, какія дозволяли Турки носить только по особому фирману. Въ другой пѣсни являются Габровцы, Хаджи-Вельчё, Хаджи-Стойчё и Хаджи-Досё; всѣ онi извѣстны Болгарамъ; подъ первымъ разумѣется конечно тотъ герой, сыновья коего въ 36 году повѣшены были Турками.

СВЯЗЬ БОЛГАРСКАГО ЭПОСА СЪ ТРЕТЬИМЪ ПЕРІОДОМЪ СЕРБСКАГО. ХАЙДУЧЕСТВО ВЪ СЕРБІИ И БОЛГАРІИ.

Названія хайдуковъ.

Посмотримъ на значеніе и разберемъ, особенно по пѣснямъ, подробности хайдучества. *Хайдукъ* значитъ разбойникъ, но въ смыслѣ болѣе благородномъ и даже высокомъ, приближающемся къ герою; Славяне придали слову этому смыслъ защитника отечества, удальца, молодца. Согласно съ этимъ, Турки для хайдуковъ имѣютъ еще другое названіе: *харамiи*=мошенники; хотя это понятіе унизительно и имѣетъ отличный оттѣнокъ отъ слова хайдукъ, означая уже нѣкоторое презрѣніе, но Славяне опять облагородили и это названіе, очень часто придавая его

а) Сынъ его, упомянутый нами выше, Х. К. Даскаловъ, служилъ при русской арміи въ нынѣшнемъ походѣ за Дунай, а теперь находится въ Москвѣ, готовясь поступить въ Университетъ.

своимъ хайдукамъ. *Далѣе* у Турокъ есть еще слово: *кеседжіи* = разбойники на конѣ; и, такъ какъ они спачала болѣе всего выходили изъ города Крджи, то получили сверхъ того имя *Крджаліевъ*, но это явленіе уже позднѣйшее, развившееся особенно въ концѣ прошлаго столѣтія. Притомъ кеседжіи обыкновенно изъ Турокъ, отчасти изъ Албанцевъ; они конники, тогда какъ настоящіе хайдуки—Славяне пѣшіе; наконецъ дѣйствовали всегда открытѣе, тогда какъ хайдуки скрываются и нападаютъ болѣе невзначай, въ горахъ, лѣсахъ, при опасныхъ переправахъ. Наконецъ есть еще для хайдуковъ свои частныя названія, напримѣръ *балтаджіи* = рубаки, *малджіи* = искатели кладовъ. Греки всѣ разряды называютъ по большей части *Клепты*, *Клефты*, имя, отъ значенія вора перешедшее потомъ также къ понятію удальца и героя.

Главныя мѣста дѣйствія хайдуковъ въ Болгаріи и Сербіи.

Мы видѣли уже отчасти главныя мѣста ихъ подвиговъ. Древнѣйшіе хайдуки, какъ герои и защитники отечества, дѣйствовали преимущественно на *крайнахъ*, почему назывались *краишниками* и также называли Турокъ, съ ними бившихся. Такія крайны были въ Сербіи: въ Хорваціи и Босніи, на Далматскомъ побережьѣ, въ Бокѣ Новская крайна, крайна Нѣготинская. Послѣдняя имѣла это значеніе, какъ мы видѣли, уже при Бранковичѣ, да и послѣ завоеванія Сербіи въ крайнѣ Нѣготинской судили не Турки, а сербскіе князья. Все побережье Дуная и тѣ мѣста, гдѣ Турки встрѣчались съ Волохами и Уграми, также носили имя краинъ, что видно изъ пѣсень сербскихъ и болгарскихъ до нынѣ. Но, за ослабленіемъ болѣе древнихъ и сильныхъ краишниковъ, хайдуки разсѣялись повсюду, гдѣ имъ бывало только удобнѣе: ихъ можно было встрѣчать въ каждомъ лѣсу, на каждой горѣ, при каждой опасной переправѣ. Мы видѣли, какъ въ первое уже время, сербскіе хайдуки протянулись отъ Романіи изъ Босніи до Адріанополя. Такъ какъ собственная Болгарія не представляла особенныхъ удобствъ, то хайдуковъ ея, болѣе извѣстныхъ, по пѣснямъ видѣли мы преимущественно въ горахъ Балкана, при проходахъ обоихъ его спусковъ, отчасти въ Родопѣ, Рилѣ и Пиринѣ, въ восточной Верхней Мизіи, на Старой-Планинѣ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Были въ старину мѣста, особенно любимыя хайдуками и опасныя: дорога изъ Приштины въ Скопле, чрезъ Качаникъ и Млавъ-планину, черезъ Шаръ-планину,

черезъ Калканделенъ, при Романіи, и т. д. Потомъ эти мѣста потеряли славу и нынѣ болѣе опасны: въ Балканахъ — край горы Чипка, край на югъ отъ Ихтимана, дорога изъ Софіи въ Этрополь или Сладію, тѣснины Крешны, ибо здѣсь идутъ богатыя отправки между Ceресомъ и Бѣлградомъ. Помимо этого, при движеніи съ юга на сѣверъ, сами по себѣ уже опасны въ Балканѣ проходы Трояна, при равнинѣ Филиппопольской, тѣснины сзади Габрова, всходъ въ ущелья Демир-капу и Сливна. Далѣе въ Албаніи дорога изъ Берата въ Перметъ или Премити. Въ Босніи дороги: изъ Петя въ Сѣницу и Нови-пазаръ; по южной границѣ до Босни-Сераево; лѣса Милешева; гора Поримъ. Въ Герцеговинѣ Загоре; между Фочей и Невесинемъ; между Сутѣсомъ и Гацкомъ.

Крджаліи.

По окончаніи послѣдней войны Австріи съ Турціей (1791 года), Крджаліи расплодились тысячами, особенно въ Македоніи; мы здѣсь кстати скажемъ объ нихъ, чтобы послѣ не брать въ расчетъ при разборѣ хайдуковъ. Открыто разъѣзжали они по цѣлымъ сотнямъ, назначали плату не только съ отдѣльныхъ лицъ, но даже съ цѣлыхъ городовъ, и въ случаѣ неустойки жестоко мстили: такъ они сожгли и опустошили Цинцарскій городъ Воскополе. Большею частію состояли изъ Турокъ и говорили по турецки, но не гнушались и никакой націей, ни вѣроисповѣданіемъ. Отличались особеннымъ богатствомъ одежи и оружія; водили съ собой молодыхъ красавицъ *дювендій*, державшихъ во время битвы коней, а во время отдыха игравшихъ на тамбуринѣ. Нанимались служить у кого угодно, ссорились ли двое пашей или два города, и при малѣйшемъ неудовлетвореніи переходили на противную сторону. Съ ними-то Пасманджія разбилъ въ 1796 г. султаново войско. Въ 1804 году знаменитый предводитель ихъ Гушанцъ-Алія, услыхавъ, что Сербы воюютъ съ дахіями, явился въ Бѣлградъ съ тысячью храбрецовъ, и всѣ-то они почти полегли въ Сербіи. Начальники ихъ назывались Бимбаши, надъ тысячнымъ отрядомъ, а меньшіе Булюк-баши. Знаменитѣйшіе бимбаши ихъ были: Хаджи-Мановъ или Манобъ, Дели-Кадрія, Албанецъ Кара-Фейзія или Кара-Плейсія, также Карафази, помянутый Гушанцъ-Алія, Болгаринъ Индже-воевода, отличавшійся особенной мягкостью и милостью. Отчасти Сербы, отчасти московскія войска, значительно ихъ обезсилили и почти истребили; однако уже въ 1837 году они убивали проѣзжавшихъ по дорогѣ изъ Софіи въ Малину.

Предводители хайдуковъ.

Теперь, отбросивши Албанцевъ, греческихъ клефтовъ и частныхъ малджіевъ съ братіей, обратимся къ собственнымъ хайдукамъ, въ Сербіи и Болгаріи. Выборъ предводителей, сначала падавшій на упраздненныхъ воеводъ, людей родовитыхъ и сильныхъ, главнымъ образомъ основывался всегда, разумѣется, на личныхъ качествахъ и доблестяхъ. Одно имя уже легко собирало вокругъ дружину. Даже женщина, что видимъ у Болгаръ, могла предводительствовать. Но замѣчательно, что она должна быть дѣвушка, и Бояна, какъ скоро вышла за мужъ, засажена была за прялку; иногда, какъ Тодорку, считали ее юнакомъ. Болгарская пѣсня разсказываетъ, какъ выбирался начальникъ: пробовали сначала, кто перебросить камнемъ, кто перескочитъ черту, кто попадетъ въ серебряную пару, и, когда одинъ побѣдилъ всѣхъ въ играхъ, бросились прочіе цѣловать у него руку, а онъ говоритъ: «ну, ступайте всѣ со мною, и куда я пошлю васъ, хорошенько меня слушайте и исполняйте дѣло.» У Сербовъ за мужество цѣлуютъ у него даже одежу (т. III, № 26). Обязанности и преимущества начальника, какъ и вездѣ, одинаковы. Любопытно въ одной пѣсни: когда дружина просится итти на добычу, начальникъ предостерегаетъ ихъ, что опасно, и прибавляетъ: «а если мы тамъ погибнемъ или получимъ тяжелыя раны, не могите проклинать мою душу (т. III, № 64).»

Начальникъ главный.

Названіе начальника, древнѣйшее у Сербовъ и общее у Болгаръ, есть *воевода*; но, кромѣ того, и самое употребительное у Сербовъ, — *харам-баша* (глава хараміевъ) или, рѣже, *чето-баша* (глава четы). Въ Сербіи, если даже сойдутся только два хайдука, непремѣнно уже одинъ — харам-баша.

Байрактаръ.

Хотя воевода часто самъ несетъ байракъ или барякъ, то есть знамя, непремѣнный сопутникъ дружины, но большею частію и преимущественно существуетъ для этого особое лицо, — *байрактаръ*. Имена байрактарей столь же славны въ поэзіи, какъ и имена воеводъ. Этотъ избранный часто одинъ ведетъ дружину, по смерти воеводы

заступаетъ его мѣсто, а убитъ онъ, — сербскіе хайдуки въ разстройствѣ, а Турки разбѣгаются (т. III, № 46). Онъ ближайшій совѣтникъ воеводы, нерѣдко его предостерегающій и останавливающій; воевода Ненчё, желая оказать самую большую почесть Стояну, назначаетъ его байрактариномъ. Съ нимъ идетъ рядомъ *кючюкъ-байрактарь*, малый, вице-байрактарь, заступающій его мѣсто; тоже самое значитъ у Болгаръ и Сербовъ *ямакъ*. Чтобы собрать дружину на подвигъ, въ извѣстномъ мѣстѣ водружается байракъ, иногда въ сопровожденіи выстрѣла или другаго сигнала. Красный или зеленый, — болѣе обыкновенный цвѣтъ байрака; на древкѣ сверху какое либо украшеніе, съ кистями, шнурами: оно повертывается по вѣтру, а кисти бьютъ по шапкамъ собравшихся подъ знамя (т. III, № 60, 61). Какъ подъ байракъ не пускаютъ «рдю,» то есть всякую дрянь (т. III, № 41, 42), а «по избору,» такъ его отнимаютъ тотчасъ у недостойнаго; Тала, сробѣвши, велѣлъ вернуться дружинѣ, а одинъ говоритъ: «несчастный ты Тала, глупо тебя хвалятъ! Тебя хвалятъ, что ты добрый юнакъ, а ты плохъ, да хуже тебя нѣту! Ни юнакъ ты, ни изъ юнаковъ: отдай байракъ тому, кто рожденъ для него, а самъ воротись къ своему Яйцу, да стереги тамъ коровъ (т. III, № 47).»

Караулинъ.

За тѣмъ слѣдуетъ *караулинъ*, или просто *караулъ*, тотъ, который стережетъ врага, служитъ соглядатаемъ, является вѣстникомъ, по сербски «чува стражу» или «караулу.» Какъ всякая нечаянность для первобытнаго представленія, такъ и вѣстникъ является страшнымъ, «страшенъ юнакъ,» при чемъ нужно вспомнить, что слова *страхъ*, *страшный*, *стражъ* и *строгій* совпадаютъ не только по смыслу, но даже, кажется, и по корню. Потому общее дѣло хайдуковъ, — стеречь дорогу, выражается оборотомъ «на страшну мѣсту постаяти», и планина, въ которой стерегутъ хайдуки, называется «планина страшна од хайдуке (т. III, № 41)». По пѣснямъ, караулинъ стережетъ обыкновенно, взлѣзая на ель или ближайшую возвышенность. Самый развитой мотивъ, — явиться ему, застать дружину за ѣдой и питьемъ, и, съ гомерической простотой, ругнуть воеводу, на примѣръ: «третій караулъ появился, во рту несетъ ножъ булатный, бѣжитъ издалека и кричитъ: Страилъ, страшный воевода! Страилъ, свинья деbелая! Страилъ, буйволъ! Страилъ, загорскій медвѣдь: ты все еще ѣшь и пьешь? А насъ настигла погоня, сколько въ лѣсу листьевъ, сколько травы въ полѣ: не жалко тебѣ насъ и нашего юначества?»

Конечно, всѣ три показанныя должности отправляются иногда всѣми дружинниками, или кѣмъ пришлось, особенно при малочисленности.

Названіе дружинниковъ.

Самое обыкновенное и простое названіе членовъ дружины, кромѣ *хайдуковъ*, *хараміевъ*, и т. п., есть *юнаки* и *момки*, при чемъ первое названіе нѣсколько важнѣе: «юнаци като зли вълци, момчета като вълчета.» Вообще *юнаки*=удальцы, молодцы, *момки*=парни, ребята. Потомъ *дружина*, съ постояннымъ болгарскимъ эпитетомъ *вѣрна*, *сговорна*; даже во множественномъ, *дружины*; *други*, *дружба*, *дружбина*, *друкиница*, *дружство*, особенно у Сербовъ; *чета*; *братья*; въ отношеніи къ старшимъ *дѣти*.

Причины, пораждающія хайдуковъ. Ихъ отношенія къ обществу.

Причины, по которымъ народъ идетъ въ хайдуки, могутъ быть конечно разныя. Общая и главная причина — владычество Турокъ и возникшій отсюда порядокъ вещей, стѣснительный для народонаселенія: но причина эта получаетъ самыя разнообразныя примѣненія. По мѣрѣ движенія турецкихъ завоевателей въ глубь Сербіи и Болгаріи, они встрѣчали тамъ и сямъ отпоръ въ воеводахъ и удальцахъ. Тамъ, гдѣ останавливался шагъ Турка, образовывалась тотчасъ крайна и на завѣтную межу собирались окрестные храбрецы. Мы видѣли, что это были прежніе воеводы, дѣти ихъ, потомки сильныхъ и богатыхъ родовъ, домовладѣтели, собственники. Но мало по малу турецкое владычество превозмагало, равняя всѣ сословія, роды, мѣстности: вмѣстѣ съ этимъ хайдуки появились всюду; кромѣ общей ненависти къ Туркамъ, не было какихъ либо цѣлей другихъ общихъ и общественныхъ: у каждаго была своя частная цѣль, своя личная причина. Такъ какъ общество состояло уже въ полной зависимости отъ Турокъ, то всѣ, выходившіе отсюда, непремѣнно отдѣлялись уже отъ общества, представлялись выходцами, ускоками. Въ глазахъ турецкихъ правителей они теряли уже всякое право, какое имѣли прежде въ обществѣ: и только тихомолкомъ народонаселеніе сознавало, что это его лучшія силы и надежды, а потому тайкомъ и въ своемъ убѣжденіи признавало за ними права, давало пріютъ, хранило семейства. Однако развитіе шло еще далѣе: враждуя съ Турками, Славяне воспитывали вражду и ко всему порядку и устройству, принятому или допущенному турецкой властью, ко всѣмъ наконецъ, ко-

торые привыкали къ этому порядку, его поддерживали, были кнезами, кметами, или даже дружились съ Турками; такимъ образомъ забывалась главная причина, выступала уже просто вражда къ обществу, поддерживаемая или пораждаемая неудачами, личными оскорбленіями, потерями, и т. д. Съ другой стороны, человѣкъ, пошедшій въ хайдуки, даже съ самыми лучшими цѣлями и по причинамъ болѣе высокимъ, одинъ разъ оторвавшись отъ общества и всякой власти, привыкалъ жить разбоемъ и дѣлать зло, мало по малу. Слѣдовательно онъ становился уже врагомъ собственныхъ соотечественниковъ, родичей, селянъ, горожанъ, и общество, помимо даже Турокъ, начинало его бояться и отвергать, какъ недостойнаго члена. Тѣмъ не менѣе, истинное значеніе хайдука, основанное на противодѣйствіи Туркамъ и первоначальной исторіи ихъ появленія, оставалось всегда въ идеѣ: они всегда должны были отличаться отъ воровъ и мошенниковъ, и нѣтъ страшнѣе обиды для хайдука, какъ если бы кто назвалъ или доказалъ бы, что онъ *лоповъ* или *пржибаба*: лоповъ тоже, что *лупежъ*, воръ, мошенникъ; *пржити* = наше старинное *пряжити*, печь, жарить: кто печетъ бабъ, обижаетъ женщинъ, вынуждаетъ къ признанію, гдѣ деньги, имущество. Если кто сдѣлался хайдукомъ, обыкновенное выраженіе *оде*, *отиде*, имѣетъ еще при себѣ техническія: у Болгаръ *отбилъ ся е*, у Сербовъ *одметну се*, *одбеже*, или еще *одврже се*; «*одврть тю се* у хайдуке» = отвергнуться, отвернуться, отвертѣться, по корню одинаково съ нашимъ стариннымъ *заворовáться*. Посмотримъ по пѣснямъ на нѣкоторыя частныя побудительныя причины. Стоянъ у Болгаръ пошелъ въ хайдуки послѣ проклятія матери; по той же причинѣ Янка сдѣлалась лодочницей по Дунаю; Новакъ ушелъ потому, что не могъ заплатить дани, наложенной на округъ. Радой, послѣ долгаго плѣну у Турокъ, не вернулся уже домой, а засѣлъ въ лѣсу Добрицы; появленіе его обозначается выраженіемъ любопытнымъ: «воевода излѣзла.» Михатъ «отметнулся въ лѣсъ зеленый отъ притѣсненій и обидъ бега Любовича: съ голоду ѣлъ черную землю, отъ жажды съ листа пилъ воду (т. III, № 63).» Бѣдность и надежда въ хайдукахъ поживиться, одна изъ самыхъ частыхъ причинъ. Баё Пивлянинъ пишетъ письмо на равное приморье Турчину Хаджи-Ришнянину: «помнишь ли ты, торговалъ я въ приморьѣ скотомъ, а ты былъ сборщикомъ податей? я пригналъ воловъ къ морю, а ты не хотѣлъ взять съ нихъ ни по грошу, ни по дукату: вошелъ ты къ нимъ въ середину, да повыбралъ самыхъ лучшихъ и сбавилъ мою цѣну; зло я тогда истратился, домъ свой

разстроилъ и въ лѣсу харамбашей сдѣлался. Теперь у меня тридцать хайдуковъ, у меня и моего Лима: ну-ка, скуй ты мнѣ тридцать бляхъ изъ чистаго серебра, тридцать бляхъ на тридцать юнаковъ; а мнѣ скуй и моему Лиму бляхи изъ сухаго золота: пусть знаютъ, что мы съ нимъ харамбаши. А не хочешь мнѣ послать того, выходи на поединокъ юнацкій: чтó кому дастъ Богъ и счастье! (т. III, № 67).» Для пріятеля его, Лимуна, врагомъ былъ тотъ же Ришнянинъ: выпросилъ онъ себѣ дѣвушку въ Митровицѣ за Савой и ѣдетъ за сватами въ Рисанъ. На дорогѣ настигаетъ онъ Лимуна торговца, Лимунъ гонитъ тысячу воловъ и богатѣйшее на немъ оружье. Остановился сборщикъ податей: «Лимунъ, приморскій торговецъ! Славное у тебя, свѣтлое оружье! Если бы ты мнѣ такое сдѣлалъ, я бы тебѣ далъ тысячу дукатовъ.» Отвѣчаетъ торговецъ: «клянусь тебѣ Богомъ: послалъ я воловъ къ Венеціи; какъ продамъ ихъ тысячу, куплю тебѣ свѣтлое оружье, оправлю въ Задрѣ и перешлю тебѣ на краину въ Рисанъ.» Ришнянинъ попросилъ примѣрить, да какъ надѣлъ все оружье, отправился прямо по полю. А бѣдный Лимунъ за нимъ гонится: «молю тебя Богомъ, какъ брата: не уноси у меня свѣтлаго оружья; вотъ тебѣ моя твердая вѣра, какъ продамъ воловъ, сдѣлаю тебѣ еще лучше, сдѣлаю и подарю.» А Турокъ: «прочь, поганецъ, а то твоимъ же ружьемъ погублю тебя!» Лимунъ вернулся къ воламъ, сталъ да и говоритъ въ слѣдъ: «носи оружье, Хаджи-Ришнянинъ! Я хорошо знаю, куда ты ходилъ: выпросилъ ты себѣ дѣвушку на Савѣ. А вотъ тебѣ твердая клятва: не обнимешь дѣвушки въ своемъ Рисну, пока живъ я и здоровъ. Далеко отъ моря до Савы: гдѣ ни будь да встрѣтимся. Продамъ воловъ, сдѣлаю себѣ оружье еще лучше. Но ужъ торговать не буду больше: есть у меня побратимъ по Богу, въ Перастѣ Баё Пивлянинъ; у него дружины за сто человѣкъ, поверпусь я къ нему въ хайдуки, соберу себѣ столько же товарищей, да и буду ждать тебя въ Корытахъ.» Слово было сдержано (т. III, № 68). Изъ за дѣвушекъ, когда въ нихъ откажутъ или кто перепроситъ, отниметъ, очень часто шли въ хайдуки: таковъ былъ хайдукъ Плетикоса Павелъ, избившій всѣхъ сватовъ и отнявшій дѣвушку, которую прежде не дала ему мать (т. III, № 74).

Поступленіе въ дружину.

Хайдукъ уходитъ изъ селенія одинъ, но онъ или самъ скоро набираетъ дружину, если извѣстенъ, или пристаетъ уже къ готовой.

У Болгаръ для этого являются особыя «сбирнины», и большею частію возлѣ колодцевъ, фонтановъ, водоемовъ, которыхъ, по необходимости жаркаго климата, по древнимъ вѣрованіямъ Славянъ и требованіямъ магометанскихъ омовеній, такая пропасть въ горахъ и по дорогамъ турецкихъ владѣній: здѣсь же у болгарскихъ хайдуковъ назначаются обыкновенно мѣста свиданій, сигналы, и т. д.,—особенность, которую не встрѣчаемъ на такой степени развитія въ Сербіи. И такъ хайдукъ дѣйствуетъ часто самъ по себѣ, но большею частію собираетъ дружину или поступаетъ въ число ея. Большая часть пѣсень начинается именно тѣмъ, что «такой-то пособралъ дружину» и пустился на подвиги. Собираютъ, какъ сказано, подъ байракъ, но не всѣхъ, кто попадется, а по отбору, при чемъ въ сербскихъ пѣсняхъ употребляютъ слѣдующій пріемъ, тотъ же самый, который употребляется и для испытанія мужества передъ походомъ: Комненъ байрактарь собралъ дружину; Тадія говоритъ имъ: «братья моя и дружина моя! Не родила ли мать такого юнака, который пошелъ бы къ пастуху, да принесъ бы отъ него «овна деветака (девятигодмаго)» и добраго козла семи лѣтъ, на ужинъ дружинѣ?» «Всѣ юнаки, продолжаетъ пѣсня, никомъ поникнули и въ черную землю поглядѣли; не глядитъ только Іованъ Которецъ, онъ вскочилъ на легкія ноги, принесъ барана и козла. Обоихъ Тадія живыхъ ободралъ и пустилъ на рубленые еловые сучья; сучёкъ задеретъ, — кричитъ козелъ благимъ матомъ, а баранъ молчитъ, не даетъ голосу. Тогда говоритъ Іованъ: «Тадія, голова четы нашей! За чѣмъ ты пустилъ ихъ ободранныхъ?» Отвѣчаетъ Тадія: «видите ли, дорогіе мои братья? Какова мука на скотину, еще больше мука у Турокъ на нашего юнака, если схватятъ его; кто можетъ поднять эти муки, пусть молча идетъ черезъ гору, какъ ободранный баранъ; а кто не можетъ, отъ меня ему Богомъ прощенье, пусть воротится въ Сѣнь на краину!» Вскочилъ онъ на легкія ноги, схватилъ по середкѣ ружье, пошелъ прямо въ гору. Обозрѣлся Іованъ Которецъ, а десятеро друзей повернуло. Говоритъ онъ Тадіи: «эхъ, Тадія, за чѣмъ напугалъ дружину? Десять друзей убѣгло.» Отвѣчаетъ Тадія: «пусть ихъ бѣгутъ, побратимъ дорогой! Если испугались они живаго ободраннаго козла, какъ бы встрѣтили они завтра Хасанъ-агу Куну, съ его тридцатью краишниками, огонь живой-краишниками?» Черезъ нѣсколько шаговъ еще, остался десятокъ, а потомъ только тройка: «не бойтеся, дорогіе мои братья, приговариваетъ воевода; что дѣлаютъ тридцать юнаковъ, то могутъ сдѣлать три добрыхъ юнака, если будетъ намъ доброе счастье

(т. III, № 39).» Такого рода испытаніе повторяется очень часто, на разные лады. Въ болгарской пѣсни, желающій поступить въ дружину приходитъ къ извѣстному колодцу: тамъ сидитъ воевода Милошъ, смотритъ въ книгу и по перечню спрашиваетъ юнаковъ. Новоприбывшій проситъ записать и его въ книгу, но на низшую службу, носить на дружину воду. «Смотри, говоритъ Милошъ: ты еще молодъ, глупенекъ; пожалуй, чего испугаешься!» Слѣдуетъ еще испытаніе, идутъ предъ воеводу Страшила: «а Страшилъ, страшный воевода, губы вздернулъ къ небу, очи положилъ въ землю, и страшно на всѣхъ смотритъ.» Всѣ юнаки потупились: не испугался только испытуемый. — Когда воевода собралъ дружину, а добычи долго нѣтъ, то хайдуки обыкновенно ропщутъ или просятся распустить ихъ по мѣстамъ, откуда они собраны. Вишничь Іованъ поклялся собрать тридцать хайдуковъ, уйти въ гору и выждать тамъ Воина торговца. «Ждалъ онъ отъ Юрьева дня до Петрова; насталъ и Петровъ день, — ни Воина, ни вѣсти объ немъ. Тогда жалуются тридцать друзей при колѣнѣ Вишнича Іована: «Іованъ, харамбаша нашъ! извелись мы отъ голода и жажды, поржавѣло наше свѣтлое оружье, дожидаючи въ горѣ добычи, а добычи все нѣту!» Отвѣчаетъ Іованъ: «постойте вы, тридцать друзей моихъ! Куда ушли три мѣсяца, пусть уйдутъ еще и три недѣли туда же, до Ильина дня свѣтлаго, подождемъ торговца дотолѣ; а не будетъ его и тогда, воротимся уже къ нашему Сѣню.» (т. III, № 43).

Отношенія дружинъ между собою.

Если въ подобномъ случаѣ одинъ харамбаша пригласилъ на помощь другаго, то дружина хотя и терпитъ, но воевода проситъ уплаты за отсрочку. Такъ случилось съ Гаврановъ: онъ позвалъ на помощь Лима и давалъ вѣсть, чтобъ тотъ прибылъ какъ можно скорѣе. Въ ожиданіи его, «Гавранъ подъ елью столъ поставилъ, ѣдятъ хлѣбъ, пьютъ вино; а какъ пришелъ харамбаша Лимо, называлъ онъ Божью помочь, всѣ вскочили предъ нимъ на ноги, разставляютъ руки, цѣлуются въ щеки, распросили о своемъ легкомъ здоровьѣ, засѣли за готовый столъ, ѣдятъ хлѣбъ, пьютъ вино, а сами поглядываютъ все на дорогу вдоль горы. Но вотъ посмотрѣть бы тебѣ на муку и нужду-то! Врага все нѣтъ какъ нѣтъ, не стало хлѣбца и краснаго винца, въ мѣшочкѣ вкуснаго кушаньица. Сидѣли три, четыре дня, ни одинъ не попробовалъ хлѣба, ни вина краснаго. До-

садиja юнацкiй пуна, но юнаки терпеле каmня, терпятъ голодъ и юнацкую жажду, никто ни слова не скажетъ. За то не терпитъ харамбаша Лимо, грубо говоритъ побратиму: «знаешь ли ты, малый, не знали бы тебя люди! Знаешь ли ты? Если бы я къ тебѣ прислалъ такое письмо, какое прислалъ ты ко мнѣ, давно бы уже мы дѣлили деньги, либо дружина обертывала бы свои раны! А ты меня сбилъ да заманилъ на такую даль, на краину, заморилъ и меня, и дружину мою голодомъ и жаждой; расплачивайся живо со мной и дружиной: всякому по тридцати дукатовъ, а мнѣ старику цѣлыхъ сотню! А не хочешь удовлетворить, клянусь тебѣ всѣмъ, что есть на свѣтѣ! Тяжело стало плечу моему отъ пестраго ружья: а ружье у меня не малое, а въ немъ двѣнадцать пулей, а въ каждой пулѣ не мало вѣсу, а съ порохомъ еще больше; высыплю я изъ ружья въ твою грудь, выжгу я, прожгу твое сердце: будетъ сквозь него свѣтиться солнце (т. III, № 42)!» Впрочемъ, и сверхъ этихъ крайнихъ случаевъ, дружина часто ропщетъ и не слушается воеводы; на оборотъ воевода, предпринимая что либо, уговариваетъ дружину, и, если уже она трусить, крикнетъ только — «экая дрянь у меня дружина!», да и пойдетъ одинъ, но мы не встрѣчали примѣра, чтобы наказывалъ чѣмъ. Конечно отношенія бывали различныя: иногда при первой неудачѣ дружина расходится; иногда воевода обязанъ доставать ей одежду и добычу, и, при неудачахъ, доходитъ она до крайней бѣдности: походивши съ братомъ Стояна, Иваномъ, «хайдуки плачутъ и воютъ; ружья у нихъ на голыхъ плечахъ, пистолеты на голой груди, сумки съ порохомъ на голыхъ бедрахъ.» По одной сербской пѣсни, до того они измерзли разъ на холодѣ, что рѣшились зайти въ церковь, въ горахъ, и зажгли утварь: но за то дали обѣтъ, при наступленіи лѣта все вознаградить (т. III, № 59).

Нравственность хайдуковъ; ихъ обычаи, скрѣпляющіе дружину.

Дѣло въ томъ, что они отличаются въ Сербіи своего рода благочестіемъ, равно какъ и въ Болгаріи: молятся Богу, постятся, говѣютъ, и т. д. Такъ въ Ильинъ день, рано утромъ, мы застаемъ Вишнича подъ зеленою елью, съ молитвой, ибо у южныхъ Славянъ обычай—если не въ церкви, молиться подъ высокимъ деревомъ. Индже-воевода, умирая, завѣщаетъ часть денегъ въ Хилиндарскій монастырь. Поминовеніе умершихъ считается у нихъ одною изъ главныхъ обязанностей: у воеводы Головрапа погибла половина дружины; «тотъ,

который погибъ, а на дому есть у него старая мать, мать ли, или вѣрная жена, или братъ, или сестра родная, имъ Головранъ отдѣлилъ по ровной долѣ, также какъ и себѣ, изъ добычи; а у какого юнака нигдѣ нѣтъ никого, тому выдалъ онъ за его душу, каковъ законъ есть въ вѣрѣ Христьянской (т. III, № 41).» Вотъ почему добычу дѣлятъ обыкновенно на живыхъ и мертвыхъ (т. III, № 42). Комненъ байрактаръ пустился на опасное дѣло и долго пропадалъ; возвращается съ побѣдой, идетъ въ верхніе покои: «вотъ ужъ поглядѣлъ бы ты на чудо великое! Иво Сѣнянинъ собралъ всѣхъ Сѣньскихъ юнаковъ, всѣхъ господъ, и старыхъ, и молодыхъ: творитъ онъ Комнену поминки; выпиваютъ заупокойную чашу, за Комненову душу: Богъ да проститъ Комненъ-байрактаря (т. III, № 26)!» Въ борьбѣ противъ лютаго врага, необходимость тѣснаго и надежнаго союза привела къ извѣстному обычаю *побратимства*, а обычай скрѣплялся Церковію: извѣстно, что въ Малороссіи, Сербіи и Болгаріи, да вѣроятно и въ другихъ славянскихъ земляхъ, хранятся старинные Требники съ особыми молитвами на этотъ случай, сопровождавшимися крестнымъ цѣлованіемъ и обмѣной крестовъ. Болгарская пѣсня (въ Изв. Акад.) разсказываетъ, что только лишь увидѣлъ Марко въ Докатинцѣ истиннаго героя, какъ тотчасъ пригласилъ его въ Церкву, гдѣ они другъ другу клялись.—Обычай этотъ такъ важенъ, что мы не считаемъ лишнимъ указать нѣкоторые отдѣлы и виды его, существующіе въ Сербіи и Болгаріи. Черногорцы до сихъ поръ братимятся въ Церкви. Начало обычая, съ узаконеніемъ Церковію, восходитъ ко временамъ перваго сознанія турецкаго тяжелаго ига, стало быть 1) ко времени хайдуковъ, у которыхъ особенно свято и соблюдается; 2) когда кто, видя тяжкой сонъ, закричитъ вдругъ: «будь мнѣ по Богу братъ!» 3) при всякой нуждѣ и важной прозьбѣ братимятъ Богомъ и, всего чаще, святымъ Иваномъ; 4) въ Церкви нынѣ этотъ обрядъ совершаютъ чаще всего женщины и дѣвушки; разхворавшись берутъ какого либо молодца, идутъ въ церковь, тамъ наложатъ крестъ и читаютъ молитву; если послѣ того воротится здоровье, молодца считаютъ братомъ; этотъ обычай встрѣчается у Болгаръ; 5) обычай такой же, какъ и у насъ, только у Сербовъ онъ совершается во второй понедѣльникъ послѣ пасхи, а у насъ чаще въ Троицынъ день. По сербски называется онъ *дружичало*, въ Сремѣ *ружичало*, въ Банатѣ *побушени понеделник* (покрытый дерномъ). Мужчины, но болѣе женщины, передъ полднемъ идутъ на кладбище и могилы того года покрываютъ дерномъ. Послѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, моло-

дежь и дѣвушки соберутся послѣ полдня вмѣстѣ, играютъ и *дружичаются*, мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и на Руси, то есть: сплетутъ кружки или вѣнки изъ молодыхъ вѣтвей, да сквозь нихъ и цѣлуются, иногда мѣняются яйцами, вѣнками, и т. д. Мужчины клянутся быть *побратимами*, женщины *дружками*, что сохраняется въ теченіе года, особенно при играхъ; съ слѣдующимъ годомъ возобновляютъ старое или ищутъ новаго. Извѣстно должно быть, что къ этому обычаю относится на Руси весь тотъ разрядъ пѣсень, который въ началѣ своемъ имѣетъ строфы: «веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ, онъ пьетъ—не пьетъ,» и проч. При словахъ: «вы кумушки, голубушки, кумитеся, любитеся,» и проч., начинается кумовство, при поцѣлуяхъ сквозь вѣнки. Строфа, которую поютъ при этомъ случаѣ въ Орловской губерніи, заставляетъ предполагать, что у насъ было кумованье и во снѣ, подобно Сербамъ: «кума покумися, во снѣ не бранися.» Впрочемъ кумованье имѣетъ у Сербовъ уже свои особые виды. 6) Одномѣсячники, *едномесечити*, называются сестры или братья, которыхъ день рожденія совпадаетъ въ одномъ мѣсяцѣ. Когда одно изъ этихъ одномѣсячныхъ лицъ женится или выходитъ замужъ, тогда другое не смѣетъ быть въ домѣ, не смѣетъ и ѣсть приготовленнаго къ свадьбѣ. Когда одно изъ нихъ умретъ, ногу мертваго и ногу другаго живаго вкладываютъ въ одну петлю; живой подзываетъ кого либо и проситъ выпустить: съ тѣхъ поръ они *побратимы*. Разумѣется, по всѣмъ этимъ разрядамъ можно не только побратать, но и *посынить*, *поотчить*, *посестрить*, *поматерить*. По всему видно, что начало обычая восходитъ во времена древнѣйшія: но его развитіе и форма узаконенія Церковью принадлежитъ безъ сомнѣнія первымъ временамъ хайдуковъ.—Возвращаясь къ благочестію хайдуковъ, находимъ его постоянно при началѣ подвиговъ, ибо при этомъ считается необходимымъ «помянуть Бога истиннаго.»

Рѣчи начальниковъ.

Любопытно обратить вниманіе на рѣчи, произносимыя воеводами предъ началомъ битвъ; приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «братья мои, не пугайтеся; выставьте долгія ружья и ступайте со мной подъ гору, въ тѣсные проходы; устройте земляные окопы, камнями заслоните груди и высуньте ружья; тутъ подождемъ мы отрядъ врага. Братья мои и дружина по всему ряду! Смотрите, не уязвила бъ кого змѣя, не выпалилъ бы онъ изъ ружья, прежде чѣмъ выпа-

литъ перво: мое!» За этимъ слѣдуетъ распредѣленіе, въ кого мѣтить (т. III, № 42). «Пока не ударитъ ружье мое, не моги никто ружья выпалить; а какъ мое ударитъ, валяйте всѣ разомъ. Тогда помяните единаго Бога, схватите острое желѣзо и разомъ вылетайте всѣ на дорогу. А потомъ—что Богъ дастъ и счастье отъ Бога (т. III, № 43)!» Видно, что искусство говорить рѣчи было развито и не всѣ одинаково въ немъ отличались: Ерко Латинецъ убѣдилъ Луку Головрана собрать наилучшихъ юнаковъ и итти опустошать «землю Италію.» У берега засѣли всѣ въ большую лодку: «на юнаковъ вино навалило; опились всѣ, какъ земля черная, а заснули,—какъ бы померли. Тутъ вскочилъ Ерко Латинецъ, да и отпихнулъ ладью отъ берега. Момки очнулись отъ вина, а лодка ужъ на срединѣ синяго моря! Невесело имъ стало, хотятъ молодые поскакать въ море. Говоритъ Лука Головранъ: «побратимъ, Ерко Латинецъ! Запой что ни будь, братъ, разговаривай братьевъ, чтобы не скакали они въ море.» Ерко началъ пѣть: «не бойтеся, дорогіе мои братья! На то и родили насъ матери,—или добыть, или погибнуть!» Юнаковъ то еще больше разжалобило, еще грустнѣе они сдѣлались. Разсердился Лука, выхватилъ саблю окованую, отсѣкъ Ерку голову, а самъ началъ: «не бойтеся, дорогіе мои братья! Матери старыя, сами себя пропитайте: Богъ милостивъ, воротятся сыновья! Жены наши, вы не ходите за другихъ: милостивъ Господь, вернутся хозяева! Сестры наши, платки вышивайте: Богъ добръ, придутъ ваши братья, наносятся платковъ шитыхъ!» Пѣсня прибавляетъ: «здраво и мирно прошли синее море (т. III, № 41).»

Отношенія къ начальникамъ.

За то и привязанность дружины къ храброму воеводѣ описывается яркими красками; вотъ его появленіе къ дружинѣ: «заскакалъ юнакъ вдоль по горѣ, прямо по здорову пришелъ къ дружинѣ; онъ дружинѣ Божью помочь призываетъ, а дружина ему «здоровье» подхватила. Но смотри-ка Илью Смилянича: онъ подаетъ ему полную чашу вина, чашу «добродошлицу»; принялъ чашу Стрянъ Янковичъ наздравляетъ по порядку дружинѣ, приговариваетъ при питьѣ, что только лучшаго знаетъ (т. III, № 23).» Умилительно изображаетъ эти отношенія болгарская пѣсня: «Стоянъ пособралъ дружину, и вѣру, и клятву сотворили: когда въ путь пойдемъ, кто боленъ разболѣется, по очереди будемъ смотрѣть за нимъ, на рукахъ будемъ носить его. Разболѣлся младъ Стоянъ, и на рукахъ носили его отъ

Свѣтлаго дня до Ильина дня; нигдѣ никакой добычи не брали, нигдѣ не дѣлали нападенія. Говоритъ дружина Ивану: «Стояновъ братецъ Иванъ! не во гнѣвъ тебѣ, хотимъ оставить батюшку.» «Дружина вѣрная, сговорная! Не оставляйте батюшку, вѣдь мы вѣрою клялись ему. Дружина, возьмите его, носите на рукахъ по очереди; отнесемъ его, дружина, къ лѣсу Карнабатскому: тамъ у насъ нива посѣяна доброю желтой пшеницей; какъ придутъ жать нивы, авось либо найдутъ батюшку.» Отнесли они Стояна и оставили на нивѣ. Всѣ-то голосятъ и плачутъ: «Стоянъ, изстари воевода, отъ стараго времени ты остался! Стоянъ, простишь ли ты насъ въ клятвѣ нашей вѣрою?» Грустно смотритъ на нихъ Стоянъ, махаетъ правою рукою: «будь вамъ прощенье, дружина!»—Конечно, если воевода подвизался одинъ, или байрактарь, онъ потомъ не дѣлится съ дружиной (т. III, № 26). Въ противномъ случаѣ дѣлятъ все по ровну, «торбоноши получаютъ равную часть, какъ и харамбаши (т. III, № 43).» Вотъ картина раздѣла: «отбѣжалъ Ненадъ отъ своей старой матери, прибѣжалъ къ лѣсу въ хайдуки, хайдуковалъ три годины. Былъ онъ юнакъ мудрый и разумный, и счастливый всюду на единоборствѣ; сдѣлала его дружба старѣйшиной, старшилъ онъ три года. Только стало молодому жаль матери, дружеской братьѣ говоритъ онъ: «дружбина, мои братья дорогіе! Жаль мнѣ стало матери: давайте мы, братья, дѣлить имущество, да пойдемте каждый къ своей матери.» Охотно послушала его дружбина. Какъ только кто по очереди высыпаетъ деньги, тяжко клянется надъ ними, кто братцемъ, а кто сестрицей. А когда Ненадъ высыпалъ свои деньги, говорилъ онъ братьѣ-дружбинѣ: «нѣтъ у меня брата, нѣтъ у меня сестрицы. А клянуся я вамъ Богомъ единымъ! Чтобы правая рука не отсохла! Чтобы доброму коню грива не отпала! Чтобы вострая сабля не заржавѣла! Нѣтъ у меня болѣе денегъ (т. II, № 16).»

Алчность хайдуковъ.

Бывали они и богаты, но, разумѣется, еще болѣе бывали алчны. Подробности одной пѣсни ярко характеризуютъ ихъ дѣйствія: «протужило тридцать пять друзей при колѣнѣ Михата харамбаши: «ты Михатъ, наша поглавица! Всюду ходили мы, Босну исходили; гдѣ знали дворы, — ограбили, гдѣ нашли деньги, — унесли. А остались намъ одни дворы, — красные дворы Любовича спахіи, у того ли Невесиня, а въ нихъ, сказываютъ, дивное имѣнье!.» Говоритъ имъ Михатъ харамбаша: «вѣдаю, братья, и я о дворахъ тѣхъ;

легко можемъ къ нимъ добраться; только если же мы тамъ загибнемъ или тяжкія раны получимъ, не могите вы клясть мою душу. А добудемъ имѣнье, братски раздѣлимъ его.» Отправились, спахіи не было дома, ушелъ онъ въ Хорватію добывать плѣнныхъ. «Подъ вечеръ хайдуки подошли близко къ воротамъ и одинъ изъ нихъ зааукалъ: «ахти мнѣ, Боже мой милостивый! какъ я буду горькая рабыня вѣкъ вѣковати? Доберутся до меня завтра бабы, заставятъ мыть блюда и ложки, служить имъ вѣковую службу.» А Михатъ взялъ трехвостную плеть и стегаетъ спорядъ всѣхъ хайдуковъ: воютъ они, какъ горныя вилы, жалостно воютъ, какъ рабыни. Услыхала госпожа на башнѣ, подзываетъ рабу Куирію: «встань поскорѣе, раба Куирія! отвори ты ворота на дворъ: воротился мой спахія, привелъ рабынь племенитыхъ, тебѣ на перемѣнку, мнѣ на вѣрную службу.» Отвѣчаетъ Куирія рабыня: «не смѣю, барыня, хоть убей меня! боюсь я, лѣсные это хайдуки; когда спахія выдетъ изъ Хорватской, онъ пошлетъ тебѣ за день вѣсти, чтобы ты его къ ужину дожидалась.» А хайдуки все ревутъ не умолкая. Разлютилась госпожа Любовича, ударила рабу Куирію рукой по щекѣ, слетѣла сама съ башни, отворяетъ ворота на дворъ; какъ увидала, что это хайдуки, показала плечи и пустилась было бѣжать; не далъ ей Михатъ убѣжать, ухватилъ ее, а за нимъ тридцать пять хайдуковъ; выхватили тяжелыя дубины, люто замахиваются на госпожу, замахиваются, а не ударяютъ. Взяла ее лютая лихорадка.» Тѣми же угрозами заставили ее показать одинъ за другимъ сундуки; въ третьей кладозой, въ углу, была наконецъ буйволова кожа съ латинскими рупіями. Говорилъ тогда харамбаша: «братья мои, вотъ тутъ есть чѣмъ поживиться хайдукамъ. Нагружайтесь-ка товаромъ, да не перегрузите; нужно оберегаться на случай погони изъ Босніи.» Выпроводилъ Михатъ дружину, самъ назадъ снова воротился: «сестрица моя, госпожа Любовича! Ожидала ли ты гостей? Не приготовила ли ты брату ужина?» «Михатъ, дорогой побратимъ! Ожидала я гостей, а такихъ не ждала никогда во всю жизнь мою; для тебя я приготовила ужинъ.» Сѣлъ Михатъ съ госпожею ужинать, мало Михатъ ужиналъ, заплакалъ онъ отъ своего дьявольства: «сестрица моя! прошло лѣто, злая зима пришла; изба хайдуку — плащъ его, а у меня нѣтъ плаща; принеси-ка мнѣ плащъ, да еще ужъ ружье, да саблю; пора мнѣ идти, ждетъ дружина; принеси поскорѣй, пока они не вернулись, а то еще больше будетъ бѣды.» Принесла госпожа: обернулся Михатъ плащемъ, повѣсилъ ружье на плечо, припоясалъ саблю, и цѣ-

-lyеть госпожу въ щеку; а подъ горломъ у ней три нитки, — одна съ мелкимъ бисеромъ, другая съ дорогими каменьями, третья съ латинскими рупіями; цѣловавши ее въ щеку, отрѣзалъ у ней Михатъ всѣ три нитки, пустилъ себѣ въ карманы и прощается: «оставайся съ Богомъ, сестрица! я скоро опять буду (т. III, № 64).» Въ болгарской пѣсни (Изв. Акад.), какъ только увидала Али-беговица Марка, тотчасъ поскорѣе начала рвать съ шеи своей бисеръ и прятать въ карманы, а головной уборъ сунула въ пазуху.

Одежди.

Изстари, какъ мы замѣтили уже выше, переходили у хайдуковъ отъ одного къ другому богатыя украшенья, драгоцѣнное оружіе, и Турки не рѣдко узнавали хайдуковъ по доспѣхамъ своихъ предковъ: «вонъ сабля отца моего, это долженъ быть такой-то хайдукъ (ср. т. III, № 65)!» До самаго послѣдняго времени надѣвали они на грудь бляхи (токи), а кто не могъ ихъ достать, нашивалъ по крайности серебряныя крупныя монеты. Если у Болгаръ отличались они простотою одежи, то у Сербовъ на оборотъ щеголеватостью; до самой послѣдней эпохи имѣли они здѣсь отличія наружныя, особенно шелковыя шапки, съ огромною, падавшею съ одной стороны на грудь, кистью. Таковы-то были эти дружинники, «еднолика срца,» какъ называютъ ихъ сербскія пѣсни.

Число членовъ дружинъ.

Число членовъ отдѣльныхъ дружинъ въ Сербіи обыкновенно простиралось до 30 — 60, рѣдко восходило за сто; краишники имѣли еще менѣе, а иногда двигали съ собою и всю крайну; такъ точно и дружины могли соединяться, по нуждѣ или приглашенію. У Болгаръ обыкновенное число триста. Впрочемъ, при этихъ числахъ, не нужно забывать, что эпическая обычность любитъ извѣстныя суммы единицъ и, одинъ разъ принявши, не затрудняется вездѣ ставить ихъ.

Составъ дружины.

Одна пѣсня весьма наглядно передаетъ пестрый составъ хайдуцкой дружины. «Собралъ юнакъ дружбу: Бойца Вука, роднаго племянника и Жегавца, его племянника; Ивана Мокрополянина; Никиту, воеводу четы; Жеравицу и Помамленицу (шальнаго); Видоя, лютую жеравицу (раскаленный уголь); Наука, стараго хайдука; Луку

Стриогледю (круто-гляда), на которомъ шапка изъ двухъ волковъ, а султанъ изъ сорока перьевъ; Романа, друга вѣрнаго; лютаго Стегу и черваго Гаврана: Стега дозоръ держитъ, черный Гавранъ вяжетъ, а какъ вяжетъ, сердце жмется; Ерка пастуха, который носитъ палку изъ кизиля, въ сухомъ деревѣ семь окъ вѣсу, три кольца на колѣнцахъ — цѣлыхъ девять окъ: посушилъ всѣ деревья по лѣсу (т. III, № 63).» Одни уже имена этихъ господъ хорошо характеризуютъ ихъ.

Направленіе дѣйствій.

Что же дѣлаютъ они и на кого нападаютъ? По сербски они *«чувaю стражу,» «чувaю друма* (дорогу) *кроз планину,»* стоятъ *«на страшномъ мѣстѣ,»* и т. д.; по болгарски *«планинѫ, горѫ или пѫтя вардѫтъ* (стерегутъ, въ связи съ warten; занято Болгарами въ древности изъ общенія съ Готами), *«стражѫ пазѫтъ»*, *«дървенъ вардѫтъ.»* Послѣднее выраженіе очень интересно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи стражу по дорогамъ должны держать сами Болгары, и они-то называются *дървенджии*, содержатели пикета; если такъ дѣлаютъ Турки, хайдуки имѣютъ съ своей стороны полное право содержать пикеты противъ Турокъ, они также «дървенъ вардѫтъ,» и выраженія обѣихъ сторонъ совершенно сходятся, также точно, какъ крaишниками назывались и Турки, и Сербы. На этой-то стражѣ прежде всего, разумѣется, нападаютъ они на Турокъ; послѣ краишниковъ всѣ древнѣйшіе хайдуки имѣли единственно только эту цѣль: вредить сколько возможно Туркамъ, грабить ихъ, отнимать подати, которыя тѣ собирали и везли, проникать въ ихъ домы, даже входить въ города и обманывать турецкихъ чиновниковъ. Потому всѣ тѣ напечатанныя у насъ болгарскія пѣсни, которыя представляютъ хайдуковъ въ битвѣ за султанскую казну, съ пашами, съ аянами городскими, и. т. п., принадлежатъ безъ сомнѣнія эпохѣ относительно древнѣйшей. Но мало по малу хайдуки привыкли нападать на всякихъ торговцевъ, какого бы рода они ни были, на богатыхъ путниковъ, даже на бѣдныхъ; обыкновенный мотивъ хайдуцкой пѣсни, — начальникъ, увидавъ прохожаго, велитъ дружинѣ тотчасъ привести его къ себѣ, кто бы онъ ни былъ. Дѣло дошло до того, что они стали нападать и на села, именно на дома зажиточныхъ сотчичей. Если находили что, отбирали; не находили, а между тѣмъ предполагали спрятаннымъ, они *уцѣнивали* или клали *уцѣну*, то есть брали какой-либо залогъ, члена семейства, назначали принести сумму въ извѣстное мѣсто и

при неисполненіи условія истили и жгли. Однако все-таки истинный хайдукъ рѣдко безъ нужды убивалъ человѣка, развѣ только по какимъ-либо особымъ видамъ мщенія. При такихъ отношеніяхъ къ обществу, становясь для него если уже не врагомъ, то по крайности человѣкомъ страшнымъ или опаснымъ, Хайдуки не могли уже, подобно древнимъ, оставаться въ домахъ своихъ, особенно когда Турки присвоили себѣ судъ и расправу Уходя изъ дому, хайдукъ возвращался и видался съ семействомъ только тайкомъ. Замѣчательно, что всякой изъ нихъ смотрѣлъ на хайдучество какъ на особый подвигъ, и, до самаго послѣдняго времени, воздерживался отъ сношеній съ женщинами въ теченіе своего подвижничества. Къ чести Турокъ нужно сказать, что оставшіяся послѣ хайдуковъ семейства не подвергались преслѣдованію, исключая крайнихъ уже случаевъ. Разумѣется, хайдукъ возвращается иногда изъ лѣсу къ родичамъ: но здѣсь ему опаснѣе, ибо скорѣе могутъ узнать Турки. А потому для этого есть у нихъ особые пріятели, принимающіе ихъ у себя въ селахъ, по имени *ятаки*, отъ слова *ято*, гнѣздо, насѣсть; къ нимъ, по близости, заходятъ хайдуки подъ вечеръ поужинать, у нихъ берутъ себѣ запасу на другой день до вечера, а иногда ятакъ приноситъ имъ пищу на условленное мѣсто.

Зимованья.

Прежніе хайдуки зимовали преимущественно на Далматскомъ приморьѣ, и отсюда уже, весной, разсыпались по Хорваціи, Босніи, Герцеговинѣ, и такъ далѣе. Но въ послѣдствіи, а въ Болгаріи и всегда, для зимованья они выбирали лучшихъ и надежнѣйшихъ изъ своихъ ятаковъ. Здѣсь зимою они лежатъ днемъ по подваламъ, а ночью пируютъ, играютъ, поютъ пѣсни, ибо извѣстно, что между ними лучшіе пѣвцы древнихъ героическихъ пѣсень; а иные переодѣваются въ обыкновенное платье, исправляютъ у ятака работы, въ видѣ поденьщика, пасутъ скотину, и т. п. Отправляясь на зимованье и разставаясь другъ съ другомъ, они условливаются, когда, въ какой день и гдѣ весною опять сойдутся; и, буде кто изъ нихъ къ сроку не явится, остальные, его знающіе, идутъ искать: если окажется, что хайдука погубилъ или выдалъ Туркамъ ятакъ, измѣнника ждетъ страшное мщеніе, хотя бы черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Вотъ какъ передаетъ одинъ случай болгарская пѣсня: три года ходилъ Ненчё хайдукомъ по Троянской планинѣ, наконецъ Турки избили дружину его и самого изранили. Отправился онъ лѣчиться къ ятаку Стояну: по выздоров-

леніи послалъ его купить въ Габровѣ свинцу и пороху, а самъ засѣлъ въ зимникъ. Стоянъ между тѣмъ подвелъ полицейскаго начальника и самъ помогъ схватить Ненча. Но хайдукъ нашелъ месть: Турку присовѣтовалъ онъ нести голову его въ Габрово, гдѣ родственники хайдука тотчасъ отмстили; это было весною, а на осень и Стояна повѣсили въ Трънови. Еще яснѣе дѣло въ пѣсни сербской: «пьютъ вино три побратима, на зеленомъ лугу посавскомъ, одинъ Сава изъ Посавля, другой Старовлаше Павелъ, третій изъ Коница Янко, съ ними тридцать друзей. Какъ понапились вина, говоритъ Сава изъ Посавля: «братья мои и моя дружина! прошло лѣто, пришелъ Митровъ день, выпалъ снѣгъ, запали дороги, обвились снѣгомъ планины, нельзя ходить по лѣсу. Поищемъ-ка себѣ зимованья, гдѣ кому перезимовать зиму.» Говоритъ Старовлаше Павелъ: «у меня есть отецъ съ матерью, далеко отсюда, во Влахѣ Старомъ; я у нихъ три зимы зимовалъ, съ миромъ вино попивалъ; перезимую и эту зиму, да возьму съ собою и пятнадцать товарищей.» Говоритъ Сава: «а у меня есть Богомъ побратимъ въ Митровицѣ, перезимую тамъ съ остальными.» Говоритъ Янко: «а у меня, милые братья, дорогая дружина, никого нѣтъ изъ роду; есть только Турчинъ, Богомъ побратимъ, въ городѣ Коницѣ; три зимы я зимовалъ у него, съ миромъ вино попивалъ, перезимую и эту зиму, буду себѣ вино пить. Только слушайте, братья: какъ придетъ красный день Юрьевъ, лѣсъ пріодѣнется листомъ, а земля травою и цвѣтомъ, сойдемся мы опять на этомъ мѣстѣ; а не придетъ кто сюда на урочище, давайте искать его всѣ вмѣстѣ: пожалуй, можетъ случиться измѣна.» Такъ они переговорили, перецѣловалися и пошелъ каждый въ свою сторону. Днемъ лежатъ, а ночью расхаживаютъ, и такъ имъ далъ Богъ и счастье, что ни птица дороги имъ не перелетѣла. Пришелъ Янко къ Коницу, къ побратиму Али-бегу; щелкнулъ онъ кольцомъ на воротахъ, а на рукѣ у него перстень съ коралломъ: кольцо звенитъ, перстень отголосокъ даетъ. Услыхала жена Али-бега, говоритъ своему хозяину: «хозяинъ, кто-то кольцомъ щелкаетъ на воротахъ: чудится мнѣ, это деверь мой Янко.» Вскочилъ бегъ на легкія ноги, живо сбѣжалъ съ верхняго жилья, отворилъ ворота на дворъ; а какъ увидалъ своего побратима, разставляютъ руки, цѣлуются въ щеки, объ юнацкомъ спрашиваютъ здоровьѣ. Отвелъ Али гостя на верхнее жилье, несетъ передъ него водку и вино, и всякое господское угощеніе. Было уже по вечеру, всталъ Янко, отпоясалъ два шелковыхъ пояса, оба полны желтыхъ дукатовъ, и отдаетъ побратиму: «давно мы побратались съ тобою, а доселѣ другъ друга не даривали; вотъ тебѣ въ даръ одинъ поясъ денегъ, а дру-

той даю тебѣ на сбереженье: какъ уйду опять, чтобы цѣлъ онъ былъ.» Потомъ полѣзъ Янко въ карманъ, вынимаетъ три нитки, двѣ съ золотомъ, третью изъ бисера, отдаетъ женѣ Али-бега: «сноха моя, давно я тебя снохой зову, а до сихъ поръ не даривалъ: вотъ тебѣ подарокъ, три нитки на шею.» Когда полегли всѣ, Янко крѣпко дремалъ и умориился, заснулъ онъ какъ ягненокъ глупый. Не спитъ Али-бегъ, говоритъ онъ своей вѣрной женѣ: «слушай-ка, жена моя вѣрная! хочу я убить побратима Янка: на кой держать мнѣ хайдука во дворѣ своемъ?» Али-бегу жена говорила: «не моги, бегъ, дай тебѣ Богъ счастье! Не правое это дѣло и не добромъ кончится; онъ тебѣ Богомъ побратимъ, ты ему далъ крѣпкую вѣру; а коли ты лакомишься на деньги,—пока живъ Янко, будетъ ихъ довольно и съ тебя, и съ него.» Ничего бегъ не послушалъ, вытащилъ онъ ножъ вострый, и заклалъ онъ своего побратима, какъ ягненка объ Юрьевомъ днѣ (*ὥς τίς τε κατέκτανε βοῦν ἐπὶ φάτνῃ*). Мало за тѣмъ прошло времени, зима миновала, пришло лѣто, пишетъ письмо Старовлаше Павелъ побратиму Савѣ изъ Посавля: «побратимъ мой, Сава изъ Посавля! Зеленѣютъ ли луга посавскіе? Кукуютъ ли синія кукушки? Есть ли трава по берегу Савы? Ходятъ ли ладьи Савскою водою? Сѣютъ ли ужъ Турки свои дыни? Наводятъ ли мельницы Шокцы (католики Сербы)? Готовъ ли ягненокъ для заколу? Можно ли ходить стало по лѣсу?» Отписуетъ ему Сава изъ Посавля: «все готово, пора собираться, на урочищѣ объ Юрьевомъ дню сходиться.» Какъ пришелъ свѣтлый денекъ Юрьевъ, Юрьевъ денекъ для хайдуковъ сходка, собралися вмѣстѣ побратимы, собралися ихъ тридцать товарищей, нѣтъ лишь изъ Коница Янка. Ждали его еще лишнюю недѣлю, сверху сроку, сверху времени; и какъ видятъ, что опять таки его нѣтъ, говоритъ Сава изъ Посавля: «братья мои и моя дружина! Что такое, нѣту съ нами Янка? Не заѣла ли его какая невѣра, отъ Турчина, Богомъ побратима? Ну-ка, братья, пойдемте, поищемъ.» Двинулись тогда два побратима и за ними тридцать ихъ хайдуковъ. Подошли ко дворамъ Али-бега, а ворота, чтобъ имъ пусто, затворены. Щелкаетъ Павелъ кольцомъ по воротамъ, отворить ему никто не хочетъ; перескочилъ онъ каменну ограду и дружинѣ отворилъ ворота. Нашли они тамъ бега Али-бега, спрашиваетъ его Сава изъ Посавля: «гдѣ, бегъ, изъ Коница Янко?» «Янко вашъ преставился, схоронилъ я его славно, по вашему христьянскому закону.» «Если преставился нашъ Янко, гдѣ же его три пояса денегъ? Гдѣ его одежа и оружье?» «Янко вамъ оставилъ деньги и оружье, чтобы взяли вы, когда придете; а одежу вмѣстѣ съ нимъ

закопалъ я.» «Буде закопалъ ты изъ сукна одежу, с ребра ужъ вѣрно ты не закопалъ съ нимъ: гдѣ жъ его зеленая долама, на доламѣ тридцать пуговицъ, каждая по литрѣ золота, а та пуговица, что была подъ горломъ, та въ три литры злата, на винту она отваряется и юнаки пьютъ ею вино?» Дѣлать было нечего бегу, вынесъ онъ зеленую доламу, а долама кровью закапана, на правомъ плечѣ прорѣзана! Какъ увидѣлъ то Сава изъ Посавля, пролилъ слезы по щекамъ своимъ, ударилъ себѣ рукой по колѣну: какъ легко онъ ударилъ себя, — на колѣнѣ сукно чистое лопнуло. Выхватили они сабли изъ за пояса, изрѣзали бега на мелкіе куски, бѣлые дворы его пограбили, пограбили, огнемъ попалили и пошли потомъ въ лѣсъ зеленый, Янка жалѣючи, себѣ на усь мотаючи, — не держать бы вѣры никогда Турчину (т. III, № 53).» Не смотря однако на опасность, хайдуки не только заходятъ, кромѣ зимы, въ села, скрываютъ тамъ вещи, отдаютъ мыть бѣлье, но даже разгуливаютъ по ярмонкамъ, задираютъ дѣвушекъ, сбрученныхъ Туркамъ.

Мѣры противъ хайдуковъ.

Для преслѣдованія хайдуковъ много учрежденій: *кавасы*, окружающіе обыкновенно пашу, употребляются иногда и противъ хайдуковъ; но главное *сеймены*, *пандуры* = жандармы, большею частію изъ Славянъ, съ турецкимъ начальникомъ; *дървенджии*—содержащіе пикетъ по дорогамъ, и т. д. Обыкновенное названіе погони за хайдуками есть *потера* у Сербовъ и *потеря* у Болгаръ; если хайдуковъ показывалось гдѣ очень много, если они убивали многихъ и нападали даже на села, тогда Турки поднимали всѣхъ мѣстныхъ жителей на потеру; но большею частію бывало такъ, что въ кучѣ бѣгаютъ и ищутъ хайдуковъ, а по одиночкѣ тихонько сами же прячутъ ихъ. Если и потера не приноситъ плода, тогда, въ крайнемъ случаѣ, Турки поднимаютъ все народонаселеніе *на тефтишъ*: турецкій начальникъ является съ значительнымъ отрядомъ, и угрозами, налогами, оковами заставляетъ кметовъ сельскихъ и родичей хайдуковъ отыскивать преслѣдуемыхъ, равно какъ ятаковъ; это крайнее преслѣдованіе бывало обыкновенно послѣ войнъ, когда отъ страху многіе бѣжали въ хайдуки. Славянинъ, принесшій Туркамъ голову хайдука, получаетъ награду,—по большей части султанъ на шапку, позволеніе носить оружіе, и т. п.: въ послѣднее время это не считалось безчестнымъ, ибо хайдуки досадили собственнымъ соотчичамъ. Если пандуръ отрубитъ хайдуку голову, онъ несетъ ее въ городъ и на колу втыкаетъ на стѣну; пойманнаго живаго—сажа-

ютъ на колъ. При этомъ обыкновенно Турки предлагаютъ для избавленія принять магометанство, а хайдукъ считаетъ долгомъ какъ можно хуже обругать Магомета. Когда ведутъ ихъ на смерть, обычай пѣть какъ можно громче: этимъ иногда спасалися хайдуки, давши знать товарищамъ, а главное—показывали всегда свое безстрашіе. Если хайдукъ удовольствовался подвигами, наскучилъ бродячей жизнью, или его уговорилъ кто ни будь, онъ *предается*: то есть поручаетъ себя кметамъ, начальникамъ села, а они выхлапатываютъ ему бумагу отъ везиря. Спокойно вступаетъ онъ въ остальное народонаселеніе и уже никто не смѣетъ потомъ упрекнуть его за прежній образъ жизни. Чаще всего хайдуки становятся потомъ пандурами, ибо отучились уже отъ сельскихъ работъ и знаютъ хорошо продѣлки прежнихъ собратій: только *кнезъ*, начальникъ округа, не можетъ уже быть изъ хайдуковъ. Передавшіеся хайдуки пользуются обыкновенно большею противъ другихъ свободою и всякой ихъ прибаивается.[1] Гдѣ легче Турецкое иго, тамъ всегда менѣе хайдуковъ; а потому въ Княжествѣ сербскомъ они потеряли уже прежнюю свою силу и значеніе. Послѣднее энергическое дѣйствіе ихъ обращено было на возстановленіе сербскаго Княжества: между прочимъ знаменитъ былъ хайдукъ Велько, жизнеописаніе котораго, весьма любопытное, составлено самимъ Караджичемъ.

Надѣемся, что послѣ этихъ замѣчаній, почерпнутыхъ отчасти отъ Болгаръ, но больше отъ Сербовъ, понятны будутъ читателямъ всѣ особенности болгарскаго эпоса. Другія подробности остаются для примѣчаній къ тексту. Можетъ быть, изложеніе наше покажется инымъ сухо, особенно въ сравненіи съ живостію сербскаго эпоса: что дѣлать! Мы приготовили такъ называемый приборъ (филологическій аппаратъ): кто захочетъ вкусить трапезы, тотъ пусть самъ примется за яства сахарныя. Но мы дѣйствовали не безъ цѣли въ будущемъ, помимо ближайшаго приложенія къ изданію: можетъ быть, нить, указанная нами, пригодится кому ни будь, по крайности начинающему въ дѣлѣ изученія славянскаго эпоса; можетъ быть, поруководствуется ею поэтъ русскій, если сочтетъ достойными пера своего пѣснопѣнія народныя; да и въ наукѣ, думали мы, отчего бы не сдѣлать этого дѣла для южнаго эпоса славянскаго, когда оно давно ведется въ приложеніи къ Гомеру? Придетъ когда ни будь время: строгое изслѣдованіе, объ руку съ поэтическимъ одушевленіемъ, пройдетъ когда ни будь съ глубочайшимъ вниманіемъ по странамъ, изъ которыхъ въ началѣ своемъ выходило столько боговъ и героевъ пѣвучей Греціи, и которыя огласились потомъ творческимъ словомъ серб-

скихъ и болгарскихъ пѣвцовъ, помнившихъ и помнящихъ дѣянія юнаковъ; пройдетъ и по теченію Дуная, къ Татрамъ, даже до Велтавы и горъ Крконошъ; прислушается къ отголоскамъ береговъ Вислы, задумается на Волыни и Украйнѣ, приникнетъ въ былину русскую. Тогда у насъ будетъ свой Гомеръ, и на немъ-то воспитаются дѣти и все юное поколѣніе; наконецъ тогда только самый Гомеръ будетъ нами понятъ какъ должно.

ВНѢШНІЙ СКЛАДЪ БОЛГАРСКИХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЬ; МУЗЫКА, ИХЪ СОПРОВАЖДАЮЩАЯ; СТИХИ, УДАРЕНІЯ.

Прибавимъ теперь нѣсколько словъ о внѣшнемъ складѣ пѣсень. Въ сербскомъ эпосѣ онѣ имѣютъ одинъ постоянный складъ: десять слоговъ и паденіе голоса при пѣніи на предпослѣднемъ (хотя въ другомъ случаѣ, въ простой рѣчи, и нельзя бываетъ сдѣлать ударенія на этомъ слогѣ). Такой складъ зависитъ главнымъ образомъ отъ господствующаго, изъ отдаленной древности исходящаго, мотива при пѣніи, а поддерживается мотивъ однообразнымъ и обычнымъ сопровожденіемъ звуковъ гуслей.[a] Македонцы отчасти держатся того же: вліяніе ли Сербовъ, или—вѣрнѣе—гористое мѣстоположеніе, сохраняющее въ закоулкахъ крѣпче преданія старины, но только у нихъ держатся и гусли, похаживаютъ и пѣвцы; вотъ почему, между прочимъ, пѣсни, идущія изъ западной Болгаріи, сколько замѣтили мы, какъ-то устроеннѣе въ своемъ внѣшнемъ складѣ; можетъ быть, ошибемся въ надеждахъ: но вѣроятность, разсказы и отзывы сулятъ намъ изъ этого, мало извѣданнаго, края много любопытнаго. Болгаре восточные, особенно предъ-балканскіе, расположенные въ мѣстностяхъ пологихъ, растеряли своихъ перехожихъ слѣпцовъ-художниковъ; появляются они порою, но, кажется, проходомъ съ запада, весною, особенно во Ѳракіи; эти *просяци* (нищіе), *слѣпци* распѣваютъ *юнашки пѣсни*; инструментъ, подъ который поютъ, подходитъ иногда, если вѣрить разсказамъ, къ гуслямъ, но уже держится въ рукахъ какъ скрипка. Въ обыкновенномъ же употребленіи восточные Болгаре отстали совсѣмъ отъ древнѣйшаго и столь знаменательнаго славянскаго инструмента. Правда, кое-гдѣ, сами Болгаре дома поютъ еще про древнихъ героевъ: но ослабленіе эпоса выразилось переходами

---

a) За подробности объ этомъ предметѣ не можемъ не выразить нашей сердечной благодарности Сербамъ Протичу, Николаевичу и Костичу, изъ которыхъ двое первыхъ такъ хорошо знали свои родныя пѣсни, послѣдній такъ вѣрно поетъ ихъ подъ игру гуслей.

къ пѣснямъ лирическимъ, называемымъ у Славянъ обыкновенно *женскими*, и любовнымъ, не говоря объ обрядовыхъ и т. п., составляющихъ особый и, разумѣется, весьма древній отдѣлъ; вліяніе Турокъ и новыхъ Грековъ, облегченное всеобщимъ почти знакомствомъ съ ихъ языками, играетъ здѣсь значительную роль. Замѣчательно однако: если поетъ Болгаринъ (на востокѣ), онъ не подъигрываетъ самъ, подобно Сербу, даже какъ будто, отчасти, гнушается этимъ, и, когда расходится юнацкими воспоминаніями, велитъ позвать особыхъ игроковъ ex proffessione. Вотъ почему, при отсутствіи гуслей и даже какого бы то ни было инструмента, пѣсни восточной Болгаріи освобождены отъ постояннаго эпическаго мотива и напѣва, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не только двѣ разныхъ эпическихъ пѣсни, одна и таже имѣетъ часто нѣсколько разнообразныхъ складовъ. Это иногда возвышаетъ простоту, но въ тоже время почти всегда роняетъ стройность: стихъ имѣетъ отъ 5 да 15 слоговъ и даже болѣе; обыкновеннѣе 7, 8, 9 и 10 слоговъ. При пѣніи очень часто половина или конецъ предшествующаго стиха переходитъ въ слѣдующій: и, такъ какъ опредѣленнаго числа слоговъ для каждаго стиха нѣтъ, то при записываніи весьма бываетъ трудно раздѣлить стихи. Отъ того мы имѣемъ часто стихи, явно перебитые и перепутанные, ибо записавшіе не достаточно вникли въ требованія мотива пѣнія, который можетъ сообщить здѣсь единственное указаніе. Съ этой стороны, за раздѣленіе стиховъ въ нѣкоторыхъ образцахъ мы не отвѣчаемъ. Возвращаемся къ отдѣльнымъ, особеннымъ пѣвцамъ, посвятившимъ себя этому дѣлу преимущественно: не много ихъ изъ Болгаръ, и то такіе, которые *между другими* поютъ и юнацкія пѣсни. Таковъ, на примѣръ, весьма извѣстный (прочютъ) въ Трьновскомъ округѣ и дожившій до глубокой старости *дѣдо Колё* (за нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ еще онъ въ живыхъ, теперь же—не знаемъ). Но и они ужъ подъигрываютъ не на гусляхъ, а на *цигулкѣ*. Это просто скрипка, разумѣется грубой работы, инструментъ не славянскій, перенятый, не древній, не подъ ладъ къ эпосу. Самое выраженіе *цигува* (играетъ на цигулкѣ) намекаетъ, какъ кажется, на *ziegen*. И то, впрочемъ, правда, она составляетъ неотъемлемую принадлежность *Циганъ*, откуда, можетъ быть, и имя. Здѣсь мѣсто сказать намъ нѣсколько словъ о послѣднихъ. Они-то приняли отъ Славянъ, Болгаръ восточныхъ, которымъ приходилось, точно, не до пѣнья (разумѣемъ эпическаго) въ сотни лѣтъ тяжкихъ смутъ и переселеній, наслѣдство, насильно оторванное отъ славянскаго духа, сдѣлавши изъ него выгодный промыселъ. Правда, они большею частію Христіане; живя

такъ давно съ Болгарами, свыклись съ языкомъ; отъ Болгаръ перенимали юнацкія пѣсни, перенимая кое-гдѣ и донынѣ; разносятъ пѣсни въ обиліи, особенно по Валахіи, да и вообще отъ Седмиградія и Бухареста да Царьграда; даже пріучили народъ смотрѣть на нихъ какъ на избранныхъ пѣвцовъ, такъ что въ самой же пѣсни (загляните въ нашъ сборникъ) Болгаринъ поручаетъ раздать имущество, чтобы *бѣси Цигани* сложили пѣсню: все это правда; но подумайте, что Цыгане могутъ только передавать, а живой источникъ эпоса изсякъ для древнѣйшихъ преданій и изсякаетъ для современности, живой источникъ, который могъ течь только изъ славянскаго духа. Не говоримъ уже о необходимой при этомъ порчѣ, неотвратимомъ искаженіи языка, невольномъ презрѣніи къ дѣлу, перешедшему въ собственность Цыганъ, наконецъ отвычкѣ отъ него, когда оно уже передано. Какъ бы то ни было, Цыгане поютъ юнацкія пѣсни, подъигрывая на цигулкѣ; на нихъ же преимущественно (отчасти съ Шопами, жителями софійскаго округа) перенесенъ древній, слабѣющій, обычай, по которому *уйници* ходили весною въ Царьградъ, главнымъ образомъ пасти царскихъ лошадей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно нынѣ, наниматься въ разныя работы, при чемъ пѣсни разносились по берегамъ Босфора. До послѣдняго еще времени, на примѣръ, въ Жеравнѣ жило около 150 цыганскихъ семействъ, занимавшихся этимъ дѣломъ исключительно; ихъ можно было встрѣтить съ пѣснями по кофейнямъ и прочимъ подобнымъ заведеніямъ турецкихъ (въ собственномъ смыслѣ) городовъ. Но это уже преимущественно *гайдарджіи* (турецкое окончаніе слова), искусники играть на *гайдѣ*, подъ которую ни въ какомъ случаѣ нельзя пѣть, ни даже цѣлому хороводу (*хоро*), развѣ въ промежуткахъ пронзительнаго и рѣзкаго гудѣнья. Это наша волынка, сохранившая однако старинное родовое имя (если не сродное съ *гѫсли*, при глухомъ звукѣ, то напоминающее еще отдаленнѣйшій санскритскій корень *гай*). *Тамбура* попадается рѣже. *Зурна* не много также пособитъ пѣнію: довольно уже поймемъ ея свойства, если напомнимъ, что Болгаре прозвали зурной морду свиньи, какъ *сопѣль* и *сопѣлку*. Были у Болгаръ и другіе инструменты, какъ на примѣръ, *мѣдный рогъ*, поминаемый въ пѣсняхъ, и инструменты древне-славянскіе. Габрово изстари славилось отличными *свирками* (свирѣлями); но ни *свирка*, ни *каваль*, большая дудка, похожая на флейту (слово, какъ думаютъ и думали мы сами прежде, турецкое, на самомъ же дѣлѣ *каваль* = *κύμβαλον*), не могли сопровождать эпической пѣсни, соединяясь у древнихъ и Славянъ съ обрядами и игрищами, хотя по пѣснямъ (ср. «Троянецъ лодочникъ») оказывается, что Болгаре вели

когда-то, подобно древнимъ, разговоръ (речитативъ) подъ свирку; тѣмъ болѣе нынѣ удалились эти инструменты отъ пѣнія. Тимпанъ, перешедшій, согласно особенностямъ языка болгарскаго, въ *тѫпанъ* (съ глухимъ звукомъ вмѣсто носоваго), могъ служить только въ оркестрѣ, котораго конечно нѣтъ и который могъ опротивѣть Болгарамъ въ отрядахъ Турокъ, славящихся музыкальнымъ ухомъ. Наивно отсылаетъ Болгаринъ къ тѫпану тѣхъ, кто бьетъ баклуши: *празна Мара тѫпанъ била.* Но нельзя не пожалѣть, что переходитъ къ Цыганамъ, а еще больше жаль, что у Цыганъ не вытѣснила цигулки *кобза*, старинный славянскій инструментъ, младшій братъ гусли: Цыгане нынче играютъ на немъ перомъ; форма почти круглая, съуживающаяся къ верху, гдѣ ручка, со струнами. Кажется, если вѣрить слухамъ, около Трънова называютъ кобзу *трѫмба* (тогда это будетъ остатокъ носоваго произношенія *трѫба*). А на древность ея и обширное въ старину употребленіе у Болгаръ указываетъ то, что Турки, а за ними и Болгаре, называютъ ее, особенно къ югу и за Балканами, *булгаре́* или *булгари́на*. Возвращаемся однако къ пѣснямъ. Ударенія словъ бываютъ въ Болгаріи различны, смотря по мѣстностямъ; гдѣ мы знаемъ это различіе, отмѣтимъ только различіе *мѣста* ударенія; различія же *свойства* и *качества* ударенія мы не могли уловить, и кажется въ этомъ отношеніи Болгаре отстали отъ Сербовъ, отличающихъ самые нѣжные оттѣнки разнообразныхъ удареній (также точно какъ и количества). А потому мы пока, до бо́льшихъ и лучшихъ свѣдѣній, рѣшились употреблять одно острое удареніе Но замѣтимъ при этомъ, что ударенія обыкновенной рѣчи у Болгаръ не всегда совпадаютъ съ удареніями въ пѣсняхъ, какъ и у другихъ Славянъ; въ пѣсняхъ иногда требуется особое, сообразно со складомъ и напѣвомъ, на примѣръ *мо́ре,* вмѣсто обыкновеннаго *море́*, что бываетъ и въ сербскихъ пѣсняхъ, особенно, какъ замѣтили мы, при послѣднихъ двухъ слогахъ. А такъ какъ эпическій складъ пѣсни, управляющій всѣмъ размѣромъ, всѣми сочетаніями словъ, есть безъ сомнѣнія древнѣйшій, свято хранимый эпическимъ, стойкимъ и твердымъ, преданіемъ, то мы думаемъ, что ударенія, имъ требуемыя, гораздо древнѣе обыкновенныхъ ходячихъ и основываются на исконномъ различеніи долготы и краткости звука. Всѣхъ столкновеній между обыкновенными удареніями и тѣми, которыя требуются складомъ, мы никакъ не могли отмѣтить въ подробности и извиняемъ себя въ этомъ случаѣ новостію дѣла.

ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ

ЯЗЫКА НОВОБОЛГАРСКАГО,

УСЛОВЛИВАЮЩІЕ СОБОЮ ПРАВОПИСАНІЕ.

РАЗНЫЕ СПОСОБЫ НОВОБОЛГАРСКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

Первый вопросъ, который представляется всякому, печатающему по болгарски, состоитъ въ томъ, какое приметъ онъ правописаніе? Вопросъ этотъ довольно запутанъ, и не только никѣмъ не рѣшенъ, но даже очень еще далекъ отъ всякаго окончательнаго рѣшенія. И между тѣмъ онъ такъ близокъ къ настоящему нашему дѣлу и такъ для него важенъ, что мы по необходимости должны довольно подробно высказать о немъ свое мнѣніе. Причина запутанности вотъ въ чемъ: тогда какъ Церковно-славянскій языкъ, перешедши съ своими формами и оборотами въ писменность нѣскольких вѣковъ, имѣлъ въ этихъ памятникахъ исторію своего послѣдовательнаго измѣненія, исторію своего писменнаго употребленія, собственно и чисто-народный языкъ болгарскій не оставилъ достаточныхъ слѣдовъ подобной исторіи, если не считать нѣсколькихъ грамотъ, перемѣшанныхъ на половину съ особенностями Церк. славянскими, да болгарскихъ кодексовъ, мѣшавшихъ живую стихію ходячей рѣчи съ условными преданіями древняго писменнаго языка, да наконецъ румунскихъ грамотъ и бумагъ, гдѣ уже конечно языкъ болгарскій не могъ быть чистымъ и самороднымъ. Не имѣя непрерывной исторіи писменнаго употребленія, болгарскій языкъ не получилъ и правилъ, ею налагаемыхъ:

обстоятельство, очень выгодное съ той стороны, что пишущіе не стѣсняются условными и отжившими формами, знаками устарѣвшими, нисколько несоотвѣтствующими современному произношенію; но съ другой стороны, при видимой выгодѣ, здѣсь еще болѣе невыгодъ, ибо всякой пишущій поставляется въ необходимость сочинять азбуку и правила правописанія, или по крайней мѣрѣ думаетъ, что это его долгъ. А потому стòитъ только заглянуть въ любое явленіе новой болгарской писменности, и вы увидите, что всякой пишетъ на свой образецъ: понятно, какой отсюда проистекаетъ хаосъ. Азбука и правила правописанія конечно отъ времени до времени должны измѣняться и подновляться, вмѣстѣ съ измѣненіемъ свойства и произношенія языка историческаго: но во всякомъ случаѣ это измѣненіе должно совершаться въ послѣдовательной исторіи, въ которой явленіе позднѣйшее вытекало бы изъ предыдущаго. А оторвавшись отъ исторіи, вдругъ сочинить новую азбуку и новое правописаніе, — дѣло нелегкое и едвали сбыточное. Какъ же поступить новой болгарской писменности, когда ея исторія скудна памятниками и не имѣетъ послѣдовательности, непрерывности? Разумѣется, слѣдуетъ взять писменные знаки у одного изъ ближайшихъ сродныхъ нарѣчій, имѣвшихъ, правда, свою особенную исторію писменности, но исторію, тѣсно связанную съ языкомъ Ц. слав. Такъ и поступили Болгаре и Сербы, взявъ русскій шрифтъ, и не древній, то есть кирилловскій, а болѣе удобный — гражданскій, съ нѣкоторыми частными и необходимыми измѣненіями. Но это дѣло еще нетакъ важно: нужно, чтобы условно-принятые знаки выразили вѣрно звуки современнаго народнаго произношенія. Для этого, разумѣется, прежде всего нужно получше узнать современный народный языкъ: а такъ какъ его знаніе, по обстоятельствамъ, подвигается впередъ очень медленно, и едвали кто, даже изъ природныхъ Болгаръ, можетъ похвалиться достаточнымъ знаніемъ своего природнаго языка, по различнымъ его нарѣчіямъ и оттѣнкамъ, то самая гибельная мысль въ настоящее время—полагать что дѣло можетъ быть кончено разомъ. Какъ ни порывались многіе Болгаре добраться здѣсь до конца, при всемъ томъ безпрестанно противорѣчили въ правописаніи и сами себѣ, и другъ другу. Довольствуясь на время тѣмъ или другимъ способомъ письма, не нужно забывать, что это отнюдь еще не *право-писанье*, что чѣмъ далѣе будетъ узнаваться языкъ, тѣмъ необходимѣе будутъ различныя измѣненія въ алфавитѣ и писменности, и что различныя нарѣчія языка потребуютъ безъ сомнѣнія и различ-

ныхъ мѣстныхъ правилъ и условій. Возмемъ даже одно нарѣчіе, господствующее въ современной писменности, собственно болгарское, которымъ говорятъ въ предъ-балканской, восточной, собственной Болгаріи и отчасти во Ѳракіи; и здѣсь природные Болгаре напрасно полагаютъ, что они хорошо знаютъ свой языкъ: и въ практическомъ уже употребленіи разговора они частенько сбиваются, то на древнія свои, Церк.-славянскія, отжившія формы, то на формы вліяющихъ языковъ,—Велико-руссовъ, или другихъ сосѣдей, напримѣръ Нѣмцовъ, неговоря уже о вліяніи яз. турецкаго; потому и въ правописаніи всѣ они идутъ въ разсыпную, для одного и тогоже звука пишутъ десятки совсѣмъ противуположныхъ знаковъ; а это отъ того, что не могутъ еще хорошо подмѣтить тонкіе оттѣнки собственныхъ, произносимыхъ звуковъ, въ ихъ различіи, и сообразно съ этими оттѣнками неумѣютъ подобрать соотвѣтствующаго писменнаго знака. Здѣсь-то открывается еще другая, очень важная сторона вопроса. Правило—«пиши какъ говоришь»—конечно приводитъ къ необходимости практическаго изученія и знанія языка чисто-разговорнаго и народнаго, въ противуположность употребленію формъ отжившихъ и чуждыхъ; но и этого знанія, какъ ни трудно и ни обширно оно, еще недостаточно; самый тактъ подмѣчать разнообразные оттѣнки звуковъ воспитывается наукою: еще болѣе нужна она, чтобъ найти соотвѣтствующій звуку знакъ. Дѣло въ томъ, что хотя языкъ болгарскій потерялъ непрерывную исторію своей писменности, но исторію своего внутренняго развитія, приведшую съ собою современное его состояніе, сохранилъ въ наличныхъ, настоящихъ явленіяхъ говора, указывающихъ собственнымъ своимъ образомъ на пройденную исторію. Человѣкъ, сколько нибудь образованный филологически, при первомъ знакомствѣ съ языкомъ ново-болгарскимъ тотчасъ пойметъ, что ходъ его развитія во многомъ былъ отличенъ отъ языка напр. сербскаго, русскаго, или писменнаго Церк. славянскаго; и только при этомъ знаніи возможно изъ ряду кирилловскихъ писменъ отобрать извѣстные условные знаки, близко выражающіе современный болгарскій звукъ. А пока нѣтъ этого знанія, и въ практическомъ употребленіи, основанномъ на полузнаніи, будутъ безпрестанно врываться отжившія или чуждыя формы и обороты, и нельзя будетъ отмѣтить вѣрно звуковыхъ особенностей современнаго простаго, неиспорченнаго говора, да и нельзя будетъ вѣрно передать ихъ знаками. Практическое знаніе и изученіе народнаго языка, съ соблюденіемъ особенности нарѣчія, должно такимъ образомъ итти объ руку съ постепеннымъ

созиданіемъ граматики и правописанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ научнымъ пониманіемъ собственной исторіи, при сравненіи и отличіи языковъ ближайше-сродныхъ и писменности устарѣвшей, т. е. древняго состоянія болгарскаго языка, поскольку оно сохранено въ извѣстныхъ писменныхъ памятникахъ. Разумѣется, порядокъ долженъ быть таковъ: прежде всего изученіе народнаго языка въ его самородномъ источникѣ, въ народномъ говорѣ, пѣсняхъ и пословицахъ; рядомъ изученіе и постоянное сравненіе съ языкомъ Церк. слав., а послѣ того—съ другими ближайшими слав. нарѣчіями, сербскимъ, велико-русскимъ и мало-русскимъ. Каждому изъ этихъ отдѣловъ должно давать свое мѣсто: тогда, писменствуя кирилловскими знаками, не будемъ ими давить современной рѣчи, вмѣстѣ съ знаками не будемъ вносить уже изчезнувшихъ формъ, а еще менѣе подчинимъ нарѣчіе восточно-болгарское русскому, македонское сербскому. Какъ ни просты эти выводы и правила, сдѣлавшіяся уже почти общимъ мѣстомъ для другихъ слав. нарѣчій, приложеніе ихъ на дѣлѣ все таки остается очень труднымъ, а всѣ недостатки писменности новоболгарской проистекаютъ отъ несоблюденія того или другаго указаннаго правила, въ чемъ впрочемъ нужно винить исторію, и въ чемъ извиняетъ новость дѣла. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время Болгаре мало по малу подходятъ уже къ этому сознанію, и успѣли уже пройти нѣсколько періодовъ, къ нему ведущихъ. А именно, различные способы письма, выражающіе собою разные пріемы и степени образованности, у Болгаръ раздѣляются нынѣ на три главныхъ рода. Во первыхъ, передача звуковъ безъ строгаго различенія знаковъ, то есть безъ связи настоящихъ звуковъ съ естественными законами ихъ историческаго внутренняго развитія, безъ связи употребляемыхъ знаковъ съ той исторіей, какую прошли звуки въ Церковно-славянскомъ и другихъ нарѣчіяхъ, однимъ словомъ, хотя на основаніи современнаго говора, но безъ науки; для одного и тогоже звука часто самые несходные знаки, вообще знаки безъ строгаго различія, а съ тѣмъ вмѣстѣ смѣшеніе многихъ формъ употребительныхъ съ отжившими и чуждыми. Такъ писали при первомъ зародышѣ новой болгарской литературы, то Церк. славянскимъ, и притомъ не древнимъ, а позднѣйшимъ, то русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, мѣшая часто знаки того и другаго: такъ напр. писались и печатались книги, начиная отъ Киріако-дроміонъ и двухъ переводовъ Св. Пис., до самаго послѣдняго изданія Царегр. Вѣстника. Въ каждой отдѣльно есть нѣкоторая тѣнь твердыхъ правилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая рознитъ отъ другой:

однако свое относительное достоинство здѣсь есть: это sancta simplicitas, часто очень вѣрная современному произношенію, и въ самой розни не мѣшающая подмѣчать существенныя особенности нарѣчія. Другой періодъ относится къ послѣднимъ годамъ, и дѣятели его печатають въ чужихъ, хотя близкихъ, странахъ; содержаніе печатаемаго—исключительно образцы чистой, живой рѣчи; въ образѣ письма видна уже извѣстная стойкость, сообразность съ современными требованіями, наука; таковы изданія II-го отд. И. Академіи Н., и нѣкоторыя сочиненія, связанныя по методу съ дѣятелями этихъ изданій, напр. переводъ Райны: какъ книги перваго отдѣла нужно только принимать къ свѣдѣнію, и преимущественно по языку, а не по способу неопредѣленнаго письма, такъ напротивъ здѣсь насъ останавливають уже извѣстные научные пріемы и способы письма, съ которыми можно иногда не согласиться, но несогласіе это должно уже затрогивать вопросы современной науки, и отъ подобной дѣятельности естественно ожидать прекрасныхъ плодовъ. Сюда можно отнести также и переводы изъ Краледворской рукописи, явившіеся при послѣднемъ ея изданіи въ Прагѣ (Полиглотта): какъ въ изданіяхъ Академіи принятъ шрифтъ русскій, гражданскій, съ нѣкоторыми знаками изъ древняго, такъ въ Прагѣ прекрасно приспособлено древнее кирилловское письмо; къ сожалѣнію языкъ, передаваемый этими знаками, большею частію искуственный, такой, какой могли бы мы повстрѣчать, но какого на самомъ дѣлѣ не знаемъ. Наконецъ, сюда можно бы было отнести и пѣсни, напечатанныя даровитымъ и опытнымъ Вукомъ, если бы это не относилось къ очень давней его дѣятельности, еслибъ онъ не слишкомъ вѣрилъ передававшимъ, да не сближалъ бы больше должнаго, какъ кажется, новоболгарскій языкъ съ сербскимъ. Совсѣмъ другое видимъ мы, въ третьихъ, на попыткахъ вѣнскихъ, о которыхъ скажемъ подробнѣе еще ниже: начало положено въ «Міросрѣніе» (1850); подобное же стремленіе замѣтно въ статьѣ извѣстнаго славянскаго филолога Миклошича, о звукахъ ново-болгарскаго языка, помѣщенной въ Slawische Bibliothek; и наконецъ оно высказалось со всею силою въ 1-мъ томѣ сравнительной граматики слав. нарр., изданной Миклошичемъ въ одно время и въ тѣсной связи съ новоболгарской граматикой братьевъ Кирьякъ-Цанковъ. Здѣсь мы не замѣчаемъ уже простора народнаго языка, а скорѣе извѣстныя формочки, сковывающія его почти до крайности, исключительное господство латинскихъ письменъ, доведенное до страшной условности и смѣсью нѣкоторыхъ кирилловскихъ буквъ

испестрившее шрифтъ до невѣроятности. Въ противуположность этому стремленію, желательно было бы, чтобы языкъ, столь еще мало извѣстный, не сковывался заранѣе въ такія фигуры, которыя вычерчиваются, правда, по общимъ правиламъ науки и циркулемъ опытнымъ, но едвали сохраняютъ физіогномію языка, и едвали не розорвутся новыми фактами, которыхъ мы постоянно ждемъ отъ обнародыванія народныхъ пѣсенъ и пословицъ Болгаріи, равно какъ отъ изученія ея нарѣчій.

Мы должны будемъ повстрѣчаться съ правилами и пріемами всѣхъ трехъ указанныхъ способовъ новоболгарскаго письма: порою несоглашаясь съ ними въ подробностяхъ, не имѣемъ однако притязаній на исключительную основательность нашего собственнаго мнѣнія; вообще желали бы мы не столько стянуть эту, еще мало извѣстную, область разными условіями и предѣлами, сколько дать ей побольше простора; и хотя необходимо должны будемъ коснуться и звуковой системы, и словообразованія, и формъ языка, и словосочиненія, но все это предложимъ въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, съ намѣреніемъ избѣгая всякой системы тамъ, гдѣ она и неможетъ еще органически развиться по недостатку фактовъ и данныхъ. Считаемъ нужнымъ предупредить еще объ одномъ обстоятельствѣ. За исключеніемъ многихъ мелкихъ и частныхъ подрѣчій, языкъ новоболгарскій дѣлится на два главныхъ нарѣчія: *Восточное*, *или собственно-болгарское*, и *Западное*, которое можно, по главному центру, назвать *македонскимъ*. Первое ограничивается побережьемъ Чернаго моря, Дунаемъ до Видинскаго округа, западными и южными отраслями Балкана, съ нѣкоторыми участками Ѳракіи, представляющими уже разнообразіе подрѣчій. Второе обнимаетъ остальныя мѣстности болгарскихъ поселеній за Дунаемъ, съ главнымъ центромъ въ Македоніи, съ Видинскимъ округомъ, окрестностями Софіи, страною, лежащею между этими тремя предѣлами (Верхней Мизіей), и окраинами, идущими къ Сербіи, Албаніи, Ѳессаліи. Всѣ наши изслѣдованія и замѣчанія относятся *только къ первому*, Восточному или собственно болгарскому нарѣчію; о македонскомъ пока ни слова.

Выходя изъ того убѣжденія, что прямой потомокъ древнеболгарскаго языка имѣетъ право на кирилловскій шрифтъ болѣе всѣхъ другихъ слав. нарѣчій, мы видимъ однако, что нельзя уже употребить цѣликомъ весь древнѣйшій шрифтъ; да нельзя довольствоваться и однимъ гражданскимъ русскимъ шрифтомъ. Гражданскій шрифтъ необходимо добавить нѣсколькими древними знаками, но имъ при-

дать уже весьма тѣсное и условное значеніе, ибо исторія отвела нѣкоторые звуки нынѣшняго болгар. яз. далеко уже отъ старины. Начнемъ съ простѣйшаго, согласныхъ, наименѣе потерпѣвшихъ.

ЗВУКИ СОГЛАСНЫХЪ; ИХЪ ОБЩЕЕ ПРАВОПИСАНІЕ ВЪ КОНЦѢ СЛОВА И ПРИ ВСТРѢЧѢ ДРУГЪ СЪ ДРУГОМЪ.

Начиная говорить о согласныхъ звукахъ въ новоболгарскомъ языкѣ, замѣтимъ вообще, что хотя разно-органные звуки *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, въ концѣ слова и передъ нѣкоторыми другими согласными, произносятся какъ *п*, *ф*, *к*, *т*, *ш*, *с* (какъ и въ русскомъ яз.), но принять это послѣднее правописаніе было бы очень странно, за исключеніемъ развѣ *д* и *з*, звуковъ, которые въ предлогахъ, сложенныхъ съ другими частями рѣчи, безъ ущерба смыслу и корню могутъ принять начертаніе *т* и *с*. Въ изданіяхъ Академіи мы именно замѣчаемъ это благоразумное правило; напротивъ въ граматикѣ бр. Кирьякъ-Цанковъ встрѣчаемъ поражающую крайность: согласно съ сербскимъ правописаніемъ Вука, они нетолько пишутъ напр. *Bok* вм. *Bog*, *grùp* вм. *grùb*, *prak* вм. *prag*, *bes* вм. *bez*, *krùf* вм. *krùv*, но увѣряютъ даже, что въ н. б. произносится, а слѣдовательно должно и писаться: *sfoj*, *sfojá*, *sfalìh* (=свалихъ), *sfarìh*, *sfèt* (свѣтъ), *sfádbù*, *flej* (влей), *fmesti*, *frékoh sù* (врекохъ ся), и т. п. Едвали кто согласится съ такимъ способомъ письма. Не говоримъ и не споримъ о другихъ случаяхъ измѣненія согласныхъ, или ихъ выпущенія, гдѣ это условливается непремѣнными законами, напр. *помошникъ* вм. *помоштникъ*, *крьсникъ* вм. *крьстникъ*, *гозба* вм. *гостба*, *богаство* вм. *богатство*, *юнаство*, по нѣкоторымъ *юнаштво* и *юначство*, вм. *юнакство*, *педесетъ* вм. *петдесетъ*, и т. п. Большая часть этихъ случаевъ, объясняемыхъ обыкновенно требованіями благозвучія, зависитъ въ сущности отъ развивающагося въ яз. бо̀льшаго и бо̀льшаго смягченія; напр. если мы Русскіе произносимъ *дожжь*, даже почти какъ *дозжь* или *дощь*, то очевидно это все дальнѣйшія степени смягченія, сравнительно съ формою *дождь*; здѣсь отнюдь не опускается *д*, какъ думаютъ бр. Кир. Цанковы, а претваряется *жд* въ *ж*; также и отъ *сеьшть* по нарѣчіямъ происходитъ *сеьшь*, *сеьщь*, *сеьча*. Правописаніе обязано отмѣтить подобныя измѣненія, но при этомъ нужно знать мѣру и предѣлъ, гдѣ остановиться; такъ напр. мы знаемъ, что дальнѣйшее смягченіе звука *жд* есть *ж*, и что *ж* въ концѣ произносится

какъ *ш* и даже иногда почти какъ *щ*, а потому мы напишемъ по н. болгарски *дъжь*, и знаемъ, что слово это прочтется *дъшь*, но не напишемъ какъ Цанковы, *dùš*, также точно, какъ не напишемъ *Bok* вм. *Богъ;* согласно съ произношеніемъ напишемъ вм. *виждь* — *вижь*, но несогласны написать *vìš*. Очевидно, здѣсь большую роль играютъ паззвуки *ъ* и *ь*, и очевидно, мы потеряемъ всякое различіе въ твердости и мягкости стоящихъ на концѣ согласныхъ, если не будемъ писать паззвуковъ, какъ это дѣлаютъ Цанковы и Миклошичъ; въ противность имъ отъ слова *кость* мы согласны писать *кось*, но не *kos*, отъ *пръстъ* согласны писать *пръсъ*, но не *prùs*, а отъ *пръсть* будемъ писать *пръсь-та* (пръс'-та), но не *prùs-tù*, и будемъ т. о. ближе къ произношенію и закону измѣненія звуковъ, иначе смѣшаемъ оба слова.

ЗВУКИ ГУБНЫЕ.

Особенно это важно для губныхъ звуковъ, ибо въ нихъ часто весьма трудно бываетъ отличить черты мягкости или твердости приводимыя Павскимъ. Основываясь на нѣкоторыхъ примѣрахъ произношенія, напр. *голубъ*, *червъ*, Миклошичъ считаетъ мягкость губныхъ въ русскомъ языкѣ, или лучше способность мягкости, проблемматическою, забывая, что склоненіе *я*, *ю*, и т. д., хотя переходящее къ разряду *а*, все таки указываетъ на первоначальную мягкость губнаго звука, да и мы знаемъ возможность его сочетанія со всѣми мягкими гласными; если когда либо народъ произнесетъ у насъ *глупъ* вмѣсто *глубь*, то это будетъ весьма непріятно услышать изыскателю; притомъ Миклошичь, признавая у насъ *ъ* и *ь* не буквами, а только знаками, выражаетъ догадку, что *бью* произносится у насъ *bju*, *пью*— *pju*, *вью* — *vju*, *объявлять* — *objavlat'*, и что даже возможны у насъ сочетанія *дмю*, *тмю*, а этимъ самымъ признаетъ, кажется, мягкость губныхъ звуковъ. Вставку *л*, между губнымъ звукомъ и мягкою гласною, мы считаемъ признакомъ отвердѣнія или огрубѣнія перваго, такъ что становится нужнымъ уже посредство плавной согласной для соединенія того и другаго члена; а потому примѣры древнѣйшей эпохи Ц. сл. памятниковъ, избѣгающіе вставки *л* въ сочетаніяхъ съ ѫ, ѩ, ѥ, ѣ, доказываютъ первобытную мягкость губнаго звука, начавшую теряться въ слѣдующихъ затѣмъ періодахъ, уже вставляющихъ *л*. Если же такъ, то явленія современнаго новоболгарскаго языка, любящаго въ глаголахъ сочетанія *бѫ*, *вѫ*, *вень* и

т. п., указываютѣ или сохраненіе древности, или по крайности склонность къ путямъ ея, и во всякомъ случаѣ не оставляютъ подъ сомнѣніемъ мягкости губныхъ звуковъ. А потому намъ дико встрѣтить мнѣніе, отразившееся отъ Миклошича и въ граматикѣ Цанковыхъ, будто бы мягкія согласныя древняго болгарскаго языка совсѣмъ потеряли свою мягкость въ новомъ. А слѣдовательно и въ окончаніяхъ словъ не мѣшаетъ употреблять паззвуки ъ и ь; хотя бы для того, чтобы въ иныхъ словахъ отличить твердость, въ другихъ мягкость губнаго звука.

ЗВУКИ ЗУБНЫЕ.

При звукахъ зубныхъ останавливаетъ насъ слѣдующее любопытное явленіе: тогда какъ въ Церковно-славянскомъ яз. не терпимы сочетанія т и д съ ю, я, и и ь, такъ что является на мѣсто ихъ тотчасъ шта, жда, шта, жде, и т. д., новоболгарскій яз. напротивъ очень любитъ упомянутыя сочетанія безъ претворенія согласной, и между тѣмъ также легко допускаетъ въ другихъ формахъ и шта, и жда, и т. п. Можно бы съ перваго разу объяснить это склонностію зубныхъ къ мягкости въ Ц. сл., и твердостью, упорствомъ въ н. б.: но ближайшее разсмотрѣніе дѣла утверждаетъ въ томъ мнѣніи, что чѣмъ упорнѣе и тверже согласный звукъ, тѣмъ больше онъ терпитъ и измѣняется при встрѣчѣ съ іотаціей, и на оборотъ болѣе слабый менѣе теряетъ въ своемъ существѣ, добровольно и безъ спору подчиняясь умягченію; изъ этого слѣдуетъ, что зубные звуки въ Ц. сл. имѣли болѣе твердости по своей натурѣ, а въ ново-болгарскомъ яз. потеряли рѣзкость различія, рѣзкую твердость, не потерявъ однакоже способности допускать и сильное смягченіе. Съ этимъ соединяется способность принимать то твердый, то мягкій паззвукъ, то ъ, то ь, не измѣняясь; чѣмъ чаще возможно такое смѣшеніе, тѣмъ осторожнѣе нужно отличать его возможные случаи, и не слѣдуетъ никакъ, махнувши рукой, оставить безъ всякаго вниманія тонкіе оттѣнки; а это именно дѣлаютъ тѣ, которые не употребляютъ въ концѣ слова знаковъ ъ и ь; такъ у Цанковыхъ, или, что тоже, у Миклошича, мы встрѣчаемъ *zet*, *lákŭt*, *stud*, примѣры, по которымъ можно подумать, что здѣсь зубные звуки потеряли всякую мягкость, а между тѣмъ рядомъ, формы *zét-ét*, *zét-jot*, *zétĕ*, *zétjo*, *lákŭt-ĕt*, *lákŭt-jot*, *stud-ĕt*, *stud-jót*, показываютъ, что здѣсь *т* и *д* мягки и слѣдовало бы стоять ь-рю. Такъ точно

въ 1-мъ л. ед. и 3-мъ мн., во многихъ глаголахъ, встрѣчаемъ, по произношенію, послѣ *т* и *д* звукъ то мягкій, то твердый; и это видимое безразличіе нельзя оставлять безъ вниманія, ибо сравнивая подобные случаи, замѣчаемъ, что большинство употребленія остается за звукомъ мягкимъ, тамъ, гдѣ и въ Ц. слав. оказывается также дѣйствіе мягкаго звука; повторяемъ, самое смѣшеніе налагаетъ на насъ обязанность быть какъ можно строже при разборѣ оттѣнковъ. Но о глаголахъ скажемъ еще послѣ.

ЗВУКИ ГОРТАННЫЕ. ЗВУКИ ШИПЯЩІЕ, ВЪ ТѢСНОМЪ И ОБШИРНОМЪ СМЫСЛѢ, СМОТРЯ ПО РАЗРЯДАМЪ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ ВЫХОДЯТЪ. СВИСТЯЩІЕ.

О звукахъ гортанныхъ мы не находимъ сказать чего либо особеннаго, важнаго для правописанія: извѣстно ихъ претвореніе въ шипящіе и свистящіе. Когда въ ново-болгарскомъ языкѣ гортанные переходятъ въ шипящіе, когда въ свистящіе, когда свистящіе переходятъ въ шипящіе, все это очень важно для изученія звуковъ, но не имѣетъ прямаго приложенія къ правописанію. Однако и здѣсь останавливаетъ насъ слѣдующее любопытное явленіе: дат. *майци*, именит. мн. *майки*; *булка*, *булци*, *булки*, зват. *булко* и *булче*; *братко* и *братче*; и въ тоже время отъ именъ собств. на *ка* имѣемъ въ зват. *ко* и *ке*: такъ точно въ серб. мы встрѣчаемъ прилагат. *майкинъ* и *майчинъ*; далѣе мы встрѣчаемъ у самихъ Цанковыхъ и Миклошича фф. *kámik-èt* и *kámik-jot*, *zimnikbt*, т. е. *ь* на концѣ послѣ гортанныхъ, тамъ, гдѣ ожидался бы *ъ*. Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что гортанные находятся въ ново-болгарскомъ яз. въ такомъ же положеніи, какъ и зубные, т. е. или допускаютъ претвореніе въ шипящіе, или дѣлаютъ его ненужнымъ, оказываясь сами по себѣ мягки и слабы. И послѣ этого насъ увѣряютъ еще, что всякая мягкость согласныхъ въ н. б. яз. потеряна! Любопытно, какъ же въ такомъ случаѣ объяснятъ намъ то явленіе, что въ глаголахъ, предполагающихъ неокончательное на *тити*, *дити*, *тати*, *дати*, *д* и *т* не претворяются въ шипящіе, подобно какъ въ Ц. слав.? говорятъ, что стоящій здѣсь на концѣ зв. *ь* (*vratb*, *cedb* и т. п.) по произношенію=*е* вмѣсто ѫ, и слѣдовательно не есть предъерёванная гласная. Но 1) ихъ воля писать здѣсь *ь*, тогда какъ слѣдуетъ писать ѫ; 2) *ь* и въ Церковно-славянскомъ, и ново-болгарскомъ приноситъ съ собою очень часто претвореніе и не оказывается безсильнымъ,

тогда какъ въ сербскомъ въ этихъ же формахъ встрѣчается частехонько ђ или ћ, равняющіеся ново-болгарскому мягкому *т* и *д*: *свиетя* или *свиjећа*, н. б. *свѣшть* или даже *свѣшь*, *вођ* или *водь* и т. п. 3) Сличая серб. формы *свануће, раскршће, гвожђе,* и т. п., съ Церк. слав. на тии и дии (въ этихъ послѣднихъ, какъ производныхъ, мы видимъ уже позднѣйшее и бóльшее смягченіе зубныхъ), не придетъ же вѣдь никому въ голову, что серб. яз. не имѣетъ мягкихъ согласныхъ, или что Церк. славянское сочетаніе ии оказывается слабымъ, чтобы претворить т и д въ шт и жд, тѣмъ болѣе, что сочетаніе ии по силѣ своей равно сочетаніямъ тиѭ, диѭ, отъ которыхъ Миклошичь выводитъ сочетанія штѫ, ждѫ. Наконецъ, такъ какъ въ ново-болг. яз. все таки, вопреки всѣмъ мнѣніямъ о мнимой пропажѣ мягкихъ согласныхъ, встрѣчаются часто сочетанія съ преіотированными гласными *ja*, *je*, *jo* и т. д., то прибѣгаютъ къ слѣдующему послѣднему выходу: «такъ какъ Болгары только въ *немногихъ* формахъ имѣютъ согласныя мягкія, то здѣсь приведенныя сочетанія (съ *ja*, *je* и т. д.) вообще (in der Regel) имѣютъ значеніе только преіотированныхъ гласныхъ (слова Миклошича):» какъ будто въ слогѣ или лучше парѣ согласнаго и гласнаго звука, обличающей мягкость, можно отдѣлять оба элемента, какъ нѣчто не органически сплоченное, и какъ будто согласныя, допустившія такія сочетанія, не суть уже мягкія! Возвращаемся къ шипящимъ. Извѣстно, что въ Церковно-славянскомъ языкѣ буквы, означающія согласные шипящіе звуки, не соединяются и не допускаютъ соединенія съ гласными іотированными, въ родѣ напр. жѧ, чю и т. п., или, другими словами, смягченіе обозначается только на буквѣ согласнаго звука,—чѧ, чоу и т. п. Предполагаютъ обыкновенно, что такое сочетаніе, напр. чѧ, стоитъ *вмѣсто* чѩ, ибо предполагается сама собою іотированная гласная, которая бы могла претворить гортанную въ шипящую. Справедливо, что въ началѣ предполагается гласная іотированная, но послѣ акта претворенія іота должна теряться; объяснимъ это примѣромъ, который покажетъ, что подобное начертаніе, какъ и всѣ кирилловскія начертанія, не стоитъ *вмѣсто* чего-либо, напротивъ выражаетъ глубокій внутренній смыслъ: *к*, при соединеніи съ ѩ, по вліянію іоты, переходитъ или претворяется въ ч; сила іоты пошла на смягченіе гортаннаго звука, и стало-быть остается простое ѧ, а вмѣстѣ съ ч является сочетаніе чѧ: подобный законъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ физическихъ явленіяхъ. А потому мы предполагаемъ, почти навѣрное, по крайней мѣрѣ на очевидномъ свидѣтельствѣ писменности, что

въ древнѣйшую эпоху языка нашего, какъ мы застаемъ ее въ первыхъ Церковно-славянскихъ памятникахъ, шипящіе звуки были на первой ступени своего смягченія и произносились съ тѣмъ остаткомъ твердости, какой мы замѣчаемъ напримѣръ въ настоящемъ московскомъ нарѣчіи, въ словахъ *жаръ, шаръ* и т. п. Звукъ и буква ꙗ, состоя изъ а + ї, обращались обыкновенно при этомъ случаѣ, съ потерею іоты, въ а; и оставалось, по двойству своего смысла (какъ ї и јї), но оставалось уже какъ ї простое, въ противуположность јї, потратившему іоту на претвореніе согласной; изъ ю происходило у, изъ ѩ—ѧ, и т. д.; ь оставался въ концѣ формъ, или какъ намѣстникъ, какъ ослабленіе прежняго и (напр. жлъчь, рѫчь, кнѧжь), или какъ намѣстникъ другихъ потерянныхъ звуковъ (напр. врачь, мѫжь, ножь), при обоихъ этихъ случаяхъ являясь уже въ формахъ ослабѣвшихъ, позднѣйшихъ, изъ эпохи подвинувшагося еще далѣе смягченія; по смыслу же и значенію старины въ этомъ случаѣ должно бы стоять ъ; и потому-то, сообразжаясь съ нашимъ московскимъ произношеніемъ, тѣ совершенно правы, которые пишутъ *мужъ, ножъ*, а не *ь*: да и Ц. слав. склоненіе этихъ словъ — врача, плача, мѫжа, ножоу, ноша, и т. п., показываетъ ясно, что смягченіе это стоитъ еще на первой степени, сохраняя нѣкоторую твердость, и не совсѣмъ еще отдавшись крайней мягкости, Затѣмъ въ исторіи Сѣв. и Ю. Вост. слав. нарр. настаетъ періодъ, когда смягченіе обозначается на обѣихъ буквахъ: такъ напр. это видимъ мы у нашего Нестора, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ, тогда какъ въ Остром. Ев. встрѣчается ножѣ, кашѣ; тоже самое видимъ въ позднѣйшихъ кодексахъ болгарскихъ — чюдо, чюдо, чясъ и т. п. Это уже показываетъ дальнѣйшую мягкость, которая прошла тою же постепенностью, какъ напр. отъ Ц. слав. д явилось нынѣ у Болгаръ *дя*, у Сербовъ ђ*а*, у Бѣлоруссовъ д҃я (почти *дзя*), у Поляковъ *dzia*. Такимъ образомъ мы различаемъ въ языкѣ мягкость первичную и вторичную: по первой звуки претворяются въ шипящіе и свистящіе; по второй при шипящихъ являются кромѣ того мягкіе (съ іотой) гласные. На этой-то, второй степени мягкости шипящихъ стоятъ нѣкоторыя нарѣчія русскія, и языкъ новоболгарскій, при всемъ томъ, что тамъ и сямъ слышны еще въ немъ остатки или возстановленіе первой степени мягкости. И такъ снова, и здѣсь, какъ и въ другихъ согласныхъ, мы видимъ въ н. б. *яз.* съ одной стороны сильную уже мягкость, съ другой смѣшеніе то твердости, то мягкости. Любопытно было бы знать, что значитъ въ этомъ случаѣ значительная еще твердость московскихъ шипящихъ?

По нашему мнѣнію это никакъ не признакъ древности, а напротивъ реакціи языка, также точно какъ наше *а*, т. е. *о* безъ ударенія, отнюдь не первоначально, а также производно, какъ и сербская гласность, являясь большею частію возстановленіемъ *ъ-ра* на степень прежней гласной. Какъ бы то ни было, но вытекаетъ правило, въ ново-болгарскомъ яз. писать послѣ шипящихъ (и свистящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что мы увидимъ еще послѣ) гласныя іотированныя, или мягкія—*я*, *ь*, и т. д., различая, разумѣется, нѣкоторыя исключенія, буде такія окажутся. Въ этомъ согласны Миклошичь и Цанковы; мы увидимъ послѣ правила, которыхъ они держатся при отношеніи шипящаго звука къ звуку *ѣ*; не понимаемъ только, почему же не пишутъ они *ь*, или хоть какого-либо знака особенной мягкости въ словахъ *тйж* (или *тьж*, *тйѕ*), *koі*, и т. п.? По крайней мѣрѣ видимъ, что они все-таки признаютъ здѣсь *ь*, хотя его и не пишутъ, ибо чертятъ фигуры *тйж-ѣt*, *тйж-jót*, *тьжѣt*, и т. п., гдѣ или прямо является *ь*, или другіе загадочные знаки суть ничто иное, какъ *ь*. Мягкость на гласной и согласной обозначала иногда также даровитая переводчица Райны, напр. *чяшж*. Въ изданіяхъ Академіи мы не замѣчаемъ въ этомъ случаѣ строгой послѣдовательности. Такъ въ переводѣ г. Петковича встрѣчаемъ *мажь*, а потомъ *мажъ*; *жълчка* вм. *жьлчка* (о чемъ послѣ); *Хрудошь*, а потомъ «*по Хрудоша*.» Въ другомъ переводѣ Суда Любушина послѣ шипящихъ стоятъ твердые гласные: *за печала; чухте; ь* совсѣмъ изгнанъ. Пословицы[1] напечатаны прекрасно, однако не можемъ согласиться съ ученымъ любителемъ роднаго языка въ слѣдующихъ случаяхъ: онъ пишетъ *дръжжть*, *лижж*, *лочжтъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ *у плочж*; *веднажь*, *дваждь*, а потомъ *дваждъ; мжжъ*, *ножъ*, *гръмежъ*, *лошъ*, *кошъ*, и между тѣмъ *Божичь*; если онъ пишетъ *мжь*, *бѣжь*, то непослѣдовательно писать *вижте*, и если онъ не ставитъ *ъ* и *ь* въ срединѣ слова, дабы не были произнесены эти звуки тамъ, гдѣ они не произносятся, то этимологическое значеніе формы и мягкость звука можно было означить слѣдующимъ знакомъ: *виж'те*; примѣры *ся наскачяла*, *нещяла*, *чякатъ*, *чяка*, о которыхъ будемъ еще говорить послѣ, не гармонируютъ съ обыкновеннымъ его употребленіемъ гласныхъ твердыхъ послѣ шипящихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ съ *ь*; форма *жьне* могла бы существовать у Русскихъ, но никакъ не у Болгаръ: стоитъ вспомнить только форму *жь'няхж*, которую печатавшій

---

[1] Разумѣемъ—напечатанныя прежде нашихъ.

самъ навѣрно прочтетъ *женяхъ* или *жяняхъ*. Всѣ эти случаи, если не объяснять ихъ опечатками, доказываютъ, съ одной стороны, что у Болгаръ существуетъ въ шипящихъ весьма сильное смягченіе, такъ что его нерѣдко по неволѣ выражаетъ природный Болгаринъ, при всей наклонности къ русскому правописанію, съ другой стороны, что въ болгарскомъ выговорѣ есть еще довольно слѣдовъ болѣе твердой, первой ступени смягченія. Потому правило писать мягкія и іотированныя гласныя послѣ шипящихъ должно быть принято со многими исключеніями и замѣчаніями. Такъ какъ оба болгарскихъ перевода при Полиглоттѣ Краледв. Рукоп. слѣдуютъ болѣе или менѣе Ц. слав. правописанію и не представляютъ въ настоящемъ случаѣ ничего особеннаго, кромѣ развѣ правильно написанной формы жлътия, то мы переходимъ къ выводамъ о правописаніи при шипящихъ звукахъ и постараемся указать главнѣйшіе пункты этого дѣла. Нужно при этомъ непремѣнно отличать корни отъ суффиксовъ и флексій, особенно въ спряженіи.

Что касается до *шт* и *жд*, происходящихъ отъ зубныхъ, то намъ не случалось пока замѣтить ихъ вторичной мягкости въ корняхъ (независимо отъ суффиксовъ); въ движеніи склоненія, а именно въ именахъ муж. р. на *ь* смягченіе уже сильное, второстепенное, что оказывается изъ обращенія *жд* и *шт*, въ *жь*, *шь*, а по выговору и *жь* переходитъ въ *шь*; однако и здѣсь по нарѣчіямъ замѣтна иногда еще твердость; въ особенности вторичная мягкость вступаетъ во всѣ права потому, что склоненіе это благопріятствуетъ именительному падежу мн. ч. на *ие*, *ьи*, *и*, *е*, что въ н. б. выражаться должно сочетаніями *штe*, *ждe* (=*шти*, *жди*) и здѣсь мягкость выговора уже очень сильна; это тѣмъ больше интересно, что въ такихъ случаяхъ собиранія сербскій яз. по большей части удержалъ *ће* и *ђе*. Этотъ же разрядъ именъ, но класса *и* (по образцу пѧть) удерживаетъ въ н. б. мягкое *т* и *д*: отсюда напримѣръ, при переходѣ къ классу *а*, являются формы *пѧтя*, *зетя*, тогда какъ въ Ц. слав. въ этихъ случаяхъ является и (даже ѧ, пѧтѧ, въ сербскихъ кодексахъ), или же, въ позднѣйшихъ памятникахъ, ѫ, явно уже смѣшанное съ простымъ ѧ, т. е. іотированнымъ ѧ, подобно тому, какъ и Цанковы въ этихъ же случаяхъ смѣшиваютъ неправильно звуки и ставятъ *ѣ*=*ѣ*. Вообще классъ *и* любитъ въ н. б. удерживать при себѣ мягкіе зубные, не претворяя ихъ, даже при переходѣ въ классъ *а*: отсюда такое множество родственныхъ названій на *ти*, переходящихъ въ *ть*, потомъ въ *тя*: *бати*, *батѣ* (отъ *бать*),

батя; *тети, тетѣ*, *тетя* (наше *теща*): тѣже, кои претворяются, переходятъ въ классъ *а* безъ сильнаго, вторичнаго смягченія: *башта*; только въ словѣ *кѫшта* замѣтили мы отчасти *штя*. Въ окончаніяхъ средняго рода, любя *о*, ново-болгарскій яз. не допускаетъ вторичной мягкости. Совершенно аналогическое явленіе съ именами видимъ въ глаголахъ: въ нихъ являются или сотетанія *тѫ*, *дѫ*, *тя*, *дя*, *те*, *де* (*ти*, *ди*), или *шт* и *жд* на степени первичной, недалекой мягкости: *проводѫ—провареждамъ*, *платѫ—плаштамъ*; только формы съ *ь*, а именно повелительное, представляютъ сильную мягкость: *вижь*, *ъжь*, *ъж'те* (произносится *ш*). Отсюда мы видимъ: 1) что *шт* и *жд* стоятъ въ н. б. яз. большею частію на степени первичной мягкости, ибо имѣютъ рядомъ съ собою мягкое *т* и *д*, за исключеніемъ только формъ, которыя должно писать съ *ь*; 2) что для мягкаго *т* и *д* можно бы дать особыя начертанія, какъ въ сербскомъ, но мы избѣгаемъ этой необходимости, употребляя мягкія гласныя; 3) что писать слѣдуетъ *шт*, а не *щ*, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, ибо такое только правописаніе выражаетъ современное произношеніе, вдали отъ русскаго вліянія, и древнѣйшіе памятники Ц. слав. представляютъ намъ начертаніе шт, а не щ.

Почти тоже, но еще меньше, должно сказать о звукахъ свистящихъ, въ ихъ отношеніи къ шипящимъ: въ корняхъ мы не находимъ въ нихъ вторичной мягкости; нѣтъ ея и въ склоненіи, въ именахъ муж. р. на *ь*, при чемъ, разумѣется, свистящая переходила бы въ шипящую *ч* и *ж* въ зват. падежѣ (шипящую первой мягкости): почти всѣ имена этого рода, по крайности сколько мы знаемъ, переходятъ въ разрядъ *ъ*, а потому не представляютъ вторичной мягкости и въ зват. удерживаютъ звукъ свистящій, подобно какъ *образъ, квасъ, мѣсецъ, селенецъ* и т. п. Въ глаголахъ происходитъ тоже, что съ зубными и ихъ претворенными: въ сочетаніяхъ, гдѣ Церк. славянскій языкъ обращаетъ свистящіе въ шипящіе, ново-болгарскій языкъ сохраняетъ мягкіе свистящіе звуки *зѫ*, *сѫ*, *зя-зѣ*, *ся-сѣ*, *зе*, *се* (*зи*, *си*), подобно какъ въ Ц. слав. сохраняются ѕи, си: *газѫ*, *носѫ*, и проч. Въ производныхъ формахъ свистящіе не такъ легко претворяются въ шипящіе, и потому образуютъ формы *заносѣмъ*, *замѣсвамъ*, *нагазвамъ*; (=занашиваю, замѣшиваю, и проч.); тамъ же, гдѣ свистящіе переходятъ въ шипящіе, послѣдніе вторично мягки (ибо шипящіе изъ гортанныхъ и свистящихъ мягче, чѣмъ *шт* и *жд* изъ зубныхъ (*запрашѣмъ* = *запрашямъ*), *кажѫ*; впрочемъ, по увѣренію Цанковыхъ, и въ показанныхъ случаяхъ нѣкоторыя нарѣ-

чія допускаютъ только перваго рода мягкость, если дѣйствительно возможны формы *gazŭ*, *gazŭt*, *gasŭ*, *gasŭt* вм. *ĕ* и *ĕt*. *Ц* же въ новоболг. неспособно ко вторичной мягкости, и скорѣе переходитъ въ этомъ случаѣ въ шипящій звукъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ Ц. слав. яз. въ глаголахъ не претворяетъ свистящихъ, тамъ они остаются на первой ступени мягкости и въ н. б., а именно въ глаголахъ 1-го класса, съ непосредственной флексіей при свистящей: грызѫ, грызеши, грызти.

Наконецъ о шипящихъ *ч*, *ж*, *ш*, происходящихъ изъ гортанныхъ и отчасти свистящихъ. Такъ какъ гортанные менѣе всего способны къ мягкости самостоятельной, безъ претворенія, то они, претворяясь, достигаютъ въ ново-болгарскомъ языкѣ крайней мягкости въ шипящихъ. Всѣ корни, суффиксы и флексіи требуютъ въ н. б. послѣ шипящихъ: *и* (разумѣя *ji*), *я*, *ѣ*, *ю*, *ь*, ѭ, ѩ, за исключеніемъ одного *е* (*є*), ибо новоболгарское *е* само уже по себѣ имѣетъ значительную мягкость; въ особенности же, по мнѣнію нашему, никакъ не слѣдуетъ писать *є* (*є*) въ слѣд. случаяхъ: 1) въ зват. пад. ед. муж. р., ибо въ окончаніи именит. пад. мы видѣли выше слѣды самостоятельной мягкости гортанной, напр. *зимникь*; 2) въ среднемъ р. на *е*, гдѣ *е*, какъ замѣтили мы, часто склоняется къ *о*, и гдѣ шипящій звукъ обыкновенно идетъ отъ свистящаго, напр. *вѫже*; но здѣсь мы высказываемъ только свое мнѣніе и не смѣемъ настаивать, ибо всѣ имена, употребляемыя во множ. числѣ, пріобрѣтающія здѣсь значеніе собирательное, и притомъ средняго рода, имѣютъ обыкновенно самый мягкій звукъ, и въ шипящихъ, и въ претворенныхъ зубныхъ, и свистящихъ, напр. *лозє*, т. е. тамъ, гдѣ въ Ц. слав. нѥ, ѭ, ѥ; 3) нужно быть осторожнымъ въ шипящихъ, происшедшихъ отъ свистящихъ, ибо тамъ, гдѣ есть или предполагается самостоятельная мягкость свистящихъ, гдѣ нѣтъ слѣдовательно и сильной ломки при претвореніи, тамъ претворенная изъ свистящей шипящая не можетъ достигать крайней мягкости; такъ напр. мы сказали, что большая часть именъ муж. р. въ Ново-болгар. послѣ свистящей получаютъ ь, откуда и зват. на *цо*; но слѣдующіе звательные, перешедшіе въ средній родъ, напр. *братче*, *гълѫб'че*, *другар'че*, предполагаютъ форму на *ць*, какою она и является въ Церковно-славянскомъ, а потому здѣсь шипящіе должны быть тверже; съ этимъ сравни то обстоятельство, что въ случаяхъ, гдѣ глаголъ обходится съ одной мягкой свистящей, напр. *носѭ*, онъ не такъ нуждается въ претвореніи, напр. *носьмъ*; тамъ же, гдѣ свистящая тверже, напримѣръ въ предполагаемомъ неоконч. *казати*,

чесати, наст. *казвамъ*, образуются формы съ шипящей 2-й мягкости, напр. *кажи*. Впрочемъ всѣ эти, болѣе тонкія различія, могутъ быть, пожалуй, и не соблюдаемы на письмѣ. Объяснимъ теперь нѣкоторые случаи вторичной мягкости шипящихъ: тамъ, гдѣ Церковно-славянскій языкъ въ глаголахъ на тему гортанную не довольствуется претвореніемъ въ звукъ шипящій, но еще далѣе переходитъ къ свистящему, Н. б. яз., сохраняя шипящую, естественно имѣетъ ее на 2-й ступени смягченія: *печи*, *печѣте*, *речи*, *речѣте*; Ц. слав. яз. имѣетъ кажате, пишате, н. б. *кажѣте*, *пишѣте*. Любопытно отношеніе къ *шт* и *жд*, которые имѣютъ въ н. б. меньшую мягкость, чѣмъ собственно шипящіе, ибо при нихъ существуетъ рядомъ мягкое *т* и *д*: такъ въ Ц. слав. лежати имѣетъ лежиши, гдѣ болѣе мягкій и слабый звукъ и указываетъ на происхожденіе отъ формы собственно лежѣти; и въ тоже время отъ глагола хотѣти (или хътѣти) будетъ хощеши, а не *хоштиши* (т. е. *іота* отъ *ѣ* ушла на претвореніе *шт* изъ *т*, тогда какъ видѣти безъ претворенія получитъ видиши): такъ точно въ н. б. будетъ *штж*, — *штеши*, *лежж*, *лежишь*; но н. б. яз. не остановился и на этомъ: тамъ, гдѣ Церк. слав. яз. не имѣетъ въ неоконч. вставки ѣ послѣ гортанной или имѣетъ а, а во 2-мъ лицѣ настоящаго имѣетъ е, напр. можеши, кажеши, н. б. яз. произноситъ *и*, что показываетъ, по нашему мнѣнію, дальнѣйшую степень смягченія, напр. *можишь*, *кажишь* вм. *можешь*, *кажешь*. Здѣсь то имѣетъ сильное вліяніе звукъ *ѣ*, звукъ чрезвычайно развитый въ н. б. яз., о чемъ еще ниже.

ЗВУКИ ПЛАВНЫЕ.

Что касается до зв. плавныхъ, *л*, *н*, *р*, то разумѣется, стараясь выдвинуть поболѣе гласность *л* и *р*, необходимо отрицать въ нихъ всякую мягкость, или по крайней мѣрѣ допускать ее въ самой незначительной степени. Не раздѣляя этого исключительнаго мнѣнія, мы, во первыхъ, никакъ не можемъ согласиться, что будто мягкаго *р* въ н. б. вовсе нѣтъ: если уже возможно сочетаніе, которое намъ приводятъ, *rj* (въ формѣ напр. *carjo*), или что то же, если *r* допускаетъ при себѣ *j*, то это значитъ уже, что онъ можетъ быть мягкимъ. Форма *carev* и подобныя указываютъ не на бывшее нѣкогда, а на настоящее смягченіе, ибо здѣсь *e* есть произнесенный *ь*, также точно, какъ существуютъ фф. *царя*, *везиря*; потомъ, если Миклошичъ пишетъ *carbi*, *carjot*, а Цанковы *govedar- èt* и *govedar-jot*, *de*-

ver-èt и *dever-jot*, *sfinarjo*, *ženurija*, *ženuré*, *dùšteré*, то здѣсь мы имѣемъ уже всѣ почти сочетанія, показывающія мягкость зв. *р*. А потому пишущіе сообразно народному произношенію могутъ не обинуяся писать мягкія гласныя и *ь* тамъ, гдѣ *р* произносится мягко, и знаки твердые при твердомъ. Тоже самое, и еще болѣе, должны мы сказать о *н* и *л*; и хоть *н*, по словамъ Миклошича, «говоря вообще, не можетъ быть мягкимъ», но съ насъ довольно уже, что онъ отыскиваетъ *слѣды мягкости* въ сочетаніяхъ *ogъnbol*, *denbot*, *robinjo*, *ratakinjo;* формы *kon*, *ogùn*, *den* ничего не доказываютъ кромѣ того, что при нихъ слѣдовало бы пишущимъ прибавить *ь*; даже написавши *den–ùt* и *den-ot*, Цанковы пишутъ потомъ *den-èt* и *den-jot*, *ogùn-èt* и *ogùn-jot*, *dvéslé kóné*, т. е. *двѣсть коня*; примѣръ же Миклошича *pisane* насъ нисколько не удивляетъ, ибо это вовсе не то, какъ еслибы написать по сербски *писане*, и всякой Болгаринъ, не зная чистаго *е*, прочтетъ *писанѥ*. Въ способности звука *л* къ мягкости можно еще менѣе сомнѣваться, послѣ того какъ существуютъ формы на *ля* (напр. *леля*, тетка), *лё* (*Колё*, *бѣлё*, *безумлё*), или слоги *лю*, *клю*, *плю*. Миклошичь старается ослабить эту мягкость замѣчаніемъ, что 1) «уже въ жен. р. *bezumlъ*, *béglъ*, *grablъ* нѣтъ мягкости», забывая, что эти фигуры всякому Болгару будетъ очень трудно прочесть, и что на самомъ дѣлѣ произносится *безумла*, *бѣгла*, *грабла*, съ среднимъ *л*, почти какъ *мля*, *гля*, *бля*, и что наконецъ здѣсь звукъ *л* именно и вставляется для того, чтобы быть посредникомъ и смягченіемъ губныхъ и гортанныхъ звуковъ; 2) «будто бы нѣтъ мягкости и въ *lé* (=Ц. слав. лѣ), ибо должно произнести *lea*», тогда какъ всякой уроженецъ собственной Болгаріи *kalém* прочтетъ просто *калямъ* (=*калѣмъ*), а фигурѣ *kaleam* ничего не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности. Не скрываемъ, что, при сравненіи съ яз. Ц. слав., въ нѣкоторыхъ случаяхъ именъ муж. и жен. р., ново-болгарскій языкъ, по нѣкоторымъ своимъ нарѣчіямъ, потерялъ мягкость плавныхъ, но въ другихъ случаяхъ онъ еще пріобрѣлъ ее вновь, напр. *вечеръ* и *вечерь* (една), *пепелъ* и *пепель*. Прибавимъ еще одно важное обстоятельство: въ случаѣ прибавленія новаго слога, большею частію для уменьшенія, связующее звѣно очень часто имѣетъ при плавной мягкій звукъ, который мы выражаемъ *ь-ремъ*, и всякой убѣдится въ томъ, слыша неиспорченное произношеніе Болгарина, напр. *другарьче*, *селеньче*, что предлагаемъ обозначать значкомъ — *кладен'че*: здѣсь еще можно разсматривать мягкой звукъ какъ вліяніе слѣдующей шипящей: но *Бояна*, *Бань-*

ко? Звукъ точно такой же, какъ напр. въ пол. *mieszczański*, *mieszczaństwo*, или даже какъ слышимъ часто *n* у Поляковъ въ словѣ напр. *mieszczanka*. Мы дѣлаемъ отсюда такой выводъ: извѣстно, что въ Церковно-славянскомъ яз. ꙗ, ѩ ставятся послѣ л и н, не ставятся послѣ р; что послѣ всѣхъ трехъ мѣняются ꙗ и ѧ, но послѣ р встрѣчается и а, вм. ꙗ и ѧ, вмѣсто ю—оу; что послѣ р не ставится ѥ, да и послѣ л и н не такъ уже часто; что въ Супрасл. знакъ смяченія ставится надъ л и н, рѣдко надъ р: выводятъ отсюда, что р тогда уже началъ терять свою мягкость; но намъ представляется вопросъ: не тогда ли только началъ онъ пріобрѣтать ее? И формы съ яснымъ признакомъ мягкости не суть ли уже начало новизны? Кажется, въ древнѣйшее время естественнѣй предполагать въ этихъ зв. болѣе твердости, ибо она только гармонируетъ съ гласностью л и р, столь развитою тогда, по мнѣнію нѣкоторыхъ. Тогда въ настоящемъ болгарскомъ языкѣ мы получимъ дальнѣйшую эпоху смягченія плавныхъ, а именно: 1) твердость, какъ остатокъ или возстановленіе, встрѣчается тамъ и сямъ, рядомъ съ признаками мягкости; 2) нормальное произношеніе есть среднее, по крайности это достовѣрно извѣстно объ *л*, которое въ большей части случаевъ звучитъ какъ сербское, среднее между пол. и рус. *ла* и *ля*; 3) встрѣчаются часто слѣды уже сильнаго смягченія. Думаемъ, что если въ н. б. *ль* не дошло всюду до *ль*, а *р* недошлт до *rz* или *ř*, то причиною этого отчасти остатки нѣкоторой гласности этихъ звуковъ, отчасти, и кажется вѣрнѣе, параллельная средняя мягкость ихъ, та самая, которая удерживаетъ безъ претворенія *т* и *д*, *з* и *с*.

НОВОБОЛГАРСКІЕ СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ ЗАНИМАЮТЪ СРЕДНЮЮ СТЕПЕНЬ ОТНОСИТЕЛЬНО ТВЕРДОСТИ И МЯГКОСТИ.

Разбросанные остатки древности, разсѣянныя явленія новизны, въ ея крайности, и наконецъ срединность, средняя ступень звуковъ, вотъ тѣ особенности, которыя мы замѣчаемъ почти во всѣхъ явленіяхъ ново-болгарскаго языка; по преимуществу же срединность, за исключеніемъ однихъ шипящихъ, — вотъ отличительная печать н. б. звуковъ. Ее мы видѣли въ согласныхъ, ее же увидимъ сейчасъ и въ гласныхъ: въ нихъ выражается она частыми переходами одного гласнаго звука въ другой.

ЗВУКИ ГЛАСНЫЕ. ЗВУКЪ И (Ы).

Начнемъ опять съ простѣйшаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *и*, какъ мы видѣли наприм. при шипящихъ, предполагаетъ двойную мягкость; но въ большей части случаевъ оно остается на средней ступени, и отъ того-то замѣняетъ собою Церковно-слав. и и ы, притомъ склоняясь болѣе къ мягкому, чѣмъ твердому произношенію, послѣ всѣхъ вообще согласныхъ безъ исключенія, и не имѣя даже той твердости или суровости, какую имѣетъ часто сербское *и* послѣ *т* и *д*. Въ замѣнѣ ы, *и* раздѣляетъ должность съ *ъ*: *камикъ* и *камъкъ* (послѣднее впрочемъ чаще). Въ 1-мъ лицѣ множ. числа спрягающагося глагола, кромѣ окончанія ъ, встрѣчается еще *е* и *и*: первое мы слышали большею частію и видимъ по памятникамъ народнаго языка, второе принимаютъ правиломъ Цанковы; *и* могло произойти прямо отъ Ц. слав. ѹ, ы (Супрасл. оубимы, имы, пиимы, имамы, накажемы, быхомы и пр.); но такъ какъ эта форма все таки въ Ц. слав. есть исключеніе, такъ какъ форма *е* имѣетъ аналогію съ другими слав. нарр., а главное—обширнѣе въ своемъ употребленіи, то мы думаемъ, что *и* есть ничто иное, какъ произнесенное безъ ударенія *е*, и потому желаемъ писать въ этихъ случаяхъ *е*, означая его произношеніе какъ *и* точкою наверху; думаемъ даже, что *е* произошло здѣсь изъ *ь*, какъ реакція новой возникающей гласности, на подобіе древней, а *ь* произошелъ изъ *ъ*, какъ это видимъ и въ другихъ примѣрахъ ново-болгарскаго яз., и какъ естественно было произойти мягкости при среднемъ произношеніи звука *м*; аналогію видимъ въ Ц. слав. имы и имѫ; а въ подобныхъ случаяхъ часто замѣняетъ мѣсто ы, особенно послѣ мягкихъ, и нетолько переходитъ въ ьи, ꙑ, но въ болгарскихъ кодексахъ кромѣ того частехонько чередуется съ ь (напр. ылъша вм. ты): отсюда естественно въ н. б. яз. происходятъ формы—съ одной стороны *камъкъ*, *камъни*, съ другой *камене*, и *камъкъ* =*камикъ*. Наконецъ выводъ нашъ неопровержимо подтверждается тѣмъ примѣромъ, что въ присутствіи ударенія дѣйствительно является *е*: *нѣсмѐ*, — обстоятельство, котораго не захотѣли замѣтить Цанковы. Вообще оказывается, что, сообразно произношенію, въ н. б. нѣтъ никакой возможности, и даже было бы несправедливо, по средней мягкости звуковъ, различать *и* и *ы* на письмѣ, когда эти звуки не различаются въ выговорѣ. Нѣкоторые хотѣли бы ихъ отличить только для внѣшняго обособленія формъ или корней, напр.

для отличія *питать* отъ *пытать*, *ны* (мы) отъ *ни* (намъ), *вы* отъ *ви* и т. п. Но во первыхъ, и самъ уже языкъ распорядился въ этомъ случаѣ, употребляя вмѣсто *питать* — *хранить*, т. е. вмѣсто *питам*—*храним*ъ (макед.), *храни*; вмѣсто *ны* — *ния*, вм. *вы* — *вия*; глаголъ *бить* отличилъ отъ *быть* спряженіемъ, вмѣсто *би*—*удари*, и т. д.; во вторыхъ, и примѣръ серб. языка, не различающаго на письмѣ, какъ и въ выговорѣ, многихъ подобныхъ формъ и корней, также можетъ руководить нами. Даже если бы одно и тоже *и* различать знаками, и это бы повело очень далеко, ибо напр. *ни* (мы) нужно бы отличить отъ *ни* (намъ) и отъ *ни*—частицы; *ви*, вы, отъ *ви*, вамъ, и отъ *ви*—глагола; пожалуй еще могли бы мы здѣсь погрѣшить противъ исконнаго корня, напр. различая *вить* отъ *выть*, равно близкихъ къ исходному *вѣ-ти*, и сближающихся даже по смыслу въ сотнѣ формъ словообразованія. Даже въ союзѣ *и*, соглашаясь на его отличеніе отъ *й*=ея, ей, не признаемъ подобнаго письма крайней необходимостью, ибо разстановка словъ, имѣющая въ н. б. яз. столь строгія правила, устраняетъ здѣсь всякое сомнѣніе для человѣка, сколько нибудь знающаго языкъ. Касательно самого знака *и*, если уже мы рѣшились взять способъ письма отъ праотца, то лучше слѣдовать его исконнымъ и оригинальнымъ манерамъ, и потому не употреблять нигдѣ *і*, какъ явленіе позднѣйшее и притомъ не дающее намъ никакого лишняго удобства, кромѣ лишняго знака. Краткое *и*, о которомъ ниже поговоримъ подробнѣе, пишемъ согласно среднему вѣку Ц. слав. памятниковъ и русскихъ, *й*. Считаемъ здѣсь наконецъ не лишнимъ упомянуть о существовавшихъ доселѣ способахъ письма. Тѣ, которые пишутъ латинскими буквами, употребляютъ вмѣсто *и* и *ы* одинъ знакъ *i*; для обозначенія краткаго *и* и гортаннаго, или вѣрнѣе небнаго, переходящаго къ согласнымъ, употребляютъ јотъ или іоту — *j*, завидный и весьма цѣлесообразный способъ, которымъ мы однако не согласились бы воспользоваться, если бы онъ даже не слишкомъ пестрилъ кирилловскій алфавитъ. Оригинальный издатель «Мірозреніе» въ своемъ странномъ правописаніи различаетъ, хотя не постоянно, *и*, *і*, ї и ı (въ соединеніи съ *ъ*). Въ изданіяхъ нашей Академіи г. Петковичь употребляетъ *й*, *и*, отличая отъ послѣдняго *ы* только въ странной формѣ *зеленыхъ*, да *быхъ*, и между тѣмъ употребляя *биде* и *би*; во второмъ переводѣ Суда Люб. встрѣчаемъ также *й* и *и*; *ы* изгнано, не совсѣмъ сообразно съ тѣмъ, что оставленъ *ъ* и исключенъ *ь*; притомъ, если, сообразно съ произношеніемъ, писано *плачит си*, *применкна*, то слѣдовало бы писать

также *влези, земи,* вмѣсто *зе, ме,* чего не сдѣлано; помѣстившій пословицы, употребляя также *й,* стремился установить какое-то отношеніе между *и* и *ы,* опытъ не совсѣмъ удавшійся: такъ въ корняхъ мы встрѣчаемъ *убива, избира, избиструвай, биволъ, пии, питовно, пита* (пирогъ), *вижте, навирилъ, свила ся, вилѫ, не намила, милостинѫ,* и *добы, обычамъ, кобылѫ, быва, пыта* (спрашиваетъ), *выка, немытъ, мысли, мышка, омыи*; то *ги,* то *гы*; *гызда*; *кылаво*; *хылядо*; *ся стигнува, диво,* и *тыквы, дымъ, дынѧ*: *зимно, сипе, сиромаси, зашиѧтъ,* и *сырене*; *ся исприщили,* и *рыба, рыи, загрыжилася, покрыто*; здѣсь видно еще нѣкоторое сообразованье съ корнями и смысломъ. Менѣе строю въ суффиксахъ и флексіяхъ именъ существительныхъ: *зѫби, гробища, баби, момичс,* и *тыквы* (вин. мн.), *задъ роговы-тѣ* (*ы* вмѣсто *и* а *и* вмѣсто *е*), *съ думы; орѣхи,* и *мухы-тѣ, дрехы, мечкы* (имен. и винит.), *коткы-тѣ* (имен.), *шапкы-тѣ* (винит.); *зайци, человѣци, конци, сиромаси, вересиѫ, комшии*; *два пѫти, комати, милостинѫ, Арнаутинъ, година,* и *пръсты, мотыкѫ, ягоды* (имен.), *владыко; гущери, много пѣтли, картуни, болника,* и *двѣ пары* (вин.), *пары-тѣ* (имен.), *по горы-тѣ и скалы-тѣ, безъ пѣтлы, жены-тѣ* (имен.), *отъ двѣ жены, вѫлены, стѣны-тѣ, съ твои-тѣ камѣны.* Особенно несообразность замѣтна въ прилагательныхъ: *сѣки* и *сѣкы, пазарски, сичкы, другы—другый, другыму, на другы-тѣ, заяшкы, сухы*; *на трети пѫть, святый, богаты* (вин. мн.), *по чужды гробища*; *бързы-атъ*; *голи* (им. мн.), *предни-тѣ зѫби* (имен. мн.), *питовни* (вин. мн.), *отъ дребни трескы, рѫцѣ праздни, горни-атъ, долни-атъ,* и въ тоже время *бѣлы* (им. мн. жен.), *бѣлы яйца, безумны-атъ, бровны-тѣ овци, бѫдны вечеръ, за черны дни, прѣхвалены ягоды,* и пр. Мы потому распространились здѣсь, что въ другихъ случаяхъ авторъ очень счастливъ и послѣдователенъ, здѣсь же не всегда былъ вѣренъ произношенію и граматикѣ, своей и Ц. славянской. Тѣмъ болѣе это поучительно, доказывая невозможность употребленія *ы.* Въ первомъ переводѣ при Полиглоттѣ ы оставлено только для вы, ты, ѧзыкъ; во второмъ замѣтно желаніе быть вѣрнымъ языку Церковно-славянскому, о современномъ произношеніи мало заботы, и при всемъ томъ: мы, намъ, а ниже вы, вамъ; люти Хрудошь, Стаглавъ храбры, сичкы народъ, Ѕвигонь ѕлобивы; люди добри (зват.), горцы пилцы, горкы мѫжи (именит.); сѣдди (винит.) да вы сѫдѫ, ѕелены планины (винит.), въ силны рѫкы; въ тія плодны ѕеми; въ кони; мои-ты думы, и проч. О переходѣ *и* въ другіе гласные, и въ него другихъ, слѣдуетъ далѣе.

ЗВУКЪ Е.

Такъ какъ въ ново-болгарскомъ языкѣ нѣтъ того твердаго и чистаго е, какъ въ малорусскомъ и сербскомъ, то въ правописаніи обыкновенное *е*, подобно бѣлорусскому, имѣетъ значеніе срединнаго, и особенно обозначать нужно только *е* болѣе мягкое и сильнѣе іотированное. Въ исторіи Ц. слав. языка замѣчаемъ такой порядокъ поступанія мягкаго е: нѥ, ьѥ, ье, ѥ, ѐ, и наконецъ простое е (въ нашихъ древнихъ памятникахъ); въ лучшую эпоху всего обширнѣе было употребленіе ѥ: его можно съ успѣхомъ употребить и для новоболгарскаго языка, хотя для удобства и однообразія очень хорошо также є. Случаи его употребленія мы отмѣчаемъ слѣдующіе: 1) въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ современныя славянскія нарѣчія не выносятъ чистаго гласнаго звука, въ большей части случаевъ, хотя въ Церковно-славян. именно е встрѣчается довольно часто сначала не іотированнымъ. Это же правило наблюдаемъ мы въ мѣстоим. *нєго*, *нєму*, хотя оно прикрыто звукомъ *и*; исключаются нѣсколько междометій, *єве*, *єй*, и т. п. 2) Послѣ другихъ гласныхъ звуковъ. 3) Послѣ зубныхъ и свистящихъ, тамъ, гдѣ они въ спряженіи не претворяются подобно Церковно-славянскому, именно въ причастіи на *єнъ*, въ глаголахъ, имѣющихъ во второмъ лицѣ настоящаго *и*, и въ тѣхъ же случаяхъ послѣ губныхъ, не принимающихъ въ ново-болгарскомъ звука *л*; наконецъ послѣ плавныхъ въ глаголахъ того же разряда. 4) Послѣ всѣхъ согласныхъ, если множественному числу или среднему роду придается собирательное значеніе. Съ этимъ стоятъ въ связи нѣкоторые остатки средняго рода сравнит. степени, употребляемые какъ нарѣчія, напр. *поболє*. произносимое *поболи*; впрочемъ, такъ какъ мы имѣемъ въ Церковно-славянскомъ болиѥ, — ьѥ, — ѥ, то форма можетъ еще быть спорною, ибо изъ иѥ и и могло также подняться ѣ, какъ это видимъ мы въ добрѣѥ, или какъ видимъ въ стянутыхъ слогахъ ѩсть, ѩтъ, или какъ видимъ наконецъ въ ново-болгарскомъ *подобрѣ*, *позлѣ*, *по.губавѣ*, *побържѣ*; а также и *поболи* можетъ прямо вытекать изъ *ѣ*. Наконецъ, аналогически съ языкомъ сербскимъ, мы 5) находимъ не лишнимъ писать є въ формѣ *додє*, *придє*, гдѣ мягкость послѣдняго слога зависитъ, кажется, отъ поглощенія *и*, главнаго корня, и потому съ другой стороны мы невидимъ нужды писать мягкое є въ *дойде*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кромѣ показанныхъ пяти, до открытія новыхъ фактовъ въ ново-болгарскомъ языкѣ, предла-

гаемъ писать обыкновенное *е*, не забывая все таки, что оно, какъ среднее, допускаетъ значительную уже степень смягченія. Извѣстно, что то и другое *е*, какъ скоро нѣтъ ударенія, переходитъ въ произношеніи къ *и*; такъ какъ это постоянное правило, то конечно нѣтъ нужды обозначать этого перехода особымъ знакомъ, и до сихъ поръ всѣ почти писали въ этомъ случаѣ *е* или *и*, предполагая возможность *и* и сбиваясь только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Съ другой стороны, кромѣ немногихъ явленій, которыя разсмотримъ ниже, Церковно-славянскій звукъ, выражаемый знакомъ *ѧ*, почти исключительно перешелъ въ ново-болгарскомъ въ *е* (разумѣется среднее и мягкое), но не прямо, какъ думаемъ, а чрезъ посредство *я* краткаго слѣды котораго кое-гдѣ еще остались; подобнымъ образомъ и полузвукъ *ь*, переходя большею частію въ краткое *я*, порою, хотя рѣже, опустился и до *е*, а съ нимъ вмѣстѣ конечно и до *и*; для всѣхъ этихъ переходовъ было бы странно придумывать особые знаки: тѣмъ не менѣе, въ современномъ положеніи скуднаго еще знанія н. б. языка, необходимо точно отмѣчать факты,— гдѣ произношеніе держится напримѣръ еще на *я*, гдѣ переходитъ въ *е*, гдѣ является какъ *и*; эта необходимость становится существеннымъ и важнымъ закономъ при изданіи народныхъ пѣсень и пословицъ, памятниковъ языка, не попорченнаго книжнымъ вліяніемъ иноплеменниковъ или инонарѣчниковъ. Мы считаемъ обязанностью строго сохранить въ этомъ дѣлѣ показанія подлинника. Далѣе, переходя въ *и*, очень часто, особенно послѣ гласныхъ, а слѣдовательно въ спряженіи и среднемъ родѣ мѣстоименій, *е* переходитъ въ *й* съ значеніемъ іота, и здѣсь иногда снова поднимается до краткаго *я*. Наконецъ, въ чемъ уже никто не сомнѣвается по множеству данныхъ, въ н. б. яз. сильно развитъ звукъ, столь нелюбимый и рѣдкій въ Ц. слав., именно *ё* или *іо*; первое начертаніе принимаемъ мы для всеобщаго употребленія. Развитіе этого звука въ н. б., какъ уже отчасти видѣли и еще увидимъ въ примѣрахъ, есть слѣдствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ новое доказательство сильнаго смягченія, по которому формы на *о* имѣютъ при себѣ часто формы на *е*, и іотація бросается отъ *е* на звукъ, даже менѣе къ ней способный, чтобы замереть и загаснуть въ немъ, въ немъ найти какой нибудь предѣлъ свой. Теперь взглянемъ на нѣсколько главнѣйшихъ способовъ ученаго правописанія звуковъ, нами разбираемыхъ, оставляя пока въ сторонѣ отношеніе *е* къ *ѣ*, *ъ*, *ь*. Допуская, кромѣ *е*, еще *је*, Миклошичь употребляетъ послѣднее только въ началѣ слова и послѣ гласной, вѣрный своему предпо-

ложенію о потерѣ всякой мягкости согласныхъ; такъ по крайности было въ прежней его статьѣ о болгарскихъ звукахъ; но, въ первомъ томѣ своей сравнительной граматики, вмѣсто Церковно-славянскаго ие пишетъ уже просто *bile*, *grozde*, *zdrave*, *imane*, *lisle*, *loze*, *trъne*, *cvete*: разумѣется, всякой Болгаринъ произнесетъ здѣсь самое мягкое *е*: отличаетъ однако называемыя имъ древнѣйшія формы, и къ сожалѣнію пишетъ ихъ по способу Цанковыхъ *mъžije*, *carije*, гдѣ опять Болгаринъ произнесетъ не *ие*, а *е*; пишетъ *nego*, *nemu*, *nej*; мы знаемъ уже его мнѣніе объ іотированныхъ гласныхъ, по которому вся мягкость достается на долю ихъ, а не согласныхъ; но странно, что ученый не замѣтилъ при этомъ одной страшной несообразности: между іотированными гласными онъ приводитъ и *je*, а между тѣмъ не пишетъ его послѣ согласныхъ,— къ чему же идетъ то замѣчаніе, что вся мягкость остается въ сочетаніяхъ при гласныхъ, а не согласныхъ? И почему же, признавъ мягкость шипящихъ и требованіе при нихъ гласной іотированной, пиша даже *ćjudo* (Церковно-славян. чюдо), онъ не употребляетъ однако при нихъ іотированнаго *е*? Далѣе, если справедливо его замѣчаніе, что формы *drugigo-gimu*, *sekigo-kimu*, правильнѣе было бы писать съ *е*, если стало быть *i* произносится вмѣсто *ѣ*, то удивительно, какъ это замѣчаніе не навело ни его, ни Цанковыхъ на первобытность формы *ме* вм. *ми* въ 1-мъ лицѣ множ. числа глаголовъ, которое они пишутъ постоянно *mi*. Тѣже воззрѣнія, разумѣется, отзываются и въ *право*писаньи Цанковыхъ, съ нѣкоторымъ еще развитіемъ: такъ они принимаютъ іотированное *е*, — *je*, чтобы писать его послѣ гласныхъ; въ началѣ словъ мы встрѣчаемъ *edin*, *elo*, *elrùdi*, *ècemik*, и съ другой стороны *je*, *jedùr*, *jezero*, *jesen*, *jejce*, *jerinù*; послѣ согласныхъ вообще и шипящихъ мы не встрѣчаемъ гласной *е*, но въ то же время *nožjove*, *košjove*; собирательное *е* обратилось у нихъ въ *ije* или въ *é=ѣ*: *konije*, *gostije*, *bivolé*, *tvelé*, *Bùlgaré*, и при этомъ однако *boleri*, *gradinari*; объ отношенія между собою четырехъ разрядовъ *е* (*e*, *é*, *è*, *je*) мы будемъ еще имѣть случай говорить. Г. Неиковичь употребляетъ одно только *е* для всѣхъ звуковъ этого рода и даже вмѣсто *ѣ*; не понимаемъ только, если онъ пишетъ *една*, то зачѣмъ употребляетъ *ѥ* (глаголъ) единственнымъ исключеніемъ? Для отглагольныхъ средняго рода и собирательныхъ именъ употребляетъ онъ *ье*, *собранье*, *иманье*, *безчестенье*; способъ, чрезвычайно развитой въ современной болгарской письменности; конечно, онъ основывается на исторіи языка, ибо въ Церков-

но-славянскомъ вслѣдъ за ѣ является ьа и ье, равно какъ на употребленіи Русскихъ: но въ то же время онъ и противорѣчитъ исторіи языка, ибо ново-болгарскій языкъ пошелъ гораздо далѣе этого двойнаго звука, и вмѣсто ь и в (ѣ), подобно нѣкоторымъ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, имѣетъ уже одно е; а потому онъ противорѣчитъ и произношенію, которое совсѣмъ отлично отъ русскаго, такъ какъ и историческая основа его уже гораздо новѣе; причину этого дальнѣйшаго шага въ языкѣ ново-болг. опять видимъ мы въ большей мягкости согласныхъ, которыя уже не требуютъ посредства и и л для соединенія съ мягкимъ звукомъ, по крайности не вездѣ; и интересно, что въ этомъ случаѣ преимущественно являются намъ звуки плавные и зубные (въ именахъ отглагольныхъ), равно какъ шипящіе въ тѣсномъ смыслѣ и отчасти свистящіе. — Во второмъ переводѣ, изданномъ Академіей, мы не замѣчаемъ большой послѣдовательности: такъ рядомъ съ знакомъ ѣ мы встрѣчаемъ вмѣсто него и е: *през*, *влезе*, *применина* (гдѣ вмѣсто ѣ или е поставлено по произношенію и), *двѣ-тѣ*, а потомъ *мои-те думи*; «да имот си *земе*», а ниже *да зѣмам*, и на оборотъ ѣ вм. е, напр. *рѣвна*; если согласно съ произношеніемъ поставлено *плачит ся*, *трьсише ся*, то слѣдовало бы и вездѣ держаться этого правила, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ *долетѣше*, *влезе*, гдѣ также е произносится какъ и; или уже нужно писать по этимологіи вездѣ е, или по произношенію и, или, если хотите отмѣтить то и другое, мы предложили бы писать е и е съ точкой на верху. Употребленіе ѣ также колеблется: если писано *долетѣше*, *владѣят*, то за чѣмъ же въ повелительномъ встрѣчаемъ *стоѣте*, *сѣѣте*, *изберѣте*, тогда какъ эти примѣры, равно какъ и первые, имѣютъ въ Церковно-славян. связку ѣ, и въ ново-болгар. тѣ и другіе звуки въ показанныхъ примѣрахъ совершенно одинаково произносятся? Если вы пишете *книжна*, отчего же не пишите *свѣти*, напротивъ *свети*, между тѣмъ какъ въ обоихъ случаяхъ е выродилось изъ Церковно-славян. ѣ? Если скажутъ, что въ первомъ случаѣ звукъ плавный, то отчего же вы пишите *спорѣд*? Далѣе, если пишите *наѣдно*, почему же пишите *нейни*? Это напоминаетъ намъ Миклошича, который въ языкѣ, столь себѣ близкомъ, Словенскомъ, ближайшемъ по его мнѣнію потомкѣ Церковно-славянскаго, вмѣстѣ съ братомъ ново-болгарскимъ, допускаетъ *njega*, *njemu*, и эти же формы пишетъ въ н. б. *него*, *нему*, *ней*, совершенно при одинаковомъ произношеніи. Наконецъ насъ удивляетъ, что переводчики втораго перевода Любушина Суда пишутъ ѣ (глаголъ), а ниже употребля-

ютъ здѣсь уже другой знакъ — *je*: «секи башіа ѥ глава», «срам ни *je*»: какая могла быть этому причина? Остается благодарить за одно, очень мѣткое, правописаніе: *студѥла*, *похулѥна*, гдѣ они признали, въ чемъ мы совершено согласны, и мягкость согласной, и вліяніе связки ѥ въ глаголѣ. Не смотря на большую точность правописанія въ пословицахъ, тамъ же напечатанныхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторые просмотры: такъ едва ли слѣдуетъ писать *ѣ* вм. *е* въ словѣ *мѣле* («мѣле не намила»); въ № 333-мъ *предъ* считаемъ опечаткой, ибо въ другихъ мѣстахъ видимъ *прѣзъ* и *прѣдъ*; ѥ употребляется въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, а потому мы очень жалѣемъ, что не встрѣчаемъ его въ другихъ случаяхъ, напр. *нею*, *веднажь* (тогда какъ пишется тутъ же *ѥдинъ*, *ѥдна*), *роденъ*; ѥ въ *кроѥте* хотя противорѣчитъ аналогіи прочихъ ново-болгарскихъ глаголовъ, удержавшихъ почти всюду связку *ѣ*, понятно еще намъ, ибо легко переходить въ *й*, какъ *моѥ-мой*; пріятно также встрѣтить ѥ въ слѣдующихъ формахъ: *пиѥнѥ*, *покаѧнѥ*, *иманѥ*, *неможенѥ*, *зиманѥ*, *даванѥ*, *съгласѥ*, *гроздѥ*, *естѥ*; удивляемся только, какъ забрались сюда непрошеные гости *трънье-то*, *цвѣте-то*. *лозе*, *коние*, т. е. заразъ всѣ три способа неудачнаго правописанья: такіе не прошеные гости, особенно въ дѣлѣ языка, хуже Татарина; для звука *ё* употребленъ знакъ *ьо*, напр. *коньо*; наконецъ замѣтимъ форму *напълнешь* вмѣсто *ни*: она доказываетъ, что самые опытные знатоки языка могутъ ошибаться, увлекаясь аналогіей другихъ подобныхъ случаевъ, и что даже во всякомъ почти случаѣ *е* безъ ударенія слѣдовало бы писать съ точкой — *ė*. Въ первомъ переводѣ Полиглотты хотя различено ѥ и е, однако правописаніе древне-кирилловское не помѣшало отличить безъ нужды форму ѥго. Во второмъ переводѣ различеніе это проведено въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но большею частію вопреки правиламъ и произношенію: ѥйны, отъ нѥго, съсъ нѥм, на нѥй, и радомъ на нѥмь; безъ нужды сѧсше, ӡыгонѥса, книжсны, тогда какъ выше княжия; въ отношеніи къ ѧ таже помѣсь, напр. овде, иде и кдѧ; нре, нрѧ; смирете са, а выще сторѧте, желѧӡо и железо; клеӡе, кенеҹъ, владейте.

Прослѣдивши употребленіе звука *е* въ ново-болгарскомъ языкѣ, и видѣвши его сочетанія со всѣми согласными въ срединномъ и даже крайнемъ смягченіи, останавливаемся еще разъ и спрашиваемъ себя: какимъ же образомъ, вопреки всѣмъ фактамъ, могло возникнуть мнѣніе, будто бы мягкость согласныхъ въ этомъ языкѣ совершенно потеряна и оставила только скудные слѣды, напоминающіе о преж-

немъ? Трудно отвѣтить: однако найдется, кажется, отвѣтъ при разборѣ другихъ, слѣдующихъ гласныхъ, при которыхъ мы увидимъ особую школу, успѣвшую основаться на фактахъ языка, еще очень мало изслѣдованнаго.

ЗВУКИ О, У.

Звуки *о* и *у* не представляютъ трудностей для правописанія. Касательно перваго замѣтимъ, что хотя оно всюду почти безъ ударенія переходитъ въ *у*, но, при печатаніи памятниковъ неиспорченнаго народнаго языка и языка чисто разговорнаго, не худо бы отмѣчать его переходы знакомъ *ó* т. е. *о* съ точкою, ибо можетъ быть, какъ и при *е*, нашлись бы нѣкоторыя исключенія; въ памятникахъ, имѣющихся подъ нашей рукою, мы считаемъ обязанностію наблюдать это правило. Далѣе, въ доказательство мягкости согласныхъ считаемъ не лишнимъ указать нѣсколько формъ, имѣющихъ, рядомъ съ *о*, и *е*, также точно, какъ *ъ* и *ь*: 1) зв. *ё*; *чѐлѣство, конё, колё, зетёве, кошёке, ножёве*, и вообще всѣ звательные, переходящіе въ значеніе именительнаго и въ значеніе собирательное, случаи, въ которыхъ безпрестанно *ё* мѣняется съ *е* и *е*; средній родъ также играетъ здѣсь важную роль; въ немъ 2) мы видимъ формы на *е*, гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ *о*, напр. *небе, еїце;* 3) уменьшительныя *месце, словце*; 4) звательные: *Єленко* и *Єленке*; 5) указанныя выше двойныя формы нарѣчій, и т. д.

ЗВУКЪ А.

При звукѣ *а* особенно важно его отношеніе къ *ъ* и твердому юсу (ѫ), или древнему носовому, нынѣ глухому звуку: оставляя этотъ вопросъ пока въ сторонѣ, мы должны только замѣтить, что звукъ *а* вообще въ ново-болгарскомъ не такъ чистъ и полонъ, какъ въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ; тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ его успѣшно уже можно отличить отъ другихъ, болѣе шаткихъ и глухихъ, именно *ъ* и ѫ, и смѣшеніе въ этомъ случаѣ повело къ нѣкоторымъ странностямъ правописанія. Такъ, въ именахъ жен. р. на *а*, въ винит. пад. един. ч., употребляемомъ съ предлогами и для другихъ косвенныхъ падежей, глухой звукъ ѫ привелъ Миклошича и Цанковыхъ къ тому мнѣнію, что вообще эти имена, даже въ падежѣ именит., утратили звукъ *а* и вмѣсто его имѣютъ глухое *ъ* или *ѝ*:

platъ, vodъ, пишетъ Миклошичь; *platŭ, vodŭ* у Цанковыхъ; тоже самое съ мѣстоимѣніями женск р. на *а: tъ, tŭ* вм. *та*. Противъ этаго говоритъ: 1) то обстоятельство, что и Миклошичь, и Цанковы, допускаютъ здѣсь исключеніе, именно для названій родства и прилагательныхъ на *а*, объясняя послѣднее тѣмъ, что здѣсь *а* равно Церковно-славянскому *ая*: а кто скажетъ, что здѣсь *а* именно есть *ая*, не женскій родъ прилагательнаго неопредѣленнаго? Такимъ образомъ это остается чисто умственнымъ и отвлеченнымъ выводомъ, ибо по произношенію нѣтъ никакой возможности отличить *башта́*, *жена́*, *сестра*, *добра́*, *бѣла́*, отъ прочихъ существительныхъ на *а*, напр. *ръка́*, или прилагательнаго *сладка́*, тогда какъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ Миклошичь пишетъ *ъ*, Цанковы *ŭ*. Тамъ, гдѣ *а* не имѣетъ надъ собою ударенія, разумѣется оно слабѣе, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ совершенно приравнивать его чисто-глухому звуку, и мы совершенно не понимаемъ, на какомъ основаніи Цанковы пишутъ женск. рода членъ *tŭ*, а средняго *ta* (множ. ч.), тогда какъ оба бываютъ въ разговорѣ одинаково лишены ударенія. 2) Этому противорѣчитъ и то, что ни одинъ Болгаринъ, кромѣ Цанковыхъ, не думалъ въ своемъ правописаніи допускать этихъ странностей; мало того: Болгаре часто пишутъ чистое *а* даже въ винител., гдѣ оно выраждается изъ звука глухаго, отвѣчающаго Церковно-славянскому носовому; еще болѣе ему мѣсто въ именительномъ. Да и самъ Миклошичь не доходилъ до подобныхъ выводовъ въ своей прежней статьѣ о звукахъ ново-болгарскаго языка въ Slaw. Bibl.; его соблазнили Цанковы.

ЗВУКЪ *Я*, КАКЪ МЯГКОЕ А, И СУФФИКСЪ ИМЕНЪ СОБИРАТЕЛЬНЫХЪ.

Тѣхъ же самыхъ правилъ, и въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, держатся Миклошичь и Цанковы касательно *я*, обращая его — первый въ *ь* (*volь*, *nedelь*, *banь*, *mrežь*, *dušь*), а послѣдніе въ *ė* (*sfirnė́*, *zemė́*, *dušė́*, *kóžė*, *vólė*, *bánė*, *nedélė*). Ихъ спасало бы въ этомъ случаѣ еще то, что они не допускаютъ мягкости въ согласныхъ, а потому должны бы писать, вмѣсто *ь* и *ė*, *ъ* и *ŭ*: этого однакоже, вопреки ожиданію и другимъ ихъ правиламъ, не случилось, за исключеніемъ весьма немногихъ примѣровъ, напр. *pésnŭ*, что съ другой стороны доказываетъ опять мягкость согласныхъ. Возраженія противъ употребленія *ь* и *ė* вмѣсто *я*, въ именахъ существ., могутъ быть представлены тѣ же, какъ противъ *ъ* и *ŭ* вмѣсто *а*; но кромѣ того у си-

стематиковъ этихъ можно подмѣтить еще странность: тамъ, гдѣ нельзя было отрицать звука *я*, они обратили его въ *ijъ* или *ija*, т. е. *ия* или *ья*, сочетаніе, небывалое въ ново-болгарскомъ языкѣ, не любимое имъ и крайне рѣдкое; такъ они пишутъ въ именахъ 1) жен. рода: *svinijá*, *zemijá* или *zemija*, *zemijъ*, тогда какъ въ этомъ случаѣ Болгаринъ произноситъ: *свиня́*, *замя́* или *зъмя́*; 2) въ собирательн. *kùštijá*, *decijá*, *brátija*, *lozijá*, *Bùlgarijá*, *Turčijá*, тогда какъ здѣсь опять Болгаринъ произноситъ просто *я*, а не *ия* и *ья*, точно также, какъ онъ произноситъ *е* (ѥ), а не *ие* и *ье*; замѣтивши уже неловкость, Цанковы прибавляютъ при подобныхъ формахъ формы на *ě*, напр. *decě-ta*, *brátě-ta* (читай *я*): но здѣсь они попались въ другой промахъ — смѣшали простое іотированное *а* (*я*), происходящее изъ *ь*, съ звукомъ, обозначаемымъ въ Кириллицѣ знакомъ *ѣ*, о чемъ ниже. Однако все-таки, замѣняя *я* знаками *ь* и *ѐ*, они имѣютъ болѣе права, чѣмъ замѣняя *а* знаками *ъ* и *ѝ*: и мы увидимъ послѣ, что точно иногда *ь* и *й* (іотъ) въ ново-болгарскомъ переходятъ (или произносятся) въ краткое *я*, и на этомъ-то основывается переходъ именъ жен. рода разряда *и* въ классъ *а* (іотированнаго). Теперь обращаемся къ другимъ Болгарамъ и не Болгарамъ, умалчивая пока объ отношеніи *я* къ *ѣ*. Здѣсь мы встрѣчаемъ обыкновенно два главныхъ недоразумѣнія: 1) касательно двухъ знаковъ для одного *я*, и 2) касательно *я* въ собирательныхъ. Г. Петковичь употребляетъ одинъ знакъ *я*, и въ корняхъ — *Ярожиръ*, *объявать*, и въ именит. жен. рода — *буря*, и вмѣсто юсовъ или глухихъ звуковъ — *въ своя кућа*, *Стягавъ*, и вмѣсто *ѣ* — *кланяха се*; въ собирательныхъ встрѣчаемъ, для несуществующаго звука, начертаніе *ья* — *братья*, вм. *тя*. Въ другомъ переводѣ Суда Любушина значеніе собирательныхъ выдержано, напр. *братѩ*, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ является ѩ: *Стѩгав*, *Свѩтослав*, *Ѩрожиръ*, *объѩви*, *бурѩ*, *въ своѩ челѩдь*, *кланѩха сѩ*, *да фалѩт*, *змиѩ* (книжная форма) и т. п. Если употреблять уже знаки русской гражданской азбуки, то не понимаемъ, зачѣмъ нужно вставлять ѩ, тогда какъ наше *я* совершенно тоже? Г. издатель пословицъ и соединенная съ нимъ талантливая переводчица Райны стремились здѣсь опредѣлиться, но не достигли успѣха, ибо раздѣлили употребленіе на два знака — *я* и ѩ, безъ видимой нужды, смѣшивая въ употребленіи; такъ встрѣчаемъ у перваго: *дѩволь* и *попадиѩ*; *змиѩ* (вм. *замя*) и *свинѩ*; въ корняхъ, тамъ гдѣ *я* изъ ѧ: *святому*, *стягай*, и потомъ *ѩзыкъ*, потому только, что въ послѣднемъ *я* сначала; въ глаголахъ, вмѣсто *ѣ*,

безумляво, *похвалл*, *полудяла*, и въ тоже время *носише*; въ именахъ, тамъ гдѣ *я* изъ ѧ, *педя* и *дъщеря*; *тя* — та различено отъ *тя*—тебя (вм. ѧ), а между тѣмъ *я*=или, тогда какъ слѣдовало бы уже писать ѩ, ибо здѣсь въ корнѣ не ѧ, да и вообще сначала принято писать ѩ, а не *я*. — Въ переводахъ Полиглотты, такъ какъ принято Церковно-славянское правописаніе, не могло быть двойства между *я* и ѩ, но за то во второмъ является смѣсь ѩ и ѧ, напр. отварятъ ся, а ниже отварятъ сѧ; а такъ какъ въ корняхъ ѧ большею частію выродилось въ частый звукъ *я* или чаще *е*, то неправильно поставлено мѧсоядія; эту послѣднюю ошибку мы встрѣчаемъ часто въ тѣхъ ново-болгарскихъ книгахъ, которыя пишутъ церковными буквами, и, по простительному незнанію древняго языка, безъ различія употребляютъ ѧ вмѣсто *я*.

ЗВУКЪ ЯТЬ. ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ВЪ ЯЗЫКѢ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ; СМЫСЛЪ ДОЛГАГО Е (ê); ДВОЙСТВО ЗВУКА И ЗНАКА (ѣ и ѥ); ОТНОСИТЕЛЬНОЕ СТАРШИНСТВО ЗВУКА И ЗНАКА ѣ.

Теперь приступаемъ къ весьма трудному вопросу о звукѣ и знакѣ *ѣ*, при чемъ не беремся рѣшать дѣло окончательно, а только представимъ наши догадки. Мы держимся крѣпко того мнѣнія, что въ древнѣйшую эпоху Славянскаго языка, какъ и въ другихъ языкахъ, Санскритскомъ и Готскомъ, всякое *е* было двугласное и потому долгое, и что слѣдовательно *ѣ*, какъ знакъ для двугласной, долженъ былъ соотвѣтствовать звуку *ê*, т. е. *a+i*; простое *е* происхожденія позднѣйшаго, уже въ исторіи Славянскихъ нарѣчій выраждаясь изъ другихъ звуковъ, напр. ѧ, ь, и т. п., даже изъ самаго *ѣ*, вслѣдствіе его ослабленія. Тѣмъ не менѣе на первой исторической ступени Славянскаго языка, въ языкѣ Церковно-славянскомъ, мы находимъ уже ѣ, т. е. *ê*, и е простое или краткое, и конечно только при этихъ двухъ звукахъ могло яснѣе и рѣзче выступать различіе двугласной отъ простой гласной, ибо, когда существовало одно *ê*, тогда и не было различія. На той же самой ступени мы видимъ уже, что ѣ нисиускается до е: мѣтати-метати; до ѥ, ибо конечно *ê* есть переходъ отъ ѧ къ і: потрѣбати, цѣсти; до ь и ъ: цвѣтъ, врѣмени-времяти, отверсти-отврьзѫ, тлѣнити-тлѣкѫ, оклѣти-окльнъ-окльнъ, и пр. Въ дальнѣйшей исторіи Славянскихъ нарѣчій эти переходы разыгрываются болѣе и болѣе; тѣмъ не менѣе, въ сочетаніяхъ, заступающихъ мѣсто двугласнаго *ѣ*, не пропадаетъ значеніе двугласности: такъ въ

самомъ Церковно-славянскомъ и, происшедшее изъ ѣ, считаютъ долгимъ; въ мѣштѣ мы имѣемъ е, да і, ушедшее на претвореніе т въ шт, и содержащееся въ шт подобно скрытому теплотвору; въ сочетаніяхъ лъ, ръ, заступающихъ мѣсто лъ, ръ, мы имѣемъ двѣ гласныхъ короткихъ — л, р, да ъ, и т. д.; такъ и въ чеш. *díti*, *míti*, *chodíše*, *víra*, *píti*, *žíti*, *hříti*, *vléci*, *kvésti*, *í* и *é* долгіе; таково же вѣроятно въ древности было и мало-русск. *и*, заступающее мѣсто *ѣ*; въ сербскомъ самое уже разложеніе на *ие* (*ије*) показываетъ долготу. Пока не изслѣдовано еще въ славянскихъ нарѣчіяхъ все значеніе долготы и краткости, до тѣхъ поръ мы вправѣ предполагать двугласность во всѣхъ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя заступаютъ мѣсто Церковно-славянск. ѣ, не смотря на всѣ различія правописанія. Изъ предосторожности замѣтимъ только. 1) что само *ѣ* не всегда имѣетъ одинакую природу: въ отличіе отъ древнѣйшаго *ѣ*, возникшаго изъ *a+i*, мы на глазахъ исторіи видимъ уже происхожденіе другаго *ѣ* — изъ *e+i*, ибо Славянскій языкъ мы часто застаемъ уже съ е, ослабленнымъ звукомъ, или лучше позднѣе произшедшимъ изъ а; подобнымъ образомъ ѣ поднимается и изъ другихъ сочетаній, и конечно должно уже отличаться отъ древняго: гнет-гнѣтати, вис-вѣсити, тъшт-тѣштити, мьн-мѣнити, и т. п. Когда изслѣдованы будутъ предѣлы, гдѣ опускается древнее *ѣ*, гдѣ оно поднимается вновь, какъ реакція упадающаго вокализма, тогда мы въ состояніи будемъ отличить природу древняго *ѣ* отъ позднѣйшаго. 2) Нужно остерегаться, чтобы значеніе двугласности не отвергнуть тамъ, гдѣ иногда встрѣчаемъ мы уже одно *а* или *е*, и гдѣ иногда *и* присутствуетъ скрытно для письма, но слышно для слуха, напримѣръ при шипящихъ, претворенныхъ изъ зубныхъ, свистящихъ, гортанныхъ, посредствомъ *и*. Далѣе, на первой же исторической ступени Славянскаго языка, т. е. въ Церковно-славянскихъ древнѣйшихъ памятникахъ, мы при ѣ встрѣчаемъ уже рядомъ съ звук. *ѣ* звукъ ꙗ; думаемъ, что звукъ ꙗ позднѣе по своему происхожденію, чѣмъ звукъ *ѣ*, ибо переходитъ уже въ согласную: скр. *я* — полугласный звукъ; у насъ *жаръ* изъ *яръ*; французъ. *ja*=*ж*: вотъ всѣ эпохи, до самыхъ крайностей; и дѣйствительно, на глазахъ нашихъ *ѣ*, равное *ѣ*, равное *a+i*, переходитъ въ *я* (ꙗ), но путемъ долгимъ, посредственнымъ, а именно большею частію посредствомъ и и *й* (іотъ): такъ имена женск. рода идутъ изъ окончанія *и* въ *ь*, потомъ въ *я*; такъ въ ново-болгарскомъ имена, вмѣсто конечнаго *й* или *j*, пріобрѣтаютъ потомъ *я*. Это позднѣе происходящее *я* желали бы мы отличить отъ древнѣйшаго, сопутственнаго

и чередующагося съ звукомъ *ѣ*, и, хотя вѣроятно все-таки не вполнѣ древняго, но, при началѣ исторіи Славянскаго языка, равноправнаго съ звукомъ *ѣ=ѣ*, а потому также двугласнаго. Что оба эти звука, хотя одинъ произошелъ позднѣе другаго, были равноправны въ яз. Церковно-славянскомъ, это видно изъ взаимной смѣны ихъ, изъ названія *ять*, которое, обнимая звукъ *ѣ* и знакъ *ѣ*, самымъ именемъ напоминаетъ *я*, и изъ того наконецъ, что глаголита имѣетъ одинъ знакъ для кирилл. ѣ и ꙗ. И дѣйствительно, въ эту эпоху все различіе въ томъ, допускается ли сочетаніе *a+i* (= ѣ) или *i+a* (= ꙗ), и здѣсь-то видна преимущественная древность звука *ѣ* предъ ꙗ, ибо звукъ *ѣ* въ Славянскомъ языкѣ есть прямое слѣдствіе ослабленія вокализма, начальная черта отдѣляющагося и обособляющагося Славянскаго языка, а звукъ ꙗ возникаетъ кромѣ того по требованію еще новыхъ и дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Мы сейчасъ это увидимъ, какъ скоро разсмотримъ обстоятельства, выдвигающія ꙗ вмѣсто ѣ: 1) при скр. *ad* является слав. ѣд; здѣсь ѣ, т. е. а+ї, есть оригинальная черта обособляющагося языка, первая черта его самобытной исторіи, когда онъ отдѣлился отъ общей семьи, и, какъ сынъ, поослабилъ и измѣнилъ черту праотца; но гласные чистые звуки въ началѣ слова не терпимы по организму слав. языка; этотъ организмъ, представляется развитымъ, и въ такомъ, развитомъ уже, состояніи онъ переставляетъ ї: является ꙗмъ, черта вторичная, условіе второстепенное; тоже самое должно сказать и о формахъ ѣдро, ѣхати, и т. п., гдѣ ѣ споритъ съ ꙗ. И не только ꙗ, на мѣсто ѣ является даже ѥ, разумѣется въ началѣ слова, что видимъ мы въ глаголѣ ѥс вмѣсто древняго ѣс; но когда этотъ начальный звукъ прикрывается звукомъ и, является снова ѣ: такъ, а не изъ сліянія двухъ ѣ, возникла, м. б., форма иѣсмъ. 2) Въ связи съ этимъ случаемъ стоитъ измѣненіе ѣ въ ꙗ послѣ гласныхъ, ибо здѣсь опять привычка языка Славянскаго поставляетъ гласную, іотированную съ начала (спереди): бꙗте вм. бѣте; однако языкъ избираетъ здѣсь и другой путь, именно ѣ обращаетъ въ и: биите. 3) Потому ꙗ, являющееся вмѣсто ѣ, находится постоянно въ связи съ и, й (іотомъ), то переходя въ нихъ, то изъ нихъ возникая, и слѣдовательно является при глаголахъ, имѣющихъ въ неокончательномъ связку и: хвалꙗхъ, молꙗхъ; классъ этихъ глаголовъ въ связи съ тѣмъ, который въ неок. хотя поддерживаетъ ѣ, но въ настоящемъ приводитъ связку и; отсюда: хотꙗаше, вꙗдꙗше; во всѣхъ этихъ случаяхъ и и ꙗ стоятъ за одно съ мягкостью предшествующей согласной корня и всюду спорятъ съ ѣ, почему рядомъ мы

встрѣчаемъ формы: **приходѣахѫ, боудѣахѫ, падѣаше, славѣахѫ, носѣаше, посѣхатъ, проводѣахѫ, хвалѣаше, молѣаше, гонѣаше, творѣаше, хотѣаше, раздѣлѣти, възбранѣти**, и т. д. 4) Потому при всякой мягкости согласной мы вправѣ ожидать ꙗ вмѣсто ѣ, и дѣйствительно встрѣчаемъ его: отсюда объясняемъ мы формы **бꙗахѫ** вм. **бѣахѫ**, **идꙗаста** вм. **идѣаста**; ибо здѣсь б и д уже не чистые звуки, но соотвѣтствуютъ скр. *б*' и *д*', а въ Слав. яз. доступны сильной мягкости. 5) Однако въ обоихъ классахъ указанныхъ глаголовъ въ Ц. слав. яз. зубные, губные и свистящіе звуки, какъ замѣчено выше, сохраняютъ еще бóльшую твердость, сравнительно съ дальнѣйшимъ развитіемъ слав. нарѣчій, а потому, съ одной стороны, при формахъ съ ꙗ мы встрѣчаемъ въ немъ формы съ ѣ, приведенныя выше, съ другой, по бóльшему упорству согласныхъ, онѣ претворяются въ шт, жд или собственные шипящіе, или допускаютъ вставку посредствующаго мягкаго плавнаго звука при губныхъ: **провождаахѫ, прихождаахѫ, пождаше, любꙗахѫ, славлꙗахѫ, ношлꙗше**, и т. д. Здѣсь ꙗ остается при плавныхъ, а при шипящихъ, или, что тоже, небныхъ, переводитъ въ нихъ свое небное і. Интересны въ этомъ случаѣ Церк. слав. формы **Єгоуптѣне** и **Єюпьштанинъ, Римѣне** и **Римлꙗнинъ** и т. п. 6) И не только здѣсь, даже въ другихъ классахъ глаголовъ, какъ скоро является связка ѣ и три рода указанныхъ согласныхъ подлежатъ смягченію, опять мы видимъ тоже явленіе, напр. **печаахѫ**, гдѣ предполагается **пекꙗахѫ**, т. е. ѣ переходитъ въ ꙗ, или перемѣщается і, въ немъ присущее, оставляя за собою а. 7) Если же таково дѣйствіе свистящихъ и шипящихъ, часто чередующихся между собою, то мы поймемъ отсюда двойство слѣдующихъ формъ въ Ц. слав.: **вьсꙗ** и **вьсѣ**, **вьсꙗкъ** и **вьсѣкъ**, **само** и **сѣмо**, тогда какъ въ другихъ слав. нарр. или *ѣ* переходитъ въ *и*, напр. *сички*, или *с* въ *ш*, напр. *wszystek*. Во всѣхъ показанныхъ случаяхъ прямо и несомнѣнно мы признаемъ звукъ *ê* древнѣйшимъ, а звукъ ꙗ возникшимъ сообразно съ дальнѣйшими свойствами обособившагося Слав. языка, именно смягченіемъ гласныхъ и согласныхъ, въ корнѣ, въ образованіи формъ, въ началѣ и поднятіи слова, и т. п. По этимъ-то требованіямъ своего организма, слав. нарѣчія, въ дальнѣйшія эпохи своего историческаго развитія, дѣлили и дѣлятъ зв. *ê* и *я*, раздѣляя и начертанія на *ѣ* и *я*, на *je* и *ja*, на *е* и *а* при мягкихъ согласныхъ, и т. д., по всему разнообразію азбукъ и правописанія. Не споримъ, что звукъ, о которомъ идетъ дѣло, слабѣлъ въ этомъ развитіи исторіи, переходилъ и въ *е*, и въ *и*, и т. д., гораздо больше, чѣмъ въ старину: но и въ этихъ

выродкахъ да позволено намъ будетъ видѣть или отыскивать черты древности, и, каковы бы ни были начертанія, мы желали бы, гдѣ только можно, отличать этотъ звукъ отъ подобныхъ, но по другому пути произшедшихъ; мы будемъ держаться принятаго мнѣнія по крайности до тѣхъ поръ, пока въ выродкахъ изъ *ѣ* не докажутъ намъ всякаго отсутствія долготы. Великоруссы дѣлятъ зв. *é* и *я*, означая первый знакомъ *ѣ*; Бѣлоруссы (если пишутъ пол. шрифтомъ) и Поляки то и дѣло допускаютъ смѣну и чередованіе обоихъ звуковъ, означая ихъ знаками *ie* и *ia*; тоже дѣлаютъ Сербы, имѣя для перваго звука, по нарѣчіямъ, *ие* (*ије*): не говоримъ о другихъ нарѣчіяхъ и дальнѣйшихъ переходахъ одного и того же звука. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣла, при чередованіи двухъ видовъ одного и того же кореннаго звука, и два главныхъ начертанія въ кирил. азбукѣ должны были смѣшиваться и часто занимать одно мѣсто другаго.

ПРИМѢРЫ СРЕДНЯГО ВѢКА БОЛГАРСКИХЪ РУКОПИСЕЙ, СМѢШИВАЮЩИХЪ ѣ И ѧ.

Уже въ древнюю пору Ц. слав. языка, и еще болѣе въ позднѣйшихъ рукописяхъ болгарскихъ, мы видимъ замѣну одного знака другимъ; отсюда мы встрѣчаемъ, кромѣ показанныхъ выше примѣровъ: **конѣ**, вин. ед.; **огнѣ**, родит., **дьнѣ**—то же, **родителѣ**, то же; **блнѣ**, имен. ед.; **напаѣми**, **пьрѣмь**, дат. мн.; **матерѣ**, именит. ед.; **примышлѣи**, **оумышлаѧи**, **обычаи**; **самарѣнъ**, **самарѧнъ**; **ѩзыкѣ и ѩзыкы**; **дѣлѣ и дѣлѧ**; **колѣбати и колѧбати**; **ѕноѣнъ**, **достоѣнъ**, **роумѣнъ**; **донелѣже и донелѧже**; **ѩдро — въ ѣдрѣхъ**, **ѣсти — съѣсти** (ср. **ѩсмъ**); **чѣша**, **печѣль**, **величѣние**, **обычѣи**, **чѣсъ**, **плачѣста**, **съконьчѣ**, **чѣродѣицѣ**, **ѕрѣцѣло**; разумѣется, во многихъ изъ этихъ примѣровъ **ѣ** замѣняетъ мѣсто звука, явившагося совсѣмъ другимъ путемъ, напр. въ формѣ **конѣ** вм. **конѩ**, гдѣ *я* уже не тотъ звукъ, который въ древности чередуется съ **ѣ** (=*é*).

ДВОЙСТВО ЗВУКА ЯТЬ ВЪ ЯЗ. НОВОБОЛГАРСКОМЪ.

Ново-болгарскій языкъ произноситъ то *é*, то *я*, и притомъ такъ, что въ мѣстностяхъ собственной Болгаріи и Ѳракіи господствуетъ звукъ *я*, въ Македоніи *é*; еще болѣе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на различіе подрѣчій, слышно *é*, въ другихъ *я*; даже одно и тоже слово мѣняетъ этотъ звукъ, смотря по различію формъ, въ которыхъ употребляется. Разнообразное, но строгое, разви-

тіе этого звука, въ двухъ его видахъ, показываетъ, что потомокъ соблюдаетъ свято завѣщаніе праотца, яз. Ц. славянскаго, что начатое тамъ дѣленіе доведено здѣсь до дальнѣйшихъ предѣловъ и проведено строго по всѣмъ пунктамъ, и что, слѣдовательно, обозначать эти звуки слѣдуетъ не иначе, какъ кирилловскими знаками, ибо это очень важно не только *для* яз. н. болгарскаго, но и *для* этимологическихъ вопросовъ яз. Ц. славянскаго, связывая неразрывно исторію того и другаго. И точно, большая часть Болгаръ слѣдуютъ этому правилу, употребляя *ѣ* или *ѧ*, *я*, смотря по произношенію *é* или *я*; если бы удалось опредѣлить случаи, когда слышенъ одинъ, когда другой звукъ, можно бы даже употреблять одинъ знакъ *ѣ*, безъ всякой перемѣны, или обозначая отличіе двумя точками наверху, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые.

КАКЪ СМОТРЯТЪ НА ЯТЬ И СЪ НИМЪ ВЪ ЯЗ. НОВОБОЛГАРСКОМЪ ОБРАЩАЮТСЯ МИКЛОШИЧЪ И ЦАНКОВЫ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ Миклошича и употребленіемъ Цанковыхъ. Въ I-мъ томѣ своей сравнит. граматики, въ своихъ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ о звукахъ Ц. слав. языка, Миклошичъ, исходя изъ того убѣжденія, что древнѣйшимъ звукомъ ятя было и, даетъ однако равное право и звуку *é*, хотя признаетъ его уже позднѣе возникшимъ. Сообразно съ такимъ мнѣніемъ, вотъ что говоритъ онъ въ своей прежней статьѣ о звукахъ н. б. языка (въ Slav. B.): «двоегласная *é* звучитъ въ болгар. *ja*: *méslo*, *gnév*, *sméh* какъ *mjasto*, *gnjav*, *smjah*. Отъ того, сообразно началамъ нашимъ, мы не должны бы писать здѣсь *é*: но, такъ какъ *é* (кажется) сохраняетъ этотъ выговоръ (ja) только въ слогахъ съ удареніемъ, и мы, имѣя дѣло съ источниками безъ удареній, не всегда можемъ указать слоги, на которыхъ должно ударить: то поэтому мы предпочли вмѣсто *ja* ставить *é*, и именно почти на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники представляютъ *ѣ*.» За этимъ онъ приводитъ примѣры употребленія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ (по нашей азбукѣ) *блѣден*, *врѣме*, *вѣя*, *мѣсец*, *мѣси*, *пиѣни*, *пѣш*, *рѣши*, *цѣди*, *нѣмаше*, *мѣстница*, и т. д. Однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ онъ пишетъ *é*=нашему *ѣ*. Это мнѣніе, отличающееся осторожностію и единствомъ воззрѣнія, отразившимся и въ правописаніи, вдругъ измѣнилось, и, за одно съ Цанковыми, получило въ I-й части ср. грам. такой видъ: «*é* (въ н. б. яз.) звучитъ какъ *ea*, потому сродно съ *ja*, и этимологически, если

не по звукамъ, съ *ь*, которое должно занимать равное мѣсто съ сочетаніемъ *jъ*; оно имѣетъ значеніе ятя глаголическихъ памятниковъ; только въ началѣ слова пишется всегда *ja*, никогда *ě*, хотя то и другое подлежитъ одинаковымъ перемѣнамъ». Здѣсь останавливаетъ насъ 1) то, что хотя и признано родство съ зв. *ja*, но вмѣсто его является уже сочетаніе *ěa*, которому въ дѣйствительности ничего не отвѣчаетъ подобнаго или точнаго, ибо все таки въ н. б. является зв. *я*, а не *еа*, хотя бы подъ скобкой; 2) то, что употребленіе въ началѣ слова *ja* вмѣсто *ě* (и вм. *ѣ*) опирается на употребленіи Ц. слав. языка и требованіяхъ, разобранныхъ нами выше, но сказать «пишется всегда *ja*, никогда *ě*», нельзя никакъ, ибо правописаніе Миклошича и Цанковыхъ не имѣетъ значенія всеобщности, помимо всей остальной н. болгарской писменности. Но это еще ничего; насъ удивляетъ слѣдующее правило: по словамъ Миклошича, *ě* измѣняется въ простое *е*, какъ скоро въ слѣдующемъ слогѣ слова 1) присутствуетъ *е*, *i*, *ě*, *ь* или шипящая; т. о. нужно писать и произносится— *věrъ-veren*, *pěsnъ-pesen*, *železo-železen*, *jam-jedene; měrъ-meri*, *běl-beli*, *jak-jeki*, *pijan-pijeni; měrъ-meręh*; *nedělko-nedelь; směh-smeȟna*, *pěsnъ-pejъ*, *pletěh-pleteše*; 2) когда переходитъ удареніе съ слога *ě* на другой: *děl-delí*, *pěsnъ-pesní*, *běl-belílo*, *jam-jedéš*. Не бываетъ такого измѣненія только въ исключеніяхъ: а) 1-мъ и 2-мъ л. мн. прош. несов., *pletěhmi-pletěhte*, *pijahmi-pijahte*, что объясняетъ Миклошичъ выпаденіемъ *о*; б) при словахъ, начинающихся съ *ja* и *a*, напр. *azi-jazi*, *agne* и *jagne*, *ali* и *jali*, и т. п.; в) въ глаголахъ, имѣющихъ въ Ц. слав. *ити*, въ н. б. *ъ* и *ь*, *ъі* и *ьі*, и въ которыхъ вмѣсто *ě* является всегда *е*: *merъ* и *merь*, *merъі* и *merьі*; г) въ словахъ *tělě* и *běgljo*. Выводы эти, и даже примѣры, совершенно тождественны съ правилами Цанковыхъ: такая махинація, предъ которой невольно останавливаешься.

ВЫВОДЫ ТОГО, ГДѢ ЯТЬ ИМѢЕТЪ ЗВУКЪ Е, ГДѢ Я.

1. Очень понимаемъ, что въ показанныхъ случаяхъ можно писать *е* вмѣсто *ě*, *je* вмѣсто *ja*; но спрашивается, какое же измѣненіе происходитъ здѣсь въ выговорѣ и произношеніи? Оказывается, что *вѣра* произносится какъ *вяра*, а *вѣренъ* какъ *вѣренъ*; *ѣмъ* произносится какъ *ямъ*, а *ѣдене-ѣдене; бѣлъ = бялъ, бѣли = бѣли; мѣра = мяра, мѣрѣхъ = мѣрѣхъ; недѣлко = недялко, недѣля = недѣля; смѣхъ = смяхъ, смѣшна—смѣшна; пѣсна=пясна* (хотя эта форма искажена), *пѣсни* =

пѣсни; пѣмъ=ямъ, пѣдешь=ѣдешь. И такъ есть ли здѣсь какое либо существенное измѣненіе? Очевидно нѣтъ, а есть чередованіе одного изъ двухъ звуковъ ятя, т е. *я* или *ѣ*. Слѣдовательно, если вы согласились писать *я* и *ѣ*, равняя послѣдній знакъ звуку *ѣ*, то вамъ стоитъ только чередовать эти знаки; если вы рѣшились писать всюду *я*, то помните, что *въ показанныхъ случаяхъ* оно переходитъ въ *ѣ=ѣ*; если хотите писать всюду *ѣ*, разумѣя подъ нимъ *ѣ* и *я*, то помните, что *исключая* показанныхъ случаевъ оно звучитъ какъ *я*. Больше вы не выведете ничего: но писать, вмѣсто *ѣ*, простое *е*—нѣтъ никакой справедливости, никакого основанія.

ВОПРОСЪ О ДВУГЛАСНОСТИ ЗВ. ЯТЬ, ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПРАВОПИСАНІЮ.

2. Знакъ *ѣ*, употребляемый Миклошичемъ и Цанковыми, обнимаетъ зв. *ea* (правильнѣй *я*) и является у нихъ двугласнымъ; стало быть, переводя его въ простое *е*, они лишаютъ его двугласности: а кто же доказалъ намъ эту потерю? Почему они не потрудились этого сдѣлать, чтобъ придать своему мнѣнію основательность? Но, можетъ быть, есть примѣры въ другихъ слав. нарѣчіяхъ? Посмотримъ. Церковно-славянскій языкъ не мѣняетъ въ показанныхъ случаяхъ своихъ начертаній; что до потери долготы, ея мы не знаемъ, ибо вопросъ о долготѣ и краткости вовсе здѣсь не разработанъ; а если бы совершалась потеря, то слѣдовало бы обвинить всю исторію Церковно-славянской писменности въ неточности. Въ яз. словенскомъ, столь близкомъ Миклошичу, Ц. славянскому ѣ соотвѣтствуетъ *ѣ*=франц. *é* или англ. звуку въ *shake*; оно, по словамъ Миклошича, совершенно равноправно ново-болгарскому *ѣ*, которое, хотя имѣетъ звукъ *ea*, но также отвѣчаетъ Церковно-славянскому ѣ; а слѣдовательно словенское *ѣ* должно бы подвергаться тѣмъ же измѣненіямъ, какъ н. болгарское, но мы этого не видимъ, ибо самъ Миклошичъ приводитъ формы *dišéti*, *oglušéti* (рядомъ съ фф. *dišati*, и т. п.), гдѣ за звукомъ *é* слѣдуетъ также *i*, но тѣмъ не менѣе ни исконное свойство, ни долгота не теряется, и самъ Миклошичъ видитъ въ этомъ *é* сохранившееся Ц. славянское *ѣ*, даже послѣ претворенія гортанной въ шипящую. Если же такъ бываетъ въ словенской рѣчи, которую Миклошичъ называетъ, на равнѣ съ н. болгарскою, прямою дочерью Ц. славянскаго языка, то отчего же другая дочь утратила права эти и кто ихъ оспорить можетъ, не нарушая правды, единственно изъ прихо-

тей правописанія или затѣй отвлеченнаго вывода? Въ сербскомъ, при переходахъ звуковъ *ja*, *ије*, *je*, *и*, и т. п., отвѣчающихъ ятю, мы не видимъ однако непремѣннаго измѣненія долготы, и удареніе ˆ, означающее собственно долготу, усиливающее мору, имѣющее мѣсто надъ гласной—намѣстникомъ двухъ, мы встрѣчаемъ не только надъ *гôрêње*, *држ̂âње*, но и надъ тѣмъ *и*, которое соотвѣтствуетъ ятю — *др̂жûм*, *дûлу̂шûм*, *бûснû* (бѣсный); сравни *млéчон*, *млéчница* (также удареніе, означающее долготу); рядомъ съ *грûјех*, *гријèшити*, мы имѣемъ *грûх*, *грûшити*, *грûшûм*, и т. д. Въ чешскомъ мы безпрестанно встрѣчаемъ долгое *í*, соотвѣтствующее ятю, не смотря на присутствіе гласныхъ и согласныхъ на концѣ, указанныхъ въ н. болг. Миклошичемъ, напр. *svíce*=*свѣшта*, *chodíše*, древн. *chodješe*, *píti* (пѣть), *hřáti* и *hříti* (грѣть), и т. п. Вообще же измѣненіе долготы въ краткость въ чеш. и серб. зависитъ отъ прибавки на концѣ лишняго слога, гласной, и т. п., а не тѣхъ именно случаевъ, которые указаны для н. б. языка Миклошичемъ и Цанковыми. Сколько ни старались мы подмѣтить, нисколько не видали въ н. б. *я*, въ словѣ напр. *мѣра*, больше долготы, чѣмъ въ словѣ напримѣръ *мѣри*, въ словѣ *смѣхъ* больше долготы, чѣмъ въ *смѣшна*. Удалимъ т. о. вопросъ о долготѣ, предположимъ даже, что въ одномъ случаѣ, напр. *млѣко*, ея болѣе, чѣмъ въ *млѣчна*: да звукъ-то въ сущности не измѣняется, являются только два видоизмѣненія ятя, проходящія чрезъ всю исторію. Быть можетъ и въ Ц. слав. яз. долгота измѣнялась: но ни кириллица, ни другія азбуки, означая звуки *ѣ* и *я*, не мѣняли этихъ знаковъ по требованіямъ долготы; если же вы хотите обозначить одно произношеніе, то нельзя для звука *я* писать долгое *é*.

ПРАВИЛА МИКЛОШИЧА, ПРИНЯТЫЯ И ЦАНКОВЫМИ, ОКАЗЫВАЮТСЯ ПРЯМО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМИ, ПРИ СБЛИЖЕНІИ СЪ ЯЗ. ВЕЛИКОРУСКИМЪ.

А до какой степени эти системы вѣрно передаютъ намъ произношеніе, это можемъ мы испытать на яз. русскомъ. Такъ намъ выводятъ правило: *е* и *ѣ*, если стоятъ предъ мягкими гласными (напр. *сѣки*, *лѣтѣ*), то въ произношеніи приближаются къ *і*; въ противномъ случаѣ (напр. *вѣкомъ*, *лѣтомъ*) къ *а* и должны быть произносимы какъ *ä*; на томъ же основаніи различно будто бы произношеніе *пеки* и *пеку*, *летѣть* и *летать*: «письмо, прибавляетъ Миклошичь не обозначаетъ этого различія»,—очень жаль!—Слѣдуя одному ученому, онъ замѣчаетъ далѣе, что произношеніе *е* и *ѣ* бываетъ раз-

лично предъ шипящими, приближаясь то къ *и*, то къ *а*, но предъ *ч* и *й* звуки *е* и *ѣ* никогда не могутъ имѣть звука *ӑ*; также точно различно будто бы произносится *е* въ *нѣкогда* (= *ӑ*) и *нечего* (= *е*); *а* различно въ *бани* и *бабы*; *о* въ *мололи* и *молола*; *и* въ *били* и *била*; *у* въ *дули* и *дула*; *ы* въ *были* и *была*. Что сказать на это Русскому? Тоже, что на болгарское правописаніе Миклошича и Цанковыхъ долженъ сказать Болгаринъ.

3. Исключенія, приведенныя на предложенныя правила, вырваны такъ случайно и несообразно, что мы не можемъ положиться на нихъ, а отсюда и на самыя правила. Разберемъ ихъ: а) въ формахъ *pletéhmi*, *pletéhte*, и т. п., мы, какъ нарочно, слышимъ и встрѣчаемъ не *я* или *ѣа*, а просто *ѣ* съ звукомъ *é*, въ 3-мъ же лицѣ *плетѣхѫ*; мнѣніе о выпущеніи *о* не основательно, ибо откуда взялось *о* въ н. б. яз.? Оно есть въ Церковно-славянскомъ плетѣахомѣ, но въ н. болгарскомъ подобныя звѣнья сплачиваются обыкновенно звукомъ *ъ*, произносимымъ какъ краткое *а* и часто выпускаемымъ. б) О глаголахъ, вслѣдствіе двойнаго окончанія (или иначе—допускающихъ иногда смягченіе своихъ согласныхъ) теряющихъ звукъ *é* или *ѣ*, мы ничего не можемъ сказать, ибо совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ это происходитъ.

ЯТЬ СМѢШАНЪ, У МИКЛОШИЧА И ЦАНКОВЫХЪ, СО ВСЯКИМЪ МЯГКИМЪ А, ЯВЛЯЮЩИМСЯ ПО ДРУГИМЪ ПУТЯМЪ.

в) При исключеніяхъ *jazi*, *jagne*, и т. п., мы выходимъ еще на новую дорогу, именно видимъ, что Миклошичь и Цанковы смѣшиваютъ свое *é* со всякимъ *ja* или *я*, происходитъ ли оно просто вслѣдствіе смягченія и іотировки *а*, происходитъ ли оно этимологически изъ *ь* или *jъ*, и т. д. Это смѣшеніе приводитъ къ самымъ страннымъ результатамъ: такъ они пишутъ *čifutê* и *čifutija*, *Blъgaré* и *Blъgarija*, *Turčijá* и *Turčê*, *bivolê* и *bivolijá*, *knižijá* и *knižê*, *cvetijá* и *cvetê* и такъ далѣе, какъ будто Ц. слав. ие и ия, переходящее въ н. б. въ *е* и *я* при именахъ собирательныхъ, тоже, что *ѣ*, и какъ будто вмѣсто напр. *брате* и *братя* можно написать *ѣ*! Также точно они пишутъ свое *ê* при склоненіи именъ и словообразованіи, напр. *zêtê*, т. е. *зѣтя*, *gospodê* т. е. *Господя*, *dъšterê* т. е. *дъштеря*, гдѣ *я* происходитъ совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ то, которое чередуется съ звукомъ *ê* въ *ѣ*; правда, мы видѣли выше подобные примѣры въ Ц. слав., особенно въ болгарскихъ рукописяхъ, но и тамъ, какъ и здѣсь, смѣшиваются звуки или лучше знаки, а именно: зная двойство ятя,

всякое *я* стали писать *ѣ*. Далѣе они пишутъ напримѣръ *hilěda*, гдѣ *ê* просто *я* и гдѣ Ц. слав. яз. не написалъ бы ѣ, а написалъ бы хилѧда. Но и этого мало, Миклошичь замѣчаетъ еще: «неправильно *é* стоитъ вмѣсто *ь*, т. е. *jъ*, въ словахъ *denê*, *nošte*, Ц. слав. дьнии или дьнь, нощтнии или нощть, откуда правильно происходятъ *denь* и *noštь*; подобнымъ образомъ происходитъ *slobodь* изъ *slobodijъ*, *svinь* изъ *svinijъ*.» Но 1) примѣры изъ Ц. слав. здѣсь не годятся, ибо н. б. *деня, нощтя* есть или родит. единств., одинъ изъ трехъ (дне, дни и дня), или родит. множ., одинаковый съ сербскимъ. 2) Отчего же вы признаете здѣсь неумѣстнымъ *é*, а между тѣмъ пишете *zété*, *düšteré*, и т. п., гдѣ *é* образовалось совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и въ *dené*, *nošté*, т. е, путемъ перехода именъ изъ разряда *и* снова въ разрядъ *а*, при посредствѣ *ь=jъ=jă*? Да наконецъ 3): если здѣсь не нормально *é*, такъ зачѣмъ вы его пишете, тогда какъ всякой Болгаринъ и не-Болгарянъ напишетъ здѣсь *я*, не думая сопоставлять его съ *ê*, отвѣчающимъ ятю? Вотъ до чего могутъ дойти подобныя системы! Придумаютъ знаки, смѣшаютъ, напишутъ ихъ, да надъ собственнымъ твореніемъ и дивятся, зачѣмъ оно оказалось въ языкѣ, тогда какъ его въ языкѣ и не бывало, и не слыхать, а видимъ мы его только въ придуманномъ письмѣ!—Чтобы поскорѣе окончить, посмотримъ еще на одно только замѣчаніе: Цанковы и Миклошичь замѣчаютъ, какъ странность, и удивляются, что отъ словъ *агне, прасе*, и т. п., въ нѣкоторыхъ подрѣчіяхъ происходитъ мн. число *ágnéa-ta, praséa-ta*, при чемъ Цанковы ожидали бы формы *ágneta-ta, praséta-ta*, а Миклошичь говоритъ, что ожидается форма *agnea-ta, prasea-ta*. Но зачѣмъ же опять вы пишете *éa*? Разумѣется, при такомъ образѣ письма явленіе странно, ибо по разложеніи, оказывается форма *agneâa-ta, praseâa-ta*: да кто же велитъ вамъ созидать такую форму? А дѣло между тѣмъ очень просто: древній носовой зв. ѧ, присущій въ этихъ формахъ, обращается обыкновенно въ н. б. въ *я* или *е*, но чаще *е*, такъ что *я* является точно какъ бы исключеніемъ, да къ тому же въ нѣкоторыхъ областяхъ это *я* получаетъ долготу, и т. о. являются очень простыя формы *агня-та, прася-та*, при чемъ членъ совпадаетъ съ одвороднымъ мѣстоименнымъ окончаніемъ (*прасѧ* вмѣсто *prasęi*). Цанковы желаютъ непремѣнно прибавки еще члена *та*; Миклошичь догадывается, что долженъ бы быть звукъ просто *ea* (=*é*?): и между тѣмъ не рѣшаются измѣнить правописанія *éa*, хотя бы просто на свое *é*, равняющееся зв. *я*.—И такъ, помимо всѣхъ этихъ странностей, что же можемъ мы вывести полезнаго и съ чѣмъ можемъ согласить-

ся? Соглашаемся 1) съ тѣмъ, что по Миклошичу *é*=Ц. славянскому ѧ и должно быть употребляемо даже послѣ шипящихъ, тамъ, гдѣ въ Ц. слав. ѧ=ѩ=ѧ. 2) Съ благодарностію, хотя осторожно и съ ограниченіями, принимаемъ замѣчанія о переходѣ *é* въ *е*, толкуя правила эти такимъ образомъ, что здѣсь ять удерживаетъ древнѣйшій звукъ *ѣ*, а въ другихъ случаяхъ, и именно разобранныхъ нами выше въ яз. Ц. слав., переходитъ въ звукъ *я*; но это *я* желали бы отличить отъ происходящаго другими путями. И такъ, повторяемъ, касательно правописанья вытекаютъ три способа:

СПОСОБЫ, ВЫТЕКАЮЩІЯ ДЛЯ ПРАВОПИСАНІЯ НОВОБОЛГАРСКАГО ЯТЬ.

1) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые соотвѣтствуютъ Ц. слав. ятю въ двухъ его видахъ, и въ которыхъ тоже двойство проявляется и въ яз. н. болг., писать для одного случая *ѣ*, для другаго *я*, соединяя съ первымъ понятіе *é*, и употребляя одинъ знакъ для мѣстъ и случаевъ, указанныхъ Миклошичемъ и Цанковыми, другой знакъ для остальныхъ случаевъ, при чемъ брать въ соображеніе случаи перехода ѧ въ ѩ въ яз. Ц. слав., буде они совпадаютъ съ случаями въ яз. н. б.; отличая такое *я*, однородное съ *ѣ*, по исторіи, по чередованію, по долготѣ, которая вѣроятно со временемъ отмѣтится наукою, думаемъ, что не нужно отмѣчать его особымъ знакомъ, напр. для *я*=*ѣ* употреблять ѩ, а для другаго *я* употреблять *я*, или на оборотъ; не нужно, чтобы облегчиться отъ лишняго знака: хотя и подобный пріемъ не считаемъ безполезнымъ.—2) Для всѣхъ случаевъ можно писать одно *я*; тамъ гдѣ оно является какъ звукъ *é*, можно дѣлать, а можно и не дѣлать отмѣтку, т, е. ставить точку, двѣ точки, и т. п.; но при этомъ способѣ правописанья необходимо уже отличить это *я* особымъ начертаніемъ, писать напримѣръ *ѩмъ* и *ягне*, *плетѩ* и *коня*, или на оборотъ. 3) Употреблять для всѣхъ случаевъ одно *ѣ*, ставя тамъ, гдѣ оно звучитъ *я*, точку или двѣ точки, или даже безъ этого отличія, такъ какъ теперь наука начинаетъ уже опредѣлять случаи этого двойнаго произношенія. Мы избрали бы охотно послѣдній способъ, хотя весьма также одобряемъ и первый, но не второй, который кажется менѣе удобнымъ. Во всякомъ случаѣ, желаемъ здѣсь пользоваться пособіями науки, изученіемъ яз. Ц. слав., сравненіемъ съ другими слав. нарѣчіями, но весьма боимся системъ, по видимому строгихъ, а въ самомъ дѣлѣ неточныхъ, чтобы не за-

переть хода дальнѣйшимъ открытіямъ въ яз. н. б.; открытій этихъ мы ожидаемъ отъ изданія чисто-народныхъ памятниковъ и отъ ихъ прилежнаго изученія; особенно же много данныхъ желаемъ получить отъ македонскаго нарѣчія, объемомъ не уступающаго собственно-болгарскому и ѳракійскому, тѣмъ болѣе, что въ немъ мало развитъ звукъ *я* и гораздо чаще является *ѣ* съ звукомъ *é*; сравненіе въ этомъ случаѣ вѣроятно много откроетъ новаго, и посильное опредѣленіе долготы и краткости прольетъ свѣтъ на болгарскій ять. Въ ожиданіи всего этого, съ мѣрами осторожности, намѣтимъ слѣдующіе случаи, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, долженъ являться знакъ *ѣ*:

ВЪ КАКИХЪ СЛУЧАЯХЪ ЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ЯЗ. НОВОБОЛГ. ЯТЬ, И ГДѢ НЕПРЕМѢННО ДОЛЖНО ВЫРАЖАТЬ ЕГО ЗНАКОМЪ Ѣ, ГДѢ ДОПУСТИТЬ ВМѢСТО ТОГО Я?

I. *Въ корняхъ вообще.*

Во всѣхъ корняхъ, не смотря на слѣдующіе слоги, на удареніе и на положеніе въ началѣ; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ мы охотно промолчали бы, если бы кто написалъ напр. *ямъ* вмѣсто *ѣмъ*. Нужно замѣтить, что болгар. языкъ вездѣ здѣсь находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ Ц. славянскимъ, такъ что многіе случаи, сомнительные въ позднѣйшихъ рукописяхъ древлеболгарскихъ, находятъ себѣ уясненіе и поправку въ н. болгарскомъ; это особенно касается мѣстъ, гдѣ *ѣ* или чередуется съ ѧ, или поднимается изъ *е*, *и* и т. п.: таковы напримѣръ слова: *ѣдъръ*, по корню сродное съ Ц. слав. ѣдро, ꙗдро, ꙗдра; *вѣхнѫ*, Ц. слав. вѧнѫ; *помѣнѫ*, *помѣнувамъ*, Ц. слав. помѧнѫти, иногда помѣнѫти; *мѣкъ*, *мѣкнѫ*, Ц. слав. мѧкъкъ и мѧкъкъ. Впрочемъ здѣсь нужно быть осторожнымъ, ибо ѧ, переходя въ н. б. по большей части въ *е* и глухой звукъ, иногда удерживаетъ звукъ *я*, и при настоящихъ скудныхъ данныхъ мы не можемъ рѣшить, когда это *я* по натурѣ своей сродно и тождественно съ *ѣ*, тѣмъ болѣе, что въ суффиксахъ и флексіяхъ это *я* большею частію различно отъ ятя: таково напримѣръ слово *повясмо*, которое прямо относится къ древнему корню вѧз, и которое съ другой стороны легко можетъ быть=*повѣсмо*. Далѣе слова, въ которыхъ *ѣ* поднимается изъ другихъ звуковъ, напр. *мѣтамъ*, Ц. слав. мѣтати отъ мет; *калѣкъ*, Ц. слав. лѣкъ отъ ли; *облѣкло*, корень, въ которомъ Ц. слав. имѣетъ не только ѣ и е, но и ь, ъ; это послѣднее

обстоятельство заставляетъ и здѣсь быть очень осторожнымъ, и вотъ примѣръ: Ц. сл. языкъ имѣетъ формы врѧтено и вретено, н. болг. *въртено* и *єрътено;* конечно врѧт всего ближе къ корню врѧт, но врѧт переходитъ также и въ врѫт, врът, а изъ ь весьма легко происходитъ є и ѣ: оба эти звука уже далеки отъ первоначальнаго ятя, и согласно съ этимъ мы въ н. б. встрѣчаемъ еще третью форму вретено, но не врѧтено; такъ точно при фф. трѧти, трѫти, трьти, отрь, стрь, простьрѫ, сътрѫтъ, прѫтърсвъ, мы имѣемъ въ Ц. слав. двѣ формы—трава и (позднѣе, средне-болг.) трѣва, но въ н. б. является уже позднѣе возникшая форма *тревá*, рядомъ съ *трáва*; Цанковы пишутъ *trévŭ*, съ удареніемъ на *ŭ*, но мы напомнимъ имъ, что по ихъ собственнымъ правиламъ *é* безъ ударенія обращается въ *e*; а что это *e* не есть *ѣ*, видимъ изъ того, что здѣсь слышны у Болгара только звуки *a* и *e*, но звука *я* нѣтъ, напр. *травѣ*, по ихнему *trávè*: а слѣдовательно они не правильно пишутъ *é*, вѣроятно соблазненные примѣромъ Ц. слав. языка (здѣсь еще впрочемъ можно сомнѣваться, ибо въ производномъ собственномъ имени встрѣчаемъ *Трѣвна=Трявна*). Равнымъ образомъ не довѣряемъ Миклошичу, когда онъ пишетъ *dêsna*, ибо не находимъ въ этомъ словѣ двойнаго произношенія, такъ что *десенъ* или *десьнъ* и *десна* въ н. б. произносятся одинаково, не различая звука *ѣ* и *я*, или двухъ видовъ одного ятя; и въ Ц. слав. является десьнъ, да и корень *диç* скорѣе приводитъ къ тому, что *и* перешло въ *ь*, потомъ отсюда въ *e* простое; Миклошичь вѣроятно увлекся Цанковыми, которые пишутъ *désen-désná*, опять забывая, что по ихъ правилу *é* безъ ударенія должно перейти въ *e* простое. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о переходѣ *ѣ* въ *и*.

ЯТЬ ПЕРЕХОДИТЪ ВЪ И, ВЪ ЭТИМОЛОГІИ И ПРОИЗНОШЕНІИ.

Въ н. болгарской этимологіи, какъ и въ Ц. славянской, явленіе это самое обыкновенное, и нужно замѣтить, подобные случаи оказываются именно пониженіемъ *ѣ* въ *и* (а не на оборотъ, не повышеніемъ *и* въ *ѣ*), по крайности по большей части, ибо *и* встрѣчаемъ мы въ производныхъ формахъ отъ формъ съ *ѣ*, напр. *смѣѭ сѧ—подсмйвамъ сѧ, развѣвамъ—развивамъ, мѣтамъ—одмитамъ—измитамъ, нарѣкамъ,* Ц. сл. рѣкати отъ рек,—*обричьмъ*; *сѣки—сички*, и т. д. Теперь, съ переходомъ *e* безъ ударенія въ *и*, можно ожидать, что тоже явленіе случится и съ *ѣ*, какъ скоро оно держитъ звукъ *é*, а ударенія на немъ не случится; разумѣется, только здѣсь больше

упорства, а потому случаи возможны рѣже, да при томъ *и*, если не всегда, то часто будетъ удерживать долготу, такъ точно, какъ оно удерживаетъ долготу и въ этимологическомъ переходѣ изъ *ѣ*, удерживаетъ въ Ц. слав., чешскомъ, м. русскомъ, и другихъ нарр. Сюда относимъ мы предлогъ *при*, являющійся часто вмѣсто *прѣ* безъ ударенія, напр. *примѣна*; далѣе *гниздó* вмѣсто *гнѣздó*; *сидѣше* вмѣсто *сѣдѣше*, и т. п. Впрочемъ послѣдняя форма можетъ быть и спорною, ибо сѧд чередуется въ Ц. слав. съ сѣд, и н. болгарское *и* могло произойти изъ *е*, а *е* изъ ѧ. Миклошичь высказываетъ мнѣніе, будто *е*, происходящее вслѣдствіе отсутствія ударенія изъ *é*, не подчиняется закону перехода въ *и*, напр. *gnézdo* и *gnezdó*: замѣтимъ мимоходомъ, что онъ невольно признается этимъ въ той истинѣ, что *е*, происходящее изъ *é* въ указанныхъ имъ случаяхъ, по натурѣ своей отлично отъ *е* простаго, ибо не подлежитъ случаямъ, столь частымъ въ послѣднемъ. Далѣе, такъ какъ это *е* мы признаемъ также ятемъ, только съ звукомъ *é*, въ противуположность звуку *я*, который обозначается Миклошичемъ *é*, то по мнѣнію Миклошича *ѣ* (ять съ звукомъ *é*) не подлежитъ переходу въ *и* по отбытіи ударенія. Противъ этого говорятъ приведенные нами выше примѣры; да и нѣтъ никакой причины отвергать этой возможности, если она уже такъ легко допускается въ этимологіи, и если самъ ученый допускаетъ переходъ *é* въ простое *е* по одному только отсутствію ударенія. Въ словенскомъ *é* (*ѣ* съ звукомъ *é* или *é*), переходящее въ *ej*, *ja* (=Ц. слав. ѧ: опять доводъ противъ правописанія Миклошича въ яз. н. б.), *е*, *i*, и въ концѣ словъ, безъ ударенія, даже чаще переходитъ въ *i*, чѣмъ *е*, напр. *vodi* и *vode*. Между тѣмъ изъ одной избы да не однѣ вѣсти: Цанковы, на 2-й стр. своей грам., говорятъ, что *é* безъ ударенія переходитъ въ *е*, а въ нѣкоторыхъ странахъ въ *i*: *gnizdó*, *mistá*, *grihové;* правда, на стр. 4 они спѣшатъ уже ослабить этотъ фактъ замѣчаніемъ, что въ *i* переходитъ *е*, происшедшее изъ *é* безъ ударенія, напр. *miri*, вм. *me*, вм. *mé*; *kpávi-ti*, вм. *te*, вм. *té*: однако, будучи убѣждены, что это *е* есть также нечто иное, какъ *ѣ* съ другимъ своимъ звукомъ, мы остаемся при мнѣніи о переходѣ *ѣ* въ *и* безъ ударенія. Явленіе конечно не частое, однако, если бы мы сдались на правописаніе Миклошича и Цанковыхъ, мы встрѣтили бы его чаще: такъ, если въ именит. мн. и вообще въ собирательныхъ писать *é* = *ѣ*, то *ѣ* здѣсь переходитъ въ *и*, ибо формы *Bùlgaré*, *čifuté*, *bivolé* (съ удареніемъ на концѣ) имѣютъ при себѣ *Bùlgari*, *čifùti*, *bívoli*; но дѣло въ томъ,

что мы признаемъ эти формы собирательными, то есть такими, которыя въ Церковно-славянскомъ имѣютъ ѭ, ѥ, ѩ, є, а потому и считаемъ возникшимъ не изъ ѣ; если писать здѣсь *ѣ*, то мы спрашиваемъ: по какому праву Миклошичъ осуждаетъ Русскихъ за правописаніе *болѣе, менѣе, болѣ, менѣ,* тогда какъ здѣсь *ѣ* соотвѣтствуетъ такому же сочетанію ѭ, ѥ и т. д.? А потому и въ спорной, выше указанной, формѣ *поболи, и* могло бы произойти изъ *ѣ*. — Мы видимъ отсюда, что *ѣ* въ н. б. можетъ переходить въ *и*, какъ скоро нѣтъ ударенія; но все-таки явленіе это не такъ часто: а потому мы рекомендуемъ пишущимъ по н. болгарски тщательно отмѣчать подобные случаи, ставя надъ *ѣ* точку или двѣ, или же просто пиша *и*; особенно любопытно будетъ узнать, на сколько это *и* удерживаетъ долготы.

II. *Въ корняхъ послѣ звуковъ шипящихъ.*

Наконецъ мы должны сказать нѣсколько словъ отдѣльно о знакѣ *ѣ* въ корняхъ послѣ шипящихъ: разумѣется, случаевъ такихъ не много; въ Ц. слав. древнѣйшихъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ здѣсь *а*, т. е. отъ а+ї или ї+а іотъ уходитъ въ претворенный звукъ согласный; въ н. б. по вторичному, двойному и сильному смягченію, остается ять, но, разумѣется, чаще склоняется къ звуку *я*, а потому мы нисколько не противъ того, кто писалъ бы въ этомъ случаѣ *я*; при томъ, явленіе въ Ц. слав. языкѣ при этихъ случаяхъ ѧ, ѣ, и происхожденіе отсюда уже простаго є, чрезъ посредство особенно ь-ря, можетъ сбивать правописаніе, такъ что помощь здѣсь могутъ оказать только позднѣйшія болгарскія рукописи, гдѣ мы встрѣчаемъ на примѣръ формы чѣша, чѣродѣиць, чѣсъ, и т. п. Но и здѣсь часъ и чѣсъ, на примѣръ, стоятъ въ связи съ частъ, съ часть, чьсть = честь, чистъ — ꙉастити, чьтѫ, чати, чьнѫ, и т. п.; жѧжда—жадати—жьдати; жалити, желѣти, жало: а потому не знаемъ, вѣрно ли пишутъ Цанковы *želno*, *želos* = *ѣ*, и въ тоже время *žédos*, *žéden* = *е* изъ ѧ; *žér* (т. е. *жаръ*) имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что слово это=ѩръ, ѣръ, со вставкой д—ѩдро, ѣдро, но и ѩдра; можно также писать *šerán*, карпъ, пеструха, *šerkù*, *шѣркамъ* или *шяркамъ*-рою, *шѣренъ* или *шяренъ*, пестрый, сербское *шара*, *шарен*, наше *шарить*, чеш. *šerý*, *сѣрый*; за то конечно мы будемъ писать *шега*, *честь*, *чедо*, *жело*, и т. п., гдѣ *е* изъ ѧ, или *чесь* вм. *честь*, *четѫ*, *четъ*, *шевъ*, и т. п., гдѣ *е* изъ *ь* и *и*, и т. д. Но не понимаемъ, отчего напр. Цанковы пишутъ *'čер*, *čерák*, *čерkù*, и т. п., гдѣ корень *чьп*. Пока мы

не соберемъ бóльшихъ и лучшихъ данныхъ о языкѣ н. б., до тѣхъ поръ въ настоящемъ случаѣ останется все-таки много нерѣшенныхъ вопросовъ, и не будемъ мы обвинять тѣхъ, которые здѣсь будутъ даже писать простое *е*.

III. *Въ корняхъ мѣстоименныхъ.*

Особый отдѣлъ въ правописаніи н. б. составляютъ мѣстоименные корни: мы будемъ писать *дѣ*, не смотря на то, что въ Ц. слав. здѣсь является то є, то ѧ: *нѣйдѣ кѫдѣ; тѣ, тѣхъ, тѣхни; нѣщто; освѣнъ; сѣки, сѣкога* и т. д.

IV. *Въ формахъ нарѣчій.*

Въ связи съ этимъ стоятъ окончанія нарѣчій: *добрѣ, горѣ, твърдѣ, блазѣ, вѫтрѣ, подирѣ, злѣ, хубавѣ*, и т. д.; *бържѣ* можетъ спорить съ *бърже; сетнѣ* съ *сетне; веке* по нашему убѣжденію можетъ спорить съ *вѣкѣ*.

V. *Во флексіяхъ именъ существительныхъ.*

Во флексіяхъ именъ сущ. мало можетъ быть сомнѣній, ибо падежи, имѣющіе *ѣ*, исчезли; осталось двойственное—*рѫцѣ, дѣвѣстѣ, колѣлѣ* и т. д.; въ собирательныхъ и именительномъ множ. мы не признаемъ *ѣ*; не признаемъ его и тамъ, гдѣ *я* возникаетъ путемъ этимологическимъ изъ *ь* и *и*, какъ напр. въ именительныхъ *батя* изъ *бати; леля* изъ *лели* и *лель; дъщеря* изъ *ь* и *и*; или въ родит. *коня, царя*, и т. д.; еще менѣе можемъ допускать *ѣ* въ *душя, кожя*, и т. д.

VI. *Въ суффиксахъ именъ* (*древній мѣстоименный корень*).

Гораздо болѣе трудности представляютъ суффиксы именъ, опять потому, что прадревнее *а* въ Ц. славянскомъ переходитъ уже въ ѧ, послѣ въ а, є, и, ь, ъ, и т. п. Можемъ только приблизительно намѣтить нѣкоторые случаи. Такъ древній суф. *ан* (скр. *аньяс*) въ Ц. слав. перешелъ большею частію въ ѧнъ, напр. мѣдѧнъ, багрѧнъ, древѧнъ, переходя послѣ гласныхъ въ инъ-лоꙁинъ, оусининъ, достоинъ, послѣ шипящихъ въ анъ-рожанъ, потомъ въ анъ-багранъ,

трьмин, въ них-достоинъ, съ тысячью другихъ примѣровъ, прибавляя къ инъ, инъ или инъ еще инъ-Христиинъ-инъ, далѣе обращаясь просто въ ь нрѣсьнъ, рѣсьнъ, и т. п. Тамъ и сямъ въ н. б. мы встрѣчаемъ еще древнее *ѣнъ*: *желѣзѣнъ*, *ситѣнъ*, *сукнѣнъ*, *дървѣнъ*, *сирнѣнъ*, *кожѣнъ*; но уже здѣсь нужно остерегаться, ибо является уже иногда звукъ *ь*, а *ь* переходитъ въ *я* и *е*, или изъ ѧ вырождается е; эти-то, уже производные, звуки называются обыкновенно бѣглыми, ибо выпускаются по приростѣ окончанія; н. б. языкъ крѣпко ихъ держитъ, потому уже самому, что не всегда обращаетъ въ *ь*, или самому *ь* даетъ окрѣпнуть, что̀ мы увидимъ еще впослѣдствіи. Тоже самое съ *ар*: Ц. слав. болѣръ, болѣринъ, н. б. *болѣринъ*, *болѣрка*. *Ал* перешло въ ѳ. *кисѣлъ*, *весѣлъ*, и рядомъ *кисълъ* и *кисьлъ*, *киселъ*, *весѣлъ*, *весьлъ*, *веселъ*; Ц. слав. обитѣль, пишталь, дѣтѣль, печаль, н. б. *печѣлба*; *ав-лоишѣвъ*; Ц. сл. челядь и чѣлядь, н. б. *челѣдь*. Тоже самое должно сказать о суффиксахъ именъ, происходящихъ отъ глаголовъ, предполагающихъ въ неоконч. связку *ѣ*; н. б. языкъ удерживаетъ въ этихъ производныхъ именахъ *ѣ*, быть можетъ, крѣпче всѣхъ прочихъ слав. нарѣчій: отсюда *вѣртѣнъ*, *умрѣлъ*, *завонѣлъ*, и т. п., между тѣмъ какъ Ц. слав. имѣемъ уже здѣсь, напримѣръ, оумрълъ, простр҄ѣтъ и просътрѣтъ, простьръ, что̀, думаемъ, зависитъ отъ болѣе сильной гласности р, вслѣдствіе которой являются формы жрѣти, трѣти и аористъ оумрохъ, оумре. Вслѣдствіе удержанія связки ѣ, попадаются въ Ц. слав. и формы величание, обычаи: но здѣсь мы встрѣчаемся уже опять съ труднымъ вопросомъ о зв.*ѣ* при шипящихъ и предполагаемъ разсмотрѣть его въ слѣдующемъ отдѣлѣ, наиболѣе сомнительномъ, объ окончаніяхъ и флексіяхъ глаголовъ.

VII. *Въ формахъ и измѣненіяхъ глаголовъ.*

За неимѣніемъ неокончательнаго, н. б. языкъ удерживаетъ связку *ѣ* въ настоящемъ, аористѣ, прош. несов., причастіи на *лъ* и *нъ*. Гдѣ же она является и какое имѣетъ значеніе въ глаголахъ? Уже въ Ц. слав. связка неокончательнаго часто склоняется отъ а къ ѣ, по мѣстамъ сохраняя однако древнее а: питати и питѣти, зрати и зрѣти; обитаѣь имѣетъ при себѣ обитѣти, но является уже и обитѣль; съпати предполагаетъ уже съпѣти, ибо съпаж, спиши = трѣпѣти, трѣпѣж, трѣпиши; такъ въ др. чеш. мы встрѣчаемъ *viďal* и потомъ уже *viděl*. Мало того, ѣ переходитъ въ и: не говоря уже о многихъ другихъ примѣрахъ, вспомнимъ скрѣпати, скрѣпѣти, скрипѣти,

свирали и свирали. Разумѣется, тѣже самые переходы имѣли мѣсто и во всемъ спряженіи, въ связкахъ настоящаго, окончаніяхъ и связкахъ аориста, связкахъ прош. несов., и т. д. Только при шипящихъ и послѣ гласныхъ, или при встрѣчѣ съ іотомъ, удерживалось а, но это а далеко уже не есть древнее, а есть видоизмѣненіе ѣ въ и и потеря послѣднимъ іота, и т. п.: напр. дръжати, крячати, слышати всегда предполагаютъ іотъ, ушедшій въ шипящую, и въ повелительномъ рядомъ съ дръжате является уже дръжите, гдѣ и, происшедшее изъ ѣ, показываетъ, что оно есть ниспаденіе звука ѣ; правда, что это и есть гласная наклоненія, сливающаяся, скажутъ, со связкой а: но это а, изъ формъ слышати, кричати, есть уже ослабленное, равняющееся ѣ или ѣ, отъ которыхъ похищенъ іотъ; ибо съ чистымъ а въ повелительномъ или образуются формы на ѣ—бер-а ти, бер-ѣ-те, или на ай—дѣлайте. Таковы же формы стояти-стоиши, стоите; формы виите, глаголите, и т. п., представляютъ только относительную древность, древность относительно и: виите, хвалите, и сами по себѣ=ѣ, но уже не а. Такъ и въ чешск. мы встрѣчаемъ древность только относительную въ фф. *viďal* вм. *děl; ležal* вм. *žel*; *hořal-řel*; *napájeti*, *chodjéše*, и потомъ уже *chodiše*; *mlčeti*, *držeti*, *slyšeti*; словен. *dišati* и *dišeti*, *oglušeti*; в. рус. *дичать* и *дичѣть*, *хорошѣть*, *рыжѣть*, *дюжѣть*, и т. д. Конечно этимъ ослабленіемъ вокализма воспользовался языкъ, за постепенною потерею временъ, для образованія разнообразныхъ видовъ: здѣсь не мѣсто намъ говорить о приложеніи подобныхъ средствъ. Н. б. языкъ, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, удержалъ весьма развитый *л*, въ двухъ его видахъ.

1. *Въ развитіи прошедшаго несовершеннаго; связь съ нимъ аориста; разнообразныя формы новоболгарскаго глагола; виды.*

Первый отдѣлъ глаголовъ, съ двумя подраздѣленіями.

Онъ удержалъ его и развилъ вообще въ прош. несов.: а) во всѣхъ глаголахъ, имѣющихъ въ Ц. слав. тему на согласную и непосредственно приставленное къ ней окончаніе неопред. наклоненія и 1-го лица наст. времени, а въ н. б., за неимѣніемъ неокончательнаго, имѣющихъ непосредственно приставленное окончаніе 1-го л. наст. врем. къ темѣ на согласную: Ц. слав. нести, нести, нетѣхъ,

н. б. *плетѫ, плетѣхъ;* сѣсти, сѧдѫ, сѧдѣахъ—*сѣдѫ, сѣдѣхъ*; нести, несѫ, несѣахъ—*несѫ, несѣхъ*; клати, кльнѫ, кльнѣахъ—*кълнѫ, кълнѣхъ*; грети, гребѫ, гребѣахъ—*гребѫ, гребѣхъ*. Разумѣется, здѣсь происходитъ смягченіе гортанныхъ, или лучше претвореніе: пешти, пекѫ, печахъ—*пекѫ, печѣхъ*; мы знаемъ уже, что при шипящихъ въ н. б. должно оставлять *ѣ*, ибо смягченіе двойное; отсюда формы *сѣчѣхъ, стрижѣхъ, сърищѣхъ*, съ произношеніемъ *я*; во 2-мъ и 3-мъ л. ед. *ѣ* является уже съ звукомъ *і*. Совершенно тоже самое должно сказать о темахъ на гласную, безъ связки: крыти и крити, крыѭ, крыахъ, н. б. *крия, криѣхъ*; однако здѣсь мы нисколько не противъ тѣхъ, которые захотѣли бы писать *я*, и конечно это болѣе идетъ при формахъ *пѣяхъ, лѣяхъ*, чѣмъ *пѣѣхъ, лѣѣхъ*; но что они будутъ писать во 2-мъ и 3-мъ л. ед.? неужели простое *е*: *биеше*? Конечно уже здѣсь, по крайности, слѣдуя произношенію *ê*, слѣдуетъ писать *ѣ*: *биѣше*. Тамъ, гдѣ Ц. слав. ѹ переходитъ въ ов, остается тоже правило: коути, ковѫ, ковѣахъ, *ковѫ, ковѣхъ*.

Второй отдѣлъ глаголовъ.

Въ глаголахъ, имѣющихъ связку *нѫ*, примѣры прошедшаго несов. въ Ц. слав. очень рѣдки: основаніе въ значеніи однократнаго вида. Напротивъ н. б. языкъ вездѣ сохранилъ здѣсь прош. несов. съ *ѣ*: *боднѣхъ, дигнѣхъ*, и проч., но употребляетъ обыкновенно эти формы для значенія условнаго наклоненія съ частицами *ако, кога* и т. д

Третій отдѣлъ глаголовъ.

Разумѣется, *ѣ* удерживается въ тѣхъ глаголахъ, которые въ Ц. слав. имѣютъ связку ѣ. Здѣсь насъ прежде всего останавливаетъ тотъ классъ, въ которомъ, по словамъ Миклошича (въ его Formenlehre), настоящее, отбросивъ связку ѣ, принимаетъ е. Мы бы желали не такъ объяснить это явленіе: е, по нашему мнѣнію, есть ослабленіе зв. ѧ. Почему же ѣ въ этомъ классѣ такъ слабо? Потому, что въ немъ не такъ нуждаются. Почему? Потому, что въ этомъ классѣ корень кончится на р и л, а эти звуки въ Ц. слав. сами имѣютъ достаточную гласность. Потому-то рядомъ съ формами жрѣти, трѣти, являются жрати, трьти; потому-то этотъ классъ такъ близокъ къ тому, въ которомъ окончаніе ти непосредственно присоединяется къ корню, и именно къ тому отдѣлу, въ коемъ корень кончится на глас-

ную, а ρ и λ суть гласныя, до извѣстной степени. Въ н. б. эти гласныя несомнѣнно ослабѣли: вотъ почему онъ въ этомъ классѣ такъ упорно держитъ ѣ, вопреки даже аналогіи Ц. слав., напр. *умрѣлъ*, Ц. сл. оумрълъ или оумрлъ Да позволено намъ будетъ сдѣлать здѣсь одно сближеніе: именно, мы можемъ заключить, что тамъ, гдѣ корень кончится на гласную, связка не такъ нужна и должна быть слабѣе; отсюда кривахъ, бимахъ, вмѣсто ѣхъ; здѣсь ять принимаетъ видъ и для избѣжанія гіатуса, и достигаетъ этого, ставя іотъ передъ гласной и низводя ее почти до согласной; сравни а при шипящихъ, перешедшее изъ ѣ: это уже, какъ всякой случай смягченія, есть болѣе позднее явленіе языка. Вотъ почему, какъ выше замѣчено, мы охотно допустили бы здѣсь *я* вмѣсто *ѣ* въ ново-болгарскомъ; даже мы допустили бы здѣсь е вмѣсто *ѣ*, наприм. *биеше*. Но причина такого явленія совсѣмъ не та, какую указываетъ Миклошичь, а именно не послѣдующіе звуки, а предшествующіе: въ формѣ *биеше* вмѣсто *бише*, не *ше* ослабило бы звукъ, а *и*, такъ что е не явилось бы двугласнымъ, и мы вправѣ бы искать двугласности только въ сочетаніи *ие*, которое дѣйствительно переходитъ въ ѥ: оумѣвѣ; въ формѣ *дръжаше*, *дръжише*, вм. *дръжѣше*, мы бы искали двугласности не въ *а*, и, отдѣльно, а въ цѣломъ сочетаніи *жа*, *жи*, т. е. *г+і+а*. Впрочемъ эти вопросы трудно еще опредѣлить въ точности, до изъясненія долготы и краткости въ древнемъ и новомъ языкѣ Славянскомъ. По крайности формы бѣте (выводимъ изъ оумѣмо), биѣте и биите (= бийте), убѣждаютъ именно въ томъ, что и есть переходъ отъ ѣ къ и и признакъ ослабленія: послѣдняя форма самая поздняя, первая самая древняя и рѣдкая.—Разумѣется, въ этомъ классѣ со связкой *ѣ*, и въ прош. несов., и въ аористѣ, и въ причастіи, будетъ *ѣ: мрж, мрѣ, мрѣхъ, мрѣше, мрѣлъ; врж, врѣ, врѣхъ, врѣше, врѣлъ, врѣнъ; мелж, мелѣ, мелѣхъ, мелѣше*. Но нужно сказать, что неохотно употребляетъ н. б. языкъ простое настоящее этихъ глаголовъ: въ этомъ случаѣ онъ переводитъ иногда глаголы въ другія формы и значенія, — *трия, перж* (уже отходитъ къ *прати*); чаще же прибавляетъ предлогъ,—*запрж*, *прострж*; здѣсь удобнѣе, при предлогѣ, образовать аористъ, съ значеніемъ болѣе опредѣленнаго или краткаго дѣйствія. Но тутъ является другая трудность: прошедшее несов., какъ заключающее дѣйствіе болѣе продолжительное и не столь опредѣленное, не такъ уже идетъ здѣсь: въ этомъ случаѣ, оставляя его для значенія наклоненія условнаго, н. б. языкъ образуетъ новыя формы, сохраняя предлогъ, но расширяя уже глаголъ

другими средствами: *умирамъ*, *простирамъ*, *запирамъ*, *намиламъ*, и т. п. Здѣсь уже очень идетъ прошедшее несовершенное, хотя уже совсѣмъ другаго класса: *умирахъ*, *простираше*; любопытно, что въ Ц. слав. яз. тотъ же пріемъ, и вмѣсто мрѣахъ мы находимъ оумирахъ. Въ этихъ-то формахъ на *мъ* со связкою *а*, или на *амъ*, встрѣчаемъ мы прош. несов. на *ахъ*, *аше*, вмѣсто *ѣхъ*, *ѣше*; второй случай прошедшаго на *ахъ* является въ выше приведенной формѣ *перѫ*, которая предпологаетъ *пр-а-ти*, какъ *дерѫ-др-а-ти*; о третьемъ случаѣ скажемъ ниже. Естественно, въ формахъ на *амъ*, 3-е л. ед. будетъ на *а*: потому аористъ совпадалъ бы съ настоящимъ, и потому исключается изъ спряженія этого вида, сообразно и съ разширенымъ, обобщеннымъ его значеніемъ, устраняющимъ опредѣленность и краткость.

Четвертый отдѣлъ глаголовъ.

Глаголы, въ Ц. слав. имѣющіе въ неоконч. связку *ѣ*, потомъ въ настоящемъ, въ Ц. Слав. и н. б. языкѣ, опускающіе *ѣ* до *и*. Они имѣютъ *ѣ* въ н. б. въ аористѣ, прош. несоверш., причастіяхъ на *лъ* и *нъ*: *горѭ*, *горишь*, *горѣхъ*, *горѣ*, *горѣше*, *горѣлъ*, *горѣнъ*; то же самое и съ прочими подобными глаголами. Глаголы на *тѫ*, *дѫ*, *сѫ*, претваряются въ Ц. слав. въ штѫ, ждѫ, шѫ; извѣстно, что въ н. б. звуки эти не претваряются, и отсюда мы имѣемъ формы: *въртѫ*, *въртишь*, *въртѣхъ*, *въртѣ*, *въртѣше*, *въртѣлъ*, *въртѣнъ*; *видѫ*, — *ишь*, — *ѣхъ*, — *ѣ*, — *ѣше*, — *ѣлъ*, — *ѣнъ*; *висѫ*, — *ишь*, — *ѣхъ*, — *ѣ*, — *ѣше*, — *ѣлъ*, — *ѣнъ*. Равно не допускается вставки послѣ губныхъ, ибо онѣ мягки по своей натурѣ: *любѫ*, — *ишь*, — *ѣхъ* и т. д.; *кипѫ*, *вървѫ*, *гърмѫ* подлежатъ тому же закону. Интересенъ въ этомъ случаѣ н. б. глаголъ *штѫ*, представляющій претвореніе даже тамъ, гдѣ его нѣтъ въ Ц. слав. — Ц. сл. хоштѫ, — штеши, н. б. *штѫ*, *штешь*; Ц. сл. хотѣть и хоштѫть, н. б. штѫтъ; Ц. слав. хотѣхъ, — ѣ, хотѣахъ-ѣаше, н. б. *штѣхъ*, *штѣ*, *штѣше*; Ц. сл. хотѣлъ, н.б. *штѣлъ*; Ц. слав. хоштенъ, н. б. *штенъ* (откуда сущ. *нештенъ*). — При шипящихъ въ Ц. сл. является *а* вм. ѣ, вм. *ѣ*, въ н. б. опять *ѣ*: *държѫ*, *държѣхъ*, — *ѣ*, — *ѣше*; *мълчѫ*, — *ѣхъ*, — *ѣ*, — *ѣше*, — и т. д. Здѣсь *ѣ* уже слабѣе, такъ что мы не отвергли бы даже знака *я* въ формѣ напр. *дръжяхъ*. Еще слабѣе это *ѣ* въ глаголахъ съ темой на гласную, которая впрочемъ переходитъ уже въ небную согласную, именно іотъ: стояти, скр. *stâ*, откуда поднятый звукъ стой=*stoj*; боятися, скр. *bî*, но въ нѣ-

которыхъ слав. нарр. удержалось древнее *а*, напр. пол. *bać się*; т. о. этотъ *j*=шипящей, напр. ж, ч, ш, и сочетаніе ж=жа, ча, и пр.; какъ при собственно-шипящихъ, такъ и при іотѣ въ корнѣ, можно даже предполагать, что здѣсь связка не ѣ, а простое а, смягченное іотомъ, ибо иначе форма напр., стояти равнялась бы формѣ *стоj-jа-ти*, т. е. вмѣсто *стоj-ѣ-ти*. Потому, если при собственно-шипящихъ, то еще болѣе здѣсь мы допускаемъ не только *я*, но даже е: отсюда можно писать *Стоянъ*, *Стоене*, *Бояна*, *Боен'ка*. Однако и здѣсь, кто хотѣлъ бы полнаго единства въ правописаніи, тотъ могъ бы писать *Стоѣнъ*, *Стоѣне*, т. е. писать *ѣ*: ибо, хотя здѣсь я и е гораздо уже слабѣе, чѣмъ *ѣ* въ его собственной области, уже потому, что предшествуетъ гласная *о*, но все-таки эти звуки сильнѣе простаго іотированнаго *а* и простаго *е*, ибо форму подобныхъ глаголовъ ставятъ рядомъ съ тѣми формами, въ которыхъ прямо является *ѣ*, т. о. приближаются къ натурѣ ятя, и въ другихъ, производныхъ формахъ, прямо къ нему возвращаются. Нелѣпость такой формы, какъ *стоj-jа-ти*, *боj-jа-ти* (ся), мало говоритъ противъ нашего мнѣнія, ибо именно остается нелѣпостью по слѣдующей причинѣ: нельзя представить, чтобы языкъ сперва, напримѣръ, образовалъ *стоj*, потомъ взялъ ти, потомъ притянулъ связку и вм. ѣ; въ языкѣ это совершается однимъ актомъ, такъ что изъ стати является стояти современнымъ возведеніемъ а въ оі и измѣненіемъ связки въ ѣ или я. Еще болѣе мы убѣдимся, если разсмотримъ производныя формы. Ослабленіе звука *ѣ* въ разбираемой нами формѣ глаголовъ уже видно изъ того, что въ этихъ формахъ допущены глаголы съ небными *ж*, *ч*, *і*, и т. д., а главное изъ того, что *ѣ* опускается въ *и*: Ц. слав. горѣти, горѣши, н. б. *горѣхъ*, *горьше*, *горишь*. Этимъ переходомъ звука языкъ пользуется всегда въ глаголахъ для измѣненія вида глаголовъ, т. е. ихъ количественнаго и качественнаго значенія. Переходъ изъ *ѣ* въ *и*, изъ болѣе широкаго въ болѣе узкое, соединяется непремѣнно съ значеніемъ бо́льшей опредѣленности, краткости, скорости. Впрочемъ, въ этой формѣ глаголовъ, *ѣ* не вездѣ еще обращается въ *и*, такъ напримѣръ остается еще въ аористѣ: потому н. б. языкъ, допуская въ этой формѣ прош. несовершенное, не можетъ допустить аориста, ибо для его краткаго, опредѣленнего, и т. п., дѣйствія и значенія, еще слишкомъ широкъ *ѣ*, и экономія н. б. языка нарушается уже тѣмъ, что являются двѣ одинакія формы—1-го лица аориста и прош. несовершеннаго: *видѣхъ*, *грьмѣхъ*, и т. п. (въ Ц. слав. это устраняет-

ся прибавкой въ прош. несов. а—видѣахъ). Н. б. языкъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ двумъ средствамъ: первое принадлежитъ собственно его оригинальности; оно состоитъ въ томъ, что аористъ не допускается въ простой формѣ этихъ глаголовъ, и для его образованія прибавляется предлогъ: *завьртѣ—завьртѣ*; *изгорѣ — изгорѣ*, и т. п. Аористъ въ простой формѣ, безъ предлога, остается только для означенія условнаго наклоненія, такъ точно, какъ для последняго употребляется форма аориста *мрѣ*, для условнаго прош. несовершеннаго форма *боднѣхъ*, опять для условнаго аориста формы *исписуеа*, *исплашта*, и т. д. Но, образовавши глаголъ съ предлогомъ, и помощію предлога придавъ его значенію болѣе опредѣленности, н. б. языкъ выигрываетъ аористъ, за то дѣлаетъ странное прош. несовершенное: *завьртѣше*, *изгорѣше*, и т. п. Потому эти формы прош. несовершеннаго оставляются имъ для означенія прош. несов. условнаго или сослагательнаго наклоненія, а языкъ идетъ далѣе: глаголъ съ предлогомъ онъ расширяетъ посредствомъ новаго пріема, и отсюда являются формы: *завьртѣвамъ*, *изгорѣвамъ*, *завиждамъ*, *прѣкипѣвамъ*, *залитамъ* или *залятѣмъ=залѣтѣмъ*, (*летѣ*, *залетѣ*, *залитамъ*, *залѣтѣмъ*), или просто безъ предлога—*гръмлѣвамъ*, *люблѣвамъ*, и т. п.; далѣе *въздрѣжѣвамъ*, *излежѣвамъ* (*ся*), *умлъчѣвамъ* (*ся*); наконецъ *настоѣвамъ* или *настоявамъ*, *устоѣвамъ*, *устоявамъ*, и т. д. Здѣсь уже легко вытекаетъ прош. несов., за то аористъ, одинаковый въ 1-мъ л. ед. съ прош. несов., равно во множ., а во 2-мъ и 3-мъ л. ед. съ настоящимъ 3-го лица, отходитъ къ обозначенію условнаго наклоненія, и легко смѣшивается граматикаии съ настоящимъ временемъ. Въ этихъ формахъ мы видимъ и различаемъ нѣсколько пріемовъ: а) въ формѣ *завиждамъ* н. б. языкъ сходится еще съ Ц. слав., который имѣетъ ꙁавидѣти, ꙁавиждѫ, ꙁавидѣхъ, ꙁавидѣахъ, но не имѣетъ ꙁавиждати; то, что достигнуто здѣсь претвореніемъ д въ жд, въ формахъ *залитамъ*, *залѣтѣмъ* достигается расширеніемъ звука изъ *е* въ *ѣ*, или измѣненіемъ въ *и*, и т. п.; сравни Ц. слав. погрѣбати отъ греб, лѣтати отъ лет и т. д. б) Но всего замѣчательнѣе окончаніе *ѣвамъ*: оно составляетъ собственность уже н. б. языка, на ряду съ нѣкоторыми другими нарѣчіями (ср. напр. наше *окаменѣваю*); это уже весьма далекое развитіе вида, и, согласно съ тѣмъ, подобныя формы очень еще рѣдки въ древнемъ Церк. славянскомъ.—Второе средство принадлежитъ столько же ново-болгарскому, сколько и Ц. славянскому; это измѣненіе уже не связки, не согласной корня, а гласной корня: *изгарамъ*, Ц. слав. иꙁгарати,

отъ горѣти; впрочемъ и здѣсь н. б. языкъ открываетъ себѣ еще новую дорогу; по мнѣнію нашему, она исходитъ изъ слабѣющаго вокализма звуковъ *л* и *р*, и вотъ почему при формахъ съ этими звуками являются уже формы и *а*, и *ѣ*: *изгарямъ* и *изгарѣмъ*, *огарѣмъ*; по этой же дорогѣ и Церковно-славянскій языкъ пришелъ вѣроятно отъ тръти къ трѣти, отъ мрътѣти къ мрѣти, отъ клъни—къ клѧти, и т. п., вообще къ связкамъ, и въ связкахъ отъ а и ъ къ ѣ, и наконецъ и.

Пятый отдѣлъ глаголовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, связка *и* составляетъ крайнее развитіе вида, въ стремленіи обозначить болѣе тѣсное, узкое, краткое, скорое понятіе. Вотъ почему, и въ Ц. слав., и въ ново-болгарскомъ, форма глаголовъ, предполагающая въ неоконч. связку *ѣ*, въ настоящемъ *и*, въ аористѣ опять *ѣ*, и т. д., получаетъ свою крайнюю опредѣленность въ той формѣ, которая и въ неоконч., и въ наст., и въ аористѣ принимаетъ уже *и*; обѣ формы тѣсно связаны одна съ другою, и послѣдняя относится къ первой какъ бо́льшая краткость, скорость, опредѣленность, узкость, къ ме́ньшей; вотъ почему къ формѣ *и* такъ хорошо идетъ аористъ, а прош. несовершенное явно отходитъ къ формѣ *ѣ*: сравните въ Церковно-славянскомъ формы мѫтити, мѫтиши, мѫщѫ, мѫтихъ, мѫщаахъ, съ фф. мьтѫти сѧ, мьщѫ сѧ, мьстиши сѧ, мьщаахъ сѧ, и опять оустити, оущаахъ, и т. п.; фф. ложити, ложиши, ложѫ, ложихъ, ложаахъ съ фф. лежати, лежѫ, лежиши, лежахъ; лишити и слышати; оучити и млъчати; таити, броити и стоити, боитисѧ; клонити, хоулити и мьнѣти, тлѣти; кръшити-гръмѣти; коусити-кисѣти. Разумѣется, и всѣмъ извѣстно, что въ Слав. языкѣ, помощію тѣхъ же средствъ, т. е. измѣненія связки, гласной и согласной корня, достигается не одно различіе видовъ, но и различіе залоговъ; соотношеніе этихъ двухъ условій не идетъ къ нашему дѣлу. Довольно замѣтить, что въ формѣ *и* получаетъ бо́льшую краткость и опредѣленность вида не только форма *ѣ*, но и форма *а*, именно въ Ц. слав. яз. та, которая въ неоконч. имѣетъ связку а, а въ наст. пріобрѣтаетъ еще є: т. е. при формахъ и, если бы мы хотѣли расширить ихъ, является не только ф. ѣ, но и ф. а: оучити, поучити-поучаѥши; лишити-лишати, лишаѥши; клонити-поклонити, поклонѣѥши; гоубити-гоублити, и т. д. Если все это сравнимъ мы съ яз. н. б., то увидимъ: 1) формы съ *и*, *учѫ*, *учишь*, *учихъ*, *учѣхъ*, *учѣше*; *скочѫ*, *скочишь*, *скочихъ*,

скочѣхъ, скочѣше; точи,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; кройи,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; таи,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; кориі,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; вали,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; отвори, тоже; *фърли*; въ зубныхъ, какъ извѣстно, не происходитъ претворенія: *плати,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше; пусти, роди*; *мяти*; при губныхъ не происходитъ вставки: *прави,—ишь,—ихъ,—ѣше,—ѣхъ*; *купи*; *готви*; *губи*; *кръми*; свистящіе также не претваряются: *носи,—ишь,—ихъ,—ѣхъ,—ѣше*; *мисли*, тоже. 2) Согласная корня остается здѣсь постоянно мягкою, и потому въ прош. несов. мы охотно согласились бы писать *я* вм. *ѣ* въ 1-мъ л. ед. числа; ослабленіе звука особенно замѣтно въ причастіи, о чемъ ниже; скорѣе же согласились бы мы на *я* при іотѣ, напр. *кроязъ*. 3) Какъ ни тѣсна эта форма, н. б. языкъ, на ряду съ другими слав. нарр., нашелъ средства дать ей въ аористѣ бо̀льшую опредѣленность (говоря вообще этимъ словомъ о краткости, скорости, и т. д.) прибавленіемъ предлоговъ: тогда аористъ простой, безъ предлога, употребляется для условнаго наклоненія, и для него же употребляется прош. несов. съ предлогомъ. 4) Чтобы расширить значеніе глагола, н. б. языкъ очень богатъ средствами: а) онъ возводитъ глаголъ въ такія формы, которыя соотвѣтствуютъ Ц. слав. формамъ, приведеннымъ выше со вставкою *а* въ неоканч., *а* и *е* въ настоящемъ: *изписамъ, изписашь, изписахъ,—аше* и т. п.; *повтарамъ*, Ц. слав. повтарати, наше *повторять, повторяешь* (*ѣ=я*); *загалямъ*, гдѣ опять *я* близко къ *ѣ*, наше *заголяю*; *исправамъ*, наше *исправлять* (*я=ѣ*), Ц. слав. исправляти; *важдамъ*, наше напр. *провождить, провождаешь*; *раждамъ, пуштамъ, плаштамъ*, и т. д. Не трудно здѣсь замѣтить, что, не говоря уже объ измѣненіи гласныхъ корня, даже согласныя, какъ въ Ц слав., подвергаются претворенію; во вторыхъ, что н. б. яз. не любитъ вставки *а+е*, или, правильнѣе, вставки *а* съ сохраненіемъ *е*, личнаго окончанія: онъ скорѣе, какъ увидимъ ниже, переводитъ это сочетаніе въ *ѣ*; въ этомъ сходятся съ нимъ—Ц. слав. языкъ въ такъ-называемыхъ неправильныхъ глаголахъ, напр. имамъ, да, не говоря о другихъ слав. нарр., наше в. русское по областямъ, напр. Ярославской, Владимірской, гдѣ говорятъ *желâмъ, гулŷтъ*, и т. п. Наконецъ не трудно замѣтить, что уже здѣсь н. б. языкъ близокъ къ связкѣ *ѣ*. Дѣйствительно, б) не говоря о другихъ оборотахъ дѣла, напр. *кроѣвамъ*, способъ, который напоминаетъ изложенный выше при формѣ съ *ѣ*, или *измѣрувамъ, омѣсювамъ, подмамювамъ, разфрълювамъ*, и т. п. формъ, составляющихъ уже дальнѣйшее развитіе и принадлежащихъ

чаще, какъ увидимъ, инымъ формамъ, н. б. языкъ форму *и* распиряетъ преимущественно возведеніемъ ея къ формѣ *ѣ*: *банѣмъ*, *валѣмъ*, *избавѣмъ*, Ц. слав. банꙗти, банꙗѥши, калꙗти, калꙗѥши, изъбавлꙗти, у Русскихъ тоже; хотя эти послѣдніе примѣры принадлежатъ парадигмѣ со связкой ай (дѣлаѥши), но ясно ихъ ближайшее сродство съ ѣ; отъ того-то наше *поживать*, *живалъ*, отзывается въ серб. *живлети* = *живлѣти*; далѣе являются намъ подобныя формы въ н. б. *фърлѣмъ*, *тачѣмъ* (наше *тачаю*, о шитьѣ), *излазѣмъ*, *изгарѣмъ*, *изнасѣмъ*, *износѣмъ*, *одговарѣмъ*, *огарѣмъ*, *готвѣмъ*, *приготвѣмъ*, *забикалѣмъ*, *закапчѣмъ*, *отварѣмъ*, и т. д. Въ русскомъ этимъ формамъ соотвѣтствуютъ—то связка *а* и потомъ еще *е* въ настоящ., то *я*, то *ѣ* обращается въ *и* и вставляется противъ гіатуса *в*, и т. п., — *вылѣзаю*, *выгараю*, *швыряю*, *приготовляю*, *отваряю*, *изнашиваю*, *отговариваю*, *закапчиваю*, и т. п. Касательно н. б. формы замѣтимъ, что она въ сущности не отличается много отъ формы а) и также не допускаетъ въ настоящемъ *е*; далѣе ясно, что она примыкаетъ очень близко къ формамъ съ *ѣ* (въ Ц. слав. ѣ въ неоконч., и въ наст., ѣ въ аористѣ, и часто въ прош. несоверш.), но, какъ форма производная, и притомъ очевидно прошедшая къ своему появленію длиннымъ путемъ, она теряетъ древнія свойства зв. ять и въ связкѣ своей подходитъ къ *а*, но это *а*, это *я*, весьма нечисты, слабы; вотъ почему, въ спряженіи этой формы, мы легко допустили бы знакъ *я*: *одговаря*, *обичя*, и т. д. Наконецъ, само собою разумѣется, что подобныя формы, столь широкія, испытавшія и прибавку предлоговъ, и измѣненіе гласныхъ и согласныхъ корня, и все-таки подъ конецъ своимъ окончаніемъ вышедшія къ широтѣ, продолжительности, неопредѣленноссти, и т. п., способны болѣе къ прош. несовершенному; аористъ же ихъ, буде онъ возможенъ, совпадающій во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. съ 3-мъ л. наст. ед., употребляется для условнаго наклоненія съ частицами.

Шестой отдѣлъ глаголовъ.

Здѣсь въ Ц. слав. яз. является форма глаголовъ, имѣющая связку ѣ, и кромѣ того въ наст. сохраняющая є: грѣти, грѣѭ, грѣѥши, грѣ, грѣхъ и т. д. Въ н. б. языкѣ она присутствуетъ, но не развита, по очень простой причинѣ: онъ не любитъ удерживать *е*, и старается его избѣгнуть, переводя глаголъ въ форму на *ѣмъ*; здѣсь онъ поступаетъ такъ: форма эта самымъ сохраненіемъ связки ѣ указываетъ на ши-

роту значенія, продолжительность, неопредѣленность, и т. п.; потому собственный аористъ, не условнаго наклоненія, образуется обыкновенно съ предлогомъ (т. е., разумѣется, отъ глагола съ предлогомъ), напр. *грѣж, грѣешь, грѣяхъ, грѣяше* или *грѣеше*, аор. *огрѣхъ, огрѣ* (отъ *огрѣж*); но въ такомъ глаголѣ съ предлогомъ прош. несов. оставляется только для условнаго наклоненія; для означенія бóльшей широты образуется *огрѣвамъ: огрѣвахъ*, *огрѣваше*, будетъ собственное прош. несов., а *огрѣва* будетъ употребляемо для условнаго наклоненія, аористъ же подлинный *огрѣ*. Очевидно, что въ подобномъ расширеніи н. б. языкъ избѣгаетъ вставки **ѣк** и слѣдуетъ тѣмъ же путямъ, какъ въ другихъ, выше приведенныхъ формахъ; отсюда являются глаголы (мы не замѣчаемъ перехода залоговъ и встрѣчи ихъ съ видами): *оголѭ́, оголи́шь* (=оголишь); *оголѣѭ, оголѣ́*; *оголѣвамъ* (съ знач. среднимъ), *оголѣваше*; *оголювамъ* (съ знач. дѣйствит); *умалѣѭ, умалѣвамъ*; *разумѣѭ, разумѣвамъ*; *говѣѭ*, *заговѣѭ, заговѣвамъ*; *желѣѭ*, *прѣжелѣѭ*, *прѣжелѣвамъ*; *прѣзрѣѭ*, *прѣзрѣвамъ*; *жлътѣѭ, пожлътѣѭ*, и т. д.; вмѣсто *имѣти — имамъ*, *зѣмамъ*. Очень часто глаголовъ этой формы мы вовсе не встрѣчаемъ безъ предлоговъ, такъ что языкъ неопредѣленную форму получаетъ напр. въ *разумѣвамъ*, а опредѣленную въ *разумѣѭ*.

Седьмóй отдѣлъ глаголовъ.

Какъ предшествующій отдѣлъ представляетъ намъ большею частію дальнѣйшее развитіе простыхъ формъ съ темою на согласную, безъ связки, предполагаемой въ неокончат., — такъ, съ другой стороны, тѣсно съ нимъ связанъ тотъ отдѣлъ, въ которомъ мы видимъ развитіе простыхъ глаголовъ съ темою на гласную: Ц. слав. **кꙗти сѧ**, **тлѣти**, **лѣти**, **плюѭ — плевати** и т. п. Сходство съ предшествующимъ отдѣломъ обличается уже въ Ц. слав. 1) сохраненіемъ **є** въ наст., **лѣѭши**, и 2) замѣною этого оборота формами **наливати**, **плювати**, при чемъ можно вспомнить серб. *промивати*, *проливати* (=пролѣвати), форму, которая также относится къ Ц. слав. **лѣвати**, какъ въ н. б. *прѣзрѣвамъ* къ *прѣзрѣѭ*. Изъ этого уже понятно, чего должны мы ожидать въ яз. н. болгарскомъ: *лѣѭ*, *лѣешь*, *лѣеше, лѣяхъ*; *пролѣ, разлѣ* — собственные аористы; *проливамъ, разливамъ, проливаше, разливаше*; *каѭ сѧ, раскаѭ-сѧ, раскаювамъ сѧ*; *плюѭ*; *блювамъ*; *коваѭ, ковавамъ*. Касательно того, писать ли въ этихъ формахъ *ѣ* послѣ гласной корня, слѣдуетъ повторить сказанное выше

о глаголахъ на гласную тему безъ связки: именно мы легко склоняемся къ *я* и даже простому *е*; основанія къ этому находимъ въ томъ, что дѣйствительно и въ расширенныхъ формахъ мы не встрѣчаемъ, какъ въ другихъ случаяхъ, *пѣвамъ*, но *ивамъ*, *ювамъ*, *авамъ*, что происходитъ изъ столкновенія связки съ конечной, раскрытоіі гласной корня—*ѣй*, *ай*, *юв*, *ов*, и т. п.; отсюда допускаемъ *лѣяхъ*, *лѣеше*, *пролѣянъ*, *прияхъ*, и т. п., хотя для единства, и пока до времени опредѣленія долготы и краткости, не мѣшаетъ держаться и *ѣ*. Но и эту форму опять н. б. языкъ, сообразно своему генію, употребляетъ такъ, что чаще для вида опредѣленнаго беретъ форму съ предлогомъ, а для неопредѣленнаго еще далѣе расширяетъ послѣднюю.

Восьмой отдѣлъ глаголовъ.

Разобранная сейчасъ форма приводится обыкновенно въ связи съ тою, которая въ Ц. слав. имѣетъ связку *а* въ неоконч., *е* въ настоящемъ. Два подраздѣленія этого отдѣла основываются только на томъ, что во второмъ совершается большею частію претвореніе согласной корня. Начнемъ съ перваго. Классъ этотъ носитъ несомнѣнные признаки близкой связи съ классомъ *и*, и отличается отъ послѣдняго меньшимъ развитіемъ корня и большей первобытностью связки, еще не перешедшей къ *ѣ* и *и*; однако, по связи, мы видимъ и въ немъ многіе пріемы, напоминающіе намъ формы *ѣ* и *и*, пріемы, которыми н. болг. яз. шагнулъ уже далѣе противъ Ц. слав., вслѣдствіе, какъ кажется, большаго ослабленія вокализма: Ц. слав. **съпати**, **съплѭ**, **съпиши** (=**грьмлѭ**,—**иши**), н. б. *спѫ*, *спишь*, прош. несов. *спѣхъ*, *спѣше*; аор. *спахъ*, но обыкновенно употребляется уже сложный *заспахъ*, *заспа*, *прѣспахъ*, *прѣспа*, и т. п., при чемъ, для значенія болѣе широкаго, является *спивамъ*, *прѣспивамъ*, *заспивамъ*; *берѫ*, *берешь*, *берѣхъ*, *берѣше*, *брахъ*, *забрахъ* - *забра*, *отбирамъ*, *разбирамъ*; *перѫ́*, *перешь*; *перѣхъ*—*ѣше*; *прахъ*; *исперѫ́*, *испрахъ*, *испра*; *испирамъ*, *пирамъ*,—*ахъ*,—*аше*; *колѫ*,—*ешь*; *колѣхъ*—*ѣше*, *клахъ*: *заколѫ*, *заклахъ*, *закла*; *каламъ*—*закаламъ*—*ахъ*—*аше*; то же самое въ *гонѫ*, *тъкѫ*— *истъкѫ* — *истъкавамъ*,. и т. д. Здѣсь хотя видимъ мы склоненіе къ *и* въ настоящемъ, въ повелит., и т. п., но по крайности расширенныя формы не переходятъ къ связкѣ *ѣ*; послѣднюю замѣчаемъ мы во второмъ подраздѣленіи: при глаголѣ *скочѫ*, класса *и*, мы получаемъ расширенную форму *скачѣмъ* и она-то—нашей *ска*-

кать, скачу, Ц. слав. также, но формы *скачѫ* въ н. б. уже вы не встрѣчаете: *плачѫ*; *плакахъ — плака* будетъ совпадать съ формой *плакамъ,—ашь,—а*, и потому аористъ изъявит. накл. будетъ *оплакахъ*, *оплака*; прош. несов. *плачѣхъ,—ѣше*; *оплакаше* годится только для условнаго, а въ изъявительномъ является форма прош. несов. еще болѣе расширенная—*оплаквахъ, оплакваше*, отъ *оплаквамъ*; форма *иштѫ* имѣетъ т. о. при себѣ собственно только прош. несов. *иштѣхъ, иштѣше*, ибо *искахъ* является уже при формѣ *искамъ* и ея сложныхъ; то же самое должно сказать о *сучѫ—сукахъ, грачѫ—грацахъ, рѣжѫ—рѣзахъ*; *пишѫ—писахъ*; *лъжѫ—лъгахъ*. Т. о. всѣ эти глаголы колеблются между формой *ѣ* съ одной, и *а* съ другой стороны; но кромѣ того въ н. б. они имѣютъ сильную наклонность къ формѣ *и*, и причина въ томъ, что связка *е*, вслѣдствіе двойной мягкости шипящихъ, переходитъ въ н. б. въ *и*: *кажѫ* имѣетъ не *кажешь*, а *кажишь*, и потому этотъ глаголъ, вмѣстѣ съ прош. несов. *кажѣхъ, кажѣше* (=я), можетъ быть разсматриваемъ какъ глаголъ класса *и*, напр. *лишити, ложити*; формы *казахъ, каза, приказа, казвамъ, приказвамъ* и т. п., стоятъ на другой сторонѣ, класса *а*. Глаголъ *дрѣмѫ* не допускаетъ той вставки *л*, какую мы видимъ въ Ц. слав.; эту особенность мы объясняли выше бóльшей мягкостью согласныхъ въ яз. н. б.: дѣйствительно, въ силу этого, мы получаемъ не дрѣмлеши Ц. славянское, а *дрѣмишь*; *дрѣмѫ, дрѣмишь*, прош. несов. *дрѣмѣхъ, дрѣмѣше, задрѣмѫ, задрѣмишь*, условное прош. несов. *задрѣмѣхъ, задрѣмѣше*, все это прямо можетъ быть отнесено къ классу *ѣ* и *и*; Ц. славянскому дрѣмати, дрѣмлеши, дрѣмахъ и т. п., т. е. формѣ *а*, соотвѣтствовать будетъ въ н. б. другая половина глагола, аористъ *задрѣмахъ, задрѣма*, условн. аор. *дрѣмахъ, дрѣма*, потомъ *задрѣмвамъ*; прош. несов. изъяв. *задрѣмвахъ*, *задрѣмваше*, условн. *задрѣмва* и т. д. Эту особенность н. б. языка стóитъ замѣтить, и основана она, какъ кажется, на бóльшей мягкости согласныхъ.

Девятый отдѣлъ глаголовъ.

О той формѣ глаголовъ, которая въ Ц. слав. имѣетъ связку *a* и въ наст. удерживаетъ при ней *е*, нечего много распространяться, тѣмъ болѣе, что мы уже выше нѣсколько разъ о ней поминали; здѣсь два главныхъ пути для языка н. болгарскаго: 1) Ц. слав. *ѭ* переходитъ въ *амъ*: *дѣламъ, киваамъ*, и такая форма, какъ мы видѣли уже выше, самая развитая и употребительная; въ ней избѣгается и

е, и связка ять; прош. несовершенное является естественно и прямо; для аориста, который въ простой формѣ (напр. дѣлахъ, дѣла) совпадаетъ въ 1-мъ л. ед. съ прош. несов., а во 2-мъ и 3-мъ съ 3-мъ л. ед. наст., употребляются предлоги, и т. п. 2) Гораздо меньшее число глаголовъ поддерживаетъ аналогію съ яз. Ц. слав., и въ этомъ случаѣ н. б. языкъ употребляетъ пріемы, намъ уже знакомые: *играж*, *играешь*, прош. несов. *играхъ* (=яхъ), *играше* (=еше?); *игрaхъ*, *игра*, теряетъ собственное значеніе аориста и въ значеніи условнаго наклоненія равняется прош. несовершенному или настоящему; собственный аористъ получится отъ *разиграж* — *разиграхъ*, *разигра*; прош. несов. *разиграше* отойдетъ къ условному, и явится *разигравамъ*, *разигравахъ*, *разиграваше* и т. д.

Десятый отдѣлъ глаголовъ.

Наконецъ, при классѣ простыхъ глаголовъ, съ темою на согласную безъ связки, является цѣлый новый разрядъ, стоящій между ними, и формами ѣ и а: такъ между Ц. сл. тешти, текж, течеши, текохъ, тѣчахъ и болѣе позднимъ притѣкати, стоитъ въ н. б. *тичѣмъ*, *тичѣшь*, *тичѣхъ*, *тичѣше*, *потичѣмъ*, *потичѣ*, и т. п.; таковы же глаголы *обричѣмъ*, *припичѣмъ*, *прѣсичѣмъ*, и т. п. Касательно слабаго здѣсь звука мы уже говорили выше, при разборѣ подобныхъ формъ. Очевидно, онѣ стоятъ въ связи съ прош. несов., и составляютъ необходимое слѣдствіе показаннаго нами развитія н. болгарскихъ глаголовъ.

Одиннадцатый отдѣлъ глаголовъ.

Глаголы того класса въ Ц. слав., которые, какъ коупоувати, уже тамъ сближаются съ любимымъ пріемомъ н. болгарскимъ, и въ послѣднемъ конечно слѣдуютъ тому же пути: *купувамъ*, *цалувамъ*.

2. *Въ причастіяхъ.*

Въ причастіяхъ на *лъ* и *нъ*, предъ этими окончаніями удерживаеся въ н. б. яз. ѣ: а) разумѣется въ тѣхъ случаяхъ, когда аористъ кончится на ѣ во 2-мъ и 3-мъ лицѣ, *горѣлъ*, *вѣртѣлъ* (см. отд. 4), *горѣнъ*, *вѣртѣнъ*; при шипящихъ, іотѣ, и тому подобныхъ случаяхъ,

мы охотно согласились бы писать *я*; тоже самое должно сказать о глаголахъ на *ѣмъ*; сюда же относятся глаголы, означенные упасъ въ 6-мъ отдѣлѣ (*грѣмъ, грѣлъ*); б) въ глаголахъ 3-го отдѣла, какъ сказано выше, въ причастіи на *лъ*: *умрѣлъ*; в) конечно, глаголы со связкою *а* (*амъ, ам*, см. отдѣлы 7, 8, 9, 11) подлежатъ исключенію; исключается и форма *и*, которая имѣетъ *енъ*: *хваленъ*, *носенъ пустенъ*, и т. д. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ слышенъ иногда въ произношеніи оттѣнокъ зв. ять; то же самое замѣчаемъ мы и въ прилагательныхъ, которыя, по нашему мнѣнію стоятъ въ связи съ глаголами этой формы: они въ н. б. имѣютъ иногда *ѣнъ*, о чемъ было говорено выше; бѣлорусскій языкъ имѣетъ въ этомъ случаѣ *янъ*; таковы въ н. б. *дребенъ* (=*дробенъ*, *дробянъ*), *вьренъ* (=*вѣрянъ*, *вѣрѣнъ*), и т. п. Замѣчаніе это касается и глаголовъ 1-го отдѣла на тему съ гласной и согласной безъ связки. г) Особенно важно то обстоятельство, что н. б. языкъ можетъ и любитъ производить причастіе на *лъ* отъ всякого прошедшаго несовершеннаго, и такое причастіе конечно должно уже имѣть *ѣ*, хотя опять при шипящихъ, іотѣ, и т. п., мы бы согласны замѣнить его знакомъ *я*: отсюда *болъ* и *бодѣлъ*, даже *боднѣлъ*, *писалъ* и *пишѣлъ* (=*пишялъ*), *пилъ* и *пиѣлъ* (=*пиялъ*), *кроилъ* и *кроѣлъ* (=*кроялъ*), *свѣтилъ* и *свѣтѣлъ* (=*свѣтялъ*= *свѣтелъ*, *свѣтли*), *валилъ* и *валѣлъ*, и т. д.

3. *Въ повелительномъ наклоненіи.*

Ѣ, являющійся во 2-мъ лицѣ множ. числа повелительнаго, есть уже произведеніе *и*, гласной наклоненія и предшествующей связки; тѣмъ интереснѣе знать намъ случаи его появленія въ яз. н. б., и тѣмъ болѣе, что здѣсь онъ отступаетъ иногда отъ языка Ц. славянскаго. Разумѣется, *ѣ* а) исключается тамъ, гдѣ глаголъ кончится на *амъ* или *ѣмъ*: *дѣлай-дѣлайте*, *кивай-кивайте*, *валѣй-валѣйте*, *тичѣй-тичѣйте*; не забудьте, что въ послѣднихъ случаяхъ, т. е. при *ѣмъ*, мы часто согласны допустить *я* вмѣсто *ѣ*; далѣе исключается *ѣ* повелительнаго при глаголахъ со связкой *а* и удержаннымъ *е*: *играй-играйте*; потомъ при связкѣ *ѣ* и удержанномъ *е*: *грѣй-грѣйте*, *оголѣй-оголѣйте*; наконецъ при глаголахъ, указанныхъ въ нашемъ 7-мъ отдѣлѣ: *лѣй-лѣйте*, *раскай ся-раскайте ся*. б) Въ связи съ послѣднимъ отдѣломъ стоятъ глаголы съ корнемъ на гласную, не допускающіе связки въ аористѣ, въ Ц. слав. кромѣ того

и въ неокончательномъ: *пий-пийте, недъй-недъйте.* в) Глаголы формы *и*, но имѣющіе предъ связкою поднятую гласную *ой*, *ай*, и т. п., колеблются, и вмѣсто *ѣ* также допускаютъ иногда *й* (такъ сильно вліяніе предшествующаго звука): *крои-кроѣте, пои-поѣте, таи-таѣте* и *тай-тайте* г) Хотя глаголы подобнаго же образованія въ формѣ со связкою *ѣ*, переходящею въ настоящемъ въ *и*, слѣдують тому же обычаю, *ѣ* замѣняя тѣмъ *й*, напр. *стой-стойте, бой ся, бойтеся*: но сверстники ихъ изъ той же формы, особенно при шипящихъ, удерживаютъ иногда не только *и*, но и *ѣ*: *гори-горите, върти-вѫртите* и *въртѣте, дръжи-дръжите* и *дръжѣте*, и т. п. особенности; въ этомъ случаѣ есть еще формы, аналогическія съ Ц. слав. виждь: *дръжь-дръж'те.* д) Остальные глаголы со связкою *ѣ* имѣютъ въ повелительнемъ также *ѣ*: *умри-умрѣте, заври-заврѣте.* е) Далѣе *ѣ* принимаютъ всѣ безъ исключенія глаголы съ темою на согласную безъ связки (*ѣ* происходитъ здѣсь изъ *е*, сохраненнаго отъ глагола *есмь*, или лучше изъ древнѣйшаго *а,—асми*, и гласной наклоненія—*и*): *бодѣте, плетѣте, несѣте, кълнѣте*, и т. д. ж) То же самое въ глаголахъ со связкой *нѫ*: *викнѣте, дигнѣте.* з) Любовь къ зв. ять такъ сильна въ яз. н. б., что онъ является даже въ формѣ нашего 8-го отдѣла, исключительно, тогда какъ въ Ц. слав. послѣ мягкихъ и шипящихъ является а=ѧ, иногда и, рѣже ѣ: н. б. *бери-берѣте, испери-исперѣте, коли-колѣте, сучѣте, иштѣте, лъжѣте, пишѣте*; Ц. сл. глаголите, постелимъ, съраштамъ, пострадамъ, иштате, плачамъ, покажате (въ нѣк. памятникахъ); покажите, пострадите; Остром. покажате, ирѣте. и) Наконецъ, что особенно странно, *ѣ* въ н. б. является исключительно въ формѣ *и*, тогда какъ языкъ Ц. слав. упорно удерживаетъ здѣсь *и*: *хвалѣте, свѣтѣте, корѣте, фърлѣте, отворѣте*; даже при шипящихъ и губныхъ: *учѣте, губѣте, кръмѣте.* Читателю остается объяснить эти явленія, вспомнивъ то, что мы говорили о двойной мягкости шипящихъ, о мягкости вообще согласныхъ, о развитіи звука *ѣ*, объ образованіи видовъ въ яз н. б.

ОГОВОРКА ПРИ ЗАМѢЧАНІЯХЪ О НОВОБОЛГАРСКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

Теперь, окончивъ разсмотрѣніе н. болгарскихъ глаголовъ со стороны звука *ѣ*, мы должны прибавить нѣсколько замѣчаній, чтобы предотвратить въ читателѣ нѣкоторыя заблужденія и искушенія.

1) Такъ какъ изъ языка н. б. извѣстно еще не довольно много фактовъ, то наши замѣчанія далеко не имѣютъ категорической рѣ-

шительности; это можно уже отчасти замѣтить изъ того колебанія, которое мы допускаемъ относительно правописанія *ѣ* или *я*.

2) Разсматривая образованіе видовъ, мы имѣли въ виду звукъ *ѣ* и опустили много такихъ случаевъ, въ которыхъ появляются звуки другіе, напр. *и*, *а*, и т. п.; притомъ разсматривали измѣненія главнымъ образомъ связки, а не корня.

3) По тому самому, чтобы не зайти слишкомъ далеко, мы не имѣли въ виду залоговъ, измѣненіе которыхъ лежитъ не столько въ разнообразіи связки, сколько въ перемѣнахъ гласной самого корня, не говоря уже о согласныхъ.

4) Наше дѣленіе глаголовъ не совпадаетъ съ дѣленіемъ спряженій, при которыхъ должно брать въ разсчетъ обстоятельства, часто различныя отъ обстоятельствъ при образованіи видовъ.

5) Самые отдѣлы и переходы видовъ брали мы съ точки зрѣнія переходовъ звука ять, и только для объясненія послѣднихъ. Потому напрасно стали бы у насъ искать строгаго разъясненія происхожденія и образованія видовъ: тутъ нужны бы иногда совсѣмъ другіе пути. Такъ иногда говорили мы: такой-то видъ *расширяется* въ такой-то,—это не значитъ, что послѣдній непремѣнно происходитъ отъ перваго; на оборотъ, иногда первый *съуживается* изъ втораго, и по своему происхожденію является не производящимъ, а производнымъ. Короче—мы изложили посильно переходы звука *ѣ* въ видахъ, изложили факты, но не генетическое и историческое происхожденіе ихъ.

НѢКОТОРЫЕ ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ РАЗСМОТРѢНІЯ НОВОБОЛГАРСКАГО ГЛАГОЛА.

Однако думаемъ, что нѣкоторыя черты, указанныя нами, пригодятся въ наукѣ. Такъ, кто внимательно прослѣдилъ примѣры, приведенные нами, тотъ, можетъ быть, замѣтилъ, что *большею частію* въ образованіи видовъ языкъ, въ формахъ производныхъ, второстепенныхъ, дальнѣйшихъ, идетъ отъ болѣе узкаго къ болѣе широкому и неопредѣленному, такъ что въ цѣломъ рядѣ видовъ одного и того же глагола перевѣсъ въ концѣ остается за формами неопредѣленными, болѣе широкими, а потому за прошедшимъ несовершеннымъ: при формахъ напр. *ковавамъ*, *замѣсвамъ*, *приказвамъ*, *завиждамъ*, *оголѣвамъ*, *обѣлнчьвамъ*, и т. п., уничтожается уже аористъ. Этимъ-то путемъ, и этими-то широкими формами, затеряли и за-

сломили слав. нарѣчія,—таково наше мнѣніе,—свой древній аористъ; однимъ словомъ, мы замѣчаемъ болѣе средствъ расширить, чѣмъ съузить коренное значеніе глагола. Въ связи съ этой постепенной потерею аориста стоитъ, по нашему мнѣнію, появленіе сложныхъ формъ, изъ причастія и глагола вспомагательнаго, или даже одного причастія; въ этомъ послѣднемъ движеніи, имѣвшемъ мѣсто повсюду въ эпоху среднихъ вѣковъ, видимъ мы стремленіе языка поддержать теряющіяся черты аориста, ибо причастіе стоитъ въ ближайшей связи съ аористомъ, а не прошедшимъ несовершеннымъ: такая-то сложная форма, изъ причастія на *лъ* и глагола вспомагательнаго, послужила въ слав. нарр. замѣною когда-то существовавшаго, и до исторіи еще затеряннаго, прошедшаго совершеннаго; но ближе всего она замѣнила собою аористъ уже исторической эпохи. Здѣсь опять много и много совершилось и совершается переходовъ: такъ, разумѣется, чѣмъ короче и опредѣленнѣе форма, отъ которой произведено причастіе на *лъ*, тѣмъ послѣднее, въ связи съ вспомагательнымъ глаголомъ, ближе къ аористическому значенію: *пилъ*, такъ сказать, аористичнѣе (беремъ аористъ въ частномъ, техническомъ его значеніи, ибо по корню слова онъ значитъ самъ неопредѣленность), чѣмъ *пивалъ*; *выпилъ*, чѣмъ *выпивалъ* (при чемъ замѣтимъ опять, что предлоги, въ своемъ примѣненіи къ видамъ, должны были явиться позднѣе, чѣмъ внутреннее развитіе корня или связки, ибо на примѣръ *пивать* должно было явиться уже прежде, чтобы потомъ возникло *запивать*). Но какъ развитіе прошедшаго несовершеннаго, служившее, какъ могли мы убѣдиться, началомъ и побужденіемъ къ развитію широкихъ формъ глаголовъ, вытѣснило мало по малу аористъ, такъ то же самое видимъ мы и въ прошедшемъ совершенномъ, т. е. сложномъ времени изъ причастія и вспомагательнаго глагола: оно раздѣлилось во многихъ слав. нарр. на двѣ половины,—болѣе близкую къ аористу, и болѣе близкую къ прошедшему несовершенному, т. е. съ причастіями отъ болѣе краткихъ и опредѣленныхъ формъ и съ причастіями отъ болѣе широкихъ. Вотъ уже чѣмъ замѣнили мы, на примѣръ, Русскіе, свой историческій аористъ и историческое прошедшее несовершенное! Но и здѣсь широкими формами вытѣсняются болѣе узкія: такъ н. б. языкъ, вопреки аналогіи и обычной связи причастія съ аористомъ, выводитъ цѣлый рядъ причастій отъ прошедшаго несовершеннаго; такъ наше, на примѣръ, *завидовалъ* въ широтѣ формы своей теряетъ уже изъ памяти связь и близость съ аористомъ, и мы должны удвоивать предлогъ: *позавидовалъ*. Но мало и

этого средства: для различенія большей и меньшей опредѣленности въ значеніи глагола, вырабатываются въ языкѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, различные вспомагательные глаголы, прибавляются нарѣчія, нарѣчія удвоиваются, утроиваются, стараясь выразить оттѣнки скорости, краткости, сжатости, и т. д., и въ своемъ расширеніи, наростѣ, набавкѣ, затрудняя еще болѣе выраженіе опредѣленное. Мысль, чѣмъ болѣе отвлекается, чѣмъ отвлеченнѣе становится, тѣмъ болѣе, такъ сказать, *пучитъ* собою языкъ, и не знаемъ, до какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи суждено дойти нашимъ потомкамъ. Но для историка-языковѣдца въ этихъ ступеняхъ и переходахъ все болѣе и болѣе выясняется природа языка, его отношеніе къ мысли и всему организму человѣческаго духа.

VIII. *Формы, въ которыхъ ять возникаетъ какбы на глазахъ нашихъ изъ встрѣчи различныхъ звуковъ.*

Наконецъ слѣдуетъ намъ сказать нѣсколько словъ о формахъ, въ которыхъ какбы на глазахъ нашихъ происходитъ *ѣ* изъ встрѣчи нѣкоторыхъ звуковъ. Таковы напр. формы: 1) *нѣмамъ, зѣмамъ*, и т. п. (*не+и, зъ* или *за+и*); правда, въ нѣкоторыхъ слав. нарр. этотъ глаголъ вовсе потерялъ звукъ *и*, служащій для подъятія носоваго звука изъ корня ѧ, т. е. звука или сочетанія *им*, изъ раскрывшагося ѧ, напр. пол. *mieć*, *miał*: но въ н. б. языкѣ глаголъ этотъ повсюду въ простыхъ своихъ формахъ, безъ частицъ, удержалъ *и*: *имамъ, имашь, имане*, и т. д., за исключеніемъ развѣ повелительнаго *май*, употребляемаго какъ нарѣчіе, = нашему *почти*. Вотъ почему здѣсь *не* непремѣнно сталкивается съ *и*, равно *а* и *ъ* съ *и*, производя слогъ *нѣ*. 2) Другой вопросъ при глаголѣ *съмъ*, который въ н. б., вопреки аналогіи нѣкоторыхъ другихъ нарѣчій слав.; напр. русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго (*есам* и *сам*), ни въ одной формѣ простой не удержалъ начальнаго звука гласнаго, древняго *а* или позднѣйшаго *е*, ст. б. здѣсь *не* лишается встрѣчи съ другой гласной. Вотъ почему Цанковы, пиша *пѣта* (*нѣма*), пишутъ *пе sŭт, пе sĭ* и т. п. Однако и въ Ц. слав. форма сѫть, и между тѣмъ попадается нѣсѫть, въ словен. *néso*, и т. п. Слѣдуетъ, кажется, объяснить это явленіе тѣмъ, что гласный звукъ, не любимый слав. нарѣчіями въ началѣ слова, принимаетъ однако всѣ свои права, какъ скоро прикрытъ прибавленною сначала частицею или даже придыханіемъ, дигаммою; по тому же закону и ѧ въ началѣ слова обращается въ ꙗ и потомъ возвращается въ Ц. слав. снова подъ при-

крытіемъ согласнаго звука: ядро, въ нѣдрахъ. А потому мы не обинуяся будемъ писать *пњсъмъ*, *пњсме* и т. д., не встрѣчая противодѣйствія ни въ исторіи языка, ни въ аналогіи современныхъ нарѣчій слав., ни въ самомъ произношеніи.

ГЛАВНѢЙШІЕ СПОСОБЫ ПРАВОПИСАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗВ. ЯТЬ, ИЗВѢСТНЫЕ ПО ИЗДАНІЯМЪ.

Слѣдовало бы въ заключеніе указать примѣры употребленія знака *ѣ* и соотвѣтствующаго ему *я* въ современной писменности болгарской. Но, такъ какъ вопросъ объ *ѣ* очень труденъ, то мы слишкомъ мало находимъ стойкости въ употребленіи и не можемъ изъ разбора извлечь поучительныхъ данныхъ: мы видимъ,—то слѣдуютъ произношенію, то этимологіи, то исторіи языка, на сколько ее связываютъ съ яз. Ц. слав., то примѣру другихъ слав. нарѣчій, и т. д. Сказавши выше уже о правописаніи Миклошича и Цанковыхъ, считаемъ теперь достаточнымъ обратиться съ нѣсколькими бѣглыми взглядами къ тѣмъ напечатаннымъ сочиненіямъ, которыя не разъ уже принимали мы за образцы научнаго стремленія, научныхъ пріемовъ въ дѣлѣ новоболгарскаго правописанья. Согласно македонскому произношенію, которое съ ятемъ соединяетъ обыкновенно зв. *ѐ*, г. Петковичь повсюду пишетъ *е: деца, лехи, реки, долетеше, влезе, тресеше, почеха;* не знаемъ только, почему пишетъ онъ *кланяха се, я* вмѣсто своего *е?* Другой Академическій переводъ не совсѣмъ точенъ въ употребленіи *ѣ*: *през, влезе, применена; мои те думи, гори тѣ, да земе* и *да зѣмам'*; не знаемъ также, откуда зашло *ѣ* въ *рѣвна?*— Издатель пословицъ раздѣлилъ одинъ коренной звукъ на четыре знака: *ѣ, ѣ̈, ѧ, я*; тѣмъ не менѣе не былъ точенъ въ употребленіи; такъ онъ пишетъ *глѣда, е*, происшедшее изъ *ѧ*; равно неправильно *спорѣдъ*; употребляетъ то *нѣйдѣ*, то *нейдѣ, прѣдъ* и *предъ*; употребленіе точекъ надъ *ѣ* какъ-то случайно, тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ ять принимаетъ въ произношеніи звукъ *я*, издатель пишетъ *я* и *ѧ*, а слѣдовательно *ѣ̈* вовсе не нужно, и слѣдующіе примѣры покажутъ, какъ оно неумѣстно: *млѣ̈ко, сѣ̈ка, срѣ̈да, хлѣ̈б-атъ*, а между тѣмъ рядомъ стоятъ сотни корней съ простымъ *ѣ; подлѣ̈ль, видѣ̈, пищѣ̈ла*, и рядомъ *видѣла, видѣло, видѣхѫ, побѣснѣло*, и т. п.; еще страннѣе *денѣ̈, нощѣ̈*, и въ тоже время *педя; видѣла* и рядомъ *полудяла, нещяла* и *побѣснѣло;* вообще *я* замѣнило собою *ѣ* въ соотвѣтствіе произношенію при слѣдующихъ случаяхъ: *челякъ, ся наскачяла, нещяла, ся накаляшь, безумлява, промѣнява, приноси, притуря, отва-*

ряй, удряй, и т. п., а между тѣмъ въ корняхъ, гдѣ также *ѣ* въ собственной Болгаріи произносится какъ *я*, писано почти вездѣ *ѣ*; о неудачномъ и ненужномъ разграниченіи области *я* и ѧ мы говорили уже выше. Тѣмъ не менѣе попытка очень замѣчательна *. Въ первомъ переводѣ Полиглотты мы замѣтили только два случая: **немашь** и **рѣчете**, изъ которыхъ второй не находитъ ни въ чемъ себѣ оправданія.—Въ другомъ переводѣ замѣтна крайняя неосмотрительность: **презъ** и **прѣзъ**, **прѣстолъ** и **преюнашско**, **желѣѕо** и **железо**, **идѣ** и **иде**, **сеќъдѣ** и **секъде**; **кенецъ**; **ѕѫ** вмѣсто **ѕе**; **клеѕе**; **владейте**; **нѣмамъ** и **да ѕеме'**, **дѫ ѕемам'**; **прѣстолъ**—**престола**; **спюше**; **съмрете сѧ**, **сѫдете**, **иѕберете**, **речете**, и рядомъ **сторѣте**.—

ПОЛУЗВУКИ, ЗВУКИ ГЛУХІЕ, СООТВѢТСТВУЮЩІЕ Ц. СЛАВ. НОСОВЫМЪ.

О ринезмахъ или носовыхъ звукахъ въ яз. н. б. почти не можетъ быть рѣчи: они изчезли, и примѣры, приводимые Цанковыми, *pendeset*, *devendeset*, остаются только крайними исключеніями. Однако отсюда объясняемъ мы форму *дружиномъ*, вм. *дружинѫ*, при глаголахъ *думамъ*, *казвамъ*, и т. п., требующихъ иногда винительнаго; такова же, вѣроятно, форма *брайномъ*, ибо зват. *брайно* предполагаетъ именит. на *а*. Но тамъ, гдѣ они перешли въ звукъ глухой, твердый или мягкій, мы не согласны употреблять знаковъ *ъ* и *ь*, хотя не можемъ скрыть, что такого рода употребленіе имѣетъ поддержку въ исторіи писменности, ибо въ позднѣйшихъ Ц. слав. памятникахъ, особенно болгарскаго извода, весьма часто знаки носовыхъ звуковъ чередуются съ **ъ** и **ь**: **мѫжьствьнъ** вм. **мѫ**, **потѫштити** вм. **тѫ**, **юсмѫ** вм. **юсмь**, **начьша** вм. **начаша**; согласно съ этимъ и **ы**, въ н. б. произносимое какъ *ъ*, замѣняетъ собою знакъ **ѫ**: **гыбнѫште** вм. **нѫ**; а въ древнѣйшую даже эпоху **ы** чередуется съ **ѧ** не только въ образованіи словъ (**камы**, **кора**), но даже и во флексіяхъ склоненій (**мѫжа** и **сыны**, **доуша**—**рыбы**, **бѧ**—**веды**) Еще болѣе: уже въ древнѣйшую эпоху, должно думать, въ Ц. слав. яз. знаки **ѫ** и **ѧ** не всегда соотвѣтствовали въ дѣйствительности носовому звуку, ибо иначе трудно понять, какимъ на

---

*) Печатая этотъ листъ, получили мы новые образцы болгарскаго языка, въ пяти прекрасныхъ пѣсняхъ, напечатанныхъ подъ XXXIII № Пам. и обр. нар. яз. и слов. въ Изв. II. Отд. И. А. Н.: къ сожалѣнію, не можемъ ни чѣмъ воспользоваться для нашего разсужденія, ибо правописаніе пѣсень, принаровленное составителями сборника, не обличаетъ науки.

примѣръ образомъ изъ изрник образуется изриненинъ, и вообще какъ ж можетъ раскрыться въ ъл или ое, и т. п. Но по этой причинѣ однако не измѣнялись знаки, и примѣры средневѣковой болгарской писменности, сбиваясь въ писменахъ, свидѣтельствуютъ только о дѣйствительномъ переходѣ, тогда уже, носоваго звука въ глухой, и не налагаютъ на насъ обязанности слѣдовать тому же примѣру правописанія; укрѣпляясь на томъ основаніи, что глухой звукъ нынѣшняго болгарскаго языка, происшедшій изъ носоваго, отличенъ однако, если не по произношенію, то по природѣ своего происхожденія, отъ того, который обозначается знаками ъ или ь, мы удерживаемъ знаки древнихъ носовыхъ, также точно, какъ это дѣлаетъ Полякъ, при всемъ томъ, что часто, особенно по нарѣчіямъ, замѣняетъ въ произношеніи носовой звукъ глухимъ. Удерживая этимъ способомъ связь съ правописаніемъ древнѣйшимъ, пріобрѣтая наглядность этимологическую и красоту шрифта, мы однако ни сколько не споримъ съ тѣми, которые хотѣли бы писать ъ и ь. Разумѣется, принявши это правило, мы должны уже раздѣлить знакъ ѧ отъ знака ж. А потому:

ЗНАКЪ ѧ И СООТВѢТСТВУЮЩІЙ ЕМУ ГЛУХОЙ ЗВУКЪ.

Знакъ ѧ потерпѣлъ въ н. б. гораздо болѣе, чѣмъ ж, именно: 1) хотя вообще въ языкѣ этомъ гласные звуки довольно шатки, очень нерѣдко, особенно въ подрѣчіяхъ, теряя чистоту и заглыхая, а съ другой стороны звукъ глухой часто крѣпнетъ и развивается до полной и чистой гласной, и слѣдовательно въ настоящее время на письмѣ весьма трудно обозначить предѣлы чистаго и глухаго звука, полнаго звука и полузвука: но, относительно знака ѧ, задача эта достигается гораздо легче, ибо въ корняхъ древній носовой звукъ ѧ *почти безъ исключенія*, по крайности—сколько мы знаемъ, перешелъ въ чистый звукъ *е*, по временамъ только приближаясь къ звуку *я*, именно большею частію послѣ шипящихъ, свистящихъ, и т п. (напр. *посегнж*, *посягамъ*, гдѣ впрочемъ, можетъ быть, чередуется *ѣ* по двумъ своимъ звукамъ). 2) Съ другой стороны, всѣ тѣ флексіи именныхъ склоненій, въ которыхъ въ Ц. слав. яз. является знакъ и звукъ ѧ, потеряны въ н. б.; потеряны и причастія наст. времени. 3) Остается только 3-е лице мн. ч. наст. врем. глаголовъ, имѣющихъ въ настоящемъ связку *ѫ*; но и здѣсь, какъ въ яз. в. русскомъ, въ н. б. весьма часто является *я*; однако, по колебанію звука, мы предпочитаемъ писать ѫ:

горѧтъ, хвалѧтъ, кроѧтъ. При всемъ томъ, въ показанныхъ случаяхъ не всегда глухой звукъ мягокъ, и потому, сообразно произношенію нѣкоторыхъ мѣстностей, слѣдуетъ писать ѧ: *губѧтъ, градѧтъ, мърѧтъ, хранѧтъ*, и т. п. Конечно, это имѣетъ мѣсто только при согласномъ окончаніи корня. 4) Несомнѣннымъ и необходимымъ остается для насъ употребленіе знака ѧ только для мѣстоименій, *мѧ, тѧ, сѧ*, при чемъ замѣтимъ, что произношеніе первыхъ двухъ нѣсколько тверже и потому нѣкоторые, подобно звуку ъ, пишутъ здѣсь *а—ма, та*. Въ остальныхъ мѣстоименіяхъ всюду ѧ близко къ *я* чистому: однако, такъ какъ это *я* весьма кратко и легко переходитъ въ *й*, то недурно бы сохранить и здѣсь знакъ ѧ, именно *неѩ, тиѩ, тъѩ* или *тоѩ*, и т. п.,—случай все-таки сомнительный.—

ЗНАКЪ Ѫ И СООТВѢТСТВУЮЩІЙ ЕМУ ГЛУХОЙ ЗВУКЪ.

Ѫ по произношенію = ъ = самому краткому, глухому *а̇*, полузвуку. Не смотря на то, что полузвукъ этотъ бываетъ порою близокъ и къ чистому *а*, онъ сохранился большею частію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Ц. слав. яз. является Ѫ: 1) въ корняхъ; здѣсь пишущему слѣдуетъ знать или Ц. слав. языкъ, или извѣстныя правила грамоты. 2) Въ винит. пад. ед. ч. именъ жен. рода, кончащихся въ именительномъ на *а: рѫкѫ, водѫ*, и т. д.; мягкій знакъ— *сабѭ, потерѭ, дъщерѭ, земѭ; бойлиѭ, божѭ, моѭ, твоѭ, ѭ*, и т. д. Впрочемъ здѣсь различіе отъ именит. падежа едва замѣтно, а потому нѣкоторые пишутъ чистый знакъ *а* или *я*. Съ другой стороны, такъ какъ въ винит. звукъ колеблется, а между тѣмъ винит. съ предлогомъ употребляется вмѣсто всѣхъ другихъ косвенныхъ падежей, отсюда мы объясняемъ то явленіе писменности, что нѣкоторые перенесли знакъ глухаго звука и къ именит. падежу именъ женскаго рода на *а*. Т. о. случай этотъ сомнителенъ, и образъ правописанья легко предоставляется на произволъ пишущихъ. За то 3) какъ въ корняхъ, такъ и глагольныхъ окончаніяхъ, звукъ глухой весьма замѣтенъ, и потому мы употребляемъ Ѫ и Ѭ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ 1-мъ л. ед. ч. глаголовъ, наст. врем., *бодѫ, плетѫ, несѫ, пекѭ, умрѫ, берѫ, тъкѫ, биѭ, криѭ, миѭ, мелѭ, горѭ, гърмѭ, видѭ, вертѭ, дръжѭ, стоѭ, грѣѭ, хвалѭ, корѭ, кроѭ, пустѭ, лѣѭ, каѭ сѧ, пишѭ*, и т. д. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно, гдѣ въ 3-мъ л. мн. является жесткое ѧ, иныя подрѣчія употреблять должны Ѫ вмѣсто Ѭ: *губѫ, градѫ, гърмѫ, свѣтѫ*, и т. п. б) Во всѣхъ

случаяхъ глаголовъ, имѣющихъ въ Ц. сл. связку нѫ, или раскрывающихъ въ то же окончаніе коренной звукъ ѫ: *дигнѫ*, *викнѫ*, *дигнѫтъ*, *викнѫтъ*, *дигнѫхъ*, *викнѫхъ*, *дигнѫ*, *викнѫ* (2-е и 3-е л. аориста, совпадающее съ настоящимъ); *дигнѫхѫ*, *викнѫхѫ*, *дигнѫлъ*, *викнѫлъ*, *дигнѫтъ*, *викнѫтъ*; сюда относится, на примѣръ, и *кълнѫ* отъ клѫ, н. б. *кле*; но отъ жѧ,=н. б. *же* или *жя*, является *женѭ* или *жьнѭ*, какъ замѣтны слѣды этого и въ Ц. сл., напр. жьнѭ вмѣсто жьнѫ. в) Въ 3-мъ л. мн. ч. прош. несов. и аориста, имѣющихъ въ н. б. одинакое окончаніе: *пихѫ*, *бодъхѫ*, *отрѣхѫ*, *пишъхѫ*, *играхѫ*, и т. п. г) 3-е лице мн. ч. наст. врем., съ твердымъ ѫ, также не подлежитъ сомнѣнію: *бодѫтъ*, *пекѫтъ*, *умрѫтъ*, *имѫтъ*, *казувѫтъ*, и т. д. Гораздо больше колеблется тотъ случай, когда встрѣчается мягкое ѭ, ибо здѣсь часто глухой звукъ крѣпнетъ до *я*: *биѭтъ*, *грѣѭтъ*, *кажѭтъ*, *питѭтъ*, *мѣѭтъ*, *каѭтъ сѧ* и т. п.— Замѣчательно, что ѫ въ н. б. нигдѣ не переходитъ въ *у*, исключая одного случая, гдѣ впрочемъ оно переходитъ не въ *у*, а *ув*=*ве*, именно при раскрытіи формы *нѫ* въ *нув*, ѫ въ *ув* и просто *в*: *заминѫ*—*заминувамъ*, *казувамъ* и *казвамъ*, *писувамъ* и *писвамъ*; мы здѣсь вовсе не видимъ вставки для избѣжанія гіатуса, а просто это раскрытіе и подъятіе самого звука ѫ. Нужно остерегаться, чтобы не написать здѣсь ѫ.

Миклошичъ вмѣсто всѣхъ, приведенныхъ нами, знаковъ употребляетъ *ъ* и *ь*, проводя свои правила чрезвычайно послѣдовательно; такъ онъ пишетъ: *belьt*, *branьt*, и т. п., замѣчая впрочемъ, что иногда вмѣсто *ь* (=ѫ) является *ъ*, *ъt*; далѣе *тъ*, *tъ*, *sъ*; потомъ *тъžь*, *rъkъ*; *dlъbъ*, *klъnъ*, *brъsnъ*, *lъstь*, *rъsь*, *vrъvь*, *drъžьt*, и т. д. Къ сожалѣнію, онъ ставитъ *ъ* и *ь* въ именит. пад. жен. р. вмѣсто *а* и *я*: *vodъ*, *rъkъ*, *volь*, *banь*; въ прежнемъ своемъ сочиненіи, «о зэв. н. б. яз.,» онъ ставилъ *ъ* и *ь* только въ винительномъ, въ послѣдствіи же соблазнили его Цанковы. Они употребляютъ условные знаки—*ѝ* вмѣсто ѫ, *ъ*; *ѐ* вмѣсто ѧ, *ь*; потомъ *ѝ* вмѣсто ѫ; *ѐ* вмѣсто ѭ; далѣе *jѝ* вмѣсто ѭ; наконецъ *ѐ*, тамъ, гдѣ ѧ выродилось въ чистый звукъ. При этомъ они часто сбиваются: во всѣхъ падежахъ именъ жен. р. на *а*, *я*, какъ сказано выше, они пишутъ *ѝ* и *ѐ*, какъ скоро нѣтъ ударенія, исключая нѣкоторыхъ именъ, преимущественно родственныхъ: *vèrù*, *pèsnù*, *slatkù*, *vojvodù*, *gùbù*, *volè*, *banè*, и въ тоже время *glavŭ*, *vodŭ*, *lozŭ*, *žena*, *baba*, *tele*, *tero*. Далѣе *тù*, *tù*, *sù*, и въ то же время *sfetèt*, *gubèt*, *lovèt*, *spèt*, и рядомъ *kopajùt*, *pijùt*, *krojùt*; *bodùt*, *pekùt*, *mogùt*, *bodnù*, *bodnùt*, *bodohù*, *bodnùhù*, и потомъ *badat*, *dèlat*, *kupuvat*; мало того, въ 3-мъ

л. мн. ч. наст. врем. является еще окончаніе *ѣt* = *ять: valѣt*. Трудно исчислить всѣ несообразности, происходящія отъ смѣшенія *je*, *e*, *ѐ*, *ѥ*, *jѫ*, и т. д. — Въ н. болгарскомъ обыкновенномъ правописаніи видимъ также много смѣси, хотя менѣе, чѣмъ у Цанковыхъ: иногда употребляютъ ѫ вмѣсто ѫ и ъ; иногда, ъ вм. ъ и ѫ, ѭ вм. ѫ, ѭ, ь, или ь вмѣсто всѣхъ этихъ знаковъ, или наконецъ *а*, *я*, *е*, и т. д. Но вообще, сколько намъ извѣстно, ѧ доселѣ не было вводимо въ своемъ особенномъ значеніи, и употреблялось у пишущихъ по Ц. славянски въ значеніи простаго *я*, какъ въ позднѣйшую эпоху Ц. славянской письменности по разнымъ слав. нарѣчіямъ. Изъ ученыхъ, г. Петковичь повсюду выродокъ носоваго звука передаетъ знакомъ *а* при твердости, *я* при мягкости, иногда притомъ смѣшивая твердость и мягкость: *мажи*, *орать*, *правать*, *стока владать*, *избирать си владика*, *вставха*, *исплакнавши*, *викна*, *да поставать*, *да говорать*, *да раздѣлать*, *въ своя куѣа*, *Стяглавъ*, *се караять*; въ звукѣ, происшедшемъ изъ ѧ, является двойство: *Стяглавъ*, *Светославъ*, *свети*, *кнежна* и рядомъ *княжна*, и т. д. Въ другомъ Академ. переводѣ еще менѣе твердости: *мъжи*, *мътиш*, *стъпи*, *бъде*, *ръка* и потомъ *орат*, *владат*, *избират*, *стаха*, *вода* (вин.), *сѧ карат*, *пратат*, *начна*, *стана*; ѧ является и вмѣсто ѧ. и *ѣ*, ѭ, ѧ, ѩ: *въ своѩ челѩдь*, *правѧт*, *тѧ*, *сѧ*, *бурѧ*, *не шта да мътѧ*, *братѧ*, *Стѧглав*, *въ тиѩ земи*, *Свѧтослав*, *Ѩрожир*, *свѧтосъдна*, *да владѣѧт*, *кланѧха сѧ*, *да фалѧт*, *объиви*, *змиѩ*, *своѩ правда*, и т. д. Въ пословицахъ отличены лишь ѫ и ѭ, но совершенно недостаетъ ѧ и ѩ, а индѣ и различенія мягкости: отсюда *мя*, *тя*, *ся*; *извадѭтъ*, *подмажѫтъ*, *връвѭтъ*, *носѭтъ*, *лижѫ*, *отворѭтъ*; къ сожалѣнію также, не вездѣ выдержаны и обыкновенныя правила: *ся ритѫтъ*, *искѫтъ*, *пущѫтъ*, *ѭдѫтъ*, и въ то же время *отдаватъ*, *ся не продаватъ*; *хванѫла ся*, *ся минѫло*, *тръгнѫлъ*, *стигнѫ*, и рядомъ *хокнало*, *падна*; и на оборотъ *начинѫ* вмѣсто *начина*, въ наст. врем. 3-мъ лицѣ. Равнымъ образомъ *глѣдала* вм. *е*, *спорѣдъ*; *святецъ*. Первый переводъ Полиглотты не совсѣмъ точенъ: ѕехѫ и падиѧ вм. ѩѫ; дала игланцѫ, маника кода, къ хладна кодица; те вм. та. Во второмъ переводѣ вовсе нѣтъ точности: ѓрадеѫ, прегладка, трисѫше, масовадиъ, ѕахѫ, тажно, вм. е, а потому рядомъ спорѣдъ и споредъ, нижних в княжески; ѭ вовсе безъ нужды вмѣсто Ц. сл. ѧѫ, оѫ, звуковъ, не очень любимыхъ языкомъ н. болгарскимъ: ѕвѣрѫтъ си, съ рѫкѫ, съ милѫ кремиланцѫ, съ нѣмѫ горѫ, и между тѣмъ съ силнѫ рѫкѫ, пытатъ; къѕдвигнѫла, сѫдиѫ, махиѫ, и рядомъ ѕпланна, остана, рекна, вдигна, падна, сѫдна; ма, та, са; да раѕсѫдитъ, да сѫдѫтъ; отка-

рытъ сѧ, а выше отварятъ сѧ; наст. 3-е л. ед. ч. неотворѧ'; къ тїѧ ȥеми, а ниже къ тїѧ; вламанъ, и т. д., и т. д.

ЗВУКИ ъ, ь, й (іотъ).

Приступаемъ къ самому трудному, запутанному и вмѣстѣ рѣшительному вопросу, имѣющему вліяніе на всѣ другіе,—о звукахъ и знакахъ ъ. ь, й.

I. *Звуки ъ и ь какъ пазвуки, для означенія твердости или мягкости согласныхъ.*

Разсмотрѣвши и въ извѣстной мѣрѣ опредѣливши твердость и мягкость звуковъ согласныхъ въ яз. н. б., мы должны, разумѣется, обозначать эти свойства особенными знаками; для этого мы уже взяли іотъ для выраженія мягкости на гласныхъ, и получили отсюда е (ѥ), я (ѧ), ѭ, и т. д.; остается обозначить твердость или мягкость согласной, когда она является пазвукомъ, въ концѣ слова; для этого можно употреблять различные знаки: предпочитаемъ тѣ, которые даны древнекирилловской грамотой и усвоены языку русскому,—твердое ъ, мягкое ь; здѣсь ъ и ь будутъ уже не самостоятельные звуки, а знаки твердости или мягкости согласныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое служеніе ихъ не ново и является уже въ яз. Ц. слав., ибо тамъ уже во многихъ случаяхъ ъ и ь конечно не имѣли отдѣльнаго, самобытнаго произношенія. Но какъ быть, если подобные случаи явятся въ срединѣ слова? предлагаемъ писать для твердаго ‘, для мягкаго ’, или даже, пожалуй, одинъ изъ этихъ знаковъ: *челѣкъ, Богъ, прагъ, сварихъ, дойдъхъ, педесетъ, дожь, сѣльшь, вижь, зеть, лакъть, студь, мазь, мжжь, вечеръ, вечерь*: *виж’те, пѣж’те, дрѣж’сѧ*, и т. п. Впрочемъ, для избѣжанія послѣдняго примѣра, лучше, кажется, раздѣлять *дрѣжь сѧ*; мы сказали, что можно даже употреблять одинъ знакъ, именно ’, ибо, сколько мы знаемъ, ъ безъ произношенія въ срединѣ слова, какъ гіатусъ предъ гласной, явленіе самое рѣдкое: въ н. б. сочетанія въ родѣ *объя, изъя*, и т. п., съ тѣмъ произношеніемъ, какъ у Великоруссовъ, не допускаются, и на мѣсто ихъ являются *обя, изя* (*изясно*), и т. п.; передъ согласными же нѣтъ нужды ставить знака, напр. *облѣкѫ, одрѣзувамъ*. И такъ остается одинъ мягкій знакъ ’; но, такъ какъ и онъ имѣетъ мѣсто большею частію при согласныхъ звукахъ, двойная мягкость которыхъ уже

извѣстна, наприм. при шипящихъ *ж, ч, ш* и т. д., то и онъ не составляетъ крайней необходимости; остается писать его только при именахъ жен. р. на *ь* съ членомъ: *свѣшь-тѫ*, или, чтобы *ь* здѣсь не произнесли, — *свѣш'-тѫ*, *осъ-тѫ—ос'-тѫ*; но опять при шипящихъ можно обойтись и безъ всякого знака. Объ *й* пока не говоримъ. Однако все-таки, при настоящемъ положеніи языка, еще столь мало извѣданнаго, совѣтуемъ употреблять по крайности одинъ знакъ ' для мягкости; мы видѣли уже выше пользу подобныхъ отмѣтокъ на примѣрахъ *кла́ден'че, другар'че, Боен'ко*, и т. п. Извѣстно уже намъ, что ни Миклошичь, ни Цанковы подобныхъ особенностей языка не отмѣчаютъ и не употребляютъ *ъ* и *ь* въ пазвукахъ, хотя передъ членомъ, какъ увидимъ ниже, оказывается необходимость такихъ отмѣтокъ, ибо они пишутъ не *carъt, car-ъt*, а *carыt, car-ët*. Г. Петковичъ нашелъ необходимымъ *ъ* и *ь* въ разбираемомъ значеніи, но пишетъ однако *мажь*, а ниже *мажъ*; знакъ ' употребляетъ онъ при выпущеніи какой либо гласной: *окол', ког', зар'*, и т. п.; для подобныхъ-то случаевъ оставили бы мы знакъ '. — Въ другомъ Академ. переводѣ *ь* отброшено вовсе (*горки*); *ъ* большею частію нѣтъ на концѣ — *сбор, сѫд, съм, с*, и между тѣмъ *отъ родъ, отъ престол* и *от планини, имъ*; ' при выпускѣ гласныхъ: но если написано *так'возь*, зачѣмъ встрѣчаемъ *колко?*—Печатавшій пословицы весьма точенъ въ подобныхъ случаяхъ; но его знакъ ' по нашему мнѣнію не всегда нуженъ, напр. *ид'вашь, вър'ва*. — Переводы Полиглотты, употребляющіе и ъ, и ь, не представляютъ въ этомъ случаѣ ничего замѣчательнаго; развѣ то замѣчательно, что помѣщается знакъ выпущенія ' даже тамъ, гдѣ н. б. языкъ теряетъ звуки, находящіеся въ другихъ славянскихъ языко-организмахъ, напр. дьржи' вм. дьржитъ, 'фатъ вмѣсто хофатъ, и т. п.

II. *ъ и ь какъ звуки самостоятельные; ихъ значеніе и глухое произношеніе; переходъ въ звуки чистые.*

Но, кромѣ этого внѣшняго служенія, *ъ* и *ь* въ яз. н. б. имѣютъ собственное, самостоятельное значеніе и произношеніе, именно *ъ* равняется глухому, неполному звуку *а*, *ь* такому же *я*, ибо *јь* = *ъ*, а отсюда = *ѧ* или *я* неполному; нельзя сказать, чтобы звуки эти были нечисты, мутны: скорѣе они неполны, сжаты, доведены до крайности и большой краткости. Звукъ *ъ* держится болѣе, *ь* менѣе, т. е. древній, Ц. слав., *ъ* не такъ часто переходитъ въ н. б. яз. въ дру-

гіе чистые звуки, ь же большею частью перешелъ и окрѣпъ до звуковъ *я*, *е*, *и* и т. п.; ъ рѣже встрѣчается намъ какъ чистое *а*, *о*, *у* и т. п. Это обстоятельство просимъ взвѣсить и вывѣсить: иное дѣло—самостоятельный, современный намъ звукъ н. болгарскаго ъ и ь, звукъ глухой, и иное дѣло тѣ звуки, въ которые они перешли или переходятъ. Такъ въ Ц. слав. яз. мы не беремся рѣшить, каковъ былъ самостоятельный звукъ того и другаго: болѣе общее мнѣніе стоитъ за ў и *е* или *и*; но мы съ своей стороны замѣтимъ, что дѣйствительно таковы выродившіеся и переходящіе *изъ нихъ* звуки, или таковы звуки, соотвѣтствующіе имъ *въ иныхъ языкахъ*: каковы же они были *сами съ себѣ*, какъ глухіе,—не думаемъ чтобъ это было ў и ѐ или *и*. Спорить не имѣемъ нужды: въ нашемъ дѣлѣ, яз. н. б., имѣемъ ясный и несомнѣнный фактъ: глухой, сжатый, краткій звукъ *а*, въ его твердомъ и мягкомъ видѣ, какъ ъ и ь. Послѣдній, замѣтили мы, во многихъ случаяхъ совершенно перешелъ уже въ другіе чистые звуки: о такихъ звукахъ намъ и не слѣдъ разсуждать, пишите *е*—если слышно чистое *е*, *и* — если *и*, *я* — если *я*; намъ нужно знать, гдѣ эти звуки суть полузвуки, гдѣ они скрачены, укорочены крайне, сжаты, неполны, глухи. Съ другой стороны, если глухое можетъ развиваться до самаго яснаго, откуда взялось оно? также изъ яснаго, полнаго, чистаго: дѣйствительно ъ и ь, которые замѣчаемъ мы въ самомъ началѣ исторической эпохи Славянскаго языка, суть не что иное, какъ слѣдствіе ослабленія, пониженія гласности (вокализма), ниспаденіе древней полноты до сжатости и краткости. И такъ, по собственной уже природѣ своей, происхожденію и дальнѣйшему развитію, ъ и ь представляютъ собою процессъ, нѣчто переходное, среднее, колеблющееся. Отъ насъ скрыто рожденіе ихъ; по крайности мы застаемъ ихъ, видимъ рожденныхъ въ самыя первыя минуты историческихъ слав. памятниковъ: но, когда изъ нихъ родится новый звукъ и окрѣпнетъ, и какими переходами, какой постепенностью,—вотъ что крайне трудно рѣшать, трудно, ибо это значитъ уразумѣть процессъ, а сознать процессъ и то, что движется въ процессѣ существеннаго, — во всякой исторіи развитія самая трудная задача. Слѣды подобнаго процесса мы нерѣдко замѣчаемъ въ исторіи нарѣчій славянскихъ. Такъ въ языкѣ русскомъ ъ повсемѣстно почти переходитъ въ корняхъ въ *о*, *ь* въ *е*; извѣстно, что полногласіе, отсюда происходящее, есть производное, прошедшее уже черезъ процессъ ерованья, но не первоначальное, не древнее; между тѣмъ въ наззвукахъ, въ суффиксахъ, ъ и ь потеряли всякое произношеніе и

взяли на себя одну только служебную роль на письмѣ—показателя твердости и мягкости. Но, сопутственно этимъ двумъ явленіямъ, мы видимъ въ исторіи языка русскаго слѣды такого процесса, который стремится даже пазвучное ъ и ь обратить въ извѣстнаго рода гласную, давъ ей самостоятельное произношеніе: извѣстны примѣры Мстиславовой грамоты, новгор. лѣтописи, стихирарей, и т. п., поставляющіе *о* вм. *ъ*, *е* вм. *ь*. — Сербскій языкъ не только ъ, но въ большей части случаевъ и *ь* перевелъ въ чистую гласную *а*: опять полногласіе производное, *а* - гласность, возникшая послѣ процесса ерованья; но, рядомъ съ этимъ господствующимъ явленіемъ, Черногорцы и окрестные приморцы удержали полузвукъ тамъ, гдѣ вообще въ серб. яз. является *а*, въ Ц. слав. ъ и *ь*: *дън*, *сън*, *петък*, *мъгла*, *отъц*, *седъм*, *женъх*, и т. п. Посмотримъ теперь на языкъ н. болгарскій, и раздѣлимъ случаи ъ и *ь* такимъ образомъ:

I. Какъ пазкуки, ъ и *ь* теряютъ свое самостоятельное произношеніе, обращаясь въ одни только знаки твердости и мягкости, также точно, какъ въ языкѣ русскомъ и сербскомъ; мы объ этомъ сказали уже выше; ниже упомянемъ объ особенностяхъ въ этомъ случаѣ языка н. болгарскаго.

II. *ъ и ь какъ самостоятельные звуки.*

1. *Въ корнихъ вообще.*

Въ корняхъ *ь* почти всюду перешелъ въ какую либо чистую гласную; онъ удержался только тамъ, гдѣ послѣдуетъ за согласной шипящей и вмѣстѣ предшествуетъ согласной плавной; отсюда: *жълти*, *чърни*, *жънѫ*; но и здѣсь съ одной стороны *ь* очень близокъ въ произношеніи къ *е*, съ другой стороны является при *л* и *р* какъ видоизмѣненіе ъ-*ра*, произведенное вліяніемъ шипящей; сюда можно отнести въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вліяніе свистящихъ: такъ въ словѣ *сърце*, *сърдитъ*, слышенъ скорѣе *ь*, близкій къ *е*, чѣмъ ъ. За исключеніемъ этихъ немногихъ случаевъ, *ь*, повторяемъ, переходитъ въ глагольныхъ и именныхъ корняхъ въ гласную чистую, напр. *день*, или въ ъ, напр. *мъничякъ*, *пъстъръ*. Что касается до ъ, то онъ повсюду удержалъ глухое произношеніе, и мы не знаемъ случая, гдѣ бы Ц. славянскому ъ не соотвѣтствовалъ также ъ и въ н. б. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ъ произносится какъ самое краткое *а*.

2. *Въ корняхъ при л и р.*

Отъ предыдущаго должно отдѣлить и особенно разсмотрѣть тѣ корни, въ которыхъ ъ является при звукахъ *л* и *р*. Извѣстно, что въ яз. Ц. слав., также въ нарѣчіяхъ, напр. чешскомъ и сербскомъ, звуки *л* и *р* сохраняютъ нѣкоторый оттѣнокъ гласности. Миклошичь въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько колебавшійся касательно этого вопроса и соединенныхъ съ нимъ требованій правописанія, въ первой части своей сравнительной граматики нѣсколько преувеличилъ дѣло, признавъ за звуками *л* и *р* въ яз. Ц. слав. полную гласность. Такое утвержденіе находится въ противорѣчіи уже съ самою исторіею письма, которое постоянно при этихъ звукахъ употребляетъ сопутниками *ъ* и *ь*. А потому, если вы скажете, что *л* и *р* имѣли тогда полную и самостоятельную гласность, то вы должны будете отвергнуть гласность *ъ* и *ь*; и вообще, чѣмъ выше такимъ образомъ будете поднимать одну сторону, тѣмъ ниже упадетъ другая. Вотъ почему, когда Миклошичь говоритъ о гласности *л* и *р* въ яз Ц. слав., совсѣмъ забываешь о существованіи при нихъ *ъ* и *ь*, и на оборотъ, когда говоритъ о послѣднихъ, колеблется предъ вашими глазами гласность первыхъ. Онъ не могъ также скрыть, что сочетанія *ль*, *рь* и т. п., показываютъ уже упадокъ гласности *л* и *р*, ибо она конечно возможна только при ихъ твердости, и мягкое *rz* и *ř* въ пол. и чеш. не совмѣстны уже съ представленіемъ полной гласности. На этомъ преимущественно основаніи отстаиваетъ онъ то, что въ древнѣйшихъ Ц. слав. памятникахъ господство въ коренномъ слогѣ остается за начертаніемъ *лъ*, *ръ*, а не *ль*, *рь*. Съ другой стороны, если бъ допустить *ъ* предъ *л* и *р*, то *ъ* легко подпалъ бы вліянію предшествующей согласной, и, буде она мягка, напр. шипящая, легко перешелъ бы въ *ь*: потому онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ, какъ самое нормальное и древнѣйшее, то правописаніе, по которому *ъ* является *послѣ* *л* и *р*, а не *прежде*. Во всемъ этомъ видно только желаніе поддержать собственное свое мнѣніе, и нѣтъ нужды говорить, что безчисленные историческіе факты, имъ приводимые, говорятъ противъ него. Въ одномъ только онъ не послѣдователенъ: признавъ полную гласность *л* и *р* въ яз. Ц. слав., въ древнѣйшую его эпоху, и ниспаденіе ея впослѣдствіи, онъ замѣчаетъ въ тоже время, что *р* только въ древности имѣло мягкость въ яз. Ц. слав., но скоро начало терять ее. Стало быть, выходитъ, и сочетанія *лъ*, *ръ*, и гласность *л* и *р*, есть явленіе уже позднѣйшей эпохи, тогда какъ въ древ-

ности оно могло легко замѣняться мягкими звуками? Напротивъ, мы думаемъ, что мягкость *р* и попадающіяся явленія ся въ болѣе позднія эпохи именно составляютъ принадлежность послѣднихъ, вслѣдствіе потери древней твердости. Это смягченіе, развившееся позднѣе, дошло до крайности въ яз. пол. и чеш. Что касается до яз. н. б., то оно здѣсь не пошло далеко, ограничившись только нѣсколькими мягкими суффиксами или лучше паэвуками; аналогически и параллельно съ этимъ явленіемъ, языкъ н. болг. сохранилъ довольно слѣдовъ гласности *л* и *р*, хотя впрочемъ нигдѣ не допускаетъ этихъ звуковъ безъ полузвука *ъ* или *ь*. Особенность его, разъясняющая, можетъ быть, и явленія языка Ц. слав., состоитъ въ томъ, что въ корняхъ, въ срединѣ слова, полузвукъ допускается и прежде, и послѣ *л* и *р*. Когда онъ находится послѣ, то всегда бываетъ *ъ*: *влъкъ*, *глъчь*, *длъгъ*, *жлътъ*, *плънъ*, *слънце*, *бръкамъ*, *бръснѫ*, *врѣста*, *гръло*, *зрънο*, *сръпъ*, *чръвенъ*, *чрънъ*, и т. д. Но когда, является предъ *л* и *р*, тогда подвергается вліянію предшествующей согласной, и потому послѣ шипящихъ и свистящихъ является большею частію какъ *ь*: *сьлзи*, *сьрце*, *чьрни*, *жьлти*, и т. п. Наконецъ, въ началѣ словъ при *л* и *р* является также *ъ*, а не *ь*: *лъстѫ*, *лъгала*, *лъскавъ*, *ръвѫ*, *ръжда*, *ръсѫ*, и т. п. Недурно при этомъ замѣтить, что какъ въ Ц. слав., такъ и въ н. б. яз., сочетанія *ръ*, *лъ*, *ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл*, переходятъ иногда въ *рѣ*, *лѣ*, *ѣр*, *ѣл*, или лучше, какъ кажется, удерживаютъ послѣднія отъ древности: отсюда *дръпамъ* и *удрѣпалъ сѧ*, *ръшето* и *рѣшето*, *кисълъ* и *кисѣлъ*, и т. п. За то, какъ замѣтили мы выше, нерѣдко древняя гласная и *ь* переходятъ въ *ъ*: *връштамъ*, *вѫдѫ*, *цвѣтѫ*, *съмнува*, *мъничякъ*, *пъстъръ* и т. д. Просимъ также взять въ разсчетъ и выше означенныя образованія причастій, напр. *умрѣло*.

3. *Въ корняхъ мѣстоименныхъ.*

Совсѣмъ иное явленіе представляютъ корни мѣстоименные. Какъ въ предшествующихъ двухъ отдѣлахъ яз. н. болгарскій упорно удерживаетъ полузвукъ, такъ здѣсь онъ колеблется, допуская то чистую гласную, то вмѣсто Ц. слав. гласной полугласное *ъ*: отсюда *паздеръ* и *пъздеръ*, *пазуха* и *пъзуха*, *той* и *тъй*, *токмо* и *тъкмо*, *какъвъ*, *такъвъ* и т. п. Нужно замѣтить, что такими звуковыми измѣненіями пользуется иногда языкъ для разнообразія синтаксическаго значенія: такъ *токмо* = только, *тъкмо* = ровно; *той* = тотъ, *тъй* = то, потому. Это основывается уже на особой силѣ — употребленія.

4. *Въ частности, въ предлогахъ.*

Въ связи съ показаннымъ случаемъ стоитъ употребленіе предлоговъ и вообще префиксовъ. Здѣсь языкъ н. б. совершенно противуположенъ съ русскимъ. Русскій предлогъ, въ связи съ словомъ, начинающимся съ гласной, удерживаетъ ъ съ полузвуковымъ произношеніемъ,—*объявлять, изъяснять*; и Миклошичь очень ошибается, полагая въ своей сравнительной граматикѣ, что у насъ возможны сочетанія *objavľat'*, такъ точно какъ *bju* вмѣсто *бью*, и что будто подобныя сочетанія можно у насъ замѣнить сложными буквами въ родѣ серб. љ, њ. Подобныя сочетанія въ яз. русскомъ, какъ *объя*, *изъя, лья, нья*, и т. п., мы бы назвали, подобно французскимъ, *mouillés*. Языкъ н. б., за одно съ серб., не допускаетъ подобнаго: у него является *обя*, *обѣ*, *изя, ля, ня*, и т. п.; потому-то, вспомните, мы возставали противъ писанія въ собирательныхъ *ье*, *ья*, и т. п. На оборотъ, передъ гласными, русскій предлогъ или вовсе теряетъ значеніе и звукъ ъ, или обращаетъ его въ гласную: *обнять*, *обсъсть*, *обонять*, *обосъсть*, *сбирать*, *собрать*. и т. д.; языкъ н. б. иногда удерживаетъ здѣсь полузвукъ ъ: *събирай*.

5. *Въ суффиксахъ и флексіяхъ.*

Разумѣется, здѣсь же слѣдуетъ сказать и объ суффиксахъ. Выше мы говорили, что древнѣйшія гласныя въ н. б. перешли въ настоящемъ случаѣ въ ъ и ь; ь въ свою очередь обращается большею частію въ *е*, и иногда уступаетъ мѣсто ъ-ру; такимъ образомъ всетаки главнымъ дѣятелемъ является ъ. Такимъ образомъ: *сетенъ* вм. Ц. слав. сетьнъ; *гърнецъ* вм. гръньць; *жяденъ* или *жеденъ* вм. жядьнъ; *тежькъ* и *тежекъ* вм. тажькъ; *уменъ* вм. оумьнъ; *орелъ* вм. орьлъ; *овенъ* вм. овьнъ; *сторецъ* вм. старьць; *теменъ* и *тъменъ* вм. тьмьнъ; впрочемъ подобныя явленія встрѣчаются и въ Ц слав.: Ц. сл. вѣренъ—н. б. *вѣренъ*; дробенъ—*дробенъ*; длъженъ — *длъженъ*; кънецъ — *вънецъ*; коньць, конецъ—*конецъ*; трудно сказать, есть ли здѣсь ь пониженіе тѣ *е*, или *е* повышеніе тѣ ь и его произнесеніе. Извѣстно, что въ большей части этихъ случаевъ серб. языкъ имѣетъ *а*, происшедшее изъ ъ; и мы не сомнѣваемся, что таково же должно быть свойство малоизвѣстнаго македонскаго нарѣчія. Далѣе: тамъ, гдѣ въ Ц. *сл.* является ъкъ или окъ, въ н. б. *ъкъ*: кратъкъ, сладъкъ, кратокъ, сладокъ, н. б. *кратъкъ*, *сладъкъ*. Съ другой стороны, иногда является полузвукъ

тамъ, гдѣ его не имѣетъ языкъ Ц. слав.: *добръ*, *мудръ*. О другихъ суффиксахъ, отчасти упомянутыхъ выше, мы не говоримъ здѣсь. То же самое замѣчаемъ и въ глагольныхъ флексіяхъ (объ именныхъ ниже): тамъ, гдѣ Ц. слав. языкъ имѣетъ уже чистую гласную, очевидно происшедшую изъ ъ, или гдѣ вовсе избѣгаетъ особаго звука, н. б. языкъ упорно удерживаетъ ъ: 1) вмѣсто Ц. слав. охъ, въ н. б. является то *охъ*, то *ъхъ*, и притомъ *охъ* болѣе явленіе книжное, нежели народное: *бодъхъ, дойдъхъ, рекъхъ*; 2) причастія *рекълъ, пекълъ*, и т. п., вмѣсто Ц. сл. реклъ, неклъ. Языкознаніе показываетъ, что формы съ ъ въ яз. Ц. сл. древнѣе, напр. сътрѣхъ, слышахъмъ, древнѣе, чѣмъ сътрохъ, слышахомъ. Что касается до причастія, то *лъ* прибавляется именно къ темѣ на ъ, и отсюда-то возможны въ Ц. слав. формы краткаго и сильнаго аориста — текъ, сѣдъ, несъ, могъ. Стало быть въ обоихъ случаяхъ яз. н. б. удерживаетъ преимущественную древность. Что же дѣлаетъ яз. Ц. слав.? Или выпускаетъ древнее ъ, прошедшее еще изъ древнѣйшей гласной, или замѣняетъ его гласной производной; т. е. въ немъ ъ или теряетъ свое самостоятельное произношеніе, или сгущается и переходитъ въ новую чистую гласную.

III. *Бѣглое или подвижное ъ и ь, какъ явленіе особое, имѣющее въ яз. ново-болгар. большое развитіе.*

Выигравъ эти послѣдніе результаты, мы переходимъ къ гласнымъ и полугласнымъ, такъ называемымъ *подвижнымъ* или *бѣглымъ*, и выскажемъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, нисколько не навязывая его другимъ. Не будемъ изслѣдовать всѣхъ путей, какими происходятъ эти подвижные звуки; равно удалимъ пока рѣшеніе вопроса, при какихъ условіяхъ они являются, и при какихъ исчезаютъ. Покажемъ только ихъ общее значеніе, и факты, въ которыхъ они являются въ яз. Ц. слав. и ново-болг. — Звуки эти суть ъ и ь, и производныя изъ нихъ гласныя по нарѣчіямъ, напр. въ русскомъ *о* и *е*, въ сербск. *а* и т. п. Въ языкѣ Ц. слав. эти звуки по преимуществу суть ъ и ь. Такимъ образомъ замѣчаемъ: 1) иногда являются они въ Ц. слав., но потеряны въ ново-болг., слъньце, ново-болг. *слънце*, правьда—*правдина*; потомъ лутька, ржтьма, овьца, и т. п. Въ соотвѣтствіе всѣмъ имъ въ ново-болг. языкѣ мы не найдемъ ни ъ, ни *ь*; а сравнивая соотвѣтствующіе суффиксы *екъ* или *ъкъ*, *ънъ*—*енъ*, *ъцъ*—*ецъ*, и т. п., видимъ, что это дѣйствительно гласныя подвижныя, пропадающія, какъ скоро на концѣ является гласная вмѣсто

ъ и ь; а потому можемъ смѣло заключать, что всѣ эти слова, имѣющія въ Ц. слав. языкѣ на концѣ гласную, не произносили ь. И тѣмъ не менѣе этотъ ь прибавленъ не для одного только указанія мягкости, а какъ звѣно одного корня, соединяемаго съ другимъ, но звѣно, прибавляемое уже только по памяти древности, безъ самостоятельнаго значенія, ибо ему отказано въ произношеніи. Для насъ очень важно то явленіе, что прибавленный слогъ на концѣ заставляетъ срединное звѣно, ъ или ь, терять произношеніе, и стало быть теряться въ значеніи звука, а оставаться однимъ знакомъ. Но языкъ, какъ видно, хочетъ удержать память древности, а потому для сохраненія звѣна онъ употребляетъ два средства: 1) лишаетъ его произношенія, оставляя только знакъ; 2) поднимаетъ его до полной гласной. И то, и другое пояснитъ намъ слѣдующій примѣръ: въ соотвѣтствіе Ц. сл. именамъ на ьство, напр. ѧстьство, человѣчьство, н. болг. языкъ вовсе выпускаетъ полузвукъ: юнаство, чѣльство; въ Ц. сл. мы можемъ также предположить поднятіе ь до е: человѣчество, или произношеніе его полузвукомъ, близкимъ къ е, а вѣрнѣе—потерю звука ь и произнесеніе человѣчство; такъ, въ параллель Ц. слав. богатьство мы говоримъ богатство, а въ народномъ языкѣ имѣемъ богатество и богачество; такъ точно имѣемъ алчоба, худоба, и т. п. фф., возникшія изъ ъ и ь. II) Слѣдуютъ примѣры, указанные выше, въ которыхъ и Ц. сл., и ново-болг. языкъ имѣютъ звѣномъ, соединяющимъ два корня, глагольный или именной и мѣстоименный, полугласную или гласную чистую. Особенно интересны здѣсь имена прилагательныя. Какъ скоро является на концѣ гласная, въ Ц. слав. полузвукъ въ срединѣ пропадаетъ, напр. оумна, красна; стало быть въ именит., гдѣ ь держится, на концѣ нѣтъ гласной, и ст. б. въ оумьнъ; красьнъ, ь произносилось, а ъ уже потерялъ произношеніе; таково и н. б. уменъ, умна. Въ этихъ случаяхъ, при наростѣ на концѣ гласной, нарѣчія славянскія не удерживаютъ памяти звѣна и не ставятъ письменнаго знака; но иногда они удерживаютъ его другимъ средствомъ,—обращая звѣно въ чистую гласную: отсюда у насъ красёна, сластёна, и т. п. И такъ подвижные звуки допускаютъ слѣдующіе случаи: а) на концѣ не слышно гласной, и тогда въ срединѣ звѣно корней слышится какъ полузвукъ или даже звукъ чистый; б) на концѣ слышенъ звукъ, и тогда срединный теряется, оставляя иногда только знакъ по себѣ; в) на концѣ слышенъ звукъ, слышенъ и срединный, но послѣдній уже поднятъ непремѣнно до чистой гласной, и даже иногда принимаетъ на себя удареніе. Стало быть, одновременное существованіе обоихъ звуковъ возможно,

го возможно только при томъ условіи, если они оба равноправны и чисты. Такъ безъ сомнѣнія и было въ древнѣйшую доисторическую эпоху Славянскаго языка, ибо, по сравненію съ древнѣйшими языками нашей отрасли, наприм. Санскритомъ, видимъ, что суффиксъ и флексія, состоя изъ мѣстоименнаго корня, имѣли и въ заголовкѣ, и въ хвостѣ звукъ чисто-гласный, *аньяс*, *ѣкас*, наше *анъ*, *ѣнъ*, *инъ*, *енъ*, *ынъ*, *акъ*, *ѣкъ*, *ыкъ*, *икъ*, *екъ* и т. п. Переворотъ могъ произойти только вслѣдствіе сильныхъ причинъ: одною изъ таковыхъ, можно думать навѣрное, было отдѣленіе и обособленіе славянскаго племени. Но какой же звукъ прежде долженъ былъ потерпѣть и ослабѣть? Конечно послѣдній, ибо разстройство въ звукахъ языка мы всегда замѣчаемъ прежде съ окончаній. При этомъ звукъ срединный долженъ былъ еще хорошо держаться: и дѣйствительно, даже въ яз. Ц. слав, мы видимъ еще сохраненіе и поддержку его въ значеніи звѣна, при сильномъ разстройствѣ окончаній. Но колебаніе и слабость должны были и сюда проникнуть, выразиться разслабленіемъ звѣньевъ, разчлененіемъ и упадкомъ мускулъ, мышцъ: и дѣйствительно, уже въ яз. Ц. слав., мы видимъ это звѣно не только переходящимъ въ *ъ* и *ь*, но даже совсѣмъ теряющимся, хотя остающимся въ письменномъ знакѣ; дальнѣйшею степенью долженствовала быть пропажа и конечнаго, и срединнаго звука. И дѣйствительно, въ историческую эпоху, *ъ* и *ь* въ слав. нарр. повсюду теряютъ уже и звукъ свой, а вмѣстѣ и знакъ. Характеристика этой эпохи есть борьба, въ которой одинъ звукъ исключаетъ собою другой, конечнымъ исключается срединный, срединнымъ конечный. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтна уже реакція гласности, появленіе новыхъ гласныхъ, прошедшихъ чрезъ процессъ ерованья. Думаемъ, что прежде всего она должна была коснуться окончаній; за тѣмъ послѣдовало возстановленіе звѣньевъ. Разумѣется, подобное же ослабленіе и возстановленіе вокализма имѣло мѣсто и въ самыхъ корняхъ: доказательство во многихъ слав. нарр., замѣнившихъ здѣсь *ъ* и *ь* уже новыми гласными. Мы не имѣемъ ни возможности, ни средствъ останавливаться на этомъ фактѣ долѣе; замѣтьте также, что мы не говорили и о соотношеніяхъ различныхъ суффиксовъ и флексій, о переходахъ долготы, ударенія, и т. д. Спѣшимъ къ дальнѣйшему. III) Но во всякомъ случаѣ, послѣ сказаннаго выше, уже странно встрѣтить мнѣніе такого ученаго, какъ Миклошичъ, когда онъ формы храбъръ, святълъ, поставляетъ ниже формъ храбръ, свѣтлъ, руководствуясь аналогіей *добръ*, *теплъ*, и увѣряя, что полугласная вставлена тамъ произвольно (willkührlich). Тамъ, гдѣ

есть необходимость историческаго развитія, тамъ не можетъ быть рѣчи о произволѣ. И потому, въ соотвѣтствіе этому явленію Ц. слав. языка, встрѣчаемъ въ н. б. окончаніе *връ*, въ серб. уже гласную чистую *а*, въ русск. *ё*, звукъ явно уже позднѣйшій. IV) Теперь разсмотримъ уже особыя явленія яз. Ц. слав., въ которыхъ очевидно *ъ* и *ь* не произносились, но все таки ихъ положеніе отмѣчено по нѣкоторымъ рукописямъ знаками: мъ'юж, некъли (раздѣлены мѣстоименные корни); из'древе, нс'пръвленик, непрѣз'дѣлакмъ (отдѣленъ предлогъ); з'ми, ог'ни, с'крьбь (или отдѣленъ суффиксъ, или раздѣлены члены сложнаго корня); крьс'тиаиы, плъкънъ ати, погыб'ижти, оусвк'ижти, оупраж'нение (отдѣленіе суффиксовъ и флексій); ср. сълзти тьлити, въ,ати, дърати, пърати, гдѣ вѣроятно или подъятіе гласной *л* и *р*, или слѣдъ ихъ прежней бòльшей гласности, и т. д. По мнѣнію Миклошича, во всѣхъ этихъ случаяхъ *ъ* и *ь* стоятъ безъ всякой нужды и противъ аналогіи. Согласны, что они здѣсь уже не произносились; согласны, что въ другихъ подобныхъ случаяхъ они потеряны: но все-таки примѣры эти принадлежатъ большой древности и вытекаютъ изъ существенныхъ законовъ языка. Не говоримъ уже о соединеніи двухъ корней, глагольнаго или именнаго и мѣстоименнаго: здѣсь *ъ* и *ь* очевидно необходимы, какъ звуки, ослабѣвшіе изъ того гласнаго звука, которымъ начинался мѣстоименный суффиксъ. Даже въ корняхъ отдѣльныхъ, глагольныхъ и именныхъ, мы должны быть осторожны: иногда они кажутся намъ простыми, а въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, сложены, и старинный языкъ въ письмѣ своемъ сохранилъ для насъ остатки и признаки этого сложенія; такъ сътьр, сътъръ, указываютъ, можетъ быть, на то, что *стр* (ster-no) сложено изъ *съ+тр* (*съ+тир–а–ю*). Какъ бы то ни было, н. б. языкъ въ большей части подобныхъ случаевъ именно удерживаетъ *ъ*: о мѣстоименныхъ корняхъ и предлогахъ мы говорили; далѣе встрѣчаемъ *зъмя*, *огънь*, *огъня*, *седъмь* и *седьмъ* (произнос. *седя̀мъ*); тему глагола, какъ сказано выше, любитъ также отдѣлять *ъ*-омъ: *рекъхъ*, *рѐкълъ*; наконецъ при *л* и *р* ставитъ *ъ*, то прежде, то послѣ. Однимъ словомъ, оказывается во всемъ этомъ признакъ большой древности и послѣдствіе существенныхъ законовъ языка. А потому мы согласны подобные звуки называть бѣглыми или подвижными, ибо при извѣстныхъ условіяхъ они исчезаютъ, но никакъ не можемъ съ Миклошичемъ и другими граматиками называть ихъ *прикрасою* и *благозвучіемъ*, ибо ни въ какомъ физическомъ явленіи посредствующее звѣно начала и произведенія (продукта) не бываетъ прикрасою или благозвучіемъ, и связь эта

столь же вещественна (реальна), какъ и само связуемое. А потому V) замѣчая въ яз. Ц. слав., во многихъ случаяхъ, отсутствіе подобныхъ звуковъ, считаемъ это потерею и забвеніемъ древности: довръ, мядръ и т. п. Въ н. б. яз. поддержана старина, м. б. доисторическая: *добъръ, мждъръ*; въ серб. видимъ то же у приморцевъ около Черной горы; у остальныхъ ъ сгущается уже до чистой гласной: *добар*, *мудар*; у В. руссовъ *добёръ, мудёръ*, и т. д. Какими путями совершается это поднятіе ъ и ь до чистой гласной, объ этомъ поговоримъ ниже.

Укажемъ нѣсколько примѣровъ н. болгарской писменности. Въ случаяхъ, разобранныхъ нами выше, когда ъ и ь произносятся глухо, писменность, незнакомая съ строгой наукой, пишетъ обыкновенно ж для звуковъ, соотвѣтствующихъ Церк. славянскому ж, ѫ и ъ, и ѩ для ѩ, ѧ, ь; иногда во всѣхъ случаяхъ одно ж; иногда гласную *а*, *я*, *е*, съ какимъ либо знакомъ на верху, — такъ, на примѣръ, поступалъ Венелинъ и нѣкоторые другіе; иногда пишутъ чистую гласную, не смотря на то, что звукъ глухъ. Миклошичь употребляетъ ъ; такъ какъ *ь*, замѣтили мы, переходитъ большею частію или въ ъ, или другую чистую гласную, то для него рѣдко попадается мѣсто, развѣ только предъ *л* и *р*, гдѣ ъ переходитъ въ ь по вліянію предшествующаго звука: *žьlti*, *čьrni*; за то, какъ мы знаемъ уже, авторъ употребляетъ знакъ ъ и ь вмѣсто ж, ѫ, ѩ, ѧ, равно какъ на концѣ словъ безъ ударенія. У Цанковыхъ, миклошичеву ъ и ь, отвѣчаютъ въ тѣхъ же случаяхъ знаки *ѝ* и *ѐ*, раздѣляя и нѣкоторыя другія службы. Г. Петковичь допускаетъ ъ и ь какъ пазвукъ, знакъ на концѣ безъ самостоятельнаго произношенія; но, кромѣ того, допускаетъ ъ въ корняхъ и звѣньяхъ суффиксовъ, чаще при *л* и *р*: *върхи*, *съсъ*, *пълки*, *Кърконощи*, *държи*, *жълчка*, *първенцу*, *Вълтаво*; сожалѣемъ, что онъ пишетъ ъ въ словѣ *объявать*, а не пишетъ его въ *соборъ*, гдѣ слѣдовало бы *съборъ*. Въ другомъ переводѣ Суда Любуши, ь, какъ мы знаемъ, изгнанъ; мѣсто ъ, ь и юсовъ занимаетъ одинъ ъ: *Влътаво*, *въздигнала*, *извръже*, *наръси*, *дръжи*, *дъски*, *жлъчка*, *сръдце*, *тръсише ся*, *пръвенецъ*, *съм*, и др. Нельзя не жалѣть, что ъ опущенъ въ словѣ *сбор*, тогда какъ является *събраха*, или что вмѣсто его является *о* въ *сос*. Въ Академическихъ пословицахъ замѣчаемъ строгое употребленіе ъ и ь, но не вездѣ соблюдена точность; такъ, на примѣръ, мы встрѣчаемъ *залакъ* вмѣсто *зълакъ*; *върви* и *връви*, *дрьжка* и *дръжкѫ-тѫ*, *камькъ* и *камъкъ*, *хвърлишь* и *хвърля*, *раждѫ* вмѣсто *ръждѫ*; тѣмъ не менѣе нельзя не поблагодарить за рѣдкую осмотрительность, которая до-

казывается примѣрами сьрдце и сръдце. Первый переводъ Полиглотты точенъ, кромѣ примѣровъ сесъ и сьрдце; второй, хотя знаетъ ъ и ь, но сбивается въ ихъ употребленіи: Вльтако, изврьже, дьржи', прьвенецъ, 'сьмь, тьмно, тврьдъ, крьхъ, дрьва, т. е. безъ нужды употребляетъ ь вмѣсто ъ, по аналогіи языка Ц. славянскаго или другихъ славянскихъ нарѣчій; но въ остальномъ употребленіи ъ-ра точность выдержана твердо.

IV. *ъ, ь, й, предъ членомъ -тъ. Связанный съ тѣмъ вопросъ склоненій.*

Теперь переходимъ къ вопросу о членѣ, вопросу весьма трудному, который однакоже, по силѣ предшествующихъ нашихъ заключеній, разрѣшится, кажется, довольно легко. Дѣло идетъ объ мужескомъ родѣ, ибо въ женскомъ и среднемъ очень просто прибавляется *та* или *тѫ* и *то*, а во множ. для двухъ родовъ *тѣ*, для средняго *та*. Но въ муж. р. ед. числа предъ *тъ* слышенъ бываетъ еще звукъ, для изображенія котораго употребляютъ большею частію слѣдующія начертанія: *человѣкъ-атъ*, *градъ-атъ*, *царь-атъ*, *конь-атъ*; пока не говоримъ еще о членѣ послѣ *й*. Попросите прочесть всѣ эти начертанія, и вы услышите: *человѣкăтъ*, *градăтъ*, *конятъ*, *царятъ*, т. е. съ краткимъ *а*, твердымъ или мягкимъ. Откуда же взялось оно? Самый простой и естественный отвѣтъ будетъ тотъ, что это есть *ъ* или *ь*, звуки, которыми кончается имя существительное, и которые произносятся кратко, глухо. И такъ, если вы согласились писать ихъ въ корняхъ, то пишите и здѣсь слѣдующимъ образомъ: *человѣкъ-тъ*, *градъ-тъ*, *конь-тъ*, *царь-тъ*. Такъ именно въ правописаніи н. болгарскомъ и поступаетъ sancta simplicitas, которая, употребляя вмѣсто *ъ* и *ь*—*ѫ* и *ѭ*, пишетъ обыкновенно *человѣкѫтъ*, *царѭтъ*. Миклошичь и Цанковы подошли къ тому же, употребляя начертанія: *dolъt*, *obrazъt*, *mъžьt*, *konьt*, *carьt*; *čjolék-ŭt*, *krak-ŭt*, *car-ĕt*, *mŭž-ĕt*, *pŭt-ĕt*. Но Миклошичь замѣчаетъ, что это *ъ* и *ь вставлено эвфонически*, а Цанковы, какъ вы видите изъ примѣровъ, *ŭt* и *ĕt* отставляютъ отъ слова прочь. И слѣдовательно, невольно сходясь съ нами въ начертаніяхъ, они въ тоже время выказываютъ явно мнѣніе, что эти *ъ* и *ь*, *ŭ* и *ĕ*, нисколько не суть пазвуки имени существительнаго, произносимые глухо, а нѣчто вставное или прибавочное. Откуда же эта вставка или прибавка? Разумѣется, становятся въ тупикъ и является возможность самыхъ странныхъ предположеній. Но за то и для насъ представляется важный запросъ: если этотъ звукъ

есть *ъ* и *ь*, звукъ, обыкновенно́ непроизносимый въ концѣ именъ, то почему́ же онъ произносится, какъ скоро присоединяется членъ? Отвѣчаемъ: по тому же, по чему произносится звѣно, соединяющее глагольный или именной корень съ мѣстоименнымъ суффиксомъ: *красенъ*, *доберъ*, *крэтокъ*, *крѣпокъ*, вмѣсто *ънъ*, *ъкъ* и т. п.: стало быть это не больше, какъ одно изъ явленій, разсмотрѣнныхъ нами выше. Но, скажутъ намъ, при возвышеніи звука, дотолѣ не бывшаго слышнымъ, на него большею частью переходитъ удареніе, какъ замѣчено выше: *красёнъ*, *добёръ*, *сластёна*, въ просторѣчіи *крѣпо́къ*, и т. д.? И ново-болгарское *до́бри* и *добъ́ръ*? Правда: да и въ ново-болгарскомъ тоже явленіе, а именно *гра́дъ* и *градъ́-тъ* = *градъ́тъ*, *день́-тъ* = *денъ́тъ*, *мѫжъ́-тъ*, *кракъ́-тъ*, *трапъ́-тъ*, *рогъ́-тъ*, и т. д. И дѣйствительно, здѣсь не что иное, какъ *ъ* и *ь*. переходящій изъ потери звука къ возникновенію новаго, хотя неполнаго и глухаго звука; доказательство въ томъ, что въ показанныхъ случаяхъ слышно именно *а́* или *я́*, рѣже *ĕ*, то есть тѣ самые звуки, которые слышатся при *ъ* и *ь* въ корняхъ словъ новоболгарскихъ. Напротивъ въ яз. Ц. слав., гдѣ ъ и ь переходятъ чаще въ о и є, въ показанныхъ случаяхъ является именно о и є: въ глагол. Клоц. клеврѣтотъ вмѣсто—тъ-тъ, ракотъ, оучєникотъ, иноплеменникось вм.—къ-сь, мирось, народось, обр!зось, позорось, родось; въ глагол. XII вѣка нжтось (вслѣдствіе перехода ь во ъ, подобно сербскому *пут*); кодексъ Кир. серб. XIV в. коупецотъ. дѣтиштось вм. штъ-сь или штъ-сь; Кир. серб. XV: прѣстолотъ; XVI одротъ; ср. Ассеман., XI в., прѣдонь вм. прѣдъ-нь, лакоть вм. лакъть и др. Съ другой стороны въ Ассеман. декетъ вм. дьнь-тъ, Супрасл. дьнесь вм. дьнь-сь. То же самое замѣчаемъ въ кодексахъ на Руси: какъ въ Іоаннѣ Экзар. является слоготъ, такъ у Лаврентія *градось*, *градокось*, *вовесь вѣкъ* (=*въ сь вѣкъ*), *холмотъ*, *отрокотъ*, *воотже день* (=*въ тъ же день*), *въвъустье*, *въвъ адъ*, *въвъ утробѣ* и т. д. Что́ же значитъ это поднятіе звука изъ небытія въ бытіе или изъ полугласнаго бытія въ бытіе чистой гласной? Мы видимъ, что оно совершается: 1) при набавкѣ суффиксовъ; 2) при членахъ *тъ* и *сь*; 3) при удвоеніи предлоговъ. Очевидно, всѣ эти случаи выражаютъ собою стремленіе языка къ бо́льшей опредѣленности значенія; а слѣдовательно и поднятіе гласной имѣетъ тотъ же смыслъ, ибо разумѣется слово теряло свою опредѣленность, какъ скоро вмѣсто гласныхъ древнѣйшаго періода получало полугласные *ъ* и *ь*, да и тѣ звуки затеривало въ произношеніи. И такъ это реакція вокализма, выражающая собою и реакцію значенія,

стремящагося снова болѣе и точнѣе опредѣлиться. Въ подобныхъ случаяхъ предлоги и члены явно замѣняютъ прежнюю опредѣленность, выражавшуюся въ сильномъ склоненіи. Возмемъ еще примѣры: *въ ночь*, *ночь сь*, *ночѐсь*; *лѣтомъ*, *въ лѣто*, *лѣтось*, по московски *лѣтась*, т. е. *ъ* здѣсь чаще=*а*, безъ ударенія; *намеднись* = *ономь дьни сь*; но особенно разителенъ слѣдующій примѣръ: *вечеръ* мы произносимъ какъ *вѐчьръ*; *вечѐръ* будетъ уже винительный новаго склоненія, для означенія опредѣленнаго отдѣла времени; обыкновенный родительный, въ склоненіи ослабѣвшемъ, будетъ *вѐчера*; *вчерá* будетъ родительный склоненія новаго, представляющаго реакцію, произносящаго конечное *ъ* до чистой гласной, за тѣмъ истребляющаго звукъ *ь* въ слогѣ *вь* (вьчьръ), переводящаго удареніе на новую гласную, и и опять употребляемаго для означенія опредѣленной части времени; но языкъ идетъ еще далѣе: онъ говоритъ *вчерáсь*, и эта форма, возникшая конечно позднѣе, вслѣдствіе реакціи подходитъ къ древнѣйшей, опредѣленнѣйшей и предполагаемой формѣ *вчерасья*, т. е. съ окончаніемъ сильнаго родительнаго *асья*, какъ въ Санскритѣ. Такимъ образомъ языкъ, новыми средствами, стремится дойти, и дѣйствительно доходитъ, до возстановленія древней, но уже не первоначальной, а путемъ процесса производной гласности, и это въ этимологіи совершается обыкновенно возстановленіемъ *ъ* и *ь* до полугласности, и постепеннымъ окрѣпленіемъ ихъ до гласной чистой. Смыслъ этого явленія тотъ же, какой выражается и присоединеніемъ предлоговъ, членовъ, и потому-то, какъ мы видѣли, подобныя явленія идутъ параллельно съ набавкой суффиксовъ, опредѣлительныхъ мѣстоименій, членовъ. Но, тѣмъ не менѣе, реакція вокализма можетъ совершаться и помимо такихъ со‹о›тственныхъ фактовъ, сама по себѣ: таковъ именно въ славянскихъ нарѣчіяхъ смыслъ перехода именъ изъ одной формы склоненія въ другую, на примѣръ изъ класса *и* въ классъ *а*, както *путя́* вмѣсто *пути*, *дня* вмѣсто *дни*, *церква* вмѣсто *цьркы*, *церковь*, и т. д. Для насъ важенъ тотъ фактъ, что *ъ* и *ь* этимологически могутъ подниматься даже до звука гласнаго-чистаго. А такъ какъ *й* или *j* (іотъ) въ этимологическомъ отношеніи весьма часто = *ь* или *jъ*, то онъ также можетъ подчиняться подобнымъ законамъ перехода и обращаться въ *я* и даже въ полное *я*: *судий* переходитъ въ *судія* (въ нар. стихѣ: «судія наша праведная»); вообще въ народномъ языкѣ нашемъ видимъ тому множество примѣровъ: «онъ и вѣруетъ единой Троицы (вмѣсто *цѣ*, какъ въ лужицкомъ нарѣчіи и даже польскомъ) *нераздѣлимыя*; «во той во церкви во *соборныя*;»

«светой Егорій, светой *храбрыя*;» «*Светополхій князь*» и «*Светополшая князь*;» «*сљрая* заяцъ,» «*бљлая* заяцъ»; «монастырь *пречестные*,» «на весь то народъ да *православные* (изъ народныхъ стиховъ).» Въ н. болгар. *ловчия* вмѣсто *ловчий*. Отсюда понятно, что въ н. болг. *край*, *лой*, съ членомъ *край-тъ*, *лой-тъ*, произнося *краятъ*, *лоятъ*. Намъ могутъ возразить только однимъ примѣромъ: отчего же въ н. болг., при именахъ жен. рода, ь въ подобныхъ случаяхъ не произносится, напр. *свњщ-та* а не *свњйтъ-та* = *свњшта-та*? Это отъ того, что на концѣ *та*, а не *тъ*, и, вслѣдствіе гласной, предыдущій ь пропадаетъ, какъ это видимъ мы въ примѣрахъ *красна* вм. *красьна*, *добра* вмѣсто *добъра*, *вчера* вмѣсто *вьчера* или *вечера*. Но явленіе то же самое, и прибавка здѣсь члена знаменуетъ то же, что и переходъ имени изъ класса *и* въ *а*, ибо *свњштъ* принадлежитъ классу *и*, а въ Русскомъ переходитъ въ *а* — *свњча*, т. е. = *свњшта*. Такъ точно у насъ въ просторѣчіи склоняютъ *матеря*, *дочеря*, *матерю*, *дочерю* — по классу *а*: отсюда въ н. болг. *дъштеря*; отсюда *зъмя* изъ *зъмь*, *зъми*. И такъ переходъ склоненій изъ однѣхъ формъ въ другія, новыя, совершается сопутственно и даже имѣетъ одинъ смыслъ съ развитіемъ члена. Отъ того-то явилось и развилось у многихъ мнѣніе, что въ языкѣ ново-болгар. кромѣ члена *тъ*, который пишется *атъ*, есть въ иныхъ мѣстахъ членъ *а* и *о*, ибо слышится *челњка*, *челњко*, *царя*, *коня*, вмѣсто *челњкъ-тъ*, *царь-тъ*, *конь-тъ*. И въ правду, неошиблись съ той стороны, что явленіе это близко и однозначуще съ членомъ: но собственно это есть реакція склоненія, пользующаяся возникновеніемъ гласности на обломкахъ склоненія утраченнаго. Явленіе это такъ важно, что мы должны въ подробности разсмотрѣть случаи ново-болгарскаго склоненія. При этомъ мы пойдемъ отъ фактовъ ясныхъ и несомнѣнныхъ къ болѣе запутаннымъ и смѣшаннымъ.

ОСТАТКИ СКЛОНЕНІЙ ВЪ ЯЗЫКѢ НОВОБОЛГАРСКОМЪ; ЗАМѢНА ИХЪ; ПРИСПОСОБЛЕНІЕ ЧЛЕНА.

Падежъ звательный.

Въ яз. н. болгар. онъ чрезвычайно прихотливъ, и между тѣмъ безъ него часто нельзя уразумѣть остатка падежей остальныхъ.

1. Имена муж. р. на *ъ*, въ отличіе отъ другихъ слав. нарр., и за одно съ нар. в. лужицк., имѣютъ часто *о*, въ особенности кончащіяся на гортан., свистящія, на *имъ* и *инъ*, при означеніи су-

ществъ живыхъ: *челко, просько, безаконико, селенецо, дръводѣлецо, побратиме* и *мо, Маджярино, Блъгарине* и *но, каравулино*; *свато*.

Согласно съ этимъ, имена муж. и жен. р. на *а*, имѣютъ по большей части *о*: *сестро, момо, дѣвойко, слуго, войводо*. Однако иногда зват. уже не сохраняется: *дружина, слуга, войвода, Никола, Гюрдала*. Иногда и имя прилагательное уподобляется: *вѣрно, сговорно*.

2. Остальныя имена муж. рода, по большей части, преимущественно собственныя, имѣютъ *е*, при чемъ, разумѣется, гортанныя и свистящія претворяются: *Стефане, куме, юначе, момче, доложаче, пѧтниче, Боже, старче*. Впрочемъ имена собственныя остаются порою и въ именительномъ: *Драганъ, Връбанъ*.

Сино и *сине*.

Изъ именъ жен. рода на *а*, въ зват. имѣютъ *е*: а) всѣ на *ца*; б) нѣкоторыя, какъ исключеніе: *момо* и *моме, Цане*; в) собственныя на *нка* или правильнѣе *нка*: *Боенке, Єленке, Янке, Іонке*.

3. Всѣ имена муж. рода и жен. на мягкую, *ь* и *я*, безъ различія классовъ, имѣютъ *ё*: *мѫжё, свинарё, пѣтлё, гедиё, пашё, недѣлё, робинё, ротакинё*. Имена на *й* переходятъ въ именит. въ *я*, въ зват. *ё*: *Димитрия, Матея, Димитриё, Матеё*.

Только какъ исключеніе, являются: а) рѣдкое *е*: *Димитрие*; б) рѣдкое *ю*: *купралю, тъмничярю, царё* и *царю*; в) единственное *Господи*.

Таковы общіе и болѣе обыкновенные случаи; но при нихъ безчисленное множество измѣненій, происходящее: а) отъ перехода изъ одного класса въ другой; б) отъ близости звательнаго къ среднему роду, вслѣдствіе чего звательный, какъ въ сербскомъ, безпрестанно употребляется вмѣсто именительнаго, получаетъ значеніе имени уменьшительнаго, и по себѣ располагаетъ остальные падежи. Эти измѣненія преимущественно имѣютъ мѣсто: а) въ названіяхъ родственныхъ; б) собственныхъ; в) въ именахъ предметовъ ближайшихъ и ходячихъ. Мы должны указать нѣкоторые примѣры. Безпрерывно будемъ при этомъ замѣчать переходы классовъ и наросты, уменьшающіе значеніе, но, по мѣрѣ уменьшенія содержанія, возрастающіе въ объемѣ и производящіе различные падежи отъ различныхъ мѣстоименныхъ корней, служащихъ уменьшающими суффиксами: общая страсть славян. нарѣчій, въ особенности язык. н. болг. и чешскаго. 1) Всѣхъ проще зват. падежъ въ именахъ кончащихся на *ъ*; такъ какъ *ъ* способенъ произноситься какъ краткое *а*, то отсюда очень естественна уже форма зват. на *о* вмѣсто *е*. Потому у насъ, не различающихъ именит. и звательнаго, отъ именъ *Маркъ, Петръ*, являются ф.ф. *Мар-*

ке, *Пётра*; у Болгаръ является звательный *Марко*, *Мирко*, *Митро*, *Вълко*, и отъ него образуются уже, какъ отъ именительнаго, дательный на *у*, остальные косвенные на *а*: также точно зват. *брайно*, употребляемый и вмѣсто именительнаго, съ дат. на *у* и остальными падежами на *а*, предполагаетъ также форму *брайнъ* = *брайнӑ*: *Стоянъ*, *Стоене*, и рядомъ *Стойно* (имен. и зват.), *Стойна*, *Стойну*. Здѣсь, какъ кажется, все дѣло происходитъ отъ произношенія *ъ* и *ь* или *й* (іота), какъ краткихъ *ӑ* и *я̆*, а именно просимъ вспомнить сказанное нами выше о потерѣ и возникновеніи этихъ звуковъ, то есть: окрѣпаетъ среднiй звукъ, служащiй звѣномъ корня и суффикса, — ослабляется конечный, напр. Стоя́нъ, сыно́къ, зятёкъ (великорусскія формы); произносится конечный, — ослабляется середнiй, —Сто́йно, си́нко, зе́тко. Различіе великорусскихъ формъ отъ ново-болгарскихъ состоитъ здѣсь именно въ томъ, что въ первыхъ усиливается звукъ середнiй, въ другихъ послѣднiй: отъ предполагаемыхъ формъ *сынъкъ*, *зятькъ*, являются у Великоруссовъ *сынокъ*, *зятёкъ*, у Болгаръ *си́нко*, *зе́тко* (ср. *Стоянъ*, *Стоене* и *Сто́йно*; этотъ зват. на *о* принимается и какъ именительный, а отсюда дат. на *у*, остальные падежи на *а*. 2) Также точно имена,—конч. на *а*, имѣютъ въ зват. *о*: *майка-ко*; *тяйка-ко*; *брайка-ко́*; *Ян́ка-ко*: какъ исключеніе, являются *Елен́ке*, *Боен́ке*, и т. д.; дальнѣйшая степень есть *че*: *майче*, откуда *майчинъ*: *булка*— *булко* и *булче*; *булче* склоняется уже прямо какъ среднiй родъ и имѣетъ во множ. *булчета*. 3) Кончащiяся на *я*, имѣютъ въ зват. *е* и *ё*: *буля* — *буле* и *булё*, *Коля* — зват. и имен. *Колё*, *Колёлё*, дател. *Коли*; *батя* (есть и форма съ претвореніемъ — *баща*), *бате* и *батё*; склоненіе послѣдней формы въ остальныхъ падежахъ, именно *бати*, показываетъ, что дѣйствительно древнѣйшая форма была *бати*, перешедшая потомъ въ *бать*, и отсюда уже въ *батя*, то есть *ь* произнесено = *я̆*. 4) Звательные на *че* и *чё*, употребляемые и вмѣсто именительнаго, на примѣръ *Герче*, *Лалче* и *Лалчё*, *Ненчё*, *Иванчё*, *Ахметчё*, и т. д., съ дательнымъ на *чи* и косвенными на *ча*, также точно какъ и *батя*-*батё*, предполагаютъ прежнiй именительный на *чя*, а это *чя* изъ *чь*: такимъ образомъ отъ именъ *Лаль*, *Нень*, *Герь*, будутъ происходить уменьшительныя формы *Лальчь*, *Неньчь*, *Герьчь* (или—*ць*), и т. д., отсюда формы на *чя*, а отсюда уже звательный на *чё*, употребляемый и вмѣсто именительнаго. 5) Таковы же звательные на *е* и *ё* въ именахъ *Лагуше* и *шё*, *Милуше* и *Милушё*, отъ именительныхъ *Лагушь*, *Милушь*, дат. *шю*, косвенные *шя*. 6) Формы *братче*, *Троян'че*, *Загорче*, *кон'че*, *другар'че*, *побратимче*, *търговче*, и т. п., предполага-

ютъ формы на *ьцъ* или *ецъ*, употребляются равно для звательнаго и именительнаго, и встрѣчаются еще въ дат. на *чи;* сюда же относятся *Арабче*, *налбанче*, *джилебче* и т. д.; *войниче*, *юначе*, *гълѫбче*, будетъ правильно, однако вмѣсто ожидаемаго на *ко*. 7) Хотя, какъ и въ яз. Ц. слав. (Юдѫе, Закхею и Закхее, коупьче, княже и т. п.), въ приведенныхъ выше примѣрахъ, имена на *ь* и *й* имѣютъ зват. и отсюда именит. на *е* и *ё*, но нерѣдко при собственныхъ и родственныхъ именахъ является и *ю*, напримѣръ *Лалю*, *Неню*, съ косвенными падежами на *я*, отъ предполагаемыхъ прежнихъ формъ на *ь*; но *Радой*, дат. *Радою*, встрѣчается въ звательномъ и именительномъ *Радоя*, подобно какъ *Матея*, *Димитрия*, т. е. съ переходомъ *й* въ *я* (краткое); интересна въ этомъ случаѣ форма *баю*, предполагающая форму на *й*: и дѣйствительно мы находимъ послѣднюю въ словахъ, сложенныхъ съ уменьшающимъ суффиксомъ, напр. *тяйка*, *байка*, *бабайка*, *майка*, *брайка* (въ зват. *ко*), или *мале* (вм. *майле?*), *майноле*, *брайле*, *брайноле*; аналогическое образованіе въ серб. *сея* (сестра), *секо* (вм. *сейко?*) и др. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ не только звательный переходитъ въ значеніе именительнаго и распоряжаетъ всѣмъ склоненіемъ, какъ первоначальная форма, такъ, что другая форма собственнаго именительнаго совершенно за нею забывается, но, кромѣ того, особенно при уменьшающихъ суффиксахъ, напр. *че*, имя получаетъ средній родъ; сравните, сверхъ множества другихъ, примѣръ серб. *Мирче*, *Мирчета*. Теперь, имѣя въ виду постоянные переходы подобнаго рода, обращаемся къ другимъ падежамъ и пойдемъ отъ несомнѣнныхъ фактовъ чистаго склоненія къ болѣе сомнительнымъ. И такъ:

II. *Падежъ дательный.*

а) *Муж. р.* Ед. ч. «книгѫ *Драгану* подаде;» «кумица дума *Лагушю*;» «*Страилу* сѫ нажелило;» «дума *Николу* (имен. и зват. *Николи*);» «царя *Вълку* дума;» «*Янколу* жялно останѫ;» «*кралю* животъ харизa;» «Страшилъ *юнаку* думаше;» «*каравулу* думаше;» «*кръчмарю* отдаде;» «*брайну* думаше;» «*Богу* сѫ молѣше;» «слѣзе *долу* (нар.).» Мн. ч. «*юнацимъ* думаше.»

б) *Переходъ* къ другимъ родамъ: «той *Иванчи* отговарѣ»; *Арабчи* думаше.»

в) *Жен. р.*—Ед. ч. «*Горѣ* (нар.) на Старѫ планинѫ»; «зелени *гори* думаше»; «думѫтъ *Боен'ки*»; «*Бояни* думаше»; «*Ирин'ки*, *Єлен'ки*»;

«Гюрдала *Добри* говори»; «*Янки* са е жялно пажелило»; «*кумици*, *майци* и *майки*, *мами*, *дружини*, *сестри* думаше».

Замѣчаемъ слѣдующія отступленія отъ яз. Ц. слав.: *юнацимъ*, форма слишкомъ рѣдкая и вѣроятно подрѣчная, вм. Ц. слав. юнакомъ или юнакъмъ; *Иванчи*, *Арабчи*, предполагаютъ, какъ сказано, именит. на *чя*, зват. *чё* или *че*: такъ у насъ, въ яз. в. русском, формы на *ще* и *ща* получаютъ дательный *щу* и *щи*,—*царевища*, *басурманища*, *Демьянища*; *кумици* согласно съ яз. Ц. слав.; *нки* вмѣсто *нкѣ* ср. съ зват. *нке* вм. *нко*; остальные *и* вм. Ц. сл. *ѣ*. О формахъ *дружиномъ*, *брайномъ*, см. выше, ибо мы объясняемъ ихъ носовымъ звукомъ.

Выводимъ заключенія. Дат. падежъ въ яз. н. б. встрѣчается: 1) несравненно чаще и почти исключительно въ ед. числѣ. 2) Исключительно въ именахъ муж. и жен. рода, а въ среднемъ — только тогда, когда онъ образовался изъ рода мужескаго и переходитъ въ женскій по окончанію. 3) Преимущественно при именахъ собственныхъ, родственныхъ, при имени Бога, и вообще при именахъ, не любящихъ члена. 4) При названіяхъ особенно часто встрѣчающихся существъ, и предметовъ, одушевляемыхъ фантазіей. 5) Изрѣдка, какъ обломокъ, въ нарѣчіяхъ, подобно всѣмъ языкамъ, теряющимъ падежи. 6) Въ зависимости отъ глаголовъ — говорить, сказать, молиться, для означенія страданія, переходящаго отъ глагола на имя, отъ дѣйствія на лицо: общее свойство языковъ. 7) Чаще при окончаніи твердомъ, чѣмъ мягкомъ.

Чѣмъ замѣняется дат. падежъ въ употребленіи н. б. языка? 1) Употребленіемъ предлога *на*, который, а) хотя рѣже, является при томъ же дат. падежѣ какъ излишество, какъ колебаніе языка, уже пріобрѣтающаго новые пріемы, но не теряющаго и старые, подобно тысячи такихъ явленій въ образованіи нарѣчій и частицъ: «*на горѣ* гледаше»; «погледа *на долу*»; б) употребляется съ винит. или родит. падежемъ; примѣры на каждомъ шагу, особенно въ языкѣ такъ называемомъ образованномъ и писменномъ. 2) Дат. падежъ замѣняется и нѣкоторыми другими предлогами, хотя рѣже: *у дома́* = домой, въ домъ; *у тѣхъ* = во своя си, въ ихній домъ, къ нимъ; *у насъ*=въ нашъ домъ, къ намъ; *у васъ*. Но это употребленіе раздѣляетъ уже какъ винительный, такъ и мѣстный, ибо приведенныя выраженія значатъ вмѣстѣ и *до́ма*, *у нихъ*, *у насъ*, *у васъ*. Далѣе: «*при* царя отиде», «*до* градъ отишле», «*къмъ* (=камъ) пятя погледна», «да иде *у* брата Стояна», «отива *въ* Търново», «отишле *въ* голѣма града Трънова», и др. 3) Какъ сказано, при глаголѣ *говорить*, *ска*-

зать, и т. п., встрѣчается и прямо винительный. Разумѣется, есть и другіе глаголы, раздѣляющіе подобное употребленіе между винительнымъ и дательнымъ. Какъ остатокъ колебанія замѣчателенъ слѣдующій интересный случай, въ которомъ еще сохраненъ падежъ дательный, но рядомъ стоитъ уже и винительный: «*Чявдару* (дател.) *младж войводж* (винит.) два *му* (дат.) синджира на шиж (наложите, наложили).»

III. *Падежъ творительный.*

«*Рéдомъ*» = рядомъ, по порядку, всѣ; «*порядомъ*» — тоже, съ прибавленіемъ *по*, подобно какъ у насъ возникло слово *порядокъ*, а послѣ является снова *по порядку*; «*даромъ* да ти е» = дарю тебѣ, наше нарѣчіе *даромъ;* «съ *Богомъ*» — напутствіе; «*деньмъ* по дважь» = дважды днемъ, въ день по два раза, какъ нарѣчіе; «*именемъ* Никола,» опять нарѣчіе; «*тихомъ* одговаря», опять. Такимъ образомъ встрѣчаемъ творит. падежъ при именахъ муж. и ср. рода, при нарѣчіяхъ или имени, не терпящемъ члена.

Употребленіе очень скудное. Но и оно замѣняется: 1) предлогомъ *съ* = нѣм. *mit*, вторгшимся въ слав. нарѣчія при означеніи орудія: «*съ* сини го сѣдла обсѣдла;» «*съ* девять ключя заключени и запрѣни;» «биешь *съ* топузина;» «*съ* умá са биеше,» и др.; 2) столь естественнымъ употребленіемъ, при другихъ падежахъ, предлога *съ* для соединенія: «*съ* Стефана са поздрави;» «тръгнж *съ* добра кяра;» «граждане *съ* аянина и емирина;» «войвода *съ* Дойчина байрактарина;» «търговче *съ* коня заминж;» «*съсъ* седьмъ десеть юнака;» «*съ* Вълка да са бориме»; 3) очень обыкновенною варіаціей другихъ предлоговъ и падежей: «*по край*,» вм. краемъ; «*на редъ*» вм. рядомъ. 4) Чрезвычайно любопытенъ слѣдующій случай, представляющій, вмѣсто творительнаго, предлогъ *съ*, а рядомъ просто винительный падежъ: «*съ* мѣдна рога да потрубж» и «мѣдна рога да потруби (см. ниже).»

IV. *Падежъ предложный.*

Можно его отчасти видѣть въ приведенныхъ примѣрахъ *на горѣ, на долу;* какъ мѣстный безъ предлога мы его не встрѣчали.

V. *Падежъ именительный.*

Здѣсь во первыхъ могли бы отъ насъ ожидать опредѣленія отношеній флексій един. числа къ флексіямъ числа мн. Но эти отноше-

нія слишкомъ просты и согласны съ языкомъ Ц. слав., а потому мы отсылаемъ къ граматикѣ Цанковыхъ, гдѣ изложены они очень подробно, и отчасти къ замѣчаніямъ С. В. Филаретова («Карман. Кн. для русск. воиновъ»), гдѣ читатели встрѣтятъ *ове*, *ишта*, и странную форму *полé—полéта*; важнѣе всего, по нашему мнѣнію, переходъ именит. падежа мн. числа въ имя собирательное средняго рода: объ этомъ отчасти мы уже говорили, отчасти скажемъ еще въ комментаріѣ. Но труднѣе всего разгадать отношеніе имен. падежа един. числа къ падежу родит. и винит., ибо *ъ*, *ь* и *й*, по народному произношенію, легко переходятъ въ краткое *а* и *я*: постараемся объяснить смыслъ такого явленія.

VI. *Падежъ родительный.*

1) *Ср. рода*: «три *ведра*;» «три-*ста*;» «три *срьца*.» 2) *Женск. р.* «четире *стотинъ*, петъ *стотинъ*, деветъ *годинъ*; родит. един. совпадаетъ съ именит. множ. 3) *Муж. р.* а) «три *чяса*,» «три *кимеря*,» «три *деня*;» б) *вчерá*, *дóма*, нар.; в) «отъ *Бога*;» «до *Бога*;» «отъ *долу*,» извѣстный родительный на *а* и *у*, хотя впрочемъ здѣсь *долу* можно уже разсматривать какъ отдѣльное нарѣчіе, происшедшее изъ дательнаго или предложнаго падежа.

Такимъ образомъ мы имѣемъ 1) несомнѣнный родит. падежъ, во всѣхъ родахъ, и притомъ въ тѣхъ именахъ или случаяхъ, которые не допускаютъ члена, а потому и запутанности; 2) имѣемъ его при именахъ числит. и въ нарѣчіяхъ, т. е. въ тѣхъ именно формахъ, которыя часто въ язз. сохраняютъ, преимущественно предъ другими частями рѣчи, слѣды глубокой древности; и наконецъ 3) имѣемъ при предлогахъ. Послѣ такой твердой основы мы становимся уже посмѣлѣе и сейчасъ расширимъ кругъ воззрѣнія. А именно:

1) Посмотримъ управленіе числительныхъ и формы при этихъ случаяхъ. Прежде всего слѣды, какъ мы думаемъ, двойственнаго: «два *гласа*,» «два *крака*,» «два *кадълька*,» «два *вола*,» «два *пѫти* (два раза),» «два *дни*,» «двѣ-*стѣ*» и другая форма «двѣ *ста* (уже въ родит.).» Еще далѣе: «четире стотинъ *раскрачя*,» «половинѫ *пѫтя*,» съ отступленіемъ отъ болѣе общаго Ц. слав. употребленія, но съ сохраненіемъ парадигмы на *ь* и близко къ великорусскому; «четирь *коня*,» «три *дни* или *деня*,» съ обыкновеннымъ измѣненіемъ этого имени, равно какъ *пѫть*: «три *пѫтя*;» «три *вечеря*,» «три *каравула*,» «до три *аршина*,» и проч. Слѣдовало бы за этимъ предположить родительный падежъ мн.

числа муж. и ср. рода? Дѣйствительно, мы, какъ кажется, находимъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «деветъ *ката*, *боя*, *сахата*, *ключа*, *пояса*,» «шесь *стола*,» «нѣколко, колко *вола*,» «петъ *ребра*,» «триста *коршюма*,» «петъ *деня*,» «сто *ведра*,» «триста *момка*,» «отъ деветъ *села*,» «седьмъ-десетъ и петъ *юнака*,» «седьмъ-десетъ *роба*,» «дванайсетъ *сигмена*,» и проч. Можно, кажется, находить тотъ же падежъ въ примѣрѣ *дванайси година*, хотя для женскаго рода это рѣдкій случай. Ясно, что этотъ родительный=сербскому родительному множ. числа; а какъ сербское полногласіе не есть уже первобытное, и господствующій у нихъ звукъ *а* далеко не есть первообразный, а напротивъ уже производный, прошедшій чрезъ процессъ ерованья, то и здѣсь мы должны искать того же объясненія. А именно: въ Ц. слав. языкѣ окончаніе родительнаго множ. въ показанныхъ случаяхъ есть *ъ* и *ь*; не сомнѣваемся, что ново-болгарское *а* и *я* произошли именно изъ *ъ* и *ь*, или иначе, здѣсь *ъ* и *ь* произнесены по ново-болгарски, то есть какъ краткое или глухое *а* и *я*, приближаясь порою и къ чистотѣ, тогда какъ въ сербскомъ эти звуки еще болѣе отвердѣли, чтó показываетъ ступень дальнѣйшаго и позднѣйшаго развитія. Любопытно еще въ этомъ случаѣ различіе языка русскаго, болгарскаго и сербскаго: въ первомъ конечное *ъ* теряетъ произношеніе, за то звукъ середній, соединяющій корень и суффиксъ, или просто звѣнья согласныхъ, полнѣетъ и переходитъ въ *е* и *ё*, и такимъ образомъ изъ предполагаемаго *ведъръ*, *ребъръ*, является *ведеръ* и *ведёръ*, *рёберъ* или *ребёръ* (конечное *ъ* не слышно); въ сербскомъ оба звука густѣютъ: *ведара*, *ребара*; въ н. болг. конечный звукъ гласитъ, а середній исчезаетъ: *ведра*, *ребра*. Думаемъ, что позднѣйшая ступень — въ яз. сербскомъ. На этомъ же законѣ основывается различіе н. болг. яз. отъ Ц. слав. въ 1-мъ л. мн. числа прош. врем. и аориста: Ц. сл. «пихомъ, видѣхомъ,» н. болг. «пихме, видѣхме.» И такъ мы нашли родительный мн. числа, или лучше остатки его, въ муж. и ср. родѣ. Но уже здѣсь, вообще чѣмъ дальше идемъ мы съ родит. падежемъ, шаги наши мало по малу теряютъ твердость, или лучше, представляется уже возможность идти по двумъ, тремъ, и даже болѣе, дорогамъ. Такъ, при родит. падежѣ ед. числа мы встрѣчаемъ уже: «половина *день*» вмѣсто *деня* или *дни*; «деветъ *оки*» или «деветъ *кантаря коприна*», гдѣ рядомъ съ родительнымъ стоитъ уже вмѣсто него винительный (жен. р.); вмѣсто же родительнаго множ. встрѣчаемъ просто уже именительный или винительный; *юнаци*, *момци*, и т. п. Да и вообще, родительный уже начинаетъ замѣ-

пяться предлогами съ випит. падежемъ. Однако все еще, руководимые примѣрами яснаго родительнаго съ предлогомъ, указаннаго выше, мы попробуемъ перейти къ предлогамъ, нарѣчіямъ и вообще частицамъ, требующимъ родит. падежа, или иначе, поддерживающимъ тѣже категоріи, какія мы видимъ и при числительныхъ, а именно категоріи приближенія или отдаленія, прибавленія и изъятія, отдѣленія, лишенія, отрицанія, и т. п.

2. Нарѣчія и предлоги: «на срѣдъ бѣла *Дунава*»; «до Плевень *града*»; «отъ Софія (ѫ) *града*»; «по край *Стефана* минѫхѫ»; «до *срамя* (имен. *срамъ*; стыдно)»; «отъ голѣма *града* Софія (ѫ)»; «отъ *огъня*»; «отъ *Вълчяна*»; «безъ *страха*»; «отъ *коня*»; «срѣдь *мегдана*»; «безъ никаква *кяра*»; «изъ-подъ Будимъ *града*»; «изъ златна *ябълка*»; «срѣшто *Ахметчя*». Частицы отрицательныя: «отъ нийдѣ *кяра* нѣмаме»; «*Стояна* не слуша»; «Янколъ си *брата* нѣмаше ни *побратима*», и т. д. Мы очень рады, что въ приведенныхъ примѣрахъ — частію стоятъ при существительномъ имена прилагательныя или мѣстоименія, неполнаго окончанія, въ ясномъ родительномъ падежѣ, — формы, не допускающія предположенія члена, частію же самыя имена, по крайности нѣкоторыя, его не допускаютъ, а слѣдовательно намъ не могутъ сказать, что это членъ *а* или *я*, равнозначущій члену *атъ*, *ятъ* (т. е. ъ-тъ, ь-тъ). И такъ и здѣсь опять падежъ родительный! Однако, на половину примѣровъ мы должны уже уступить, именно въ томъ отношеніи, что, хотя всѣ приведенныя имена дѣйствительно и ясно стоятъ въ родит. падежѣ, но уже, вмѣсто родительнаго въ показанныхъ случаяхъ, является часто членъ, или же этотъ родительный замѣняется другими совсѣмъ предлогами, требующими инаго падежа, или тѣ же предлоги стоятъ уже ясно съ падежемъ винительнымъ, или же вмѣсто нихъ является просто винительный. Изъ тысячи приведемъ нѣсколько примѣровъ: «нигдѣ ништо *оборъ* не obрали, нито *басканлъкъ* нигдѣ сторили»; «до *полвинѫ*»; «отишле до *градъ*»; «безъ *страха*», а рядомъ «безъ грижѫ»; «срѣдь *село* (винит. =именит.), срѣдь *мегдана* (родит.)»; «безъ *братецъ*», «безъ *хлѣбецъ*», «безъ *водицѫ*»; «до *поясъ-тъ*»; «на срѣдъ *дворъ-тъ*», и проч.

3. Становясь смѣлѣе, мы думаемъ найти и еще примѣры родит. падежа, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ или требуется по смыслу управленія, во всѣхъ почти языкахъ встрѣчающагося, или особенно вошелъ въ обычай по синтаксису слав. нарѣчій. Разумѣется, здѣсь находимъ мы уже еще менѣе примѣровъ и постоянно стоимъ на

стражѣ параллельныхъ явленій члена или падежа винительнаго и именительнаго съ предлогомъ. Такимъ образомъ мы думаемъ видѣть родит. падежъ при выраженіяхъ: хватить чего, зачать съ чего, предпринять, испытать, — «длъга *пжтя* ште връвимъ», обыкновеннѣе съ предлогомъ, *въ* или *въвъ пжть-тъ*; «*живота* да ми харижешь», и рядомъ «кралю *животъ* хариза» (глаголъ *дорить*); «*деня*» = днемъ, нарѣчіе, ср. *вчера*; «Марко *доложяка* испи»; «дарувамъ *труда*»; «Мирчя» или «*живота* отърва»; «какво-то добра *юнака*» = какъ слѣдуетъ, свойственно юнакамъ; «намъ ни *е закона*», при глаголѣ *есть*; «того-ва *Ненчя хайдутена* (родит.), байрактарь, воевода (именит.)», а ниже «това *е* Ненчё *хайдутенъ-тъ* (именит., и притомъ съ членомъ)», при чемъ ср. сербскій оборотъ «ал'ето ти», съ родительнымъ являющейся (внезапно) вещи; «*брата Радоя* да търсиж», «*Вълка* да *търсиж*», при глаголѣ *искать, домагатися*, и т. п.

4. Еще далѣе: такъ какъ, при названіи живыхъ существъ, винительный падежъ въ слав. нарр. замѣняется родительнымъ, то мы думаемъ видѣть родит. падежъ и въ такихъ случаяхъ: «на *царя*, на *везиря*, на *султана*, на *Марка*, на *Филипа*, на *коня*», и т. д; «*Минуша* улови»; «*Стефана* рани»; «въвъ очи гледаше *Страшила*»; «не питай за *Филипа*»; «Марко *кръчмаря* повика»; «хранила *Марка кралювичина*»; «*юнакъ-сина* (винит. и родит. рядомъ) съмъ хранила»; «печѣхж *Иванчя*»; «Вълко *царя* слуша»; «принусна» или «извади *коня* хранена»; «боленъ (винит. или именит. вмѣсто винит.) *Дуйчина* (родит.) заведи, черенъ *Арапинъ* (винит.) донеси»; «извади *коня* арапска»; «удари *Гюра*»; «*ржкавити* (винит.) *Богдана* (родит.) не халайте»; «Цана *тейна* послуша». Такимъ образомъ, хотя вмѣсто всѣхъ этихъ примѣровъ мы рядомъ встрѣчаемъ безпрестанно или прямо винит. падежъ и именительный вмѣсто винительнаго, или же винит. съ предлогомъ, но уже для насъ ручательство въ дѣйствительности родительнаго падежа при показанныхъ случаяхъ заключается въ томъ, что, во первыхъ, рядомъ со многими существительными стоитъ прилагательное въ ясномъ родительномъ падежѣ (вмѣсто винительнаго), или же сами существительныя суть собственныя, а потому не допускающія члена и не оставляющія сомнѣнія относительно дѣйствительности родительнаго падежа. Извѣстно общее правило, не допускающее члена при именахъ собственныхъ; впрочемъ намъ пришлось встрѣтить нѣсколько случаевъ, на примѣръ: «*Индже-то*» (но это средній родъ и притомъ имя прилагательное), «*Бакаджикъ-тъ*», «*Арапи-тъ*», *Бозъ-Велия-та*, *Рухчюклия-та*. Не подвергая сомнѣнію

правильность записанныхъ и напечатанныхъ пѣсень, замѣтимъ только, что нѣтъ правила безъ исключенія, а особенно это возможно при развитіи въ языкѣ тонкостей, каковъ и есть членъ; и притомъ правила членовъ соблюдаются въ точности только на письмѣ, а не въ говорѣ. Тѣмъ не менѣе большинство случаевъ утверждаетъ правило.

5. Ступимъ еще далѣе, подкрѣпляемые сзади полученными выводами, а впереди на каждомъ шагу, противъ каждаго случая, ожидая тысячу случаевъ противуположныхъ и болѣе употребительныхъ. Нужды нѣтъ, получимъ добычу, хотя бы и скудную. Такъ какъ, въ господствующемъ употребленіи языка новоболгарскаго, при всѣхъ предлогахъ и вмѣсто всѣхъ падежей употребляется падежъ винительный, что видно особенно ясно въ именахъ женскаго рода, а вмѣсто винительнаго, какъ мы видѣли, употребляется при одушевленныхъ предметахъ падежъ родительный, — то мы можетъ усмотрѣть его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «съ *Стефана* са поздрави»; «при *Страшила* отишле»; «граждане съ *аянина* и *емирина*»; «да при *царя* отиде»; «тръговче съ *коня* замина»; «войвода съ *Дойчина байрактарина*», и т. д.

6. Но что, если бы намъ встрѣтились случаи, совершенно сходные съ предыдущими, а между тѣмъ дѣло шло бы въ нихъ уже о предметахъ неодушевленныхъ? «По *свѣта* да ходи»; «остави ма на *свѣта*»; «по *свѣтъ-тъ* роби-тѣ пустиха»; «биешь съ *топузина*»; «тръгна съ добра *кяра*»; «та са въскачи на *връха*»; «да си *чиляха* скриятъ»; «съ мѣдна *рога*» или просто «мѣдна *рога* да потруби»; «печѣха на *огъня*»; «на *возрастя* (имен. *возрасть*)»; «на *ножя* забучи»; «камъ *пътя* погледна»; «*коряка* посребри»; «*върха* позлати»; «*гласа* ми ште си познае»; «отива на гости, на *збора*»; «извади *ножя* габровска»; «на *края*»; «съ *връста*». Здѣсь уже нѣтъ намъ той опоры, какъ прежде, т. е. именъ предметовъ одушевленныхъ и именъ собственныхъ, не допускающихъ члена. Конечно, можно бы пуститься въ то объясненіе, что *свѣтъ* значитъ здѣсь *міръ*, *люди*; что тоже значеніе имѣетъ *зборъ*; что *града* стоитъ рядомъ съ именемъ собственнымъ, и что потому-то здѣсь и родительный падежъ: но такія объясненія останутся только при двухъ, трехъ словахъ, и оставятъ безъ смыслу другія. И такъ припять ли намъ здѣсь падежъ родит., или допустить мнимый членъ *а* и *я*? Дѣйствительное окончаніе *родительнаго падежа* бросается въ глаза; по чему такъ? Потому, что рядомъ стоятъ имена прилагательныя въ родительномъ падежѣ: здѣсь мѣсто сказать о нихъ нѣсколько словъ.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ И УПОТРЕБЛЕНІЕ ВЪ НЕОПРЕДѢЛЕННОМЪ И ОПРЕДѢЛЕННОМЪ ОКОНЧАНІИ, БЕЗЪ ЧЛЕНА И СЪ ЧЛЕНОМЪ.

Извѣстно, что въ н. б. языкѣ сохранилось опредѣленное и неопредѣленное окончаніе именъ прилагательныхъ; окончаніе первое имѣетъ въ имен. пад. ед. ч. муж. р. *и*, тоже въ винительномъ, а слѣдовательно и во всѣхъ падежахъ, ибо склоненіе безъ предлога нигдѣ почти не встрѣчается, кромѣ именъ числительныхъ и мѣстоименій — *другиго, сѣкиго*, и т. п. Въ жен. родѣ ед. ч., для обоихъ окончаній, неопред. и опред., является *а–я*, въ ср. р. *о*, *ё*, *и*. Во мн. числѣ, въ томъ и другомъ окончаніи, для всѣхъ родовъ равно употребляется *и*. И такъ въ женскомъ и среднемъ родѣ, равно какъ во мн. числѣ, окончанія неопред. и опред. совпадаютъ вмѣстѣ и не различаются, по крайней мѣрѣ по внѣшности, ибо въ существѣ дѣла окончаніе опред. вѣроятно имѣетъ долготу звука, что̀ именно замѣтно отчасти въ языкѣ великорусскомъ. Что касается до окончанія неопред. то напрасно Цанковы думаютъ, что здѣсь остатки склоненія попадаются только въ одномъ родѣ именъ прилагательныхъ, именно въ притяжательныхъ, и притомъ тогда, когда они стоятъ при существительномъ, сохранившемъ слѣды склоненія, напр. *Мирчёва сина*. Напротивъ мы сейчасъ покажемъ, что въ неопред. окончаніи всѣхъ вообще именъ прилагательныхъ удержались совершенно всѣ тѣже остатки склоненія, какъ и въ именахъ существительныхъ, на примѣръ: «на срѣдъ *бѣла* Дунава;» «*зелени* гори думаше;» «*длъга* пѫтя ште връвимъ;» «отъ *голѣма* града София(ѭ);» «въ *голѣма* града София(ѭ);» «*млѣдна* (или *съ*) рога да потрубѭ;» «извади ножя *габровска*;» «припуснѫ, извади коня *хранена* (причаст.);» «извади *черна* коня *арапска*:» «изъ *златна* ябълка;» *рѫковиту* Богдану на равни двори;» «за негова *добра* коня;» по уподобленію съ именемъ существительнымъ, является иногда и звательный: «Божне-ле *вишне*-ле Господе;» «дружино *вѣрно*, *сговорно*;» «пушко *арнаутско*;» «*милно* сестро;» »*черноморско* воеводо,» и т. д. Склоненіе прилагательнаго опредѣленнаго, не простираясь на окончанія, восполняется прибавкой члена. Но *окончаніе неопред. ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ члена, ни при самомъ себѣ, ни при сопряженномъ имени существительномъ, если стоитъ передъ послѣднимъ* (исключая числительнаго *единъ-тъ*, аналогически съ мѣстоименіями притяжательными *чеговъ-тъ*, *нашъ-тъ*, и вытекающаго отселѣ страннаго примѣра при-

лагательнаго притяжательнаго на *ов*, какъ видно изъ употребленія *драгановъ-тъ* и *драгановий-тъ*, *сестринъ-тъ* и *сестриний-тъ*, о чемъ смотри у Цанковыхъ). Такимъ образомъ оно употребляется: 1) какъ спрягаемое, и если стоитъ на концѣ, то имя существительное, стоящее передъ нимъ, можетъ имѣть членъ, напр. «топузъ-тъ *е* тежькъ,» «хлѣбъ-тъ *е* бѣлъ,» т. е. имя прилагательное является здѣсь въ сказуемомъ. Если вы перестановите сказуемое и скажете «бѣлъ *е* хлѣбъ-тъ», или даже просто «бѣлъ хлѣбъ-тъ,» то это будетъ хотя возможный, но уже уродливый и нелюбимый оборотъ. 2) Какъ опредѣленіе при имени существительномъ, разумѣется, когда дѣло идетъ о вещахъ или лицахъ отсутствующихъ, на которыя прямо указывается, о которыхъ не говорено, о предметахъ болѣе общихъ, менѣе опредѣленныхъ, отвлеченныхъ (ибо иначе ставится окончаніе опред.), и т. д., и т. д.: «бѣлъ хлѣбъ ѣде,» «тежькъ топузъ закачи.» Но здѣсь, само не допуская члена, неопред. окончаніе не допускаетъ члена и при имени существительномъ, такъ что уже нелѣпо будетъ сказать въ томъ же смыслѣ: «бѣлъ хлѣбъ-тъ ѣде,» «тежькъ топузъ-тъ извади,» и это уже, если угодно, получитъ такой смыслъ: «бѣлый (напр человѣкъ, скотъ) ѣстъ хлѣбъ,» т. е. имя прилагательное сдѣлается уже подлежащимъ и заступитъ имя существительное, а послѣднее будетъ дополненіемъ. Напротивъ вы легко говорите: «бѣлий-тъ хлѣбъ ѣде,» «тежкий-тъ топузъ извади (т. е. кто либо),» употребляя окончаніе неопред. Къ сожалѣнію, Цанковы не обратили должнаго вниманія на вопросы такого употребленія именъ прилагательныхъ въ неопред. окончаніи; за то мы совѣтуемъ обратиться къ нимъ всякому, кто хотѣлъ бы дополнить наши замѣчанія изслѣдованіемъ того, когда употребляется, и когда нѣтъ, членъ при самихъ именахъ существительныхъ: у Цанковыхъ въ этомъ случаѣ встрѣчаются нѣкоторыя подробности.

Возвращаемся къ прерванному. Понятно, почему мы такъ дорожили случаями, въ которыхъ при имени существительномъ склоняется еще неопред. окончанія имя прилагательное: потому, что оно ни само не терпитъ члена, ни допускаетъ его при имени существительномъ. А слѣдов. въ показанныхъ случаяхъ должно усматривать не членъ, а окончаніе родительнаго падежа. Но какъ же объяснить этотъ родительный падежъ, откуда и почему взялось его окончаніе? Конечно, имена прилагательныя здѣсь не помогутъ, ибо склоненіе ихъ самихъ въ показанныхъ случаяхъ также нуждается въ объясненіи, какъ и склоненіе именъ существительныхъ, съ которыми, въ неопред. окончаніи, они

совершенно сходятся. И такъ вопросъ въ настоящемъ, разбираемомъ явленіи падежей, остается съ прежнею загадочностію и возвращается съ прежней трудностію, а потому для его объясненія нужно искать другихъ путей, въ которые и вступаемъ мы, съ твердою вѣрою, что, въ самомъ началѣ положивъ основанія твердыя и ясныя, непреложные факты, съ помощію ихъ и въ запутанномъ дѣлѣ что-нибудь да отыщемъ. Первое объясненіе было бы конечно то, что здѣсь языкъ дѣйствуетъ по *привычкѣ* употреблять родит. падежъ вмѣсто винительнаго, и переноситъ эту привычку отъ предметовъ одушевленныхъ къ неодушевленнымъ. Мы согласны, что привычка въ языкѣ, или лучше, *употребленіе* есть сила чрезвычайно важная, двигатель огромнаго значенія, заставившій, на примѣръ, насъ писать иногда *ѣ* тамъ, гдѣ вовсе не слѣдуетъ. Но употребленіе все-таки и всегда имѣетъ основаніе въ существенныхъ законахъ языка или въ примѣненіи ихъ на пути историческаго развитія: на первыхъ основывается все разнообразіе и складъ народнаго говора, на второмъ основывается, на примѣръ у насъ, смѣшеніе роднаго нарѣчія съ языкомъ Ц. слав., начавшееся особенно съ литтературы. Мы видимъ ясно фактъ употребленія: должно показать его причину. Правда, оно находитъ сильную аналогію въ употребленіи ново-болгарскихъ мѣстоименій: въ нихъ, какъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, родительный падежъ издревле смѣшался съ винительнымъ, и въ такомъ видѣ употребляется для всѣхъ прочихъ косвенныхъ падежей, съ предлогами и безъ предлоговъ. Дѣло такъ интересно, что мы должны сказать кстати нѣсколько словъ о новоболгарскихъ мѣстоименіяхъ.

ОСТАТКИ СКЛОНЕНІЙ ВЪ НОВОБОЛГАРСКИХЪ МѢСТОИМЕНІЯХЪ.

Синтаксическое употребленіе ихъ развито до чрезвычайной степени; формы также весьма разнообразны; но, чтобъ понять флексіи, стоитъ бросить только одинъ, самый бѣглый, взглядъ.

Церковно-славян.	Ново-болгар.
Азъ,	Азъ,ази и пр.
мене,	мене, мене,
мънѣ, ми,	менѣ, мени, мень, ми,
мене, мя,	мене, мень, мя.

Независимо отъ этого, *мене* съ различными предлогами можетъ служить для выраженія всѣхъ вообще косвенныхъ падежей.

Мы,	Ния, ние, нии, ний, ни,
насъ,	насъ, на-зи, на,
намъ и ны,	намъ, ни,
ны.	насъ, на-зи, на, ни.

Съ предлогомъ для косвенныхъ падежей употребляется *насъ*, иногда *на-зи*.

Ты,	Ти,
тебе,	тебе, тебъ,
тебѣ, ти.	тебѣ, теби, ти,
тебе, тя.	тебе, тя.

Съ предлогомъ *тебе*.

Вы,	Вия, вие, вии, вий, ви,
васъ,	васъ, ва-зи, ва,
вамъ. вы,	вамъ, ви,
вы.	васъ, ва-зи, ва, ви.

Васъ, *ва-зи* съ предлогомъ.

Себе,	Себе,
себѣ, си,	(себи), си,
себе, ся.	себе, ся.

Съ предлогомъ *себе*.

Любопытно, что у Цанковыхъ во всѣхъ этихъ мѣстоименіяхъ не показано родительнаго падежа.

Ѥго —, ѥѩ, (оу)нѥѩ,	Него, го; нея или нѭ,
ѥмоу —, ѥи, (оу)нѥи,	нему, му; неи, ней, и,
и, ѥ, ѭ	него, го; ѭ (и разумѣется *нея* или *нѭ*, т. е. родит. вм. винител.).

Съ предлогомъ *него* и *нея* или *нѭ* (*н* и безъ предлога).

Ихъ,	Ги,
нимъ,	имъ,
ѩ, ѩ, ѩ.	ги.

Для именительнаго падежа и даже для всего 3-го лица мѣстоименія чаще употребляется мѣстоименіе *тый* или *той*. Цанковы смѣшали и то, и другое вмѣстѣ.

Чтобы напомнить склоненіе Ц. славянскаго сь и вьсь, въ н. б. существуетъ только *се*, и то въ смыслѣ нарѣчія.

Тъ, то; тa,	Тъ, то; та,
того, тоя,	
томоу тои,	
тъ, то; тѫ.	тъ, то; тѫ.
Ти, тa; ты,	Тѣ, та; тѣ,
тѣхъ,	тѣхъ,
тѣмъ,	тѣмъ,
ты, тa; ты	тѣ, та; тѣ.

Тъ употребляется только какъ членъ; *то* встрѣчается и какъ мѣстоименіе; въ жен. родѣ *та*, *тѫ* и *тѣ*, отдѣльно, безъ сложенія (тѣ-зи), употребляются только какъ членъ; *тоя* или *тоя* относится уже къ мѣстоим. *тъй* или *той*; въ муж. и ср. родѣ множ. числа *тѣ* и *та* употребляются только какъ членъ; при прилагательномъ опредѣленномъ во мн. ср. р. стоитъ *тѣ* вмѣсто *та*: «добрѝ-тѣ дѣцá». Тоже самое въ остаткѣ двойственнаго при *два*: «два-*та* стóла»; «двѣ-*тѣ* женѝ», «двѣ-*тѣ* дѣцá». Начиная отъ *три* всѣ числительныя количествен. принимаютъ *тѣ* для всѣхъ родовъ: «петь-*тѣ́* кѫ́шти (пе-тѣ́)»; «десеть-*тѣ́* грáдове (=десе-тѣ́)»; «четѝрсе-*тѣ́* книги», и пр. Собирательныя: *двáма* или *двáмина*, *трѝма*, *трѝмина*, *трóица*, *четѝрма*, *четвóрица*, *петѝна*, *петмѝна*, *шестѝна*, *седмѝна*, *осмѝна*, *деветѝта*, *десетѝна* или *дестѝна*, и т. п.; съ *та* «двама-*та* дошлé». *Тѣхъ*, какъ мѣстоименіе, во всѣхъ родахъ, съ предлогомъ служитъ для выраженія всѣхъ косвенныхъ падежей; *тѣмъ*, какъ мѣстоименіе. Цанковы смѣшали мѣстоим. *тъ* съ *тъй* или *той*.

Ближе всего къ предложенному образцу, и именно къ яз. Ц.славянскому, стоятъ два сложныхъ мѣстоименія: *то-зи* (=тъ-зи) и *он-зи*; жен. *та-зи*, *она-зи*, вин. *тѫ-зи*, *онѫ-зи*; множ. число *тѣ-зи*, *онѣ-зи*; родит. муж. р., употребляемый съ предлогами для косвенныхъ падежей, *того-зи*, *оного-зи*; но ср. родъ будетъ уже *то-ва* (вм. *то-зи*), *оно-то* или *оно-ва* (сокращ. *тва*, *онва*); *туй*, *онуй*, ср. р., относится уже къ мѣстоим. *тъй*, о чемъ ниже; сложн. *той-зи*, *тъй-зи* или просто *то-зи*, въ чемъ уже *тъ* смѣшивается съ *тъй*.

Далѣе по предложенному образцу слѣдовало бы склоняться мѣстоименіямъ: *самъ*, *самичякъ*, *неговъ*, *неинъ*, или *нейнъ* (=ея), *тѣхенъ*, *какъвъ*, *такъвъ*, *никакъвъ*, *колькъ*, *толькъ*, и т. п. И дѣйствительно, таковы у нихъ падежи: именит. и винит. ед. ч.

муж. и ср. р.; именит. и винит. жен. р. ед. числа. Но они переходятъ уже къ склоненію сложному, подобно именамъ прилагательнымъ, а потому 1) нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ опред. окончаніе: *негови*, *неговий-тъ* (и *неговъ-тъ*, подобно притяжательнымъ прилагательнымъ, напр. *мирчёвъ-тъ*), *тѣхни*, *тѣхний-тъ*, *нейни*, и т. п.; 2) въ окончаніи краткомъ склоняются какъ неопредѣленныя прилагательныя или существительныя: «за *негова* добра коня», «безъ *никаква* кяра», и т. п.; наконецъ они 3) во мн. числѣ, во всѣхъ родахъ и для всѣхъ падежей (косвенные нѣкоторые съ предлогами), имѣютъ окончаніе на *и*.

А потому сюда же отнести мы должны опредѣленнаго окончанія формы: *сички*, *сичка*, *сичко*, *сички*; *други*, *друга*, *друго*, *други*, родит. муж. рода *другиго*, дат. *другиму*; *сѣки*, *сѣка*, *сѣко*, *сѣки*, родит. ед. ч. муж. р. *сѣкиго*, дат. *сѣкиму*, есть видоизмѣненіе *сѣкой*, о которомъ ниже.

Напослѣдокъ сюда же идутъ мѣстоименія, которыя должны бы склоняться по образцу *и* или *сь*: *нашь*, *наши*, *нашь-тъ*, *нашийтъ*; *наша*, *нашь-та* (*наш'-та*), *наша-та*; *наше*, *наше-то*; мн. *наши*; *вашь*, *ваши* и проч.

Въ соотвѣтствіе Ц. славянскому

чьто,
чьсо, чьсого, чесо, чесого,
чемоу, чьсомоу, чесомоу,
чьто, чьсо, и т. д.,
чимь,

мы имѣемъ въ н. б. самыя скудныя формы; такъ какъ сочетаніе *ч+то* не допускается, то является или форма *што* (слож. *нѣшто*, *ништо*), съ творит. падежемъ *штомъ*, употребляемымъ какъ нарѣчіе (=*чѣмъ* въ другихъ слав. нарр.), или *че* и *чи* (по мѣстамъ *чё*)=Ц. слав. чь. Замѣтимъ, что *нѣшто* является въ формахъ *нѣшто-то* и *нѣштá-та*.

Къто,	
кого,	Кого,
комоу,	кому.
кого.	

Кого съ предлогами употребляется для всѣхъ косвенныхъ падежей; для именительнаго (въ сложномъ видѣ *нѣкто*) употребляется уже

другое мѣстоименіе *кѫй-то* или *кой-то*, относящееся къ образцу слѣдующему; тамъ же смотри *нѣкой, сѣкой*, и т. п.

Ц. слав. тъи или тои относится къ склоненію смѣшанному, придерживаясь отчасти образца тъ, отчасти и. Такъ какъ большая часть употребительныхъ въ яз. н. б. мѣстоименій подходитъ сюда, то склоненіе это очень важно.

Муж. р. ед. числа, имен. и винит.

Тъи или тои (ты).	Тъй, той, иногда *тоя* (*й* полнѣетъ до гласной) — той-тъ, той-зи или то-зи.

Мн. ч. именит.

Тии.	Тия, тие, тии, тиі.
Винит.	
Тыи,	Тия.

Тия съ предлогами употребляется и для всѣхъ другихъ косвенныхъ падежей («въ тия, изъ тия»). Формы *тѣ, тѣ-зи, тѣ-зъ*, *тѣ-ва*, указываемыя Цанковыми, сюда не относятся, а идутъ, какъ сложныя, къ мѣстоим. *тъ*.

Ср. рода. ед. ч.

Тое. мн. ч. должно быть тыи (какъ сии) или таи (какъ наи).	Той или туй, конечно вмѣсто тое, и съ предлогами *за туй, за той*. Множ. число должно быть *тия*, подобно мужескому.

Формы *то, това, тва* и т. п., приводимыя Цанковыми, принадлежатъ къ *тъ*.

Жен. р. ед. ч. именит. пад.

Тоя или тая какъ коя или кая).	Обыкновенно *тя*, иногда *тия* (Цанковы пишутъ *tijá, tè*) или *тая*.

Сложная ф. *та-зи* относится къ *тъ*.

Родит. пад.

1) Правильно Тоея; 2) тоя, подобно какъ коя, моя, вм. коея, моея; 3) отъ ты — тыя, подобно какъ ныя вм. ноея или ноя.	Тъя или тоя, тоя, форма, употребляемая съ предлогами для всѣхъ остальныхъ падежей косвенныхъ: «изъ тъя горѫ зеленѫ».

Винит.	
Тяж или (рѣдко) тъж.	Не встрѣчали; *тж-зи* относится къ *тъ*.
Множ. ч. имен. и винит.	
Тѣия.	Тия («тия кони сж годели»).

Форма *тъ*, приводимая Цанковыми, относится къ *тъ*, такъ точно, какъ *онъ-зи, она-зи, оно-зи, онѣ-зи*, относятся къ *онъ*, а не *онъй*.

Сложная форма *той-зи* или *то-зи, то-ва*, получаетъ родительный и винительный, а съ предлогомъ и остальные падежи, отъ *тъ: того-зи, того-ва*, и вообще склоняется близко къ *тъ*, съ прибавкой *зи* и *ва* (для средняго).

По образцу *тъй* или *той* склоняется очень много мѣстоименій, такъ что для всѣхъ нихъ являются слѣдующія формы: *й* въ муж. р.; *я* въ жен. р., имен. пад.; *е* въ средн.; *и* во множ. Всѣ эти окончанія легко переходятъ, по сокращеніи, въ *й*. *Й* въ именит. муж. р. переходитъ въ *я*=*й-тъ* (съ членомъ). Отличія отъ *тъй*: 1) винит. ед. ч. жен. р. кончится на ж, и какъ родит. долженъ бы кончиться на ж, то форма съ глухимъ *я*, на концѣ переходящимъ однако иногда и въ чистое, съ предлогами употребляется для всѣхъ косвенныхъ; 2) нѣкоторыя заимствуютъ родит. падежъ муж. рода отъ мѣстоименій склоненія простаго. Такимъ образомъ получаемъ:

Кой, коя́, кое́, кои́, и вмѣсто всѣхъ трехъ послѣднихъ одно *кой*; жен. р. винит. и родит. *кож* и *кож* (переходящее въ чистое *коя*); именит. ед. ч. муж. р. иногда *коя* и *кой-то* (чаще, вм. *кой-тъ*); родит. ед. ч. муж. р. *кого*, отъ *къ-то* или предполагаемаго *къ* (какъ *того* отъ *тъ*). *Никой, нѣкой, едекой* или *едикой*; *сѣкой* (иначе *сѣки*) имѣетъ *сѣкиго, сѣкиму*, вм. *сѣкого, сѣкому*; по крайности форма съ *и*, какъ кажется, народнѣе и, несомнѣнно, употребительнѣе, — хотя и встрѣчаемъ, особенно въ книжномъ яз., форму съ *о*.

Мой, моя, мое, мои, и, вмѣсто трехъ, *мой*; *мож* и *мож*, *моя*; именит. муж. р. ед. ч. *мой*, *моя* и *мой-тъ*; родительнаго (*моего*) не получаемъ, по крайности не встрѣчали.

Онъй или *онай*, *оноя* и *оная*, ср. р. *онуй* (вм. оное), и во всѣхъ родахъ *онай*; винит. и родит. жен. *онож* или *онаж*, *онож* и *онаж*, *оноя* и *оная*; въ сложности *оного-зи* (этотъ родит. *кого*, *того-зи, оного-зи*, и проч., съ предлогами идетъ для всѣхъ косвенныхъ падежей). Множ. *ония*; въ сложномъ *онѣ-зи* (отъ *онъ*).

Сюда же, конечно, *твой, чий*, и т. п.

Замѣтьте, что мы предложили всѣ *главныя флексіи*; но формъ, возникающихъ изъ сложенія и сокращенія, особливо въ разнообразіи синтаксическаго употребленія, можетъ быть несравненно болѣе.

Теперь выводимъ изъ разсмотрѣнія мѣстоименій главные результаты: 1) мы убѣдились, что родительный смѣшивается съ винительнымъ; 2) что этотъ смѣшанный падежъ съ предлогами идетъ для всѣхъ прочихъ косвенныхъ. Но этого мало еще: подобно какъ въ другихъ испорченныхъ и пострадавшихъ языкахъ, напр. французскомъ, родительный, или правильнѣе смѣшанный, падежъ употребляется даже вмѣсто именительнаго: «другъ синъ като *мене*;» «кротькъ е като *мене*; «съ этимъ сравни восклицанія: «ето *го*!» «на' *ма*!» (вспомните сербскій родительный). И рядомъ мы видимъ совершенно такое же употребленіе существительныхъ: «Първанъ е уменъ като *Ивана*!»

СМѢШЕНІЕ ПАДЕЖЕЙ ВЪ ЯЗ. НОВОБОЛГАРСКОМЪ, А СЪ ТѢМЪ ВМѢСТѢ БЛИЗОСТЬ КЪ ЧЛЕНУ.

Аналогія удивительная! Но, какъ ни сильна она, въ именахъ существительныхъ должна быть указана по крайности звуковая (фонетическая) причина и ближайшій поводъ такого смѣшенія. И вотъ очень важное обстоятельство: не только родительный съ винительнымъ, смѣшивается съ ними и именительный: *Радоя* вм. *Радой*, *царя* вм. *царь*, *погледа* вм. *погледъ* («Радоя дума,» »Царя Вълку дума,» »тъй му е такъвъ погледа» и пр.). Отчего же это? Конечно отъ того, что въ историческое время слав. нарѣчій мы застаемъ въ показанныхъ случаяхъ родительный на *а* и *я*, а между тѣмъ въ именит. и винит. падежѣ окончаніе *ъ*, *ь* и *й*: по новоболгарски же переходитъ оно въ полузвукъ или краткое *а* и *я*, иногда даже въ чистый и полный звукъ, смотря по развитію мѣстныхъ нарѣчій. Вотъ средство фонетическое, облегчающее перевороты для языка, въ существѣ своемъ сильно страдающаго. Но какъ же относятся эти смѣшиваемыя окончанія трехъ падежей одно къ другому, между собою, и не странно ли, что именительный, на примѣръ, смѣшанъ съ родительнымъ? Для рѣшенія этого вопроса, зададимъ себѣ прежде другой: во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ падежа родительнаго, одинъ ли и тотъ же падежъ, иначе — одинакова ли повсюду его натура и не двоятся ли его свойства? Уже порядокъ, въ какомъ приводили мы примѣры, поступая отъ несомнѣнныхъ фактовъ къ болѣе шаткимъ, даетъ замѣтить ихъ неодинаковость. Но еще яснѣе убѣждаетъ насъ въ двой-

ствѣ одинъ разрядъ, въ которомъ употребленіе не только двоится, но даже троится, а именно слова односложныя, кончащіяся на ъ; нѣкоторыя изъ нихъ, смѣнивая падежи, измѣняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и удареніе, а слѣдовательно указываютъ на измѣненіе въ количествѣ одной изъ гласныхъ: «но са смѣя на *Филипа Маджярина* (родит. ясный, безъ перемѣны ударенія),» и рядомъ—«та си смѣя на *умá* му (удареніе измѣнено);» «съ *умá* са биѣше;» «по *грьбá* биѣше;» «иди въ *градá Разгрáда* (первый падежъ, болѣе запутанный, измѣнилъ удареніе слова, второй нѣтъ);» «въ голѣма *грáда* Софія,» «прѣзъ *градá* да минемъ;» «*у домá* (= въ домъ)» и сравните съ этимъ нарѣчіе» *дóма*, остатокъ древняго падежа. Теперь вспомните то, что, какъ замѣчено нами выше, при переходѣ полузвука въ звукъ чистый, полугласной въ гласную, и т. п., удареніе измѣняется, и падаетъ именно на поднимаемый звукъ. А потому, въ отличіе отъ падежа древняго, оставшагося безъ перемѣны ударенія, мы въ показанныхъ примѣрахъ можемъ видѣть падежи новые, съ окончаніями, основанными на переходѣ ъ въ *а*, *ь* и *й* въ *я*. И дѣйствительно, ихъ *а* и *я* ни сколько не отличается отъ того звука, который слышится въ концѣ слова, когда присоединится членъ *тъ*, да и нѣтъ никакого препятствія, по законамъ господствующаго болгарскаго нарѣчія, измѣнить эти примѣры такъ: *умъ́-тъ*, *гърбъ́-тъ*, *градъ́-тъ* (по правописанію большинства *умъ-атъ*, *градъ-атъ*, и т. п.). И такъ этотъ падежъ равнозначущь почти члену, по крайности по происхожденію одновременен ъ, возникаетъ по законамъ одной эпохи; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не есть еще членъ, и хотя слово иногда, видимъ мы, готово уже совсѣмъ перейти въ формацію *ъ-тъ*, *ь-тъ*, *й-тъ* (=ăтъ, ятъ), но его останавливаетъ или связанное прилагательное (окончанія неопредѣленнаго, въ падежѣ), не допускающее члена, или присоединенное имя собственное (хотя послѣднее въ приведенныхъ примѣрахъ не имѣетъ много вѣсу и удареніе слова не измѣняется). Изъ всего этого видимъ, что падежъ съ окончаніемъ *а*, возникшимъ изъ *ъ*, и *я* изъ *ь* и *й*, уже весьма различенъ отъ тѣхъ падежей, которые удерживаютъ *а* и *я* изъ старины, такъ точно, какъ наше *вчерá*, съ членомъ *вчерá-сь*, глубоко отлично отъ *вéчера*. Чѣмъ выше будемъ мы восходить въ нашихъ параграфахъ, тѣмъ болѣе будемъ находить родит. падежей на чистое, твердое *а* и *я*; и чѣмъ ниже, тѣмъ *а* и *я* будутъ болѣе шатки, ближе къ полузвуку, больше будутъ напоминать *ъ*, *ь* и *й*, откуда они произошли; съ этимъ вмѣстѣ три падежа начинаютъ смѣшиваться и въ тоже время сильно развивается членъ. А по-

тому мы видимъ уже двоякій падежъ: 1) какъ остатокъ стариннаго склоненія, съ чистымъ и твердымъ *а* и *я*; 2) какъ признакъ склоненія новаго, въ которомъ древнее *а* и *я* уступаетъ мѣсто ъ и ь—рю, различіе падежей теряется, видѣнъ только именительный, одинаковый съ винительнымъ; но, на обломкахъ этого, является реакція, звукъ ъ и ь поднимаются: сначала все таки глухи, такъ что именительный, родительный и винительный сливаются по окончанію, но потомъ звуки крѣпнутъ и получается возможность образованія склоненія новаго. Такъ случилось именно въ яз. сербскомъ, въ которомъ изрѣдка ъ и ь держатся еще глухо, но большей частью перешли уже въ *а*, и отсюда гласность, не первобытная, а прошедшая процессъ ерованья, доказательство дальнѣйшаго и позднѣйшаго развитія; такъ возникъ сербскій родит. мн. *юнака*, *момака*, слѣды котораго нашли мы и въ яз. н. болгарскомъ; такъ возникли и въ яз. в. русскомъ падежи съ разными удареніями, и даже, какъ думаемъ, именительный множеств. *возá*, *домá* (вмѣсто *вóзы*, *дóмы*). Не распространяясь далѣе, переходимъ къ выводамъ.

ВЫВОДЫ ИЗЪ РАЗСМОТРѢННАГО СКЛОНЕНІЯ.

1-й выводъ; мы показали въ яз. н. болг. признаки почти цѣлаго склоненія; потеряли и пострадали въ немъ наиболѣе изъ родовъ средній; изъ падежей предложный и винительный; изъ чиселъ множественное (двойственное почти вовсе затерялось).

2-й выводъ, какъ онъ ни страненъ съ перваго взгляда, состоитъ въ томъ, что, помимо совершенно почти затеряннаго склоненія, которое когда-то, по всей вѣроятности, имѣлъ общій Славянскій праязыкъ въ доисторическое время, новоболгарскій языкъ въ современномъ состояніи своемъ представляетъ три слоя исторически-идущаго склоненія: а) слой древнѣйшій, съ остатками тѣхъ окончаній, какія только застаемъ мы въ первую историческую эпоху славянскихъ нарѣчій; б) слой второй, представляющій съ одной стороны утрату древности, съ другой возникновеніе новизны, на основаніи переходнаго процесса гласности, отъ звуковъ, исторически древнѣйшихъ, чрезъ ступень ерованья, или лучше полузвучности, ослабленія, краткости, глухости, къ новому окрѣпленію звуковъ; это реакція, которою стремится гласность достигнуть возврата прежней своей ступени. Это склоненіе, въ отличіе отъ перваго, *чистаго*, мы назвали бы *смѣшаннымъ*, ибо мы видимъ въ языкѣ переходное состояніе, и не знаемъ еще, къ чему приведетъ оно. в) Третій слой, *якобы*

склоненіе, съ помощію члена и предлоговъ. Этотъ слой, судя по вліянію современной болгарской образованности и писменности, разливающейся въ народъ, легко можетъ пересилить всѣ другіе; остатки старины уйдутъ тогда въ глубь одного *простонароднаго* употребленія, а свѣжая образовательная сила языка, оказывающаяся въ нѣсколькихъ фактахъ, затрется и не произведетъ никакихъ новыхъ явленій. За то македонское нарѣчіе, не столь склонное къ члену, разовьетъ склоненіе по тѣмъ сербскимъ образцамъ, которые и нынѣ обнаруживаютъ не малое на него вліяніе.

3-й. Очевидна ошибка тѣхъ, кои *о*, *а* и *я*, въ концѣ падежей по нѣкоторымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ, считаютъ членомъ, стоящимъ будто бы вмѣсто *атъ*, *отъ*, *ятъ*, и пишутъ *градъ-а*, *царь-а*, и т. п. Если это похоже сколько ни будь на членъ, то развѣ потому, что опредѣляющая имя флексія по корню есть также мѣстоименная. Но все-таки, конечно, эта реакція возникающей гласности идетъ параллельно и одновременно съ развитіемъ члена; такъ что онъ можетъ въ будущемъ ее вытѣснить, но тогда уже прямо явится членъ *тъ*, а не *а*, не *о* и не *я*.

4-й. Судьба звуковъ *ъ*, *ь* и *й*, даетъ новоболгарскому языку видное мѣсто въ глазахъ изыскателя; ни въ одномъ слав. нарѣчіи не можемъ найти столько поучительныхъ фактовъ для всѣхъ переходовъ показанныхъ звуковъ, начиная отъ ихъ потери, до произношенія полугласнаго и наконецъ до окрѣпленія въ звукъ чистый. Видимъ и наблюдаемъ всѣ постепенности хода (фазы процесса): что можетъ быть любопытнѣе?

О ПРАВОПИСАНІИ Ъ, Ь, Й, ОСОБЕННО ПРЕДЪ ЧЛЕНОМЪ ТЪ.

5) Наконецъ выводъ о правописаніи: а) писать *ъ* и *ь* въ концѣ, хотя бы они служили одними пазвуками, для показанія твердости или мягкости согласной; б) гдѣ *ъ*, *ь* и *й* перешли въ чистую гласную, въ какой бы мѣрѣ ни была слышна она, писать ее, обозначая, пожалуй, иногда краткость: *лоя*, *моя*, *царя*, *везиря*, *вълка*, *града*, и т. д.; в) предъ членомъ писать *ъ*, *ь* и *й*, зная уже, что произносятся эти звуки какъ краткое *а* и *я*: *градъ-тъ*, *конь-тъ*, *лой-тъ*; ни коимъ образомъ не писать безсмысленнаго—*челякъ-атъ*, *кръчмарь-атъ*; лучше ужь избрать: *градатъ*, *лоятъ*, и это именно нужно дѣлать тамъ, гдѣ слышно *о* или *ё*: *грѣхо-тъ* или *грѣхотъ*, *лоётъ* или *лоё-тъ*; г) то же самое наблюдать въ прилагательныхъ: *добрий-тъ*, *пустий-тъ*, (зная, что произносится *ятъ*), ибо здѣсь опредѣляющее мѣстоименіе

переходить изъ *й* въ *я* вслѣдствіе присоединенія члена, точно также, какъ это бываетъ въ *мой-тъ*.

ПРАВОПИСАНІЕ, УПОТРЕБЛЯВШЕЕСЯ ДОСЕЛѢ ПРИ ЧЛЕНАХЪ.

Теперь, по порядку, нами принятому, слѣдуетъ сказать о различныхъ способахъ ученаго правописанья въ разобранныхъ случаяхъ н. б. языка, способахъ, выражающихъ собою различныя ученыя мнѣнія. Миклошичь выражаетъ мнѣніе, что *ъ* и *ь*, произносимые предъ членомъ *тъ*, суть эвфоническія вставки, т. е. *dolъt*, *obrazъt*, *tъžьt*, *carьt* и т. п. = *dol-ъ-t*, *tъž-ь-t*, и т. д. Откуда, и зачѣмъ, и какъ взялась эта благозвучная вставка, совершенно не понятно и не объяснено ученымъ; съ насъ довольно по крайности того, что фигуры, имъ начерченныя, выражаютъ именно то, что хотѣли объяснить мы,— произношеніе *ъ* и *ь* предъ членомъ *тъ*. Обстоятельство, что въ именахъ женскаго рода нѣтъ мѣста подобному явленію, на пр. *dlan tъ*, *krъv tъ*, говоритъ прямо въ нашу пользу, ибо здѣсь конечный звукъ въ членѣ произносится (*длан'-та, длан' тѫ, кръв'-та, кръв'-тѫ*), а въ муж. родѣ *ъ* въ членѣ *тъ* не произносится: а потому въ жен. родѣ, вслѣдствіе произношенія конечной гласной, пропадаетъ звукъ предшествующаго *ь*, а въ муж. родѣ, за непроизношеніемъ *ъ* въ членѣ, воспринимаетъ звучность конечный *ъ* и *ь* въ самомъ имени. Такъ точно, на примѣръ, *вѣтъръ, огънь, мисъль* (срединное *ъ* и *ь* получаютъ гласность) и *вѣтрове, огнёве, мисли* (срединное теряется, ибо въ концѣ слышна гласная). Но еще болѣе затрудняется Миклошичь съ зв. *й*, и, находясь въ необходимости признать его произношеніе при членѣ, рисуетъ вмѣсто него *jъ*: *lojъt* (= *лой-тъ*). Какъ ни странна такая фигурація буквъ, она подтверждаетъ наше мнѣніе, ибо если *ъ*=полузвучному или глухому *а*, то *jъ*=полузвучному, глухому, краткому *я*, и написанное слово будетъ произноситься *лоятъ*. Вотъ какъ выражается онъ въ этомъ случаѣ объ именахъ прилагательныхъ съ членомъ: «*ъ* вставляется (!) между *i* и членомъ, на пр. *brъzijъt*, что во первыхъ странно съ точки зрѣнія синтаксической, такъ какъ *brъzi* есть уже *ὁ ὠκύς*, и во вторыхъ со стороны звуко-ученія, ибо можно бы ожидать *brъzit* (!)». Эту *аномалію* (!) объясняетъ онъ такъ: «форма *brъzi* уже не чувствуется болѣе какъ сложная.» Стало быть прибавляется еще *j* (*й*) для вящей опредѣленности: съ этимъ мы отчасти согласны, ибо видимъ туже исторію и въ яз. Ц. слав., гдѣ являются въ древности формы добры, добрыі, добрыи, и потомъ прибавляется снова *и*, какъ въ яз. великорусскомъ: добрыи. Это-то послѣднее

ѝ (= мѣст. *и*) и произносится предъ членомъ какъ краткое *я*: *добрия̆тъ*, пиши *добрий-тъ*; начертаніе *jъ*, допускаемое ученымъ, подтверждаетъ наше мнѣніе, и доказываетъ, что здѣсь вовсе нѣтъ аномаліи, а просто переходъ *ѝ* въ краткое *я*, тотъ самый, который видѣли мы и въ именахъ существительныхъ; и притомъ какъ въ нихъ, такъ и въ именахъ прилагат., совершается то же явленіе и безъ члена *тъ*, но съ тѣмъ же значеніемъ бо́льшей опредѣленности, на пр. *мо́я конь* = *мой-тъ* (*моятъ*), подобно какъ *ло́я=лой-тъ* (*лоя̆тъ*), *ца́ря=царь-тъ*. Наконецъ, такъ какъ, замѣтили мы выше, въ нѣкоторыхъ новоболгарскихъ подрѣчіяхъ, *ъ*, *ь* и *ѝ* предъ членомъ переходятъ не въ *а* и *я* (краткія), а въ *о* и *ё*, подобно какъ въ яз. Ц. слав. и древнемъ русскомъ, то Миклошичь вынужденъ писать *gréhot*, *mъžjot*, *košьt* и *košjot*, по нашему *грѣхо-тъ*, *кошё-тъ*. Мы не воротимся уже болѣе къ разсужденіямъ Миклошича, а потому выскажемъ о нихъ заключительное свое мнѣніе. Уже одинъ взглядъ на фигуры, чертимыя имъ, показываютъ всю уродливость и нелѣпость ихъ въ типографскомъ отношеніи; мы видѣли, что внѣшность эта не рѣдко служитъ также оболочкой не менѣе странныхъ мнѣній. Все это произошло отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: во первыхъ, вопреки исторіи, западный вѣнскій филологъ захотѣлъ навязать потомку языка Ц. славянскаго несвойственныя ему латинскія писмена; не изучивши хорошенько языка, поспѣшилъ высказать объ немъ рѣшительныя заключенія съ свойственной себѣ рѣзкостью. Тамъ, гдѣ онъ близко ознакомился съ фактами, въ яз. Ц. слав., тамъ онъ показалъ значительную даровитость и проницательность въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, такъ что мы не сомнѣваемся во многомъ ему слѣдовать и не стыдимся признаться, что часто даже заимствуемъ у него цѣликомъ примѣры. Но очень жаль, что онъ потратилъ запасъ своихъ быстрыхъ выводовъ на языкъ, котораго еще не узналъ поближе; показавъ здѣсь намъ свою пяту, онъ какъ будто убѣгаетъ самъ съ поприща изученія новоболгарскаго языка и оставляетъ его другимъ, болѣе счастливымъ, или, по крайности, болѣе осторожнымъ изыскателямъ. Напрасны ссылки его на свидѣтелства Цанковыхъ, какъ природныхъ Болгаръ: отъ нихъ не могъ онъ занять многаго, и скорѣе сбилъ ихъ своими рамками и системами, какъ сбиваетъ во многомъ иномъ и другихъ, подобныхъ Цанковымъ, своими произвольными помыслами, не имѣющими достаточнаго основанія ни въ исторіи Славянъ, ни въ древностяхъ. Одинъ бѣглый взглядъ на граматику Цанковыхъ показываетъ, что она вся составлена въ Вѣнѣ, подъ непосред-

ственнымъ указаніемъ Миклошича, а составители готовы всюду jurare in verba magistri. Изученіе живаго языка, спутанное рамками предуготовленныхъ системъ, потеряло много въ своей полнотѣ и плодотворности; а недостатокъ фактовъ, приводимыхъ Цанковыми, не позволяетъ полагаться и на выводы Миклошича, на нихъ ссылающагося. Не смотря на скудость данныхъ, бывшихъ подъ нашей рукою, мы все-таки успѣли изъ нихъ понабрать довольно: посмотрите же, какъ бѣдны выводы и примѣры природныхъ Болгаръ-Цанковыхъ! Признавая, что члены въ н. болг. яз. суть *ŭt* (= ъ-тъ), *jŭt* (й-тъ), *ėt* (= ь-тъ), *ot* и *jot*, они употребляютъ только три первыхъ, раздѣляя такимъ образомъ: *dol-ŭt, obráz-ŭt, ráta-jŭt, lo-jŭt, mŭž-ĕt, kóš-ėt, boži-jŭt, krávi-jŭt*, и т. д. Кромѣ уродливости, такое писанье обличаетъ совершенное непониманіе дѣла; такъ, на примѣръ, пиша безъ члена *lofcíjŭ*, пишутъ съ членомъ *lofci-jŭt*, увѣряя, что здѣсь *jŭ* выпущено, да прибавлено *jŭt*. Подобнымъ образомъ дѣлаютъ они безсмысленное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ подрѣчіяхъ *t* выпускается (!) и членомъ остается *ŭ, jŭ, o, jo, ė*: *grêh-ŭ, lo-jŭ, grêch-ó, mŭž-ĕ, mŭž-jó,* тогда какъ это есть явленіе, происшедшее вслѣдствіе произношенія конечнаго *ъ, ь, й*, близкое *по значенію и смыслу* къ члену, но вовсе не членъ; здѣсь *тъ* не *выпущено*, а напротивъ еще *не прибавлено*. Показавъ довольно подробно различіе суффиксовъ и образованіе мн. числа, въ остальномъ склоненіи они сообщаютъ весьма бѣдныя указанія; принимая нормою неизмѣняемость окончаній, т. е. утрату флексій, съ однимъ только предлогомъ *на* для падежа родит. и дат., они слишкомъ мало приводятъ примѣровъ уцѣлѣвшаго въ живой рѣчи склоненія. Такъ въ падежѣ зват. не упомянуто множество самыхъ оригинальныхъ случаевъ; для прочихъ падежей ограничиваются слѣдующими замѣчаніями: 1) что при числительныхъ въ именахъ муж. рода присоединяется окончаніе *a, ja* или *ê*: *dva vola, dévet kóné* (здѣсь *é*, равняющееся τῷ *ѣ*, стоитъ неправильно вмѣсто *я*), *sédem rátaja*; 2) что при личныхъ именахъ въ пѣсняхъ встрѣчается дательный: *Stojánu, brátu, májci, búlci*; 3) что имена собственныя муж. рода ед. числа въ род., дат. и винит. принимаютъ *a, ja* или *é* (опять неправильно вмѣсто *я*): *Dragána, Dragója, Pŭrvánčjo — Pŭrvánčé* (*Първанчё, Първанчя*); 4) что тому же правилу слѣдуютъ а) нѣкоторыя имена на *o* и *i*: *pláčko—pláčka, dédo—dêda, krádljo—krádlé, tati—táté* (*é* неправильно вмѣсто *я*); б) личныя имена при мѣстоименіяхъ и словѣ *edin*: *ednogó čjoléka, ed-*

nogó zetê (=я), *togózi rátaja*; 5) что при нѣкоторыхъ именахъ родственныхъ, въ соединеніи съ краткими притяжательными мѣстоименіями, встрѣчаются окончанія *ѝ* и *ѐ*: *sin mi, na sinŭ mi, sinŭ mi*; *mùš i, na mùžé i, mùžĕ i*; *žená ti, na ženŭ ti, ženŭ ti*; *dùšteré mu, na dùšteré mu, dùšterĕ mu*; при этомъ замѣчаютъ Цанковы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто *ѝ* слышно *а*, вмѣсто *ѐ* — *ê* (то есть *я*, а не *ѣ*). Что же значитъ это, безтолково изложенное явленіе? Оно значитъ тоже, что сказано нами выше, а именно: *ѝ* и *ѐ* у Цанковыхъ = *ъ* и *ь*, произносимымъ кратко, полузвучно; стало быть они подтверждаютъ, что въ помянутыхъ именахъ нерѣдко конечное *ъ* и *ь* сохраняютъ полузвучность, а въ нѣкоторыхъ даже переходятъ въ чистые звуки, то есть представляютъ признаки новаго, образующагося склоненія; притомъ явленіе это имѣетъ мѣсто при мѣстоименіяхъ притяжательныхъ, по значенію близкихъ къ опредѣляющему члену, хотя мы прибавимъ отъ себя, что иногда это бываетъ и безъ мѣстоименій, какъ доказано примѣрами нашими выше; колебаніе въ окончаніяхъ женскаго рода между *а* и *ѝ*, *ѐ* и *ê* (т. е. *я*), показываетъ, что, какъ замѣтили мы выше, въ винит. падежѣ ед. ч. жен. р. присутствуетъ слѣдъ ѫ и ѭ, а винительный съ предлогами употребляется и для прочихъ падежей: отсюда именит. *žená*, вин. *ženù* (=*женѫ*), род. *na ženŭ* (=*на женѫ*), хотя иногда и этотъ слѣдъ склоненія пропадаетъ, т. е. и въ винит. слышно чистое *а* и *я* вмѣсто ѫ и ѭ, напр. именит. *dùšteré* и винит. также (*дъштеря*), вмѣсто *dùšterĕ* (*дъштерѭ*). При этомъ вспомните сказанное нами прежде, что напрасно Цанковы ограничиваютъ возможность подобныхъ явленій одними именами родственными: если вы пишете въ именит. *žená*, въ винит. *ženù* (то есть имен. *жена*, вин. *женѫ*), то почему бы не писать вамъ *rùká* (*рѫка*), винит, *rùkŭ* (*рѫкѫ*)? А между тѣмъ они упорствуютъ въ томъ, что всѣ остальныя имена жен. рода, кромѣ родственныхъ, и въ окончаніи имен. падежа имѣютъ полузвукъ, а не чистое *а* и *я*: *rùkŭ*, *lisicù*, *bùlkù* и т. д. И вотъ все, что сказали Цанковы о склоненіи. А между тѣмъ природные Болгаре сколько могли бы привести интереснѣйшихъ случаевъ и примѣровъ изъ подрѣчій, изъ употребленія живаго народнаго языка и пѣсень! Этого-то мы вправѣ были ожидать и этого-то не находимъ. Отчего же? Все вниманіе устремлено на заданныя рамки. Но вѣдь приведены разговоры, примѣры употребленія? Точно, ихъ довольно, но увы! Мы ожидали бы разговоровъ объ отношеніи къ Туркамъ, объ отношеніяхъ между собою болгарскихъ туземцевъ, о болгарскихъ мѣстностяхъ, о

земледѣліи, пастбищахъ, торговлѣ, удалыхъ подвигахъ горцевъ въ Балканахъ и Македоніи, празднествахъ, играхъ, однимъ словомъ о всѣхъ особенностяхъ народнаго быта; и что же встрѣчаемъ? Разговоры о театрѣ, спектакляхъ, концертахъ, музыкѣ, гуляньяхъ, магазинахъ, портныхъ, о гастрономіи, и т. д.! Какія же слова и какіе изысканные обороты рѣчи! Нѣтъ, мы не пойдемъ учиться новоболгарскому языку въ Вѣну; предоставимъ Цанковымъ вліять оттуда на соотчичей, подобныхъ имъ, распространеніемъ понятій высшей цивилизаціи. Возвращаемся теперь къ другимъ способамъ правописанья — въ С.Петербургѣ и Прагѣ. Но прежде скажемъ еще о другомъ вѣнскомъ Болгаринѣ, издателѣ «Мірозреніе», и мнѣніяхъ Венелина. Первый весьма оригинально пишетъ *ътъ* или просто *ъ: лист ътъ*, *писменни ътъ*, *отвѣт ътъ*, и рядомъ *първі ъ*, *разум ъ*, *свят ъ;* нѣтъ нужды останавливаться долго на подобныхъ ухищреніяхъ. Венелинъ, проводя любимую мысль свою о тожествѣ языка н. болг., какъ нарѣчія, съ русскимъ, воздвигалъ совершенное гоненіе не только на *атъ*, *та*, *то*, но даже на мнимый членъ *а* и *о*; на томъ основаніи, что подобныя приставки различны смотря по мѣстностямъ, онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на жаргонъ и указывалъ примѣръ русской литтературы, которая въ книжномъ языкѣ не обращала вниманія на провинціальныя нарѣчія; боялся же онъ въ особенности за будущія стихотворенія болгарскія, и въ замѣнъ членовъ предполагалъ русскія окончанія; это мнѣніе противъ «уродливаго *тататата*» высказалъ онъ печатно въ статьѣ «о зародышѣ новой болгарской литературы:» извиненіе можно отыскать только въ младенчествѣ филологіи и увлеченіи. — Г. Петковичь, сообразно съ нарѣчіемъ, на которое переводилъ, не употребляетъ членовъ и приводитъ формы оставшагося склоненія. Въ другомъ академическомъ переводѣ встрѣчаемъ членъ *ат*, отдѣльно отъ именъ. Въ пословицахъ *атъ*, также отдѣльно. Второй переводъ Полиглотты склоняетъ всѣ имена, по всѣмъ падежамъ; впрочемъ, рядомъ съ выраженіями **отъ рода старагѡ**, **споредъ рода**, встрѣчаемъ **отъ рода-тъ**; въ жен. родѣ употребляется и **тѧ**, и **ты**.

Этимъ кончаемъ мы свои замѣчанія о правописаніи ново-болгарскаго языка; не выдаемъ ихъ за непреложныя, ибо ждемъ отъ изученія новыхъ фактовъ: по крайности думаемъ оправдать ими собственные наши пріемы.

*

НОВОБОЛГАРСКОЕ СПРЯЖЕНІЕ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ Ц. СЛАВЯНСКИМЪ.

Говоря о правописаніи, мы по необходимости касались и главнѣйшихъ вопросовъ граматики. Теперь, въ дополненіе, прибавимъ нѣсколько словъ о различныхъ частяхъ рѣчи, и въ особенности о спряженіи глаголовъ. Какъ во всѣхъ славян. нарѣч., такъ и въ яз. н. болг., спряженіе глаголовъ, внѣ видовъ, не представляетъ значительныхъ этимологическихъ особенностей, очень просто и близко къ яз. Ц. славянскому. Потому, сказавши выше нѣсколько подробнѣе о видахъ, съ помощію коихъ развивается все разнообразіе славянскаго глагола, мы здѣсь не можемъ распространяться далеко о спряженіи въ собственномъ смыслѣ. Однако нельзя не замѣтить, что какъ простое спряженіе, такъ и сложное (съ помощію видовъ и временъ сложныхъ), въ яз. н. болг. развито гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ слав. нарѣчіяхъ: первое отличается тѣмъ, что, согласно съ яз. Ц. слав., сохранило въ строгости прош. несовер. и аористъ; второе отличается способностью на тысячи ладовъ пользоваться разнообразіемъ видовъ и сочетаніемъ вспомагательныхъ глаголовъ. Въ первомъ, какъ и въ яз. Ц. слав., останавливаетъ насъ 1) спряженіе настоящаго времени; 2) прош. несовер.; 3) аориста; 4) второе лице един. и мн. числа повелит. наклоненія; 5) причастія — дѣйствительное на *лъ* и страдательное на *нъ* и *тъ*. Неокончательное наклоненіе, равно какъ два первыхъ причастія дѣйствительнаго залога, потеряны; потеряно и 3-е лице мн. числа аориста (ша), замѣняясь окончаніемъ прошедшаго несовершеннаго (хж). Кромѣ этихъ утратъ, отличающихъ яз. н. болг. отъ Ц. славянскаго, должны мы замѣтить слѣдующія особенности:

1) Въ наст. врем. ед. чис. 2-го лица вмѣсто Ц. слав. ши, является *шь*.

2) Ц. славянское окончаніе 3-го лица, ть, пропало.

3) Въ 1-мъ л. множ. числа вмѣсто Ц. слав. мъ или мы является *мъ* или *ме*, въ произношеніи часто переходящее въ *ми*.

4) Въ 3-мъ л. множ. числа вмѣсто ть является *тъ*.

5) То же самое замѣтно въ 1-мъ лицѣ ед. числа такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ, гдѣ вмѣсто мь является *мъ*: Ц. слав. имамь, н. болг. *дѣламъ*.

6) 1-е лице мн. числа прош. несов. и аориста вмѣсто Ц. славян. х-о-мъ имѣетъ *х-ме*.

7) 2-е лице вмѣсто є-те имѣетъ *х-те*.

8) 1-е лице един. числа аориста вмѣст. Ц. слав. охъ (древнѣйшее *ѣхъ*) имѣетъ древнѣйшую форму *ѣхъ*.

9) Причастіе прош. врем. дѣйств. залога предъ *лъ* нерѣдко удерживаетъ древнее *ъ*: *пекълъ, рекълъ*, что потеряно уже въ яз. Ц. слав.

10) Это же причастіе можетъ образоваться отъ всякаго прош. несов. времени, именно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ и пѣсняхъ.

11) Причастія страдат. нерѣдко имѣютъ *нъ* тамъ, гдѣ въ Ц. слав. тъ, и на оборотъ, что свойственно и другимъ слав. нарѣчіямъ.

12) 2-е л. ед. числа повелит. наклоненія, какъ и въ Ц. слав., имѣетъ *и, й, ь*.

13) 2-е л. мн. ч. того же наклоненія имѣетъ *й-те*, или *ѣ-те*, вопреки языку Ц. слав., который послѣднее окончаніе нерѣдко опускаетъ до и-те.

14) Вставка *ѣ* въ прош. несов. не допускаетъ, подобно языку Ц. слав., развитія за собою еще звука *а*.

15) Видоизмѣненія двухъ звуковъ *тоб* ять въ прош. несов. намъ извѣстны уже изъ прежде сказаннаго.

16) ѫ, ѭ, ѧ и ѩ теряютъ произношеніе носовое и замѣняютъ его глухимъ, что также указано.

17) Согласныя *т, д, з, с*, при встрѣчѣ съ звуками ѥ, *ѣ* (или *я*), *е*, не вездѣ переходятъ, какъ въ яз. Ц. слав., въ *шт, жд, ж, ш*; губныя въ этомъ случаѣ не нуждаются въ посредствѣ звука *л* (мы говоримъ о спряженіи въ собственномъ смыслѣ; при образованіи видовъ возможно чаще указанное претвореніе).

18) Шипящія не всегда переходятъ въ свистящія: *печи-печѣте* (Ц. слав. ц).

Остальныя особенности, менѣе общія и болѣе частныя, мы увидимъ отчасти изъ примѣровъ, отчасти изъ комментарія къ тексту.

Принимая во вниманіе указанныя отличія, мы допускаемъ слѣдующіе отдѣлы спряженій, совпадающіе почти совершенно съ яз. Ц. славянскимъ, но отличающіеся отъ приведенныхъ выше (при разсмотрѣніи видовъ и разнообразныхъ формъ глаголовъ) тѣмъ, что:

1. Глаголы съ непосредственной приставкой окончанія къ корню раздѣлены здѣсь на два особыхъ спряженія, тогда какъ выше соединены были нами вмѣстѣ, какъ два вида одного отдѣла.

2. Глаголы *каѭ сѧ, боѭ сѧ*, отнесены здѣсь къ одному классу съ глаголами *берѫ, тъкѫ, сѣѭ, кажѫ*, и т. д., а выше приведены нами какъ отдѣлъ особенный.

3. Глаголы *дѣламъ, купувамъ, тичьмъ, вальмъ,* и т. п., соединены здѣсь въ одно спряженіе, тогда какъ выше порознь разсмотрѣны нами два отдѣла — *купувамъ* и *тичьмъ*, форма же *дѣламъ, кивамъ*, разсмотрѣна въ одномъ отдѣлѣ съ формой *играмъ*. Въ остальномъ спряженіе совпадаетъ съ дѣленіемъ, выше принятымъ.

1. Корень, кончаясь на согласную, совпадаетъ съ темою: флексіи лицъ, временъ и наклоненій присоединяются къ нему прямо; предъ *хъ* аориста послѣ темы сохраненъ *ъ*; иногда, но болѣе въ языкѣ книжномъ, *о*; предъ *лъ* дѣйствительнаго причастія сохранился порою *ъ*; предъ *нъ* страдательнаго *е*.

а) Зубная:

Ц. слав.	Н. болг.
Настоящее.	
Плет-ѫ,	Плет-ѫ,
плет-еши,	плет-ешь,
плет-еть;	плет-е;
плет-емъ,	плет-емъ (ме),
плет-ете,	плет-ете,
плет-ѫть.	плет-ѫтъ.
Аористъ.	
Плет-охъ (ѣхъ),	Плет-ъхъ (охъ),
плет-е,	плет-е,
плет-е;	плет-е;
плет-охомъ,	плет-ъхме (ох),
плет-осте,	плет-ъхте (ох),
плет-оша.	плет-ъхѫ (ох).
Прош. несов.	
Плет-ѣахъ,	Плет-ѣхъ,
плет-ѣаше,	плет-ѣше,
плет-ѣаше;	плет-ѣше;
плет-ѣахомъ,	плет-ѣхме,
плет-ѣасте,	плет-ѣхте,
плет-ѣахѫ.	плет-ѣхѫ.
Повелит.	
Плет-и,	Плет-и,
плет-ѣте.	плет-ѣте.

Причастія.

Пле-лъ;	Пле-лъ;
плет-енъ	плет-енъ.
	(Въ значеніи прош. несовершеннаго:
	плет-ѣлъ).
б) Свистящая:	
Нес-ѫ,	Нес-ѫ,
нес-еши,	нес-ешь,
нес-етъ;	нес-е;
нес-емъ,	нес-емъ (ме),
нес-ете,	нес-ете,
нес-ѫтъ.	нес-ѫтъ.
Нес-охъ,	(за) нес-ъхъ (охъ),
нес-е;	нес-е;
нес-охомъ,	нес-ъхме,
нес-осте,	нес-ъхте,
нес-ошѧ.	нес-ъхѫ.
Нес-ѣахъ,	Нес-ѣхъ,
нес-ѣаше;	нес-ѣше;
нес-ѣахомъ,	нес-ѣхме,
нес-ѣасте,	нес-ѣхте,
нес-ѣахѫ.	нес-ѣхѫ.
Нес-и,	Нес-и,
нес-ѣте.	нес-ѣте.
Не-слъ;	Нес-лъ или (за)нелъ (ср. серб. занијети),
	нес-ълъ,
	(нес-ѣлъ или нос-ѣлъ);
нес-енъ.	нес-енъ.
в) Губная:	
Греб-ѫ,	Греб-ѫ;

и проч.

г) Гортанная:

Пек-ѫ,	Пек-ѫ (печѫ),
печ-еши,	печ-ешь,
печ-еть;	печ-е;
печ-емъ,	печ-емъ (ме),
печ-ете	печ-ете,
пек-ѫть	пек-ѫтъ (печ-ѫтъ).
Пек-охъ,	Пек-ъхъ (охъ),
печ-е;	печ-е;
пек-охомъ,	пек-ъхме,
пек-осте,	пек-ъхте,
пек-ошѧ.	пек-ъхѫ.
Печ-аахъ,	Печ-ѣхъ,
печ-ааше;	печ-ѣше;
печ-аахомъ,	печ-ѣхме,
печ-аасте,	печ-ѣхте,
печ-аахѫ.	печ-ѣхѫ.
Пек-лъ,	Пек-ълъ,
	(печ-ѣлъ);
печ-енъ.	печ-енъ.
Пец-и,	Печ-и,
пец-ѣте.	печ-ѣте.

д) Носовая:

Клѧ-ти.	
Клън-ѫ,	Клън-ѫ,
клън-еши,	клън-ешь,
клън-еть;	клън-е;
клън-емъ,	клън-емъ (ме),
клън-ете,	клън-ете,
клън-ѫть.	клън-ѫтъ.
Клѧ-хъ,	Кле-хъ,
клѧ;	кле;
клѧ-хомъ,	кле-хме,

кла-сте,	кле-хте,
кла-ша.	кле-хѫ.
Кльн-ѣахъ,	Кълн-ѣхъ,
кльн-ѣаше;	кълн-ѣше;
кльн-ѣахомъ,	кълн-ѣхме,
кльн-ѣасте,	кълн-ѣхте,
кльн-ѣахѫ.	кълн- ѣхѫ.
Кльн-и,	Кълн-и,
кльн-ѣте.	кълн-ѣте.
Кла-лъ;	Кле-лъ,
	кълн-ълъ или
	кълн-ялъ,
	(кълн-ѣлъ);
кла-тъ.	кле-тъ.

*

2. Корень, кончаясь на гласную, совпадаетъ съ темой; флексіи присоединяются прямо, при чемъ *е* измѣняется иногда въ *й*; страдат. причастія кончатся и на *нъ*, и на *тъ*: предъ первымъ является *е*; повелительное *й* и *йте*.

Пи-ѭ,	Пи-ѭ,
пи-ѥши,	пи-ешъ (би-йшъ),
пи-ѥть;	пи-е (би-й);
пи-ѥмъ,	пи-емъ (ме), (би-йме),
пи-ѥте,	пи-ете (би-йте),
пи-ѭть.	пи-ѭтъ.
Пи-хъ,	Пи-хъ,
пи;	пи;
пи-хомъ.	пи-хме,
пи-сте,	пи-хте,
пи-ша.	пи-хѫ.
Пи-ꙗхъ,	Пи-ѣхъ (=пи-яхъ),
пи-ꙗше;	пи-ѣше;
пи-ꙗхомъ,	пи-ѣхме,
пи-ꙗсте,	пи-ѣхте,
пи-ꙗхѫ.	пи-ѣхѫ.

Пи-и,	Пи-й,
пи-ите.	пи-йте.
Пи-лъ;	Пи-лъ,
	(пи-ѣлъ =пи-ялъ);
пи-ѥнъ,	(из)пи-енъ,
пи-тъ.	пи-тъ.

—

Чоу-ѭ,	Чю-ю,
чоу-ѥши,	чю-ешь,
чоу-ѥть;	чю-е;
чоу-ѥмъ,	чю-емъ (ме),
чоу-ѥте,	чю-ете,
чоу-ѭть.	чю-ютъ.
Чоу-хъ,	Чю-хъ,
чоу;	чю;
чоу-хомъ,	чю-хме,
чоу-сте,	чю-хте,
чоу-шѧ.	чю-хж.
Чоу-ıахъ,	Чю-ѣхъ (=яхъ),
чоу-ıаше,	чю-ѣше,

и проч.

Чоу-и,	Чю-й,
чоу-ите.	чю-йте.
Чоу-лъ;	Чю-лъ (чю-ѣлъ=ялъ);
чоу-тъ.	чю-тъ.

При раскрытіи гласной корня, глаголы этого отдѣла переходятъ въ другое спряженіе; *ков-ж̊*, *чюв-амъ*.

*

3. Корень на полугласную *р* и *л*; тема образуется изъ корня и связки *ѣ*, за нимъ слѣдующей; посредствомъ нея прибавляется къ корню окончаніе аориста и прош. несовер. *хъ*, причастія *лъ*; въ настоящемъ она ослабляется и уступаетъ мѣсто *е*; форма колеблющаяся и легко переходящая въ другія.

Мр-ѫ,	**(у)Мрѫ,**
мр-еши,	**мр-ешь,**
мр-еть;	**мр-е;**
мр-емъ,	**мр-емъ (ме),**
мр-ете,	**мр-ете,**
мр-ѫть.	**мр-ѫтъ.**
Мр-ѣ-хъ,	**Мр-ѣ-хъ,**
мр-ѣ;	**мр-ѣ;**
мр-ѣ-хомъ,	**мр-ѣ-хме,**
мр-ѣ-сте,	**мр-ѣ-хте,**
мр-ѣ-шѧ	**мр-ѣ-хѫ.**
(оу-мр-охъ,	
оу-мр-е).	
Мр-ѣа-хъ,	**Мр-ѣ-хъ, (у-мир-а-хъ),**
мр-ѣа-ше,	**мр-ѣ-ше,**

и проч.

Мр-и,	**Мр-и,**
мр-ѣ-те.	**мр-ѣ-те.**
Мр-ь-лъ,	**Мр-ѣ-лъ.**
мр-ъ-лъ.	

*

4. Повсюду связка *ѣ* посредствуетъ между корнемъ и флексіями; только въ настоящемъ времени уступаетъ мѣсто *и*, да въ повелительномъ сливается съ гласною наклоненія.

Гор-ѭ,	**Гор-ѭ,**
гор-иши,	**гор-ишь,**
гор-ить;	**гор-и;**
гор-имъ,	**гор-име (мъ),**
гор-ите,	**гор-ите,**
гор-ѧть.	**гор-ѧтъ (близко къ *ять*).**
Гор-ѣ-хъ,	**Гор-ѣ-хъ,**
гор-ѣ;	**гор-ѣ;**
гор-ѣ-хомъ,	**гор-ѣ-хме,**
гор-ѣ-сте,	**гор-ѣ-хте,**
гор-ѣ-шѧ.	**гор-ѣ-хѫ.**

Гор-ѣа-хъ,	Гор-ѣ-хъ,
гор-ѣа-ше,	гóр-ѣ-ше,

и проч.

Гор-и,	Гор-и,
гор-ите.	гор-ѣ-те.
Гор-ѣ-лъ.	Гор-ѣ-лъ.

—

Вижд-ѫ,	Вид-ѫ,
вид-иши,	вид-ишь,
вид-итъ;	вид-и;
вид-имъ,	вид-име (мъ),
вид-ите,	вид-ите,
вид-ѧтъ.	вид-ѧтъ.
Вид-ѣ-хъ,	Вид-ѣ-хъ,
вид-ѣ,	вид-ѣ,

и проч.

Вижд-аа-хъ,	Вид-ѣ-хъ,
вижд-аа-ше,	вид-ѣ-ше,

и проч.

Вижд-ь,	Виж-ь,
вижд-ьте.	виж-те.
Вид-ѣ-лъ,	Вид-ѣ-лъ,
вид-ѣ-нъ.	вид-ѣ-нъ.

—

Дръж-ѫ,	Дръж-ѫ,
дръж-иши,	дръж-ишь,
дръж-итъ;	дръж-и;
дръж-имъ,	дръж-имъ (ме),
дръж-ите,	дръж-ите,
дръж-ѧтъ.	дръж-ѧтъ.
Дръж-а-хъ,	Дръж-ѣ-хъ (=я),
дръж-а,	дръж-ѣ (=я),

и проч.

Дръж-аа-хъ, дръж-аа-ше, Дръж-ѣ-хъ (я), дръж-ѣ-ше (я, е),

и проч.

Дръж-и, дръж-ите. (у)Дръж-и, дръж-ѣ-те; } рѣдко. дръж-ь, дръж'-те.

Дръж-а-лъ, дръж-а-нъ. Дръж-ѣ-лъ, дръж-ѣ-нъ (=я).

—

Сто-ѭ, сто-иши, Сто-ю, сто-ишь,

и проч.

Сто-ѧ-хъ, сто-ѧ, Сто-я-хъ (=ѣ), сто-я,

и проч.

Сто-ѧа-хъ, сто-ѧа-ше, Сто-я-хъ (=ѣ), сто-я-ше (е),

и проч.

Сто-й, сто-йте. Сто-й, сто-йте (кро-и, кро-ѣ-те).

Сто-ѧ-лъ, сто-ѧ-нъ (?). Сто-я-лъ (=ѣ), сто-я-нъ (=ѣ). Въ им. сущ.

*

5. Повсюду, даже въ спряженіи настоящаго времени, остается связка *ѣ*, не исключая собою *е*; повелительное *й* (послѣ *ѣ*) и *йте*. Отдѣлъ скудный и нелюбимый.

Гр-ѣ-ѭ, гр-ѣ-ѥши, гр-ѣ-ѥть; гр-ѣ-ѥмъ, гр-ѣ-ѥте, гр-ѣ-ѭть. Гр-ѣ-ю, гр-ѣ-ешь, гр-ѣ-е; гр-ѣ-еме (мъ), гр-ѣ-ете, гр-ѣ-ютъ.

Гр-ѣ-хъ,	(о) гр-ѣ-хъ,
гр-ѣ,	гр-ѣ,

и проч.

Гр-ѣа-хъ,	Гр-ѣ-ѣ-хъ (гр-ѣ-я-хъ),
гр-ѣа-ше,	Гр-ѣ-ѣ-ше (гр-ѣ-я-ше, гр-ѣ-е-ше),

и проч.

Гр-ѣ-и,	Гр-ѣ-й,
гр-ѣ-ите.	гр-ѣ-йте.
Гр-ѣ-лъ;	Гр-ѣ-лъ,
	(гр-ѣ-ѣ-лъ или гр-ѣ-я-лъ);
Гр-ѣ-нъ (?),	гр-ѣ-ѣ-нъ (=гр-ѣ-я-нъ, гр-ѣ-е-нъ),
гр-ѣ-тъ (?).	гр-ѣ-тъ.

*

6. Связка *нѫ*, въ настоящемъ оставляющая одно *н*, равно какъ въ повелительномъ, принимающемъ *и* и *ѣте*.

Двиг-нѫ,	Диг-нѫ,
двиг-н-еши,	диг-н-ешь,
двиг-н-еть;	диг-н-е;
двиг-н-емъ,	диг-н-еме (мъ),
двиг-н-ете,	диг-н-ете,
двиг-нѫ-ть.	диг-нѫ-тъ.
Двиг-нѫ-хъ,	Диг-нѫ-хъ,
двиг-нѫ;	диг-нѫ;
двиг-нѫ-хомъ,	диг-нѫ-хме,
двиг-нѫ-сте,	диг-нѫ-хте,
двиг-нѫ-ша.	диг-нѫ-хѫ.
Двиг-н-ѣа-хъ,	Диг-н-ѣ-хъ,
двиг-н-ѣа-ше,	диг-н-ѣ-ше,

и проч.

Двиг-н-и,	Диг-н-и,
двиг-н-ѣте.	диг-н-ѣте.

Двиг-нѫ-лъ;	диг-нѫ-лъ,
двиг-нов-енъ,	(диг-н-ѣ-лъ);
движ-енъ (?),	диг-нѫ-тъ.
двиг-нѫ-тъ (?).	

*

7. Повсюду участіе связки *и*, вслѣдствіе чего особенная мягкость гласной, зачинающей собою флексію; повелит. *и*, *ѣте*.

Хран-ѭ,	Хран-ѭ,
хран-иши,	хран-ишь,
хран-ить;	хран-и;
хран-имъ,	хран-име(имъ),
хран-ите,	хран-ите,
хран-ѧть.	хран-ѭтъ (почти =ятъ).
Хран-и-хъ,	Хран-и-хъ,
хран-и,	хран-и,

и проч.

Хран-ıа-хъ,	Хран-ѣ-хъ (=хран-я-хъ),
хран-ıа-ше,	хран-ѣ-ше (= хран-я-ше, хран-е-ше),

и проч.

Хран-и,	Хран-и,
хран-ите.	хран-ѣте.
Хран-и-лъ;	Хран-и-лъ, (хран-ѣ-лъ);
хран-ıенъ.	хран-енъ.

—

Поушт-ѫ,	Пуст-ѭ,
поуст-иши,	пуст-ишь,
поуст-ить;	пуст-и;
поуст-имъ,	пуст-име(имъ),
поуст-ите,	пуст-ите,
поуст-ѧть.	пуст-ѭтъ.
Поуст-и-хъ,	Пуст-и-хъ,
поуст-и,	пуст-и,

и проч.

Поущт-аа-хъ, поущт-аа-ше,		Пуст-ѣ-хъ (=пуст-я-хъ), пуст-ѣ-ше (=пуст-я-ше, пуст-е-ше).
	и проч.	
Поуст-и, поуст-ите.		Пуст-и, пуст-ѣте.
Поуст-и-лъ;		Пуст-и-лъ, (пуст-ѣ-лъ);
поущт-енъ.		пуст-енъ.
	—	
Нош-ѫ, нос-иши,		Нос-ѫ, нос-ишь,
	и проч.	
Нос-и-хъ,		Нос-ихъ,
	и проч.	
Нош-аа-хъ,		Нос-ѣ-хъ (=яхъ),
	и проч.	
Нос-и-лъ;		Нос-и-лъ, (нос-ѣ-лъ);
нош-енъ.		нос-енъ.
	—	
Гоуб-л-ѭ, гоуб-иши,		Губ-ѭ, губ-ишь,
	и проч.	
Гоуб-и-хъ,		Губ-и-хъ,
	и проч.	
Гоуб-л-аа-хъ, гоуб-л-аа-ше,		Губ-ѣ-хъ (=губ-я-хъ), губ-ѣ-ше (= губ-я-ше, губ-е-ше),
	и проч.	
Гоуб-и-лъ;		Губ-и-лъ, (губ-ѣ-лъ);
гоуб-л-енъ.		губ-енъ.
	—	

Кро-ѭ,	Кро-ѭ,
кро-и-ши,	кро-и-шь,
кро-и-ть;	кро-и;
кро-и-мъ,	кро-и-ме (мъ),
кро-и-те,	кро-и-те,
кро́-ꙗть.	кро-ѭтъ.
Кро-и-хъ,	Кро-и-хъ,
кро-и,	кро-и,

и проч.

Кро-ꙗа-хъ.	Кро-ѣ-хъ (=кро-я-хъ),
кро-ꙗа-ше,	кро-ѣ-ше (= кро-я-ше, кро-е-ше),

и проч.

Кро-и,	Кро-и,
кро-ите.	кро-ѣте,
	и
	кро-й, } рѣже.
	кро-йте } рѣже.
Кро-и-лъ;	Кро-и-лъ,
	кро-ѣ-лъ (=кро-я-лъ);
кро-ѥнъ.	кро-енъ.

*

8. Связка *а*, удерживаемая только въ аористѣ и причастіи, подобно какъ *ѣ* въ спряженіи 3-мъ; измѣненіе гласной или претвореніе согласной корня.

Бер-ѫ,	Бер-ѫ,
бер-еши,	бер-ешь,
бер еть;	бер-е;
бер-емъ,	бер-еме (мъ),
бер-ете,	бер-ете,
бер-ѫть.	бер-ѫтъ.
Бр-а-хъ.	(за)Бр-а-хъ,
бр-а,	бр-а,

и проч.

Бер-ѣа-хъ (?),	Бер-ѣ-хъ,
бер-ѣа-ше,	бер-ѣ-ше,
и проч.	
Бер-и	Бер-и,
бер-ѣте.	бер-ѣте.
Бр-а-лъ:	Бр-а-лъ,
бр-а-нъ.	бер-ѣ-лъ;
бр-а-тъ (?).	бр-а-нъ.

—

Тък-ѫ,	Тък-ѫ (тъч-ѫ),
тъч-еши,	тъч-ешь,
тъч-етъ,	тъч-е;
тъч-емъ,	тъч-еме (мъ),
тъч-ете,	тъч-ете,
тък-ѫтъ	тък-ѫтъ (тъч-ѫтъ).
Тък-а-хъ.	(из)Тък-а-хъ,
тък-а,	тък-а.
и проч.	
Тъч-ѣа-хъ (?),	Тъч-ѣ-хъ,
тъч-ѣа-ше,	тъч-ѣ-ше,
и проч.	
Тъч-и,	Тъч-и,
тъч-ѣте.	тъч-ѣте.
Тък-а-лъ;	Тък-а-лъ,
тък-а-нъ.	тъч-ѣ-лъ;
	тък-а-нъ.

—

Жен-ѫ,	Гон-ѫ, гон-и-шь, — отходить къ другому образцу, отъ предполагаемаго *гон-и-ти.*
жен-еши,	
и проч.	
Гн-а-хъ,	(за)Гн-а-хъ,
гн-а,	гн-а,
и проч.	

Гон-ѣа-хъ,	Гон-ѣ-хъ (=яхъ),
гон-ѣа-ше,	гон-ѣ-ше,

и проч.

Гон-и,	Гон-и,
гон-ѣте.	гон-ѣте.
Гн-а-лъ;	Гн-а-лъ,
	гон-ѣ-лъ;
гн-а-нъ,	гн-а-нъ,
гн-а-тъ (?).	гон-ѣ-нъ.

Мягкость звуковъ этого отдѣла доходитъ иногда до того, что онъ вмѣсто *е* принимаетъ въ настоящемъ *и*:

Съп-ѭ	Сп-ѭ,
съп-иши,	сп-ишь,

и проч.

Каж-ѫ,	Каж-ѫ,
каж-еши,	каж-ешь,

и проч.

Каз-а-хъ,	Каз-а-хъ,
каз-а,	каз-а,

и проч.

Каз ѣа-хъ,	Каж-ѣ-хъ (=каж-я-хъ),
каз-ѣа-ше,	каж-ѣ-ше.

и проч.

Каж-и,	Каж-и.
каж-ѣте,	каж-ѣте.
или лучше	
каж-ѣте,	
каж-ите.	

Каѕ-а-лъ; каѕ-а-нъ.	Каз-а-лъ, каж-ѣ-лъ (=ялъ); каз-а-нъ.

—

Лъж-ѫ, лъж-еши,	Лъж-ѫ, лъж-ешь,

и проч.

Лъг-а-хъ, лъг-а,	Лъг-а-хъ, лъг-а,

и проч.

Лъг-аа-хъ, лъг-аа-ше,	Лъж-ѣ-хъ (=лъж-я-хъ), лъж-ѣ-ше,

и проч.

Лъж-и, лъж-ате.	Лъж-и, лъж-ѣте.
Лъг-а-лъ; лъг-а-нъ	Лъг-а-лъ, лъж-ѣ-лъ (=ялъ); лъг-а-нъ.
Иштѫ; иск-а-хъ,	Ишт-ѫ; иск-а-хъ; ишт-ѣ-хъ; иск-а-лъ, ишт-ѣ-лъ,

и проч.

—

Ка-ѭ (сѧ), ка-ѥши, ка-ѥть; ка-ѥмъ, ка-ѥте, ка-ѭть.	Ка-ѭ (сѧ), ка-ешь, ка-е; ка-емъ (ме), ка-ете, ка-ѭтъ.

Ка-ꙗ-хъ (сѧ),	Ка-я-хъ (=ѣ-хъ),
ка-ꙗ;	ка-я (ѣ);
ка-ꙗа-хъ.	ка-я-хъ,
ка-ꙗа-ше,	ка-я-ше (=ѣ-ше),

и проч.

Ка-и (сѧ),	Ка-й (сѧ),
ка-ите (сѧ).	ка-йте (сѧ).
Ка-ꙗ-лъ (сѧ);	Ка-я-лъ (=ѣ-лъ);
ка-ꙗ-нъ.	ка-я-нъ (=ѣ-нъ).

*

9. Связка *а* удерживается повсюду, не исключая собою *е*; повелит. *й* (послѣ *а*), *йте*. Отдѣлъ самый скудный примѣрами и нелюбимый н. болгарскимъ языкомъ, подобно 5-му.

Игр-а-ѭ,	Игр-а-ѭ,	*е* переходитъ въ *й*.
игр-а-ѥши,	игр-а-ешь,	
игр-а-ѥть;	игр-а-е;	
игр-а-ѥмъ,	игр-а-еме (мъ),	
игр-а-ѥте,	игр-а-ете,	
игр-а-ѭть.	игр-а-ѭтъ.	

Игр-а-хъ,	Игр-а-хъ,
игр-а,	игр-а,

и проч.

Игр-аа-хъ,	Игр-а-ѣ-хъ (=игр-а-я-хъ),
игр-аа-ше,	игр-а-ѣ-ше (=игр-а-я-ше, игр-а-е-ше),

и проч.

Игр-а-лъ;	Игр-а-лъ,
	игр-а-ѣ-лъ (=игр-а-я-лъ);
игр-а-нъ.	игр-а-нъ.
Игр-а-й,	Игр-а-й,
игр-а-йте.	игр-а-йте.

*

10. Классъ, чрезвычайно развитый и не имѣющій полнаго соотвѣтствія себѣ въ языкѣ Ц. славянскомъ, исключая такъ-называемыхъ тамъ и немногихъ неправильныхъ глаголовъ. 1-е лице наст. времени кончится на *мъ*, послѣ связки *а* или *ѣ*, изъ которыхъ послѣдняя = *я*; послѣ тѣхъ же связокъ слѣдуютъ непосредственно окончанія — наст. времени *шь*, *ме*, *те*; повелительнаго — *й*, *йте*; причастія — *лъ*, *нъ*. Въ 3-мъ лицѣ наст. мн. числа, или, по выпаденіи связки *а*, къ корню приставляется прямо окончаніе *ѫтъ*, или, по выпаденіи связки *ѣ*, окончаніе *ѭтъ*. Аористъ не терпимъ, безъ помощи предлоговъ, измѣняющихъ виды, ибо совпадаетъ съ настоящимъ и прош. несовершеннымъ. Послѣднее вытекаетъ само собою и къ связкѣ *а* или *ѣ* присоединяетъ окончанія—*хъ*, *ше*, *хме*, *хте*, *хѫ*. Такимъ образомъ:

а)

Има-мь,
има-ши
има-тъ;
има-мъ (мы),
има-те,
им-ѫтъ.

Дум-а-мъ.
Дѣл-а-мъ (обтесываю),
дѣл-а-шь,
дѣл-а;
дѣл-а-ме,
дѣл-а-те,
дѣл-ѫтъ.

Дѣл-а-хъ,
дѣл-а-ше;
дѣл-а-хме,
дѣл-а-хте,
дѣл-а-хѫ.

(Аор. Об-дѣл-а-хъ, об-дѣл-а, и проч.).

Дѣл-а-й,
дѣл-а-йте.

Дѣл-а-лъ;
дѣл-а-нъ.

Сюда-то переходятъ многіе глаголы изъ другихъ классовъ, напр. вмѣсто Ц. слав. коуп-ов-а-ти, коуп-оу-ѭ, коуп-оу-ѥши, коуп-ов-а-хъ, и т. д., является:

Куп-ув-а-мъ.
куп-ув-а-шь,
куп-ув-а;
куп-ув-а-ме,
куп-ув-а-те,
куп-ув-ѫтъ, и пр.

б)

Тич-ѣ-мъ,	Вал-ѣ-мъ (ѣ=я),
тич-ѣ-шь,	вал-ѣ-шь,
тич-ѣ;	вал-ѣ;
тич-ѣ-ме,	вал-ѣ-ме,
тич-ѣ-те,	вал-ѣ-те,
тич-ѭтъ.	вал-ѭтъ.
Тич-ѣ-хъ,	Вал-ѣ-хъ,
тич-ѣ-ше;	вал-ѣ-ше;
тич-ѣ-хме,	вал-ѣ-хме,
тич-ѣ-хте,	вал-ѣ-хте,
тич-ѣ-хѫ.	вал-ѣ-хѫ.
Тич-ѣ-й,	Вал-ѣ-й,
тич-ѣ-йте.	вал-ѣ йте.
Тич-ѣ-лъ,	Вал-ѣ-лъ,
тич-ѣ-нъ (?)	вал-ѣ-нъ.

*

Вотъ всѣ разряды спряженія, въ главныхъ особенностяхъ обозначенные нами по чертежу, удачно намѣченному Миклошичемъ для яз. Церк. славянскаго: очевидно, оно очень просто въ своей сущности и не обильно собственнымъ этимологическимъ развитіемъ. Но, съ помощію разнообразныхъ видовъ глагола и сложныхъ временъ, изъ него развивается множество формъ, которыхъ однако нельзя называть въ собственномъ смыслѣ временами или наклоненіями. Въ этомъ-то дѣлѣ особенно погрѣшили Цанковы: они смѣшали со временами виды и изъ новоболгарскаго глагола сдѣлали спряженіе, превышающее числомъ временъ всѣ извѣстные доселѣ языки, равно какъ не уступающее и наклоненіями. Предостерегая неопытныхъ читателей отъ подобнаго заблужденія, мы все-таки приведемъ таблич-

ку Цанковыхъ, какъ для курьёзу, такъ и потому, что полезно подъ ихъ названіями и категоріями, хотя ложными, прослѣдить разнообразіе видовъ и всѣхъ тѣхъ сложныхъ формъ, къ которымъ способенъ языкъ новоболгарскій. Съ этой стороны опытъ ихъ, хотя и сбившійся въ основаніяхъ и началахъ, заслуживаетъ все-таки вниманія. Для ясности, правописаніе ихъ переведемъ на свое; названія же оставимъ нѣмецкія. И такъ:

СПРЯЖЕНІЕ, ПРИНИМАЕМОЕ ЦАНКОВЫМИ.

Глаголъ простой (Beispiel eines einfachen Zeitwortes).

Настоящее.

Wirkliches Präsens und Pr. der Erzählung u. Wiederholung des dauernden (неопредѣленнаго вида) Zeitwortes.

Бодѫ,
бодеш (т. е. бодешь),
боде,
бодемъ,
бодете,
бодѫтъ.

Präsens der Erzählung:

а) der Vollendung:

Убодѫ,
убодешь, и проч.

б) des Anfangs:

Забодѫ.

в) der Verminderung:

Пободѫ.

г) der Sättigung:

Набодѫ.

д) des einmaligen Zeitwortes:

Боднѫ,
боднешь,
бодне, и проч.

Präsens des Conditionalis (условное) des d. Z.

Бадамъ,
бадашь,
бада,
бадами (т. е. ме),
бадате,
бадатъ (т. е. бадѫтъ).

Тоже самое, по категоріямъ совершенія, начинанія, уменьшенія, насыщенія и однократности (Präs. des Condit. u. Wiederhol., der Vollendung, des Anfangs, и проч.), будетъ:

Убадамъ,
Забадамъ,
Побадамъ,
Набадамъ,
Боднувамъ.

Аористъ.

Aor. d. dauernd. Z.

Бодохъ,
боде;
бодохми (=ме),
бодохте,
бодохж.

Опять аористъ совершенія, начинанія, и проч.:

Убодохъ,
забодохъ,
побoдохъ,
набодохъ,
бодняхъ.

Aorist des Condit. des dauernd. Z.

Бадахъ,
бадаше;
бадахми (ме),
бадахте,
бадахж.

По категоріямъ:

Убадахъ,
забадахъ,
побадахъ,
набадахъ,
боднувахъ.

—

Прошедшее.

Einfaches Imperfectum.

Бодѣхъ,
бодѣше;
бодѣхми (ме),
бодѣхте,
бодѣхж.

Zusammengesetztes Imperf.

Бодѣлъ } съмъ, си, и т. д.

Einfaches Imperfectum der Erzählung (опять по категоріямъ):

Убодѣхъ,
забодѣхъ,
побoдѣхъ,
набодѣхъ,
боднѣхъ.

Zusammengesetztes Imperfectum der Erzählung (по категоріямъ):

Убодѣлъ, забодѣлъ, пободѣлъ, набодѣлъ, боднѣлъ. } съмъ, си, и т. д.

Zusammenges. Imperf. des Conditionalis: d. dauernd. Z.:

Бадалъ съмъ.

По категоріямъ:

Убадалъ, забадалъ, побадалъ, набадалъ, боднувалъ. } съмъ, си, и т. д.

Perfectum d. dauernd. Z.:

Болъ съмъ.

По категоріямъ:

Уболъ, заболъ, поболъ, наболъ, боднжлъ. } съмъ, си, и т. д.

Plusquamperfectum d. d. Z.:

Болъ бѣхъ.

По категоріямъ:

Уболъ, заболъ, поболъ, наболъ, бодналъ.	бѣхъ или бяхъ, бѣ или би, бѣхми (ме), и т. д.

—

Будущее.

Futurum d. d. Z.:

Штѫ бодѫ,
штѫ бодешь,
штѫ боде,
— бодемъ,
— бодете,
— бодѫтъ.

По категоріямъ:

Штѫ	Убодѫ, забодѫ, пободѫ, набодѫ, боднѫ.

Der Wiederholung der Vollendung: штѫ убадамъ.

Der Wiederh. des Anfangs: штѫ забадамъ.

Der Wiederh. der Verminderung: штѫ побадамъ,

и проч.

Unbestimmtes Futurum.

Бо штѫ,
бо штешь,
бо ште;
бо штемъ,
бо штете,
бо штѫтъ.

По категоріямъ:

Убо- забо- побо- набо- боднѫ-	штѫ, штешь, ште, и т. д.

Der Wiederholung (опять по категоріямъ):

Убада- забада- побада- набада- боднува-	штѫ, штешь, ште, и т. д.

Futurum exactum d. d. Z.

Штѫ бѫдѫ или штѫ съмъ болъ;

штѫ бѫдешь или штѫ си болъ, и т. д.

По категоріямъ:

Штѫ бѫдѫ, Штѫ съмъ, и т. д.	Уболъ, заболъ, поболъ, наболъ, бодналъ.

Der Wiederholung (по категоріямъ):

Штѫ бѫдѫ или Штѫ съмъ, и пр.	Убадалъ, забадалъ, побадалъ, набадалъ, боднувалъ.

—

Повелительное.

Imperativ d. d. Z.

Да или нека,
нека да бодѫ,
боди,
да—боде.

По категоріямъ:

Убоди,
забоди,
и т. д.

Der Wiederholung (по категоріямъ):

Да, нека—убадамъ;
убадай,
забадай,
побадай,
и т. д.

—

Но это еще простой глаголъ; слѣдуетъ спряженіе сложнаго: *подбадамъ*, *подбодѫ* и т. д. Не рѣшаемся выписывать, а приведемъ только названія:

Präsens.

Pr. der Erz. des endigenden Zeitwortes.

Aorist des dauernd. Zeitw.

Aor. des endigend. Z.

Imperfectum.

Imperf. der Erz.

Perfectum und Zusammengesetztes Imperfectum: des dauernd. Z.

Perfectum des endig. Zeitw.

Zusammenges. Imperf. der Erzählung.

Plusquamperfectum; des dauernd. Z.; des endig. Z.

Futurum: d. dauernd. Z.; d. end. Z.

Unbestimmte Futurum: d. d. Z.; d. end. Z.

Futurum exactum: d. d. Z.; d. end. Z.

Imperativ: d. d. Z.; d. e. Z.

*

ОБРАЗОВАНІЕ ВРЕМЕНЪ СЛОЖНЫХЪ; БУДУЩЕЕ, ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ.

Изъ всей этой смѣси, которую мы еще нѣсколько сократили, остается замѣтить только, что для выраженія прошедшаго совершеннаго, какъ и въ яз. Ц. слав., употребляется причастіе съ *сьмь*, а для давно-прошедшаго съ *бѣхъ*, при чемъ, хотя гораздо рѣже, сбиваются на *бихъ*, *би*. Тонкости, въ которыхъ запутались Цанковы, ведутъ только къ изслѣдованію видовъ и синтаксису. Не пускаясь туда, замѣтимъ, что самое любопытное здѣсь—а оно-то имен-

но и опущено, — есть образованіе формъ для выраженія будущаго времени и отчасти повелительнаго наклоненія; скажемъ нѣсколько словъ, чтó только идетъ сюда, чтó знаемъ сами и сами успѣли замѣтить. Извѣстно, что многія славянскія нарѣчія, начиная отъ яз. Ц. слав. и въ особенности до русскаго, довольствуются иногда, для выраженія будущаго, однимъ опредѣленнымъ видомъ, ставя его въ противуположность съ видомъ неопредѣленнымъ и длительнымъ, какъ настоящимъ. Сербскій языкъ, сохраняя порою эту привычку, гораздо однако умѣреннѣе языка русскаго. Новоболгарскій языкъ совершенно чуждается такого употребленія, допуская его только какъ крайнее исключеніе: смыслъ нашего глагола *запишу* нельзя выразить новоболгарскимъ *запишѫ*, но непремѣнно *штѫ запишѫ*, то есть необходимо участіе глагола вспомагательнаго. Извѣстно также, что вспомагательныхъ глаголовъ въ языкѣ Славянскомъ, по его нарѣчіямъ, можно насчитать до полсотни; глаголы эти по корню, а особенно по смыслу, сближаются нерѣдко съ частицами, и до такой степени, что ихъ иногда трудно различить.

ГЛАГОЛЫ ВСПОМАГАТЕЛЬНЫЕ И ЧАСТИЦЫ ВЪ ЯЗ. СЕРБСКОМЪ.

Обратимся къ языку сербскому, какъ ближайшему въ этомъ случаѣ съ новоболгарскимъ. Глаголъ *дѣти* едва ли входитъ здѣсь въ спряженіе глаголовъ, ибо формы: *теде, ктеде, тядияху, ктедосмо, тедоше, дадия, знадия, имадия, стаде, познаде, имаде, имедох, не маде се, с' имаде. задеде се, заподеде се*, и проч., объясняются скорѣе вставкой благозвучнаго *д*; за то частица *де*: «одседни *де* од коня витеза»=слѣзь-ка! — Ближайшій по коренной связи къ *дѣти* есть глаголъ *дати*: «*не дай* майку»=не дѣй, не трогай, пусти, не мучь; «*не дам* тебя лица облюбити», не дамъ, не допущу тебя поцаловать; «слугам *подай* нека вино служе», пусти слугъ, lass, пусть они подаютъ вино; «слугам *даде* да му вино служе;» «*не дайте* ме, ако Бога знате, узидати младу и зелену» = не дѣйте, не допускайте, не дозволяйте; или: «*не дай* мене, да ме младу у град узидаю.» Совершенно равнозначуща съ этимъ глаголомъ частица *да*, подобно какъ частица *де* съ *дѣти*: «кад питате, *да* вам право *кажем*,» чистое будущее; «*да бежимо* у лов у планину,»= пойдемъ; «а мой бабо! *Да* ти *кажем* до две, до три речи»=дай-ка, позволь мнѣ сказать тебѣ, я имѣю сказать тебѣ; «пошто су се напоили вина, но *да рече* Іоване»=какъ напились вина, и скажетъ Иванъ, какъ начнетъ говорить; еще чаще эта частица имѣетъ

значеніе будущаго или повелительнаго съ другими вспомагательными глаголами.—По порядку слѣдуетъ глаголъ *имамъ*: *има*, съ родит. и именит.,=есть, *нема* = нѣтъ; *немаде се*, не имѣется, нѣтъ на лицо; *с'имаде*=есть; «овде *има* (есть на лицо) едан Балачко войвода;» «я *немам* што до камена казат';» «кралица те зове, нешто тебе *има* говорити»=имѣетъ нѣчто сказать тебѣ; «ништа *не маш* лиепо видети» = не на что посмотрѣть, ср. польск.; и т. д.—За тѣмъ глаголъ *стану*: *стаде*=есть, произошло, сдѣлалось; «*стаде* звека»=послышался звукъ, шумъ; «*стан' да видиш*» = нука посмотри, погляди-ка; *стаде* = началъ, и т. д. — Глаголъ *итти* и *ходить*; съ послѣднимъ связались формы *хай-де* и *ай-де*, т. е. *хай* (отъ хаяти?) и *де*, а форма *хай* (*х* не произносится или переходитъ въ *к*) съ отрицательной частицей является въ видѣ *не-ка*; *оде* съ неокончательнымъ значитъ обыкновенно = началъ, пошелъ, пустился: «*оде* му право беседити;» «*хо'те* Богу *да се обрнемо*» = обратимся къ Богу!; «*ход'да* малу игру заметнемо» = нука давай, поиграемъ; «ну *ход'*, диве, *да* ми *промислимо*;» «*ходи*, брате, *да* се иженимо» = давай-ка, женимся; «*хайд'* улѣзи цару у сарае»=нука влѣзь, ступай влѣзь; «*айте*, братё, *да* делимо благо»=давайте дѣлить; «*хайде* у лов у планину»=ступай; «*ха* (=хай) ну *ходи, да* ти видиш»=ступай-ка посмотри; «*хайт'* отоле»= ступайте прочь; «*айд'те* га обесите» = повѣсьте его! *Нека* можно встрѣтить на каждомъ шагу; любопытны слѣдующіе примѣры: «*нека* Богъ зна!» = Божья воля! «*А нека* те!» = а ну тебя, пропадай ты!— Глаголъ *могу* имѣетъ также довольно разнообразное вспомагательное употребленіе: иногда сохраняетъ онъ коренное значеніе, — «он *могаше*, него не хотяше»; но чаще дѣлается вспомагательнымъ; въ формѣ *море, моремо, морете*, онъ=müssen, oportet; *мора*=валя, треба, должно; особенно часто *не мой, не мойте*, съ неокончат., въ смыслѣ простаго повелит. съ отрицаніемъ: «*не мойте* ме у яму бачиват', но ме *бач'те* на друм»; «*не мой* мене уграбит' коруну, я тю тебе извадит' ябуку»=не бери только моей короны, а я тебѣ ужь достану яблоко; на вопросъ: *могу ли* поклясться? отвѣтъ: «закуни се, теке *не мой* моием именом»=клянись, нужды нѣтъ, не моги только клясться моимъ именемъ; «*не мойте* ме одма обесити»=не вѣшайте меня тотчасъ. Изъ этого всего видно, что въ большей части случаевъ, приведенныхъ нами на удачу, глаголы употребляются какъ вспомагательные, преимущественно для будущаго времени и повелительнаго наклоненія.—За разнообразіемъ ихъ, теряется то широкое употребленіе глагола *быть*, какое встрѣчаемъ въ другихъ слав. нарѣчіяхъ; глаголъ этотъ играетъ

значительную роль только въ нѣкоторыхъ округахъ Сербіи, да въ Герцеговинѣ, при томъ съ немногими глаголами: *дадбудем, знадбудем, имадбудем, смедбудем, тедбудем, могбудем*, т. е. съ глаголами, которые сами являются вспомагательными; въ этомъ случаѣ корень *бу* употребляется въ связи съ *дѣти: будем, буде;* напротивъ съ значеніемъ самостоятельнымъ корень этотъ нуждается въ глаголѣ *тети*: «*бити* тебе вина изобила»—довольно будетъ съ тебя, достанетъ. Впрочемъ все-таки довольно случаевъ, когда глаголъ этотъ употребляется *и* для образованія будущаго, условнаго, и т. д.: «ако *буде* мрияти»=если придется умирать, и т. п.—Но, если какой глаголъ употребляется чаще всего для вспомагательнаго, и именно для образованія будущаго, то это глаголъ *хотѣть*; отъ того-то въ языкѣ сербскомъ развилась для него десятки формъ: *отю, тю, тядиясмо, тясмо, ктиясмо, шиясмо, отиясмо*, и т. д. По временамъ, мы встрѣчаемъ его и въ собственномъ значеніи: «цар *хотяше* и неволя му е»; «он могаше, него не *хотяше*»; «куддь *оте*, прелетети *може.*» Преимущественно память о такомъ значеніи сохранилась въ употребленіи, переходящемъ уже къ смыслу глагола вспомагательнаго, съ частицей *да*: «*хотияше да* е и полюби.» Внѣ этой частицы, глаголъ, для образованія будущаго времени, употребляется въ двухъ слѣдующихъ формахъ:

ОБРАЗОВАНІЕ БУДУЩАГО ВЪ ЯЗ. СЕРБСКОМЪ ПОМОЩІЮ ГЛАГОЛА—ХОТѢТЬ; ПРИМѢНЕНІЕ ЭТОГО ГЛАГОЛА ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ.

1) Съ неокончательнымъ наклоненіемъ или супиномъ (?) главнаго глагола, ставясь или прежде, или послѣ, и въ обоихъ случаяхъ одинаково спрягаясь: «*отю полагити* или *полагит'*», и «*полагит' отю*».

2) Присоединяясь къ темѣ спряженія главнаго, такъ, что тема остается неизмѣненной, а примкнутый и слитый съ ней глаголъ *тю* спрягается на концѣ: *погубитю*. Какъ объяснить отличіе этой формы отъ первой? Караджичъ увѣряетъ, что она возникаетъ тогда, «когда удареніе рѣчи падаетъ на глаголъ». Примѣры, приведенные нами ниже, докажутъ шаткость такого воззрѣнія. Однако и мы не беремся вполнѣ рѣшить различія, ибо та и другая форма встрѣчается часто совершенно въ одинаковыхъ случаяхъ.

Въ этихъ двухъ внѣшнихъ формахъ употребленія глаголъ *хотѣть* выражаетъ множество разнообразныхъ оттѣнковъ внутренняго смысла; предоставляемъ уловить его въ слѣдующихъ, набранныхъ нами, примѣрахъ.

1) Помимо нѣкоторыхъ исключенiй (вмѣсто *да* встрѣчается, на примѣръ, *Богме*), Сербъ отвѣчаетъ обыкновенно повторенiемъ глагола, и какъ глаголъ въ вопросѣ обыкновенно стоитъ со вспомагательнымъ, то и въ отвѣтѣ слышно *есам, ниесам, ние*, и т. д. Такимъ образомъ: «*хотеш*, брате, незван за уяком *поти? Хотю*, Богме... кад уяку *нетю*, да коме *тю?*» И не только послѣ вопроса, это же встрѣчается и послѣ повелѣнiя, просьбы, равняясь смыслу будущаго или нашему—исполню, слушаю, хорошо: «да ми идеш, говоритъ Душанъ, да ми с ниме свадбу уговориш», и пр.; везиръ отвѣчаетъ: «*хотю*, царе, драги господине». Подобнымъ образомъ встрѣчается этотъ глаголъ иногда одинъ, напр.: «люба му доде, али *нете* у меке душеке, веть му рони сузе (не идетъ на постелъ, а плачетъ)». «Шта *теш* у том леду и снегу?»=что тебѣ тамъ дѣлать, чего хорошаго? «Што *те* мене рало и волове?»=на кой мнѣ? «девет си ми сина уморила и мен' *отеш* остарилу майку?»

2) Съ частицею *да*: «танану кошулю майка *оте да* остави сину.» «Да я питам родителя мога, зашто мене *оте да* обѣси?» «Обуче е, штогод лепше може, баш кан' да е *оте да удае*» = какъ будто хочетъ ее, имѣетъ въ виду, выдать за мужъ. Въ этомъ случаѣ, сказали мы, болѣе всего замѣтно собственное значенiе глагола—хотѣнiе.

3) Отдѣльно, прежде и послѣ глагола, стоящаго въ неокончательномъ: «слуша млада у душеку, кад *те* први певци' *запевати*»=когда запоютъ; «чуете ли, што *я хотю риеч беседити*»=слушайте-ка, что я скажу, хочу сказать вамъ; уговорись съ нимъ—«када *темо поти* по девойку,» когда намъ итти будетъ, итти нужно будетъ; «да с тобом уговорим, кад *те* царе *доти* по девойку, колико ли *те повести* сватова»; «што л' се уяк на нас разсрдио, те нас не *ште звати* у сватове?»—ужъ не разсердился ли на насъ дядя, что не позвалъ насъ въ сваты? «бите тебе вина изобила, ако цару *нете ни достати*» = хотя бы самому царю недостало; «он ѣй рече, да *те учинити*» = что исполнитъ; «Драгутина метну на бусию, откуда *те* арслан *ударити*» = откуда предстояло нападенiе льва, откуда нападетъ левъ; «моле свеца, куд *те* светац *поти*»=куда хочетъ, имѣетъ пойти? Въ приведенныхъ примѣрахъ замѣтенъ нѣсколько характеръ сослагательнаго, вообще замѣтно колебанiе, не положительность, а возможность; вотъ почему въ этомъ случаѣ глаголъ *хотѣть* часто по значенiю = *могу*: «што ме, море, ти за рода питаш? од мене се *оженити не теш*» = тебѣ не жениться на мнѣ, не можешь, нельзя; «*хотю* ли се тобом *заклет'* криво, *хотю* л' цару *уграбит'* коруну?» = *могу ли?* ибо въ отвѣтъ встрѣчаемъ: *не мой*. «Не бисте л' ми *могли*

дуровати?» отвѣчаютъ: «*лако темо* теби дуровати», легко можемъ; «за то *тю* те *ласно утешити*, ти *теш ласно видет'*», я легко могу тебя утѣшить, ты легко можешь увидѣть, а ниже—«тад му *можеш* крила сагледати»; «ако мене до неволе буде, *я тю ласно* (=могу) копле окренути, ако ли ми не буде неволе, донети го *могу* и овако.» «Ако буде срце у юнаку, кабаница *нете* ништа *смести*» = нисколько не можетъ помѣшать, не помѣшаетъ; «како *теш* ти *познати* девойку, кад е нигда ни видео ниси?» какъ тебѣ будетъ узнать дѣвушку, какъ сможешь это сдѣлать, когда ты никогда ея не видалъ? Предположеніе выражается тѣмъ же оборотомъ: «ми *темо* почесто *походити*»=мы частенько будемъ ходить къ тебѣ, будемъ похаживать; «веть се боим, *хотеш погинути*», — боюсь, пожалуй ты погибнешь, какъ бы не погибнуть тебѣ; «Латини су старе варалице, уяка *те* нашег' *погубити*», — старые мошенники, того и гляди, пожалуй, сгубятъ нашего дядю; «не нос', синко, копле на опако, ер *те* ти *се смияти* Латини», а то Латинцы будутъ, пожалуй, смѣяться. Вопросы, особенно при затруднительномъ положеніи, выражаются тѣмъ же родомъ будущаго: «како *не тю* сузе *пролевати*?» какъ не проливать слезъ мнѣ? «У чие *те* дворе *улазити*, чия *те* и майка *дочекати*?» въ чьи-то дворы войдутъ они, чья-то мать приметъ ихъ? «Куд *темо* се, майко, *диевати*?» куда-то мы, матушка, дѣнемся? «Ко *те дати* за змию девойку?» «Где *тю нати* змию?» «Нека Бог зна, добра *бити нете*» — воля Божья, а не быть добру! Въ томъ же смыслѣ предположенія является разбираемое нами будущее послѣ условія, какого либо предшествующаго обстоятельства или при раздѣленіи и выборѣ: пусть ихъ поссорятъ — «*дати тю* стотину»; пусть исполнитъ то-то, и жена сдѣлается беременна—«еднак *те* му трудна *заходити*»; «ал' како *те* нега *находити*, кад...?» «Када ключи из мора изадю, онда *теш се* грека *опростити*»; «докле (какъ только) мене то веселе проде, обоицу *отю обесити*»; «ако згубиш млада заточника, честита *тю* тебе *учинити*»; «ако ли их *прескочити не теш, не теш изить* ни *извест'* девойке»; «ако ли се коя друга маши, *осеть тю* ей руке до лаката»; «ако *темо изгубити* (если только захотимъ загубить) душу, *ласно темо* (легко можемъ) омразит' Момира»; «ял' извешай девет везирова, *али тю се* и *я обесити*»; «ако не даш коня на размену, ми *темо* га на силу *отети*»; «валя ити мейдан диелити, или *нетеш* одавде *изити*»; «ял' *тю скочит'* у тихо Дунаво,» или иначе я брошусь въ Дунай. Въ большей части приведенныхъ случаевъ мы видимъ значеніе неопре-

дѣленности и возможности; постановка глагола вспом. спереди или сзади не имѣетъ на то вліянія. Потому глаголъ *нете*, съ неокончат. возвратнаго или страдательнаго залога, значитъ то же, что — нельзя, невозможно: Призренъ такъ испорченъ, что «баш *се* курвить *поградити нете* за пуниех дванаест година,» нельзя поправить, отстроить въ цѣлыя 12 лѣтъ; «уставля го господя, Симеун *се не те уставити*», не позволяетъ удержать себя, не удержишь, не оставишь его. Такимъ образомъ выходитъ, кажется, что разбираемое нами будущее есть неопредѣленное, длительное, возможное, условное, и т. д.

4) Если же это правда, то другой видъ будущаго означитъ бо̀льшую опредѣленность; и дѣйствительно, въ большей части приведенныхъ случаевъ его нельзя употребить: только въ отвѣтѣ на вопросъ и условіи оба они сталкиваются вмѣстѣ: гдѣ ты былъ, что̀ это значитъ? «*Казатю* ти»; «кад ме питаш, право *да* ти *кажем*», или «право *тю* ти *казат'*»; «хотеш ли се одрицат' од майке? я *тю* с тобом по свиету *бежати*»; если пойдете туда-то, *нати тете* камен;» «кад у ютру биел дан осване, *погубитю* провизур Мияйла, а *узетю* сестру;» «кад достигнеш сватове, *питате* те, тко си и откуд си?» «*хотеш дати* коня на размену? *датемо* ти коня ёш болега;» «ако Бог да те познаш Роксанду, *датю* тебе землю Скендерию.» Впрочемъ и здѣсь, кажется, есть различіе въ большей или меньшей рѣшительности, съ которою высказывается отвѣтъ на вопросъ или условіе. Особенно это различіе замѣтно въ означеніи какихъ либо плановъ на будущее: какъ скоро оно менѣе опредѣленно и болѣе отдаленно, тогда является будущее 1-е, иначе 2-е; съ этимъ соединяется также понятіе меньшей или большей скорости и краткости дѣйствія: «я *тю стати* (намѣрена, имѣю въ виду) на бела бедема, *бацитю се* (швырну) златеном ябуком, ко ут̀раби златену ябуку, онога *тю* верна люба *бити*;» «а кад доде (когда придетъ) диете Іоване, он се *хоте* майци *препанути*, па *те* майку за понуде *питат'*; ти *теш* нему овако *казати*»; «*узетю* те (дѣйствіе опредѣленное и однократное) за верну любовку, па *теш бити* (въ своей жизни) господя кралица;» «она *те* ти свагда (замѣтьте) верна *бити*, *родите* (дѣйствіе однократное) ти, к'о и я юнака;» «каде буде у очи васкрса, остоимо (отстоимъ) то свето вечерне, изидемо из биеле цркве, ви узмите сваки по чаша, те водите двору на вечеру, я *тю* (т. е. *водит'*, буду вести) Наода Момира, *одвеситю* (дѣйствіе весьма опредѣленное и рѣшительное) га двору на вечеру, *износитю* трегодишне вино, *опоитю* Наода Момира, *однетю* га у ца-

реве дворе, *метнутю* га сестрици на руке, она *те* га лепше *пригрлити* (будетъ обнимать его, удерживать долго въ объятіяхъ)... а кад буде на васкрсение (дѣйствіе болѣе отдаленное, предполагаемое), и будемо на ютрени светой, цар *те гледат'* и десно, и лево, я *тю* с царем *целиват'* 'ванделе... тако *темо омразит'* Момира.» Наконецъ будущее 1-е употребляется нерѣдко и вмѣсто повелительнаго, подобно сослагательному древнихъ языковъ: «ти *теш* сютра рано *уранити*, па ти *хайде* у лов у планину и *поведи* брата Драгутина;» «време доде, *полазит' хотемо!*» = пора, пойдемте! «него *теш* ми цара *поздравити*» = передай царю отъ меня! Разумѣется, есть довольно случаевъ, гдѣ мы не въ состояніи различить основанія въ употребленіи того или другаго будущаго; но, повторяемъ, въ *бо́льшей части* случаевъ, *кажется,* различіе лежитъ въ степени опредѣленности, длительности, достовѣрности, положительности, и потому будущее первое должно назвать *неопредѣленнымъ*, второе *опредѣленнымъ*, разумѣя здѣсь только степени и не разъ высчитанныя категоріи, помня при томъ, что различіе видовъ глагола имѣетъ и на эти формы неоспоримое вліяніе. По крайней мѣрѣ, нельзя согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ Караджича, будто второе будущее является тогда, когда удареніе рѣчи падаетъ на глаголъ; первый попавшійся примѣръ пѣсенъ противорѣчитъ этому: «моли Бога ти за твое здравле, а салитеш и *болю* ябуку,» — очевидно, здѣсь удареніе на словѣ *болю* (Т. II, № 26, ст. 170, 171).

Предыдущія замѣчанія объ языкѣ сербскомъ необходимы были, чтобы отмѣтить хорошенько и понять особенности языка новоболгарскаго. Особенности слѣдующія.

ГЛАГОЛЫ ВСПОМАГАТЕЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАНІЕ БУДУЩАГО (ОТЧАСТИ ПОВЕЛИТЕЛЬНАГО НАКЛОНЕНІЯ) ВЪ ЯЗ. НОВОБОЛГАРСКОМЪ.

Изъ вспомагательныхъ глаголовъ языка Ц. славянскаго, какъ на примѣръ, кромѣ бѫдѫ, — имамь, начати, хотѣти, и употребительныхъ въ другихъ нарр. славянскихъ, языкъ н. болг. удержалъ весьма немногіе, и то не для будущаго: таковы *съмъ*, *бѣхъ*, *бѣ*, *би*, *билъ*, и т. п., при чемъ нужно замѣтить, что вспомагательный глаголъ, подобно языку русскому, весьма часто выпускается при причастіи главнаго глагола; *има*, *нѣма*, употребляются больше какъ безличные, изрѣдка *има да* для образованія будущаго; *не мой, не мойте*, при повелительномъ, принадлежитъ, кажется, только нѣкоторымъ мѣст-

ностямъ, особенно въ Македоніи; *може, не може*, какъ вспомагательное, встрѣчается иногда съ темой глагола: «тебе *не може прѣжили*;» *нека* и иностранное *ела, елате*, равно какъ *хайде, хайдете, хайдѣте*, только при повелительномъ; *не дѣй, не дѣйте*, также, съ темой глагола, не рѣдко сокращенной; *бѫдѫ* для одного только, и то рѣдкаго, будущаго; все это замѣняется разнообразіемъ видовъ и частицъ. Но, если какой глаголъ необыкновенно развитъ, это опять *хотѣть*, имѣющій формы—не только *штѫ*, которую мы уже знаемъ, но и *ждѫ, же, зѫ, ше, ке* (по нарѣчіямъ), и т. д. Особенно же разнообразно примѣненіе. Разсмотримъ виды будущаго.

1. Самое простое и рѣдкое есть будущее изъ прич. прош. на *лъ* съ глаголомъ *бѫдѫ*, или *штѫ бѫдѫ, штѫ сѣмъ*, имѣющее точно значеніе futurum exactum. Примѣръ пословица — «тъкаштешь ако *бѫдешь прелъ*.» Слѣды его находятся отчасти въ яз. Ц. слав., и особенно въ западныхъ нарѣчіяхъ, именно польскомъ; но восточные и южные Славяне, особенно Сербы, не только въ Мизіи и Норикѣ, но и въ Лужицахъ, не любятъ его.

2. Болѣе интересное будущее равняется по формѣ сербскому второму, съ глаголомъ *штѫ*, прибавляемымъ непосредственно сзади, послѣ темы главнаго глагола: *пиштѫ, пиштешь, пиште*, и т. д., *писаштѫ, писаштешь, писаште*. При этомъ тема иногда сокращается, т. е. отбрасывается ея конечная согласная: отъ *плет-ѫ — плештѫ, четѫ-чештѫ, пекѫ-пештѫ* (при чемъ, въ соотвѣтствіе причастію *пекъ-лъ*, аористу *пекъ-хъ*, можно бы ожидать *пекъштѫ*). Дѣло доходитъ иногда до того, что въ глаголахъ, сложенныхъ съ предлогами, за потерею согласной а потомъ и гласной корня, остается одинъ только предлогъ, напр. *доштѫ* (до-и-д-ъ-штѫ). Но особенно замѣчательно то, что тема можетъ отдѣляться и въ складѣ рѣчи гулять на просторѣ: «сухо *ште* дръво листъ *пуснѫ*;» то же самое случается и съ повелительнымъ *не дѣй*: «*не дѣйте мѫ обѣсва*.» Нужно однако замѣтить, что форма эта употребляется въ яз. ново-болг. довольно рѣдко, и можетъ быть потому, что касательно своего внутренняго значенія она совершенно противоположна соотвѣтствующей, по внѣшности, сербской: а именно она означаетъ неопредѣленность, медленность, откладываніе; если выразить ее на русскомъ языкѣ, нужно употребить слова: *успѣю, послѣ, когда-нибудь, еще; написаштѫ* — когда нибудь напишу, успѣю еще написать; Цанковы приводятъ очень выразительные примѣры: «учи си момче-то да чете, побратиме!» «*Учиштѫ* го, то й ощте малко» = еще успѣю научить, научу—

постой, дитя еще не велико; «да запаля ли свѣщ'-тѫ?» «*Запали-штеш* ѫ: оште й рано» = успѣешь зажечь, еще рано. Вотъ почему на приказаніе нельзя отвѣчать этою формою, напр. *написаштѫ*, но должно сказать: *штѫ напишѫ*. Какъ получилось такое значеніе, — дѣло исторіи. Говоря вообще, въ видоизмѣненіяхъ этой формы новоболгарскій языкъ не имѣетъ предѣловъ разнообразію, и вотъ крайне интересный примѣръ. Иногда, не нарушая смысла и при томъ значенія корней, нельзя отдѣлить темы: что́ же дѣлать? берется 3-е лице ед. ч. аориста и спрягается съ вспомагател. глаголомъ. Возмемъ предполагаемое неокончательное *облѣчь*: взять *облѣ́*? Но это будетъ значить *облилъ*; *облѣ́къ, облѣ́кӑ* (какъ въ аористѣ, напр. *облѣкъ-хъ*)? Но это будетъ уже отъ предполагаемаго неокончательнаго *облѣкать*. И такъ говорятъ: «той *чте* ви *облѣче́*» = онъ васъ одѣнетъ (*облѣка* = будетъ одѣвать). Также точно получимъ *ште рече́* и т. п.

3. Не говоря о значеніи слѣдующей (третьей), самой развитой формы, мы укажемъ только ея внѣшнія отличія:

а) Глаголъ *штѫ*, спрягаясь по всѣмъ лицамъ обоихъ чиселъ, ставится впереди вспомагаемаго глагола, а послѣдній, въ обыкновенномъ настоящемъ времени какого бы то ни было вида, также точно спрягается: *штѫ отложѫ, штешь отложишь, штѫтъ отложѫтъ*, и т. д. Форма эта встрѣчается однако чаще въ языкѣ писменномъ и книжномъ, чѣмъ чисто-народномъ.

б) То же самое, но только между тѣмъ и другимъ глаголомъ является частица *да*; примѣры можно встрѣтить на каждомъ шагу; такъ какъ здѣсь удерживается самостоятельное значеніе глагола *штѫ*, то употребленіе оборота простирается на всѣ времена, напр. *штѣше да наложи*.

в) Спрягается, въ обыкновенномъ настоящемъ, глаголъ главный, а вспомагательный, стоя впереди его, для перваго л. ед. ч. имѣетъ *штѫ*, а для всѣхъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ *ште* (не знаемъ почему, Цанковы принимаютъ здѣсь *štü*): *штѫ пишѫ, ште пишешь, ште пише, ште пишеме* (мъ), *ште пишете, ште пишѫтъ*. Эта форма самая употребительная въ народной рѣчи.

*

Этимъ кончаемъ мы свои замѣчанія объ языкѣ новоболгарскомъ, по скольку ихъ вызвала необходимость установить правила правописанія или по скольку казались они нужны для того, чтобы сооб-

щить предварительное общее понятіе объ языкѣ. Осталось еще много, даже много такого, что легко вывести изъ матерьяла, находящагося подъ нашей рукою: такова смѣна мягкаго *т* и *к*, *з* и *дз*, и т. п.; таковы многіе синтаксическіе вопросы, оригинальные обороты языка. Все это, какъ не относящееся прямо къ правописанію, оставляемъ или себѣ на будущее, или читателямъ на занятіе, или на отдѣльныя замѣтки къ тексту. Въ заключеніе не можемъ не выразить глубокой благодарности за указанія и замѣчанія особенно одному Болгарину, С. В. Филаретову, воспитаннику И. Н. Денкогло и преемнику Катранова, человѣку весьма свѣдущему въ дѣлѣ чистаго народнаго языка своего отечества.

Въ ученомъ, научномъ отношеніи, приносимъ полную благодарность О. М. Бодянскому, снисходительно читавшему трудъ нашъ въ корректурѣ и сообщавшему необходимыя при томъ замѣчанія.

Слова, занятыя съ яз. восточныхъ, переданы нами въ той формѣ и съ тѣмъ значеніемъ, какъ это находимъ у Болгаръ; каковы же они въ подлинныхъ звукахъ, и откуда именно происходятъ, — касательно этого вопроса пусть извинятъ насъ читатели: при всѣхъ нашихъ усиліяхъ и указаніяхъ одного почтеннѣйшаго московскаго оріенталиста (приносимъ ему чувствительную благодарность), не смогли мы вездѣ помочь собственному незнанію; это, можетъ быть, самая слабая сторона нашего дѣла. Замѣтимъ однако, что, хотя бы происходили эти слова съ арабскаго, персидскаго или монгольскаго, во всякомъ случаѣ Болгаре приняли ихъ изъ устъ Турокъ или родственнаго Туркамъ племени, и въ этомъ смыслѣ мы имѣли нѣкоторое право обозначать ихъ турецкими.

* *

ОБЪ ОТЛИЧІЯХЪ ЗАПАДНАГО БОЛГАРСКАГО НАРѢЧІЯ.

Крайне радуемся тому обстоятельству, что читателямъ нашимъ представляемъ гораздо болѣе матерьяла въ живыхъ памятникахъ народнаго слова, нежели собственныхъ выводовъ. Такъ, на примѣръ, говорили мы подробно о восточномъ нарѣчіи болгарскомъ и умолчали о западномъ, между тѣмъ какъ въ сборникѣ нашемъ находятся и для послѣдняго достаточные образцы. Однако, чтобы насъ не обвиняли читатели въ нерадѣніи и чтобы облегчить имъ самимъ трудъ соображенія, скажемъ нѣсколько словъ и о македонскомъ нарѣчіи

(разумѣя болгарскій Западъ), сколько можемъ судить по образцамъ, предваряя, что это большею частію догадки наши, при каждомъ выводѣ предполагающія ограничительное слово *кажется*.

Общія отличія западнаго болгарскаго нарѣчія состоятъ въ его особенной и преимущественной, сравнительно съ восточнымъ, близости къ языку сербскому: слѣдствіе историческихъ и топографическихъ причинъ, связавшихъ это народонаселеніе съ Сербами. Сюда примыкаютъ нѣкоторыя частныя отмѣны, а именно:

1) Ме́ньшая степень мягкости въ согласныхъ звукахъ, особенно въ шипящихъ, допускающихъ потому сочетаніе съ гласными неіотированными, какъ-то *о*, *у*, *а*, и т. п.

2) Кое-гдѣ, какъ въ сербскомъ, ђ и ћ (мягкое *д* и *т*) вмѣсто *жд* и *шт*; а вмѣсто мягкаго *т*—*к*: *цвѣке*. Впрочемъ послѣднее, какъ слышно, бываетъ и въ восточной Болгаріи, на примѣръ въ селеніи *Елена*, въ шести часахъ разстоянія отъ Трънова: *пакь* вмѣсто *пать*.

3) Послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ (особенно зубныхъ?) приближеніе звука *и* къ *ы*.

4) Слѣды чистаго *е*.

5) Хотя не первобытная, производная, но бо̀льшая чистота и полнота звука *а*.

6) Знаку *ѣ* соотвѣтствуетъ постоянно звукъ *е*, или лучше, какъ думаемъ, *ê*, даже *ие*, но отнюдь не *я*.

7) ѫ, *ъ*, ѭ и *ь* чаще переходятъ въ звуки чистые и полные.

8) Звукъ ѧ, чаще даже, чѣмъ въ восточномъ нарѣчіи, переходитъ въ *е*; это замѣтно во флексіяхъ глаголовъ, но особенно въ мѣстоименіяхъ *те*, *ме*, *се*.

9) *Л* и *р*, въ значеніи гласныхъ, менѣе нуждаются въ сопровожденіи звука *ъ*.

10) Изъ различія формъ главнымъ образомъ бросается въ глаза 1-е лице наст. врем. ед. ч. глаголовъ, кончащееся не только на *а-мъ* и *ѣ-мъ*, но, какъ въ сербскомъ, на *и-мъ* и *е-мъ*.

11) Нѣкоторыя формы, утраченныя въ нарѣчіи восточномъ, сохранились здѣсь, напр.: *младаю* (младога?), *хайдучком'*, *живѣечь*, и т. п.

12) Для выраженія однихъ и тѣхъ же понятій употребляются различные отъ восточнаго нарѣчія корни словъ, или въ различныхъ видахъ; это замѣтятъ читатели въ комментаріѣ; наиболѣе же замѣтны мѣстоименія: *сее* вмѣсто *сичко* или *се*, *сеи* вм. *сички*, *сво* вм. *сичко*,

и т. п.; господство частицы *па* и *пакъ*; *у* вм. *въ* и *вьвъ*; *оваде*=здѣсь; *овамо*=сюда; господство *но*, и проч. При этомъ не можемъ не замѣтить одного очень важнаго извѣстія, переданнаго намъ Болгариномъ Хр. К. Даскаловымъ: около Охрида Болгаре говорятъ: «градй сѣмо (гради сѣмо)»=поди сюда. Что, если въ этихъ краяхъ, не далеко отъ Солуня, хранятся остатки языка первыхъ славянскихъ проповѣдниковъ и учителей?

Всѣ эти обстоятельства должно читателямъ принять къ свѣденію при чтеніи пѣсень. Само собою разумѣется, что приведенныя нами отличія 1) далеко не всѣ; 2) простираются иногда гораздо шире указаннаго нами предѣла; 3) допускаютъ исключенія и 4) сами иногда являются только исключеніями. Такъ точно легко будетъ замѣтить читателямъ и нѣкоторыя особенности удареній.

СОКРАЩЕННЫЯ ПРАВИЛА ПРОИЗНОШЕНІЯ, ДЛЯ РУКОВОДСТВА ЧИТАЮЩИХЪ.

Для удобства при чтеніи образцовъ восточнаго нарѣчія, выводимъ изъ предыдущаго вкратцѣ сжатыя правила произношенія:

А произносится здѣсь не такъ чисто и полно, какъ въ языкѣ великорусскомъ, или, какъ предполагаемъ мы, въ древнемъ языкѣ Церковно-славянскомъ, то есть не *вѣлйкомь раздвиженіемь оустъ.* Разумѣется, оно чище и полнѣе подъ удареніемъ. То же самое свойство, по самой природѣ смягченія, принадлежитъ *а* мягкому, т. е. *я*, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ оно имѣетъ значеніе ятя, т. е. чередуется съ *ѣ*.

Е ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ той чистоты, какъ напр. въ языкѣ сербскомъ или малорусскомъ. Оно имѣетъ среднюю мягкость, т. е. бываетъ не много только чище нашего обыкновеннаго великорусскаго *е*. При соотвѣтствіи послѣднему, т. е. въ случаѣ усиленной мягкости, употребляемъ мы начертаніе *є* (ѥ). Безъ ударенія каждый изъ показанныхъ родовъ легко переходитъ въ *и*, почему, встрѣчая подобное *и* въ записанныхъ памятникахъ народной рѣчи, мы передаемъ его знакомъ *е* съ точкою на верху: *ė* или *є̇* (ѥ̇).

И, послѣ какихъ бы согласныхъ ни стояло, ни въ какомъ случаѣ не приближается къ произношенію *ы*.

Какъ *е* въ *и*, такъ *о* безъ ударенія переходитъ всегда по произношенію въ *у*, и *у* такого рода, встрѣченное нами въ памятникахъ, мы обозначаемъ какъ *ȯ*, т. е. съ точкою на верху. Смягченное *о*, или *е*, получившее свойство такого звуковаго выродка, мы пишемъ буквою *ё*, съ двумя точками на верху, въ началѣ же строки и въ заглавіи *Іо*; разумѣется, безъ ударенія, оно легко переходитъ въ *ю*, что̀ слѣдовало бы въ памятникѣ обозначать намъ особенно.

Во всякомъ *у*, происшедшемъ другимъ путемъ, т. е. не изъ звука *о*, лишеннаго ударенія, мы должны допускать нѣсколько болѣе долготы и вѣсу.

Знакъ *ѣ* должно вообще произносить какъ *я*, и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы замѣняемъ его послѣднимъ знакомъ. Нужно однако помнить, что это *я*, по природѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и

въ произношеніи, различно отъ простаго мягкаго *а* или звуковъ ѫ, *ь* (въ срединѣ слова), ѩ, и т. п., произносимыхъ какъ краткое и неполное *я*; отличается же оно именно бо̀льшею долготою, бо̀льшимъ протяженіемъ голоса. Случается впрочемъ, что *ѣ* должно быть произносимо какъ *ê* (долгое *е*) или какъ нѣсколько продолженный нашъ великорусскій *ѣ*, именно въ такихъ случаяхъ: 1) когда стоятъ за нимъ, въ слѣдующихъ слогахъ, *е*, *и*, *ѣ*, *ь* (произносимый какъ краткое *я*), какая нибудь мягкая гласная и полугласная, напр. *я*, ѫ, ѩ, и т. п., или наконецъ шипящій согласный звукъ и *й*: напр. *вѣра* произноси *вя̂ра*, а *вѣренъ* какъ *вêренъ*, т. е. по нашему, по великорусски; *бѣлъ=бя̂лъ, бѣли=бêли* или какъ у насъ; *плетѣхъ=плетя̂хъ*, *плетѣше=плетêше* или по нашему; отсюда, если вмѣсто *пиѣнѣ* пишемъ *пиянъ*, то вмѣсто *пиѣне* (питье) можемъ писать *пиене* (допуская однако въ первомъ *е* извѣстную долготу). Правило это не безъ исключеній, которыя конечно трудно указать при настоящемъ положеніи науки; на примѣръ, какъ кажется, неохотно подчиняется ему то *ѣ*, что стоитъ въ началѣ слова или послѣ гласныхъ и согласныхъ мягкихъ, шипящихъ, ибо въ этихъ случаяхъ упорнѣе звукъ *я*, и даже Ц. слав. языкъ иногда здѣсь употребляетъ вмѣсто ѣ начертаніе ѩ. 2) Когда удареніе падаетъ не на *ѣ*, а на другомъ слогѣ: *дѣлъ=дялъ*, *дѣли́=дêли* или какъ у насъ; *бѣлъ=бялъ*, *бѣли́ло=бêли́ло* или по нашему, и т. п. Здѣсь возможны также исключенія, хотя, можетъ быть, не столь частыя, какъ въ первомъ случаѣ, ибо здѣсь *ѣ* переходитъ иногда не только въ *ê*, но даже въ *и: прѣмѣ́на*, читай *примя́на*; *гнѣздо́*, читай *гниздо́*; отмѣчая подобные рѣдкіе примѣры, мы должны писать *ѣ̇*, т. е. съ точкою на верху. — Здѣсь-то, въ этомъ произношеніи ятя какъ *я*, заключается существенное отличіе восточнаго нарѣчія въ новоболгарскомъ языкѣ отъ западнаго, въ которомъ господствуетъ, подъ знакомъ *ѣ*, звукъ *ê*. И потому читатели не сдѣлаютъ большой погрѣшности въ выговорѣ, если въ восточномъ нарѣчіи, помимо даже указанныхъ исключеній, будутъ наклонять всегда *ѣ* къ звуку *я*.

Читателю рѣдко случится встрѣтить знаки ѫ и ѩ, но гдѣ встрѣтитъ, совѣтуемъ ему первое произносить какъ краткое *а*, второе какъ такое же *я*. Всего чаще попадутся ему *мѫ*, *тѫ*, *сѫ*: первыя два произноси кратко и неполно—*мă, тă*, а третье между *сă* и *ся̆* (однако чаще просто *сă*).

Ѫ произносить должно какъ самое краткое, сжатое и глухое *а*;

смягченный видъ его или іотированный знакъ ѩ равняется звуку *я*, столь же краткому, сжатому и глухому. Глухіе звуки, выражаемые у насъ на письмѣ знаками ѫ, ѧ и ъ для твердыхъ, ѭ, ѩ и ь для мягкихъ, составляютъ существенную особенность новоболгарскаго языка, не только отличающую его отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, но даже не имѣющую въ нихъ ничего себѣ подобнаго, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ сербскихъ подрѣчій около Черной Горы и по границамъ болгарскимъ. Потому всякому инорѣчному Славянину очень трудно подладиться подъ этотъ идіотизмъ; если же у читателей есть къ тому охота, то пусть помнятъ они, что рядъ твердыхъ глухихъ звуковъ равняется вообще *а*, произносимому не только неполно и кратко, но даже съ намѣреннымъ сжатіемъ органовъ произношенія и удержаніемъ дыханія, подобно какъ въ англійскомъ словѣ *but*; рядъ звуковъ мягкихъ требуетъ такого же *я*, т. е. смягченія краткаго и глухаго *а*. При этомъ должно замѣтить, что глухіе мягкіе гораздо ближе къ обыкновенному *я*, чѣмъ твердые къ *а*. Но, такъ какъ вообще всѣ эти глухіе звуки, по разнымъ оттѣнкамъ подрѣчій, стремятся иногда приблизиться къ звукамъ чистымъ и полнымъ, а съ другой стороны и всякое *а* и *я* (за исключеніемъ соотвѣтствующаго ятю) въ языкѣ новоболгарскомъ не такъ полно, долго и чисто, какъ на примѣръ въ языкѣ великорусскомъ: то отсюда очевидно, что мы, при всѣхъ усиліяхъ, можемъ только приблизиться къ настоящему произношенію этихъ звуковъ, въ точности же передать ихъ никогда не будемъ въ состояніи, и природный Болгаринъ, не испортившій своего языка чуждыми вліяніями, всегда отличитъ въ насъ инорѣчника.

Касательно знаковъ и звуковъ ъ и ь должно замѣтить: 1.) Въ концѣ словъ они не произносятся, такъ точно, какъ въ нашемъ языкѣ великорусскомъ, и означаютъ только твердость (если ъ) или мягкость (если ь) предшествующаго согласнаго звука. — Если случится имъ исполнять подобную службу въ срединѣ слова, тогда вмѣсто ъ мы пишемъ ‘, вмѣсто ь ’, т. е. ковычки: въ этомъ случаѣ они также значатъ не болѣе, какъ твердость или мягкость предшествующаго согласнаго звука.—2.) Въ срединѣ словъ ъ и ь всегда произносятся свойственнымъ себѣ образомъ: *мъгла* произноси *мăгла* (*ă*—глухое, краткое, сжатое); *петькъ* произноси *петăк*; *пъстръ* пр. *пăстăр*; *лъгала* пр. *лăгала*; *ръжда* пр. *рăжда*; *седьмъ* пр. *седямъ*, и пр. Произношеніе это не измѣняется, будетъ ли надъ ъ и ь удареніе, или нѣтъ. Замѣтить нужно при томъ слѣдующіе случаи: а) передъ членомъ

тъ звуки ъ и ь произносятся точно также, какъ бы стояли они въ срединѣ слова: *челькъ-тъ* произноси *челькăт*; *градъ-тъ* пр. *градăт*; *конь-тъ* пр. *конят*; б) стоя при *л* и *р* въ срединѣ слова, ъ не столько сохраняетъ самостоятельное произношеніе, сколько способствуетъ произнесенію древнихъ гласныхъ *л* и *р*, занимая мѣсто впереди или сзади ихъ: *влъкъ* пр. *влăк*, *вълкъ* пр. *вăлк*; *гръло* пр. *грăло*, *гърло* пр. *гăрло*. Если ъ стоитъ *передъ л* и *р*, тогда онъ подчиняется вліянію предыдущей согласной, и, буде она мягкая, легко переходитъ въ ь: отсюда *слъзи* читай *слăзи*; вмѣсто же *сълзи* слѣдуетъ писать *сьлзи*, ибо слышно *сялзи* или *селзи* (краткое *я*, соотвѣтствующее ерю, легко опускается до *е*, особенно безъ ударенія, подобно какъ *ѣ* въ извѣстныхъ намъ случаяхъ теряетъ звукъ *я* и обращается въ *е*); *чърни* д. б. написано *чьрни=чярни*.

Звукъ, выражаемый знакомъ *й*, произносится точно также, какъ у насъ; но, стоя передъ членомъ *тъ*, подобно какъ ь, равняется звуку краткаго и сжатаго *я*: *лой-тъ* пр. *лоят*, *мой-тъ* пр. *моят*.

При произношеніи звуковъ согласныхъ есть нѣсколько важныхъ правилъ, изъ коихъ мы укажемъ главнѣйшія: 1) всѣ собственно-шипящіе звуки, а именно *ж*, *ч*, *ш* (*щ* нѣтъ, вмѣсто того *шт*), произносятся съ особенно-сильной мягкостью выговора, а потому не допускаютъ послѣ себя гласныхъ твердыхъ, напротивъ только мягкія, какъ то *я*, *и* (=ji), *ё*, *ю*, *ѣ*, *ѫ*, *ѭ*, *ь*. Намъ Русскимъ это нужно особенно замѣтить, ибо мы, преимущественно Москвичи, произносимъ весьма твердо *ж* и *ш*: т. о. вмѣсто нашего *жаръ* имѣемъ въ новоболгарскомъ *жяръ*, вм. *шумъ—шюмъ*, и т. п. Въ знакѣ *е*, такъ какъ не выражащемъ никогда чистаго звука, мы не считаемъ нужнымъ отличать на письмѣ упомянутое смягченіе, и исключенія допускаемъ только въ немногихъ, усиленныхъ случаяхъ, напр. при собирательныхъ: *книже*. 2) Господствующій, хотя и не любимый прочими слав. нарѣчіями, звукъ *ф* переходитъ иногда въ *хв*, подобно русскимъ подрѣчіямъ. 3) Подобно языку великорусскому, звуки *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, на концѣ слова и предъ согласными *к*, *п*, *с*, *т*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, переходятъ въ *п*, *ф*, *к*, *т*, *ш*, *с*: *бобъ* произн. *бопъ*, *гладъ—глатъ*, *прагъ—пракъ*, и пр., что однако измѣняется передъ членомъ: *бобъ-тъ*, *гладъ-тъ*, *прагъ-тъ*. 4) *К* передъ *д*, *с* передъ *б*, *г*, *д*, *т* передъ *б* и *д*, чередуются съ *г*, *з*, *д*: *велигдень*, *зборъ*, *одборъ*. 5) Изъ двухъ согласныхъ въ концѣ слова послѣдняя пропадаетъ въ произношеніи, а предыдущая измѣняется иногда въ соотвѣтствующую: *дъждь* произноси *дъшь* (*ж* въ *ш*), *пръстъ* пр. *пръсъ*, *гроздъ* пр. *гросъ* (*з* въ *с*, вм. *грозъ*); при членѣ опять

этого не бываетъ: *дъждь-тъ*, *пръстъ-тъ*, *гроздъ-тъ*. Равнымъ образомъ не отбрасывается конечная согласная, если ей предшествуютъ *л* и *р*, звуки съ оттѣнкомъ гласности: отсюда пишется и произносится *вълкъ*, *смъртъ*. 6) Изъ сочетаній *ст* и *шт* выпускается при произношеніи *т* передъ согласной (за исключеніемъ *в* и *р*): *напръсникъ* вм. *напръстникъ*, *помошникъ* вм. *помоштникъ*. 7) Такъ точно *д*, *к* и *т* выпускаются предъ *ство*: *госпоство*, *богаство*, *юнаство* (впрочемъ самыя формы эти, приводимыя Цанковымъ, какъ кажется, болѣе книжныя, нежели народныя). 8) Изъ двухъ одинакихъ согласныхъ одна выпускается: *расърдихъ см* вм. *раз*, *безаконикъ* вм. *без*, *педесетъ* вм. *пет* или *пед*; особенно это любопытно въ именахъ жен. рода: *свѣш'-та́*, *пръс'-та́*, *чес'-та́*, *смър-та́*. 9) Звукъ *г* постоянно твердъ (g, а не h).

Соблюдая начертанія русскаго гражданскаго шрифта (съ нѣсколькими прибавленными знаками), въ изслѣдованіи объ языкѣ и въ комментаріѣ къ тексту, и уступая тѣмъ современнымъ печатникамъ, самый текстъ пѣсень (за исключеніемъ Вуковыхъ и позднѣйшихъ) мы пустили Церковнославянскимъ шафариковскимъ шрифтомъ. Это сдѣлано нами какъ для красоты и удобства (ибо, между прочимъ, затруднительно было приливать къ гражданскому шрифту подходящіе знаки), такъ и для того, чтобы любителямъ предложить двойной образецъ правописанія, оставляя имъ на выборъ и рѣшеніе, какой лучше (нужно признаться, сами склоняемся мы къ Церковнославянскому). Знаки и письмена читателя не затруднятъ: пусть только замѣтитъ, что *є* = ю, *ѧ* = я, *ꙋ* = я, *ꙗ* = я, и т. п.

Изъ удареній, если ихъ на словѣ встрѣтится два, читатель можетъ выбирать любое; только при соединеніи съ *по*, нужно выдерживать оба ударенія: *по́мно́го*.

Тѣмь же оц҃и и братие исправлꙗюще чьтѣте.

I.

ПѢСНИ ЮНАШКИ:

МОЛОДЕЦКІЯ,

ГЕРОИЧЕСКІЯ ИЛИ ЭПИЧЕСКІЯ.

I.

ДОЙЧИНЪ ВОЕВОДА.

ПѢСНЯ БОЛГАРСКАЯ.

Бо́ленъ си Дойчи́нъ лежѣ́ше[1],
На де́вѧть[2] - пѧ́ди[3] посте́лѧ,
Цѣ́ли ми де́вѧть годи́ни.
А невѣста[4] - та мѹ дѹ́маше[5]:
«Дойчи́не, бо́ленъ стѹпа́не[6]!

СЕРБСКАЯ.

Разболе се войвода Дойчине
У Солуну граду биеломе,
Боловао за девет година;
Па Солуна не зна за Дойчина,
Они мисле, да е преминуо.

---

[1] *Дойчинъ*, воевода Солуня, современникъ Марка Кралевича, судя по пѣснямъ, конца XIV и начала XV вѣка. — *Лежѣше* (*жя*): у Богоева *жа*. — *Си*. Въ прибавкѣ этого мѣстоименія, какъ вставочной частицы безъ особаго ударенія (энклитики), ново-болгарскій языкъ сходится съ языкомъ древне-болгарскимъ, то есть Церковно-Славянскимъ. Впрочемъ свойство это принадлежитъ всему эпическому въ особенности и народному вообще языку Славянъ. Не только въ Малой и Бѣлой Руси, у насъ даже сильно развито это употребленіе: «лежалъ себѣ.»

[2] *Девять*. Пѣсня эта заимствована нами у Богоева, а изданіе это отличается замѣтными подправками: 1) изъ ѧ въ н. б. яз. почти повсюду выработалось *е*, согласно съ сербскимъ; 2) въ числительныхъ этого рода слышится на концѣ болѣе *тъ*, чѣмъ *ть*. Такимъ образомъ: *деветъ*.

[3] Тоже самое должно сказать о словѣ *пядь*: н. б. *педь* или *педя*, даже *педа*. —

[4] *Невѣста:* жена, женщина по выходѣ за мужъ.

[5] *Думаше:* говорила, одинъ изъ разнообразныхъ корней Славянскаго языка, употребляемыхъ для понятія рѣчи.

[6] *Ступанъ*: хозяинъ, по употребленію обширнѣе, чѣмъ мужъ. **Стопанъ** встрѣчается въ кодексѣ Кирилло-сербскомъ XV вѣка. Миклошичь выводитъ отъ шкипетарскаго *štepia*, домъ. Конечно, слово это въ связи съ понятіемъ дома, какъ *хозяинъ* съ словомъ **хижа**, casa. Но, если уже занимать отъ другаго языка, то приличнѣе было бы занять отъ Санскрит.: *стӯп*, собирать, сгребать, *стӯпа*, куча; да и стоитъ только вспомнить Индѣйскія ступы. При томъ мы не такъ охотно допускаемъ заемъ: въ собственной своей области корней и понятій языкъ можетъ занять силы для произведенія слова, и,

«Като[1] ми лежишь та болишь,
«И Арапи хаберъ[2] проваждатъ[3]:
««Гдѣ ми ю Дойчинъ, не дойде[4]?»»
— «Невѣсто моя хубава[5]!

То се чудо на далеко чуло,
Чак далеко у землю Арапску,
Зачуо е Усо Арапине,
Єднак чуо, еднак седла враща,

даже взимая его у другихъ, осмыслять, то есть мотивировать по собственнымъ корнямъ. Соотношеніе съ Санскритомъ весьма ясно: *грáма* значитъ и селеніе, и куча, толпа, громада; отъ того же корня *граі* (брать, собирать) происходитъ *гріа*, домъ, во множ. хозяйка; **кѫща**, чеш. *chyše* — домъ и также мѣсто, куда собираютъ дрянь, от-ходъ; **кашта** и *куча*, серб. *кутя*, въ связи съ словомъ собака,—домашнее животное, наше *кутякъ*: *изба* и *соба*, отдѣльное мѣсто, отгороженное, покой, по сербски чередуются, въ связи съ словомъ *собака;* **коупа** — куча, толпа и соръ, выброшенное, откуда пословица, «сѣки пѣтелъ на свое-то купиште или буниште пѣе» = всякой въ своемъ дому господинъ; **хлѣвъ** и **хлѣвина** также соединяютъ оба понятія, domicula, stabulum, н. болг. *стая*, клѣть, гдѣ спятъ, серб. *кутяр*; Ц.-Слав. *изгрѫбии*, изметъ, охлопки, греч. *στυπεῖον* и *στύπη*, лат. *stupa;* нѣм. *werg* и *werk* — изметь и вмѣстѣ хоромина, этажъ, покой, и т. д. И такъ нѣтъ нужды прибѣгать къ Шкипетарамъ. Какой же глаголъ долженъ быть въ связи по корню? Развитіе корня *тѫ* (тати) будетъ съ одной стороны *тап* (тяпать, степень), съ другой *тѫп* (стѫпень, тѫпъ). Отсюда *стѫпанъ*, изъ котораго выродилось *стопанъ* и *ступанъ* (какъ *стопа* изъ *стѫп*, *стъп*); отсюда въ н. болг. *стопанка* или *ступанка* = хозяйка, а *стѫпанка*, ступень. Скр. *виç*, вступать, съ произв. *вéçа*, домъ, *вéçьй* (входимая, meretrix), и особ. яз. литовск., представляютъ тому аналогію. румун. *стъпѫн*. De his alibi. —

[1] *Като*: тогда какъ, когда.

[2] *Хаберъ*: вѣсть, тур. —

[3] *Проваждамъ:* присылаю. У Бог. по ошибкѣ *дѫтъ*. —

[4] По сравненію съ сербской пѣсней видимъ, что это слова Арапа, да и потомъ сражается одинъ Арабъ; но выше сказано *Арапи:* — нѣтъ противорѣчія, ибо *ми*, какъ вставочная частица, встрѣчается иногда и при множ. числѣ. «Гдѣ Дойчинъ, отчего не явился?» Въ сербской пѣсни за этимъ подробно изображаются притѣсненія Арапа, за болѣзнію Дойчина, пока сестра послѣдняго разбудила его отъ болѣзненнаго усыпленія слезами и рассказала всю бѣду. Вмѣсто *гдѣ* обыкновенно употребляется *дѣ*: Богоевъ вѣроятно подправилъ.

[5] Мы принуждены были сдѣлать исправленіе; по ближайшимъ стихамъ

— «Кѫтó ми хабéръ провáждѫтъ,
— «Кóнче-то, дудýмъ[1], глéдашь ли?
— «Хýбаво тимáръ[2] чинѝшь ли:
— «Съ рóйно го[3] в'но поѝшь ли?
— »Съ бѣлѫ пченѝцѫ[4] ѕобѝшь ли?
— «Кóнче-то, дудýмъ, игрáй ли[5],
— «Кѫтó запрéжно-то врéме,

Право оде ка Солуну граду...
Од Солуна иште заточника,
Да изиде нему на мейдана...
У Солуну не има юнака,
Да изиде нему на мейдана...
Па дозива (Дойчинъ) любу Анделию:
«Анделия, моя верна любо!
«Єл' ми ёште у животу доро?»

и сравненію съ сербской пѣсней, оказывается, что это слова Дойчина. Между тѣмъ у Богоева: «невѣста-та му хубава;» очевидно, это могло возникнуть подъ руками человѣка, неразобравшаго хорошенько смысла, по ассимиляціи съ предыдущимъ стихомъ: «невѣста-та му думаше.» Другое объясненіе могло бы быть то, что пѣвецъ пѣлъ: «невѣста-та му хубава,» разумѣя слова Дойчина, но употребляя *му* вм. *ми*, т. е. моя; дѣйствительно, у Сербовъ это встрѣчается нерѣдко: слѣпецъ, чтобы слушающіе не отнесли *ми* къ нему самому, поющему, употребляетъ *му*, разумѣя лицо, въ пѣсни говорящее; вмѣсто *ме—га*, и т. п. Но дѣло въ томъ, что здѣсь опять, по правиламъ языка, нельзя сказать: «невѣста-*та ми* хубава!» И такъ мы принуждены были поправить. Далѣе у Богоева опять *като—му*: очевидно д. б. *като ми*: издатель вѣроятно имѣлъ дѣло съ рукописью и подъчасъ неразбиралъ.

Хубавъ. Слово это, столь частое у Болгаръ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ не принялось; у насъ вмѣсто него *красенъ*, *хорошъ*, у Сербовъ *лиепъ*; однако у послѣднихъ въ пѣсняхъ кое гдѣ слышится еще *убав*; у насъ «*купавъ* молодецъ (Др. Р. Стих. № I, стр. 4)»; въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ царица *Купава*. Красивый, хорошій; — иркут. *купавый* — бѣлый. — перс. *хýбъ*, прекрасный. Скр. *çубһа*. —

[1] *Дудумъ*, моя милая, любезная (*дуду-ханымъ* — барышня); тур. У Бог. додумъ.

[2] *Тимаръ*—чистка лошади (вообще—воспитаніе, уходъ), тур.—Хорошо ли ты его чистишь? у Бог. *чинешь*, *е* подправлено изъ *и*.

[3] *Ройно*, серб. *руйно*, доброе вино, которое искрится; отъ *рь-ти*, *рой*; тоже, что *рьяный*, верхне-луж. *winko rjane*. — Оказывается, что конь у Дойчина также пилъ вино, какъ у Марка.

[4] Обыкновенно: *пшеница*.

[5] То есть: *играе* ли, играетъ ли конь мой?

«Гáто Арáпи-тѣ бастúсахъ[1]?
— «Подú ми кóнче то изведú,
— »Тá гó на вратá доведú,
— «Да си гó Дóйчинъ погледа,
— «Катó на прéжно ли е врéме[2]?»—
Тя[3] му кóнче-то изведé,
Та гó на вратá-та заведé:
Кóнче то ясно поцвúли[4].
Бóленъ ся Дóйчинъ провúкнѫ[5],
Отъ дéвять пѧди постéлѭ:
«Станú ми, станú, Дóйчине,
«Дóйчинке, бóленъ ступáне!
«Снóце[6] сѫмъ чюло, разбрáло[7], —

Проговара люба Анделия:
«Господару, болестан Дойчине!
«Есте тебе доро у животу
«И добро сам угоила дора.»

---

[1] Отъ турецкаго *басмакъ* (тѣснить): разбивалъ, нападалъ; когда я нападалъ на Араповъ.

[2] Болгаре къ слову *прежній* прибавили уже постоянную частицу *на*, *напрежни*, и рѣдко встрѣчается это слово безъ *на*; такимъ образомъ «като напрежно ли е време» будетъ значить: «время таково ли, какъ прежде?» Но здѣсь нужно выраженіе «такъ ли, какъ въ прежнее время?» А для этого нужно бы еще прибавить *въ*: «като въ напрежно време?» Богоевъ же придалъ значеніе *въ* частицѣ *на* и отдѣлилъ ее отъ *прежно*. Оставляемъ впрочемъ въ текстѣ безъ исправленія, ибо, какъ исключеніе, возможно *на прежно*.

[3] *Тя:* она.

[4] *Поцвили*: заржалъ громко. Глаголъ, употребительный во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (у насъ по областямъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ: *квелить*, *квилить*, заставлять плакать, дразнить), но въ нихъ онъ чаще имѣетъ значеніе жалобнаго крика, напр. въ серб. «нешто цвили у Стамболу граду,» о жалобахъ узника. Въ болгарскомъ нѣтъ этого оттѣнка.—*Ясно*—переходъ отъ представленія зрѣнія къ слуху.

[5] Крикнулъ.

[6] Читай *сношти*, вчера вечеромъ, прошлую ночь; формы *сноце* не существуетъ въ яз. н. болгар., развѣ въ какомъ либо неизвѣстномъ нарѣчіи. Ц. Слав. сьнош ти, сію ночь. —

[7] Слышалъ я, узналъ: *разберѫ, разбúрамъ*, узнаю. Средній родъ о ли-

«Ярани хаберъ пратили[1]:
««Где ми е Дойчинъ, не дойде?»»
«Некѣсто, дудумъ, хубава!
«Поди ми конче-то заведи
«На побратимче-то налбантъ[2]:
«Конче-то да ми подкове
«Съ девять-оки-подкови,[3]
«И девять стотинъ[4] гвоздове[5],
«За триста черни грошеве[6],
«На юнашкѫ вересиѭ.[7]»
Тя му конче-то заведе
Презъ Али-пашѫ чаршиѭ[8]
На побратимче-то налбантъ.

Тад' беседи болани Дойчине:
«Анделия, моя верна любо!
«Иди узми дора дебелога,
«Те га води моме побратиму,
«Побратиму Петру налбантину,
«Да ми куе вереснёмъ дора»....
Єднак нега люба послушала,
Она узе дора дебелога,
Одведе го Петру налбантину;
Кад е виде Перо налбантине,

цахъ весьма часто употребляется въ поэзіи сербской и болгарской; съ этимъ согласно то, что имя лица, встрѣчаемое большей частью въ звательномъ падежѣ, переходитъ въ этой формѣ къ среднему роду.

[1] Прислали *Прѣтѭ* опредѣл. видъ, *пращтамъ* неопредѣленный; тоже *проводѭ*, *проваждамъ; испратѭ*, *испращтамъ*, *испроваждамъ* = провожаю.

[2] Кузнецъ, тур. (собств. подковачь, *налъ-бéнтъ*). У Богоева *налабантъ*.

[3] Подковами (вѣсомъ) въ 28 фунтовъ, безъ малаго. *Ока* въ Сербіи = $2\frac{1}{4}$ австр. фунта. Мѣряется хлѣбъ, мясо, мука, вино, водка, и т. д., стало быть вѣсъ и мѣра; въ окѣ золота 400 дукатовъ; въ окѣ 4 литры, въ литрѣ 100 драхмъ.

[4] Богоевъ пишетъ: *стотенъ*. принаравляясь къ русскому — сотень. —

[5] Обыкн. *гвоздёве*

[6] *Грошь* не монета, а число—40 паръ, піастръ; *черни грошёве*=какой либо монетой, только не золотой; *бѣли грошёве=хубави желтици*, хорошія, славныя деньги. Извѣстно, что пара у Турокъ, по разстройству въ финансахъ, ниспадала все въ цѣнности и дошла до мѣди, мало посеребренной. Тѣмъ не менѣе число, простирающееся до нашихъ 15 рублей серебромъ, велико для 900 гвоздей; съ подковами такъ и должно быть. —

[7] *Вересія*=долгъ, кредитъ: въ долгъ на слово юнака.—Слово, въ формѣ *вересі* (наслѣдство) взятое вѣроятно Турками съ Славянскаго *вѣра*. —

[8] *Чаршія*, ряды, гостинный дворъ, мѣсто лавокъ; тур.

Кóнче-то, хóламъ[1], играаше[2]
Каккóто агне гергёвско[3].
Пакъ сéляне ми са събрáли,
Събрáли и са сглéдали[4]:
«Да лú ми Дóйчинъ загúнѫ,
«Тя́ му кóнче-то изве́
«Кóнче-то да мý продáва[5]?
«Кóй-то му кýпи кóнче то,
«Тóй ще му зéме́ и бýлче-то[6]?»
Тя́ му кóнче-то заведé
На побрáтимче-то налбáнтъ[7]:
«Мнóго му здрáвие прокóди[8]
Іош е нѣзи био говорио:
«Снахо моя, танка Анделия!
«Зар е мене побро преминуо,
«Те ти водиш дора на продаю?»
Я говори дилбер-Анделия:
«Мой девере, налбантине Пето!
«Ние тебе побро преминуо:
«Но се тебе побро поздравио,
«Да му куеш вереснём дора,
«Да он иде Арапу на мейдан,
«Кад се врати, да ти потков плати.»
Проговара налбантине Перо:

---

[1] Тур. *оглумъ*=сынъ мой, является у Болгаръ въ разныхъ видахъ; но *холамъ* взято конечно съ *hulam* (малый, мальчикъ, перс. тур.) и употребляется при всякомъ обращеніи къ лицу, хотя бы сынъ говорилъ къ отцу. Здѣсь это обращеніе пѣвца, подобно *море*, *брате*, *побро, побре*, *бре*, и т. д.

[2] Въ подобныхъ случаяхъ, какъ сказали мы въ замѣчаніяхъ объ языкѣ, охотно допускаемъ *ѣ*: *играѣше*. (Даже *є*). —

[3] Какъ ягненокъ объ Юрьевомъ днѣ, когда уже онъ подросъ.—Употребляется и *агне.*—

[4] Собрались и переглянулись (обыкн. *съглéдали*) между собою (гововоря другъ другу):

[5] Ужъ не погибъ ли, не умеръ ли Дойчинъ, и она (жена его) вывела коня, чтобъ продавать?

[6] Кто купитъ коня, взялъ бы вмѣстѣ и женщину, и ее? Происхожденіе формы *булче* объясняемъ мы чрезъ звательный, вмѣсто *булке*, отъ *булка* (Єленке, Іонке, вмѣсто *ко*). Но форма *булче* обращается уже въ среднiй родъ; множ. *булчета*, и еще съ наростомъ (плеонастическимъ) члена—*булчета та*.—Въ сербской пѣсни вмѣсто селянъ говоритъ то самъ кузнецъ. — Происхожденіе слова загадочно, если только это не тур. *булá*=тётка, слово, употребляемое Турками при обращеніи къ женщинѣ (какъ у насъ).

[7] Не знаемъ, почему Богоевъ пишетъ постоянно *налабантъ*?

[8] Опять спутано, и вѣроятно Богоевымъ, ибо выходитъ смыслъ: «много ему здоровья послалъ», — кто послалъ и чьи это рѣчи? Издатель

«Дойчинъ ми грозно, омразно[1],
«Конче-то да му подковешь
«Съ девить-бели-подкови ;
«И девить стотинъ гвоздове,
«Ѕа триста черни грошеве,
«На юнашки вересия.»
Той си ѭ[2] въ очи погледнѫ
И еднѫ думѫ[3] продума:
— «Не щѫ[4] ти триста грошеве,
— «Азъ ти конче-то ковавамъ[5]
— «Ѕа твое-то бѣло лице:
— «Девить-годишно стояло[6],
— «Та го вѣтъръ не ѭ повѣяло[7]

«Анделия, моя снахо мила!
«Я не куем коне вереснём;
«Да ми дадеш твои оке чарне,
«Да их любим, док се побро врати
«И док мене потковицу плати.»
Анделия люта и проклета,
Она плану, како ватра жива,
Па одведе некована дора
Те доведе болесну Дойчину.
Вели нёзи болани Дойчине:
«Анделия, моя верна любо!
«Єл' ми побро дора потковао?»
Писну Андя, како люта гуя:

вѣроятно имѣлъ въ виду смыслъ: «она передала желанье здоровья (отъ Дойчина)», но *проводи* не значитъ *передала*, а *послала*, *послалъ*. Обыкновенная рѣчь вѣстниковъ у Болгаръ: «много ти здраве проважда»— посылаетъ тебѣ такой-то много здравья, желаетъ. И такъ мы желали бы поправить: «много ти здраве проводи» = послалъ тебѣ, пожелалъ много здоровья: кто? Дойчинъ; съ этимъ согласенъ и варіантъ сербской пѣсни, и тогда это рѣчь пришедшей; *му*, какъ и выше, поставлено вмѣсто *ти*, а *ти* легко было прочесть какъ *ми*. Но можетъ быть и другое объясненіе: «много ми здраве проводи», *ми* безъ значенія, какъ энклитика: пожелалъ тебѣ Дойчинъ здоровья; наконецъ, вмѣсто *ми* пѣвецъ болгарскій, какъ сербскій, могъ употребить *му*.

1 Опять средній родъ при лицѣ: грозный, страшный; *ми* = мой или вставочная частица; но, судя по слѣдующей измѣнѣ жены, можетъ быть смыслъ: ненавистный мнѣ. —

2 Болгарскій идіотизмъ: «поглядѣть *кого* въ очи.»

3 Слово, рѣчь.

4 Не хочу твоихъ ...

5 *Ковавамъ* (отъ *ковѫ*): я могу, съумѣю, въ силахъ ковать, я кую обыкновенно; *писвамъ* (пишѫ) = могу писать, обыкновенно пишу.—

6 *Девять* (девет)-*годишни* = девятигодовой, согласовано съ *лице;* оставалось оно въ теченіе девяти лѣтъ—въ какомъ состояніи?

7 Болгарскій идіотизмъ: 1) *повѣяло*: кого? лице; 2) «вѣтъръ повѣяло:»

— «И слѫнце не ѭ го огрѣло[1].» —
Тѝ си сѧ назадъ повърнѫ
И дре́бни[2] слъ́ѕи поро́ни,
Като́ ми роса́ къ тревѫ́.
А пакъ Дойчинъ сѧ ѭ попи́та[3]:
«Невѣ́сто, дꙋдꙋ́мъ, хꙋ́бава,
«Мѣ́ненка, дꙋ́шё, тѣ́ненка[4]!
«Што ро́нишь дре́бни слъ́ѕи
«Отъ твои́-тѧ бѣ́ли страни́[5],
«Като́ роса́ къ тревѫ́[6]?

«Господару, болани Дойчине!
«Богъ убио твога побратима!
«Он не куе коня вересиѐм,
«Но он иште мое очи црне,
»Да их люби, док му потков платиш;
«Я не могу налбанте любити,
«Та, Дойчине, за живота твога.»
Кад то чуо болестан Дойчине,
Он говори виерници люби:
«Анделия, моя верна любо!

подобный оборотъ могъ родиться только вслѣдствіе пропажи падежей, вмѣсто: вѣтромъ повѣяло. *Стояло*, *повьяло*, — охотно допускаемъ и *ѣ*, и *я* (см. замѣч. объ яз.).

[1] Это изображеніе сохранной красоты не можетъ не напомнить намъ велико-русскаго эпоса:

«Сидитъ Аѳросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А и красное солнце не печетъ лице.»

(Др. Р. Ст., № X, стр. 87).

[2] Частыя, одна за другой, мелкія; серб. *дробан, ситан* (дробь). Впрочемъ понятіе *мелкаго* черезъ *частое, плотное, четкое, одно за другимъ,* переходитъ къ крупному: самое наше *крупной* отъ *крупа*; отсюда *дребни дукати*. Сравни ниже.—

[3] *Попита*, хотя совпадаетъ съ 3 л. ед. ч. наст. врем., но употребляется какъ аористъ: *спросилъ*, а для настоящаго — *пита* (питамъ, попитамъ); различіе опредѣленнаго и неопредѣленнаго вида.

[4] *Душё*, вводное; маленькая, тоненькая, т. е. граціозная. Если вообще славянскій, то преимущественно эпическій языкъ Сербовъ и Болгаръ умаленіемъ означаетъ красоту и даже всякое достоинство; отсюда такое огромное значеніе сербскаго эпитета — *танан*, *танак*, Фр. *fin*. —

[5] *Страни* = щёки. — У Вог. *ронешь*. —

[6] Не споримъ, если бы кто, согласно яз. Ц. Славянскому, написалъ

«О́те[1] ми ко́нче-то не кова́[2]?»
—«Той ти ко́нче-то кова́ва
—«Ѕа мо́е-то бѣ́ло лицѐ,
—«Дѣ́вѧть-годи́шно стоѝло,
—«Вѣ́търъ ни го́ ю повѣ́ѧло
—«И слъ́нце ни го́ ю огрѣ́ло.»—
До́йчинъ си ѕѫ́би скрецтѣ́ше[3]
И отъ посте́лѧ-тѫ хри́пкаше[4]:
«Невѣ́сто, дѹдѹ́мъ, хѹ́бава!
«Нѣ́ка[5] ми ко́нче-то не кова́:
«Поди́ ми ко́нче-то ѕакеди́
«Въ мо́и-тѣ тѣ́мни ахъ́ри[6],
«Та ми́ ко́нче-то оседла́й,
«Ѓуди́ мѹ вѣ́тхо-то седло́,

«Оседлай ми дора дебелога.»
Писну Андя, како люта гуя:
«Господару, болани Дойчине!
«Бог убио твога побратима!
«Он не куе коня вереснём,
«Но он иште мое очи црне,
«Да их люби, док му потко̀в платиш;
«Я не могу налбанте любити,
«Та, Дойчине, за живота твога.»
Кад то чуо болестан Дойчине,
Он говори виерници люби:
«Анделия, моя верна любо!
«Оседлай ми дора дебелога,
«Изнеси ми копле убоито.»

трьва; но не слышимъ здѣсь *ятя* въ произношеніи болгарскомъ: а отъ чего? отъ ослабленія гласности звука *р*. Уже въ яз. Ц. слав. при формахъ жрѣти, трѣти, встрѣчаемъ жрати, трати, и потомъ сравните *жрать*, *травить* (производная форма); трава, трѣва, предполагаемая форма трѣва (вспомните трѣбоуха; любопытна *торба* = мѣшокъ для съѣстнаго, по сродству съ трѣва, *треба*). Но, вслѣдствіе ослабленія *р*, при немъ является даже мягкое *ь*: н. болгар. *умрьлъ* (относительно древнѣйшее), Ц. слав. оумрьлъ, простьрѣ, пожьрѣ, аор. оумрѣ и оумре. Изъ этого-то *ь* уже образуется *е*: оумре; таково же *е* и въ н. болг. *трева*, и вотъ почему здѣсь не слышно двойнаго звука ятя, или лучше одного изъ двухъ звуковъ — *я*. А впрочемъ см. ниже. —

1 *Оте* = греч. ὅτι, отчего?

2 Аористъ: отчего не подковалъ (2-е и 3-е лице одинаковы)? —

3 *Скрептѣ* (скрипнѫ)=скриплю, скрежещу; *е* вѣроятно также образовалось изъ *ь*.

4 *Хрипкамъ*, выгибаюсь, выламываюсь, мечусь: «съ постели своей метался.» Вспомните наше *хрипъ* = *хрибъ*, хребетъ, изгибъ спины.

5 Пусть.

6 *Ахъръ*=конюшня, стойло, тур. *ахырь*. —

«Стегни́ му де́вять кола́ни[1],
«Извади́ ми и ма́лень[2] топузъ[3],
«Ма́лень ми—де́вять о́ки,
«И мо́й-тѫ са́бѭ мѣ́ненкѫ,
«Мѣ́ненкѫ—де́вить пе́ди,
«Гдѣ́ то[4] ми въ че́рнѫ землѭ́[5] лежѣ́ла,
«Лежѣ́ла—киръ[6] не хва́нѫла[7],
«На еръ-каши́[8] ги закачи́[9];
«Таче́[10] ми ко́нче-то доведи́,
«На бине́къ-таши́[11] заведи́.»
Ти му ко́нче-то осѣдла́
И му са́бѭ-тѫ изва́ди,

Хитро су га обе послушале:
Люба седла дебела дората

[1] *Коланъ* = подпруга у лошади, тур.; подвяжи, стяни девять подпругъ. —

[2] Слово это заставляетъ насъ думать, что пѣсня по происхожденію принадлежитъ или Видинскому округу, или Македоніи, или пѣвшій былъ изъ этихъ странъ: серб. *мален*, у Болгаръ же обыкновенно *малъкъ*.

[3] *Топузъ*=булава, тур. *Изгади*=вынь, достань.

[4] Ту, что, которая; по болгарски *дѣто*, издатель подправилъ. Малорус. *дето*.

[5] Богоевъ пишетъ *землѭ*: не народный языкъ; д. б. *земѭ*:—и впередъ поправляйте. —

[6] *Киръ*=ржавчина, нечистота; тур. (*сѣрый*). —

[7] Не взяла, не получила (вм. *хватнѫла*). У Бог. *лежала*.—

[8] *Еръ-каши*=задокъ сѣдла, тур. —

[9] Повѣсь. *Закачѫ́*, *зака́чвамъ* или *закачѣ́вамъ*, вѣшаю (ср. *закатить*).

[10] Потомъ, въ слѣдъ за тѣмъ.

[11] *Бинекъ-таши*, въ сербской формѣ *бинь-таш*, камень, съ котораго влѣзаютъ на лошадь, турецкое слово. Къ нему обыкновенно и подводятъ коня (*бинмекъ*, *ташъ*).—

Слѣдуетъ превосходное описаніе, какъ Дойчинъ, отправляясь на битву, завивалъ полотномъ разболѣвшіеся свои члены, чтобы они не разошлись изъ своихъ мѣстъ, не развалились. Здѣсь просимъ обратить вниманіе и на сербскій текстъ, рядомъ съ болгарскимъ: они дополняютъ другъ друга красотою и силою изображенія.

Та ги на ерь-кашѝ закачѝ;
Че[1] му кóнче-то заведè,
Дойчѝнъ му са кáчёваше[2];
Ти му кóнче-то държѣше,
Óще[3] го лю́то кълнѣше[4]:
«Да дадé Гóсподь, кóнче-ле[5],
«Бóленъ Дойчѝна заведѝ,
«Чéренъ Арáпинъ донесѝ.»[6]
Катó са Дойчѝнъ покачѝ
На юзингѝи[7] позлатѣни,
Тачé ѭ вѣрно попи́та:
—«Невѣсто, дудýмъ, хýбава!
—«И'машь ли платнó лéнено[8],
—«Дéвять-годѝшно бѣлено[9],
—«На чемшѝръ[10]-стáнъ истъкáно,

И износи копле убоито...
Припасаше саблю Алаланку,
Приведоше дора од мейдана,
Турише га дору на рамена,
Додаше му копле убоито...
Па дозивле сестрицу Єлицу:
«О Єлица, моя мила сеё!
«Донеси ми єдну крпу платна,
«Утегни ме, селе, од бедара,
«Од бедара до витих ребара,
«Да се мое кости не размину,
«Пе размину кости мимо кости»..
А сея є доносила платно,
Утегоше болана Дойчина
Од бедара до витих ребара...

---

[1] Когда, собственно = что.

[2] Вскакивалъ на него, начиналъ взлѣзать; *кáчѫ*, поднимаю; *кáчѫ сѧ*, взлѣзаю, поднимаюся, опредѣлен. вида; неопредѣл. видъ *кáчвамъ сѧ* и *качѧвамъ сѧ*; *кáчвахъ*, *кáчваше*, *кáчёвахъ* (изъ *качьвахъ*), *кá-чёваше*. —

[3] Еще, и. —

[4] Люто его, коня, заклинала (Бог. *държяше*, *кълняше*); можетъ быть кляла Дойчина: см. ниже.

[5] Эту прибавляемую частицу *ле* нѣкоторые считаютъ заимствованіемъ отъ Румуновъ, ихняго члена (лат. ille); намъ напротивъ кажется она видоизмѣненіемъ обыкновенной частицы *ли*, нерѣдкимъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

[6] Эта рѣчь, равно какъ послѣдующая, черезъ нѣсколько стиховъ, обличаетъ злобу и измѣну жены Дойчина; у Сербовъ этого мотива не замѣтно; впрочемъ и тамъ она называется *люта*, *проклета*, и представляется, что напрасно поссорила, изъ за шутки, мужа и кузнеца.

[7] Стремена, тур. *юзангй*. —

[8] Льняное: *ленъ*=лёнъ. —

[9] Которое бѣлилось цѣлыхъ девять лѣтъ.

[10] Истканое на станкѣ изъ бука; серб. ф. *шимшир*, букъ:—тур. (*шимшад*).

— «Въ темюръ-сѫндѫкъ[1] държано[2]?
—«Снагѫ-тѫ да си ѕавиѭ[3]:
—«Девять-годишна болѣла
—«На девять-пѫди постелѭ,
—«Лежѣла та не магнѣла,
—«Да ѭ вѣтъръ не повѣе,
—«Да ѭ слѫнце не огрѣе.[4]»—
И тѫ му платно изнесе,
Та лютѫ си снагѫ ѕави.
—«Стѣкай[5] си съ Богомъ, невѣсто!» —
«Иди си съ Богомъ, стѹпане!
«Конче-ле, штѫ ти ѕарѫчвамъ[6],
«Да не си, конче, игрѣло:
«Дано[7] Дойчина ѹбиѭтъ,
«Черенъ Арапинъ да дойде.»

---

[1] Сундукъ; тур. (*сандукъ*, перс.).

[2] *Държѣно.* У Бог. *истакано, държано.*—

[3] Чтобы завить мнѣ полотномъ свою *снагу*, то есть *всѣ члены, суставы*, потомъ *силу*; слово попадается въ глаголич. кирилло-серб. памятникѣ, въ смыслѣ силы, крѣпости; у Сербовъ тоже значенiе: «опасао се снагом, стао на снагу,» — юноша пришелъ въ силу, возмужалъ; «боли ме сва снага,» — всѣ суставы, все тѣло. Въ чешскомъ слово это является уже въ Краледв. рукописи (Олдрихъ и Болеславъ); въ Судѣ Любуши: «trasehu se *lutostu* usi *udi*,» — слову *udi* соотвѣтствуетъ *снага* и эпитетъ ея у Болгаръ *люта.*—

[4] Чтобы не повѣялъ на больную снагу вѣтеръ, не пекло бы ея солнце; серб. чтобы не вывихнулись кости, не разошлись, другъ мимо друга.—У Бог. *лежала.* —

[5] Оставайся.

[6] Я тебѣ дамъ порученiе: чтобы ты, конь, не игралъ подъ Дойчиномъ. Неопредѣленный видъ *заръчвамъ.*—У Бог. *ча.* —

[7] Авось либо убьютъ Дойчина, эхъ, кабы убили его и пришелъ бы (вмѣсто его) черный Арапинъ.

Тръгнѫ[1] ми Дойчинъ къ пѫть-тъ.
Като́ ми къ пѫть-тъ оти́ша[2],
Въ рѫкѫ́ си топу́зъ хвѣрлѧше[3],
Ко́нче-то, хо́ламъ, не игра́е.
Той си го вѣрно попи́та.
«Ко́нче-ле, като́ ми́ло бра́тче!
«О'те ми, ко́нче, не игра́ешь,
«Като́ на пре́жно-то вре́ме,
«Га́то Ара́пи-тѣ бастйсахъ?
«Мо́я-та мла́да невѣста
«Дали́ ти тима́ръ не чи́ни[4]?
«Илй та, ко́нче, не зобй?
«Илй та съ вино́ не поѝ?»
— «Дойчи́не, бо́ленъ стопа́не!
— «Ху́баво ми тима́ръ чи́нѣше
— «Де́немъ и подва́жь и потри́жь[5];
— «Съ ро́йно ма ви́но поѣше[6],
— «Ко́лко-то мо́гѫ да пи́ѭ;
— «Съ бѣлѫ пшени́цѫ зобѣ́ше, —
— «И те́ке лю́то кълнѣ́ше,
— «И на ме́не зарѧ́чѣше:

---

[1] Тронулся. Ц. слав. тръгнѫти = rumpere: erupit. —
[2] Отправляется, идетъ; *отивамъ*, отъ корня *и*.
[3] Швырялъ, бросалъ (къ верху) рукою топузъ. — У Бог. *ля*; — ниже *холанъ*. —
[4] Или она не вычистила тебя? аористы. Богоевъ пишетъ *чина:* если это только не типографическая ошибка, формы подобной не существуетъ. — Пишетъ *темаръ*; — *чиняше*. —
[5] Въ день по дважды и по трижды. Остатокъ склоненія: обыкнов. *деньмъ* или *денямъ*.
[6] Въ такихъ случаяхъ, какъ замѣчено нами выше, охотно допускаемъ *я*, въ одномъ значеніи съ *ѣ*;—такъ ниже у Богоева *зобяше, кълняше*,—*заржчаше*. — Но не можемъ согласиться на *менѣ*. —

— « «Да даде Господь, ко́нче-ле, —
— « «Болен Дойчи́на ѕанесѝ,
— « «Черен Ара́пин донесѝ.» » —

«Ко́нче-ле, като́ мило бра́тче!
«Белки́[1] ми ѥ ма́йка и та́йко?
«Би́ръ[2] да ма ѥ лю́то кълнѧ́ла:
»Белки́ ми ѥ ци́цкѫ[3] да́вала?
«Ела́[4] ми, ко́нче, послу́шай,
«Та ми́, ко́нче, поигра́й,
«Като́ на пре́жно-то вре́ме,
«Га́то Ара́пи-тѣ бастѝсахъ!»
И ко́нче-то я́сно[5] поцвѝли,
И де́вѧть бо́и[6] поско́чи,[7]
И де́вѧть ла́кти приско́чи[8].
Като́ са Дойчи́нъ испра́ви[9]
На ѕенгѝи позлатѝни,

Познаде га доро од мейдана,
Па му оде силан поигриват'.
Окрену га Дойчин низ чаршию;
Колико му силан подиграва,
Из калдрме искаче камене.
Ал' говоре Солунски трговци:
«Вала Богу, вала единоме!
«Од како е Дойчин премину́о,

---

[1] Развѣ, тур.; развѣ она мнѣ мать или отецъ?

[2] *Биръ*, тур., значитъ собственно—одинъ, но употребляется и въ значеніи — пусть, пожалуй, даромъ: «пускай, положимъ, что она меня люто проклялa»...

[3] Да развѣ она меня грудью кормила? Русскіе говорятъ въ этомъ случаѣ: «что́ онъ меня, родилъ что ли?» «Эхъ , не родило меня то-то», = пренебрегаю, не дорожу я этимъ.

[4] Греч., ступай, иди: «ну-ка, послушай меня.» У Бог. *послушай*. —

[5] *Ясно* при голосѣ, ревѣ, ржаніи, въ эпическомъ языкѣ переходитъ къ представленію звучности, громкости. Серб. «Ой за гором за зеленом, Нешто *ясно* подврискуе, Баш к'о грло девоячко (т. I, № 300).»

[6] *Бой*, тур. (*буй*), человѣческій ростъ; вѣроятно родит. множ.; книжники написали бы *бой-а*.

[7] Подскокнулъ. Аор. У Бог. *поскоче*.

[8] Перескакнулъ; собственно *прѣскочи*, *ѣ* безъ ударенія переходитъ въ *и;* мы оставили однако *и*, ибо самое *при* произошло изъ *прѣ*.

[9] Какъ выпрямился на стременахъ.

Тачé са ясно провикнѫх;
Га[1] си́ топу́зъ-тъ подхвърли[2],
Дéвять саха́та[3] оти́ва,
Тачé го съ ко́нче-то стига́ше[4],
Та го́ съ рѫкѫ́ хвата́ше[5].
Отъ гдѣ́[6] го ви́дѧ Ара́пинъ,
Той си ко́нче-то изва́ди,
Че́рна ми ко́ня ара́пскѫ[7],
Тачé ми Дойчи́на напи́нѫ[8].
Фу́инѫ[9] ми Дойчи́нъ да бѣ́га;
То́й го[10] Ара́пче-то застигнѫ,

«Ние боли юнак прошао
«Кроз Солуна града биелога,
«Ни болега коня прояхао.»
Оде Дойчин у поле широко
Ка шатору црна Арапина.
Кад га виде црни Арапине,
Од страха е на ноге скочио...
Он се вати вранцу на рамена,
А у руку копле убоито.
Изидёше у поле широко,

---

[1] *Га* — кога, когда.
[2] Подшвырнулъ.
[3] *Сахатъ* — разстояніе часовое, тур.
[4] Настигалъ, подскакивалъ къ нему.
[5] Описаніе обыкновенной игры: вскинетъ топузъ къ верху, уйдетъ на разстояніе девяти часовъ, и тутъ уже, ѣдучи на конѣ, настигнетъ упадающій топузъ и схватитъ его рукою. У Сербовъ: Петръ Мрконичь «на дорату ноге прекрстио, а титра се сила с буздоханом, он буздохан баца у висину, а у десну дочекуе руку», то есть: скрестилъ ноги на конѣ и играетъ безпрестанно (*сила*—часто, много) съ буздованомъ, бросаетъ его въ верхъ, а въ правую руку принимаетъ (т. III, № 42). «На дорату ноге прекрстио, топузину баца у облаке, дочекуе у биеле руке (т. II, № 68)» Игра эта, въ обширномъ смыслѣ, называется *титра*: играютъ съ камнями на конѣ; съ маленькими камушками ребята, какъ у насъ; женщины съ яблоками, и т. д. —
[6] По болгарски *отъ дѣ*: когда, только что.
[7] Книжники пишутъ въ этихъ случаяхъ: *сахатъ а*, *конь-а* и т. п. Бог. *черна коня Арапска*.
[8] *Напи́нѫхъ*, *напи́нѫ*, неопред. *напи́нвамъ*, — напираю, пну на кого́, пну кого. —
[9] Пустился, бросился было бѣжать. У Бог. *бѣга*. —
[10] *Той го* могло бы быть вмѣсто *тое го*, то есть *тое Арапче*, но и это не хорошо, ибо *то* да *тое*: *тое Арапче-то;* потому должно быть или *тѣй*—потому, въ слѣдъ за тѣмъ, или *та*—и. А проще: — *его*.

Та съ мáленъ топýѕъ го ѕасýка[1],
Ѕасýка, да го ѹдáри,
Да ѹдáри бóленъ-Дóйчина:
Кóнче-то на колѣ́на клѣ́кнѫ[2],
Мáленъ го топýѕъ надхвѣ́рли[3];
Катó сѧ Дóйчинъ повѣ́рнѫ,
Съ вѣ́рѕе го кóнче надскóкнѫ[4],
Че сѧ изꙗ́сно[5] прокúкнѫ,
Съ мáленъ го топýѕъ ѹдáри,
Тачé го отъ кóнче-то повалѝ,
Извáди и сáбѭ мѣ́ненѫ,
Двана́десять[6] пéди,
Тачé мѹ лю́тѫ главѫ́ отрѣ́ѕа
Чéрнѫ ми[7] главѫ́ арáпскѫ,

Налютише коне од мейдана...
Баци копле црни Арапине,
Да удари болесна Дойчина,
Ал' се доро бою научно,
Клече доро до зелене траве,
Високо га копле претурило,
Те удара у землицу црну...
Кад то виде црни Арапине,
Плети даде, биежати стаде,
Право бежи к биелу Солуну,
А за ниме болани Дойчине.
Таман Арап на врата Солунска,
А стиже га болани Дойчине,
Па потеже копле убоито,
Прикова га Солуну за врата,

---

[1] За́сучилъ, завертѣлъ топузомъ, размахнулся, чтобъ ударить; обыкновенное выраженіе въ этомъ случаѣ; *го* остается безъ особаго значенія.

[2] *Клъквамъ*, *клъкнѫ*, присѣсть, опуститься, склониться, одного корня съ нашимъ *калька*. Жители Шумна, въ противность большей части остальныхъ Болгаръ, имѣющихъ для значенья *кличу* глаголъ *викамъ*, употребляютъ *кликамъ*; за это Болгаре смѣются надъ ними и говорятъ, что это слово не болгарское: въ самомъ дѣлѣ, повелительное *кликнѝ* невольно вызоветъ у Болгарина усмѣшку, ибо совпадетъ съ формой *клъкнѝ* (выговаривается также *кликнѝ*), то есть присядь, согнись. У Бог. *клякнѫ*.

[3] Перескочилъ черезъ него, перешвырнулся. —

[4] Наскочилъ на него съ своимъ конемъ. —

[5] *Из*, прибавленное къ *ясно*, = *раз*, увеличиваетъ значеніе громкости. Слово употребляемое и въ нашемъ простонародіи, но уже сообразно съ нашей фонетикой: *изъясно*.

[6] Конечно подправлено издателемъ: обыкновенно *дванáйсетъ, дванáйсе, дванáйсъ*.

[7] Да не введетъ кого либо въ заблужденіе это эпическое употребленіе

Тачé ж на кóнче-то ҫакачѝ.
Самá ми главá не стоѝ[1]:
Иллахѝ[2] и дéнкъ-тъ ҫакачѝ[3], —
Седмь[4]-десéть и пéть-óки бѣлъ кáмикъ.
Тачé са назáдъ повърнах,
Че при налбáнче-то отѝде:
«Побрáтимче-ле мой налбáнче!

Па повади саблю Аламанку,
Те Арапу отсjече главу....
Па он оде тамо уз чаршиjу,
Кад е био побратиму своме,
Побратиму Петру налбантину,
Он дозивље свога побратима:
«Изиђь, побро, да ти потков платим,
Што си мене коња потковао,
Потковао вереснём дора.»

ми, какъ вставочной частицы. Пѣвецъ вовсе не думаетъ присвоить себѣ арабскую голову.

[1] Интересное описаніе: привѣсилъ было голову Арапа къ сѣдлу,—она сама, одна, не стоитъ, не держится.

[2] *Ялахѝ*—съ Божьей помочью, тур. (billahi); употребляется часто при успѣхѣ въ чемъ трудномъ.

[3] Грузъ вьючной лошади называется у Болгаръ чаще турецкимъ (если съ деньгами) *хазна*, или *товáръ*, равно какъ у Сербовъ *товаръ*; двѣ стороны вьюка, по обоимъ бокамъ лошади, называются у Турокъ *денкъ*—равновѣсіе, ровно (чётъ, чашка вѣсовъ). Дойчинъ привязалъ голову Арапа на лошадь, но ей нужно было равновѣсіе (*и*—ей), денкъ: тогда онъ съ другаго боку привязалъ камень въ 75 окъ=около 225 фунтовъ = пять пудовъ, 25 фунтовъ. Не удивляйтесь этому вѣсу: когда Илья билъ Татариномъ силу Калинову,

«Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ.»
(Др. Р. Ст., № XXIV, стр. 250).

Въ былинѣ о богатыряхъ Данилѣ и Михайлѣ (при Изв. Имп. Акад. Н., 1854 года, Пам. и обр. нар. яз. и слов., стр. 278) встрѣчаемъ такое описаніе головы врага Уланища:

«Самъ онъ (Михайла) головы то удивляется:
Вить ушишша-та у царишша—быдто блюдишша,
А глазишша-та у царишша—быдто чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша—быдто палиця боёвая.»

[4] Поправлено Богоевымъ, вмѣсто *седямь-десéть*, *седьмь-десéть-десé*. — У Бог. *камыкъ*; обыкн. *камъкъ*. —

«Малй[1] ти, побрáтимче, не зарѫ́чахъ,
«Кóнче-то да ми подковéшь
«Съсъ дéвять-óки подкóви
«И дéвять стóтинъ гвóздове,
«За трѝста чéрни грошéве,
«На юнáшкѫ кересѝѭ?
«Ти ми кóнче-то ковáвашь[2]
«За бýлско-то ми бѣ́ло лицé.»
Катó отъ кóнь-тъ посѝгнѫ[3],
Съ рѫкѫ́ му главѫ́-тѫ откѫ́снѫ[4],
Че ѭ́ на кóнь-тъ закачѝ,
Съ арáпскѫ дéикъ ги[5] напрáви.
Тачé са назáдъ повѫ́рнѫ,
Та при невѣ́стѫ-тѫ отѝде,
И нѥ́й главѫ́ отрѣ́за,
Тачé ми Дóйчинъ забѣ́гнѫ[6]
По Влáшкѫ земльѫ́ Богдáнскѫ.

Проговара Перо налбантине....
«Ниесам ти дора потковао,
«Я се, брате, мало нашалио;
«Анделия люта и проклета,
«Она плану, како ватра жива,
«Па одведе некована дора«...
Онъ изиде пред свога дутяна,
Ману саблёмъ болани Дойчине,
Налбантину одсиече главу,
Па на сабли главу дохитио,
Изавадио очи налбантину...
Право оде двору биеломе,
Пред двором е дора одседнуо,
Па он седе на меку ложницу...
Па извади очи налбантове,
'Те их дае люби Анделии:
«Най ти, Андё, очи налбантове,
«Нека знадеш, да их любит' не теш,
Любо моя, за живота мога.»
То изусти, а душу испусти.

---

[1] *Развѣ не* поручалъ *я* тебѣ, не ручался *ли я* тебѣ?. У Бог. *ча.* —
[2] А ты можешь ковать, ты куешь все только за женское бѣлое лицо? Такъ вотъ же тебѣ . . .
[3] Какъ потянулся съ коня . . . *Сягнѫ*=тягнѫ, тяну; но, такъ какъ *тф* ѧ въ болгарскомъ отвѣчаетъ обыкновенно *е*, думаемъ, что *я* подправлено издателемъ.
[4] Рукою оторвалъ у него голову. *Откѫсвамъ, откѫснѫ* (наше *откусить*)= отрывать, оторвать. —
[5] *Ги*=ихъ; голову кузнеца и голову Арапа, сдѣлалъ ихъ въ равновѣсіи, уравновѣсилъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла.
[6] Это выраженіе даетъ мысль, что Дойчинъ какъ будто сдѣлался хайдукомъ, а можетъ быть и просто убѣжалъ. Но интересно сопоставленіе Араповъ и Валахіи, Молдавіи. Сербская пѣсня представляетъ Дойчина умирающимъ; можно однако и въ ней видѣть намеки на дурной поступокъ жены, напрасно раздражившей мужа противъ кузнеца. —

II.

БОГДАНЪ

(Р Ѫ К О В И Т И [1]).

ПѢСНЯ БОЛГАРСКАЯ.	ВАРІАНТЫ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПѢСЕНЬ СЕРБСКИХЪ.
Пилци́[2] пиштáтъ, пилци́ гáрканови.[3]	Нешто пишти у зеленой трави:

---

[1] Богоевъ пишетъ: *рѫковити*. Слова этого мы незнаемъ; но зато легко догадываемся объ его смыслѣ: ѫ, употребленное Богоевымъ, показываетъ, что здѣсь глухой звукъ= или ѫ, или ъ. 1) Въ первомъ случаѣ слово по корню сближается съ словомъ *рѫка*. Въ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ *рука*=годится, пригодно, подручно, удобно; *ему все ручитъ* = счастливится, удается (иркут., том.); *рушный* = способный (владим.). Въ сербскомъ всѣ эти значенія развиты самымъ обширнымъ образомъ. Въ чешскомъ *ručest* и *ručnost*, проворство, скорость; *ručný*, проворный, дѣятельный; *rukotržný*, отважный, предпріимчивый, дерзкій; кромѣ того удержаны всѣ значенія сербскаго и русскаго областнаго, наравнѣ съ польскимъ: *idzie co ręka*, идетъ хорошо, счастливо, удается. Итакъ все это приводитъ къ тому, что *рѫковити*, слово, образованное совершенно согласно съ геніемъ болгарскаго языка, значитъ — удатный, удалой, на всѣ руки, смѣлый, размашистый. Въ чешскомъ отъ *rameno* также точно образовано *náramný*, великій, сильный, горячій, порывистый, лютый: *náramná zima* = лютая зима (холодъ); *náramné horko* = лютая горесть; *náramný strach*, *náramný hlad* = лютый страхъ, гладъ; *bolest náramnau mjti*=имѣють лютую болесть, и т. д. Слѣдовательно *рѫковити Богданъ*=серб. *Лютица Богданъ*. 2) ъ въ новоболгар. соотвѣтствуетъ Ц. славянскому ы: *рыковити*=зычный, крикливый, что и оправдывается самой пѣснію. Оба производства сходятся: 1) и по звукамъ, ѫ безпрестанно въ Ц. Слав. = ы; 2) по отношенію къ общему первоначальному корню *рь-ти*, откуда и *рѫк*, и *рык*, и 3) по общему значенію порыва, стремленія. —

[2] Птенцы: *пи́ле — пи́лета*; *пи́ленце*; *пи́лецъ — пилци́*.

[3] Названіе *вра́на*, *во́рона*, сколько намъ извѣстно, не имѣетъ ни въ одномъ языкѣ словопроизводства совершенно яснаго и несомнѣннаго, подобно какъ и другія названія животныхъ и растеній. Впрочемъ повсюду

Далй ю вилцй[4] илй ю телѣкъ? Ил' е вила, или люта гуя?

корни выражають три категоріи слѣдующихъ представленій: 1) *вѣщаго*, голосистаго, прорѣкающаго; 2) *черваго*; 3) *кривого*, изогнутаго. Теперь вопросъ: что такое *гавранъ* или *гарванъ*? По употребленію вѣславянскихъ нарѣчіяхъ нельзя положить строгаго различія: въ Ц. славянскихъ кодексахъ является онъ въ кирилло-сербскихъ и болгарскихъ памятникахъ какъ corvus *κόραξ*, большой, лѣсной; у Сербовъ и Болгаръ также, и преимущественно какъ зловѣщій; у Сербовъ верхнелужицкихъ какъ Nachtrabe (hawron) въ отличіе отъ *rapak* (Rabe); въ Малой и Бѣлой Руси, равно у Поляковъ (gawron), — грачь; у Чеховъ corvus *κορώνη*, меньшій и не такъ черный, какъ krkawec, cornix nigra. *Га* можно и должно стало быть объяснять этимологически, именно двумя главными путями: 1) допуская корень глагольный или именной: а) *гай*, роща; на сторонѣ этого объясненія то, что *гавранъ* является у нарѣчій, сохранившихъ слово *гай*, а на Великой Руси почти неизвѣстенъ; притомъ в. луж. *hola* (роща, не столь густая, какъ лѣсъ, съ прогалинами, saltus), н. луж. *gola*, а въ сербскомъ *головранъ* = гавранъ (по чешски *hola*=открытое, голое мѣсто); б) съ этимъ сродно и представленіе звука, крика: скр. *ah*, *hwé*; *gaj*, *gajati*, пѣть, наше областное — гайкать; сравните *чакра-ва́ка* (первое вѣроятно звукоподражательное), красный гусь; *вака*, цапля; грълица, славии, *krkawec*, *грачь*, серб. *ной*, и т. д. 2) Корень мѣстоименный какъ префиксъ, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ порой встрѣчается (*со-рока*, *ка-лька*); въ особенности сильна здѣсь аналогія Санскрита, въ которомъ являются мѣстоименія *кат*, *кад*, *ка*, *ка́*, *ки*, *ким*, *ку*; объясняютъ это обыкновенно вопросомъ или удивленіемъ: *кадарт'а*, чтó за польза, за щастье, за богатство? = зло, несчастье, бѣдность; *ка́га*, чтó это идетъ? = ворона; *канад'а*, чтó за щель? = простая, не двустворчатая дверь; *ка́нат'а*, чтó за путь? = скверная дорога; *ка́пурўша*, *кимпурўша*, *киннара*, чтó за человѣкъ! = дрянь, трусъ, пошлякъ; *ка́ва́ра*, чтó за потокъ! = болото, стоячая вода; *кичáрў*, чтó такое колетъ? = игла колоса; *кинчулука*, чтó это за движущееся? = червякъ; *кимпача́на*, чтó это за пекущій, готовящій себѣ кушанье? = бѣднякъ (которому нечего печь); *кукара*, чтó за рука, за работникъ! = человѣкъ непроворный, съ вывихнутой, слабой рукой; *кукртья*, чтó это сколько нужно сдѣлать! = пустое дѣло; *кума́ра*, что это за человѣкъ? = ребенокъ. Мало того: мы прямо находимъ *гаврана*: *ка́ка́ла*, чтó за черный? = воронъ, не со всѣмъ черный; *ка́* —

Нитó и пилцé, нитó и телéнк: Нит' е вила, нити люта гуя,

га, *кáла* = *вранъ* (вороной); *кáрава* , чтó за крикъ? = ворона: опять *кá* = *га*, *рава* = ревъ, вранъ вѣщій, krkawec , *κόραξ-κράζω*. Очень важно, что въ Ассеман. Евангеліи—глаголическомъ, XI вѣка, встрѣчается кл-гръличишть , для показанія самаго малаго птенца. Но едва ли можно допустить при производствѣ такихъ словъ вопросы и удивленіе: это было бы слишкомъ наивно. Скорѣе мѣстоименію *ка* (кас) должно отдать обыкновенное значеніе частицы. Мы видѣли изъ примѣровъ, что смыслъ его — ослабленіе, уменьшеніе или даже отрицаніе значенія слова; таково именно мѣстоименіе, употребляемое въ концѣ суффиксомъ, *éка* (ѐкас , сложное изъ кас) и *анья* (аньас) , въ славянскихъ нарѣчіяхъ *ъкъ*, *ецъ*, *ичъ*, и т. д.; сербское *едан* (какой-нибудь, такъ себѣ, плохой), *единъ*, *инъ*, *ънъ*, *анъ*. И не только въ концѣ, эти частицы являются сначала: *ино*, *но*, *нъ не*, *ни*, ограничивающія и умаляющія значеніе послѣдующаго (гласная , въ началѣ, не легко выносится въ языкахъ, особенно славянскихъ); отсюда у насъ вмѣсто *éка*—*ка*, а *ка*, переходитъ въ *па*, *по* (греч *καὶ*= *πᾶς*), именно уменьшающія силу значенія. Остается одно: какимъ образомъ *га* явилось изъ *ка*? окрѣпло также , какъ всѣ мѣстоименія и какъ суффиксъ *га* вмѣсто *ка*. И такъ дѣйствительно видимъ , по догадкамъ этимологіи слѣдуетъ признать , что въ основѣ *га-врана* уменьшительное значеніе: грачь , черная ворона , воронъ не совсѣмъ черный, не столь большой , не столь сильный голосомъ , подобно какъ нижне-луж. *wronašk* , областное наше *воронецъ*=*κορώνη*. См. статью С. П. Микуцкаго въ Изв. Имп. Ак. Н., Мат. для слов., 1853 г., стр. 332 — 334. Впрочемъ мнѣніе нѣкоторыхъ опытныхъ ученыхъ стоитъ за *гай*—врана.—Любопытно послѣ всего этого привести извѣщеніе (Моск. Вѣдом., 1853 г., Марта 21, № 35) о находкѣ въ Волынской губерніи славянскаго Урана: «Га Уранъ матку кличе.» Любителямъ подобной миѳологіи можемъ мы пособить посильно тѣмъ, что *Κρονος* въ связи съ *Κόραξ*, *κορώνη* , *corvus*, *cornix*; что его эпитетъ *кривой* (curvus), *ἀγκυλομητης*, криводумный; что *turnus* въ *Sa-turnus* можно сравнить съ латин. *torqveo* , *torvus* , *tormentum* , тѣмъ болѣе , что при Кронѣ и Сатурнѣ символы полевыхъ работъ , даже съ франц. *tourner;* что наконецъ *ка* очень часто = *са*, и проч. — Стоитъ только изъ гаврана передѣлать Урана и Кроноса. —

[4] Птенцы ли это, или?...

Ами́[1] било седимь-деся́ть[2] ро́ба[3],
Поро́билъ ги є[4] [illegible] Нико́ла,
Та ги запрѣ́лъ[5] вѫвъ тѣ́мни занда́ни[6],
До по́ясъ-тѣ въ водѫ́ студе́нѫ,
Та ги пи́ятъ мо́рски пи́явици.
Кога́ ви́кнѫтъ[7] седимь-деся́ть ро́ба[8],
Отъ че́рнѫ-тѫ земля́[9],
Та са чю́ва[10] до си́нё-то не́бо:
«Бре[11], нѣ́ма ли, да ни пу́стнé
«Нѣ́кой отъ ти́я занда́ни,
«Да ни запре́ въ дру́ги занда́ни?»
Си́чки-тѣ ро́би испу́стнахѫ:
«Ржкови́ти Бо́гдана не ха́лайте[12],
«За́ри[13] и́ма не́гово бу́лче ху́бако,

Вете пишти Смиланить Илия,
Илия е рана допадпуо...

(т. III, № 32).

Процвилио сужань Милутине
У тавници бана Задранина,
Горко цвили девет годиница...

(т. III, № 57).

У тавници двадесет сужаня,
А сви плачу, едан попиева,
Те остало друштво разговара:
Не бойте се, братё моя драга!
Єда Бог да каквагодь юнака,
Кои те нас юнак избавитя!»

(т. III, № 51).

---

1 Но.
2 Седямъ-десе́тъ.
3 Плѣнниковъ.
4 Поплѣнилъ ихъ.
5 Заперъ.
6 *Зандан* = подземная темница, тур. —
7 Какъ крикнутъ...
8 Седямъ-десе́тъ.
9 Читай *земѧ*. Пѣсня эта напечатана Богоевымъ, а потому намъ пред стоитъ таже осторожность, какъ и въ предыдущей.
10 Слышно.
11 Какъ междометіе, значитъ просто — *эй*, *ну*: «эхъ, нѣтъ ли кого, кто бы пустилъ насъ отсюда, заперъ бы (по крайности) въ другую темницу?»
12 Особенность болгарскаго эпоса состоитъ между прочимъ въ томъ, что въ немъ часто приводятся слова, безъ означенія, кто говоритъ (ср. у Малоруссовъ): этого не найдете у Сербовъ. Такъ здѣсь приводится явно рѣчь Николы, запершаго Богдана: всѣхъ рабовъ по выпустили; «а лютаго Богдана не троньте, оставьте; у него хороша жена, будетъ (мнѣ) молодой кралицой.» *Не-халайте*—развитіе глагола *нехай*, *нехайте;* обыкновеннѣе у Болгаръ *нека*, *не дый*, *не дыйте*.
13 Употребительно *зер* или *зери* = ибо, такъ какъ (за—что).

«Млáда ште крáлице да бѫде.»
Когá викнѣше[1] рѫков'ти Бóгданъ
Отъ тѣмни-тѣ зандáни,
Та са чюѣше до синѣ-то нéбо[2]:
«Бре, Бóже! Бре, миле[3] Бóже!
«Нѣма ли нѣкой отъ нѣгдѣ[4],
«Да дóйде на зандáнски вратá?
«Ймамъ книгѫ да си пишѫ
«До мой-тѫ младѫ бýлкѫ[5] Ангелинѫ.»
Отъ гдѣ[6] го зачю єднó сиво-бѣло гѫлѫбче[7],
Та отиде на зандáнски вратá,
Десно си крилцé подáде,
Той му на крилцé написа,
На бѣли перки черно слово.
Фрѣкнѫ[8] гѫлѫбче, подфрѣкнѫ,
Рѫковиту Бóгдану на рáвни двóри:
Надъ рáвни двóри са виѣше[9],
И съ крилá трепти[10] и съ очи долу глéда.

А Стояна спушти у тавницу,
У дубину триста ендезета,
Дено лежи вода до колена,
А юначке кости до рамена
(т. III, № 21).

Нешто цвили у Стамболу граду;
Дал' e гуя, дал' e вила бела?
Нит' е гуя, ни биела вила,
Но е юнак Юришитю Янко.
Ако цвили, и неволя му е:....
Єсте нему тама додиялa,
Те он цвили ютром и вечером,
Досадио студену камену,
А не кмо ли цару Сулейману
(т. II, № 52).

... У тавницу,
Дено лежи вода до колена,
А юначке кости до рамена:
Цвили юнак Милош од Поцерја,
Цвили Милош како люта гуя,

---

[1] Какъ бывало крикнетъ; прош. несов. отъ такихъ опредѣленныхъ видовъ, какъ *викнѫ*, можетъ быть употреблено только съ частицами, какъ условное, сослагательное, и т. д.— у Бог. *ня*.—
[2] Обыкновенно *небé*; у Богоева *чюяше*: не будемъ болѣе указывать подобныхъ измѣненій правописанія. —
[3] По ассимиляціи съ *Боже:* должно быть *мили.*
[4] Обыкновенно *нѣйдѣ*: нѣтъ ли кого нибудь откуда-нибудь.
[5] Слово *була*, *булка* означаетъ и жену (болг. *невѣста*), и невѣсту (*годеница*).—
[6] Читай *отъ-дѣ*.
[7] Голубокъ. —
[8] По корню = нашему *фыркнуть*, по смыслу и употребленію = порхнуть, о птицахъ.
[9] Охотно допускаемъ *вияше*.
[10] По корню = нашему *трепать, трепетать*: махаетъ, бьетъ крылами.

Млáда бу́лка Ангелѝна рáнни двóри мете́,
И ху́бавѫ, лѝчнѧ[1] пѣ́снѧ[2] пѣ́е.
И пáднала пе́рка[3] отъ небó,
Тѧ си пе́ркѫ-тѫ намѣ́ри[4],
И на пе́ркѫ-тѫ погле́днѫ,
Че[5] на пе́ркѫ-тѫ пѝсано:
«Рѫковѝтъ Бóгданъ въ тѣ́мни ѕандáни».
Тѧ си метлá-тѫ ѕахвѣ́рли[6]
И на мáлъкъ де́веръ ду́ма:
«Де́верте̌, отъ брáтче пóмило[7]!
«Нѝе[8] какó си ѣде́мъ и пíемъ,
«Бáте̌[9] ти на какви́ ѥ пу́сти рахáти[10]!

Ѳр се Милош ние научно
Подносити муку и неволю;
Цвили Милош како люта гуя,
Привлачи се на пенджер тавници,
Те он гледа юнак по сокаци,
Не би л' кога знана оказно;
Ал' припази пошту книгоношу:
«Богом брате, пошта книгоноша!
«Донеси ми ѳдан лист хартие,
«Да ти градим ѳдну ситну книгу»....
Тамница 'е кутя необична:
У тамници вода до колена,

[1] *Лѝчни* = красивый, складный, серб. *сличан*. *Ликъ*, *лице*, имѣетъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ самое обширное значеніе; здѣсь можно указать на наше *сверстный*, *складный*: *верста*, *складъ*, *ликъ*, *стихъ* употребляются о строфахъ, строкахъ стиховъ (carmen), о стихахъ (versus).

[2] Обыкновенно *пѣсень*, иногда *пѣснь*. —

[3] Слово *перка*, *перки* намъ неизвѣстно; обыкновенно *пе́ро́—пера́*, *перце́ — перца́*. —

[4] Нашла.

[5] *Че* въ пѣсняхъ обыкновенно = нашему пѣсенному *што*.

Выше уже замѣчено нами, что образъ голубя съ книгой (письмомъ) есть преимущественная принадлежность болгарскаго эпоса; сербскій отстаетъ въ красотѣ приведеннаго здѣсь образа. —

[6] Зашвырнула.

[7] Ты, который любезнѣй мнѣ брата! Сравнит. степень образуется посредствомъ *по*: удареніе остается на *по* и слѣдующемъ словѣ вмѣстѣ; въ другихъ случаяхъ мы пишемъ два ударенія на словѣ потому, что употребляется иногда то, иногда другое. Замѣтьте средній родъ при лицѣ. —

[8] Мы-то ѣдимъ и пьемъ, когда мы ѣдимъ и пьемъ, а между тѣмъ...

[9] Собственно звательный, но употребляется вмѣсто именительнаго и даже прочихъ падежей (отъ *бать*, *батя*, первоначально *бати*) *Батѣ* употребляется о всякомъ старшемъ, преимущественно о старшемъ братѣ и мужѣ, не говоря уже объ отцѣ.—*Ти* вставочное.—

[10] *Рахатъ*, спокойствіе, покой, тур.; а между тѣмъ Богданъ въ ка-

«Озѣми[1], бꙋ́лё[2], брѫсни́чь-тъ[3],
«Ру́сѫ ми косѫ́ обрѫсни́:
«А́зъ штѫ сами́чка[4] да пойдѫ,
«Ба́тё ти, бꙋ́лё, да пꙋ́стнѫ[5].»
И той и[6] ко́си́ обрѫ́снѫ.
Ти си ко́си́-тѣ плетѣ́ше
На ко́нче си́тни[7] кола́ни
И лѣ́то кълнѣ́ше:
«Пꙋ́сти-тѣ[8] мо́и рꙋ́си ко́си́,
«Што ми́ сте длъги ра́стъли[9]?
«Кога́ сѧ на ко́нче-то покачꙋ́,

Од юнака кости до појаса;
Туде иду змие и акрепи,
Хоте змие очи да попию,
А акрепи лице да нагрде,
Да отпадну ноге до колена
И юнаку руке до рамена.
Пишти ядан но тамници Марко,
Пишти Марко, до Бога се чуе...
(т. II, № 65).

То е пошта за Бога приняо,
Донесе му едан лист хартие,

комъ спокойствіи! А между тѣмъ ему-то какъ плохо! *Пусти*, какъ и въ сербскомъ, близко къ слову *проклятый;* наше — «чтобъ ему пусто!» Богоевъ пишетъ неправильно: *кокви*.

1 Возми; *об—з* (зъ, за)—*имѫ*, *имамь*.

2 *Булѐ* говорится не только къ женщинѣ, но и къ мужчинѣ, изъ уваженія: къ деверю, снохѣ, и т. п.

3 Богоевъ неправильно пишетъ *брѫсначь*=цирюльникъ; д. б. *брѫсничь*=бритва. Въ формахъ отъ этого корня древнѣйшій звукъ ѫ и ъ: по первымъ въ чешскомъ *brausiti* (острить, точить), серб. *брус*, *брушене*, *брусити*, наше *брусъ*, *брусокъ* и *брысь*=прочь; по вторымъ Ц. слав. обрѫснати, остричь, крѫдоуть=н. болг. *брадва*, топоръ; но еще далѣе ъ смягчается въ ь, и отсюда уже позднѣйшія формы *бритва*, серб. *бритка сабля* = наточеная, острая; наше областное *бридкій* = рѣзкій (напр. вѣтеръ, псков.), *бридко* = холодно, и т. д.

4=Одинешенька: *самъ*, *самичякъ самимичякъ*, *саммимничякъ* (= чѣкъ), болгарскія степени уменьшенія.—у Бог. *пойдѫ*, конечно ошибка.

5 Не сомнѣваемся, что *пустне*, *испустнѫхѫ*, *пустнѫ*, Богоевъ подправилъ, ибо *т* у Болгаръ здѣсь неслышно.

6 Ей. —

7 Мелкіе; получаетъ значеніе красоты. —

8 Нужно остерегаться, чтобы не принять за звательный падежъ, ибо тогда не можетъ быть члена: «о, чтобъ ихъ, мои русыя косы; за чѣмъ вы расли долгія?» Однако подозрѣваемъ, что здѣсь Богоевъ что-нибудь подправилъ. —

9 У Бог. *растали*. — Обыкновенная форма *ра́сълъ*, *расла*, *расло*; отъ прошедшаго *растѣѫ*, *растѣ́ли*; и потому должно быть *расли* или

«Катó си кóси́-тѣ расплетѣ́хъ,
«Какко́ ми бѣ́хте—до пѧти́-тѣ![1]»
Че[2] си кóси́-тѣ плете́,
На кóнче-то сѝтни колáни,
Че си кóнче-то пристéгнѫ,
Ръшѧ́кѫ[3] кýркѫ[4] намéтнѫ[5],
Съсъ юнáшки калпáкъ надѣ́нѫ[6],
Алтѣ́нень[7] топýзъ изкáди,
Тачé ся на кóнче-то покачи́,
Че отъ кóнче-то попи́та дéверче́:
«Дéвер'чё, отъ брáтче пóмило!

Седе Милош ситну книгу писат'...
Па у лице пером ударио,
Од образа крви наточио,
С крви нему книгу запечати,
Па є даде пошти книгоноши;...
Оде пошта биєлу Прилипу...
Кад изиде кралевитю Марко,
Пошта капу под мишицу баци,
Покланя се до землице Марку,
Па му даде лист книге танане.

(т. II, № 42)

растѣли; если форма не искажена, то можно допустить ее какъ исключеніе, подобно какъ отъ *пекѫ—пекълъ* (*пекъ*, тема) и *пе-штѫ* (тема *пе*), но и тогда впрочемъ во множ. было бы *пекли*, а не *пекъли*.

1 Нѣкоторые читатели не поймутъ этого безъ перевода: «бывало, какъ вскачу я на коня, да расплету косы, — каковó далеко, до пять разстилались вы! Ужъ какъ до пятъ доставали вы! (каковó = сколь = какъ). — *Ми* поставлено нами; у Бог. безъ смыслу *не*. См. ниже подобный же случай.

2 Вспомните *што* нашихъ пѣсень: «што плететъ она косы, што коню подпруги притягиваетъ...» Обыкновенно *че* прибавляется при перечнѣ дѣйствій, слѣдующихъ одно за другимъ. Потомъ, когда все это сдѣлано (тачé), вскочила она на коня.—У Бог. *плети*.—

3 Богоевъ пишетъ *рошавѫ*. *Ръшявъ* одного корня съ нашимъ *шершавый*, *ершить*, *ерошить* (*ер* есть поднятіе гласнаго *р*), *ворошить* (*в* дигамма, придыханіе). Корень означаетъ движеніе, смятеніе, спутанность: *рохъ*, *рухъ* (пол. ruch), *рых* (рыхлый), *рѣх* (*прорѣха*= *проруха*, *рѣшить* = *рушить*).

4 Тур. *курдъ* (*куркъ*), откуда у Сербовъ *куряк*, = волкъ; изъ турецкаго же у Сербовъ *тюрак*, кафтанъ, подбитый мѣхомъ; *курќи* = шуба. —

5 Накинула.

6 Или подправлено, или обличаетъ близость пѣвца къ Сербамъ; у Болгаръ: *ту́ри*, *поло́жи*, *облѣ́че*.

7 *Алтынъ*, тур., золото. —

«Мя́ꙁамъ[1] ли ца́ревъ дели́я[2]?
«Мо́гѫ ли, бѹ́ле, оплаши[3]
«Черномо́рскѫ-тѫ воѥво́дѫ[4]?»
— «Бѹ́лё-лё, бѹ́лё Богда́нице!
— «Не мя́ꙁашь ца́ревъ дели́я,
— «Мя́ꙁашь на мла́дѫ бѹ́лкѫ Ангели́нѫ.»—
Тя́ са ара́пски ѹꙁѫ́би[5],
Поло́жи очи́ до ꙁемля́[6],
Обѣ́рнѫ джю́ни камъ не́бо[7]:
— «Ся[8] мя́ꙁашь, бѹ́ле, дели́я.» —
Тя си ко́нче-то поꙁбо́дѐ[9],
Мъгли́ са, пра́хове ди́гнѫхѫ[10],
Като́ ми въ пѫ́ть-тъ оти́ка.
Отъ гдѣ́[11] я ви́дѣ дели́я,
Черномо́рска-та воѥво́да,
Той отъ чарда́ци пови́ка:
«Ско́ро по́рти[12] ꙁаклю́чайте,

Уватио хайдук Вукосава...
Па га баци у ледну тамницу...
Кад хайдуку мука одолела,...
Хайдук пише книгу на колену:
«Стара майко, не надай се у ме,
«Верна любо, преудай ми се.»
А кад книга у приморе доде,...
Люба му се гротом насмияла,
Па пошета низ чаршию млада,
Докле доде берберу Михату,
Па Михата била братимила:
«Богом брате, Михате, бербере!
«Обрий мене русу косу с главе,
«Остави ми делийнске перчине.»
То ёй Михат за Бога примио,
Те ёй русу косу обритвио,
Остави ёй делийнске перчине.

---

[1] Греч. ὁμοιάζω похожу, подобенъ кому.

[2] Молодецъ, удалецъ, тур.; здѣсь представляется весь образъ поведенія удальцовъ, окружающихъ султана и имъ посылаемыхъ. Обыкн. *ца́рёвъ.*—

[3] *Оплаши*, тема глагола, употребленная при *могѫ*, какъ вспомогательномъ глаголѣ: могу ли устрашить, переполошить.

[4] Таковъ былъ Никола, захватившій Богдана;=*войвода*.

[5] Ощерила зубы какъ Арапъ.

[6] *Землѧ*!

[7] Вздернула губы къ верху, къ небу; *камъ* = *камо*, = *къ*; *небé*. —

[8] *Ся*, если существуетъ такое слово, должно быть сокращеніемъ *сега́*= теперь, или проще, = *се*, вотъ. —

[9] Кольнула, боднула.

[10] Богоевъ пишетъ съ подправкою: *двигнахѫ*.

[11] = *Отъ дѣ*.

[12] Ворота.

Єй[1] ҹе ми и́дѐ дѐлия,
«На ко́нь тъ подко́ви ште и́сия,
«Три́ста ми маджи́ръ-жълти́ци[2].»
Тя си на по́рти оти́дѐ,
Отъ ко́нь-тъ пи́рнѫ[3], пори́тнѫ[4],
Съсъ ҙенги́ѭ позлатѥ́нѫ,
На срѣ́дъ на дво́ръ-тъ ҙака́ра[5],
Таҹе́ отъ ко́нь-тъ пи́та коѥко́дѫ:
»Коѥко́до, бре, Ҹерноморско[6]!
«Ҹю́лъ ли си, разбра́лъ ли си,
«Мѫ́жка са ро́жба доби́ла и проду́мала,
«Проду́мала и прохо́дила?
«По свѣтъ́-тъ ро́би-тѣ пу́стихѫ:
«Ами́ тия ро́би што държи́шь?[7]»
Като́ отъ ко́нь-тъ посѧ́гнѫ[8],

Она млада у дворе се врати,
Па се баца одиело дивно...
А за појас двие пушке мале,
А на главу калпак и челенке..
Па оседла коня дебелога...
Па се коню на рамена баци,
А довати тешку топузину,
Па ми топуз у висине баца,
А вата га у биеле руке,
Нагна коня низ чаршију млада...
Докле доде побратиму своме,
Побратиму берберу Михату,
Па с њему била беседила:
«О Михате, мио побратиме!
«Да није си мене обритвио,
«Би ли рек'о, е сам женска глава?»

---

[1] Вотъ; что идетъ вотъ ко мнѣ делия, будетъ искать, просить на подковы коню:

[2] Триста венгерскихъ червонцевъ; противуполагаются, какъ полновѣсные, турецкимъ.—

[3] Русское *пырнула*, ударила (малор. также *пырнуть*); сравнивая съ сербской, видимъ, что она ударила воеводу, оттолкнула отъ коня, не дала ему принять своего коня.

[4] Толкнула. Первобытный корень *рѣ-ти*, откуда *ри-нуть*. Чѣмъ толкнула? стременемъ.

[5] *Карамъ*, *карашь*, *кара*,=гоню; *за* придаетъ виду опредѣленность, и потому *закара* уже не настоящее, а 3-е л. аориста; потомъ для неопредѣленнаго образуется *закарвамъ*. Кого жъ она загнала на средь двора? Богоевъ пишетъ ѫ =ее, то есть *воеводѫ*.

[6] По ассимиляціи, вмѣсто «Черноморска.»

[7] «Слышалъ ли ты, узналъ ли ты? Добыто, получено, родилось дитя мужескаго полу, уже начало говорить и ходить,» то есть у султана; ради этого торжества: «по свѣту отпустили плѣнниковъ, а ты этихъ рабовъ за чѣмъ держишь еще у себя?» Богоевъ пишетъ *пу-стихѫ*!

[8] Должно быть *посегнѫ;* см. выше.

Ѵе мѹ окó-то иꙁкáди,
Той ми кúнѫ до Бóга[1]:
«Търѵúте[2], рóби пѹстнѣ́те,
«Ѵе ми окó-то иꙁкáди
«И ꙁа дрѹ́го-то посѧ́га[3].»
Сѝѵки-тѣ[4] рóби пѹ́стнѫтн[5]:
«Рѫковúти Бóгдана не хáлайте ꙁабрáвенъ,
«Ѵе тóй наймнóго кúкаше.[6]»
Сѝѵки-тѣ рóби пѹ́стнѫхѫ
Таѵé на тектéрь-тъ гледаше[7]:
Катó ми Бóгданъ ꙁамúнѫ[8],

А Михат ёй беше беседио:
«Ой Бога ми, мило посестримо!
«Да инесам тебе обритвио,
«Бих рекао, е си юнак добар,
«Добар юнак, царева делия.»
Отолен ми коня погоняше,
Тера коня ка Удбини граду,
Кога тяше на путу сретати,
Сатисне га с пута испод пута;
Доклен доде у Удбиню града,
Пред дворове Бончить-Алие;
Скочи Туре Бончить Алия,

---

[1] Когда она ему выколола глазъ, онъ крикнулъ—не къ Богу, а такъ, что слышно было до Бога: серб. «до Бога се чуе.»

[2] Ступайте, бросьтесь. Глаголъ, извѣстный по нашимъ лѣтописямъ.

[3] Оставляемъ здѣсь *я*, ибо дѣйствительно въ глаголѣ *посягамъ* н. болгарскій языкъ сохранилъ *я* = Ц. слав. ѧ (въ другихъ случаяхъ *е*). Можетъ быть это даже *ѣ*, нерѣдко чередующееся съ ѧ: по-минѫ— помѧнѫ, мѣсъкъ—мѧсъкъ. Протягиваетъ уже руку и къ другому глазу.

[4] Всѣ. Образовано аналогически съ польскимъ *wszystek*, изъ ксикъ, кскъ, т. е. *ѣ* перешло въ *и*, и *к* претворено.—

[5] «Всѣ рабы выпущены,» вводное предложеніе, между словъ воеводы: такъ слѣдуетъ прочесть Богоевское *пустнати*. Но мы скорѣе хотѣли бы видѣть здѣсь опять *пуснѣте*, продолженіе словъ воеводы, ибо ниже опять: «всѣхъ рабовъ выпустили.»

[6] Опять слова воеводы: «Богдана оставьте забытымъ (серб. *заборавити*=забыть, *забравити*=запереть, заключить, отъ корня *забрать*—плетень, перегородку, стѣну, откуда *забрало*), или запертымъ.» По чему? «ибо онъ больше всѣхъ кричалъ (рыковитый, зычный).» А между тѣмъ дальше является Богданъ: должно быть что пропущено; жена, поглядѣвъ въ реэстръ, должно быть, вытребовала мужа; или *забравенъ* = выпущенъ, но только въ кандалахъ.—

[7] Перечень, реэстръ, тур. (*дефтеръ*); кто смотрѣлъ въ реэстръ? жена или воевода.—

[8] Когда Богданъ миновалъ, прошелъ мимо ея, она его конемъ отдѣлила отъ другихъ.—

Тѧ го съсъ кóнь-тъ отдѣлѝ,
Съ бързо го кóние тъпчѣше,
Съ алтѣненъ топӯзъ го бѝѣше,
Висóко топӯзъ-тъ издѝга[1],
Полéгичка го ўдáрѧ[2]:
«Вървѝ[3], Бóгдане, ступáне,
Да сѧ воевóда не осѣти[4]».

Да привати коня под делиём,
А она га уд'ри топузином:
«Хайд' отоле, курвино копиле!
«Ти ли си се царе учинио,
«Да ти држиш цареве ханне?
«А мене є царе оправио,
«Да я водим тебе и хайдука,
«Оба хоте царе изгубити.»
Но се Туре препануло люто...
Кад свануло и сунце грануло,
Таде узе свиетло оружє,
И посєде коня голємога,
Па отиде на тамничка врата,
Ту стражара од тамнице наде,
Те му русу откинула главу,
Па у врата топузином гадя:
«А излази, цареви ханне!
«Є є мене царе оправио,
«Да я водим тебе и Алию.»
Хайдуку є мука одолєла,
Каил беше изгубити главу,
Па изиде из ледне темнице,

---

[1] Воздвигаеть, подымаеть.

[2] А ударяеть полегоньку; *ударѣмъ, ударѣшь, ударѣ*: легко допускаемъ здѣсь *я*, равно какъ въ формахъ *тъ'пчяше, бияше* и даже *биэше* (см. примѣчанія объ языкѣ).—

[3] *Върви́*, иду, отправляюсь; развитіе корня *врѣ-ти*, кипѣть, стремиться, приходить въ движеніе.—

[4] Чтобъ воевода не догадался, не замѣтилъ, не одумался; сербск. *осетити се*, и вообще *сетити се*, со всѣми сложными; корень первобытный, съ чередованьемъ *ѣ* и *ѧ*, скрывается, кажется, въ Церковно-славянскомъ сѧ, сѧ́ти, сѧть=сказать(=гадать=до-гадаться); сѧтъ = мудрецъ, мыслитель (домислити се). У Богоева *си* вм. *сѧ*.

Два кадълъ́ка[1] прихвъ́рли,
Че си отъ ко́нче то отсѣ́дих:
«Качи́ са, хо́ламъ, Бо́гдане,
«На ко́нь-тъ, на зенгі́н-тѧ,
«Азъ задъ ко́нь-тъ при те́бе[2].»

Удари га топузином тешком,
Удари га и два и три пута,
Да се како не омисле Турци;
Па ми зове Бончить-Алила:
«Доведи ми коня под хайдука,
«Па сигурай и себе, и коня.»
Оде Туре у кулу биелу,
Те довати коня дебелога,
И у руку оковану дёрду
И уза ню пет стотин дуката:
«На то тебе, царева делиё,
«Те же не мой ка цару водити.»
То е млада едва дочекала,
Па бацила на коня хайдука,
Па побеже полем зелением...
(т. III, № 49).

---

[1] Округъ, пространство (сколько управляетъ *кады, кадылыкъ*), тур.; отшвырнула, отскочила на два поприща. *Прихвърли* изъ *прѣхвърли*, пере-махнула.—

[2] У Богоева: *предъ тебе*, безъ смыслу: «я сяду на конѣ назади, возлѣ тебя, за тобою»,—обыкновенный способъ ѣзды въ Турціи.—

III [1].

Богда́нъ Бойни гово́ри:
«Се́стро Бо́йно, Бо́йно!
«Мно́го ти́ си ма слуша́ла[2],
«И се́га[3] да ма послу́шашь:
«Ха́йде[4], се́стро, и[5] ха́йде,
«Да и́демъ, се́стро, да и́демъ,
«На Враче́шкѫ-тѫ клису́ра[6];
«Те́жка[7] ще хазна́[8] да ми́не,
«Де́веть това́ри[9] има́не[10], —
«Ни срѣ́щтѫ да излѣ́земе,
«Хазнѫ́-тѫ да си зе́меме.»
А Бо́йна му гово́ри:
«Бра́йно Богда́не, Богда́не!
«Не мо́жѫ, бра́те, да и́дѫ,
«Че съмь са ско́ро[11] же́нила[12]

---

[1] Изъ сборника Венелина; доставлена ему чрезъ В. Е. Априлова отъ Анастасія Стояновича Кипиловскаго, извѣстнаго писателя болгарскаго, родомъ Котлянина (изъ Козана). По примѣчанію послѣдняго, пѣсня эта изъ Видинскаго округа, по тамошнему нарѣчію.—

[2] Обыкновенно *слушьмъ*, *слушьлъ*, или *слушямъ*, *слушялъ*, *слушяла;* оставляемъ удареніе и относительную твердость шипящей.

[3] Обыкновенно *сегá*.

[4] Собственно=иди, ступай, потомъ=ну, повелѣніе; наше—давай-ка.

[5] Частица (изъ *а*).

[6] Тѣснина, ущелье въ округѣ Врацы, обыкн. *Врачанскѫ*.

[7] Тяжелая, большая.

[8] Разумѣется цѣлый обозъ телѣгъ или вьюковъ съ деньгами.

[9] Лошадиныхъ подъемовъ, вьюковъ, съ чѣмъ бы то ни было (тур., съ монгол.).

[10]=Серб. *благо*=имѣнье, потомъ деньги.

[11]=Серб., недавно.

[12] вышла за мужъ. Обыкновеннѣе *съмъ*.—

«Та съмь си тéжка-дебéла[1],
«Мжжко штж дѣ́те[2] да рóдж[3].»
А Богдáнъ нéи говóри:
«И хáйде, сéстро, и хáйде,
«Нé ште сж мнóга мáиме[4],
«И трú дни, и три мѣ́сѐца[5].»
И Бойна го послýша,
Та фѣ́рли си́нё сукмáнте[6]
И обý колчáнъ-чакшúре[7],
Нарáмчи[8] пýшкж[9] и сáблж[10],
Забóде чифтé[11] пиштóле;
Танá[12] съ брáта си тръгнáхж,

---

1 Тяжела, непраздна; Кипил. пишетъ *тешка*.

2 Удареніе прибавили мы. —

3 Чаще *родж*. —

4 *Майм сж*, наше *маиться*, *маяться*: быть гдѣ долго, медлить, проводить время. Не долго промедлимъ (тамъ). —

5 Или три́ дня, или три мѣсяца. —

6 Въ нашемъ областномъ: *сукманина*, домашняя ткань, съ льняной основой, шерстянымъ утокомъ; *сукманъ* — кафтанъ или сарафанъ изъ сукманины. У Болгаръ обыкновенно эта одежа безъ рукавовъ.—

7 *Чакшире* (*чакшíръ*), тур., die Beinkleider; *колчакъ* = у Сербовъ заплатка на нихъ, особенно на колѣнахъ, впрочемъ не замѣтно вставляемая, иногда для красоты и на новыхъ. Чакшире не достаютъ до ступней, а только нѣсколько за колѣна: здѣсь на концѣ, у Болгаръ иногда отдѣлываются они разными украшеніями, что называется *колчакъ*, *колаклии*, вѣроятно отъ тур. *кулакъ* = ухо, ушатые. Впрочемъ у Турокъ есть еще *колчакъ* = brachium, armilla, откуда серб. (въ воеводствѣ) = муфта, manica.

8 Положила, надѣла на плеча.

9 Ружье.

10 Обыкнов. *сабля*.

11 Пара, тур. (*джифтъ*, съ персид. *джуфтъ*); обыкнов. *пиштóве*; заткнула.

12 *Та на* — и-потомъ.

Съсъ декет-десе́ть дружи́нѫ;
Та ѥ оти́шла, оти́шла,
На Крауа́нскѫ-тѫ канcу́рѫ.
Дордѣ́[1] митири́съ[2] фанѫ́ла,
И то́[3] хаѕна́-та стигнѫ́ла[4].
Бои́на ка́же Богда́ну:
«Богда́не, брате Богда́не!
«Да сѣдни́шь, бра́йко, на-ѕа́дѣ[5]:
«А́ѕе[6] ште са́ма излѣ́ѕнѫ,
«Сама́[7] ште хаѕнѫ́ уѕѣ́мѫ[8]»
Токо́[9] ѥ тока́[10] изре́кла,
И хаѕна́-та ѥ стигнѫ́ла.
На пре́дѣ[11] хаѕната́ръ[12] вървѣ́ше,
И Бои́на го[13] ѕагле́да,
Ѕагле́да въ че́рни-тѣ о́чи.
Като́ пу́шка-та пукнѫ́ла,
Хаѕната́рь па́днѫ отъ ко́ня;
Па си са́блѭ-тѫ изва́ди,

---

[1] Только что.

[2] *Метери́съ*, тур., боевая позиція; окопъ, fossa castrensis, съ персид. *метерсъ*=не бойся, новогреч. *μετερίζι*; только что выстроилась (обыкновенно изъ за деревьевъ или камней): кто? дружина. —

[3] А вотъ.

[4] Прибыла, появилась.

[5] *На зади.*

[6] Обыкновенно *ази*, *азика.*

[7] Два разныхъ ударенія; чаще *са́ма́.* —

[8] Чисто по болгарски (т. е. по восточному): *зѣмѫ* или *прѣвзѣмѫ.* —

[9] Только что.

[10] Это.

[11] Впереди.

[12] Начальникъ обоза съ деньгами, казначей. А ниже—*рь.*

[13] Болгарскій идіотизмъ: взглянула — его.

Три пѫ́ти[1] на крѣ́стъ кръсто́са[2],
Три́стѧ сѫ гла́ви пѫдиѫ́ли;
Та сѫ хазнѫ́·тѫ отне́ли,
Отне́ли и раздѣли́ли.
Тама́мъ[3] хазнѫ́-тѫ дѣля́хѫ[4];
Мѫ́жко сѧ дѣ́те довѝло,
И проду́мало у́йчо[5] Бога́ну:
«Бога́не, у́йчо Бога́не:
«Хазнѫ́-тѫ пра́во[6] дѣлѣ́те
«И ме́не[7] дѣ́лбѫ сторѣ́те[8].»

---

[1] Три раза. Сравни серб,, итал

[2] *Кръстосвамъ*, что-нибудь сдѣлать на крестъ, повернуться, размахнуться, и т. д. *Кръстосахъ, са,* аор.

[3] Въ то самое время, какъ, тур. (=кончено, баста).—

[4] = *Дѣлѣхѫ*; въ зап. нарѣчіи тщательно должно отмѣчать эти случаи произнесенія *ѣ* какъ *я*.—

[5] = *Уйчё*, звательный собственно; въ этой формѣ имена родственныя могутъ прибавляться къ личнымъ, и, при склоненіи послѣднихъ, сами не склоняются: *уйчё Богдана, уйчё Богдану*. Наше *уй*=дядя по матери.

[6] Правильно, ровно, какъ слѣдуетъ.

[7] =*Менѣ*; впрочемъ, какъ замѣчено выше, въ мѣстоименіяхъ родительный замѣнилъ почти всѣ остальные падежи.

[8] И на меня дѣлежъ учините, сотворите, и мнѣ часть дайте. —

IV[1].

Богдáнъ майци тѝхомъ[2] отговáри[3]:
«Кóлко[4]-то съмь, мáйко, грáдове обѝшелъ,
«Тóлко-ҙи[5] сѫ, мáйко, дéна[6] ꙋ годѝнѫ,
»Та ма мéне[7], мáйко, бóлесть нѐ намѣ́ри[8].
«Дóма дóйдохъ, мáйко, то ма бóлесть нáйде.»
Та ю Бóгданъ[9] дéветь гóдинъ лежáлъ[10].
Богдáнъ мáйци тѝхомъ отговáри:
«Че не ми ю, мáйко, ҙаштó ште да ꙋ́мрѫ[11],
«Но ми й, мáе, ҙа кóня хрáнена[12]:
«Че̇ си нѣ́ма, мáе, кой кóня да глéда[13].

---

[1] Оттуда же. Мы имѣемъ множество подобныхъ русскихъ пѣсней. —

[2] Остатокъ падежа, подобно какъ у насъ *добромъ*; даже мѣстоименія: *штомъ*, отъ *што*, = чѣмъ.

[3] Собственно = отвѣчаетъ, но и вообще = разговариваетъ, бесѣдуетъ; = *отговáрѣ*, отъ *отговáрѣмъ*. Отмѣчаемъ въ зап. нар. этотъ случай произнесенія *ѣ* какъ *я*. —

[4] Сколько.

[5] Столько же.

[6] И *деня*; родит. множ; столько же дней въ году. —

[7] Странныя, но употребительныя формы: *та тебе*, *ма мене*; не странно удвоеніе, а порядокъ, ибо полной формѣ слѣдовало бы прежде стоять, какъ это и видимъ въ другихъ случаяхъ. —

[8] Не нашла, не напала на меня.

[9] Непостоянство въ удареніи.

[10] = *Лежѣлъ*, *лежялъ*.

[11] Мнѣ это, матушка, ничего, что умру я, что предстоитъ мнѣ умереть; обыкнов. *умрѫ*. —

[12] Но дѣло все для меня, забочусь я, о конѣ моемъ; *й*=е, есть; *храненъ* =кормленый, кормовой; *хранѭ* = кормлю питаю; — *мáе* (матушка)- форма не собственной, не восточной Болгаріи.

[13] Ибо нѣтъ того, кто бы смотрѣлъ, ходилъ за нимъ. —

«Мáйкѫ и́мамъ, тия́[1] си ѥ стáра;
»Стáра брáта и́мамъ, — далéче ѥ ȥабѣ́гналъ;
«Женѫ́ си и́мамъ, — тия́ ще го глéда,
«Ти ще го глéда, алá ȥа дрѵ́гого[2].
«Но когá си ѵ́мре Богдáнъ, хáренъ[3] юнáкъ,
«Не копáй го, мáйко, на чéсти грóбища[4]:
«Но ми го ȥакопáй на крѫстъ—на крѫстопáть[5],
«На главѫ́ му, мáйко, манастúрь иȥгради́,
«На сърцé[6] му, мáйко, гради́нѫ[7] ȥагради́,
«Въ гради́нѫ-тѫ, мáйко, цвѣ́кѥ[8] да посади́шь;
«На гракá[9] му, мáйко, чéшмѫ[10] да иȥведéшь;
«Край[11] чешмѫ́-тѫ, мáйко, байрáкъ[12] да поби́ешь[13]
«Ȥа байрáка, мáйко, кóня да ми свѫ́ржешь[14].

---

[1] Она,=*тя*.

[2] Она будетъ смотрѣть за конемъ, но для-ради другаго; странная форма, обыкновенно *другиго*; *алá*=но. — *Но*-форма рѣдкая въ собственной Болгаріи; обыкновенѣе *нъ*, *ной*. —

[3] Достойный, прекрасный, хорошій; *харно*=(въ Макед.) хорошо; малорусси. *гарный* (*χάρις*, *χαρίεις*?). —

[4] Тамъ, гдѣ частыя могилы.

[5] Перекрестокъ.

[6] *Сърцѣ*.

[7] Собственно=огородъ=садъ.

[8] = *Цвѣтѣ*; по областнымъ нарѣчіямъ мягкое *т* переходитъ въ *к*: и послѣ этого насъ еще увѣряютъ, что новоболгарскій языкъ потерялъ всякую мягкость согласныхъ! Въ Казанѣ (Котлѣ) это измѣненіе очень обыкновенно. —

[9] Въ ногахъ; *кракъ*=нога (въ другихъ слав. нарѣчіяхъ формы этого корня означаютъ чаще *шагъ*; во множеств. *кракá*; интересно, если Видинцы точно говорятъ *гракá*.

[10] Тур. фонтанъ, источникъ; обыкн. *чешмя*, персид. *чешмé*.

[11] Обыкнов. болгар. *край*: въ концѣ, по боку, рядомъ, какъ въ русскомъ.

[12] Знамя, тур.

[13] Обыкновеннѣе: *забиешь*. —

[14] *Вържѫ*, *вързувамъ* или *вързвамъ*, привязать, связывать; формы этого корня, съ значеніемъ свѣсить, спустить, сверзить (сродно съ *врьшти*, *врыж*), извѣстны и у насъ; въ Арханг. *верзни* = лапти, связанныя, сплетенныя

«Чѐ ште ми́не, ма́йко, ца́рска[1] во́йска[2],
«И кое́ е ста́ро[3], ма́йко, въ че́ркови[4] да влѣ́ѕне,
«Да си са прекрѣ́сте и да си поме́не
«Богда́нъ ха́ренъ юна́къ.
«Кой[5] е мла́до, въ гради́нѫ да влѣ́ѕне,
«Цвѣ́тіе да наке́ре и да си поме́не
«Богда́нъ ха́ренъ юна́къ.
«Кой е юна́къ; ма́йко, ко́ня да отвѣ́рже,
«Ко́ня да обсѣ́дне, баря́къ да поне́се,
«Да поме́не, ма́йко, Богда́нъ ха́ренъ юна́къ:
— «Богъ да прости́, ма́йко, то́й-ѕи ха́ренъ юна́къ,
— «Дѣ́то[6] ѣзди́лъ, ма́йко, та́ѕи[7] до́бра ко́ня,
— «И е носи́лъ, ма́йко, то́йѕи ѕеле́нъ баря́къ.» —

---

[1] Вм. обыкнов. *царёвъ;* стало быть *царъ*.

[2] Обыкновенная, древняя форма.

[3] Средній родъ о лицахъ: кто старъ, кто младъ.

[4] Языкъ новоболгарскій потерялъ память о формахъ *цръкы*, *цръкъвь*, *цръкви;* онъ знаетъ аналогію только съ позднѣйшей формой *цръква*, при чемъ: 1) сохраняетъ *ц* или переводитъ въ *ч*: *цръкова*, *чръкова*; 2) *ъ*, въ силу перестановки на передъ звука *р*, подчиняется свистящей и шипящей, и переходитъ въ *ь* и *е*: *цьркова*, *церкова*, *чьркова*, *черкова*; 3) какъ и въ другихъ случаяхъ, языкъ, не смотря на гласную въ концѣ, упорно удерживаетъ звѣно *ъ-ра*, и произноситъ его какъ *ă* или переводитъ въ *о*: *цръкъва* = *цръкăва*, или *цръкова*.— Стало быть ему ближе всего была бы Ц. слав. форма цръкъва, если бы Ц. слав. языкъ не имѣлъ привычки въ этихъ случаяхъ, при конечной гласной, выбрасывать предшествующее звѣно *ъ-ра*: цръкви.— Что касается до *помене*, помянетъ, то обыкновеннѣе въ Болгаріи форма *поми́не*. — Въ удареніи обыкновеннѣе *наберé*. —

[5] = *Кое*.

[6] = Который; первоначально = гдѣ.

[7] Не понимаемъ формы; или = *тъй-зи*, или *того-зи*, или *то-зи*. Также обыкновеннѣе *но́силъ*, чѣмъ *носи́дъ*. —

Въ этихъ двухъ видинскихъ пѣсняхъ оказывается отличіе преимущественно лексическое и тоническое; предоставляемъ читателямъ собрать случаи, отмѣченные нами какъ отступленія отъ обыкновенной рѣчи (vulgo), т. е. рѣчи собственной, восточной Болгаріи. —

V.

ВЪЛКО[1]

(ВОЛКЪ).

Позгодихѫ[2] сѫ Вѣлкó
За царскѫ дъщерѭ,
Царскѫ, бре, и кралскѫ.
Царьт Вѣлку дума:
«Вѣлко, зетко Вѣлко!
«Калесай[3] си, Вѣлко,
«Сичкѫ-тѫ роднинѫ[4],
«Ала не калесвай
«Сестрини си деца, —
«Марка, малкò дѣтè[5],
«И Вълчинъ войводѫ:
«Чè сѫ кавгаджии[6],
«Кавгѫ ще направятъ[7]

---

[1] Пѣсня эта по преданію совпадаетъ съ сербскою пѣснію о Душанѣ, съ содержаніемъ изъ первой половины XIV вѣка. Каждому почти слову ея можно подъискать соотвѣтствующее въ сербскомъ эпосѣ, а потому желающіе могутъ обратиться къ даннымъ, изложеннымъ нами выше. Находится она въ сборникѣ Катранова и Вельтмана. Записалъ Захарій Княжескій, извѣстный уже и въ литературѣ болгарской. Нарѣчіе восточное, особенностей не замѣтно.

[2] Обручился, откуда обрученная = *годеница*; корень ясенъ: пригодить, сладить, сосватать (пол. *gadać*, говорить=сговоръ)?

[3] Зови: *καλέω*, *καλέσω*, новогреч. *καλῶ*. Видоизмѣненіе *калесамъ* — *калесвамъ*.

[4] Всю родню; множ., всѣхъ родныхъ.

[5] И *дѣте*; нужно остеречься, что это не наше *дитя*, а отрокъ, дѣтина; *момче*, потомъ *момъкъ*, съ тур. *ергнь*, собств. *ергенъ*, развившійся юноша, холостой.

[6] Люди задорные, спорщики; тур. *кавга*, ссора, раздоръ (съ перс. собств. = шумъ). —

[7] Сдѣлаютъ.

«Сва́дбѫ да разва́лятъ[1].»
Вълко́ ца́ря слꙋ́ша:
Кале́салъ е Вълко́
Си́чки-тѧ родни́ни,
А не е кале́салъ
Се́стрини си дѣца́.
И ста́вналъ е Вълко́
Ꙁа кꙋ́мъ да и́де.
Отъ дѣ́[2] е, бре, ꙁати́мъ
Ма́рко ма́лко дѣте́,
Той си ма́йци дꙋ́ма:
«Мари́[3], ста́ра ма́йко!
«Вꙋ́йчё[4] ни[5] са же́ни,

---

[1] Разстроятъ.

[2] Послѣ того, какъ.

[3] *Марú* въ отношенiи къ женщинамъ употребляется точно также, какъ *морé* къ мужчинамъ. У Болгаръ употребляется это слово при всякомъ обращенiи; у Сербовъ имѣетъ различiе, старшiй употребляетъ къ младшему или унижаемому, а младшiй, сказавши *море*, подвергается опасности быть схваченымъ за шиворотъ. Согласно съ этимъ, можно бы вывести отъ старо-и ново-греческаго *μωρός* (въ зват.), глупый, не смысленный, эпитетъ ребятъ; въ новогреч. мы имѣемъ даже прямо *μωρή* = эй, послушай, ты! Но едвали этого междометiя не заняли Греки отъ Славянъ: наше *морить* и *мáрить* (изнурять, печь, парить), чеш. *mořiti* (м. проч. мучить) и *mařiti* (тлить), пол. *morzyć* и *marzyć* (истощаться, волноваться снами): ст. б. мучиться о чемъ, безпокоиться, sich kümmern um etwas; серб. *морити*, *морати*— долженствовать, *марити*,—пещись о чемъ, стараться: старайся, держи ухо востро, противуположно — *не хай*, *не замай*. Однако это только догадки; къ сожалѣнiю, за незнанiемъ, не можемъ мы обратиться къ Албанцамъ, которые въ разговорѣ безпрерывно употребляютъ *море*; по крайности извѣстно, что также и у Турокъ очень употребительно *бре*, занятое конечно у Славянъ. —

[4] Выше мы видѣли безъ придыханiя: *уйчо*; *ё* близко къ *о*, и потому также безъ ударенiя опускается въ *у*: *вуйчю* или *вуйчу* у (Княжескаго).

[5] = Намъ, у насъ; нашъ.

«Нáзи[1] нѐ калéса:
«Далѝ на забрáви,
«Илѝ на не рáчи[2].
«Ю[3] ми обдáй[4], мáмо,
«Сватбáрскѫ прѣмѣ́нѫ[5]:
«Кожѹ́хъ отъ три мéчки[6]
«И илляна́къ самýрски[7],
«И ми обдáй, мáмо,
«Наймáлкия[8] тóпѹзъ
«Отъ сто óки желѣ́зо;
«Азъ штѫ, мáмо, ѝдѫ
«Не кáнюнъ[9], не кáканъ.»
Облѣ́чѐ са Мáркò,
Нагѝзди са[10] Мáркò;

---

[1] *На*, *нази* = насъ.

[2] Или не заботится о насъ, ни во что ставитъ; извѣстный корень.

[3] Частица. —

[4] Чаще *подай*; *об* = *по*. —

[5] Наше *перемѣна*, на прим. праздничная; = одежа, пáра платья, особенно праздничная. —

[6] *Мечка* = медвѣдь, съ своими производными.

[7] *Самуръ*, соболь, тур. (съ араб.); какъ кажется, *самуръ* есть переглacовка *той соболь*, откликающагося во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ; ср. статью Пр. С. К. Сабинина въ Изв. Имп. Ак. Н., 1854 г., матер. для Слов. и Грам, стр. 161. —

[8] Наймалкий-тъ, самый малый.

[9] *Кáнѭ*, приглашаю къ чему либо; сербск. *канити се* = приготовляться; *окáнити се* = отстать отъ чего. Ц. слав. окаинъ, отверженный, заброшенный, о коемъ не пекутся; на оборотъ каание = наставленіе, воспитаніе, уходъ за кѣмъ; наказнь = наказаніе, стараніе исправить. Все указываетъ на сродство съ *хаять* = заботиться о комъ, о чемъ, имѣть въ виду, уговаривать и оговаривать, чеш. *hágiti*; на оборотъ: *нехай*, *нека*, оставь, пусть, lass. — Скр. *к'у*, *к'ьâ*. —

[10] Нарядился, разукрасился, самое извѣстное въ славян. нарѣчіяхъ слово; любопытно, что серб. *гиздава* = щеголиха, является въ нашемъ

Чé ѥ стáпнѫлъ Мáркó,
Свáдбѫ[1] да достѝгнé;
Вървѣ́лъ, што ѥ вървѣ́лъ[2],
Достѝгнѫлъ свáдбѫ-тѫ
При цáрски-тѣ вратá.
Царь пóрти заклю́тилъ
И на Въ́лка дꙋ́мѧ:
»Въ́лко, зéтко Въ́лко!
«Намъ ни ѥ закóна:[3]
«Акó[4] пóрти прискóчишь[5],
«Бꙋ́лкѫ ште да си зѣмéшь.»
Вълкó дóлꙋ глéдѧ,
Та сѧ съ ꙋ́мъ вѝѥ[6].
Мáркó Въ́лкꙋ дꙋ́мѧ:
«Въ́лко, кꙋ́мче Въ́лко!
«Не калéсанъ дóдохъ[7],
«Не почéтенъ[8] дóдохъ.»
Чé си кóнче разигрá,
Та пóрти прискóчи,

измѣненномъ *пъздáва*, о женщинѣ черезъ-чуръ, и что чеш. *hyzditi* имѣетъ совсѣмъ обратное значеніе — портить, гадить, приводить въ безпорядокъ. —

[1] То есть поѣздъ свадебный.

[2] Этотъ частый у Болгаръ оборотъ соотвѣтствуетъ нашему: ужъ какъ шелъ; шелъ, шелъ, да и...

[3] *Намъ* и *ни* дательные множ.; *закона* = *законъ-тъ*; «у насъ вотъ какой законъ (видно, что царь былъ иного закона и обычая)»....

[4] Если.

[5] = *Прѣскочишь*, *перескочишь*; *ѣ* безъ ударенія = *и* (примѣна). —

[6] Размышляетъ, колеблется умомъ.

[7] Встрѣчается и *додёхъ*, отъ потери корня *и*: *дойдохъ*.

[8] Не почтили меня, не приняли въ счетъ, не сдѣлали чести. —

На сва́дбѫ[1] отво́ри.
Ства́рилъ[2] си ѥ ца́ри[3]
На́срѣдъ ра́вно дво́рьѥ[4]
До[5] три́ кола́[6] трѣ́ни[7],
И на Вѣ́лка ду́ма:
«Вѣ́лко, ѕе́тко Вѣ́лко!
«Ако́ трѣ́ни приско́чишь,
«Тога́ѕъ[8] бу́лкѫ ште ѕѣ́мешь.»
Вѣ́лко до́лу гле́да
И са съ у́мъ бие.
Ѕати́ри са[9] Ма́рко,
Ма́рко ма́лко дѣ́те,
Та трѣ́ни приско́чи
И сва́дбѫ приве́де,
Та въ кѫ́шти влѣ́зли.
Пригóтвилъ ѥ ца́ри

---

[1] Отворилъ для свадебнаго поѣзда. —

[2] Хотя глаголъ *сторѭ* и *струвамъ*, сотворить, одинаковъ съ этимъ по корню, но *ствáрѭ*, *ствáрьмъ*, *стоварьмъ* имѣетъ нѣсколько отличное, болѣе первобытное значеніе: растоварить, складть грузъ, вьюки: царь склалъ среди ровнаго двора три воза хворосту, терну. —

[3] Какъ и выше = *царь*, *царь-тъ*.

[4] Собирательное (изъ *дворъ*, *двори*), а потому средн. р. —

[5] Остерегитесь думать, что *до* значитъ *около;* въ эпическомъ языкѣ Болгаръ и Сербовъ *до* стоитъ при каждомъ, самомъ ровномъ и точномъ числѣ.

[6] *Кола́* (собственно множ. отъ *коло* = колеса) = возъ, повозка. Княжескій пишетъ *куля*: *о* въ *у*, безъ ударенія; *ла* среднее близко къ *ля*.

[7] *Трънъ*, тернъ: хворосту терноваго, колючаго.

[8] *Тога́* = тогда (*кога́* = когда): *зи*, *зъ*, частицы.

[9] Быстро пустился, устремился; отъ корня *тр*, означающаго движеніе впередъ, откуда и *тръти́* = пустился, и *трынѫ*, и всѣ дальнѣйшія развѣтвленія. —

Три мо́ми ку́бави,
И три прилі́чѣхѫ[1]
Ѥднѫ́ на дру́гѫ-тѫ,
И три́-тѣ и́махѫ
Ѥднѫ́ ми прѣмѣ́нѫ.
Ца́рю Вълку ду́ма:
«Въ́лко, зе́тко Въ́лко!
«Намъ ни ѥ зако́на:
»Ако́ бу́лкѫ позна́йшь,
«Тога́-зъ ште ѭ зѣме́шь.»
Вълко до́лу гле́да
Та са съ у́мъ би́ѥ.
Пристѫ́пилъ ѥ Ма́рко̇,
Ма́рко̇ ма́лко̇ дѣ́те̇,
И изва́дилъ Ма́рко̇
Зла́тно ми прѣ́стенче̇,
Та го[2] мо́ми да́ва
И ти́хо гово́ри, —
На три ми дѣво́йки:
«Ой ва васъ[3], три мо́ми,
«Въ ца́рскѫ прѣмѣ́нѫ!
«Ко́ѭ ѥ бу́лка-та,
«Тѭ прѣ́сте̇нь да зѣме̇;
«И ако́ го зѣме̇
«Дру́га-та изъ ва́зи,

---

[1] Были всѣ три похожи одна на другую и всѣ три имѣли одинакую одежу. —

[2] У Княжескаго *ги*: ни по смыслу, ни по контексту, нельзя допустить; вѣрно описка.

[3] Опять два одинакихъ падежа: «ой вы, васъ!»

«Съ то́ꙗу́зъ ѭ убиѭамъ[1].»
Ца́рсиꙗ ште́рка посе́гнѫ[2]
Та си прѣ́стѐнь зѣ́ма.
Той ѭ за рѫкѫ́ хва́нѫ[3]
И ву́йчю си прѣда́дѐ;
А вто́рѫ за бра́тъ зелъ,
А тре́тѭ за се́бе
Стѹпа́нкѫ оста́вилъ[4].
(И благополу́чно
Наза́дъ са върнѫ́ли)[5]. —

---

[1] Нужно припомнить значеніе этихъ формъ: могу убить, обыкновенно убиваю, у меня такой нравъ, обычай — убью; — убью, пожалуй, того и гляди.

[2] Потянулась, протянула руку.

[3] Хватилъ, схватилъ, взялъ, и передалъ дяди.

[4] Для себя оставилъ хозяйкой, женой.

[5] Послѣдніе два стиха совершенно никуда не годятся, уже по одному не-пѣсенному слову—*благополучно*.—Прибавка позднѣйшаго пѣвца.

VI.

ЛАГУШЪ[1]

Провикнжлъ[2] ся е Дúмски[3] кралъ:
— «Кой ся наéма[4], наéма,
— «Лáгóша да си измáми[5],
— «Лáгóша — млáди войвóдж,
— «Въ старъ[6] манастúрь да го доведé?
— «Да му харíжж, харíжж[7],
— «На Бѣло морé[8] скéли-тѣ[9],

Изгуби се пашина јабука
У Будиму граду биеломе.
Пушта паша лакога телала,
Телал виче по Будиму граду,
Да се јван за другога јмчи;
За коега јмац не изиде,
Хоте нега паша погубити...
За јднога јмац не изиде,

---

[1] Изъ сборника Катранова. Мотивъ зова на крестины, чтобы погубить, принадлежитъ къ древнѣйшимъ и является въ отношеніяхъ между собою Радула и Шишмана. Приводимая сербская пѣсня окрашена хайдучествомъ, но не трудно замѣтить въ основѣ древнѣйшее преданіе, ибо въ Будимѣ сидитъ паша и теряетъ яблоко. Обыкновенная форма у Болгаръ *Лагóшь*; такъ какъ въ оригиналѣ вездѣ *Лагушь*, то должно думать, что удареніе было на первомъ слогѣ: *Лáгóшь* = *Лáгушь*.

[2] Прогласилъ, провозгласилъ.

[3] Будимскій.

[4] Кто нанимается? кто берется? (наше *емъ*, *ямъ*). —

[5] *Измáми* = обману, одинаковое и по корню; древнѣйшій, восходящій въ миѳологическія времена корень: *мáя*, *magia*.

[6] Не нужно думать, что это какой либо особый *старый* монастырь: это всегдашній эпитетъ монастыря.

[7] Я ему подарю: греч. *χαρίζω*.

[8] *Бѣло море* у Славянъ (греч. *ἀσπρη θαλασσα*) = все Средиземное море, простирающееся по народнымъ вѣрованіямъ до Петербурга, и дѣйствительно, у насъ на сѣверѣ опять *Бѣлое море*; у сѣверовосточныхъ Славянъ *Синее море* преимущественно Каспійское, у южныхъ и западныхъ Адріатическое; общее и одинаковое у всѣхъ *Черное* (греч. *μαυρη θαλασσα*).

[9] *Скели*: портовые города, пристани, съ тур. *искеле*, а это отъ латин. *scala*, откуда и новогреч. *σκάλα*, лѣстница. —

— «На Че́рно море́ гюмрю́ци[1]». —
Ни́кой ми не ѭ са наѥ́лъ[2],
Наѥ́ла са ѥ кра́лица[3],
Ла́гошѥна-та кумиця,
Та́ оти́шла до Ла́гоша:
«Куме Ла́гоше, Ла́гоше!
«Отъ хо́ра-та[4] ѥ срамота́,
«А отъ Бо́га ѥ грѣхота́:
«Ма́лко са дѣ́те доби́ло,
«Да до́йдешь ско́ро, да до́йдешь,
«На и́ме-то си да го отрече́шь[5],
«На и́ме-то си, Ла́гоше.»
Ла́гошь куми́ци ду́маше:
— «Куми́це, мла́да крали́це!
— «Да не ѥ нѣщто изма́ма[6]?» —
«Ако́ ѥ, ку́ме, изма́ма,
«Че́рни ми очи́ изкърти́[7],
«Бѣ́ли ми рѫцѣ отрѣжи́,
«По свѣтъ-тъ, ку́ме, да хо́дѭ,

За юнака́ майстора Манойла;
Баш га паша погубит' хотиже,
Но побеже майсторе Манойло,
Одметну се горе у планину,
Хайдукова три године дана,
Узаптио државу Будимску...
Кад то чуо паша од Будима,
Он ми пушта лакога телала,
Виче телал по Будиму белом:
«Єли майка родила юнака,
«Да увати майстора Манойла,
«Да доведе паше на дивана?
«Ял' живога паше да доведе,
«Ял' од нега да донесе главу?
«Дае паша три товара блага,
»И дате му по санджака свога,
«Те да суди, како паша суди.»
„ Нема у Будим юнака,
Да довати майстора Манойла.

---

1 *Гюмрюкъ*, въ серб. формѣ *дюмрюк*, пошлина, таможенный сборъ: тур. —

2 Никто не нанялся: не взялся.—

3 Ясно, что времена древнѣйшія: кралица была Лагушу кумицей, то есть кумой вѣнчанной, у которой Лагушъ былъ посаженымъ отцомъ: такъ *кумíца* отличается отъ простой *кумы*.

4 *Для челька* множественное число есть *хора* = люди; кажется, это названіе совпадаетъ со словами греческими: *хоро* = коло, хороводъ, *χορός*; *χώρα*, страна, область=міръ (народъ). Срамъ передъ людьми, грѣхъ передъ Богомъ. Ср. серб. «од Бога є велика грехота, а од люди зазор и срамота.»

5 Чтобы окрестилъ ты ребенка своимъ именемъ.

6 Не обманъ ли это, пожалуй?. *нѣщто* = можетъ быть, пожалуй.

7 Выверни.

«Да́ хо́дишъ, да та прика́звашъ[1].»
Лѧго́шъ кꙋми́цѫ си посл́ꙋша,
Та въ старъ манасти́рь оти́де.
Кога́-то въ манасти́рь да влѣ́зне[2],
Калу́гере мꙋ ду́махѫ:
«Лѧго́ше, мла́да войво́до!
«Въ це́рквѫ-тѫ ѥ грѣхота́,
«Съсъ орꙋ́жїе[3] да влѣ́звашь.»
Той си орꙋ́жїе оста́ви,
То́кмо съ ѥди́нъ ме́чь[4] оста́нѫ,
Та си съ ме́чь въ це́рквѫ-тѫ влѣ́знѫ,
Дѣ́те-то да си отрече́:
Като́ си въ манасти́рь влѣ́знѫ,
Врата́-та са затко́рнихѫ.
Той си врата́-та доръ[5] разби́;

А зачула танана невеста,
Мила кума майстора Манойла,
Те узимле едно мушко чедо,
Мушко чедо, три години дана...
Узе чедо, оде у планину,
Редом виче горе по планина,
По имену кума крштеногй:
«Де си, куме, майсторе Манойло?
«Ето данас три године дана,
«Како ниям чедо некрштено,
«Све я чекам кума крштенога,
«Ради Бога и закона свога.»
То дочуо майсторе Манойло,
И по гласу познавао куму,
Па он сиде озгор из планине...

---

[1] Глаголы *разсказывать* и *приказывать* чередуются по славянскимъ нарѣчіямъ въ своемъ значеніи; пол. *rozkazać*=приказать; болгарское *прика́звамъ* , *прика́жѫ*, разсказываю, разскажу: чтобы ходить мнѣ по свѣту да разсказывать о тебѣ. Обыкновенный мотивъ болгарскаго эпоса, при наказаніи кого либо: совпадаетъ съ обычаями калѣкъ и слѣпыхъ передавать дѣянія героевъ.

[2] Когда уже готовъ былъ войти, когда предстояло ему войти. Калугеры заставляютъ его снять оружіе; въ сербской пѣсни этого нѣтъ.

[3] Слово это обыкновенно не употребительно; говорятъ иногда *руже*.

[4] Также не употребительно нынѣ, говорятъ *ножь*; но это доказываетъ древность пѣсни; у Сербовъ является также *мач*. Остался только съ однимъ мечемъ. Болгары различаютъ: *токмо* = только, и *тъкмо* = ро́вно; это уже синтаксическое примѣненіе, не имѣющее отношенія къ корню, все равно какъ *той*=онъ, *тъй*=потому.

Болгарская пѣсня представляетъ дѣло обыкновеннымъ; въ сербской чудеса: янычары, созванные кумой, пропали, а сама она обратилась въ камень. —

[5] *Доръ*, *доро* = даже, до, около; здѣсь безъ особаго значенія.

Кога́-то на вънъ[1] излѣзе,
Той си са на десно развѝ[2];
Кога́ са на лѣво обърнѫ,
То́кмо два́ма[3] оста́нѫхѫ:
Оста́нѫлъ ми е Дѝмски краль
И Ла́го̀шёва кумѝцѫ.
«Ла́го̀ше̇, мла́дѝ войво́до[4]!
«Живо́та[5] да ми харѝжешь.»
Ла́го̀шё[6] са мѝлно смилѝ[7],
Та кра́лю живо́тъ харѝза.
Ла́го̀шёва-та кумѝца,
И тя Ла́го̀шꙗ мо́лѣше:
«И ме́не[8] живо́тъ харижѝ.»
Ла́го̀шь кумѝци ду́маше:
— «Добро́ азъ ако́ ти сто́рѭ,
— «Добро́ са ско́ро забра́вѧ[9],
— «А зло́ са сѣ́кога[10] по́мни.» —
Пакъ си кумѝцѫ ѹловѝ,
Че́рни и[11] очѝ изво́де,

Па пойдоше ка биеле цркве.
Кад су били белом манастиру,
Изиоди стари игумане
И са шниме попе свештениче,
Те сретоше майстора Манойла...
Па су пред ним отворили цркву,
Найпре уде стари игумане,
Па за ниме попе свештениче,
Найзад оде майсторе Манойло,
И он носи кумче у наруче.
А проклета кума Манойлова!
Где ćе кучка натраг повернула,
И за собом затворила врата,
Па привика, што ю глас доноси:
«Овамоте, Турци яничари!
«Ег' овамо майстора Манойла,
«У цркву сам нега затворила.»
Кад то виде майсторе Манойло,
Он потрже мача зеленога,
Да посече стара игумана

[1] *На вънъ* = вонъ.

[2] Развился, развернулся на право; а какъ повернулся потомъ на лѣво (всѣ были избиты), осталось только двое.

[3] Двое.

[4] Слова краля: «подари мнѣ жизнь.»

[5] = *Живо́тъ тъ*.

[6] Зват. вмѣсто именит. —

[7] Умилился, умилостивился; стало ему жаль. —

[8] Мнѣ, = *мéни*, *мéнѣ*.

[9] = *Сѧ забравя*, забывается (*забравѣмъ*): добро если тебѣ сдѣлаю, добро скоро забывается.

[10] Всегда: всегда помнится.

[11] Ей.

Бѣ́ли и рѫ́цѣ отрѣ́за,
Тачé ѭ жи́вѫ отпу́снѫ,
По свѣта́[1] да си хо́ди,
Та нѣ́го да си прика́зва.

И онога попа свештеника,
Іош хотяше кумче у наруче.
Ал' говори стари игумане:
«Не мой брате, ако Бога знадеш!
«Ел, тако ми Бога истинога!
«За то, брате, ништа знали несмо.»
Тад' верова майсторе Манойло,
Па поврну мача у ножнице,
А потеже тешка буздохана:
«Яки Боже, опрости ми греха,
«Хотю цркве да саломим врата»...
А врата се отворише сама,
Те искочи майсторе Манойло,
Разгледуе тамо и онамо,
Ал' пред црквом ниде нико нема,
Сал негова она мила кума,
И она се протурила стеном...

---

1 = *По свѣтъ́-тъ.*

VII.

ТИЛАНЪ.[1]

Тила́на ми сѫ бѣдѫ́ бѣди́ли[2]
И сѫ го ȯкриви́ли[3],
На Цариграда го ȥака́рали[4],
Къ Цареграшки-тѣ-тъмници;
Ма́лко ли ѥ̇, мно́го[5],
Тѣ́кмо ли де́веть годи́ни;
Коса́[6] му ѥ въ ȥемѭ́ ȥара́сла,
Въ косѫ́ му ȥмі́и[7] мѫ́тѣхѫ[8].
Тила́нова-та ма́йчица
Во́съчнѫ[9] свѣшти́цѫ ку́пила,
Та ѭ на ику́нѫ-тѫ[10] ȥапа́лѣла,
Та са крѣстѣше и Бо́гу мо́лѣше[11]:

---

[1] Изъ сборника Венелина, имъ самимъ записанная пѣсня, по всѣмъ признакамъ въ Одессѣ. —

[2] *Бѣда́* = бѣда; но *бѣдѫ́*, *бѣди́шь*, и т. д., оклеветать, обнести кого; что показываетъ, что можетъ быть самое слово *бѣда* = *б-вада* = *об-вада* (н. болг. *обáдѫ*); два винительныхъ — лица и вещи, но второй вѣроятно за пропажею остальныхъ падежей: оклеветали Тилана бѣдою (клеветою?), до бѣды, въ бѣду.

[3] Вознесли на него кривду, сдѣлали неправымъ. —

[4] Загнали. — Обыкн. *Цароградш*(ж)*ки*. —

[5] Мало ли, много ли, — ровно девять лѣтъ.

[6] Волосы.

[7] Змѣи; — *ȥмія́*.

[8] Высиживали, выводились; въ значеніи яицъ, которыя мутятся; серб. *мутяк*, яйцо безъ вывода.

[9] Восковую; *во́сък* = воскъ, болѣе обычная форма. —

[10] Къ иконѣ запаляла, зажигала.

[11] Крестилась и Богу молилась; *са* относится къ обоимъ глаголамъ.

«Ю създай[1] мѧ, Божне[2]-ле,
«Божне-ле[2], създай
«Какѫ мѧ годе гадинкѫ[3],
«Да си фъркнѫ и подфъркнѫ[4],
«На Цариградъ да отидѫ,
«На Цареграшки тъмници да кацнѫ[5],
«Да видѭ Тиланъ, тамъ ли ѥ,
«Тамъ ли ѥ, живъ ли ѥ.»
Бре, че тъй сѣдѣ Господь да ѭ слуша[6],
Та ми ѭ създаде
Синѫ-бѣлѫ гълѫбкѫ[7].
Та си фрькнѫ Тиланова-та майчица,
Фрькнѫ и подфрькнѫ,
Та на Цариградъ отиде,
Въ Цареграшки-тѣ тъмници,
Та си кацнѫла, та гугомъ гугуваше[8],
И древне сълзие[9] ронѣше,
На мряморъ сълзи капѣхѫ[10],
Мряморъ са ѥ прѣтопилъ[11],

---

[1] Создай (сотвори) меня Боже—чѣмъ?

[2] Форма уменьшительная.

[3] *Какѫ-годе*=какою либо; *гадина* употребляется для означенья птицъ (Geflügel), пернатыхъ (о животныхъ нельзя употребить этого слова).—

[4] Чтобъ полетѣть и взлетѣть мнѣ (наше *фыркну*).

[5] *Кацнѫ*=сяду, говорится только о птицахъ; по частности этого значенія не допускаемъ греч. *κάϑομαι*, а скорѣе приравниваемъ *качѫ*.—

[6]= *Слуша, слуша*: сѣлъ, чтобъ ее выслушать, соизволилъ. *Тъй*, такъ, потому.—*Бре* какъ частица.—

[7] Сдѣлалъ ее голубкой —

[8] Воркомъ ворковала.

[9] Собирательное;—обыкнов. *дребно*.

[10]=*Капяхѫ* (капляхѫ), капали.

[11] Растопился, растаялъ.—*Мряморъ*—странно (=*мрѣ*?); обыкн. *мра*.—

Та си ѥ тъмнѝца прокáпала[1],
Та си на Тилáна косѫ накáпала.
Тилáнъ си дума тъмничяри[2]:
«И излѣзь вънъ, тъмничярю, та погледай,
«Далѝ сѫ силни снѣгове,
«Илѝ буйни дъждове?»
Тъмничéринъ на-вънъ[3] излѣзе
Тъмничéринъ младъ капуджия[4],
Та сѝ на-вънъ поглéда
И сѝ на Тилáнъ думаше:
«Тилáне-ле младъ, Тилáне!
«Нитó си ѥ[5] силни снѣгове,
«Нитó буйни дъждове:
»Ами ми ѥ сѣда-бѣла гълѫбка,
«И си гугóмъ гугука,
«И си дрéбне сълзіѥ рóни,
«Та сѝ на мрáмора капяхѫ,
«Та сѫ имъ[6] мрáморъ прѣтопили,
«Та си тъмницѫ прокапала,
«Та си на Тилáна косѫ накáпала.»
Тилáнъ си дума на тъмничéри[7]:

---

[1] Прокапала, капли пропустила. У Сербовъ сестра ронитъ слезы надъ Дойчиномъ, а онъ, встрепенувшись отъ болѣзни, говоритъ: «двори мои, огнем сагорели! А каде ми брже прокапасте? (т. II, № 78).» —

[2] Винит. множ.; согласны писать здѣсь и *ѣ* (*чѣ*). Здѣсь-то оказывается несправедливость Миклошича и Цанковыхъ: *ярю, еринъ*.

[3] Тоже, что — вонъ.

[4] Тур. привратникъ (капу).

[5] По отсутствію ударенія *е* переходитъ въ *и*, какъ и выше.

[6] Энклитика, не столь впрочемъ частая въ языкѣ болгарскомъ, какъ *ми*, *си*, *ти* (*имъ*, т. е. слезамъ).

[7] Ожидается *тъмничяря* (=ѣря).—

«Тъмничáрю младъ капуджи́ю[1]!
«То не си́ ѥ си́ва-бѣ́ла гълѫбка,
«Ами́ си ѥ моѩ-тѫ ста́ра ма́йчица.»
И Тила́нова-тѫ ма́йчица го ꙁачю́ла[2],
Та си на Тила́на ду́маше:
«Ту́къ[3] ли си, о́лумъ[4], жи́въ ли си?»
Тила́нъ си на ма́йкѫ ду́маше:
«Ту́къ съмъ, ма́мо, жи́въ съмъ,
«Ама́, хичь[5] да не́съмъ, по́хубекъ[6].»
Че́[7] си Тила́нъ ду́ма на ма́йкѫ си;
«Мло́го[8] ми ꙁдра́вѥ[9], ма́ле,
«На мо́ѭ-тѫ неве́стѫ Петка́нѫ[10];
«Ялънджи́йско[11] фирма́нѥ[12] да испи́ше,
«И на мо́ѥ-то хра́нено по́нче да са качи́[13],
«И бостанджи́йски[14] дре́хи[15] да облече́,

---

[1] Й очень часто переходитъ въ яз. новоболгар. въ *я*, и обратно: *капуджия*, *капуджий*, и отсюда звательный на *ю*.
[2] Его заслышала.
[3] Здѣсь ли?
[4] *Олумъ*, съ тур., сынъ мой! (*оглу́-мъ*). —
[5] Тур., во все (ничего).—
[6] Видоизмѣненіе формы, *е* изъ *а* (хубавъ): получше, лучше; «здѣсь я, матушка, живъ я; но, еслибы во все не былъ здѣсь, еще бы лучше.»
[7] Послѣдовательность дѣйствій.
[8] = *Много*, обыкновенное видоизмѣненіе.
[9] То есть *заенси*, передай, женѣ моей, многое, большóе здоровье, желанье отъ меня здоровья.
[10] Имя жены.
[11] Съ тур., ложное, фальшивое (*яла́нджи*=лгунъ). —
[12] Ялънджи́йски фирма́нъ (ед.) или фирма́ни (множ.); здѣсь собирательное.
[13] Пусть вскочитъ.
[14] Отдѣлъ Крджаліевъ, называвшихся такъ по имени начальника *Бостанджи*; какъ нарицательное=сторожъ огорода, сада (*бостанъ*=садъ), садовникъ.
[15] Одежды (видоизмѣн. *ѣ* и *я*, драх. —).

«Мóѭ-тѫ тѣ́нкѫ[1] сáбѭ добрѣ́ да припáше[2],
«Мóѭ тѣ́нкѫ пýшкѫ бойлíѭ[3],
«Мóй-тѣ чифтé[4] ништóке гюмюшлíини[5].»
И сѫ на кóнче качúла[6],
Та си къ Цариграда отúшла,
Въ царогрáшни тъмнúци,
И си мълъджи́йски фирмáни покáза,
И си на тъмничéри дýмаше:
«Ой ва кáзи, тъмничéри,
«Млáди ми капуджíи!
«Мéне ма ѥ̀ цáрю[7] провóдилъ[8],
«Дѣ́то[9] и́ма вéтхи хапýзи[10],
«Вéтхи хапýзи, да ги испуснѣ́те[11],
«Азъ штѫ глави́-тѣ имъ да изрѣ́жѫ.»
Чѐ сѫ Тилáна пýснѫли[12],
Косá му сѫ по земѭ́ влачѣ́ше,
И въ косѫ́-тѫ му змѣ́и и́маше[13].
Чѐ Петкáна Тилáна прибрáла[14],

---

[1] Красота. —
[2] Припоящетъ.
[3] Въ ростъ человѣка (*бой* или *буй*, тур.). —
[4] Пара, тур.; = *мои-тѣ*. —
[5] Серебряныхъ, тур. (гюмюшъ).
[6] Петкана.
[7] Звательный въ значеніи именительнаго; встрѣчается и *царь*: *ѥ* безъ ударенія переходитъ въ *ю*.—
[8] Послалъ.
[9] Гдѣ есть; тѣхъ, кои находятся.
[10] *Хапузъ* (*хапызъ*), тур., колодникъ, арестантъ; — *ветхи*—давнишніе.—
[11] Выпустите.—
[12] Пустили.—
[13] Были, имѣлись.
[14] Взяла.—

Та гò ѭ на белбéрницѫ[1] заведà;
Трѝма[2] го белбéри брѫснѣхѫ[3],
И Петкáна дивáнъ[4] стоéше[5],
И налѝчи[6] въртѣше,
И си на белбéри дýмаше:
«Хýбаво го ȯбрѫснѣ́те,
«Чé[7] щте главѫ́-тѫ му да отрѣ́жѫ.»
И тъ̃й[8] си Тилáна ȯбрѫ́снѫли,
И Петкáна си желтѝци три фъ́рлила[9],
Чé си Тилáна прибрáла,
И гó на кóнче качѝла[10],
Чé[11] гó ѭ при мáйчицѫ заведлà.

---

[1] Въ цирюльню: обыкновенно *берберъ*.
[2] Трое.
[3] Стригли.
[4] Прямо на ногахъ, debout; тур. (собств. *диванъ*=совѣтъ). —
[5] *Стояше*, даже *стоеше*.
[6] *Кылычь*, сабля, тур. —
[7] И потомъ.
[8] И такъ.
[9] Швыряла, швырнула.
[10] Посадила.
[11] Въ слѣдъ за тѣмъ къ матери его привела. —

VIII.

ГОСПОДИНЪ[1].

Разболѣлъ са ѥ Господинъ
Отъ тѣжкы уюмы, отъ болесть.
Господинъ дума майки[2] си:
«Майне[3]-ле, стара майне-ле!
«Излѣзъ та пометй ракни дворн,
«И постелй пъстрѫ[4] постелкѫ,
«Подъ крушѫ-тѫ дребнѫ[5].»
Господинова майка
При Господина сѣдѣше,
И двѣ-тѣ му братовици[6]
По клонъ[7] босилкъ[8] държѣхѫ[9],
Майка му държи вѣтрило[10].
Господинъ майки си думаше
«Майне-ле, стара майне-ле!
«Повикай[11] хубавѫ Цонкѫ[12], да додѥ,
«Съсъ Цонкѫ да са видиме,

---

[1] Оттуда же.—Имя собственное.
[2] =*Майкѣ*; обыкновенно *майци.*
[3] Сложное: *май* (мае)—*не—ле,* уменьшенія.
[4] Пеструю, писаную —
[5] Подъ мелкою грушей
[6] Братнія жены.
[7] По вѣтви.
[8] Василекъ;—растеніе красивое и пахучее.—
[9] =*Дръжяхѫ=жахѫ.* —
[10] Опахало.—
[11] Покличь.
[12] Имя собственное.

«Ҷé сме са млóго ли́били[1],
«И сме живóтили[2],
«И сме си вѣ́рно[3] ду́мали;
«Ȥемя́ то не слу́шѣла
«И небé-то не глéдало.»
И Цóнка са дофтáса[4],
Та на Господи́на рѫкѫ́-тѫ поѥ́[5],
Рѫкѫ́-тѫ поѥ́, да са прости́,
И Господи́нъ ѭ въ лицé цѣлу́нѫ[6],
Та са прости́хѫ. —

---

[1] Любилися; одно изъ обыкновенныхъ измѣненій слова.
[2] Жили, притомъ дружно, поживали; серб. *живовали.*
[3] По вѣрѣ, по истинѣ, по душѣ разговаривали.
[4] *"Εφθασε.* —
[5] Пояла, взяла.
[6] Поцаловалъ.

IX.

ИВАНЧЕ ЖЕНИХЪ.[1]

Майка Иванчя ҙажéни[2], ёште сгодила,
Ушкъ[3] откѫдъ[4] бѣла Дунава,
Ҙа бѣлѫ Калѫ[5] попова, попъ-Николовѫ.
Като ҙа Калѫ отхождахѫ,
Желти-тѣ дюли[6] цъвтѣхѫ[7]
И перандзи[8] вързѣхѫ[9];
Като сѫ съ Калѫ върнахѫ,
До бѣлъ сѫ Дунава отишли, —
Дунавъ си мѫтенъ протекалъ,
Дръвѥ[10] и камъни катуѣше.
Свадбари[11] єдинъ други си думахѫ:
«Кой ще Дунавъ да прѣплава,
«Да си Дунавъ испита?»
Никой не сѫ наѥлъ[12],
Дунава да си испита
Кумче[13] Иванчё[14] си думаше:

---

1 Оттуда же: неконченная. —
2 Засватала, начала искать невѣсты; *сгодила*, свела, обручила. —
3 Тур., даже, далеко (*чекъ*). —
4 По ту сторону, съ той стороны. —
5 Имя собственное. —
6 *Дюли* = айва, тур., *κυδῶνι*, квить; дули? —
7 = *Цвѣтѣхѫ*. —
8 Померанцы. —
9 Завязывались (о плодѣ). —
10 Собирательное: деревья, лѣсъ. —
11 Сваты, провожатые. —
12 Не взялся; не нанялся. —
13 *Кумéцъ, кумчé* = кумъ вѣнчаный (кумъ при свадьбѣ). —
14 Винительный = дательному. —

«Ива́нчё, сно́шно вѣнчи́ло[1]!
«Съблѣчи́[2] дрѣ́хи вѣнчѣ́лни,
«Облѣчи́ бѣ́ли дезли́ци[3],
«Да си Ду́навъ испи́ташь,
«Испи́ташь, дълбо́къ ли?»
Чё сѧ фѣ́рлилъ Ива́нчё
Въ ти́ха, бѣ́ла Ду́нава:
Пла́валъ ё до срѣ́дь Ду́нава,
Потъ́нж Ива́нчё, удави́сѧ[4].
Свадба́ри, ста́ри сва́тове[5],
Ѥди́нъ дру́ги си ду́махж:
«Ха́йдите[6], Ка́лж да вѣ́рнемъ,
«Ка́лж му, Ка́лж попо́вж.»
Ива́нчёво-то бра́тче
То на свадба́ри ду́маше....

---

[1] Какъ *Иванчё*, въ звательномъ, переходитъ въ средній родъ, такъ отсюда и: *сношно* = въ эту ночь, прошлую (ср. родъ о лицѣ), *вѣнчило* = вѣнчаный. —
[2] Сволоки, сними. —
[3] Что надѣваются подъ чакшире: начинаются не много выше колѣнъ, потомъ до ступни; для теплоты, иногда для красоты. — Тур. *дизлікъ*, отъ *дизъ* = колѣно: наколѣнникъ. —
[4] Захлебнулся, утонулъ.
[5] Главные въ сватахъ. —
[6] Ну-ка, давайте. —

X.

ГРЕЧАНКА, ЛАТИНЕЦЪ.[1]

Провѝкнала са й[2] Кѝша Гъркѝня,
Отъ бáштини си сърчáнъ-сарáй[3]:
«Кой-то прѣплáва Бѣло-то мóре[4],
«Отъ Ушáкъ-калé до Сарáй-Бүрнү[5]?»,
Чè са ѥ наѥ́ло ѥднó момчéнце,
Ѥднó момчéнце, ѥднó Латѝнче[6],
Та ѥ прѣплáвало Бѣло-то мóре
Отъ Ушáкъ-калé до Сарáй-Бүрнý.
Отговóрѣше Кѝша Гъркѝня:
«Кой-то насадѝ срѣдь морé лóзи,
«Срѣдь морé лóзи и по край-тъ дюли,
«И да наберé кóшникъ грóзди,
«Кóшникъ грóзди и тестемéлъ[7] дюли,
«То[8] ште земе Кѝша Гъркѝня,
«Съсъ бáштинъ сърчáнъ-сарáй.»
Наѥ́ло са пакъ момчé Латѝнче,

---

[1] Оттуда же. Прекрасно собраны черты, кое-гдѣ разбросанныя у другихъ Славянъ; преданіе и мотивъ весьма древни; у Нѣмцовъ вспомнимъ «der Handschuh,» Шиллера. —

[2] = е. —

[3] *Сырче*, тур., стекло: изъ хрустальныхъ дворцовъ (теремовъ). —

[4] Средиземное, (Архипелагъ), особенно здѣсь Мраморное.

[5] Обѣ мѣстности въ Дарданельск. и въ Константинопол. проливѣ: 1-я, гдѣ Галлиполи, 2-я у святой Софіи.

[6] Латинецъ, Итальянецъ, и вообще Католикъ.

[7] Платокъ, съ тур., отъ перс. *дестмалъ* = утиральникъ (*дестъ*, рука, *малиденъ* — обтирать), ручникъ. —

[8] *Той*, тотъ. —

Та й[1] насади́ло на срѣ́дь море́ ло́ѕи,
На срѣ́дь море́ ло́ѕи и по кра́й дю́ли,
Та ѭ набра́ло съсъ ко́шницѫ гро́ѕди,
Съсъ ко́шницѫ гро́ѕди и тестемѣ́лъ дю́ли,
Та ѭ ѕане́сло[2] на Ки́шиѫ Гърки́нѫ.
Отгова́ряше Ки́шиѫ Гърки́нѫ:
«Ко́й-то ѕамѣ́ри[3] я́сно-то слъ́нце,
«Я́сно-то слъ́нце съсъ чифте́ пиштове́,
«Да го помѣ́ри, да го ꙋда́ри[4]?
«Той ште си ѕѣ́ме Ки́шиѫ Гърки́нѫ,
«Съсъ ба́штинъ сърми́нъ-сара́й.»
Чѐ ся ѭ на́шло момче́ Лати́нче,
Да си помѣ́ри я́сно-то слъ́нце:
То не помѣ́ри я́сно-то слъ́нце,
Нъй[5] си помѣ́ри Ки́шиѫ Гърки́нѫ.

---

1 = Є (есть). —
2 Принесъ къ...
3 Прицѣлится. —
4 Попадетъ въ цѣль и ударитъ. —
5 Но.

XI.

ТОДОРЪ И ТОДОРКА[1]

Тóдоръ Тодóрки дꙋмаше:
«Тодóрке, прѣвни прѣвнино[2],
«Тодóрие[3], севдá[4] голѣма,
«Тодóрке, сꙋка хꙋбака!
«Е́то ми де́веть годи́ни,
«Какъ са съ те́бе събрáхме[5]:
«Ти бѣ́ше кле́то сирáче[6],
«А́зъ бѣхъ чю́ждо аргáтче[7];
«Какъ са съ те́бе събрáхме,
«Хꙋбавѫ мѫкѫ сти́гнахме[8]
«Злáто отъ сре́бро поммóго;

---

1 Оттуда же.

2 *Прѣвня*, *прѣвніна* = первая, первица, первая жена,—и первый мужъ; отсюда ниже звательный *прѣвне* (отъ *прѣвня*); рода общаго.

3 Вмѣсто *ке* обыкновеннѣе *ко*: *ки* (безъ ударенія) = *кѣ*. —

4 Тур., любовь, собств. меланхолія отъ любви, съ араб.; скр. *сев*, honorare, venerari (Venus), съ производными; новогреч. *σεντᾶς*, хорошее, доброе начало (напоминается *σέβω*). — Любовь великая!

5 Вотъ уже девять (деветь) лѣтъ, какъ мы съ тобою соединились.—

6 *Сираче*, сирота; *клето* здѣсь не проклятая, а бѣдная (отверженная).

7 Тур. *ирґáтъ*, поденщикъ, нанимающійся въ услуженіе у чужихъ людей;—Славяне и Турки взяли съ греч., новогр. *ἐργάτης* и *ἀργάτης*.

8 Хорошимъ, добрымъ (не малымъ), честнымъ трудомъ (мукой) пріобрѣли мы, достали: что? чего? Злата больше, чѣмъ серебра; или: получили мы въ удѣлъ, досталось много намъ добрыхъ трудовъ и золота, больше чѣмъ серебра.—

Ѕлáтнѫ параллиѫ'[1] нѣ́махме, —
«И параллиѫ' си кѹ́пихме;
«Отъ сърце рóжбѫ нѣ́махме[2]:
«Млáда ли, да та кайдúсамъ?
«Млáда ли, да та парѣ́самъ[3]?»
Но Тодóрка дѹ́ма Тóдорчю[4]:
«Тóдорчю, прѣ́кке прѣкúно,
«Тóдорчю, секдá голѣ́ма!
«Въ горѫ́-тѫ úма ѥ́бълка,
«Дéвять-годúшна ѩ́блока[5]:
«Тá-ѕъ си годинѫ[6] цъ́фнѫла[7],
«Цъ́фнѫла и ѕавъ́рѕала[8]
«Ѥднѫ́ ми ѕлáтнѫ ѥ́бълкѫ.»

---

[1] *Паралля*=большое блюдо, столъ, на которомъ ставятся блюда; съ греческаго, но какого слова? или *παραλληλία*=помѣщеніе другъ возлѣ друга, или новогреч. *παραλαλιά*=бесѣда.—

[2] Не было (только, лишь) у насъ дѣтей, порода; по сербски «од срца порода.»

[3] *Кайдúсамъ*, съ тур. (*кыймакъ*), рублю, разсѣкаю, убиваю; *парѣсамъ*. отпущу, разведусь съ тобой, вѣроятно отъ *παρίημι* (*ἵημι*, *ἥσω*). отпускаю, оставляю, бросаю. Оборотъ, который можетъ быть передань только нашимъ пѣсеннымъ складомъ: «молода ли ты, зарѣзать мнѣ тебя? молода ли ты, разстанусь я съ тобой?» «Ужъ какъ я ли тебя молоду зарѣжу, ужъ какъ я ли молоду тебя оставлю?» Вспомнимъ также, что *ли* служитъ для образованія прилагат., напр. серб. *златали*. —

[4] Собственно *Тóдорчё*, звательный, переходящій въ средній родъ; *ё* безъ ударенія близко къ *о*, и потому переходитъ въ *ю*, также какъ *о* въ *у*. Склоненіе: *То́дорчё*, зват. = именит., род. *То́дорча*, дат. *Тодорчю*.

[5] Въ лѣсу есть яблоня, девять лѣтъ она безплодна. —

[6] Въ этотъ же годъ, нынѣшнимъ годомъ. —

[7] = *Цъвнѫла*, *цъвнѫла*, *цвѣнѫла*, зацвѣла.

[8] Завязала, зародила золотое яблоко. —

Тóдорчё са не угáди[1]
На Тодóркинѫ хоратѫ́[2];
Чё стáнѫ Тóдоръ, отúде,
Къ побрáтимови[3] си Никóлѫ;
Тóдоръ Никóлѫ дýмаше:
«Никóла, побрáтиме ле,
«Ти си, Никóла, касапúнъ[4], —
«Елá, Никóла, у домá[5],
«Азъ úмамъ крáвѫ ꙗ́ловѫ,
«Да ѭ, Никóла, заколешь.»
Никóла дýма Тóдорчю:
«Тóдорчё, побрáтиме-ле!
«Хáйдё си, Тóдоре, идú,
«Азъ штѫ подúря[6] да дóдѫ.»
Натóчи ножъ касáпскии,
Чё у Тóдорчёви[7] отúде.
Тóдорчё крáвѫ не искáра[8],
Нъй си Тодóркѫ изкáди;
Никóла Тодóркѫ кáйдиса[9],
Та юй[10] главѫ́-тѫ отрѣ́за.
Тодóркина главá скáчѣше[11]
И Никóлѫ дýмаше:

---

[1] Не принялъ къ чувству, не обратилъ вниманія.
[2] *Хоратá* = рѣчь, бесѣда (ср. *хора*, люди). —
[3] Сомнительная, черезъ чуръ древняя форма. —
[4] *Касапъ*, мясникъ, тур. (съ араб.).
[5] Ступай въ домъ (ко мнѣ).
[6] *Подúря* (=*по дúрѣ, по дúрѣ*) = въ слѣдъ; ну, ступай, я приду въ слѣдъ за тобою.
[7] То есть *двори*, пошелъ въ домъ Тодора.
[8] Не выгналъ (предъ мясника) коровы, а вывелъ жену.
[9] Зарѣзалъ. —
[10] Ожидалось бы *ней* или *и*. —
[11] Скакала, прыгала.

«Дрȣги Нико́ла, милъ бȣленъ[1]!
«По сърце́-то[2] да ма расцо́решь,
«На сърце́-то ми да ви́дишь,
«Да ви́дишь, что и́ма, дрȣги Нико́ла!»
И Нико́ла ѭ разрѣ́залъ,
Намѣ́ри[3] мѫжко ро́жбицѫ,
Момче́нце съсъ зла́то перче́нце[4].
То́доръ Нико́лѫ дȣмаше:
«И дай ми но́жѫ[5] каса́пски,
«Да си ѩ́зикъ разрѣ́жѫ,
«Да си уста́-та раскка́сѫ[6].»
Не си ѩ́зикъ разрѣ́за,
Нъй[7] сѫ въ сърце́-то уда́ри,
И Тодо́рин дȣмаше:
«Тодо́рке, прѣкие прѣмилно!
«Тодо́рке, секда́ голѣ́ма!
«Тодо́рке, бȣлка хȣбава
«Тъй ли е било писано[8],
«На едно́[9] два́ма[10] да умре́мъ!»

---

[1] Никола былъ Тодору побратимъ, и потому называлъ Тодорку *бȣля*, *бȣлё* (какъ жену старшаго брата); слѣдовательно Тодоркѣ Никола приходился *бȣленъ*: ты мой, буленъ.

[2] Распори меня по сердцу (животу).

[3] Нашелъ; маленькаго дѣтенка, мальчика.

[4] Съ золотыми волосками (перчянъ, перчинъ).

[5] = *Ножь-тъ*.

[6] Промочу, омочу; *кваса*, увлажить, оросить, вамочить. —

[7] = *Нъй*, но. Выше Венелинъ поставилъ *но*: рѣдко употребительно.

[8] Такъ ли писано было, ужъ вѣрно такъ было написано.

[9] Вмѣстѣ, за одно.

[10] Въ двоемъ, двое. —

XII.

ГЮРО.[1]

Пушка пукнѫ[2], пушка Арнаутска[3],
Та удари Гюра, добъръ юнакъ;
Гюро викнѫ отъ черна-тѫ земля[4],
Та сѧ чую до синё-то небо[5],
Пиле станѫ отъ вито-то гнѣздо[6].
Залежа сѧ, заклá сѧ Гюро, добъръ юнакъ,
Та ми лежи подъ зелени яворъ,
И на снагѫ[7] му седемь-десять и пять[8] люти рани,
И при него[9] мила сестра Ангелина,
Кърпи[10] дере, люти рани бърше[11],

---

1 Заимствовано у Богоева. Раздѣленіе стиховъ, очевидно, очень спутанное, по той вѣроятно причинѣ, что вторая половина стиха или конецъ повторяются при новомъ. Кромѣ того самый смыслъ и порядокъ рѣчи смѣшанъ: но это уже зависитъ, какъ увидимъ, отъ склада эпической пѣсни, нерѣдко отвлекающейся къ любимымъ описаніямъ. —

2 Хлопнула. —

3 *Удáри*, ударила, поразила, попала въ...

4 Обыкнов. *земѧ* (*л* книжное). — .

5 Обыкнов. *небé*; въ пѣсняхъ часто *нéбо*, *мóре*.

6 Птица (отъ крику) поднялась съ витаго, плетеннаго гнѣзда.— Далѣе у Богоева *залежа*. —

7 На членахъ.

8 Обыкнов. *седемь* (ямъ, ьмъ)-*десéть*; *петь*, *петь*.

9 При немъ, возлѣ него. —

10 *Кърпа*, платъ, лоскутъ. —

11 Обтираетъ, *бърши*, прош. несов. *бъ́ршихъ—ше*, повел. *бърші́—шѣте*, аор. *бърсахъ* (обыкнов. съ предлог. *о*), *обърса*: предполагаетъ неоконч. *бърсати* (писати, *пи́шѫ-пише*, *пи́сахъ*, *ис-пи́сахъ-испи́са*), Ц. слав. супрасл. бръсати, въ томъ же значеніи

Слѫ́зи ро́ни, лю́ти ра́ни мие.
Отговáръ[1] Гю́ро до́бъръ юна́къ:
«'Ой та те́бе, моя ми́ло[2] се́стро Ангели́но!
«И глє́дай, и глє́дай, дано́[3] ма изглє́дашь,
«Дано́ ма изглє́дашь, ако́ ста́нѫ.»
Въ горѫ́-тѫ[4] и́ма єдно́ су́хо дръво́,
Дръво́ є пъ́лно съ маджи́ръ-жълти́ци[5],
И надъ нєго стои́ че́рна га́рванина[6],
Съ уста́ гра́че[7], съ очи́ до́лу[8] глє́да,

---

1 = *ря*. —

2 Вмѣсто *мила*, по уподобленію (ассимиляціи) съ *сестро*.—

3 Смотри, смотри на меня, авось (*дано*, utinam) высмотришь меня, выходишь, и встану я. — Богоевъ печатаетъ *давно*!

4 Вь лѣсу. Это продолжается рѣчь Гюра къ сестрѣ; но эпосъ забываетъ, рисуетъ лѣсъ, потомъ дерево, а на деревѣ гарванъ, а гарванъ хочетъ мяса и крови, а больной съ нимъ вступаетъ въ разговоръ (потому мы не ставили здѣсь ковычекъ). Послѣ такого отступленія, опять продолжается рѣчь Гюра къ сестрѣ. См. ниже Стояна. —

5 Венгерскіе червонцы = хорошіе, въ отличіе отъ турецкихъ; Бог. *жѫлтици*: *ѫ* его = *ъ*, *ъ* послѣ шипящей (при *л* и *р*) переходитъ вь *ь*. —

6 Надъ нимъ стоитъ (= сидитъ) черный гавранъ; смыслъ очень простъ, но форма странная; можно бы думать, что это одинъ изъ тѣхъ смѣшанныхъ падежей, которые въ яз. н. болг. основаны на произнесеніи конечнаго *ъ*, близки къ родительному (подобно мѣстоим. *мене* = *moi*), но замѣняютъ и мѣста другихъ; вслѣдствіе конечнаго *а* перемѣняется и родъ, переходя къ женскому: *гáрванина*, ниже *сива вълковина*, въ родѣ нашего *телятина*, *комоньство*. Отсюда звательный на *о*. —

7 *Грáчи*, каркаю: каркаетъ ртомъ.

8 Очами смотритъ долу; употребляется и *доло*. —

Съ крилá трепти́[1], съ нóкти[2] далú трóши[3],
Та му чéрни очи́ прáши[4].
Отговáрѧ Гю́ро дóбъръ юнáкъ:
«'Ой та тéбе, чéрна гáрканино!
«Штó ми грáчешь, штó съ очи́ дóлу глéдашь?
«Штó ми съ нóкти далú трóшишь
«Та ми чéрни очи́ прáшишь?
«Глáденъ ли си́, или си óште жéденъ[5]?
«Акó си глáденъ, акó умрѫ́,
«Да са наядéшь мóи-тѣ бѣли мясá[6];
«Акó си жéденъ, да са напиéшь
«Мóи-тѣ чéрни крѫ́ви[7].
«'Ой та тéбе, мóя сéстра, мила Ангели́но[8]!
»И глéдай ма, данó ма изглéдашь, данó стáнѫ[9]!
«Акó стáнѫ, въ горѫ́-тѫ и́ма едкó сýхо дръвó,
«Дръвó е пълно съсъ маджи́ръ-жълтíци,
«Акó стáнѫ, двáма да ги дѣли́мъ[10];
«Акó умрѫ́, самá да ги земéшь[11];

---

[1] Трепещетъ, бьетъ крыльями.

[2] *Нóкътъ*, мн. *нóкти* и *нох(г)тé* = *нохтé* (собират). —

[3] Ногтями трошитъ, крошитъ сучья, вѣтви; *даль*, тур., болгар. *клонъ* = вѣтвь. —

[4] Порошитъ, запорашиваетъ. — У Бог. (ниже) *прашешь*.

[5] Обыкнов. *жеденъ* (=жадьнъ), жаждущій; у Бог. *жѧ=жъ=жь* (*ъ* послѣ шипящей); очень можетъ быть, *ъ* = *е*. —

[6] Обыкнов. *меса́* (множ.). —

[7] Кровей (множ.). —

[8] Пѣсня опять возвращается отъ эпизода къ разговору Гюра съ сестрой и его завѣщанію. Здѣсь рѣчь уже гораздо стала свободнѣе и складнѣе.

[9] Авось встану! это гораздо лучше, чѣмъ выше «ако станѫ»; впрочемъ «ако станѫ» начинало было условіе, какъ вдругъ прервано было эпизодомъ.

[10] Вдвоемъ раздѣлимъ.

[11] Сама, одна возьми ихъ; у Богоева *замишь*, невозможная форма.

«Дръвó акó не ѕнáешь, иѕлѣ́ѕъ та послýшаи,
«Напрѣ́дь слъ́нце[1], кадѣ[2] грáче хéрна гáрванина,
»Кадѣ́ вóѥ[3] сѝва вълковѝца[4].»
Твáчка[5] изду́ма Гюро дóбъръ юнáкъ,
Твáчка изду́ма и съ душѫ́ са раздѣлѝ.[6] —

[1] Если не знаешь этого дерева, выдь съ позаранку, до солнца, да прислушайся, и узнаешь мѣсто по карканью гаврана, вою волка. — Обыкн. *излѣзъ*. —

[2] Въ какой сторонѣ, въ какую сторону.

[3] У Богоева *вои*, т. е. *вое* (*е* безъ удар.=*и*); но форма эта не употребительна; чаще *віе*, или *завíва вълкъ*, воетъ, завываетъ; *вію*, *вью*, *вою*, *завиваю*, *завываю*, одинъ и тотъ же корень: *вия* также относится къ *вою*, какъ *пѣти*, *въ-пити* (вопить, сложное) къ *пою*; какъ *въ-пити* имѣетъ при себѣ *пѣти*, такъ *вити* имѣетъ *вѣ-ти*, далѣе *вѣн—вѣщикъ*, *вѣнокъ*; *вѣтеръ*, *вихорь*. *вьюга—воетъ и вьетъ*, *тянетъ*; т. о. *вити*, *выти=тянуть*; тоже самое значитъ *пѣти*, *пою*, тяну, затягиваю, но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. —

[4] Форма очень рѣдкая. См. выше.

[5] *Твачка* = это когда, только лишь что; тѣже элементы въ полнотѣ являются: *товá че катó*. —

[6] Разстался съ душой. О подобныхъ сербскихъ выраженіяхъ смотри ниже пѣсню о Стоянѣ.

XIII.[1] XIV.[2]

ЦАРЬ И СЛУГА.

Ца́рь си на слꙋгѫ[3] гово́ри:
«Попѣ́й ми, слꙋга́, попѣ́й ми,
«Изъ едно́ гъ́рло два гла́са,
«Изъ една́ ꙋста́ двѣ дꙋ́ми[4]!»
Слꙋга́ си царю́ дꙋ́маше:
— «Ца́рё-лё, ца́рё чести́ти[6]!
— «Чести́то да ти е ца́рство-то!
— «Не бо́й ма[12], ца́рё, не бо́й ма,
— «Не бо́й ма, пѣ́сень да пѣѭ,

«Попѣ́й ми, Сла́вке-ле[3], попѣ́й ми,
«Отъ едно́ гъ́рло два гла́са,
«Отъ язи́къ[5] сла́дки!»
— «Не мо́гѫ да пѣѭ, ца́рко-ле[7]:
— «Къгъ́рна[8] съмъ, ца́рко-ле.» —
«Тъй[9] што си́ къгъ́рилъ?»
— «Манасти́рь съмъ запра́вила[10],
— «Че не ми казна́ досо́са[11],
— «Да си манасти́рь допра́вѭ.» —

---

[1] Взято у Богоева.

[2] Изъ сборника Венелина; пѣсня записана имъ самимъ въ Варнѣ. —

[3] Въ 1-мъ № слуга, во 2 мъ женщина; *Славка* уменьшит. отъ *Слава*; имена этого рода (на *ка* съ предшествующей согласной) имѣютъ въ зват. *ке* и *ко*. —

[4] Два слова, двѣ рѣчи: обычное въ болгарскихъ пѣсняхъ описаніе голоса и пѣнія.

[5] Обыкнов. *езикъ*.

[6] Честной, уважаемый. —

[7] = *Царекъ*. —

[8] Печальна, съ тур. см. ниже.

[9] Такъ, же. —

[10] *Запра́вѭ*, зачну дѣлать, застрою. См. ниже.

[11] Недостаетъ у меня казны для исполненія предпріятія; *досо́свамъ*, *досо́самъ* = довлѣю, достаточенъ есмь, дополняю, удовлетворяю; м. б. σώζω спасать, сберегать, сохранять въ цѣлости, полнотѣ; новогреч. σῶσμα, совершеніе, удовлетвореніе. Ниже *не достига*. —

[12] Любопытный, но весьма рѣдко встрѣчаемый глаголъ, сохранившійся у насъ только въ возвратномъ залогѣ (*не бой са*): не трогай, не безпокой, не заставляй насильно пѣть; обыкновеннѣе *не дзй*, *не катни ма* (катнѫ).

— «Изъ ѥдно́ гъ́рло два гла́са,
— «Изъ ѥдни́ уста́ двѣ ду́ши:
— «Голѣ́мъ ми ѥ кахъ́ръ[1] па́днѫло,
— «Че съмъ си хаи́ръ заира́кнлъ[2],
— «На Ту́нджѫ дльгѫ кюпри́ѭ,
— «Въвъ Солу́нъ-гра́да манасти́рь[3];
— «Та хазна́-та не ми дости́га.» —
Ца́рь си на слугѫ́ ду́маше:
«Не бо́й са, слуго́[4], не бо́й са:
«Ако́ ти хазна́ не сти́га,
«'Азъ штѫ ти хазнѫ́ допѣ́лни[5]»
«Пакъ не бо́й са, Сла́вке́-ле:
«'Азъ ште хазнѫ́ досо́самъ,
«Да си манасти́рь допра́вишь.
«Попѣ́й ми, Сла́вке́-ле, да са повесели́мъ,
«Отъ ѥдно́ гъ́рло два гла́са!»

---

[1] *Кахъ́ръ*, тур., печаль, горе: большое горе настигло меня, большая печаль напала; средн. родъ глагола при мужеск. лица или вещи — болгарскій идіотизмъ. —

[2] *Хаи́ръ*, тур., дѣло въ чью либо пользу, по обѣту, предпріятіе полезное кому или богоугодное, напримѣръ строить мостъ, фонтанъ, и т. п. —

[3] Какое же предпріятіе? 1) построить долгій, длинный мостъ (кюпріа, съ тур. *кёпрю*) на Тунджѣ: рѣка, текущая изъ подошвы Балкана, черезъ Ямболъ, и впадающая въ Марицу; 2) монастырь въ Солунъ-городѣ. —

[4] *Слуго*, какъ слѣдуетъ; а выше *слуга*. —

[5] Тема съ глаголомъ вспомогательнымъ, для образованія будущаго дополню.

XV.

МАРКО КОРОЛЕВИЧЬ.[1]

Сѣднахъ Марко да вечеря[2],
Съ нѥгова-тѫ старѫ майкѫ.
Като Марко ѣде и пие,
И са подъ мустакъ[3] подсмива.
Дѣ[4] го видѣ нѥгова майка,
И си Марку отговаря:
«А бре, Марко кралювичинъ!
«Што си ѣдешь и си пиешь,
«И са подъ мустакъ подсмивашь?
«Далй са на софрѫ[5] смѣешь?
«Илй на прости-тѣ кравай?
«Илй на проста-тѫ ми госбѫ?[6]
«Илй на мои-тѣ старини?»[7]
Марко майци си думаше:
— «Не са смѣѭ на простий[8] хлѣбъ,
— «И на проста-тѫ ти госбѫ,
— «Нито на твоѭ-тѫ старость,

Вино пие тридест капетана
У Карловцу биеломе граду,
Медю нима Вилип Маджарине,
А до нега Змай-Деспоте-Вуче,
Докле су се вина напоили,
И од вина тежи задобили...
Али вели Вилип Маджарине:
«Братё моя, тридест капетана!
«Видите ли биела Карловца,
«И у нему тридест и три куле?
«Я сам сваку главом накитио,
«До ниесам кулу на тюприи,
«А и ню тю скоро окитити
«Русом главом Кралевитя Марка.»
Ал' га чуе Змай-Деспоте-Вуче,
Побратим е Кралевитю Марку,
Па се скочи од земле на ноге,

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записана Захаріемъ Княжескимъ; по содержанію относится къ XIV или началу XV вѣка.—
[2] —*Вечеря* (отъ *вечерьмъ,—ьшь,—ь*): вечерять, ужинать.
[3] Усмѣхается подъ усъ свой; съ греч. *μύσταξ*, *moustache*.—
[4] Когда.
[5] *Софра*, столъ, тур.—
[6] — *Госба*. гостьба, угощеніе.
[7] Во множ.—старость, всѣ принадлежности старости.
[8] —*Простий*, *простий-тъ*, произносится *простия*, *простиятъ*.

— «Но сѧ смѣ́ѭ на Фили́па,
— «Мла́дия[1] ми Маджа́рина:
— «Сега́[2] отъ нѥ́го писмо́ приѥ́хъ,
— «Пи́ше ми, да и́дѫ при нѥ́го[3],
— «Въ Маджа́рскѫ-тѫ ми ʒемлѭ́[4],
— «Съ нѥ́го борбѫ́ да сѧ бо́рѭ;
— «Та сѧ смѣ́ѭ на ума́ му:[5]
— «Чѐ не ʒна́й[6] ли си Фили́пъ,
— «Ʒа што́[7] ѥ Ма́рко̀ по́юна́къ,[8]
— «Въ си́чкѫ бъ́лгарскѫ ʒемлѭ́?
— «Ште и́дѫ съ нѥ́го да сѧ бо́рѭ.»—
Ма́йка Ма́рку си ду́маше:
«Сѣди́, Ма́рко, та не ходи́,
«Чѐ Фили́пъ ѥ мно́го[9] юна́къ:
«Той си ѥ уби́лъ до[10] сега́
«Тъ́кмо[11] чети́рси[12] юна́ци:
«Отъ глави́-тѣ и[13] ко́кали-тѣ

Те е ситну книгу написао
Побратиму Кралевитю Марку.

А кад Марку ситна книга доде,

[1] = *Младий, младий-тъ.*
[2] Теперь, сейчасъ.
[3] Къ нему.
[4] Обыкновеннѣе *земѭ.*
[5] Смѣюсь я на его умъ.
[6] = *не зна́е ли?* Развѣ не знаетъ онъ?
[7] О томъ, что . . .
[8] Самый лучшій юнакъ изъ . . .
[9] Большой, сильный юнакъ, весьма молодцоватъ.
[10] Доселѣ.
[11] Ровно.
[12] 40.
[13] *Кокалъ* = кость. Новогреч. *κόκαλον*, кость, *καυκαλον*, черепъ; вспоминается невольно скр. *кайка́ла*, оставъ костяной. —

«Голѣ́мо кале́[1] напра́вихъ,
«А жени́-тѣ имъ поро́бихъ;
«И те́бѣ тъй[2] ште напра́ви.»
Тога́ зъ Ма́ркó ся расъ́рди,
Оти́дé въ тъ́мни зи́мници,[3]
Изва́ди ко́нюé хра́нено,
Съ си́ни го сѣдла́ обсѣ́дли,[4]
Пъ́стри го смо́ци[5] опа́са,
Съ ре́йно го ви́нó напои́,
Си́тенъ[6] óри́съ[7] го нахрани́,
И си на ко́нюé ду́маше:
«Въ три часа́[8] въ Маджи́рскж,
«Маджи́рскж земля́ достѝгнешь,[9] —
«Пе́тали[10] ште ти посребрж́,
«Го́здий[11] ште ти позлатж́;

Те видео, что му побро пише,
Он се скочи на ноге лагане...
Па се скиде у арове доне,
Те опреми Шарца дебелога:
Покри нега суром меделином,
А заузда демом од челика,
Обеси му тешку топузину,
И гадаре с обадвие стране,

---

[1] *Кале*, крѣпость, тур. (съ араб. *калá*); изъ головъ и костей ихъ сдѣлалъ большую крѣпость. *Голѣмъ*=большой, съ XIV вѣка ужъ въ Ц. слав. памятникахъ, др. в. нѣм. *kilómo*, freqventer, въ нашихъ областныхъ *голомя* съ производными.

[2] Такимъ же точно образомъ (и съ тобой сдѣлаетъ).

[3] Слово, извѣстное и у насъ, подвалы, конюшни въ низу.

[4] Стихъ не много испорченъ; у Княжескаго *сини* безъ *съ*; вмѣсто *обсѣдли* должно быть *обсѣдла*.

[5] *Смокъ* значитъ обыкновенно большую змѣю; опоясалъ пестрыми змѣями? Не вѣроятнѣе ли въ этомъ словѣ слышать корень *смыка*= перевязь, и не сохранилось ли это значеніе въ какомъ ли областномъ нарѣчіи Болгаріи? Въ бѣлорус. *смокъ* = радуга (перевязь?). —

[6] Мелкій; языкъ удержалъ древнее *ѣ*.

[7] Рисъ.

[8] Можно бы, въ соотвѣтствіе древнимъ болгарскимъ кодексамъ Ц. слав. языка, писать *чѧсъ*.

[9] Если ты достигнешь.

[10] Подковы; употребительно и *петала*; отъ *пета*, пята. Посеребрю тебѣ.

[11] *Гвоздий* и *гоздий* = гвоздь, сообразно Ц. слав. гвозди и гвоздь; здѣсь

«Нѫ́й ако́ си ти не дости́гнешь,
«Глава́-тѫ ште ти отрѣ́жѫ.»
Ма́рко ма́мѫ[1] си ду́маше:
«Ма́йко ми́ла! и[2] ми да́й ти
«Мо́й-тѫ[3] пѫ́тнишкѫ прѣмѣ́нѫ:
«Га́шти[4] чети́рси о́ки,
«Антери́ѭ[5] койли́ѭ-тѫ[6],
«Кожю́хъ отъ чети́рѐ[7] ме́чки,
«Калпа́къ отъ три бѣ́лчи ко́жи,
«И ми да́й ма́лкия топу́ѕъ,
«Кой то е на вѣ́съ[8] сто о́ки.»
Си́чко му ма́йка пригóтви
Облѣ́чѐ са Ма́ркò добрѣ́
И са на ко́нчѐ въскачи́.
Додѣ́ на ѕенги́ѭ стѫ́пи[9],
Ѕами́нѫ полови́нѫ пѫ́ти;
Додѣ́ го на хо́дъ упра́ви,
Въ Маджа́рскѫ ѕемлѭ́ дости́гнѫ,

Опреми се на биелой кули,
И припаса саблю оковану,
И пригрну дюрак од куряка;...
Па се Шарцу на рамена баци,
А упрти копле убоито,
Оде право...

А кад доде ка Карловцу граду,
Оде Марко низ нову чаршию,
Докле доде двору Филипову..
Ал' Вилипа дома не бияше,

может быть и ед. число въ собирательномъ смыслѣ, а может быть вмѣсто гвоѕдии, гвоѕди.

[1] Обыкновеннѣе *мами;* но мы видѣли (Николѫ) и увидимъ еще винит. падежъ при этомъ глаголѣ.

[2] Частица.

[3] = Мо́ѭ-тѫ. —

[4] Штаны.

[5] Съ тур., одежа прямо на бѣлье, въ родѣ длиннаго жилета, съ очень короткими рукавами; по словопроизводству = внутренняя одежа, исподняя: Скр. *антарія*, vestis interior, отъ *антар*=внутри, въ срединѣ. —

[6] Въ ростъ человѣка, длинную.

[7] = *Четирь.*

[8] Обыкновенно у Болгаръ: *на кантáръ,* съ тур. —

[9] Ступилъ только въ стремя,—заминулъ, миновалъ уже половину пути; успѣлъ только на ходъ направить, — уже въ Маджарской. *Юзангі*, тур.—

Ꙋ Фили́пови дворове́
При дво́ри рѫка́ течѣ́ше,
На рѫка́-тѫ си сѣдѣ́хѫ
Чети́рси мла́ди роби́ни,
Тѣ́нки платна́ си бѣлѣ́хѫ[1],
Ма́рко̀ роби́ни попи́та:
—«Дѣ́ сѣди́ Фили́пъ Маджѣ́ринъ?» —
Роби́ня Ма́рку гово́ритъ:
«'Ой та те́бе,[2] мла́до[3] юна́че!
«Ти не пи́тай ѕа[4] Фили́па,
«Но си върви́ къ пра́вия пѫ́ть:
«Ѕа што́-то Фили́пъ ѥ юна́къ
«Надъ си́чки добри́ юна́ци.
«И на́ши мѫ́жи юна́ци,
«И надъ юна́ци-тѣ бѣ́хѫ,[5]
«А Фили́пъ отъ глави́-тѣ имъ
«И отъ ко́кали-тѣ тѣ́хни[6]
«Голѣ́мо кале́ напра́ви,
«И насъ ѕа роби́ни ѕѣ́ма,[7]
«Вѣ́чно да му рабо́тиме.»[8]

Веть отишао у лов у планину,
Но му стои люба Анделия...
Он ёй божю помоть називао:
«Божя помоть моя снахо мила!
«Ѳл' код двора Вилип побратиме?»
«Ид' отале, гола дервишино!
«С таквем се Вилип не братими.»
Кад то чуо кралевитю Марко,
Удари е дланом по образу...
И три здрава помери ёй зуба,
Па ёй скиде три низа дуката,
Те их баци у свил' не джепове...
Оде право у нову механу...

И на Ма́рка[9] дворове́-тѣ
Фили́пови показахѫ.

---

[1] Плѣнницы бѣлили полотна; у Княжескаго *бѣлихѫ*, *ѣ* безъ ударенія перешло въ *и*.
[2] Сравни выше *ма мене*; *ва вази*: Эхъ, ты!..
[3] Переходъ при зват. падежѣ въ средній родъ.
[4] Не спрашивай о Филиппѣ... Ибо Филиппъ — молодецъ.
[5] И наши мужья были юнаками, даже юнаками надъ юнаками...
[6] Ихнихъ.
[7] Употреблено аористически: *зѣмахъ*, *зѣма*.
[8] *Вѣчно*, выраженіе болѣе писменное; желается какой-нибудь болѣе народный оборотъ.
[9] Марку дворы Филиппа показали.

Ма́ркò при по́рти[1] òти́де,
А по́рти-тѣ съ де́вятъ[2] клю́ча
Заклю́чени и запрѣ́ни[3].
Ма́ркò ко́пчѐ си разигра́,
И си по́рти-тѣ приско́чи,
У Фили́пови къ́щи влѣ́зе,
Не си намѣ́ри Фили́па,
Но намѣ́ри женѫ́-тѫ му.
Мла́дѫ ми, бре, Маджа́ринкѫ.
Той за Фили́па[4] попи́та,
Маджа́рка Ма́рку гово́ри:
«'Ой та те́бе, мла́до юна́че!
«Фили́пъ де́ня[5] до́ма не стои́[6],
«Но си хо́ди къ хла́дни механи́[7],
«Да пи́е ви́нò червѐнò.»
Ма́ркò си Маджа́ркѫ хва́нѫ
За бѣ́ли-тѣ тъ́нки рѫ́цѣ,
Изва́ди и зла́тни гри́вни[8]
Отъ бѣ́ли-тѣ тъ́нки рѫ́цѣ.
И са на ко́нчѐ-то ка́чи[9],
Та òти́дѐ къ хла́дни механи́[7],

---

[1] Къ воротамъ.

[2] =*Деветь*.

[3] Заперты; *ѣ*, согласно съ причастіемъ *запрѣлъ*, аор. *запрѣ, позапрѣ*.

[4] Спросилъ о Филиппѣ.

[5] Днемъ;=*день-тъ, деня́тъ*.

[6] Не бываетъ дома, не находится; наше *стоитъ* (жилецъ, постоялецъ и т. д.)

[7] *Механа*=корчма (*мей-ханэ*), тур. — У Княж. *мехна́*.

[8] *Гривна* отъ древнѣйшаго значенія *ожерелья* перешла у Болгаръ въ ручное *запястье*. Снялъ у ней запястья съ рукъ. —

[9] Вскочилъ.

Филиппа да си намѣри[1]
И го намѣри въ нокѫ тѫ
И прохадинѫ-тѫ механѫ,
И си отъ коньѐ-то слѣзѐ,
Та въ нокѫ-тѫ механѫ влѣзѐ.

Отъ дѣ си го видѣ Филиппъ,
То-зъ[2] часъ мꙋ на крака станѫ
И доложикъ[3] мꙋ подадѐ,
Што збираше[4] десять[5] оки;
Марко доложика си испи
И гърло си не намокри;
Тогава[6] Марко извади
Своѥ-то си доложиче,
Што збира три ведра вино,
Испи ѥдно, дрꙋго Филиппꙋ
Маджаринꙋ подадѐ, ой[7],
А Филиппъ и половинѫ не испи;
Марко кръчмари повика
И мꙋ подадѐ грикин-тѣ,

Кад то зачу Вилип Маджарине,
А он рече љуби Анделији:
«Муч', не плачи, моя вѣрна љубо!
«Сад те нега Вилип уватити,
«Довештю га двору бијеломе,
«Нек ти ния у бешици сина...»
А кад Вилип уде у механу,
А он Марку Бога не назива,
Вете тржи тешку топузину,
Па удари кралевитя Марка,
Удари га у плети јуначке,
Али Марко ни хабера нема,
Вете вели Вилип-Маджарину:
«Седи с миром, маджарско копиле!

---

[1] Чтобъ встрѣтить, найти тамъ Филиппа.

[2]=то-тъ часъ.

[3] Княжескій пишетъ: *доложакъ*, переполненная чаша; но едва ли это не *долажякъ*, отъ слова *лазити*, образованное подобно сербскому *долажене*, *полажайник*, то есть чаша, подаваемая въ привѣтствіе при встрѣчѣ съ кѣмъ либо, особенно съ гостемъ, тоже, что серб. *добродошлица*.—

[4] Который вмѣщалъ, вбиралъ.

[5] *Десетъ*.

[6] Тогда.

[7] Подобный стихъ насъ не удивляетъ, напротивъ доказываетъ, что точно пѣсня списана у пѣвца, ее пѣвшаго.

Што ги зе[1] отъ Филипица,
Млада-тѫ, бре, Маджарина,
И ги кръчмарю отдаде,
Въ залогъ за вино червено.
Ой, отъ дѣ ги видѣ Филипъ,
Извади желѣзнинъ[2] топузъ,
Марка по гърба[3] биеше[4];
Марко Филипу думаше:
«Ой та тебе, Маджарино!
«Што ма биешь съ топузина[5],
«Топузина по гърбинѫ?»
Марко Филипа гледаше[6],
И съ ума са бияше:
Дали Филипа удари[7]
Съ своѭ-то малко доложиче?
И па Филипа думаше:
«Ой, ми, та тебе, Филипе!
«Не ми е милъ доложика[8],
«Но ми е мило вино то.»
Че си Марко вино-то испи,
И Филипа съ доложикъ удари:
Ой, Филипъ ми си потѣнжалъ[9]

»Не буди ми по кожуху буха,
«Веть одями да пиемо вино,
«Па ёш има дана за мейдана.»
Ал' то Вилип не слушаше Марка,
Веть га уд'ри у десницу руку,
Те му разби чашу позлатену,
А просу му црвенику вино.
Кад то виде кралевитю Марко,
А он скочи од земле на ноге,
На Маджара юриш учинио,
Негову му саблю уграбио,
Те га нёме Марко ударио,
Удари га по десну рамену,
Раздвои га на седлу бойноме...
Нёме мању, одсече му главу,
Па е шарцу баци у зобницу,
Оде право двору Вилипову,
Те му оби биелу ризницу,
Из не Марко повадио благо,
Па отиде друмом певаюти.

---

1 Которыя взялъ.
2 Древнее *ѣ*, какъ въ *ситѣнъ*.
3 По спинѣ; по *гърбъ-тъ*, *горбатъ*.
4 Допускаемъ не только *бияше*, но даже *биеше*.
5 Что бьешь меня топузиномъ?=съ *топузинъ-тъ*.
6 Съ винительнымъ: смотрѣлъ на Филипа.
7 Размышлялъ: ударить ли Филипа своимъ маленькимъ доложакомъ?
8 =*Доложякъ-тъ*. Не дорогъ мнѣ сосудъ (ударить тебя), а жаль вина.
9 Потонулъ, ушелъ.

До трѝ аршѝна въ ѕемлѧ́[1]-тѫ.
Тогá-ѕъ[2] ꙋ Филипови си
Отѝдѐ въ[3] нѣ́гови ми
Ра́кии и чѝсти дворо́ве,
Ой та си ѕе́[4] Филѝпицѫ
Съ четѝрси мла́ди робѝни;
Трѫ́гнѫ Ма́ркò съ до́бра кѧ́ра[5],
Ꙋ' дома́[6] да си о̀тѝде.
Вървѣ́ли што сѫ вървѣ́ли,
Градъ Софѝѭ наближѝли[7].
Мъглѝ, пра́хове въ Софѝѭ
Ꙋ́лици-тѣ напълнили.
Ма́рко̀ва ма́йка сѧ о̀пла́ши[8]
И на комшѝи[9] говорѣ́ше:
«Што́ съмъ хра́нила, ва́рдила[10]
«Ма́рка ми кра́люевичина!
«Да съмъ хра́нила, ва́рдила
«Люти ѕъми[11] грома́дници!

---

1 =*Землѧ́.*
2 Въ тоже время, въ слѣдъ за тѣмъ.
3 *У* и *въ* чередуются.
4 Взялъ себѣ.
5 *Кярь*, въ серб. формѣ *тяр*=выгода, прибыль (отъ торговли), съ тур.— Тронулся Марко съ доброй добычей.
6 =Домой.
7 Приближились къ...
8 Переполошилась, испугалась.
9 *Сосѣди*, тур. (*комшу*).—
10 *Вардила*, warten, по мнѣнію Шафарика, занятое Болгарами еще изъ древняго общенія съ Готами.
11 *Зъмя*, змѣя; *громадница* — обыкновенное ея прозвище.—

«Ꙁаштó[1] аꙁъ си Мáрка прóсихъ,
«Да не хóди у Филѝна,
«Съ нѥ́го борбѫ́ да сѧ бóр,
«И юнáшки бой да сѧ бѝе;
«Той си мáйкѫ не послꙋ́ша:
«Е́то[2] Филѝнъ Мáрка ѥ убѝлъ,
«И насъ ѝде робѝни да ꙁѣ́ме.»[3]
Ой, штомъ[4] товá[5] иꙁговóри,
Мáрко въ рáвни двóри влѣ́ꙁе
Съ хꙋ́бавѫ Филѝпицѫ
И съ четѝрси робѝни.
Тогá-ꙁъ сѧ Мáркова мáйка
Съ голѣ́мѫ рáдость испълни
И на Мáрка говóрѣше:
«Сегá ти сѝчко дарꙋ́вамъ
«Бáштино добрó имáнье,[6]
«И трꙋ́да, што съмъ та хрáнила:
«Сегá си аꙁъ покѣ́рꙋвахъ,
«Че юнáкъ-сѝна[7] съмъ хрáнила!

---

[1] Потому что.
[2] Вотъ.—
[3] «Насъ идетъ взять плѣнчицами.» Чтó, зачѣмъ я питала, берегла Марка! Еслибы лучше питала я и берегла змѣй! Ибо я говорила, онъ не послушалъ,— и вотъ!...
[4] Творит. отъ *што*=чѣмъ, лишь, только что.—
[5] Это.—
[6] Теперь дарю тебѣ все отцовское имѣнье (деньги); дарю, прощаю тебѣ трудъ, что я понесла, питая тебя. —
Молодца-сына я питала.—

XVI.

СМЕРТЬ МАРКА КОРОЛЕВИЧА.[1]

Ѕорá ми са ѕазорила
Изъ хýбавѫ Влáшкѫ ѕемлѭ́:
Нé ми́ й[2] било ясна ѕорá,
Нъй ми било Мáрко-мáле[3].
Уé си тръ́сеше[4] Мáрка-юнáкъ,
На пѫ́ть срѣ́щнѫ ясно слъ́нце:
«Добрá ми ти срѣ́щта[5], ясно слъ́нце!»
— Дáлъ ми ти Гóсподь добрó[6], Мáрко-мáле!
— Мáрко-мáле, кѫдѣ́ мислишь да пѫтýвашь? —
Та[7] му тихо отговáряше:
«Ой[8] та тéбе, ясно слъ́нце!,
«Катó хóдишь по висóко
«И глéдашь по ширóко,
«Не видишь ли Мáрка-юнáкъ?»
Ясно слъ́нце тихо отговáряше:
— О́й та тéбе, Мáрко-мáле!
— Не си тръси́[9] Мáрка юнáкъ:
— Мáрко юнáкъ дóло, дóло,

---

1 Изъ сборника Венелина; записана имъ самимъ, вѣроятно въ Одессѣ. —

2 = е (есть).

3 Слово сложное: мать Марка (оба имени суть собственно звательные падежи). —

4 Ужъ какъ искала она. —

5 Добрая встрѣча! Привѣтствіе; а *встрѣча* переходитъ (серб.) въ понятіе счастія, удачи (срета). —

6 Опять привѣтствіе: «далъ бы тебѣ Господь добро!»

7 Должно быть *та*=она. —

8 = *Ой*, съ придыханіемъ. —

9 Не ищи. —

— Въ Крайнѫ ꙁемѭ[1];
— Чѐ сѧ бїе съсъ тꙋрскѫ войскѫ,
— Когá Тꙋрци Мáрка бїѭтъ.
— Небѐ-то ѥчꙋ́ше[2];
— Когá Мáрко Тꙋрци бїѣше[3],
— Ꙁемѭ́-тѫ и небѐ-то тръсѣ́ше[4].
— И сѫ изрáнили Тꙋрци крáлѧ Мáрка
— Седемдесѐть лю́ти рáни;
— Тѫ и[5] лѐгнѫлъ крáль Мáрко
— Подъ бѣли чадѫ́ръ[6],
— А надъ нѥ́го сѧ бїѭтъ чѐрни орлѝ,
— А крáль Мáрко имъ тѝхо отговáрѣше:
—«Ой ви васъ, чѐрни орлѝ!
—«Не сѧ бїйте, не сѧ бїйте[7]:
—«Мóи-тѣ сѧ кръ́ви не пїѭтъ.[8]»
— А чѐрни орлѝ
— Крáлю Мáрка[9] тѝхо отговáрѧхѫ:

---

[1] Долу, внизу. Въ землѣ крайней, въ крайнѣ; такъ по преимуществу, со времени вторженія Турокъ, называлась Валахія, со стороны которой, на берегахъ Дуная, встрѣтили они сильный отпоръ, отъ Волоховъ и Венгерцевъ, и гдѣ погибъ Марко королевичъ.—Здѣсь Марко представляется врагомъ Турокъ. —

[2] Оглашалось, давало отголосокъ. ечѫ, произноситса ечѫ; серб. ек, *ечати*. —

[3] =*Бияше*, даже *биеше*.—

[4] Венелинъ не дослышалъ или не дописалъ: должно быть сѧ *трѣсьше*, т. е. тряслись (въ ед.), *трѧс* и *трѧс* — одного корня; а *тръсьше* значитъ — искалъ. —

[5] = е (есть). —

[6] Шатеръ, тур. —

[7] Не бейтесь.—

[8] Мои крови не пьются, моихъ кровей не пить вамъ. —

[9] Замѣтьте винительный.—

— «Кой ти тече, кралё[1] Марко!
— «Ни[2] сѧ не щемъ за[3] твоѭ тѫ кръвь,
— «Нъй[4] сѧ Богу молимъ
— «За твоѭ-то юнашко здравіе.»
— А краль Марко черни орли отговарѧше:
— «Идѣте ми, идѣте,
— «Доло, доло въ Крайнѭ земѭ,
— «Та сѧ нажѣте турски месá
— «И сѧ напийте черни кръви.» —

---

[1] Чаще *кралё*. —
[2] Мы.—
[3] Изъ-за, для, ради. —
[4] Но.—

XVII.

СТОЯНЪ ИДЕТЪ ВЪ ХАЙДУКИ[1].

Стоя́нъ си го́сти пока́ни[2],
Да са Стоя́нъ повесели́.
Ѣ́ли сѫ, бре, и сѫ пи́ли,
Стоя́ну са не усла́жда[3].
Стоя́нъ дружи́нѣ[4] ду́маше:
«Дружи́на[5] ве́рна, сгово́рна[6]!
«Като́ ѣде́те, пие́те,
«На сърце́, бре, па́да ли ви[7]?
«Азъ, дружи́на, ѣмъ и пи́ѭ,
«На сърце́, бре, не ми па́да!
«Да не рече́те, дружи́на, —
«Ма́йчина кле́тва не сти́га[8]:
«Ма́йчина кле́тва сти́гнѫла!
«Ме́не ма ма́йка прокле́ла
«За една́ ду́мѫ ерге́нскѫ[9],
«Защо́[10] я ре́кохъ, дружи́на:

---

1 Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записалъ «Павелъ Тинтоловъ отъ Катарджия.»—

2 Позвалъ гостей.

3 Не веселитъ все что-то Стояна.

4 Какъ дательный: *дружини*.

5 Постоянно въ этой пѣсни *дружина*: слѣдовало бы въ звательномъ *дружино*.

6 Постоянный эпитетъ дружины.

7 Падаетъ ли это вамъ на сердце, веселитъ ли васъ?—

8 Не говорите, что проклятіе матери не постигаетъ человѣка!

9 *Ергенъ*, тур., холостой (юноша); за одно слово юношеское, необдуманное.—

10 Такъ какъ, ибо; и—ей. —

« «Мáле-ле, мúла мáле-ле!
« «Сúчки сѫ мáйки хрáнили,
« «Хрáнили и ожéнили[1]:
« «Ти ма си, мáле, хрáнила,
« «Хрáнила, не ожéнила!
« «Когá ще ма, бре, ожéнишь?»
Мáйка Стояну дýмаше:
« «Азъ ще та, сúнко, ожéнѭ
« «Ꙁа ꙁеленѫ-тѫ мурáвѫ,
« «Доръ[2] дéвить пéди въ ꙁéмѭ-тѫ!»»
Стáнѫ Стоянъ, та отúде
Въ нéтоки, бре, ꙁúмници,
Иꙁкáди кóня хрáнена,
Съ бѣлъ го орúсъ иꙁоби́,
Съ рóйно го вúно напоú,
И тръгнѫ Стоянъ, отúде
Въ чéстѫ горѫ[3] ꙁелéнѫ,
Да са Стоянъ самъ погýби.
Тамъ си юнáци намéри,
Юнáци млáди хайдýти:
Съ тѣхъ са Стоянъ намѣси[4],

---

[1] Для смысла—«всѣхъ матери питали и потомъ переженили,» слѣдовало бы употребить конструкцію: «майки сички сѫ хранили.» Такъ языкъ, потерявшій падежи, становится мелоченъ въ требованіяхъ словосочиненія.

[2] До девяти пядей въ землю;—деветъ.—Съ этихъ поръ пѣсня забываетъ уже, что прежде говорилъ Стоянъ и выводитъ его въ 3-мъ лицѣ.—

[3] Тогда какъ въ сербскомъ *гора*, означая лѣсъ, принимается иногда и въ смыслѣ горы, у Болгаръ это слово исключительно значитъ *лѣсъ*, а гора—*планина*.—*Честѫ* = частый лѣсъ.

[4] Смѣшался, соединился; *тѣхъ*, родительный, съ предлогомъ употребляется для всѣхъ косвенныхъ падежей.

Младъ имъ войвóда, бре, стáнжлъ.
Походилъ Стоя́нъ, походилъ,
До три́ ми, хóламъ, годи́ни;
Спечéлилъ[1] мнóго имáніе.
Чé са въ сéло завърнжлъ[2],
Намéрилъ мома́ хубавж
И са за нéж[3] ожéнилъ.
Дéвять са годинъ вóдили[4],
Нѣмáли рóжбж[5] нищичкж.
Тогá-зъ са Стоя́нъ осѣти[6],
Чé го е майка му проклéла,
Тъй[7] при майкж си отидé.
И на майкж си думаше:
«Мáле-ле, мила мáле-ле!
«Áзи съмъ, мáле, бре, дошéлъ,
«Отъ сърце́ ти да ма прости́шь,
Дѣто[8] ти, хóламъ[9], согрѣшихъ,
«Когá-то бѣхъ ощé[10] глупакъ.»

---

[1] Отъ значенія безпокойства, труда, усилія (напр. *пешти са*, *печься*), производныя формы переходятъ къ значенію выигрыша, пріобрѣтенія: н. болг. *печьлба*, выигрышь, прибыль, отвѣчаетъ Ц. славянскому (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ) *печаль*; но въ глаголѣ *печелж*, пріобрѣтаю, не слышно звука *ѣ*, и *е* произошло вѣроятно изъ *ь*. —

[2] Когда вернулся.—

[3] *Нея.*—

[4] Водились, жили вмѣстѣ.—

[5] Плодъ, приплодъ. —

[6] Догадался, одумался; отъ того неплодство, что мать прокляла.

[7] Потому, такимъ образомъ, и такъ.—

[8] Въ томъ, въ чемъ я согрѣшилъ.

[9] Въ обращеніи къ матери!

[10] Еще.

Ма́йка Стои́на прости́ла,
Прости́ и го благослови́.
Стои́нъ си у тѣ́хъ[1] оти́де.
Слѣдъ годи́нѫ[2] ѥ роди́ла
Нѥ́гова мла́да невѣ́ста
Мѫ́жко ми, хо́ламъ, момче́нце[3],
Съ позлати́ено перче́нце[4].
Като́ са ѥ, бре, роди́ло,
То-зъ ча́съ ѥ проговори́ло.
Расло́ ѥ, та ѥ порасло́,
Бѫ́лгарска войво́да ста́нѫло,
Въ голѣ́ма гра́да Софи́ѭ,
Въ Софи́ѭ войво́дствовалъ,
Дордѣ[5] Ту́рци напа́днѫли,
Та си Бѫлгари́ѭ зе́ли. —

---

[1] Домой, во свояси; *у насъ*=въ нашъ домъ, къ намъ; *у васъ*, въ вашъ домъ, къ вамъ, и т. д.

[2] Въ слѣдъ года, послѣ года, по истеченіи года.

[3] *Момъкъ* и *момакъ*, *момче*, *момченце*,—все степени уменьшенія въ возрастѣ парней, ребятъ.

[4] *Перчянъ* или *перченъ*, *перчинъ*, *кика* и *коса*, три слова для означенія волосъ, по нарѣчіямъ Сербіи и Болгаріи измѣняющія и свое значеніе; *перченъ*, кажется, отъ *прати*, = перо, перко, перушко.—Въ пѣсняхъ болгарскихъ ребенокъ обыкновенно родится съ золотыми волосками.—

[5] Пока. — Это обстоятельство показываетъ древность пѣсни и ея героя. — Пѣсня превосходная по силѣ и простотѣ своей, замѣчательная по близости выраженій къ языку русскому.—

XVIII.

СТОЯНЪ И ИРИНА.[1]

Майка Стоя́на пи́таше:
«Стоюне[2], си́нко Стоюне!
«Кѫдѣ ми́слишь да оти́дешь?
«Дали́ на сбо́ръ[3] щте оти́дешь,
«Илй бо́й щте да са би́ешь,
«Илй щте ку́мъ да бѫ́дешь,
«Илй щте де́верь да ста́нешь[4]?»
Стоя́нъ си ма́йци ду́маше:
«Нито́ на сбо́ръ щте да и́дѫ,
«Нито́ ку́мъ щте да си ста́нѫ,
«Нито́ щте де́верь да бѫ́дѫ,
«Ами́[5] щтѫ, ма́мо, да и́дѫ

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записана Н. Хаджи Геровичемъ.

[2] Мы не противъ того, кто писалъ бы *Стоѣнъ*, *Стоѣне*.

[3]=*Зборъ*; въ тѣсномъ смыслѣ (*съборъ*, *сабор*), у Болгаръ и Сербовъ это означаетъ храмовой праздникъ гдѣ либо, къ которому собираются окрестные жители, ведутъ торговлю, совѣщаются о дѣлахъ, иногда судятъ виновныхъ, высматриваютъ невѣстъ, слушаютъ пѣвцовъ съ духовными стихами и юнацкими пѣснями; обширнѣе - всякой сеймъ, сходка, собраніе, потомъ разговоръ, бесѣда.—

[4] То есть, будешь въ сватахъ. Также точно начинается одна пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ: султанъ зоветъ въ битву, краль будимскій въ сваты на кумовство вѣнчаное, Сибинянинъ Янко въ кумы крещеные (т. II, № 62). —

[5] Но.

«На Врачѣнския[1] панаиръ[2],
«Да гледамъ моми Врачѣнски.»
Майка Стояну думаше:
«Не ходи, синко, на Врацѫ,
«Че тия моми сѫ годени[3]
«За нашенě-тѣ делии[4],
«И вчера въ село дойдохѫ
«Трима[5] нашенě делии
«И си за тебе питахѫ:
« «Дѣ седи Стоянъ кеседжия[6],
« «Кеседжия, балтаджия[7]?» »
Стоянъ майци отговаря:
«Азъ не са боѭ, мале,
«Отъ триста, мале, делии,
«А не[8], мале, отъ трима!»
Стоянъ майкѫ не послуша,
Въседнѫ коня хранена,
Та си на Врацѫ отиде.

---

[1]=*Врачьнский-тъ*, *Врачьнский* (*й* въ *я*). Городъ Враца въ собственной Болгаріи; *ан*, *ьн*, бóльшая древность суффикса, чѣмъ *ин*. —

[2] *Панаиръ*, въ серб. формѣ *панадюр*, = греч. *πανήγυρις*, праздникъ, торжество, ярмонка (nundinae), значеніе тоже, что *сборъ*, но чужое слово замѣняетъ свое.—

[3] Просватаны, обручены.

[4] За нашей удальцовъ: *дели*, тур., удалецъ, отчаянный, сорви-голова. Въ тѣсномъ смыслѣ гвардія везиря или тѣлохранители султана, и т. д.—

[5] Трое;=*дойдъхѫ*.—

[6] Турецкій хайдукъ, на конѣ; собств.=рѣзака, отъ *кесмекъ*. —

[7] *Балта*, сѣкира, тур; рубака.

[8] А не только что трехъ.

Мо́ми-тѣ Вра́чански-тѣ
Хоро́[1] игра́ли срѣдѣ се́ло,
Срѣдѣ се́ло, срѣди́ мегда́нъ-тъ[2].
Стоя́нъ си отъ ко́ни слѣзе
И си Ири́нки[3] ду́маше:
«Ири́но, мо́я роди́но[4]!
«Ела́[5] ми ко́ня разводи́[6],
«Че щѫ хоро́ да поигра́ѭ.»
Тачѣ́ са на хоро хва́нѫ[7],
При двѣ мо́ми годени́ци[8],
Та са веднáжъ-двáжъ завъртѣ́[9]:
Да го[10] дели́и ви́дѣхѫ,
Та си Стоя́на хва́нахѫ
И на рѫ́цѣ били́счета[11] ту́рихѫ[12],
А на ши́ѭ му ту́рихѫ

---

1 Хороводъ.
2 Тур., площадь, расчищенное мѣсто; потомъ мѣсто поединка, поединокъ; слово, столь распространенное въ названіяхъ нашихъ селъ и деревень (майданъ); въ серб. *мейдан*; наше старинное *поле*. —
3 *И* вѣроятно изъ *ѣ*.
4 Родная моя!
5 Новогреч. *ἔλα*, ступай, ну, живо.
6 Проводи моего коня, такъ какъ я хочу въ хороводѣ поиграть. —
7 Пустился въ хороводъ, присталъ къ нему, собственно *хватился*; серб. «ватити се у коло.»
8 Къ двумъ дѣвушкамъ обрученницамъ.
9 Разъ, другой повернулся; сдѣлалъ одинъ, другой оборотъ.
10 Какъ только, лишь.
11 *Билезикъ*, тур., браслетъ, обручь (*билекъ*=locus brachii, ubi est armilla); отсюда образовано *билисче*.
12 Наше *турить*: надѣли.

До[1] дéвять кáта[2] синджúри[3];
Рéкохѫ, да го обѣсятъ
Срѣдъ сéло, срѣдъ мегдáна.
Стоя́нъ делúи[4] сѧ мóляше:
«Ой ми ва кáзи[5], делúи!
«Не дѣ́йте мя обѣ́сва[6]
«Срѣдъ мегдáна, срѣдъ сéло-то:
«Че[7] úма млáди мóми
«И úма бѹ́лки непрáздни[8], —
«Та штемъ грѣхъ да согрѣшúмъ.
«Ами мя кáрайте[9]
«На бáщини ми ливáди[10]:
«Тамъ úма дърво́ висóко,
«Та мя тамъ обѣсéте.»
И тѣ го сѧ послѹшали,
Послѹшали и ѕакéли.
Когá-то близо[11] отúшле,

---

[1] Опять замѣчаемъ, что это вовсе не значитъ—*около*; *девет*.
[2] *Кат*, тур., оборотъ, слой, этажъ (*ики-кат*, *ики-катлы*). —
[3] *Зинджир*, тур., желѣзо, верига, окова; а это отъ греч. *σίδηρος*. —
[4] За потерей дательнаго, винительный.
[5] Эй вы, васъ!
[6] Тема глагола отъ *обѣсва-мъ*, спрягаемая съ глаголомъ вспомогательнымъ *не дѣйте*: не вѣшайте меня.
[7] *Ибо* есть тутъ...
[8] Беременныя женщины: согрѣшимъ, напугаемъ ихъ.
[9] Отъ *карамъ*: собственно—выгоните, выведите.
[10] Заливные луга (отца моего, отцовскіе).
[11] Нарѣчіе, образованное въ формѣ средняго рода отъ краткаго окончанія, подобно *много*, *високо*, *малко* и т. д. —

Скóкнахъ, та са ю провúкнахъ[1], —
Изъ ржцѣ́-тѣ му блайсуета
И отъ шíѭ му са скжсали[2]
Дéвять ми кáта синджúри;
Ѹловú[3] сáбѭ френгúѭ[4],
Та си делúи изсѣ́че,
И са назáдъ повѫ́рнѫ.
О'щѐ хорó-то игрáло,
Ирúна кóни вóдеше,
И тóй си въ джéбъ[5]-тъ брѫ́кнѫ[6],
О'ще Ирúни дꙋ́маше:
«Ирúно, мóѭ родúно!
«Мáлко щѫ бакшúшъ[7] да ти дáмъ, —
«До тоѝста жéлти желтúци[8].»

---

1 Проглашилъ, крикнулъ.

2 Сорвались, разорвались; *скѫсвамъ*, *скѫсамъ*, одного корня съ нашимъ *кусъ*, Ц. слав. *кѫсъ*.

3 Схватилъ.

4 Кое-гдѣ и въ сербскихъ пѣсняхъ попадается этотъ эпитетъ сабли, въ значенія вострой, отличной. Не отъ Франковъ, кажется, слѣдуетъ вести ее, подобно нѣкоторымъ, а отъ др. и ново-греч. *φραγγέλιον* (др. греч. собственно *φραγέλλη*, *φραγέλλιον*); лат. flagellum, бичъ, то, чѣмъ сѣкутъ, *frango*.

5 Тур., карманъ (съ перс. *джейбъ*). —

6 *Брькамъ*, *брькнѫ*, запустить руку во что, сунуться куда; наше *буркать*=бросать вдаль, сунуть, *буркала* — выпученныя глаза; дальнѣйшее развитіе корня *бр-а-ть*.

7 Тур., подарокъ въ награду за что=(на водку): хочу тебѣ дать небольшой подарокъ, кое что, немного въ подарокъ.

8 Червонцы.

XIX.

СТОЯНЪ ВЫБИРАЕТЪ НЕВѢСТУ.[1]

«Мо́лжтъ ма, ма́мо, молжтъ
«Съ три мо́ми[2], ма́ле, жу́кащи,
«И три́-тѣ по́пски дъщери́:
«Пъ́рва-та, ма́ле, Влахи́нка,
«Вто́ра-та ру́са Гръки́нка,
«Тре́та-та бѣ́ла Бъ́лгарка.
«Влахи́нка ка́же, ма́ле-ле:
« «Ща[3] земи́ ме́не, Стоя́не[4],
« «Прики́ѭ[5] да ти донесѫ́,
« «До три́ста чявга́ръ[6]-би́воли[7],
« «Петь[8] сто́тинъ кра́ви я́лови[9],
« «Шесть[10] сто́тинъ и о́ште съ телци́,

---

[1] Изъ изданія Богоева.
[2] Просятъ меня съ тремя дѣвушками, предлагаютъ мнѣ трехъ.
[3] Части.
[4] Должно быть *Стоене*. Такъ и выше д. б. *Влахинʼка, Гръкинʼка*. —
[5] Приданое, съ новогреч. *προικιὸν*. —
[6] *Чявгаръ*=скотъ подъ ярмомъ, супругъ; тур. (?). —
[7] *Бйволъ*=буйволъ. *Бу*, *би*, отъ *бѫ*, скр. *бу*, быть, откуда уже *буй*=полный жизни, ярый, веселый, цвѣтущій, и прочія значенія въ славянскихъ нарѣчіяхъ.
[8] *Петъ* или *петь*; *пять* подправлено, равно какъ у Богоева *стотень*, вмѣсто *стотинъ*.
[9] Тоже значеніе, какъ у насъ.
[10] Обыкновенно *шесъ* или *шесь*.

« «Хилйдо[1] окй Кримски[2],
« «На Стáмбулъ нóвѫ сáлханѫ[3],
« «Млáдо джилéпе[4] да стáнешь,
« «Хóра-та да ти захвáлятъ[5].»
«Гръцйнка мáме, мáле-ле:
« «А зьмй мéне, Стойне,
« «Прикйѫ да ти донесѫ,
« «Дéвить[6] кантáри копрйнѫ[7],
« «И бите да ти донесѫ
« «Пить[8] стóтинъ кáра-грошéне[9],
« «Хилйдо жълти жълтíци,
« «Млáдо търгóвче да стáнешь,
« «Та на хаджилъкъ[10] да йдешь:
« «Ще ти прилйчѫ[11], Стойне,

---

[1] Греч. *χιλιάδα*, тысяча; почему иногда на концѣ является *о*, хорошенько не знаемъ; вѣроятно по родительному отъ *χιλιάς—άδος*, такъ какъ большею частію Славяне образуютъ формы, принимая въ расчетъ родительный словъ иностранныхъ.

[2] Крымскихъ. —

[3] Бойня, тур. —

[4] *Джилебъ*, торговецъ скотомъ, ремесло весьма уважаемое; тур. —

[5] Чтобы тебѣ похвалы говорили. —

[6] = Деветъ.

[7] *Кантаръ*, тур., собственно вѣсы, безмѣнъ, новогреч. *καντάρι*: потомъ = сто литръ, *центнеръ*; въ Дубровникѣ = 55 окъ; здѣсь = 44 ока. *Коприна*, въ серб. формѣ *копрена*, шелкъ.

[8] Петъ, петь.

[9] См. выше.

[10] *Хаджилыкъ*, тур., хожденіе по святымъ мѣстамъ; у Грековъ и Славянъ значитъ уже не поклоненіе Могамету, а хожденіе въ Ерусалимъ или другія святыя мѣста, откуда прибавленіе послѣ къ фамиліи—*хаджи*; у Бог. *хаджалакъ*.

[11] *Приличъмъ* (—ѣшь, — ѣ); *приличъ* употребляется и безлично,—идетъ; будетъ прилично тебѣ, будетъ идти къ тебѣ: будешь ты въ почетѣ, какъ хаджи.—У Бог. *што* вм. *ште*; *прилича*;—*ходешь*. —

« «Съ млади хаджии да ходишь
« «И азы съ млади хаджийки »
«Бѫлгарка каже, мале-ле:
« «А земи мене, Стоине, —
« «Макяръ[1] съмъ гола и боса,
« «Ала[2] съмъ барёмъ[3] хубава,
« «Бѣло ми лице — прикия[4],
« «Тънки ми вѣжди[5] — сермия[6];
« «Прѣзъ горж да[7] ма прѣведешь, —
« «Сухо ще дръво листъ пустиж[8],
« «А сурово[9] ще повѣнж[10];
« «Въ черковж да ма заведешь,
« «Попове щатъ ми онѣмѣ,
« «А икони-тѣ продумя[11].» »
Майка Стойку думаше:
«Синко Стоине, Стоине!

---

1 Новогреч. μακάρι: благо, положимь, пусть, хотя.

2 Но.

3 *Баръ*, *баремъ*=по крайней мѣрѣ, тур. — у Бог. *баримъ*=*барѐмъ*. —

4 Приданое мнѣ — бѣлое лицо.

5 Тонкія, красивыя рѣсницы.

6 Тур., имѣнье, имущество, капиталъ (сермайе, персид.); новогреч. σερμαγές, капиталъ, сумма; у Болгаръ кромѣ того называются такъ ленточки изъ позумента, тесьмы, вплетаемыя въ косы или обвиваемыя около головы. —

7 Если, когда.

8 Пуститъ листъ.

9 Какъ и въ Ц. слав. = влажный, сырой. Обыкн. *суръво*. —

10 Все будущія времена, изъ темы и глагола вспомогательнаго *щж*; повянетъ; корень этотъ и въ Ц. слав. мѣняетъ *а* и *ѣ*; въ новоболг. употребляется еще *повѣхнж*. См. ниже. —

11 Онѣмѣютъ; проговорятъ. —

«Ѕѣми́ си бѣ́лѫ Бѫ́гаркѫ:
«Хо́ра-та не штѫ́тъ да рекѫ́тъ[1],
«Че ю при́кіѭ доне́сла,
«Ами́ штѫ́тъ хо́ра да рекѫ́тъ,
«Че ви ю ху́бава бу́лка-та[2];
«Къ це́рковѫ да ѭ ѕаведѫ́,
«При нѣ́ѭ штѫ́тъ са съберѫ́тъ[3],
«Та штѫ́тъ бу́лкѫ-тѫ да гле́дѫтъ;
«На сва́двѫ да ѭ поведѫ́[4],
«Кой отъ гдѣ́[5] ш е са обѣ́рне,
«Та ште бу́лкѫ-тѫ да гле́да,
«И ште рече́[6], Стоя́не:
« «Каква́ ю ху́бава бу́лка!» »

---

[1] Не будутъ говорить люди, принесла ли она приданое.
[2] А скажутъ, что у васъ хороша баба.
[3] Около нея соберутся, чтобъ посмотрѣть; у Бог. *гла.* —
[4] Когда поведу ее при свадьбѣ.
[5] Должно быть: *отъ дѣ*: «кто откуда, всякой, иной, обернется, да посмотритъ, и скажетъ.—У Бог. *гледѫ*. —
[6] *Рече́*, собственно 3-е лице аориста, потому употребляется здѣсь для образованія будущаго, что̀ въ другихъ глаголахъ совпадаетъ съ темой; взята форма отъ крайности, ибо нужно иначе сказать или *ре* (*пе–штѫ* отъ *пекѫ*), что̀ слишкомъ коротко, или *рекъ* = *рекӑ* (*рекъ-лъ съмъ*), что̀ будетъ отходить уже къ глаголу *рѣкати* (на, при).

XX.[1] XXI.[2]

СТОЯНЪ И СЕСТРА ЕГО. БОРЯТСЯ СЪ МЕДВѢДИЦЕЙ.

Стоѧнъ пшеницѫ подсѣва,
Сестра́ му Кида-Селвида
Бѣлѫ пшеницѫ одмита.
Стоѧнъ сестри си думаше:
«Сестро-ле, Кидо Селвидо!
«Одмитай бѣлѫ пшеницѫ;
«Азъ ми са гласи[6] зачюватъ,
«Доло[7], въ долнѫ-тѫ махлѫ[8],
«Въ юнашкѫ-тѫ механѫ:
«Дали са кѫшта подкопа,
«Или са мома открадна[12].»

Младъ Стоѧнъ си пшеницѫ прѣфърлѧ[3],
Сестра́ му Рада одмита[4],
И дребно си сълзи[5] рони.
Стоѧнъ си Радѫ питаше:
«Радо-ле, сестро, Радо!
«Што си пшеницѫ одмиташь
«И дребно сьлзи ронишь?
«Дали ти дотегнѫла[9] моѧ-та тежка работа[10],
«Или та братъ ти рано[11] не ожени?»

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записалъ Д. Читаковъ.

[2] Изъ сборника Венелина, имъ самимъ записанная пѣсня, вѣроятно въ Одессѣ.

[3] Перебрасываетъ, вѣетъ.

[4] Отбрасываетъ (высѣвки) = *отмйта.* —

[5] И роняетъ мелкія (дробью, крупою, крупныя, собственно этотъ эпитетъ значитъ: частичками, каплями; серб. *грозне сузе*, крупныя, одного корня съ *гроздъ*) слезы; *дребно* показываетъ, что *сьлзе* собирательное, а *е* безъ ударенія въ *и*. —

[6] Болгарскій идіотизмъ: слышатся мнѣ голоса; *зачювамъ*.

[7] Внизу.

[8] *Махла́*, въ серб. ф. *махала*, тур., часть, кварталъ города (*махаллѐ*). —

[9] Стала тяжкою, отяжелѣла.

[10] *Ра́бота*, наше *работа*, и всякое *дѣло*, даже *вещь*.

[11] Не запаздывая, не пропуская времени; не выдалъ за мужъ.

[12] Или подкопали домъ, или дѣвушку украли: умычка, обычай доселѣ удерживаемый Славянами южными, *одмица* или *отмица*. —

«Вида си брайномъ[1] думаше:
«Брайно-ле, баю[2] Стоюне!
«Нито са къшта подкопа,
«Нито са моя откраднѫ.
«Ами[3] е мечка кръвница[4],
«Кръвница, още стравница[6]:
«Да яде, брайно, хора та,
«Сѣки день, брайне, по человѣкъ,
«А днеска[7], брайне-ле, двама[8].»

Рада дума на Стояна:
«Байне ле, бате Стоюне!
«Нито ми е твоя та тежка работа до-
тегнѫла,
«Нито што ма рано не жени;
«Нъй[3] си въ село научила[5] мечка страв-
ница:[6]
«На день человѣкъ изѣда;
«Днеска[7] е редъ за мене дошло[9],

---

[1] Странная форма, обыкновенно *брайну*; однако встрѣчается подобная форма *дружиномъ*, которую мы считаемъ остаткомъ носоваго звука, вмѣсто *дружинѫ* (*думаше* иногда съ винительнымъ). Что касается до *брайномъ*, то думаемъ, что эта форма произошла также. См. замѣч. объ яз.

[2] *Но* и *не* приставки: *брай-но, бай-не*; главная форма *брай, бай* (*брай-ко, бибай-ко*), откуда звательные *браю, баю*; такимъ образомъ первоначальная форма *браи*, *баи*: *и* въ *й*, потомъ въ *я,—бая*, откуда уже звательный *баё*, какъ отъ сербскаго *сея* (сестра) — *сеё* (*се ко*)· Такъ изъ первоначальнаго *бати* образовали *бать*, потомъ *батя*, съ звательнымъ *бате* и *батё*.—*Брайно*, братъ, говорится младшимъ къ старшему; *баю, бай-не, бате, батё*, — обращенія младшаго къ старшему, сестры къ брату, даже жены къ мужу, не говоря уже объ отцѣ. — Обыкновеннѣе форма *брайно*, но встрѣчаемъ ниже и *брайне*, что по произношенію переходитъ въ *брайни*. —

[3] Но. — *Нъй*, = *най*, какъ вмѣсто нашего *то* — *тъй*.

[4] Кровяница, кровожадная.

[5] Научилась, пріучилась, повадилась. *Си* слито: должно быть *сѫ й*, т. е. *сѫ е*. —

[6] Которая травитъ, потравляетъ, поѣдаетъ; по корню одинаково со словомъ *остервененный*.

[7] *Днеска*, у Венелина *днеська*: *дне-си кѫ* (*ка* частица, весьма часто прибавляемая), — днесь, этотъ день, нынче.

[8] Двоихъ, т. е. хочетъ, имѣетъ съѣсть.

[9] Очередь до меня дошла; болгарскій оборотъ, средній родъ при словѣ *редъ*. —

Стоянъ си сестри думаше:
«Сестро ли, Видо-Селвидо!
«Азъ штж, сестро-ле, да идж,
«Съ мечкж да сж поборя,
«Да и'[1], сестро-ле, покжжж,
«Какъ ште хора-тѫ да губи.»
Видъ си брайному думаше:
«Я седи, брайно, не ходи,
«Токъ[7] е мечкѫ стравиница,
«И тебе ште, брайне, погуби.»
Стоянъ си сестрж не слуша[8],
И станж, та ми отиде.
Вида си брайному думаше:
«Я стой, брайно-ле, почикай[9],
«И мене ште мечкѫ да изеде, мечкѫ
стравиница.»
Стоянъ дума на Радж:
«Не бой сж, Радо, сестро-ле.
«Доде е бате ти Стоянъ тука[2]»
Доде[3] си Стоянъ издума,'
'Етоме[4] и мечкѫ сж зададе[5],
И Стоянъ сж съ мечкж срешнж[6];
Мечкѫ държи, Стоянъ подръжи;[10]
Борели[11] сж два дни ми, три дни,
До поясъ сж въ земжископали,
Бистри сж извори излезли[12],
Рекѫ ми, вода тръгнжла[13],
Нито Стоянъ падѫ, нито мечкѫ падѫ.

---

[1] Ей: «чтобы показать ей, каково губить людей.
[2] Пока твой бате Стоянъ здѣсь...
[3] Только что успѣлъ Стоянъ проговорить.
[4] *Етоме. Ето*=вотъ; *ме* не правильно вмѣсто *ми*; *ме* вмѣсто *мя* не можетъ быть, ибо тогда=: «вотъ я!» *А* м. б. это падежъ, подобно сербскому, или творительному *штомъ*.
[5] Задалась, показалась, явилась.
[6] Встрѣтился, сошелся.
[7] Это медвѣдица остервененная, губительница, и тебя погубитъ.
[8] Не слушаетъ: *слушѣмъ*, — *ѣшь*, — *ѣ*; допускаемъ и *я*: *слушамъ*(=слушамъ), — *яшь*, — *я*. —
[9] Подожди; допускаемъ и *ѣ*, подобно болгарскимъ памятникамъ языка Ц. славянскаго.
[10] Медвѣдица держитъ (крѣпко), Стоянъ еще крѣпче.
[11] *Борѣ*; причастіе *борѣлъ* отъ формы прош. несов. *борѣхъ* (или лучше — за одно, согласно съ нею). —
[12] Быстрые (=свѣтлые) ручьи вышли; *бистъръ* по болгарски — ясный, чистый.
[13] Тронулась, прошла, вытекла. *Рѣка-вода* вмѣстѣ; въ серб. *вода* употребляется иногда вмѣсто *рѣка*. —

«Нѣщо штѫ да та научѫ[1].»
Извади[2] ножи голѣми,
Та ги Стояну даваше:
«Ѩ[4] на[5] ти, крайне, ножёке,
«Та ги въ поясъ забучи[6]:
«Кога са съ мечкѫ ти сборишь[7],
«Мечкѧ-та ште са расърди,
«Расърди, да та погуби,
«А ти ножёке извади,
«Та ѭ въ сърце удари.»
Стоянъ си ножёке зѣма,
Та ги въ поясъ забучи,
И станѫ, та отиде,
Съ мечкѫ да са побори.

Стояноко сърце прималѣло[3];
Рада стои та глѣда.
Стоянъ си на Радѫ думаше:
«Што стоишь, Радо, што глѣдашь?
«Нели[8] видишь, че мечка мене ште да изѣде?

«Грабни[9] брадвѫ[10] вострѫ[11],
«Удари мечкѫ въ чело-то,
«Да си убиешь мечкѫ-тѫ,
«Че[12] ште батю да та ожени
«За селско-то копиле[13], за кметско[14].»

---

1 Я тебя кое-чему, одной вещи научу.
2 Достала, вытащила.
3 Сердце умалилось, животъ подвело, начиналъ уже онъ бояться; собственно-отощало, дурно ему дѣлалось. —
4 Частица, какъ и выше.
5 На тебѣ.
6 *Букамъ*, *бучѫ*, первоначально—издавать звукъ, ревѣть, гудѣть, мычать (о коровахъ, пчелахъ, и т. д.); потомъ серб. взбить, взбросить (къ верху); *за* — засунуть что за поясъ, задѣть: такъ, чтобы задѣтое, засунутое торчало, поднималось къ верху; т. е. это то же, что наше *бучить*=переть, распирать.
7 Когда сойдешься, схватишься, будешь бороться (брати-са).
8 Развѣ ты не видишь? Или видишь?
9 Схвати; *грабѫ*, *грабнѫ*: наше — «сгребъ руками топоръ (грабли).»
10 Топоръ.
11 Обыкновенно *остъръ*.
12 Ибо, за это я (батя твой) отдамъ тебя за мужъ.
13 *Копиле*, bâtard; впрочемъ понятіе это переходитъ и въ *удальца*, такъ точно, какъ *пуста*, собственно — «о чтобъ ее!», проклятая, получаетъ значеніе—красавица, молодецъ-баба.
14 *Кметъ*, сельскій староста; весьма любопытное словопроизводство. —

Кога́ сѧ съ ме́чкѫ сбо́рилъ,
Ме́чка-та сѧ расъ́рди,
Стоя́на въ земл́ѫ[1] уда́ри.
Додѣ́ ме́чка-ті да па́дне[3],
Стоя́нъ си на крака́ ста́нѫ
Та ѭ[5] главѫ́ тѫ отрѣ́за,
И ѭ на но́жа забу́чи,
И си изъ[6] се́ло вървѣ́ше,
И си сѧ ви́ка, провикнѫ:
«Кой е юна́къ надъ юна́ци,
«Ме́чкѫ да си погу́би,
«Илѝ съ ме́нь[7] да сѧ побо́ри?»
Никой ни сѧ е о̀ба́дилъ[8].
Стоя́нъ си при султа́нъ о̀тидѐ,
Та му главѫ́ тѫ и занесъ.[9] —

И Ра́да си гра́бнѫ бра́двѫ-тѫ,
Та си уда́ри ме́чкѫ въ главѫ́-тѫ;
Че[2] си убила Ра́да ме́чкѫ-тѫ,
Че сѧ събра́ли си́чки-тѣ се́ляне,
Се́ляне и чорбаджи́и,[4]
Чорбаджи́и и попо́ве,
Попо́ве и кме́тове,
Че си на Ра́дѫ ду́матъ:
«Искай, Ра́до, што́ да ти хари́жиме.»
И Ра́да си ду́ма на се́ляне,
На се́ляне и на чорбаджи́и:
«Не щѐ ви Ра́да ни́що да ѭ хари́жете,[10]
«Нъй ще ви[11] Ра́да се́лско-то ко́пиле,
«Се́лско-то и кме́тско-то.»
И тѣ сѫ да́ли на Ра́дѫ
Се́лско-то ко́пиле и кме́тско-то,
Да́ли и сѫ ги вънча́ли[12],
Вънча́ли и ги събра́ли[13].

---

1 *Д.* б. *землѭ*.
2 Частица *че* ставится обыкновенно при перечисленіи дѣйствій, слѣдовавшихъ одно за другимъ.
3 Когда она готова была упасть, припасть (на Стояна).
4 Тур., староста въ селѣ, хозяинъ (собств. *кашеваръ*, *кашевой*, отъ *чорба*= супъ, кашица).
5 И далѣе, нѣсколько разъ, = *ей*, *ея*.
6 Серб. *низ*: по, вдоль по. —
7 Вмѣсто *мене*.
8 Вмѣсто стариннаго *об-вадилъ*; *об* = *по*, *по-вадилъ сѧ*, *повѣдалъ себя*: никто не отозвался, не вызвался. *Обадѭ*, возвѣщу, донесу.
9 Голову ея отнесъ. Есть какъ будто намекъ, что это не медвѣдь, а какой удалецъ. —
10 Не хочетъ Рада ничего, чтобъ вы ей дарили. —
11 Но хочетъ у васъ, ищетъ, требуетъ.
12 = *Вънчяли* = *вѣнчали*. —
13 Соединили.

XXII.

СТОЯНЪ ПАШЕТЪ.[1]

Мáма Стоя́нꙋ дꙋ́маше:
«Стоя́не, си́нко Стоя́не!
«Єлá са, си́нко, остави́[2]
«Отъ тóзи пꙋ́сти хайдꙋтлꙋ́къ[3],
«Чё ми са вéке[4] додѣ́ꙗ[5],
«Къ́рвави ри́зи да пѐрѫ́[6],
«Чѐлѣ́шки глави́ да кри́ѭ.
«Продáй си кóнче хрáнѥно,
«Та кꙋпи́ сéресъ[7]-би́кòли,
«Разòри́ чéрни ꙋгáри[8],
«Посѣ́й бѣ́лѫ пшени́цѫ.»
Стоя́нъ мáмѫ си послꙋ́шѣ[9],
Продáдѐ кóнчѐ хрáнѥно,
Кꙋпи́лъ си сéресъ-би́кòли,
Напрáви[10] добрó òрáлò,

Вино пие кралевитю Марко,
Са старицом Євросимом майком,
А кад су се напоили вина,
Майка Марку стаде беседити:
«О мой синко, кралевитю Марко!
«Останн се, синко, четована,
«Єр зло добра донисти не те,
«А старой се досадило майци,
«Све перути крваве халине;
«Веть ти узми рало и волове,
«Пак ти ори брда и долине,
«Те сий, синко, шеницу белицу,
«Те ти рани и мене, и себе.»
То є Марко послушао майку,
Он узима рало и волове.
Ал' не оре брда и долине,

---

1 Изъ сборника Катранова и Вельтмана: записана З. Княжескимъ.
2 Серб. *остани се*, отстань отъ.
3 Отъ проклятаго хайдукованья.
4 Уже; серб. *ветв* = Ц. слав. каште.
5 Мнѣ ужъ надоѣло; аористъ; можно писать и *додпь*.
6 Мыть кровавыя платья (наше *прачка*; *прати*). —
7 Извѣстный городъ въ Македоніи, славный лучшими буйволами. —
8 Чеш. *Auhor*, *úhor* = паръ, паровое поле, то, которое угорѣло (по инымъ *horám*=*worám*, орать). Раскопай, взрой.
9 *Послушпхъ*,—*пь*; допускаемъ и *я*.
10 Направилъ, устроилъ, принаровилъ; сдѣлалъ.

Чѐ[1] отидѐ, да си орé
Черни ми, холамъ, угáри,
Да сѣѥ бѣлѫ пшеницѫ.
Като на нивѫ отидѐ,
Оралъ ѥ Стоянъ, што оралъ[2],
Пусналъ[3] ѥ, да си почине.
Като си Стоянъ починалъ,
Тъмна са мъглá издигнала[4]:
Стоянъ нанъ[5] пѫти погледнѫ,
Каква[6] ѥ тази ми мъглá?
Видѣлъ Стоянъ, чѐ не ѥ мъглá,
Ами сѫ триста юнаци,
Негова вѣрна дружина.
Вървѣли, та сѫ заминѫли[7],
Никой Стояна не позна.
Нѫй на подирь[8] си вървѣше
Малко ми черно Арапче,
То си Стояна познало[9]
И на Стояна думаше:
«Стоѥне, холамъ, Стоѥне!

Веть он оре цареве друмове.
Отуд иду Турци яничари,
Они носе три товара блага,
Па говоре кралевитю Марку:
«Море Марко, не ори друмова.»
—Море Турци, не газ'те ораня.—

---

[1] Послѣдовательность дѣйствія. —
[2] Пахалъ, пахалъ.
[3] Оставилъ, чтобъ отдохнуть.
[4] Воздвиглась, поднялась темная мгла.
[5] = Камо, къ, въ сторону дороги.
[6] Что это за мгла?
[7] Прошли мимо.
[8] *Диря* или *дира*, серб. *дира* (слѣдъ войска), слѣдъ; *дирѭ* = слѣжу, преслѣдую; *подиря* (по слѣду, *по дирѭ*)=во слѣдъ; *на подирь* (ь изъ *я*)= *на-по-слъдокъ*.
[9] Звательный, за одно съ уменьшительной формой, переходитъ въ средній родъ.

«Далѝ та дрꙋжи́нѫ ка́жѫ[1]?»
Стоꙗ́нъ Ара́бчи дꙋ́маше:
«Ара́бче, ми́ло дрꙋга́рче!
«Нѐ ма дрꙋжи́нѫ казꙋ́вай,
«Чѐ[2] ште та жи́вò òдèрѫ́,
«Ко́жѫ-тѫ ште ти напъ́лнѭ
«Съ зеле́нъ, хо́ламъ, бꙋзъла́къ[3].»
Ара́бчѐ Стоꙗ́на не слꙋ́шѫ,
Ами́ на дрꙋжи́нѫ ка́за.
Дрꙋжи́на наза́дъ ся вѫ́рнѫхѫ.
Тѧ при Стоꙗ́на оти́вахѫ[4].
Стоꙗ́нъ кꙋпра́лю[5] дꙋ́маше:
«Кꙋпра́лю тѣ́жка, висо́ка!
«Ако́ ма сега́ òтъркне́шь[6],
«Корꙗ́на[7] ште ти посребрѭ́
«И вѫ́рха ште ти позлатѭ́.»
Чѐ ся е Стоꙗ́нъ завъртѣ́лъ[8],
На деснѫ́ ми, хо́лаꙗнъ, старнѫ́[9],
Кога́ ся на лѣ́во вѫ́рнѫ,

«Море Марко, не ори друмова.»
—Море Турци, не газ'те ораня. —
А када се Марку досадило,
Диже Марко рало и волове,
Те он поби Турке яничаре,
Пак узима три товара блага
Однесе их своёй старой майци:
«То сам тебе данас изорао.»

---

1 Не сказать ли мнѣ про тебя дружинѣ, хочешь, скажу о тебѣ, покажу тебя? Обыкновеннѣе *дружини*, дательный, но мы говорили уже, что при глаголахъ *думамъ*, *кажѫ*, и т. д.. встрѣчается и винительный; у Княж. *дружину?*

2 Ибо иначе. Одеру тебя живаго.

3 Свѣжее, сырое сѣно:—не съ турецкаго, какъ думаютъ, а чисто съ славянскаго: *буй злакъ*, *зълакъ*.

4 Подходили къ Стояну.

5 Палка, которою гонятъ воловъ, тяжелая, окованная желѣзомъ; *купаль*, персид., clava ponderosa ferrea. —

6 Если меня теперь освободишь, собств. оторвешь, вырвешь.

7 *Корякъ*, ручка. Посеребрю тебѣ ручку.

8 Развернулся.

9 = *Страна,* съ перестановкой звука.

Си́чки юна́ци па́днѫли,
Токо́ Ара́вчѐ оста́нѫло.
Ара́вчѐ Стоя́ну ду́ма:
«Стоя́не, мла́до юна́че!
«Не̇ ма, Стоя́не, ѕатри́вай[1], .
«По свѣта́[2], хо́лаѭ, да хо́дѭ,
«И юна́штво[3] да ти хва́лѭ[4].»
Стоя́нъ Ара́вчѐ не слу́ша,
Ами́ си го жи́во̇ о̇дра́лъ,
И му ко́жѫ-тѫ напѣ́лнилъ
Съ ѕеле́нъ, хо́ламъ, бузъла́къ,
Какко́-то са ѥ обрѣ́калъ[5].

---

[1] Не губи меня; корень *тр*, *тер;* вспомнимъ, что во всемъ нашемъ древнемъ языкѣ *терять* и *губить* синонимы.
[2] = *По свѣтъ-тъ.*
[3] = *Юначество*, *юнаство*, чаще, а это сербская форма.
[4] У Княж. *хвалямъ* = *свалѣмъ*.
[5] Какъ обѣщался.—

XXIII.[1]

СТОЯНЪ БОЛЬНОЙ. ХВАТАЕТЪ СУЛТАНА.

Стоя́нъ дружи́нѫ посъбра́,
И вѣ́рѫ, и кля́твѫ[2] сто́рили:
«Кога́ на пѫ́ть-тъ тръ́гнеме́,
«Ко́й-то сѧ бо́ленъ разболѣ́е,
«Порѧ́домъ[3] да го глѣ́даме́[4],
«И на рѫцѣ́ да го но́симъ.»
Разболѣ́лъ сѧ е младъ Стоя́нъ,
И на рѫцѣ́ го но́сили,
Отъ Вели́къ-день[5] до Или́нъ-день.
Ни́гдѣ ни́што обо́ръ не обра́ли[6],
Нито́ баскамлъ́къ[7] нигдѣ сто́рили.
Дружи́на ду́мѫтъ[8] Ива́ну:
«Стоя́новъ бра́тецъ, Ива́не!
«Хатъ́ръ[9] да ти не оста́не,

---

[1] Взята у Богоева.

[2] Обыкновенно *клетва*.

[3] По порядку, по очереди; слѣдовало бы *редомъ*, *поредомъ*, но подправки Богоева мы уже знаемъ.

[4] Будемъ смотрѣть за нимъ, ходить.

[5] Отъ Свѣтлаго Воскресенья.

[6] Нигдѣ ни сколько добычи не обобрали.

[7] Тур., вторженіе, нападеніе (отъ *басмакъ*).

[8] Дружина, какъ собирательное, согласуетъ съ собою часто множ. число.

[9] Тур., нравъ, удовольствіе, угожденіе (*хатырь*): «не во гнѣвъ тебѣ это да будетъ, да не будетъ тебѣ это не по нраву, да не нарушится, не отставлена будетъ этимъ угода тебѣ.»

«Бáти ти[1] щемъ да остáвимъ.»
— Дружи́ни вѣ́рни, сговóрни!
— Не дѣ́йте бáти остáвя[2]:
— Ні́е[3] сми (ся)[4] вѣ́рно кълнáли.
— Дружи́на[5], оземѣ́те го[6],
— Отъ рѫцѫ́ въ рѫцѫ́[7] носѣ́те,
— Дружи́на, да го занéсемъ
— На Карнабáтскѫ-тѫ корі́ѫ[8]
— Н'маме ні́щѫ сѣ́нѫ[9]
— Съ хýбавѫ жлъ́тѫ[10] пшени́цѫ[11];
— Когá дóйдѫтъ ні́кѫ-тѫ да жнѫтъ[12],
— Данó[13] си бáтя намѣ́рятъ. —

---

[1] Твоего батю, т. е, старшаго брата; впрочемъ и дружина могла такъ называть начальника.

[2] Тема (отъ *оставѣмъ,—ѣшь,—ѣ,=оставямъ*=оставляю) съ вспомогат. *не дѣйте:* не оставляйте.—

[3] Мы вѣрно клялись. —

[4] Вставляемъ для полноты смысла.—

[5] Ожидалось бы *дружино*, но у Богоева трудно отыскать правду.

[6] Возьмите.

[7] Изъ рукъ въ руки, по очереди.

[8] *Кория,* лѣсъ общественный или частный (?). Карнабатъ извѣстный городъ при отросткѣ Балканъ.

[9] *Сѣнѫ*, даже *сѣенѫ*.

[10] Богоевъ пишетъ ѫ, т. е. ъ: очень можетъ быть, хотя въ другихъ случаяхъ слышно просто *е;* но ъ, подъ вліяніемъ шипящей, переходитъ въ *ь;* на оборотъ *жлътѫ*.

[11] Обыкновенно *пшеницѫ*.

[12] Когда придутъ жать. Богоевъ пишетъ опять ѫ, то есть *ь* (ъ послѣ шипящей), хотя слышно и *е*. Мягкость окончанія замѣтна уже и въ Ц. слав., откуда жнѫ им. жнѫ; впрочемъ въ н. болг. встрѣчаются обѣ формы: *женѭ* и *женѫ*, *женѭтъ* и *женѫтъ*.

[13] Авось найдутъ батю.

Тія́[1] Стоя́на ʒане́ли[2]
Та го на ни́вѫ-тѫ оста́вили;
Си́чки-тѣ ви́кѫтъ та пла́чѫтъ:
«Стоя́не[3], ве́тха воево́до![4]
«Отъ ве́тхо вре́ме оста́нѫлъ![5]
«Стоя́не, та прости́ ли штешь ни[6],
«Ζара́дъ[7] сми (са)[8] вѣ́рно[9] кълнѫ́ли?»
Стоя́нъ ги жа́лно изгле́да[10],
И съ деснѫ́ рѫкѫ́ ма́хнува[11]:
«Да ви е про́сто, дружи́на!
«Хо́дите, кѫдѣ́ хо́дите,
«И пакъ за ме́не слушайте.»[12]
Дойдо́хѫ ни́мѫ да жа́лѫтъ
Него́ва-та мла́да неве́ста

---

[1] Они. *Тия* и *ния* изъ *тий*, *ний*, а это изъ *тии*, *нии*, т. е. *ти* и *ни* еще съ опредѣляющимъ мѣстоименіемъ *и*. —

[2] У Богоева *занели* (вм. чисто-болгарскаго *зане́сли*); это у Сербовъ *занисли*, *занели*, но отъ другаго корня=*заняли*, *заяли*, хотя и съ значеніемъ—*занесли*. —

[3] Д. б. *Стоене*.—

[4] Обыкновенно *войводо*.—

[5] Оставшійся изстари: древность Стояна.—

[6] *Прости*-тема, *штешь* вспомогат. для будущаго.

[7] Простишь ли ты насъ въ томъ, что.. (за-ради).

[8] Вставляемъ для полноты смысла.

[9] Съ нашей точки зрѣнія не слѣдовало бы уже прибавлять *вѣрно:* «мы не исполнили клятвы, прости, что вѣрно клялись.» Но эпосъ повторяетъ обороты цѣликомъ, а выше сказано, что они клялись *вѣрно*. Если кого назвали негодяемъ, то обращаясь къ нему, хотя бы съ просьбою, повторяютъ: «ты, негодяй.» Примѣровъ тысячи.

[10] Посмотрѣлъ на нихъ со скорбію; = *жѣлно*.

[11] Махаетъ правой рукой. У Бог. *но* (подправлено изъ *ну*).—

[12] Куда ни пойдете, все-таки освѣдомляйтесь обо мнѣ. —

И нѥ́гова-та ми́ла сестра́.
Като́ ми ни́вѫ-тѫ жь́нѣхѫ,
Стоя́нъ съсъ ръкѫ́ ма́хнѹва;
Сестра́ мѹ го ѥ ви́дѣла
И на бѹ́лѫ[1] си продѹ́ма:
«Бѹ́лё-лё, бѹ́лё Стоя́нице!
«Што́ ма́ха ръкѫ́ на кра́й,[2]
«Што́ ми́ӡа[3] на бати Стоя́на?»
— Кали́но,[4] ӡъ́лва бѹ́лена![5]
— Ти но́сишь сьрдце юна́шко,
— Юна́шко, ба́тёво-то[6] си,
— На ѥдно́ сте сьрдце лежа́ли[7],
— Ѥдна́ ви ѥ ма́йка хра́нила:
— Ти иди́, бѹ́ле, погле́дай;
— Ме́нѣ ми гро́ӡно дохо́жда[8]. —
Ста́нка[9] си сръ́пъ-тъ оста́ви,
Ӡапа́са кобѹ́ръ[10]-пишто́вѐ,

---

1 Почетное обращеніе золовки къ братниной женѣ.
2 =*на край-тъ*, на краю.
3 *Ὁμοιάζω, мязамъ,—ашь,—а.—*
4 Такъ называетъ жена меньшую сестру своего мужа.
5 Золовка були, т. е. моя.
6 Ты носишь въ себѣ такое же сердце, какъ у твоего старшаго брата (бате), моего мужа; = *сь́рце*, *сьрце́*.
7 То есть у матери. У Бог. *жа*.—
8 Ты побойчѣе, поди-ка, посмотри, а мнѣ какъ-то дико, неловко приходится; *грозно* собственно=безобразно; вспомните, что у Сербовъ при внезапности какой встрѣчи, хватаетъ *грозница*., лихорадка; впрочемъ здѣсь не заключается понятія большаго страха: лихо, дурно, неловко.—
9 Имя сестры Стояновой.—
10 *Кобу́ръ*, тур., поясъ, за который втыкаютъ пистолеты (видоизмѣненіе *камръ*, *камеръ*, перс.?).

Приплéшти[1] пýшкѫ делийскѫ,[2]
Припáса сáбѭ черкéскѫ,
Черкéскѫ, тѣнкѫ[3] дамáскинѭ,
Тачé на крáи отúде,
Отъ далéчь[4] ми са позапрѣ[5]
И си го вѣрно[6] попúта:
«Бáйне-ле, брáтче Стоѩне[7]!
«Штó лежиш, брáтче, на крáи?
«Дали си са съ куршúмъ[8] удáрилъ?
«Или си са съсъ тѣнкѫ сáбѭ сѣкълъ?»
— Мéне ма бóлесть нáйдела[9], сéстро:
— Поди на мáикѫ да кáжешь,
— Да дóйдѫтъ, да ма зéмѫтъ,
— У домá[10] да ма занесѫтъ,
— Въ нáши-тѣ и́зби[11] глѫбóки. —

---

[1] Аористъ *приплештихъ,-шти*; *плештѫ* (=плещу), трепать, покалачивать на ладони, по корню одинаково съ *пласть*, *пластать*, *плескать*, *плоскій*: взявъ на руку, какъ берутъ ружье, и, свѣсивъ на ладони, покаличиваютъ, пестаютъ (отъ *пасть*), — таково обыкновенное употребленіе слова; пѣсня можетъ помнить и родство съ съ *плешти*, *плечи*.

[2] = Делійскѫ, тур., удальскую.

[3] Въ смыслѣ красоты. —

[4] Издалека; сокращ. изъ *далече*.

[5] Поуперлась, пріостановилась. Вспомните, какъ къ Марку лежачему боялись близко подойти люди.—

[6] Обыкновенное прибавленіе, вслѣдствіе котораго на вопросъ обыкновенно говорятъ *право*, истину.—

[7] = *Стоене*.

[8] Тур., свинецъ, пуля: или тебя ударила пуля? Страдательный оборотъ. — У Бог. *одарилъ*, *сѣкалъ*. —

[9] Нашла меня, на меня, постигла.—

[10] Домой.

[11] Чтобы не сбиваться въ подобныхъ словахъ, нужно замѣтить ихъ

Ста́нка си дꙋма Стоя́нꙋ:
«Ба́йне-ле, ба́те Стоя́не!
«Ꙁа што́ на ма́мѫ да ка́жѫ,
«Догдѣ́ и а́ꙁъ съмъ при те́бе[1]?»
Тя го на рѫцѣ́ обꙁя́ла[2],
Като́ сира́че[3] пе́лена́че[4],
Та си го у тѣ́хъ[5] ꙁане́ла[6]
Въ тъ́мни-тѣ и́ꙁби глѫбо́ки,
Глѫбо́ки и́ꙁби, студе́ни;

обыкновенное значеніе (внѣ пѣсень, нерѣдко помнящихъ исконное значеніе или собственный корень). *И́зба* = погребъ, кое-гдѣ покой (теплый); *зимникъ* или *зимникь*, погребъ для провизіи, вина, по мѣстамъ покой зимній, иногда даже подвалъ и конюшня; но собственно для конюшни—тур. *ахъ́ръ*; *кѫ́шта*, домъ; *стая́*, всякая отдѣльная комната, потомъ клѣть, гдѣ спятъ; спятъ молодые,—*за́дникъ*; *чарда́къ*, тур., бесѣдка, иногда мезонинъ; *о́дъръ*, скамья, для которой, какъ *дива́нъ*, употребляется иногда и постеля; спальна и постеля собственно *легло́*, ложе; *врата́*, входъ, дверь; наши ворота—*пѫ́рти* (особенно въ городахъ), *вра́тня*; окно—*прозо́рецъ*, тур. *пенджеръ*; полъ вообще—*земя́*; потолокъ, *тава́нъ*, тур.; передняя часть кровли—*стрѣха*; крыша — *по́кривъ*. Таково *преимущественное* употребленіе, хотя по мѣстностямъ, и еще болѣе въ пѣсняхъ, много видоизмѣненій. —

[1] За чѣмъ мнѣ говорить матери, когда я съ тобою? *Додѣ*, пока.—

[2] Если бы мы вѣрили Богоеву, то здѣсь *я* равнялось бы ѧ или *ѣ*; но обыкновенно корень этотъ (ѧ-ти), какъ и всякое ѧ, переходитъ у Болгаръ въ *е*; *и* (въ *им*) съ предлогомъ *зъ*, *за*, переходитъ въ *ѣ*: *зѣма*. Вѣроятнѣй здѣсь *е* получаетъ оттѣнокъ той *я* по вліянію свистящей.

[3] Сиротка.

[4] Ребенокъ пеленочный.

[5] *У тѣхъ* собственно = *въ ихъ*, но значитъ = въ ихъ домъ, къ нимъ; *у насъ*, *у васъ*, и т. д. —

[6] У Богоева опять *занела* (вм. *занесла*); если это такъ, то пѣсня записана въ мѣстности подъ вліяніемъ Сербовъ.—

15

Съ прѣсно[1] го ѥ[2] майко къпала,
Съ ройно го ѥ вино поила,
Съ тлъсти[3] агнета хранила.
Лежѣ ми Стоянъ што лежѣ[4];
Майка му слуша[5] отъ вънка[6]:
Уелѣкъ са въ избѫ-тѫ проника;
Когá ми влѣзе майка му,
Стоянъ ми вика та плаче:
«Мáле-ле, та не сѝ ли чула,
«Ꙁарадъ[7] штѫ, мáле, да умрѫ?
«Мáле-ле, милничка мáле!
«Поди ми, сабѭ-тѫ извади[8],
«На животъ-тъ[9] да си ѭ погледамъ,
«Когá си, мáле, ꙁагинѫ,
«Да не ми ѥ жално ꙁа сабѭ[10].»
И ти му сабѭ-тѫ изнесе,
На стѣнѫ тѫ ѭ ꙁакачи[11],

---

[1] *Прѣсенъ* или *прѣсенъ*, *прѣсянъ*, у Болгаръ значитъ *свѣжій*: въ свѣжемъ молокѣ купала.

[2] То есть *е* (есть), безъ ударенія, = *и* (у Бог. *и*). —

[3] *Тлъстъ* или *тлъсъ* у Болгаръ= *тучный* (корень одинъ-*толщ-туч-тук*).—Употребл. и *агне.*—

[4] Лежалъ, лежалъ. —*Лежѣхъ*, *лежѣ*, аористъ, = *лежяхъ*, *лежя.*—У Бог. *лежа*, какъ и нужно ожидать. —

[5] *Слушя*, слуша ть.

[6] Со внѣ, со двора: въ погребѣ гласитъ человѣкъ.

[7] О томъ, что . . . Не слыхала ты, слышала ли ты, что я близокъ къ смерти, имѣю умереть?

[8] Достань.

[9] При жизни что бы мнѣ наглядться на нее, посмотрѣть.

[10] Когда загину, умру, чтобъ не жалко, не грустно было послѣ о саблѣ.

[11] Повѣсила. *Закачи*, аор. *закачихъ*, *закачи*, прош. несов. *закачѣхъ*, *закачѣше*, далѣе и еще неопредѣленнѣе *закачвамъ*, *закачвахъ*, *закачваше*, и т. д.

На стѣнѫ́-тѫ, при главѫ́-тѫ.
Ȥамрѣ́кнѫ[1] Стоя́нъ въ и́ȥбѫ-тѫ,
Ȥамрѣ́кнѫ, тѫ не осѣ́внѫ.

*

Осѣ́внѫ Стоя́нъ-Стоя́не[2]
На висо́къ баи́ръ Бака́джикъ[3],
При беглѣ́шки-тѣ овча́ри[4],
И тлъ́сто я́гне надроби́[5],
И буе́нъ о́гънь накла́дё[6],
И о́стъръ ръже́нъ отсѣ́че,

---

[1] Ц. слав. мрѣкнѫти, tenebris obduci, быть захвачену мракомъ; болгар. *замръкнѫ*, *замръквамъ:* застаетъ меня мракъ гдѣ.—Обратное значеніе должно имѣть *свѣнѫти*, быть застигнуту гдѣ свѣтомъ; но уже въ Ц. слав. здѣсь *ѣ* перешло въ *ь*: свьтѣти, освьнѫти; еще далѣе пошло это въ болгарскомъ: *ь* въ *ъ*, а *ъ* на передъ: *осъвнѫ*; подобно отъ *цвѣтъ—цъвтѫ*; у Сербовъ *ъ* въ *а*: *освануmu*, *процавтити* и *процватити*. Итакъ: «мракъ его засталъ въ погребѣ, но свѣтъ уже не засталъ здѣсь.» У Сербовъ тоже употребленіе: *мркнуло* е у Нове Пазаре, а *свануло* (говорится о лицѣ) више Биëграда (т. II, № 95).» Совершилось какое-то чудо; перемѣняется сцена дѣйствія и содержаніе пѣсни.—

[2] Рядомъ именительный и звательный (въ значеніи именительнаго.)

[3] Начинается превосходная, гомерическая картина. Гдѣ же засталъ Стояна свѣтъ, гдѣ очутился онъ, когда разсвѣло? на высокой окраинѣ Бакаджика. *Баиръ*, тур., окраина, берегъ, холмъ, возвышенность; *бакмакъ*, тур., видѣть,—мѣсто, съ котораго видно, видное: такъ называется гора между Сливна и Карнабата, часть Балканъ.—

[4] При пастухахъ, гдѣ были пастухи. Отъ слова *бег* (владѣтель, господинъ), тур. *бег-лык*, 1) работа на Турокъ-господъ; 2) десятая часть, взимаемая натурой и 3) казна, фискъ, что принадлежитъ казнѣ: пастухи тѣхъ стадъ, которыя принадлежали турецкой казнѣ.—

[5] Надробилъ, нарѣзалъ тучнаго ягненка.

[6] Наклалъ, разложилъ буйный огонь; выше замѣтили мы, что *буй* отъ *бу*, *бы*; отсюда у Сербовъ *живи огань;* у насъ соотвѣтствуетъ этому слову *ярый* (*буй* и *яръ* *туръ*, *яруги—бу-е-раки*), *яркій*, и, по одинаковости корня, *жаркій*. —

'Остъръ ръжéнъ лилёковъ[1].
Тауé тихо-ясно[2] послуши,
Дали са нѣгдѣ зачюватъ
Юнáци по планинѝ тѣ[3],
И хадни да бастисъватъ[4]:
Нигдѣ са нищо не чюва,
До[5] трима огня горѣхѫ
Въвъ Сливнински-тѣ богáзи[6];
Той са изясно провикнѫ[7],
Иванъ на краќ подскокнѫ[8],
И на дружинѫ думаше:
«Дружина вѣрни, сговорни!
«Дружино, услушайте са[9]:
«Што ми са гласéцъ позачю[10],
«Што мяза бати[11] Стояна?»

---

[1] Отсѣкъ острый роженъ, на которомъ жарятъ мясо. *Лилекъ* или *люлякъ*, *люлекъ*, сирень, у Чеховъ подсолнечникъ, и т. д.

[2] Какъ *вѣрный* вопросъ (вѣрно попита) предлагаетъ вѣрный, истинный отвѣтъ, такъ *ясно послушать* предполагаетъ — услышать ясный, звонкій отголосокъ.

[3] Не слышно ли гдѣ юнаковъ по горамъ?

[4] И не нападаютъ ли они на обозъ съ товаромъ? У Бог. *бастисовать*. Отъ *басмакъ* ниже *басканлыкъ*.

[5] Здѣсь *до* значитъ то же, что въ сербскомъ: «кромѣ, только что, лишь три огня горѣли.»

[6] Гдѣ? Въ ущельяхъ Сливна; *богазъ* (горло, перешеекъ, ущелье, даже проливъ), тур. —

[7] Стоянъ крикнулъ громко.—

[8] Иванъ, братъ Стояна, какъ услыхалъ голосъ, вскочилъ на ноги.

[9] Прислушайтеся.

[10] «Чтò мнѣ послышался голосокъ, и походитъ онъ на (голосъ) стояна?

[11] При склоненіи имени собственнаго, употребляется почти всегда (кромѣ иногда звательнаго) форма *бати:* Стояна, Стояну, и т. д.

Като́ ми Стоя́нъ повто́ри,
Повто́ри, та ми[1] изви́ка,
Догдѣ́ ми я́гне опѐче́[2],
Ивáнъ съ дружи́нѫ дофта́са[3]:
Пу́шки-тѣ имъ на-ра́мени[4],
Пу́шки на го́ли ра́менѥ[5],
На го́ли гръди́[6] пиштоле́,
На го́ли къ́лки[7] пала́ски[9].
Стоя́нъ ги кѣ́рпо попи́та:
«Дружи́на вѣ́рни, сговóрни!
«Што́ сте то́лко-зь[9] ого́лѣли?
«Нѣ́гдѣ обо́ръ обра́хте ли[10]?»
Си́чки-тѣ ви́кнатъ та пла́чатъ:
«Стоя́не, ве́тха воєво́до!
«Отъ ве́тхо вре́ме оста́нѫхъ!
«О́вци безъ овчи́ръ хо́датъ ли?
«Безъ воєво́дѫ васкаплѫ́къ не би́ва.»
— Не бо́йте са, дружи́на!
— Єла́те да ядéмъ, да пиéмъ;

---

1 У Богоева *не*, не имѣетъ смыслу: какъ и выше, ставимъ *ми*.

2 Пока успѣлъ онъ испечь ягненка... Мы и не поправляемъ уже Богоевскаго *гдѣ:* по болгарски *дѣ* или *йдѣ: нѣйдѣ, нийдѣ.* —

3 *Дофтасвамъ, дофтасамъ*, являюсь, достигаю, прихожу, изъ новогреч. *φθάνω* (*ἔφθασα*), достигаю, достаю.

4 1) = на плечахъ; 2) отъ *нарамѭ*, кладу на плечо, *нарамени*, причастіе.

5 Собирательное.

6 Обыкновенно во множ. —

7 *Кълка*, бедро; серб. *кука* = крюкъ, клюка, колóкъ; у Чеховъ *klka, klika, kluk, kluka*, съ разными значеніями; Сл. о П. И. «клюками подъпърся о кони.»

8 Тур, *паласка:* сумки съ порохомъ, пулями, и проч. (*полазки?*). —

9 Такъ, столь. —

10 Добыли ли гдѣ либо добычу? —

— Сно́ще[1] въ Ба́ладжикъ-тъ ѕамрѣкнахъ,
— Кехая́-[2]та въ се́ло ки́каше,
— Султа́нъ-тъ и́ма меджи́я:[3]
— Да и́демъ, да го ка́рдимъ[4].
— Ако́ султа́нъ-тъ хва́неме́,
— Съ има́пис шта ви ѕаро́вѫ.[5] —
Оти́шли да го ка́рдитъ.
Събра́ла ми ся меджи́и:
Султа́нъ-тъ събра́лъ меджи́ѭ,
Отъ де́витъ се́ла жъ́нѣхѫ[6];
Султа́нъ-тъ срѣдъ ни́хѫ-тѫ сѣдѣ́ше,
И ѕеле́нъ чадъ́ръ[7] надъ не́го,
И три́ста ду́ши сигме́не[8]
Пра́ви на пу́шки-тѣ стои́хѫ,[9]
Не да́ватъ пи́ле да фрѣ́кне.[10]
Стоя́нъ отъ орма́нъ[11] гле́даше.

---

1 Опять *сноще*! *сноши*.

2 Начальникъ, хозяинъ стадъ (*киая*), тур. —

3 *Меджия*, съ тур., сборъ крѣпостныхъ на работу владѣльца, Славянъ на работу Турокъ; сами рабочіе.

4 Пойдемъ его стеречь.

5 Зарою васъ деньгами (серб: *благо*), много ихъ будетъ, если схватимъ султана. — Обыкн. *заровѫ*. —

6 Изъ девяти селъ собрались и жали. Сборъ на работу по волѣ, кто хочетъ, наше *по́мочи*, у Болгаръ называется *клѫка́*: не платятъ за это, только угощаютъ.

7 Тур., шатеръ.

8 Полицейскихъ; считаютъ также *душами*.

9 Стояли на ногахъ, съ готовыми ружьями.

10 Не даютъ и птенцу пролетѣть. —

11 Тур., лѣсъ. —

Съ врѣстѫ му пла́днина ста́нѫла,[1]
И медни́ци са прибра́ло[2]
Камъ мѣ́тнѫ сѣ́нкѫ дебе́лѫ,
Камъ водѫ́ студе́нѫ.
Стоя́нъ са въ сы́норъ-тъ привлѣ́че[3],
Като́ вълче́нце и штѐне́нце[4].
Сигме́не-тѣ си оти́шли,
Ко́ние[5]-тѣ да си напоя́тъ,
Сами́чикъ[6] сѹта́нъ-тъ оста́нѫ.
Като са Стоя́нъ сълди́са[7],
Тате́ сѹта́нъ-тъ ѹлови́,
Тате́ го въ рѫцѣ́ понесе́,
Като́ я́гънце гергѣ́вско[8],

---

[1] *Пла́днина*, полдень, потомъ тѣнь полуденная; когда солнце взойдетъ на полдни, тѣнь сдѣлается короче, въ ростъ человѣка, тогда говорятъ: «съ ръста му пладнина станѫла» = «ужъ полдень.» Употребительно слово *ръстъ*, но не *връстъ* и не *връста*: мы однако оставили *връста*, Ц. слав. врѣста, наше *верста* (возрастъ, ростъ).

[2] Рабочіе прибрались, ушли, столпились: безлично въ среднемъ родѣ, о лицахъ, по идіотизму Болгаръ. Въ какую сторону столпилась, сошлась? къ густой (дебелой) тѣни, ложившейся, падавшей (мѣтна) при водѣ студеной.

[3] Греч. *σύνορον*, граница, предѣлъ, межа.— *Сѧ привльче,* приволокся, подползъ тихо и осторожно.

[4] Какъ волкъ или щенокъ. Богоевъ печатаетъ: *истиненце*!

[5] Собирательное.—

[6] Одинешенекъ.

[7] Тур., *салмакъ*, пуститься, броситься, устремиться, откуда передѣлано *сълдисвамъ, сълдисамъ, сълдисахъ* (аор.), *са*:—бросился.

[8] Какъ егорьевскаго ягненка. Объ юрьевомъ днѣ только выростаютъ ягнята: дотолѣ не ѣдятъ, не бьютъ ихъ, прежде — подъ строгимъ наказаніемъ, а нынче по крайности не дѣлаютъ этого и не продаютъ публично; а кто занимается скотоводствомъ, — Боже сохрани нарушить правило! права, даваемыя юрьевымъ днемъ, торжествуются въ особомъ полевомъ праздникѣ, когда раскладываютъ огни и жарятъ ягнятъ.

На дружи́нѫ го предáде:
«Дръжте го, гóли дружи́на!
«Тóя[1] и ште[2] ви облечé.»
Султáнъ-тъ дума Стоя́ну:
«Стоя́не, мéчна стрáнице!
«'Искай, Стоя́не, што и́скашь[3]:
«'Искашь ли дрéбни дукáта?»
— Не штѫ́ на свáдбѫ да пóйдѫ[4],
— На бу́лкѫ кръстъ да дáвамъ. —
«'Искашь ли бѣ́ли грошéве?[5]»
— Кóнь-тъ ли штѫ́ си подковѫ́?
— 'А дáй ми маджáръ-жълтíци[6]. —
Та го султáнъ-тъ заведé
У Сливнишки-тѣ кóлѣзи,
На войни́шки-тѣ пѫтéки[7]:
'Стáро имáнье разрóви[8],

---

1 *Тоя=той-тъ, той-зи, то-зи*: онъ.

2 У Богоева *штѫ*, безъ смыслу (подобно какъ выше *уловѫ* вм. *улови*); «держите его, голая дружина, онъ васъ и одѣнетъ.» *ште облъчé* будущее, изъ вспомогат. глагола и 3 го лица аориста; иначе нужно бы сказать *облѣ́* (но это значило бы *облилъ*) или *облъкъ*, *облъка* (но это значило бы «*будетъ одѣвать*»). —

3 Ищи, чего ищешь, проси, чего желаешь.

4 Зачѣмъ мнѣ они? я не пойду на свадьбу, чтобъ давать женщинѣ крестъ: деньги, которыя даютъ родильницѣ или невѣстѣ при свадьбѣ, называются *кръстъ*. У Бог. *пойдѫ*. —

5 Бѣлыхъ, красивыхъ (хубави), серебряныхъ или золотыхъ денегъ? — Развѣ мнѣ коня ковать? серб. «гроша биелиех (т. III, № 57).» У Бог. *подковѫ*. —

6 Венгерскихъ червонцевъ, въ отличіе отъ турецкихъ плохихъ денегъ.—

7 *Пѫтéка*, малая, проселочная дорога, гдѣ ходятъ войска; у Бог. *пѫтяки*.—

8 Разрылъ старый кладъ, деньги. Вѣрованіе въ клады сильно распространено въ Болгаріи; многіе хайдуки (малджии) только и посвящаютъ

Се[1] хубави маджаръ-жьлтици.
Стоянъ си ясно провикнѫ:
«Ѕимайте[2], голи дружина,
«Кой колко-то може да носи.
«Што-то па мене останѫтъ,
«Тука штѫ да ги ѕаровѫ[3]:
«Белки[4] штѫтъ хванѫтъ и мене,
«Да давамъ, да са исплаштамъ[5]».

себя этому. Съ необычайной простотой изображается султанъ: доказательство, между прочимъ, древности содержанія пѣсни.

[1] Всё.

[2] Взимайте, берите, кто сколько можетъ унести. —

[3] А тѣ, что останутся на меня, на мою долю, я здѣсь ихъ зарою.

[4] Тур., можетъ быть, пожалуй, случится. У Бог. *белке*. —

[5] Можетъ быть и меня схватятъ: что бы было мнѣ что дать, отплатиться.

XXIV.

СТОЯНЪ И СОКОЛЪ.[1]

Разболѣ́ са Стоя́нъ, до́бъръ юна́къ,
На планинѫ́ на Аганиковинѫ.
Че е болнѣ́лъ, че е лежѣ́лъ,
Тъ̀кмо ми де́веть годи́ни;[2]
Посте́лка му—зеле́на мура́ва.
Зави́вка[3] му—отъ горѫ́ ли́стие-то,[4]
Подло́жка[5] му—дре́вно-то ка́мение.
На ра́мо му сѣди́ пи́ле[6] со́колово,
Той си меса́ рѣ́жи, та си пи́лѐ хра́ни,
Дре́вни сълзи ро́ни, та си пи́лѐ пои́.
Отгова́ря[7] Стоя́нъ, до́бъръ юна́къ:
«О́й та те́бе, пи́лѐ со́колово!
«А́зи не та хра́нѭ, въ очи́ да ма гле́дашь,[8]
«А́зи та хра́нѭ, хабе́ръ[9] да ми но́сишь,

Разболе се Кралевитю Марко,
По край пута друма юначкога,
Више главе копле ударио,
А за копле Шарца привезао,
Іош говори Кралевитю Марко:
«Ко би мене воде напоио,
«Ко ли би ми ладак пачинио,
«Тай би души мѣсто уфатио.»
Ту допаде соко тица сива,
У клюну му воде доносио,
Па е Марка воде напоио,
Над Марком е крила раскрилио,
Па е Марку ладак пачинио... и пр.

(т. II, N 54; 55 idem).

....Седи дилбер Илия,
На руци држи сива сокола,

---

[1] Изъ сборника Катранова.
[2] Какъ онъ болѣлъ, лежалъ, ровно (прошло) 9 лѣтъ.
[3] Одѣяло.
[4] Собирательное.
[5] Подстилка ему—мелкіе (крупные) каменья.
[6] Птенецъ, или просто—птица соколъ.
[7] Не отвѣчаетъ, а просто бесѣдуетъ, разговариваетъ.
[8] Я не за тѣмъ тебя питаю, что бы ты смотрѣлъ мнѣ въ очи.
[9] Тур., вѣсть, извѣстіе.

«Отъ мóй-тѫ[1] мúлѫ мáйчицѫ,
«Отъ мóй-тѫ мúлѫ сестрúцѫ,
«Отъ мóй-тѫ мúлѫ невѣ́стѫ[2].»
Отговáрѧ пúле сóколово:
«Ой та тéбе, Стоя́нъ дóбъръ юнáкъ!
«Вчéра минáхъ надъ твóй-тѫ кѫ́щѫ[3]:
«Двóри-тѣ ти буренúсали[4],
«Пóрти-тѣ ти гѫ́би гѫбúсали[5];
«На срѣ́дѣ двóри до трú топóли,
«И на топóли до трú кукавúци;
«Пъ́рва кукýка, кýку не прѣстáва[6],
«Втóра кукýка, кýку прѣминѫ́ла[7],
«Трéти кукýка кýку—и не твъ́рдѣ[8].»
Отговáрѧ Стоя́нъ дóбъръ юнáкъ:
«Пъ́рва кукавúца кýку не прѣстáва, —
«Тя́ е мóй-та[9] мúла-та мáйка;
«Втóра кукавúца кýку прѣминѫ́ла, —
«Тя́ е мóй-та мúла-та невѣ́ста;
«Трéти кукавúца кýку и не твъ́рдѣ, —
«Тя́ е мóй-та мúла-та сестрá.»
Товá си Стоя́нъ издýма,
И сѧ отъ душѫ́ отдѣлú[10].

Он лице грди, сокола рани,
Он сузе рони, сокола пои.
Соколу тици тиё беседи:
«Соколе сиви! я те не раним,
«Я те не раним, чиме се рани,
«Я те не поим, чиме се пои;
«Я лице грдим—тебека раним,
«Я сузе роним—тебека поим;
«Я те не раним, дат' у лов носим,
«Вете те раним, дат' у двор пошлем,
«Да ми ти видиш любезну мою,
Єли ми люба здраво и мирно...»
и проч. (т. I, № 648).

То изрече, па се раста с душом
(т. I, № 756). —
То изусти, па душицу пусти
(т. II, № 7). —
То говори, а с душом се бори,
То изусти, лаку душу пусти
(т. II, № 25). —

---

1 = *мóѭ-тѫ*.
2 Отъ моей милой жены. —
3 Вчера я летѣлъ, миновалъ надъ твоимъ домомъ; = *твóѭ-тѫ*.
4 Поросли бурьяномъ.
5 На воротахъ твоихъ губы нагубились, грибы выросли.
6 Не перестаетъ *кукý*.
7 Преминула, оставила куку, перестала куковать.
8 Третья кукуетъ куку, — и не очень, и не сильно. Обыкновенно *кукувамъ, — ашь, а;* но можетъ быть *кукуѭ, кукуешь, кукуе,* глаголъ областной или передѣланный записавшимъ изъ *кукувамъ;* тогда будетъ: «*кукуе* (*е* безъ ударенія = *и*) *не твърдѣ*. Первое лучше. —
9 = *мóя-та*.
10 Проговорилъ онъ это и отдѣлился отъ души, разстался съ душой.

XXV.

ХАЙДУКЪ НЕНЧЁ. СМЕРТЬ СТОЯНА.[1]

Три годи́ни Не́нчё какъ хо́ди
Изъ[2] Тро́йнскѫ-тѫ планинѫ́,
Ни́гдѣ го ни́кой не знáе.
Самъ си́ са Не́нчё похвáли
Прѣдъ келеёятски-тѣ[3] сигме́не;
И го сигме́не ди́рили[4], изди́рили го,
И дружи́нѫ-тѫ му изби́ли,
Не́нча съ рáни рáнили,
До двана́йдесять рáни[5].
Чу́ди са Не́нчё, ми́сли,[6]
Кадѣ́ ште Не́нчё да и́дѐ,
Рáни-тѣ да си изцѣри́[7]?
Че прáво[8] у Стоя́нови[9] оти́дѐ,

---

[1] Взята у Богоева; предстоятъ поправки.
[2] По, вдоль по горамъ, что близъ Трояна (городъ Болгаріи. —
[3] Тур. *эйалетъ* перешло въ *велеа́тъ* и *вилае́тъ*, у Сербовъ *вилает*: страна, округъ, область; передъ областною стражей, дозоромъ, который ищетъ хайдуковъ. —
[4] Слѣдили за нимъ, преслѣдовали, наконецъ напали на слѣдъ; *диря*, слѣдъ.
[5] Ранили ранами; обыкновенно *дванадесетъ* или *дванайсетъ*, *дванайсе*, *дванайсъ*.—
[6] Чудится, удивляется и недоумѣваетъ: куда идти?
[7] *Цѣлѭ* перешло въ *цѣрѭ*.
[8] Какъ пошелъ онъ прямо.
[9] Т. е. *двори*, въ домъ Стояна; «áзъ штѫ и́дѫ *у Пе́трови*»—въ домъ Петра.—

Че на Іонкѫ[1] думаше:
«Іонке-ле, сестра да ми си[2]!
«Ако ми ранѫ-тѫ изцѣришь,
«Подбрадникъ[3] штѫ ти нанижѫ
«Хубавѫ жълтицѫ.[4]»
Съдрала три месали[5] ленени,
Че мехлеми[6] правила,
Нейчёви рани вързала[7],
Цѣрила, изцѣрила го.
Нейчё на Стойна[8] думаше:
«Стойно-лё, мой побратимо[9]!
«Съсъ мене штѫ (да) та заведѫ,
«Байрактаръ штѫ да та турнѫ,
«Азъ съмъ младъ войвода[10].

---

1 Жена Стояна.

2 Сестримитъ ее, дѣлаетъ сестрой и проситъ какъ сестру.

3 Повязка подъ бородой (подбородкомъ), которою держится головной уборъ. —

4 Нанижу тебѣ его: чѣмъ? краснымъ червонцемъ (ед. вм. множ.); лучше бы было прибавить предлогъ *съ* или *отъ*. —

5 *Месаль*, длинный утиральникъ, бинтъ: разодрала, надрала три льняныхъ полотенца; присхожденія слова не знаемъ; Сербы венгерскіе употребляютъ *месель*=сатликъ, мѣра,=австр. *das Seitel;* новогреч. *μεσάλα*, *μεσάλι*, скатерть. —

6 *Мехлемъ*, тур., составъ, мазь (перс. *merhem*); дѣлала мазь.

7 Обвязывала: *връжѫ*, *връзахъ—а—аше*, *връзвамъ*, *връзувамъ*.

8 Уменьшит. *Стойно* (ъ конечный въ *о*, а вмѣстѣ съ тѣмъ срединное звѣно—*я* въ *й*: *синькъ-синко*).

9 Чаще и лучше-*побратиме*; У Богоева даже *подбратимо*.

10 «Я уведу тебя съ собою (т. е. въ хайдуки), сдѣлаю, поставлю байрактаремъ (почетъ), а самъ я—воевода: если ты сдѣлаешь вотъ то-то... *Турѫ*, ставлю, опредѣляю; *штѫ турѫ*, опредѣлю; у Бог. *турнѫ*.

«Ѩ[1] на́ ти, Сто́йно, три гро́ши,
«Да и́дешь, Сто́йно, въ се́ло Га́брово[2],
«Да ку́пишь коршу́ми и бару́тъ[3]
«Размѣ́сени съ дре́бни фише́ци[4].»
Сто́йно на Не́нчи ду́маше:
«Не́нчё-лё, мой побра́тиме!
«Ѩ сла́ въ на́ши ѕи́мници,
«Та сѧ въ ѕи́мници ѕатвори́,
«Да тѧ комши́и не ви́дятъ[5].»
Не́нчё сѧ въ ѕи́мници ѕатвори́;
Сто́йно въ Га́брово оти́де.
Прѣзъ чарши́ѭ-тѫ поми́нѫ[6],
Не купи́лъ коршу́ми и бару́тъ,
Пра́во на кона́къ-тъ[7] оти́шелъ,
Че на Ахме́тчи ду́маше:
«Ахме́тчё, билю́къ баши́ё[8]!
«Три годи́ни Не́нчи какъ ди́рышь,
«Не мо́жешь да го уло́вишь:
«Сега́[9] го а́зи уло́вихъ

---

[1] Частица; на́ тебѣ...

[2] Извѣстный городъ.

[3] Обыкнов. *барутъ*=порохъ, тур. —

[4] *Фишекъ*=патронъ, зарядъ (тур.); свинцу (пуль) и пороху, размѣшаннаго, вмѣстѣ съ — патронами. —

[5] Чтобъ тебя не видали сосѣди (тур. *коншу*): предосторожность ятака. — У Бог. *земници:* — указываетъ на корень, но противно произношенію.

[6] Минулъ, прошелъ мимо рядовъ (гдѣ бы слѣдовало купить). —

[7] А прямо пошелъ на *конакъ*. *Конаки*, играющіе огромную роль, — строенія для ночлеговъ, поставленныя на счетъ правительства; здѣсь паша, аянъ или муселимъ, а вмѣстѣ засѣданіе присутственнаго мѣста. —

[8] Начальникъ отряда; *билюкъ*, въ серб. ф. *булюк*; обыкновенно *башия*, зват. *иё*. У Бог. *іо*. —

[9] Нынче, теперь; У Богоева *сего;* ниже *темни* вм. *тъмни*. —

«Въ нáши-тѫ тéмни зимницы.
«Отбóръ[1]-сигмéне отвирáй,
«До двайдесять[2] сигмéни[3].»
Отбóръ-сигмéне отвирáлъ;
Че ги е Стóйно повéлъ,
Че ги у тѣхъ[4] заведé,
Че въ двóри-тѣ навлѣзохѫ[5],
Ахмéтъ на вратá отиде.
Стóйко на Йóнкѫ думаше:
«Йóнке-ле, моя невѣсто!..[6]»
— Стóйно-ле, бре, Стóйно,
— Я чуй ма, да та научѫ —
Грáбнѫла[7] Йóнка рѫшéто[8],
Че на вратá-та[9] отидé,
Че на Нéнча думаше:
«Нéнче-ле, мой побрáтиме!
«Скóро ми вратá-та откори,

---

1 Отборныхъ.
2 См. выше.
3 Вѣроятно родит. множ.. —
4 Домой къ нему.
5 Вошли. Книжная форма: чисто-народная *влъзохъ, влѣзохѫ*. —
6 Очевидный пропускъ. Стоянъ съ Ахметомъ и полицейскими подошелъ къ воротамъ, — т. е. входу въ зимникъ. Первый переговаривался съ женой и вѣроятно спрашивалъ совѣта, какъ бы отворить дверь и вызвать Ненчё: эти слова и пропущены. Потомъ опять жена говоритъ: «послушай, я тебя научу,» и словъ не приводится; впрочемъ здѣсь можетъ уже быть смыслъ: «постой, я устрою дѣло». Вслѣдъ за тѣмъ жена Стояна вызываетъ хайдука отворить себѣ дверь въ зимникъ.
7 Схватила.
8 Такова народная форма, вмѣсто *рѣшето*.
9 Подошла ко входу и проситъ впустить ее, отворить дверь. —

«Листъ черни́чёкъ[1] штѫ да ѕѣмѫ,
«Пти́чки-тѣ да си нахра́нѭ[2].»
Нéнчё на Іóникѫ дýмаше:
«Іóнке-ле, сестрá да ми си́!
«Какви́ ми сѫ глъ́чка ѕатю́ка[3]
«По твóй-тѣ рáвни двóри?
«И кýчета[4]-та мнóго лáѭтъ:
«Дали́ сѫ вѫ́рли сигмéне,
«Нали́ сѫ вѫ́рли душмáне[5]?»
— Не бóй ся, Нéнчё, не бóй ся:
— Дѣчá-та[6] по двóри игрáѭтъ,
— И кýчка отъ махалѫ́-тѫ ся бѣсýва[7],
— Ѕа тýй[8] кýчета-та лáѭтъ. —

---

1 *Черница*, шелковичное дерево.

2 Хочу я взять листу (въ зимникѣ), чтобъ накормить птичекъ.

3 *Глъчка*, извѣстное слово, наше старинное *голка*, областное *голкъ*, *голчити* и т. д.: шумъ, молва, говоръ. «Что это за говоръ слышится мнѣ?»

4 Собаки.

5 *Душманъ*, *душманинъ*, врагъ, злодѣй; лиходѣй; слово весьма древняго образованія; скр. *дус* (*с* передъ разными согласными переходитъ въ *ш*, *р*, *х*)=лат. *dis*, греч. *δυς*, и т. д.; показываетъ дурное свойство, вообще отрицаніе: *душкрта*.= злое, дурное дѣло. Такъ *дурманас*=имѣющій злую душу, злой умъ, дурное (одного корня) намѣреніе, *δυσμενής*; *душманъ*=зломыслитель, врагъ, *дурманъ*= одуряющій мысль, душу, или имѣющій дурной, злой духъ (напротивъ *суманас*=цвѣтъ, собств. благовонный, имѣющій хорошій духъ), и т. д. — «Или это ярые дозорщики, или злые враги?» *Вѫрли* (отъ *вр-ѣ-ти*) сохраняетъ всѣ значенія первобытныхъ представленій: быстроты, ясности, кипучести, ярости, и т. д. (серб. *врло*); отсюда *вѫрла*, *бистра ракия* (водка), называемыя еще иначе у Болгаръ: *бѣла Рада*, красавица, свѣтлая. —

6 Обыкновенно *дѣца-та*, дѣти. —

7 Не бѣсится, а «*бѣгается* собака изъ нашей части деревни.»

8 = *за тое* = потому-то. —

Тоги́ѕь[1] си врата́-та отво́ри,
Ахме́тъ си въ ѕимници влѣ́ѕе.
Като́ го Не́нчё погле́дкѫ,
И шишине́-то[2] си дрѣ́нкѫ[3],
Срѣштó[4] Ахме́тчи си грѣ́мкѫ[5];
Не мо́же[6] да го ѹда́ри,
Ала́ мѹ брадѫ́-тѫ опъ́рли[7].
Ско́чилъ бѣ[8] Не́нчё, ра́нилъ бѣ,
Че го за ши́йнѫ-тѫ ѹлови́,
Го́дѣше[9] да го ѹдѹши́.
Ахме́тъ сѫ жа́лко[10] прови́кнѫ:
«Ти́чѣйте[11], мо́й сигме́ке!
«Того́ ка Не́нчи хайдѹ́тина,
«На хайдѹ́тѥ-тѣ байракта́ръ,
«Байракта́ръ мла́да воѥво́да[12]!»
Тоги́-ѕь сѫ сигме́ке накла́ѕле,
Та сѫ Не́нчи хва́нѫли,

---

1 Вслѣдъ за тѣмъ.—
2 Полуружейникъ, тур. —
3 Потянулъ, схватилъ. —
4 На встрѣчу. —
5 Ударилъ, выпалилъ. —
6 Не смогъ, не успѣлъ, аористъ: *не можѫ, не можѣхъ, жѣ; жѣхъ, жѣше.* —
7 Не попалъ, но бороду ему опалилъ. —
8 *Бѣ* встрѣчается слишкомъ рѣдко; чаще *бѣше*: но давнопрошедшее здѣсь необъяснимо.
9 Наровилъ, приловчился, готовъ уже былъ удушить его (схвативши за шею, и, прежде еще, ранивъ); у Вог. *удоши.* —
10 Жалостно.
11 *Тичѣмъ, — ѣшь, — ѣ, = ямъ, яшь, я,* дальнѣйшая форма отъ *текѫ: теціѣте,* бѣгите, скорѣе; *мой=мои.* —
12 Это интересное мѣсто мы уже разбирали: «вотъ вамъ (*ва,* дательный) — такой-то!» Какъ въ сербскомъ, такъ и здѣсь, при настоя-

На опѫкъ[1] му рѫцѣ вързахѫ.
И Нéнчё сѧ лю́то разсьрди[2],
Єди́нъ ги по єди́нъ распрѣска[3].
Търчѝлъ[4] ки Нéнче да бѣга:
Тама́мъ[5] на врата́-та да излѣзе,
Стóйно съсъ бра́двѫ-тѫ го уда́ри
По самѫ́-тѫ главѝцѫ[6];
И си Нéнчё пáднѫ,
И го сигмéни хвáнѫхѫ.
Нéнчё сѧ жáлно-мѝлно мóлѣше:
«Ахмéтчё-лё, белю́къ-башé!
«Три годѝни какъ мѧ дѝришь, да мѧ уловѝшь;
«Сега́ мѧ живъ въ Гáброво не заво́ждай,
«Че ми сѫ роднѝни-тѣ мнóго;
«Кáкъ щѫ въ очѝ да ги поглéднѫ[7]?

щемъ случаѣ, является родительный; Сербъ сказалъ бы: «ето ти Ненча, Богдана, Стояна!» Т. е. *того* — родит. отъ *той* (*тога-ва* — тогда); у Бог. *тога*. Но далѣе является уже просто именительный, ибо гдѣ взять родит. отъ *млада воєвода?* Вообще въ этомъ случаѣ падежи весьма не чисты, о чемъ мы говорили въ замѣчаніяхъ къ правописанію. — У Бог *хайдуте* (те?): — скорѣе = *ти*. —

1 Назадъ; у Бог. *пѫ* (= *пъ*). —

2 Разъярился, сильнѣе, чѣмъ наше *разсердился*: ср. выше о медвѣдицѣ. —

3 Одного по одному распрыскалъ, распорскалъ (говорятъ у насъ *порснулъ*). Обыкновеннѣе въ этихъ случаяхъ видъ: *распрѣснѫ*. —

4 Пустился, устремился; въ лѣтопис. нашихъ *поторчи*.

5 Тур., почти что, чуть было, въ то время какъ. Въ то самое время, какъ онъ уже выскочилъ было вонъ.

6 По самой то по головушкѣ. —

7 «Не води меня живымъ въ Габрово: тамъ много у меня родныхъ; какъ посмотрю я имъ въ очи? (отыдно мнѣ)» у Бог. *не заважда́й*.

«Ами́ главѫ́-тѫ отрѣжи́,
«Че ѭ на прѫ́тъ-тъ пободи́[1],
«Че ѭ въ Га́брово занеси́,
«Бакши́ши да сѧ назѣме́шь[2].»
Ахме́тъ си ду́мѫ ду́маше[3]:
«Мустафа́, Ка́ра-Мустафа́!
«Ѫ си ята́нъ[4]-тъ извади́,
«Не́нчёвѫ главѫ́ отрѣжи́.»
Мустафа́ си ята́нъ-тъ изва́ди,
Не́нчёвѫ главѫ́ отрѣ́за,
Че ѭ на прѫ́тъ-тъ забо́де́,
Че ѭ въ Га́брово зане́се́,
Че си прѣзъ чарши́ѭ-тѫ поми́нѫ,
Че сѧ Ахме́тъ прови́кнѫ:
«Ела́[5] Не́нчёва глава́,
«Тока́[5] ѥ Не́нчё хайду́тинъ-тъ;
«Да́вайте бакши́шь, да́вайте!»
Пролѣ́т-тѫ[6] Не́нчѭ затри́хѫ,

---

1 Обыкновеннѣе *набоди*: воткни ее на рожень.

2 Чтобы набраться тебѣ подарковъ за то: хитрость хайдука; дающаго вѣсть роднымъ о своей гибели и измѣнѣ ятака, хозяина, у коего онъ жилъ.

3 Проговорилъ слово.

4 Ятаганъ.

5 Это, вотъ!

6 Ставимъ знакъ ̀ для того вмѣсто ъ, чтобъ послѣдняго не произнесли. Такимъ-то путемъ совершается переходъ именъ изъ одного разряда окончаній въ другой: *свѣт̀-тѫ* (свѣшть-тѫ), *свѣштѫ*, *свѣшта*, *свѣча*; такъ и *пролѣт̀-тѫ*, *есен̀-тѫ* съ членомъ сливаются въ одно

Юсен-тж Стойна хвакахж,
Че сж Стойна обѣсили
Въ голѣма града Тѣрнова,
Подъ голѣмж-тж черницж.

слово (тотъ же смыслъ: *ягне*, *ягне-та*, *ягнета-та*). Весною погубили Ненча, а осенью... *Затрихж*, одного корня съ *затерли*, *затеряли*— погубили (*затрихъ*, *затривамъ*).—

XXVI.

МУСА КЕСЕДЖІЯ.[1]

Мо́ре[2], трѣ́гнѫли сѫ,
Мо́ре, трѣ́гнѫли сѫ
    Бошня́нски хаджі́ю[3];
Мо́ре, вървѣ́ли сѫ ті́и[4],
    Што сѫ ті́и вървѣ́ли,
Мо́ре, чѐ сѫ срѣ́щнѫли ті́и
    Мосѫ́ кеседжі́ѭ;
Мо́ре, чѐ сѫ го фа́нѫли ті́и нѥ́го[5],
    Вѣ́ренъ ми ѩсакчі́ѭ[6];
Мо́ре, вървѣ́ли сѫ,
    Што сѫ ті́и вървѣ́ли,
Мо́ре, чѐ сѫ сти́гнѫли
    Ꙃелѐнѫ гори́цѫ[7];

---

[1] Современникъ Марка Кралевича; поелику удареніе на *са*, то д. б. *Муса* (мы оставили *о*). Находится въ числѣ пѣсень, доставленныхъ Венелину, но кѣмъ и гдѣ записана, не извѣстно. —

[2] *Море* здѣсь просто = гей! Обыкнов. *море́*. —

[3] Изъ Босніи хаджи, путешественники, перехожіе (калики). —

[4] Рѣже, чѣмъ *тия*.

[5] *Го-него*, такъ точно, какъ *мѫ мене*, *тѫ тебе*. —

[6] Тур., проводникъ, обыкновенно при болѣе знатныхъ лицахъ, конвой; схватили его: кто? вѣрный конвой. Почему ниже названъ такъ самъ Муса? Вѣроятно сбиваетъ пѣсня.

[7] Достигли до зеленаго лѣсочка.

Мо́ре, чѐ си запо́ѣлъ[1]
Моса́ Кеседжи́та,
Кѣ́ренъ ми исаку́им:
«И излѣзте, и излѣзте
«Ко́зи златоро́ги,
«Да си улови́те
«Пти́че златокри́лче!»
Мо́ре, не сѫ излѣзли
Ко́зи златоро́ги,
Мо́ре, чѐ сѫ излѣзли
Мо́ре, чѐ сѫ излѣзли
Се[2] кърли[3] хайду́ти;
Мо́ре, чѐ си бастѝсали[4],
Мо́ре, чѐ си бастѝсали
Бошня́ски хаджи́и;
Чѐ са назе́ли[5],
Мо́ре, чѐ са назе́ли
Съсъ те́жко има́нѥ[6]:
Двана́йсетъ катъ́ри[7]
Съсъ же́лти желти́ци;
Чѐ си уби́ли, мо́ре,
Сѣ[8] бошня́ски хаджи́и. —

---

1 Запѣлъ. Причастная форма, стоящая въ связи съ прош. несов., а потому допускаемъ *попѣлъ* и *поелъ;* чаще *пѣялъ, запѣялъ.* —

2 Всё.

3 Быстрые, кипучіе, ярые. —

4 Напали на. —

5 Набрались, набрали себѣ.

6 Тяжелый грузъ имущества = денегъ.

7 *Катъръ*=мулъ (тур. *катыръ*). —

8 Чаще *сички;* а можетъ быть здѣсь *се* = *всё.*

XXVII.

МИРЧЁ И БОЯНА[1].

Дѣ́ сѧ ѥ чуло, видѣло,
Мома́ войвода да бѫдѐ[2],
Като́ ми мома́ Боя́на?
Де́веть[3] ѥ го́динъ хо́дила
Съ мла́ди мо́мци войво́да;
На деся́тѫ[4]-тѫ годи́нѫ
Боя́на сѧ ѥ годи́лѧ[5]
За Ми́рчи, мла́дѫ войво́дѫ.
Мно́го и[6] при́данъ[7] да́дохѫ:
Дванайси вѣ́рви алтѫ́ни
И тринайси вѣ́рви рѹ́пове[8],
И де́вять о́ки копри́нѫ[9].

---

1 Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записана «отъ Кубанка Михаиломъ Илчинковымъ».

2 Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобъ дѣвушка была воеводой, какъ Бояна-дѣвушка?

3 А ниже: *девять*; обыкновенно *девет*.

4 Обыкнов. *десетѫ*.—

5 Обыкновеннѣй и правильнѣй: *сгодила* (сѧ), была сосватана, обручилась.

6 Ей.

7 Приданое.

8 Двѣнадцать нитокъ (вервей) золотыхъ (тур.) и 13 рупій, серебряныхъ (*рупия*—два съ полтиной; скр. *рýпья* = серебро). —

9 Около 27 ф. шелку.

Клтó са ю ȯжéнила,
Мúрчё Боúни напрáви[1]
Тѣнкѫ ми хýркѫ[2] срéбърнѫ
И добрó ꙁлáтко въртéнце[3],
Тѣ́нки[4] дáрȯвé[5] да прėдé,
Юнáци да си дарýва.
Сéднѫ Боúна да прėдé
Коприúнени, бре, дáрȯве.
А Мúрчё[6] въ горѫ́ ȯтúдё:
Тáмъ го сѫ Тýрци хвáнѫли,
Рѫцѣ́ му наꙁáдъ вꙑ́рꙁали,
Синджúръ му на врáтъ[7] тýрили,
На краќа му тéжки букáи[8],
Чė го камъ Тѣ́рновъ вóдѣхѫ[9].
Отъ дѣ́[10] ги срѣ́щнѫ търгóвчė,
Мúрчё търгóвчи дýмаше:
«Търгóвче и баꙁиргéнче[11]!

---

[1] Сдѣлалъ. У Илчинкова *Бояну*: не понятно, откуда взялась такая форма. —
[2] Прясло.
[3] Веретенушко, веретенце.
[4] Какъ постоянный эпитетъ, означаетъ красоту.
[5] Вслѣдствіе обычая безпрерывно дарить, при всякомъ удобномъ случаѣ, у Болгаръ и Сербовъ *дарове* значатъ иногда всѣ женскія работы.
[6] По близости *е* къ *о*, безъ ударенія, оно также переходитъ въ *у* мягкое, т. е. *ю*.
[7] На воротъ, на шею.
[8] Съ тур., цѣпи; въ серб. ф. *букагие* (*букагы*). —
[9] Что, какъ повели его къ Търнову; у Илч. *Терновъ*.
[10] Послѣ того какъ, когда; по исконному смыслу = нашему *откуда*, откуда ни возьмись на встрѣчу.
[11] Тур., *базиргенъ*, въ серб. ф. *базердян*; по употребленію = крупной торговецъ, негоціантъ; но и просто — купецъ (*базаргянъ*). —

«Скоро ү дома[1] да идешь,
«Иа Бойнѫ да си кажешь,
«Чѐ ма сѫ Түрци хванѫли,
«Главѫ-тѫ ште ми отрѣжѫтъ.»
Търговче съ кони[2] заминѫ,
Та при Бойнѫ отиде,
'Оште Бойни думаше:
«Бойно, млада войводо!
«Мирчи си Түрци хванѫхѫ
«И го въ Търновъ карахѫ[3],
«Да му главѫ-тѫ отрѣжѫтъ.
«А станй, та си Түрци-тѣ
«Срѣшни[4] и Мирчи отърви[5].»
Това като чю Бойна,
Хвърли си хүркѫ сребърнѫ
И добро, златно въртенце,
Облече мѫжкѫ прѣмѣнѫ,
Припаса саблѭ френгиѭ.
Забүчи чивте пиштове,
И зѣма пүшкѫ бойлиѭ.[6]
Чѐ станѫ,[7] та Түрци срѣшнѫ,
Отъ далечь имъ са поклони,
Отъ близо имъ селямъ[8] даде.

---

1 Домой (ко мнѣ).
2 Съ конемъ, на конѣ миновалъ, проѣхалъ.
3 Погнали; *карамъ*.
4 Нука вставай и ступай на встрѣчу Туркамъ.
5 Варіантъ *избави*.
6 О всѣхъ словахъ смотри выше. —
7 Встала и вышла на встрѣчу.
8 Извѣстное турецкое привѣтствіе. Таково точно изображеніе и сербской пѣсни:

Ту́рци Боѩ́ни ду́махѫ:
«Боѩ́но, мла́да войво́до!
«И се́дни, хо́лаиъ, Боѩ́но,
«Да ѣде́мъ, ошто́ да пие́мъ»
Боѩ́на Ту́рци[1] ду́маше:
«О́й ми ка ка́зи, сердари![2]
«Не́ до́дохъ да ѣ́мъ и пи́ѭ,
«Но до́дохъ бо́й да са би́ѭ.»
Доде́ са Ту́рци осе́тятъ,[3]
Боѩ́на Ту́рци иско́ли,
Тоги́-зи[4] Ми́рчи отъ́рка́,
О́търъка́, ошто́ изва́ди
Отъ желе́зни-тѣ синджи́ри
И отъ те́жки-тѣ бука́и.
Ми́рчѣ Боѩ́ни ду́маше:
«Боѩ́но, мла́да войко́до!
«Хала́лъ[5] да ти е войко́дство,
«И мо́е-то, вре́, мѫ́жество:
«Чѐ ми живо́та отъ́рка́,[6]
«Отъ ти́ѩ кле́ти душма́ни.»

«Издалек' ёй се уклони,
Изблиза ёй се поклони,
И у руки е целива,
И у то десно колено,
Божю му помоть назива.»
(т. I, № 746). —

[1] Съ винительнымъ (попадается *Турцимъ*, чаще *на Турци*); отсюда м. б. и *Боянѫ*, но не *Бояну*.

[2] Тур., съ разнымъ значеніями: у Болгаръ — въ челѣ *кола* (колъ) = обхода, дозора; въ Сербіи старшина нахіи, уголовный военный судья, и т. д. — = *Ой та тебе!*

[3] Пока еще успѣютъ Турки спохватиться.

[4] Въ слѣдъ за этимъ. —

[5] Въ даръ тебѣ, дарю, уступаю. Причастная форма (да будетъ тебѣ уступилъ, уступить было тебѣ), не правильно считаемая за тур. слово; ср. *не халайте*.

[6] Ибо ты мнѣ спасла, исхитила жизнь;= *животъ-тъ*.—

XXVIII.

БОЯНА.[1]

Дѣ́ са ю чю́ло, ви́дѣло,
Мома́ планинѫ́ да ва́рди,[2]
Като́ Боя́нка войво́да
Сама планинѫ́ да ва́рди,
Съсъ три́ста мла́ди юна́ци!
Юна́ци ду́мѫтъ Боѧ́л'ки:[3]
«Боя́но, мла́да войво́до!
«Сега́-ил-къ[4], какъ си ва́рдиме,
«Доро́[5] три́ ми, мари́,[6] мѣ́сяци,[7]
«Отъ ни́йдѣ кя́ра[8] нѣ́маме.
«Ха́йде ни, мари́, распрати́,[9]
«Отъ дѣ́то ни[10] си събра́ла.»

---

[1] Изъ сборника Катранова. —

[2] См. выше: стеречь, серб. *чуват'*.

[3] По основаніямъ, изложеннымъ въ замѣчаніяхъ о правописаніи, допускаемъ, вмѣсто *ѣ*, *я* и даже *е*; ' означаетъ особенную мягкость = нашему *ь*.

[4] *На*, *къ*, прибавки: *теперича*.

[5] До, около;—можетъ и не имѣть при числѣ ограничительнаго значенія. —

[6] Къ женщинамъ то же, что *море* къ мужчинамъ.

[7] Обыкнов. *мѣсеци* (а). —

[8] *Кяръ*, добыча, тур. — Вотъ ужъ, какъ мы стережемъ, около трехъ мѣсяцевъ, а ни откуда добычи не имѣемъ. —

[9] Распроводи, разошли, отправь (*прав=прат*).

[10] *На* и *ни* = насъ; но *хайде на* употребляется и какъ одно: *нука!* нука разошли (по мѣстамъ), откуда насъ собрала. —

А Бойнка имъ дꙋмаше:
«Дрꙋжина вѣрна, сговорна!
«Снощи[1] легнѫхъ, та ꙁаспахъ,[2]
«И си съмъ сѣнъ сънꙋвала:[3]
«Царска ще хаꙁна да мине,
«Съсъ триста млади топчии,[4]
«Петъ стотинѫ—се[5] кинчире,
«Хаꙁнѫ-тѫ да си прѣвꙁемемъ,[6]
«Имание да си наꙁемемъ.[7]»
Юнаци дꙋмѫтъ Бойн'ки:
«Бойно, млада войводо!
«Като сѫ много топчии,
«Какъ ще си хаꙁнѫ отнѣмемъ?»[8]
А Бойнка имъ дꙋмаше:
«Съ обмана ще ги подмамимъ.[9]
«Хаꙁнѫ-тѫ ще си прѣвꙁемемъ.»
Тамамъ[10] това иꙁдꙋма,
Ей че[11] хаꙁна са ꙁададе.
Бойнка си са провикнѫ:
«Кой дѣ е, мѣсто да фаща!»[12]

---

1 Прошлую ночь.
2 Слѣдовало бы: «легнѫла та заспала.»
3 Сонъ снила, видѣла. —
4 Пушкари; *топъ*, пушка, тур. —
5 Все. —
6 Переймемъ, возмемъ себѣ.
7 Наберемся денегъ, наберемъ себѣ; чаще сѫ. —
8 Если такъ много, какъ же мы отнимемъ?
9 Обманомъ ихъ обманемъ, проведемъ.
10 Только что, лишь, тур. —
11 *Вотъ и, а вотъ и, вотъ какъ и* обозъ показался. —
12 Кто гдѣ, пусть беретъ свое мѣсто!=по мѣстамъ!=*хваща* (хватать). —

Самá прѣдъ хаѕнѫ отиде
И на султáнѫ[1] дýмаше:
«Султáно, млáда султáно!
«Я ми подарú юнáци,
«По шéпѫ[2] жéлти желтúци,
«И по двá кáра-грошéке,
«И по трú дрéбни дукáта.»
Султáна дýма Бойнѣки:
«Отъ тýкъ са махнú,[3] Бойно,
«Бойно, Влáшка Цигáнко!
«Ѕа тўй ли[4] съмъ тръ́гнѫла
«Съсъ трúста млáди топуйи,
«Съ петъ стóтинъ—се еничаре,
«Юнáци да ти подарѭ́
«По шéпѫ жéлти желтúци,
«По двá кáра-грошéке,
«По трú дрéбни дукáта?»
Бойнка си са разсърди,[5]
И на дружúнѫ кúмала:[6]
А тѣмъ имъ са сéкало,[7]
Че Бойнка имъ рéкла:

---

1 Султанша. —

2 *Ше́па* (=*шьпа*?)=горсть; серб. *шапа*, лапа.—

3 Пошла прочь отсюда, прочь махнись; у Сербовъ тоже: «ман'те ме се, Турци!» «ман' се, Иво, врага!» Также: «проди ме се!»

4 = *За тое ли*? За тѣмъ ли я отправилась со столькими провожатыми, чтобы тебѣ подарить юнаковъ?...

5 Скрѣпя сердце, пишемъ мы такія формы, довѣряясь оригиналу: болгар. яз. не терпитъ подобнаго стеченія согласныхъ; д. б. *расърди*.—

6 *Ким=кив*: кивала, кивнула, дала знакъ (чтобъ они нападали).—

7 А имъ показалось; *сѣкамъ*, полагаю, думаю; одно изъ видоизмѣненій, какъ думаемъ, корня *сѧ* (Ц. сл.; см. выше).—

«Кóй дѣ ю, въ горѫ́ да бѣ́га!»[1]
Тогá-зъ си сáми изкáди,
Та сѣ́че[2] млáди топчи́и,
Петъ стóтинъ—се еничи́ре.
Самá[3] султáна остáнѫ
И на Бойникѫ дýмаше:
«Сестрá да ми си́,[4] Бойни́ке!
«Тóкó[5] ма жи́вѫ остави́.»
Ти и[6] очи́-тѣ изкърти́,
Іóште и мнóго нарѫ́чѣ:[7]
«Мнóго сѫ здрáвие занеси́[8]
«На цáря и на везы́ря;
«Върни́ сѧ, млáда султáно,
«И на султáна кажи́, —
«Помнóго аскéрь[9] да проводи:
«Тýка ю Бойника войвóда.»
Таче́ сѧ викомъ провикнѫ:[10]
«Дѣ́ сте, юнáци, дойдѣ́те![11]
«Съ имáние сѧ назъмѣ́те,
«Кóй кóлко мóже да ди́гне.»[12]

---

[1] Вслѣдствіе того они разбѣжались, и Боянa одна.
[2] Аористъ: посѣкла.—
[3] Одна. —
[4] Сестримить Боянку, выпрашивая жизнь.
[5] Только, лишь; обыкнов. *токó*.—
[6] Ей.—
[7] Поручаетъ, передаетъ ей сказать; порученія въ эпосѣ всегда большія, важныя, отсюда *много*.—
[8] Отнеси много (отъ меня желанія) здоровья царю.
[9] Новогреч. *ἀσκέρι* (съ тур.), войско; скажи султану, чтобъ побольше посылалъ войска, ибо здѣсь Бояна.—
[10] Крикомъ крикнула, голосомъ проголосила.—
[11] Гдѣ вы, ступайте сюда!
[12] Кто сколько можетъ двинуть=поднять (воздвигнуть.)—

XXIX.

ЕЛЕНА[1]

Тéбѣ ли са дадé,[2]
    Єлéн'ке[3] дѣвóйко,[4]
Дървéнъ[5] да ми вáрдишь,
    Єлéн'ке-ле мóме,
И стрáжж да пáзишь,[6]
    Єлéн'ке-ле мóме,
Когá заминýватъ
Брé, цáрски-тѣ хазни́
Султáнъ-Мурáтови,
Хазни́ да приꙁи́мешь,[7]
    Єлéн'ке-ле мóме,
Улакýши[8] да изби́ешь,
Богáтство[9] да зи́мешь,
На мóмци да плати́шь,

---

1 Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записана З. Княжескимъ; имѣетъ характеръ гимна; нарѣчіе имѣетъ отличія.—

2 Тебѣ ли дано, ужь какъ твое ли то дѣло!

3 *Єленке, моме,* обыкновеннѣе *ко, мо.*

4 Болѣе сербское; у Болгаръ чаще *момо.*

5 Тур., стража по дорогамъ, пикетъ (перс. *дербанъ*).

6 Болѣе сербское *пазити,* стеречь, наблюдать; болг. *пазя,* кормитъ, снабжать (*па-зити, зьтить*).

7 У Княж. *приимешь!*

8 Глашатый, тур.—

9 *Богаство,* не очень любимое въ подобныхъ случаяхъ слово.

Юле́н'ке-ле мо́ме,
Што ги[1] си води́ла,
Юле́н'ке-ле мо́ме,
До три́ ми годи́ни
Безъ ни́какка ки́ра.
Твои мла́ди мо́мци
Безъ дрѣхи[2] оста́нѫхѫ,[3]
Додѣ́ хазни́ ми́нѫтъ,
Юле́н'ке-ле мо́ме!
Кога́ са пода́ли[4]
Ца́рски-тѣ, бре́, хазни́,
А ти мо́мци[5] ду́машь,
Юле́н'ке-ле мо́ме,
Пу́шки да си пѫ́лнѭтъ,
На пѫ́тя да ка́рдѭтъ,
Чяву́ши да уби́ѭтъ,
Юле́н'ке-ле мо́ме,
Бога́тство да зѣ́мѫтъ.
Кога́ на чяву́ши
Съ пу́шки грѫ́мнѫли,[6]
Юле́н'ке-ле мо́ме,
Ни́кой са не уби́лъ
Отъ ца́рски чяву́ши,[7]

[1] Которыхъ.
[2] *Дрѣха*, одежа, въ связи съ драхлый, *ветошь* съ *ветхій*.
[3] У Княж. *останѫли*.
[4] Показались (хазни).
[5] Винит., какъ *Турци*; встрѣчается *Турцимъ*, *момцимъ*.
[6] Когда (твои момки) въ чавушей изъ ружей ударили.
[7] Никто изъ нихъ не былъ убить.

Ѥлéйке-ле мóме!
А цáрски ꙋшкꙋ́ши
Три мóмци ꙋбѝли.
Ѥлéйке-ле мóме!
А тéбѣ тогá-зъ са
Жáлба нажелѝло[1]
За твóй-тѣ[2] юнáци.
Та си изкáдила,
Ѥлéйке-ле мóме,
Тѣ́нкѫ-тѫ си сáбѫ[3],
И си погꙋбѝла
Сѝчки-тѣ ꙋшкꙋ́ши,
Та ми си обзéла[4]
Цáрски-тѣ, бре́, хазнѝ
На ц'рѫ Мꙋрáта,[5]
И си на юнáци
Хазнѝ раздѣлѝла,
Ѥлéйке-ле мóме,
Кóмꙋ ѥднá шáпка,
На кóго двѣ шáпки.

---

[1] *Са жялба нажелило,* болгарскій оборотъ, по которому весьма часто средній родъ причастія (спрягаемаго) съ именами другихъ родовъ: стало очень жаль, сгрустнулося грустью по.. Кому? *тебѣ*; по комъ, за кого? за твоихъ юнаковъ. Какъ въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ болгарскихъ памятникахъ языка Ц. слав., можно писать *жѣлба нажѣлило*.

[2] = *Твои-тѣ*.

[3] Чаще и народнѣе *сабѧ*.

[4] Обобрала.

[5] Чьи, у кого взяла? у Мурата.

Те́бѣ оста́нѫли
До три цѣ́ли хаѕни́,
    Ѥле́йке-ле мо́ме!
И т'ка́[1] ти не сти́гнѫ[2],
    Ѥле́н'ке дѣво́йко!
Ами́ си срѣ́шнѫла
Босни́нский[3]-тъ кирва́нъ[4],
Та нихъ си ѹби́ла
Мла́ди ѩсакчи́ѭ[5],
    Ѥле́йке-ле мо́ме,
Та си, бре́, о̇бра́ла
Босни́нски търго́вци,
    Ѥле́йке дѣво́йко!
Тѣ не̇ та поѕна́ли[6],
    Ѥле́йке-ле мо́ме,
Чѐ си ти дѣво́йка,
    Ѥле́йке войво́до!
Ами́ ти гово́рятъ:
«Мла́да-ле во́йводо
«И бъ́лгарски юна́ко[7]!»
Де́вять си годи́ни
Съ хайду́ти хо́дила
И войво́да би́ла,
    Ѥле́йке-ле мо́ме!

---

1 = *Това* = это.
2 *Стига*, довольно; и этого тебѣ не было довольно.—
3 *Боснянски-я-тъ*.
4 Караванъ.
5 Оберегающій проводникъ, тур.—
6 Они не узнали тебя, что ты дѣвушка.
7 Обыкновеннѣе *юначе*; но есть и *челько*, и т. п.—

Тéбе нè сѫ надвúли[1],
Нитó сѫ ти кáмъкъ
Други надхвърлúли[2],
Нитó надскáчѣли[3].
Сúчки са чюдѣхѫ,
Єлéн'ке-ле мóме,
На твóй-то[4] юнáштво[5]
И на твóѭ-тѫ сúлѫ,
Єлéн'ке-ле мóме,
Дѣ́то ѭ, бре, нѣ́ма[6]
По сúчкѫ-тѫ ҙемлѭ́[7],
Єлéнке-ле мóме,
Млáда ми войвóдо!

---

[1] Тебя не побѣдили; *надвиѭ, надвивамъ*.

[2] Перечисляются молодеческія игры: не надшвырнули другіе камень, не бросили выше тебя. У Княж. *та*.

[3] Не перегоняли тебя;*-ѣмъ,-ѣшь,-ѣ=я*. —

[4] *Твое-то*.

[5] Обыкновеннѣе *юначество*; серб. форма.

[6] Которой (дѣто) нѣтъ (подобной) по всей землѣ.

[7] = *Землѭ*.

XXX.

ТОДОРА.[1]

Дѣ́ са ю чю́ло, ви́дѣло,
Мома́ съ хайду́ти да хо́ди,
Като́ Тодо́рка дѣво́йка!
Де́вять го́динъ хо́дила;
Их деся́тѫ-тѫ годи́нѫ
Хайду́тѣ мла́до копия́тѣ[2],
То си дружи́нѫ ду́маше:
«Дружи́на ве́рна, сгово́рна!
«Ма́лко ми ю, бре, войска́-та[3],
«Въ войска́-тѫ ни[4] ю дѣво́йка.
«Ако́ ми ве́рѫ не хва́штате[5],
«Ха́йде да и́демъ, да и́демъ
«Прѣзъ пазáръ, прѣзъ чарши́ѭ-тѫ,[6]
«Тамъ и́ма ху́рки пи́сани[7]
«И позлатю́ени вѫрте́на,
«Тамъ и́ма ме́дни кава́ли[8]:

Одметну се одметница Мара
Преко Байне-луке у айдуке,
Девет годиц' арамбаша била;
Кад десета година настала,
Подигла се чета байнолучка
Да уфати одметницу Мару,
и проч. (т. I, N 656).

Златка оде цару честитоме,
Цар е тури над войском везиром,
Те воева на царевой войсци
Без промене за девет година,
Нико не зна, да е женска глава.
Но помало Омер челебия;
Мио синак од мора везира,
Он везиру ситну книгу пише:
«О мой бабо, од мора везиру!

---

1 Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записалъ: «отъ Катаржій Иванъ Тинтоловъ.»
2 Bâtard; удалецъ.
3 Не велико у насъ войско, слабо, ибо въ немъ даже есть дѣвушка.
4 Намъ, у насъ, въ нашемъ.
5 Если мнѣ вѣры не берете (не хватаете), не вѣрите.
6 Нука, пойдемъ черезъ базаръ, торгъ, черезъ ряды лавокъ (тур.).
7 Тамъ есть прясла писаныя, пестрыя (корень одинъ).
8 Тур., *каваль*: рожекъ, въ родѣ флейты, очень употребительный, свирѣль.

«Ако́ бѫдѐ ти войни́цѐ[1],
«При нака́ли ще́те да и́дѐ,
«Кава́лъ ще́те да си изберѐ
«И жа́лно-ми́лно[2] засви́ри;
«Ти ако́ бѫдѐ дѣво́йка,
«При хѹ́рки ще́те да и́дѐ,
«Хѹ́рки ще́те да си изберѐ
«И позлатѥ́но въртѐно.»
Тодо́рка хи́тра, разѹ́мна,
Припѹ́сна[3] ко́ня хра́нена,
Та си напрѣ́дъ[4] оти́дѐ
И си хѹ́рки-тѣ замѝна[5],
Та при нака́ли оти́дѐ
И си ѥ кава́лъ избра́ла,
Та жа́лно-ми́лно засви́ри,
'Още дрѹжи́ни дѹ́маше:
«Дрѹжи́на вѣ́рна, сгово́рна!
«Же́нско ли сьр́це и́мате,
«Та си въ хѹ́рки гле́дате
«И въ позлатѥ́ни вртѐна[6]?»
Хайдѹ́тѥ мла́дѡ войни́цѐ
«Што є синак старца Теивана,
«Везир есте над царевом войском,
«Чини ми се, ка' да є девойка,
«Єр є танка стаса и узраста,
«А биела и румена лица.»
«Мно сине, Омер челебия!
«Ако си се ашик учинио,
«А ти зови царева везира,
«Те с' метите маля и камена:
«Ако буде лиепа девойка,
«Нити може маля ни камена;
«Ако й тако познат' не могбудеш,
«Ти є зови у зелену башчу,
«Те с' валяйте по зеленой трави:
«Ако буде лиепа девойка,
«За нём те се повияти трава;
«Ако й тако познат' не могбудеш,
«Ти є зови у баню на воду,
«Те скините ковче и диалуке,
«И с прсию токе и дечерме:
«Познатеш ёй на прсима дойке
«И на глави косу под калпаком.»

---

[1] Воинъ.

[2] Засвиритъ, заиграетъ жалостно, умильно. Испытаніе въ сербской пѣсни состоитъ: 1) въ бросаніи камня и тяжестей; 2) въ валяньѣ по травѣ; 3) въ купаньѣ; послѣднее одинаково съ болгарской.

[3] Припустила.

[4] У Тинтол. *напрьди*.

[5] Прошла мимо пряслицъ.

[6] «Развѣ женское сердце у васъ, что заглядываетесь вы на пряслицы и веретена?»

То си дрꙋжи́номъ[1] дꙋмаше:
«Дрꙋжи́на вѣ́рна, сгово́рна!
«Ма́лко ми е, бре, войска́-та,
«Въ войскѫ́-тѫ ми е дѣво́йка;
«Ако́ ми вѣ́рѫ не хва́штате,
«Хайдѐ да и́дѐмъ, да и́дѐмъ,
«Въ че́стѫ[2] горѫ́ ѕеле́нѫ,
«Тамъ и́ма черве́нъ трендафилъ[3]:
«Ти ако́ бѫ́дѐ войни́чѐ,
«Най-на-прѣ́дь[4] ште да и́дѐ,
«Са́мо е́динъ ште откѫ́сне[5];
«И ако́ бѫ́дѐ дѣво́йкѫ,
«Ти при трѐнда́филъ ште и́дѐ,
«Трѐнда́филъ да си побере́
«На главѫ́ ште го ѕаки́чи[6].»
Тодо́рка хи́тра, раѕꙋ́мна,
Принꙋ́снѫ ко́ни хра́нена,
Та си на прѣ́дь о̇ти́дѐ,
И трѐнда́филъ си иѕми́нѫ[7],

Кад Омеру ситна книга доде,
Те видео, што му бабо пише,
Он заметну игру предъ Златиём,
Бацат' оде камена с рамена
И из руке маля око себе;
Но се скочи Златия девойка,
Претури им маля и камена.
Кад то виде Омер челебия,
Он се диже у зелену башчу,
Шниме поде Златия девойка;
Кад додёше у зелену башчу,
Попадаше по зеленой трави,
Валяю се тамо и овамо;
Но девойка мудра и паметна,
Те за собом траву поврташе,
Ни по том е познат' не могоше.
Па подёше у баню на воду,
Да биеле пребиело лице;
Кад додёше у баню на воду,
Отидоше токе распучават'

---

[1] Хотя это можетъ быть и дательнымъ множ., но мы думаемъ скорѣе на ѫ винительнаго ед. ж. р., съ носовымъ звукомъ, —*дружинѫ*; въ сборникѣ Вельтмана встрѣчаемъ часто *дружину*. —

[2] Въ частый, густой лѣсъ.

[3] Новогреч. *τραντάφυλλον*, роза.

[4] Въ самый въ передъ уйдетъ.

[5] Сорветъ *только* одинъ цвѣтокъ.

[6] Поберетъ розы и закичитъ (*кичѫ*, поднять, воткнуть на верхъ, откуда уборъ головной-*кичка*), вздѣнетъ ихъ на голову, уберетъ ими голову.

[7] = *Заминѫ*.

Са́мо си єдно́ откѫснѫ
И го на пу́шкѫ ѕаки́чи,
О́штѐ дружи́номъ ду́маше:
«Дружи́на вѣ́рна, сгово́рна!
«Женско ли сърце и́мате,
«Та си трѐнда́филъ бере́те
«И го на главѝ ки́чите[1]?»
Хайду́тчѐ мла́до попи́лчѐ,
То си дружи́номъ ду́маше:
«Дружи́на вѣ́рна, сгово́рна!
«Ма́лко ми є, бре, конски́-та,
«Въ конскѫ́-тѫ ми є дѣво́йка:
«Ако́ ми вѣ́рѫ не хва́штате,
«Ха́йдѐ да и́дѐмъ, да и́дѐмъ,
«Въ Ду́навъ да са окѫ́пимъ;[2]
«И ако́ бѫ́дѐ кой мо́мчѐ,
«Ти съ на́съ[3] штѐ да са кѫ́пи,
«И ако́ бѫ́дѐ дѣво́йка,
«Не штѐ съ насъ да са кѫ́пи.»
Тодо́рка хи́тра, разу́мна,
Припу́снѫ ко́ня хра́нени,
Та си напрѣ́дъ о̀ти́дѐ,
Распа́са пъ́стрѫ и́минѫ[4],
И въ Ду́навъ са хвъ́рлила[5],

И зелене под нима дечерме;
Таман Златки да се виде дойке,
Ал' повика телал у ордии....
Кад то чула Златия девойка,
Спучи куя токе на прсима,
А припаса саблю са очима,
Собом млада до мркова доде,
Па се коню на рамена баци,
Те девойка воду пребродила,
Па се натраг Златка обазрела,
Те говори Омер-челебии:
«О делиё, Омер-челебия!
«Расте ли ти у полю пшеница,
«Као моя коса под калпаком?
«Расту ли ти у башчи ябуке,
«Као мое у недрима дойке?»
Па окрену коня коснатога,
Оде право вилаету своме,
Своме бабу старцу Тенвану.

---

1 Что это, развѣ у васъ женское сердце? берете вы розы и вздѣваете ихъ на головы, убираете ими головы? —

2 Давайте, пойдемъ купаться въ Дунаѣ.

3 Съ нами.

4 Женскій поясъ; по сербски — конецъ полотна, сукна. —

5 Бросилась.

Та си Ду́накъ прѣлу́вала,
И си дружи́нокъ ду́маше:
«Дружи́ка вѣ́рна, сговóрна!
«Дéвять ва[1] гóдинъ лъ́гала[2],
«Не можѣ́хте, да ѭ позна́йте[3]!»

[1] Васъ.
[2] Обманывала; Ц. слав. лъгати.
[3] =*Познаете*; девять лѣтъ васъ обманывала, и вы не могли узнать ее! *можѣхъ*,—*ѣше* = *можяхъ*,— *яше* (съ большею твердостью шипящей *можахъ*, *можаше*),— *можеше*.—

XXXI.

РАДОЙ И ЯНКОЛЪ.[1]

Събрали сѫ, събрали
Стамболски касапъ-улани[2],
Улани касапъ-башии,
На Стамбулъ, на Еди-куле[3],
На Еди-куласки механи,
Чьрвено[4] вино да пиятъ
И бѣла-бистрѫ ракиѭ,
Чаши-тѣ да си напиватъ[5],
Кой за братъ, кой за побратимъ.
Янколъ си брата нѣмаше,
Ни брата, ни побратима;
Той си чашѫ напива
За негова си добра коня.
Янколу жално[6] остана,

... «Айте, братё, да делимо благо,
«Да идемо сваки своёй майци.»
Дружбина га радо послушала.
Како кои изасина благо,
Тай се нему и заклине тешко:
Кои брацем, а кои сестрицом.
А кад Ненад свой' изасу благо,
Дружбани е брати беседно;...
«Брата немам, а сестрице немам,
«Веть тако ми Бога единога:...
«Добру коню грива не опала!...
«Ни у мене више нема блага...»
Ненад седе на добра коница,
Пак се диже своёй старой майци...

---

[1] Взято у Богоева. Пѣсня по мотивамъ весьма древняя, о двухъ братьяхъ; почти каждое выраженіе и обстоятельство можно отыскать въ пѣсняхъ сербскихъ; приводимъ наиболѣе близкую по ходу разсказа.

[2] *Уланъ*, съ тур. молодецъ (*оглан*, *углан* — малый); *касапъ* — мясникъ; *касапъ-башия*, начальникъ не только мясниковъ, но и торговыхъ дѣлъ скотоводства,—занятіе, весьма уважаемое.—У Богоева вмѣсто втораго *събрали*, *набрали*!—

[3] *Еди*, тур., семь; *кулле—башия*: семибашенный замокъ.

[4] У Богоева *чарвено*, ѫ=ъ, послѣ шипящей—ь.—

[5] *Напивать чашу*,—при чашѣ говорить рѣчь, высказывать желанья, обычай очень развитой, особенно въ Сербіи, гдѣ иногда одинъ *напиваетъ* полчаса (—наздравить, здравица).—

[6] Прискорбно стало, скорбь осталась въ душѣ.—

Тапа́[1] си у дома́ отиде́,
На ма́йкѫ си ти́хо гово́ри:
«Ма́ле-ле, ми́ла ма́ле-ле!
«Не́што штѫ да та попи́тамъ[2],
«Пра́во да ми си ка́зала[3],
«Бъ́хъ да ми си не хва́нжла[4]:
«Не ли́[5] си, ма́ле, ра́ждала
«Другъ си́нъ, ма́ле́, като́ ме́не?»
Ма́йка 'Николу ду́маше:
«Си́нко 'Николе. 'Николе!
«Като́ ма пи́ташь, да ка́жѫ
«Азъ съмъ, си́нко, ра́ждала,

Кад су били сели за вечеру,
Ненад майци тиё беседио:
«Ой старице, моя мила майко!...
«Зашт' ми ниси браца породила,
«Яли браца, яли милу сею?
«Кад сам био с друштвом на деоби,
«Сваки ми се заклиняше тешко,
«Кои брацем, а кои сестрицом,
«А я, майко, собом и оружем,
«И добрием коњем испод себе.»
Стара му се насмеяла майка:
«Не будали, младяни Ненаде!

---

[1] *Та-па*=и-потомъ, въ слѣдъ за тѣмъ.

[2] Хочу тебя спросить объ одномъ.

[3] Чтобы правду сказала ты мнѣ, скажи истину.

[4] Смыслъ: за ложь чтобы ты не бралась. *Бъхъ* очень интересное слово. Въ Ц. слав. бѣхъ, бѣхъма, бѣшь=совершенно, вполнѣ; др. чеш. *bàhme*, весьма, очень; серб. *бах* (Дубр.), скрытность, коварство, ковы; «ударити кога *бахом*,» пополошить, особенно невзначай; *бахнути*, явиться невзначай; *баш*, совершенно, именно, точно, ровно; *уба* (*х* не слышно), только, развѣ, чуть, едва: «само мене мой Данио од четири вст остао, како видиш, *убах* мао, али майци веома мио.» Въ новоболгар. 1) *бъхъ*, совершенно, рѣшительно, точно, разомъ; 2) отказъ, скрытность: «не хваштай *бъхъ*, кажи ми право;» въ этомъ случаѣ употребл. тур. *инкяръ*; 3) безъ лишку, безъ придачи, безъ выгоды: «*бъхъ да бъхъ*,» нѣтъ да нѣтъ; съ этимъ согласно наше областное: *башъ на башъ* = безъ придачи. Не можемъ объяснить происхожденія этого слова; только присутствіе его въ древнѣйшихъ Ц. слав. памятникахъ и вообще замѣтная древность заставляютъ предполагать корень родной и отрицаютъ заимствованіе отъ позднѣйшихъ сосѣдей, на примѣръ Турокъ и Монголовъ. —

[5] = *Нили.* не раждала ли ты? —

«Другъ си́нъ, си́нко, като́ те́бе,
«И нѧ и́мѧ[1]-то ѥ Радо́й[2];
«Ала́ сегѫ́ три́десѧть[3] и пѧть годи́ни,
«Кѫ[4] сѧ́ го Ту́рци плѣни́ли.»
'Николъ ду́маше ма́ми си:
«'Азъ щѫ, ма́ле, да и́дѫ,
«Бра́та си Радо́ѧ да тѣ́рсѫ.»
Ма́йкѫ 'Николу гово́ри:
«Не ходи́ си́нко, 'Николе,
«Бра́тѫ си Радо́ѧ да тѣ́рсишь:
«Сегѫ́ три́десѧть и пѧть годи́ни,
«Кѫ сѧ́ го Ту́рци плѣни́ли;
«Жа́ли го ма́йка и прѣжа́ли[5],
«А те́бе не мо́же прѣжа́ли.»
'Николъ ма́йкѫ си не слу́шѫ[6],
Напѣ́ли кобу́ръ[7] съсъ стрѣли́,
Нара́ми лѫкъ-тъ на ра́мо,
Тана́ трѫ́гнѫ да хо́ди,
Бра́та си Радо́ѧ да тѣ́рси. —
Ходи́лъ ѥ 'Николъ, што ходи́лъ[8],

«Я сам тебя браца породила,
«Предрагога твог брата роденог,
«И юче сам за нег' разабрала,
«Да с' наоди и да айдукуе
«У зеленой гори Гаревици,
«Пред четом є юнак арамбаша.»
Беседи ёй младяни Ненаде:
«Ой старице, моя мила майко!
«Покрой на ме све ново одело...
«Да я идем, браца да потражим,
«Да ме жива моя желя мине.»
Беседи му стара мила майка:
«Не будали, младяни Ненаде!
«Єр теш лудо изгубити главу.»
Али Ненад майке не слушаше,
Веть он чини, што є нему драго,
Он покрои на себе одело...
Пак уседе на добра коница
И диже се браца да потражи...
Нигди свога он не пушта гласа,
Нити плюну, ни па коня викну;

---

1 Д. б. *име.*—

2 —*Радой*, вслѣдствіе произнесенія и перехода *и* въ *й*.—

3 Такого рода подправки противны: *трийсеть* или *трийсе и петь*, *петь*.—

4 Употребительнѣе *какъ* или *га:* «теперь вотъ ужъ 35 лѣтъ, какъ его Турки полонили.»

5 Жалѣла его и пережалѣла, перенесла уже скорбь, перестала тосковать; а объ тебѣ не перенесетъ скорби.—

6 —*Не слушя*, не слуша, не слушаетъ.

7 *Кобуръ*, тур., обыкновенно поясъ съ пистолетами, а въ немъ патроны и проч.; здѣсь, въ болгар. и серб. пѣсни, являются стрѣлы и лукъ: ясное доказательство большой древности.—

8 Ходилъ, ходилъ...

Отъ истокъ дори[1] до западъ,
Токо[2] остало, остало — горѫ Добродѫжѫ:
И тамка[3] ѥ 'Николъ нагазилъ[4],
Да ходи изъ[5] горѫ Добродѫжѫ.
Въ пѫть-тъ го хора срѣщтахѫ[6],
И мѫ 'Никола говорꙗтъ[7]:
«Не ходи, не ходи, 'Николе,
«Изъ тꙗм[7] пѹстѫ[8] Добродѫжѫ;
«Сега пꙗтнадесꙗть[9] години,
«Отъ ка ѥ воѥвода[10] излѣзла[11],
«Воѥвода млади Радоꙗ;
«Не ми ѥ челѣкъ поминалъ,
«Нито ми ѥ птиче прѣфрѣкнало.[12]»
'Николъ имъ дѹмы не слѹшѫ[13],
Ами излѣзи да ходи.
Като вълкъ дрѹми кърѣше[14],

А кад доде гори Гаревици,
Кличе Ненад како соко сиви:
«Гаревице, зелена горице!
«Не раниш ли у себи юнака,
«Предрагога мог брата родена?...»
Предраг седи под елом зеленом,
Предраг седи, пие руйно вино;
Кад саслуш'о Ненадова гласа,
Дружбини е брати беседио:
«Ой дружбино, моя братё драга!
«Испадните на друм за бусию,
«Дочекайте незнана делию,
«Нит' га бийте, нити га глобите,
«Веть га жива мени доведите;
«Откугод е, он е рода мога.»
Устало е тридесет момака,
На три места све по десет стало.

---

[1] Даже до. Отъ Вост. до Запада.
[2] Только (чаще *току*) и осталось—лѣсъ въ Добродже: *Добрица*, по свойству тур. яз. передѣланная въ *Добродэка*, а отсюда перешедшая снова къ Славянамъ въ формѣ *Добруча*. —
[3] —*Тамъ ка*, туда.
[4] Наступилъ, вступилъ (газилъ).
[5] Вдоль по.—
[6] На пути его люди встрѣчали. —
[7] Въ обоихъ случаяхъ согласны писать просто *я*, ибо и рѣдко гдѣ удержало глухой звукъ. —
[8] Чтобъ ее, проклятую!—
[9] Д. б. *петнайсеть*, *петнайсе*, *петнайсъ*. —
[10] Обыкн. *войвода*.—
[11] Показался, проявился, собств. вышелъ. —
[12] Ни человѣкъ не минулъ (безопасно), ни птица не пролетѣла; обыкнов. *птиче*.—
[13] Ихъ рѣчи не слушаетъ; *имъ* — весьма древнее употребленіе. —
[14] *Δρόμος*.—

И вѝкнж 'Николъ, та зачѣ.
Отъ гдѣ[1] си го зачю Радой,
Радой млáда воевóда,
Той на юнáци говóри:
«Каквá ми е тáя гедѝя[2],
«Гдѣто[3] си въ пѫть-тъ вървѝ
«И пѣсень пѣе?
«Стáвайте[4], млáди юнáци, стáвайте,
«Та въ пѫть-тъ вървѣте,
«Та си гедѝж хванѣте
«И мéнь[5] го живъ доведѣте.»
Когá отѝдохж юнáци,
'Николж да си уловѧтъ,
'Николъ си свалѝ лѫкъ отъ рáмо,
И распáса ковѹръ съсъ стрѣлѝ,
Тамá почéпж[6] да хвѣрля,
Та избѝ 'Николъ, та избѝ
До седемь-десѧть[7] и пять юнáка,
Товó двáмина[8] остáнахж:
Радой млáда воевóда
И дрѹги[9] при нѣго.
Радою сърдцé не трáе[10],

Кад на први десет нанишао...
Они нега пропустише с миром...
и проч.
Кад на трети десет нанишао,
И они га стрелом стрилаяше...

Разсрди се младани Ненаде,
Пак удари на триест юнака...
Глас допаде Предрагом юнаку:...
«Доде тебй незнана делия,
«Исече ти по гори дружбину.»
Предраг скочи на ноге лагане,
Пак узима луке и стриеле,
Пак излази на друм на бусию,
Пак заседа на елу зелену,
Скида нега стрелом са коница,
На зло га е место ударио,

---

[1] Д. б. *отъ дѣ* —
[2] Въ серб. ф. *дидия*, тур., пострѣлъ, сорванецъ, отчаянный. —
[3] Д. б. *дѣто*—что, который.
[4] Вставайте. —
[5] Сокращ. *мене*, *мени*. —
[6] Началъ швырять, метать (стрѣлы).
[7] Мы знаемъ уже должную форму.—
[8] Двое.
[9] Другой (у Бог. *другій*).—
[10] Не терпитъ; *трая*, коренной глаголъ; *трьп*—уже дальнѣйшее развитіе.—У Бог. *трая*, какбы отъ *траямъ*. —

Та изва́ди тѣнкы фрести́нк[1],
'Николꙋ главѫ́ отрѣ́за.
Глава́-та съсъ ези́къ[2] продꙋ́ма:
« «Си́нко 'Николе, 'Николе!»
«Ма́ма не ли́ ти дꙋ́маше:
« «Не ходи́ бра́та си Радо́я да тѣрсишь;
« «Сега́ три́десять и пять годи́ни,
« «Ка сѧ́ го Тꙋ́рци плѣни́ли;
« «Жа́ли го ма́йка, прѣжа́ли,
« «А те́бе не мо́же прѣжа́ли[3]!» »
Какъ зачю́ Радо́я тѫ-зъ[4] дꙋ́мѫ,
Той изва́ди Вла́шки ножь,
Та въ сърдце́-то си ꙋда́ри,
Па на 'Никола гово́ри:
«Лежи́, бра́те 'Николе, да лежи́мъ![5]»

На зло место у срце юначко,
Врисну Ненад, како соко сиви...
Кад е Предраг речи саслушао,
Иза еле нега запитуе:
«Тко си юнак и чиег си рода?...»
«Я сам юнак младяни Ненаде,
«Имам стару саморану майку,
«И еднога брата роденога...
«Та ти ли си, мой брате родени!
«Вала Богу, кад сам те видео,
«Ге ме жива моя желя мину;
«Не могу ти ране преболети,
«Веть ти проста моя крвца била!»
То изусти, па душицу пусти.
Над ним Предраг яде ядикуе:
«Го Ненаде, мое ярко сунце!
«Рано ти ми ти беше изишло,
«Па ми тако рано ти заседе!
«Мой босильче из зелене башче!
«Рано ти ми беше процватио,
«Па ми тако рано ти увену!»
Па потрже ноже од пояса,
Те удара себе у срдашце,
Мртав паде покрай браца свога.—

---

[1] См. выше.
[2] Д. б. *езикъ*.
[3] Тема глагола, при *може*, какъ вспомогательномъ.
[4] Эту рѣчь.
[5] Лежи, мы ляжемъ вмѣстѣ.

XXXII.

ВОИНЪ.[1]

Ѕажéнилъ[2] се Вóйно,[3] младъ войвóда,
И набрáлъ си петъ стóтинъ свáтове,
Петъ хорýгви[4], катó петъ óблаци,
Развиêни на вѣтъръ се віли.
Па ѥ пошéлъ съ китовни[5] свáтове,
Да си идатъ на слáвни градъ Сó-
лунъ[6],
(Иво Усаринъ просилъ у баницы
дочь Мару):
Ал' баница поче беседити,
У беседи тешко узданула:
«Ой Бога ти, усарине Ивô!
«Я на теби мане не налазим,
«Али Мара за удаю није;
«Сад е Мари тек трин'ест година.»

---

[1] Эту пѣсню, по побужденію А. Ст. Кипиловскаго, записалъ, въ окрестностяхъ Видина, уроженецъ послѣдняго Георгій хаджи Ѳома Пѣшаковъ, тотъ самый, который сочинилъ Венелину торжественную оду и оду на смерть. Записанное имъ, вмѣстѣ съ пѣснями, собранными Кипиловскимъ (см. выше), прислано было Венелину Н. Палаузовымъ и В. Априловымъ отъ 10 Декабря 1837 года. Кипиловскій могъ сообщить пѣснямъ видинскимъ оттѣнокъ своего, Котлянскаго нарѣчія: но здѣсь уже мы имѣемъ нарѣчіе во всей чистотѣ, и читатели не могутъ не замѣтить, во сколько оно удаляется отъ собственно-болгарскаго и приближается къ сербскому. Въ сербскихъ пѣсняхъ Воинъ, какъ богатый торговецъ, является дважды, на дорогѣ въ Далмаціи и Герцеговинѣ (т. III, № 43 и 44), во времена хайдуковъ XVII или начала XVIII вѣка. Кромѣ того есть пѣсня о несчастной свадьбѣ его, при которой умеръ онъ самъ и обрученная. По содержанію, мотивамъ и эпохѣ, близки пѣсни, приведенныя нами для сравненія.

[2] Началъ свадебныя дѣла.

[3] Обычное измѣненіе, какъ изъ *Стоянъ—Стойно;—се=ся.*—

[4] Знамена сватовъ.—

[5] Серб. *китени*=нарядные.

[6] Обыкнов. болг. *Солунъ*, впрочемъ ниже удареніе сбивается.

Да си ѕéмать Сóлȣнскѫ двóйнкѫ[1],
Што ѭ Кóйнȣ билá по прилíкѫ[2].
Живо-ѕдрáво до Сóлȣнъ отишли
И вéсело свáдба се ȣ́чини:
Три дни ѣ́ли, три дни пи сѫ пили,
И игрáли, и се веселили,
Па ȣѕéли Солȣнскѫ двóйнкѫ
И вéсели съсъ нéѭ[3] се пóшли.
Изминáхѫ све[4] пóле широ́ко,
И стигнáхѫ[5] ȣ горá ѕелéнѫ;
Невѣ́сти[6] се врáнилъ конь разлюти
И стърмéни-тѣ[7] ѭ[8] испȣкáхѫ.[9]
Сви свáтове ни́комъ[10] ȣникнáхѫ,
А дéвере тихомъ продȣмáхѫ[11]:

На то Ива лепо одговара:
«Чекатю е за годину дана.»
Не мож' найџи на що да буде,
Веће поче право говорити:...
«Я на тебѣ мане не налазим,
«И радо би тебе зетом звала,
«Ал' сам Мару другом наменила,
«Наменила Авраму сламу»...
Кад е Ива речи разабрао,
То е нему врло жао било,
Па срдито говори банищи:...
«Отити ћю у ту гору чарну,
«Чекатю е среди горе чарне,
«Све ћю нене свате погубити,
«И Мару ћю на силу отети.»
(т. III, N 75).

---

1 *Двойкя*, обыкн. *ка*. —
2 Сверстна, ровня, пригожа. —
3 — *Нея*. —
4 Все: чисто сербская форма (све). Тоже и ниже. —
5 Достигли, пришли въ...
6 Замѣтимъ, что мы сами отъ себя ставили ѣ; Пѣшаковъ, согласно особенностямъ видинскимъ и македонскимъ, не пишетъ его, ибо ѣ имѣетъ въ этихъ краяхъ звукъ *é* или даже просто *е*, а потому и мы просимъ не придавать нашему знаку ѣ оттѣнка собственно-болгарскаго, т. е. звука *я*; только сначала слова оттѣнокъ этотъ пріобрѣтается, почему Пѣш. пишетъ *яли* (у насъ ѣ); одинъ разъ впрочемъ самъ Пѣш. употребилъ ѣ, но въ другомъ значеніи: *стърменѣ*, т. е. въ смыслѣ собирательнаго и мягкаго, почему мы и поставили здѣсь *ѣ*; см. ниже.
7 См. выше.
8 Ей, у нея.
9 Лопнули (пучить): *пукамъ*.
10 Никомъ поникнули.—
11 Замѣчайте ударенія, означенныя Пѣшаковымъ.

«Нека пꙋкатъ, пѫтъ[1] ште да пѫтꙋ-
ватъ,
«Доръ се хранюнъ веке конь ꙋмори[2].»
Обѣрнѫ се млада-та старойкꙗ[3],
Та си рече: «хай[4] на добро да ѥ!»
Отговори стара-та старойкꙗ:
«Нека пꙋкатъ, веселба се чини![5]»
А невѣста тихомъ продꙋмала:
«Да ви далъ Богъ, све на добро да ѥ!
«Но[6] моѥ-то[7] сърдце сво[8] трепере[9]:
«Там гора не ѥ безъ хайдꙋци[10],
«Тꙋка седи Марїянъ[11] войвода,
«Хайдꙋкно[12] ѕнатенъ воглаварйнъ,

Мили Боже, чуда великога!
Дал' пуцаю Задарски топови?
Дал' духаю приморски ветрови,
Те удара ека у планину?
Нит' пуцаю Задарски топови,
Ни духаю приморски ветрови,
Веть сватови и воде девойку...
Ал' говори лиепа девойка:
«О чу ли ме, куме и девере!
«Зазор ми є у вас погледати,
«А камо ли с вама говорити;
«Земан доде—валя говорити:
«Кад сам била лудачка код майке,
«Просио ме Плетикоса Павле,

---

[1] Согласно съ сербскимъ (пут); собств. болг. *пѫть*; пусть продолжаютъ путь.

[2] До тѣхъ поръ, пока уже (веке) не уморился кормовой конь. —

[3] Неизвѣстное намъ въ восточной Болгаріи слово; у Сербовъ *старойко=стари сват*, начальникъ, глава сватовъ. Здѣсь различаются еще *стара* и *млада* (сваха).

[4] Пусть; ср. малорус.

[5] Этимъ дѣлается веселье, еще веселѣе отъ того; но, кромѣ того, эпическій языкъ помнитъ конечно то употребленіе, по которому въ слав. нарр. слово это (въ разныхъ формахъ) значитъ=свадьба. Вѣдь это свадьба! пусть трещатъ! —

[6] Собств. болг. *нъ*, *нъй*, *най*.

[7] Собств. *мѫе*.

[8] Все; а выше *све*.

[9] Трепещетъ, дрожитъ. —

[10] *Хайдути*. —

[11] *Маріянъ*, родственникъ сербскаго Стояна Янковича; по всему видно, что пѣсня происхожденія самаго южнаго, отъ Солуня до Герцеговины и Далмаціи.—

[12] Другой Болгаринъ долженъ бы сказать: *хайдучкия=хайдучкий-тъ = хайдучкиятъ*; но по макед. и видин. нар. является не звукъ *а*

«Што отъ нѣго[1] свѣтъ ѭ протрепе-
- ралъ.
«Сакалъ[2] ме ѭ тъкмо[3] доръ[4] три го-
динъ[5],
«Но мама ме нѣму не ѭ дала;
«Коги[6] дойде[7] първа-та година[8],
«А мама му тихомъ отговори:
« «Не дамъ ти ѭ, още ѭ мъничка;»
«Коги дойде втора-та година,
«Пакъ му мама кротно отговори:
« «Но дамъ ти ѭ, още си даръ[9]
нѣма;»
«Коги дойде и трека-та[10] годинъ[11],
«А она му нѣто отговори:

«Седам пута у седам година;
«Он просио, не даде ме майка,
«С мене Павле оде у хайдуке,
«И сад нега у хайдуке кажу;...
«Бояти се Плетикосе Павла.»
Ал' говори куме и девере:
«Не будали наша мила снахо!
«Ако има Плетикоса Павле,
«Ако има тридесет хайдука,
«У нас има шездесет сватова,
«Не см'е Павле на нас ударити.»
(т. III, N 74; тоже объ Усаринѣ).
Тек што они у риечи били,
Али пуче тридесет пушака,
На мах пуче из горе зелене,

(мягкій), а *о*; вѣроятно должны произносить *хайдучкиё;* это замѣтно и въ собственной Болгаріи при переходѣ окончаній *й* и *я*, въ зва-тельномъ, въ *ё*. —

[1] Отъ котораго (свѣтъ напуганъ, натрусился); вспомните Слово о П. И.: «грозою бяшеть, притрепеталъ своими сильными пълкы.»

[2] Слово весьма древнее: скр. *çak*, могу (гот. *sókjan*), откуда наше лѣтописное *до-сочитися* = *до-могаться*; наше областное *сакать*, до-ставать, прибирать къ рукамъ; у московскихъ мальчишекъ—*сака́ть змѣй*, доставать ниткой, веревкой (чужой змѣй). — Домогался, искалъ. Въ прочихъ слав. нарр. множество примѣровъ. *Ме* = *ма*.

[3] Ровно. —

[4] До, всегда при числѣ и мѣрѣ. —

[5] = Сравни ниже странность употребленія.

[6] *Кога́* = когда, *коги́* = когды. —

[7] Обыкн. *до́йде*. —

[8] Обыкн. *годи́на*. —

[9] *При́данъ*, приданое. ·

[10] = *Тре́тя*. —

[11] Sic: partitivus? —

« «Ꙗ ѭ[1] не да́мъ, но хайдꙋ́ка[2] д̓ и́де[3],
« «Да ѭ во́ди ꙋ[4] горѫ̀ ӡеле́нѫ,
« «Да ѭ ве́ке ꙋ[3] о́чи не ви́димъ.[5]» »
Тꙋнꙋ́ тока́[6] невѣ́ста иӡре́те,
И гора́-та сва́-та[7] потрепе́ра[8],
Иӡлѣӡна́хѫ три хи́лядъ[9] хайдꙋ́ци,
Посѣ́кохѫ кꙋ́ма и де́вера,
И найпо́слѣ[10] и мла́даго[11] Во́йка.
Па си ӡе́хѫ Солꙋ́нскѫ дѣво́йкѫ,
Ꙋӡе́хѫ ѭ и ѭ отве́дохѫ,
По гѫ́стъ шꙋма́къ[12], по горѫ̀ ӡеле́нѫ.
Помо́ли са[13] Со́лꙋнска дѣво́йка
Марина́мꙋ хайдꙋ́комъ[14] войво́дꙋ[15]:

Мртвих паде тридесет сватова;
Опет пуче тридесет пиштоля,
Опет паде тридесет сватова;
Сама оста на коню девойка,
А допаде Плетикоса Павле,
Те увати коня под девойком,
Одведе га врху на планину. (ibid).—
Изненада свате нападоше,
Сви су свати на ма изгинули,
И сам главом Арвам младожења;
Тад' беседи лепота девойка:
«Богом брате, усарине Иво!
«Остави ми бар ручна девера,

[1] По смыслу: *я = азъ*; ѭ (какъ въ серб.) = ѭ, ее; а ниже ѭ (я̆). —
[2] Родит. множ. (= сербскому), съ предлогомъ для остальныхъ падежей. —
[3] = *Да*. —
[4] = серб.; собств. болг. *въ* или *възъ*. —
[5] Первое лице настоящ., = серб.; собств. болгар. *не видѭ*. —
[6] Только что это. —
[7] *Вся*-та, серб. форма. —
[8] Весь лѣсъ потрепеталъ, потрясся. —
[9] Оборотъ не собственной Болгаріи, и нѣсколько странный; см. выше.
[10] Послѣ всего и. —
[11] Въ собственной Болгаріи этого нельзя услыхать; серб. *младога*, — то же должно быть и здѣсь: подозрѣваемъ, что *младаго* подправлено по книжному языку. —
[12] Вѣроятно *шумъкъ*; серб. *шума*, лѣсъ (откуда названіе Шумадіи, лѣсной стороны нынѣшняго Сербскаго княжества, между Колубарой и Моравой); болгар. *шюма* значитъ не столько рощу, сколько густоту вѣтвей и листьевъ, такъ что рощу зимой нельзя такъ назвать. —
[13] Не знаемъ, не сбился ли здѣсь Пѣшаковъ, ибо *са*=*ся*, а онъ пишетъ постоянно *се*. —
[14] Сербская форма — *хайдучкоме* (дательн.). —
[15] Ожидалось бы *войводи*? развѣ *войводѫ*, какъ (выше мы видѣли) *дружинѫ*? —

«Дай ми ко́лѫ, Марини́мъ войко́до,
«Да излѣ́ꙁнемъ[2] на кѣ́рвино мѣ́сто[1],
«Да с'опро́стимъ[2] съ кꙋ́ма и съ де́-
верꙗ?»
Даалъ и[3] ко́лѫ Марини́мъ войво́дꙗ,
Па оти́шла на кѣ́рвино мѣ́сто,
Ꙁагърна́ла[4] ски́ленѫ кошꙋ́лѫ,
Нага́ꙁила кѣ́рви[5] до колѣ́на,
Проминꙗ́лꙗ[6] де́верꙗ и кꙋ́ма,
Па оти́шла при мла́даго Во́йина,
Па[7] почна́ла жа́лно да гово́ри:
«Чърни́ очи, што́ ме не гле́дате?
«Ме́дни[8] ꙋ́ста, што ми не дꙋ́мате?
«Бѣли́ рѫцѣ, што ме не гѣ́рлите?[9]»
Па изва́ди о́стъръ па́лошъ[10] Во́йновъ,
Та с' ꙋда́ри ꙋ кле́то-то сърдце[11],

«С ким тю млада до майке отити
«Без колачи и без убрадача.»
Кад то чуо усарине Ива,
Удари се руком по колену,
Па е онда Мари беседио:
«Кучко една, лепото девойко!
«За шт' ме нниси прие братимила,
«Све би сам ти свате оставио,
«И баш главом Аврама спаю.»
Кад е Мара речи разабрала,
Она писну, као люта гуя,
Па савила скуте и рукаве,
Медь' иртве е свате загазила,
Люби свата едног до другога,
Па найпосле Аврама спаю,
Па е онда нему беседила:
«Ой Авраме, несудени друже!

---

[1] Мѣсто крови, побоище. —

[2] Всѣ эти формы, и ниже, на *мъ*, переходятъ къ сербскимъ; сокращеніе *с'*, вмѣсто *се*, также сербское; чтобы проститься мнѣ. —

[3] *Ей*. —

[4] Глаголъ, неизвѣстный въ собственной Болгаріи; серб. *загрнути* = подобрать (объ одежѣ): подобрала шелковую кошулю, рубашку, слово также сербское (малор. *загорнути*, польск. *zagarnąć*, захватить, забрать). —

[5] Вступила въ крови (множ.). —

[6] Прошла мимо. —

[7] Въ собственной Болгаріи, какъ мы видѣли выше, для послѣдовательности дѣйствій употребляется не *па* (серб.), а *че*. —

[8] Медовыя. —

[9] Серб. глаголъ *грлити*, обнимать (обвиваться около горла). —

[10] Болгарамъ восточнымъ неизвѣстно: серб. *палош*, палашъ. —

[11] *Клета*, какъ и *пуста*, не значитъ всегда проклятая, но: «о, чтобъ её!» бѣдовая, такая-сякая; у Болгаръ—отверженная, бѣдная, горемычная; то же относится и къ сердцу.

И се жáлно, клéта[1], проквикнáла:
«Лежи́, Кóйно, двóи[2] да лежи́ме,
«Да не плáче сáмо[3] твоя́[5] мáйкя[4],
«Но да плáче и твóя[5], и мóя!»

«А што си се на ме разсрдио?
«Медна уста, што ме не любите?
«Бели зуби, што се не смеете?
«Бели руке, што ме не грлите?
«Црне очи, што ме не гледате?
«А зар сте се на ме разсрдиле,
«Да я тужна мало дара носим?
«А я ядна доста дара носим:
«Свaком свату везену мараму,
«А тебека златна бошчалука,
«Твоёй майки од мака кошулю,
«Више злата, него танка платна,
«Под грлом ёй пуце ядиково,
«Ядиково и чемериково,
«Кудгод оди, нека ядикуе,
«А гди стае, да чемерикуе:
««Ово ми е од снае кошуля,
««Поведене, а не доведене;
««Двори су ёй среди горе чарне.»»
Па потрже ноже од нояса,
Удара се млада у срдашце:
«Када ние Аврама спане,
«Нека ние ни мене девойке!»
То изусти, па душицу пусти
(т. III, N 75; то же N 74). —

---

[1] См. предыдущее примѣчаніе.
[2] Въ собств. Болгаріи *двама*. —
[3] Только, одна лишь.—
[4] *Мать* (=майкя, майка), интересная форма.—
[5] Нестойкость удареній. —

XXXIII.

ДРАГАНЪ И СТЕФАНЪ.[1]

Драгáнъ по двóри[2] хóдѣше
И рýсѫ косѫ́[3] си чéшѣше,
Їóште си кóси дýмаше:
«Кóсо-лё рýса, кóсо-лё!
«Дѣ́ ли ште сѧ развѣ́вашь[4]?
«По Цареградски пѫ́тништа
«Илй по Дренопóл'ски дрýмишта?[5]»
Їóште на-гóрѣ[6] глéдаше,
На-гóрѣ, накъ-тó[7] планинѫ́[8],
Ѕелéнѫ гóри дýмаше:
«Гóро[9]-ле, гóро ѕелéна!
«Добрѣ́ да ми сѧ надѣ́вашь[10]!
«Растѝ, гóро, та порастѝ,
«Ки́тести[11] клóни распустѝ,

---

[1] Изъ сборника Катранова. —
[2] *Двори*, дворы́, какъ и у насъ въ старину=всѣ зданія и постройки, принадлежащія къ дому, и дворъ, и садъ, и т. д. —
[3] Волосы.
[4] Гдѣ вы будете развѣваться=развиваться?
[5] *δρόμος*.—
[6] Въ верхъ.
[7] Въ сторону, къ...
[8] Большая гора, хребетъ, цѣпь горъ.
[9] Лѣсъ; гора, покрытая лѣсомъ.—
[10] Хорошо, твердо на меня надѣйся, жди меня къ себѣ. —
[11] Нарядныя, кистями: распусти вѣтви кистями.

«Широ́ки ли́сти[1] разлистѝ:
«Че азъ щѫ, го́ро, да до́дѫ[2],
«Съсъ три́ста мла́ди юна́ци,
«Юна́ци, се отбо́ръ-мо́мци[3];
«Юна́ци подъ ли́сти да скри́ешь,
«Мо́мци подъ сѣ́нкѫ[4] да подпла́днишь[5],
«Подъ висо́ки-тѣ планини,
«При студе́ни-тѣ кла́денци»
Събра́лъ е Драга́нъ войво́да
До[6] три́ста мла́ди юна́ци,
Съсъ тъ́нки[7] пу́шки висо́ки[8],
Съсъ о́стри са́бли френгѝи[9],
И си юна́цимъ[10] ду́маше:
«А[11] ѣ́жте и пи́йте, дружи́на,
«Съ ма́йки и съ мла́ди сестрѝ,
«И съ ма́йкѫ са прошта́вайте[12],

---

[1] Обыкновеннѣе и лучше *ли́сте*=листья, собирательное. —
[2] Ибо я приду, намѣренъ придти къ тебѣ.—
[3] Все отборными ребятами.
[4] Подъ тѣнь.
[5] *Пладнина*=полдень, потомъ тѣнь полуденная; *подпладни*=скрою подъ тѣнью въ полдень; Ц. слав. пладьновати, meridiari; *пладнище*, мѣсто, гдѣ полуднують, отдыхаютъ въ полдень, закусываютъ; серб. *пландиште*=мѣсто для скота въ полдень; наше—*полудновать, полдничать.* —
[6] *До,* при числѣ и мѣрѣ, безъ особаго значенія.
[7] Красивыя (ружья).
[8] Обыкновенно употребляется еще турецкое: *бойлии*, въ ростъ человѣка.—
[9] См. выше. —
[10] Остатокъ дательнаго множ.; ср. *Турцимъ.*
[11] Частица.
[12] Прощайтесь.

«Че далѣга пѫтя ще кръкнимъ[1],
«Отъ Градецъ[2] до Плѣвень-града[3].»
Штомъ[4] дѹмѫ Драганъ издѹма,
Страшенъ[5] ми юнакъ дофтаса[6]:
«Добрѹтро[7], Драганъ войводо!»
Книгѫ[8] Драганѹ подаде:
«Много ти здравіє проважда[9],
«Испраштa Стефанъ войвода;
«Да вървишъ, скоро да идешъ,
«Старѫ Планинѫ[10] да стигнешъ;
«Тамъ Стефанъ войводѫ чака[11]
«Съсъ двѣстѣ отборъ-юнаци.»
Тръгнахъ[12] си Драганъ войвода,
Старѫ Планинѫ да стигне,
При Стефанъ войводѫ да дойде;

---

1 Ибо мы вступимъ, пустимся въ долгій путь. —

2 Неизвѣстное намъ мѣсто, если не имя нарицательное.

3 *Плевенъ*, *Плевно* (Плевна), городъ въ собственной Болгаріи. —

4 Только что; творит. отъ *што*=чѣмъ.—

5 Вѣстникъ (являясь обыкновенно неожиданнымъ) большею частью въ эпическомъ языкѣ *страшенъ;* при томъ онъ *на сторожъ*, и съ своего поста несетъ вѣсти, а *стражъ* и *страхъ*, кажется, близки по корню.—

6 Достигъ, показался, явился, новогреч. *φθάνω, ἔφθασα*. —

7 Добраго утра!

8 Письмо. —

9 Слова письма, а можетъ быть и вѣстника: «посылаетъ (желаетъ) тебѣ много здоровья Стефанъ»; *проважда*, *испраштa* (*испраштамъ*, отправляю) — почти синонимы.

10 Балканъ въ обширномъ смыслѣ; западный въ болѣе тѣсномъ; отдѣльная планина (на Ю. В. отъ Ниша, на В. отъ Прѣкопе, на С. З. отъ Софіи, между Верхн. Мизіей и Балканомъ западнымъ) въ тѣснѣйшемъ. —

11 Дожидается.—

12 Тронулъ, тронулся, двинулся. —

Съ Стефáна ся поздрáви[1]
И Стефáнꙋ дꙋ́маше:
«Стефáне, юнáкъ войвóдо!
«Мéне ме сьрце заболѣ́ло[2],
«Отъ ноштéс'-ка[3] ма приѣ́ло[4],
«Когá-то[5] ся водѫ́ напи́хъ
«На Кълёкъ[6] клáденецъ.»
Стефáнъ Драгáнꙋ дꙋ́маше:
«Драгáне. млáди войвóдо!
«Кни́га ми, хóлань, дошлá,
«Кни́га отъ Софи́я-грáда:
«Ви́динскы пашá минꙋ́ва[7]
«Презъ грáдъ голѣ́ми Софи́я,
«Съ хазнѫ́ въ Цариградъ оти́ва.
«И стáвай, юнáкъ Драгáне,
«Софийски пѫ́тищата да взѐмемъ[8],
«Та пашѫ́ съ хазнѫ́ да фáнемъ[9],

---

[1] Съ Стефаномъ поздоровался. —

[2] *Мене*, винительный, при глаголахъ болѣзни, страданія, весьма распространенный; «заболѣлъ у меня животъ.» *Сердце*, въ эпическомъ языкѣ Славянъ, постоянно значитъ *животъ* (какѣ средце, средина); отсюда въ серб. *срдоболя*, болѣзнь живота, въ родѣ холеры; весьма часто въ пѣсняхъ она встрѣчается: «Воин се разболе а од срца болести юначке (т. III, № 79).» —

[3] Съ прошедшей, съ нынѣшней ночи. —

[4] Изгрызло, схватило (животъ): «ти си мене за срце уео (т. III, № 70).» Могло бы быть и *приело*, схватило (взяло). —

[5] Послѣ того какъ. —

[6] Не знаемъ этой мѣстности; въ турецкихъ областяхъ, преимущественно у Болгаръ въ пѣсняхъ, мѣстности часто обозначаются колодцами. —

[7] Минуетъ, проходитъ чрезъ. —

[8] Вставай-ка, да займемъ дороги къ Софіи. —

[9] Схватимъ. —

«На пашѫ́-тѫ да напо́мнимъ:
« «По́мни ли Ви́дински пашѫ́,
« «Кога́ Мину́ша улови́,
« «Мину́ша мла́ди войво́дѫ,
« «Та го жи́въ на ко́лъ набо́ли?[1]» »
А Драга́нъ, младъ войвода
Стефа́ну ти́хо ду́маше:
«Стефа́не, юна́къ войво́до!
«Ако́ ма сърце, бра́те, боли́,
«Ѕа Мину́ша ма пребо́лѣ[2],
«Ѕа Мину́ша, вѣрнѫ войво́дѫ.»
Ста́нахѫ[3] отъ Ста́рѫ Плани́нѫ,
Софи́йски пѫ́тища фа́нахѫ[4],
Ви́дински пашѫ́ у́чакахѫ[5].
Ви́дински пашѫ́ са ѕада́де[6],
Съ хиля́дѫ и петь сто́тинъ,
Яни́чаре́ съ бѣ́ли чалми́[7].
Яни́чаре́ са спу́щахѫ
Въ дълбо́ки боа́ѕи[8] съсъ пашѫ́,
Чалми́ имъ са развѣ́вахѫ,
По край Стефа́на ми́нахѫ[9],

---

[1] Напомнимъ пашѣ: помнитъ ли онъ, какъ уловилъ Минуша (также должно быть воеводу, ихъ товарища), да живаго на колъ наколилъ?—
[2] Если у меня сердце (животъ) болитъ, то за Минуша (отъ жалости по немъ) еще болѣ (болитъ;—замѣтьте въ эпич. языкѣ память о сродствѣ корней: *бол*-ѣ-тъ и *бол*-ій, *бол*-ьшій). —
[3] Встали, пошли.—
[4] Захватили, заняли.—
[5] Дожидались вид. пашу. —
[6] Показался.
[7] Съ 1500 янычаръ, яныч. съ бѣлыми чалмами. —
[8] *Богазъ*, тур., горло, перешеекъ, проливъ, ущелье; спускались въ ущелья глубокія.—
[9] Миновали, прошли мимо Стефана. —

Драга́нъ войво́да го[1] срѣ́щта,
Срѣ́щта отъ горѫ́ ѕеле́нѫ,
Съсъ три́ста отбо́ръ-юна́ци;
Три́ста коршю́ма прово́ди[2],
Три́ста шии́чшрѐ свали́;
Тии са наза́дъ вѣ́рнѫхѫ,
Драга́нъ войво́да ги дости́гнѫ,
До три́ста ёште свали́;
Те́жкѫ ми хазнѫ́ отви́хѫ.
Паша́-та бързо ска́чѣше
На че́ръ-лꙋ́дъ[3] конь Ара́пски,
Та на Стефа́на ꙋда́ри,
И Стефа́на голѣ́мо[4] ра́ни;
Паша́ прѣзъ юна́къ прѣско́кнѫ[5],
Та въ гра́дъ Софи́ѭ побѣ́гнѫ.
Войво́да[6] юна́цимъ дꙋ́маше:
«Юна́ци, отбо́ръ-юна́ци!
«Те́жкѫ си хазнѫ́ ѕемѣ́те,
«Ѕемѣ́те и раздѣлѣ́те!
«Да знае Видински паша́,
«Ка́къ си са Минꙋ́шь войво́да
«Жи́въ на ко́лъ нако́ли![7]»

---

[1] Встрѣтилъ его, пашу; но лучше *ги*=ихъ.—

[2] Послалъ триста пуль (собственно свинчатокъ); *коршюма*, родит. множ.—

[3] *Черъ*—вороной; *лудъ*—бѣшеный (безумный, потомъ глупый).—

[4] Сильно ранилъ.—

[5] Потомъ перескочилъ черезъ него и побѣжалъ.—

[6] Стефанъ сильно раненъ (или даже убитъ); остался Драганъ, и онъ-то говоритъ.—

[7] Пусть знаетъ видинскій паша, какъ Минушь живымъ на колъ насаживается, что значитъ Минуша посадить живымъ на колъ: но *са наколи*, аористъ,—накололся, былъ посаженъ на колъ.—

XXXIV.

ХАЙДУКИ. МИЛОШЪ, СТРАШИЛЪ.[1]

Расьрди са юна́че[2]
На ма́мѫ, ёште[3] на та́ти[4],
Че го ма́ма му не сгу́ди
За черноо́кѫ дѣво́йкѫ[5];
Зе́ло е пу́шкѫ на ра́мо.
Таче́ е ёште бѣ́гало,
Бѣ́гало[6] три́ дни[7] и три́ но́щи
Безъ хлѣ́бецъ и безъ води́цѫ.
Отби́ло са е[8], отби́ло

---

[1] Изъ сборника Катранова.

[2] Начало напоминаетъ сербскую пѣсню: «одметну се Миате айдуче, одметну се у гору зелену, од зулума бега Любовитя; од глади е црну землю ео, а од жеди с листа воду пио, док е юнак дружбу сакупио (т. III, № 63).» *юначе*, звательный вмѣсто именительнаго, переходящій въ средній родъ. —

[3] *Ёште* очень часто=просто *и*.

[4] *Тати*=тятя, отецъ, сокращаемое въ *тать*, а *ь* выводитъ за собою въ склоненіи *я*. —

[5] Разсердился за то, что, или за чѣмъ мать его (му) не сосватала его (го) за дѣвушку. Собственно *сгóдѫ*, *сгóдихъ* (пригодить, тѣснѣе—сосватать, обручить), но *о* и подъ удареніемъ переходитъ иногда въ *у*, напр. *за туй* = за тóе. —

[6] Былъ въ бѣгахъ.

[7] Вслѣдствіе быстроты и волнуемости рѣчи, трудно означать удареніе на словахъ краткихъ и частицахъ.—

[8] Техническое выраженіе о хайдукахъ = заворовался, отвернулся (корень одинъ), завернулъ.

На хайду́шко-то кла́денче[1]:
Тамъ си намѣ́ри[2]
Ми́лоша, мла́дия[3] войво́дѫ,
Той си съсъ кни́гѫ[4] глѣ́даше
И си юна́ци пи́таше[5].
Юна́че Ми́лошю ду́маше:
«Ми́лоше, мла́ди войво́до!
«Пиши́ и ме́не въ кни́гѫ-тѫ,
«И азъ съ юна́ци да до́йдѫ,
«Поди́рь водѫ́ да но́сѭ.[6]»
Ми́лошь юна́чемъ[7] ду́маше:
«О́ще си мла́дô-глу́пако[8],
«Да не сѫ нѣ́што ốплашишь.»[9]
Юна́че Ми́лошю ду́маше:
«Ми́лꙋшё, мла́да[10] войво́до!
«Ме́не ме ма́йка роди́ла,
«Та и́мамъ сърдце юна́шко,

---

[1] Обыкновенное у Болгаръ мѣсто сбора хайдуковъ.

[2] Нашелъ. —

[3] =*Младий-тъ*, или, какъ пишутъ, *млади-атъ* (произнося *ятъ*). —

[4] Можно ожидать *въвъ*: смотрѣлъ въ книгу; но и просто: съ книгой (сидѣлъ) и смотрѣлъ. —

[5] Спрашивалъ, перекликалъ. —

[6] Въ слѣдъ (диря, дирь), за юнаками, чтобы мнѣ носить воду: первая степень испытуемаго. —

[7] Ожидалось бы *юначе* (безъ склоненія) или *юначи* (остатокъ дательнаго). Тѣмъ не менѣе форма *юначемъ* имѣетъ какую-то, неизвѣстную впрочемъ намъ, законность, ибо параллельна формамъ , указаннымъ выше, *дружиномъ*, *брайномъ*.

[8] Ты еще молодъ - глупенекъ; *глупѣвъ*, *ӑ* = ѣ; въ серб. въ подобныхъ случаяхъ *а*. —

[9] Не испугался бы (не переполошился бы) ты чего; *нѣшто* = пожалуй, того и гляди, какъ разъ.

[10] Память о древности.

«И и́мамъ ли́це моми́нско.»[1]
Ми́лошъ юна́цимъ ду́маше:
«Юна́ци, като́ зли вълци,
«Момче́та, като́ вълче́та[2]!
«Кога́-то и́демъ, юна́ци,
«При Страши́лъ, стра́шни войво́дѫ,
«Той ще ни стра́шно погле́дне[3]:
«Той му е такъвъ по́гледа,
«Какъ го е ма́йка роди́ла.»[4]
Като́ при Страши́ла оти́шле,
А Страши́лъ, стра́шни войво́да,
Издигнѫ джюни камъ небе́[5],
Поло́жи[6] очи́ къмъ земя́,
И се[7] ги стра́шно гле́даше.
Си́чки-тѣ до́лу[8] гле́дахѫ;
Юна́че че́рно-черни́че,
Той си къмъ очи́ гле́даше

---

[1] Что ты это! Вѣдь я не какой ни будь, меня тоже мать родила, а (потому и) сердце у меня молодецкое, только лице лишь дѣвичье (нѣжное). Однажды на всегда замѣтимъ, что подобныя сочетанія, какъ *дц*, допускаются нами изъ за точности оригинала, на самомъ же дѣлѣ неупотребительны: *сърце*.

[2] На этомъ основаніи видимъ въ *юнакахъ* большее старѣйшинство, чѣмъ въ *момкахъ; момче*, множ. *та*. —

[3] Какъ мы отправимся къ Страшилу, онъ на васъ страшно поглядитъ.

[4] *Погледа=погледъ-тъ*, отъ *погледъ*, видъ, наружность; серб. «страшна, необична ока и погледа,» — человѣкъ страшнаго вида. Не бойтесь, таковъ уже у него видъ отъ природы.—

[5] Поднялъ (воздвигъ) губы къ небу (къ верху); *джюни*?. —

[6] Положилъ, опустилъ. —

[7] =Все, постоянно. —

[8] Употребительно и *доло*.

Страши́ла, стра́шни войво́дѫ[1].
Страши́лъ юна́чемъ[2] ду́маше:
«Аѕъ съмъ стра́шни войво́да.»[3]
Мо́мче че́рно-черна́нче,
Момче́нце че́рно-черна́нце[4],
То[5] си Мило́ша мо́лише:
«Ми́лушѐ, мла́ди войво́до!
«И да́й[6] ми са́бѭ фре́нги́ѭ,
«Та̀ ѕеми́, Ми́лушѐ, сто́внѫ[7]:
«Аѕъ де́вить[8] годи́на[9] но́сихъ
«И три́ста юна́ци пои́лъ.»
Момче́нце че́рно-черна́нче,
То си са на ля́во ѕасу́ка[10],
Си́чки юна́ци изсѣче;
Като́ на де́сно погле́днѫ,
То́кмо Страши́лъ оста́налъ.

---

[1] Смотрѣлъ въ очи, кого? Страшила; винит. падежъ, по болгарскому идіотизму. —

[2] =*Юначи*, юнаку.

[3] То есть: что же ты не потупился? я вѣдь страшный воевода.

[4] Посмотрите на любимую страсть Славянъ къ уменьшенію; *чернанце* по уподобленію съ *момченце, це* вм. *че; этотъ момче черно-чернанче* для Болгаръ то же, что у насъ *дѣвка чернавка* или *дѣвушка чернавушка*, которая, на примѣръ, коромысломъ избиваетъ мужиковъ новгородскихъ (Др. Р. Стих.; № IX).—

[5] Какъ *воевода*, по этимологической памяти, является и жен. (грамматическаго) рода, такъ момче то муж. (той), то средн. р. (то).

[6] *Я дай*=дай-ка.—

[7] А самъ прими (изъ рукъ моихъ) глиняный сосудъ (*стовна*, въ которой носилъ онъ для хайдуковъ воду).—

[8] = *Деветь*. —

[9] Родит. множ.; а ниже *юнаци*, иногда *юнака*. —

[10] Развернулся (засучился). —

Страшни́я юна́ку ду́маше:
«Да́ромъ[1] да ти е, юна́те,
«Мо́е чу́то[2] войво́дство
«И мо́и са́би френгі́и
«Съ де́ветъ позла́ни на́мъкни!»

---

[1] = Дарю тебѣ. —

[2] Какъ отъ *слу-слы—слава* и *слухъ*, такъ отъ *чу—чутъ* (слышный) = славный. —

XXXV.

СТРАИЛЪ[1].

Страи́ле[2], страшна войвóда,
Посъбрáлъ Страи́лъ войвóда
Шéсть[3]-стóтинъ отбóръ-юнáци,
Ятмáчи кютю́къ-байрактáрь[4];
Та ги поведè, заведè
На Ири́нъ-Пири́нъ планинѫ[5],
На юнáшкѫ-тѫ сби́ринѫ[6];
Три каракýла проводи[7],
На трѝ ми старни́[8] да вáрдѧтъ.
Уè[9] сѣдиѫ Страи́лъ да ѩдé

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записалъ «отъ Кубанка Михаилъ Илчинковъ;» судя по характеру и эпитетамъ героя, онъ долженъ быть = Страшилу.

[2] Зват. = именит.

[3] = *Шесъ.* —

[4] *Кючюкъ*, тур., = малый, ст. б. *вице-байрактарь*; въ томъ же значеніи съ тур. употребл. въ серб. *ямак*; отъ этого тур. слова д. б. глаголъ въ болгар. *ятмачьмъ,-пьшь-пъ* (= я), исполняю должность ямака: помагаетъ нести знамя помощникъ знаменоносца. —

[5] *Пиринъ*, извѣстно; *Иринъ* не знаемъ.

[6] Мѣсто сбора, сходки. —

[7] Послалъ три караула (стража).

[8] = *Страни*, стороны.—

[9] Когда, вотъ какъ сѣлъ Страилъ...

Тлъ́сти печéни áгнета
И да ні́мѣ вино̀ червенó,
Пъ́рви си каракꙋ́лъ дóде
И на Стрáйла дꙋ́маше·
«Стрáйле, стрáшна войвóдо!
«Тéжка са потéри задáде.»[1]
Стрáйлъ каракꙋ́лꙋ дꙋ́ма:
«Каракꙋ́лино брáйно-ле!
«Еля́[2] си испи́й чáшѫ-тѫ,
«Иди́ си, пъзи́[3] мѣ́сто-то;
«Не бóй са, хóлашъ, не бóй са,
«Додѣ́[4] ѥ Стрáйлъ войвóда.»
О́ште Стрáйлъ говóряше,
Втóри са каракꙋ́лъ задáде
И си Стрáйлꙋ дꙋ́маше:
«Стрáйле, стрáшна войвóдо!
«Потéри-та на[5] достигнѫ,
«Потéри, тéжка потéри,
«Кóлко̀[6] на горѫ́-тѫ листа-та[7]
«И на полé-то травá-та,
«Тóлко потéри за насъ[8] идé.»
Стрáйлъ каракꙋ́лъ[9] дꙋ́маше

---

[1] Показалась погоня тяжкая (сильная); серб. *потера*. —
[2] Ну-ка, ступай; греч. —
[3] Серб. *пазити*, стеречь, смотрѣть: *па* (болг. *пѣ*, наше *па* и *по*) и *зи-ти*, откуда *зи-ну-ть*, *зѣ-т-и-ть*, смотрѣть. —
[4] Пока есть, существуетъ. —
[5] Насъ.—
[6] Въ такомъ же числѣ, сколько въ лѣсу листьевъ, въ полѣ травы.
[7] Неизвѣстная намъ форма; обыкновеннѣе *листи-тѣ*, и еще чаще собирательное *листе-то*; вм. *трава—трева* (трѣва?).—
[8] За нами.—
[9] Винит., какъ и въ другихъ случаяхъ.

«Каракуланно вра́йно-ле!
«Ела́ си испи́й ча́шж-тж.
«Иди́ си, варди́ мѣсто-то;
«Не бо́й сѧ, хо́ламъ, не бо́й сѧ,
«Доде́ е Стра́йлъ войво́да.»
О́ште Стра́йлъ говоря́ше,
Тре́ти сѧ караву́лъ мки́,
Въ уста́ си но́жа[1] но́сѣше,
Но́жа ми буздага́нина[2];
Отъ дале́чь ти́чѣ[3] и ви́ка:
«Стра́йле, стра́шна войво́до!
«Стра́йле, свини́ дебе́ла!
«Стра́йле, бога́[4] бивóлска!
«Стра́йле, ме́чка загóрска!
«О́ште ли ѣде́шь и пие́шь?
«Потѣ́ря-та на дости́гнж,
«Ко́лко на горж́-тж ли́ста-та
«И на поле́-то трава́-та:
«Не́ ли́ е[5] жа́лко за на́зи
«И за на́ше юна́чество[6]?»
Стра́йлу сѧ нажела́ло[7],
Изва́ди са́бля френги́я,

---

[1] =*Ножь-тъ;* въ устахъ несъ ножъ.

[2] Рѣдко попадающееся у Болгаръ слово; у Сербовъ *буздован* и *буздохан=топузъ*, иногда просто въ значеніи *желѣза* (гвожде) и *стали;* таково же конечно значеніе и здѣсь.

[3] *Тичъмъ,-чъшь,-чъ,* теку, бѣгу.

[4] Быкъ, самецъ буйвола.

[5] Ужели тебѣ не жалко.

[6] Объ насъ и нашемъ юначествѣ=собраніи юнаковъ. —

[7] По корню можетъ значить одинаково *жалость* и *досаду;* по ближайшему смыслу послѣднее.

Та му главѫ́-тѫ отсѣ́че,
'Оште дружи́ни[1] ду́маше:
«'Ѣжте и пи́йте, дружи́на,
«Трапе́ҙѫ не раҙва́лѧйте[2];
«'Аҙи самъ-си́[3] ште да и́дѫ,
«Да си поте́рѭ присрѣ́шнѫ[4],
«Да си поте́рѭ погу́бѫ.»
Че ста́нѫ Стра́илъ, оти́де,
Та си поте́рѭ присрѣ́шнѫ,
Таче́ са Стра́илъ прови́кнѫ:
«Поте́рѣ те́жка та те́мна[5]!
«Ко́й-то е вѣ́ра христи́анска,
«Ско́ро[6] на ҙемѭ́ да па́да!
«Ко́й-то е вѣ́ра прокля́тѫ[7],
«Правъ на крака́ да оста́не[8]!»
Като́ са Стра́илъ ҙікъртѣ́[9]
На де́сно ми и на лѣ́во,
Си́чкѫ поте́рѭ погу́би,
Оста́нѫлъ е то́лко самъ.
Тога́-ҙъ дружи́ни ду́маше:
«Не́ ли[10] ви, хо́ламъ, гово́рѣхъ,

---

[1] И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, сборникъ Вельтмана имѣетъ странную форму *дружину*, возможность которой мы однако не отвергаемъ (=дружинѫ, винит.).—
[2] Не разстроивайте, не портите.—
[3] =Одинъ, самъ по себѣ.—
[4] Повстрѣчаю; ожидалось бы скорѣе *посрѣшнѫ*.
[5] Замѣтьте *тьму* для означенія большаго числа.—
[6] Тотчасъ.
[7] Ожидается *проклѐта* — турецкая вѣра.
[8] Пусть останется прямо на ногахъ.—
[9] Ожидалось бы *завърнѫ*; развернулся.
[10] У Вельтмана: *на ли*.

«Додѣ́ ю Страи́лъ войво́да,
«Вась глава́ не заболѣ́ва[1]?
«Сѣдне́те сега́ да ѣде́мъ
«И любо́вно да си пие́мъ,
«Сърца́-та си да попра́вимъ[2],
«Какво́-то[3] отбо́ръ-юна́ци,
«Всегда́[4] гото́ви на Ту́рци.
«На Ту́рци прокле́то-ве́рци!»

---

[1] У васъ не можетъ заболѣть голова; глаголъ боли и страданія съ винительнымъ; форму *заболѣвамъ* сравни съ *писвамъ*, *ковавамъ*, и т. п.—

[2] Поправимъ себѣ сердца (= животы).

[3] Какъ нужно, какъ слѣдуетъ, какъ истинные юнаки.

[4] Не отзывается болгарскимъ; обыкновеннѣе *сѣкога*. —

XXXVI.

ТРИ БРАТА. АНТОНЪ, ЭВСТАѲІЙ.[1]

Трѣгнѫли сѫ тримѧ[2] брáтѧ
Дѧ и́дѫтъ у сéстрѫ-тѫ си въ гóсти,
Въ голѣмъ ми градъ Самокóвъ,
И за три́ дéнѧ сѫ ѿти́шле[3];
Като́ у неѧ сти́гнѫли[4],
Посѣдѣхѫ си петь дéна,
Сла́дко ми сѫ ѣли и пи́ли,
И ми́ло сѫ разговáрѧли,
И въ петь дéна ми изѣли
Три добри́ кра́ви ꙗлови,
И сѫ испи́ли сто ведра́[5]
Сла́дко ми ви́но червéно.
Като́ ѣдѣхѫ, пиѣхѫ,
И уми́лно говóрѣхѫ,
Дóйде[6] ми́лé сóколеко,
Тѫ ка́цнѫ[7] на Евста́тиево
Десно́ ми, хóлмъ, колѣно,
И си ти́хо проговóри

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; по послѣднему, записана З. Княжескимъ; отличается увлекательною простотой. —

[2] Трое.

[3] Въ теченіе трехъ дней прибыли; употребительно *деня*.

[4] Достигли, пришли къ ней; = *нея*. —

[5] Родит. множ. —

[6] Прибыло, явилось.

[7] Сѣло, пало, опустилось; см. выше.—

Слáдко-пóйно сóколученце:
«Ой ва вáзи[1], трима брáти!
«Катó ядéтѐ, пиéтѐ,
«И тийано разговáрятѐ,
«А не знайте[2], въ вáше-то сéло
«Каквó ж чюдо стáнжло[3]:
«Въ вáше сéло сж дошлé
«До[4] трú ми хúляди Тýрци;
«Жéни-тѣ ви порóбихж[5],
«Порóбихж Екстáтикж
«Млáдж и крáснж невѣстж[6],
«И Антóновж годенúцж[7].»
Товá продума пúле-то.
Тогáва отговáрядж
Двáма пóстáри[8] брáти:
«'Ой ми та тéбе, Антóне,
«Антóне, младъ годенúко[7]!
«Въсѣдни твой[9] врáно кóнче,
«Та ся въскачú на вр҃ха[10],
«Гóрѣ на Стáрж-Планинж,
«Та си вашъ сéло[11] поглéдни:
«Акó сж Тýрци трúста дýши,

---

[1] Эй вы, васъ!
[2] = *Не знаете.*
[3] Въ вашемъ селѣ какое чудо стало.
[4] При числѣ. —
[5] Женъ вашихъ поплѣнили. —
[6] Молодую жену.
[7] Обрученницу; обрученникъ, обручёный. —
[8] Двое братьевъ постарше.
[9] *Твое.* —
[10] Вскочи, подымись на верхъ; — *връхъ-то.*
[11] Въ сторону села.

«Да не сѝ са назáдъ вѣрнѫлъ[1];
«Акó сѫ Тýрци три хиляди,
«Да дóдешь и намъ да кáжешь.»
Антóнъ ми млáдо юнáче
Въсѣ́днѫ кóнче хрáнено,
И са на планинѫ́ кáчи,
Та си намъ сéло поглéднѫ
И си Тýрци-тѣ пречéте[2]:
Не сѫ били триста дýши,
Ами рáвно три хиляди,
Кáкъ то сóколче назáло.
Антóнъ ми млáдо юнáче,
До срáмѫ го да са вѣрне[3],
На брáтѧ-та си да кáже,
Но[4] на кóнче си дýмаше:
«Ой та тебе, врáно кóнче!
«Акó си Тýрци надвиемъ[5].
«Подкóва[6] ште ти посребрѭ́,
«Гóздеи[7] ште ти позлатѭ́;
«Но акó ни[8] Тýрци надвиѭтъ,
«Главѫ́-тѫ ште ти отсѣчѫ́;

---

[1] Не ворочайся назадъ (а самъ ихъ избей).

[2] Счелъ. —

[3] Срамно, стыдно ему вернуться (и просить помощи братьевъ); *досрамя* (*досрамѣмъ*), стыдно, до сраму; кому же стыдно? *го*, винительный, по болгарскому идіотизму.

[4] Ожидалась бы другая частица; въ собственной Болгаріи она не въ большомъ употребленіи. —

[5] Побѣдимъ.

[6] Если только это не родит. множ. (подковъ), то д. б. *подкóви*.

[7] См. выше; = *гвóзде* (гвоздие). —

[8] Насъ. —

«Гле́дай, ко́нче аджемийче[1],
«Широ́ко да ми приска́чашь,
«Отъ ѹби́тїе да са не бои́шь.»
И на пѹ́шкѫ говорѣше:
«Пѹ́шко-ле, арнаѹ́тско-ле!
«Веднашь да гърми́шь, а двашь ѹ́дрѣй[2].»
'Още́ на са́бѭ говорѣше:
«'Ой ти те́бе, са́би фрѧнги́я!
«Крѣ́пко сѣчи́[3] и не страши́[4].»
Това́ като́ изговори,
Тръ́гнѫ си съ вра́но ко́нче[5],
Та си при Тѹ́рци о̇ти́де,
И захва́нѫ[6] бой да са бие.
Би́ли са отъ сѹтринѫ́-тѫ[7]
Доро́[8] до полови́нѫ день.
Анто́нъ ми мла́до юна́че
Погѹ́би си три хи́ляди
Мла́ди Тѹ́рци безвѣ́рци,
О̇търва́[9] Еѵста́тинѫ-тѫ
Бѹ́лѫ и своѭ́ годени́цѫ,
И ми са наза́дъ повъ́рнѫ,

---

[1] По употребленію—не выѣзженый, не укрощенный конь. У Турокъ слово *аджемъ* для всего персидскаго и иностраннаго. —

[2] Однажды выстрѣли, а два удара дѣлай (*ўдрѣмъ,—ѣшь,—ѣ*). —

[3] Кроши, руби: переходъ представленій смотри въ замѣчаніяхъ ниже.

[4] Не бойся.—

[5] Пустился съ конемъ своимъ. —

[6] Захватилъ, началъ биться. —

[7] Утренняя пора. —

[8] Даже до.

[9] Исхитилъ, освободилъ.—

Та ги при брáтя ʒеведé[1],
'Оштé ги на сóхрѫ́ свáри[2]:
Ѣдѣ́хѫ та си пи́ѣхѫ[3]
И ми́ло са раʒговáрѣхѫ.
Катó Антóна ви́дѣхѫ,
Отъ сьрцé са ʒарáдовахѫ,
Подари́хѫ му петь кpáви
Съ мъ́нéнки-тѣ имъ тéленца[4]
Ʒа нéгово юнáчество.

⸻

1 Отвелъ ихъ къ братьямъ.—
2 Засталъ еще ихъ за столомъ (*свáрѭ*, Ц. слав. **карити, карѣти**): обыкнов. *софра*, столъ, тур. —
3 Какъ и выше,=*пияхѫ*.—
4 Съ маленькими у нихъ (коровъ) теленками. —

XXXVII.

НАНЮ И ГЕРЧЕ.[1]

Нáню войвóда дýмаше:
«Гéрче-ле, наракýлино!
«И стани́, Гéрче, та иди́
«Въ градá, Гéрче-ле, Разгрáда:
«Послýшай, што́ за насъ дýматъ
«Грáждане, вре, и аи́не[2].»
И Гéрче стáнѫ, о̇ти́де̇,
Деснѫ́ си рѫкѫ́ прикъ́рза
И главѫ́-тѫ съ тъ́нъкъ пешки́ръ
Копри́нянъ добрѣ́ прикъ́рза[3],
Та о̇ти́де Гéрче̇ въ градъ́-тъ.
Походи́лъ е три недѣ́ли;
Ни́кой си ни́што не дýма[4]
За Нáня, млáдѫ войводѫ,
И за Гéрча наракýлина.

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; по послѣднему, записалъ «отъ Кубанка Мих. Илчинковъ.»

[2] Что объ насъ говорятъ граждане и *аяне* = турецкіе чиновники по городамъ=городничіе.—

[3] (Чтобъ его не узнали) подвязалъ правую руку и голову тонкимъ (красивымъ) шелковымъ платкомъ (*пешкиръ*, перс. тур., скатерть, платокъ).—

[4] Никто ничего не говоритъ.

Найсéтне[1] си е óтишелъ
Въ Али-агинско кафене́[2]:
Тамъ си агинитъ сѣдѣше
Съ емиринъ[3], млáдѫ войводѫ,
Тютюнъ си, кафé пиѧхѫ[4].
Ємиръ агиꙋ дꙋмаше:
«Да мóгѫ, агие, да хвáнѫ[5]
«Гéрчѧ ми каракꙋ́лина
«И Нáня ми, бре, войводѫ,
«Та да ги, хóламъ, иѕвáдѫ[6].
«При висóкѫ-тѫ могúлѫ,
«На ѕелéнѫ-тѫ мꙋрáвѫ,
«Та на кóлъ да ги набиѭ,
«Подъ сѣнкѫ-тѫ имъ да сѣднѫ[7]
«И дóбъръ ѕефéтъ да стóрѭ[8]!»
Товá си емиринъ издꙋма.
Стáнѫ Гéрче та отиде,
И си на Нáня окáди[9],
Штó си говóритъ ѕа Нáня,
Ѕа млáдѫ Нáня войводѫ
И ѕа Гéрчя каракꙋ́лина.

---

[1] Послѣ всего. *Сéтенъ*, Ц. слав. сетьнъ, крайній, послѣдній, заимствованное, по Шафарику, Славянами отъ Готовъ, именно *sidhan*.—

[2] Въ кофейную аяна Али. —

[3] *Инъ*—болгарское окончаніе къ слову Емиръ.—

[4] Восточное выраженіе: *пили* табакъ, кофе.—

[5] Ахъ, еслибы я могъ схватить Паня и Герчя.—

[6] Вывести ихъ; *висока могила*, вѣроятно, названіе какой либо мѣстности.—

[7] Сѣсть бы подъ ихъ тѣнью.—

[8] *Зіафетъ*, тур., пиръ. —

[9] Донесъ, пересказалъ воеводѣ.

Ма́ню си обзѣ́[1] прѣмѣ́нѫ,
Сѝчки юна́ци облѣ́чѐ
Въ бѣ́ли памѹ́чни дрѣ́хи[2],
И Ге́рчѧ карикѹ́ина;
А самъ-си́ ѥ зѣ́лъ прѣмѣ́нѫ
Черве́нѫ и копри́нѣнѫ,
Забѹ́чи[3] перо́ чаѹ́шкò[4];
Та си типти́лъ[5] о̇ти́дъхѫ[6]
Въ града́ ми и[7] Разгра́да.
Отъ да́лечь ги присрѣ́щнахѫ
Гражда́нѐ съ ая́нинъ,
'Оштѐ съ еми́рина[8],
Довѣ́ръ имъ ко̇на́къ[9] да́дохѫ.
Ма́ню ая́нѹ дѹ́маше:
«Ая́не, бре, и гражда́не!
«За три́ дни ви мюхле́тъ[10] да́вамъ:
«Се́дмъ хазни́ да сбере́те,
«Тѹ́ка да ги донесе́те.»
Въ три ги де́на събра́хѫ,

---

[1] Взялъ; об=ню.

[2] Въ одежды; *памучянъ*, серб. *памучан*, изъ хлопчатой бумаги (перс. тур. *памбукъ*, откуда *бумага*).

[3] Заткнулъ, такъ что оно торчало.

[4] Такое, какое бываетъ у чаушей, глашатаевъ впереди войска.

[5] *Типтилъ*, съ тур., incognito (*тэбдилъ*=перемѣна, араб. перс. тур.). —

[6] *Ъ* свидѣтетьствуетъ о древности формъ; въ книжномъ языкѣ *о*.

[7] Не иначе, какъ для склада пѣсни.

[8] Съ аяномъ своимъ и емиромъ.

[9] Ночлегъ:—съ тур.—

[10] Съ тур., срокъ. Они играютъ роль Турокъ, присланныхъ отъ царя: даю сроку въ теченіе 3 дней, соберите 7 возовъ съ деньгами и сюда ихъ доставьте.

Тлъ́сти пече́ни а́гнета
И да пие́ ви́но́ черве́но́,
Пъ́рви си каракўлъ до́дꙗ
И по Страи́ла дўмаше·
«Страи́ле, стра́шна войво́до!
«Те́жка са поте́ри ҙада́де.»[1]
Страи́лъ каракўлу дўма:
«Каракўанно бра́йно-ле!
«Ела́[2] си испи́й ча́шж-тж,
«Иди́ си, пъҙи́[3] мѣсто-то;
«Не бо́й са, хо́ламъ, не бо́й са,
«Доде́[4] е Страи́лъ войво́да.»
О́ще Страи́лъ говоряше,
Вто́ри са каракўлъ ҙада́де
И си Страи́лу дўмаше:
«Страи́ле, стра́шна войво́до!
«Поте́ри-та на[5] дости́гнж,
«Поте́ри, те́жка поте́ри,
«Ко́лко[6] на горж́-тж ли́ста-та[7]
«И на поле́-то трава́-та,
«То́лко поте́ри ҙа насъ[8] иде́.»
Страи́лъ карау́лъ[9] дўмаше

---

[1] Показалась погоня тяжкая (сильная); серб. *потера.* —

[2] Ну-ка, ступай; греч. —

[3] Серб. *пазити,* стеречь, смотрѣть: *па* (болг. *пе,* наше *па* и *по*) и *зи-ти,* откуда *зи-ну-ть, зѣ-т-и-ть,* смотрѣть. —

[4] Пока есть, существуетъ. —

[5] Насъ.—

[6] Въ такомъ же числѣ, сколько въ лѣсу листьевъ, въ полѣ травы.

[7] Неизвѣстная намъ форма; обыкновеннѣе *листи-тѣ,* и еще чаще собирательное *ли́сте-то;* вм. *трава—трева* (трѣва?).—

[8] За нами.—

[9] Винит., какъ и въ другихъ случаяхъ.

«Каракýлино врáйно-ле!
«Елá си испи́й чáшѫ-тѫ.
«Иди́ си, варди́ мѣ́сто-то;
«Не бóй сѧ, хóлямъ, не бóй сѧ,
«Додѣ́ е Страи́лъ войвóда.»
О'штѐ Страи́лъ говóрѣше,
Трéти сѧ каравýлъ юки́,
Въ устá си нóжи[1] нóсѣшѐ,
Нóжи ми буздагáнина[2];
Отъ далéчь ти́чѣ[3] и ви́ка:
«Страи́ле, стрáшна войвóдо!
«Страи́ле, сиви́й девéла!
«Страи́ле, вóга[4] би́волска!
«Страи́ле, мéчка загóрска!
«О'штѐ ли ѣдéшь и пиéшь?
«Потéря-та на дости́гнѫ,
«Кóлко на горѫ́-тѫ ли́ста-та
«И на полé-то травá-та:
«Нѐ ли́ е[5] жáлко за нази
«И за нáше юнáчество[6]?»
Страи́лу сѧ нажеали́ло[7],
Извáди сáбѭ френги́ѭ,

---

[1] =*Ножь-тъ;* въ устахъ несъ ножъ.

[2] Рѣдко попадающееся у Болгаръ слово; у Сербовъ *буздован* и *буздохан=топузъ*, иногда просто въ значеніи *жельза* (гвожде) и *стали;* таково же конечно значеніе и здѣсь.

[3] *Ти́чьмъ,-пьшь,-пъ*, теку, бѣгу.

[4] Быкъ, самецъ буйвола.

[5] Ужели тебѣ не жалко.

[6] Объ насъ и нашемъ юначествѣ=собраніи юнаковъ. —

[7] По корню можетъ значить одинаково *жалость* и *досаду;* по ближайшему смыслу послѣднее.

Та мꙋ главѫ-тѫ отсѣче,
'Оште дрꙋжини[1] дꙋмаше:
«'Ѣжте и пийте, дрꙋжина,
«Трапезѫ не развалѣйте[2];
«'Азъ самъ-си[3] ште да идѫ,
«Да си потерѭ присрѣшнѫ[4],
«Да си потерѭ погꙋбѭ.»
Ѵе станѫ Страилъ, отиде,
Та си потерѭ присрѣшкѫ,
Тауе са Страилъ провикнѫ:
«Потерѣ тежка та темна[5]!
«Кой-то е вѣра христианска,
«Скоро[6] на ѕемлѭ да пада!
«Кой-то е вѣра проклята[7],
«Правъ на крака да остане[8]!»
Като са Страилъ ѕікъртѣ[9]
На десно ми и на лѣво,
Сичкѫ потерѭ погꙋби,
Останѫлъ е толко самъ.
Тогá-ѕъ дрꙋжини дꙋмаше:
«Не ли[10] ви, холамъ, говорѣхъ,

---

1 И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, сборникъ Вельтмана имѣетъ странную форму *дружину*, возможность которой мы однако не отвергаемъ (=дружинѫ, винит.).—
2 Не расстроивайте, не портите.—
3 =Одинъ, самъ по себѣ.—
4 Повстрѣчаю; ожидалось бы скорѣе *посрѣшнѫ*.
5 Замѣтьте *тьму* для означенія большаго числа.—
6 Тотчасъ.
7 Ожидается *проклѣта* — турецкая вѣра.
8 Пусть останется прямо на ногахъ.—
9 Ожидалось бы *завърнѫ*; развернулся.
10 У Вельтмана: *на ли*.

«Доде́ ıе Страи́лъ войво́да,
«Васъ глава́ не заболѣ́ва[1]?
«Сѣдне́те сега́ да ѣде́мъ
«И любо́вно да си пие́мъ,
«Сърца́-та си да попра́вимъ[2],
«Какво́-то[3] отбо́ръ-юна́ци,
«Всегда́[4] сотѣ́ки на Ту́рци.
«На Ту́рци прокле́то-вѣ́рци!»

—

[1] У васъ не можетъ заболѣть голова; глаголъ боли и страданія съ винительнымъ; форму *заболѣвамъ* сравни съ *писвамъ*, *ковавамъ*, и т. п.—
[2] Поправимъ себѣ сердца (= животы).
[3] Какъ нужно, какъ слѣдуетъ, какъ истинные юнаки.
[4] Не отзывается болгарскимъ; обыкновеннѣе *сѣкога*. —

XXXVI.

ТРИ БРАТА. АНТОНЪ, ЭВСТАѲІЙ.[1]

Тръгнѫли сѫ тріия[2] братя
Да идѫтъ у сестрѫ-тѫ си въ гости,
Въ голѣмъ ми градъ Самоковъ,
И за три деня сѫ отишле[3];
Като у неѭ стигнѫли[4],
Поседѣхѫ си петь дена,
Сладко ми сѫ яли и пили,
И миле са разговаряли,
И въ петь дена ми изѣли
Три добри крави ялови,
И сѫ испили сто ведра[5]
Сладко ми вино червено.
Като ядѣхѫ, пиѣхѫ,
И ушиано говорѣхѫ,
Дойде[6] пиле соколово,
Та кацнѫ[7] на Евстатиево
Десно ми, хобамъ, колѣно,
И си тихо проговори

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; по послѣднему, записана З. Княжескимъ; отличается увлекательною простотой. —
[2] Трое.
[3] Въ теченіе трехъ дней прибыли; употребительно *деня*.
[4] Достигли, пришли къ ней; = *нея*. —
[5] Родит. множ. —
[6] Прибыло, явилось.
[7] Сѣло, пало, опустилось; см. выше.—

Сла́дко-пойно со́колченце:
«Ой ва ва́зи[1], три́ма бра́ти!
«Като́ ядѐтѐ, пиѐтѐ,
«И тихано разгова́ратѐ,
«А не знайте[2], въ ва́ше-то се́ло
«Какво́ е чю́до ста́нжло[3]:
«Въ ва́ше се́ло сж доше́
«До[4] три́ ми хи́ляди Ту́рци;
«Же́ни-тѣ ви поро́бихж[5],
«Поро́бихж Евста́тинж
«Мла́дж и кра́снж невѣ́стж[6],
«И Анто́новж годени́цж[7].»
Това́ проду́ма пи́ле-то.
Тога́ва отгова́рахж
Два́ма по́стари[8] бра́ти:
«Ой ми та тѐбѐ, Анто́не,
«Анто́не, младъ годени́ко[7]!
«Въсѣдни твой[9] вра́но ко́нчѐ,
«Та са въспнитй на врѣ́ха[10],
«Го́рѣ на Ста́рж-Плани́нж,
«Та си нашъ се́ло[11] погледни́:
«Ако́ сж Ту́рци три́ста ду́ши,

---

[1] Эй вы, васъ!
[2] = *Не знаете.*
[3] Въ вашемъ селѣ какое чудо стало.
[4] При числѣ. —
[5] Женъ вашихъ поплѣнили. —
[6] Молодую жену.
[7] Обрученницу; обрученникъ, обручённый. —
[8] Двое братьевъ постарше.
[9] *Твое.* —
[10] Вскочи, подымись на верхъ; — *връхъ-то.*
[11] Въ сторону села.

«Да не си́ са наза́дъ вѫ́рнѫлъ[1];
«Ако́ сѫ Ту́рци три хила́ди,
«Да до́дешь и намъ да ка́жешь.»
Анто́нъ ми мла́до юна́че
Всѣ́днѫ ко́нче хра́нено,
И са на планинѫ́ ка́чи,
Та си намъ се́ло погле́днѫ
И си Ту́рци-тѣ преброе́ти[2]:
Не́ сѫ би́ли три́ста ду́ши,
Ами́ ра́вно три хила́ди,
Ка́къ то со́колче наза́до.
Анто́нъ ми мла́до юна́че,
До сра́мнѫ го да са вѫ́рне[3],
На бра́тя-та си да ка́же,
Но[4] на ко́нче си ду́маше:
«Ой та те́бе, вра́но ко́нче!
«Ако́ си Ту́рци надви́ѭмъ[5],
«Подко́ва[6] ще ти посребрѭ́,
«Го́здий[7] ще ти позлатѭ́;
«Не ако́ ни[8] Ту́рци надви́ѭтъ,
«Главѫ́-тѫ ще ти отсѣчѫ́;

---

[1] Не ворочайся назадъ (а самъ ихъ избей).

[2] Счелъ. —

[3] Срамно, стыдно ему вернуться (и просить помощи братьевъ); *досрамя* (*досрамѣмѣ*), стыдно, до сраму; кому же стыдно? *го*, винительный, по болгарскому идіотизму.

[4] Ожидалась бы другая частица; въ собственной Болгаріи она не въ большомъ употребленіи. —

[5] Побѣдимъ.

[6] Если только это не родит. множ. (подковъ), то д. б. *подкóви*.

[7] См. выше; = *гвóзде* (гвоздие). —

[8] Насъ. —

«Гле́дай, ко́нче аджеми́йче[1],
«Широ́ко да ми приска́чашь,
«Отъ уби́тіе да са не бои́шь.»
И на пу́шкѫ говорѣше:
«Пу́шко-ле, арнау́тско-ле!
«Веднѫ́жь да гърми́шь, а двашь у́дрей[2].»
'Още на са́бѫ говорѣше:
«'Ой та те́бе, са́бя френги́я!
«Крѣ́пко сѣчи́[3] и не страши́[4].»
Това́ като́ изговори,
Тръ́гнѫ си съ вра́но ко́нче[5],
Та си при Ту́рци оти́де,
И захва́нѫ[6] бой да са бие.
Би́ли са отъ сутринѫ́-тѫ[7]
Доро́[8] до полови́нѫ день.
Анто́нъ ми мла́до юна́че
Погу́би си три хи́ляди
Мла́ди Ту́рци невѣ́рни,
Отърва́[9] Евста́тикѫ-тѫ
Бу́лкѫ и своѭ́ годени́цѫ,
И ми са наза́дъ повъ́рнѫ,

---

[1] По употребленію — не вытзженый, не укрощенный конь. У Турокъ слово *аджемъ* для всего персидскаго и иностраннаго. —

[2] Однажды выстрѣли, а два удара дѣлай (*у́дрьмъ,—ьшь,—ь.*). —

[3] Кроши, руби: переходъ представленій смотри въ замѣчаніяхъ ниже.

[4] Не бойся. —

[5] Пустился съ конемъ своимъ. —

[6] Захватилъ, началъ биться. —

[7] Утренняя пора. —

[8] Даже до.

[9] Исхитилъ, освободилъ. —

Та ги при брáти ѕеведé[1],
'Оштé ги на сóхрѫ свáри[2]:
Ѣдѣ́хѫ та си пи́ѣхѫ[3]
И мнóго са разговáрѣхѫ.
Катó Антóна ви́дѣхѫ,
Отъ срьцé са ѕарáдовахѫ,
Подари́хѫ му петь крáви
Съ мъ́ни́ки-тѣ нимъ тéленца[4]
Ѕа негóво юнáчество.

---

1 Отвелъ ихъ къ братьямъ.—
2 Засталъ еще ихъ за столомъ (*свáрѫ*, Ц. слав. варити, варяти): обыкнов. *софра*, столъ, тур. —
3 Какъ и выше,=*пияхѫ*.—
4 Съ маленькими у нихъ (коровъ) теленками. —

XXXVII.

НАНЮ И ГЕРЧЕ[1]

Нáню воѝвóда дѹ́маше:
«Гéрче-ле, каракѹ́лано!
«И стани́, Гéрче, та иди́
«Въ градá, Гéрче-ле, Раꙁгрáда:
«Послѹ́шай, штó ꙁа насъ дѹ́матъ
«Грáждане, вре, и ая́не[2].»
И Гéрче стáнѫ, отѝде,
Деснѫ́ си рѫкѫ́ прикъ́рꙁа
И главѫ́-тѫ съ тъ́нъкъ пешки́ръ
Копри́невъ добрѣ́ прикъ́рꙁа[3],
Та отѝде Гéрче въ градъ́-тъ.
Похóдилъ е три недѣ́ли;
Ни́кой си ни́што не дѹ́ма[4]
Ꙁа Нáня, млáдѫ воѝвóдѫ,
И ꙁа Гéрчѭ каракѹ́ланка.

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; по послѣднему, записалъ «отъ Кубанка Мих. Илчинковъ.»

[2] Что объ насъ говорятъ граждане и *аяне* = турецкіе чиновники по городамъ=городничіе.—

[3] (Чтобъ его не узнали) подвязалъ правую руку и голову тонкимъ (красивымъ) шелковымъ платкомъ (*пешкиръ*, перс. тур., скатерть, платокъ).—

[4] Никто ничего не говоритъ.

Найсéтне[1] си ѥ отишелъ
Въ Али-аинско кафене́[2]:
Тамъ си айнинъ седѣше
Съ емиринъ[3], младѫ войводѫ,
Тютюнъ си, кафе́ пияхѫ[4].
Емиръ айну думаше:
«Да мóгѫ, айне, да хванѫ[5]
«Гéрчи ми каракулина
«И Паня ми, вре, войводѫ,
«Та да ги, хóламъ, изкáдѫ[6].
«При висóкѫ-тѫ могилѫ,
«На ѕелéнѫ-тѫ мурáва,
«Та на кóлъ да ги набиѭ,
«Подъ сѣнкѫ-тѫ имъ да седнѫ[7]
«И дóбъръ ѕефéтъ да стóрѭ[8]!»
Товá си емиринъ издума.
Стáнѫ Гéрче та отиде
И си на Паня обади[9],
Штó си говóрятъ ѕа Паня,
Ѕа младѫ Паня войводѫ
И ѕа Гéрчи каракулина.

---

[1] Послѣ всего. *Се́тенъ*, Ц. слав. сетьнъ, крайній, послѣдній, заимствованное, по Шафарику, Славянами отъ Готовъ, именно *sidhan*.—

[2] Въ кофейную аяна Али. —

[3] *Инъ*—болгарское окончаніе къ слову Емиръ.—

[4] Восточное выраженіе: *пили* табакъ, кофе.—

[5] Ахъ, еслибы я могъ схватить Паня и Герчя.—

[6] Вывести ихъ; *висока могила*, вѣроятно, названіе какой либо мѣстности.—

[7] Сѣсть бы подъ ихъ тѣнью.—

[8] *Зіафетъ*, тур., пиръ. —

[9] Донесъ, пересказалъ воеводѣ.

Иа́ню си овзе́[1] премѣ́нѫ,
Си́чки юна́ци облѣ́че
Въ бѣ́ли памѹ́чни дре́хи[2],
И Ге́рчѫ каракѹ́лина;
А самъ-си́ е зе́лъ премѣ́нѫ
Черве́нѫ и копри́нѣнѫ,
Забѹ́чи[3] перо́ чикѹ́шко[4];
Та си типтиа́лъ[5] ȯти́дъхѫ[6]
Въ града́ ми и[7] Разгра́да.
Отъ дале́чь ги присрѣ́щнахѫ
Гражда́не съ ая́нитѣ,
'Оште́ съ еми́рина[8],
Добъ́ръ имъ ко̀на́къ[9] да́дохѫ.
Иа́ню ая́нѹ дѹ́маше:
«Ая́не, вре, и гражда́не!
«За три́ дни ви мюхле́тъ[10] да́вамъ:
«Се́дымъ хазни́ да сбере́те,
«Тѹ́ка да ги донесе́те.»
Въ три ги де́ла събра́хѫ,

---

[1] Взялъ; *об*=ю.

[2] Въ одежды; *памучянъ*, серб. *памучан*, изъ хлопчатой бумаги (перс. тур. *памбукъ*, откуда *бумага*).

[3] Заткнулъ, такъ что оно торчало.

[4] Такое, какое бываетъ у чаушей, глашатаевъ впереди войска.

[5] *Типтилъ*, съ тур., incognito (*тэбди́ль*=перемѣна, араб. перс. тур.). —

[6] *Ъ* свидѣтетьствуетъ о древности формъ; въ книжномъ языкѣ *о*.

[7] Не иначе, какъ для склада пѣсни.

[8] Съ аяномъ своимъ и емиромъ.

[9] Ночлегъ:—съ тур.—

[10] Съ тур., срокъ. Они играютъ роль Турокъ, присланныхъ отъ царя: даю сроку въ теченіе 3 дней, соберите 7 возовъ съ деньгами и сюда ихъ доставьте.

На Иáню ги прѣдадъхѫ.
Иáню си типтúли сбúра[1],
Да си при цáря отúде;
Тръ́гнѫхѫ да ги испрáтятъ[2]
Аянúнъ и граждáне-тѣ,
О́ще ми емúръ войвóда.
Иáню аяну дýмаше:
«Аяне и вы, граждáне!
«Стúга ни испрокáждайте[3]:
«Нéка ни сегá провóди
«Емúръ, млáда войвóда.»
Токá емúринъ катó чю,
Прѣмнóго ся зарáдова,
Чè сѫ нéго покáнили[4],
Цáрскы хóра да испрáти,
И съ рáдость напрѣ́дъ тръ́гнѫ[5].
Вървѣ́ли, што сѫ вървѣ́ли,
Стúгнѫли зелéнѫ-тѫ трéвѫ[6]
И висóкѫ-тѫ могúлѫ.
Иáню дружúнѫ дýмаше:
«Дружúна[7] вѣ́рна сговóрна!
«Добрó си áгне излъ́гъхме[8],

---

[1] Сбираетъ своихъ переодѣтыхъ, чтобы воротиться (будто бы) къ султану.—
[2] Пустилися провожать ихъ.—
[3] Довольно (стига) провожать насъ; пусть теперь насъ проводитъ емиръ; *стига* съ повелит.—болгарскій оборотъ за неимѣніемъ неокончательнаго.—
[4] Когда это услыхалъ емиръ, очень обрадовался, что его пригласили провожать царскихъ людей.
[5] И съ радостью пустился на передъ.
[6] О формѣ этой, вмѣсто *тра* и *трѣ*, замѣчено выше.—
[7] Ожидалось бы *о*.
[8] Славнаго ягненка мы обманули, выманили, приманили.

«Та го съ нáзи вóдиме:
«Хванѣте та го заколѣте,
«Сегá дървá насѣчѣте,
«Та си óгънь накладѣте,
«За да[1] си áгне-то опечéмъ,
«Таче подъ байрáкъ да сѣднемъ,
«Добъръ кефéтъ да си стóримъ.»
Тогá-зъ са сийрь осѣтнахъ[2],
Чè не е цáрски чавушинъ[3],
Но Нáню, млада войвóда,
И Гéрчè каравулина[4];
И викнж, та са провикнж:
«Кой другиму зло помисли,
«Нéму са на главж сипка!
«Че български-тѣ сж юнáци
«И никой ги не надвива[5]!»

---

[1] За тѣмъ, чтобъ...
[2] Догадался.
[3] Здѣсь, какъ и выше, *в* вставное. —
[4] Здѣсь уже совершенно форма падежа=члену: *каравулинъ-тъ*. —
[5] Такъ какъ это болг. юнаки и никто ихъ не побѣждаетъ, не можетъ побѣдить (ср. другія аналогическія формы). Таковы были прежде мнѣнія о Болгарахъ, хотя бы даже у нихъ самихъ!

XXXVIII.

ЧАВДАРЪ И ЛАЛЮ.[1]

Чавда́ръ ми, мла́да войво́да,
Курди́салъ[2] Чавда́ръ войво́да
До[3] три́ста бѣ́ли чадѣ́ри[4]
Въ Ри́лѫ, Ста́рѫ-Плани́нѫ[5];
Подъ сѣ́ки чадѣ́ръ седѣ́хѫ
По два́мi, три́ма юна́ци;
Подъ єди́нъ чадѣ́ръ седѣ́ли[6]
Самъ-си́ ми Чавда́ръ войво́да
Съ се́стрино-то си мо́мче[7],
Дойчи́на байрактари́на[8].
Чавда́ръ Дойчи́ну ду́маше:
«Дойчи́не, младъ байракта́рю!
«Сега́ ми хабе́ръ дофта́са[9]
«Отъ голѣ́ма гра́да Софи́ѭ,

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; въ послѣднемъ имя записавшаго: «отъ Кубанка Иванъ Муринковъ.»
[2] Разбивалъ; съ тур. *курмакъ*. —
[3] При числѣ. —
[4] Шатры. —
[5] Горы Рила, относящіяся къ системѣ Родопа, названы здѣсь также Старой Планиной (Балканомъ), въ обширномъ смыслѣ. —
[6] У Вельтмана *сѣдѣше*. —
[7] Племянникъ по сестрѣ, сестричичъ. —
[8] Одинъ изъ двусмысленныхъ падежей, аналогическій съ родит. и употребленный какъ sociativus. —
[9] Пришла вѣсть; см. выше. —

«Отъ Софийски-тѣ айне,
«Айне и базиргене[1]:
« «Дѣ да е Чавдаръ, да дойдѣ,
« «Софийска паша да станѣ[2].» »
Събори[3] Чавдаръ, събори
До триста дѣли юнаци.
Лалю[4] Чавдару думаше:
«Вуйчѣ-ле[5], вуйчѣ Чавдаре!
«И седи, вуйчѣ, не ходи:
«Турци сѫ хитри[6], разумни,
«Съ уста ще на излъжатъ,
«Съ очи ще на изловятъ[7].»
Чавдаръ Лаля не послуша[8],
Ами станѫ та отидѣ
Въ голѣма града Софиѭ.
Лалю Чавдару думаше:
«Вуйчѣ-ле, вуйчѣ Чавдаре!
«Момци-тѣ ни[9] сѫ шесь стотинъ,
«По триста да ги раздѣлимъ:
«Ти земи[10], вуйчѣ, триста-та,

---

[1] Негоціанты; см. выше. —
[2] Слова заманивающихъ Чавдара: «гдѣ ни есть, пусть придетъ онъ»...
[3] Оборилъ, развалилъ, разметалъ. —
[4] Пѣсня, кажется, смѣшала имена: выше Дойчинъ. —
[5] Уй, дядя по матери; *в* придыхат. —
[6] Въ болгарск. слово это не имѣетъ значенія быстроты, какъ въ серб., а просто хитрости: позднѣйшее. —
[7] Устами обмануть (оболгуть), очами изловять; *на*=нась. —
[8] *Слушьмъ,-пьшь,-пъ* (=*я*); съ помощію *по* возможно употребленіе аориста, *послушъ* (= *я*).
[9] Намъ, у насъ. —
[10] Возьми.

«И азъ да зѣмѫ триста-та.»
Чавдáръ си мóмци[1] раздѣлѝ:
Зелъ Чавдáръ най-юнáци-тѣ[2],
А на Лáлю остáнахѫ
Измéта[3] и най-слáби-тѣ.
И стáнѫ Чавдáръ, отѝде
Въ голѣ́ма грáда Софиѭ,
А Лáлю въ горѫ́ остáнѫ.
Лáлé Чавдáръ[4] срѣ́щнахѫ
Съ млáди-тѣ му юнáци;
Катó въ градá влѣ́зъхѫ[5],
Лáлю Чавдáру дýмаше:
«Чавдáре, млáда войвóдо!
«Я речи́ на твóй-тѣ[6] мóмци,
«Да си силя́ха[7] скри́ѭтъ ,
«Чё[8] штемъ прѣзъ градá да ми́немъ,
«Та и́ма бу́ли непрáзни
«И и́ма мóми страшли́ви[9], —
«Въ голѣ́мъ грѣхъ ште влѣзéме[10];
«Чé штемъ, Чавдáре, да и́демъ

---

[1] Таково болѣе обыкновенное удареніе (оно вообще у Болгаръ очень колеблется, можетъ быть потому, что мы еще смѣшиваемъ съ нимъ долготу, о которой имѣемъ смутныя понятія); но выше у Вельтм. *мумци* (*о* перешло въ *у*), и ст. б. удареніе на *ци*. —
[2] Лучшихъ.
[3] Серб. *измет*: дрянь, соръ, остатки.
[4] Такъ слабы падежи, не смотря на то, что при именахъ собственныхъ такъ часто *а* для косвенныхъ падежей. —
[5] Въ книжномъ *зо;* древнѣйшая форма. —
[6] = *твои-тѣ*. —
[7] *Селяхъ*, вооруженіе, тур. —
[8] Такъ какъ, ибо. —
[9] Есть тамъ жены беременныя, дѣвушки пугливыя.
[10] Попадемъ въ большой грѣхъ, надѣлаемъ грѣха (напугаемъ). —

«На нашѐки-тѣ ко̀наци,
«Трѝ дни ще ѕефѐтъ[1] да сторимъ.»
Като̀ къ конаци каѣѕан,
Трѝ дни сѫ ѣли и пили,
Нѐ могли да ги[2] упоѝтъ.
Айнинъ граждане̇ дума:
«Граждане̇ и вѫѕиргене̇!
«Какко̀ да сторѭ, да правѭ[3],
«Да си Чявдара упоѭ,
«Чявдара и момци-тѣ му?»
Граждане̇ айну думахѫ:
«И туй-ли да та научимъ[4]?
«Дакай имъ вино̇ съ ракиѭ,
«Да си Чявдара упоишь,
«Чявдара и момци-тѣ му.»
Дадохѫ имъ вино̇, ракиѭ,
Та си Чявдаръ[5] упоихѫ,
Чявдара и момци-тѣ му,
Упой та ги изкѫрза[6]:
Сѣкиму синджиръ[7] на шиѭ;
Чявдару, малдѫ войводѫ[8],
Дѣа му синджира на шиѭ

---

1 Пиръ, тур. —
2 Ихъ. —
3 Что мнѣ сотворить, что сдѣлать, чтобы упоить Чавдара?
4 Неужели и этому мы должны учить тебя? *туй=тое*; зыблемость ударенія при краткихъ частицахъ виною, что *о* переходитъ въ *у*. —
5 Рядомъ *Чявдаръ* и *Чявдара*!
6 Связалъ; аористъ.
7 Желѣзо, оковы, тур. —
8 Дательный и рядомъ винительный, за неимѣніемъ дат. въ формѣ на *а*. —

И билèкчи́[1] на рѫцѣ́-тѣ,
И тꙋмрꙋ́къ[2] на крака́-та.
Кога́ са Ꙋмеда́ръ събꙋ́ди,
Пъ́рво нѣ́го-си[3] погледнѫ,
Ꙋ̀ ми е къ́рзанъ, окно́панъ,
И си а́йнꙋ продꙋ́ма:
«Блазѣ́[4] ти, хо́ламъ, а́йне!
«Тока́ ли ти е вѣ́рность-та,
«Хо́ламъ, и юна́чество-то[5]?
«Сега́ та, а́йне, мо́лѧ:
«Да ма, а́йне, изнѐде́шь
«На висо́кѫ-тѫ джамиѧ́[6],
«Деснѫ́ ми рѫкѫ́ отвържи́[7],
«Съ мѣ́дна ро́га да потрꙋ́бѧ[8],
«Да чꙋ́ешь, ка́къ юна́къ трꙋ́би.»
А́йнѫ Ꙋмеда́ра послꙋ́ша,
Та го на джамиѧ́ изнѐдѐ,
Деснѫ́ ми рѫкѫ́ отвързѫ,
Мѣ́дна ро́га да потрꙋ́би.
Като́ ми Ꙋмеда́ръ потрꙋ́билъ,
Ла́лю си зачю́ трꙋбѫ́-тѫ
И на дрꙋжи́нѫ дꙋ́маше:
«Дрꙋжи́на[9] вѣ́рна, сгово́рна!

---

[1] Выше *билисче-та*, обручи; форма *билекчи* намъ незнакома. —
[2] Тур., колода (деревянная). —
[3] Вмѣсто *себе-си:* прежде посмотрѣлъ на себя.—
[4] Въ такомъ же смыслѣ, какъ Ц. слав. благоже!— хорошо, прекрасно! —
[5] Это ли вѣрность твоя и юначество? = *вѣрность*.
[6] Тур., мечеть. —
[7] Отвяжи. —
[8] Чтобъ потрубить мнѣ мѣднымъ рогомъ. —
[9] Ожидалось бы *о*. —

«Стѧ́гайте си царвꙋли-тѣ[1],
«Та въ Софі́ѭ да идѐмъ,
«Ѹмкарѧ да си избавимъ
«Отъ тѐмни-тѣ, вре, окѡ́ви:
«Ла́нъ Ѹмкара измамихъ[2],
«Та гѡ̀, като а́гне, свѫ́рзалъ.»
Ста́нахѫ, до[3] гра́дъ оти́шле, —
Гра́дски врата́ затво́рени.
Ла́лю дрꙋжи́нѣ дꙋ́маше:
«Бꙋте́те харби́и[4] въ стѣнѫ́-тѫ,
«Та отвѫ́три минꙋ́вайте[5];
«Кога́ вѫ́три си влѣ́земе,
«Пѫ́рво а́ѧнинъ да заколѐмъ.»
Дрꙋжи́на такъ и сто́рила:
Пѫ́рво а́ѧнинъ закла́ха,
Та си Ѹмкара пꙋсна́ли[6],
Ѹмкара и мо́мци-тѣ мꙋ.
Ѹмкаръ си Ла́лю дꙋ́маше:
«Ла́лю-ле, мла́дъ байракта́ринъ!
«Хала́лъ[7] да ти е, Лалѐ-ле,
«Кꙋ́птево-то ти[8] войво́дство,
«Съ три́ста мла́ди юна́ци:
«Ѹе[9] ма ти отъ смѫ́рть избави[10].»

---

[1] Стяните, завяжите черевикй, — приготовьтесь. —
[2] Обманулъ, заманилъ.
[3] Къ, въ. —
[4] Тур., — бердыши (и — шомполы) пихайте, вбивайте.
[5] И переходите внутрь; *ри*, полагаемъ, безъ ударенія перешло изъ *рѣ*. —
[6] У Катранова: *пускали*. —
[7] Въ подарокъ, дарю тебѣ.
[8] Воеводство *твоего* уж. —
[9] Ибо, такъ какъ. —
[10] Аористъ, 2-е лице.

XXXIX.

ИВАНЧЁ И ЕГО ДЯДЯ[1].

«Ой гáрване, черъ[2]-гáрване!
«Катó фъ́ркашь на висóко
«Та си глéдашь на широ́ко[3],
«Не видѣ ли нѣйдѣ нѣщо[4]?»
Отговáрѣ[5] чéрни гáрванъ:
— 'Ой та тéбе, Ивáнчёка,
— Ивáнчёка ми́лъ ми́йко!
— Видѣхъ, видѣхъ въ горѫ́-тѫ,
— На висóкѫ-тѫ планинѫ́,
— До три́ста мóмци юнáци:
— Накладáли си бу́ковъ óгънь,
— Та си печáхѫ[6] на óгъни,
— На óгъни, на скáрѫ-тѫ[7],
— Мáлкі дѣтé, млáдъ Ивáнчи;

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; въ послѣднемъ подписано: «З. Княжескій.» —

[2] Корень слова *черный;* слова матери Иванчя. —

[3] Такъ какъ ты летаешь по высотѣ и смотришь...; у Катран. вмѣсто *та си,—като си.* —

[4] Не видалъ ли ты гдѣ нибудь, чего ни будь? Аористъ, 2-е лице.—

[5] = *ря*, отвѣчаетъ. —

[6] = *печя́хѫ* (=чахѫ). —

[7] *Скáра,* рѣшетка, на которой жарятъ; вѣроятно въ родствѣ съ Ц. сл. *скрада*, наше *сковорода* (по Миклош. отъ *кєрѣти*), а можетъ быть также въ родствѣ съ *сквара* (*скверна*) и *скарадъ.* —

— Печéхѫ го на скáрѫ-тѫ,
— Съ нѣго да си ѕаблажѫтъ[1];
— Кўчё ми го, ъре, печáше,
— Добрѫ пѣснѭ[2] му пѣяше[3]:
— «Печи́ са, печи́, Ивáнчё[4],
— «Печи́, та ми са опечи́[5],
— «Да нахрáнишь и насити́шь
— «Триста мóмка[6] харами́и[7].»
— Отговáрѣ младъ Ивáнчё
— Отъ óгъня, отъ скáрѫ-тѫ:
— «Óй та тéбе, ми́ли кўчё!
— «Ѧ ми пóдїй бáщинѫ[8] ми
— «Тѣнкѫ-тѫ, óстрѫ сáбѭ,
— «Дѣто[9] не ми ѥ кáдена[10]
— «Цѣли ми дéвѧтъ годи́ни,
— «Да нахрáнѭ триста мóмка,
— «Триста мóмка харами́и.»
— Подáдѐ му нѣговъ кўчё

---

1 Чтобы имъ разговѣться. Коренное представленіе? Во первыхъ *за* (безпрестанно въ слав. нарр.) =*съ*=*изъ*=*разъ*. Далѣе очевидна связь съ *благо*, а *благо* во многихъ нарѣчіяхъ=*скотъ*; наше *раз-гов-ѣ-ть-ся* въ связи съ *говядо*; у Болгаръ *благо ѣдѫтъ* = ѣдять скоромное.

2 Обыкновеннѣе *пѣсень, пѣсьнь*, даже *пѣсънь*.

3 *Пѣѭ*, пою, употребительнѣйшее; но въ Русахъ (*Руси* — народное, прадревнее болгарское названіе для Рущука) говорятъ и *пóѭ, поешь, пое*, и проч.

4 Слѣдуютъ слова дяди Иванчя, передаваемыя гавраномъ; они названы *пѣснею*.

5 Замѣтьте, какъ *са* отходитъ къ двумъ формамъ.

6 Какъ и выше, это не что иное, какъ родит. множ. —

7 Д. б. *харамии*, тур., хищники, дармоѣды, не живущіе трудомъ.

8 Отца моего, отцовскую.

9 Которая. —

10 Не была доставаема, вынимаема.

— Бáштинѫ му тѣнкѫ сáбіѭ[1].
— Үé си стáнѫ малъ Ивáнчё
— Отъ óгънѭ[2], отъ снáрѫ-тѫ,
— Та си зѣма въ рѫкѫ-тѫ,
— Въ рѫкѫ-тѫ тѣнкѫ сáбіѭ,
— Та сѫ на дéсно закъртѣ[3];
— Додѣ[4] сѫ на лѣво обѣрнѫ,
— Остáнѫлъ е тонó[5] мѣгокъ
— Милъ вуйчё, майкинъ му брáтецъ[6];
— И на вуйчи си думаше:
— «Ой та тéбе, мили вуйчё!
— «Нахрáнихъ си триста момчи,
— «Дали и тéбе нахрáнѭ[7]?»
— Той Ивáнчю[8] отговáрѣ:
— «Ой та тéбе, малъ Ивáнчё,
— «Мое сéстрино момчéнце!
— «Остáви ма живъ на свѣта[9],
— «По грáдове да си хóдѭ,
— «Юнáчество да ти хвáлѭмъ[10],
— «Што е чудно на вóзраста ти[11].»—

---

1 Желалось бы *сабѭ*, какъ выше. —
2 Оригиналъ Вельтмана пишетъ то *на*, то *ня* (огънъ).
3 Развернулся.
4 Пока. —
5 У Катран. *только*.
6 Братъ его матери; выше мы встрѣчали *майчинъ*.
7 И тебя не напитать ли (также точно)?
8 Форму эту можно объяснять и не дательнымъ: *Ивáнчё*, *вуйчё*, *ё* близко къ *о* и безъ ударенія переходитъ въ *у* (послѣ шипящихъ въ *ю*).
9 На свѣтъ-тъ.
10 Ожидалось бы *хвалѭ*;-*ѭмъ* не сербское ли вліяніе?
11 Которое чудно, удивительно (судя) по твоему возрасту; употребительнѣе *возрасть*.—

XL

НИКОЛА И СЕСТРА ЕГО ЕЛЕНКА. ВЪЛЧАНЪ.[1]

Трѣгнѫлъ ѥ турла́къ[2] Нико́ла
Съ нѥ́говѫ-тѫ се̇стрицѫ,
Съ хꙋ́бавѫ[3] бѣ́лѫ Ѥ̇ле́н'кѫ,
Въ Тѣ́рновъ на[4] го́сти да ѝде̇,
Ꙋ[5] бра́та си, бре, Стоя́на.
Въркѣ́ли што сѫ въркѣ́ли,
Мі́нѫли полѐ широ́ко,
Наста́ли[6] горѫ̀ ѕеле́нѫ.
Нико́ла ду́ма Ѥ̇ле́н'ки:
«Ѥ̇ле́н'ке[7], се́стро Ѥ̇ле́н'не!
«Ѩ викни́, се́стро, та ѕапѣ́й,
«Изъ ѥдно́ гѣ́рло два гла́са,
«Отъ ѥдни́нъ ѩзи́къ[8] двѣ ду́ми,
«Горѫ̀ ве́село да мине̇мъ.»
Ѥ̇ле́н'на ду́ма Нико́лꙋ:
«Бра́йне-ле, ба́ю[9] Нико́ла!

---

[1] Изъ сборника Катранова и Вельтмана; записалъ З. Княжескій. —

[2] Это названіе употребляется Турками въ смыслѣ бродяги, лѣнтяя, въ родѣ хайдука; въ Болгаріи нѣсколько мѣстностей носятъ это имя: по дорогѣ изъ Рущука къ Сливну, ближайшая отъ перваго мѣстность; по дорогѣ изъ Рущука въ Шуменъ опять городъ Турлакъ.— 'Не славянскій ли корень *турити*? —

[3] У Вельтм. *хобавѫ*.

[4] Въ.

[5] Къ.

[6] Вошли въ; выразительность кореннаго значенія, напоминающая языкъ нашихъ лѣтописей.

[7] Ожидалось бы *ко*.

[8] = Єзикъ.

[9] Къ старшему брату.

«Нè мóгѫ, брáйне, да запѣ́ѭ:
«Тѹ́ка[1] ıe горá зелéна,
«Тѹ́ка ıe Вълчи́нъ войвóда
«Съ сто и двáйси юнáци,
«Гласá ми ште си познáıe[2],
«Нáзи ште да си присрѣ́шнè[3],
«Тéбе ште да си ѹби́ıe,
«А мéнь[4] къ горѫ́ ште зѣ́ме[5].»
Никóла дѹ́ма Іѥлéн'ки:
«Іѥлéн'ке, сéстро Іѥлéн'ке!
«Не бóй сѧ, сéстро Іѥлéн'ке:
«Додѣ́[6] съмъ áзи съ тéбе,
«Главá не ште тѧ заболи́[7];
«И викни́, та ми запѣ́й,
«Изъ ıедно́ гъ́рло два глáса,
«Отъ ıеди́нъ ıазы́къ двѣ дѹ́ми.»
Іѥлéн'ка брáта послѹ́ша,
Ви́кнѫла та ıe запѣ́ла,
Изъ ıедно́ гъ́рло два глáса,
Отъ ıеди́нъ ıазы́къ двѣ дѹ́ми:
Горá-та си ıe ıéкнѫла[8],
Слáвеи-тѣ сѫ млъ́кнѫли[9].

---

[1] Тутъ.
[2] Узнаетъ мой голосъ.
[3] Насъ встрѣтитъ.
[4] = *Мене.*
[5] Возьметъ. —
[6] Пока.
[7] Голова у тебя не заболитъ (будешь внѣ опасности); *тѧ*, винит., болгарскій идіотизмъ; см. выше; *заболи* — тема со вспомагат. глаголомъ *ште*. —
[8] Отозвалась (наше *ѣкнула*); Сербъ сказалъ бы: *стаде ека.*
[9] Соловьи замолкли; у Вельтм. *славеи.*

Отъ дѣ[1] ми ѭ[2] ѕачюлъ Вълчи́нъ.
Вълчи́нъ ми млада́ войво́да,
И си дружи́ни[3] ду́маше:
«Дружи́на вѣ́рна, сгово́рна!
«Ꙗ стига́йте сѧ[4], дружи́на,
«Та си пѫ́тищата хванѣ́те[5]:
«Тока́[6] ѭ бѣла Ѥле́н'ка,
«Што си прѣзъ горѫ́-тѫ пѣ́е,
«Тѩ[7] въ Тѣрново̀ о̀ти́ва,
«На го́сти, хо́ламъ, на сбо́ра[8];
«Да си Ѥле́н'кѫ улови́мъ,
«Ѕа ме́не[9] си да ѭ ѕѣ́мѫ,
«Ступа́никѫ да ѭ напра́вѭ.[10]»
Ста́пахѫ та си срѣ́шнахѫ,
На пѫ́тѭ, на крѣ́сто-пѫ́тѭ[11].
Ѥле́н'кѧ ду́ма Нико́лу:
«Нико́ла, бра́йне Нико́ла!
«Какво́ штемъ сега́ да пра́вимъ[12],
«Да сѧ по́лесно о̀търве́мъ[13]
«Отъ Вълчи́на, младъ-войво́дѫ?»

---

[1] Послѣ того какъ, какъ скоро. —
[2] Ее. —
[3] У Вельтм. постоянно *дружину*.
[4] Собирайтесь; это же значеніе собранія войска имѣетъ *стягъ*.—
[5] Схватите, займите. большія дороги. —
[6] Это Еленка, что (которая) поетъ (идя) сквозь лѣсъ. —
[7] Она. —
[8] *Сборъ* (съборъ, серб. сабор)=праздникъ при храмѣ, сходка , ярмонка.
[9] У Вельтм. постоянно *меня* (подправлено?). —
[10] Сдѣлаю ее хозяйкой. —
[11] На перекрестномъ пути.
[12] Что мы теперь сдѣлаемъ, что намъ теперь дѣлать, чтобы...?
[13] Чтобы легче освободиться, спастись (оторваться).

Нико́ла ни́што не ре́че,
Изва́ди но́жы Га́бровска[1],
Та сѧ на Вълчи́на спꙋ́снѫ[2]
И мꙋ главѫ́-тѫ отрѣ́за;
Тога́-зъ си погна́ юна́ци,
Та ги въ пештери́ вка́ра[3];
И на Ѥле́н'кѫ дꙋ́маше:
«Ѥле́н'ке, ми́ла сестри́це!
«Ꙗ пѣ́й си, се́стро, пѣ́снѭ-тѫ,
«Ве́село горѫ́ да ми́немъ,
«Какво́-то[4] мла́ди юна́ци,
«Безъ стра́ха, се́стро, безъ гри́жѭ[5].»
Ми́нѫли, та сѫ о̀ти́шле
Въ голѣ́ма гра́да Тъ́рнова,
Ꙋ бра́та си, бре, на го́сти.
Недѣ́лѭ сѫ посидѣ́ли[6],
И пакъ сѧ наза́дъ въ́рнѫли,
Безъ стра́ха, хо́ламъ, безъ гри́жѭ,
Какво́-то добра́ юна́ка[7].

---

[1] Габрово славилось всегда издѣліями. –
[2] Пустился.
[3] Вогналъ, загналъ ихъ въ пещеры. —
[4] Какъ слѣдуетъ, какъ должно.
[5] *Грижя* = забота, печаль, перешедшая у насъ въ значеніе болѣзни; тоже значеніе (уже отвлеченное) имѣетъ иногда и *болѣзнь*. —
[6] Конечно=*посѣдѣли*, *ѣ* безъ ударенія=*и*. —
[7] Ожидалось бы *добри юнаци*; если это не родительный (свойства) множ., то падежъ параллеленъ нашему именительному множ. на *а*.—

XLI.

ГЮРДАЛА И ДОБРА. РАДОЙ. ВОЕВОДА ИЗЪ КАЗАНЛЫКА[1].

Гюрдáла Дóбри говóри:
«Ли́бе-ле[2], Дóбро, ли́бе-ле!
«Ѩ стани́ във недѣ́лѭ[3],
«Ꙁамѣси́ бѣ́ло ки́село[4],
«И готви́ мáнджѫ[5] ꙋгóднѫ[6],
«И налѣ́й[7] ви́но, раки́ѭ,
«Да и́дём, Дóбро, да и́дём
«На дрꙋго сéло на гóсти,
«Ꙋ мáйнѵени-тѣ óтврътин[8].»

---

[1] Заимствована у Богоева, а потому предстоитъ отмѣчать поправки.—

[2] *Либе* = любой, любезный, милый; обыкновенныя обращенія мужа и жены, здѣсь брата и сестры.

[3] Встань въ воскресенье.

[4] *Кисело* (собств. средн. родъ прилагат.) = закваска, тѣсто; *бѣло*—такъ называемый эпитетъ украшающій. —

[5] Кушанье, притомъ хорошее, праздничное (съ итал.?). —

[6] Пригодную, хорошую.—

[7] У Богоева *налей*; *е* въ этомъ случаѣ является изъ *ь* (ль-ю), а *ь* изъ *и* (ли-ти), а *и* пониженіе *тоў ѣ*; въ болгарскомъ же постоянно сохраняется *ѣ*: *лѣѭ*, *налѣ* (аористъ), *налѣлъ*, и проч. —

[8] Предположимъ, что въ воскресенье свадьба: въ пятницу у Болгаръ будетъ *квасъ* (у нѣкот. Славянъ, напр. лужицкихъ, имя это значитъ свадьбу), тоже, что у Рисанцевъ (Сербовъ), *пјаца*, когда собираются и пьютъ родные обѣихъ сторонъ, пьютъ и сговариваются (сговоръ);

— Ли́бе Гюрда́ла, Гюрдала!
— Че ка́нъ штемъ, ли́бе, да и́дёмъ.
— Че отъ гдѣ́-то штемъ ми́немъ[1],
— Като́ ни е та́мна Радо́й[2],
— Радо́й, мла́да воево́да,
— Съсъ три́ста ду́ши юна́ци? —
Гюрда́ла До́бри ду́маше:
«Ли́бе-ле, До́бро, ли́бе-ле!
«Та штѣ́ са побоѭ́ отъ Радо́я[3]?
«А́зъ съмъ са бо́рилъ[4] съ Радо́я,
«Та съмъ го се́ надви́валъ[5];
«И ка́мыкъ[6] съмъ азъ мѣ́талъ,
«Та съмъ го се́ надмѣ́твалъ.»
Тя[7] ста́нѫ ра́но въ недѣ́лѭ,
Замѣ́си бѣ́ло ки́село,
И го́тви ма́нджѭ уго́днѫ,

въ субботу *медеників*: печется пита (пирогъ) съ медомъ, около нея пляшутъ ергени (холостая молодежь), потомъ разрѣзываютъ; въ воскрес. *свад'ба*; слѣдующіе дни начинаются посѣщенія (отплата визитовъ) — жениха съ невѣстой къ тестю и тещѣ, всѣхъ родныхъ къ молодымъ, и т. п.: *ótврътки*, *пóвратни*, *повратня'*, *вс̓дворки*, серб. *походе*. Герои наши вѣроятно идутъ къ матери для встрѣчи тамъ молодыхъ. —

[1] Гдѣ пойдемъ и гдѣ, съ какой стороны, пройдемъ мы, когда тамъ (по дорогѣ) Радой?—Вм. *гдѣ* д. б. *дѣ*. —

[2] = *Радой*, что указываетъ слѣдующій именительный: *войвода* (при *е* м. б. и родит.). —

[3] Такъ я и стану бояться Радоя?

[4] Вѣроятно *борилъ*, причастіе, аналогически съ прошедшимъ несов. образованное: барывался; *ѣ* безъ удар.=*и*.—

[5] И все, постоянно побѣждалъ его;=надвивалъ.

[6] У Бог. *камыкъ;* употребительнѣе *камъкъ*. —

[7] Она встала.—

И пилѣ вино, ракиѭ
Та-пá[1] стáнжли да вървя́тъ[2].
Вървѣ́ли што сѫ вървѣ́ли,
Мúнжли полé широ́ко,
Настáли горѫ́ ʒелéнѫ
И тúи[3] глѫбóки дóлове.
Гюрдáла Дóбри говóри:
«Лúбе-ле, Дóбро, лúбе-ле!
«Хáй[5] да ми, лúбе, попѣ́ешь
«Мóѭ-тѫ пѣ́сень юнáшкѫ.»
Дóбра Гюрдáла[6] говóри:
-- Лúбе Гюрдáла, Гюрдáла!
— Че кáкъ штѫ да ти попѣ́ѭ,
— Че гдѣ́-то смé си сегáна[7]
— Въ тúи глѫбóки дóлове,
— Като́ ми е тýка Радóи,
— Радóи, млада войвóда[8],
— Съсъ трúста дýши юнáци? —
Гюрдáла Дóбри думаше
«Лúбе ле, Доеро, лúбе-ле
«Та штѫ са побоѭ отъ Радои?
«Азъ съмъ са бóрилъ съ Радои,

---

[1] Потомъ.
[2] Встали, чтобъ отправиться, пустились въ путь.
[3] *Тии*. —
[4] Въ народномъ яз. обыкновенно *дълбоки* или *длъбоки*; вѣроятно подправлено. —
[5] Нука, lass. —
[6] Несклоняемо; однако встрѣчаемъ *Николу*. —
[7] *Сегана*=теперь; вм. *гдѣ-то* д. б. *дѣто;* какъ я буду тебѣ пѣть, какъ мнѣ пѣть тебѣ, когда мы находимся теперь въ долахъ, въ ущельяхъ, и когда тутъ находится Радой?
[8] Чаще *войвода*. —

«Та му съмъ се́ павикалъ,
«И ка́микъ съмъ азъ мѣ́талъ,
«Та съмъ го се́ падмѣ́твалъ.»
До́бра Гюрда́ла ду́маше:
— Айке Гюрда́ла, Гюрда́ла!
— Ѭ бръкни́[1] въ бѣ́лѫ па́зухѫ,
— Изва́ди[2] зла́тнѫ чекиѭ́[3],
— Та да́й жълти́ци[4] да си отрѣ́жѫ,
— Та да ти, а́йке, попѣ́ѭ
— Твоѭ́-тѫ пѣ́сень юна́шкѫ. —
Той бръ́кнѫ въ бѣ́лѫ па́зухѫ,
Изва́ди зла́тнѫ чекиѭ́,
Та си ѭ́ До́бри пода́дѐ;
Тя[5] си жълти́ци отрѣ́за,
Ту́ри[6] ги въ бѣ́лѫ па́зухѫ,
Въвъ ти́я[7] кую́нъ-дже́бове[8];
Па кинѫ До́бра, та запѣ́.
Като́ ю До́бра запѣ́ла,

---

[1] *Буркамъ* (бръкнѫ)=болтать, мѣшать; препятствовать; запускать руку во что.

[2] Вынь.

[3] Тур., ножичекъ (*чеки*).

[4] Тѣ, которыя носятъ женщины на шеѣ: предосторожность Добры, предчувствующей нападеніе Радоя, который, разумѣется, прежде всего отрѣзалъ бы у ней ожерелье. Произносится большею частію *же;* но у Богоева *жѫ*, т. е. (послѣ шипящей) *ь*. —

[5] Она.

[6] Турила ихъ, пихнула, сунула.

[7] Эпическое употребленіе мѣстоименія, одинаковое у всѣхъ Славянъ.

[8] Тур., *джебъ*—карманъ; *куюнъ*—боковой, потайной, скрытный. Богоевъ пишетъ *коюнъ*, предполагая, что здѣсь *о*, перешедшее въ *у* безъ ударенія: промахъ, очень частый у пишущихъ Болгаръ.

Си́чка ся гора́ разлюля́[1],
И на горж-тж шю́ма-та[2],
И на поле́-то трева́-та,
И на дръвье́-то ли́сти-тѣ[3].
Отъ гдѣ[4] ся зачю́ Радо́й,
Радо́й, мла́да воево́да[5],
Изъ ти́я глжбо́ки до́лове,
Той на юна́ци гово́ри:
«Юнаци, мла́ди юна́ци!
«На́ што[6] ми ся гла́съ зачюва:
«Дали́[7] ми е До́бра Zаго́рка[8],
«Или́[7] ми е бриусойника[9]?»
Юна́ци ду́мжтъ Радо́ю:

---

[1] Потряслась, всколебалась (наше *люлька=зыбка=колыбель*); *разлюлѣ*, *разлюлѣхъ*; *разлюлѣвамъ*. —

[2] Выше замѣчено, что *шюма* не значитъ у Болгаръ (какъ у Сербовъ) лѣсъ, а=вѣтви съ листьями.—

[3] *Дръва-та* (наше *дрова*), собират. *дръве-тѣ*; *листи-тѣ*, — *те-то*; *камани-тѣ*, — *не-то*.

[4] Какъ скоро, когда; д. б. *отъ дѣ*.

[5] См. выше.—

[6] Что-то мнѣ слышится голосъ. Совершенно соотвѣтствуетъ русскому *просто*-народному обороту: «на-ка вотъ слышно мнѣ.»

[7] Или — или?

[8] Итакъ вотъ, откуда была Добра родомъ: конечно это одно изъ ѳракійскихъ Загорій, и именно на югъ отъ Сливна, гдѣ *Ески-загра* и *Ени-загра* (Ески-Загара, Е. Загара, старое и новое Загорье).

[9] Слово это намъ неизвѣстно въ достовѣрности; демонологія Болгаръ (которую наши отечественные изыскатели не преминули бы назвать миѳологіей), весьма бѣдная, имѣетъ особенно два женскія существа, одинакія по качествамъ и дѣйствіямъ, *Дива* или *Само-дива* (съ ней по мѣстамъ отождествляется *Вила* или *Само-вила*) и *Юда*; разбираемое слово Богоевъ объясняетъ варіантомъ: Самодива (вила); можно гадать, что это *при-усоянка*: *усой*, мѣсто, гдѣ нѣтъ солнца, *присой*— на оборотъ (серб. *осое*, *присое*); въ серб. эпосѣ змѣя *присойкиня* или *присойница* играетъ значительную роль; а м. б. *бре*, безъ ударенія.

«Не ми[1] ѥ До́бра Ѕаго́рка,
«Нъ ми ѥ бриѹсо́йкина.»
Радо́ю сърдце́[2] не тра́ѥ[3],
Нъ ри́пнѫ[4] на два́ ми крака́[5],
Та ми́ ѥ ху́баво[6] послу́швалъ[7]:
Не би́ло[8] бриѹсо́йкина,
Нъ би́ло До́бра Ѕаго́рка.
Той па юна́ци ду́маше:
«Юна́ци, мла́ди юна́ци!
«Ѕи́майте жълти[9] бъ́клици[10],
«Нале́йте ви́но църве́но[9],
«Та-па́ към дру́ми падиѣ́те[11],

---

[1] Эпическое употребленіе; мы ожидали бы *ни*=намъ. —

[2] Напомнимъ, что подобныя формы подправлены и *д* вовсе не нужно.—

[3] Не терпитъ; серб. *трајати*; у Бог. *трая*. —

[4] *Рипкамъ*, *рипнѫ*, прыгаю, прыгну (рѣ-ти). —

[5] Вскочилъ на двѣ ноги.

[6] Добрѣ, хорошо.

[7] Согласны на *я*; у Бог. *ша*. —

[8] Весьма любимое употребленіе средняго рода при лицахъ. —

[9] Въ обоихъ случаяхъ у Богоева ѫ, естественно замѣненное нами черезъ *ь* (послѣ шипящей), не смотря на склонность произношенія къ простому *е*.—

[10] *Бъклица* — весьма употребительный у Болгаръ сосудъ для напитковъ: двѣ деревянныхъ половинки, въ родѣ на примѣръ грецкаго орѣха, прилаживаются вмѣстѣ и туго связываются; на верху, въ серединѣ, остается отверзтіе; развяжите обвивку, распадутся двѣ половинки; нельзя не вспомнить подобныхъ сосудовъ у насъ, оплетаемыхъ лыкомъ; въ такую же форму свивается лыко для употребленія прививокъ. Корень конечно одинъ, что и *бучѫ*, *бочка*, даже *бокъ* (выпуклость); вотъ почему въ слав. поэзіи бокъ представляется *увитымъ ребрами*, какъ обручами; боченокъ по болг. *бъкель* и *бъкалъ*; бочка—*бъчва* и *бъчевка*.

[11] Падите на дороги=займите ихъ; *пасть*, въ значеніи—опуститься на что (скр. *пат*), весьма обыкновенно въ слав. нарр.; но особенно часто это встрѣчаемъ о птицахъ: *сѣли-пали*.

«Срѣщтó[1] Гюрдáла идѣте;
«Нарéдъ[2] му бѣ́клици дáвайте,
«Гюрдáла да си опиéмъ[3],
«Та Дóбрѫ да си обзѣмéмъ.
«Акó ви пита[4] Гюрдáла, —
«Чe кадѣ́ отвáдѣте[5]? -
«А вие да му речéте:
« «Тѣ́жка[6] са ѥ свáдба дигнѫло[7],
« «Та си́ за бу́лкѫ отвáдѣме[8].» »
Тие зéхѫ жѫлти бѣ́клици,
Налѣ́хѫ вино чървéно,
Та-пá въвъ дрꙋ́жи пáднахѫ,
Срѣщтó Гюрдáла отидохѫ,
Нарéдь[9] му бѣ́клици дáвахѫ;
А Гюрдáла ги пѝташе:
«Дрꙋжѝна вѣ́рно[10], сговóрна!
«Чe кадѣ́ ми отвáдѣте?»
Тие Гюрдáла говóрятъ:

---

[1] На встрѣчу. —

[2] По порядку, каждый. —

[3] Опоимъ.

[4] Спроситъ; настоящ. —

[5] Куда вы отправляетесь (*че* для обозначенія рѣчи Гюрдалы). *Отваждамъ* и *отвадѣмъ* (= *отводямъ*) употребляется какъ неопредѣленный видъ въ отношеніи къ опредѣленному *отидѫ* (но никакъ не *отвожу*). —

[6] Конечно подправлено, д. б. *тежка*; = сильная, многочисленный свадебный поѣздъ; — а вспомните, что поѣзжачіе при свадьбѣ поятъ каждаго встрѣчнаго. —

[7] Ср. р., см. выше; подправлено вм. *дигнѫло*; отправилась, идетъ. —

[8] Идемъ за женщиной, невѣстой; Бог. пишетъ: *отвадѣте*, *отвадѣмы*. —

[9] Скорѣе *наредъ*: подозрѣваемъ ошибку. —

[10] *Дружина*, а между тѣмъ, безъ нужды, безъ уподобленія — *вѣрно*; подозрѣваемъ Богоева. —

— Тѣжка са ѥ свáдба двигнѫло,
— Та сѝ за булкѫ отвáждаше. —
Най-назáдъ[1] идè Радóй,
Радóй, млáда воѥвóда,
И той нóси жълтѫ бѫ́клицѫ,
Та си ѭ Гюрдáла подáдè.
Катó го ѥ Дóбра видѣла,
А тя са ѥ осѣтила[2],
Че ми ѥ токá измáма[3].
Гюрдáла посѣгнѫ[4] бѫ́клицѫ,
А Радóй са ѥ спустнѫлъ[5],
На óпаки[6] рѫцѣ извъртѣлъ,
Извъртѣлъ и óще вързалъ[7];
Та-пá си Дóбрѫ питаше:
«Либе-ле, Дóбро, либе-ле!
«Далѝ му главѫ́ отрѣжѫ,
«Илѝ му очѝ извъртѭ?»
Дóбра Радóю думаше:
— Либе-ле Радóй, Радóй[8]!
— Не дѣ̃й му главѫ́ отрѣза[9],

---

1 На самомъ на зади, сзади всѣхъ;—подалъ Гюрдалѣ (дат.). —
2 Догадалась. —
3 Что это обманъ. —
4 Обыкновенно *посегнѫ* (а); протянулъ руку къ, потянулся къ...
5 Опять, вѣроятно, подправлено; д. б. просто *спуснѫлъ*; пустился, накинулся.
6 Назадъ (Гюрдалѣ руки закрутилъ, завернулъ, вывернулъ). — У Бог. *руцѣ*. —
7 Увязалъ.
8 Послѣ этого книжники пишутъ еще все—*Радой а*: какъ будто членъ нуженъ при имени собственномъ или возможенъ въ падежѣ звательномъ! ср. именит. *Димитрия*, *Матея*, равно и звательный. —
9 Тема со вспомагательнымъ глаголомъ: не отрѣзывай.

— Нитó му очѝ извъртѝ,
— На мéнь[1] очѝ-тѣ извъртѝ:
— Не мóгѫ, лѝбе, безъ брáтецъ[2]. —
Радóи не ѭ послѹшѫ,
Та му очѝ-тѣ извъртѣ,
Та-пá си Дóбрѫ повéдѐ,
Изъ[3] тѣѩ[4] горѫ зелéнѫ,
Изъ тѣѩ глѫбóки дóлове.
Дóбра би[5] хѝтра гедѝя[6],
Та си Радóю дѹмаше:
— Лѝбе Радóю, Радóю!
— Ѩ' си дáй, лѝбе, сáбѭ-тѫ,
— 'Ѩбълкѫ[7] да си разрѣжѫ,
— Ѹстá-та да си расквáсѭ[8]:
— Че отъ кáкъ смѐ си тръгнѫли[9],
— Нитó смѐ си хлѣбецъ хáпнѫли[10],
— Нитó водѝцѫ пийнѫли[11]. —

---

1 *На мень=на мене*: у меня выверни очи.

2 Не могу безъ братца, т. е. быть. —

3 *Изъ*=вдоль, по.

4 тѣѩ: родит. вм. другихъ падежей, съ предлогомъ.

5 Употребительнѣе *бѣ*, и то не часто.

6 Тур., удалецъ, отчаянный; въ серб. ф. *дидия*.

7 Именит. *яблъка*, *ябълка*, а также *абълка*.

8 Обыкновенная эпическая хитрость, которую мы уже встрѣчали (см. Тодоръ и Тодорка): чтобы увлажить, омочить мнѣ уста.

9 Зачѣмъ? Ибо, съ того самаго времени, какъ му пустились (въ путь)... По Богоеву слѣдовало бы писать *сѧ*, но глаголъ не употребляется обыкновенно въ возвратномъ значеніи, хотя именно таковъ у насъ.—

10 Закусили (*хват*, *хван*, *хап*, развѣтвленія одного корня), собственно хватили (наше *о-хапка=о-хвать*); на оборотъ *откѫснѫ* (наше откусить, закусить) = оторвать, отхватить. —

11 Выпили немного, хлебнули.

Радо́й не сѧ ю досе́тнѫ[1],
Нъ и[2] са́бѭ-тѫ пода́де.
Ти сѧ наза́дъ повъ́рнѫ,
Три́ста си ду́ши изсѣ́че;
Радо́ю са́бѭ върте́ше[3],
А Радо́й и[2] сѧ мо́лѣше:
«Се́стро До́бро-лё, До́бро-лё!
«Токо́ менъ живъ остави́,
«Да хо́дѭ, да прика́звамъ,
«Че и́ма юна́къ надъ юна́къ[4].»
А До́бра си му ду́маше:
— А бре́[5], Радо́й, Радо́й!
— Азъ нали́[6] ти гово́рѭ[7], —
— Не дѣ́й му очи́ изъвъ́ртай[8],
— А ти ме́не не слу́шѫ[9]? —

---

1 Не догадался. —

2 Ей. —

3 Т. е. надъ Радоемъ. —

4 Чтобъ ходить мнѣ и разсказывать, что есть юнакъ выше (всѣхъ) юнаковъ. —

5 *Бре* = брате; *а бре* употребляется совершенно также, наше: «что̀ братъ?» «что̀, братъ, не говорила ли *я* тебѣ?»

6 =*Нели.*

7 Настоящее; можно бы думать, что это ошибкой вмѣсто *говорѣхъ* = *говорѧхъ* (*ѧ* краткое=ѫ); но этого рода настоящее (разсказа) можетъ быть употребляемо и въ смыслѣ прошедшаго, подобно нашему: «что̀, братъ! говорю, не вывертывай ему очей, а ты не послушалъ?»

8 Повелительное въ подобныхъ сочетаніяхъ легко допускается при вспомаг. глаголѣ; можно бы здѣсь поставить и *извърта* (совпадающее съ 3-мъ лиц. наст.); однако чаще встрѣчаемъ тему *извъртѣ; не дѣй извъртѣ* = не выверни; *недѣй извъртай*, non immerito, = не вывертывай. —

9 Аористъ, 2-го лица (*ѣ=я*). —

Па мꙋ иꙁвъртѣ́ ѥднó окó,
И ѥднó ꙋхó отрѣ́ꙁа,
Та-пá го пꙋ́стиѫ[1] да хóди,
Да хóди, да прикáꙁва,
Че и́ма юнáкъ надъ юнáкъ.
Па са ѥ Дóбра въ́рнѫла,
Та при Гюрдáла оти́дѐ,
Гюрдáла очи́ ꙋꙁдрáви[2],
Па оти́дохѫ, оти́дохѫ[3]
На дрꙋ́го сéло на гóсти,
Ꙋ мáйчеви си на óтвръткѝ.
Седѣ́ли цѣ́лѫ недѣ́лѫ,
Та-пá са наꙁáдъ въ́рнѫхѫ.
Гюрдáла Дóбри дꙋ́маше:
«Ли́бе-ле, Дóбро, ли́бе-ле!
«Хáй да ми, ли́бе, попѣ́ѥшь
«Твóѭ-тѫ[4] пѣ́сень юнáшкѫ.»
Тоги́-ꙁь[5] ѥ Дóбра ви́кнѫла,
Ви́кнѫла та ѥ ꙁапѣ́ла:
Си́чка са горá раꙁлюлѣ́,
И на горѫ́-тѫ шю́ма-та,
И на полé-то тревá-та,
И на дръвіѥ́-то ли́сти-тѣ.
Отъ гдѣ́[6] ѭ ꙁачю́ла[7], ꙁачю́ла

---

1 Д. б. *пуснѫ*.—
2 Сдѣлала здравыми.—
3 Болѣе народная форма желала бы ѫ вм. *о*. —
4 Ожидалось бы *моѭ*; но, можетъ быть, намѣренно пѣснѧ указываетъ на молодечество, оказанное Доброй и ей уступленное со стороны Гюрдалы. —
5 Тогда.
6 *Отъ дѣ*.
7 Твердо выдержанъ древній женскій родъ.

Казанлъ́шки[1] млáди воеводá,
Съсъ седмь-десѧ́ть[2] юнáка[3],
Съсъ седмь-десѧ́ть и сéдмь,
Воевóда дѹ́ма на Кóлѭ[4]:
«Кóлё-лё, байрактáрино!
«И развѝй, Кóлё, байрáци,
«Поведѝ млáди юнáци,
«Та въвъ дрѹ́ми да и́демъ,
«Срѣщтó Гюрдáла да и́демъ,
«Гюрдáла да си оби́емъ[5],
«Та Дóбрѫ да си обѕѣмéмъ,
«Слѣдъ пáѕи[6] да ѭ поведéмъ.»
Той развѝ бѣ́ли байрáци,
Та въвъ дрѹ́ми нáднѫхѫ,
Срѣщтó Гюрдáла отѝдохѫ.
Воевóда, хѝтра гѐдия,
На Дóбрѫ сáбѭ въртѣ́ше,
А Дóбра бѣ́ше пóхитра[7],
Та ѕé отъ воевóдѫ сáбѭ-тѫ,
На прѣдъ главѫ́ мѹ отрѣ́ѕа;
Та-пá казáдъ повъ́рнѫ,

---

[1] *Казанлыкъ* (=Котловикъ; *Казанъ* = Котелъ), извѣстный городъ близъ Балканъ, съ ущельями въ его окрестности; дорога изъ за сливнянскаго Загорья именно идетъ на Казанлыкъ; *ы* переходитъ въ болгар. въ *и*, чаще въ *ъ*. —

[2] Подправлено: *седемъ* или *седлмъ-десетъ*.

[3] Родит. множ. —

[4] *Колё* — самый любимый эпосомъ байрактарь; у Сербовъ *Комнен* и др. —

[5] Убьемъ; по отсутствію ударенія надъ *о*, *обиемъ* тоже самое. —

[6] Въ слѣдъ насъ, за нами. —

[7] Хитрѣе. —

Та сй изсѣче, изсѣче
До[1] седем-десять и пять[2] юнака,
Токо двамина[3] остахж,
И тия и[4] са молѣхж:
«Сестро Добро-лё, Добро-лё!
«Токо насъ живи остави,
«Че[5] сме си по юдинъ на майкж[6],
«И двамина[3] сме годени.[7]»
А Добра имъ думаше:
— Мене ма е майка заклѣла[8],
— Въвъ пѫть-тъ либе да нѣмамъ,
— Камо ли брати двамина[9]! —
И тѣмъ главй-тѣ отрѣза;
Тогй-зъ си у дома отишли. —

[1] При числѣ.
[2] См. выше.
[3] Двое; *ка* приставка дальнѣйшая.
[4] Ей.
[5] Ибо, такъ какъ.
[6] Насъ (приходится) по одному на мать, каждый изъ насъ — одинъ у матери.
[7] Двое насъ, оба мы обручены.
[8] Д. б. *заклела*.
[9] Меня закляла мать, чтобы на пути любезнаго я не имѣла: а куда ужъ, а тѣмъ болѣе двоихъ братьевъ! *братя*, собирательное; Богоевъ пишетъ *братья*: такихъ формъ мы уже не могли оставлять.

XLII.

ВЪЛКО И АРАБЪ.[1]

Вълко-лё, лу́да[2] гедио́[3],
Посъбра́ Вълко дружи́нѫ,
Та си ги Вълко заведе́
На Чина́искѫ-тѫ плани́нѫ[4],
Та чърве́нъ чадъ́ръ[5] курди́са,
Чърве́но ви́но да пи́е.
Като́ ми ви́но пи́ьше[6],
Вълко ми си́пи[7] задрѣ́ма,
И въ сънъ́-тъ[8] Вълко сънува:
Че му сѫ́ е са́бя-та разби́ла,

---

[1] У Богоева; не смотря на колоритъ хайдуческій, основа, [кажется, древняя (борьба съ Арапомъ), что̀ видно и въ складѣ языка; по мѣстамъ отзываются сербскіе обороты.—У Бог. *Велко.* —

[2] *Лудъ*=бѣшеный, безумный, переходитъ съ одной стороны въ значеніе удальства, съ другой—глупости; вѣроятно одного корня съ *лютъ.*—

[3] У Бог. *гедіо,*—невозможно Болгарину произнести; зват. вм. именит.—

[4] Не знаемъ этой мѣстности. —

[5] Оставляемъ, хотя обыкновеннѣе *чядъръ*; *курмакъ*=приготовлять, разбивать. —

[6] =*Пиьше, пиеше.* —

[7] Нѣтъ такого слова; вѣроятно *си позадрьма*, позадрѣмалъ. —

[8] Обыкновеннѣе *сънь;*—видитъ (снитъ) сонъ во снѣ.—

'Остро ханджи́рче[1] прики́лоса[2].
Семна́са[3] Вѣ́лко, та са събꙋ́ди
И на дрꙋжи́нѫ дꙋ́маше:
«Дрꙋжи́на вѣ́рни, сгово́рни!
«Отъ сънѣ́-тъ отби́рате[4] ли?
«Азъ съмъ съ́нища[5] сънꙋ́валъ,
«Че ми сѧ́ е са́бя-та разби́ла,
«'Остро ханджи́рче прики́ло[6].
«Ко́й щте са нае́[7], нае́мникъ,
«Чадъ́ръ-тъ да ми отбра́не[8]?»
Нае́ло ми са е, нае́ло
Ѥдно́ ми ма́лко мо́мче[9]:
«'Азъ си са, Вѣ́лко, на́ймамъ,
«Чадъ́ръ-тъ да ти отбра́нѭ,
«Догдѣ́ да по́йдешь и да до́йдешь[10].»
Че ста́нѫ Вѣ́лко, оти́де
Въ Чила́нъ на касаба́-тѫ[11];
Са́бѭ-тѫ си принапра́ви[12],

---

[1] *Ханджаръ*, кинжалъ, перс. тур. —
[2] Погнулся, покривился (завился).—
[3] Былъ въ сомнѣніи, не зналъ, что дѣлать, испугался; но лучше бы *съмнѣ са;* развѣ—*осъвна*, свѣтъ его засталъ, пробудился при свѣтѣ?—
[4] Разбираете ли, знаете ли толкъ въ сновидѣніи, умѣете ли толковать сонъ? —
[5] Употребляется только во множественномъ. —
[6] *Са* стоитъ выше.—
[7] Кто наймется? У Бог. *пае*; м. б. *са пое*=возмется? —
[8] Чтобы стеречь, оборонять мой шатеръ? — *Д*. б. *ни*.
[9] Переходитъ въ значеніе удальца.
[10] Пока уйдешь и вернешься назадъ; д. б. *додѣ*.
[11] Въ мѣстечко, тур. —
[12] Поправилъ; совершенно тоже значеніе, какъ у насъ, на примѣръ, *направить* бритвы.

'Остро ханджарче надостри,
Таче́ на вънка иско́чи[1];
Че́рни са орли́ ви́ѭхѫ
Та юна́шки мисл[2] но́сѣхѫ;
Хри́пнѫ[3] ми въ пѫ́ть-тъ Вѣ́лко.
Като́ ми въ пѫ́ть-тъ оти́ша,
На пѫ́ть-тъ срѣ́шта[4] Ара́пче:
Крѣ́ваво, хо́ламъ, крѣ́ваво,
Отъ перче́нъ[5]-тъ до́ръ до пети́[6]-тѣ,
И тъ́нка са́бя до са́пъ[7]-тъ,
И бѣ́ла ко́ня до гри́вѫ[8].
«Съ Бо́гомъ[9] ти те́бѣ, Ара́пче,
«Споклонюе́но мла́до пѫ́тниче[10]:
«Гдѣ́[11] си ходи́ло, Ара́пче?»
— Ходи́хъ си, мла́до пѫ́тниче,
— На Вѣ́лкови-тѣ дружи́нѫ[12],
— Та му дружи́нѫ изсѣ́кохъ;

---

[1] Потомъ вышелъ (выскочилъ) вонъ; *вънъ, ка* приставочное. — У Бог. *изкоче*. —

[2] Д. б. *меса*.

[3] Мы видѣли *хрипкамъ, хрипнѫ*, въ значеніи выгибаюсь, выпрямляюсь; не мудрено, по этому, что здѣсь *хрипнѫ*=отправилоя, ибо *отправиться* также заключаеть понятія *прав* и *прям*.

[4] Когда идеть въ путь, встрѣчаеть. *Срѣштамъ,—ашь,—а*. —

[5] Обыкновенно *перчянъ*=пучокъ волосъ, чубъ.

[6] Д. б. *пети*.

[7] Ручка, тур.

[8] Арапче кроваво оть чуба до пять, сабля (кровава) по ручку, конь (кровавъ) по гриву.

[9] Привѣтствіе.

[10] Полагаемъ, что мѣсто попорчено; покорный, смирный молодой путникъ (у Бог. *съ поклонено*); ожидались бы здѣсь слова Арапа. —

[11] =*Дѣ*. —

[12] Мы встрѣчали уже множ. число при *дружина*.

— Най-их-подири[1] останѫ
— Едно ми малко копиле.
— Три дни го съ конь-тъ азъ гонихъ.
— Не можѣхъ да го уловѭ,
— Отъ далечь си го попитахъ:
— Дали е Вълко гедия?
— «Вълко на Чилянъ отишелъ[2].»
— Отивамъ Вълка да търсѭ[3],
— Съ Вълка да ся боримѐ:
— Кой-то надвие, надвие,
— Той да ходи по Чиляна[4]. —
Арапче отъ конь отсѣднѫ,
Девить пояса распаса
И девить чифта пиштоле[5]. —
Вълко ми, худа гедия,
Едно ми поясче[6] распаса,
Една ми сабѭ Дамаскинѭ.
Че ся съ Арапче-то борихѫ,
Та ся борихѫ[7] три дни и три вечери[8];
Гдѣ-то ми Арапче-то посегне[9],
Отъ Вълка кръви течехѫ;

---

[1] На самый послѣдокъ, послѣ всѣхъ.

[2] Издалека я спросилъ его; не онъ ли Вълко? (а тотъ отвѣчалъ:) «Вълко ушелъ въ Чилянъ.»—у Бог. *можахъ*. —

[3] Вотъ и иду я теперь искать Вълка. —

[4] Кто побѣдить, перебьетъ, тотъ пусть и ходитъ по Чилянской горѣ.

[5] =Деветъ; обыкн. *чивтѐ* (пара), но здѣсь м. б. взято множ. родит. (отъ *джуфтъ*, *джифтъ*). —

[6] У Богоева *ча*.

[7] У Бог. *бѡрихѫ*: какъ аористъ. —

[8] Именит. *вечерь*.

[9] Д. б. *дѣто*, *посегне;* гдѣ потянется, прихватитъ Арапъ, когда прихватитъ Арапъ,—съ Вълка текли крови.—У Бог. *течахѫ*. —

Гдѣ да ми Вѫлко посѣгнé,
Съ кóкали месá кѫсаше[1].
Вѫлко-лё, кѫдя гедúё,
Распóри Вѫлко Арáнте, —
Да вúдишъ сърдцé юнáшко[2]!
Когá-то Вѫлко распóри,
Арáнте вúло съ три сърдцá:
Пѣрво-то фрѣкнѫ и скóкнѫ[3],
Втóро-то съ пѣнѫ покúпне[4],
Третё-то хабéръ нéмало[5].

---

[1] Рвалъ мясо съ костями; д. б. *меса*. —

[2] Совершенно серб. оборотъ. —

[3] Первое полетѣло и скакнуло.—

[4] Серб. выраженіе; болг. д. б. *повито*, покрыто: второе покрыто пѣной (—*я*). —

[5] Ничего не знало, не чувствовало, и знать не хочетъ, и помину нѣтъ, поминай, какъ звали: «Марко распори Мусу кеседжию, ал' у Муси три срца юначка: једно му се срце уморило, а друго се јако разиграло, на треће му љута гуја спава (т. II, № 67).»

XLIII.

РАДУЛЪ И СТОЯНЪ. БАРБУРЪ.[1]

'Имала е майка, имала два сина,
Два сина, два близнака,
Єдного-то викжтъ[2] Радуле,
А другиё[3] Стояне;
Хранила ги майка, вардила ги[4] —
Расли та порасли —
Съсъ чюздж хуркж, махалкж,
По чюзди ниви, страништа[5];
Расли сж, та сж порасли.
Радулъ си дума Стояну:
«Стояне-ле, брайне, да идемъ
«На чюждж земіж, незнайнж,
«Дето ни хора не знажтъ[6],

---

[1] Изъ сборника Венелина, составленнаго, какъ кажется, въ Одессѣ; начало этой пѣсни о двухъ братьяхъ тоже, что въ серб. о Предрагѣ: «рани майка два нејака сина, у зло доба, у гладне године, на преслицу и десницу руку.» —

[2] Зовутъ. —

[3] =*Другия—другий-тѣ*. Ожидалось бы *Стоене*. —

[4] Питала ихъ, хранила: какъ? —

[5] Чужимъ прясломъ, по чужимъ нивамъ, по сторонѣ, т. е. по чужимъ людямъ, работою у чужихъ. *Хурка*, прясло, *махалка*—палка, которой разбиваютъ шерсть; *чюздж*, *чюзди* вм. *ж; нивя* (отъ *нива*) собирательное; *страништа*=чужія стороны, по сторонѣ, посторонніе; Венелинъ объясняетъ, что *страништа*—сжатая нива, на которой одни подрѣзанные стебли.

[6] Гдѣ насъ не знаютъ люди. —

«Не ѕна́ѭтъ и не поѕна́ватъ:
«Тамъ да си има́нѥ спечѐлиме[1],
«Има́нѥ безкра́йно[2].»
Чѐ сѫ поседѣ́ли Стоя́нъ и Ра́дулъ,
Ма́ло ли и, мно́го[3],
Тѣ́кмо двана́йси годи́ни,
Чѐ ми сѫ спечѐлили тѐжко[4] има́нѥ:
По петь сто́тинъ кѣ́лаи[5] роди́ци[6],
По шесть сто́тинъ ма́торъ[7]-ови́й,
И по триста Гала́нски[8] желтѝци.
Чѐ Ра́дулъ си ду́ма на Стоя́на:
«Стоя́не-ле, бра́йне Стоя́не!
«Хайдѐ, бра́йне, да си и́демъ
«При[9] на́шѫ-тѫ ста́рѫ ма́йчицѫ,
«Чѐ ста́нѫ двана́йси годи́на[10],
«Какъ на́ша-та ма́йка
«Че́рни кѣ́рпи ѕабради́ла[11],
«Та ни жи́ви жалѣ́е[12].»

---

[1] Пріобрѣтемъ себѣ имущество. —
[2] Безъ предѣла, безъ счету, несчетное. —
[3] Много ли, мало ли; *и* вѣроятно=*е* (есть) безъ ударенія. —
[4] Большое. —
[5] Большія овцы, съ черными глазами на выкать. —
[6] Кудрявыя. —
[7] Матерыхъ.—
[8] Черта болѣе новая; обыкновенно *маджаръ*, венгерскія. —
[9] Къ.
[10] Ибо вотъ уже стало, прошло 12 лѣтъ; *година*-предполагаемый родит. множ. —
[11] Черные платки подвязала=надѣла трауръ; *кърпа*=платъ (лоскутъ); *забрадя*, *забраждамъ*, подвязываюсь: сверху головы подъ подбородокъ. —
[12] И объ живыхъ насъ жалѣетъ, т. е. скорбитъ и причитаетъ по насъ, какъ по мертвымъ, тогда какъ мы живы. —

И Стоя́нъ си дѹма на Ра́дѹла:
— Ха́йде́, бра́йно[1] Ра́дѹле, да си оти́демъ. —
Чé сѫ трѫ́гнали на́мъ та́кви ке́ле́атъ[2],
Да си оти́дѫтъ[3].
Вървя́ли сѫ презъ по́ле широ́ко,
Наю́ли[4] сѫ горѫ́ зеле́нѫ.
Отъ дѣ́ ги[5] зачу́я Ба́рбѹръ воево́да,
Той си оти́де срѣ́щто́ Стоя́на
И срѣ́щто́ Ра́дѹла,
И си пра́ти[6] два́ма юна́ка:
«Мно́го ви здра́вие[7], Ра́дѹлъ кехая́[8],
«И на те́бе, Стоя́не, отъ Ба́рбѹръ воево́дѫ;
«Да мѹ испра́тишь[9] петь овна́ мато́рь[10],
«И де́сеть мла́ди я́гнета.»
И Ра́дѹлъ си прова́ди
Мно́го здра́вие на Ба́рбѹра,
Ба́рбѹръ воево́дѫ:
«Ако́ е юна́къ, самъ-си́ да[11] до́йде.»
И Ба́рбѹръ воево́да сѫ лю́то разсъ́рди,

---

[1] *О* и *е* чередуются въ этой формѣ. —
[2] Пустились, отправились къ ихнему округу; тур., см. выше. —
[3] Это неравенство стиховъ—неминуемое слѣдствіе неловкости при записываньи пѣсень, ибо конецъ предыдущаго стиха долженъ бы повторяться. —
[4] Взяли лѣсъ, взяли лѣсомъ.
[5] Какъ скоро услышалъ объ нихъ; *Ба́рбурь* и *Барбу́рь*, *Ра́дуль* и *Раду́ль*.
[6] Посылаетъ, отправляетъ. —
[7] Т. е. посылается; слова пословъ отъ Барбура.
[8] Хозяинъ стадъ, тур. (*киая*?). —
[9] Отправь ему; ожидалось бы — отправьте.
[10] Матерыхъ; выше *рь*. Обыкн. *ягнета*.
[11] Пусть придетъ самъ собою, своею особой. —

Та си на юнáци провúкнѫ:
Стáкайте, юнáци, та шúшёке острѣ́те[1],
«И се бȣ́йноке[2] óгни кладѣ́те!
«Азъ ште сегá Рáдȣловѫ сюрúѭ[3] да прикáрамъ,
«Да прикáрамъ и да исóлѭ,
«И на шúшёве да гú натѣ́кнѫ[4],
«И на óгнёве да ги испёкѫ.»
Уė са[5] накъриú[6] Бáрбȣръ воювóда,
И са отдалéчь на Рáдȣла провúкнѫ:
«Кáкъ си сегá, Рáдȣлъ кехаú[7]?»
Уė мȣ стáдо-то прѣгáѕи[8]
Бáрбȣръ воювóда.
Рáдȣлъ дȣ́ма на Бáрбȣръ воювóдѫ:
«Óй ти тéбе, Бáрбȣръ, Бáрбȣръ!
«Азъ трáихъ, дорú[9] ми прѣгáѕишь стáдо-то,
«И ти да потрáешь, дорó[9] ти прѣгáѕѭ юнáци-тѣ[10].»
Уė са разбú Рáдȣлъ кехаú

---

[1] *Шишь*, рожень (гомерически жарятъ на рожнахъ). —

[2] Замѣчательная форма; ожидалось бы *си*.

[3] *Сюрия*: тур. *серри*, съ араб. *сыръ* = стадо; я сейчасъ пригоню стадо Радулово. —

[4] Наткну (чтобы жарить).

[5] Слѣдовало бы *си*. —

[6] Пошелъ впередъ. —

[7] Насмѣшка: «какъ ты поживаешь? здорово!» —

[8] *Прѣгазя* = топчу, прохожу черезъ; конечно, проходя черезъ стадо, онъ захватывалъ его, сбивалъ овецъ, чтобъ загнать; объяснить всѣ эти техническіе термины можно только хорошо знакомому со скотоводствомъ; наши объясненія м. б. не совсѣмъ точны. —

[9] Употребительнѣе *доро* = даже до, пока. —

[10] Я терпѣлъ, выжидалъ, пока ты пройдешь сквозь мое стадо, смотрѣлъ что-то будетъ: а теперь уже ты потерпи, какъ я пойду по твоимъ молодцамъ. —

Съсъ дрѣ́новъ кривáкъ на трíста юнáка[1],
Дорú да са запрѣ́ Рáдулъ кехáѧ[2],
Тóкмо ми остáнѫлъ Бáрбуръ воювóда.
И нѥ́го си Рáдулъ фáнѫлъ,
И му рѫцѣ́-тѣ назáдъ вѣ́рзалъ,
Чѐ[3] му цѣ́лѫ-тѫ рѫ́чицѫ отрѣ́за,
И му лѣ́во-то окó изкъртѣ́,
Чѐ му Рáдулъ нарѫ́чѣше[4]:
«Да знáѥшь, Бáрбуре, да пóмнишь,
«Кáкъ да зѣ́машь отъ Рáдула очи́-тѣ[5],
«Чѐ Рáдулъ ги ѥ печéлилъ
«Подъ чю́жди кърищта незнáйни[6].
«Хáйдѐ, Бáрбуре, иди́, на голѣ́мѫ-тѫ кюприѭ́,
«Да ти ѥ лéсно, да прóсишь[7],
«Да прóсишь и да прикáзвашь,
«Кáкъ са Рáдулъ прикъ́рка[8]!»

---

[1] Развился, развернулся дубинкой; *дрѣнъ* = кизиль; *кривакъ* = дубина.—
[2] Пока остановился (всѣхъ уже перебилъ), остался одинъ только Радулъ:—все это мѣсто до конца превосходно. —
[3] Всѣ эти *че* означаютъ послѣдовательность дѣйствій. —
[4] Приговаривалъ, завѣщалъ. —
[5] Что̀ значитъ отнимать у Радула. —
[6] Ибо, вѣдь Рад. пріобрѣталъ ихъ (не даромъ) на чужихъ поляхъ, нанимаясь подъ чужія, незнакомыя поля; тур. *кырь*—поле, все пространство внѣ города и извѣстной границы. —
[7] Иди на большой мостъ, чтобъ тебѣ легко было, можно было просить (милостыню). —
[8] Проси тамъ да разсказывай, какъ Радулъ захватывается, что̀ значитъ Радулу засѣсть дорогу (пред-варить), запнуть его. Т. о. эти обычные приговоры наказуемымъ указываютъ именно на слѣпыхъ, что стоятъ на мосту, просятъ да поютъ о подвигахъ героевъ. —

XLIV.

ꙖНКА ЛОДОЧНИЦА[1].

Ꙗ́нкина ма́ма ду́маше:
«Ꙗ́ си, Ꙗ́нке, дѣте́ залюлѣ́й[2]
«И му пѣ́сень запѣ́й.»
Ꙗ́нка си дѣте́ залюлѣ́ла
И пѣ́сень запѣ́ла:
«Нане, дѣте́, на́не[3],
«На́не, че не ста́ни[4].»
Какъ ѭ Ꙗ́нкина ма́ма чю́ла,
Ꙗ́нкѫ си лю́бо прокле́ла:
«Да даде́ Го́сподь, Ꙗ́нке-ле, Ꙗ́не,
«Кога́ Ду́навъ продума
«И ри́ба пропѣ́ю,
«Тога́-зь ро́жбѫ да и́машь[5].»

---

1 Изъ сборника Богоева.

2 Закачай (въ люлькѣ).

3 У Бог. *нане детя*. Обыкновенный припѣвъ баюкающихъ; *нан, нени, няня*, слова одного корня для понятій родственныхъ; и потому это=*няню, нянюшки*; какъ *нан* значитъ въ нѣкот. слав. нарр. отецъ, такъ при словѣ *баю, баюшки*, стоитъ болгарское *баю* (къ отцу и старшему), *бай-ко* и т. д.; ожидаемъ *на́ни, не ста́ни*; новогреч. *νανά*.—

4 Баю, да не встать бы тебѣ!

5 Тогда бы имѣть тебѣ породъ, когда проговоритъ Дунай и пропоетъ рыба! Если пѣсня поется донынѣ, интересно сравнить ея клятву съ тою, которую произнесли родичи Болгаръ назадъ тому тысячу лѣтъ: «толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути (Несторъ).» Условіе въ клятвахъ болгар. и серб. представляется всегда уже исполнившимся: *продума*=изрекъ.—

Ꙗ'нки сѧ ѥ жáлно нажалѝло[1],
Че стáнѫ Ꙗ'нка, отѝде на Дꙋ́навъ,
Че по крáй Дꙋ́навъ хóдѣше,
И дрéбно слъ́зіе[2] рóнѣше,
И Бóгꙋ сѧ молѣше:
«Бóже-ле, мѝлне-ле Гóсподе[3]!
«Азъ не знáѭ[4], отъ гдѣ́ Дꙋ́навъ тече́?
«Дꙋ́навъ тече́ изъ подъ Бꙋ́димъ-грáда,
«Изъ злáтиѫ ꙗбълкѫ[5].»
Тáмъ-ка си Ꙗ'нка врéме свъ́рши
Съсъ єднѫ́ гемѝйкѫ-шáйкѫ[6].

---

[1] Слишкомъ прискорбно стало: вотъ почему шли въ хайдуки и лодочники. —
[2] У Бог. *зи*, т. е. *е* безъ ударенія, ибо стоитъ *дребно* (собират.). —
[3] Вѣроятно *де* придумано Богоевымъ, въ томъ убѣжденіи, что оно безъ ударенія перешло въ *ди;* д. б. *ди*. —
[4] Этимъ выражается горькая судьба, бѣдность, незнаніе ничего; «я не знаю (даже), откуда (д. б. *отъ дѣ*) течетъ Дунай.» —
[5] И въ слѣдъ за этимъ эпосъ высказываетъ свое представленіе. —
[6] *Гемия* (тур.), судно; *шяйка* (наше *шайка*, *чайка*), лодка; время свершила, кончила жизнь съ однимъ судёнышкомъ, съ лодкой. —

XLV.

ТРОЯНЕЦЪ ЛОДОЧНИКЪ[1].

Гемия плáва по море́[2],
По Бѣло море́ и Ҷе́рно[3];
Мла́ко ѭ мо́мче ка́раше[4],
Съ тѣнкѫ сви́ркѫ сви́рѣше[5]:
«Дружи́на[6] вѣ́рна, сгово́рна!
«Дѣ́вить[7] годи́ни какъ хо́димъ
«Надъ водѫ́, и днéсь, и ноштéсь[8],
«Наѥдно́[9] ѣдéмъ и піéмъ,
«Алá не смé са пи́тали[10],
«Кой отъ гдѣ́[11] ѥ, кой отъ кадѣ́ ѥ[12];
«'Има ли нѣ́кой отъ Троя́нъ[13],
«Отъ мо́я пусти келся́тъ[14]?

---

[1] Взята у Богоева. —

[2] Таково обыкновенное удареніе; складъ пѣсни требовалъ бы *мо́ре*, и точно, такое удареніе не рѣдко попадается въ пѣсняхъ.

[3] По Мраморному (также Средиземному) и Черному.

[4] Гналъ ее (лодку), правилъ ею малый.

[5] Наигрывалъ на свирѣли: что? —

[6] Ожидалось бы *о*. —

[7] =*Деветъ*. —

[8] Надъ водою денно и ночно. —

[9] За одно, вмѣстѣ.

[10] Но не спрашивали другъ друга.

[11] = *отъ дѣ*.

[12] Изъ какой стороны.

[13] Городъ собственной Болгаріи.

[14] Есть ли кто ни будь изъ Трояна, изъ моего — о чтобъ его! — округа? *моя* = *мой-тъ*. —

«Мисли ли назадъ да са върне[1],
«Армаганъ штѫ му проводѭ[2];
«На двама братя по єдиѫ шапкѫ аленѫ[3],
«По єдинъ калпакъ самуренъ[4]:
«Кога въ черковѫ идѫтъ,
«Калпаци штѫтъ си отложѫтъ[5],
«Дано[6] мене сиромахъ помнятъ[7];
«На двѣ булки[8] по єдинъ сукай[9]
«И по єдиѫ тѣнкѫ махрамѫ[10]:
«Кога въ черковѫ идѫтъ,
«Сукай штѫтъ да наложѫтъ[11],
«Махрами штѫтъ да забрадѫтъ[12],
«Дано мене сиромахъ помнятъ;

---

[1] Если онъ думаетъ назадъ вернуться.

[2] *Армаганъ*, тур. (съ перс.), гостинецъ, передаваемый не лично, а черезъ другаго; «я пошлю гостинецъ;» кому? *му*=моему округу родному, краю; а м. б. вмѣсто *ми*. —

[3] Алой. —

[4] Соболій. —

[5] Снимутъ. —

[6] Авось, можетъ, меня бѣдняка помянутъ; у Бог. *давно*. —

[7] Д. б. *поменятъ*. —

[8] Двумъ женамъ: иначе нельзя понять, какія это двѣ женщины.

[9] *Сукай*: головной уборъ замужнихъ, самыхъ молодыхъ женщинъ; это—повязка, шерстяная, шелковая или бумажная, съ висячими концами около ушей; повязывается сверхъ платка, или, лучше, только прицѣпляется къ маковкѣ сверхъ другаго платка, такъ, чтобы висѣли концы. —

[10] Платокъ.

[11] Глаголомъ выражается легкость убора. —

[12] Пусть подвяжутъ (отъ *забрадѫ*); *забраждамъ са* (штѫ са забрадѫ) — вообще убираю голову; корень конечно *брада*, какъ и для слова *подбрадникъ*, повязка, употребляемая для привязи убора подъ подбородокъ, чтобы уборъ держался на головѣ, ибо онъ обыкновенно очень легокъ и держится только на макушкѣ. —

«И на мо́ѭ сестрѫ́ 'Юлницѫ
«Армага́нъ штѫ ѩ[1] проводѭ, —
«За косы́-тѣ гайта́ни[2]:
«Кога́ сѧ опле́те, оплете́,
«Гайта́ни да си приплете́,
«Еди́нъ тѣнъкъ рѫчени́къ[3]
«И еди́нъ кола́нъ-ибришимъ[4];
«Кога́ на хоро́[5] и́де,
«Кола́нъ-тъ да опа́ше,
«Рѫчени́къ-тъ да забради́,
«Дано́ ме́не сирома́хъ помне́;
«За[6] мо́ѭ-тѫ ми́лѫ ма́йчицѫ армага́нъ, —
«Еди́нѫ ка́нийкѫ[7] и двѣ но́жче-та[8]:
«Кога́ за ме́не помы́сли[9],
«Въ сърдце́ да сѧ уда́ри.
«Ні́е бѣхме́ бра́тя за́дружни[10],
«'Азъ бѣхъ, сирома́хъ, найма́лъкъ[11];

---

1 Ей.

2 Для косъ шнуры. —

3 Головной платокъ для дѣвушекъ, иногда очень большой, на всю голову, надѣваемый одинъ; таково болѣе тѣсное значеніе, а по корню должно бы равняться нашему *ручнику* = платку, полотенцу; полотенце—*кърпа*, *миса́ль*; утиральникъ—*пешкиръ* (тур.). —

4 *Коланъ*=поясъ; *ибришимъ* = сученыя шелковыя нитки, коими поясъ вышить (тур.). —

5 Въ хороводъ. —

6 Для; = *мою-тѫ*. —

7 Ножны (отъ *кану?*). —

8 Именит. ед. *ножче-то*.

9 Когда обо мнѣ подумаетъ.

10 Мы были братья дружные (между собою); у Сербовъ *задруга* употребляется въ смыслѣ зданія для жилища нѣсколькихъ семействъ вмѣстѣ.

11 Я былъ самый меньшій. —

«Че ма да́де ма́йкѫ ми гемиджи́ѭ[1], —
«И дне́сь, и нощте́сь надъ водѫ́.
«Не зна́ѭ, сирома́хъ, не зна́ѭ[2],
«Кога́ е дѣлникъ[3]-понедѣлникъ,
«Кога́ е свята́ недѣ́лѭ[4];
«Не зна́ѭ, сирома́хъ, не зна́ѭ,
«Кога́ е Вели́къ-день[5], Герге́къ-день[6];
«Нъй зна́ѭ свети́ Нико́ла[7].»

—⁂—

[1] Какъ отдала меня мать моя въ лодочники; *гем.*, винит. ед.; болгарскій оборотъ: «отдала меня лодочника (вм. въ лодочники, сдѣлала лодочникомъ),» fecit me gemidgiam; говорится, напр., *даде терзия* = отдалъ въ портные.

[2] Незнаніе это, какъ и въ предыдущей пѣсни, приводится какъ одинъ изъ признаковъ горькаго положенія. —

[3] =*Будни.*—Обыкн. *пондѣлникъ.*—

[4] Воскресенье; д. б. *света*, *свети*. —

[5] Свѣтлое воскресенье.

[6] Юрьевъ. —

[7] Но знаю святаго Николу, — особенно чтимый Болгарами святой, о чемъ есть любопытная пословица.—

XLVI.

ВЫБОРЪ ВОЕВОДЫ. ТРОЯНЕЦЪ ЗАГОРЕЦЪ.[1]

Събра́ли сѫ са, събра́ли,
До три́ста мла́ди юна́ци,
Ѥди́нъ дрꙋ́гимꙋ дꙋ́маше,
Ко́й ште войво́да да ста́не[2]:
«Ха́йдѐте, мо́мци, бѣлъ ка́мъкъ,
«Бѣлъ ка́мъкъ да си ме́тнѐме, —
«Кой си́чки-тѣ надме́тнѐ,
«Той ште войво́да да ста́не[3].»
Си́чки-тѣ ка́мъкъ фърлѣхѫ[4],
Ни́кой ка́мъкъ не надме́тнѫ.
Охъ, гиди́[5], мо́мче Тро́ѩнче,
Тро́ѩнче, мла́до Ѕаго́рче,
То си ѥ ка́мъкъ поѥ́ло[6],
Та си си́чки-тѣ надфърли,
До́рȯ два пѫ́ти по́далѐчь[7].
Си́чки-тѣ си са гле́дахѫ.

---

[1] Изъ сборника Катранова; Троянецъ вѣрно изъ того же Трояна; нѣсколько Загорій по обѣ стороны Балкана. —

[2] Говорятъ одинъ съ другимъ, кто у нихъ будетъ воеводой. —

[3] Первая игра молодцовъ: кто переброситъ камень; *хайдете*=давайте (собств. ступайте, ну). —

[4] Швыряли.

[5] Отъ *гедия*, удалецъ, *гиди*(=геди) обыкновенно употребляется въ пѣсняхъ припѣвомъ. —

[6] Взялъ; всѣ сочетанія въ среднемъ родѣ.

[7] Даже вдвое далѣе; обыкн. *доро*, но въ оригин. *дору*.

Каква́ ѥ та́-зи ра́бота[1]?
«Ха́йдѐте, мо́мци, юна́ци,
«Дру́гѫ ра́ботѫ да фа́нѐмъ[2], —
«Да поби́ѥмъ харби́и дома́тски,
«Си́чки-тѣ наре́дъ да ско́кнемъ:
«Ко́й-то харби́ѭ прѣско́кне,
«Той ще войво́да да бѫ́де[3].»
Ни́кой харби́ѭ не прѣско́кнѫ:
Охъ, гиди́, мо́мче Тро́шиче...[4]
«Ѥ́й ви ва́съ, мла́ди юна́ци!
«Сре́бърнѫ па́рѫ да гу́димъ,
«Чети́ре сто́тинъ ра́скрачи:
«Ко́й-то па́рѫ-тѫ уда́ри,
«Той ще войво́да да бѫ́де[5].»
Си́чки-тѣ наре́дъ фърлѣхѫ,
Ни́кой па́рѫ не уда́ри.
Охъ, гиди́, мо́мче Тро́шиче,
Щомъ пу́шкѫ-тѫ по̀со́чи[6],
Та си па́рѫ-тѫ уда́ри:
Си́чки са наре́дъ спу́снахѫ[7],
Рѫкѫ́ му ре́до́мъ цалу́вѫтъ.
Мо́мче Тро́шиче ду́маше:
«Ела́тѐ си́чки съсъ ме́не,

---

[1] Всѣ переглянулись, что̀ это значитъ, что̀ такое? Quid hoc rei est? *работа*=вещь, дѣло. —

[2] Возмемъ, предпримемъ другое дѣло. —

[3] Игра вторая: вбиваютъ шомполы (тур.) дамасскіе: кто перескочитъ (именит. *харбия*). —

[4] Очевидно пропущено, въ родѣ: «то си харбиѭ прѣскокнѫ». —

[5] Третья игра: «пару (мелкую монету) утвердимъ, приладимъ (гудимъ), на разстояніи 400 шаговъ (раскрачь); кто попадетъ (ударитъ) въ нее? —

[6] Какъ только прицѣлился ружьемъ; *штомъ*=чѣмъ, лишь.

[7] Всѣ пустились по порядку. —

«И кѫдѣ́-то ви проводѭ́[1],
«Добрѣ́ да си ма слу́шѣте,
«Ра́ботѫ да ми вършите.»
Пое́[2] и ги ѕаке́де
На висо́кѫ-тѫ планинѫ́.
Та си погле́дı на до́лу,
На до́лу, ёште̇ на го́рѣ:
Отъ до́лу юна́къ и́дѣше,
На бѣ́ло ко́нче ѣ́здѣше,
И ко́нче-то му цви́лѣше[3].
Плинъ ви́кнѫ момче Тро́шнче:
«Ей ви васъ, мла́ди юна́ци!
«Идѣ́те, ми го фанѣ́те[4]
«И ми го жи́во[5] доведѣ́те.»
Си́чки са юна́ци спу́снѫхѫ,
Юна́ка да си улу́чатъ[6].
Юна́къ си ско́кнѫ да бѣ́га[7],
До сто́ на двѣ́стѣ ра́скрачи[8],
Таче́ са наѕа́дъ повъ́рнѫ,
Та си си́чки-тѣ посѣ́че.
Охъ, гиди́, мо́мче Тро́шнче,
Тро́шнче, младъ войво́да,
Отъ планинѫ́-тѫ гле́даше
И си сами́чакъ[9] ду́маше:

---

[1] Куда я васъ пошлю. —
[2] Взялъ ихъ. —
[3] Ржалъ.—
[4] Схватите. —
[5] Живымъ приведите.—
[6] *уловятъ*? —
[7] Пустился бѣжать. —
[8] Отъ 100 до 200 шаговъ. —
[9] Самъ съ собою говорилъ. —

«Каквá ѥ тáя рáбота?
«Ꙗ мéне слѣзѫ да ви́дѫ[1],
«Далѝ ѥ отъ мéне пóголѣмъ,
«Илѝ съмъ áзи пóголѣмъ[2]?»
Пакъ слѣзе дóлꙋ при юнáкъ:
«Ти ми изби́[3] три́ста юнáци,
«Хáйдѐ, да са побóримъ
«И двáма да са побиéмъ.»
Би́ли са трѝ дни и три нóщти,
Та не сѫ са побóрили[4],
И си рѫкѫ цѣлꙋвахѫ,
Та си са побрáтимихѫ[5],
Ѥдѝнъ дрꙋ́гимꙋ дꙋ́махѫ:
«Ꙗ хáйдѐ, брáте, да идéмъ,
«Изъ гѫ́стѫ горѫ́ зелéнѫ[6]:
«Дѣ́то ѥдѝнъ отъ насъ ꙋмрé,
«Тамъ и двáма-та да ꙋмрéмъ[7].»

---

[1] Постой-ка *я* слѣзу посмотрѣть (*я* частица). —
[2] Онъ ли болѣе меня, или я болѣе его? —
[3] Ты у меня избилъ. —
[4] Не побороли одинъ другаго. —
[5] Побратались. —
[6] Вдоль по густому лѣсу: пойдемъ, давай ходить вмѣстѣ. —
[7] Гдѣ одинъ умретъ, тамъ умремъ и оба. —

XLVII.

ЯНУЛЪ И ЯНА.[1]

Ой Ꙗ́но, Ꙗ́нчице!
Изра́сло чюдно древо́[2],
Орѣ́хово, черѣ́шево[3];
На древо-то дуга́нъ[4] стои,
Го́рѣ[5] стои́, до́лу гле́да,
Се́лени-тѣ отгова́рѣ[6]:
«Ой се́лени, ой клѣ́токе[7]!
«Што́ стои́те[8], што́ гле́дате?
«Ту́рци земѧ́ напо́лнихѫ,
«Клѣ́ти Ту́рци, Анадо́лци;
«Поро́бихѫ[9] Вла́шкѫ земѧ́.
«Вла́шкѫ земѧ́, ми́лнѫ ра́ѭ[10]:

---

[1] Изъ Москвитянина (1845, ч. VI, № 12, стр. 182), изъ числа пѣсень нашихъ южныхъ болгарскихъ поселеній. Не говоря о правописаніи, множество самыхъ рѣзкихъ ошибокъ. —

[2] Обыкновенно *дрьво* (подправлено). —

[3] Обыкнов. простое *ре*. —

[4] Хищная птица, соколъ (тур. *доганъ*). —

[5] Сверху, на верхушкѣ; въ Москв. *горе*. —

[6] Говоритъ селянамъ, разговариваетъ съ селянами; въ Москв. *отъ говоря*; что нибудь одно: или *отговори* (аористъ), или *отговарѣ* (наст.,=*ря*). —

[7] Проклятые, негодные; въ Москв. *вѣ*; подозрѣваемъ, не *кметове* ли?—

[8] Въ М. *стоитé*. —

[9] Въ М. *поробига*. —

[10] Сердешную, жалкую *раю*,—тур. названіе подданныхъ (Христіанъ), какъ низшаго класса (*рэайэ*=стадо); издатель въ Москвит. переводитъ: «землю, что милѣй раю.» —

«Што е дрѣбно, се подъ коню[1];
«Што е старо, се подъ калычь[2],
«Што е младо, се млади рѣби[3].
«Поробихѫ Ѡ'нулъ и Ѡ'нѫ,
«Ӡавели ги въ Цариграда,
«Ѡ'нулъ въ Дренополи[4],
«А Ѡ'нуицѫ въ Цариграда[4],
«Да слугува[5] при царицѫ-тѫ.
«Кофе[6] Ѡ'на вари, ѵчаши налива,
«Ѵчаши налива. сълзи долива[7].
«Отъ дѣ[8] ѭ сглида царица-та,
«Какъ ѭ сглида[9], и отговори:
« «Ой та тебе, Ѡ'нуице,
« «Што ѵчаши наливашь, сълзи доливашь?»
— «Какъ да наливамъ,
— «Сълзи не доливамъ[10]?

---

[1] Что есть мелкаго, малаго — все подъ конемъ; д. б. *коня*; ф. *коню* намъ не извѣстна, и едва ли существуетъ: развѣ *ю* возникло, безъ ударенія, изъ *ё*, а это вмѣсто *я-ь-тъ*. —

[2] Все подъ ножъ, подъ саблю, тур.; *ы* въ болгар. должно перейти въ *и*, или, чаще, въ *ъ*. —

[3] Плѣнные. —

[4] Издатель пишетъ «въ Дренополѣ, въ Цариградѣ,» и воображаетъ, кажется, что это предложные падежи; первое — д. б. въ Дренополя, второе — д. б. въ Цариграда (*и* вм. *а*). —

[5] Чтобы служить. —

[6] Обыкновенно *кафе* (серб. *кава*); вѣроятно подправлено. —

[7] Доливаетъ слезами; въ М. *селзи*.

[8] Когда.

[9] Обыкновенно *сгледа*; впрочемъ допускается и форма *сглида*, подобно *сбира*, *напира*, и т. п.; увидала. —

[10] Какъ мнѣ наливать и не доливать слезами?

— «Ʒапали́[1] са на́шь-та[2] ʒемля́[3],
— «Поро́бкиня[4] моё бра́тъцъ[5];
— «Мо́я-та ма́йна въ ке́рки ла́ʒи[6],
— «Въ ке́рки ла́ʒи, си́нове тъ́рси[7].» —

---

[1] Зажглась, зажжена.
[2] Конечно вмѣсто *наша-та*. —
[3] Издатель вѣроятно сбился: выше онъ самъ пишетъ *земя*. —
[4] Конечно=*моя*=*мой-тъ*. —
[5] Въ М. *братацъ*,-форма возможная; мы встрѣчали чаще *братецъ*. —
[6] Ходить, бродить; издатель переводитъ — «плаваетъ.» Но еще вѣроятнѣй: *гази*.
[7] Сыновей ищетъ.

Пѣсни этой, также какъ приведенной нами выше о царѣ и слугѣ, можно приписать относительную древность; но нужно устранить ошибки, о чемъ просимъ самихъ читателей, на основаніи нашихъ указаній.

XLVIII.

КИРДЖАЛИ[1].

Прочю́ли са, прочю́ли[2]
Тѣ́-ѕи[3] ми клѐти,
    Кирджа́лии, Кирджа́лии,
    Карафа́ѕий, Карафа́ѕий[4],
    Карамана́фъ и Инджѐ войво́да.
Наре́дъ[5] сѫ се́ла Дꙋ́ринѐ,
Карнаба́шка-та ка́ѕа[6],
Каваклѝйске-тѣ[7] се́лянѐ,

---

[1] Оттуда же. Здѣсь упоминаются главнѣйшіе предводители Кирджаліевъ: *Карафази*, иначе *Кара-фейсія* (Карафейсъ), *Кара-плейсія*, по преданію — Турокъ Анадолецъ; *Кара-манафъ*, иначе *Кара*-или *Хаджи-Манобъ*, вождь Грековъ и Арнаутовъ (*Караманъ* у Турокъ =Киликія; *Манавци* называются у Славянъ вообще выходцы изъ Малой Азіи); *Индже* (тур.,=тонкій, subtilis) — Болгаринъ; издатель пѣсень сообщаетъ о немъ слѣдующее преданіе: онъ предводилъ шайкою, составленною изъ Болгаръ; въ послѣдствіи отдѣлился было отъ шайки; убитъ мальчикомъ сидѣльцемъ изъ Грековъ, при переходѣ черезъ мостъ; доселѣ сохраняются о немъ разныя преданія и пѣсни; есть въ живыхъ даже видѣвшіе его лично. —

[2] Прослышаны были, слава прошла о...

[3] Въ М. *тьяѕи*; эти, объ этихъ. —

[4] Подобныхъ сочетаній, какъ *ии*, не любитъ яз. болг., сокращая ихъ, безъ ударенія, просто въ *и*. — Три стиха повторяются, какъ припѣвъ.

[5] Одни за другими, по порядку, всѣ; *сѫ* относится къ *чюли*, *бѣгали*. —

[6] Округъ Карнабата (тур. *каза*, губернія). —

[7] Вѣроятно=*каваклиски*, изъ Каваклиса. —

Си́чки-тѣ чю́ли, бѣга́ли[1]:
Ма́ндю Чёрбаджи́[2] не ѥ чю́лъ,
Ни́тȯ[3] ѥ бѣ́галъ,
И Кирджа́лии дофта́сахѫ[4];

*

Три́ста сѫ пу́шки пу́кнѫли,
И три́ста гла́са ки́кнѫли,
Ма́ндю Чёрбаджи́ фана́ли,
Наза́дъ му рѫцѣ̇[5] върза́ли,

*

И два́-та му си́на фана́ли ни[6],
И двѣ́-тѣ му снъхи́[7] узе́ли
И дъштéрѭ[8] му Ири́нкѫ,
Ири́нкѫ, ма́йци мизи́нкѫ[9];
За срамо́тѫ ги стори́ли[10].

*

Ма́ндю Чёрбаджи́ сѧ мо́лѣше,
Инджé воѥво́да молбѫ́ при́ма[11],
Карафа́зи измо́лѫ нѣ́ма[12],

*

---

[1] Обыкн. *бѣгали*. —
[2] Староста (въ селѣ), тур.; обыкнов. *чёрбаджи*, что и видимъ ниже; скорѣе въ косвенныхъ *джя*. —
[3] Обыкн. *нито́*, но въ М. *ниту*, т. е. *ни́то*.
[4] Показались; издатель пишетъ *дофтасага*. —
[5] Обыкн. *рѫцѣ́*, но въ М. *руци*, т. е. *рѫцѣ* (ѣ безъ удар. = *и*). —
[6] Не знаемъ чтó это: развѣ энклитика = намъ? Или *ги*?
[7] Издатель пишетъ *снаги*; это значило бы = силы, члены. —
[8] Обыкн. *дъштерѭ*. —
[9] У матери (дательн.) меньшую (откуда нашъ *мизинецъ*). —
[10] Обыкн. *сто́рили*; обезчестили ихъ; издатель переводитъ *ее*. —
[11] Принимаетъ мольбу, согласно съ преданіемъ о милостивомъ характерѣ Индже; обыкновенно *приема*. —
[12] Не имѣетъ измолы, замолы, не замолишь его. —

О́ште са лю́тѣ[1] расѣ́рди,
Та си Ири́нкѫ кайди́са[2],
Ири́нкѫ, ма́йни[3] миѕи́нкѫ[4].

*

Ири́нкѣ[5] глава́ ска́чѣше
И ма́йци си мо́лѣше:
«Ма́ле-ле, ми́ла ма́ле!
«Да ми прѣмѣ́не[6] разда́дешь по́да́лѣ,
«Бо́си Цига́не, мечка́ри и дѐлиджи́и[7],

*

«Та да ми пѣ́снѭ испо́ѭтъ[8],
«Та да са чю́е, прочю́е
«На Вла́шкѫ-тѫ земѭ́, Богда́нскѫ,
«По христия́нски кадълѣ́ци[9].»

---

[1] Обыкновеннѣе *люто.*

[2] Растерзалъ, убилъ; тур. —

[3] Обыкновеннѣе, да и выше стоитъ, *майци*; но и это форма аналогическая съ *брай-но-не.* —

[4] Выше *мизинкѫ*; серб. *млезиница, мезимица.*

[5] Въ М. *Иринне*, непонятная форма; *Иринкѣ*, дательный, Иринкина.

[6] Раздай мои одежды (прѣмѣна); издатель пишетъ *при мяне* и переводитъ «за меня.» —

[7] Куда раздай? въ далекія стороны (д. б. *подалечь*); кому? (по болгар. идіотизму опять винит.) босымъ Цыганамъ, медвѣдчикамъ (ибо Цыгане же водятъ тамъ медвѣдей) и нищимъ (д. б. *мечка́ри*, отъ *мечка* = медвѣдь); *деледжи*, *теледжи* (тур. тат., отъ *телемекъ* = просить) = нищій. —

[8] Пусть поютъ мнѣ (про меня) пѣсню; обыкновенный эпическій мотивъ, раздать при смерти нищимъ, чтобы они пѣли; ср. пѣсню о Маркѣ Кралевичѣ; издатель ставитъ несуществующую и невозможную форму *испоятъ.* —

[9] По христіанскимъ округамъ, собств. эпархіямъ, ибо *Кадылыкъ* = сколько управляетъ одинъ *кады* (*кади*, духовная особа), противуп. *каза*; обыкн. *християнски*, *христенски.* Пріятно поддержать и исполнить на дѣлѣ такого рода завѣщанія, сохраняя пѣсни.

XLIX.

СМЕРТЬ ИНДЖЕ ВОЕВОДЫ[1].

Расплáкала сѧ, морé[2], горá-та,
Горá-та и планинá-та,
И на горѫ́-тѫ, морé, лúстье-то,
И на полé-то тревá-та[3],
Зарадú[4] Инджé войвóдѫ:
«[5]Дѣ да є Инджé, морé, да дóйде[6],
«Съ петь стóтинъ млáди юнáци,
«Горѫ́-тѫ да развеселú,
«Горѫ́-тѫ и планинѫ́-тѫ.»
Отъ дѣ́ ѭ[7] зачю́, морé, Инджé-то[8],
Той си сѧ вúкнѫ, провúкнѫ
Отъ Алтъ́нъ-конáрь[9] клáденецъ:
«Кóлē-ле, Кóлē байрактáрē!

---

[1] Изъ сборника Катранова; герой тотъ же, что въ предшествующей пѣсни.

[2] Припѣвъ = гей! см. выше.

[3] Обыкновеннѣе *трева*. —

[4] О комъ, ради кого?

[5] Слова лѣса (горы, покрытой лѣсомъ).

[6] Гдѣ ни есть, ни находится, пусть придетъ.—

[7] = ее (горѫ), лѣсъ; какъ скоро заслышалъ. —

[8] Рѣдкій примѣръ члена при собств. имени, объясняемый прилагательнымъ (Инджe = легкій) и среднимъ родомъ формы. —

[9] Золотой колодезь; если это особенная мѣстность, не знаемъ ея.—

«Развивай, Колё, байраци,
«Събирай, Колё, юнаци,
«Въ Малхамж[1] да си, море, отидемъ,
«Малхамж да си сардисемъ[2],
«Имание да саназимемъ[3].»
Колё Нидже[4] си, море, думаше:
«Не ходи, Нидже, къ Малхамж:
«Малхама[5] сж малджии[6],
«Малджии хемъ[7] коршюмджии[8],
«Челикъ-тъ[9] къ оно ударятъ,
«На свѣщ'-тж[10] фитиль снимжтъ.»
Нидже си Коли, море, не слушъ[11],
Ами си къ Малхамж отиде,
Та си Малхамж сардисе.
Пукнала са[12] пушка на Нидже,
Като са пукнж, и той падна;
Нидже са викнж, провикнж:
«Колё-ле, Колё байрактаре!
«Загинж[13] Нидже войвода!

---

[1] Не знаемъ мѣстности.

[2] Осадимъ, тур. (*сармакъ* = окутать, обложить). —

[3] Наберемся имущества (денегъ). —

[4] Дательный: кому? —

[5] Т. е. жители Малхамы.

[6] Искатели кладовъ, особый видъ хайдуковъ тур. (*малъ* = имѣнье). —

[7] И, тур. —

[8] Тур., собственно — свинцовники: меткіе стрѣлки, разбойники.

[9] Ожидалось бы просто *челька*.

[10] =*На свѣшть-тж*: у свѣчи (пулей) снимутъ свѣтильню.

[11] Не слушаетъ; —*ѣмъ*, -*ѣшь*, —*ѣ* (= *я*). —

[12] Выстрѣлило ружье, ударило. —

[13] Погибъ. —

«Ꙗ ела́, Ко́лё, при ме́не[1]!
«Добъ́ръ ся селя́фъ нано́си[2],
«Дъ́лга ми пу́шка бойли́я
«И тъ́нка са́бя френги́я,
«И чифте́[3] зла́ти пиштове́!
«Ꙗ ела́ си, Ко́лё, запаши́[4]
«До три́ киме́ри[5] съ жолти́ци:
«Єди́на, Ко́лё, ти зѣми́,
«Дру́гий-тъ ма́йци занеси́[6],
«Тре́тий-тъ, Ко́лё. занеси́
«Въ Хилиндарски манасти́ръ[7].»

---

[1] Ну-ка, ступай ко мнѣ!
[2] Наносился (аористъ въ страдат. оборотѣ) довольно добраго оружія; *селяхъ*, тур. —
[3] Пара, тур. —
[4] Ну-ка припояшь.
[5] *Кимеръ* (*кѐме́ръ*, въ серб. ф. *темер*), поясъ съ деньгами (съ Пере. *кемеръ*). —
[6] Отнеси. —
[7] Что на Аѳонской горѣ; напоминаетъ завѣщаніе Марка Кралевича.

I.

СТОЯНЪ ИДЕТЪ ВЪ КИРДЖАЛИ[1].

На Старѫ Рѣкѫ[2]
Събрахѫ са кирджалии,
Да плѣнуватъ Търново
И да сѣкѫтъ людіе[3],
Да грабѧтъ[4] желти желтици,
Да ѕимѧтъ красни момици[5].
Штѣше Стоянъ[6] да стане кирджалии,
И моли му са майка му:
«Штешь ли, Стано, фърлишь[7] ма,
Стано-ле!
«Да[8] фърлишь майкѫ си кахърнѫ[9],
«Кахърнѫ и старѫ,
Стано-ле,
«Да та убиѭтъ айдуци[10],
«Да та уловѧтъ сеймени[11]!
Стано-ле!»

---

[1] Изъ сборника Венелина, записанная имъ самимъ, но гдѣ, не извѣстно.

[2] Рѣка эта при подошвѣ Балкана, близъ Карлова, мѣстечка Филиппопольской эпархіи, въ 10 отъ Калофера и въ 60 верстахъ отъ Филиппополя. —

[3] Обыкновеннѣе *хора-та*.

[4] Чтобъ захватить.

[5] Дѣвицъ.

[6] Кто этотъ Стоянъ? древній ли герой? не знаемъ. —

[7] Хочешь ли бросить меня? тогда *«штешь фърлишь»* (съ спряженіемъ обоихъ глаголовъ), — или болѣе книжный оборотъ, или вмѣсто *да фърлишь*.

[8] Если.

[9] Тур., печальную, прискорбную, въ заботахъ.

[10] Болѣе серб. форма; обыкн. *хайдути*.

[11] Полицейскіе; опять болѣе серб. форма, болгар. *сеймени*, *сеймене*. —

LI.

ПОХВАЛЬБА СТОЯНА[1].

Похвали́лъ са ѥ мла́дъ Стоя́нъ,
Стоя́нъ Софиа́нчанинъ[2],
На Софія́, на кавене́-то[3],
Прѣдъ Тꙋ́рци и прѣдъ Бѫлгари,
Прѣдъ дрꙋ́гѫ вѣрѫ-Ѥвре́и[4]:
Че́[5] и́ма бꙋ́лкѫ хꙋ́бавѫ,
И и́ма ко́ня хра́нена,
И и́ма кѫ́щѫ на чарда́къ[6].
Отъ дѣ́ го ꙁачю́ Чюфꙋ́тче[7],
Чюфꙋ́тче, мла́до Ѥвре́йче,
То си при Стоя́на оти́де
И си Стоя́нꙋ дꙋ́маше[8]...

---

[1] Изъ сборника Венелина, пѣсня, записанная имъ самимъ, по всѣмъ признакамъ—въ Одессѣ.—Здѣсь Стоянъ также, можетъ быть, древній, и тѣмъ болѣе, что мѣстомъ жительства его назначается Софія.

[2] — ѣнинъ; подобныя сочетанія, какъ *ця*, болгарскій языкъ неохотно допускаетъ. —

[3] Въ Софіи, въ кофейной

[4] Предъ иной вѣрой—Евреями.

[5] Похвалился тѣмъ, что...

[6] Тур., съ чердакомъ, съ верхнимъ жильемъ, въ два этажа, = домъ хорошій.

[7] Въ серб. ф. *Чивутин*, Еврей (тур. *чыфытъ*).—

[8] Пѣсня, очевидно, только начата.

LII.

НАПАДЕНІЕ КИРДЖАЛІЕВЪ НА СТАНИМАКЪ[1].

Събра́ли сѧ кирджа́ли-тѣ,
Кирджа́ли-тѣ и капъси́ѕи-тѣ[2],
Та сѫ оти́шли на Станима́ка,
Та ѕапа́лили но́вѫ[3] це́рквѫ,
И сѫ раѕби́ли до де́веть врата́,
Де́веть врата́, де́веть желѣ́ѕни,
И улови́ли ста́рѫ Влади́кѫ[4],
Та ѭ гори́ли[5], та ѭ мѫ́чили,
Отрѣ́ѕали деснѫ́-тѫ рѫкѫ́,
И ёште[6] го горѭ́тъ,
И ёште го мѫ́чѭтъ:
«Ѫ ка́ѕвай[7], ка́ѕвай, старъ Влади́ко,
«Сре́бро и ѕла́то, ѕла́ти кре́стове[8].»
Отгова́ра[9] имъ ста́ри Влади́ка:
«Не мѧ мѫче́те, не мѧ горе́те!
«Што́-то[10] и́штете сре́бро и ѕла́то, —

---

[1] Городъ во Өракіи; пѣсня записана самимъ Венелинымъ, въ ряду одесскихъ, записанныхъ у собравшихся туда Болгаръ.
[2] Тур., безъ-воротный, бездомный: бродяга (*сызъ*=безъ; *капу*); д. б. *съ*.
[3] Замѣтьте это отличіе: монастырь обыкновенно *старъ*. —
[4] Т. е. Епископа; женскій родъ поддержанъ; ниже *стари*. —
[5] Жгли, пытали огнемъ.
[6] И все еще.
[7] Ну-ка, сказывай.
[8] Ожидалось бы *кръстове*; рука Венелина?
[9] Обыкновенно *отговарѣ* = *ря*.
[10] Что, которое серебро и золото ищете, то унесли молодые попы, когда убѣжали.

«Побѣгнахѫ млáди попóве,
«Та ꙁанéсъхѫ срéбро и ꙁлáто.
«Не ма мѫчѣте, не ма горѣте,
«Не ми рѫжѣте деснѫ́-тѫ рѫкѫ́:
«Отрѣжѣте ми мѝлѫ-тѫ[1] главѫ́.
«Алá вардѣте, кръвь на ꙁемѭ́-тѫ да не пáдне[2]:
«Чё[3] ще иꙁсъ́хне ꙁелéна тревá,
«И ще иꙁсъ́хнѫтъ ꙁелéни нѝви.
«Нъй насѣчѣте двѣ колá шюма[4].»
Тѝи му отсѣкли мѝлѫ-тѫ главѫ́.
Главá-та му са тръкáлѣ[5],
Ꙗꙁѝкъ-тъ му дýма[6]:
«Бре[7], ӧй та тéбе, Бóже Гóсподи!
«Аꙁъ нѣ́мамъ мáйкѫ да ма жалѣ́е:
«Нѣ́ка[8] ма жалѣ́е ꙗ́сно-то слъ́нце,
«Ꙗ́сно-то слъ́нце, макáръ[9] до плáдне[10],
«Ꙁелéна-та горá макáръ шесть[11] мѣ́сеца[12]!»

---

[1] *Милъ*, на нашъ простой, не эпическій языкъ, не можетъ быть иначе (по смыслу) переведено, какъ *мой*, *свой* (въ греч. эпосѣ *φίλος*).—
[2] Но берегитесь, чтобъ кровь не пала на землю.
[3] Ибо иначе, если упадетъ она...
[4] Но насѣките два воза сучьевъ (и на нихъ отрѣжте мою голову, чтобъ не капнула кровь).
[5] =*я*, настоящ.; катится, переворачивается.
[6] Языкъ говоритъ; обыкн. *езикъ*. —
[7] Даже въ обращеніи къ Богу! —
[8] Пусть жалѣетъ обо мнѣ.
[9] По крайности, хотя; новогреч. *μακάρι*: благо, хотя, пусть.
[10] Обыкновенное измѣненіе слова: *дне, дни, деня* и *дена*.
[11] Обыкнов. *шесъ* или *шесь*; ср. выше *исъхне*.
[12] Обыкнов. *мѣсеца*. —

LIII.

СЕСТРА ИДЕТЪ ВЫКУПАТЬ СТОЯНА[1]

Калудо, моме Калудо,
Шетнала се[2] є Калуда
Низ Цароградцка[3] терпия[4],
Та бѣлу си лице продаваше
И̯ црни[5] си очи залагаше.
Попита я младо Єрменличе[6]:
«Калудо, моме Калудо!
«Зашто[7] си продаваш бѣло-то лице
«И си залагаш црни-те очи?»
И тия[8] му вели[9], отговори:
— Брат ми є, Стоян, затворен
— У тешка тевна[10] тевница. —

---

[1] Какой Стоянъ, неизвѣстно на вѣрное; пѣсня помѣщена В. Ст. Караджичемъ въ его «Додаткѣ», а слѣдовательно, вмѣстѣ съ другими, записана въ Вѣнѣ, и диктовавшій ее, видно, забылъ нѣсколько свой родной языкъ, или, принадлежа по родинѣ Македоніи (именно Разлогу), потомъ посербился. —

[2] Прошла, прогуляла; серб. *шетам се*; у Болгаръ не употребляется возвратно (*сѧ*, по зап. нар. и по серб. *се*);=*шетнѫла*; *Калуда*—собств. имя? —

[3] Обыкн. *цароград*ж(*ш*)*ка*. —

[4] У Вука *тер*, по сербски; *низъ Цароrражскѫ чяршиѭ*, вдоль по рядамъ лавокъ цареградскихъ. —

[5] Серб.; по болг. *черни*, *чьрни*; закладывала черныя очи. —

[6] Спросилъ ее молодой Арманинъ; ѭ. —

[7] Зачѣмъ? —

[8] Обыкновеннѣе *тя*=она. —

[9] Серб.,=говоритъ; въ вост. Болг. неупотребительно. —

[10] По болгар. *тъмнѫ*, *тъвнѫ*; *тъмница* или *тъвница*; *у*, въ вост. Болгаріи *въ* или *въвъ*:—*въвъ тешкѫ тъвнѫ тъвницѫ*. —

LIV.

СТОЯНЪ ХАЙДУКЪ.[1]

Забреждане[2] се[3] айдуци[4],
Изишли са[5] из Забреже,
Та са[5] пошли низ[6] Морава[7]:
Напрет[8] иде хайдук Осман,
И по нему Шемширче-то[9];
Ручок ручет[10] у Петровци,
Та са[5] пошли у Павловци,
Да палея[11], да харая[12].
Догледа и[13] хайдук Стоян,
Милну сестри отговори:
«Дай ми, сестро, дъга[14] пушка[7],
«Дъга пушка, остра[7] сабя.[15]»
Пушка пукна, Осман падна[16],
Фтора пукна, Шемшир падна.

---

[1] Оттуда же, съ тѣми же особенностями; *Забреже*—деревня и шанецъ на Савѣ, недалеко Палежъ: отсюда могли идти по Моравѣ; въ прежн. изд. Вук. пѣсень (т. III, № 33) изъ Мачвы является Османъ, а Мачву преимущественно стерегъ Стоянъ Чупичь (въ послѣднее возстаніе Сербовъ); пѣсня могла произойти изъ тѣхъ краевъ. —
[2] Ожидалось бы *Забрежяне*, изъ *Забреже*. —
[3] Все. —
[4] Обыкн. *хайдути*. —
[5] = *сѫ*, суть. —
[6] Вдоль по. —
[7] *Моравѫ*, *пушкѫ*, *острѫ*. —
[8] *напрѣдъ*, впередъ. —
[9] Шемшир-че-то. —
[10] Обѣдъ обѣдаютъ: сербское (ручак) или посербленное; = *ручекъ ручѫтъ*. —
[11] Чтобы жечь; болгар. *палѭтъ*. —
[12] Серб. *харати*, опустошать; и форма сербская. —
[13] Ихъ. —
[14] Болгар *дѫлгѫ*. —
[15] *Сабѭ*. —
[16] *Пукнѫ*, *паднѫ*. —

LV.

КАВАРДЖИКЪ-АЛИ[1].

Каварджи́къ-Али́ книгѫ ми прово́ди[2],
Кни́гѫ ми прово́ди до се́ло Га́брово,
До чёрбаджи́и-тѣ и хаджи́и-тѣ[3],
Мно́го имъ ѕдра́вѥ[4] на сѣ[5] чёрбаджи́и,
На сѣ чёрбаджи́и и до си́чки хаджи́и:
«Не́ка ми прово́дитъ ѕа три годи́ни,
«Ѕа три годи́ни киръ отъ ко̀при́нѫ-тѫ[6];
«Да ма не стру́ватъ, самъ-си́ да си хо́дѭ[7],
«'Олсунъ[8] самъ-си́ и́дѫ, помно́го щѫ ѕе́мнѫ[9].»
Събра́ли си са, джа́намъ[10], Га́бровски чёрбаджи́и,
Га́бровски чёрбаджи́и и си́чки хаджи́и,

---

[1] Записана Венелинымъ, конечно въ Одессѣ; имя турецкаго сановника; изображаются его притѣсненія Габровцамъ; *каварджикъ* = кудрявый (тур.). —
[2] Прислалъ письмо; *ми* энклитич. —
[3] Къ старостамъ и хаджіямъ, которые пользуются особымъ почетомъ.—
[4] Т. е. посылаетъ, желаетъ. —
[5] Обыкн. *сички*. —
[6] Пусть мнѣ пришлютъ за 3 года барышъ отъ шелку. —
[7] Да не дѣлаютъ, да не безпокоятъ меня, чтобы шелъ я своей особой. —
[8] Пожалуй, если; тур. (*олсунъ*=пускай, да будетъ).
[9] Если самъ пойду, возьму больше. —
[10] Обращеніе,=душа моя (тур. *джанымъ*), припѣвъ, въ родѣ *холамъ*.—

Мошифирé[1] учи́натъ и са изговáрятъ[2].
Отговáрѣше, джáнамъ, хаджи́ Вéлчё:
«Хáйде да му прáтимъ[3] до дéветъ товáра,
«До дéветъ товáра[4] се бѣ́ли докáти:
«'Олкумъ самъ-си́ дóдю, пóмного ще зъ́ме.»
Отговáрѣше, джáнамъ, хаджи́ Стóйчё:
«Хáйде да му прáтимъ, джáнамъ, до[5] три́ товáра,
«До три́ товáра, се жéлти желти́ци:
«Самъ-си́ да не дóдю, пóмного ще зъ́ме.»
Отговáрѣше, джáнамъ, хаджи́ Дóсё:
«Хáйде да му прáтимъ до три́ товáра,
«До три́ товáра съсъ червéнъ пипéръ[6]:
«Да си познáю Гáбровски чёрбаджи́и,
«Гáбровски чёрбаджи́и и си́чки хаджи́и!»

---

[1] Совѣтъ, *мешвереть*, араб. перс. тур. —
[2] Другъ другу совѣтуютъ. —
[3] Давайте-ка, пошлемъ ему. —
[4] Бѣлые дукаты, красивые, хорошіе; см. выше. —
[5] При числѣ; три вьюка (лошадиныхъ); чаще *хазни*. —
[6] Съ краснымъ перцемъ: насмѣшка, означающая отказъ въ дани, столь часто употреблявшаяся и Сербами, въ разныхъ видахъ; обыкнов. *пиперь*. —
[7] Пусть узнаетъ онъ, что̀ такое, каковы... Обстоятельства приведенныхъ здѣсь лицъ объяснены нами при разсмотрѣніи болгарскаго эпоса. —

LVI.

БИТВА РУССКИХЪ СЪ ТУРКАМИ.[1]

«Я излѣзъ, 'Яно, мо́ре[2],
«Отъ вънъ на дво́рю[3],
«Да погле́днешь отъ висо́къ черда́къ[4]
«Вла́шкѫ-тѫ земѭ́
«И Богда́нскѫ-тѫ:
«Чѐ ка́къ сѧ тѫ́рси[5], то́пове фъ́рлятъ[6],
«Вла́шка-та земя́[7];
«Крошю́ми[8] па́дѫтъ, 'Яно, мо́ре,
«Като́ си́ленъ гра́дъ;
«Ту́рци сѧ би́ѭтъ съсъ Моско́вци;
«Чѐ сѫ наки́ли[9] Мо́рлаци[10]-тѣ,
«До́съ дю́лберъ кали́нчё-лё[11],
«И сѫ наки́ли Ру́си коза́ци.

---

[1] Оттуда же. —
[2] Обращеніе (см. выше); для созвучія; обыкн. *море́*. —
[3] Вонъ на дворъ (собират.). —
[4] =*ча*. —
[5] =*Сѧ трѫси* (трусить, трясется),=*сѧ трѧ́сѐ;* собственно здѣсь ѫ и ѧ употребляются какъ *ъ*, но не пишемъ *ъ* въ отличіе отъ *търси*=ищетъ.—
[6] Пушки бьютъ (мечутъ, швыряютъ): *топъ*, тур. —
[7] Просто уже какъ припѣвъ. —
[8] = *Коршюми*, пули, свинецъ. —
[9] = *Надвили*, побѣдили. —
[10] Морейцы, Греки. —
[11] Новый припѣвъ; *досъ*, *достъ*, съ тур., пріятель, дорогой; *дилберъ* красивый, видный, собств. восхитительный, уносящій сердце (перс. *дилъ*=сердце, *беръ*=уносить, брать); *калино*, см. выше, родственное и уважительное названіе, къ женщинѣ. —

«Като́ са би́ли, 'Ѭно, мо́ре,
«Досъ дю́лберъ кадѫ́нчё-лё,
«Би́ли са и трӧши́ли[1] са,
«Въ кръ́ви потъ́нали
«До дзенги́и-тѣ[2], Ѭ́но, мо́ре,
«Вла́шка-та земѧ́[3].
«Пу́шки-тѣ имъ като́ пръ́ти[4];
«Като́ са би́ли, Ѭ́но,
«Би́ли и трӧши́ли[5],
«Да отнѣ́матъ ца́рскѫ-тѫ земѧ́,
«Досъ дю́лберъ кадѫ́нчё-лё,
«Ту́рскѫ-тѫ земѧ́.»

[1] Крушили, крошили другъ друга (кроха = троха).
[2] До стремянъ. —
[3] Опять какъ припѣвъ. —
[4] Ружья у нихъ какъ рожны, т. е. длинныя. —
[5] *Са* стоитъ выше.

LVII.

ПѢСЕНЬ ЦАРА КОСТАНТИНА[1].

Отъ на́нъ[2] Го́сподь свѣтъ создáде̇,
Создáде̇ го̇, прѣдáде̇ го̇,
Прѣдáде̇ го̇ христиáнү[3],
Костанти́нү да царýва,
Царъ Костанти́нъ да царýва, да богýва[4].
А царъ Костанти́нъ са ю посéилъ[5]....
А Бо́гү са жилъ нажáли,
Жилъ нажáли, скрьбъ насъ́рви[6],
Разигрá са Черно̇ мо́ре̇,
Че́рно̇ мо́ре̇, Бѣ́ло̇ мо́ре,
Та ми біé ү свѣтъ манасти́ръ,
Ү свѣтъ манасти́ръ, свѣтъ-Нико́ла[7];

---

[1] Находится въ числѣ пѣсень, присланныхъ Венелину В. Е. Априловымъ; носитъ какъ въ языкѣ, такъ и въ эпическомъ складѣ, необычайно стройномъ, слѣды отдаленной древности; потому должна бы занять у насъ первое мѣсто, а здѣсь помѣщается единственно потому, что весьма сходна со слѣдующей. Обыкн. *царя. Костандина* (согласно съ греч. произнош.). —

[2] Съ тѣхъ поръ, какъ. —

[3] Чаще *христенинъ*. —

[4] *Богувамъ*=нахожуся въ большомъ уваженіи, блаженствѣ; любопытнѣйшее слово. —

[5] Забралъ силу, возгордился: у южныхъ Славянъ съ понятіемъ силы соединяется нерѣдко представленіе порчи.

[6] Стало больно (жалко, горько, обидно) и прискорбно; языкъ отличается твердостью окончаній, откуда *царъ*, *жялъ*, *скрьбъ* (вм. *бь*). *манастиръ* (вм. *рь*) и др. —

[7] Бьетъ въ святой монастырь Николы; чаще *въвъ*, чѣмъ *у*. —

Прилѣтѣлъ[1] ми ѥ бѣлъ ми гълѫбъ,
Потрѫсилъ[2] ми ѥ де́сно крилѥ[3].
Истрѫсилъ ми ѥ бѣло книжѥ[4],
Бѣло книжѥ, черно слово.
Излѣзълъ[5] ми ѥ младъ[6] калугеръ,
Младъ калугеръ старъ ѥгуменъ,
Та ми ѥ подигналъ[7] бѣло книжѥ,
Бѣло книжѥ, черно слово;
Челъ го ѥ два дни
Челъ го ѥ три дни
Нѐ можилъ да расчете[8]
Бѣло книжѥ, черно слово.
Отговарѧ стари ѥгуменъ:
«Повикайте[9] попъ Никола,
«Да прочете бѣло книжѥ,
«Бѣло книжѥ, черно слово».
Дошелъ[10] ми ѥ попъ Никола,
Прочелъ ми ѥ бѣло книжѥ,
Бѣло книжѥ, черно слово;
Хемъ си чете попъ Никола,

---

1 Обыкнов. *прилѣтѣлъ*, но въ оригиналѣ *прилитѣлъ* (*е* безъ удар.=*и*).
2 Потрусилъ, потресъ. —
3 Собират. —
4 Собират., перешедшее въ среднiй родъ. И ниже то *е*, то *и*.
5 Вышелъ; оттѣнокъ древности въ формѣ.—
6 Не думаемъ, чтобы этотъ «молодой монахъ» былъ лицо , особое отъ «стараго игумна;» *младъ*—обычный эпитетъ. —
7 Теперь чистый Болгаринъ сказалъ бы: *поелъ*. —
8 Читалъ и не могъ прочитать (раз=про). —
9 Покличьте. —
10 Обыкнов. *дошелъ;* не одна особенность: такъ, выше. по всему складу, требуется *мо́ре*, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ пѣсняхъ , въ обыкновенномъ же разговорѣ *море́*; ниже *крило*.

Хемъ си ҷете́, хемъ си пла́ҷе̇[1].
Попи́галъ[2] го̇ ѥ старъ ѥгу́менъ:
«Хо́й[3] та те́ве̇, попъ Нико́ла!
«Ка́то̇ ҷе̇те́шь, што́ си пла́ҷе̇шь?»
Отгова́ря попъ Нико́ла:
«Пи́ше̇, пи́ше̇[4] въ бѣ́ло̇ кни́жѥ, —ʼ
« «Ту́рҷинъ[5] Ста́мболъ ште да приʒѣ́ме̇[6],
« «Ту́рҷинъ ца́ра ште да приʒѣле̇.» »
Ʒапла́калъ ми ѥ старъ ѥгу́менъ,
И казу́ка[7] попъ-Нико́лу[8]:
«Стани́, стани́[9], попъ Нико́ла,
«Да си и́де̇мъ, да си кѫ́же̇мъ[10],
«На на́шь ца́рь[11] Костанти́на.»
О̇ти́шле[12] сѫ да рѣ́ситъ[13],
Нашле́ сѫ го̇ въ Балѫкли́[14],
Ҷе̇ си пи́ѥ и си ѣде

[1] *Хемъ*=и, тур.; подобный оборотъ значитъ: «такъ и читаетъ, такъ и плачетъ,» «читаетъ, читаетъ, да всё плачетъ.»
[2] Спросилъ. —
[3] Обыкн. *ой*: придыханіе. —
[4] Пишетъ, безлично: пишется, написано, какъ у насъ часто «говоритъ» (франц. *on*) или: «а въ той грамотѣ пишетъ.»
[5] Обыкнов. *инъ*. —
[6] Возьметъ; *да* въ обоихъ стихахъ вовсе не нужно и нарушаетъ гармонію. —
[7] И говоритъ.
[8] Въ именахъ подобнаго рода только и встрѣчается одинъ этотъ падежъ, и то не всегда. —
[9] Встань, ну.
[10] Скажемъ нашему царю.
[11] Здѣсь записавшій (вм. *а*) невѣренъ себѣ или языку. —
[12] И *отишле́*.
[13] Росить, кропить: церковный обрядъ; подозрѣваемъ, не *тръсятъ* ли? т. е. пошли искать (царя)? —
[14] Извѣстная въ Царьградѣ церковь, гдѣ ἀγίασμα (отдушина, углубленіе съ водою, колодезь), и тамъ рыбы (чтимыя); Болгаре и Турки

Съ сенáтори и боѣ́ри[1].
Сказалъ[2] му ѥ старъ ѥгýменъ:
«Добъръ ти дéнъ[3], цáрю чéсни[4]!
«Нé знáѥшь, нé знáѥшь, штó си íма[5]:
«Прилéтѣлъ ми ѥ бѣ́лъ ми гълѫбъ
«Надъ манастúръ светъ-Никола,
«Потрѫ́снилъ ми ѥ дéсно крúло,
«Истрѫ́снилъ ми ѥ бѣло книжѥ.
«Бѣ́ло книжѥ, чéрно слóво;
«У книжѥ-то пúше, пúше:
« «Тýрчинъ Стáмбóлъ ште привзѣ́ме.» »
Отвѣ́чѣ́ка[6] царъ Костантúнъ:
«Ако стáне тѣ́я рúба отъ скáрѫ-тѫ[7],
«Да сѧ влѣ́зе у[8] водѫ́-тѫ,
«Тѣй[9] ште Стáмбóлъ да привзѣ́ме[10].»
Кóту[11] си т'ва[12], врé, издýмалъ[13],

называютъ обыкновенно *аязма:* такихъ мѣстъ (съ святой водою) открывается и чтится тамъ очень много.

[1] Обыкн. *болѣри*.

[2] Обыкн. *кáзалъ*. —

[3] = *день*. —

[4] Серб. *честити*, чтимый, честнóй. —

[5] Что имѣется, есть, случилось. —

[6] По древности пѣсни, не смѣемъ отринуть этой формы, поддерживаемой аналогіею другихъ слав. нарѣчій, но обыкновенно и чистоболгарски (нынѣ) — *отговаръ*; настоящее.

[7] Если встанетъ эта рыба со сковороды. —

[8] =*Въвъ*. —

[9] Тогда, въ такомъ случаѣ, ну-такъ —

[10] Т. е. Турчинъ. —

[11] Т. е. *като* = когда; м. б. описка.

[12] = Това = это. —

[13] Проговорилъ.

Фърлила са ѥ прѣсна риба[1],
Прѣсна риба отъ скáрж-тж,
Та сѝ ѥ влѣзла у водж-тж[2].
Оплáшилъ[3] са ѥ цáрь Костантúнъ ми ѥ[4],
Та въсѣдналъ врáни[5] кóни,
Припасалъ ми ѥ тѣнкж сáблж[6],
Отишелъ ми ѥ да са бúѥ,
Да са бúѥ съсъ Тýрчинъ-тъ.
Тáмъ сж ми, бре́, и убили,
И убúли цáря Костантúна,
Тýрчинъ въ Стáмболъ ми ѥ влѣзълъ. —

---

[1] Бросилась, прыгнула; *прѣсна*, обыкновенный эпитетъ рыбы,=свѣжая, прибавленный здѣсь эпосомъ не смотря на то, что она была уже изжарена.

[2] Такихъ мѣстъ (съ разными историческими преданіями), съ поджареной рыбой въ водѣ, въ Греціи нѣсколько. —

[3] Переполошился, испугался.

[4] Замѣчательный оборотъ эпическаго языка, съ повтореніемъ ѥ. —

[5] Вмѣсто *врана*, конечно по уподобленію съ *коня*. —

[6] Обыкновенно *сабя*. —

LVIII.

ПѢСЕНЬ НА ЦАРЬ НИКОЛА[1].

Разигра́ са Че́рно море́,
Че́рно мо́ре, Бѣ́ло мо́ре,
Да са би́е Ва́рна-кале́[2],
Варна-кале́, старъ манасти́ръ.
Гъ́лъбъ фръ́ка въ си́ню не́бе́[3],
Въ уста́ но́си бѣ́ло кни́жие,
Бѣ́ло кни́жие, че́рно сло́во;

---

[1] Изъ записанныхъ Венелинымъ, по всему вѣроятію въ Одессѣ; сохранился и черновой списокъ пѣсни, другой руки, по которому мы поправимъ Венелина. — Иначе и нельзя назвать пѣсни, въ соотвѣтствіе предыдущей; содержаніе—извѣстіе и предвѣщаніе о прибытіи «Царя Николы, Болгарина,» въ Болгарію, и соединенныхъ съ тѣмъ распоряженіяхъ Турокъ. Пѣсня появилась, конечно, во время или тотчасъ послѣ (Венелинъ записалъ ее въ 1830 году) прошедшей войны Русскихъ съ Турками; сложена она въ томъ же складѣ, какъ предыдущая, хотя нѣтъ такой силы и языкъ новѣе.—

[2] Отчего разыгралось? отъ того, что бьютъ, осаждаютъ крѣпость Варну. А лучше *си*: море бьетъ въ крѣпость.

[3] Летитъ въ синемъ небѣ; обыкн. *гълъбь;* также *небе́*, но въ оригин. *неби*, т. е. *не́бе*; *ю* = *ӗ* безъ ударенія.

Дѣ да пáдне, дѣ да кáцне[1]? —
На калé то, на тепé-то[2],
На тепé-то, на манастúръ,
На кубé-то[3] на крѣхүе-то[4]:
Истървá[5] си бѣло книжѥ.
Събрáхѫ сѧ дéвѧтъ[6] пóпа,
Дéвѧтъ пóпа Кáрналиие[7],
Да си үéтѫтъ[8] бѣло книжѥ
Бѣло книжѥ, үéрно слóво.
Үéхѫ двá дни, үéхѫ трú дни,
Нé можéхѫ да ѭ рахүетѫтъ[9].
Вúкнахѫ си попъ Никóла.
Попъ Никóла, игýмена:
Той проүéте[10] бѣло книжѥ;
Хемъ үетѣше. хемъ плáүѣше,
И на хóра-та[11] дýмаше:......
«Үé[12] ще дóдѥ царъ Никóла,

---

[1] Гдѣ падетъ онъ, гдѣ сядетъ? —
[2] Верхушка, маковка, — холмъ (тур.).
[3] Выгибъ, куполъ, тур. *куббе*. —
[4] Обыкн *крѣсче* (отъ *крѣстъ*); въ нѣкоторыхъ подрѣчіяхъ *х* вмѣсто *с* (*мѣхца* вм. *мѣсеца*).
[5] Выпустилъ (изъ устъ). —
[6] = *деветъ*.
[7] Жившихъ въ Варнѣ: *ии* или *ие*; *попа* конечно родительный множественнаго. —
[8] Да чтутъ, чтобы читать. —
[9] Читали и не могли прочесть; у Вен. *расчетѫтъ*; *ѭ* = *книгѫ*.
[10] Прочиталъ; аористъ *прочéтъхъ*, 2-е и 3-е лице *прочéте*. —
[11] Людямъ. —
[12] Ибо придетъ.

«Царъ Никóла, Москóвица,
«Москóвица, Бѫлгаринъ[1]-тъ:
«Мóмци-тѣ низáмъ штѫтъ да прáвятъ[2],
«Момú-тѣ на бéгли́къ штѫтъ да кáрѫтъ[3].»

---

[1] Названъ Болгариномъ.

[2] Изъ момковъ, изъ молодцовъ, сдѣлаютъ (Турки) низамъ = регулярное войско. —

[3] Дѣвушекъ погонятъ на работу, такую же, какую исправляютъ онѣ на бег-лыкѣ (тур.), турецкомъ помѣстьѣ, которое должны воздѣлывать окрестные жители — Болгары. Смыслъ всѣхъ этихъ словъ таковъ: къ Варнѣ ждутъ Русскихъ, — плохо дѣло: почему? Турки изъ молодцовъ начнутъ набирать войско (какъ хотѣли было они сдѣлать и въ началѣ нынѣшней войны), а все остальное народонаселеніе погонятъ на работы, — въ крѣпостяхъ, въ лагерѣ, при подкопахъ, и т. д. И дѣйствительно, при наступленіи Русскихъ, народъ старается самъ укрыться отъ набора Турокъ, влекущихъ его всюду за собою.

LIX.

ОСАДА РУССКИМИ ВАРНЫ[1]

Като́ моя́-та Ва́рна, ни́гдѣ нѣ́ма[2]!
Не ви́дѣхме, отъ дѣ́ до́йде та си́ла[3],
Отъ чети́ре страни́ ка́мени кале́[4];
Ни[5] сѧ надѣ́яхме, да не да́демъ той кале́;
Три мѣ́сяца[6], день и но́шть[7],
Като дре́бни дъ́ждь[7],
Н'дахѫ гюрле́та-та[8].
Отъ ни́гдѣ[9] по́мощь[7] нѣ́махме.
Мези́лъ прово́дилъ[10] на султа́нъ,
На султа́нъ Махму́дъ Ефе́нди:
«Да ни прово́дишь по́мощь,
«По́мощь у Ва́рнѫ[11].»
И той думаше: «не ѕна́ѭ,
«Не ѕна́ѭ, по́мощь на ко́го,
«По́мощь да прово́дѭ,
«Че сѫ двана́йсеть кале́,

---

[1] Изъ сборника Венелина; самимъ имъ записана въ Варнѣ, и, стало быть, недавно предъ тѣмъ была сложена; нескладность зависитъ конечно отъ повторенія половины или конца предыдущаго стиха. —
[2] Какъ Варна моя, нѣтъ нигдѣ (такой);—обыкн. *нийдѣ*.
[3] Не видали мы (и не замѣтили), откуда пришла (вдругъ) сила рать; но *та* странно: или *сила-та*, или *та зи*, *тъя сила* (эта).
[4] Съ четырехъ сторонъ каменной крѣпости. —
[5] Мы (надѣялись, что не отдадимъ);=*надѣъхме; той=тое.* —
[6] = *Мѣсеца.* —
[7] Произнос. конечно *ношь, дъжь,* а ниже *помошь.*
[8] Бомбы (тур. *гюлле*), въ серб. ф. *дюле, дюлета*; обыкн. *гюлле́,—та.*—
[9] Ниоткуда;—обыкн. *нийдѣ.* —
[10] *Мезилъ*, съ тур. (*мензилъ*) вѣстникъ, почтальонъ; *проводилъ* = прислалъ, передалъ: вѣстникъ передалъ султану. —
[11] Пошли намъ помочь; вм. *у—въвъ.* —

«Дванайсеть кале заградени[1].»
Че проводи[2] везиру. Ахъ[3], везирь
Дойде до Камчиѫ[4] да гледа (ше)[5]:
Не може на тѣсно време[6]
Да ни помогне.
Ни[7] плачехме, Бога[8] ся молехме.
Отъ четире страни лагымъ скопахѫ[9],
Като ги запалихѫ[10], като юришъ сторихѫ[11],
Дѣто у майкѫ плачеше,
И тый беше вѣрно[12].
Като ся запалиле[13] отъ четире страни,
Отъ четире страни лагми-тѣ, —
И вѣрѫ дадохѫ[14].

---

[1] Недоумѣніе султана: не знаю, кому послать помочь: двѣнадцать крѣпостей,—всѣ окружены, осаждены (огорожены). —

[2] Послалъ (султанъ) везирю (чтобы онъ помогъ).

[3] Это показываетъ, что пѣсня предъ Венелинымъ была пѣта, съ частицами, служащими какбы придыханіемъ приначалѣ стиховъ и строфъ; если уже такъ записано, нѣтъ возможности раздѣлить лучше стиховъ. —

[4] Подошелъ къ Камчикѣ: рѣка на югѣ отъ Варны.

[5] Чтобы посмотрѣть (можетъ ли помочь?); у Венелина «да гледаше», непонятно; можетъ быть *та*(=и). —

[6] Не можетъ по тѣсному, трудному времени помочь намъ; или: помочь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ.

[7] Мы, чаще *ния, ний*; а *ни* = намъ.

[8] Обыкновенно *Богу*. —

[9] Выкопали *лагмы*, подкопы, тур. *lahém*=мина, — откуда новогреч. *λαγοῦμι*. Д. б. *изкопахѫ*.

[10] Запалили, зажгли, мину, подкопы.

[11] Когда сдѣлали нападеніе; *юришъ*, тур. —

[12] Такъ было страшно, что дитя плакало у матери, и все таки, и тутъ было вѣрно=не сдавались. —

[13] У Венелина *запале;* непонятно. —

[14] Дали вѣру, ввѣрились, сдались.

LX.

ХАДЖИ КАНЧЁ[1]

Изъ[2] сéло ми хóди, джáнамъ[3], хаджú[4] Кáнчё,
Изъ сéло-то Трéвна[5], изъ ширóко двóрие[6];
Калпáкъ-тъ накривúлъ[7], бѣли прѣсти крúши[8],
Сúтни сълзи[9] рóни, и брáту си дýма:
«Ами сегá, брáте Пéтре,
«Какó да прáвимъ? какó да чúниме[10]?
«Сéло-то ся кáни[11] да бѣга,
«Ами ние[12], брáтко, кадѣ[13] да úдеме?

---

[1] Изъ сборника Венелина, составленнаго, должно быть, въ Одессѣ; пѣсня новѣйшаго склада, ибо Хаджи-Канчё, мѣстный староста или чёрбаджи, былъ живъ еще въ первой четверти настоящаго столѣтія, о чемъ см. выше, объясненіе болгарскаго эпоса. —

[2] Вдоль, по. —

[3] Припѣвъ.

[4] Выше замѣчено объ особенномъ уваженіи къ хаджи.

[5] Трѣвна на рѣкѣ Янтрѣ, въ 20 в. отъ Трънова, столько же отъ Габрова; до 4,000 жителей, всё Болгаръ; они славятся нѣкоторыми искуствами и шелководствомъ. Форма заставляетъ думать, что въ какихъ либо подрѣчіяхъ можно встрѣтить *трѣва*. —

[6] Собирательное. —

[7] Заломилъ на бокъ.

[8] Ломаетъ бѣлые пальцы, крушитъ. —

[9] Чаще *сълзи, селзи* или *слъзи*; мелкія-крупныя. —

[10] Но, а теперь—что̀ дѣлать намъ, что̀ учинить? Пѣсня выразила скорбное положеніе Канча, въ страхѣ предъ местію Турокъ.

[11] Подымается бѣжать (каня ся=готовиться, собираться къ чему). —

[12] Мы, обыкновенно *ния, ний*.

[13] Куда, въ какую сторону? —

«На Га́брово да и́деме, та ни са прѣсмѣ́ѭтъ
«Га́бровски чёрбаджи́и и си́чки хаджи́и[1];
«На Казанли́къ да и́демъ, — Ту́рци сѫ мно́го,
«Ту́рци сѫ мно́го, захѐре́ скѫ́по[2];
«Ха́йдѐ да и́демъ на Єски-Зага́рѫ[3]:
«Ту́рци-тѣ сѫ ма́лко, захѐре́ ѥ́втино[4];
«Та́мо[5] да сѣди́ме, та́мо да живѣ́ѭмъ.»

Конецъ I-го отдѣла пѣсенъ.

[1] Если пойдемъ въ Габрово, пересмѣютъ, просмѣютъ насъ тамъ; вмѣсто *та*, лучше бы *да* (тогда *ни* = *не*) или *ште* (*штѫ*).

[2] До́роги тамъ припасы, съѣстное (*захере*, тур.; *скѫпъ*=дорогъ). *Казанлыкъ*, городъ на подошвѣ Балкана, на р. Яненѣ, впадающей въ Тунджу, а эта соединяется съ Марицей при Адріанополѣ; отъ Габрова 40 верстъ, 20,000 жителей, коихъ двѣ трети, дѣйствительно, составляютъ Турки (Турокъ много). —

[3] Пойдемъ-ка въ Старое Загорье; о немъ упоминали мы выше.—

[4] Турокъ мало, съѣстное дешево; новогреч. εὐϑηνός. —

[5] Форма Ц. славянская; обыкновенно *тамъ* или *тамъ*.—*Живѣѭ*=поживаю, жизнь провождаю (большею частію съ понятіемъ благополучія), серб. *живовати*. —

ПОГРѢШНОСТИ.

ЭПОСЪ.

Стран.	строка	*Напечатано:*	*Читай:*
9	1	на владѣнія	владѣнія
68	35	приманитъ	приманить

ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗ. Н. Б.

Стран.	строка	*Напечатано:*	*Читай:*
8	16–18	твердости приводимыя Павскимъ. Основываясь на нѣкоторыхъ примѣрахъ произношенія,	твердости. Основываясь на нѣкоторыхъ примѣрахъ произношенія, приводимыхъ Павскимъ,
10	23	*zimnikbt*	*zimnikьt*
—	33	*vratb*, *cedb*	*vratь*, *cedь*
17	37	*carbt*	*carьt*
18	8	*ogъnbot*	*ogъnьot*
—	9	*denbot*	*denьot*
25	23	*mí*	*mi*
33	20	слав.	Слав.
—	—	организмъ,	организмъ
39	6	*др́жâње*	*др̀жâње*
40	29	*knížijá*	*knižijá*
—	34	*zété*	*zétê*
42	37	о	по
46	38:		*čep*
48	3	въ ь	въ ь—
—	29, 30	на *лъ* и *нъ*.	на *лъ*, *нъ* и *тъ*.
51	29	*мелѫ*	*мелѫ*
70	33	*пекѫ*	*пекѫ*
74	17	знакъ ’	знакъ ‘
—	33	ибо *jь = ъ*	ибо *ь=jъ*
80	16	прошедшее	происшедшее

— 90 — 17 *Стойно;*	*Стойно*);
— 96 — 9-10:	выпустить слова: «до *срамя* (имен. *срамъ*; стыдно);»
— 100 — 23 неопред.	опред.
— 112 — 8 (*моятъ*)	(*мойтъ*)
— 114 — 20 *ženi*	*ženi*
— — — 27 *ženi*	*ženi*
— 117 — 38 *тъкж*	*тъкж*
— 123 — 29 гор-шть.	гор-ать.
— 124 — 12 кид-шть.	кид-ать.
— — — 20 виж-те	виж'-те
— — — 25 дръж шть	дръж-ить
— 127 — 12 храи-шть.	храи-ать.
— — — 28 поуст-шть	поуст-ать.
— 134 — 19 ни-жть.	ни-жть.
— 140 — 23 *имаде*	*имаде*,
— 144 — 5 го	га
— — — 33 ей	ёй
— 146 — 19 Караджичя	Караджича
— 156 — 22:	правописанія,

ПѢСНИ.

По мелкости шрифта, въ нѣкоторыхъ буквахъ не довольно разборчиваго, и по новости дѣла, извиняемся въ попадающихся недосмотрахъ; указывая ихъ, просимъ напередъ самихъ читателей поправить по мѣстамъ сбивающіеся знаки и и и, а и а, случаи, не затрудняющіе однако здраваго смысла.

Страница 3, строка 4, въ текстѣ:	кино
6; 6, т.:	изкела
8; 3, т.: дрѣвни	дрѣвни
— 9, т.: «Отъ твоя-та вѣли страні»	«Отъ твоя-та чѣрни очи. «По твоя-та вѣли страні»,
13; 4, т.:	играіе
— 5, т.: понита.	понита:
— 12, примѣч.: *заржчаше*	*заржчяше*
14; 5, 7, т.: Белий	Бели
16; 13, пр.: наскочилъ на него	перескочилъ его, перегналъ
20; 32, пр.: *кисару*	*кисару*

23; 1, т.: пралице	пра́лица
24; 10, т.: «Де́керте̃	«Де́кер'те̃
25; 15, пр.: *самимичякъ, саммимничякъ*	*самникичякъ*
28; 11, т.: са	са ю
32; 17, пр.:	Выпила
33; 2, т.: да́те	дате́
35; 6, пр.: —	—
37; 16, пр.: *шагъ*;	*шагъ*);
39; 13, т.: напра́витъ	напра́витъ
40; 22, пр.: у (Княжескаго).	(у Княжескаг о).
43; 14, т.: П	И
45; 7, т.: ʒа	ʒа
51; 4, пр.: что показываетъ,	это показываетъ,
53; 8, т.: кануджи́и	кануджи́и
— 10, т.:	на Тила́нъ ду́маше:
54; 11, пр.:	*занеси*
55; 5, т.: къ	къ
57; 13, т.: ду́маше	ду́маше:
59; 15, т.: испи́та	испи́та.
62; 2, т.: На	Нъ
65; 7, т.: касани́нъ	каса́нинъ
66; 19, т.: На	На
67; 4, т.: не́ко	не́ко
69; 13, т.: се́стра	се́стро
70; 1, т.: посау́шаи	посау́шай
— 2, т.: Напра́дь	Напра́дъ
72; 7, т.: хаʒна́-та	хаʒна́
76; 14, т.: на	на
77; 1, т.: дворо́ке́	дворо́ке́.
82; 3, т.:	ко́ри
— 9, т.: къ	къ
84; 7, пр.:	*ечати*.
86; 12, т.: не	не-
88; 7, т.: ние́и	ние́и
91; 18, т.: на	на
95; 3, пр.:	Частица.
96; 10, т.: ка́ра	кара́
100; 7, пр.: *бабай-ко*,	*бабай-ко*),
109; 12, т.: наме́ратъ	наме́ратъ
111; 9, т.: ʒу́ака	ʒу́ако

113; 2, т.: -лс	-ле
114; 8, пр.:	слушаетъ.
— 13, пр.:	нагледѣтьcя
116; 3, пр.: предлагаетъ	предполагаетъ
119; 6, т.: штѐне́пце	штѐне́нце
126; 8, т.:	ʒи́минци
130; 4, т.: Не́пче	Непчё
— 9, т.: сиrме́ни	сиrме́не
— 17, пр.: у Бог. *не заваждай*	—
131; 6, т.: На́ра-	Кара́-
133; 3, т.: Бошни́ски	Бошни́ски
141; 6, 16, т.: на́ра-	кара́-
145; 15, т.	ца́рк
148; 9, 10, пр.: Тур., *кавалъ:*	Греч. *κύμβαλον* — *кавалъ*, ново-болг. *кăвалъ:*
150; 10, т. серб.:	Шниме
160; 3, пр.:	*Нем.*
168; 2, пр.:	Большое селеніе, 4 часа пути отъ Казана, 2 отъ Жеравны.
184; 13, т.: До сра́мм	Досра́мм
186; 1, т.: ʒеке́дѐ	ʒаке́дѐ
205; 9, т.: о́тиръткн	на о́тиръткн
212; 2, т.: отка́дзме	отка́дзмѐ
213; 11, пр.: По Богоеву слѣдовало бы писать са, но глаголъ не употребляется	Глаголъ не употребляется
216; 21, т.: Та-на́	Та-на́ са
218; 5, т.: чнда́ръ	чндѣ́ръ
— 9, пр.: Оставляемъ, хотя обыкновеннѣе *чядъръ; курмакъ*	*Курмакъ*
219; 17, т.: Къ	На
222; 6, т.: Кога-то	Кога́-то го
224; 2, пр.:	несчетное.
240; 1, т.: Ʒанала́	Ʒана́ли
245; 1, т.:	кайра́ци

СМѢСЬ.

ПИСЬМА, КЪ АНДРЕЮ ИЛЬИЧУ БЕЗОБРАЗОВУ ОТЪ ЕГО ПОВѢРЕННЫХЪ И РОДСТВЕННИКОВЪ, ПО РАЗНЫМЪ СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ, ПИСАННЫЯ ВЪ 7189 ГОДУ.

1.

Государю Андрею Ильичу, холопъ твой Мишка Антипьевъ челомъ бьетъ, писалъ ты Государь ко мнѣ холопу своему съ кручиною, что приставилъ Иванъ Богдановъ сынъ Ловчиковъ, и будта поручиковъ и насъ холопей твоихъ волочатъ въ томъ дѣлѣ; волокиты Государь, ни порутчикомъ, ни кому въ томъ дѣлѣ не бывало, то тебѣ Государю оглашаютъ меня, холопа твоего, нѣчто напрасно. А што Государь суда не было и я чево, холопъ твой, самъ не смышлю, и я добрыхъ людей спрашиваюсь, въ томъ ты Государь воленъ, а по твоему Государеву указу готовъ въ судъ итить, Сентября въ 9-й день. А Богданъ Федоровичь Полибинъ хотѣлъ дѣло вершить съ Волосатымъ и тебя Государь обвинить, а ево оправить; и я, Государь, о переносѣ того дѣла написалъ челобитную, и билъ челомъ Василью Григорьевичу; и Василей Григорьевичь посылалъ подъячего съ тою челобитною къ Данилѣ Леонтьевичу Полянскому, чтобъ то дѣло взять въ Еиской приказъ окольничему Алексѣю Петровичу Головину, потому де, что тутъ мнѣ срушнѣя, доведетца де што ему и молвить о томъ дѣлѣ. А я Государь отъ твоихъ боярскихъ дѣлъ не отпираюсь, приставъ придетъ, на людей не научаю, гдѣ доведетца, брожу и бью челомъ, не какъ наша братья во окошка глядятъ, а дома сказыватца не велятъ, а своихъ Государь у меня дѣлъ никакихъ нѣтъ и ходить мнѣ опричь твоихъ дѣлъ Государь не за чѣмъ, въ томъ ты воленъ Государь.

2.

Государю Андрею Ильичу, холопъ твой Мишка Антипьевъ челомъ бьетъ. Писалъ ты Государь, велѣлъ съ Ловчиковымъ въ судъ итить; и судъ Государь былъ Сентября 9-е число, а исковой, Государь, ихъ челобитной написано: жалоба, Государь, мнѣ на Ондрѣя Ильина, сына Безобразова, въ прошломъ де во 188 году, по ево Андрѣеву велѣнью, пріѣзжалъ человѣкъ ево въ деревню нашу Дешкину Афонка Козаковъ и крестьянъ нашихъ четырехъ человѣкъ билъ и мучилъ и грабежемъ у нихъ взялъ лошадей и коровъ и телятъ, всего на дватцать рублевъ; и вѣру далъ истцу на душу и после вѣры ссылался около своей деревни Дешкиной на Бѣлевской и на Мценской уѣздъ, что они про то вѣдаютъ, какъ онъ Афонка пріѣзжалъ и крестьянѣ

пашихъ билъ и увѣчилъ и грабежемъ лошади и коровы и телята побралъ. И я Государь сказалъ: ссылатца въ томъ на нихъ не для чево, то дѣло не крѣпосное и вѣдать имъ того дела не по чемъ. Истецъ велѣлъ допросить, хочешъ ли де отвѣтомъ своимъ правъ и виноватъ быть, и я Государь сказалъ, что хочу. И не сходя Государь с суда, подалъ Иванъ Ловчиковъ другую челобитную; и я Государь билъ челомъ Князь Ѳедору Семеновичу Борятинскому, что та вотчина Государя моево въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, деревня Телча, съ братомъ Федоромъ Ильичемъ вонче, и отвѣчать безъ вѣдома Государя своего и за него Федора Ильича не смѣю, авось Федоръ Ильичь и самъ за себя станетъ отвѣчать. Такъ Князь Ѳедоръ Семеновичь послалъ передъ боярина; и я Государь боярину Князю Алексѣю Андрѣевичу Голицыну билъ челомъ, что безъ вѣдома Государя своего и за Федора Ильича въ томъ отвѣчать не смѣю, потому что Бѣлевская вотчина у Государя моего съ братомъ Ѳедоромъ Ильичемъ вонче, и крѣпостей Государя моего на ту ихъ Бѣлевскую вотчину у меня нѣтъ, чтобъ пожаловалъ далъ сроку. И Ловчиковъ сталъ бить челомъ, я де Государь ищу на немъ Андреѣ ево доли чемъ, онъ владѣетъ, а на брата де ево Федора буду искать после. И Бояринъ сказалъ: кали де пошелъ въ судъ ищи де противъ Государева указу хошъ по дватцетьмя челобитнымъ не сходя с суда, а будетъ де не станешъ исковыхъ челобитенъ слушать, велю де Государевъ указъ записать, хто въ судъ войдетъ, а по инымъ челобитнымъ не отвѣчаетъ, и тѣхъ велѣно въ томъ винить; и я, Государь, стоя многое время не отвѣчалъ, и указъ Государевъ почели записывать, за неволю почелъ отвѣчать. И онъ, Государь, Иванъ Ловчиковъ искалъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ помѣсной земли, пустоши слоботки подъ долгимъ болотомъ, что было дано изъ порозжихъ земель Петру Юшкову сверхъ помѣсной дачи Василья Безобразова, сорока восми четвертей съ полуосминою, владѣнья трехъ сотъ рублевъ слишкомъ. И я Государь в отвѣтѣ сказалъ: Государь мой ихъ истцовою землею насилствомъ незавлаживалъ, а владѣетъ Государь мой своею дачею, деревни Телчи къ деревнями, чѣмъ прежъ сего владѣли отецъ ево, Государя моего, и дядя Василей Авраньевичь по старымъ межамъ, какъ прежъ сего владѣли при прежнихъ помѣщикахъ, при Петрѣ и при Прокофьѣ Юшковыхъ и при Ѳедорѣ Бутурлинѣ и при сестрѣ ихъ и при нихъ истцохъ, и о томъ дѣлѣ спору и челобитья на Государя моего ни от кого не бывало. И онъ, Государь, Иванъ ссылался на дачи Петра и Прокофья Юшковыхъ и Ѳедора Бутурлина и на свои дачи; и я Государь на тѣ ихъ дачи не ссылался, потому что вѣдать мнѣ ихъ не по чемъ, а Государь мой владѣетъ после отца своего и дяди своею дачею, а не ихъ истцовою, и ссылался Государь я въ повальной обыскъ около той своей вотчины деревни Телчи и Дешкиной, что Государь мой ихъ истцовою землею не владѣетъ, а владѣетъ своею дачею по старымъ межамъ, какъ истари отецъ

ево и дядя владѣлъ при прежнихъ помѣщикахъ, при Петрѣ и при Прокофьѣ Юшковыхъ и при Өедорѣ Бутурлинѣ и при сестрѣ ихъ. И онъ Государь въ повальной обыскъ не ссылался, то де дѣло крѣпосное до повальнаго обыску не дошло. И не сходя Государь съ суда, подалъ онъ Иванъ Ловчиковъ третью челобитную; и та Государь челобитная нечтена завернута въ судное дѣло и запечатана, а чево Государь по ней станетъ искать, того не вѣдома. И я, Государь, своей братья кое ково спрашивался, какъ бы лутче, ке вѣдома чево станетъ искать и какъ отвѣчать; и на утро я въ приказъ не пошелъ, и онъ Иванъ побилъ челомъ, дѣло де судное не вершено, а человѣкъ де въ суду не сталъ, дать вели де Государь, инова человѣка взять и держать въ приказѣ, ... была Государь взяли. И я билъ челомъ Князь Өедору Семеновичу, что Государь за судя судъ недѣли двѣ и болши не вершитца, и тутъ въ приказѣхъ не держатъ, и онъ велѣлъ освободитп. Бояринъ де приказалъ держать, и ты Государь изволь о томъ приказать, а я Государь не вѣдаю чево станетъ искать, и какъ отвѣчать, и ещо челоби .... ещо де стану искать, не толка тово будетъ. А Ивану Савиновичу билъ челомъ, чтобъ отъ писцовъ отставилъ, и онъ сперва Государь сказалъ: не вѣдаю де права какъ быть; а на завтрѣя побилъ челомъ, и онъ пожаловалъ сказалъ и подъячему приказалъ, чтобъ в росписи имени твоего не было, и велѣлъ и тебѣ Государь о томъ отписать; а межевая гранота Государь помѣчена, послать и межевщику, да подъячей докучаетъ за работу.

3.

Государю Андрею Ильичу, холопъ твой Мишка Онтипьевъ челомъ бьетъ. Сижу Государь теперь въ судномъ Приказѣ по челобитью Ивана Богданова, сына Ловчикова, чтобъ мнѣ по третей челобитной отвѣчать и къ тѣмъ суднымъ дѣламъ рука приложить. И присылалъ бояринъ на дворъ подъячева да приставовъ, и на дворъ Государь пришли, и съ постели меня стащили и на улицу такъ выволокли, и въ Приказѣ Государь передъ судей меня принесли, и я Государь сказалъ, что не могу и руки прикладывать, не вижу, глаза болятъ. И бояринъ Князь Алексѣй Андрѣевичь Голицынъ, велитъ мнѣ къ судному дѣлу руку прикладывать; и я, Государь сказалъ: воля въ томъ Государская и твоя боярская, отвѣчать не могу, что боленъ, и руки къ суднымъ дѣламъ приложить не вижу, глаза болятъ. И онъ Иванъ Ловчиковъ безпрестанна бьетъ челомъ, что де судъ порочитъ и отлыгается, что глаза болятъ; и бояринъ Князь Алексѣй Андрѣевичь меня Государь всячески стращалъ, а онъ билъ челомъ, чтобъ Государь меня въ томъ пытать. И Иванъ Афонасьевичь Желябуской сказалъ: Государь де указалъ розыскивать безъ пытки, а толка де тебя тешить, и для тово пытать, что ты говоришъ, вотъ

де противъ твоего челобитья разыскиваемъ, и онъ де сказывалъ, что не можетъ и руки приложить къ суднымъ дѣламъ, не видитъ. А онъ, Государь, в Арзамазъ на воеводство; и я, Государь, для тово и не прикладываю къ суднымъ дѣламъ руки, чтобъ онъ съѣхалъ, а ему, Государь, хотелось, чтобъ къ суднымъ дѣламъ руки приложить, и при себѣ бы тѣ дѣла вершить безъ тебя, Государь, что де спорить не кому. И меня, Государь, бояринъ Князь Алексѣй Андрѣевичь двожды осматривалъ, и всячески стращалъ, чтобъ рука приложить, и персня у меня осматривали, чѣмъ дѣла запечатать; и я, Государь, сказалъ, что перстень у меня дома, а печать у судного дѣла моя или не моя, того я не вижу, потому что глаза болятъ. А священника Государь Дмитрея Леонтьева святѣйшій патріархъ благословилъ къ церкви Ілія Пророку, и перехожую память дали; и у тебя Государя велѣлъ милости просить, какъ пріѣдетъ съ попадьею и со всемъ, чтобъ ему на улицѣ не стоять у васъ, велѣлъ милости просить, чтобъ дворъ тотъ поповъ очистить, гдѣ пріѣхать.

4.

Государю Андрѣю Ильичу, холопъ твой Гришка Щербачовъ челомъ бьетъ. Здѣся, Государь, въ дому твоемъ на Москвѣ, Сентября въ 9-й день, далъ Богъ здорово. Буди Госурадь тебѣ вѣдомо: боярина Князь Василья Васильевича на Москвѣ нѣтъ и боярина Князь Григорья Григорьевича Ромадановъского нѣтъ же, въ деревнѣ, а бояринъ Князь Алексѣй Андрѣевичь и Князь Василей Өедоровичь въ походѣ. А я на Москвѣ написавъ двѣ челобитные бѣлые, одну поднесъ Михайлу Прокофьевичу, и онъ хотелъ пожаловать по той челобитной бить челомъ Князь Михайлу Юрьевичу; а другую челобитную поднесъ Любиму Алферьевичу, а онъ хотелъ вверху поднесть боярину Князь Якову Никитичу Одоевскому, и чтобъ тое челобитную о свободѣ Михайла Антипова подписать; а что, Государь, по тѣмъ челобитнымъ указъ будетъ, и я къ тебѣ Государю тово часу ходока пришлю и вѣдомость учиню про все. И Сидору Григорьевичу Поплавскому билъ челомъ, и къ нему ходилъ на дворъ; и онъ мнѣ холопу твоему сказалъ: радъ де Государю своему работать да мочи де моей нѣтъ, потому де что посягаетъ на Андрѣя Ильича вверху Иванъ Максимовичь. А Сидоръ Григорьевичь пеняетъ гораздо на людей на твоихъ Государскихъ, кои за дѣлами ходятъ; а сказалъ: хотя бы де я за посмѣхъ хошъ маленкова ребеночка Государя своего видѣлъ у себя, а то де ни однова не видалъ. И сказалъ мнѣ холопу твоему: будетъ де искать Андрѣю Ильичу на Иванѣ да на Степанѣ Ловчиковыхъ противно; и къ судному дѣлу руки не прикладывать, а мошно де человѣку Андрѣя Ильича, которой на судѣ былъ, то судное дѣло запечатать своею печатью вмѣсто поруки, и Михайла Антипова хотелъ свободить; а какъ сво-

бодитъ, и я къ тебѣ Государю тово часу поѣду въ Спаское. Да Сидоръ же Григорьевичъ мнѣ холопу твоему сказалъ: подана де у насъ въ Приказѣ челобитная именемъ Андрѣя Ильича за помѣтою думново дьяка Василья Григорьевича Семенова; и та челобитная у нево Сидора Григорьевича, держитъ у себя, а въ той челобитной написано Ловчиковымъ, отецъ ихъ не такъ, и по той де челобитной укажутъ на Андреѣ Ильичѣ безъчестье Ловчиковымъ, да я де за милость Андрѣя Ильича держу у себя, а необъявлю; и я, холопъ твой, стану у нево той челобитной добиватца, чтобъ у дѣла не быть, и чтобъ пожаловалъ тое челобитную мнѣ отдалъ. А капусты Государь еще не купили, дорога.

5.

Государю Андрѣю Ильичу, холопъ твой Гришка Щербачовъ челомъ бьетъ. Здѣся, Государь, на Москвѣ в домѣ твоемъ Государскомъ Сентября въ 30-й день все далъ Богъ здорово, Өедка Кривушинъ и Каменской крестьянинъ отъ тебя Государя къ намъ къ Москвѣ пришли сегожъ числа; а что Государь прислалъ ты къ Москвѣ челобитную на Боровскаго подъячего на Семена Адашева, и я, подалъ и подписалъ Ларіонъ Провичъ, а какъ подписалъ, и я черную челобитную и помету послалъ къ тебѣ Государю подъ сею грамотою, а какъ Государеву грамоту возму и запечатаю, и я тово часу поѣду съ Москвы къ тебѣ Государю въ Спасское; а подъячему Михайлу Михаиловичу Щербакову билъ челомъ, чтобъ въ грамотѣ челобитья не отписывать для пошлинъ, и онъ сказалъ, что написать такъ нельзя; а Михайла Антипова изъ Приказу свободили. Изволь Государь отписать грамотку къ Сидору Григорьевичу Поплавскову; а онъ говоритъ: я де радъ Госу́дарю своему Андрѣю Ильичу работать, онъ пожаловалъ милость учинилъ да Иванъ Аөанасьевичь. Да буди тебѣ Государю вѣдомо: Өедоръ Леонтьевичь помѣтилъ, и грамоту написали и запечатали въ Бѣлевъ къ воеводѣ о высылкѣ подъячева Савы Богданова, на службу Великаго Государя в Севескъ, и я увидѣвъ, Өедору Леонтьевичу твоимъ именемъ билъ челомъ, что онъ Сава былъ въ прошломъ году на службѣ Великаго Государя въ Карачевѣ и въ Болховѣ, чтобъ ево, Государь, пожаловали нынѣ на службу посылать не велѣли; и Өедоръ Леонтьевичь пожаловалъ тое Государеву грамоту остановилъ и послалъ иную, а велѣно послать подъячева Ивова Микитина брата Курдюмова. А Юрью Отхотницкому я объ лебедяхъ билъ челомъ; и онъ мнѣ отказалъ, лебедей де я Андрѣю Ильичу не суливалъ, а лебеди де у меня были чужіе и у меня взяли.

6.

Государю Андрею Ильичу, холопъ твой Мишка Антипьевъ челомъ бьетъ. Писалъ ты Государь ко мнѣ холопу своему, что въ какомъ я дѣлѣ живу въ

Приказѣ; и я, холопъ твой, въ Приказѣ двѣ недѣли сидѣлъ, чтобъ мнѣ по третей челобитной отвѣчать, а чево, Государь, онъ по той своей челобитной станетъ искать, тово, Государь, мнѣ невѣдомо, и што бы мнѣ къ судному дѣлу руку приложить. Хотелосъ ему Ивану Ловчикову то судное дѣло при себѣ вершить; и я, Государь, для тово въ судномъ Приказѣ, къ суду, къ отвѣту по третей челобитной и несталъ, и руки къ судному дѣлу не приложилъ, чтобъ онъ съ Москвы съѣхалъ. И онъ, Государь, Иванъ Ловчиковъ, безпрестанно боярину Князь Алексѣю Андрѣевичу Голицину билъ челомъ, чтобъ мнѣ къ судному дѣлу рука приложить; и бояринъ меня осматривалъ трожды, и всяко приневоливалъ, чтобъ мнѣ къ судному дѣлу рука приложить; и я, Государь, передъ бояриномъ сказалъ, что занемогъ, и руки къ судному дѣлу приложить не вижу, глаза болятъ. Толка Государь помогалъ въ дѣлѣ думной Иванъ Афонасьевичь Желябужской, да Князь Өедоръ Семеновичь Борятинской, да дьякъ Сидоръ Поплавской. И Иванъ Ловчиковъ поѣхалъ въ Арзамасъ на воеводство, а меня Государь освободили изъ Приказу, такъ толко велѣли подождать, покаместа бояринъ Князь Алексѣй Андрѣевичь будетъ изъ деревни. И челобитная подписная есть, что Государь пожаловалъ велѣлъ о томъ указъ учинить боярину Князь Алексѣю Андрѣевичу Голицыну съ товарыщи; и я, Государь, кой часъ бояринъ изъ деревни пріѣдетъ, тотчасъ къ тебѣ Государю поѣду.

7.

Государю Андрею Ильичу холопъ твой Гришка Щербачовъ челомъ бьетъ. Здѣся Государь, на Москвѣ въ дому твоемъ Государьскомъ, Сентября въ день, все далъ Богъ здорово, а я холопъ твой къ Москвѣ пріѣхалъ Сентября въ 21-й день. А что Государь изволилъ ты со мною холопомъ своимъ челобитную; и я тое челобитную друзьямъ твоимъ казалъ, и они сказали, что написано де много очень плодовито, и велѣли написать иную. И я къ Михайлу ходилъ, и съ Михайломъ написали иную, и написавъ казалъ я Өедору Левонтьевичу и Любиму Алферьевичу и Данилѣ Берестову; и тое челобитную смотрили, и велѣли написать двѣ челобитные бѣлые, одну велѣли подать боярину Князь Якову Никитичу, а другую велѣли подать боярину Князь Михайлу Юрьевичу Долгорукову; и я холопъ твой написавъ челобитные бѣлые, тово часу стану бить челомъ. И думному дьяку Ларіону Ивановичу я билъ челомъ, и онъ мнѣ сказалъ: радъ де я всякое споможеніе чинить Государю своему Андрею Ильичу; а что, Государь, по тѣмъ челобитнымъ указъ будетъ, и я тебѣ Государю о томъ вѣдомость учиню. А какову Государь челобитную мы написали; и я къ тебѣ Государю послалъ такую же слово в слово подъ сею грамотою. А Михайло Антиповъ еще изъ Приказу не свобоженъ, а сидитъ онъ по челобитью Ивана Богданова сына Ловчикова, въ

томъ, что былъ онъ Михайло на судѣ съ нимъ Иваномъ Ловчиковымъ и отвѣчалъ Михаило Антиповъ по двумъ челобитнымъ: по первой въ бою и въ грабежу крестьянъ своихъ, въ двадцати рублѣхъ, а по другой челобитной отвѣчалъ в земляномъ владѣніи, въ трехъ стахъ рублехъ слишкомъ, а по третей челобитной не отвѣчалъ, а та челобитная не чтена, а чево ищетъ по третей челобитной, про то невѣдомо, и вѣдомости взять не от ково, и та челобитная запечатана за Ивановою печатью Ловчикова да за Михайловою печатью Антипова, и къ тому судному дѣлу чтобъ рука приложить после суда. Съ недѣлю приходилъ на дворъ Суднова Приказу подъячей Агафонъ Михайловъ сынъ Мешковъ съ приставы человѣкъ съ десять, и ево Михаила вытащили изъ избы, и на дерево положили, съ двора понесли, и въ Приказъ привезли, и въ Приказѣ судьи велѣли ему къ судному дѣлу приложить руку; и онъ Михайло сказалъ, что боленъ, глазами невижу, ослѣпъ, и руку приложить къ судному невозможно; и за то ево приказали держать въ Приказѣ, и дьякъ Григорей Кузьминъ сынъ Богдановъ почелъ бранить матерны, и велѣлъ де посадить въ заднею палату, а Михайла де онъ не бивалъ, и Иванъ Ловчиковъ поѣхалъ на воеводство въ Арзамасъ. А деньги Государь два рубли Алексѣю Кудрину я отдалъ; а капуста Государь на Москвѣ дорога, сто качней купятъ по сороку алтынъ и безъ гривны по сороку, и та Государь жива, негодна, какъ есть порховица, и въ полы не будетъ противъ той капусты, что изъ Боровска привезена. А Ивана Самсонова не могу дома застать, а в ряду я спрашивалъ крашенинниковъ, по чему от крашенинъ емлютъ отъ красокъ; и они сказали: от ценинной и отъ яринной по четыре деньги и по три деньги, а от жолтой, и от кирпишной, и от зеленой, и от вишневой по двѣ деньги, и от посконныхъ холстовъ емлютъ от краски по двѣ деньги. Изволилъ ты, Государь, мнѣ холопу своему купить сто свѣчь сальныхъ мелкихъ; а у меня холопа твоего денегъ нѣтъ, а де окупятъ сто свѣчь по полуполтинѣ; а въ табунѣ Государь лошади дороги, а нарочетыхъ лошадей нѣтъ, все оборъ, да и не много, а что, Государь, рыжей конь у кузмы Хомутова, и такой въ табунѣ дать рублевъ девять и восмь, что совраcой конь, что Уланко ѣзживалъ, такой дать рублевъ семь и шесть. А обжигальщика Ѳедора Еремѣева дома нѣтъ, до меня уѣхалъ къ Троицѣ; а Ивана Каменьщика сыскать не можемъ; а къ Терентью Максимовичу Толубѣеву для Ѳомы ходили, и ево нѣтъ, и хотѣлъ послать человѣка сыскивать, а какъ сыщутъ, и онъ хотѣлъ ево прислать къ намъ на дворъ, и какъ пришлетъ, и мы тотчасъ пришлемъ къ тебѣ Государю въ Спаское. А думному Ларіону Ивановичу я по твоему указу про челобитную докладывалъ; и онъ хотелъ челобитную написать и съ человѣкомъ своимъ прислать къ тебѣ Государю въ Спаское; да послалъ я къ тебѣ Государю грамотку Ларіона Ивановича; да послалъ къ тебѣ Государю Ларіонъ Ивановичь звено белужины соленой,

и то звено послалъ къ тебѣ Государю съ Ѳетькою Кривушинымъ, за тѣмъ Государь и замешкалъ, послать некова; твоя воля, изволь отписать ко Авдею и ко Власу Иванову, чтобъ они ходоковъ давали, либо впредь съ какимъ дѣломъ лучитца къ тебѣ Государю послать, а они Государь ходоковъ не даютъ безъ твоево указу, а сказываютъ что послать неково. А нынѣ Государь привезли къ Москвѣ бѣлой капусты изъ Переславля Залѣскова, и та капуста хороша, а просятъ за сто по два рубли и пошти десять алтынъ, послѣднее слово, какъ изволишъ.

8.

Батька и братецъ Андрей Ильичь, здраствуй Государь на многіе лѣта, и пребывать во всякихъ радостяхъ, съ невѣсткою съ Агаѳьею Васильевною и съ тѣми, кто тебѣ Государю всякова добра желатель и чести твоей оберегаетъ.

Писалъ ты Государь ко мнѣ, что Иванъ да Степанъ Ловчиковы приставили къ тебѣ, и несходя суда, искали владенья сорока семи четвертей с осминою; и про то Государь мнѣ вѣдома, и то Государь дѣло у насъ обчее, толко Государь какой они земли ищуть, у насъ ихъ земли нѣтъ, съ нашею деревнею Дешкиною и нынѣ межа писцовая съ ихъ деревнею Дешкиною, толко Государь по той межѣ нынѣ проложена большая дорога, и отъ рѣки отъ Оки которыя были грани на деревьяхъ, тѣ все высѣчены, только одинъ столбъ у дороги стоитъ, а отъ тово столба межою до Телчанской межи надобна была два столба да двѣ ямы, и тѣ столбы выволялись, а ямы заплыли, а прямой Государь выписи нѣту. И ты изволь Государъ, выпись прислать, а я нарошна велѣлъ Чубаровскаго своего крестьянина прислать, кой часъ прїѣдитъ человѣченка мой что съ Ловчиковымъ, съ деревнею Дешкиною писцовою межою, да безъ нея жъ и недоходя Оки мѣжа цѣла, только Государь столбы вывалились, всево два столба стоитъ да двѣ ямы. И они не о своемъ умѣ на насъ земли ищуть, у насъ промежъ ихъ деревни Дешкиной и нашей деревни Телчей межа писцовая. А кой часъ Государь путь падетъ; и я тотчасъ буду къ Москвѣ, и мнѣ на нихъ бить челомъ съ тобою вмѣстѣ, что у насъ ихъ земли нѣтъ и не бывало, а ихъ земля отъ нашихъ земель отмежевана, и крестьяне Государь наши владѣютъ по писцовымъ книгамъ и по писцовой межѣ, какъ батюшка и дядя при прежнихъ помѣщикахъ владѣли. А что ты Государь изволилъ ко мнѣ писать, что дорога изъ Болхова и во Мценскъ ѣздятъ и по иныимъ; по той дорогѣ, Государь, Ловчиковы крестьяне не ѣздятъ, а другая дорога что на ихъ деревню была, и я по твоему письму велѣлъ вспахать и надолбы отъ ихъ земли сдѣлать, чтобъ ихъ скотина на нашу землю не ходила, и въ лѣсъ въ нашъ бы ихъ не пущать, и то Государь сдѣлано, во все лѣто ногою не были, а иныхъ дорогъ нѣтъ по нашей земли, и своимъ крестьянамъ заказалъ противъ твоего писма.

Да пишешь Государь, чтобъ мнѣ незаживатца въ деревнѣ: естьли бы братецъ не нужда меня весла для Орловской деревни и для межеванья, кто бы меня съ Москвы несъ. Ей Государь, за писцомъ, за Полуехтомъ Шанординыиъ, посылаючи лошадей и людей поморилъ; а я, Государь, съ людьми съ твоими по межѣ ѣздилъ, и землю ихъ смѣчали; и у нихъ надобна въ дачахъ на петьдесять четвертей старые дачи, да вновь сорокъ семь чети въ ихъ же дачехъ за писцовою межою; и они безума на насъ ищуть, можна и на землю, что у нихъ въ дачехъ, и я у нихъ землю смѣчу всю, и къ тебѣ отпишу, что у нихъ всей земли. Да пишешь ты, Государь, ко мнѣ, что будутъ писцы въ Каинова и въ Гаврикова и на Каменку межевать, а меня на Москвѣ нѣтъ, и тебѣ будто безъ меня дѣлать нечева, и Яковъ Стрешневъ нарежается бить челомъ; и Якову, Государь, съ копии глазы бить челомъ, братъ ево Яковлевъ Григорей билъ челомъ на батюшка и на дядю объ межеваньѣ, по ево челобитью Семенъ Хлоповъ и межевалъ, и про то тебѣ Государю вѣдома, самъ ты тутъ былъ, и какъ что дѣлали все при тебѣ, а я въ тѣ поры былъ подъ Быховомъ; и Якову какъ бить челомъ, а Государевъ указъ старой и новой: не томко что межевое дѣло, будетъ по записямъ или покакимъ крѣпостямъ у прежнихъ помѣщиковъ или у вотчинниковъ сдѣлки были, такъ имъ и быть. Будетъ Яковъ станетъ на насъ бить челомъ, и ты изволь на нево бить челомъ Государевымъ указомъ и мое имянишка вели написать. А что Государь пишешь мнѣ самому быть, не на чамъ; а деревенскіе выписи съ писцовыхъ книгъ у тебя Государь, деревни Каинова выпись съ межевыхъ книгъ Семена Хлопова у тебя Государь, а хотя братецъ я и на Москвѣ былъ, и мнѣ безъ твоево велѣнья какъ дѣлать; какъ тебя, Государь, Богъ на разумъ наставитъ, такъ и дѣлай, во всемъ ты воленъ. Послалъ къ тебѣ Государь нарошна человѣченка своего Силку, и велѣлъ ему тебя во всемъ докладовать; что ты Государь изволишь, и ты Государь за тѣмъ дѣломъ прикажи человѣку своему ходить, а будетъ что лучитца кормъ или что дать, и ты Государь прикажи человѣченку моему. Да писалъ ты Государь ко мнѣ, не что мой человѣкъ Митка Даниловъ съ поваренымъ малымъ укралъ полсажени дровъ; и я какъ буду на Москвѣ, про то Государь розыщу, мнѣ Государь такая дурость ненадобна. Потомъ тебѣ Государю своему и невесткѣ Агафьѣ Васильевной братишка твой Федька челомъ бьетъ. Въ Бѣлевской своей деревни Телчей Октября въ 23-й день живъ.

10.

Государю Андрею Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ. На Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Октября по 17-й день, далъ Богъ здорова. Федька Кривушинъ отъ тебя Государя пріѣхалъ, а привезъ отъ тебя Государя ко мнѣ холопу твоему память; а в памяти, Государь, отъ тебя

Государя написано ко мнѣ холопу твоему съ твоимъ Государскимъ гнѣвомъ и с опалою, и написанъ мнѣ кнутъ да чепь не за мою вину, а я холопъ твой до тово в Конково бродилъ къ писцу, и вынесъ съ писцовыхъ книгъ Өедора Пушкина, которую ты Государь оставилъ, показывалъ, и онъ мнѣ, сказалъ, что онъ розводитъ становую межу, станъ отъ стану Стрешнева Сосенской станъ, а твоя Государская земля въ Черневѣ стану; и я, Государь, ему билъ челомъ, что у васъ Государей межевано по любовному договору в 168 году при околныхъ людехъ; и онъ спрашивалъ у меня межевой выписи, и у меня, Государь, межевой выписи нѣтъ; и онъ велѣлъ мнѣ привесть выпись съ межевыхъ книгъ и далъ мнѣ сроку, и меня отпустилъ къ Москвѣ; и я, Государь, подалъ въ Помѣсномъ Приказѣ челобитную объ выписи, и теперва Государь выпись пишутъ; а какъ выпись возму, и я, Государь, побреду съ выписью. А люди, Государь, отъ тебя Государя Андрей и Өедоръ пріѣхали, а сказали, что ты Государь велѣлъ прислать съ тѣмъ что дѣлается; и я, Государь, послалъ къ тебѣ Государю съ тѣмъ, что на Москвѣ дѣлается; севожъ Государь числа в ночи былъ пожаръ за Тверскими вороты, горѣлъ лѣсной рядъ и дворовъ, Государь выгорѣло много, а на Москвѣ, Государь, мѣсячные и застолные люди просятъ мяса, а бараны Государь изошли Октября по 15-й день.

11.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Андюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноября по 1-й день, далъ Богъ здорова. А у писца Государь у Кондратья Черторыжскова я холопъ твой былъ, и списокъ съ межевой выписи ему показывалъ, и грамотку отъ Василья Григорьевича, что отписалъ къ нему, чтобъ къ вамъ холопемъ твоимъ былъ добръ, поднесъ; и онъ сказалъ, что радъ де дѣлать вправдѣ, и хотелъ послать къ Якову Стрешневу для подводъ, и какъ де пришлетъ подводы, и онъ хотелъ на межу ѣхать, и вѣсть намъ хотелъ учинить; а нынѣ, Государь, межуетъ на Сосенкѣ Чудова монастыря, а какъ, Государь, отдѣлаютца, и онъ хотелъ ѣхать на межу. А Федора Ильича человѣкъ Сила пріѣхалъ, и я холопъ твой съ нимъ къ писцу опять съѣзжу, что онъ скажетъ, и про то къ тебѣ Государю отпишу, а от выписи далъ я, холопъ твой, десять алтынъ съ копѣйкою; а писцы, Государь, будутъ у васъ Государей въ трехъ станѣхъ въ Черневѣ, въ Гоголевѣ, въ Шаховѣ, и имъ указанъ кормъ, и подъячимъ и стрѣлцомъ с чети по двѣ деньги, да на бумагу, и на чернила, и на свѣчи со ста чети по гривнѣ; а еще, Государь, выпись надобно съ Сергѣевыхъ книгъ Оскакова въ Гавриковѣ, и челобитную, Государь, объ выписи подалъ; а писцы, Государь, во всѣхъ станѣхъ очищаютъ становые межи, станъ от стану. А извесника, Государь, Василей Григорьевичъ хотѣлъ прислать, а какъ пришлетъ; и я къ тебѣ, Государю, тотчасъ пришлю. Въ Конково, Го-

сударь, печника не добудуть, и печей починить некому. Да изъ Яискова, Государь, Приказу приходить для полтинныхъ денегъ, а написано, Государь, в росписи тѣхъ денегъ на 185 годъ семдесять девять рублевъ съ полтиною, а заплачено толко девять рублевъ съ полтиною на 185 годъ; а я холопъ твой билъ челомъ Василью Григорьевичу и челобитную подносилъ; тотъ отказалъ: несдѣлаетца де, и били де челомъ иныіе ваша братья, ино де имъ отказано всѣмъ. А Окольничему Алексѣю Петровичу Головину сказано в Астарахань, а на ево мѣста ещо никово нѣтъ, а Федоръ Клочковъ поѣхалъ съ Москвы сево жъ числа. А с межевой выписи списокъ я, холопъ твой, послалъ къ тебѣ Государю прежъ сево съ Иваномъ Ларіоновымъ, а подлинная выпись у меня, холопа твоего, на Москвѣ. А про дрова, Государь, Сила сыскивалъ, и сторожа допрашивалъ, и мнѣ сказалъ, что сторожъ ему сказалъ, что возилъ дрова со крестьяны человѣкъ Ѳедора Ильича Ялка, Савкинъ пасынокъ, и о томъ писалъ къ Ѳедору Ильичу со крестьяниномъ съ Чубаровскимъ. Да сево жъ, Государь, числа в ночи былъ пожаръ; и горѣло, Государь, въ Кисловкѣ, промежъ Арбату и Никитцкой. Отъ тебя Государя в Конково пріѣхалъ Иванъ Курска, Ноября въ 4-й день, и память ко мнѣ холопу твоему отдалъ, а въ памяти написана, что челобитную о Кромской о лишней землѣ въ помѣстной Приказъ подалъ ли? и челобитную о лишней землѣ подалъ давно, и отдалъ подъячему Петру Воронову, и онъ посланъ съ писцомъ въ Московской уѣздъ, и изъ уѣзду, Государь, ещо не бывалъ. А какъ, Государь, буду на Москвѣ, и я Кромчанъ дѣтей боярскихъ сыщу, и имъ договорю, чтобъ тебя подождали; а таперва, Государь, въ Конковѣ жду писца; а въ Кашинскую Государь деревню, по твоему Государьскому указу, писалъ, велѣлъ купить гусей; а Федоръ Клочковъ поѣхалъ къ тебѣ Государю, Ноября въ 4-й день; а челобитную, Государь, на Якова Стрешнева и на людей ево и на крестьянъ, выспорченныхъ граняхъ и въ признакахъ, принели въ Помѣсной Приказъ.

12.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ. Ноября, Государь, въ 4-й день на ночь прислалъ въ Конкова думной дьякъ Василей Григорьевичь Семеновъ извесника Мячковской волости крестьянина Семена Титова сына; и я холопъ твой тово извесника послалъ къ тебѣ Государю, на Гавриковской подводѣ Оски Иванова съ козакомъ съ Назаркою. А писецъ Государь Кондратей Черторыжской на Уское пріѣхалъ, Ноября въ 4-й день, и къ намъ присылалъ стрѣлца, велѣлъ къ себѣ быть; и мы Государь на Ускомъ у нево были, и онъ намъ говорилъ, что бъ мнѣ дать ему съ выписи съ межевой списокъ за рукою, а ему бъ по тому списку и по списку съ выписи Якова Стрешнева 135 году указу просить изъ Помѣснова приказу, и хотелъ ѣхать къ Москвѣ; и я, Государь, ему говорилъ, что списокъ у меня

готовъ будетъ, какъ онъ будетъ на землѣ; и онъ мнѣ сказалъ, что онъ на землю не поѣдетъ, а поѣдетъ къ Москвѣ, а на Москвѣ де скажу, что на землѣ былъ, и вы де и Яковъ Стрешневъ крѣпостей не положили. И я Государь для тово ему и списка не далъ: ожидаю, Государь, какъ поѣдетъ къ Москвѣ, и я Государь побреду къ Москвѣ жъ, а у меня Государь челобитная на Якова Стрешнева и на людей ево и на крестьянъ въ посѣченыхъ граняхъ, и на нево Кондратья въ понаровкѣ по дружбѣ подписана. А что Государь будетъ станетъ дѣлатца на Москвѣ, какъ онъ пріѣдетъ; и я, Государь, еще принесу челобитную. А в Кашинской, Государь, деревнѣ купили двадцать пять гнѣздъ, а купили Государь гнѣздо по гривнѣ; а извесника Государь велѣлъ Власу накормить, и онъ отослалъ къ старостѣ, а ево и не накормилъ, а убилъ де овцу пляминную безъ старосты.

13.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ. На Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноября въ 6-й день, далъ Богъ здорова, изъ Каинова Государь прибрелъ къ Москвѣ Ноября въ 5-й день, а у писца, Государь, былъ на Ускомъ; и писецъ мнѣ говорилъ: дай де мнѣ списокъ съ межевой выписи за рукою, а у Якова де Стрешнева также возму съ ево крѣпости, и стану де писать о томъ къ Москвѣ, что укажутъ, по которой крѣпости учинить межа становая; и я, Государь, ему говорилъ: будешъ на землѣ и списокъ готовъ; и онъ сказалъ, я де на землю не поѣду, а поѣду де къ Москвѣ, и скажу де, что вы крѣпостей не дали, а вѣдь де хотя вашу землю въ иной станъ и отмежую, а земля де таки будетъ Андрѣя Ильича; и я, Государь, ему билъ челомъ, что тебѣ Государю моему дача въ Черниневѣ стану, а не в Сосенскомъ; и онъ поѣхалъ къ Москвѣ, а поѣдетъ ли съ Москвы опять, про то еще не вѣдомо. И думному Василью Григорьевичу про то я холопъ твой сказывалъ же, и Василей Григорьевичь велѣлъ мнѣ описатца къ тебѣ Государю, что ты Государь укажешъ; и самъ думной мнѣ сказывалъ, что тово де и много и у меня де есть, что отойдетъ въ иной станъ, а земли де не отнимутъ; только, Государь, я холопъ твой тово опасенъ, что въ Сосенскомъ стану дачи нѣтъ, о томъ, что ты Государь укажешъ. А я холопъ твой, противъ тово указываю къ пустоши Дубинкиной земли, что на той землѣ и церковь стоитъ, и село Ускоe; и имъ такъ не хочетца; а какъ Государь увижу Якова Москиновича, и я ему про то говорить стану, толко Государь безъ твоего указу нелзя нечево дѣлать. А Кромчанъ Государь сыскиваю, а кто, Государь, будетъ, и я холопъ твой къ тебѣ Государю пришлю ходока съ писмомъ.

На оборотѣ письма написано другою рукою. «189 года Ноября въ 25-й день послано къ Москвѣ изъ Спаскова з Григорьемъ Кудриныхъ да съ Ти-

мошкою Козломъ. Луку послано восемь сотъ, 2 тетерева глухихъ, 9 тетеревовъ полевыхъ, 7 рябцовъ, 5 вогърябцовъ.»

14.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на твоемъ Государскомъ дворѣ, на Москвѣ, Ноября по 8-й день далъ Богъ здорова. А писецъ, Государь, на Москвѣ, а еще Государь от нево ничево не слышитъ, что поѣдетъ ли опять или нѣтъ; а Кромчалъ дѣтей боярскихъ, Михайла Трупченинова да Терентья Якунина да Ивана Тверитинкова сыскалъ и имъ говорилъ; и онѣ сказали Терентей Якунинъ и Иванъ Тверитинковъ, что денегъ взяли у Кнеини Ульяны Ивановной Одоевской и земли поступилиль ей по пяти чети въ Гранкиной; а сказывали, Государь, что ко двору твоему Государеву приходили и грамотку подали, и у нихъ де грамотку Григорей принялъ, а имъ де ничево не сказалъ; а Михайла Трупчениновъ сказалъ, что онъ своего жеребья никому не здалъ и не хочетъ здать до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть себѣ сыщетъ иную землю. А Василей Роговской съ товарыщи на Плоской здалъ свои жеребьи думному дворянину Леонтью Рамановичу Неплюеву, и взяли себѣ грамоту сыскную, гдѣ имъ жить, и пошли съ Москвы. А въ Розрядъ, Государь, сказано боярину Князь Михаилу Юрьевичу Долгорукову, въ Инозенской и Рейтарской Приказъ емужъ и Петру Лопухину быть съ нимъ, и иные Приказы будутъ судьи новые. Да здѣсь, Государь, изволилъ положить на твоемъ Государскомъ дворѣ думной дьякъ Василей Григорьевичь дровъ сажень с шесть; и тѣхъ дровъ, бабы тоскали, и думной за то кручинитца, а я Государь отъѣзжалъ къ писцомъ.

15.

Государю Андрею Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, Ноября Государь по 9-й день, на Москвѣ на твоемъ Государскомъ дворѣ далъ Богъ здорова. А писецъ, Государь, на Москвѣ, а поѣдитъ ли или нѣтъ, тово вѣдомости нѣтъ. Кромчанъ Государь дѣтей боярскихъ, Михайла Трубчанинова и Терентья Якунина и Ивана Тверитинкова сыскалъ, и имъ говорилъ про землю; и онѣ сказали, что грамотку отъ Юраса на дворѣ отдали Григорью Кудрину, и онъ де имъ ничево не сказалъ; и Терентей Якунинъ и Иванъ Тверитинковъ дали свои жеребьи Княинѣ Ульянѣ Ивановой Одоевской, а взяли де у ней по два рубли денегъ; а Михайла Трубчениновъ сказалъ, что я де никому не здамъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть себѣ въ иномъ мѣстѣ пріискавъ укрѣплю, а взяли Государеву грамоту сыскную и пошли съ Москвы. А Василей Роговской съ товарыщи дали земли на Плоскомъ свои жеребьи думному дворянину Леонтью Неплюеву. Да Ноября Государь въ 7-й день, въ разрядѣ сѣлъ

бояринъ Князь Михайла Юрьевичь Долгорукова да думной дьякъ Василей Семеновъ да дьяки прежніе, а въ Помѣсномъ Приказѣ Князь Иванъ Коркодиновъ да Иванъ Лызловъ да думной дьякъ Иванъ Гороховъ да дьяки прежніе, въ Сибирской Приказъ бояринъ Князь Иванъ Борисовичь Репнинъ, да въ Сибирскомъ же Приказѣ вѣдать Казанской Дворецъ, а въ Стрѣлецкомъ Приказѣ вѣдать Ямской Приказъ, а Иноземской и Рейтарской Приказъ велѣно вѣдать въ Розрядѣ жъ, а сидѣть Петру жъ Лапухину, а до розряду Петру дѣла нѣтъ, а на Земской дворъ Князь Микита Приимковъ Ростовской, товарищь ему Иванъ Александровъ сынъ Аненковъ, а на посольство сказано тово жъ числа бояромъ Князь Якову Никитичу Адоевскому да Ивану Васильевичу Бутурлину да окольничему Ивану Чеадаеву да думному дворянину Ивану Желябужскому да думному дьяку Лукьяну Голосову. Послалъ, Государь, къ тебѣ грамотку Алексѣй Ятцкой, велѣлъ тебѣ Государю бить челомъ на тетеревѣ.

16.

Государю Андрею Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноября по 19-й день, далъ Богъ здорова, подмосковная, Государь, деревня Каменка выгорѣла до заговѣйна, съ пятницы на субботу в ночи; а мнѣ, Государь, вѣсть учинилася заговѣвъ въ третей день; и я холопъ твой посылалъ крестьянина Кашинскова Ивашку Щадру ко Власу въ Конково, и приказывалъ къ нему, чтобъ онъ на Каменку съѣздилъ и осмотрѣлъ, у ково погорѣло, и что осталось, и твоя Государская житница съ хлѣбомъ и немолоченой хлѣбъ цѣлъ ли въ гумнѣ, и крестьянъ бы допросилъ, от чево учинился пожаръ, и ходака бъ ко мнѣ крестьянина, ково къ тебѣ Государю послать, прислалъ; и онъ приказалъ, что на Каменку де я нейду и крестьянина недамъ, и неслушаю; и мнѣ холопу твоему посылать некова съ писмомъ, что ты Государь о томъ укажешь. А боярину Петру Михайловичу Салтыкову билъ челомъ, чтобъ вора отдалъ, и бояринъ посылалъ въ Разбойной приказъ вора с поличнымъ овчины и шерсть овечья, и котлы винные; и ево, Государь, въ Разбойной приказъ не приняли для тово, что не Московскаго уѣзда, Ярославца Малаго уѣзду, велѣли отдавать въ городѣ въ Ярославцѣ, по указу де Великаго Государя изъ городовъ къ Москвѣ присылать не велѣно татиныхъ дѣлъ и татей безъ указу; а привозилъ, Государь, толко одново вора, а чей крестьянинъ или человѣкъ тово не сказалъ, потому что въ Розбойномъ приказѣ не распрашивали. А подловичь де ушолъ у прикащика будто исъ колоды; а изъ Кашина, Государь, староста приказываетъ, что гусей кормить нечѣмъ; а изъ Помѣснова, Государь, приказу дьякомъ сказано на службу с воеводы Дмитрею Федорову, Ивану Рогозинину, Ивану Максимову, а на ихъ мѣста сидятъ дьяки, Василей Протопоповъ, Иванъ Клементьевъ, Григорій Блазняковъ.

17.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноября по 26-й день, далъ Богъ здорова. Каменской, Государь, крестьянинъ отъ тебя Государя память ко мнѣ принесъ, Ноября въ 25-й день; а въ памяти, Государь, мнѣ холопу твоему написана, велѣно писать въ Кашинскую деревню, чтобъ крестьяне были съ сѣномъ къ Москвѣ; и я холопъ твой писалъ и до твоего Государскаго указу велѣлъ имъ быть съ сѣномъ, а нынѣ по твоему Государскому указу въ Кашинскую деревню отпишу жъ, велю быть съ сѣномъ. А что, Государь, дѣло въ холошѣ приказѣ съ Тарасомъ Волосатымъ, и то Государь дѣло вершили бояре; и съ той, Государь, помѣты послалъ къ тебѣ Государю списокъ съ сею отпискою. А въ сушилѣ Государь надъ конюшнею саней дошивней нѣтъ, и въ другомъ надъ погребомъ нѣтъ же, толко Государь санишки водавозные. А Ноября, Государь, въ 24-й день с утра, на Арбатѣ былъ пожаръ, сгорѣлъ дворъ Петра Измайлова, а Ноября въ 26-й день, в ночи, горѣли кузнецы за Варварскими вороты.

Списокъ съ помѣты на дѣлѣ: помета думнаго дьяка Афонасья Рыкова, 189 году, Ноября въ 19-й день, по указу Великаго Государя бояре Князь Никита Ивановичъ Одоевской съ товарыщи сего дѣла слушавъ въ золотой палатѣ, приговорили истца Тараса Волосатова въ тѣхъ людехъ по опчей ссылкѣ оправить, а отвѣтчика Андрѣя Безобразова обвинить, и написать приговоръ съ подлинною очисткою.

18.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноября по 28-й день, далъ Богъ здорова. Скляничникова, Государь, мастера Алексѣй Кудринъ сыскалъ на Кукуѣ, и онъ ему сказалъ, что которому де мастеру дана роспища, и тотъ де мастеръ лежитъ боленъ, и скляницъ де нѣтъ, а сулей де есть противъ приказу Андрѣя Ильича готовы, и о томъ что де укажетъ Андрѣй Ильичъ. Да приходилъ, Государь, изо Ржевской деревни крестьянинъ Ѳетька къ Федору Ильичу для отписей въ полтинныхъ деньгахъ, въ его половинѣ спрашиваютъ отписей, а съ твоей, Государь, половины сказываютъ, что заплатили во Ржевѣ, и грамотку къ вамъ Государемъ взялъ Дмитромъ, и хотѣлъ послать къ Федору Ильичу. И крестьянина, Государь, я спрашивалъ, что грамотка ко обѣимъ ли къ вамъ Государемъ написана, и что писали; и крестьянинъ, Государь, мнѣ сказалъ, что писали де крестьяне къ вамъ Государемъ всемъ миромъ, что имъ стала обида отъ сторонъ, многіе де стороннія люди ихъ изобижаютъ, ихъ де грабятъ, озера, ловли рыбные отнимаютъ, и

землю де многую пашуть насилствомъ, и ихъ де оборонить не кому, и за нихъ стоять не кому, да и оброку де со крестьянъ не собрать, и рыбы не ловить; чтобъ де пожаловали Государи наши прислали къ нимъ людей, а безъ людей де имъ оброку не выбрать, и рыбы не ловить. И крестьянина, Государь, отпустилъ Дмитромъ во Ржевскую деревню съ отписми. Послалъ къ тебѣ Государю Пимииъ Малышевъ ставикъ красной инбирю въ патокѣ, а сказалъ, что ему приказала Полагея Ивановна послать.

19.

Государю Андрею Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Ноябрѣ по 30-й день, далъ Богъ здорово. Пришелъ, Государь, съ Вологды въ челобитчикахъ крестьянинъ Антипка Савельевъ; и я холопъ твой того крестьянина послалъ къ тебѣ Государю. А Ноября, Государь, въ 28-й день въ воскресенье бояринъ и воеводы Князь Василій Васильевичь Голицинъ съ товарищи, и иные бояре и воеводы у руки были, а иные воеводы и полковники и полуполковники и начальные люди у руки были въ понедѣльникъ Ноября въ 29-й день; и итить, Государь, съ Москвы имъ сказываютъ вскорѣ; а Великій Государь пошолъ въ походъ къ Саввѣ Сторожовскому чудотворцу сего жъ числа.

20.

Государю Андрѣю Ильичу холопъ твой Авдюшка челомъ бьетъ, на Москвѣ, Государь, на твоемъ Государскомъ дворѣ, Декабря по день, далъ Богъ здорова. Плотники, Государь, на Москвѣ были, и по твоему Государскому указу въ горницахъ потолоки перебрали, и въ подклетѣ чуланъ попу сдѣлали; и ихъ по твоему Государскому указу отпустили. А Костромской крестьянинъ на Москвѣ лишь ночевалъ ночь, и пошелъ до свѣту, а ничево не дѣлалъ. А Ивану Федорову грамотку твою отдалъ, и память свою ему показывалъ; и онъ мнѣ сказалъ, что опчая ссылка в судѣ была, а списокъ съ подлиннаго суднаго дѣла и со всѣхъ ссылокъ Михайла списалъ давно; а нынѣ, Государь, съ приговору далъ мнѣ списокъ черной, и тотъ списокъ я холопъ твой послалъ къ тебѣ Государю съ сею отпискою; и той, Государь, опчей ссылки отставить и бить челомъ нельзя, о томъ что ты Государь укажешь.

Списокъ съ приговору черного:

189 году, Ноября въ 19-й день, по указу Великаго Государя бояре Князь Никита Ивановичь Одоевской съ товарыщи сего дѣла слушавъ въ Золотой Палатѣ, приговорили истца Тараса Волосатова в тѣхъ людехъ по обчей ссылкѣ оправить, а отвѣтчика Андрѣя Безобразова обвинить, потому в прошломъ во 186 году Генваря въ 29-й день, искалъ въ приказѣ холопья суда

Кошириенинъ Тарасъ Волосатой на столникѣ, на Андреѣ Ильинѣ сынѣ Безобразовѣ, крѣпостныхъ своихъ людей Литовскаго полону Андрюшки Петрова, съ женою съ Дункою, да съ сыномъ Захаркомъ, да съ Филимошкою, да съ Артюшкою, да съ дочерью дѣвкою Акулькою, да Микишки Петрова, съ женою Маринкою, да съ сыномъ Өедькою, да съ дочерью, дѣвкою Катеринкою, да Ивашки Өилипова, съ женою съ Марфуткою, да съ сыномъ Васкою, да съ дочерми, съ дѣвками, съ Дашкою, да съ Ненилкою, а подъѣзжалъ къ нему въ домъ ево, по нихъ, ево Андрѣевъ человѣкъ Панка Афонасьевъ съ товарыщи, а жену ево и дѣтей онъ Панка с тѣми ево бѣглыми людми завалили въ избѣ колодьемъ, а животовъ тѣ ево люди съ нимъ Панкою съ товарыщи взяли на сто на пятнатцать рублевъ; а живутъ де тѣ ево люди за нимъ Андрѣемъ въ Орловскомъ уѣздѣ, въ Каменскомъ стану, въ Пятницкомъ приходѣ, въ деревнѣ въ Полчерни. И Великій Государь, пожаловалъ бы ево, велѣлъ ему на него Андрѣя въ тѣхъ ево бѣглыхъ людехъ и въ сносныхъ животахъ дать судъ. Отвѣтчикъ столника Андрѣя Безобразова человѣкъ ево Мишка Ильинъ, выслушавъ исковую челобитную, въ отвѣтѣ сказалъ: которыхъ де людей, противъ исковой челобитной, ищетъ онъ истецъ на бояринѣ ево, и сносныхъ животовъ; и такихъ людей нѣтъ и не бывало; а который де человѣкъ будто пріѣзжалъ и тѣхъ людей у него подговоря свезъ, и таково де человѣка Панки Афанасьева у боярина ево нѣтъ и не бывало. Истецъ билъ челомъ, чтобъ отвѣтчика допросить: сказалъ де онъ отвѣтчикъ, будто де у боярина ево человѣка Панки Афанасьева нѣтъ, а того де человѣка Панку взялъ онъ отвѣтчикъ у Савы Басова тому нынѣ лѣтъ съ десять, а нынѣ де тотъ человѣкъ Панка съ тѣми ево съ бѣглыми людьми живетъ за нимъ отвѣтчикомъ, въ Орловскомъ уѣздѣ, въ Каменскомъ стану, въ Пятницкомъ приходѣ, въ деревнѣ въ Полчерни, а живутъ вмѣстѣ на боярскомъ ево дворѣ. Отвѣтчикъ сказалъ: таково де человѣке Панки у боярина ево, и ево исцовыхъ людей въ той деревнѣ Подчерни во дворѣ и того человѣка Панки нѣтъ и не бывало; а у Савы де Басова бояринъ ево человѣка Панку взялъ-ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ. Истецъ ссылался на Каширянъ, и Максима Данилова сына да на Ивана Микитина сына Телегиныхъ, да на Андрѣя да на Якова Михайловыхъ дѣтей Нѣеловыхъ, да на Ефима да на Андрѣя Степановыхъ дѣтей Тепловыхъ, да на Меркула да на Ефрема Васильевыхъ дѣтей Тясковыхъ, да на Осипа Иванова сына Алесова, да на Ивана Алфимова сына Сындѣева, въ томъ, что люди ево за нимъ Андрѣемъ Безобразовымъ живутъ въ Орловскомъ уѣздѣ въ деревнѣ въ Подчерни. Отвѣтчикъ сказалъ: будетъ де тѣхъ ево исцовыхъ людей за бояриномъ ево знаютъ, что ево исцовы люди, и онѣ то вѣдаютъ, что подговаривалъ человѣкъ боярина ево, Панка Афонасьевъ, опричь ево исцовыхъ людей и ево на слушки, слался. Истецъ, подалъ на тѣхъ людей на

Ондрюшку да на Микишку Петровыхъ, на Ивашку Филипова выпись съ Каширскихъ полонныхъ книгъ 179 году Апрѣля 1-го числа. Отвѣтчикъ выслушавъ крѣпости сказалъ: ему де до той крѣпости дѣла нѣтъ, потому что де у боярина ево тѣхъ людей нѣтъ и небывало. И въ прошломъ 188 году Декабря въ 11 день, по Указу Великаго Государя, посылана Великаго Государя грамота въ Алексинъ, къ воеводѣ Григорью Байдикову, велѣно по судному дѣлу, и по обчей ссылкѣ истца Тараса Волосатова да отвѣтчика столника Андрѣева человѣка Безобразова, Мишки Ильина, Каширянъ Максима Данилова сына Телѣгина съ товарищи про тѣхъ людей допросить. И въ прошломъ же во 188 году Февраля въ 7-й день писалъ къ Великому Государю изъ Алексина воевода Григорей Байдиковъ, и прислалъ подъ отпискою Максима да Ивана Телѣгиныхъ съ товарищи допросныя рѣчи. А въ допросныхъ рѣчахъ написано: Максимъ Даниловъ сынъ да Иванъ Никитинъ сынъ Телѣгины, да Орефѣй Михайловъ сынъ да Ефремъ Степановъ сынъ Теплыя, да Меркула да Ефремъ Васильевы дѣти Тясковы въ допросѣ сказали по святѣй непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже ей, ей, то они вѣдаютъ, Тарасовы люди Волосатово Литовскаго полону Андрюшка да Микишка Петровы дѣти, да Ивашко Филиповъ съ женами и съ дѣтьми за Андрѣемъ Безобразовымъ, въ Орловскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ въ Подчерни жили, и нынѣ тѣ люди живутъ за нимъ Андрѣемъ въ Кромскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Гранкиной, а подговорилъ де тѣхъ людей Андрѣевъ человѣкъ Безобразова Панка Афонасьевъ потому, что онъ Панка Тарасову человѣку Волосатово Андрюшкѣ Петрову своякъ родной; а какъ де они въ прошломъ во 187 году шли на Государеву службу мимо ево Андрѣевой деревни Гранкина, и подлѣ де той деревни Гранкина узнали Тарасова человѣка Микишку Петрова, и ево де поимали, и спрашивали: гдѣ нынѣ живетъ; и онъ де Микишка сказалъ имъ: живетъ де онъ за Андрѣемъ Безобразовымъ въ той деревнѣ Гранкиной; и хотѣли де онѣ ево Микишку весть въ городъ, и изъ той де деревни Гранкиной ево Андрѣевъ человѣкъ Безобразова Юрька Степановъ со крестьяны того Тарасова человѣка Волосатово Микишку у нихъ отбили. А Иванъ Алфимовъ сынъ Сындѣевъ сказалъ: то де онъ слышалъ слухомъ, что Тарасовы люди Волосатово Андрюшка да Микишка Петровъ да Ивашко Филиповъ, съ женами и съ дѣтьми, живутъ за Андрѣемъ Безобразовымъ въ деревнѣ Гранкиной; а подговорилъ де тѣхъ людей Андрѣевъ человѣкъ Безобразова Панка Афонасьевъ; а то де онъ Иванъ вѣдаетъ, ево Андрѣевъ человѣкъ Безобразова Панка Афонасьевъ, Тарасову человѣку Волосатово, Андрюшкѣ Петрову своякъ родной, а напередъ де сего тѣ ево Тарасовы люди жили за нимъ Андрѣемъ Безобразовымъ, въ Орловскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ в Подчерни. А Яковъ де да Андрей Теплово, да Осипъ Алисовъ не допрашиваны, въ отпискѣ Григорья Байдикова написано, что они померли. А въ Госуда-

ревѣ указѣ, и въ соборномъ уложеньѣ, въ 10-й главѣ, во 167 статьѣ напечатано: будетъ, истецъ съ отвѣтчикомъ на судѣ пошлютца оба на обчую правду, хотя на одного человѣка, и по обчей ссылкѣ дѣло и вершити. А Андрѣевъ человѣкъ Безобразова Мишка, въ судѣ, въ повалной обыскъ Орловскаго уѣзду около ево Андрѣевы деревни Подчерневой не слался, а слася онъ, Мишка, противъ истцовы ссылки Тараса Волосатова, на Коширянъ, на Максима Телѣгина съ товарыщи опричь ево истцовыхъ друзей, а хто имяны друзей, того онъ, Мишка, въ судѣ не сказалъ. И по указу Великаго Государя, бояря Князь Никита Ивановичь Одоевской съ товарыщи сего дѣла слушавъ въ золотой Палатѣ, и приговорили истца Тараса Волосатово въ тѣхъ людехъ по обчей ссылкѣ оправить, а отвѣтчика Андрѣя Безобразова обвинить. Сей приговоръ списанъ на черно для памяти.

21.

Государю Андрѣю Ильичу, холопи твои Мишка Антипьевъ да Гришка Щербачевъ челомъ бьютъ. Въ Кромской, Государь, твоей деревнѣ Гранкиной, и въ Волобуевой, и въ Орловской деревни Заваловой, Декабря по 3-е число, далъ Богъ здорова. А Полуехту Васильевичу били челомъ; и онъ, Государь, в Завало прiѣзжалъ, и противъ челобитья и грамоты въ Заваловой землю описалъ и измѣрилъ, а не межевалъ; и мы холопи твои Полуехту Васильевичу били челомъ, чтобъ пожаловалъ, по описи и по мѣрѣ смѣтя, отъ розныхъ помѣщиковъ Заваловскую землю тебѣ, Государь, отмежевалъ, столбы велѣлъ поставить, и грани насѣчь, и ямы покопать. И Полуехтъ Васильевичъ сказалъ: межевать де теперь Заваловской земли не стану, покаместа съ Андрѣемъ Ильичемъ не увижусь. А толка, Государь, отмежевалъ, грани и ямы покопалъ, и признаки учинилъ, старую дачу дѣда и отца своего Афонасья Щелкунова, дватцать пять чети, что здалъ тебѣ, Государь, Афонасей Щелкуновъ, да ему жъ Афонасью отмежевалъ въ тѣхъ же урочищахъ примѣрныя земли семдесятъ чети съ осминою; а приданова ево Афонасьева помѣстья Щелкунова, дватцети чети, что за Буковымъ колодеземъ, что промѣнилъ онъ Афонасей тебѣ, Государь, и той земли Полуехтъ Васильевичъ не межевалъ же. Да въ тѣхъ же, Государь, урочищахъ, исъ примѣрной земли Афонасья Щелкунова, билъ челомъ Федоръ Звегинцовъ, чтобъ ему отмежевать на дватцать чети, а ему Федору Звегинцову учинилась дача въ тѣхъ урочищахъ на дватцать чети послѣ челобитья Афонасья Щелкунова, а онъ Федоръ, въ челобитьи своемъ, ево Афонасья Щелкунова утаилъ, и челобитную у нево принялъ, толка той земли ему Федору не межевалъ дватцати чети. И что, Государь, по твоему челобитью, прислана Государева грамота къ Полуехту Васильевичу, велѣно отмежевать, сверхъ твоихъ Государь дачь и дѣтей боярскихъ, на сто на деваноста на пять чети, и дѣти боярскiе Про-

хоръ Соповъ да Василей Лукьянчиковъ съ товарыщи тое землю оспорили и на землю описывать, и мѣрять и межевать не пустили, а дачь своихъ не положили, и выѣхавъ на Дубровы съ великимъ собраньемъ съ копьи и съ луки и съ пищалии и убить, Государь, межевщика хотѣли; и Полуехтъ Васильевичъ на ту землю для того отписывать и мѣрять и межевать не поѣхалъ. А в Кромы, Государь, для межеванья Полуехтъ Васильевичъ не поѣхалъ, отказалъ же: теперь де мнѣ ѣхать межевать ѣхать некогли, и здѣсь де мнѣ дѣла много. А Федоръ толка отъ тебя, Государь, отъ твоей земли отмежевался, а твою землю покинулъ. А грамотка Государь отъ тебя дошла, и противъ грамотки у людей боярина, Князь Юрья Алексѣевича Долгорукова, платья объявилось три кафтана суконныхъ, да чекмень бѣлой сермяжной, а иные Государь не распрашиваны; и Григорья Щербачева послалъ въ Кромскую деревню Гришину для распросу, которые не распрашиваны, и для тово платья, про которое объявили у себя, и велѣлъ тѣхъ крестьянъ дать на поруки, которые грабили, а Юраса Государь привеземъ съ собою. Да послана Государь съ сею же грамоткою Полуехта Васильевича грамотка.

Дост. Д. Ч. И. Д. Бѣляевъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ, ПО ИСТОРІИ,

СЛОВЕСНОСТИ, СТАТИСТИКѢ И ЭТНОГРАФІИ РОССІИ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКВИТЯНИНѢ,

ЗА 1841 — 1855 ГОДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи Указателя можно было либо приводить сочиненія въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ, годъ за годомъ, какъ то сдѣлано въ указателяхъ къ Сѣверному Архиву и къ Отечественнымъ Запискамъ Свиньина, помѣщенныхъ въ Архивѣ Г. Калачова, либо расположить сочиненія по предметамъ. Здѣсь избранъ послѣдній способъ, который имѣетъ преимущество передъ первымъ, представляя ищущему возможность найти разомъ всѣ статьи и матеріалы по извѣстному предмету, и съ перваго взгляда узнать что есть и чего нѣтъ въ Журналѣ: такимъ образомъ все, помѣщенное въ Москвитянинѣ напр. о Петрѣ Великомъ или о Державинѣ приведено въ нашемъ указателѣ въ одномъ мѣстѣ.

Множество матеріаловъ и статей, разсѣянныхъ по книжкамъ Москвитянина, мы раздѣлили на три главные отдѣла: 1) Русская Исторія, 2) Русская Словесность и 3) Статьи юридическія, статитическія и этнографическія.

Въ первомъ отдѣлѣ, самомъ обширномъ, сдѣланы слѣдующія подраздѣленія: 1) сочиненія, относящіяся до общихъ событій Русской Исторіи въ хронологическомъ порядкѣ сихъ послѣднихъ отъ начала до временъ Александровыхъ, 2) сочиненія по Исторіи Церкви: тутъ, послѣ статей общаго содержанія, соблюденъ алфавитный порядокъ духовныхъ лицъ; 3) археологія въ тѣсномъ смыслѣ: подъ этимъ заглавіемъ исчислены мелкія статьи о древностяхъ разнаго рода, 4) матеріалы для біографій достопамятныхъ людей, въ алфавитномъ порядкѣ и наконецъ 5) некрологи, также въ алфавитомъ порядкѣ.

Во второмъ отдѣлѣ сначала идутъ матеріалы и статьи касающіеся народной Словесности, потомъ сочиненія общаго содержанія и наконецъ сочиненія, относящіяся до Русскихъ Писателей, въ алфавитномъ порядкѣ сихъ послѣднихъ.

Въ третій отдѣлъ вошли, кромѣ сочиненій юридическаго и статистическаго содержанія, путешествія, городовыя извѣстія и мелкія этнографическія замѣтки; мы расположили ихъ въ алфавитномъ порядкѣ тѣхъ мѣстъ, къ коимъ онѣ относятся.

Къ этимъ тремъ отдѣламъ, въ видѣ дополненія присоединены еще два 1) статей, относящихся до Славянскихъ народовъ и 2) отдѣлъ Смѣси, куда вошли нѣкоторыя сочиненія смѣшаннаго содержанія, либо опущенныя въ предшествующихъ отдѣлахъ.

Указатель составленъ къ Москвитянину за 12 лѣтъ, съ начала его изданія, т. е. съ 1841 года, по 1853 годъ включительно и обнимаетъ 202 книжки (первые 4 года

выходило по 12 книжекъ: въ 1845 и 1846 годахъ по 10 книжекъ; въ 1847 4 книжки; въ 1848 снова 12; съ 1849 года по 1855-й Журналъ выходилъ по двѣ книжки въ мѣсяцъ, кромѣ 1851 года когда за Май и Октябрь вышло по одной книжкѣ вмѣщавшейся въ себѣ два номера). Римскими цифрами означены номера книжекъ, арабскими страницы. По числу страницъ ищущій можетъ судить объ объемѣ указываемаго сочиненія.

Въ указателѣ приведены всѣ матеріалы и документы, а изъ статей только важнѣйшія; произведенія же повѣствовательной Словесности, и полемическія совсѣмъ опущены. — Въ концѣ, для удобства отыскиванія приложенъ алфавитъ собственныхъ именъ.

Почти при каждомъ указаніи изложено вкратцѣ содержаніе статьи или матеріалы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы примѣчанія и объясненія; за сими послѣдними мы обращались между прочимъ къ Издателю Москвитянина, которому приносимъ благодарность и за сообщеніе самыхъ книжекъ Журнала.

Петръ Бартеневъ.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРІИ

СЛОВЕСНОСТИ СТАТИСТИКѢ И ЭТНОГРАФІИ РОССІИ.

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКВИТЯНИНѢ

Составленъ Петромъ Бартеневымъ.

I. РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ писаніямъ Русскимъ, соч. М. Максимовича, Кіевъ, 1837. Разборъ этой книги, изложенный въ письмѣ М. П. Погодина къ сочинителю. 1841, III, 219 — 234.

Воскрешеніе Варяговъ Профессора Крузе. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано извѣстіе о путешествіи Крузе въ 1839 году по Остзейскимъ губерніямъ для изслѣдованія тамошнихъ древнихъ могилъ и о результатахъ его поисковъ. 1841, XII, 453 — 456.

Новое свидѣтельство о Россахъ 866 года. Извѣстіе М. П. Погодина о проповѣдяхъ, говоренныхъ Патріархомъ Фотіемъ по случаю нашествія Руси на Царьградъ. 1841, XI, 12 — 128.

Городъ Москва съ его уѣздомъ. Историческое изслѣдованіе И. Д. Бѣляева о распространеніи Москвы и Московскаго Княжества. 1844, I, 298 — 310; 1844, V, 177 — 185.

О древней Русской Исторіи. Письмо П. В. Киреевскаго къ М. П. Погодину, вызванное статьею послѣдняго: *Паралель Русской Исторіи и Исторіи Западныхъ Европейскихъ Государствъ.* Въ изслѣдованіи П. В. Киреевскаго особенно любопытна та часть, гдѣ показывается сходство древней Исторіи у всѣхъ Славянскихъ племенъ. Къ сожалѣнію превосходное изслѣдованіе это доведено только до призванія Рюрика и обѣщаннаго продолженія не было. — За онымъ слѣдуетъ *Отвѣтъ М. П. Погодина.* 1845, III, 11— 58.

Замѣчанія отца Іакинѳа на статью въ Руской Исторіи Г-на Устрялова, подъ названіемъ: Покореніе Руси Монголами. 1845, VII и VIII, 81 — 102.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о Русской Исторіи, 3 тома. Критическая статья о нихъ И. Д. Бѣляева. 1846, VIII, 168—179.

Письмо Профессора Казанскаго къ М. П. Погодину о нѣкоторыхъ пред-

Открытіе о Печенѣгахъ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана небольшая замѣтка Г-на Прозоровскаго, въ коей показано, что имя Печенѣговъ существовало еще въ половинѣ XVII вѣка и что оно происходитъ отъ однаго *Куреня*, находившагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Кіевской Губерніи 1853, III, 121 — 122.

Повѣсть о волхвованіи, написанная для Царя Ивана Васильевича Грознаго. Эта повѣсть найдена въ одномъ изъ Сборниковъ, принадлежавшихъ М. П. Погодину. 1844, I, 246—249.

Татарскій лѣтописецъ, современникъ Бориса Θеодоровича Годунова Статья И. Березина. 1851, XXIV, 543 — 554.

Канонъ, сочиненный Отрепьевымъ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана небольшая замѣтка, коей авторъ, Г. К., разбирая слова тропарей въ Канонѣ Всеволоду — Гавріилу Псковскому, полагаетъ, что Канонъ этотъ составленъ Григоріемъ Отрепьевымъ, въ то время, когда онъ былъ еще діакономъ. 1841, I, 215 — 216.

О рѣдчайшемъ гравированномъ портретѣ Лжедмитрія. Замѣтка Н. Д. Иванчина-Писарева, собиравшаго рѣдкіе эстампы. Портретъ Лжедмитрія, писанный съ натуры Лукою Килліаномъ, былъ выгравированъ въ Аугсбургѣ, въ 1606 году. 1842, IV, 486 — 488.

Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры (1608—1610) и описаніи оной Историками XVII, XVIII и XIX столѣтій. Большое изслѣдованіе Д. П. Голохвастова, основанное на подробномъ изученіи историческихъ источниковъ. Въ началѣ обращено вниманіе 1) на предшествовавшую Исторію Лавры и на ея укрѣпленія, 2) на осаждавшихъ, 3) на осажденныхъ. Потомъ біографическія свѣдѣнія о главныхъ лицахъ монастыря, преимущественно же объ Аврамiѣ Палицынѣ, при чемъ критически разобрано все доселѣ о немъ извѣстное. Далѣе слѣдуютъ исторія и критическая оцѣнка *Сказанія объ осадѣ Троицкой Лавры*; указаны анахронизмы и другія невѣрности. За симъ говорится о томъ, какъ пользовались этимъ сказаніемъ позднѣйшіе Историки; представлены новыя документы для Исторіи того времени, найденные въ Шведскихъ Архивахъ; наконецъ разсказано извѣстное дѣло Казначея Іосифа Дѣвочкина и вмѣстѣ съ нимъ оправданъ предокъ автора, Лаврскій Воевода, Алексѣй Голохвастовъ. 1842, VI, 267 — 324; 1842, VII, 125 — 206.

Въ отвѣтъ на *Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры* (соч. Горскаго см. 1842, XII, 405 — 444), Д. П. Голохвастовъ напечаталъ двѣ большія статьи подъ названіемъ: *Отвѣтъ на рецензіи*

и Критику» Замѣчаній» объ осадѣ Троицкой Лавры. Подъ всѣми этими статьями онъ обозначалъ свое имя буквою Д. 1844, VI, 275 — 369; 1844, VII, 65 — 166.

Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени, о Кузмѣ Мининѣ, Князѣ Пожарскомъ и Ермогенѣ. Извлечены П. Мельниковымъ изъ одного вновь найденнаго Хронографа. 1850, XXI, 1 — 12.

Замѣчанія на критику Исторіи смутнаго времени, написанныя самимъ авторомъ Исторіи, Д. Бутурлинымъ. Въ примѣчаніяхъ изложены возраженія М. П. Погодина. 1842, II. 585 — 599.

Присяга Москвитянъ Владиславу, сыну Польскаго Короля Жигмонта или Сигизмунда. Статья Александра Корнеліуса. — Описаніе Клушинской битвы, по свидѣтельствамъ Маскѣвича, Пясецкаго, Краевскаго и Кобѣржицкаго. — По тѣмъ же источникамъ живо и занимательно разсказаны дальнѣйшія происшествія и присяга Владиславу на Дѣвичьемъ полѣ. 1846, VII, 97 — 112.

Нѣкоторыя замѣтки Н. Д. Иванчина-Писарева. (О мѣстѣ погребенія Ляпунова, о Коллинсѣ и проч.). 1646, XI и XII, 176 — 180.

Замѣтка о первыхъ Гетманахъ казацкихъ и первыхъ Полковникахъ Прилуцкихъ. Письмо М. А. Максимовича къ Н. А. Маркевичу. 1849, IX, 1 — 6.

Черниговскіе Полковники. Исчисленіе ихъ, составленное Н. А. Маркевичемъ. 1852, X, 77.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича (воеводѣ Змѣеву, въ Шую) *о Колядѣ.* (Доставл. В. Борисовымъ). Оказывается, что въ 1649 году, въ Москвѣ, и даже въ Кремлѣ, на канунѣ Рожества, многіе люди кликали *коледу* и *усень*, а въ навечеріе Богоявленіе кликали *плугу.* 1843, I, 237 — 240.

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Котошихина. Критическая статья Ѳедора Морошкина, безспорно лучшая изъ немногаго, написаннаго у насъ о драгоцѣнномъ сочиненіи Московскаго бѣглаго подъячаго. — Исторія, изложеніе и оцѣнка сочиненія. — Много прекрасныхъ замѣчаній. 1841, III, 147 — 165.

Туннель подъ Москвою рѣкою въ 1657 г. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана старинная бумага, въ которой говорится, что въ 7166 году нѣкто «Смольянинъ, Василій Азанчѣевъ почелъ подкопное дѣло дѣлать по высмотру своему за Пречистенскіе вороты въ земленомъ городѣ, позади Остожково двора, подъ Москву рѣку, противъ Крымскаго двора,

отъ Москвы рѣки за 35 саженъ.» Когда въ этомъ мѣстѣ поднявшаяся вода помѣшала работѣ, стали копать отъ рѣки за 70 саженъ, и когда снизу опять объявилась вода, Азанчѣевъ спрашивалъ позволенія копать противъ Новинскаго монастыря, *повесть подкопомъ подъ Москву рѣку съ берегу*. Царь черезъ боярина Князя Юрья Алексѣевичз Долгорукаго позволилъ. Чѣмъ кончились эти работы, неизвѣстно. 1841, IV, 465 — 466.

Легченіе Царя Алексѣя Михайловича. (Легченіе—кровопусканіе). Любопытный документъ, выписанный А. Ѳ. Вельтманомъ изъ Выходной книги, 1664 года. 1844, I, 265.

Переписка Царя Алексѣя Михайловича съ бояриномъ Княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ. Царь пишетъ, отъ 21 Ноября 7161 (1653) года, въ Казань, къ тамошнему Намѣстнику Одоевскому о смерти сына его Михаила; описываетъ свое пребываніе въ ихъ вотчинѣ Вешняковѣ, сообщаетъ подробности о смерти молодаго Одоевскаго, утѣшаетъ отца примѣрами изъ Свящ. Писанія и Житій Святыхъ и обнадеживаетъ въ своей милости. Отписка Князя Одоевскаго состоитъ изъ выраженій благодарности Царю за попеченіе и милость. 1852, II, 199 — 204.

Письмо Князя Одоевскаго къ Царю Алексѣю Михайловичу. Князь Никита Одоевскій, Казанскій Намѣстникъ, благодаритъ Государя за грамоту, коею Ц. Алексѣй Михайловичь извѣщалъ его о мощахъ Митрополита Филиппа. Одоевскій говоритъ, что какъ Константину Великому Богъ даровалъ отъ нѣдръ земныхъ крестъ Господень, Царю Михаилу Ѳедоровичу отъ Басурманскихъ рукъ Божественную ризу Христа, такъ и Алексѣю Михайловичу даруетъ мощи Филиппа. *Сіе, Государь, богатство паче злата, топазія.* Въ заключеніи своихъ длинныхъ разсужденій онъ привѣтствуетъ поименно всю Царскую семью и увѣдомляетъ, что «въ Казани и въ пригородѣхъ все благополучно, что мѣдной руды сыскано много и заводы къ мѣдному дѣлу заводятся», и и что Государевы сокольники отпущены въ Сибирь.—Года не обозначено (должно быть 1652); мѣсяцъ Сентябрь. 1851, XIV, 146 — 151.

Распоряженіе Царя Алексѣя Михайловича по поводу бывшаго голода въ 1651 году. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана Царская грамота въ Сургутъ (Тобольской губ.), отъ 25 Окт. 7159 (1651 г.), тамошнему воеводѣ Князю Кропоткину. Царь съ Патріархомъ приказываютъ, по случаю голода, учинившагося за умноженіемъ грѣховъ всѣхъ православныхъ христіанъ, поститься Филипповъ постъ, при чемъ напоминаютъ объ упадкѣ благочестія въ Сургутѣ и Сургутскомъ уѣздѣ. — (Сообщ. П. И. Ивановымъ). 1841, V, 176 — 178.

Замѣтки о старинной масляницѣ. И. Забѣлина. — Тутъ разсказано о *Дѣйствѣ Страшнаго Суда*, о царскихъ благодѣяніяхъ и угощеніи нищихъ въ Воскресеніе передъ масляницею, о блинахъ (исчисленіе кушаній), горахъ, кулачныхъ бояхъ, прощаніи и проводахъ масляницы. 1850, V, 35 — 44.

Вербное Воскресеніе въ старину. Статья И. Забѣлина, содержащая историческія свѣдѣнія о шествіи на осляти (нѣкоторыя замѣтки о теперешнемъ гуляньи на Красной Площади, о вербахъ и пр.). 1850, VIII, 163 —172.

Празднество входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, бывшее въ Москвѣ, въ 1675 г. (изъ рукописи: *Чиновникъ Патріарха Іоакима*) 1853, VIII, 127 — 128.

Признаніе Титула Царей Русскихъ западно-европейскими Государствами, въ концѣ XVII вѣка. Статья М. Капустина. 1851, XXV, 527—542.

Историческія замѣтки (И. П. Сахарова: 1) Для Русскихъ Нумизматовъ, о надсмотрщикѣ за денежнымъ дѣломъ въ Новгородѣ, Московскомъ гостѣ Богданѣ Семеновѣ Корюковѣ; 2) объ источникахъ Русскихъ лѣтописей: Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 г.; служба Ѳедоровской Божіей Матери и о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ; 3) О дѣтяхъ Старицкаго Князя Владиміра Андреевича (по родословнымъ книгамъ), 4) О Сильвестрѣ Медвѣдевѣ (изъ разныхъ рукописныхъ источниковъ, въ дополненіе къ его *запискамъ*); 5) О Кн. Курбскомъ (два письма, одно Кн. Курбскаго, другое Кн. Полубенскаго; 6) О словѣ Даніила Заточника (заимствовано изъ книги: *Пчела*); 7) о сочиненіи Стефана Яворскаго (см. Москв. 1842, № 3). 1843, IX, 135—155.

Историческія замѣчанія. Четыре любопытныя розысканія Н. Д. Иванчина-Писарева о Маріи Королевѣ Лифляндской, о Коломенскомъ селѣ Рудинѣ, о Ксеніи Борисовнѣ и о Паниныхъ. 1842, II, 557—563.

* * *

Петръ Великій. Разсужденіе М. П. Погодина объ его историческомъ значеніи. Этимъ разсужденіемъ начался Москвитянинъ. 1841, 1.

Гороскопъ Петра Великаго. Найденъ въ Московскомъ Архивѣ Мин Ин. Дѣлъ, въ портфеляхъ Миллера, съ Латинскими объясненіями.

Редакція Москвитянина, издавая его, присоединила въ началѣ любопытный отрывокъ изъ Записокъ Штелина, а въ концѣ замѣчанія Д. М. Перевощикова, въ коихъ изложена Исторія и тщета Астрологіи. 1842, I, 58—76.

Письма Петра 1-го къ Бригадиру Балку. Двадцать писемъ 1710, 1711 и 1712 годовъ. Балкъ начальствовалъ надъ войскомъ въ городѣ Эльбингѣ. Содержаніе писемъ Петра заключается въ военныхъ и нѣкоторыхъ финансовыхъ распоряженіяхъ. Тутъ же одно письмо къ Балку царевича Алексѣя Петровича 1711 года, о снабженіи войска одеждою. (Доставлены Я. И. де Сангленомъ отъ потомковъ Балка). 1852, XVI, 3 — 14.

Письма Петра I-го къ Бригадиру Балку. Три письма 1711 и 1712 годовъ, писанныя условными буквами и заключающія въ себѣ военныя распоряженія. Въ примѣчаніи показанъ ключь для ихъ прочтенія. 1852, XVIII, 48 — 50.

Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго. Собраны Петра Великаго механикомъ и токарнаго искуства учителемъ, Импер. Академіи наукъ и Канцеляріи главной Артиллеріи и фортификаціи Членомъ, Д. Ст. Совѣтникомъ Андреемъ Константиновичемъ Нартовымъ. Писаны по кончинѣ Петра и окончены въ 1727 году. — Тутъ, безъ соблюденія хронологическаго порядка, изложены 162 болѣе или менѣе любопытныхъ анекдота. При многихъ показано отъ кого слышалъ ихъ Нартовъ, находившійся при особѣ Петра болѣе 20 лѣтъ. 1842, IV, 443 — 575; 1842 VI, 325 — 333; 1842, VII, 22 — 35; 1842 VIII, 324—343; 1842, XI, 116—142.

Астрономическія занятія Петра 1го. Письмо къ Редактору А. Н. Драшусова о посѣщеніи Петромъ Копенгагенской обсерваторіи, въ 1716 году. 1843, XI, 142—143.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Два взяты изъ собранныхъ Г-омъ Ригельманомъ, авторомъ Малороссійской Исторіи, и два доставлены И. М. Снегиревымъ (любопытны). 1842, I, 84—88.

Встрѣча съ Петромъ Великимъ. Современная записка, перепечатанная изъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, гдѣ ее помѣтилъ Г-нъ Трехлѣтовъ. Въ 1720 г., въ Апрѣлѣ, нѣкто Воложанинъ Матвѣй Ждановъ имѣлъ случай видѣть Петра въ домѣ у его пѣвчаго дьячка, Ивана Михайловича Протопопова, и представилъ Царю свою книгу о Единствѣ Вѣрѣ и о томъ, что во всемъ мірѣ должна быть одна пра-

вославная вѣра. Онъ самъ записалъ эту встрѣчу, равно какъ и разговоръ свой съ Царемъ о содержаніи книги. 1852, XXI, 1—4.

Нѣсколько словъ о Петрѣ Великомъ. Замѣтка Ап. Нестерова о милостяхъ Петра дѣду его, Нестерову, который служилъ при Петрѣ въ Преображенскомъ полку и котораго дѣдъ училъ Петра нотному пѣнію. 1844, VII, 29—32.

Указы Императора Петра 1-го и Елизаветы. Десять указовъ, изъ коихъ девять къ Архангелогородскому Вице-Губернатору Ладыженскому, и одинъ къ Кольскому Комендату. Петровыхъ 8; изъ нихъ особенно любопытны указъ отъ 17 Сент. 1714 г. о каменномъ строеніи, и другой о присылкѣ двухъ Самоѣдовъ яосмѣшнѣе, для отосланія ихъ въ подарокъ Грандукѣ Флоренскому. Въ двухъ указахъ Елизаветы замѣчательно попеченіе о Графѣ Иванѣ Ефимовскомъ (который по матери приходился двоюрнымъ братомъ Императрицѣ) Драгоцѣнные документы сіи доставлены П. Н. Кузминымъ. 1842, XII, 394-398.

Указъ Петра 1-го объ ученьи Итальянскому языку отъ 15 Мая 1697 г. Предписывается посылать 55 боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтей для обученія Итальянскому языку у Грековъ Іоаникія и Софронія Лихудіевыхъ. Слѣдуетъ сказка учителей, чьи дѣти и кто именно явились и учатся, какіе не явились и подъ какимъ предлогомъ, и какіе за малолѣтствомъ къ ученію не годятся. Оказывается, что училось всего 10 человѣкъ, остальные отговорились. Драгоцѣный документъ этотъ доставленъ П. И. Ивановымъ. (15 Мая 1697 г. Петръ былъ уже въ чужихъ краяхъ, и слѣдов. оттуда прислалъ указъ этотъ.). 1852,. V, 1-3.

Указы Императора Петра 1-го изъ Новгородской приказной Палаты въ Новгородскій Митрополичій разрядъ. 1) О немедленномъ доставленіи мѣстными духовными властями всѣхъ замѣчательныхъ древнихъ актовъ и рукописей комисарамъ Высочайше командированнымъ въ провинціи для описи ихъ. 2) О высылкѣ въ С.-Петербургъ Архіерейской ризницы и пѣвчихъ по случаю предстоявшаго хиротописанія въ Архіерейскій санъ Александроневскаго Архимандрита Ѳеодосія. (Сооб. И. Купріяновымъ). 1853, XVIII, 11—12.

Указъ Петра Великаго 1722 г. О разбояхъ, производимыхъ въ Смоленской Губерніи Литовскими помѣщиками съ Русскими бѣглецами 1853, XXI, 1—5.

Указъ Петра 1-го поручику отъ Гвардіи Ѳедору Румянцову, отъ 25 Окт. 1720 г., въ С-Петербургѣ. (Строгое преслѣдованіе старой постройки рѣчныхъ судовъ). 1844, IX, 138—139.

Регламентъ, приеланный къ Государственной Мануфактуръ Коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи, 1724 г., Іюля 29 дня. 1853, IX, 1—2.

Мнѣнія, поданныя въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ при вагенбургѣ подъ Полтавою, Генералами Ренцелемъ, Галлартомъ, Беллингомъ и Ренне, о принятіи мѣръ для освобожденія сего города отъ осады Шведовъ, 1709 г. Іюня 5—11. Мнѣнія изложены на искаженномъ Русскомъ языкѣ. (Сообщ. Г-мъ Н. Лебедевымъ, который написалъ къ нимъ небольшое предисловіе). 1842, I, 76—83.

Записка о поѣздкахъ Александра Бековича князя Черкасскаго къ Восточному берегу Каспійскаго моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву (1714—1716). Князь Черкасскій былъ отправляемъ въ Хиву и Бухару съ секретнымъ порученіемъ разыскать песочное золото и развѣдать пути, коими бы Россія могла завести торговлю съ Индіею. Очень любопытна подробная инструкція, данная Петромъ Черкасскому. Снаряженіе экспедиціи. Затрудненіе похода. Ошибка. Малодушіе Черкасскаго, обманутаго Хивинскимъ Ханомъ и погибшаго почти со всею экспедиціею. (Пословица: *Пропалъ какъ Бековичъ*). Въ концѣ напечатаны три донесенія начальниковъ экспедиціи Ѳедору Матвѣевичу Апраксину. 1842, XII, 373—394.

Проэктъ завоеваніе Америки (южной), поданный Петру Великому. Любопытная бумага, найденная И. Е. Забѣлинымъ. Авторъ проэкта, вѣроятно Голландецъ, предлагая завоеваніе, подробно излагаетъ всѣ способы и выгоды онаго. Подлинникъ вмѣстѣ съ приложенною къ нему картою Америки утратился; тутъ напечатанъ современный переводъ, сдѣланный какимъ-то Петромъ Ларіоновымъ; года не обозначено, но говорится о войнѣ въ Лифляндіи. 1851, I, 121—124.

Письмо Екатерины I къ Преосвященному Аарону Епископу Корѣльскому и Ладожскому, отъ 23 августа 1726 г., изъ С.-Петербурга, о постриженіи *безвкладно* въ монахини двухъ вдовъ. 1853, XVI, 55.

Къ нравамъ временъ Императрицы Елизаветы. Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны Г-мъ И. С. (вѣроятно Снегиревымъ) три любопытные разсказа: 1) о царицыномъ Стремянномъ Гаврилычѣ, 2) О любви Елизаветы къ народнымъ увеселеніямъ и маскерадамъ, 3) О пѣвицѣ Габріели. 1842, 1, 89—91.

Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскерадомъ, въ Москвѣ 1763 года, Генваря дня. Перепечатано съ современной брошюры, доставленной С. П. Шевыревымъ. Празднество

сающіяся до службы Статсъ-Секретаря А. М. Грибовскаго и прочихъ лицъ, 1792 года. (характеристика вельможъ). Особенно любопытны двѣ послѣднія части. Будущій Историкъ Екатерины и Ея вѣка найдетъ для себя матеріалъ въ каждомъ извѣстіи наблюдательнаго Грибовскаго, неотлучно жившаго при Дворѣ, и почти въ самомъ Дворцѣ, съ 1792 по 1796 г. (Записки были пріобрѣтены М. П. Погодинымъ отъ внуковъ Адріана Моисеевича Грибовскаго, Г-дъ Губерти, и изданы отдѣльною брошюрою). 1847, II, 65—129.

Рескриптъ Императрицы Екатерины къ Московскому Главнокомандующему Еропкину, отъ 23 Сент. 1789 г. о томъ, чтобъ переводъ всѣхъ сочиненій Вольтера, въ 69 томахъ (изд. Бомарше), печатался въ Москвѣ не иначе, какъ съ одобренія Митрополита Платона. (Сообщ. Н. Д. Горчаковымъ). 1844, XI, 213.

Памятникъ Екатеринѣ Великой въ Екатериненштатѣ (въ Саратовскихъ Колоніяхъ), Бронзовый памятникъ этотъ, работы барона Клодта, сооруженъ Саратовскими Колонистами и открытъ 25 Іюня 1852 года. Государыня изображена сидящею, съ книгою въ рукахъ. 1852, XVIII, 39.

Извѣстіе о Гайдамакахъ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны замѣчанія М. А. Максимовича на книгу Скальковскаго: *Наѣзды Гайдамаковъ на Западную Украйну въ XVIII столѣтіи.* По преимуществу оборонены отъ нареканія Скальковскаго Максимъ Желѣзнякъ и его Гайдамацство въ 1768 году. 1845, V и VI, 45—68.

Матеріалы для Исторіи Пугачевскаго бунта, почерпнутые изъ бумагъ, оставшихся послѣ Князя Михаила Никитича Волконскаго Княземъ Михаиломъ Голицынымъ. Изъ матеріаловъ этихъ, хранящихся въ селѣ Зубриловкѣ (Саратов. губ., Балашовскаго уѣзда). Кн. Голицынъ составилъ связное повѣствованіе, въ коемъ подробно изложены первыя похожденія Пугачева, и вкратцѣ его успѣхи и конецъ. Въ приложеніи напечатаны драгоцѣнныя письма Екатерины Великой къ Кн. М. Н. Волхонскому, который тогда былъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ. Всѣхъ писемъ 27. Они перепечатаны въ Смирдинскомъ изданіи Сочиненій Екатерины, но безъ любопытныхъ документальныхъ примѣчаній, которыми объяснилъ ихъ Кн. М. Голицынъ изъ находящихся у него матеріаловъ. 1845, IX, 19—59.

Письмо Петра Ивановича Панина къ Кн. Михаилу Никитичу Волхонскому о Пугачевѣ. Панинъ, изъ Симбирска, отъ 2 Октября 1774 г., пишетъ Волхонскому о скоромъ привозѣ въ Москву Пугачева и проситъ

сдѣлать нѣкоторыя распоряженія относительно полковъ разставленныхъ по дорогѣ отъ Симбирска до Мурома и отъ Мурома до Москвы; въ селахъ, на разстояніи 60 верстъ, одно отъ другаго, были поставлены войска для безопаснаго провоза Пугачева: въ каждомъ селѣ стояло по ротѣ. 1841, II, 482—483.

Записка Полковника Пекарскаго о бунтахъ Яицкихъ, что нынѣ Уральскіе, казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ Донскомъ казакѣ Пугачевѣ. Современный связный разсказъ, неизвѣстный Пушкину, обнимающій всю Пугачевщину отъ первыхъ бунтовъ до казней въ Москвѣ, но къ сожалѣнію излагающій только военныя событія и движенія (Доставлено В. И. Далемъ.). 1841, VI, 438—468.

Изъ письма Лугинина Приказчика Семена Долгорукова изъ Оренбурга присланнаго въ Екатеринбургъ къ Приказчику Ѳедоту Ахматову. Въ этомъ частномъ письмѣ говорится подробно о наружности Пугачева и объ одеждѣ его, о томъ, какъ его выводили въ присутствіи Гвардіи Капитана Маврина къ посрамленію захваченныхъ его сообщниковъ, какъ Пугачевъ увѣрялъ ихъ, что онъ дѣйствительно самозванецъ и проч. (Доставлено Г. Рябовымъ) 1841, II, 483—485.

Рѣчь Голаватаго къ Императрицѣ Екатеринѣ II, Апрѣля 1-го, 1792 года (Изъ Сборника Ригельмана). 1849, XXIV, 51—52.

Входъ въ покоренную Варшаву 1794 года. Изъ Записокъ очевидца. Тутъ же разсказано о сдачѣ Варшавы Прусакамъ, и о приготовленіяхъ къ походу за границу, несостоявшемуся вслѣдствіе кончины Императрицы. 1843, II, 487—496.

Записки современника, Дневникъ Студента. Драгоцѣнный матеріалъ для Исторіи первыхъ годовъ нашего столѣтія. Авторъ скрывшій свое имя, находился въ лучшемъ Московскомъ обществѣ и сообщаетъ о немъ любопытнѣйшія свѣдѣнія. Записки начинаются со 2 дня 1805 года и ведутся по-денно, съ небольшими перерывами, до 28 Іюня въ Москвѣ. Лѣто авторъ провелъ на славныхъ въ то время минеральныхъ водахъ въ Липецкѣ, и разсказываетъ о тамошнемъ обществѣ и увеселеніяхъ. — Съ 3 Сент. снова описывается Московская жизнь; записки прерываются подъ 28 числомъ Февраля 1806 года. Особенно много подробностей о театрѣ, о публичныхъ и частныхъ увеселеніяхъ, о преподавателяхъ Московскаго Университета и нѣкоторыхъ литераторахъ. Множество занимательныхъ и замѣчательныхъ анекдотовъ—1853, III. 27—90; 1853, V, 1—20; 1853, VI, 33—86; 1853, VII, 100-123; 1853, VIII, 139—146.

Анекдотъ объ Императорѣ Александрѣ. О Евангеліи, которое Александръ нашелъ у Станціоннаго Смотрителя (Сообщ. Г-мъ Н. Б.). 1844, X, 391.

О путешествіи Императора Александра въ Крыму, въ 1825 году. Посѣщеніе Татарской свадьбы. (Изъ писима Д. Дуси). 1844, XII, 48.

Памятникъ Александру 1-му на Златоустовскомъ заводѣ, гдѣ Государь самъ добывалъ золото. 1851, V, 32—33.

Черта изъ войны 1812 года. Изъ Записокъ М. М. Петрова. Военное воззваніе Полковника Карпенкова. Анекдотъ о Барклай де Толли. 1844, I, 269—270.

Процессъ такъ называемыхъ Московскихъ зажигателей 1812 года. Перепечатано съ экземпляра, напечатаннаго въ Москвѣ (Сент. $^{11}/_{24}$) на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Комиссія, наряженная Наполеономъ для розыска о зажигателяхъ и собиравшаяся въ домѣ Князя Долгорукаго, обвиняетъ Русское Правительство въ томъ, будто оно наняло особаго зажигателя, Англичанина Шмита, жившаго въ селѣ Вороновѣ (шаръ), распустило колодниковъ, вывезло всѣ пожарные трубы и инструменты. Приведены имена пойманныхъ зажигателей (болѣе 20), съ обозначеніемъ ихъ званія и мѣста рожденія. Тутъ же напечатанъ отрывокъ изъ Исторіи Бутурлина о Московскомъ пожарѣ и приведено преданіе, слышанное М. П. Погодинымъ отъ отца. 1843, X, 385—392.

Разсказы стараго воина о его службѣ. Извлеченіе изъ Записокъ, Воронежскаго Дворянина М. Петрова. О службѣ предковъ и родственниковъ. Подробности о Генералѣ Львѣ Антиповичѣ Тургеневѣ (1828), о Лейбъ Медикѣ Вилье, объ Александрѣ Яковлевичѣ Сукинѣ, комендантѣ Петропавловской С.-Петербургской крѣпости, о Денисѣ Васильевичѣ Давыдовѣ, о Генералѣ Карпенковѣ и проч. 1843, V, 126—160 и 1843, VI, 442—500.

Воспоминаніе о службѣ на Кавказѣ. Отрывокъ изъ записокъ Офицера, служившаго въ Кавказскомъ корпусѣ подъ начальствомъ Генерала Ермолова. Неизвѣстный авторъ, офицеръ Генеральнаго Штаба, разсказываетъ, какъ онъ ѣздилъ, по приказанію Ермолова, въ только что покоренную нашимъ оружіемъ Акушинскую область (въ Дагестанѣ) производить съемку дороги отъ города Акуши до села Губдена. Тутъ живо и изображены Кавказскіе новопокоренные народы въ ихъ отношеніяхъ къ Русскимъ. Въ концѣ приведенъ приказъ Ермолова, въ коемъ онъ благодаритъ своихъ сподвижниковъ за побѣду и труды ихъ. 1851, IV, 494—507.

Мѣсяцъ военнопоходной жизни мирнаго (въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1832 году) Военныя подробности. — Смерть и похороны сапера К. Б-а, погибшаго при взятіи Гумры.—Переходы по горамъ.—1843, XI, 79—108.

СТАТЬИ ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ И ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ.

Дополнительныя свѣдѣнія къ статьѣ моей: Новыя извѣстія о Флорентинскомъ соборѣ, извлеченныя изъ Ватиканской рукописи. Статья (С. П. Шевырева) была помѣщена въ Майской книжкѣ Журн. М. Нар. Просв. 1839 года. Изложенныя въ ней свѣдѣнія были уже напечатаны въ Острогѣ, въ 1598 г., и еще прежде того были извѣстны Кн. Курбскому, что видно изъ сочиненія его о Флорентинскомъ Соборѣ. 1841, VI, 498—509.

Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ. Авторъ (Преосвященный Филаретъ, нынѣ Харьковскій) доказываетъ, что книга Стоглавъ не была соборнымъ опредѣленіемъ, а только сборникомъ замѣчаній какого ни будь дьяка, и никогда не имѣла силы постановленія церковнаго. 1845, XII, 136—139.

Откуда коренные жители Лифляндіи первоначально получили Христіанство, съ Востока или Запада? Драгоцѣнная статья того же автора, составленная по источникамъ, критически разсмотрѣннымъ.—Изложено распространеніе православія между Чудью и борьба съ Латинствомъ. 1843, VII, 85—102.

Проповѣдь Евангелія въ Камчаткѣ. Доставлено А. С. Стурдзою. 1842, VIII. 411—418.

Примѣчательная для Русскихъ Англійская книга. Краткое извѣстіе о Стихотвореніяхъ Діакона Пальмера, между коими помѣщены переводы съ Русскаго, стихотвореній Языкова и Хомякова. Предисловіе къ этимъ стихотвореніямъ состоитъ изъ письма Пальмера о соединеніи Англійской Церкви съ Православною. 1845, VII и VIII, 110—112.

Вновь найденныя данныя для Исторіи пѣнія въ Россіи. Выписка изъ одной старинной книги; изобрѣтеніе осмигласнаго пѣнія приписывается Русскимъ, а не Грекамъ. Любопытныя свѣдѣнія о нашихъ старинныхъ пѣвцахъ. 1846, VI, 173—174.

О Церковномъ пѣніи въ Россіи. Статья Н. Д. Горчакова, заключающая

матица златая, въ рукописи XV вѣка. Авторъ предисловія старается доказать, что Слово это не есть переводъ съ Греческаго и что вѣроятно оно писано Первоучителемъ Славянскимъ.—Самое Слово особенно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ много говорится о народныхъ суевѣріяхъ 1844, I, 241 — 245.

Духовная грамота Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Перепечатана изъ Новогородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, гдѣ помѣстилъ ее Г-нъ Руѳъ Игнатьевъ. Подлинникъ хранится въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. — Св. Кириллъ поручаетъ свой монастырь Кн. Андрею Дмитріевичу. 1852, XIII, 32 — 34.

Максимъ Грекъ. Изслѣдованіе Преосвященнаго Филарета, нынѣ Харьковскаго. Кромѣ печатныхъ источниковъ авторъ пользовался рукописями, хранящимися въ библіотекѣ Троицкой Лавры и представилъ изъ нихъ много выписокъ. Изложивши съ возможною полнотою житіе Преподобнаго, онъ подробно разбираетъ во второй, большей половинѣ своего изслѣдованія, писанія Максима, распредѣляетъ ихъ и указываетъ на критическій характеръ ихъ. Въ заключеніе приведены въ подлинномъ видѣ два сочиненія Максима: *Отвѣтъ въ кратцѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю* (1537) и *Посланіе къ Преосвященному Митрополиту Іоасафу* (1541). 1841). 1842, XI, 45—96.

Письмо Святителя Митрофана Воронежскаго къ Архимандриту (Александру) *Николаевскаго Шартомскаго монастыря, въ Шуйскомъ уѣздѣ.* Писано около 1700 г. Оказывается, что св. Митрофанъ имѣлъ въ міру сына, который послѣ былъ подъячимъ въ Унженскомъ Макаріевѣ монастырѣ. Въ письмѣ онъ проситъ Архимандрита Александра оказать покровительство сыну его, когда онъ будетъ у него въ обители, на возвратномъ пути изъ Воронежа. — Письмо доставлено В. И. Борисовымъ. 1842, IX 154 — 155.

Грамота и благословеніе Митрофана Воронежскаго Игумену Іонѣ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, отъ 16 Сент. 1693 г. Св. Митрофанъ проситъ Іону не покинуть сына его Ивана и поберечь его отъ всякихъ стороннихъ людей и отъ обидъ. (Доставл. В. И. Борисовымъ. 1843, I, 240 — 241.

Письмо Святителя Митрофана отъ 17 Апрѣля 1692 года, изъ Воронежа. Св. Митрофанъ пишетъ къ какому-то Стольнику и Полковнику Петру Алексѣвичу о своей домовой вотчинѣ, что на рѣчкѣ Лимѣ (?), предлагая ему взять ее скорѣе на откупъ, противъ бывшаго

откупа Полковника Петра Булирта. — Доставлено Н. И. Чертовымъ, отъ Высокопреосвящ. Антонія, Архіепископа Воронежскаго. 1844, I, 250.

Черты изъ жизни Михаила, Митрополита С. Петербургскаго. Двѣ статьи; въ одной, подъ коею выставлена буква М., разсказывается о дѣятельности и образѣ жизни Михаила въ то время, когда онъ былъ Архіепископомъ въ Черниговѣ. Въ другой, написанной Андреемъ Леопольдовымъ, о послѣднихъ его годахъ и кончинѣ (1820, Мартъ). 1843, VI, 435, 441.

Нѣкоторыя черты изъ жизни Михаила, Митрополита С. Петербургскаго. Замѣтка Н. Горчакова преимущественно о проповѣдной дѣятельности Михаила. 1842. I, 193—199. См. еще статью, то же Н. Горчакова: 1842, II, 525—128, гдѣ приведены письма Михаила къ какому-то *Д...*, обращенному имъ на путь вѣры.

Біографія духовника Петра I-го. Доставленная Преосвящен. Иннокентіемъ, нынѣ Одесскимъ. Подъ симъ заглавіемъ напечатана надгробная надпись, силлабическими стихами, Московскому Благовѣщенскому Протоіерею, *Тимофѣю Васильеву Надаржинскому.* Свѣденій біографическихъ мало, больше фразы. 1843, VII, 119—125.

Двѣ грамоты по дѣлу Святѣйшаго Никона. (Доставлены П. Саввантовымъ). 1) Митрополиты Павелъ Крутицкій, Пансій Газскій, Козма Амасійскій, Макарій Гревенскій, Феодосій Сербскій, Нектарій Архіепископъ Поганійскій и Макидонскій пишутъ къ Вологодскому Архіепископу Симону о приходѣ Никона (18 Дек. 1661 г.) въ Успенскій Соборъ, по ложнымъ письмамъ Никиты Зуева, и спрашиваютъ, можно ли Іонѣ, Митрополиту Ростовскому оставаться блюстителемъ Апостольской церкви, послѣ того, какъ онъ принялъ благословеніе отъ низложеннаго Патріарха. 2) Царь Алексѣй Михайловичъ извѣщаетъ, отъ 20 Марта 1661 г. (считая съ Сентября), того же Симона, что по полученіи отъ него и отъ другихъ Митрополитовъ и Архіепископовъ рѣшенія о невозможности Іонѣ оставаться блюстителемъ церкви, онъ отрѣшенъ, а на мѣсто его избранъ Павелъ Сарскій и Подонскій. 1842, IV, 155—1651.

Житіе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго, съ портретомъ. Перепечатано въ 1847 г. при Писаніяхъ его. 1841, IV, 1—76.

Анекдотъ о Брюсѣ и Платонѣ, записанной Н. Тумановскимъ со словъ одного современника въ городѣ Тарѣ (о Графѣ З. Г. Чернышевѣ). 8121 I, 21—22.

Жизнь Платона, Митрополита Московскаго. Собственныя его Записки, начинающіяся съ рожденія и дѣтства. Къ сожалѣнію до селѣ вполнѣ не изданы. Тутъ напечатано только до 25 Марта 1799 года. 1849, IV, 27 — 40; 1849, XIII, 1 — 24; 1849, XVIII, 31 — 41 и 1849, XXIV, 69 — 79.

Письмо Архіепископа Георгія Конисскаю къ Архимандриту Платону, отъ 1 Марта 1768 изъ Варшавы. Конисскій поздравляетъ знаменитаго воспитателя Наслѣдника Престола съ поступленіемъ въ Св. Синодъ, благодаритъ за вспомоществованія, оказанныя Бѣлорусской церкви, проситъ взирать съ благоучастіемъ на малую зарубежную ладью, которая «надлежитъ также до великаго корабля Русской церкви.» — *Письмо Платона къ Архіепископу Георгію Конисскому,* изъ Москвы 1792 года. Платонъ пишетъ о своемъ удаленіи отъ дѣлъ пастырства. «Нѣсколько во градѣ бывъ, выходилъ я на подвигъ противу прерѣканій; но міръ превозмогъ и слабость моя, со стыдомъ, оному уступила.» 1842, I, 120 — 122.

Учрежденіе для студентовъ Лаврской Семинаріи, содержимыхъ коштомъ Митрополита Платона; подписано Платономъ въ Москвѣ, 21 Августа 1789 г. 28 пунктовъ, въ которыхъ изложены всѣ подробности учрежденія. Студентовъ было 5; они носили имя Платоновыхъ обязаны были не покидать духовнаго званія. На содержаніе каждаго было положено по 40 руб. въ годъ. Студенты должны были говорить между собою или по Латыни, или по Французски, или по Нѣмецки, и пр. Сообщено П. С. Казанскимъ. 1851, XIII, 31 — 34.

Стефана Епископа Пермскаго, отъ Божественнаго писанія, поучительное посланіе къ православному Царю и В. К. Дмитрію Іоанновичу всея Руси. Подлинникъ найденъ М. П. Погодинымъ въ одномъ Сборникѣ XVI вѣка; здѣсь, къ сожалѣнію, глубокомысленное посланіе сіе напечатано въ переводѣ на обыкновенный нашъ языкъ. 1847, I, 121—128.

Неизвѣстное сочиненіе Стефана Яворскаго. Статья В. М. Ундольскаго. Это сочиненіе есть Слово, говоренное Ст. Яворскимъ въ Батуринѣ, въ Январѣ 1698 г., въ церкви Св. Троицы и посвященное Мазепѣ. Оно оставалось въ рукописи, принадлежавшей прежде С. Величкѣ, Канцеляристу Войска Запорожскаго, и подаренной Кн. М. А. Оболенскимъ Моск. Архиву Иностр. Дѣлъ. — Рукопись и ея украшенія описаны дипломатически; приведено содержаніе Слова и напечатано вполнѣ посвященіе. 1842, III, 105 — 109.

О родинѣ Стефана Яворскаго, селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, Черниговск. губернія. 1852, XIX, 95 — 96. См. также 1852, XXI, 24 — 25.

Письмо Преосвященнаго Тихона Воронежскаго, 1773 года къ неизвѣстному лицу. Наставленіе о стяжаніи души терпѣніемъ. 1850, XVIII, 71.

Письмо Тихона, Епископа Воронежскаго, отъ 4 Дек. 1764 г., изъ Воронежа, къ какому то Г-ну И. В-чу, котораго онъ примиряетъ съ Капитаномъ Ѳ. Л-ымъ. — Доставлено И. М. Снегиревымъ. 1851, I, 126 — 128.

Воспоминанія о монастырѣ Задонскомъ и Тихонѣ, Епископѣ Воронежскомъ. Н. Горчакова. 1843, IV, 464 — 479.

Св. Игуменъ Ѳеодосій, статья М. П. Погодина, составленная по житію Ѳеодосія и Несторовой лѣтописи. 1850, XXIII, 169 — 192.

Послѣднее слово Ѳеофана Прокоповича. (О главо! главо! разума упившись, куда ся приклонишь?) 1842, I, 91.

Письмо Архіепископа Ѳеофана Прокоповича къ Канцлеру Остерману; неизвѣстно когда писано. Говорится о разныхъ вѣнцахъ, употребляемыхъ при бракосочетаніи въ Греческой и другихъ церквахъ. Ѳеофанъ думаетъ, что всего «лучше къ вѣнчанію Ихъ Величествъ подѣлать короны Императорскія.» (Мѣсяца и числа не показано.) Доставлено М. О. Судіенкомъ 1852, XXII, 1 — 2.

АРХЕОЛОГІЯ ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ.

Государственные Архивы въ Москвѣ. Статья П. И. Иванова. 1841, III, 254 — 259.

Московскія частныя хранилища древностей и рѣдкостей по части наукъ, искусствъ и художествъ. Краткое исчисленіе. 1849, II, 53—54.

Слѣды глаголическихъ буквъ въ Новѣгородѣ, въ началѣ XI вѣка. Извѣстіе М. П. Погодина о рукописи Пророковъ, писанной въ Новѣгородѣ въ 1030 г. Попомъ Упиремъ Лихимъ и о находящихся въ ней глаголическихъ буквахъ. 1843, VII, 103 — 105.

Объ Археологическихъ собраніяхъ Профессора Погодина. Краткая опись Музея, сдѣланная самимъ (бывшимъ) владѣльцемъ оныго. 1844, V, 169 — 176.

Срезневскій сличилъ этотъ разсказъ съ другими подобными свидѣтельствами, опредѣлилъ время его, представилъ свое мнѣніе, какъ слѣдуетъ его читать и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ упоминаемыхъ въ немъ божествахъ (вмѣсто *словити* сообразнѣе съ смысломъ читать *слово и ти*). Это свидѣтельство составляетъ нынѣ одну изъ главнѣйшихъ основъ Русской Миѳологіи. 1851, V, 52 — 64.

Рецензія И. Д. Бѣляева на книгу И. М. Снегирева: *Памятники Московской древност*. 1845, X, 230 — 252.

Кремлевскій дворецъ и закладка его по проэкту Архитектора Баженова при Имп. Екатеринѣ II. Замѣтка Н. Горчакова. Приведены надписи въ стихахъ и прозѣ, которыя сдѣланы были на мѣдныхъ доскахъ при закладкѣ. Изъ нихъ въ одной говорится о самомъ Баженовѣ. 1842, IX, 162—165.

Любное мѣсто въ Москвѣ. Статья И. М. Снегирева, вошедшая въ *Памятники Московской древности.* 1842, II, 684—692.

О крестцахъ или перекресткахъ вообще и въ особенности о Московскихъ. Краткая Статья И. М. Снегирева, въ коей приведенъ отрывокъ изъ Стоглава о злоупотребленіяхъ духовенства на Ильинскомъ крестцѣ.— 1841, III, 610—616.

Спасо-Андронниковъ монастырь, важное историческое перепутье. Статья Н. Д. Иванчина-Писарева, въ коей собраны любопытныя свѣденія о дорогахъ въ Коломну 1842, III, 272—277.

О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Историческое изслѣдованіе Ивана Красова. Разборъ этой книги, написанный И. Купріяновымъ. 1851, XXIII, 461—469.

Московскіе городскіе ряды и Гостиный дворъ. Историческій очеркъ Г-на А. Ѳ. В. 1849, XVI, 48—60.

О началѣ и распространеніи Лютеранскихъ и Реформатскихъ церквей въ Москвѣ. Любопытная статья И. М. Снегирева. Заведеніе Нѣмецкой Слободы около 1560 года.—Покровительство Іоанна Грознаго.—Лютеранская церковь въ Кремлѣ при Борисѣ Годуновѣ. — Проповѣдь Пастора Бера въ самомъ дворцѣ въ 1606 году.—Реформаторскія кирки.—Кульманъ.—Мѣры Петра Великаго. — О Петропавловской Церкви. — Нѣмецкія кладбища. 1843, XI, 270—280.

Рѣшеніе вопроса о Царскомъ мѣстѣ или такъ называемомъ Мономаховомъ тронѣ въ Успенскомъ Соборѣ. И. Забѣлина. Изъ одного рукописнаго отрывка о вѣнчаніи на Царство Всероссійское, найденнаго Г-мъ Забѣлинымъ въ Музеѣ М. П. Погодина, оказывается, что это Царское

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІЙ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Римской Имперіи. — Тутъ же письмо Безбородки къ матери, въ мѣстечко *Стольное* (Черниг. губ.) съ извѣстіемъ о полученіи Графскаго титула. 1842, XI, 143—144

Два письма Принца Карла Бирона къ Ярославскому воеводѣ, Полковнику Ивану Алексѣевичу Шубину; изъ Спб.; времени не обозначено, но по содержанію писемъ и по сообщаемымъ въ нихъ извѣстіямъ видно, что они писаны въ царствованіе Петра III. Карлъ Биронъ до того времени жилъ въ Ярославлѣ и былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Шубинымъ. 1849, XX, 132; 1851, I, 125 (Первое письмо напечатано дважды).

Письмо Петра Бирона къ Г. Шубину, отъ 11 Марта, 1762 года, въ Ярославлѣ. Коротенькая дѣловая записка. 1851, I, 125.

Осьмое Января 1851 года (Юбилей Графа Д. Н. Блудова; письмо Уварова и стихи Кн. П. А. Вяземскаго). 1851, 4, 449—456.

Сказаніе о Московскомъ Гражданинѣ, 1-й гильдіи купцѣ, Семенѣ Прокофьевичѣ Васильевѣ (1706 — 1796), писанное въ концѣ прошлаго столѣтія Московскимъ купцемъ Трифономъ Семеновичемъ Добряковымъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеромъ. 1842, I, 318—323.

Его Имп. Величества Иркутской Провинціальной Канцеляріи, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка отъ Бомбардиръ-Порутчика Абрама Петрова (Арапа Ганнибала, прадѣда А. С. Пушкина) *вѣденіе*, отъ 15 Генваря 1728 года. — Посланный Княземъ Менщиковымъ строить крѣпость на Китайской границѣ, Ганнибалъ жалуется, что его денщикамъ не выдается опредѣленный провіантъ. 1853, XXIV, 35—35.

Черты изъ жизни Говарда. Статья В. Негрескула, присланная изъ Херсона. Говардъ (1726—1790) Европейскій филантропъ, проведшій послѣдніе годы жизни въ полуденной Россіи. 1852, I, 29 — 34.

Могила Говарда. Статья И. Кулжинскаго, присланная изъ Нѣжина. Въ ней говорится, что Графъ Щенсной Потоцкій, по просьбѣ супруги своей, похитилъ тѣло Говарда изъ окрестностей Херсона и перевезъ въ свою деревню Ковалевку, Подольской губерніи, Брацлавскаго уѣзда. 1852, V, 45—46.

См. еще 1852, X, 72 и 1852, XV, 114 — 116 письма о томъ же Графа Потоцкаго и бывшаго Губернатора Комстадіуса.

О благотвореніяхъ П. В. Голубкова. Письмо къ Редактору Павла Небольсина. Подробно исчислены всѣ пожертвованія Голубкова (съ 1841 г., около 295 т. руб. сер.) 1852, I, 35—39.

Записки Княгини Дашковой. Нѣсколько драгоцѣнныхъ отрывковъ, переведенныхъ Г-мъ Калайдовичемъ съ Англійскаго подлинника, изданнаго въ Лондонѣ въ 1840 г. въ 2 томахъ Г-жею *Бредфордъ.* Первый отрывокъ самый любопытный: тутъ Дашкова разсказываетъ о своемъ происхожденіи, родственныхъ связяхъ, воспитаніи, замужствѣ и о придворныхъ отношеніяхъ до 28 Іюня 1762 года. Въ 1760 г., когда старшій братъ ея, впослѣдствіи (1802) Государственный Канцлеръ, ѣздилъ въ Парижъ и Мадридъ, она постоянно писала для него и пересылала ему журналъ всѣхъ новостей двора, города и войска (Неизвѣстно сохранился ли этотъ драгоцѣнный журналъ). — Въ двухъ другихъ отрывкахъ Кн. Дашкова разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ по Европѣ (въ первый разъ она ѣздила подъ именемъ Г-жи Михалковой), о сношеніяхъ своихъ съ Прусскимъ дворомъ, съ Дидеротомъ, Вольтеромъ и проч.; потомъ (во второе путешествіе) о пребываніи своемъ въ Эдинбургѣ, гдѣ воспитывался сынъ ея; во Франціи о свиданіи съ Французскимъ Королевскимъ семействомъ, въ Вѣнѣ съ Кауницомъ (любопытное мнѣніе умной Княгини о древней Россіи и о Петрѣ Великомъ). — Вообще Записки чрезвычайно занимательны, и нельзя не жалѣть о томъ, что онѣ не переведены вполнѣ. Тутъ много указаній и намековъ для внимательнаго читателя. 1842, I, 97—116 и 1842, II, 505—521.

См. также Современ. 1845, № 1., гдѣ Я. К. Гротъ напечаталъ свой переводъ тѣхъ главъ Записокъ, въ коихъ Кн. Дашкова разсказываетъ о директорствѣ своемъ въ Импер. Академіи Наукъ. Но конечно все переведенное на Русскій языкъ не составляетъ и трети подлинника.

Письмо Императрицы Екатерины II къ Княгинѣ Дашковой. отъ 28 Апрѣля 1774 г. изъ Спб. Отвѣтъ на поздравительное со днемъ рожденія письмо Княгини Дашковой 1842, XI, 143—144.

Письмо Княгини Дашковой къ И. А. Якоби, Иркутскому и Колыванскому Генер. Губернатору, изъ Спб. отъ 16 Февр. 1789 г. Дашкова проситъ Якоби прислать нѣкоторыхъ минералловъ для Академическаго собранія. 1853, XXIV, 35—36.

Письмо Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго къ Петру Ивановичу Шубину, изъ С.-Петерб., отъ 16 Октября 1795 г. Дмитревскій пишетъ о печатаніи книги, переведенной Шубинымъ съ Французскаго: *Карлъ второй, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Беркеня.* Книга, кажется, не была издана; ибо въ библіографическихъ каталогахъ упоминается только одинъ переводъ этой трагедіи, именно какого то Алфимова.— Доставлено В. Борисовымъ. 1850, XXIII, 84.

Преданіе объ Ермакѣ (изъ Перми). Пещера, въ которой ночевалъ Ермакъ и Камень-Ермакъ. 1852, X, 76.

Первая глава изъ біографіи Генерала Эмануэля. Сочин. Князя Н. Голицына. Тутъ напечатано только предисловіе и біографія Эмануэля до опредѣленія его въ гвардію. — Другой отрывокъ изъ этой біографіи напечатанъ подъ заглавіемъ: *Ученая экспедиція къ Эльборусу, въ 1829 г.* 1842, XI, 38—44; 1844, XI, 214—220.

Письмо Никиты Моисѣевича Зотова, воспитателя Петра Великаго, къ Преосвященному Митрофану, Епископу Воронежскому, о взятіи Азова. Писано изъ Азова, отъ 10 Авг. 1696 года. Изложены подробности о взятіи Азова и послѣдующія за тѣмъ царскія распоряженія. — (Письмо доставлено Т. Ѳ. Большаковымъ). 1841, VIII, 462—467.

Письмо Михаила Михаиловича Измайлова къ Н. П. Толстому, при вступленіи на престолъ Импер. Павла I-го, о постановленіи ящика у дворца для принятія прошеній (Доставлено М. Н. Макаровымъ). Сначала было напечатано, что это письмо писано Графомъ Кутайсовымъ, но въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Москвитянина (7-й) показана эта ошибка. 1842, V, 131.

Объ Иванѣ Никитичѣ Инзовѣ. (1768—1845). Статья А. С. Стурдзы, написанная съ религіозной точки зрѣнія, но содержащая довольно біографическихъ подробностей. 1847, I, 217—228.

Письмо дежурнаго Генерала 1-й арміи П. А. Кикина къ Государственному Секретарю А. С. Шишкову, въ Декабрѣ 1812 г. изъ Вильны. Кикинъ пишетъ о храмѣ Спасителя въ Москвѣ и о разныхъ предположеніяхъ касательно его постройки. (Древній камень съ острова Мелоса, подаренный Кикину Англійскимъ Генераломъ Вильсономъ). 1846, I, 159—167.

Нѣсколько словъ о Мануфактуръ-Совѣтникѣ Иванѣ Михайловичѣ Кондрашовѣ (владѣльцѣ шелковыхъ фабрикъ въ деревнѣ Щелковѣ, въ 25 верстахъ отъ Москвы); замѣтка Михаила Хирьякова. 1845, X, 181—184.

Біографія Контръ-Адмирала Павла Ѳедоровича Кузмищева (1798-1850), присланная изъ Архангельска. 1851, XI, 235—237.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ, Русскій механикъ-самоучка. Біографическій очеркъ, написанный П. Пятериковымъ. Приложенъ списокъ изобретеній и работъ Кулибина, Императорскихъ указовъ ему данныхъ и проч. 1853, XIV, 1—26.

О Кулибинѣ. Г-нъ Н. Г-т-въ, изъ Спб., сообщаетъ любопытные поправки и дополненія къ предъидущей статьѣ. 1853, XXIV, 23—33.

Для біографіи Н. И. Новикова Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны 3 любопытные документа: 1). Отношеніе Комиссіи Народныхъ Училищъ къ Графу Захару Григор. Чернышеву, Московскому Главнокомандующему. Коммисія, въ лицахъ Петра Завадовскаго, Франца Эпинуса и Петра Пастухова, жалуется на Новикова, что онъ перепечаталъ изданныя ею книги: *Сокращенный Катихизисъ и Руководство къ чистописанію,* и проситъ описавъ продать непроданные еще экземпляры сихъ книгъ, а за проданные взыскать съ Новикова деньги. 2) Объявленіе Новикова (отъ 11 Окт. 1784 г.). Новиковъ говоритъ, что покойный Графъ Чернышевъ (онъ умеръ 29 Авг. 1784 г.) самъ приказывалъ ему печатать какъ упомянутыя такъ и другія книжки, и ссылается на письма изъ Канцеляріи Графа, отъ Правителя оной, Надв. Совѣт., Семена Ивановича Гамалеи. 3) Подписка бывшихъ Генеральсъ-Адъютантовъ Чернышова, Полковниковъ Ивана Тургенева и Николая Ртищева, отъ 13 Окт. 1784 г., данная Г. Поручику Ушакову, присланному изъ Московской Управы благочинія въ томъ, что дѣйствительно Чернышевъ не однократно посылалъ ихъ къ Новикову съ повелѣніемъ скорѣе печатать означенныя книги и пускать ихъ въ продажу копейкою дешевле обыкновенной цѣны, и что за успѣшное исполненіе покойный фельдмаршалъ благодарилъ Новикова. — 1842, II, 521—524.

Для біографіи Новикова. Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ рескриптъ Екатерины II-й, отъ 23 Септ. 1784 г. изъ Спб. къ Оберъ-Полицеймейстеру Архарову. Въ немъ повелѣвается запретить и отобрать печатаемую въ Москвѣ ругательную Исторію Ордена Іезуитскаго, косму въ то время дано было въ Россіи покровительство. 2) Архаровъ, изъ Москвы, отъ I Октяб. 1784 г. доноситъ, что онъ отобралъ отъ содержателя Университетской Типографіи Новикова изданные при Вѣдомостяхъ листы упомянутой Исторіи и распорядился объ отобраніи уже розданныхъ листовъ, а одинъ листъ посылаетъ на благоусмотрѣніе Ея Величества. 1843, I, 241—242.

Для біографіи Н. И. Новикова. Три документа, относящіеся къ 1785 году. 1) Донесеніе Московскаго Главнокомандующаго Графа Брюса Императрицѣ, о томъ, что онъ получилъ два Высочайшіе указа отъ 23 Генв., изъ коихъ въ одномъ велѣно было допросить Новикова о причинахъ и намѣреніи, побудившихъ его къ печатанію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а въ другомъ предписано осмотрѣть больницу и школы, заведенныя въ Москвѣ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола.—По-

виковъ черезъ Управу Благочинія былъ сысканъ и представленъ въ Губернское Правленіе.—2) Рапортъ Московскаго Прокурора Андрея Тейльса Графу Брюсу (отъ 31 Дек. 1785 года). Тейльсу поручено было составить роспись книгамъ, находившимся въ Типографіи Новикова и отослать оную къ Архіепископу Московскому. Слѣдуетъ роспись книгамъ съ показаніемъ кто цензировалъ (всѣхъ выпущенныхъ въ свѣтъ сочиненій 362; 3 сочиненія еще не поступившія въ продажу и 55 печатаемыхъ.—3) Оправдательное показаніе Новикова. 1842, III, 129-146.

Донесеніе Митрополита Платона о Новиковѣ. Митрополитъ доноситъ Государынѣ (въ Генв. 1786), что онъ желалъ бы по-болѣе видѣть такихъ Христіанъ, каковъ Новиковъ; но что между книгами, у него напечатанными, онъ нашелъ «нѣкоторыя порожденія такъ называемыхъ энциклопедистовъ.» 1842, V, 130—131.

О мѣстѣ кончины Новикова. (Село Тихвинское, въ 5 верстахъ отъ города Бронницъ, Москов. Губ.). 1849, VI, 24, въ Смѣси.

Извѣстіе объ Аврамiѣ Палицынѣ. Въ небольшомъ предисловіи излагается вкратцѣ жизнь знаменитаго келаря и его тяжебное дѣло со вдовою Катуниною. Самое извѣстіе состоитъ въ *Правой грамотѣ старца Аврамія Палицына на его вотчину въ селѣ Лазаревѣ, на полтрети выти, что онъ искалъ тоя своей вотчины на Смиряевѣ Катунина женѣ, да на ея дѣтяхъ.* Оказывается, что Палицынъ вѣроятно еще въ 1588 г. былъ сосланъ въ Соловки, мѣсто своей кончины. 1841, IX, 217 — 235. см также замѣтку М. П. Погодина, 1841, VII, 233 — 235.

Письмо Профессора П. С. Палласа къ Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву отъ 30 (sic) Февраля 1787 года изъ С.-Петербурга въ Кіевъ. Переведено съ Французскаго и объяснено историческими примѣчаніями Г. И. Спасскаго. Палласъ пишетъ объ экспедиціи Муловскаго въ Охотскъ. Тутъ драгоцѣнный матеріалъ для Исторіи нашихъ Восточныхъ областей. (Біографія Бёма). 1849, XXIV, 53—67.

Письмо Палласа къ Кн. Н. И. Салтыкову, на Франц. языкѣ, изъ Ахмечети, отъ 25 Ноября 1801 г. Палласъ говоритъ, что, живя въ Тавридѣ въ данномъ ему Екатериною помѣстьѣ, онъ, со смертью Ея, подвергался многимъ непріятностямъ, и проситъ Салтыкова о предстательствѣ предъ новымъ Государемъ, Александромъ Павловичемъ. 1851, VIII, 490—491.

О родинѣ Князей Пожарскихъ. Статья М. П. Погодина, въ коей доказано, что родину Пожарскихъ слѣдуетъ искать не въ Малороссій-

скомъ, Стародубѣ но въ Стародубѣ Клязменскомъ (Владимірской губ.). 1850, V, 1—4.

Дѣло Князя Дм. Мих. Пожарскаго съ Иваномъ Колтовскимъ. Колтовской не хотѣлъ быть съ Пожарскимъ на воеводствѣ въ Калугѣ, въ 1618 г. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, наказавъ его за то тюремнымъ заключеніемъ, приказалъ ему ѣхать на службу, а Пожарскому писалъ, чтобы «у него съ Колтовскимъ на воеводствѣ не было розни.» (Доставлено П. И. Ивановымъ). 1841, XI, 129—130.

Подробности о Польской войнѣ 1618 г. и о службѣ Дм. Мих. Пожарскаго. Рѣчь, говоренная Пожарскому за Царскимъ столомъ, по повелѣнію Царя Махаила Ѳеодоровича. (Сообщено П. И. Ивановымъ). Два современные документа. 1841, III, 112 — 115.

Изслѣдованіе о мѣстѣ погребенія Кн. Дм. Мих. Пожарскаго. Изъ донесенія, представленнаго въ Императорскую Академію Наукъ М. П. Погодинымъ. Тутъ изложены доказательства того, что Пожарскій былъ погребенъ въ Суздальскомъ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ. Разрытіе усыпальницы Князей Пожарскихъ, произведенное Графомъ А. С. Уваровымъ. Рѣшеніе вопроса, которая изъ 23 гробницъ принадлежитъ Кн. Дм. Мих. Пожарскому. Описаніе найденнаго остова. Причины, почему Кн. Пожарскій любилъ этотъ монастырь.- Къ изслѣдованію слѣдуютъ документальныя приложенія: 1) о вкладахъ, данныхъ семействомъ Кн. Д. М. Пожарскаго въ Спасоевѳиміевъ монастырь. 2) О родинѣ Кн. Пожарскихъ. 3) Объ отчинахъ Кн. Пожарскихъ. 4) Выписки изъ Синодиковъ Спасоевѳиміева монастыря и Золотниковской пустыни. 5) Родословная Стародубскихъ и Пожарскихъ Князей и проч. Наконецъ 6) описаніе торжественно отслуженной по Князѣ Пожарскомъ панихиды. 1852, XIX, 39—80.

Дѣло Князей Петра и Ѳедора Дмитріевыхъ Пажарскихъ съ Князьями Ѳедоромъ и Петромъ Ѳедоровыми Волхонскими. Стольники Волхонскіе не хотѣли быть въ рындахъ при отпускѣ Кизильбашскихъ купчинъ вмѣстѣ съ Стольниками Пожарскими и ссылались на Гаврилу Пушкина, который передъ тѣмъ билъ челомъ въ отечествѣ на Князя Дмитр. Мих. Пожарскаго. Челобитье не уважено, и истцы, по прособѣ Кн. Дм. Мих. Пожарскаго, наказаны тюремнымъ заключеніемъ. (Доставлено П. И. Ивановымъ). 1841, XI, 131—133.

Вновь найденное свѣденіе о Посошковѣ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана выписка изъ Книги Сенатскаго производства Оказывается, что

Анекдоты о Потемкинѣ. Три разсказа однаго стараго воина (Хоть тресни, да полѣзай.—Парикъ безъ пудры.—Внезапное возвышеніе мѣщанина Я.....). 1843, V, 117—126.

Письмо Графа Саввы Лукича Рагузинскаго къ Преосвященному Иннокентію Кульчитскому, первому Епископу Иркутскому и Нерчинскому, отъ 7 Февраля 1728, изъ Селенгинска. Рагузинскій защищаетъ себя противъ мнѣнія, будто онъ отправляетъ Иркутскаго Архимандрита Антонія Платковскаго въ Пекинъ по своемъ корыстнымъ расчетамъ. (Доставлено П. Пежемскимъ). 1852, II, 54—57.

Инструкція, какимъ образомъ Кириллъ Григорьевичу Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ Государствахъ. Подъ этимъ заглавіемъ перепечатаны изъ Черниговскихъ Губерн. Вѣдомостей двѣ любопытныя бумаги, доставленныя Г-мъ Ханенкою. Знаменитый временщикъ Елизаветина царствованія, Алексѣй Кириловичь Разумовскій пишетъ наставленіе своему брату, будущему Президенту Академіи наукъ и Малороссійскому Гетману, отправляемому (въ Мартѣ 1743 г.) въ чужіе края для обученія наукамъ.– Вторая бумага есть письмо того же Алексѣя Кириловича къ отъѣзжавшему съ его братомъ Григорью Николаевичу Теплову. Въ этомъ письмѣ, съ нѣжною и умною заботливостью изложено, какъ долженъ Тепловъ смотрѣть за молодымъ Разумовскимъ, чему его учить, какъ съ нимъ обращаться и проч. 1852, XII, 5—8.

Дворня Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго. (Прислано изъ Батурина). Подробное исчисленіе всѣхъ дворовыхъ людей Графа, владѣвшаго, какъ извѣстно, цѣлымъ Батуриномъ. 1852, IV, 127—128.

Разговоръ Неаполитанскаго Короля Мюрата съ Графомъ Милорадовичемъ на аванпостахъ арміи, 14 Окт. 1812 года. Подъ симъ заглавіемъ А. Я. Булгаковъ напечаталъ въ 1814 г. въ Журналѣ: Сынъ Отечества вымышленное имъ происшествіе. Увидя уже въ наше время, что одинъ изъ Французскихъ писателей ссылается на эту статью, какъ на историческій матеріалъ, онъ рѣшился признаться въ давней мистификаціи и по этому поводу написалъ любопытныя и драгоцѣнныя воспоминанія свои о 1812 годѣ. Тутъ живымъ прекраснымъ слогомъ расказаны послѣдніе дни пребыванія Графа Растопчина (авторъ служилъ при немъ) въ Москвѣ (Карамзинъ) и потомъ жизнь его въ селѣ Андреевскомъ, въ 30 верстахъ отъ Владиміра, у раненаго Графа Мих. Сем. Воронцова. 1843, II, 499—520.

тературныхъ трудовъ.—Четыре письма Сперанскаго, его товарища и друга, всѣ религiознаго содержанiя. (Доставлено И. П. Помаскинымъ) 1844, X, 385—390.

Поправка и дополненiе бiографическаго извѣстiя о Словцовѣ, Г. Спасскаго. Объ Историческомъ Обозрѣнiи Сибири, сочиненiи Словцова; письма его по этому предмету къ Г-ну Спасскому. Посвященiе Миллеру. 1844, XI, 220—226.

Письмо Г. А. Фонъ Розенкампфа изъ С. Петерб. къ Графу К. Замойскому въ Варшаву. (Переводъ В. Анастасевича). Розенкампфъ проситъ Замойскаго дать извѣстность трудамъ Г. И. Спасскаго и его Сибирскому Вѣстнику; излагаетъ завоеванiе Сибири и характеръ онаго; подробно разсказываетъ о судьбѣ и доблестяхъ Ермака.—Г. И Спасскiй присоединилъ къ этому письму свои любопытныя примѣчанiя (О статьяхъ Сибирскаго Вѣстника, переведенныхъ на иностранные языки) 1851, XVI, 418—426.

Письма Графа М. М. Сперанскаго изъ Сибири къ дочери, съ предисловiемъ М. П. Погодина и краткою, но обстоятельною бiографiею Сперанскаго, переведенною изъ Allgemeine Zeitung 1840 г.—Письма получены были отъ самой дочери Сперанскаго, Елизаветы Михаиловны Фроловой—Багрѣевой и относятся ко времени отъ 14 Iюня по 30 Сент. 1819. Всѣхъ ихъ 6. Въ нихъ много любопытнаго. 1842. XI, 144-159.

Нѣсколько словъ по поводу статьи (рукописной) *Барона М. А. Корфа о Сперанскомъ.* М. П. Погодинъ сообщаетъ тутъ замѣчательныя подробности о Сперанскомъ, по разсказамъ Г. И. Спасскаго и одного Московскаго духовнаго лица. 1848, VIII, 34—42.

Письмо М. М. Сперанскаго, по смерти его супруги къ Вас. Назар. Каразину, отъ 27 Окт, 1799 г. Сперанскiй пишетъ къ своему другу о неутѣшной своей горести, по случаю смерти супруги. 1842, VI, 339.

Письмо М. М. Сперанскаго къ товарищу его П. А. Словцову, отъ 24 Iюля 1820 г. изъ Иркутска. Письмо благочестиваго содержанiя. (Доставлено изъ Тобольска Ив. Порф. Помаскинымъ) 1844, III, 140.

Письмо М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову, изъ Перми, отъ 6 Авг. 1813 года. Кратко и сильно изложено нравственное, практическое богословiе. Образцовая сила слога. 1845, III, 41—51.

Отрывки изъ двухъ писемъ Сперанскаго къ его дочери. Одинъ отрывокъ отъ 21 Ноября, другой отъ 23 Дек. 1816 г., изъ Пензы. Религіознаго содержанія. 1847, I, 141—142.

О силѣ, основѣ и естествѣ. Философическій отрывокъ изъ бумагъ (вѣроятно еще Студенческихъ) Сперанскаго, доставленный В. Н. Карамзинымъ. 1842, I, 183—186.

Два слова къ біографіи Графа Сперанскаго. Замѣтка священника А. Росницкаго о томъ, какъ Сперанскій, будучи въ Пензѣ, въ 1818 г., помогъ одной бѣдной вдовѣ построить тротуаръ и какъ ободрилъ къ ученію однаго мальчика-семинариста. 1850, XV, 85—86.

Дума на гробѣ Графа Сперанскаго. Статья *М. М.* (М. Л. Магницкаго), доставленная пріятелемъ его А. С. Стурдзою. Въ предисловіи приведено письмо Сперанскаго къ *М.*, изъ Пензы, отъ 23 Ноября 1817 г.— Послѣ общихъ разсужденій слѣдуютъ краткія, но очень любопытныя біографическія извѣстія.—1843, IV, 480—489.

Воспоминаніе о публичныхъ лекціяхъ П. И. Страхова въ Московскомъ Университетѣ, Н. Горчакова (отрывокъ лекціи о Франклинѣ.—Слова Карамзина.—О кончинѣ Страхова). 1841, X, 503—505.

Письмо Суворова къ Графу Цукато, намѣревавшемуся писать исторію его подвиговъ. Письмо писано по Французски. Доставлено А. С. Стурдзою вмѣстѣ съ извѣстіемъ о Цукато. 1845, I, 18—20.

Письмо Суворова къ Маіору Дернову, исполнявшему его частныя порученія. 1844, VII, 32.

Письмо Суворова къ Потемкину (найдено въ Уфѣ), отъ 10 Декабря 1784 г. изъ села Ундола. Письмо оригинально какъ всѣ письма Суворова; тутъ онъ проситъ отдѣльнаго командованія войскомъ; разсказываетъ о своихъ свойствахъ и проч. 1852, XII, въ Отдѣлѣ Внутр. Извѣстій, 145—146.

Восемь стиховъ Суворова къ А. П. Брежинскому, изъ Богемской Праги, отъ 17 янв. 1800 года. Доставлены при письмѣ Влад. Ив. Панаевымъ, который получилъ ихъ отъ бывшаго Статсъ Секретаря Александра Васильевича Казадаева; сему же послѣднему они достались отъ самаго Андрея Петровича Брежинскаго, стихотворца того времени.—Стихи Суворова не дурны.—Къ письму Панаева приложены: письмо Брежинскаго къ Казадаеву и письмо къ Брежинскому Алексѣя Ивано-

вича Горчакова, коему Суворовъ приказалъ препроводить стихи. 1850, XVIII, 72—73.

Очеркъ жизни и дѣяній Александра Васильевича Суворова, имъ самимъ поданный въ Московскую Дворянскую опеку, 1786 г. съ слѣдующими къ ней патентами, грамотами и письмами разныхъ особъ. Суворовъ подалъ это *увѣдомленіе* для того, чтобы Дворянская Опека внесла его съ семействомъ Московской Губерніи въ Дворянскую Родословную книгу. Тутъ Суворовъ говоритъ о своемъ родѣ, объ отцѣ, о всѣхъ наслѣдованныхъ отъ него деревняхъ; излагаетъ собственную службу со многими военными подробностями; говоритъ и о своихъ познаніяхъ. — Приложено 14 рескриптовъ, два письма Импер. Екатерины II й, одно Панина и одно Потемкина. Всего 18 документовъ. 1848, VII, 23—58.

О Пинской бригадѣ Польскихъ войскъ (захваченныхъ Суворовымъ безъ пролитія крови, весною 1794 г.). Изъ Записокъ современника.—Приложены отрывки изъ Катехизиса Суворова. 1842, II, 498—504.

Разсказы о великомъ Суворовѣ. Изъ Записокъ современника.—Пребываніе Суворова въ мѣстечкѣ Черторижскѣ и походъ къ Дивину (около Кобрина), въ Августѣ 1794 г. — Пораженіе Поляковъ при мѣстечкѣ Крупчицахъ.—Суворовъ послѣ побѣды.—Побѣда надъ Красинскимъ при Брестъ-Литовскѣ.—Походъ къ Варшавѣ.—Ошибка при Кобылкѣ — Мнѣніе Поляковъ о Русскихъ войскахъ. 1842, IV, 475—484; 1842, V, 122—129; 1842, VI, 333 — 338; 1842, XII, 1842, 292 — 309; 1843, IX, 126 — 134.

Штурмъ Праги, 1794. (Приказъ Суворова. — Его любимецъ Харламовъ.—Солдатъ Огневъ.—Молитва передъ штурмомъ.—Ночной приступъ и взятіе Праги. — Переговоры съ Варшавою.—Покороніе ея). 1843, I, 245—258.

Воспоминанія объ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ. Писаны Александромъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, который два года былъ адъютантомъ при Суворовѣ, и составляютъ драгоцѣнное историческое свидѣтельство, изображая болѣе частныя, нежели военныя подробности жизни великаго полководца. Тутъ разсказаны: пріемъ у Суворова въ Варшавѣ въ 1795 г. Его поѣздка въ С.-Петербугъ въ концѣ Ноября 1795 года, въѣздъ въ столицу и пребываніе въ ней. Слѣдуетъ пропускъ, и за тѣмъ любопытныя подробности о жизни Суворова въ Тульчинѣ, въ 1796 г. Смерть Государыни; пріѣздъ къ Суворову изъ С.-Петербурга Генералъ Адъютанта Баратынскаго (отца Поэта) и отъѣздъ Суворова изъ арміи къ себѣ, въ деревню Кобрино.—Сличи За-

писки о томъ же времени Петра Никифоровича Ивашева, бывшаго Начальникомъ Штаба при Суворовѣ; онѣ напечатаны въ Генвар. книжкѣ Отечеств. Записокъ на 1841 годъ и не менѣе любопытны. 1845, V и VI, 1—16.

Нѣчто изъ воспоминаній о Суворовѣ и концѣ похода 1799 года. Н. Н. П. Тутъ приведено Французское письмо Суворова къ Шаретту; говорится объ аббарѣ Эджевортѣ и проч. 1844, IX, 150—153.

Отрывокъ изъ краткой записки о военныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ вспомогательныхъ войскъ въ Италіи и Швейцаріи подъ командою Князя Суворова.—Доставлено Н. Мезенцовымъ изъ бумагъ одного умершаго Генерала Суворовскихъ временъ. 1842, X, 472—479; см. также 1843, VIII, 447—458.

Два Анекдота о Суворовѣ. 1852, XVI, 116—117.

Разсказы о Суворовѣ. Три разсказа изъ Походныхъ записокъ одного стараго заслуженнаго воина, проживающаго въ Малорусскихъ степяхъ, доставленные родственникомъ его Г-мъ А. А—имъ. Пріѣздъ Суворова къ Русскимъ войскамъ въ Верону, весною 1799 года (Багратіонъ, Милорадовичь, Розенбергъ). Переходъ по горамъ въ Гларисъ. — Пребываніе Русскихъ войскъ въ Гларисѣ. Первые два разсказа написаны со словъ Князя Багратіона. 1841, XI, 78—91.

Рускіе на горахъ Альпійскихъ. Разсказъ стараго солдата. Военные сцены и разговоры; отрывки изъ Русскихъ пѣсень (Огонь Огневъ, Махотинъ, Стабеусъ). 1843, VII, 51—84.

Походъ въ Италію въ 1799 году. Разсказъ старика, Суворовскаго ратника. — Полкъ Ген.-Маіора Ребиндера. — Одежда Русскихъ воиновъ въ концѣ прошлаго вѣка. — Походъ въ Австрію. — Переходъ по Галиціи (подробности о тамошнихъ жителяхъ и объ угнетеніяхъ, кои вообще Славяне терпятъ отъ Нѣмцевъ).—Живое и любопытное описаніе входа въ Пестъ (Славянское радушіе).—Исторія.—Размышленія о Славянахъ. — Смотръ и маневры Суворова въ Піаченцѣ. — Замѣтка о мѣстномъ народонаселеніи. — Русскій плѣнникъ въ Падуѣ.— Битва съ Французами при Повіи.—Неудовольствіе на Розенберга.—Отношенія къ Австріи. —Разсказы Харламова о Французахъ—Разсказъ Багратіона о битвѣ при Требіи.—Выходъ изъ Италіи. — Переходъ черезъ Альпы.— Смерть Харламова.—Чортовъ мостъ.—Графъ Н. М.

НЕКРОЛОГИ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Сельскія свадьбы Архангельской Губерніи. Драгоцѣнныя статьи А. Жаварова (изъ Архангельска). Кромѣ описанія свадебныхъ обрядовъ, сохраняющихъ слѣды глубокой древности, здѣсь напечатано около 70 свадебныхъ пѣсенъ, въ коихъ встрѣчается много старинныхъ словъ и выраженій. Статьи эти безспорно лучшія въ своемъ родѣ. Къ нимъ присоедины положенные на ноты голоса пѣсней и свадебныхъ плачей. 1853, XIII, 7—64; XIV, 1853, 81—104.

Вологодскія пѣсни. Пять пѣсенъ, присланныя изъ Вологды П. Савваитовымъ, съ любопытнымъ примѣчаніемъ М. П. Погодина, въ коемъ онъ, въ тщетномъ ожиданіи выхода въ свѣтъ драгоцѣннаго собранія П. В. Кирѣевскаго, обѣщаетъ самъ начать изданіе Русскихъ пѣсенъ, настоятельно требуемыхъ всѣми Славянскими Литераторами.—За пѣснями слѣдуютъ краткія толкованія Вологодскихъ идіотизмовъ. 1841, V, 4—9.

Пѣсня про Француза; доставлена изъ Вологды П. Савваитовымъ. Сохраненъ мѣстный выговоръ. 1841, III, 271—272.

Причитанья невѣсты въ Вологодской Губерніи. Доставлены Г. Иваницкимъ, Учителемъ Русской Словесности въ Вологодской Гимназіи. Тутъ напечатано: 7 причитаній (одно въ 146 стиховъ; всѣ отзываются глубокой древностью), *Приговоръ дружки, когда онъ прійдетъ за невѣстою* (113 стиховъ; упоминается о куницѣ), *Дружка подчиваетъ молодыхъ у брачнаго ложа* (11 стиховъ). 1841, XII, 474—489.

Свадебные обряды и пѣсни крестьянъ Тульской Губерніи. (Изъ Новосил) П. Г. . . . . ва.—14 пѣсенъ. 1853, XIV, 105—114.

Свадебные обряды и обыкновенія у крестьянъ Ярославской Губерніи. (Изъ Ярославля), П. Перевлѣсскаго. Приведено до 10 пѣсенъ, 1842 VIII, 443— 454.

Свадебные обряды Орловской Губерніи, Д. Ханыкова.—Нѣсколько пѣсенъ. 1843, IX, 235—242.

Нравы Ростовскаго уѣзда, Ярославской Губерніи, именно села Борисоглѣбскихъ слободъ.—Послѣ описанія теперешней и старинной одежды, приведена старинная роспись приданаго и одна прекрасная, древняя пѣсня о Мастрюкѣ Темрюковичѣ. 1852, X, 73—76.

Двѣ народныя пѣсни. 1852, IV, 111—112.

Древняя Новогородская пѣсня (начинается:

У моего роднаго батюшки,
У моей родной матушки,
Было 9 сыновъ, я десятая).

1851, XXIV, 277—278.

Простонародная сказка о Бухтанѣ Бухтановичѣ. Доставлена изъ Шенкурска В. Борисовымъ. 1844, I, 122—124.

Народная сказка о Горѣ-Горянинѣ Данилѣ Дворянинѣ. Сообщ. изъ Шенкурска В. Борисовымъ. Въ этой, весьма древней сказкѣ упоминаются Владиміръ Князь, его Княгиня Оброска, Настасья Царевна и пр. Нѣсколько древнихъ словъ и оборотовъ. 1843, IV, 389—394.

Иванъ Царевичъ, Русскій народный богатырь Статья Барона Д. Шеппинга, въ коей разсмотрены всѣ сказки и пѣсни про Ивана Царевича. 1852, XXI, 15 — 38.

Горшеня, сказка, записанная въ 1838 г. П. М. Языковымъ, со словъ крестьянина Алексѣя Денисова, Симб. Губерн., села Головина. Въ этой, весьма замѣчательной сказкѣ, Горшеня (горшечникъ) разговариваетъ съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и своею хитростью беретъ верхъ надъ его бояриномъ. 1843, I, 130—131.

Илья Муромецъ-народная сказка. Доставлена В. Борисовымъ, который получилъ ее отъ И. А. Ядовина, записавшаго ее въ Шенкурскѣ со словъ одного крестьянина. Сохраненъ мѣстный выговоръ. Въ сказкѣ, или лучше, пѣснѣ этой около 350 стиховъ. 1843, XI, 7—16.

Народныя сказанія о кладахъ, и проч. Записаны въ Малоархангельскомъ уѣздѣ (Орл. губ.) Г-мъ Якушкинымъ. 1844, XII, 25—44.

Народныя преданія о рѣкахъ Донѣ и Шатѣ. 1852, XIX, 101—102.

7

чатаны съ Русскимъ переводомъ (кромѣ послѣдняго) по харатейному списку Троицкой Академической библіотеки, гдѣ они находятся въ Сборникѣ называемомъ *Златая Чњпь*. Первыя 17 словъ и Поученіе вѣроятно были говорены въ церкви. Послѣднее называется: *Слово нѣкоего отца къ сыну своему. Слово душеполезно.* М. П. Погодинъ относитъ ихъ къ дотатарскому періоду. 1851, VI, 119—138.

Изъ ученой переписки Редактора. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано письмо Г-на С. (Сахарова) изъ Спб. къ М. П. Погодину о разныхъ открытіяхъ по предмету древней Русской Словесности (Степенная книга.— Служба Князю Владиміру. —`Объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ и о Протопопѣ Нероновѣ). 1845, XII, 154 — 158.

Нњкоторые памятники Славянской письменности домонгольскаго періода. Ученая замѣтка Г-на А. Г. о томъ, что въ одномъ изъ житій Николая Чудотворца, главы 33, 34 и 40 писаны въ Россіи, и именно въ половинѣ XI вѣка — Представлены любопытныя выписки. 1845. XII. 140 — 142.

Объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской поэзіи. Изслѣдованіе Ѳ. И. Буслаева, написанное по поводу сборника Украинскихъ пѣсенъ изданнаго М. А. Максимовичемъ (Кіевъ 1849). Тутъ указаны слѣды эпическихъ формъ Малорусской поэзіи 1) въ Русской литературѣ XII вѣка, причемъ Слово о полку Игоревѣ получаетъ несомнѣнную достовѣрность и много объясненій. 2) въ литературѣ Русской и вообще Славянской отъ IX до XI вѣка. 1850. XVIII. 19 — 47.

Русскія достопамятности. Часть 3-я (Слово о полку Игоревѣ. Изданіе Дубенскаго). Критическая статья Ѳ. И. Буслаева, драгоцѣнная для изучающихъ Слово о полку Игоревѣ. 1845. I. 29 — 40.

Упоминаемый БОЯНЪ въ Словѣ о полку Игоревѣ есть старецъ Янъ, упоминаемый Несторомъ. Замѣтка А. Ѳ. Вельтмана, который слогъ *бо* въ словѣ *Боянъ* почитаетъ союзомъ, мѣста же противорѣчащія такому толкованію называетъ ошибкою писца. 1842. I. 213 — 215.

Описаніе памятниковъ Славянорусской Литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи. Рецензія этой книги написанная М. П. Погодинымъ. Тутъ же находимъ краткія извѣстія о рано умершемъ авторѣ ея, Сергѣѣ Строевѣ. 1841, VI, 490 —498.

Изъ Одессы. Замѣтка К. Зеленецкаго (Книга *О наслажденіи духовномъ*, напечатанная въ Венеціи, еще въ 1682 году, Русскими гражданскими буквами. — О памяти М. Богдановичу въ Курскѣ). 1841. VII. 243—245.

о его сношеніяхъ съ Сумароковымъ, Елагинымъ, Осокинымъ и проч.— Вообще лучшаго матеріала для біографіи Державина мы не имѣемъ, не исключая даже примѣчаній къ его сочиненіямъ, изданныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. 1842, I, 109 — 164.

Письма Державина. 19 писемъ къ И. И. Дмитріеву, относящихся ко времени отъ Апрѣля 1794 г. по Февраль 1809 г. Множество литературныхъ подробностей и указаній. Тутъ же одно письмо къ первой супругѣ о печатаніи сочиненій. М. А. Дмитріевъ сообщившій эти драгоцѣнныя письма, снабдилъ ихъ своими примѣчаніями. 1848, X. 1 — 10.

Письмо Державина къ Аполлону Яковлевичу Нестерову, отъ 6 Мая 1812 г., изъ Спб. Въ Маѣ 1812 г., въ залѣ Московскаго Благороднаго Собранія поставили статую Екатерины Великой. Нестеровъ написалъ на этотъ случай стихи и послалъ ихъ Державину. Въ отвѣтѣ на письмо Нестерова Державинъ говоритъ, что когда бы кто изъ Старшинъ Благороднаго Собранія обратился къ нему съ прозьбою написать гимнъ обожаемой Государынѣ, то онъ истощилъ бы на то послѣднія силы свои. — При письмѣ объясненіе Нестерова. 1841, III, 116 — 117.

Объясненіе Державина на записку Г-на Ржевскаго, поднесенную Екатеринѣ II. Къ сожалѣнію не обозначено, откуда пріобрѣла Редакція этотъ документъ, ярко изображающій нравъ Державина; равно какъ не сказано, къ какому времени онъ относится. Державинъ поссорился съ начальникомъ Совѣстнаго Суда Ржевскимъ за неправильное рѣшеніе тяжбы между Всеволожскимъ и Дмитріевымъ. Поэтъ вступался за послѣдняго. Ржевскій подалъ Государынѣ записку, въ коей обвинялъ Державина въ рѣзкихъ поступкахъ, въ Присутствіи Совѣстнаго Суда. (См. Объясненія на сочиненія Державина, изд. Ѳ. П. Львовымъ. Спб. 1834, стр. 8). 1844, I, 44—49.

Марьѣ Петровнѣ Супоневой. 9 стиховъ Державина, въ отвѣтъ на приглашеніе обѣдать, писанное на Французскомъ языкѣ. 1849, V, въ Смѣси, 4.

Басня Державина, написанная въ Калугѣ, въ 1802 году. 11 стиховъ. 1842, IV, 1—2.

Письмо Державина къ Преосвященному Евгенію, (изъ Званки, отъ 20 Іюня 1816 г.) и *Отвѣтъ Евгенія.* Державинъ переправлялъ свое разсужденіе о Лирической Поэзіи по замѣчаніямъ Евгенія. Въ отвѣтѣ Ев-

генія, не заставшемъ Державина въ живыхъ, много говорится о Русской просодіи. 1842, I, 169—175.

Библіографическая замѣтка о Державинѣ И. Кокорева. (О переводѣ Оды: Богъ на Японскій языкъ). 1846, XI и XII, 231—233.

Два письма И. И. Дмитріева, къ Н. В. Сушкову, одно отъ 26 Ноября 1820 г., другое отъ 8 Іюля 1823, оба изъ Москвы и оба не замѣчательны. 1844, XI, Смѣсь, 15—16.

Поэту говоритъ о смерти поэта. Подъ этимъ заглавіемъ Н. Иванчинъ-Писаревъ доставилъ въ Редакцію отрывки изъ писемъ Дмитріева, въ коихъ говорится о смерти Карамзина, Веневитинова, Мерзлякова и Измайлова. 1844, VII, 49—50.

Отрывокъ изъ Записокъ И. И. Дмитріева. О Херасковѣ и супругѣ его, урожд. Нероновой. О своей болѣзни. О Карамзинѣ и началѣ Исторіи Госуд. Россійскаго; о преобразованіи ею произведенномъ въ Русской Словесности и о пріемѣ ея у насъ и за границею. — О своихъ сочиненіяхъ. 1844, I, 251—261.

Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ. Въ этомъ отрывкѣ изъ Записокъ И. И. Дмитріева сообщены драгоцѣнныя свѣденія о молодости Карамзина, до отправленія его въ чужіе краи (1789, Май). Дмитріевъ обѣщаетъ разсказать все ему извѣстное о Новиковѣ, и въ примѣчаніи говорится, что дѣйствительно въ Запискахъ описано первое засѣданіе Типографической Компаніи. Въ другомъ примѣчаніи М. П. Погодинъ обѣщаетъ продолжить эти свѣденія о Карамзинѣ собственною запискою послѣдняго, написанною для Н. Н. Бантыша-Каменскаго и хранящеюся у И. М. Снегирева. Къ сожалѣнію, обѣщаніе это не было исполнено. 1841, I, 31—38.

Четверостишіе И. И. Дмитріева на кончину Веневитинова. 1842, IV, 2.

Послѣдніе стихи Ивана Ивановича Дмитріева. Четверостишіе въ Альбомъ Г-жи Иванчиной-Писаревой. 1841, II, 356.

Автобіографія отца моего Князя Ивана Михаиловича Долгорукаго. Часть 1-я, съ 1764 по 1774 годъ. Доставлена сыномъ его, Кн. Павломъ Ивановичемъ. Разсказаны, по большей части, семейныя обстоятельства. 1844, XI, 196—213.

Записки Князя Ивана Михаиловича Долгорукаго. 1775—1780. Любопытныя подробности объ ученіи въ Московскомъ Университетѣ. Окончаніе Записокъ доселѣ не издано. 1845, II, 21 — 43.

Черты и Анекдоты для біографіи Ломоносова, взятые съ его словъ Штелинымъ. Переводъ Ѳ. Б. Миллера съ собственноручной тетради Штелина, доставшейся М. П. Погодину. Эти черты и анекдоты послужили матеріаломъ Архимандриту Дамаскину для составленія біографіи Ломоносова. Въ 1784 г. Кн. Дашкова приказала напечатать ихъ при академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Но въ полномъ видѣ они доселѣ не были изданы, и нѣсколько дополняютъ наши скудныя свѣденія о великомъ человѣкѣ. (Напр. мозаическое изображеніе Полтавской битвы для Петропавлов. Собора). 1850. I, 1 — 14.

Анекдоты о Ломоносовѣ, сохранившіеся по преданію въ Архангельскѣ. (Посланіе о пользѣ стекла). Доставлены П. Кузмищевымъ. 1845, I, 17—18.

Труды Ломоносова для Русской Географіи. Краткое показаніе о происхожденіяхъ Академическаго Географическаго Департамента, посланное къ Его Сіят. Г. Акад. Н. Президенту (Разумовскому), *въ Москву, въ началѣ сего 1763 года.*—Изъ собственноручныхъ бумагъ Ломоносова, хранящихся у его наслѣдниковъ.—Перепечатано въ книгѣ Перевлѣсскаго. 1852 III, 110—116.

Разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа, въ письмѣ къ И. И. Шувалову, отъ 1 Ноября, 1761 г., т. е. въ день рожденія Шувалова. Подлинность этого драгоцѣннаго разсужденія засвидѣтельствована Россійской Академіей. Нѣкоторые параграфы его не могли быть вполнѣ напечатаны. Это только одно изъ 8 разсужденій, которыя Ломоносовъ назвалъ *Мыслями, простирающимися къ приращенію общей пользы.* Остальныя 7 разсужденій утрачены. Если судить по этому, то утрата наша огромна: — Ломоносовъ является тутъ во всемъ своемъ величіи, какъ ученый и какъ патріотъ.—Перепечатано въ книгѣ Перевлѣсскаго.— 1842. I, 126—143.

Для біографіи Ломоносова. Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ Указъ Ея Импер. Величества въ Академію Наукъ, данный въ Генварѣ 1744 года. Изъ него видно, что Ломоносовъ, за неучтивыя выраженія въ академическихъ собраніяхъ, содержался нѣсколько времени подъ карауломъ, лишился половины годоваго жалованья, принужденъ былъ просить у Профессоровъ академическихъ извиненія и дать подписку, что впредь онъ *не окажется въ таковыхъ продерзостяхъ.* 1852, VIII, 8,

Для біографіи Ломоносова. Перепечатанный изъ Полнаго Собранія Законовъ Указъ 14 Декабря 1752 г. о дозволеніи Профессору Ломоносову завесть фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, стеклярусу и проч., съ привиллегіею на 30 лѣтъ. 1853, XII, 5—10.

Для біографіи Ломоносова. Выписка изъ Книги Сенатскаго производства о прибавкѣ жалованья Ломоносову. 1853, XX, 17.

Отрывокъ изъ письма А. Ѳ. Мерзлякова. Мерзляковъ пишетъ (лѣтомъ 1830 г.) къ М. П. Погодину о томъ, что онъ гораздо раньше Гнѣдича и Дельвига сталъ писать гекзаметрами. 1842, I, 181—182.

Юрій Александровичь Нелединскій - Мелецкій. Краткая автобіографія составленная въ 1810 г.; родъ послужнаго списка, съ исчисленіемъ сочиненій и переводовъ. 1844, I, 262—264.

Поэтъ-Самоучка. Извѣстіе П. Кузмищева о мелочномъ торговцѣ въ Архангельскѣ, *Анисимѣ Фроловѣ Нечаевѣ*; съ приложеніемъ трехъ полународныхъ стихотвореній его. 1849, X. 29—31.

Письмо В. П. Петрова къ сыну. 1799 года. Совѣтъ, какъ слѣдуетъ учиться. 1842, XII, 403—404.

Два письма Петрова. Это двѣ записочки, кажется, къ разнымъ лицамъ. Въ первой отъ 18 Ноября 1775 г. Петровъ жалуется на болѣзнь свою. Во второй извѣщаетъ о посылкѣ оды Его Сіятельству Графу П. А. Р. (вѣроятно Румянцеву), которую онъ напечаталъ только въ 100 экземплярахъ. Писано къ какому-то Литератору.— 1841. I. 49 — 50.

Лирикъ Василій Петровичь Петровъ. Письмо И. Быстрова къ С. Д. Полторацкому о двухъ брошюрахъ, въ коихъ напечатана Ода Петрова на присоединеніе Польскихъ областей къ Россіи, въ 1793 г. и съ замѣчательнымъ посвятительнымъ письмомъ Государынѣ. 1849, IX. 7—10.

Автобіографія Василія Сергѣевича Подшивалова. (Доставлена И. М. Снегиревымъ). Собственно, это отчетъ о Литературныхъ трудахъ, составленный въ концѣ 1806 года. 1842, I, 178—180.

Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ, оставшееся въ бумагахъ брата его Льва Сергѣевича. Весьма краткія, большею частью еще прежде извѣстныя показанія. 1853, X, 50 — 58.

Письма Пушкина къ Погодину. 29 писемъ и отрывковъ изъ писемъ, относящихся ко времени отъ 29 Ноября 1826 г. по 14 Апрѣля 1836 г. Драгоцѣнный матеріалъ для Исторіи Русской Словесности. 1842, X, 456 — 469.

Отрывки изъ писемъ Пушкина къ П. В. Нащокину. 17 отрывковъ, относящіеся ко времени отъ 1831 по 1836 г. Драгоцѣнный матеріалъ для біографіи Поэта. 1851, XXIII, 462—468.

Письмо Пушкина о появленіи первыхъ повѣстей Гоголя. 1831. Къ Воейкову. 1852, XXIV, 25—26.

Въ Альбомъ А. Н. Зубову. Шесть стиховъ Пушкина, 1817 года. 1842, VI, 221.

Выдержки изъ дневника объ А. С. Пушкинѣ. Въ этихъ большихъ статьяхъ В П. Горчакова для біографіи Пушкина находятся весьма не многія и неположительныя свѣденія. Любопытны картины Кишиневскаго общества, среди коего Пушкинъ жилъ съ конца 1820 г. до начала 1823 г. 1850, II, 146—182; III, 233—264; VII, 166—198.

Для біографіи Пушкина. Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны стихи знаменитаго Египтолога, И. А. Гульянова, по поводу которыхъ Пушкинъ написалъ свой *отвѣтъ Анониму.* 1842, III, 150 — 152.

Для біографіи Пушкина. Замѣтка о родственникахъ и дѣтствѣ Поэта, написанная Александромъ Юрьевичемъ Пушкинымъ. 1852, XXIV, 21—25.

Сельцо Захарово. Замѣтка Н. В. Берга. Въ этомъ сельцѣ жилъ Пушкинъ въ лѣтніе мѣсяцы до поступленія въ Царскосельскій Лицей. 1851, IX, 29 — 32.

Уваженіе Пушкина къ стихамъ Батюшкова. Пушкинъ любилъ стихотвореніе свое: *Муза*, потому что оно «отзывается стихами Батюшкова» 1841, III, 147.

Анекдотъ о Пушкинѣ. Стихи, которые Пушкинъ написалъ для одного своего Лицейскаго товарища на заданную тему. 1853, IV, 107.

Письмо Профессора Сандунова къ Антонскому при посвященіи перевода драмы: Отецъ Семейства, 1794 г. 1853 XIX, 16.

Прощаніе Силы Николаевича Сандунова съ С.-Петербургскою публикою. Шуточные стихи, въ коихъ Сандуновъ разсказываетъ, отъ чего онъ оставляетъ сцену. 1842, I, 177.

Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ Епископомъ Тихономъ III, въ Острогожскѣ. —Сообщено Н. Б. Баталинымъ, изъ Воронежа.—1849, XXIV, 68.

Предверіе Григорія Савича Сковороды. Это введеніе къ сочиненію Сковороды, называющемуся *Начальная дверь.* Доставлено Г. Срезневскимъ, который указываетъ на старые Журналы, въ коихъ находятся біографическія извѣстія о семъ Малороссійскомъ теософѣ. 1842, I, 117 119.

Письмо и записка Александра Петровича Сумарокова къ Князю Григорію Александровичу Потемкину. Въ письмѣ, отъ 10 Іюля 1775 г, (наканунѣ отъѣзда двора изъ Москвы) Сумароковъ проситъ Потемкина, который именно въ то время вошелъ въ силу, сказать заимодавцу его, Г. Демидову, чтобы онъ ничего съ него не бралъ кромѣ данной суммы; и обѣщается вмѣсто процентовъ и рекамбій воздать Его Сіятельству сочиненіемъ желаемой имъ трагедіи безъ риѳмъ. Въ запискѣ (отъ 11 Нояб. 1775 г.), изложены по пунктамъ несчастныя обстоятельства Сумарокова. 1842, I, 144 — 148.

Жалоба Сумарокова. Письмо отъ 6 Окт. 1775., въ коемъ онъ жалуется на Князя (Урусова), начальника театра, что не дозволяетъ ему безденежно посѣщать спектакли. — Въ примѣчаніи отъ редакціи сказано, что письмо вѣроятно писано къ Московскому Главнокомандующему Графу Чернышеву; но это ошибка, ибо Чернышевъ былъ переведенъ въ Москву на Губернаторство въ 1782 году, а въ 1775 г. Губернаторомъ въ Москвѣ былъ Фельдмаршалъ Салтыковъ. 1841, I, 43.

Прошеніе А. П. Сумарокова, поданное имъ Императрицѣ Екатеринѣ (получено редакціей въ современной копіи отъ А. Ѳ. Малиновскаго). 38 пунктовъ, въ коихъ Сумароковъ жалуется на противузаконные съ нимъ поступки матери, незамужней сестры и зятя, по имѣнію, оставшемуся отъ отца. Года и числа нѣтъ. 1842, III, 121 — 128.

Письмо Сумарокова къ Миллеру, отъ 21 Марта 1771 г. (изъ бумагъ Моск. Архива Иностранныхъ Дѣлъ). Сумароковъ посылаетъ Миллеру свою трагедію: *Дмитрій Самозванецъ* и обѣщаетъ показать современный подлинный портретъ Лжедмитрія, а для себя проситъ *Книжку Маржеретову,* коей два экземпляра были у Кн. Щербатова (одинъ остался у Государыни, а другой подаренъ Миллеру). Тутъ же, въ послѣсловіи, упомянуто о другихъ письмахъ Сумарокова къ Миллеру. 1842, III, 120 — 121.

Въ Государственную Штатсъ-Контору отъ бригадира А. Сумарокова доношеніе. (Доставлено И. М. Снегиревымъ). Ломоносовъ изъ Академіи писалъ въ Штатсъ-Контору, чтобъ она удержала жалованье Сумарокова для уплаты за напечатаніе въ Академической типографіи его Трагедіи. Сумароковъ проситъ не дѣлать этого и бранитъ Ломоносова. Года и числа не обозначено. 1842, IV, 485 — 486.

Контрактъ А. П. Сумарокова съ содержателемъ театра Бельмонтіемъ, Марта 9, 1771 г. въ Москвѣ. Бельмонтій обязуется не представлять *Димитрія Самозванца* безъ вѣдома автора, а иначе отдавать Сумарокову всѣ сборы. 1843, I, 272.

Письмо В. Н. Татищева къ Графу Семену Андреевичу Салтыкову, отъ Декембрія 30, 1736; неизвѣстно откуда. Видно, что Татищевъ отыскивалъ Башкирскихъ лошадей для Бирона. Упоминается о Порошинѣ. Татищевъ проситъ за своего Секретаря Друковцова. — Доставлено И. Е. Забѣлинымъ. 1851, VI, 236 — 237.

Рапортъ Профессора Тредьяковскаго въ Императ. Академію Наукъ, отъ 10 Февр. 1740 г. Описаны побои и безчестье, нанесенные Тредьяковскому Волынскимъ на Слоновомъ дворѣ, во Дворцѣ и въ Коммиссіи. Третьяковскій, готовясь къ смерти, проситъ Академію взять отъ него казенныя книги. — Вскорѣ за тѣмъ, какъ извѣстно, Волынскій былъ казненъ. Третьяковскій получилъ по окончаніи судебнаго дѣла 720 рублей изъ имѣнія казненнаго Кабинетъ-Министра. 1845, II, 43—46

Просьба Тредьяковскаго въ Сенатъ, отъ 28 Февраля 1774 г. (доставлено П. И. Ивановымъ). Простымъ, легкимъ языкомъ Третьяковскій разсказываетъ вкратцѣ свою жизнь и свои ученые труды. Проситъ о прибавкѣ жалованья и жалуется на притѣсненія Академиковъ, долго не хотѣвшихъ сдѣлать его Профессоромъ Латинской и Россійской Словесности. Приложенъ аттестатъ, выданный ему Членами Синода, которые нашли его способнымъ къ занятію Профессорской должности. 1851, XI, 227 — 236.

Доношеніе В. Тредьяковскаго, поданное Президенту Академіи Наукъ Графу Разумовскому, отъ 8 Марта 1751 г. Подробно исчисливъ труды свои въ службѣ при Академіи съ 1730 по 1751 г. (былъ посыланъ въ Новгородъ и Москву для выбора студентовъ), Тредьяковскій проситъ о прибавкѣ жалованья, дабы могъ «пребѣдную свою фамиліишку питать не растворяя хлѣбъ плачемъ.» Подлинникъ хранится въ собраніи рукописей бывшей Россійской Академіи. 1842, I, 122 — 125.

Для біографіи Тредьяковскаго. Выписка изъ книги Сенатскаго производства о прибавкѣ жалованья Тредьяковскому. 1853, XX, 18.

О Өеоптіи В. К. Тредьяковскаго. Подъ симъ заглавіемъ помѣщены: 1) *Просьба* Тредьяковскаго въ Синодъ (въ Апрѣлѣ 1757 г.) о дозволеніи напечатать церковнымъ типомъ его сочиненія *Өеоптію* или Богозрѣніе и переложенную въ стихи Псалтирь. При этомъ онъ подробно излагаетъ, какъ должно печатать, какой держаться орөографіи, какія ставить ударенія и проч. (600 экземп.). Синодъ, во уваженіе его бѣдности, велѣлъ напечатать на казенный счетъ, и Тредьяковскій послалъ рукоп. въ Москов. Синодальную Типографію 2) *Письмо* (отъ 1 Мая 1757 г.), въ коемъ еще подробнѣе излагаетъ правила справщикамъ, какъ печатать, прося высылать ему въ Спб. листы для корректуры чрезъ ямскую почту. — Эти строгія правила не понравились одному изъ начальниковъ Типографіи, Аөанасію Пельскому, который и написалъ на Өеоптію подробную критику и послалъ ее въ Синодъ. Критика называется: 3) *Выписка о сумнительствахъ въ Өеоптіи находящихся*, 1758 Авг. 16. Критика въ такомъ родѣ: «Встарь вмѣсто въ старину — весьма подло.» 1851, XIX и XX, 536 — 552.

Изъ дѣла о Тредьяковскомъ. Два документа: 1) Отвѣтъ Академіи, отъ 14 Февр. 1745 г., на разные вопросы (вѣроятно заданные Сенатомъ) о опредѣленіи Тредьяковскаго въ Профессора Элоквенціи. 2) Экстрактъ дѣла о Тредьяковскомъ и опредѣленіе его Профессоромъ какъ Латинской, такъ и Россійской Элоквенціи. 1853, XV, 27 — 48.

Сказаніе, говоренное Василіемъ Тредьяковскимъ при Дурацкой свадьбѣ. Стихотвореніе. 1842, III, 117.

Письмо В. К. Тредьяковскаго, (изъ Спб. отъ 28 Янв. 1744) на Франц. языкѣ, кажется, къ *Штелину*, съ Латинскимъ заключеніемъ. Въ то время нельзя было напечатать книгу безъ апробаціи Сената. Этимъ замедлено печатаніе книги, которую Тредьяковскій перевелъ съ Латинскаго: *Apothègmes de Jean Eusebe Niremberg* (не находимъ въ Собраніи его Сочиненій). Этотъ переводъ былъ въ рукописи у Его Имп. Высочества (Петра Өеодоровича). Тредьяковскій проситъ увѣдомить Генералъ Прокурора, Князя Трубецкаго, о желаніи Его Высочества, чтобъ этотъ переводъ былъ напечатанъ, Французскій слогъ этого письма во все не напоминаетъ твореній автора на отечественномъ языкѣ. 1843, I, 270—271.

Къ Зоилу (*образецъ старинныхъ Критикъ*). Найдено И. Купріяновымъ въ рукописи прошлаго вѣка, подъ заглавіемъ: *Анөропоскопіе, переводовъ*

съ *Латинскаго Ив. Сѣчихина*. М. П. Погодинъ въ примѣчаніи утверждаетъ, что Сѣчихинъ есть псевдонимъ Тредьяковскаго, который подъ именемъ Зоила потѣшается надъ Ломоносовымъ. 1853, VII, 124—126.

Черты изъ жизни Михаила Матвѣевича Хераскова. Два разсказа о домашней жизни и странностяхъ Хераскова, записанные Ю. Н. Бартеневымъ со словъ жены двоюроднаго брата Хераскова, Княгини Варвары Александровны Трубецкой и ея невѣстки, Княгини Надежды Ивановны Трубецкой. 1850, IV, 72—77.

Къ біографіи Хераскова и вмѣстѣ матеріалъ для библіографіи. Указаны двѣ оды Хераскова, одна на воцареніе Петра III, другая на воцареніе Екатерины II; выписаны нѣкоторыя строфы для примѣра. 1850, X, 32—34.

Стихотворенія А. С. Хомякова: *Видѣніе* (1841, I, 51), *На перенесеніе Наполеонова праха* (1841, I, 341), *Суета суетъ* (1841, II, 347—348), *Еще о немъ* (1841, III, 6), *Rittersprüch Richterspruch* (1841, IV, 321—322), *Кіевъ* (1841, V, 34—36), *Вчерашняя ночь*, *Сумракъ вечерній* (1841, X, 329—331), *Давидъ* (1841, V, 1), *Кремлевская заутреня на Пасху* (1850, IX, 1).

Прозаическія статьи А. С. Хомякова: *О сельскихъ условіяхъ* (1842, VI,2 53—266); *Письмо въ Петербургъ о выставкѣ*, (промышленной, 1843, VII, 211 — 222); *Опера Глинки, Жизнь за Царя* (1844, V, 98 — 130); *Мнѣніе иностранцевъ о Россіи* (1845, IV, 21—48); *Англія, письмо къ другу* (1848, VII, I—38).

Письмо Профессора Чеботарева къ Профессору Страхову (Петру Ивановичу), отъ 2 Іюня 1802 г. о суммѣ, Высочайше жалуемой изъ Кабинета, по ходатайству М. Н. Муравьева, на печатаніе перевода, сдѣланнаго Страховымъ: *Путешествіе младшаго Анахарсиса*. 1842, XII, 404.

Записка Штелина, въ переводѣ съ подлинника, хранившагося въ собраніи Погодина. Это краткія, иногда весьма любопытныя и новыя замѣтки о Русскихъ императорахъ прошедшаго столѣтія. 1851, II, 205—212.

Письма В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова и И. И. Дмитріева къ Н. А. Маркевичу; содержанія не важнаго; при письмѣ Воейкова шуточные стихи Жуковскаго къ А. А. Воейковой. 1853 XII 11 — 18.

О введеніи метрическаго стопосложенія и началѣ нашего стихотворства. Статья М. А. Дмитріева. 1853, IV, 123 —159.

Нѣсколько замѣчаній о причинахъ особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ Россіи. 1852, XIV, 21 — 44.

Критическія статьи Профессора С. П. Шевырева. Въ 1841 году, разборы всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Словесности, въ то время появлявшихся. (См. Общее аналитическое оглавленіе Москвитянина за 1841 годъ). Въ 1842 году, разборы книгъ: *Mathilde, par Eugène Sue* (II, 602); *Сочиненія Преосв. Иннокентія: Первая, Страстная и Свѣтлая Седмицы* (IV, 489); *Мертвыя Души, Поэма Н. Гоголя* (VII, 207 и VIII, 346); *Денница, издав. П. Дубровскимъ* (IX, 166). Собственное сочиненіе: *Шекспиръ о Русскихъ* (V, 93). Въ 1843 году. *Критическій перечень произведеній Русской Словесности за 1842 и 1843 года.* (См. Общее аналитическое оглавленіе Москвитянина за 1843 г.). Въ 1844 году: *Введеніе въ Исторію Русской Словесности* (I, 240; II, 534; III, 118; IV, 305; VIII, 285). Въ 1846 году, разборы книгъ: *Слова и Рѣчи Митрополита Филарета* (I, 181); *Петербургскій Сборникъ, изд. Некрасовымъ* (II, 163 и III, 176); *Житіе Патріарха Никона, соч. Архимандр. Аполлоса* (III, 189). Въ 1848 году, разборы книгъ: *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя* (I, 11); *Очерки современной Русской Словесности* (I, 30 и IV, 83); *Словарь солецизмовъ* I, 55 и II, 218;) *Отвѣтъ Сыну Отечества* (I, 95); *Очеркъ Исторіи Руск. Слов. соч. А. Милюкова* (II, 200); *Двойная жизнь К. Павловой* (III, 1); *Фонъ-Визинъ, соч. Кн. Вяземскаго* (V, 39 и VII,1); *Жизнь Арх. Августина, соч. Снегирева* (XI. 94). Въ 1849 г.: разборъ *Одиссеи, пер. Жуковскаго* (I, 41, II, 50; и III, 91); *Параша, дочь сельскаго священника* (IV, 143). Въ 1851 г. *Теорія смѣшнаго съ примѣненіемъ къ Русской комедіи* (I, 106; и III 373).

III. СТАТЬИ ЮРИДИЧЕСКІЯ, СТАТИЧЕСКІЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ. Изслѣдованіе И. Д. Бѣляева. — Раздѣленіе всѣхъ земель на собственныя княжескія, государственныя или черныя, вотчинныя и помѣстныя. — Неприкосновенность черныхъ земель, въ коихъ Князь имѣетъ только право суда и дани. — Ограниченія правъ вотчинниковъ на ихъ земли, при переходѣ въ службу другаго Князя; дань, военная служба и проч. — Раздѣленіе вотчинъ на боярскія, владычни и монастырскія.— Раздѣленіе въ самомъ составѣ вотчинъ на угодья и деревни.—Уступка земель, дѣлаемая земщиною Князю. — Постепенное возрастаніе княжескихъ или дворцовыхъ земель, раздача ихъ въ помѣстья. — Значеніе помѣстья.—Раздѣленіе земель, по населенію, на городскія и уѣздныя. — Административное раздѣленіе земель на уѣзды, волости и станы, пятины, присуды, губы и погосты, и опредѣленіе каждаго изъ нихъ.—Раздѣленіе земель для раскладки податей и повинностей. 1848, I, 1—10; 1848, II, 37 — 48; 1848, V, 1 — 16; 1848, VII, 1 — 22; 1848, IX, 1 — 27.

Стрѣльцы. Обстоятельное изслѣдованіе В. И. Родиславскаго объ исторіи и устройствѣ сего войска, написанное по отечественнымъ источникамъ и свидѣтельствамъ иностранцевъ, съ примѣчаніями и ссылками. 1850, I, 15 — 40.

Разбойники въ Россіи прошедшихъ вѣковъ. Любопытная статья И. Белюстина (изъ Калязина). 1853, XVIII, 60 — 70.

О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича, соч. Ф. Деппа. Разборъ этой книги, написанный Н. В. Калачовымъ. 1850, II, 37 — 56; 1850, III, 69 — 84.

Указъ о городской ѣздѣ, 4 Генв, 191 (1683) года. Предписывается запирать Бѣлый городъ въ началѣ 4 часа ночи и отпирать за часъ

до свѣта; не ѣздить въ саняхъ на возжахъ, чтобы отъ того никакимъ людямъ увѣчья не было. Тутъ же наказъ Стольникамъ, Стряпчимъ, Дворянамъ Московскимъ и Жильцамъ, на дневаньи во дворцѣ, вести себя смирно. 1851, XVI, 427.

Внутреннія, таможенныя пошлины въ Россіи, соч. Профессора Осокина. (Казан. Универс.) Разборъ этой книги, и преимущественно историческои ея части, написанный И. Д. Бѣляевымъ. 1850, XXII, 54 — 67.

Что и какъ дѣлалось въ древней Россіи на пользу народнаго здравія. Изслѣдованіе В. Н. Лешкова. 1853, XXIII, 59 — 78.

Обязанные крестьяне временъ Царя Михаила Өеодоровича. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано 5 любопытныхъ документовъ. Въ первомъ, нѣкто Матвѣй Өедоровъ съ дѣтьми записывается въ крестьяне Троицкаго Сергіева монастыря, за извѣстную плату деньгами и натурой; во второмъ, такой же рядъ дѣлаетъ съ Троицкимъ монастыремъ Иванъ. Исаевъ Кусковъ, и также какъ Матвѣй Өедоровъ, поселяется въ Алатырскомъ селѣ Троицкаго монастыря; въ третьемъ, Китай Прокофьевъ Ситникъ тамъ же записывается въ бобыли; въ четвертомъ, крестьянинъ Иванъ Юрьевъ Плидинъ, въ 1696 г., приписываетася съ родомъ своимъ въ вѣчное крестьянство къ Іосифову Волоколамскому монастырю; въ пятомъ, тоже дѣлаетъ крестьянинъ Аничка Зиновьевъ Поневинъ. 1846, I, 154 — 158.

Старинная поручная запись по гулящемъ человѣкѣ (1692). Доставлена Т. И. Шишкинымъ. 1852, IV, 31—33.

Приказъ Стольника Колонтаева слугѣ его въ Москву, 1642 г. (Сообщ. Т. И. Шишкинымъ). Приказъ этотъ, состоящій изъ разныхъ частныхъ порученій, живо изображаетъ старинный бытъ. Человѣку поручается сходить съ дьяку и подъячему за разными дѣлами, къ Нѣмцу Грейнзію *напомнить ему да побить челомъ о винѣ заморскомъ.* 1852, I, 2.

Отвѣтъ слуги Стольника Колонтаева господину изъ Москвы (Сообщ. Т. И, Шишкинымъ). Къ сожалѣнію безъ конца. Слуга подробно отвѣчаетъ о томъ, какъ онъ исполнилъ порученія господина. Къ *Грейнзію Нѣмцу, Господине, ходилъ, скляницу Ранизвѣйскаго вина далъ, другую обѣщался вина скляницу дати.* 1852, VIII, 6—7.

Письмо крестьянина помѣщика Лачинова къ господину, отъ 4 Сент. 1661 года. (Сообщ. Т. И. Шишкинымъ, потомкомъ Лачиновыхъ). Крестьянинъ Степка Боровинъ, управлявшій вотчиною Лачинова Самборомъ, (близь Шацка), увѣдомляетъ господина своего, что крестьяне его всѣ

стали курить и нюхать табакъ, и боится, чтобъ за это не подпасть Божью да Государеву гнѣву. 1852, XIV, 1—2.

Благодарность Русскихъ мужичковъ. Разсказъ Я. де Санглена о томъ, что крестьяне Нижегородской губ., Семеновскаго уѣзда, села Боръ сохранили благодарность къ И. Б. Пестелю, который въ 1806 г. обратилъ ихъ изъ крѣпостныхъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ.—Приведено письмо крестьянъ къ Пестелю. 1847, I, 229—234.

Мѣна бѣглыхъ людей на бѣглыхъ. Старинная бумага. Какіе то Степанъ Алжеевъ и Давыдовы мѣняются между собою бѣглыми крестьянами, Бѣлевскаго уѣзду, Благовѣщенскаго стану, деревни Свиной. Года не обозначено. Почеркъ подлинника относится къ концу XVII вѣка. 1851, XXI, 120.

Отписка изъ Торжка въ Новгородъ къ Гостю Василью Никифоровичу, въ 1602 г. о трепцахъ и вязальникахъ пеньки. (Сообщ. И. Купріяновымъ). 1853, XV, 52—53.

Письмо къ Гостю Новгородскому Семену Гаврилову. (Вѣроятно отъ его прикащиковъ). Доставлено И. Купріяновымъ, присоединившимъ свои примѣчанія. 1853, XV, 50—51.

Челобитная Государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, Священниковъ Новгородской Борисоглѣбской чтò на торговой сторонѣ церкви о передачѣ имъ денежной и хлѣбной руги, жалуемой на упразднившуюся церковь Бориса и Глѣба, чтò въ дѣтинцѣ, (Сообщ. И. Купріяновымъ). 1853, XV, 53—54.

Челобитная Борисоглѣбскихъ поповъ воеводѣ Петру Матвѣевичу Апраксину, о скорѣйшемъ приписаніи вотчины, принадлежащей Борисоглѣбской церкви къ дворцовому вѣдомству и объ исходатайствованіи въ замѣнъ ея денежнаго и хлѣбнаго жалованія. (Сообщ. И. Купріяновымъ). 1853, XV, 49—50.

Роспись служивымъ выборнымъ людямъ во Псковѣ 1681 года. Всѣхъ ихъ было 242 человѣка. (Собщено, И Купріяновымъ). 1853, XV, 51—52.

Данная Ивана Григорьевича Нагова слугѣ его Богдану Сидорову 1598 г. на вотчину. Этотъ драгоцѣнный документъ доставленъ Г-мъ Горскимъ и снабженъ примѣчаніями М. И. Погодина. Нагой награждаетъ человѣка своего за вѣрную службу недвижимымъ имѣніемъ. 1844, V, 80 — 82.

Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга, П. Савваитова, путешествовавшаго вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, который обозрѣвалъ свою эпархію. — Въ этихъ замѣткахъ сообщается много географическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣденій о тамошнемъ краѣ. — Двѣ Зырянскія пѣсни, въ подлинникѣ, писанномъ Русскими буквами, и въ Русскомъ переводѣ. 1842, XI, 310 — 336.

Вологда. Изъ записокъ М. П. Погодина. Пѣсня о пребываніи Іоанна Грознаго въ Вологдѣ, которая при этомъ называется Насономъ городомъ. — Бесѣда у преосвященнаго. — Вечеръ у Д. Й. Самарина (Латкинъ). — Митрополитъ Евгеній. — Воевода Гороховъ, смѣняемый горожанами, около 1770 г. — Спасоприлуцкій монастырь; его книги и рукописи. — Гимназія. — Поиски рукописей. — Челобитье попа епископу; 2 замѣчательные заговора, пѣсня о какомъ-то князѣ Михаилѣ (свекровь губитъ невѣстку). — Батюшковъ. — Записки эти, отъ начала до конца исполнены занимательности и живаго интереса. 1842, VIII, 249 — 283.

Половники въ Вологодской Губерніи. Статья Вл. Попова (половниками называются особаго рода обязанные крестьяне). 1853, XII, 86—94.

Изъ Вологды. Извѣстія П. Савваитова. Спасъ Обыденный.—Лѣтописный разсказъ объ основаніи этой церкви. — Дѣтскій пріютъ — Отъѣздъ преосвящ. Иннокентія. 1842, IV, 547 — 554.

Письмо изъ Воронежа, Н. Баталина. Изложена вкратцѣ, но съ большимъ знаніемъ дѣла, исторія Воронежа; приведены любопытныя статистическія и другія извѣстія о Воронежѣ. 1841, III, 628 — 635. См. его же 1844, X, 435: О цейгхаузѣ Петра Великаго въ Воронежѣ, и 1841, VII, 252 — 256: О двухъ любопытныхъ рукописяхъ Алексѣя Николаевича Черткова и проч.

Литературная дѣятельность въ Воронежѣ. Замѣтка Г-на Хаванскаго. 1852, XV, 97 — 102.

Село Ворсино, помѣстье Колычевыхъ (Подольск. уѣзда, Москов. губ.). 1853, II, 58 — 59.

Нравы и обычаи Вотяковъ. 1851, XXI, 15 —19.

Гецыки (Бѣлорусцы). Разсказъ Петра Кушина. — Разговоръ на Бѣлорусскомъ нарѣчіи. — Отрывки Бѣлорусскихъ пѣсенъ. 1843, VIII, 383 — 412.

Къ этимъ любопытнымъ замѣткамъ своимъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ присоединилъ 10 драгоцѣнныхъ примѣчаній или приложеній. 1845, III, 1—40.

Изъ Костромы. 1842, IV, 555—557 (мѣстныя древнія слова и выраженія); 1841, XII, 567 — 471 (названіе селеній; языкъ; нѣсколько драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ о старинѣ); 1851, VIII, 334 — 341 (Памятникъ Сусанину).

Письма къ М. П. Погодину Кн. Кострова изъ Красноярска. 1851, VIII, 312—313; 1851, XIII, 33—39 (О заштатскомъ городѣ Енис. Губ., Туруханскѣ); 1851, XV, 230—231; 1851, XI, 234.

Поѣздка въ Кунгуръ. Отрывокъ изъ дорожныхъ записокъ П. Мельникова. Подробно описаны событія, совершавшіяся подъ Кунгуромъ то время Пугачевщины и почти во-все опущенные въ сочиненіи Пушкина. 1841, V, 261—275.

Разсказы Кяхтинскаго старожила. Статьи Г-на В. П., въ коихъ говорится о сношеніяхъ Русскихъ съ Китайцами. 1849, XVI, 43—49; 1849, XVII, 5—15.

Изъ Кяхты. (Китайцы на экзаменѣ Русскаго училища). 1851, V, 31—32.

О Малоярославскомъ памятникѣ. Замѣтка Н. Д. Иванчина-Писарева. 1845, X, 177—180.

Мангишлакъ (одинъ изъ Восточныхъ полуостровень, омываемыхъ Каспійскимъ моремъ; черезъ него происходятъ сношенія Русскихъ съ Бухарскимъ и Хивинскимъ Ханствами). Въ краткой замѣткѣ этой сообщаются подробности о тамошней торговлѣ. 1843, VII, 176 — 178.

Панорама или взглядъ на Москву съ Кремлевской горы. Н. Горчакова. (Любопытныя воспоминанія, напр. о Епископѣ Дамаскинѣ, о Державинѣ, о пожертвованіяхъ Петра въ Церковь Іоанна Воина, что за Москвою рѣкою и проч.). 1844, IX, 165—183.

Изустное преданіе о церкви Св. Троицы, что на Капелькахъ, въ Москвѣ, въ третьей Мѣщанской, записанное А. Крюковымъ. 1853, III, 92—93.

О Московской церкви Воскресенія въ Барашахъ. Письмо И. М. Снегирева къ А. И. Лобкову (Бараши-шатерники. Покровительство Имп. Елизаветы). 1844, X, 422—425.

Замѣчаніе объ ошибкахъ въ описаніи Москвы (О Воскресеніи Словущемъ). П. Хавскаго. 1844, IV, 395—396.

Двое похоронъ въ Москвѣ, въ прошедшемъ столѣтіи. (Любопытное преданіе). 1844, II, 404—410.

Обѣдъ Графа А. А. Закревскаго, 11 Окт. 1852 года, со спискомъ приглашенныхъ особъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года. (Исчислено поименно 295 лицъ. Кромѣ того обѣдало 727 нижнихъ чиновъ). 1852, XXIII, 137—147.

Заложеніе новаго храма при Единовѣрческой церкви въ Москвѣ. (Краткое извѣстіе объ Единовѣрческой церкви и отрывки изъ проповѣди Митрополита Филарета). 1841, I, 297—300.

Екатерининскій Дворецъ и Кадетскій Корпусъ. Любопытный отрывокъ изъ Записокъ, составленныхъ (неизвѣстно кѣмъ) для воспитанниковъ 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, подъ названіемъ: *Москва и ея окрестности.* 1841, V, 253—260.

Нерехотское дѣвичье училище. 1849, XIX, 43—45.

Технологическое училище въ Нерехтѣ. 1849, V, 49.

Очерки минеральныхъ водъ Нерчинскаго округа и нѣсколько словъ вообще о томъ краѣ. Статья Александра Мордвинова, присланная изъ Нерчинска и посвященная Петру Константиновичу Бейтону (въ Иркутскѣ). Тутъ сообщается много любопытнѣйшихъ извѣстій о Нерчинскомъ краѣ, опровергающихъ обыкновенное мнѣніе объ его суровости. Описаны съ знаніемъ дѣла и талантомъ мѣстные промыслы, управленіе, памятники древняго зодчества и проч. 1841, X, 471—497.

Письма къ М. П. Погодину изъ Нерчинска. М. Зензинова, содержащія въ себѣ извѣстія о древностяхъ и старинномъ бытѣ въ тѣхъ мѣстахъ 1842, VI, 385—386; 1843, VI, 552—558; 1844, VII, 180—181 (о ламахъ); 1844, XI, 234—243.

Письмо изъ Нерчинска къ М. П. Погодину, уѣзднаго учителя А. Мордвинова съ указаніемъ статей его и другихъ о тамошнемъ краѣ. 1841, III, 275—277.

Нижній. Дорожныя записки М. П. Погодина, писанныя въ Августѣ 1840 г. Тутъ предоставлена картина ярмарки и сообщено много свѣдѣній о старинѣ и народномъ бытѣ. 1841, IX, 282 -314.

СТАТЬИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО СЛАВЯНЪ.

Объ общеславянскомъ Литературномъ языкѣ. Переводъ одной статьи изъ Аграмской газеты, съ послѣсловіемъ М. П. Погодина. Изложена мысль о томъ, что Русскій языкъ можетъ служить Литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянъ. 1851, XVIII, 181—185.

Славяне и Нѣмцы. Статья, переведенная изъ Allgemeine Zeitung и отличающаяся безпристрастіемъ. Довольно подробное обозрѣніе странъ, въ которыхъ эти два народа живутъ вмѣстѣ. Обѣщаннаго окончанія не было. 1841, VII, 139—157.

О Славянскихъ племенахъ въ Австрійской Имперіи. Переводъ съ Нѣмецкаго, *Пельта,* съ придисловіемъ М П. Погодина. 1841, II, 460—475.

О Славянскомъ элементѣ въ Греціи. Двѣ статьи, извлеченныя Г-мъ Н. С. П—вымъ (Палаузовымъ) изъ сочиненія Фальмерайера: *Fragmente aus dem Orient.* 1850, XX, 129—138 и 1850, XXII, 13—54.

Нѣсколько словъ о Славянскихъ новостяхъ, И. И. Срезневскаго. 1842, VI, 395—396.

Славянскія новости. Письмо изъ Варшавы П. Дубровскаго къ М. П. Погодину. Много подробностей литературныхъ. 1845, IX, 60—89.

Славянскія новости. Статьи П. П. Дубровскаго. 1846, I, 262—268; 1846, IV, 177—190; 1846, IX и X, 170—189.

Письмо изъ Вѣны о Славянскихъ новостяхъ, Ригельмана. Литературныя подробности. 1845, II, 37—46.

Письмо П. П. Дубровскаго къ Редактору. Перечень книгъ, появившихся на Польскомъ языкѣ и открытій, сдѣланныхъ въ древностяхъ. 1846, II, 226—232.

V. СМѢСЬ.

Портретъ А. Д. Виніуса Любопытная замѣтка Н. Д. Иванчина-Писарева. 1844, IV, 389 — 391.

Двѣ значительныя миніатюры (портреты Людовика XIV и Петра 1-го) Замѣтка того же автора. Тутъ сообщаются свѣденія объ И. И. Шуваловѣ, полученныя отъ его племянника, князя Ѳ. Н. Голицына. 1844, IV, 391 — 394.

Описаніе картинной галлереи Тайнаго Совѣтника Ѳ. И. Прянишникова, составленное И. Аничковымъ. 1853, IV 97 — 114.

Изъ Троицкой Лавры. Старинная задача. Замѣтка С. Смирнова. Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи есть канонъ Московскимъ Чудотворцамъ, коего слагатель скрылъ свое имя въ шарадѣ изъ числъ.— По разборѣ этой шарады оказывается, что слагателемъ канона былъ князь Семенъ Шаховской Ярославской (свѣденія объ его жизни, службѣ и трудахъ). 1851, VI, 121—122; 1851, VIII, 341 — 344.

Историческая икона (Недалеко отъ Полтавы, въ селѣ Жукахъ, есть икона, отнятая въ 1709 г. у Шведовъ, которыя обратили ее въ шахматную доску. — Приведена современная надпись въ силлабическихъ стихахъ). 1849, XVIII, 30.

Память Григорія V, Патріарха Константинопольскаго. Статья А. С. Стурдзы. 1842, VI, 380 — 384.

Историческія случайности. Любопытные разсказы, записанные Н Д. Иванчинымъ—Писаревымъ, со словъ А. Д. Балашова. 1844, I, I—12.

Письмо профессора Д. М. Перевощикова къ Редактору. Тутъ представленъ *Историческій очеркъ С. Петербургской Академіи наукъ и астрономическихъ трудовъ для Географіи Россіи*, переводъ изъ книги Ака-

АЛФАВИТЪ.

А.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Т.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Читай:*
Стран. 4 стр. 5, снизу при 1862 года	при 862 годѣ
— 5 — 13 — Потомъ біографическія свѣдения	Потомъ изложены біографическія свѣденія
— 7 — 19 — о мощахъ	о пренесеніи мощей
— 8 — 6 свер. О Стѣнькѣ	О Стенькѣ
— — — 8 — прощеніе но	прощеніе; но
— 9 — 2 снизу Архивѣ Мин	Архивѣ Мин.
— 10 — 5 — помѣтилъ	помѣстилъ
— 12 — 20 свер. проэктъ завоеваніе	проэктъ завоеванія
— 16 — 5 — Изъ писина	изъ письма
— — — 5 снизу Тутъ живо и	тутъ живо
— 21 — 6 свер. Гворгія	Георгія
— — — 19 — 1789 г. 28 пунктовъ	1789 г.: 28 пунктовъ
— — — 20 — Платоновыхъ	Платоновыхъ,
— 24 — 8 — древность	древности.
— — — 1 снизу Это Царское	это Царское мѣсто,
— 27 — 7 свер. памятники.	памятники,
— 29 — 15 снизу подининика	подлинника.
— — — 14 — Иператрицы	Императрицы
— 34 — 1 свер. Стародубѣ но	Стародубѣ, но
— 35 — 15 снизу умеръ	умеръ)
— 36 — 14 сверх. Алексѣй Кириловичь и ниже въ строкѣ 18-й	Алексѣй Григорьевичь
— 41 — 7 — аббарѣ	аббатѣ
— 42 — 10 снизу и пр.	и пр.)
— 60 — 1 снизу dпежде	прежде
— 61 — 17 — отвѣтъ Анониму	Отвѣтъ анониму
— 62 — 15 — Фельдмаршалъ Салтыковъ	Кн. М. Н. Волконскій,
— 64 — 13 — изъ Спб.	изъ Спб.
— 64 — 1 — Анорпоскопіе, переводовъ	Анеропоскопія, переводъ
— 68 — 20 — приписываета	приписываетъ
— 79 — 10 свер. Доміапа	Даміана.
— 84 — 6 снизу Леофонъ	Леофонъ

ПРОТОКОЛЪ

ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА.

1851 года мая 5 дня,

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства А. Д. Черткова и въ присудствіи Г-дъ Дѣйствительныхъ Членовъ Ѳ. Н. Глинки, П. М. Строева, А. С. Хомякова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, П. И. Иванова, Д. Н. Дубенскаго, Г. И. Спаскаго, Кн. М. А. Оболенскаго, С. М. Соловьева, П. В. Хавскаго, С. П. Шипова, А. С. Клеванова, Д. О. Шепинга, И. Е. Забѣлина и Секретаря И. Д. Бѣляева имѣло свое обыкновенное засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее.

ЧИТАНЫ БЫЛИ ОТНОШЕНІЯ:

Министра Народнаго Просвѣщенія Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, коимъ благодаритъ за избраніе его въ Почетные Члены Общества. Опредѣлено: отношеніе принять къ свѣдѣнію.

2. Московской Синодальной типографской Конторы, коимъ проситъ о возвращеніи рукописи содержащей въ себѣ житіе Бориса и Глѣба. Опредѣлено: отнестись по сему предмету къ Д. Ч. О. М. Бодянскому, ибо рукопись находится у него, и по возвращеніи ее препроводить въ Синодальную типографскую контору.

3. Конторы Типографіи Московскаго Университета, коимъ проситъ о доставленіи 3 руб. 18 коп. серебр. за напечатаніе дипломовъ. Опредѣлено: требуемыя деньги 3 руб. 18 коп. сер. препроводить въ контору типографіи.

4. Той же конторы, коимъ увѣдомляетъ о полученіи 6 руб. 8 к. сер. Опредѣлено: Отношеніе принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ Почетнаго Члена Общества Графа Д. Н. Блудова, при коемъ препровождаетъ экземпляръ втораго тома дворцовыхъ разрядовъ. Опредѣ-

лено: книгу здать въ библіотеку общества.

6. Отъ Действительнаго Члена А. Н. Попова, коимъ благодаритъ за избраніе его въ Члены, и вмѣстѣ доводитъ до свѣдѣнія Общества, что онъ представилъ лично дипломы Г. Министру Народнаго Просвѣщенія Кн. П. А. Ширинскому-Шихматову и его товарищу А. С. Норову. Опредѣлено: отношеніе принять къ свѣдѣнію.

7. Отъ Действительнаго Члена Общества Іеромонаха Макарія, при коемъ представляетъ для библіотеки общества книгу житіе преподобнаго Макарія Желтоводска. Опредѣлено: книгу здать въ библіотеку общества.

7. Отъ непремѣннаго Члена Виленскаго Статистическаго Комитета Адама Карловича Киркоръ, при коемъ препровождаетъ экземпляръ памятной книжки Виленской губерніи Опредѣлено: книгу здать въ библіотеку Общества.

9. Отъ дворянина Е. П. Фонъ-Клостермана, коимъ предлагаетъ, неугодно ли Обществу пріобрѣсть отъ него покупкою разрядную книгу роду князей Кропоткиныхъ. Опредѣлено: отнестись къ Г. Фонъ-Клостерману, дабы объявилъ цѣну, какую онъ назначаетъ за предлагаемую рукопись.

10. Действительный Членъ М. П. Погодинъ представилъ отъ Г. Аверкіева его изслѣдованіе о каталогахъ библіотеки Московской Синодальной Типографіи. Опредѣлено: Изслѣдованіе напечатать во Временникѣ Общества.

11. Общество занималось окончательнымъ разсмотрѣніемъ новаго проэкта своего устава, который по разсмотрѣніи и одобреніи подписанъ всѣми наличными Членами. Опредѣлено: проэктъ устава препроводить къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія для представленія къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ на утвержденіе.

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ 20-й книжкѣ «Временника» въ статью Г. Бѣляева «о Скоморохахъ» вкрались опечатки. По этому авторъ просилъ насъ сообщить особенно важныя исправленія читателямъ «Временника.»

Стр. 70, стрк. 3, напечатано: «Скоморохъ;» въ этомъ мѣстѣ д. ч.: «скомрахъ.» Тамже строк. 13. напеч.: «Geslárze;» дол. чит.: «Gęslarze.» Тамъ же стрк. 14 напеч.: «указываетъ на язычески-священное значеніе: guslara, guslari, gusla въ Польск. имѣютъ колдовства, въ Тотеск. значеніе алтаря.» Долж. чит.: «указываетъ на язычески-священное значеніе guslara, guślarki; gusła въ Польск. имѣетъ значеніе колдовства, въ Готеск.» и пр. Тамъ же примѣч. 1. стр. 4. нап.: «kobsa;» дол. ч.: «kobza.»

Стр. 72 примѣч. 3, напеч.: «Домбровскаго;» дол. чит.: «Добровскаго.»

Стр. 74, напеч.: «Dudarenku, gospodarenku»; дол. чит.: «Dudarenku, hospodarenku.» Тамъ же напеч.: «nia boi sia;» дол. чит.: «nja boi śia». Тамъ же напеч.: «Dul! Dul!;» дол. чит.: «Dyl! Dyl!» Тамъ же примѣч. 2-е дол. чит. съ прибавленіемъ предлога W: «W starej piésni» и проч.

Стр. 75 примѣч. 2-е дол. чит. такъ: »кобза: Польск., коза; сурна: Польск. и Чешск. surma, surenka однор. съ серна, что указ. на живот. жертв.; гусли: польск. Gusła (Чешск. Hausle) и Чешск. kauzlo = колдовство; Готе. = алтарь.

Стр. 81, примѣч. 1-е дол. чит. такъ: « *Домра* отъ дѫ — ти, гдѣ носовый звукъ ѫ разлагается на букву *м* съ полугласною (дъм — ѫ)» и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II. МАТЕРІАЛЫ.

III. СМѢСЬ.

IV.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ЗАСѢДАНІЙ:

№№	годъ 2-й.	Цѣна. Р.	К.	№№	годъ 3-й.	Цѣна. Р.	К.
1-й — 1	Іюня 1846 г........	1	10	1-й—31	Мая 1847 г........	1	—
2-й—28	Сент. —	1	10	2-й—27	Сент. — съ 5 *рис.*	1	—
3-й—26	Октяб. — *съ 2 рис.*	1	—	3-й—25	Окт. — — 5 —	1	—
4-й 30	Нояб. — *съ 19* —	1	50	4-й—29	Ноябр.— — 2 —	1	30
5-й—28	Дек. —	1	—	5-й—27	Декаб. — — 1 —	1	—
6-й—25	Янв. 1847 г........	1	—	6-й - 31	Янв. 1848, — 2 —	1	—
7-й—28	Февр. —	1	—	7-й—28	Февр. — — 2 —	1	—
8-й—29	Марта —	1	—	8-й—27	Марта — — 1 —	1	—
9-й—26	Апр. — *съ 30 рис.*	2	—	9-й—24	Апр. — — 1 —	2	—

годъ 4-й. № 1-й, засѣданія 28 Іюня 1848 г., ц. 1 р. 10 к.

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО** за 3 ф. (кромѣ 9-й, обоихъ годовъ, за котор. по 4 фун.), **А ВМѢСТѢ**, т. е. *двухъ* и болѣе, *по 2 ф. на кажд.*

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ. М. ВЪ УНИВ. ТИП. 1849—1854 г.

Книга 1-я, съ 3-мя *литогр. снимк.*	1	р.	50	к.
— 2-я — —	1	—	—	—
— 3-я съ *литогр. рисунк.*	1	—	50	—
— 4-я	1	—	—	—
— 5-я	1	—	10	—
— 6-я	1	—	10	—
— 7-я съ *литогр. рисунк.*	1	—	—	—
— 8-я	1	—	50	—
— 9-я съ *литогр. рис.*	1	—	50	—
— 10-я съ 8 *литогр. рисунк.*	1	—	50	—
— 11-я	2	—	—	—
— 12-я	1	—	—	—
— 13-я съ 2 *литогр. рисунк.*	2	—	—	—
— 14-я съ *литограф. снимкомъ*	1	—	50	—
— 15-я	1	—	—	—
— 16-я съ 2 *литографированн. рисунк.*	1	—	20	—
— 17-я	1	—	20	—
— 18-я	1	—	—	—
— 19-я съ 2 *литографированн. рисунк.*	2	—	50	—
— 20-я	1	—	50	—
— 21-я	2	—	50	—

За пересылку каждой книжки **ОТДѢЛЬНО**—за 3 фунта (а за 11, 13, 19 и 21-ю по 4ф.), **А ВМѢСТѢ**, *т. е. двухъ* и болѣе, *по 2 ф. на каждую.*

Подробный Аналитическій **РЕЭСТРЪ** *изданіямъ Общества* — **БЕЗДЕНЕЖНО.**

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: ВЪ МОСКВѢ: 1) у Г. *Актуаріуса* Общества, *Ив. Алексѣев. Дмитріева*, на Срѣтенкѣ, въ Последнемъ (или Масномъ) переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой; 2) у Коммиссіонера Университета, *П. О. Хрусталева*, на Страстномъ бульварѣ, въ Университетской книжной лавкѣ; 3) въ Конторѣ «Москвитянина», на Большой Дмитровкѣ; 4) у *Ив. Вас. Базунова*, тамъ же, въ домѣ Загряжскаго, и 5) у *Ѳ. О. Свѣшникова*, на Никольской улицѣ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ Конторѣ Агентства и Коммиссіонерства купца *И. П. Любавина* на Невскомъ Проспектѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Его Превосходительство Александръ Дмитріевичь Чертковъ,

На Мясницкой, въ собственномъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ,

Иванъ Дмитріевичь Бѣляевъ,

Близъ Смоленскаго рынка, въ Проточномъ переулкѣ, въ домѣ Бѣляевой.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Вуколъ Михайловичь Ундольскій,

За Москвой рѣкой, на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Давыдова.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичь Басалаевъ,

На Моховой, въ зданіи Императорскаго Московскаго Университета.

АКТУАРІУСЪ,

Иванъ Алексѣевичь Дмитріевъ,

На Срѣтенкѣ, въ Послѣднемъ переулкѣ, въ домѣ Дмитріевой.